МАРИНА
И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

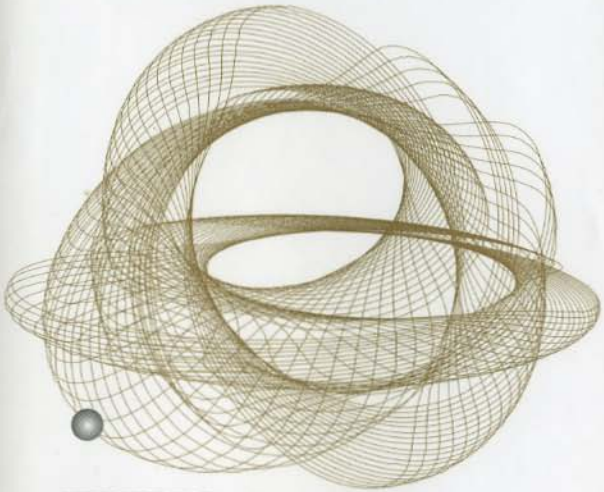

Фэнтези –
альтернатива

ПЕТЛЯ
ДОРОГ

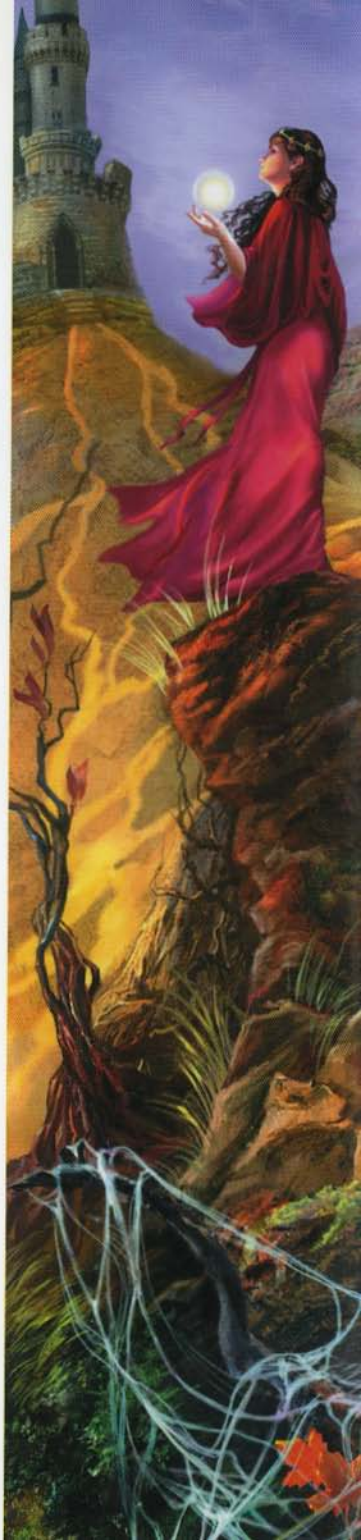
Эксмо

МАРИНА
И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

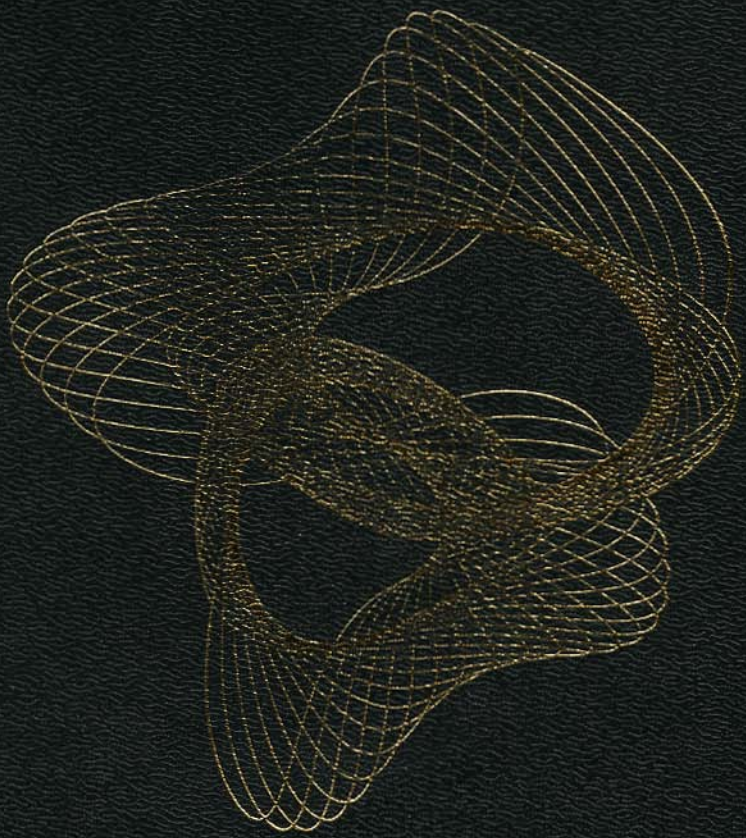
ШЕДЕВРЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ

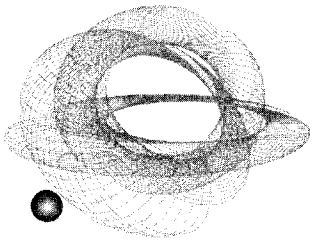
ПЕТЛЯ
ДОРОГ

МАРИНА
И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

ПЕТЛЯ ДОРОГ

ШЕДЕВРЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ

МАРИНА
И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

ПЕТЛЯ ДОРОГ

КАЗНЬ

СКРУТ

БАСТАРД

Москва, ЭКСМО
2006

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Д 99

Оформление серии *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

В оформлении обложки использована работа художника *Е. Гондик*

Дяченко-Ширшова М. Ю., Дяченко С. С.
Д 99 Петля дорог: Фантастические произведения / Марина Дяченко, Сергей Дяченко. — М.: Эксмо, 2006. — 768 с. — (Шедевры отечественной фантастики).

ISBN 5-699-18171-7

Сочинительница историй Ирена Хмель странствует по тропе миров, созданных гениальным безумцем — ее бывшим мужем. Чтобы вернуться, женщине надо найти самого создателя, и лишь от нее зависит судьба людей, каких она встретит на своем пути. Можно, наверное, сделать еще шаг. Вот только каким окажется следующий мир? Выбор, вечный выбор между поступком и бездействием, любовью и ненавистью...

В довольно-таки мрачном фэнтезийном мире зарождается довольно-таки светлая и романтическая любовь... И, возможно, они жили бы долго и счастливо и умерли в один день, если бы в ветвях зловещего леса не жил, ожидая своего часа, могущественный и безжалостный, с довольно-таки странными представлениями о справедливости — Скрут...

Итак, вперед, дорогой читатель! Дорога зовет тебя!

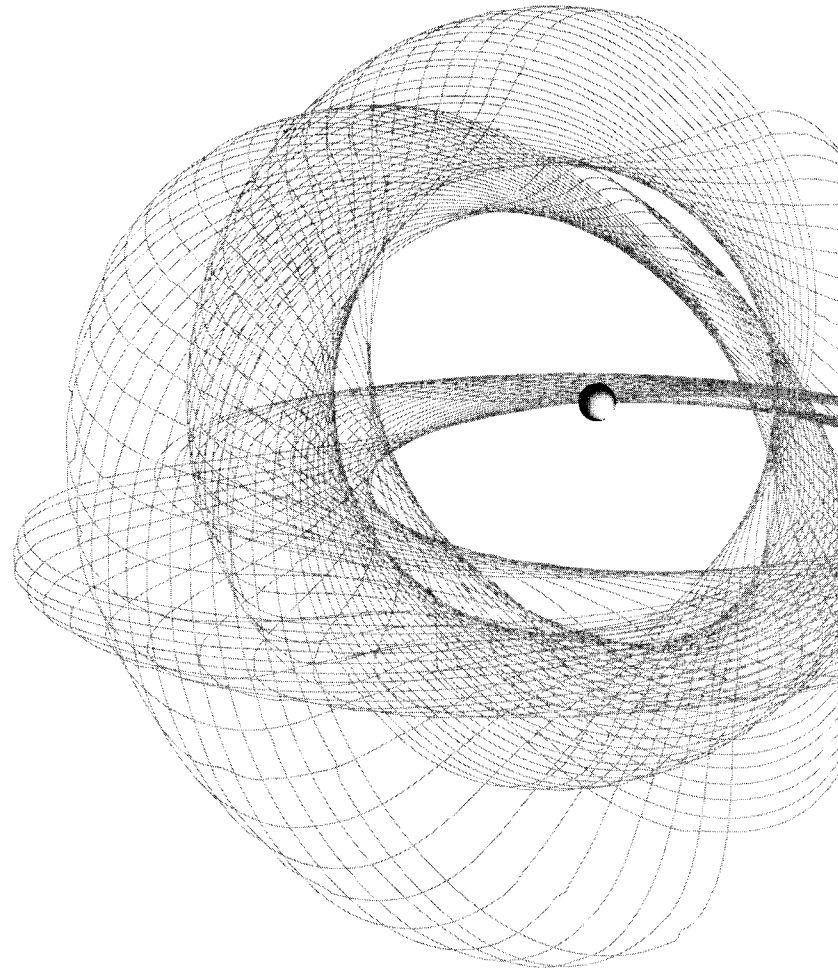
УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-18171-7

© Дяченко М., Дяченко С., 2006
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2006

КАЗНЬ

РОМАН

ГЛАВА 1

На повороте, где дорога выписывала петлю над самым обрывом, Ирена остановилась. Вышла из машины, чтобы посмотреть на туман.

Провал начинался сразу же за полосатыми столбиками дорожной разметки. На дне провала сидело самое настоящее облако — даже на вид плотное, струйчатое, медленно перетекающее само в себя. Серые ложноножки, поднимаясь над краем провала, таяли в лучах восходящего солнца — сквозь расплывающиеся лохмотья проступали горы, дальний лес, красная крыша маленькой кофейни, до которой еще десять минут езды...

Из-за поворота осторожно — а в этих горах все ездят осторожно — выглянула мелкая синяя легковушка. При виде созерцающей Ирены притормозила, остановилась; из-за руля выбрался лысеющий мужчина — Ирена его где-то уже видела. Впрочем, в этих местах все когда-нибудь встречаются, людей-то не так уж много...

— Что-то случилось с машиной? Вам помочь?

Над опадающими клочьями тумана летела, мерно взмахивая крыльями, белая птица. Лес проступал яснее — он тянулся с горы на гору, будто небрежно наброшенная шаль.

— Э-э-э... Извините за беспокойство...

Она очнулась:

— Нет-нет... спасибо. С машиной все в порядке.

Мужчина нерешительно топтался на месте. Вероятно, бранит себя за неуместное рвение. И боится показаться глупым.

Туман таял. Скоро проявятся валуны на дне провала и ручей между валунами.

— Спасибо, — повторила она, думая о другом.

— А говорят, — неожиданно сказал мужчина, проследив за ее взглядом, — говорят... Знаете эту примету?

На красную крышу кофейни легло солнце, отчего черепица засияла, будто мак.

— Говорят, — мужчина кашлянул, — что, если в безлюдном месте долго смотреть в плотный туман, можно увидеть Создателя. Он ходит в тумане, как в облаке... Вы не Создателя случайно караулите?

Ирене захотелось кофе. Она вообразила маленькую фарфоровую чашечку с петелькой ручки, такой крохотной, что иначе как двумя пальцами за нее не взяться...

А до кофейни еще десять минут пути!..

— Извините, — снова сказал мужчина, и через секунду за спиной Ирены заурчал мотор его синей легковушки.

— Нет, я просто люблю это место, — сказала Ирена в пустоту. — Красиво, правда?

Синяя машинка удалялась, виляя хвостом выхлопного дымка. *Вероятно, в знак согласия.*

* * *

Кафедра филологии помещалась в центральном корпусе — самом большом и пышном, с административными кабинетами, с каменными гарпиями, охраняющими вход. Ирена терпеть не могла ни администрацию, ни гарпий.

Она опоздала на десять минут. Заведующая кафедрой демонстративно посмотрела на часы:

— Когда госпожа Хмель явится вовремя, я, наверное, поверю в скорый конец света...

Ирена не ответила. Села в углу у стола, достала записную книжку и принялась водить ручкой по пустым клеточкам.

— ...итоги нынешней сессии позволяют сделать выводы о...

Заведующая кафедрой, моложавая блондинка, была похожа на крупного кудрявого ангела, голос имела приятный и глубокий, а рассудок трезвый и совершенно мужской; поколения студентов передавали друг другу ее неизменную кличку: Карательница. Ирена знала, что, будучи хоть при смерти, студент — если у него нет надежды помереть до начала ближайшей сессии — приползет к ней на лекцию, опасаясь неминуемых, неслыханных в своей жестокости санкций...

Половина неудачников, вылетевших из университета после первого же триместра, с полным основанием могли благодарить за это госпожу Карательницу. Что до кафедры, то те, кто уцелел на ней за последние пять лет, давно уже привыкли к вечной грызне на заседаниях.

Ирена водила ручкой по чистому листу. Сквозь бледный узор клеточек проступали очертания замка — половина башен обрушилась, и над донжоном вздымался огонь. Осадная башня, таран у ворот, полчища варваров, взбирающихся на стены...

Темпераментная речь госпожи Карательницы сменилась ядовитой тирадой длинного, как жердь, профессора восточной литературы; конфликт вспыхнул, как куча промасленного тряпья, Ирена раздраженно поморщилась.

— ...А то, что за подачу работ на конференцию взялись именно вы! И как понять, что я и мои студенты узнали о ней за неделю, в то время как ваши успели подготовить три развернутых доклада?!

Ирена оторвала взгляд от горящего на бумаге замка.

В просторной комнате кипели страсти. На чахлых веточках комнатного лимонного дерева спокойно шил свои сети тощий, болезненного вида паучок, — зато у профессора восточной литературы тряслись губы и летела слюна изо рта. Ирене казалось, что между профессором и Карательницей выгибается вольтова дуга.

— ...Вы все сказали? Я спрашиваю, вы все сказали? Может быть, теперь вы некоторое время помолчите?!

В сравнении со склокой на кафедре даже горящий замок казался бледным, лишенным жизни, ненастоящим. Ирена пририсовала в уголке виселицу с пустой петлей — трагическая картинка приобрела и вовсе опереточный вид. Грустно покачав головой, Ирена перевернула страницу.

— ...Вот хотя бы и госпожа писательница!

Ирена нахмурилась. Помолчала, разглядывая пустой клетчатый листок; подняла взгляд. Все присутствовавшие на заседании почему-то смотрели на нее — только профессор, ухватившись за сердце, глядел в окно. Полагая, наверное, что один только вид свежего воздуха способен его успокоить.

— Вот кому я завидую, — с ноткой горечи сообщила Карательница. — Это у нас, господа, нервы. Все это нас касается. А у госпожи Хмель совсем другие интересы. И если в один прекрасный день весь наш институт сгорит синим пламенем — госпожа писательница, вероятно, даже не обратит внимания...

Ирена представила себе языки пламени над административным корпусом. Осадная башня на клумбе, таран, сшибающий гарпий у входа, полуголые варвары, десятками гибнущие от рук госпожи Карательницы...

— Господа, — полная женщина-доцент постучала по стеклышку часов. — Не время ли закругляться?..

И только когда члены кафедры, облегченно вздохнув, высыпали в коридор, Ирене пришел на язык хлесткий и остроумный ответ.

* * *

— Ирена, вы меня подбросите? — спросил профессор восточной литературы. Он жил на окраине университетского городка и никогда не упускал возможности напроситься к Ирене в попутчики.

— Я ненавижу стерв, Ирена. О, как я ненавижу стерв. Моя первая жена была стерва... Знаете песенку — «как берутся стервы из хорошеньких невест»?.. И тем более приятно видеть рядом женщину, которая... Осторожно, автобус!!

У профессора была скверная привычка — он изо всех сил помогал Ирене вести машину. Всякий раз подпрыгивал на сиденье и в ужасе указывал на неминуемую, с его точки зрения, опасность.

Автобусы вывернули из-за угла — их было три. У ворот общежития их поджидали: рюкзаки, баррикадой сваленные поперек тротуара, перегораживали дорогу пешеходам, а румяные студенты галдели и приветственно махали разноцветными спортивными шапочками.

— У людей каникулы, — завистливо констатировал профессор.

Ирена притормозила.

Прогулять лекцию госпожи Хмель считалось среди студентов обычным делом, зато и радость, с которой обычно приветствовали Ирену, была совершенно неподдельной. Выбравшись из машины, она сразу же оказалась в кольце — молодые люди, оттеснив девушек на задний план, дурашливо сражались за право поцеловать Иренину перчатку.

— Здравствуйте! Здравствуйте! Здравствуйте!

— Госпожа Хмель, поедемте с нами!

— Госпожа Хмель, разрешите поприветствовать...

Она, конечно же, не успевала ответить сразу всем — ограничивалась кивками и улыбкой. Ажиотаж понемногу спадал, кольцо ребят вокруг Ирены редело, и через несколько минут она осталась в обществе двух своих старинных почитателей — имен она, к своей досаде, никак не могла вспомнить.

— Госпожа Хмель, — нерешительно попросил высокий тощий очкарик. —Вы мне автограф... можно? Я специально за журналом гонялся... Тем номером, где ваша повесть...

Она смутилась, как бывало всегда, когда студенты заговаривали о ее публикациях. Кивнула.

— Говорят, скоро выйдет книжка?.. Госпожа Хмель, скажите, пожалуйста... — Очкарик замялся. — Почему у вас всегда все так плохо кончается?

— Так уж плохо? — Она усмехнулась, скрывая смущение. — Герой погиб — это, конечно, жаль, но ведь он знал, на что идет...

Парень покраснел:

— Дело не в том... Плохо, что его девушка вышла замуж за барона. Плохо, что... ну, в общем, это...

— Вы сознательно... м-м-м... расчленили образ романтической легенды? — негромко спросил второй, широкоплечий и мощный, но с детским круглым лицом.

— Совершенно сознательно. — Она посмотрела круглолицему в глаза, но он не смутился под этим взглядом. По-взрослому поджал губы:

— Получается, что это... разрушение романтики, приземление... Что это — ваш фирменный творческий метод?

Она задумалась.

Студенты суетились вокруг автобусов, очкарика кто-то дернул за рукав, а круглолицего окликнули; в машине нетерпеливо возился профессор.

— Мы поговорим об этом в будущем триместре, — сказала она, садясь за руль. — Счастливых каникул...

— И вам счастливо, госпожа Хмель... Пишите побольше...

— Бедные мальчики, — сказал профессор, когда автобусы скрылись из виду. — Женятся каждый на своей стерве — и станут, как все... Вот скажите, Ирена. Когда я открываю книжку — я хочу отдохнуть, я хочу наркотика... А стерв мне и в жизни хватает...

— Не надо было с ней связываться, — сказала Ирена, вспомнив Карательницу.

— Нет, не то... Знаете, почему я не могу читать ваших рассказов? Потому что если дама в кринолине, а мужики в кольчугах и с мечами — мне хочется сказки, Ирена. Иного, так сказать, мира... мироустройства... чтобы были лесные духи, гномы там разные, кровавые войны, жестокие законы... любовь... А не бытовые, простите, разборки с печальным исходом.

— Я подумаю, — сказала она. И это не была отговорка — она действительно собиралась подумать, а как ее мысли соотносились со словами профессора — дело третье.

— Вы только не обижайтесь...

Она притормозила перед профессорским домом.

— Ох, спасибо, Ирена... Желаю вам творческих успехов. И хоть немножко отдохните в каникулы...

— Спасибо. Вам того же...

Профессор поставил одну ногу на землю. Задержался, будто раздумывая, обернулся:

— Ирена... Вы напрасно думаете, что все мужчины в мире — самовлюбленные эгоисты.

— Я поду... — начала она привычно, но вовремя спохватилась: — Я вовсе так не думаю.

Профессор печально потряс головой:

— Знаю... Ну что ж. До свидания.

* * *

Первое, что она сделала, вернувшись домой, — вытащила из-под кровати черепаху и положила ее на коврик в свете настольной лампы. Черепаха, похожая на закованного в латы рыцаря, смерила Ирену бессмысленным взглядом бусинок-глаз; черепаха не отзывалась на свое имя и никогда не шла на зов. Ирена держала черепаху просто так, для настроения.

Дворовый пес Сэнсей бил хвостом по доскам крыльца, умоляя впустить его в дом; Ирена исполнила его просьбу и только после этого подошла к телефону, чтобы проверить, кто звонил в ее отсутствие.

Ого! Два звонка от литагента и еще три — с незнакомого телефона.

Кто это, интересно, так настойчиво домогался беседы с госпожой Хмель?..

Она дала черепахе капусты. Потрепала Сэнсея по затылку, улеглась на диван и натянула плед до самого подбородка.

Хотя, честно говоря, следовало самой позвонить литагенту. Мало ли что, вдруг выгодный контракт...

«Разрушение романтики, приземление»... «Хочется сказки, Ирена... Иного, так сказать, мира...»

Надо было ответить так. Да, ничто не мешает всем вам верить, что там, в ином мире, лучше и интереснее... В чистом и честном мире, без зачеток, без Карательниц, без налоговой инспекции... Но вы ошибаетесь, потому что...

Закурлыкал телефон. Ирена вздохнула — на табло горел номер литагента.

— Да, я слушаю...

— Госпожа Хмель? Наконец-то... Вообразите себе, у нас есть покупатель на весь цикл об Осаде.

— Но он же еще не написан...

— Именно! Авансом, под заказ... Только, Ирена, ради Создателя, они просят побольше магии. Обязательно Темный Властелин, хотя бы на третьем плане. Они хотят фантазии, волшебников, артефактов, квестов, поединков... Ирена, вы помните, мы с вами уже не раз говорили...

— Я подумаю, — сказала она примирительно.

Литагент замолчал. Он достаточно хорошо успел изучить свою клиентшу, чтобы различать оттенки этой ее привычной фразы.

— Ирена... Назрел серьезный разговор. Где мы могли бы встретиться?

Она вздохнула:

— Я подумаю...

— Хорошо, — голос в трубке помрачнел. — Я перезвоню завтра утром...

— Конечно, — сказала она с облегчением и положила трубку.

Сэнсей вертелся вокруг кровати, ставил лапы на плед, и это было плохо, потому что известно, какие у него лапы — грязные...

...Вы напрасно верите, мальчики, что там, в этом честном мире, вы окажетесь среди сильных, найдете достойное вас место... Потому что те, кто действительно умеет находить такое место, — находят его в ЛЮБОМ мире... Они побеждают на выборах и ворочают миллионами и совсем не читают сказок. А потому вы обманываете себя, мальчики... А я вас обманывать не стану...

— Какие глупости, — сказала она вслух. — Тоже мне, проблема...

Снова — телефон. Нет, еще один звонок — и она отключит его...

Звонила приятельница. Не так чтобы очень близкая — но вполне приятная. Из тех, с кем приятно беседовать два раза в месяц и видеться два раза в год...

— Ирена? Что ты делаешь сегодня вечером?

— Сплю, — сказала она честно.

— Хочешь, мы заедем за тобой? Сегодня годовщина свадьбы Игора и Янки, мы хотели...

Ирена с трудом вспомнила, кто такие Игор и Янка. Ах да, тоже симпатичные люди...

— ...интересное общество. И несколько твоих читателей-поклонников, ты их еще не знаешь... Все очень хотят тебя видеть. Поедешь?

Ирена молчала. Голос в трубке несколько потерял уверенность:

— Ирена... ты ведь здорова?

Она подумала, что следует ответить «нет». Сказаться больной, чтобы никто не обиделся...

Вставать с дивана? Одеваться, делать макияж? Ехать куда-то, с тем чтобы вернуться за полночь с тяжелой головой, в запахе терпких духов и чужих сигарет...

Черепаха под настольной лампой флегматично двигала челюстями.

— Извини, — Ирена вздохнула. — Но я не поеду. Слишком много... — Она хотела сказать «пищи для размышлений», но в последний момент одумалась: — Слишком много... работы.

— Но ведь только один вечер! — Приятельница, судя по голосу, все-таки обиделась. — Мы ведь не так часто тебя... беспокоим!

— Извини. — Ирена знала, что через несколько минут после отбоя в голову к ней явятся веские доводы и остроумные оправдания, но выслушать их будет некому...

А Сэнсей и черепаха давно привыкли к ее монологам. И, возможно, знают все ее аргументы наперед.

* * *

Она подмела двор. Посмотрела, как садится за горы солнце; разожгла костер, попыталась по дыму определить погоду на завтра — и не определила. Сэнсей носился, отбрасывая задними лапами комья земли, и его восторг частью передался Ирене. В конце концов, уже почти весна...

Телефонный звонок вывел ее из созерцательного настроения. Телефон курлыкал долго и настойчиво — по дороге к нему Ирена насчитала пятнадцать звонков.

— Госпожа Хмель?

Тот самый незнакомый номер. И голос, что интересно, незнакомый тоже. Она ведь просила никому не давать ее номер...

— Госпожа Хмель, меня зовут Николан Петер, я прошу прощения, если потревожил...

Он сделал паузу, как бы специально для того, чтобы она любезно опровергла его — ничего страшного, мол, я слушаю.

Но она молчала. Потому что неведомый господин Петер действительно потревожил ее.

— Госпожа Хмель, речь идет о вашем муже, Анджее Кромаре.

— О моем бывшем муже, — поправила она механически.

Потом у нее подкосились ноги, и она села на диван.

— Он жив?

— Но, госпожа Хмель, зачем сразу такие страшные предположения...

— Он жив?

— Да, конечно... Видите ли. Вообще-то я из Комитета общественной безопасности.

Ирена глубоко вздохнула. Сердце колотилось как бешеное, даже черепаха, кажется, повернула закованную в латы голову и повела бусинками бессмысленных глаз...

— Он что-то натворил?

— Нет, напротив, возможно, его представят к награде...

Опираясь о мягкий бок дивана, Ирена подобралась к столу и положила ладонь на горячий черепаший панцирь. Обычно такое прикосновение успокаивало ее.

— Тогда при чем тут я?

— Необходимо встретиться.

Ирена поморщилась. Ни с того ни с сего пришла мысль, что это, наверное, уловка новобрачных Игора и Янки, которые во что бы то ни стало решили вытащить ее сегодня на вечеринку...

Она вообразила, как едет на встречу с сотрудником Комитета — а попадает в развеселую подвыпившую компанию безусловно милых людей...

— Сегодня?

— Завтра утром. — Невидимый Петер будто не расслышал сарказма в ее голосе. — Если пожелаете, за вами пришлют машину...

— У меня много работы, — сообщила она осторожно.

* * *

...Ей было восемнадцать лет, и она без памяти любила однокурсника Ивонику, первого парня на всем факультете. Их любовь некоторое время ограничивалась объятиями в темноте кинозала; очень долго они ходили друг вокруг друга как намагниченные, боясь и разойтись, и сблизиться, когда вдруг однажды вечером, провожая Ирену домой, Ивоника поцеловал ее на автобусной остановке.

Завертелось.

Остановка была пуста; они долго целовались, забравшись под стеклянный навес, а потом, обменявшись долгим взглядом и поклявшись друг другу в любви до гроба, перешли на другую сторону дороги и поехали в противоположном направлении — к Ивонике в гости.

Редкие пассажиры поглядывали на них с пониманием. Пропустив нужную остановку, влюбленные возвращались пешком, держась за руки. На перекрестке играл за подаяние бродячий оркестрик — огромная туба, две трубы поменьше и барабан с тарелками. Здесь же Ивоника купил из рук доброжелательной бабули маленький белый букетик...

Окна Ивоникиного дома были пустыми и темными — родители пребывали в отъезде. Ирена так разволновалась, что перед самым порогом поскользнулась и шлепнулась, выронив сумку, рассыпав по снегу конспекты, карандаши и косметику.

Они собирали Иренин скарб в четыре трясущиеся руки. Потом вошли в дом, поставили чайник и тут же про него забыли. Ивоника вытащил бокалы и вино; они по-быстрому опустошили бутылку и почувствовали себя почти героями.

В спальне Ивоника сперва потушил ночник, потом зажег, потом снова потушил. Ему очень хотелось выглядеть опытным мужчиной, — а Ирена вспомнила, что у нее на маечке имеется неподшитая зацепка, и уже ни о чем не думала, кроме как вовремя прикрыть ее ладонью...

Ивоника жарко дышал. Ивоника робел, улыбался, вздрагивал — и наконец залез к ней под одеяло; она, одурманенная вином, закрыла глаза и отдала себя в руки судьбы — когда под самыми окнами грянул неистовый духовой оркестр.

...Ирена вздрогнула — воспоминание было слишком явствен-

ным. Сняла руку с теплого панциря. Обменялась взглядом с черепахой, послушала шум ветра за окном, устало опустилась в кресло.

Подлец... В тот день ОН встретил парочку влюбленных и положил на девушку свой безошибочный глаз. Проследил. А потом выгреб из карманов всю мелочь и сделал небритым оркестрантам персональный заказ...

...Они стояли под окном — бодрые бродяжки с медными трубами, те самые, с перекрестка... И гремели свадебный марш, так, что в соседних домах зажигались окна... Бамс! — пронзительно лязгали тарелки. Бамс!.. И она заплакала и лихорадочно принялась одеваться, а Ивоника некоторое время простоял столбом, а потом распахнул окно, обрывая поролоновые полосы утеплителя, и запустил в музыкантов круглой табуреткой...

Циничная туба имитировала непристойный звук.

Ивоника сидел на полу и судорожно вспоминал грязные ругательства — все, какие знал, все, которые когда-то слышал и забыл, и еще такие, которых не знал и не слышал — они придумались на лету и оттого звучали еще более жалко...

Дура. Какая она была... Неужели это неизбежно, и в восемнадцать лет все девочки — идиотки?!

А тогда она, конечно, моментально протрезвела. И бежала, под звуки свадебного марша бежала куда глаза глядят и едва не угодила под машину...

А на следующее утро ее, зареванную, несколько раз звали к телефону, но она не подходила, не желая разговаривать с Ивоникой... А когда позвали в четвертый раз и она сделала над собой усилие и спустилась к окошку вахтерши, никакого Ивоники в трубке не оказалось. Незнакомый голос вкрадчиво осведомился:

— Это Ирена?

Она не готова была к такому повороту событий и потому промолчала.

— Алло, Ирена?

— Вы кто? — спросила она угрюмо.

— Я Анджей.

...Впоследствии она узнала, что он добивается любой поставленной цели. Совершенно любой.

— Какой такой Анджей? — Ей наплевать было, что ее слушают.

— Тот, кто заказывает музыку.

Она промолчала.

— Я подобрал вашу записную книжку... вместе с номером телефона.

— И что? — спросила она.

Зато уже через секунду добавила:

— Так засуньте эту книжку себе... куда хотите!

И шлепнула трубку на рычаг...

Он был старше ее на семь лет. Жил один, в огромной комнате почти без мебели, но перемещаться по ней можно было лишь бочком, под стенкой, потому что все пространство занимал средневековый город, построенный из спичечных коробков.

— Это что?! — спросила она, впервые переступив порог его комнаты.

— Да так, — он небрежно махнул рукой. — Ничего особенного... Одна моделька.

* * *

Они встретились на нейтральной территории — в кафе; Николан Петер пришел в сопровождении красивой подтянутой женщины — из тех, кто до глубокой старости пунктуально посещает спортзал, массажиста и косметолога. Дама тем не менее нервничала, и Ирена с удивлением поняла, что источником ее напряжения является безобидная госпожа Хмель.

— ...И ваши последние вещи. Я дала читать их сыну — тот в восторге, у него половина класса записана в очереди на этот журнал...

Скорее всего, дама врала. Скорее всего, ей только вчера вечером вручили журнал и она спешно проштудировала Иренину повесть, желая иметь тему для приятного разговора с нужной собеседницей...

Потому что она, Ирена Хмель, зачем-то им нужна.

— Вы собираетесь беседовать со мной как представители Комитета или как частные лица?

Дама улыбнулась — вполне обаятельно, но за улыбкой скрывалось все то же напряжение:

— Уютная обстановка... располагает прежде всего к частной беседе.

— И тем не менее?

— Да, мы уполномочены говорить официально. — Петер, оказавшийся полноватым печальным блондином, вздохнул. — Мы понимаем ваше... мягко говоря, замешательство.

— Вы, конечно, знаете, что мы с мужем развелись пять лет назад? — небрежно спросила Ирена.

Петер кивнул:

— Разумеется... Позвольте принести извинения за невольное напоминание о вещах нежелательных и неприятных. Но... Комитет вынужден просить вас о помощи. В том числе... и о помощи вашему... бывшему мужу.

Ирена молчала.

Бревенчатый домик о десяти углах был в этот час почти пустым. Столы помещались по кругу, против входа — стойка, а в центре, под широким отверстием в потолке — жаровня. Едва ощутимо пахло дымом, и блюдо, заказанное господином Петером на троих, только начало путь преображения — от кровавых мясных обрубков к румяным аппетитным кусочкам...

— У нас мало времени, — господин Петер смотрел проникновенно. — Дело вот в чем. Представьте себе, что наш сотрудник, выполняющий свою миссию, в процессе некоторых социологических исследований... пережил тяжелый шок и фактически оказался... невменяем.

Ирена молчала. Аккуратный сизый дымок, поднимавшийся над жаровней, тонкими волокнами вытягивался в дыру на потолке.

Даже в лучшие времена Анджей ничего не рассказывал ей о своей работе... И, уж конечно, он всегда был малость невменяемым. Если, конечно, возможно такое сочетание слов.

— Наверное, вы будете удивлены, — вздохнула женщина. — Мужчины удивляют нас не реже, чем мы их... Но данные специального теста показали, что вывести этого человека из ступора может... сильный раздражитель. В том числе — появление бывшей жены.

Ирена по-прежнему молчала. Эти двое уже загрузили ее выше ватерлинии — самое время лечь на диван, натянуть до подбородка плед и поразмыслить над их словами...

Интересно, что за «специальные тесты»?

«Я подумаю», — хотела она сказать — но в последний момент удержалась.

— Да, — господин Петер подался вперед, и глаза его оказались прямо напротив Ирениных глаз. — Случилось так, что от... душевного здоровья этого человека сейчас зависит судьба многих других людей... Можно сказать, вопрос жизни и смерти. И Комитет обращается к вам... как к сознательной гражданке. Как к женщине, педагогу, гуманисту...

Мясо на вертеле понемногу приобретало съедобный вид. Вероятно, и госпожу Хмель сейчас обрабатывают, доводя до готовности...

К чему вся эта патетика?

— Он в больнице? — спросила Ирена, и голос ее был менее равнодушен, чем ей хотелось бы.

Кажется, Петер и женщина едва удержались, чтобы не переглянуться.

— К сожалению, нет... Несчастье случилось, когда господин Анджей Кромар находился с научной миссией в... командировке.

— О какой науке вы говорите? — удивилась Ирена. — Я всегда считала, что Комитет...

— О прикладной социологии, — негромко сообщил Петер. Глаза его сделались отрешенными, как будто он смотрел на Ирену из далекого далека. — Об экспериментальной социологии... Видите ли. В любой момент времени у человечества был, так сказать, потаенный запретный уголок. Исследования, которые считались неприличными, неэтичными, негуманными... И тем не менее неслыханно перспективными. Естественно, только под надзором Комитета...

Кусочки мяса медленно вращались вокруг своей оси, подставляя огню то один, то другой бок.

— Что случилось с Анд... с господином Кромаром?

Женщина вздохнула.

— Он проводил эксперимент. — Петер по-прежнему смотрел Ирене в глаза, и взгляд его был теперь схож со взглядом умудренной опытом лани.

— Неудачный?

— Наоборот. НЕВИДАННО удачный. Талант господина Кромара... еще будет оценен государством и обществом... Впрочем, об этом потом. Дело в том... что когда работаешь на грани дозволенного... дозволенного не обществом — дозволенного природой... Тогда и успех может обернуться трагедией. Вот как в нашем случае...

Ирена тоскливо подумала о своем пледе. О диване, о чашечке чая, о горячем панцире флегматичной черепахи.

— Вы, вероятно, уже устали, — женщина улыбнулась через силу, — от наших недомолвок...

— Что от меня требуется? — спросила Ирена, с досадой понимая, что этим-то вопросом и следовало начинать разговор.

— Мы попросили бы вас, — голос Петера сделался совсем уж проникновенным, — навестить господина Кромара там, где он сейчас находится... и вывести его из шокового состояния. Этим вы спасете... его жизнь. И, возможно, жизнь еще многих людей... Профессиональная этика не позволяет мне сказать большего.

Ирена молчала.

Если бы речь шла о том, чтобы съездить в соседний городишко и разыскать там Анджея, вряд ли уместен был весь этот странный разговор...

— Я так понимаю... он находится далеко?

— Транспортные расходы берет на себя Комитет, — глуховато сообщила женщина.

— А куда, собственно, предстоит...

Петер вздохнул. Вытащил из-под стола свой плоский портфель, из портфеля — заранее приготовленный листок:

— Вот... прочтите и подпишите.

Ирена пробежала глазами текст — это была подписка о неразглашении государственной тайны; ей почему-то сделалось весело. Местонахождение Анджея является государственной тайной. Давно пора. Давно пора объявить этого паразита оружием тактического значения, а во мрачном расположении духа — и стратегического... И, разозлив как следует, сбрасывать на позиции вероятного противника. «Через час враги, рыдая, побегут сдаваться в плен...»

Петер сдвинул брови. Ему непонятна была ее усмешка.

Она пожала плечами:

— Сроду не хотелось ваших тайн...

— Это формальность, — мягко сказала женщина. — Но без вашей подписи мы не можем...

На диван, подумала Ирена устало. И дня два не высовывать нос из-под пледа. Восстанавливать внутреннюю экологию...

Она подписала. Петер долго изучал бумагу, будто сомневаясь в подлинности Ирениного автографа; потом официант принес жареное мясо, и документ пришлось убрать — от жирного соуса подальше.

— Видите ли... Основная специальность вашего бывшего мужа — моделятор.

Красный соус оплывал каплями — как будто мясо, преобразившись над огнем, пожелало снова выглядеть сырым и воспользовалось косметикой из кровавого томата. Вот так и женщины... — подумала было Ирена, но доводить назидательную мысль до конца не больно-то хотелось.

— Итак, моделятор, — голос Петера понизился до шепота. — Экспериментатор... И случилось так, что в процессе эксперимента ваш муж создал...

— Мой бывший муж, — механически поправила Ирена.

— Ваш бывший муж... создал функционирующую четырехмерную модель. Во временном режиме десять к одному...

— Очень хорошо, — сказала Ирена, потому что оба ее собеседника явно ждали какой-то реакции.

Женщина поперхнулась. Петер сглотнул:

— Вы не поняли... Он находится ВНУТРИ модели. Мы имеем сведения о том, что он жив и здоров... Вместе с тем его поведение наводит на мысль о шоке. О расстройстве восприятия...

Ирене представился Анджей, восседающий посреди своего спичечного города — самая высокая башня едва достает ему до плеча. «Это? Пустяки, так, моделька...»

— Я что-то не очень вас понимаю, — призналась она честно. — Но я обещаю подумать.

* * *

...Примерно месяц назад она получила открытку. Без подписи, и текст был напечатан безликим принтером — но она все равно сразу же поняла, кто отправитель.

На картинке не было ничего особенного — просто красивый городской пейзаж. Какой-то магазин с яркой витриной. Вывеска над входом, нечто вроде «Праздничные шутки и сюрпризы». Улица, прохожие, дети, обычные жанровые сценки...

«Ну, я пошел, — написано было на обратной стороне. — Привет».

Она долго вертела открытку в руках. В какой-то момент даже обеспокоилась — ей почудился намек на самоубийство... И, возможно, любой другой человек, отправляя подобное послание, действительно помышлял бы о суициде. Любой другой — но не Анджей.

Он был из тех, кто НИКОГДА не покончит с собой. Даже в помыслах.

Что он имел в виду? Она думала об этом несколько дней, а потом перестала. В конце концов, все это осталось в далеком прошлом — Анджей...

Анджей.

Она села на диване. Дом спал; спала на журнальном столе черепаха, и Сэнсей тоже, вероятно, дрых в своей будке — хотя стоит случайному прохожему пройти вдоль забора, как все окрестности тут же узнают, каков бывает Сэнсей...

А открытку она давно уже выбросила. Вместе с прочим бумажным хламом.

* * *

Сначала была проходная. Потом внутренний кордон, потом еще один, потом еще. Отовсюду пялились рачьи глаза телекамер; на всех постах господин Петер совал в специальное гнездо свое удостоверение — зеленую пластиковую карточку. И еще одну карточку, красную, изготовленную специально для Ирены; лампочки мигали, давая «добро», и сосредоточенные охранники снимали блокировку с бронированных дверей.

— Приносим извинения за, э-э-э, некоторые неудобства...

Ирена покровительственно улыбалась. Для того, чтобы оградить эту их хваленую секретность, достаточно было бы посадить у входа одного-единственного Сэнсея.

За очередной дверью оказалась обшитая пробкой, напичканная аппаратурой комнатушка; Ирена с любопытством огляделась.

Петер нервно потер ладони:

— Кофе хотите?

Самый большой и сложный прибор, примостившийся у входа, оказался комбайном-кофемолкой. Ирена в жизни таких не видела.

— Автомат для мытья посуды у вас тоже есть?

Петер не ответил. Подсел к миниатюрному монитору, пощелкал кнопочкой, устало сказал кому-то невидимому:

— Выведи на нас его физданные...

Кофемолка зашипела, выпуская струйку ароматной жидкости. В ее шипение вклинился другой звук — точь-в-точь фонограмма из фильма про врачей-убийц.

Мерные удары сердца. Шелест воздуха — вдох-выдох... Экран монитора ожил, осветился некой развернутой диаграммой. Световые столбики подпрыгивали и опадали.

Ирена подошла и присела на подлокотник вертящегося кресла.

— Это Анджей, — напряженно сказал господин Петер за ее спиной. — Сейчас данные разворачиваются в реальном времени, для наглядности и для удобства. Хотя — вы помните — модель работает в хронорежиме десять к одному...

Ирена молчала.

Ей сложно было поверить, что самолюбивое сердце Анджея способно биться напоказ, в динамиках. В какой-то момент ей стало неприятно — как будто некую интимную подробность выставили для всеобщего обозрения...

— Он в сознании, — сказал Петер, глядя на кофейную чашечку в собственных руках. — Эксперимент длится вот уже месяц... реального времени. У нас колоссальный перерасход энергии. Модель необходимо сворачивать... Если он этого не делает — он не в себе.

Ирена приняла чашку из его рук и с удовольствием отхлебнула.

Коснулась ладонью шеи, ловя собственный пульс; сердце Анджея всегда билось реже. «Удав, — говаривала Ирена в свое время. — Хладнокровная сытая змеюка...»

Она поставила кофе обратно на блюдечко. Она ОСОЗНАЛА, и мерные удары перестали быть фонограммой. Это действительно билось сердце — вполне определенного, знакомого Ирене человека...

— Дело вот в чем, — Петер вздохнул. — Мы обладаем возможностью... гм. Мы можем прервать эксперимент, закрыть модель снаружи... Даже если не принимать в расчет господина Кромара, который при таком варианте обязательно погибнет... Даже если не принимать этого в расчет — взрыв вероятностных аномалий такой силы... способен... причинить неконтролируемый ущерб... положить начало не до конца изученным нами процессам... Я уже не

говорю о международном скандале — но попросту, грубо говоря, нас ждет катаклизм, который...

— То есть как не принимать в расчет? — удивленно спросила Ирена.

Господин Петер замолчал.

— То есть что не принимать в расчет? Смерть Анджея?

Господин Петер страдальчески сморщился:

— Нет... то есть... Видите ли, Ирена, эксперимент с самого начала нес в себе опасность... для жизни испытателя. Господин Кромар...

— Господин Кромар никогда не был склонен к авантюрам, — сказала Ирена медленно. — И никогда не рисковал бы жизнью просто так... ради научного интереса. Думаю, он был уверен до конца... что ему удастся провести эксперимент и остаться в живых.

— Да! — Петер сморщился так, что лицо его стало похоже на сдувшийся резиновый матрас. — Но эксперимент оказался НАСТОЛЬКО удачным... Что это граничит с катастрофой, Ирена. Боюсь, что даже Анджей... не мог предполагать...

Сердце в динамиках билось уверенно и ровно, но Ирена вдруг похолодела от мысли, что еще секунда-две — и оно остановится. Завопят, забегают невидимые сотрудники господина Петера, и сам он прольет кофе на светлые брюки — и только она, Ирена, останется сидеть неподвижно, и даже чашка в ее руке не дрогнет...

— Итак, Ирена, мы не можем схлопнуть модель извне... И поддерживать ее жизнеобеспечение не можем тоже. Потому что каждая минута существования модели порождает проблемы... в том числе, извините, этические. Потому что ЭТО, созданное господином Анджеем... с каждым мгновением становится все более... как бы это объяснить... автономным. И когда оно станет совсем автономным... Видите ли. Это раковая опухоль на вероятностной структуре реальности...

Он еще что-то говорил — красиво и наукообразно. Ирена пила кофе и слушала, как дышит Анджей. Кажется, и пульс, и дыхание чуть ускорились — возможно, он волнуется или, может быть, бегает...

При слове «модель» ей представлялась увеличенная копия спичечного городка, запакованная в непроницаемую капсулу. И где там, спрашивается, разбежаться?..

Она желчно усмехнулась. Петер заметил ее улыбку — и прервался:

— Я понимаю — все это звучит... может быть, фантастично или не вполне убедительно... Но единственная для нас возможность — найти моделятора внутри модели и, извините, побудить его... принудить его завершить эксперимент.

Он замолчал. На лице его, как ни странно, обозначилось облегчение — как будто он наконец-то переступил через колебания и излил душу.

Высказал все начистоту.

Кофе закончился. Ирена с сожалением заглянула в пустую чашечку. Попросить, что ли, еще?

— Почему для этой... миссии вам нужна только я и никто другой? Вы думаете, я способна повлиять на Анджея? Вы ошибаетесь — на него и в лучшие времена никто не мог повлиять...

Петер раздраженно пощелкал кнопочкой — в комнате стало тихо, экран монитора погас, унося с собой тайну кровяного давления Анджея Кромара, и температуры его тела, и еще множества показателей, в которых Ирена, не будучи врачом, ничего не понимала...

— Отправьте лучше роту десантников, — порекомендовала Ирена серьезно.

Петер засопел. Встал, прошелся по узкому коридорчику между приборами, характерным жестом потирая ладони:

— Видите ли... Во-первых, мы исходим из того, что господин Анджей, мягко говоря, не в себе от пережитого потрясения... И женская мягкость здесь куда уместнее грубой силы. Во-вторых... вернее, это во-первых и в-единственных... Внутрь модели ведет лишь один канал. По иронии ли судьбы... или по странному умыслу господина Анджея... или еще по какой причине — но это ВАШ канал, Ирена. Никого, кроме вас, модель не впустит.

— Можно еще кофе?

— Пожалуйста...

Завертелось кофейное зерно, обращаясь в пыль. Зашипела, давясь собственным паром, кофеварка.

Славный же спичечный городок соорудил ее старый друг...

Он всегда добивался своего. Всегда; ни один его экстравагантный поступок не поддавался предсказанию. На месте господина Петера она бы никогда не связывалась с...

Хорошо давать другим советы. А она сама?! Возможно, тысячи женщин время от времени повторяют друг другу: на месте этой дуры Хмель я никогда бы не...

— Где находится модель?

— Что? — Господин Петер почему-то вздрогнул.

— Где находится эта его модель?

— Видите ли...

Тонкая шоколадная струйка лилась в фарфоровые недра чашечки.

— Видите ли... никто не в состоянии ответить на ваш вопрос. Мы контролируем ВХОД в модель, тот самый канал...

Ирена молчала.

— Госпожа Хмель. Не знаю, как вы это себе представляете... Дело в том, что в ходе эксперимента Анджею Кромару удалось смоделировать самодостаточную, саморазвивающуюся... реальность. Только помните — вы давали подписку о неразглашении!!

Автомат выплюнул последнюю каплю свежего кофе.

Ирена молчала.

* * *

Она была тогда на третьем курсе. Единственная среди всех девчонок — замужем.

...О самоубийстве одноклассницы Владки она узнала в полдень. И надо же, только вчера пришло последнее Владкино письмо — совершенно спокойное, веселое, безмятежное...

Самолет вылетал в девятнадцать ноль-ноль, раз в два дня, но именно тот день как раз был днем рейса; Ирена кинулась в кассу — билетов на сегодня не было. Никаких; не помогла телеграмма, которую она совала в окошечко, — билетеры сочувственно вздыхали и разводили руками. Все места заняты. Абсолютно все. Брони не будет, берите билет на послезавтра...

Тогда она позвонила Анджею на работу. Она поступала так только тогда, когда иного выхода не было.

«Перезвони через полчаса...»

Она перезвонила.

«Есть. Я подвезу тебе билет прямо к рейсу. Жди в аэропорту в шесть...»

Преклонение перед ним на какое-то время побороло даже шок от трагического известия. Она кинулась домой, бросила в сумку необходимые вещи и поспешила в аэропорт.

В шесть часов посадка была в самом разгаре.

Ирена стояла с сумкой в одной руке и телеграммой в другой, растерянно оглядывалась, выискивая среди толпы знакомое невозмутимое лицо...

В полседьмого объявили, что посадка закончена.

В семь самолет улетел.

Она постояла еще какое-то время, будто надеясь, что самолет, спохватившись, вернется. Потом побрела на остановку автобуса...

Анджей был дома. Сидел за компьютером и даже не заметил Иреininого возвращения. В окошке монитора плавала сложная трехмерная конструкция — Анджей в экстазе вертел ее то так, то эдак; в прихожей, под зеркалом, сиротливо лежал авиабилет на сегодняшний рейс...

Некоторое время спустя Ирена узнала, что Владка покончила с собой из-за постоянных размолвок с мужем.

«...Ничего особенного. Просто очередная моделька».

* * *

Она вытащила черепаху из-под дивана и водрузила на подушку под лампой. Черепаха не обрадовалась и не огорчилась — закованная в латы рыцарская морда оставалась бессмысленной и бесстрастной.

Во дворе Сэнсей перемалывал зубами куриные кости; слабо дымил костер из остатков хвороста.

«Мы примем все меры к тому, чтобы ваше... путешествие было как можно более безопасным. Почти таким же безопасным, как катание на лыжах с гор... То есть вероятность какой-нибудь случайности есть всегда... Но мы сделаем все, чтобы исключить такую вероятность...»

Я подумаю, твердила она как заводная. Ей хотелось домой, в одиночество.

«Ваша задача предельно проста — вы войдете в мир... предположительно, он в точности соответствует нашему, разве что некоторое расхождение во времени... Точка вашего входа будет соответствовать местоположению моделятора. Вы войдете с ним в контакт.

В случае благоприятного исхода... вы понимаете, все мы надеемся именно на благоприятный исход... Так вот, в этом случае эксперимент будет немедленно свернут и вы вернетесь автоматически — вместе с моделятором.

В случае же... мы все обязаны предусмотреть... если вы не найдете моделятора или если его состояние окажется необратимым... Тогда вы снова воспользуетесь своим индивидуальным каналом. Место вашего входа вы используете как выход. Вашему здоровью ничего не грозит... Вы проведете внутри модели не более нескольких часов, а в реальном времени — меньше получаса...»

Я должна подумать.

Соседские дети гоняли мяч посреди пустынной дороги. Жена соседа время от времени требовала прекратить безобразие; вот мяч перелетел через Иренину калитку — следом опасливо заглянул лохматый щуплый пацаненок, Валька, старший соседский сын.

— Сидеть, Сэнсей, — сказала Ирена помрачневшему псу.

Валька осмелел. Перемахнул через забор, подобострастно улыбнулся Ирене и, уже выбравшись обратно, показал Сэнсею длинный издевательский язык:

— Бе-е-е...

Проехала, отчаянно сигналя на футболистов, чья-то незнакомая машина. Жена соседа выскочила на улицу и от угроз перешла к делу; мальчишки завопили.

Ирена поворошила угли.

Если бы она решилась иметь ребенка от этого сумасшедшего... Нет. То есть, конечно, малыш бегал бы и прыгал через заборы наравне с этими сорвиголовами — но тогда бы она была связана с Кромаром чем-то куда весомее, нежели просто воспоминания...

Половину из которых хорошо бы навеки забыть.

«Ирена... Я не говорю о вознаграждении, которое назначит вам Комитет. Я просто взываю к вашему благородству... Вы ведь благородный человек. Кризис эксперимента повлечет за собой... к сожалению, пострадают совсем невинные люди. У нас есть последний шанс...»

Я должна подумать.

«... И ведь какой толчок для творчества!.. Вы связаны подпиской о неразглашении... Но, творчески переработав... вы могли бы написать фантастический роман. Согласовав сюжет с Комитетом... у нас есть каналы для быстрого издания, распространения, популяризации... это был бы перелом вашей писательский карьеры... Не говоря уже о незабываемом впечатлении... Вообразите себе, что вам предложили бы слетать в космос. Неужели вы отказались бы?!»

Она вернулась в дом. Легла на диван и натянула плед до самого подбородка.

Под стулом бесформенной горкой лежала распечатка ее неоконченной повести. Написанной процентов на шестьдесят — и вдруг оказавшейся ненужной, неправильной, бесперспективной...

А чего, собственно, ей надо? Чтобы ее узнавали на улицах? Чтобы ее имя стало паролем? Чтобы отхватить хоть раз в жизни Серебряный Вулкан в номинации «повесть»?

Она поискала взглядом черепаху. Не нашла; устало заложила руки за голову.

Ей хочется, черт подери, иметь повод для гордости. И она желает, чтобы ее право на эту гордость признали...

Ирена поморщилась.

Вот уже недели две она не бралась за работу. И называла это «отдыхом»...

Зачем Анджею понадобилось отправлять ей ту открытку? Учитывая, что вот уже пять лет как они умерли друг для друга?..

Вошел, открыв лапой незапертую дверь, молчаливый Сэнсей. Положил морду на край пледа, поднял на Ирену вопросительные глаза.

— Посмотрим, — сказала она шепотом. — Мне надо еще немножко подумать.

* * *

Экспертов было человек пять. Все лощеные, партикулярные, наперебой благоухающие одеколонами; всех по очереди представили Ирене — но она, конечно же, ни одного имени не запомнила.

— Сверим часы...

Господин Петер нервничал и пытался скрыть свое волнение. Ирене было его немножечко жаль.

— Итак. Двенадцать тридцать четыре, мы находимся непосредственно перед входом в канал... В двенадцать сорок пять госпожа Хмель войдет в пространство модели. К сожалению, мы не сможем напрямую пронаблюдать за ее действиями... Однако госпожа Хмель прошла необходимый инструктаж и способна справиться со своей миссией совершенно самостоятельно...

Некоторое время наблюдатели кивали.

— Аварийный выход не предусмотрен? — небрежно спросил самый пахучий из них, представлявший, кажется, какой-то секретный отдел президентской администрации. — К примеру, если контактерша не вернется через энное количество часов...

Господин Петер потер ладони:

— Господа... Мы обязаны предусмотреть все. Мы и предусмотрели все... что в наших силах. К сожалению, специфика работы с моделью... Однако время! Госпожа Хмель...

Ирена посмотрела на круглый циферблат, установленный над железной мрачного вида дверью. Двенадцать сорок пять...

Господин Петер нервничал все сильнее. Угрюмый молодой человек в спецовке техника — но с физиономией опытного телохранителя — ловко отпер все навешенные на дверь замки.

Эксперты запереглядывались. За дверью начинался узкий грязный коридор, причем из глубины его ощутимо тянуло кошачьей мочой.

— Удачи, госпожа Хмель... Ваша новая книга будет иметь феноменальный успех!..

Ирена шагнула через высокий порог. Такое впечатление, что этажом выше сейчас разбранится визгливая соседка, а из-под ног с мявом шарахнется...

Полная темнота. И беззвучие.

ГЛАВА 2

По широкому изгибу трассы ползли навстречу друг другу две машины — желтая и белая. С такого расстояния обе казались симпатичными игрушками; вот они разминулись, разъехались, не оглядываясь, в разные стороны...

Ирена поежилась. Ветер был сырым и прохладным.

В стороне, под холмом, отрешенно бродили два десятка вислобрюхих коров. Ирена перевела взгляд; роща была почти сплошь желтой, посреди улицы гоняли мяч голосистые ребятишки, а из трубы Ирениного дома поднимался квелый дымок...

Она вздрогнула. Тряхнула головой.

«Моделятор должен находиться в непосредственной близости — таковы конструктивные особенности канала... Немедленно приступайте к поискам.

Используйте все ваши знания о моделяторе — вероятно, модель во многом носит отпечаток его личности...»

Справа и слева торчали из земли два толстых прута с навязанными на них красными лоскутками. Так на скорую руку ограждают промоину на обочине или незакрытый канализационный люк...

Ирена шагнула вперед. Скрипнули под ногами камушки.

Оглянулась.

Теперь два прута напомнили ей самодельные ворота для дворового футбола. Сомнительно, правда, чтобы соседские дети карабкались на вершину холма, решив сыграть тут пару матчей. Тем более что мяч здесь катится в одном направлении — вниз...

Она переступила с ноги на ногу, в который раз осматривая до боли знакомый пейзаж.

Что ж. Часть дела сделана, теперь надо подумать...

Дымок из трубы ее дома понемногу иссякал.

* * *

Старый тополь рос не справа от ворот, а слева. Обнаружив это, Ирена некоторое время стояла, не в силах сдвинуться с места.

«Пребывание в ткани модели совершенно безопасно для здоровья...»

Ветер пах осенью. Калитка скрипела уютно и привычно; Ирена медленно провела рукой по доскам, убеждаясь, что это не голограмма и не иллюзия.

«Ткань модели»?..

Нет, она обдумает все это потом... Когда сядет за компьютер и выведет белым по синему: глава первая...

— Сэнсей?

Движение в будке. Показалась одна лапа, другая...

Он ПРОСПАЛ ее появление?!

Радостный визг. Пес прыгнул ей навстречу — заспанный, странно маленький, со свалявшейся шерстью, неухоженный...

— Сэнсей, это ты?!

Визг. Порядочные собаки, перешагнувшие порог совершеннолетия, обычно не позволяют себе подобных звуков.

Или он очень уж соскучился?

— Сэнсей, в доме посторонние?

Никакой реакции. Умильные глаза.

Входная дверь была отперта. Более того — белые щепки на пороге и судорожно высунувшийся язычок замка свидетельствовали о том, что в дом вошли не вполне мирным путем...

Разумеется. У Анджея нет ключа, но если он хочет пройти — остановить его невозможно...

— Глазам не верю! — Она встала посреди прихожей, скрестив на груди руки. — Ты же клялся, что никогда в жизни сюда не явишься!

Молчание. Непривычный запах — не то ощущается чужое присутствие, не то сам дом пахнет по-другому...

Ирена ревниво огляделась. Нет, все знакомо. Все, до последней черточки...

А вот этого пятна под дверью — его не было. Что он тут разлил? Чернила? Машинное масло?

— Анджей, — сказала она резко. — Выходи.

Молчание.

Она распахнула дверь в гостиную; в камине дымился пепел. Кресла перед круглым столом были коричневые, а не синие; Ирена сжала зубы.

— Анджей!

Содержимое камина ее удивило. Какие-то обуглившиеся лохмотья...

На кухне она снова обнаружила следы чужого присутствия.

Длительного, беспорядочного, совершенно неучтивого; Сэнсей бегал за ней, как хвостик, и в преданных глазах его не было ни капли раскаяния.

— Сэнсей, как же так?! Пришел чужой человек... как ты допустил?

Радостное повиливание хвостом.

— А где он сейчас? Где он?

Пес побежал ко входной двери. Ирена выскочила следом; соседские ребятишки все еще гоняли мяч перед воротами.

— Валька!

Она невольно вздрогнула. Подбежавший вихрастый пацаненок был старше, чем она ожидала увидеть.

— Валька, где господин Анджей... где дядя, который тут был?

Мальчишка смотрел непонимающе.

— Полчаса назад. В доме. Был дядя. Вы с ребятами не видели, куда он ушел?

Валька невесть чего застеснялся. Поворошил пыль носком видавшей виды кроссовки:

— Так ведь... тетя Ирена... Разве ж это были не вы?..

* * *

Они поженились скоропостижно и без всяких церемоний. Говоря обязательное «да», Ирена страшно переживала из-за туфель со сбитыми набойками: все случилось так внезапно, что она не успела навестить сапожника...

На другой день она привела молодого мужа в компанию собственных однокурсников. По такому случаю холл в общежитии был освобожден от мебели, а три двери, снятые с петель и уложенные на табуретки, образовали подобающий случаю стол. Девчонки стряпали сутки напролет; Ирена надела некое подобие подвенечного платья, что до Анджея — он был в тот день особенно обаятелен. Ирена чувствовала себя немножко фокусником — будто везла напоказ однокурсникам праздничный фейерверк в коробке...

Еще в такси она взяла с него слово не упоминать о духовом оркестре под окнами Ивоники — чтобы не травмировать бедного парня... Анджей был покладист, весел и шутил так, что даже таксист — Ирена видела — судорожно пытался запомнить его шутки, чтобы потом огорошить приятелей...

Приехали. Сели за стол. Ирена видела, какими глазами смотрят на Анджея ее однокурсницы — предвкушая обещанного джинна в бутылке...

Выпили за новобрачных — и с этого момента Анджей замолчал.

Он сидел рядом с молодой женой, во главе стола — и мрачнел на глазах. Смотрел в скатерть перед собой, отмахивался от тостов, бормотал, злобно щурился на бокал с шампанским. За столом понемногу установилась недоуменная тишина; Ирене казалось, что ее жарят на медленном огне.

Белая блузка безжалостно оттеняла пунцовую шею, пунцовые щеки, горящие уши; подруги принужденно шутили, завистницы демонстративно смотрели в потолок, а парни хмурились и все чаще выходили покурить...

Наконец Анджей поморщился, как от кислятины. Встал с бокалом в руке; за столом воцарилось напряженное молчание. Анджей обвел присутствующих угрюмым взглядом — и спросил, нервно постукивая костяшками пальцев по краю стола:

— Кстати, а что вы думаете о смертной казни?..

С тех пор эта фраза стала на курсе паролем. Когда сказать было нечего, спрашивали, многозначительно переглядываясь: «А что вы думаете о смертной казни?..»

Ирена убежала с праздника раньше времени. Анджей догнал ее на улице, долго молча шел рядом и вдруг заговорил — странно. Сначала ей показалось, что он наизусть цитирует каких-то забытых поэтов, но потом она поняла с суеверным ужасом, что муж ее попросту просит прощения и его уложенные в ритм признания есть не просто зарифмованный текст — пугающие в своем совершенстве стихи...

Он говорил весь вечер. Когда они пришли домой и легли в постель. Когда они... Впрочем, это было уже без слов. И наутро — а утро, как ни странно, все-таки наступило — никто из них не смог вспомнить ни строчки.

Как будто ничего не было; Ирена плакала со злости, и, утешая ее, он виновато пожимал плечами:

— Сиюминутное — невосстановимо...

— А что ты думаешь о смертной казни?! — спрашивала она сквозь раздраженные слезы.

Он пожимал плечами:

— Сейчас — ничего.

* * *

— ...Анджей!

Дом молчал, но Ирена и не ждала, что он ответит. Дом был пуст, ее зов звучал по инерции, для самоуспокоения...

Она прошлась по комнатам. Остановилась в кабинете, присела на край дивана, провела рукой по складкам пледа.

Достала из сумки записную книжку. Аккуратно написала под рисунком горящего замка: «В доме никого нет. Кресла не синие, а коричневые. Дверь открыли ломиком. Собака не злая... и неухоженная. Черепахи нет. В доме кто-то жил».

Перечитала написанное. Поморщилась. Нет, за такое Серебряный Вулкан не дают...

...Время?

Прошло около часа с тех пор, как она увидела две машины, ползущие навстречу друг другу на широком изгибе трассы. И теперь, восстановив перед глазами эту картину, вдруг нахмурилась.

Она спрятала записную книжку, поднялась и направилась в гараж.

Машина была на месте. Грязная, с забрызганными глиной бортами, и это поразило Ирену даже больше, чем непривычная форма крыши.

Потому что ее привычная машина вдруг оказалась по-верблюжьи горбатой. Так же как и те, желтая и белая, что она видела с холма...

Она постояла, переминаясь с ноги на ногу.

Потом достала записную книжку и дописала под горящим замком:

«Машины не такие. И моя тоже. Она горбатая. И грязная».

Прерывисто вздохнула. Посмотрела на часы.

— Анджей...

Там, откуда она пришла, прошло семь минут. Вероятно, эксперты многозначительно переглядываются, делая вид, что хоть толику понимают в происходящем. А господин Петер — тот трет ладони, сдирая с них белую кожу...

В принципе, она прямо сейчас может подняться на холм и пройти в те импровизированные ворота. Господин Петер будет в отчаянии; впрочем, материала на рассказ уже хватит. Или ее не устроит Серебряный Вулкан в номинации «рассказ»?

Она усмехнулась. Что, если эта сволочь, мастер по модельками, сейчас наблюдает за ней — неким хитрым моделяторским способом?

— Анджей, — сказала она устало. — Ты меня утомил.

Календарь висел на обычном месте — в спальне; календарь открыт был на картинке «декабрь».

Она опустилась на краешек кровати. Достала записную книжку — но писать ничего не стала.

Какие будут варианты?

Господин Петер напичкал ее наркотиками, и теперь она живет внутри большой галлюцинации... Тогда все понятно. Только какого пса?..

Она раздраженно отбросила подушку. С обратной стороны наволочки обнаружилось продолговатое бурое пятнышко; Ирена брезгливо поморщилась.

Какого черта она дала втравить себя в это сомнительное предприятие?

Тем более что в нем замешан Анджей...

А вот интересно... где-то она читала о методе, позволяющем отличить галлюцинацию от правды...

Она зевнула. Кровать почему-то не внушала ей доверия — возможно, из-за пятна, которого на ЕЕ наволочке никогда не было. Придерживаясь за скрипучие перила, Ирена спустилась в кабинет, включила компьютер в надежде отыскать на диске собственное великое произведение — но не нашла. Ничего из свежих вещей, даже неудачной неоконченной повести...

Она легла на диван, натянув плед до подбородка.

Слышно было, как в прихожей стучит хвостом Сэнсей.

Надо подумать. Немного времени... Связать. Осознать. Дайте мне подумать...

Модель. Это все — МОДЕЛЬ?!

Она потянулась к телефону. По памяти набрала номер долговязого профессора восточной литературы. Ожидая связи, усмехалась про себя. Надо же... Сейчас проверим...

— Ирена?! Вы уже вернулись, вот здорово!

Она села на диване, бездумно кутаясь в плед.

— Как я рад вас слышать! Ваши студенты вас ждут... В то время как Карательница стоит на ушах, потому что триместр уже пять недель как начался... Ирена, как съездили?

— Хорошо, — сказала она удивленно. — Спасибо...

— Когда вас ждать? С впечатлениями, с сувенирами? — Голос профессора сделался игривым.

Ирена сглотнула:

— Собственно... а когда удобнее?

— Завтра, конечно, сразу же приходите в институт, не стоит давать Карательнице лишнего повода... Возможно, лучше ей прямо сейчас позвонить...

— Да-да... — пробормотала Ирена по инерции. — Да... я тоже рада... вас слышать.

— Может быть, расскажете вкратце? — Профессор заулыбался в трубку.

— Нет... извините, я очень устала... Завтра.

— Хорошо... Тогда до завтра. Всего хорошего...

— Всего... и вам... тоже... того же...

Она перевела дыхание.

Это уже интереснее. Это по-прежнему — МОДЕЛЬ? Смоделированный профессор?

Она опять-таки по памяти набрала старый телефон Анджея. Вот поди ты, и забыть-то не удалось...

Никто не брал трубку. Ирена призадумалась — и вспомнила еще два телефона, по которым Анджей когда-то обретался.

Тот же результат. Длинные гудки.

Через несколько часов стемнеет. Да, стемнеет, потому что... как там говорил профессор? Триместр уже пять недель как начался? Октябрь...

Страх был ледяным и внезапным. Рубашка мгновенно прилипла к спине — как она позволила себя втянуть... почему она просто не отказалась сразу же?! Теперь... это галлюцинация — или она «в ткани модели»? Над кем здесь проводят эксперимент?!

Из-под дивана выползла черепаха. Покосилась на Ирену бессмысленным блестящим глазом; Ирена автоматически включила настольную лампу, уложила черепаху на подушку...

Время начала эксперимента — декабрь. Правильно, и календарь в спальне говорит о том же... Эксперимент длится ТАМ месяц, а ЗДЕСЬ — десять. Все сходится...

А кто, спрашивается, все это время кормил Сэнсея и черепаху?!

Когда стемнеет, идти к воротцам на холме нет резона — можно с легкостью сломать шею. Значит, за оставшиеся несколько светлых часов просто необходимо отыскать Анджея... Почему он сбежал при ее приближении? Играет в кошки-мышки?!

Ирена прошлась по кабинету. Ты дома, говорили глаза, но все остальные чувства не особенно этому верили. Следовало бы пойти на кухню и открыть банку каких-нибудь консервов — но мешала мысль об учиненном чужими руками беспорядке. О разбросанной утвари, о грязной посуде, о каких-то тряпках в углу...

Тряпки. Она почесала кончик носа.

...Содержимое камина в гостиной представляло собой груду пепла с непрогоревшими кусочками ткани. Что это была за ткань и почему Анджей ее жег?

И был ли это Анджей?!

Она прокляла свою заторможенность. «Тетя Ирена, а разве это были не вы?»

В тот момент она решила, что маленький соседский Валька балуется, либо фантазирует, либо видел что-то не то...

Что он видел?! Что, если в этой... модели живет смоделированная Анджеем Ирена?..

Она перевела дыхание. Прошла в кухню; в дальнем углу имела место куча неопределенного назначения лохмотьев. Впрочем, у Ирены не было охоты особенно их разглядывать...

Морщась от отвращения, она выгребла тряпки во двор и сбросила в мусорную яму. Пусть этот дом смоделирован, пусть он ненастоящий — но допускать в свою кухню неаппетитный хлам Ирена не желала.

Посреди двора она остановилась, раздумчиво уставилась на тополь.

Ладно, если допустить на минутку, что никакой МОДЕЛИ нету и господин Петер попросту оглушил ее на десять месяцев и она только теперь пришла в себя... Если допустить, что это возможно, тогда почему тополь растет не справа от ворот, а слева?!

Насколько МОДЕЛЬ реальна? Где ее границы? Профессор, например, существует? Или существует только его голос в телефонной трубке?

В задумчивости она вернулась в дом, подошла к телефону и набрала номер Карательницы.

— Наконец-то, госпожа писательница, вы соизволили объявиться...

Из трубки, казалось, вытекали ледяные сквозняки. Каратель-

ница даже не считала нужным язвить; равнодушная холодность в ее голосе предвещала самые большие из всех возможных неприятностей.

Ирена отстраненно выслушала пассаж о недобросовестности и безответственности и сообщение о том, что ее, госпожи Хмель, увольнение есть вопрос почти решенный. Интересно — сама ли Карательница дышит сейчас в трубку или презрительный голос ее моделируется на уровне электронных импульсов?..

— ...за версту не подпускать к педагогике. И это все, госпожа Хмель, вам ясно?..

— Хотите, расскажу анекдот? — предложила Ирена задумчиво. — Прибегает студент в медпункт: скорее! Там госпожу Карательницу укусила гадюка!.. А медсестра ему эдак флегматично: я этой гадюке уже ничем помочь не смогу...

Короткие гудки. Оказывается, в трубке вот уже минут пять никого нет — она говорит в пустое пространство...

Ирена аккуратно положила трубку на рычаг.

Во время так называемого инструктажа она не раз и не два спрашивала у господина Петера: насколько МОДЕЛЬ реальна? И всякий раз получала один и тот же невразумительный ответ: не более чем всякая модель... хотя гениальность господина Анджея заключается именно в том, что модель, как бы это сказать точнее... многофункциональна, внутренне непротиворечива и в некотором роде самодостаточна... Современное состояние науки, говорил, маясь, господин Петер, не позволяет полноценно работать с таким уровнем моделирования. Господин моделятор, возможно, сам не осознает... что этот колоссальный успех равносилен сокрушительному поражению...

Закурлыкал телефон. Ирена машинально подняла трубку:

— Алло!

Молчание. Тишина.

— Алло, я слушаю!

Короткие гудки.

* * *

Было время — она как раз училась в аспирантуре, — когда Анджею вдруг наперебой стали звонить молоденькие девушки. И в комплекте с ними молоденькие ребята; Ирена несколько раз пошутила на эту тему, но Анджей шутки не понял. В тот период он вообще не понимал шуток; Ирена не знала, что ей делать — ревновать, или насмехаться, или сделать вид, что ничего не происходит?..

Потом эти девочки-мальчики разом объявились у супругов в

доме — их было десять человек. Ирена оставила всякие попытки напоить гостей чаем и только удивленно наблюдала, как юнцы волнуются, будто перед экзаменом, медитируют по углам и передают друг другу какие-то скверно изданные брошюры...

Потом она ненадолго уединилась на кухне — и, вернувшись, застала среди гостей живописную свару. Двое парней удерживали третьего, но это не была обычная драка — рядом прыгала девчонка с веревочным хлыстом в руке, нещадно хлестала кресло, орала, требуя от парня каких-то признаний, выкрикивала непонятные вопросы; еще две девчонки застыли по обе стороны двери, сжимая пластмассовые пистолеты, а прочая компания забилась под стол и оттуда напряженно наблюдала за происходящим...

Анджей стоял, скрестив руки на груди, и казался довольным.

Сумасшедшее действо продолжалось часа три; наконец юнцы и юницы выдохлись и, опять-таки отказавшись от чая, разошлись.

— Ты бы мог хоть раз смоделировать что-нибудь полезное? — спросила она, когда закрылась дверь за последним гостем.

Он поднял бровь:

— Что, например?

— Спокойную жизнь, — сказала она устало. — Хоть месяц. На море. В уединенном месте, в домике на берегу, и чтобы орали одни только чайки...

— Хм...

Он собрался и ушел, и она решила, что он обиделся. Но уже назавтра был поезд, а еще через день она потрясенно бродила по маленькому домику, проверяла ногой температуру морской воды и придирчиво изучала содержимое холодильника:

— Анджей... Видишь ли... Зачем же воспринимать все так прямолинейно?!

Он кидал в море камушки — и не замечал ее благодарной улыбки.

Думал о своем.

* * *

На журнальном столе она обнаружила декабрьскую газету. Просмотрела — и, потрясенная, едва не села на черепаху.

Газета «Вечерний город», знакомая до последней рамочки, спокойная консервативная газета показалась ей развернутым заключением судебно-медицинской экспертизы.

«Извлеченное из колодца тело находилось в четвертой стадии разложения и носило на себе следы...»

«...Новые жертвы. Их приметы: мальчик около десяти лет, с признаками насильственной смерти, блондин, был одет...»

«Мы не должны отворачиваться. Ни брезгливость, ни страх, ни

равнодушие... каждый, хоть раз преступивший проведенную обществом черту, будет настигнут правосудием при активной помощи... Ты и твой сосед — никто не останется в стороне, и только тогда...»

И наконец:

«Вчера в Ратуше состоялось заседание городского совета.

Рассматривались вопросы финансирования правоохранительных структур... новых источников пополнения городской казны... утвержден законопроект, согласно которому будет налажена целевая продажа осужденных предприятиям и организациям для соответствующих целей, в том числе... расширены мотивационные списки к передаче приговоренных к смерти граждан в пользование гражданам с гемоглобиновой зависимостью... при условии соблюдения... рассмотрению в каждом отдельном случае».

Ирена отложила газету. Взяла снова, посмотрела на число, изучила состав редколлегии, прочитала адрес редакции и типографии, многочисленные технические данные...

Если модель носит на себе отпечаток личности моделятора, то что же случилось с Анджеем в последние перед экспериментом месяцы?..

Она спохватилась. Глянула на часы: скоро стемнеет. Моделятор не появился, ее миссия на грани провала, и все сильнее болит голова...

Затявкал во дворе Сэнсей. Не залаял — именно затявкал, как распоследняя болонка...

Интересно, измененный характер Сэнсея — тоже отпечаток неясных желаний ее бывшего мужа?!

Посреди двора соседский Валька пытался отобрать у Сэнсея палку. Пес мотал головой, Валька азартно сопел; секунда — и палка полетела далеко в кусты, а за нею с тявканьем погнался довольный волкодав...

При виде Ирены Валька смутился. Сунул руки в карманы, принялся ковырять землю носком кроссовки.

— Валечка, — сказала она как можно спокойнее. — Скажи, пожалуйста... Вы газеты получаете?

Пацан кивнул.

— А ты не мог бы... принести мне на минутку какой-нибудь последний номер? Я только посмотрю...

Сэнсей в кустах орудовал палкой, как бульдозер ковшом.

— Я подожду, — сказала Ирена мягко. — Поиграю пока... с собачкой. Да?

Валька метнулся за калитку. Минут пять Ирена думала, что он не вернется, но одновременно с визгом Валькиной сестры и звуком разбитой бутылки из соседского двора выскочила маленькая вертлявая тень.

Вечерело. Ирена с трудом разбирала текст; газета была спортивная, но всю последнюю страницу занимали сообщения в плотных рамочках: приговоры, приговоры, приговоры...

— Спасибо, Валечка, — сказала Ирена каким-то не своим, противно-елейным голосом. — А скажи — ты в школу ходишь?

Валька кивнул.

— А Сэнсея, когда меня не было, кто кормил?

Валька застенчиво улыбнулся.

— Ты?

Кивок.

— А кто в моем доме был, ты не видел? Тетя? Или дядя?

Пацаненок помрачнел. Принялся ковырять кроссовкой, провел в пыли перед собой неровную черту.

— И ты будешь жить в этом ненормальном мире? — шепотом спросила Ирена, обращаясь не столько к мальчику, сколько к себе. — Моделька...

Валька быстро стрельнул глазами. Опустил голову.

— Ну, ты заходи как-нибудь, — деревянным голосом предложила Ирена. — Заходи... с собакой поиграешь... чаем угощу...

Валька кивнул, не поднимая глаз.

— Ну, беги...

Пацаненка словно ветром сдуло. Спортивная газета так и осталась у Ирены в руках.

Неудобно...

Она положила газету на лавочку перед соседскими воротами.

Анджей, Анджей...

Преодолевая внезапно навалившуюся усталость, Ирена переступила порог как бы своего дома. Побрела в как бы свой кабинет, опустилась на как бы знакомый диван...

Все, господин Петер. С меня хватит.

А нечего было заваривать всю эту кашу. «Возникают проблемы, в том числе этические... Модель многофункциональна, внутренне непротиворечива и в некотором роде самодостаточна...»

Без меня.

Ирена потянулась к телефону. В последний раз — наугад — набрала один из номеров господина Кромара: пусто. Возможно, он специально заманил ее в свой сумасшедший мир — и теперь злорадно наблюдает?..

«К сожалению, господин Петер, выполнить ваше задание не представляется возможным... Что, попробовать еще раз? Нет. Ни второй, ни третьей попытки не будет. У меня другая специальность... Я не секретный агент, я преподаю литературу. На новую

повесть материалов мне достаточно, а роман пишите сами, господин Петер, пишите в соавторстве с сумасшедшим Анджеем Кромаром, я даже готова уступить вам свой Серебряный Вулкан...»

Вечерело. Еще полчаса — и она не отыщет в темноте два прутика с навязанными на них красными тряпочками...

Сколько времени прошло ТАМ? Час? И эксперты все так же переглядываются, и все так же нервничает господин Петер...

Она поднялась. Включила свет в прихожей, отыскала на вешалке свою старую спортивную куртку — на холмах сейчас холодно...

«Ни в коем случае не пытайтесь пронести обратно любые предметы из смоделированной среды...»

Куртку она потом выбросит.

А черепаху жалко. Прихватила бы с собой... А Сэнсея не взяла бы в любом случае. Это совсем другой пес, чужой пес, ему и здесь неплохо...

Все.

Ирена поправила на боку сумку и распахнула входную дверь.

Сразу несколько фонариков ударили лучами ей в лицо, ослепили, заставили споткнуться на пороге.

— Не сопротивляйтесь... Это полиция. Поднимите руки.

* * *

Так, ослепленную и растерянную, ее доставили в тесное помещеньице с жесткой койкой и оставили на ночь. Давая себя обыскать — непривычная, невероятная процедура, — она отрешенно думала, что сейчас все равно темно. И прутиков на вершине холма не отыскать без прожектора...

Сквозь зарешеченное окошко машины она мельком разглядела город.

Совершенно привычный. Совершенно такой же, как ТАМ...

Она думала, что не заснет — но стоило голове ее коснуться плоской подушки, как мир — и реальный, и смоделированный — перестал существовать. Обернулся сновидением.

В сновидении был Анджей, но был за гранью видимости. Спотыкаясь, злясь, все более запутываясь, она искала его и звала — но, издеваясь, он ускользал, оставляя только недобрую память по себе, только запах, только колебание воздуха...

И в то же время он был. Постоянно. Рядом, только руку протяни.

* * *

Кабинет следователя был похож на тысячи других кабинетов.

— Госпожа Хмель, вы можете потребовать присутствия адвоката... У вас есть адвокат?

— Зачем? — спросила она после паузы.

— Потому что по закону вам полагается адвокат... — Следователь, по-мальчишечьи веснушчатый, не сводил с нее неприятного, сосущего взгляда. — Не знаю, кто бы взялся защищать вас, госпожа Хмель, но при наличии некоторого количества денег...

Он выжидательно замолчал. Ирена пожала плечами:

— А зачем... в чем меня... собственно, обвиняют?

Миновало вот уже двадцать два часа, как она вошла «в ткань модели». НАСТОЯЩЕГО времени — два с небольшим часа. Вероятно, эксперты пьют кофе, а господин Петер не знает, что и думать...

Следователь сдвинул брови:

— Скажите, пожалуйста, госпожа Хмель... Где вы провели последние десять месяцев? Примерно с десятого декабря?

Она молчала. Она сидит здесь и все глубже впутывается в этот бред, в то время как на холме ждет ее путь ДОМОЙ...

— Госпожа Хмель, вы вспомнили?

— В командировке, — сказала она глухо. — А в чем дело?

— Где? Видите ли, это очень важно... Кто отправил вас в командировку? Ведь институт не отправлял...

— Творческая командировка, — сказала она уже тверже. — Я писатель...

Следователь кисло поморщился:

— Я знаю... Кажется, даже что-то читал... да, интересно, впечатляет... И все же: где вы были? Кто вас там видел? Не сохранились ли у вас билеты, к примеру, на поезд? Визитки из гостиниц?

— А в чем дело? — тупо повторила Ирена.

Следователь вздохнул:

— Дело в том, что наш отдел ведет дело о серийном убийце. Дело в том, что в районе за последние два месяца убиты трое детей — по всей видимости, одним человеком... По всей видимости, не из корыстных побуждений. И, вероятно, убийца — женщина.

— При чем тут я? — спросила Ирена после паузы.

Следователь посмотрел совсем уж мрачно. И положил перед ней на стол протокол, как выяснилось, обыска — обыска в ее доме.

В ее смоделированном Анджеем доме.

В подвале — топор со следами крови.

В камине — остатки сгоревшей одежды...

В мусорной яме — тоже одежда, с пятнами крови.

В машине — курточка, принадлежавшая мальчику, который был убит три дня назад... И его же правый ботинок.

Машина — это вообще особый случай. Кроме глины, налипшей на колеса, кроме пятен крови в багажнике — еще и характерная вмятина, причем потерянные в столкновении частички эмали остались на месте преступления...

Ирена молчала.

— Госпожа Хмель, вы понимаете всю серьезность... всю доказательность обвинений?..

— У меня алиби, — сказал Ирена и поразилась, до чего удачно вспомнилось нужное слово. — Меня здесь не было... десять месяцев.

— ГДЕ вы были? КТО может подтвердить ваше алиби?

Ирена молчала.

— Соседи видели вас... Три дня назад вас видел соседский мальчик. Стоит ли отрицать?

Он смотрел на нее, болезненно морщась, и Ирена тоже посмотрела на себя его глазами и ужаснулась: а ведь он верит во всю эту муть... Перед ним сидит исчадие ада, женщина, хладнокровно убившая троих детей...

Ирена невольно поежилась. Взгляд следователя присосался плотнее:

— Вы разговаривали вчера с соседским ребенком? С Валентином Ельником, десяти лет?

— Да, — сказала она механически.

— Вы зазывали его в дом? Попить чаю?

Ирена молчала. Теперь она вообще перестала что-либо понимать; под сосущим взглядом ее мысли, традиционно неторопливые, перестали двигаться вообще. Оцепенели.

— ...Госпожа Хмель, вам лучше сознаться сразу. Для пользы дела, для меня и для вас.

— Я невиновна, — сказала она шепотом.

— Вы можете объяснить, где были три дня назад? Месяц назад? Полгода?

Ирена молчала.

Еще вчера... Нет, еще три часа — три ВНЕШНИХ часа назад — она вышла из дома... Из настоящего своего дома... Заперла ворота... Ее провожал Сэнсей — нормальный, строгий волкодав, без колтунов на брюхе и без замашек развеселого пуделя... Какой черт тянул ее? ЗАЧЕМ она впуталась в...

Мысли еще немного поскрипели и остановились — будто ржавая карусель.

— Госпожа Хмель, ваше молчание не поможет — скорее усложнит... Повторю вопрос: где вы были на протяжении десяти месяцев и кто может подтвердить, что вы действительно там были?

— Я невиновна, — сказала Ирена, и голос ее дрогнул.

Следователь подался вперед — вероятно, на своем веку он часто и помногу слыхал эту фразу и теперь ловил в глазах подследственной приметы беззастенчивого вранья:

— А как вы объясните все эти находки — в вашем доме и в вашей машине?

— Я невиновна... Кто-то другой.

— Кто-то другой жил в вашем доме и пользовался машиной?

— Да...

— Вы понимаете, что это звучит неубедительно?

Она понимала.

Она разглядывала собственные ладони, но перед глазами у нее стояли две вешки на холме — два прутика, вроде как самодельные футбольные ворота...

Интересно, если корова пройдет — господин Петер с экспертами получит в лаборатории корову? Нет... Канал работает только на нее, на Ирену, именно так устроил этот мир господин моделятор — вольно или невольно...

— Я невиновна, — сказала она, не поднимая глаз. — Мое алиби... может подтвердить господин Анджей Кромар.

* * *

Она воспользовалась правом на телефонный звонок. Единственный. И набрала номер Анджея.

Длинные гудки. Пять, десять, пятнадцать...

— Еще один, я не дозвонилась! — в отчаянии сообщила она следователю.

Тот нахмурился:

— Пробуйте... в течение минуты.

Она смотрела на телефон, перебирая в уме все известные ей номера; время уходило.

Она набрала номер долговязого профессора восточной литературы — занято. Короткие гудки...

Что за трагический балаган...

Она набрала телефон Карательницы — и почему-то сразу успокоилась.

Происходящее внутри модели — не более чем игра, в реальной жизни она ни за что не додумалась бы до столь оригинального хода...

— Это госпожа Хмель, — сообщила она в ответ на равнодушное «алло». — Я звоню из полиции... меня подозревают в том, что я маньячка. Не могли бы вы объяснить этим людям, что я...

Она запнулась. И молчала секунд десять — пока Карательница без единого слова не положила трубку на рычаг.

* * *

По счастью, в камере она была одна. И ей хватило времени для раздумий; она лежала на жесткой койке, натянув до подбородка серое казенное одеяло.

Анджей смоделировал все это... с целью, которая известна самому Анджею. Еще, возможно, господину Петеру, но Ирене почему-то слабо в это верилось. Анджей смоделировал... вот что означала открытка: «Ну, я пошел... Привет». Одна открытка — та, которую Ирена обнаружила в своем почтовом ящике. Другая...

Тоже открыточка. Напоминание.

«Внутрь модели ведет один лишь канал. По иронии ли судьбы... или по странному умыслу господина Анджея... или еще по какой причине — но это ВАШ канал, Ирена. Никого, кроме вас, модель не впустит...»

Хорошо. Анджей оставил эту лазейку, зная, вероятно, что в критической ситуации господину Петеру ничего другого не останется, как запихнуть туда ничего не подозревающую Ирену... В то время как выход из ее персонального канала ведет прямиком в мышеловку. Дом, начиненный уликами, мир, начиненный правосудием... Это что, маленькая месть?!

Ирена села на койке.

Их с Анджеем расставание выглядело прилично и скромно. Без скандалов и без громких сцен; все, что говорится в таких случаях, было давно сказано. Она сама, первая, подала на развод; она понемногу освобождалась от ороговевших частичек бывшей любви — почти безболезненно, обычная гигиеническая процедура...

Что до Анджея, то он был увлечен очередной идеей и, кажется, не сразу заметил, что жены рядом больше нет.

Впрочем, через месяц он явился к ней без спросу — напряженный и злой. Сунул ей в руки букет шипастых роз, повернулся и ушел, бросив через плечо, как проклятие: «Я буду тебя помнить»...

Лучше бы он забыл. Потому что если все, что случилось с ней, не цепь случайностей, а заранее спланированная расправа...

Вот ведь вопрос — неужели человек, с которым она прожила долгих семь лет, способен на такое?

Ответ — да, если этот человек Анджей Кромар.

Он на все способен.

Ирена устало закрыла глаза.

* * *

...На турбазу она ехала неохотно — но Анджею вдруг захотелось «настоящих гор». Ирена терпеть не могла гор, — может быть, поэтому они почти каждый день ругались, и исключительно по пустякам...

В то утро они повздорили особенно крепко. А уже через час оказалось, что маленький автобус, везущий туристскую группу к развалинам древней военной дороги, совсем не готов к тяготам горной трассы.

За перевалом отказали тормоза. А туристы, из которых половина была младше десяти, не сразу сообразили, в чем дело, — дорога летела навстречу все быстрее и быстрее, камни, стволы высохших деревьев, ухабы и кочки, и в большом зеркале — белые от ужаса глаза водителя...

Ирена не успела ничего понять толком — именно замедленная реакция сохранила ей нервы, удержав от мгновенной паники.

Они проскочили один за другим два улавливающих тупика — возможно, водитель просто не успел их заметить...

Крик. Дикий ор из двадцати глоток.

— Сидеть!!

Водитель вдруг оказался на полу в проходе — Ирена запомнила его лицо. Резиновое, как у игрушечной рыбы.

Автобус несся, грохоча всеми своими железными, не созданными для гонок потрохами; матери вцепились в детей, желая обволочь их живой броней, заключить в себя. Полет в никуда, полет, переходящий в падение...

Потом все кончилось. Автобус замедлил ход, задребезжал, остановился.

Ирена вцепилась в поручень. Место рядом с ней пустовало, и пустовало давно...

Анджей обернулся из водительского кресла.

Спинка кресла была разорвана, из прорехи свисал неопрятный клок ваты. Анджей молча запихивал его обратно, в оболочку из дерматина — в то время как его левая рука все еще не решалась отпустить баранку...

Последовали плач, истерический смех и всеобщее братание. Почти все сиденья в салоне оказались мокрыми. Туристы целовались и плясали среди неописуемой красоты гор, в тишине, рядом с пойманным в тупик автобусом; два десятка людей водили хороводы вокруг своего спасителя, а двое сидели в стороне — водитель, по-прежнему серый лицом, и Ирена, до которой только сейчас ДОШЛО...

После этого происшествия они с Анджеем жили душа в душу — целую прекрасную неделю.

* * *

На другой день ей предъявили официальное обвинение.

— Я невиновна, — повторила она как заклинание.

Ее не слушали.

Еще спустя полчаса она встретилась со следователем. Следователь был мрачен.

— Вы подумали об адвокате?

— Нет...

Молчание. Следователь перебирал бумаги — откровенно бессмысленно.

Чего-то от нее ждал.

— Итак... госпожа Хмель. Когда вы в последний раз видели господина Анджея Кромара? Вашего бывшего мужа, который, по вашим словам, может подтвердить ваше алиби?

Вашего, вашим, ваше... Следователь делал на этих словах неявное, двусмысленное ударение.

— Некоторое время назад, — сказала Ирена. — Я не помню точно...

Следователь уперся взглядом ей в лицо:

— Вынужден вас огорчить. Господин Анджей Кромар вот уже почти месяц как мертв — несчастный случай, автокатастрофа...

Она молчала.

За спиной следователя, в узком окне, голубел лоскуток осеннего неба.

— Госпожа Хмель, я предполагаю, что, апеллируя к господину Кромару как к свидетелю вашего алиби, вы знали о его смерти... Вы хотите запутать следствие таким бесхитростным приемом? Стоит ли?

— Этого не может быть, — сказала она медленно.

Следователь поморщился:

— Госпожа Хмель...

— Этого не может быть! Еще позавчера он был... я слышала...

Она прикусила язык. По здешнему времени это было с месяц назад... С месяц?!

Размеренный пульс Анджея в динамиках.

— Автокатастрофа?!

Нет, надо подумать.

Она согнулась над столом. Скрючилась, пряча от следователя свое лицо.

— Госпожа Хмель, мне жаль, если вы действительно не знали... Возможно, я допустил бестактность... Но, может быть, есть еще кто-нибудь, кто может подтвердить ваше алиби?

Она молчала.

На канцелярский стол капали, вопреки ее воле, тяжелые беспомощные слезы.

* * *

Вечером ее вызвали из камеры, но не на допрос. В маленькой комнатушке обнаружился долговязый профессор восточной литературы.

— Ирена, наконец-то!.. Вы плохо выглядите... Нет, не падайте

духом. Это уж-жасное недоразумение будет разрешено в течение нескольких дней... Да, да. Воспринимайте все это как набор материала для новой повести...

Она криво улыбнулась.

— Вся кафедра... да что там, весь институт... убежден в вашей невиновности. Решается вопрос об адвокате...

Он вдруг прервал свой жизнеутверждающий стрекот. Кашлянул, оглянулся на молчаливого следователя, подался вперед:

— Ирена... видите ли... Поскольку дело все-таки серьезное... Попробуем пригласить Упыря? Это дорого... но, в конце концов, если он возьмется... дело можно считать решенным. Я понимаю, предубеждения, возможно, суеверия... но лучшего адвоката на сегодня нет. Это было бы... понимаете?

— Спасибо, — сказала Ирена с тяжелым вздохом. — Приглашайте кого хотите.

Возможно, профессор удивился — но скрыл удивление за радостной ухмылкой:

— Вот и ладненько... За собаку не беспокойтесь — ее забрала Карательница. Вместе с черепахой.

Ирена помолчала. Почесала переносицу:

— «Я уже этой собаке ничем помочь не могу»...

— Нет, нет! — Профессор заулыбался. — Видите ли... перед лицом несправедливости кафедра сплотилась, как никогда. А Карательница... она, оказывается, любит животных. И она уже вымыла вашего Сэнсея шампунем от блох...

Профессор нахмурился. Вероятно, вспомнил, что во время десятимесячного предполагаемого вояжа Иренина собака была практически брошена на произвол соседей.

Стыдно...

Ирена опустила голову:

— Передайте ей мою благодарность...

Посмотрела бы она на Карательницу, скребущую щеткой того, НАСТОЯЩЕГО Сэнсея. Нет, она хотела бы на это посмотреть.

* * *

...Может ли моделятор погибнуть внутри модели, будто червяк в яблоке? Вероятно, может. Но может ли модель продолжать свое существование как ни в чем не бывало?

Ирена лежала на койке, до подбородка натянув серое одеяло. Перед сном ей пришло в голову перечитать бездарные строчки в собственной записной книжке — и, скорбно покачав головой, она уверилась, что новой повести не будет.

Прошло, по ее подсчетам, около шестидесяти часов со времени

ее входа в модель. Значит, эксперты утомились и ужинают. Значит, господин Петер продумывает аварийные варианты...

Сворачивайте, господин Петер, думала она, ворочаясь на койке. Сворачивайте к черту эту дурацкую МОДЕЛЬ. Потому что если Анджей действительно... если его нет — то и моя миссия не имеет смысла. А если...

Она закусила губу. Зачем следователю врать ей? Незачем... А зачем Анджею притворяться мертвым? А зачем?..

Разве можно знать заранее, что взбредет на ум Анджею?

...Однажды — на пикнике, на пляже — он пронырнул под водой в заросли камыша и оттуда наблюдал, как вся компания во главе с Ireной ищет его, понемногу трезвея, а потом впадая в истерику, как они зовут, мечутся, прощупывают шестами дно...

Ирена помнила, как белый песок перед глазами становится черным. Что это такое — черный песок...

Вероятно, он хотел пошутить. Он хотел спрятаться всего лишь на минутку — но там, в камышах, его посетила очередная гениальная идея, и он немножко забыл и о времени, и о приятелях, и о жене...

Так чего можно ждать от такого человека?!

Ирена вздохнула сквозь зубы и натянула на голову казенное одеяло.

* * *

Следователь показал ей фотографии с места преступлений. Она глянула мельком — и в ужасе отвернулась:

— Нет... я не могу на такое смотреть.

Следователь скептически поджал губы:

— Вы действительно столь чувствительны?

— Вы меня не заставите смотреть на это, — повторила она, чувствуя, как немеют щеки от отлива крови. — Это...

Она замолчала.

Что же ты сляпал, чудовище?! Не оправдывайся, что, мол, в нашем «внешнем», настоящем мире и не такое бывает... Ты слепил МОДЕЛЬ — ты отвечаешь за это... за эти фотографии тоже...

Ирена подняла глаза к белому потолку. Как будто ожидая встретить насмешливый взгляд бывшего мужа.

— Я невиновна, — повторила она через силу. В сотый, наверное, раз.

Следователь смотрел внимательно, и впервые за все время их знакомства его взгляд не был сосущим. Тяжелым — да, но на дне глаз появился... вопрос, что ли. Как будто он допустил вдруг в свое сознание крамольную мысль: а что, если она не врет?..

* * *

Ее ввели в маленькую комнатку, где вчера поджидал ее профессор восточной литературы; она обрадовалась было новой встрече — но оказалось, что в кожаном кресле сидит теперь совсем другой человек.

Охранник проводил ее — и вышел. Ирена изумленно оглянулась — за прошедшие несколько дней она почти привыкла, что наедине ее оставляют только со следователем...

— Добрый день, госпожа Хмель... Присядьте, пожалуйста.

Она опустилась в кресло напротив. Человек молча разглядывал ее — не считая нужным прятать изучающий взгляд за подобие вежливого разговора.

Ему было лет сорок. Очень гладкая кожа, очень жесткие блестящие волосы, очень чисто выбритые щеки. Свежий, отдохнувший господин. Как после лыжного курорта...

И в то же время в нем было что-то от Анджея. Любопытство исследователя. Бескорыстная любознательность, обаяние хирурга-препаратора. Искренняя симпатия к препарируемому существу.

Они молчали минут пять.

— Меня зовут Ян Семироль. Возможно, вам приходилось слышать мою рабочую кличку — Упырь. Я адвокат... Ваши коллеги, среди которых есть известные и уважаемые люди, попросили меня взяться за вашу защиту.

Ирена молчала. Ухоженный и красивый господин Семироль внушал ей безотчетную тревогу. Понемногу переходящую в страх.

— Мои услуги дорого стоят, — адвокат усмехнулся. — Кроме того, прежде чем браться за дело, я должен ознакомиться и с материалами, и с обвиняемым... Ваши материалы я видел. Теперь хочу с вами поговорить.

Ирена опустила голову:

— Я невиновна.

— Должен вас огорчить. Огромное множество обвиняемых говорит то же самое... Итак. Вы отсутствовали десять месяцев. Почему вы не хотите сказать, где вы были?

Ирена помолчала.

За долгие часы, проведенные в камере, она успела придумать несколько вариантов ответа на этот вопрос. Самый простой был — сослаться на амнезию, потерю памяти, ведь, если верить телесериалам, около половины взрослого населения любой страны теряют память хоть раз в жизни...

Но, во-первых, какому-нибудь медику наверняка удастся поймать ее на вранье. А во-вторых... эта версия как бы лишала Ирену права голоса. «Я никого не убивала». — «Откуда вы знаете? Вы ведь потеряли память!»

Она поежилась. Ей невыносима была сама мысль, что кто-то — пусть даже этот вот адвокат — считает ее способной на ТАКОЕ... Более того, реально ЭТО совершившей...

Время шло. Адвокат ждал ответа.

— Это моя личная... тайна, — сказала Ирена глухо. — Я... не могу ответить на этот вопрос.

Адвокат кивнул — как будто немотивированное упрямство подследственной доставило ему удовольствие.

— Ладно... Вы часто моете руки?

Она молчала, сбитая с толку.

— Ну, после того, как прикоснетесь, скажем, к дверной ручке... есть желание вымыть руки с мылом?

— Иногда есть. Иногда нет... Если ручка не грязная...

— Почему у вас нет детей?

Она содрогнулась. Адвокат смотрел ей прямо в глаза — ровно и безмятежно. И требовательно.

— У меня еще будут, — сказала она, отворачиваясь. — Мне только чуть за тридцать...

— А почему вы не обзавелись потомством раньше?

Ирена знала, что через полчаса после окончания разговора ей придет на ум остроумная отповедь наглецу. И знала, что сейчас нечего и пытаться — ничего путного она из себя не выдавит...

— Ладно, — адвокат снова кивнул, как будто ее молчание послужило для него ответом. — Расскажите мне теперь, как вы со своей стороны представляете случившееся с вами. Вы ведь не признаете вины — какое-то оправдание случившемуся у вас есть? Вас оговорили? Подстроили? Враги? Недоброжелатели?

— Я не знаю, — сказала Ирена устало. — В моем доме кто-то был... перед моим приходом... жег тряпки в камине... я думала, что это мой бывший муж...

— А соседский мальчик видел вас. Вернее, он видел тетю, похожую на вас...

— Пока вы со мной разговариваете, — сказала Ирена устало, — настоящая маньячка ходит вокруг того дома... И каждую минуту может кого-то убить.

— Это было бы вам на руку, — серьезно сообщил адвокат. — Если бы убийство из этой же серии повторилось, пока вы за решеткой, — это был бы весомый аргумент в вашу пользу...

Ирене захотелось ударить его по лицу.

Потому что вспомнился вихрастый Валька — как он заглядывает за забор... опасливо косясь на Сэнсея...

И эти фотографии — те, что показывал ей следователь...

Она молчала. Она ни разу в жизни так никого и не ударила. Разве что Анджея — после того случая на пляже...

— Скажите, госпожа Хмель... Вы испытывали сексуальное наслаждение при интимном общении с вашим супругом?

Ирена молчала, разглядывая свои ладони. Надо же — а так, на вид, вполне благопристойная линия судьбы...

— Мне надо подумать, — сказала она угрюмо.

Даже видавший виды адвокат, кажется, удивился:

— Да? А мне казалось, что эта информация давным-давно обработана... Впрочем, извините.

Он задал еще несколько вопросов — Ирена отвечала односложно, всячески уворачиваясь от изучающего взгляда. Усталость пригибала ее к земле. Невыносимая усталость.

Наконец Семироль замолчал. Странным движением коснулся рта — как будто утирая с губ остатки кефира. Задумался, вперился в собеседницу раздумчивым взглядом — словно щеголь, мучительно размышляющий, какой галстук надеть на сегодняшний раут. Нелегкий выбор...

В какую-то секунду Ирена ощутила себя грузиком на чаше весов — а что находится на другой чаше, знает только господин препаратор. И выжидает, пока плечики весов перестанут колебаться...

— Хорошо, госпожа Хмель... Вернее, хорошего, надо сказать, мало... Я не могу взяться за вашу защиту. Ваши друзья будут огорчены.

Она так удивилась, что даже заглянула ему прямо в глаза:

— Вы думаете... Вы не верите в мою невиновность?!

— Я профессионал, — господин Семироль ясно улыбнулся. — При чем тут «веришь не веришь»... У меня совсем другие критерии.

— Но ведь... — начала Ирена шепотом. — Я действительно... я могу быть с вами откровеннее... Да, я испытывала сексуальное удовольствие... и хотела ребенка, но Анджей...

Семироль смотрел на нее, печально покачивая головой:

— Не надо. Я узнал все, что хотел. Ваша откровенность либо неоткровенность тут ни при чем... Увы. Прощайте.

* * *

Следователь не смотрел на нее. И говорил сухо, равнодушно: несмотря на ее запирательства, дело движется к развязке. Общественность требует наказания убийцы, все журналисты города на ногах; к сожалению, из-за недобросовестности некоторых сотрудников фотографии из материалов следствия стали достоянием прессы...

Она молчала. Вероятно, отказ господина Семироля от ее защиты равнозначен был обвиняющему персту: виновна! Ирена ничего

не могла понять: она всю жизнь считала, что, чем лучше адвокат, тем сложнее дела, за которые он берется...

Вероятно, профессор восточной литературы потрясен не меньше. А Карательница... что ж, всякий раз, ставя миску перед приемышем Сэнсеем, она будет говорить что-то вроде: «Собака за хозяйку не в ответе»...

— Поразительно, — сказала она вслух. — Неужели я так похожа на маньячку?

Следователь взглянул на нее мельком. Отвернулся:

— Вы неоткровенны со следствием. Вы сами отягощаете свое положение...

— Мне дадут адвоката? — спросила она еле слышно.

Следователь поморщился:

— Безусловно... Но, поскольку Упырь отказался вас защищать, а после его отказа ни один частный юрист за дело не возьмется... На суде вас будет защищать наш штатный адвокат, у которого нет другого выхода — это его работа... Послушайте, ну почему же вам не сознаться?!

— Потому что я невиновна...

Он посмотрел на нее внимательнее. Она не отвела взгляда:

— Вот вы... верите? Что я сделала то, в чем меня обвиняют? Действительно верите?

Он пожевал губами. Симпатичный, в общем-то, веснушчатый парень. Мог бы встретиться ей на улице или в кафе — и тогда они весело раскланялись бы, поговорили о погоде, может быть, она подвезла бы его до угла...

— Вы не похожи на убийцу, — сказал он нехотя. — Хотя все факты против вас.

— Не похожа?

— Нет.

Ирена вздохнула.

Решение пришло к ней сегодня ночью. Она поднялась с койки — и больше уже не могла уснуть. Ходила по камере взад-вперед — под утро в «глазок» заглянул удивленный сторож...

Единственно правильное решение. Но все равно — трудно выговорить.

— Я... сознаюсь, — сказала она через силу. — Я сознаюсь и хочу показать место, где лежит еще одна жертва...

Следователь поперхнулся. Несколько секунд она глядела в его стремительно стекленеющие глаза.

Ему трудно было сдержать эмоции. Но он справился.

* * *

Уже через полчаса Ирена могла наслаждаться видом несущихся навстречу тополей.

Они ехали к ее дому. Окошко в машине было маленькое и зарешеченное, но Ирена все равно узнавала знакомые места — кофейню под красной крышей... плавный изгиб трассы, пропасть, из которой утром поднимается туман...

Они остановились около ее ворот. Соседский забор едва не обваливался под грузом Вальки с братьями. И почему они не в школе?..

Она вдохнула ветер с запахом палых листьев. После долгого сидения в запертом помещении он казался райски свежим — а ведь, если задуматься, всего лишь противный сырой сквозняк...

— Там, — она показала рукой, — на холме. Я поведу.

Они сопровождали ее плотной толпой. Думали, что она убежит?..

Время от времени она ловила взгляды. И ежилась сильнее, чем от ветра. Ничего... ничего... скоро все это кончится...

Наверное, им противна была ее бодрость. Она так радостно и энергично взбирается в гору — чтобы поскорее показать безвестную могилу убитого ею ребенка?!

Она остановилась на вершине холма. Лихорадочно огляделась.

Вялая трава усеяна была коровьими лепешками. Вот! Из земли торчал прутик с тряпочкой, потемневшей от дождей. А рядом...

Рядом лежал другой. Переломанный. Вероятно, вислобрюхая буренка не больно-то считалась с условностями...

Она удержала себя. Если кинуться сразу — возникнут подозрения, ее схватят, шагу не дадут ступить...

Осторожненько, по маленькому шажочку, она приближалась к порушенным воротцам.

По миллиметру... Сейчас...

Господин Петер!! Вот я...

Она зажмурилась.

Ничего не произошло. Ветер по-прежнему пах листвой и навозом. И рядом стояли, курили, переглядывались ее мрачные сопровождающие.

Она заставила себя открыть глаза. Огляделась: все правильно. С этого самого места она впервые увидела две машины, ползущие навстречу друг другу...

«Канал открыт в любое время. Воспользоваться им можете только вы.

При незначительном отклонении канал сам отыщет вас — отклонение не должно быть больше метра...»

Она потрогала уцелевший прутик.

— Это неправильно...

— Здесь? — холодно спросил следователь. — Здесь копать?

— Это неправильно, — сказала Ирена, глядя прямо в его сосущие глаза. — Это неправильный мир... Его нет. Это модель. Вы все модель. Вас придумал Анджей!..

Соседские ребятишки с интересом смотрели, как ее, скованную наручниками, выкрикивающую бессмысленные фразы, ведут к машине.

ГЛАВА 3

Психиатрическая экспертиза признала ее вменяемой. Медицинская комиссия признала ее здоровой.

Ирена приложила все усилия, чтобы поскорее забыть подробности и первой, и второй. Вы МОДЕЛЬ, с улыбкой говорила она врачам и санитарам.

Ничего не могу с этим поделать. Вам обидно, но это так: вы — лишь тени других людей. Вы — представление Анджея о том, какими должны быть люди... Не обессудьте.

Ее сочли симулянткой.

Назначен был день суда; Ирена наслаждалась временным покоем. Ее не тревожили ни врачи, ни адвокаты, ни следователь. Натянув до подбородка серое казенное одеяло, она перечитывала записи в записной книжке и даже сподобилась на новую: «Весь мир есть тень...»

Фраза поразила ее своей оригинальностью.

Думать о том, почему не сработал канал, скоро наскучило. Не сработал — и не сработал. Дело житейское. Возможно, нечто подобное случилось с Анджеем. Он попал под каток собственной выдумки — не смог остановить им же запущенный волчок...

Думать о том, мертв Анджей или имитировал собственную смерть, она избегала. Так или иначе скоро все разъяснится. То, что Ирену ждет смертный приговор, ни у кого не вызывало сомнений; она, в свою очередь, не сомневалась, что Анджей, если он жив, никогда не допустит такого расклада. Если моделятор жив — то только затем, чтобы наблюдать за пойманной в ловушку Ireной. Если это изощренная месть — за что?! — то всего, что уже случилось с ней, достаточно для удовлетворения самого больного самолюбия. И до созерцания ее казни Анджей вряд ли дойдет.

Хотя, опять же, кто его знает...

Вероятность того, что Анджей действительно мертв, Ирена в расчет не брала.

* * *

Зал суда хранил следы былого величия. С потолка слепо глядели облезлые барельефы. За длинным столом сидели люди в темных одеждах, за чьими-то затылками возвышались высокие спинки кресел. Ирена подумала, что это по-своему красиво. Лет сто назад, наверное, бархат на подлокотниках выглядел совсем свежим...

В зале было полным-полно народу. Отдельно сидели родственники погибших детей — в их сторону Ирена с самого начала решила не смотреть. Там была ее мертвая зона; очень скоро она начала ощущать ее, будто больной клочок собственного тела. Онемевший и воспаленный. Ее взгляд притягивался к этим неподвижным людям, но ужас посмотреть им в глаза был сильнее.

По всему залу рассыпались репортеры. Ирена болезненно щурилась от вспышек; репортеры представлялись ей иголками, снующими сквозь тишину и ропот, тянущими за собой нитку предстоящих сенсационных материалов...

То ли в зале недоставало света, то ли перед глазами у Ирены стоял полумрак — но необыкновенно трудно было различать лица. А она высматривала, упорно высматривала, преодолевая резь в глазах — высматривала...

Кого?

Анджея Кромара. Кого же еще?..

Среди свидетелей были как совсем незнакомые люди, так и собственные Иренины соседи. Мальчику Вальке пришлось подставить под ноги скамеечку — иначе его голова не поднималась над трибуной для свидетелей.

— Я видел тетю...

— Это была госпожа Хмель?

Мальчик застенчиво улыбнулся.

Иренин адвокат неохотно поднял руку:

— Вопрос... Свидетель Валентин Ельник УВЕРЕН, что в тот день на глаза ему попалась именно его соседка, а не другая женщина, проживавшая в том же доме?

А ведь вопрос с двойником мы так и не продумали, мысленно обеспокоилась Ирена. За время, проведенное в беседах с собой, она привыкла считать себя эдаким ходячим консилиумом. «Мы продумали», «мы решили»...

— Свидетелю Валентину Ельнику десять лет, — сухо заметил судья. — Его показания могут быть приняты к сведению — однако полностью полагаться на них...

— А может, и другая тетя, — легко согласился Валька. — Темно было...

По залу пронесся ропот. Иренин адвокат вздохнул — ему поперек горла встал весь этот процесс. Как строить защиту, если подза-

щитная с идиотским упрямством отказывается давать простейшие сведения — о месте своей «командировки»?! Процесс был изначально проигран. Адвокат маялся: удар по карьере. На него сознательно сбросили бесперспективную, грязную работу, от которой отказался даже Упырь...

Ирена закусила губу.

Посреди наполненного зала имелось лысое пятно. В центре пятна сидел, закинув ногу на ногу, холеный господин Семироль.

И никто не садился рядом с ним. Два кресла справа были пусты, и два кресла слева были пусты, и перед ним, и за его спиной... В то время как в проходе скрипели приставными стульями, переминались с ноги на ногу те, кому не хватило мест...

Ирена жалостливо взглянула на своего адвоката.

Нельзя так демонстративно расписываться в собственном бессилии. Как ассенизатор, вздернувший подбородок среди кучи дерьма: вы хотели видеть, как я вспотею, занимаясь ЭТИМ?! Дудки, я даже и не попытаюсь!..

И все-таки. Почему оказаться рядом с Яном Семиролем не решаются даже ко всему привычные репортеры?..

В дальнем углу зала сидела ее кафедра в полном составе. Во главе с Карательницей. Ирена по-прежнему плохо видела лица — но чувствовала взгляды...

Ближе к концу слушания ее коллеги стали по одному подниматься и уходить. И это поразило ее больше, чем ненавидящие лица осиротевших родственников. Чем равнодушие адвоката. Чем напор молодого, агрессивного прокурора. Больше, чем напряженная пустота вокруг Семироля.

Они не настоящие, говорила она себе. Те, настоящие, остались во внешнем мире... И они никогда бы не поверили, что я...

Последним ушел профессор восточной литературы. Бледный, потерянный — впрочем, Ирена с трудом различала его поверх множества голов...

Объявили перерыв до завтра.

Ирену увели из ее клетки в тесную комнатку с голыми стенами и плюшевым диваном, и рядом оказался потный и злой адвокат, и тогда она бесхитростно спросила у него: почему рядом с Семиролем никто не садится?..

Адвокат задумался. И кисло сказал, что подаст протест.

Ирене стало смешно. Что же, к чистенькому господину по кличке Упырь в судебном порядке будут подсаживать соседей?..

Ночь она провела, глядя в потолок.

А назавтра адвокат действительно начал с протеста:

— Защита требует удалить из зала господина Семироля, поскольку он присутствует здесь не из профессионального, а из со-

всем другого, корыстного и антигуманного интереса... Своим присутствием господин Семироль оказывает моральное давление на суд и угнетающе действует на обвиняемую!

— Он еще и не так подействует, — довольно громко сказала женщина в темном платке, возможно, мать одного из погибших мальчиков. В зале зароптали.

— Протест отклонен, — нервно сообщил судья. — Слушание открытое, и нет такого закона, по которому господин Семироль не имеет права присутствовать на нем подобно любому гражданину... В противном случае речь идет о дискриминации...

Судья осекся и пожевал губами, как бы сожалея о сказанном. Закончил тоном ниже:

— ...Дискриминации по... биологическому признаку.

В зале сделалось тихо.

— Богатый вампир упырем не считается, — насмешливо сказали в этой тишине. Свободное пространство вокруг господина Семироля увеличилось на еще несколько стульев — он, впрочем, и ухом не повел.

«Богатый вампир упырем не считается»...

Ирена все еще переживала отступничество родной кафедры. Именно отступничество — потому что поверить в данном случае означает предать...

«Богатый вампир упырем не считается». Что-то ей напомнила эта фраза... Что-то давно читанное...

— И, наконец, признание самой обвиняемой, от которого она впоследствии отказалась...

Ропот в зале.

— Отказавшись признать собственную вину... отягчив тем самым...

Она перестала слушать.

Потому что все устали и хотят есть. Потому что, несмотря на всю сенсационность дела, откладывать слушание на завтра скорее всего не станут — слишком все ясно... Слишком хочется финала, результата...

Что ж. Теперь она со знанием дела сможет писать детективы. Издатель останется доволен...

Она криво улыбнулась. Забыла позвонить литагенту. Может быть, внутри МОДЕЛИ у издателей другие запросы?

Вряд ли...

Она встретилась со взглядом господина Семироля.

И невольно содрогнулась.

Он больше не походил на Анджея. Он... Почему он так смотрит?!

Будто бы ощутив ее внезапный страх, Семироль отвел глаза.

«Богатый вампир упырем не считается».

Преуспевающий адвокат по кличке Упырь.

«...присутствует здесь не из профессионального, а из совсем другого, корыстного и антигуманного интереса...»

Об этом надо подумать. Об этом определенно надо подумать...

— Подсудимая Хмель! Ваше последнее слово!

Она поднялась, раньше чем сообразила, чего от нее хотят. И с минуту простояла столбом в напряженной тишине.

Собственно, о чем ей говорить?

«Ваш мир — МОДЕЛЬ»?

«Все вы — плод фантазии моего сумасшедшего мужа»?

«Я человек из другого мира, как вы можете меня судить»?

Она глубоко вздохнула — и посмотрела в тот угол зала, где сидели родственники жертв.

Ее передернуло, но она нашла в себе силы заговорить:

— Я...

Окаменевшие лица. Ненавидящие глаза. И как некстати — воспоминание о тех фотографиях, что подсовывал ей следователь, тех жутких фотографиях...

— Я невиновна... Это не я! Честное слово!..

Ее голос утонул в возмущенном гуле толпы.

Только родственники молчали и смотрели.

Поверят?

Нет.

* * *

Ее приговорили к смерти. В мире, смоделированном правдолюбцем Анджеем, это оказалось в порядке вещей. Женщина? Ну и что? Убийца, серийная убийца, которую признали вменяемой...

Ее перевели в специальную камеру и выдали специальную одежду. Ей не было страшно — ее мучило тупое, удивленное отвращение.

Интересно, как далеко все это может зайти?

Никогда в жизни, ни за какие коврижки она не согласилась бы писать тюремно-судебные хроники. Как бы ни усердствовал литагент...

Ей предложили просить о помиловании.

— Кого просить-то? — спросила она удивленно. — Вас нет... вы тени... вы МОДЕЛЬ, ясно вам?

Ее оставили в покое. Несколько дней она провела в тупом оцепенении, а потом спохватилась и потребовала правды о своей судьбе: когда?!

Ей ответили уклончиво.

Она попросила принести ей газеты за последнюю неделю — и, получив целый ворох разнообразной прессы, ощутила новый шок.

Все газеты — от «Вечернего города» и до мельчайшей бульварной газетенки — посвятили ее делу хоть строчку, хоть врезку. Она узнавала себя на фотографиях — на одних сразу же, на других с трудом. То ли искусство фотографа имело значение, то ли момент, в который сработала камера, но казалось, что в одной и той же клетке последовательно сидели несколько разных женщин: одна демонически красивая, с оскаленными мелкими зубами, другая с одутловатым лицом маньячки, третья сонная, четвертая заплаканная...

Ирена достала расческу — пластмассовую, с вялыми зубьями. Все, что имело твердые или острые грани — в том числе зеркальце, — у нее изъяли еще в ходе психиатрической экспертизы...

Она расчесалась, глядя на собственную тень. Помассировала щеки.

Аккуратно расправила брови. В конце концов, если Анджей наблюдает за ней...

Что за бред. Анджей не бесплотный дух, он не умеет перевоплощаться в других людей, он мертвый, в конце концов... Речь идет о МОДЕЛИ реального мира, а вовсе не о фантастическом романе... Блестящими перспективами которого соблазнял ее когда-то господин Петер...

Самые смелые газеты поместили рядом с ее фотографией украденные у следствия снимки с мест преступлений. Самые умные — прижизненные фотографии погибших мальчиков. В обоих случаях эффект получился убийственный.

Ирена взяла себя за волосы, разрушая свежесозданную прическу.

Идиоты! Маньячка-то на свободе... Как там говорил господин Упырь — «вам было бы на руку, чтобы убийства возобновились»...

Маньячка, если у нее есть в голове хоть капля ума, дождется Ирениной казни. И только потом...

— Какая ты сволочь, — сказала Ирена, обращаясь к невидимому Анджею.

Среди газет не было единодушия. Кое-кто из репортеров усомнился, что женщина, сидевшая за решеткой в зале суда, действительно могла совершить все перечисленные преступления. Впрочем, даже сомнение это было деланое, искусственное, призванное оттенить заметку и подчеркнуть индивидуальность ее автора...

А потом ее глаз остановился на небольшой, скромной врезке во все той же, когда-то любимой ею «Вечерке»:

«Анонс!.. По сведениям, полученным из достоверных источников, процедура казни Ирены Хмель будет перепоручена некоему

частному гемоглобинозависимому лицу. Читайте завтра в «Вечернем городе»: вправе ли общество продавать своих смертников вампирам?..»

Ирена проглотила вязкую слюну.

Об этом обязательно нужно подумать...

Анджей... Ты что?! Ты с ума сошел? Или это я рехнулась? Или это газеты бредят?..

Она легла на койку, привычно натянула одеяло и погрузилась в сон, как в спасательную шлюпку.

* * *

...Она не знала, с чем это можно сравнить. До знакомства с Анджеем у нее не было никакого чувственного опыта — поцелуи в темном кинотеатре не в счет, а духовой оркестр под окнами Ивоники тем более. Недомолвки в беседах с подругами, да любовные романы, да модные фильмы — вот, в общем-то, все Иренины на тот момент источники...

Сказать «он изобретателен» — значило не сказать ничего.

Будучи в экстазе, он моделировал то языческое жертвоприношение, то негритянский обряд инициации, то интимную жизнь глубоководных рыб; нельзя сказать, чтобы Ирене все это нравилось одинаково, однако и дискомфорта она никогда не ощущала. Он был как хороший актер в роли злодея — зал трепещет, а на теле жертвы ни царапинки...

Будучи просто в хорошем расположении духа, он оборачивал ее своей нежностью, словно махровым полотенцем.

Будучи в задумчивости, он забывал о ней, даже лежа в постели бок о бок.

Однажды он любил ее под аккомпанемент симфонической поэмы, звучащей из динамиков музыкального центра. Случилась богатая прелюдия, занавес поднялся, и действо обещало быть колоритным и пышным — когда дирижер, возлежащий на своей жене, внезапно о чем-то задумался. Она восприняла его задумчивость как драматургическую паузу и некоторое время выжидала нового поворота сюжета — однако Анджей сладко спал, забыв объявить антракт...

Она послушала его ровное дыхание, потом аккуратно высвободилась и отключила музыку. Он проспал до утра. Ирена сидела на кухне, пила чай и смотрела на свое отражение в темном окне, пока не рассвело...

Как-то, возвращаясь домой, она обнаружила поджидавшую ее дамочку.

Молодую, но не молоденькую, одетую во все синее — синее короткое пальто, синие колготки, синие туфли, шляпка с ярко-синим пером...

— Вы Ирена? — У дамочки были синие глаза, подведенные светло-синим карандашом.

— Я Ирена...

— Я Люсия... Не удивляйтесь. Вы, конечно, можете меня прогнать... Но вам ведь не безразлична судьба Анджея?

Ирена молчала, разглядывая бело-розовое лицо в синем обрамлении.

— Анджей... Видите ли, Ирена. Вы его жена... Вам трудно, я понимаю. Трудно жить рядом с гениальным художником, композитором, писателем... Им нужны специальные жены. Женщины, которые могли бы понять их, пожертвовать, если хотите, своей индивидуальностью, стать отражением, тенью...

— Вы его любовница? — спросила Ирена.

Дамочка вздохнула:

— Я его друг... Чего, к сожалению, нельзя сказать о вас. Вы не смогли стать другом собственному мужу...

— Это он вам сказал?

— Нет, но это же видно... Ирена, поймите... Личность Анджея — слишком большая ценность, чтобы разменивать ее на банальную семейную жизнь. Вы будете с ним несчастливы... вы его не понимаете, не цените. Он будет несчастлив с вами... Вам лучше разойтись. Гению не нужна жена — ему нужен друг, соратник... нянька...

— Надо подумать, — сказала Ирена со вздохом.

И ушла, оставив дамочку с приоткрытым ртом. Очевидно, та еще не все успела высказать.

Вечером вернулся Анджей — рассеянный и мечтательный.

— Приходила твоя поклонница, — сказала Ирена после ужина, когда говорить было, в общем-то, уже не о чем.

— Которая? — отозвался Анджей задумчиво.

— Синяя...

— А-а-а... И что?

Ирена подумала.

— Она считает, что я недостаточно с тобой нянчусь...

— А ты считаешь, что достаточно?

Ирена вздохнула:

— Знаешь, у меня рассказ вышел... В сборнике...

— Покажешь?

— Да... Анджей, как ты думаешь, тебе нужна другая жена?

Теперь помолчал он. Что странно — у него-то, в отличие от Ирены, реакция была мгновенная, иногда опережающая события...

— Не знаю, нужна ли мне жена... Но ТЫ мне нужна, Ирена. Вот конкретно именно ты.

* * *

«Вправе ли общество про... сво... смертников вампи..?»

Газета была за позавчерашнее число. Ирена долго добивалась именно этой газеты, в какой-то момент ей подумалось, что охранники скрывают ее, не желая травмировать ее, Иренину, психику...

Как бы не так. Они, оказывается, просто заворачивали селедку. И когда Ирена получила наконец свою газету, половины страниц у нее не было, а оставшиеся воняли рыбой, и часть текста скрывалась под жирными пятнами...

Типографская краска вредна, особенно если глотать ее вместе с пищей.... Охранники никакого понятия не имели о правилах гигиены.

Ирена перевела дыхание. Почему-то вспомнился Анджей, сидящий во главе импровизированного студенческого стола. «Кстати, а что вы думаете о смертной казни?»

Совсем не смешная шутка.

«По све..., добытым из достойных доверия исто... один преуспевающий юри... выложил за приговоренную Хмель кругленькую сумму в...»

Ирена протерла глаза. В такую сумму сложно поверить — вероятно, виновата жирная селедка...

«...городские... потирают ру... потому что вопросы финансирования... традиционно остры... новые рабочие места... пособия... благоустро... Однако, помня о наказании за тяжкие преступле... забыва... если казнь виновного имеет смысл, то передача права на казнь в приватные руки...»

«Передача права на казнь в приватные руки».

Анджей, ау! Ты меня слышишь?..

Господин Петер! Что же вы врали-то?!

«Вы войдете в мир... предположительно, он в точности соответствует нашему, разве что некоторое расхождение во времени...»

Да уж. Соответствует.

«Это был бы перелом вашей писательский карьеры. Не говоря уже о незабываемом впечатлении... Вообразите себе, что вам предложили бы слетать в космос. Неужели вы отказались бы?!»

— Отказалась бы, — сказала Ирена вслух.

Огромный кусок столь важной для нее статьи был оборван вместе со всей газетной полосой. Ей так и не суждено узнать, какие именно аргументы приводит корреспондент в осуждение порочной практики — передачи смертников «в приватные руки»...

Она колотила в дверь сперва кулаками, потом ногой. Наконец приоткрылось окошко.

— Скажите, пожалуйста, — попросила она, стараясь, чтобы голос ее звучал как можно более дружелюбно. — Кого здесь называют вампирами?

— Я не имею права с вами разговаривать...

Окошко захлопнулось. Удаляющиеся шаги.

* * *

На следующее утро она объявила голодовку, требуя сведений о своей дальнейшей судьбе. Когда? Каким образом? По какому закону, черт побери?!

Уже днем она, проголодавшись, отменила акцию протеста и съела полагающийся сытный обед. Но какие-то чиновничьи шестеренки завертелись: вечером к Ирене в камеру явилось некое официальное лицо и ознакомило ее с подшивкой документов.

Все они носили пометку «копия» и отсортированы были в хронологическом порядке. Вот Ирену арестовали... Вот идет следствие...

Вот состоялся суд...

Последняя бумажка была самая маленькая, скромная и неприглядная.

Ирене пришлось напрягать глаза, разбирая микроскопический шрифт: ордер... согласно законодательству, пункт такой-то... передачу прав... господину Яну Семиролю, как приватному представителю правосудия... с обязательством исполнить приговор в течение трех месяцев...

Официальное лицо удалилось, а Ирена все стояла посреди камеры, сдвинув брови и шевеля губами.

Прошло полчаса, прежде чем ноги ее подкосились.

* * *

Пришли не на рассвете, как велит традиция, а после завтрака. Ирена непонимающе разглядывала хмурых конвоиров, тюремного врача и пару официальных лиц — одно уже знакомое, второе еще нет. Оба лица казались одинаково серыми — под цвет форменных пиджаков.

Врач измерил ей давление и заглянул в горло. Интересно, подумала Ирена отстраненно, а была бы у меня ангина?..

Врач расписался на серой бумажке.

Кто-то из официальных лиц — она не разобрала, кто — еще раз ознакомил ее с содержанием маленького неприглядного документа. При этом лицо, разбирая микроскопические буквы, мучилось так же, как незадолго до того мучилась Ирена:

— «...И осуществить передачу прав, связанных с исполнением

правосудия, господину Яну Семиролю как приватному представителю правосудия... Вместе с обязательством исполнить приговор в течение трех месяцев...»

Значит, не сегодня, отрешенно подумала Ирена.

После некоторого колебания ей накинули на плечи ватную поношенную фуфайку. Холодно. В конце ноября везти на смерть в одной тюремной робе — бесчеловечно...

Коридор был длинным, как шланг. В тюремном дворе ожидала машина-фургончик.

— И куда вы меня повезете? — спросила Ирена с истерическим смешком.

Ей не ответили.

Она шагнула внутрь железного ящика — двери за ее спиной захлопнулись. На полу, истоптанном сотнями ног, лежал бледный квадратик света — все, что осталось от солнечного ноябрьского дня.

Машина тронулась.

Ирена коленями встала на скамейку — будто ребенок в метро.

Приблизила лицо к окошку за частой решеткой.

За грязным клетчатым стеклом мелькали тени. Ирена не могла узнать ни одной знакомой приметы — как будто за время, проведенное ею в тюрьме, город окончательно раздумал притворяться своим. Сбросил маску, предстал во всей своей враждебной отчужденности.

Она устала смотреть. Взобралась на скамейку с ногами — благо машина шла мягко, и ни ухабы, ни резкие остановки узницу не тревожили.

У вампиров — клыки. Вампиры спят в гробах. Когда Ирене было лет четырнадцать, она пересмотрела все доступные фильмы про вампиров...

Окоченевшей рукой она полезла за пазуху. Тюремная роба не имела карманов — но Ирена ухитрилась устроить в ее складках тайник. Не зря в последние дни она так упорно просила на обед остренького — вот они, три отвоеванные чесночные дольки...

Ирена прикрыла глаза — господин Семироль стоял перед ней как живой.

Улыбался ли он во время той их единственной встречи? И если улыбался, то открывал ли при этом зубы?..

У нее нет при себе ни одной серебряной безделушки. И осинового кола, понятно, в камере смертников добыть негде...

Сейчас или потом?

Потом. Она аккуратно спрятала чесночные дольки обратно. Закусила губу.

Иногда вампирами называют — в переносном смысле — стяжателей, негодяев, бессовестных, к примеру, банкиров. Что, если Упырь — всего лишь прозвище корыстолюбца?..

«Приватный представитель правосудия». Частный палач, точнее говоря.

Интересная практика... Одно дело, когда казнят на площади. Совсем другое дело, когда торгуют ордерами на казнь, будто охотничьими лицензиями...

Анджей, это твоя задумка? Или все же ошибка, побочный эффект, кирпичик, выпавший из своего гнезда и повлекший за собой легкий обвал?

Изменивший тем самым всю структуру МОДЕЛИ?..

Машину тряхнуло. Ирена ухватилась за жесткий край скамейки; город остался позади. Они едут около получаса — интересно, где?

Она выглянула снова — и на этот раз видимость оказалась куда лучше.

Она даже прищурилась от невысокого ноябрьского солнца, пробившегося сквозь слой пыли на тюремном стекле.

Горы. Машина ползла по горной дороге — но не привычной, в изгибах зеленых холмов и с туманом над узкими речками. Эти горы напоминали скорее давнюю поездку на турбазу — высокие и изломанные, лысые, лишенные растительности, холодные и недосягаемые...

Она протерла глаза. Ну не было скалистых хребтов в окрестностях города. Не должно быть... Это неправильные горы, вне МОДЕЛИ здесь находится совсем другая местность!.. А интересно, существует ли граница, территориальный предел МОДЕЛИ?

Она живо вообразила себе, как машина пересекает невидимую черту и вываливается из сочиненного Анджеем мира — прямо в толпу уже отчаявшихся, похудевших в ожидании экспертов, в объятия этой безответственной сволочи — господина Петера...

Предполагал ли господин Петер, что события могут повернуться ТАК?

Не предполагал — значит, некомпетентен. Предполагал, но решил рискнуть?

Мерзавец. Гад...

Машина замедлила ход. Остановилась.

Ирена почувствовала, как немеют руки. И ноги превращаются в два ватных бесчувственных мешка.

Уже?!

Голоса снаружи. Человеческая тень на секунду заслоняет солнце.

Ирена прилипла к окну, сжимая в потном кулаке свое последнее оружие — чеснок...

Кто-то, кажется водитель, странно семеня, проследовал к оди-

нокому дереву на краю дороги. Встал в характерной позе, замер, будто тушканчик перед восходом солнца...

Ирена, мысленно плюнув, отвалилась от окна. «Техническая остановка».

А может быть?..

И она забарабанила в стенку кабины:

— Эй! Эй! Выпустите меня ненадолго, мне надо...

Хмурые лица. Недовольное ворчание. Им тоже не по себе — неприятно, видишь ли, везти по назначению смертника, особенно если смертник — женщина...

Да. Вероятно, моделируя эти горы, Анджей сверялся с лучшими видовыми альбомами... Впрочем, что она знает о процессе моделирования?

Домики, сложенные из спичек по прилагаемому образцу, давно уже остались в прошлом...

Прищурившись, она огляделась.

Так. Терять ей нечего. Справа стена, слева провал. Крутой, но не отвесный. Можно сломать шею... а можно и не сломать.

Охранников двое. Водитель — третий. У каждого на боку — тяжелая кобура.

Но не лучше ли пуля, чем чьи-то слюнявые клыки?!

— Быстро, — сказал сквозь зубы один из охранников.

Она сделала удивленные глаза:

— Здесь? Дайте хоть за кустик отойти...

— Я тебе отойду, — сказал другой, угрюмый и краснолицый. — Здесь, на дороге...

Она оскорбленно вскинула брови и шагнула по направлению к обрыву.

— Стоять!!

Она остановилась.

В принципе, можно было бы попытаться усыпить их бдительность. Хотя бы имитировать «техническую остановку», а потом...

Ирена вообразила себе, как кидается в провал, подхватывая на ходу спадающие арестантские штаны...

Поморщилась, как от кислого. С отвращением оглянулась на охранников:

— Идите к черту... Поехали. Я передумала.

* * *

Спустя еще час машина остановилась снова. Ирена к тому времени впала в муторное оцепенение — дорога извивалась, как червь на рыболовном крючке, и приходилось бороться с подступающей дурнотой.

Еще одна «техническая остановка»?..

Голоса снаружи.

Она с трудом поднялась со скамейки. Потянулась было к окну — но тут дверь распахнулась, впуская в духоту фургончика ледяную струю изысканного горного воздуха.

Ирена прищурилась, хотя солнце стояло не так уж высоко и светило с другой стороны.

— Выходите...

Оттого, что охранник обратился к ней на «вы», по коже продрал мороз. Она не успела оглянуться, как на запястьях у нее защелкнулись наручники.

Здесь уже лежал снег. И хлестал, как мокрое полотенце, ветер.

Тюремный фургончик нос к носу стоял с другой машиной. Высокой, с широкими рифлеными шинами, с прожектором на крыше — хорошая машина, сразу видно, вездеход...

— ...Распишитесь.

Ирена не сразу узнала господина адвоката Яна Семироля. Вместо элегантного костюма на нем были спортивная куртка и брезентовые камуфляжные штаны, а на голове — лыжная шапочка с изображением желтой смеющейся мыши.

— ...Распишитесь здесь...

Господин адвокат положил на колено картонную папку, вытащил из кармана ручку, блеснувшую на солнце золотым пером, и подмахнул по очереди два комплекта желтоватых документов.

Ирена чувствовала на своем плече лапу краснолицего охранника. Скорее всего, тот имел опыт в подобных процедурах — и перед лицом «приватного представителя правосудия» приговоренные обычно предпринимали отчаянные попытки побега...

Ирена осторожно поднесла к лицу обе руки сразу. Разжала пропахшую чесноком ладонь. Слизнула три теплые дольки. Стиснула зубы, не чувствуя усиливающегося жжения, осторожно принялась жевать.

Отвратительный запах...

Господин Ян Семироль аккуратно спрятал ручку — и только тогда впервые взглянул на Ирену.

Под этим взглядом охранник снял руку с Иреииного плеча. Долго не мог вытащить ключи — кольцо зацепилось за дыру в кармане...

Наручники разомкнулись, высвобождая Иренины запястья.

Семироль улыбнулся, не разжимая губ.

Очень гладкая кожа. Очень чисто выбритые щеки. Здоровый, отдохнувший господин. И, по-видимому, сытый.

— Фуфайку нам бы тоже забрать, — сказал водитель, глядя в снег.

Ирена шевельнула плечами. Ватная ношеная фуфайка упала на дорогу. Вернее, собиралась упасть — но кто-то из охранников ловко ее подхватил.

— Трусливые отморозки, — сказала Ирена, ни к кому конкретно не обращаясь. — Бабы.

— Поехали, — нервно сказал водитель.

Все трое, как по команде, ринулись в кабину. Как будто их подгоняли хлыстом.

Тюремный фургон сдал назад — слишком резко, едва не угодив колесом в провал. Развернулся, выкидывая из-под колес грязный снег и камушки; задымил по дороге, несколько раз подпрыгнул на рытвине, скрылся за поворотом...

— У меня в машине печка, — сказал Семироль.

Ирена не повернула головы.

Уж больно красивые горы. Открыточный антураж для фильма ужасов.

— Вы слышите? Холодно. Садитесь в машину.

А не кинуться ли с обрыва? — вяло подумала Ирена. К ней и раньше приходили мысли о самоубийстве — неубедительные, неповоротливые, будто осенние мухи...

— Садитесь же.

Она наконец-то увидела распахнутую дверцу. Не чуя ног, подошла.

Забралась на сиденье, подтянула колени к подбородку.

Семироль сел рядом. Включил приемник; из далекой дали тоненьким голоском задребезжала знакомая певичка.

Елки-палки... Ирена даже помнит ее имя. Имя ОТТУДА, из настоящего, несмоделированного мира...

Семироль разворачивал машину.

Вот было бы здорово, если бы вездеход не удержался на узкой дороге и загремел по камням вниз, размазался по живописному заснеженному склону...

Она вспомнила о чесноке.

От с трудом сохраненных долек остался только липкий привкус во рту.

Когда, когда, с какого перепугу она проглотила свое последнее оружие?!

— Пристегните ремень...

— Что?..

— Пристегните ремень, это же горы...

Ее руки действовали отдельно от разума. Щелк...

Теперь широкая лента ремня привязывала ее к креслу.

— Вам все еще холодно?

Она поняла, что дрожит. Лязгает зубами с угрозой откусить собственный язык.

— Печка греет вовсю, — Семироль усмехнулся. — Мне вот жарко...

На лбу у него действительно выступил пот. Жесткие волосы, освобожденные из-под лыжной шапочки, стояли дыбом.

— Нам ехать около получаса... Расслабьтесь. Посмотрите, какие красивые горы...

— Ненастоящие, — сказала Ирена равнодушно. — Модель.

— Но красивая модель, верно?

Она быстро взглянула на него. Машина в горах... Руки, легко лежащие на руле...

— Анджей? — *спросила она шепотом, сама себе не веря.* — Анджей?!

Как, черт возьми, на него похоже... Доводить ее до безумия — и потом появляться из ниоткуда, внезапно, невероятно... Выглядывать из чужой личины...

— Анджей, я ждала чего-то похожего... Но ЗАЧЕМ?!

По щекам у нее, оказывается, уже минуты две безостановочно катились слезы.

Семироль притормозил. Машина дернулась и стала; Ирена прерывисто вздохнула под взглядом цепенящих коричневых глаз.

— Анджей... Ты с ума сошел?! Тюрьма... Ты знаешь?! Как это... экспертиза... что они со мной... и ведь все, как на самом деле. Слишком похоже... на действительность. Суд... Как ты мог додуматься?!

Маньячка... почему маньячка? Ты сумасшедший... ты сволочь... Если мстить... за что?! У нас... все тогда случилось правильно... потому что с тобой невозможно жить, ты сумасшедший... Анджей!! Но было же хорошее... столько хорошего было, за что же ты так... почему... обещал, что будешь помнить... лучше бы забыл... Гад! Гад! Ненавижу!..

Семироль смотрел на нее, и взгляд его менялся. Все шире раскрывались глаза, из пристальных делаясь потрясенными; Ирене казалось, что холеное лицо господина адвоката вот-вот треснет, выпуская из-под маски насмешливую рожу ее бывшего мужа.

— Анджей... Эта скотина Петер обещал мне... ПОЛЧАСА!! Только полчаса и совершенную безопасность... Вы с ним в сговоре? Или ты его надул? Анджей... Хватит. Ты уже... ты поиздевался надо мной вволю. Ты перешел все возможные рамки... С меня хватит твоей живодерской модели, я хочу в наш нормальный мир!!

Она захлебывалась слезами. Семироль смотрел, и глаза его были уже угрюмыми:

— Вы меня с кем-то путаете, Ирена.

Она осеклась. Закусила губу, пытаясь остановить собственную истерику.

Солнце, красное, как раскаленная монета, опускалось все ниже. Под порывами ветра раскачивалась автомобильная радиоантенна, и казалось, что машина недовольно шевелит единственным усом.

Семироль молчал — тяжело и мрачно.

— Красивая МОДЕЛЬ, — пролепетала Ирена, будто оправдываясь. — Ты ведь признал это, верно?

Семироль молчал.

— Анджей...

Его тонкие губы чуть дрогнули:

— Меня зовут Ян.

Последовала пауза. Такая долгая, что солнце на полкорпуса успело осесть к зубчатому горизонту.

Шелестел, обтекая машину, ветер. Сквозняком пробирался в щели.

— Ты притворяешься, Анджей, — шепотом сказала Ирена, уже сознавая свою ошибку, но все еще не желая расставаться с только что придуманной надеждой.

— Нет... Я не притворяюсь. Не знаю, что вам привиделось, — но я всего лишь Ян Семироль...

Некоторое время она разглядывала его холеное чужое лицо. Потом со страшной силой вломилась в дверцу; дорога ей была одна — в пропасть, и Ирена рвалась, желая немедленно оказаться на далеком каменном дне.

Дверца не поддалась. Ирена зря издевалась над хромированной ручкой.

— Ну, госпожа Хмель... вы же так здорово держались... Потерпите еще немного — сейчас приедем...

Машина тронулась.

Она обмякла, позволяя ремню безопасности вернуть себя обратно в кресло.

— Сейчас приедем, успокоимся, поговорим... Вы любите чеснок? У меня в холодильнике припасено некоторое количество чесночного соуса...

Он замолчал, не отрывая глаз от дороги. Дорога была своеобразная. Для гонок на выживание, для испытаний на крепость нервов.

— Я их не убивала, — сказала Ирена хрипло. — Но я же их не убивала! Я же никого в жизни не убивала... Я бы своими руками... эту убийцу... убила...

— Я не могу говорить, когда за рулем...

— Вы ВЕРИТЕ, что я убийца?!

— Я не могу говорить за рулем...

— Вы же юрист! Вы адвокат, вы должны...

Машина покатилась вниз — уклон становился все круче.

За поворотом открылся лес. Деревья затопили собой небольшую низину — закрытый со всех сторон приют.

Гнездо.

Дорога сделалась ровнее и шире. Показалась вырубка.

— У меня здесь маленькая ферма, — сообщил Семироль, выезжая к широким железным воротам. — Вам понравится...

Гребни гор были освещены закатным солнцем.

Ирена подняла глаза — и вдруг узнала живописный пейзаж, когда-то украшавший стену их собственной с Анджеем спальни.

ГЛАВА 4

— Первое, о чем я вас попрошу, — мужество и спокойствие. Все мы смертны, а судьба время от времени оборачивается самыми неприглядными своими гранями... Никто не знает, что будет с ним завтра, а потому расслабьтесь и живите сегодняшним днем...

Ирена глубоко вздохнула.

Здесь пахло жильем. После тюрьмы, после суда, после камеры смертников — прямо-таки курорт...

Семироль ловко — видимо, привычно — растопил камин. Но в комнате и без того было тепло. Ирена сидела на краю дивана, свесив руки между колен, равнодушно разглядывая причудливые картины на обшитых деревом стенах.

— Вы увидите — здесь гораздо лучше, чем в тюрьме. У вас будет возможность помыться и отдохнуть...

— Я хочу переодеться, — сказала она шепотом.

Тюремная роба казалась прилипшей к телу коростой. К тому же этот въевшийся чесночный запах...

Чеснок не защитит ее. Серебряная пуля?.. Осиновый кол?..

А кстати, когда ближайшее полнолуние?!

У нее был доступ к газетам, календарям... А она не выяснила такого простого, такого важного вопроса...

— Ирена, вода в котле согрелась. Можете принять ванну, можете хоть душ... Эти тряпки, что на вас, бросьте в мусорный бачок. Там на крючке найдете халат. Банные принадлежности — само собой... Я вам совершенно доверяю — вы ведь не будете... топиться?

Последний вопрос прозвучал шуткой. Ирена выдавила ответную улыбку; ей никуда не хотелось идти. Не хотелось подниматься с дивана...

Ванная комната не уступала размерами камере смертников. И дверь, к Ирениной радости, запиралась на крючок.

Она стянула с себя робу — рывком разорвав воротник. Странно, что в ней осталось столько силы... Или на одежду смертникам идут гнилые нитки?..

Ее мысли были как донные рыбины — тяжелые, плоские, сонные.

Она смыла с себя тюрьму и суд. Все обвинения соскребла пемзой. Терла бока жесткой губкой, надеясь сбросить кожу и возродиться — как змея...

Но кожа не пожелала сниматься, и Ирена потеряла к мытью интерес.

Постояла под душем, меняя температуру воды; выбралась, оставляя мокрые следы на теплом резиновом половике.

Телу было хорошо. Тело хотело есть и спать. Тело не желало думать о...

Ирена невольно прижала ладони к сонной артерии. Перевела взгляд на крючок, запирающий дверь.

Не выдержит сильного удара...

Но мысль неплохая. Минут пять крючок продержится — она успела бы...

«Я вам совершенно доверяю — вы ведь не будете... топиться?»

Посмотрим, подумала Ирена вяло.

Растерлась полотенцем. Плотно запахнула халат — ее неприятно поразило, что он пришелся впору, но одинокая мрачная мысль утонула в удовлетворенном вздохе разомлевшего тела. Нетюремная одежда.

Наконец-то...

Она поколебалась, прежде чем сбросить крючок. Сбросила, нарушила кратковременную иллюзию убежища, собственной крепости...

Слышно было, как далеко внизу потрескивает в камине огонь. И невидимый Семироль насвистывает сквозь зубы — нечто из классического репертуара...

Она огляделась.

Дом большой. Крепкие ставни. Следует озаботиться теплой одеждой и надежной обувью — горы, ноябрь...

У нее есть кое-какой опыт. Пусть давний, пусть туристский — но со спичками и минимальным снаряжением она продержится в горах, наверное, с неделю... Даже в ноябре.

Она чуть заметно улыбнулась.

Двери, очевидно, запираются на семь замков — но ведь это не тюрьма!

Если у нее будет время — хоть несколько дней... Кухня, кладовая, веранда...

Она улыбнулась смелее.

«Живите сегодняшним днем».

Почти свобода... Во всяком случае, иллюзия свободы. Махровый халат вместо робы смертника — и вот уже человек безудержно счастлив...

Ноги стонали от удовольствия, утопая в меховых объемистых тапках.

Она думала, что приближается беззвучно — но Семироль обернулся, стоило ей показаться в дверях.

— Ага... Ну вот, другое дело. Сейчас будем ужинать... и стакан красного вина показан вам... для здоровья.

* * *

Она наелась до отвала и выпила бутылку вина.

После этого мыслям стало просторно, а телу комфортно и даже весело.

— Я прошу прощения за неуместное любопытство... Но вы когда собираетесь... меня жрать?!

— Я же упырь, а не людоед, — отозвался Семироль с нескрываемой укоризной. — Никто не собирается вас жрать, это негуманно и антиэстетично...

— Сумасшедший дом, — с чувством сказала она, откидываясь на подушки. — Анджей ненормальный.

Семироль взглянул на нее — серьезно, без улыбки.

— Могу я узнать, кто такой этот Анджей, которого вы все время поминаете?

— А это мой бывший супруг... Редкостная скотина. Моделятор всего этого вашего чертового мира...

Семироль подождал продолжения, но Ирена молчала, блаженно щурясь на огонь камина, и тогда он осторожно поощрил ее откровенность:

— Да? Неужели уж такая скотина? Все бывшие жены так говорят...

— Не все, — Ирена обиделась. — Вы же сами можете судить... Это кем надо быть, чтобы смоделировать всю эту вашу... весь этот маразм?!

Семироль осторожно отхлебнул из своего бокала:

— Какой именно из маразмов?

Ирена обвела рукой вокруг себя, указывая одновременно на камин, Семироля, экзотические картины на стене и невидимые горы за окном:

— Да все это... Весь этот так называемый мир. Действительность, реальность... Которой нет и не было. Которую смоделировал Анджей... отталкиваясь от нашего нормального мира, но как же далеко он, идиот, оттолкнулся!..

Она с отвращением посмотрела на содержимое собственной тарелки. Там лежала гренка под чесночным соусом; господин Семироль, будто на что-то намекая, весь вечер предлагал ей чеснок и даже съел на ее глазах пару чесночных долек. А Ирену мутило от чесночного запаха — вероятно, она возненавидит его до конца жизни...

Кстати, неизвестно, когда он наступит. Может, завтра...

— Ну подумайте, Ян, — пробормотала она, устало прикрывая глаза. — Разве может считаться нормальным мир... Ну ладно, МОДЕЛЬ... Где невинного человека приговаривают к смерти за совершенно чудовищные преступления! Которых он в жизни не мог совершить — по целому ряду причин... Во-первых, потому, что он ненавидит насилие. Во-вторых, потому, что его не было не то что в этой стране — в этом МИРЕ, потому что эти десять месяцев, о которых все вы мне уши прожужжали... Я была у себя! В нормальном, оригинальном мире! Вне МОДЕЛИ, поймите... Я не могла совершить всех этих ужасов, за которые вы меня собираетесь...

Она поставила бокал на край стола — так экспрессивно, что отвалилась тонкая стеклянная ножка.

— Вы не порезались?

Она посмотрела на одинокую красную каплю, ползущую по пальцу. Быстро взглянула на Семироля. Спрятала палец под мышку:

— Не-е-ет... Это моя кровь. Нечего. Не отдам.

Семироль отвел взгляд:

— Да вы не беспокойтесь...

Ирена криво улыбнулась:

— Я не беспокоюсь... Это ВАМ надо беспокоиться. Потому что, когда у господина Петера кончится энергия — а она уже кончается, — весь этот... вся МОДЕЛЬ схлопнется, как чемодан. Вместе с красивенькими горами, придурковатым правосудием и вампирами... Кстати, вы в курсе, что вампиров в нормальном мире не бывает? Это выверты извращенной фантазии.

Сколько я пересмотрела... про ваших собратьев... пересмотрела киношек, и некоторые весьма интересные... и чего там только... Но ТАКОГО! Нет, это только Анджей способен... Продавать смертников вампирам на съедение — это же... или он бездарный моделятор, или скотина. Или у него бред...

Семироль уже сидел рядом, на диване. Брови его болезненно сошлись над переносицей:

— Ирена... Вы знаете, мне кажется, это у вас бред. Раньше такое бывало? Нет?

— Нет, — сообщила Ирена, всхлипнув. — Я уравно... вешенный спокойный человек... Какого пса я поддалась на эту провокацию?! Полезла в чертову МОДЕЛЬ, как лисица в омут, купилась... Дешевая авантюра... Из-за Анджея. Из-за него.

— Только не волнуйтесь. Ладно? Если это реактивный психоз... Это бывает. Не волнуйтесь. Спокойно. Да?

— Да, — сказала Ирена, закрывая глаза. — Я совершенно спокойна... И мне давно уже на все плевать.

* * *

Она проснулась в темноте.

Полежала, не меняя позы — на спине, с вытянутыми вдоль тела руками.

С трудом согнула затекшие ноги. Одеяла не было.

Холод... Сырость...

Темень. Едва ощутимый запах плесени.

Провела ладонями по лицу, груди, животу. Попыталась раскинуть руки шире — и уперлась в деревянные стенки.

Дернулась. Покрылась холодным потом. Рывком села.

Она сидела в длинном ящике, суживающемся в ногах. В гробу; она не закричала только потому, что на время потеряла голос.

Рывок...

Гроб соскользнул с возвышения и загрохотал, ударившись о каменный пол. Ирена упала вместе с ним; шипя от боли, выползла из расколовшейся домовины, споткнулась о подвернувшуюся крышку, упала опять...

Неподалеку сухо стукнуло дерево. Как будто распахнулась снабженная пружиной шкатулка.

Ирена метнулась. Помещение было крохотное, и ни одна из четырех стен, одинаково сырых и холодных, не содержала ни намека на дверь.

Ирена забилась в угол.

Ее гроб, разбитый, потерявший атласную подушечку, валялся теперь возле опустевшего постамента. Зато другой, на соседнем постаменте, медленно открывался...

Легла на полированный край белая рука с длинными холеными пальцами.

Крышка откинулась полностью, превратив гроб в подобие раскрытого скрипичного футляра.

То, что находилось в его бархатных недрах, неспешно приподнялось.

— Перфое, о чем я фас попрошу, — мужестфо и фпокойстфие, — негромко сказал господин адвокат Семироль. Ему тяжело было говорить — белые клыки лежали на нижней губе, а острия их находились на уровне подбородка.

— Расслафьтефь и жифите фегодняфним днем...

Через бортик гроба перекинулась нога в сверкающем штиблете.

— А-а-а!!!

Ирена кричала, сбивая комом простыни.

За окном проступали чуть обозначенные рассветом силуэты гор.

Одеяло в чистом пододеяльнике валялось на полу. На Ирене была ночная сорочка до пят; с трудом заставив себя замолчать, она села на кровати, подобрала колени к подбородку.

Маленькая аккуратная комната. Открытые ставни. Теплый радиатор с красным глазком. Высокий графин на ночном столике. Вода...

Жажда; Ирена провела языком по сухим губам.

— Ой...

Капли падали ей на грудь и терялись в складках ночной сорочки.

Силуэты гор становились все более явными, обретали краски.

Совсем как на той турбазе, где они с Анджеем...

— О-ой...

Она подобрала одеяло и укрылась с головой, желая отгородиться и от кошмаров, и от воспоминаний, и от назойливых гор.

* * *

— Вчера вы слишком много выпили, Ирена...

Она тяжело вздохнула.

— *...но вчера вам необходимо было расслабиться.* Да?

Она поморщилась. Утро оказалось подернутым легкой дымкой дурноты.

— ...Глядя на вас, трудно предположить, что вы отличаетесь повышенной тягой к спиртному... Прежде, думаю, с вами такого не случалось. Я прав?

— Какая разница, — сказала она раздраженно. — Да будь я трижды алкоголичка... Вы расписались в том, что прикончите меня в течение трех месяцев. Ну так не тяните удовольствие! Или это новое развлечение — пытать ни в чем не повинного человека ожиданием смерти?!

Семироль пожал плечами:

— Если так рассуждать, Ирена... Вся наша жизнь есть ожидание смерти. Так что же, душить младенцев прежде, чем они это осознают?

Она не стала возражать. Осторожно пристроила на спинке кресла больную, тяжелую голову.

...Она не спала с рассвета. Из окна ее спальни открывался неплохой вид на дорогу за воротами, на какие-то постройки, которые она приняла за гаражи; в комнате нашлось как минимум два тяжелых предмета, годящихся на выбивание окна. А чтобы избежать шума, можно предварительно приклеить к стеклу полосы из разорванной наволочки... Ирена часто дышала, борясь с головокружением, а в мозгу ворочалась тем временем первая фраза из нарождающейся повести: «...Холодный воздух обжигал. По веревке из разорванных простыней она спустилась в снег... Сугробами, пригибаясь, подныривая под окнами... добралась до гаража, туда, где висел на скобах массивный разомкнутый замок. Дорога была свободна...»

Она мрачно улыбнулась; ее улыбка не укрылась от глаз Семироля.

— Ирена, я еще вчера хотел сказать... Бежать отсюда совершенно невозможно, отсюда еще никто никуда не убежал. Знаю, вы не поверите мне на слово, будете пытаться... И каждая такая попытка принесет вам новое разочарование и, возможно, травмы, увечья. Давайте договоримся, что вы не будете подвергать свое здоровье таким испытаниям. Ладно?

«Дорога была свободна...»

Ирена тупо смотрела в стену прямо перед собой. На стильной модернистской картине изображена была женщина с иссиня-бледным, изломанным лицом. В темном проломе окна за ее спиной висела желтая жизнерадостная луна.

Интересно, какие эмоции должно вызывать ЭТО? В особенности у вампира?..

— У меня к вам еще один важный вопрос, Ирена... — Семироль вздохнул. Сейчас он казался не таким уж холеным: вокруг глаз легли явственно различимые темные тени. — Когда я читал в материалах вашего дела о попытке симуляции психического расстройства... это не особенно меня пугало. В конце концов, в вашем положении не симулирует только ленивый... или человек без фантазии...

Он выжидательно замолчал. Ирена молчала тоже — второй раз за десять минут господин Семироль болезненно уязвил ее. Потому что ее приводило в истерику часто слышанное в тюрьме слово «симуляция».

— Ирена, скажите мне еще раз. Кто такой Анджей?

— Мой бывший муж, — проговорила она с отвращением.

— Где он сейчас?

— Говорят, он умер... но я не верю.

— У вас есть основания не верить?

Ирена смотрела в его настороженные глаза. Невозмутимый господин Упырь отчего-то беспокоился; Ирена интуитивно чувствовала, что может это беспокойство усугубить.

— Есть, — проговорила она, не пытаясь спрятать взгляд. — У меня есть основания предполагать, что если бы Анджей умер — весь ваш мир тотчас же накрылся бы медным тазом.

Семироль чуть нахмурился. В уголках его рта пролегли невидимые раньше складки:

— Выходит, ваш бывший муж — попросту Создатель? Ни много ни мало?

Она помолчала. Ее халат вдруг стал стеснять ее — она сидит перед господином Упырем в совершенно интимном, неприличном виде...

— Я не думала об этом, — призналась она наконец. — Вряд ли уместно называть Анджея Создателем. Он создал не мир, а всего лишь... МОДЕЛЬ.

Вот эту самую.

Повисла тишина. Семироль прошелся по комнате, остановился у окна, побарабанил пальцами по деревянному подоконнику:

— Но ведь экспертиза признала вас полностью вменяемой, Ирена. И у нее были на это свои основания...

— Как долго вы собираетесь меня тут держать? — спросила она устало.

Семироль подошел. Остановился напротив, так близко, что мог бы, протянув руку, коснуться Иреиного лба.

— Честно? Зависит от многих факторов. От вас в основном, не от меня...

В дверь гостиной постучали. С той стороны; звук был настолько неуместным и неожиданным, что Ирена вздрогнула.

— Заходи, — не повышая голоса, сказал Семироль. И добавил, обращаясь к Ирене: — Познакомьтесь. Это мой управляющий, Сит.

* * *

Ирене не понравилось общество управляющего.

Если, конечно, уместно назвать «управляющим» здоровенного мужика с повадками профессионального телохранителя. Собственно, чего-то подобного следовало ожидать: кто-то ведь должен присматривать за очередной жертвой, в то время как господин Семироль отбирает себе клиентов, изучает материалы уголовных дел,

выступает в суде... Нагуливает, короче, потребность в теплой кровушке...

Ирену передернуло.

— Вы можете книжки пока почитать, — равнодушно-заботливо порекомендовал управляющий. Он сидел, развалившись в кресле, вытянув ноги, заложив сцепленные мосластые руки за коротко стриженный затылок.

Под «книжками» подразумевался ворох карманных романчиков в мятых бумажных обложках, вероятно, с их помощью успокаивал разыгравшиеся нервы не один десяток вампирьих жертв...

Как часто, спрашивала себя Ирена. Как часто господин адвокат испытывает свою «гемоглобиновую потребность»? Судя по тому, что Семироль не прокусил ей артерию при первой же возможности, от жажды он не страдает. Подвернулась жертва — выкупил, теперь дожидается здорового аппетита...

— Вам, наверное, запрещено говорить со мной? — спросила она, рассеянно перебирая яркие зачитанные томики.

— Это почему? — после некоторого раздумья отозвался управляющий. — Я просто... гм. Ну, если вам интересно со мной говорить...

Ирена посмотрела на него внимательнее. Свободные брюки, длинный вытянутый свитер с высоким, под горло, воротником. Уши, плотно прилегающие к круглой голове. Боксерская челюсть. Неопределенного цвета глаза.

— В жизни вы бы на меня и не глянули, — сказал управляющий с явственным оттенком горечи.

— В жизни?!

Целую минуту Ирена была в плену жуткой догадки: Семироль убил ее еще по дороге, и сейчас она проживает свою вечность в загробном мире, смоделированном безумцем Анджеем...

— В нормальной жизни, — уточнил управляющий, и Ирене понадобилась еще минута, прежде чем она смогла принужденно рассмеяться:

— Честно говоря, я предпочла бы... Чтобы мы встретились при других, менее романтических... обстоятельствах...

— Вы действительно угрохали этих троих пацанов?

Некоторое время Ирена молчала, и по мере ее молчания глаза управляющего делались все меньше и меньше. Булавочными головками заползали под брови. «Сука!» — явственно читалось в этих глазах.

— Я никого не убивала, — выдавила наконец-то Ирена, с удивлением понимая, что голос ее звучит неубедительно. — Это не я...

— Типа, ложное обвинение?

Он не то чтобы не верил ей. Хуже — ему было совершенно все равно.

По заслугам ее осудили или по ошибке — судьба одна. Вероятно, управляющий-телохранитель без счету перевидал таких вот без пяти минут покойников, чей срок жизни определяется физиологическими потребностями господина Семироля...

— Именно ложное, — сказала она, отворачиваясь.

Управляющий почмокал губами — иронию это означало или сочувствие, Ирена так и не поняла.

Молчание длилось около получаса; телохранитель все так же смотрел в потолок, а Ирена перебирала никчемные книжки, не замечая, что по нескольку раз берет в руки один и тот же переплет.

— А... вы давно служите?

Управляющий поднял брови:

— Служу?

— Ну, работаете... у... здесь?

— Седьмой год, — отозвался мордоворот после некоторой паузы. И добавил с неожиданной задумчивостью: — Да, вот седьмой годик-то... Как время-то... шпарит.

Ирена помолчала.

Управляющему можно было дать на вид не больше тридцати лет.

Интересно, что заставило молодого мужчину лучшие годы посвятить столь щекотливой... работе? Вероятно, деньги. Семироль вряд ли скупится...

— Хозяйство большое... Вы ведь здесь не один? Кто-то еще тут работает, нет?

Управляющий вздохнул и взглянул на Ирену так, будто вопрос был ему невыносимо скучен.

— Говорят, отсюда нельзя сбежать? — небрежно спросила Ирена, когда стало ясно, что ответа на предыдущий вопрос не будет.

Управляющий наконец-то расцепил руки. Осторожно погладил мосластое колено:

— Не-а. Нельзя. Верно говорят.

* * *

Общество мордоворота изрядно утомило Ирену — однако появление Семироля тем более не принесло радости.

Господин адвокат вернулся не один. Вместе с ним явился маленький щуплый человечек, который, судя по напряженному бегающему взгляду, чувствовал себя далеко не в своей тарелке. Появлению обоих предшествовал звук подъехавшей машины — следовательно, щуплый гость прибыл из большого мира. Из-за перевала.

— Ирена, познакомьтесь... Это господин Столь... Его имя вам ничего не говорит, но он эксперт региональной гуманитарной комиссии. Вы хотели побеседовать с кем-нибудь о вашей невиновности? Вот, у вас есть такая возможность... Пойдем, Сит.

Управляющий-телохранитель наконец-то выбрался из своего кресла. Неодобрительно покосился на рассыпанные карманные томики. Вышел, вежливо пропустив перед собой Семироля.

Дверь закрылась.

Господин Столь потер ладони — и сразу напомнил Ирене господина Петера. Только если Петер был плотен и объемист, то Столь казался средних размеров пугалом, покинувшим родной огород в поисках приключений.

— Рад приветствовать вас, госпожа Ирена...

Она проглотила слюну.

О региональной гуманитарной комиссии она слышала впервые. В доброту Семироля ей верилось с трудом — однако вот стоит человек, ради нее прибывший из-за перевала, и, если хорошенько прижаться лицом к стеклу, можно разглядеть его машину у ворот...

Она помолчала. Приезжий мялся, собираясь с мыслями.

— Так уж рады? — проговорила она медленно.

Столь близоруко захлопал воспаленными от ветра глазами. Вероятно, гуманитарная комиссия не пользуется особым влиянием. Эксперты из уважаемых организаций ведут себе иначе... Ирена вспомнила холеных экспертов, чьи подозрительные взгляды провожали ее, когда она уходила в МОДЕЛЬ.

— Госпожа Хмель, я знаком с решением суда... Со всеми материалами по вашему делу. С данными судмедэкспертизы... С вашими показаниями... Картина представляется, хм, странная... Я хотел бы еще раз подробно услышать от вас...

Она набрала в грудь воздуха.

Ей нужно подумать. Ей нужно хотя бы минут десять, чтобы собраться с мыслями...

Но времени не было, и потому она начала. Еще раз. Подробно.

На двадцатой минуте ее рассказа Столь нахмурился. Лицо его, перед тем дряблое и растерянное, обнаружило вдруг признаки суровости:

— Госпожа Хмель... Не стоит уклоняться от ответа на один из важнейших вопросов: где вы были десять месяцев подряд? Пока творились все эти злодеяния? Господин Семироль говорил мне, что у вас есть своя версия, очень оригинальная...

Ирена поморщилась:

— Неприятно выглядеть сумасшедшей... тем не менее... мне некуда отступать. Да, все эти десять месяцев существования МОДЕЛИ... Я находилась в другом мире. В мире, послужившем для МО-

ДЕЛИ прообразом. Оригинальном мире. Я вышла на холм — с вашей точки зрения, из ниоткуда... спустилась к своему дому. Он был пуст, но следы чужого присутствия...

— Извините, госпожа Хмель. Вы существуете в двух мирах одновременно?

Она помолчала. Ее собеседник ерзал в кресле, собеседник на месте управляющего Сита; кресло, удобное для мордоворота, оказалось непомерно велико для тощего седалища господина Столя.

— Нет, — сказала она осторожно. — Сейчас — только здесь. А они там, во внешнем мире... Ждут не дождутся. — Она изобразила кислую усмешку.

— Очень интересно, — Столь кивнул. — Если можно, подробнее... О том, другом мире. Кем вы там были. Кто были ваши родственники и друзья... и кого из них вы можете встретить здесь.

Ирена вздохнула. Закинула ногу на ногу; с другой стороны, что ей терять?.. Она вздохнула еще раз — и заговорила.

* * *

Под конец второго часа беседы господин Столь, понимающе кивая, осторожно поинтересовался:

— А скажите, пожалуйста, госпожа Хмель... В каком возрасте у вас установился менструальный цикл?

Ирена замолчала.

То, что у гуманитарной комиссии разнообразные интересы, она поняла раньше. Но не до такой же степени разнообразные...

— Видите ли, это имеет значение для развернутого взгляда на проблему...

— На проблему моей виновности?

Собеседник часто замигал воспаленными веками без ресниц. У него стремительно развивалось нечто вроде конъюнктивита, и он все чаще прикладывал к глазам свой белый, сложенный вчетверо платочек.

— В том числе... Не удивляйтесь, мои интересы несколько специфичны...

Ирена молчала. Надежда, зародившаяся против ее воли, надежда, что ее наконец УСЛЫШАТ, таяла все скорее.

— Гм... госпожа Хмель. В ваших интересах быть как можно откровеннее... Хорошо. Поговорим об Анджее. Это ваш муж. И вы разошлись. Каковы причины вашего разрыва?

Ирена молчала.

— Гм... Возможно, корень ваших противоречий был в несовместимости... э-э-э... чисто физиологической? Как складывалась ваша интимная жизнь?

Ирена молчала.

Даже самая отчаянная истерика в ее исполнении оборачивалась тупым, непробиваемым молчанием.

* * *

А ночью, натянув одеяло до самого подбородка, она поняла наконец, чего хотел от нее этот тощий маленький Столь.

Потом, в кабинете Семироля, он скажет, опасливо отодвигаясь от кровососущего господина адвоката: «За то, что это не шизофрения, я вам ручаюсь. Реактивный психоз — может быть. Но это не ядерные... симптомы, я совершенно согласен с данными экспертизы. Нет, не шизофрения...»

Или нет. Скорее, он скажет что-то вроде: «Ничего не могу понять. По всем признакам она здорова — но этот устойчивый бред... С одного раза, без длительного наблюдения, без понимания динамики... Ничего не могу сказать».

Ирена вздохнула. Возможно, настоящие врачи выражаются по-другому и ее скудные знания о психиатрах слабо соотносятся с действительностью...

«У вас есть совесть? — мысленно спросила она у щуплого господина Столя. — Совесть... хотя бы врачебная? Сколько вам заплатили за то, чтобы вы поинтересовались психическим здоровьем... человека, предназначенного на убой?»

В огромном доме стояла тишина. Крепко заперты двери, за непробиваемыми стеклами царствует темень.

Ирена вспомнила беспокойство в глазах Семироля.

ЗАЧЕМ ему ее психическое здоровье? Или вампир не может потреблять сумасшедших?

Она села на кровати.

Вампир... Скорее. Что она читала? Серебряные пули... Омела... Чеснок... Чушь. Формула крови меняется в связи с психическим заболеванием... Да. Она читала. Давно. Что-то. Рассказ или статью — не важно...

Она засмеялась. Опрокинулась обратно в подушки.

Она СУМАСШЕДШАЯ. Она не годится в пищу... Ее кровь опасна для вампирьего здоровья. Она несъедобна...

Какая удача.

* * *

Утром она завтракала в обществе управляющего Сита; ерзала, мялась и наконец обратилась к мордовороту с просьбой:

— А нельзя ли... переселить меня в другую комнату? Сегодня опять открывался люк... ну, посреди комнаты. Приходил юноша с белым лицом, переселите меня, он не дает мне спать...

Управляющий-телохранитель долго и пристально ее изучал. Потом извинился, выбрался из-за стола и отправился в соседнюю комнату, и Ирена слышала, как он разговаривает с кем-то по телефону.

Как она и ожидала, разделить с ней трапезу вскорости явился сам «гуманитарный эксперт». Глаза господина Столя слезились пуще прежнего; интересно, сколько платит ему Семироль за поставленный Ирене диагноз?..

Она перевела дыхание. Спокойствие...

— Вы плохо спали, госпожа Хмель?

Она поморщилась. Провела по глазам тыльной стороной ладони:

— К сожалению. Открывался люк... в полу.

Психиатр мигнул.

— Он мешал мне спать! — выкрикнула Ирена. — Он пришел и стоял над кроватью... Молодой парень с белым лицом!

Глаза гуманитарного эксперта сделались как две железные кнопки в обрамлении воспаленных век. Ирена ощутила давление — но не отвела взгляда.

* * *

Он мучил ее вопросами еще почти час. Ирена отвечала. Врала и путала напропалую; временами ей казалось, что она переигрывает и говорит лишнее, но она знала, что смутиться хоть на миг означает провалить всю игру.

Наконец Столь скорбно поджал губы и удалился. Ирена осталась ждать в обществе управляющего-телохранителя — ждать, как она думала, приговора.

Спустя некоторое время машина гуманитарного эксперта выехала со двора и поползла в сторону единственной дороги, выводящей из горного тупика. Почти одновременно отворилась дверь — и упырь-адвокат, которого Ирена не видела почти сутки, поприветствовал ее широкой отеческой улыбкой.

Господин Семироль снова выглядел здоровым, бодрым, отдохнувшим; от черных теней вокруг глаз не осталось и следа.

— Ирена, какой бес вас надоумил симулировать?

Она молчала.

— Вернее, какой бес надоумил вас симулировать через край? Если бы вы ограничились Анджеем с его МОДЕЛЬЮ — кто знает, как сложилась бы ваша судьба... Но когда вы стали эксплуатировать свои скудные знания о психических болезнях...

Она перевела взгляд на управляющего-телохранителя.

Телохранитель сочувственно скалил зубы.

* * *

...Она пришла в себя на цинковом столе. Руки, разведенные в стороны, удерживались ремнями. Такими же ремнями связаны были щиколотки; ее бритый затылок ощущал холод клеенки, и холод металла, и холод просторной комнаты, уставленной цинковыми столами в несколько ярусов...

Она лежала в центре. Прямо над ней стерильным солнцем нависал белый холодный прожектор.

— Я невиновна! Я невиновна! Я...

Ей только казалось, что она кричит. На самом деле губы ее едва шевелились и голосовые связки не работали.

— Пощадите...

В поле ее зрения вплыла фигура в белом хирургическом костюме, в маске и шапочке — и в клеенчатом мясницком переднике, надетом прямо поверх накрахмаленной униформы.

— Нет...

Человек наклонился над ней, стянул с лица маску, обнажая рот и подбородок.

Его губы полуоткрылись, выпуская на волю зубы. Ирена судорожно зажмурилась, не желая видеть нависших над горлом заостренных костяных ножей...

— А-а-а!!

...За окном стояла темень. Даже силуэты гор еще не обозначились.

У изголовья мерцал светильник, имитирующий свечку на ветру. По комнате прыгали тени — электрические, нестрашные.

Ирена положила трясущуюся руку на круглый пластмассовый абажур — будто на теплый черепаший панцирь.

* * *

— ...Это что такое?

Управляющий-телохранитель похож был на довольного пса, притащившего хозяину дохлую крысу. Ирена не сомневалась, что именно он, обыскивая комнату, обнаружил ее тайник; теперь, стоя за спиной Семироля, он с готовностью ожидал новых приказаний.

— Что это, Ирена? — удивленно повторил Семироль.

В руках у него была бывшая простыня, разорванная полосами и превращенная в веревку. Поначалу Ирена мастерила лестницу — но на рассвете, отчаявшись, вывязала на конце ее крупную неумелую петлю.

Другое дело, что дальше намерений дело не пошло; Ирена рассчитывала, что по крайней мере до следующей ночи тайник ее останется в неприкосновенности...

Зря надеялась.

— С бабами всегда много возни, — с сожалением заметил управляющий.

Она отвернулась. Оба были ей до невозможности противны — и упырь, и его пес.

Подошла к окну.

Горы, подсвеченные солнцем. Далекое блеклое небо. Дорога, до которой уже никогда не добраться.

Жаль Сэнсея, оставшегося ТАМ. Жаль безмозглую черепаху.

И, как ни странно, Анджея тоже жаль. Теперь она может в этом себе признаться...

Она стояла у окна, спиной к своим палачам, и смотрела, как кружится в блеклом небе хищная птица.

— Ирена...

— Оставьте меня в покое. Мне надоело ждать, пока вы меня убьете. Либо убивайте сейчас — либо идите в...

Она никогда не злоупотребляла такими словами. Может быть, поэтому они звучали в ее устах особенно убедительно.

Пауза.

— Хорошо, — раздумчиво сказал упырь. — Возможно, вы правы... Не следует дольше тянуть. Идемте.

Она помолчала, лихорадочно пытаясь отыскать глазами птицу; птица исчезла.

Тогда она медленно обернулась, все еще не желая верить собственным ушам:

— Сейчас?!

— Да. Именно... Идем.

— Прямо сейчас?

— Сама не знает, чего хочет, — сказал управляющий.

— Заткнись, Сит!!

Мордоворот отшатнулся к противоположной стене. И замолчал, по-видимому, надолго.

— Ирена... руку.

Ее безвольные ватные пальцы легли в странно горячую, цепкую ладонь.

Горы... Она в последний раз оглянулась.

«Анджей, спаси меня...»

Горы. Как на календаре. Открыточный пейзаж, когда-то украшавший стену спальни...

Покачивались стены. Резиновой лентой прогибался пол. Гармошкой топорщилась лестница.

«А потом я вылезу из гроба и тоже стану вампиршей...»

— Ирена, спокойно. Спокойно. Вот так... Тихо. Это мой кабинет... Садитесь. Вот, выпейте водички. И послушайте меня внимательно... Можете меня внимательно выслушать?

— Я невиновна, — сказала она и закашлялась.

— Это не имеет значения... В глазах закона вы виновны. Согласно приговору вы должны быть мертвы. Это ясно?

Он все еще держал ее за руку. Мертвой хваткой.

— Ян, вы садист? — спросила она, удивляясь внезапной ясности ума. Как будто на смену обморочному состоянию пришло полное спокойствие.

— Нет. Я спрашиваю не ради удовольствия, а для пользы дела... в конечном итоге для вашей же пользы, Ирена.

Она хрипло рассмеялась.

— Не смейтесь... потому что я планирую оставить вас в живых. Вопреки приговору. Ясно?

Она молчала.

— Вы этого хотите, Ирена? Жить?

Слишком быстро все происходит. Значительно быстрее, чем она успевает воспринимать. Натянуть бы одеяло, задуматься. Погладить теплую черепаху под настольной лампой...

— Жить?..

— Я знаю, что вы медленно соображаете, но не настолько же!

— Жить? Хочу.

— Уже хорошо... Тогда с вас маленькая услуга. Согласитесь?

Она помолчала еще. Какое это, оказывается, счастье — положить руку на теплый черепаший панцирь...

— Скажите, какая.

— Торгуемся?

— Нет. Скажите, какая услуга.

— Родить мне ребенка. Моего ребенка. Желательно сына, но тут уж как получится...

Она молчала.

Ей только сейчас открылось, что она сидит в кресле. И комната, где она находится, действительно кабинет. Письменный стол, по краям которого небоскребами возвышаются стопки бумаг. Неустойчивыми башнями. Неудобно вывернув шею, смотрит через плечо суставчатая настольная лампа, а вдоль стен ровными рядами стоят корешки строгих архивных папок...

«Не сейчас, — говорил Анджей. — Через год. Или два. Время есть. Ты еще молода. Не сейчас, Ирена...»

— ...Ирена. Медленно соображать не порок, главное — соображать хорошо... Я вас не тороплю. Подумайте. Когда загорится зеленая лампочка — скажете...

— Какая лампочка? — спросила она после паузы.

— Как в светофоре. Как в контролере-автомате — зеленая лам-

почка готовности... Самое обидное, что при вашей медлительности вы далеко не дура. С вами хорошо и легко переписываться... по крайней мере легче, чем вести беседу.

Всю свободную от стеллажей стену занимала карта. Великолепная, подробная, яркая карта, и кое-где живописно торчали булавки...

— Именно я? Почему?..

— Потом объясню.

— А...

— После родов вы оставите ребенка отцу, то есть мне. Получите новые документы, кучу денег, авиабилет в любой конец земли... Свободу и независимость. И начнете, как говорится, жизнь заново. В чудном домике у моря. Или сделаете пластическую операцию и выкупите свой собственный дом. Как хотите. Единственное условие — ребенка не попытаетесь отыскать под угрозой разоблачения. Я понятно выражаюсь?

Комната утопала в полумраке. Только круг света от суставчатой лампы косым пятном лежал на стеллажах.

— Мне надо подумать, — сказала она шепотом. — Обязательно надо подумать.

* * *

К Анджею липли дети. Все и всяческие. Дети друзей и знакомых и просто случайно встреченные на улице. Даже подростки к нему липли — хотя бы те мальчики и девочки, с которыми он «моделировал» на кухне некое подобие «настоящей жизни»...

Однажды Ирена полчаса помогала ему снимать с дерева карапуза лет шести — тот забрался высоко и не умел слезть. Сидел на верхушке и орал, как кот, а мать курицей носилась вокруг дерева, и Анджей, который под руку с Ireной шел на чей-то день рождения, скинул свой светлый пиджак, полез наверх и снял малыша, как снимают котов, а Ирена стояла с пиджаком на плечах и «руководила», выкрикивая предостережения...

— Из тебя вышел бы неплохой отец, — сказала она небрежно, когда они искали на улице кран, чтобы Анджей мог вымыть руки.

— Из меня вышел бы старший брат, — отозвался он серьезно. — Отец из меня такой же, как и мать. Никакой.

— Ты безответственный? — осторожно спросила она через полчаса, когда они подходили к дверям именинника.

— Наоборот, я чрезмерно ответственный. Будь я чуть более легкомысленным — и ты уже возилась бы с выводком мальчишек, похожих на меня...

— Нет, — сказала Ирена в ужасе.

И в тот день Анджей блестяще подтвердил ее правоту. Сначала вдохновенно руководил весельем. Потом выпил. Потом поспорил с именинником на бутылку коньяка, причем суть спора так и осталась для Ирены неясной. Анджей, однако, уединился — и спустя полчаса предстал перед гостями в облике высокой и плечистой, но вполне привлекательной проститутки (потом Ирена обнаружила разгром, учиненный среди ее косметики). Пу́блика рукоплескала, а Ирена не знала, куда себя девать, — но развлечение на этом не закончилось. Анджей отправился на улицу, «снял» лысого толстяка на черной машине и укатил с ним в неизвестном направлении. Долгий час его отсутствия стоил Ирене нескольких седых волос. Наиболее здравомыслящие из гостей уже спрашивали друг друга, не слишком ли далеко зашел господин Анджей в своей склонности к мистификациям, когда в дверь позвонили и Анджей, все еще в платье, но уже без парика, в обнимку с пьяным толстяком явился требовать выигранную бутылку коньяка...

У Ирены волосы вставали дыбом, когда она вспоминала этот вечер. И мысль о «выводке мальчишек, из которых каждый был бы похож на отца», уже не казалась ей такой привлекательной...

Это не мешало ей провожать взглядом соседских карапузов в ярких комбинезончиках.

* * *

Остаток дня она провела в постели. Привычным движением натянув одеяло до подбородка, сцепив пальцы на груди. Думала.

Когда горы в окне окончательно померкли, протянула руку и включила светильник. По комнате запрыгали тени от электрической свечки на несуществующем ветру.

Слишком много вопросов.

И усталость. И мысли о смерти как о старой приятельнице, с которой, однажды познакомившись, приходится раскланиваться всю жизнь...

Потом в дверь осторожно постучали, и, конвульсивно дернувшись, Ирена подскочила на кровати:

— Кто там?!

— Я, — сказал приглушенный голос Семироля. — Можно войти?

Дверь не запиралась изнутри. А ножка стула, которую Ирена приспособила под ненадежный засов, вываливалась от малейшего движения двери...

Стул с грохотом свалился на пол, и, кажется, в его изящной конструкции что-то сломалось.

Семироль постоял в проеме. Потом переступил через рухлядь и прикрыл за собой дверь.

— Включить свет, Ирена?

— Да...

Она зажмурилась. Прикрыла глаза ладонью.

— Вы подумали?

— Да...

— Я мог бы дать вам время до завтра — но, верите ли, мне самому не терпится услышать... что вы решили?

Ирена отвела от лица ладонь.

Семироль сидел на краю кровати. Очень гладкая кожа, очень блестящие волосы, очень чисто выбритые щеки. И он снова напомнил ей Анджея — тот тоже умел вот так смотреть, взглядом выматывать душу...

— Вы ведь загнали меня в угол, — сказала она шепотом. — Не оставили... выхода. Если я скажу «нет», вы же меня прикончите...

— Обязательно, — сказал он без улыбки.

— Нормальные люди... — Она усмехнулась, слишком уж нелепо прозвучало слово «нормальные». — Нормальные люди заводят себе семью... жену. И с женой плодят детей, сколько угодно и сколько получится...

— Да? И какой же вы видите МОЮ жену?

Семироль ловко сделал ударение на слове «мою».

Ирена молчала. В свое время у нее на курсе половина девчонок мечтала выйти замуж за преуспевающего адвоката. Кое-кто из них, Ирена уверена, не побрезговал бы и упырем.

— В роли моей жены, — Семироль кивнул, будто читая ее мысли, — я вижу либо дуру, либо циничную стерву... Но мы уклонились от темы. Ирена, что вы решили?

Она поежилась, глубже уходя под одеяло. Опустила глаза:

— Скажите мне... зачем вам нужен этот ребенок?

Он усмехнулся, впервые с начала беседы:

— Я рад, что вы спросили. Нет, я действительно рад...

— Зачем он вам?

— Ответ повлияет на ваше решение?

Ирена оторвала взгляд от складок на одеяле. Подняла глаза — это был очень трудный, очень мучительный для нее взгляд.

Семироль выждал паузу. Хмыкнул, рассеянно погладил бумажный сверток, лежащий у него на коленях. Ирена отчего-то верила, что он не станет врать. И если ребенок нужен ему как донор, к примеру, для трансплантации...

— Не смотрите так, Ирена. Когда вы так смотрите, ваши большие печальные глаза превращаются в зеркало. Ну и премерзкий, надо сказать, монстр в нем отражается... Неужели я такой?!

Она потупилась.

— Ребенок нужен мне, Ирена, чтобы быть ему отцом. Чтобы вырастить его и воспитать, а когда-нибудь оставить ему все это. — Семироль широким жестом обвел комнату, подразумевая, очевидно, всю ферму и даже горы за ее оградой. — И пусть меня разобьет паралич, если я солгал вам. Паралич на триста лет — представляете силу моей клятвы?

Она невольно улыбнулась. Возможно, это Анджей когда-то вбил в нее этот стереотип — когда мужчина не врет, он должен ерничать...

— Вы мне верите?

— Да.

— Еще вопросы?

— Почему именно я?

— Это сложнее. — Он снова погладил сверток. — Но поставьте себя на мое место... Сам родить ребенка я по понятным причинам не могу. Эрзац-матери отпадают сразу — вы себе представляете, как надо деградировать, чтобы торговать своим телом, как инкубатором? За деньги?

Ирена неуверенно пожала плечами.

— Идем дальше... Подруга? Преданная домработница? Но тут ведь парадокс — либо женщина отрекается от ребенка с легкостью — и значит, она стерва и не годится в матери. Прошу прощения, я слишком серьезно к этому отношусь. Гены... Наследственная предрасположенность... Я столько литературы по этому поводу прочитал, что мог бы сдать на бакалавра генетики.... Не важно. Другой случай — женщина не отрекается от ребенка... Куда девать ее?.. Ирена, извините. Я перехожу к самой циничной части своего рассказа. Потому что на вас у меня есть инструмент давления — ваш смертный приговор... Этой угрозы достаточно, чтобы человек даже с нормально развитым материнским инстинктом сумел преодолеть его. Я прав?

Ирена кивнула, так и не успев до конца осознать его слова. Обо всем этом она еще подумает — потом...

— ...И вот появляетесь вы. Я долго ждал... Потому что смертные приговоры выносятся часто, но женщин среди приговоренных не так уж много. И они сплошь и рядом больны, развратны, психически изуродованы...

Я, честно говоря, испугался в какой-то момент, что и у вас... раздвоение личности, бред, а наша психиатрическая экспертиза на многие вещи смотрит сквозь пальцы... Короче говоря, ваш второй смоделированный мир, Ирена, ваш «юноша с белым лицом» едва не стоил вам жизни.

Она подавила в себе желание спрятаться под одеяло. Как в детстве. Убежать от собственного запоздалого страха.

Все ее эмоции, как правило, запаздывают...

— ...А вы, Ирена, по всем параметрам... разве что возраст немного портит дело. Будь вам лет двадцать... не обижайтесь. Было бы лучше.

— Я не обижаюсь, — сказала она механически.

Судмедэкспертиза... Она постаралась забыть ее, как дурной сон. Но сейчас, все глубже уходя под одеяло, вспомнила, что среди осматривающих ее был врач, маниакально озабоченный ее здоровьем и способностью к деторождению. Как будто не на смерть ее снаряжали — в далекий космос, где ей предстояло заселить своими отпрысками одну-две планеты...

— Я ответил на ваш вопрос, Ирена?

— Да...

— Будете спрашивать еще?

— Но ведь я маньячка, — сказала она, спиной вжимаясь в плоскую подушку. — А у маньяков... как вы думаете, сын вампира и маньячки, он...

Семироль поморщился. Лицо его, до того благодушное, на минуту сделалось усталым и нервным:

— Да. Я надеялся, что об этом вы не спросите. Напрасно, выходит, надеялся... Ну да все равно. Перед тем как решаться на... следует поговорить и выяснить все. Дайте руку.

Она помедлила — и протянула из-под одеяла свою непривычно худую, темную на белом фоне ладонь. Семироль деловито, по-врачебному, потянулся щупать пульс — а потом вдруг крепко сжал ее пальцы:

— Ирена, я знаю, что вы невиновны.

Она мигнула.

— Я знаю, что вы невиновны. Я не знал этого с самого начала. Но, будучи специалистом... а я специалист, Ирена, специалист высочайшего класса... Проведя собственное маленькое расследование, наведя о вас справки и пообщавшись с вами, готов отдать на отсечение любую часть тела... что вы не совершали преступлений, за которые приговорены.

Она попыталась выдернуть руку; его пальцы не пустили:

— Вам скверно. Вы думаете, что я вас подставил. Изначально наметил себе в жертву, протащил через все эти круги ада... Это не совсем так. Я не всесилен, за стенами этой фермы я всего лишь адвокат. И даже я, Ирена, не смог бы... вряд ли доказал бы вашу невиновность на фоне вашего феноменального упрямства. Где вы были десять месяцев? Кому вы пообещали хранить эту тайну? Не так уж важно для меня. Безусловно интересно для суда. Нет, не отвечайте... Теперь не имеет значения. Я предпочел не рисковать... возможно, вы не знаете, но я не имею права выкупать смертников, если на процессе был их адвокатом. Если бы вас засудили, несмотря на мои усилия, — вы погибли бы, Ирена. А так вы будете жить.

Она наконец-то вырвалась. Села на кровати, запахнула на груди халат:

— Вы врете. Вы могли бы меня спасти...

— Не вру. Может быть, и мог бы.

— Но не стали даже пытаться... Вы даже виду не подали, что мне верите!

— Зато теперь я говорю: я вам верю, Ирена. Вы невиновны. Посмотрите-ка сюда...

Он развернул наконец-то сверток, лежащий у него на коленях. И она сразу узнала обложку и перестала сопротивляться. Серенькая невзрачная обложка ее первой авторской книжки...

— Эта вещь, Ирена, оказалась не последним аргументом... в пользу моего решения. И даже ваши параллельные миры не смогли его, этот аргумент, завалить. Я понимаю — нервы... шок... Вы — очень уязвимое существо... несмотря на вашу кажущуюся заторможенность. Вот она, эта книга... Перечитайте. Потом поговорим.

* * *

Ночь она провела, конечно же, без сна. Прыгало пламя искусственной свечки под полусферой теплого абажура.

Она принималась читать — и, просмотрев две строчки, всякий раз испуганно захлопывала книжку. Ей казалось, что все это безнадежно слабо.

Ее первые вещи, собранные под одной обложкой; уже спустя год после выхода этой книги она стала ее стесняться. По-щенячьи беспомощные рассказы... Молоденький, серенький, периферийный автор...

Она гладила книжку, как гладят уродца-котенка. Страшненький, но все равно жалко...

А потом ей показалось, что обложка немного другая, чем это отпечаталось в ее памяти. Чуть более яркая, и стилизованный цветок в правом верхнем углу должен быть синий, а не зеленый. И — как обычно, когда обнаруживалось отличие МОДЕЛИ от реального мира, — ее охватил иррациональный страх. Она спрятала книгу под подушку и преодолела искушение извлечь ее снова.

Теперь она лежала на спине и заново прокручивала разговор с Семиролем — прошло уже часов восемь, и она могла позволить себе роскошь мгновенной реакции.

Да, в этом ночном разговоре она реагировала мгновенно. Отве-

чала остро и соображала цепко, и монолог Семироля то и дело перерывался ее бесстрашными комментариями...

А потом — горы уже серели — она осознала, что признана невиновной и будет жить.

И заснула ровно и крепко, чтобы с первыми лучами солнца подскочить от новой мысли, простой, естественной, невыносимой.

ГЛАВА 5

— А где господин Семироль?

Управляющий-телохранитель, любовно стряхивающий пыль со старинного медного подсвечника, удивленно на нее воззрился. Вероятно, он не считал свою медлительную подопечную способной к столь неожиданному появлению.

— А господин Семироль уехал... И не вернется, пожалуй, до завтра... Велел вас познакомить с господином Ником... А тот уж сам знает, что с вами делать, — управляющий усмехнулся, обнажая желтые от курения зубы.

— Что? — выдавила Ирена.

Ее школьная учительница терпеть не могла этого вопроса. «Хмель, если ты еще раз чтокнешь...»

— Какой такой господин Ник?!

Это еще один вампир, обреченно сказал пессимистичный внутренний голос. И они тебя поделили...

— Господин Ник — это я...

Она обернулась.

Человек стоял в дверях гостиной и походил, в отличие от управляющего, не на громилу в мятом свитере, а на аккуратного отдыхающего в престижном санатории. Тщательно выглаженные черные брюки, плотная белая рубашка навыпуск и романтический шелковый шарф вокруг шеи.

Стильный мужик, сказали бы Иренины студентки.

— Господин Ник — это я. И господин Ян, которого вызвали срочные дела, действительно попросил меня... побыть с вами во время его отсутствия. Тем более что у нас теперь будут общие, гм, интересы...

— Вы тут живете? — после паузы спросила Ирена.

— Здесь, — человек неопределенно махнул рукой. — На ферме...

— Вы кто?

— По своей первой профессии я врач... Но зачем нам стоять посреди комнаты? Идемте ко мне, спросите, о чем захотите, а я с удовольствием отвечу...

Ирена вспомнила вопрос, оборвавший ее и без того короткий сон.

Прерывисто вздохнула:

— Идемте...

Господин Ник галантно предложил ей руку.

* * *

Они миновали запертую дверь кабинета Семироля. Прошли дальше по коридору. Перед новой дверью Ник достал из кармана связку ключей, из чего Ирена заключила, что он пользуется здесь большей властью, нежели даже управляющий-телохранитель.

— Это библиотека...

Ирена и без него знала, как называется помещение для хранения книг.

В круглом аквариуме играли хвостами рыбки — Ирена поразилась, до чего они яркие и крупные.

И еще ее поразило, что в библиотеке пахнет медпунктом. Больницей. Едва ощутимый запах.

— Принюхиваетесь? Тут рядышком мое хозяйство, а когда ты единственный врач на много километров вокруг, да еще в горах... Следует продумывать все возможные варианты. Я здесь однажды аппендицит оперировал, не говоря уже о...

— Господин Ник...

— Просто Ник, договорились? А я буду звать вас просто Ирена...

— Э-э-э... Ник.

— Да?

Она замолчала. Рыбки в аквариуме неутомимо поворачивались, иногда касались друг друга боками; полная гармония, мрачно подумала Ирена. Никто ни за кем не гонится, не отталкивает другого от кормушки...

Ее собеседник терпеливо ждал. Ирена не знала, как и о чем можно говорить с этим внезапно возникшим странным человеком.

— Ник, вы... тут работаете. Врачом. У господина Семироля. Да?

Он странно улыбнулся. Странно, но обаятельно. Кивнул.

У него было круглое скуластое лицо с широко поставленными глазами.

И, в отличие от господина Семироля, кожа не казалась здоровой и гладкой. Выдубленная ветром, морщинистая смуглая кожа.

— У господина Семироля целое хозяйство, — сказала она задумчиво.

— Да... Его хозяйство гораздо больше, чем вы воображаете. И гораздо разнообразнее.

Ирена помолчала. Спросила на всякий случай, невольно прижимая руку к сонной артерии:

— Вы не вампир случайно?

Ее собеседник прыснул, как от веселой шутки:

— Нет... К сожалению. И я не ученый, изучающий этих... гемоглобинозависимых. Черта с два Ян позволит себя изучать...

— Вы его... подручный?

Она тут же пожалела о своем вопросе, потому что приветливое лицо Ника помрачнело и вытянулось.

— А-а-а... Нет. Он управляется без медицинской помощи. У вампиров, извините за подробности, есть такие вот природные орудия вроде скальпеля... — Для наглядности Ник показал пальцем себе в рот. — Только острее. И слюна с антисептическим, анальгетическим действием... Интересно?

— Очень, — сказала Ирена, передернувшись. — Извините за дурное подозрение. Вы Семиролю не подручный. Вы его личный врач.

— Нам бы всем такое здоровье, — печально сказал Ник. — Единственная медицинская услуга, которую я могу оказать Яну, — это массаж... Ну, исключая травмы, естественно. Он регенерирует как... упырь, но должен же был кто-то правильно сложить ему кости, когда он в прошлом году сломал руку на лыжной трассе... Ирена, вы не видели эту трассу, вы много потеряли. Нормальный человек размазался бы по скалам в два счета...

«Нормальный человек»...

Ирена вспомнила о вечернем разговоре. И — в который раз — о злой мысли, пришедшей утром.

— Вы чем-то огорчены? — Ник аккуратно поправил свой романтический шарфик.

— «Нормальный человек», — пробормотала Ирена с горечью. — Ник, для вас действительно это нормально — вот вы беседуете со мной, приговоренной за три убийства... Вы ведь все про меня знаете. И что я невиновна — тоже, мне кажется, знаете. И зачем меня сюда привезли... И сколько приговоренных привозили до меня... Вы все это знаете. И болтаете, словно за чашечкой кофе?!

— Кстати, я хочу кофе, — сосредоточенно пробормотал Ник. — Не обижайтесь... Да, я немножко болтун. А вы немножко молчунья... У нас сбалансированная пара. Да, я все про вас знаю. Я, представьте себе, даже читал когда-то ваши повести, и читал с удовольствием... Я знаю, почему Ян вас не убил. Знаю, для чего вы ему понадобились. Ведь я же его консультировал, когда он добыл результаты медэкспертизы! Я же ему первый давал «добро», невзирая

на ваш возраст... Ирена, а вы хотите кофе? Я закажу Ситу две чашечки, покрепче, с шоколадом...

Ирена молча кивнула. Ник действительно выскочил, распорядился, вернулся; Ирена все пыталась вспомнить: кто это в последний раз угощал ее кофе? Тоже при каких-то странных обстоятельствах? Уж не господин ли недоброй памяти Петер?!

— Значит, у вас тут целое предприятие, — проговорила Ирена, когда Ник вернулся. — По отбору... и дальнейшему использованию... приговоренных к смерти потенциальных матерей.

— Ничего подобного, — горячо возмутился Ник. — Вы — первая... И, я надеюсь, единственная претендентка на эту нелегкую роль. Мы сделаем все возможное, чтобы уменьшить риск. Никаких осложнений, никаких неожиданностей... Копия заведенного на вас медицинского дела лежит у меня в столе. Да и сам я, между прочим, специалист вы-со-чай-шей квалификации...

Ирена вспомнила слова Семироля — почти слово в слово. Как сговорились... Только один адвокат, а другой, по-видимому, акушер-гинеколог...

— О чем вы задумались, Ирена?

Она смотрела на рыбок. Только сейчас до нее дошло, что они не настоящие. Пластмассовые игрушки с магнитной начинкой — магнитные рыбки, в точности имитирующие движения живых...

Она втянула в себя воздух:

— Ник... А что помешает вашему, гм, шефу, — на этом слове у нее получился некий саркастический акцент, — привести приговор в исполнение... ПОСЛЕ родов? Отпустить меня... на волю... совсем? Согласно решению суда?

Она выговорила злую мысль, и ей стало легче.

Ник перестал улыбаться. Помолчал. Задумчиво полез в аквариум, поворошил рыбок, вытащил руку, стряхнул на пол капельки воды:

— Ирена... Есть вещи, о которых Ян не врет. У нас с ним старая негласная договоренность... Я не вру ему. Он не врет мне. Если бы он... ну, предположим... хотел бы... видите ли, я же не кричу «это цинично» и «как вы могли подумать». У Яна это было бы возможно... с другой, к примеру, женщиной. Но если бы он планировал это сделать... или хотя бы задумывался об этом... Я бы знал. Я научился понимать его. И он мне доверяет.

Ник замолчал. Перевел дыхание:

— Если он обещал отпустить вас, Ирена, — он отпустит. Сделает так, чтобы вы могли спокойно и свободно жить дальше. Все, как обещал... Он не врет.

— А ВЫ не врете?

В дверь постучали. Вошел громила Сит, ни слова не говоря, по-

ставил на журнальный столик поднос со всеми кофейными принадлежностями. Так же молча удалился.

Ирена вдохнула запах кофе. Беззвучно застонала от наслаждения, вдохнула еще, отхлебнула.

— И я не вру, — почему-то печально отозвался Ник. — Я не врал... даже обреченным пациентам. Вот...

Ирена молчала, пока не выпила все до дна. Осторожно поставила чашку на место; в аспидно-черном теле кофейницы причудливо отражались яркие тени магнитных рыбок.

Злой вопрос не ушел. Но стал мельче и бледнее, и Ирена знала, что, возможно, скоро избавится от него совсем...

Она облизала с губ крупицы кофейной гущи:

— Спасибо... за кофе, я имею в виду. Ну и... вообще.

— На здоровье. — Ник деловито вытер руки салфеткой. — Значит, так... теоретические вопросы мы в основном выяснили. Теперь переходим к практическим... Сегодня я заступаю на пост в качестве вашего наблюдающего врача. Идемте...

К библиотеке примыкал маленький коридор с рядом мягких стульев у стены. Здесь Ник снова зазвенел своими ключами; Ирена принюхалась. Запах больницы не стал сильнее, но и не исчез.

— ...А вот и мое царство, кошмар детишек и девственниц!

Ирена остановилась на пороге. «Царство» было обширное, стерильно чистое и укомплектованное всем необходимым.

На любые случаи жизни.

* * *

— Это ожог?

— Нет, это родимое пятно...

Она не могла сдержать нервной дрожи — как всегда, когда приходилось впускать в свое тело бесстрастные докторские инструменты.

— Не напрягайтесь. Ведь не больно?

— Больно...

— Расслабьтесь, Ирена.

Она смотрела в потолок. В белую круглую лампу. Одну из многих.

— Кто это вас так запугал?

Она подумала, говорить или нет.

— Послать на казнь... можно только здорового человека. А экспертиза по поводу моего здоровья...

— Черт... Чего еще ждать от этих коновалов?! Плюньте и навсегда забудьте.

Снова звякнул металл.

— Когда у меня была своя клиника, я выгнал одного дурака за полную профнепригодность... Вы знаете, куда он устроился на работу? В эту самую экспертизу!

— У вас была своя клиника? — спросила она механически.

— А разве в это трудно поверить? Я так несолидно выгляжу?

Она смолчала.

— Вам не холодно, Ирена?

— Нет...

— Еще чуть-чуть... Да. Вот и все. Слезайте.

За перегородкой зазвучала льющаяся вода. Ирена перевела дыхание. С трудом слезла, заковыляла к своей одежде.

— Вы вот браните коновалов, — она наступила босой ногой на край половика и вздрогнула, ощутив холод бетонного пола. — А между прочим, это для вас они добывали первые доказательства моей пригодности...

Ник не ответил. Лил воду, лязгал железом.

— А теперь вы гордо отчитаетесь перед Семиролем, — пробормотала она, нервно вздрагивая. — Все в порядке, самка исправна и готова к размножению...

— Вы оделись? — глухо спросил Ник.

Она натянула туфли и выбралась из-за ширмы.

Ник уже снял свой синий стерильный халат. В цинковой раковине горой лежали перчатки и инструменты, рядом тихонько помигивал лампочками автоклав.

— Что вы обо мне думаете, Ирена?

Она привычно промолчала.

— Догадываюсь... Я циник. Доктор-смерть на службе у вампира. Да?

Он вдруг улыбнулся. Ирена удивилась — секунду назад ей показалось, что Ник напряжен и зол.

— Ирена... Хотите еще кофе?

* * *

— Вы спрашиваете себя... Что же, это чучело, хвалящееся своей вы-со-чай-шей квалификацией, не смогло найти другой работы, кроме как на этой комфортабельной фабрике-бойне?

Ник не шутил. Хотя и улыбался.

Магнитные рыбки рядком лежали на столе. Вне своего аквариума они казались просто аляповатыми игрушками.

— Вы будете живы и свободны... Живы и свободны, — повторил Ник, и в его словах ей послышалась вдруг странная безнадежность.

Она нервно стукнула зубами о край фарфоровой чашечки.

— И вы, с вашей вы-со-чай-шей квалификацией, не смогли найти другой работы, кроме как на этой комфортабельной фабрике-бойне? — передразнила она слово в слово.

Он вздрогнул — возможно, от настоящего отвращения, прозвучавшего в ее словах.

— Ирена... Видите ли. Спросите себя, как я здесь оказался?

Равнодушно прищурившись, Ирена допивала вторую чашку кофе. На нее снизошло сонное спокойствие. Она будет жить — и ладно...

— А почему я должна спрашивать себя? Спрошу лучше вас...

Ник грустно улыбнулся.

— А я вам не отвечу...

Он вытащил из кармана связку ключей. Поводил над обсыхающими магнитными рыбками; пластмассовые тельца задергались.

— Гальваника, — констатировал Ник мрачно. — Оживление трупа... Ирена! Я бы молчал... Но рано или поздно вы все равно узнаете. А для меня лучше рано, ведь пациент должен доверять врачу... По крайней мере не испытывать к нему отвращения... Спросите.

— Что?

— Как я сюда попал.

И этот тоже похож на Анджея, подумала Ирена сонно. Вечный театр, проигрывание ситуаций...

— Дорогой Ник. Скажите мне, пожалуйста, и как же вы сюда попали?

Он отозвался без улыбки:

— Так же, как и вы. В робе смертника. Без надежды выжить.

Ирена ногтем провела по краю чашки. Двумя пальцами взяла за плавник самую крупную рыбу. Опустила в аквариум; рыбка ожила. Заструилась в переплетении водорослей.

— Молчите, Ирена... Вы не любите говорить. Сюда... на ферму... раз в несколько месяцев привозят обреченного человека. Иногда чаще... В основном это подонки, Ирена, ах, какие отморозки... Я не могу... судить Яна. Ему нужна эта кровь, нужна для жизни, вот он и... Никто никогда не присутствует при этом. Я только приблизительно знаю, как это происходит... А потом Сит и Трош кремируют труп. Ян не садист, он никогда не издевается над жертвами, нет...

Ирена взяла за плавник следующую рыбку. Взвесила на ладони. Уронила в аквариум:

— Сит и...

— И Трош. Нас четверо — Я, Сит, Трош и Эльза... Все смертники. Сит охранник и управляющий, я врач, Трош инженер, Эльза

возится с животными... Тут ведь куры, кролики, две коровы, натуральное, в общем, хозяйство... Работы хватает.

Ирена подняла за хвост третью рыбку, но хвост оторвался, и рыба упала в недопитый кофе.

— Видите ли, Ирена... Каждому из нас Ян дал шанс. Мы живем — хотя по всем законам, по всем документам давно умерли... Ходим по этой земле. Смотрим на эти горы. Хохочем над глупыми шутками ведущего в телешоу. Озабочены тем, что весной вода размывает дорогу, что осенью ветер сносит антенну и ее надо чинить... Что коровы болеют. Что сараи давно пора перекрасить... Да мало ли забот. Из которых, в общем-то, и состоит это длинное развлечение — жизнь...

— За что? — спросила Ирена, выуживая из чашки бесхвостую рыбку. — За что — их? За что — вас? Ошибка? Как я?

— Нет, — Ник горделиво покачал головой. — Я, например, убийца... Четырнадцать убийств. И во всех я признался.

Чашка в Ирениных руках опрокинулась набок. Фарфоровая ручка легко отделилась от нее, и белый скол заблестел, как обнажившаяся кость.

— У меня был свой госпиталь, Ирена... И свой большой участок. Я четырежды в жизни решился на криминальный аборт... не буду сейчас вдаваться в подробности. И десять раз... Ну, вы знаете, что такое эвтаназия?

Ирена молчала. Не сводила глаз с его спокойного лица.

— Эти старые несчастные люди... видите ли, очень тяжело умирать... от некоторых болезней. Они просили меня... и я им помогал. Десять человек. На протяжении двенадцати лет... Сейчас мне сорок пять. И шесть из них я живу здесь, у Яна, после приговора и собственной смерти... Вы молчите, Ирена. Молчите. У меня выработалась скверная привычка — я могу болтать часами... И даже без собеседника.

— Это пожизненное заключение? — спросила Ирена медленно. — Ему нужны рабы?

— Ему? Яну? Рабы? Нет... У нас здесь совершенно добровольное, достаточно гармоничное сообщество... Хотя таких, например, как Сит, я в той жизни на дух не переносил. Добрейшая Эльза, в прошлом проститутка, а теперь заботливая скотница... Искренне любит животных. И мужчин, надо сказать, любит всех без исключения... М-да. Неплохой парень Трош... Толку от него мало, зато здоровый, кровь с молоком... гм. Еще были двое на моей памяти... Видите, Ирена, как мало. За шесть лет всего шестеро... с вами семь... Да. Так вот те двое задумали и осуществили виртуозный побег...

Ник отхлебнул от своей чашки. Закашлялся.

— ...Виртуозный побег. Один был в прошлом десантник, здоровенный парень, водил все виды транспорта, голым на морозе по нескольку часов выдерживал... А другой — стратег и идеолог, в прошлом журналист... Продумали все... Смылись.

Ник сгреб оставшихся рыбок обеими руками, так, пригоршней, кинул в аквариум. Взлетели брызги.

— Они бежали? — спросила Ирена, наблюдая, как по очереди оживают рыбки.

— Да говорю же — смылись... А на другой день Ян приехал мрачный и оба тела привез в машине — досуха высосанные, без капельки крови, желтенькие такие... — Ника передернуло. — Куда в него столько жидкости влезло... И как он их достал... Черт его знает. Упырь. Да и горы тут такие... Да. Спасибо Яну, что хоть показательной казни проводить не стал...

— Мой ребенок будет вампиром? — спросила Ирена и не услышала собственного голоса.

Ник услышал. А может быть, догадался.

— Я не вру вам... вы помните? Так вот, с большой дозой вероятности — да. Но совсем не обязательно, Ирена. Не обязательно.

* * *

Несколько часов она честно пролежала с закрытыми глазами. Потом выудила из упаковки горошину полученного от Ника снотворного, проглотила ее — и погрузилась в скверное подобие сна.

Ей снились мышата, которых приходилось кормить из бутылочки с соской. Молоко проливалось, не попадая в зубастые ротики, Ирена маялась, меняя одну дырявую соску за другой...

Усилием воли она выкарабкалась из сна. Перевернулась на другой бок; экзамен, а она не знает ни единого вопроса. Водит ручкой по бумаге, записывая общие пустые фразы, и растет предчувствие позора, провала, а ведь она преподаватель... как стыдно...

Она застонала во сне. Села на кровати, включила свет. Сунула руку под подушку, вытащила свою первую книжку. Раскрыла на середине — текст был совершенно чужой. Уродливые фразы, сентиментальные глупые слова, патетические вскрики...

Открылась дверь, и вошел Семироль.

— Что?.. — Она выронила книжку, порываясь повыше натянуть одеяло.

Ни слова не говоря, адвокат-упырь сел на край кровати. Усмехнулся, не разжимая губ. Взялся за край Иренина одеяла, рванул, сбрасывая на пол.

— Что вы...

— Вы ведь согласны, — с усмешкой сказал Семироль. — Вы согласились. Или ТАК, или смерть...

— Я не...

— Не согласны?

И он разжал губы, но Ирена успела зажмуриться на долю секунды раньше, чем в свете ночника блеснули острые, как бритвы, клыки.

— Я... да...

Его тело оказалось тяжелым, как земля. Как будто на Ирену вскарабкался, похотливо суча гусеницами, средних размеров танк.

— А-а-а!

Под грузом вампира ее грудь сплющилась, не давая возможности вдохнуть. Ее ребра вот-вот треснут. Ее живот...

...Она закричала.

Одеяло валялось на полу.

Ирена чувствовала себя мокрым коконом, облепленным слоями ночной сорочки. Сгустком ужаса и отвращения.

Окно едва обозначилось серым прямоугольником рассвета.

— Ой, нет...

Сон был все еще здесь. Тень сна.

* * *

— Ирена, хотите погулять?

Она оторвалась от созерцания гор за окном. Недоверчиво посмотрела на Ника:

— А что, прогулки позволены?

— Прогулки желательны... А с медицинской точки зрения прямо-таки необходимы. Прогулки способствуют нормальному сну, а со сном, как я погляжу, у нас все нарастающие проблемы...

Она вздохнула:

— А вы всерьез взялись за меня. За мое здоровье. За здоровье самки перед осеменением...

Ник сделал кислое лицо.

Ирена поймала себя на мысли, что ее раздражение вялое и во многом деланое. Возможно, она ко всему на свете притерпелась, а может, осужденный врач обладает неким особенным обаянием, но ей не противно его общество. Несмотря на специфичность их взаимоотношений. Несмотря даже на неприятности вчерашнего осмотра.

— Ян еще привезет вам зимнюю одежду, а пока я могу одолжить вам свою собственную куртку... С удовольствием одолжу, Ирена.

...Горы подернуты были полосами тумана. В первую минуту у

Ирены от свежего воздуха закружилась голова, она ухватилась за вовремя подставленную руку сопровождающего.

Так. Гаражи. Сараи. Ограда... Собак нет. Доктор прав — надо гулять, восстанавливать силы, они ей еще понадобятся. Интересно, вчерашний рассказ о неудачливых беглецах — случаен? Или Ник имел целью напугать ее, отбить охоту ко всяким замыслам такого рода?

Она мрачно усмехнулась. Ник расценил ее усмешку по-своему:

— Красиво, правда, Ирена? Великолепное место...

Она прикусила язык. Она могла бы пошутить в том духе, что, мол, «великолепное место» попросту содрано моделятором-Анджеем с видового календаря. Но отчего-то ей казалось, что теперь подобные шутки неуместны.

— Ирена, я хотел бы... чтобы между нами было как можно меньше... мусора. Напряжения, домыслов, зла... Ян циник? Да, конечно. И я циник? В какой-то степени... Вы — самка для осеменения? Да и... нет. Речь идет о... маленьком человеке, который без вашей помощи никогда не появится на свет. И о другом человеке, мужчине, который хотел бы иметь ребенка, но по многим причинам... ну, вы понимаете. Вся ситуация выглядит, конечно, ужасно — но подумайте... в конце концов — это... гуманистическая миссия.

Не смейтесь, я понимаю, что смешно и сентиментально выражаюсь... Но разве я не прав, Ирена? А?

Она тщетно попыталась убрать с лица желчную усмешку:

— Вы меня уговариваете?

— Я? Нет... то есть да. Я уговариваю вас... увидеть во всем этом добрые стороны.

Они остановились перед запертой калиткой. Ник помедлил, вытащил из кармана свои ключи; Ирена изо всех сил попыталась скрыть нервную дрожь.

Вот как, выбраться за пределы ограды так элементарно просто...

Они вышли на дорогу. Прошли сто метров в сторону перевала; Ирена оглянулась, чтобы окинуть взглядом всю ферму целиком.

Вдалеке, у приземистого длинного строения, которое Ирена определила как хлев, прошла женская фигурка в ярко-алом свитере. Глухо хлопнула дверь.

Над котельной — во всяком случае, Ирена решила, что это котельная, — поднимался белый дымок. Над крышей дома вертелся флюгер, огромная антенна смотрела в небо разинутым серым глазом. Флигель. Хозяйственные постройки. Дальше — глухая стена леса...

Она вспомнила свой собственный тихий двор. Свой НАСТОЯЩИЙ дом, а не тот, осквернённый неведомым гостем... Без горелого тряпья в камине. С серьезным Сэнсеем, ежечасно обегающим территорию по периметру...

А ведь Сэнсей никого к себе не подпустит, подумала она, холодея. Так и умрет с голоду на пороге доверенного ему дома... Там, в реальности. Там...

Прошло больше месяца. Почти пятьдесят дней...

А там, в большом мире, прошло пять. И Сэнсей все еще ждет ее. И господин Петер... неужели у него не предусмотрено никаких аварийных вариантов?!

Вынырнуть в реальность. Еще десять дней продлятся каникулы...

А там — явиться на заседание кафедры, обнять Карательницу, поцеловать ее в напудренный нос, зарыдать на пропахшей парфюмерией груди...

Рванул ветер, заставив ее плотнее запахнуть слишком большую для нее мужскую куртку. На глаза навернулись слезы — наверное, от ветра...

Ник тоже поежился — он вышел без шапки, а тонкий щегольской шарфик вряд ли мог защитить от холода.

— Я знаю, о чем вы думаете, Ирена. Вы думаете смыться. Поверьте старожилу... Не стоит и пробовать.

— Да?

Помимо ее воли в этом слове послышалось нескрываемое презрение.

— Да... Вы думаете — здоровый мужик, а так легко примирился с пожизненным заключением... как и прочие. Как Сит, который — теоретически — может задушить Яна одной рукой. Как Трош, который... Гм. Трош из нас самый нервный. Потому я пока не буду вас знакомить.

— Не больно-то рвусь...

— Вам по горло хватает и одного болтуна? Меня?

Ирена мельком взглянула на собеседника. Ник улыбался.

Из-за далекого поворота вынырнула машина. Ирена вздрогнула; машина — вездеход — скрылась из глаз и появилась снова. Издали дорога казалась такой, что неясно было, почему букашка на колесах до сих пор не сорвалась с серпантина и не летит в пропасть...

— А вот и Ян, — сказал Ник, и Ирена не смогла определить чувство, с которым эти слова были произнесены.

* * *

Семироль вылез из машины — Ирена сразу увидела, что он весел, несмотря на осунувшееся, серое лицо с темными кругами под глазами.

— Вы гуляете? Отлично. Великолепно. Я рад, что вы нашли общий язык...

— Ну как? — осведомился Ник вместо приветствия.

Семироль пожал плечами:

— Отложили слушания... Но все напрасно. Дело практически сделано, процесс, считай, выигран, хотя с самого начала у меня были сомнения... Ирена, вы выглядите уставшей.

— Вы тоже, — отозвалась она после паузы.

— Я-то работал с утра до рассвета и сделал, можно сказать, невозможное... И взялся еще за два дела. И привлек за клевету одного смелого газетчика... А вы? Плохо спите?

— Ирена тоже работает, — негромко сказал Ник за ее спиной. — Проделывает внутреннюю работу... Я убеждаю ее в гуманности ее миссии... надеюсь, что мои слова возымеют на нее... скорое действие.

Семироль цепко глянул Ирене в глаза, и ей стало не по себе от этого взгляда. Она потупилась.

— Ирена интересовалась, — все так же негромко продолжал Ник, — не убьешь ли ты ее ПОСЛЕ?

Ирена резко обернулась. Ник обезоруживающе улыбнулся:

— Да, у нас с Яном такие отношения... доверительные. Я хотел еще раз развеять ваши сомнения... что в этом бестактного?

— Я сдержу слово, — спокойно подтвердил Семироль. — Слово, данное Ирене... а она сдержит свое. Да?

Ирена попыталась вспомнить, обещала ли она что-то адвокату-упырю, — и не смогла.

* * *

— ...Энергичная вдова задумала отсудить крупный кусок у фирмы, в которой служил ее погибший муж... Я очень редко работаю без аванса, но, во-первых, дело очень перспективное... А во-вторых, жалко женщину. Дети, долги, все такое... Ирена, что ж вы ничего не едите?

Ирена послушно положила в рот кусок ветчины.

— С таким выражением лица обычно едят картон, — сообщил Ник. — С ужасом предполагаю, что у нашей Ирены атрофировались вкусовые рецепторы... Ну-ка, покажите доктору язык!

— Я не ваша Ирена, — сказала она, с трудом проталкивая в горло полупережеванное мясо. — Оставьте меня в покое.

— Другой бы оскорбился, — с постным лицом пробормотал Ник. — А я так даже извинюсь... Извините. Сфамильярничал.

Ирена смотрела в тарелку.

Она все ждала, что Семироль, насытившись, окинет ее оценивающим взглядом и скажет, вытирая губы салфеткой: «Ну что же... Вставайте, Ирена. Идем».

Анджей... Анджей. Он пережил бы Иренину казнь. Но измену? Вернее, изнасилование? А ведь иначе как изнасилованием это не назовешь... Если Анджей существует внутри МОДЕЛИ — хотя бы в виде бесплотной тени...

Может ли он допустить?!

Странные мысли сумасшедшей женщины. Она опустила веки, будто желая спрятаться от наблюдающих за ней мужчин. Они не должны даже предположить, как далеко зашло ее безумие...

Семироль вытер губы салфеткой. Провел пятерней по волосам — теперь они не казались такими жесткими и блестящими и не топорщились больше — падали, и кое-где сквозь них просвечивала кожа. Поморщился, как от головной боли; встретился глазами с Ником, и Ирена увидела, как под этим взглядом балагур доктор часто и напряженно замигал. Опустил голову.

— Ирена... — Семироль обернулся к ней. — В вашей комнате... подарки для вас. Буду рад, если вам понравятся... До завтра, Ирена. А ты, Ник...

Врач устало улыбнулся. Поднялся вслед за Семиролем, поправил свой романтический шелковый шарф.

— Ник, — повторил Семироль, раздумывая. — Сиди, наверное... Развлекай Ирену.

Ник мигнул снова. Достаточно нервно:

— А... стоит ли? Перебор...

— Разберемся. — Семироль был уже в дверях. — Спокойной ночи, Ирена...

И исчез. Бесшумно соскользнул в полумрак.

— Он здоров? — спросила Ирена после паузы.

— Здоровее нас всех, — мрачно сказал Ник. — И услуги доктора ему еще долго не понадобятся...

— Сит! — послышалось с лестницы. — Иди сюда, ты мне нужен...

Ник почему-то нахохлился, как больной воробей.

Ирена смотрела на модернистскую картинку в раме. На женщину с иссиня-бледным лицом. На луну за спиной у женщины.

— Мазня, — устало сказал Ник. — Знаете что, Ирена... Идите-ка к себе. Утешайтесь подарками.

* * *

Поверх горки фирменных пакетов лежал, повесив цветочные головки, маленький небрежный букет. Он лежал, в меру увядший, в меру помятый, и всем своим видом говорил: не нравится — не бе-

ри. Я не навязываюсь. Можешь выбросить меня в мусор, мне будет обидно, но я переживу...

Ирена вздрогнула.

У ее дома, в углу перед забором, именно там, откуда чаще всего приходилось гонять соседских кур... Там сами по себе росли сиреневатые сорняки-беспризорники. Год за годом. Никто за ними не ухаживал, во всем жестоком мире они могли рассчитывать только на себя — и они в себя верили и каждой весной организовывали маленькое цветочное государство, существовавшее поколение за поколением, вплоть до самого снега...

Не веря себе, она протянула руку и подняла вялый букетик.

Или они, или точно такие же. Вероятно, такого добра везде хватает... В городе еще осень, еще не выпал снег, и в каждом палисаднике полным-полно сиреневатых беспризорников...

Она вообразила себе адвоката, набирающего букет на обильно унавоженной собаками клумбе. Как он морщится, поддергивает брюки, с опаской оглядывается — не глядит ли полицейский...

А потом закрыла глаза и ясно увидела — вот к опечатанным воротам ее дома подъезжает машина. Лощеный господин Семироль оглядывается, подзывает вездесущего маленького Вальку... Парнишка, сбросив теплую куртку, привычно сигает через забор. И через пять минут появляется, несет в грязном обрывке полиэтилена охапку сиреневых цветов пополам с рыжей травой, землей и палыми листьями...

Она поднесла букет к носу.

Сейчас на ее дворе пахнет именно так. Землей и осенью...

Зато ТАМ, в реальности, пахнет весной. И не прошло еще недели, как Ирена ела жареное мясо в компании господина Петера и его красноречивой сотрудницы...

— У меня раздвоение личности, — сказала она вслух. И тут же зажала себе рот рукой.

* * *

Она проснулась на рассвете. Включила лампу — дневного света было еще мало, — окинула равнодушным взглядом гору подарков, сваленных на стуле и под стулом, извлекла из-под подушки свою первую книгу.

Сегодня ей снилось, что она сидит за компьютером. И неспешно набирает, пощелкивая клавишами, собственную странную историю.

И она не вскочила, как обычно, в холодном поту. Она проснулась спокойная, слегка равнодушная, отчасти умиротворенная.

Сиреневые цветы в стакане пахли осенью — вчера она не решилась уморить их до смерти, бросила все-таки в воду...

Она раскрыла книгу и принялась неторопливо, методично перечитывать.

...Сперва ей показалось, что она просто не помнит собственного текста. Слишком давно все это было... Свидетелем ее первых публикаций был еще Анджей, а в день выхода дебютной книги они на время позабыли распри и отправились вместе в какой-то открытый ресторанчик, и Анджей...

Нет. Не то.

Ирена читала; текст безусловно принадлежал ей. Этот текст иногда являлся ей в самый неподходящий момент — за рулем, например, или на лекциях; помнится, ей ни разу не удалось перенести его на бумагу без потерь. Все время что-то мешало...

Ирена читала, и волосы поднимались дыбом у нее на голове.

Ее первые рассказы... ее РЕАЛЬНЫЕ первые рассказы и рядом не лежали с этим текстом — живым, упругим, многослойным, куда более НАСТОЯЩИМ, чем все ее попытки, и ученические, и более поздние...

Вот маленькая новеллка о встрече двух влюбленных. Ирена помнила, как тяжело она ей давалась, как вяло шел диалог, он и на бумаге остался таким же вялым — бесконечная болтовня двух романтичных персонажей, волею автора усаженных на парковую скамейку...

Ирена помнила эту болтовню. И теперь, содрогаясь, раз за разом перечитывала все тот же рассказ, в котором диалога не было почти совсем.

А была одна только эта скамейка. Старый ствол с приколоченной спинкой. Лежачее дерево с трафаретами прошлогодних листьев, похожих на отпечатки пальцев, с замысловатыми дорожками древоточцев, с ярким фантиком в щели; вместо ожидаемых слов о любви пришло ощущение, яркое, как этот фантик.

Юные Иренины персонажи молчали — и она почти с ужасом узнала в них своих однокурсников, влюбленную парочку, когда-то вдохновившую ее на этот рассказ, но потом потерявшуюся за ненадобностью, за банальностью фраз...

А теперь она вспомнила их. И увидела — молча сидящих на скамейке-стволе, глядящих в разные стороны.

Она заплакала. Потом перестала, жестко вытерла слезы, закусила губу:

— Это бред... Это МОДЕЛЬ!

Вероятно, Анджей был высокого мнения о ее литературном даре.

А может быть, это всего лишь побочный эффект?.. Что она зна-

ет о законах моделирования... вытащивших из глубин небытия адвоката-упыря Яна Семироля?!

Вот, значит, что имел в виду вампир, говоря об аргументе. Да, эта невзрачная книжка — действительно аргумент, даже ее, Ирену, убедит в чем угодно...

Сиреневые цветы, воскресшие за ночь, наполняли комнату запахом травы.

* * *

Ее удивило, что кресло, в котором обычно скучал громила Сит, сегодня утром оказалось пустым. Столик в гостиной, на котором обычно дожидался Иренин завтрак, тоже пустовал; обнаружив это, Ирена поняла, что проголодалась.

Дом казался покинутым. Ирена потихоньку спустилась к входной двери.

Подергала за ручку — заперто, а ключи, вероятно, у Ника. Но ведь должны быть и другие двери...

— Доброе утро, Ирена.

Ей удалось не выдать замешательство. Семироль стоял на лестнице, этажом выше.

— Завтрак у меня в кабинете... Идемте.

В молчании они прошли по памятному Ирене коридору — ей, наверное, никогда не забыть, как Семироль вел ее, шатающуюся, вел, как она думала, на верную смерть...

— Вам понравились вещи?

Стараниями Семироля она оделась сегодня во все новое. И неправдой было бы утверждать, что она не отдала должное его вкусу. Что, подкрасив губы и взглянув на себя в зеркало, она не испытала мгновенного острого удовольствия...

— Все впору? Подходит? Одежда? Косметика? Белье?

— Да, — она нервно одернула свой новый светлый пиджачок. — Спасибо. Я вот хотела спросить...

Она хотела спросить, на какой клумбе Семироль оборвал неприхотливые осенние сорняки сиреневого цвета. Но в последний момент прикусила язык.

Она уже нафантазировала визит Семироля в ее покинутый опечатанный двор, и ей будет неприятно узнать, что букетик куплен случайно, у запоздалой старушки-цветочницы...

— Что вы хотели спросить, Ирена?

Она попыталась придумать некий нейтральный вопрос — и не придумала.

— О чем вы хотели спросить?

— А куда Сит-то подевался? — ляпнула она первое, что пришло в голову.

— Отдыхает, — отозвался Семироль после коротенькой паузы. — У него сегодня выходной.

В кабинете Семироля было на этот раз светло. Окна выходили на восток — и прозрачные полотнища занавесок не могли удержать мощного солнечного потока.

А говорят еще, что вампиры боятся солнца, ворчливо подумала Ирена. Сколько я видела фильмов, где вампир издыхал в финале, причем именно от солнечных лучей... И от осиновых кольев. И от серебряных пуль. И от чего только они не издыхали, оставляя мелкое потомство на расплод, на следующую серию...

— Ирена, солнце в глаза? Опустить черные шторы?

— Я не боюсь солнца, — проговорила она, потирая слезящиеся глаза. — Я просто не выспалась...

— Опять?

Ирена обернулась. В кабинете обнаружился Ник, меланхолично нарезающий хлеб на освобожденном от бумаг углу письменного стола.

— Опять, Ирена? — осведомился он заботливо. — Расстройство сна? Будем пить на ночь молоко с медом? Травки, ванны, свежий воздух?

— Рехнулся? — бросил Семироль, но возмутили его не травки и не ванны. — Убери крошки, отойди от стола и не приближайся к бумагам! Ты бы еще масло завернул в какую-нибудь справку...

— Сегодня я работаю официантом. — Ник как ни в чем не бывало усмехнулся Ирене. — Будьте добры, возьмите на себя роль хозяйки. Все готово, все на маленьком столе, кипяток в кофейнике, сливки свои, домашние, колбаска экологически чистая... Ирена, сегодня вы потрясающе выглядите. Просто потрясающе...

Она смущенно улыбнулась. Интересно, понимает ли Ник, что, кроме приличного костюма и помады на губах, хорошего самочувствия пациентке добавила прочитанная ночью книга...

— Ирена, вы улыбаетесь, я рад. — Семироль уселся за наспех сервированный журнальный столик, закинул ногу на ногу. — Думаю, постепенно справимся и с вашей бессонницей, и с нервами, и с прочими неприятностями... Я хочу, чтобы вы были совершенно счастливы. Если придется для этого выписать слона из цирка — что ж, мы с Ником подсуетимся... Да, доктор?

Ник охотно закивал; Ирена переводила взгляд с одного на другого.

Приговоренный к смерти гинеколог резал хлеб с врожденной элегантностью; белую рубашку он сменил на светло-бежевую, на брюках по-прежнему не было ни одной морщинки, а романтичный шелковый шарф делал его похожим на актера из оперетты.

Семироль наблюдал за Ireной, откинувшись на спинку кресла.

Встретившись с ним глазами, она тут же отвернулась — и мысленно поразилась произошедшей со вчерашнего вечера перемене. На ярком солнце, заливающем кабинет, Семироль прямо-таки лоснился здоровьем. Куда девались круги под глазами — кожа упругая, как у младенца; волосы блестящие, будто на рекламной открытке; ясные, ироничные, довольные жизнью глаза.

— Ирена, мы еще вместе посмеемся над вашими печальными приключениями... Как бы вас отвлечь-развлечь? Хотите телевизор? Бассейн? Спортзал?

Она подумала. Над чашечкой чая вился пар, покачивался, как круглый плот, прозрачный лимонный ломтик.

— Мне бы компьютер, — сказала Ирена неуверенно. — У меня возникли... ну, некоторые мысли... которые неплохо было бы облечь в слова.

Семироль засмеялся, утвердительно кивнул и протянул над столом руку. После секундного колебания Ирена решилась на рукопожатие.

— *Исторический момент, — негромко прокомментировал Ник.*

Ирена принужденно рассмеялась, и почти одновременно послышался стук в дверь.

— Заходи! — разрешил Семироль.

Ирена обернулась, ожидая увидеть Сита; вошедший оказался примерно такого же роста, но, если к Ситу применимо было слово «мордоворот», этого нового следовало называть скорее «атлетом». Тонкий и тесный свитер — с высоким воротником до подбородка — облегал рельефные мышцы, крутые плечи, сильные руки; несмотря на бронированную красоту этого тела, лицо вошедшего было напряженным и неуверенным. Как будто к туловищу киношного супергероя насмешки ради приставили голову отстающего, затравленного одноклассниками школьника.

— Это Трош, — сказал Семироль, приветливо кивая пришельцу. — А это Ирена... Познакомьтесь. Еще один член нашей маленькой, затерянной в горах компании...

Парень переступил с ноги на ногу:

— Рад... познакомиться...

Ирене невесть почему сделалось его жаль.

* * *

После завтрака Семироль извинился и, сославшись на дела, перепоручил Ирену Нику. Трош остался убирать в кабинете; Ник заставил Ирену переодеться в новый лыжный костюм, надеть поданную Семиролем куртку и проследовать наружу — на свежий воздух.

Во дворе сидел, привалившись спиной к дереву, Сит. Сидел, глубоко засунув руки в карманы, опустив голову на грудь; появление Ирены и Ника не произвело на мордоворота никакого впечатления — он даже глаз не поднял.

— Погодите, Ирена...

С расстояния в десять шагов она наблюдала, как помрачневший Ник склоняется над неподвижным телохранителем. Вытаскивает из кармана его безвольную руку, ищет пульс.

Сит что-то сказал, но так тихо, что Ирена не расслышала.

— Ты бы лежал, — негромко отозвался Ник. — Лежал бы и не поднимался... Ладно. Сейчас, подожди...

Сит снова что-то сказал. Ирене показалось, что он попросту пьян, но секунду спустя телохранитель с усилием поднял голову — и она поразилась цвету его лица. «Как мел» — слабо сказано. Говорят еще «как бумага», «как снег»...

— Ирена, — Ник бегом возвращался к ней, — прогуляйтесь за калитку, я сейчас отопру... Я минут через десять догоню вас.

— Что с ним? — спросила она испуганно.

— Голова закружилась, — успокаивающе улыбнулся Ник. — Не волнуйтесь, медицина не дремлет, сейчас я помогу страждущему товарищу и присоединюсь к вам...

Минуту спустя она осталась одна.

Поднимался над крышами белесый дымок. Висело над горами солнце — и, похоже, сегодня оно не поднимется выше...

Ирена смотрела на дорогу. Если идти по ней пешком — за сутки, пожалуй, дойдешь... Или нет? Сколько времени потребуется пешеходу, чтобы добраться до ближайшего населенного пункта?

Она оглянулась на ферму. Бежать по дороге решится только безумец.

Куда разумнее углубиться в лес... и попытаться перейти через горы вон там, к примеру, на востоке, там вроде имеется видимость перевала... хотя для начала неплохо раздобыть карту. И выяснить, что там, за хребтом...

Горы молчали. Открыточно-красивые, заснеженные, придуманные Анджеем горы. В реальном мире на этом месте всего лишь холмы, мелкие соленые озера, тихий, обжитый старичками курорт...

Дурак вы, господин Петер.

«Ваша задача предельно проста — вы войдете в мир... предположительно он в точности соответствует нашему, разве что некоторое расхождение во времени...»

Идиот вы, господин Петер. Кретин.

«Мы примем все меры к тому, чтобы ваше... путешествие было как можно более безопасным. Почти таким же безопасным, как катание на лыжах с гор...»

Ирена саркастически взглянула на невысокое солнце. Кажется, впервые за все это страшное время к ней вернулась способность спокойно и трезво соображать.

«...ЭТО, созданное господином Анджеем... с каждым мгновением становится все более... как бы это объяснить... автономным. И когда оно станет совсем автономным... Видите ли. Это раковая опухоль на вероятностной структуре реальности...»

— У меня раздвоение личности, — сказала она вслух. — Я понимаю, что нахожусь внутри ложной, сконструированной реальности... Которая перерасходует энергию, срывает бюджет господину Петеру и угрожает некой «вероятностной структуре». И в то же время меня совершенно реально приговорили к смерти и чуть не прикончили, и теперь некий чадолюбивый вампир собирается оплодотворить меня не «вероятностно», а совершенно определенно... Анджей, где ты слышал большую чушь?!

Горы молчали.

— Анджей, — Ирена сардонически усмехнулась, — Анджей... Услышь меня. Кончай свои забавы, мерзавец, иначе Петер схлопнет твою игрушку вместе со мной, вместе с тобой... Вместе с ними со всеми, которые верят, что они настоящие... Услышь меня, чертов моделятор, или все это плохо кончится!..

В поле ее зрения попала неподвижно стоящая тень. Ирена вздрогнула, обернулась, едва не свернув себе шею. При мысли, что Ник или даже сам Семироль уличили ее в сумасшествии, сделалось дурно.

Поодаль стоял, скромно потупившись, Трош. Его легкая куртка едва не трескалась, распираемая широкими плечами.

— В чем дело? — спросила она резко. Может быть, излишне резко.

Трош вздохнул:

— Господин Ник велел мне... побыть с вами. Немного. Я не хотел мешать...

— Я не люблю, когда ко мне подкрадываются.

— Простите... Я не подкрадывался. Я хотел подойти, но... я увидел, что вы молитесь, и просто стоял и ждал...

Ирена промолчала; Трош неверно истолковал ее взгляд и добавил, отводя глаза:

— Я никому не скажу... что вы молились. Это ведь ваше личное дело... Вот господин Ян... насмехается, когда я молюсь. Но ведь это МОЕ дело, верно?

— Да, — отозвалась она автоматически. — Конечно.

Трош вздохнул снова:

— Еще раз извините...

— Ник занят? — спросила она медленно. — Неприятности... Кто-то болен?

Парень кивнул, не поднимая головы. Некоторое время Ирена молчала, глядя, как он переминается с ноги на ногу.

— Вы давно здесь, Трош?

— А? — Ее собеседник часто замигал. — А... Два года. Два.

— Прогуляемся? Поговорим?

— Да... В общем-то, с удовольствием... Господин Ник меня затем и... попросил.

— Боится, что я убегу? — Ирена прищурилась.

— Боится, что вы заскучаете, — сказал Трош серьезно.

— Как далеко мы можем уходить?

Трош пожал плечами:

— Да как получится... Хотите — в лес...

Ирена окинула взглядом далекую стену хвои. Кивнула.

Шли молча; Трош напряженно сопел, и где-то на полпути Ирена с удивлением поняла, что он стесняется предложить ей руку. Боится обидеть. Боится показаться смешным.

Она взяла его за локоть; ей в жизни не приходилось опираться на такую гору мускулов. Анджей был худой и жилистый. О прочих профессорах восточной литературы, студентах и литераторах и говорить не приходится...

— Ник сказал мне, что вы инженер?

— Был бы. — Трош сосредоточенно глядел себе под ноги, мышцы согнутой руки были твердыми, как дерево. — Я заканчивал... политехнический институт... да в общем-то... я не очень хорошо учился, честно. Все спорт... ну... жизнь, она такая...

Ирена вздохнула. Ей хотелось знать, за какое преступление стеснительный атлет получил свой смертный приговор, но она знала, что спрашивать не станет. Ни в коем случае.

— Но здесь вам приходится иметь дело с техникой? — поинтересовалась она небрежно.

— Да... Хотя я лучше бы... помогал Эльзе в коровнике. Я ведь вырос в деревне...

Вблизи лес не производил того величественного впечатления, которое складывалось при взгляде с дороги. Просто сосенки. Просто корявые елки.

Внизу — густое переплетение сухих веток, и неясно, можно ли пройти...

— Куда вы привели меня, Трош? — сказала она в шутливом негодовании. — Я думала, через этот лес сбежать можно... А вы...

Парень побледнел. Втянул голову в могучие плечи:

— Нет... Что вы...

— Я пошутила, — сказала она примирительно. — Хотя... Вы никогда не думали о побеге, Трош? Вы такой сильный, такой могучий, такой здоровый с виду...

— Это искупление, — пробормотал парень, глядя в снег под своими ногами. Голос его сорвался.

От порыва ветра закачались верхушки сосен. Где-то тяжело упала шишка.

— Это искупление, — Трош тоскливо сощурил слезящиеся глаза. — Это... за грех. Я...

Он с трудом взял себя в руки. Посмотрел на Ирену почти враждебно:

— Мы должны уже... обратно...

— Я не хотела вас обидеть, — сказала она, когда, возвращаясь по своим следам, они прошли большую часть дороги.

— Я не обиделся... просто...

Трош остановился. Судорожно сцепил пальцы, поднял голову, посмотрел на ослепительно синее небо:

— Все мы... на искуплении. Все мы... согрешили. Мы отдаем нашу кровь... капля за каплей... и когда этой крови достанет, чтобы наполнить Его чашу... мы уйдем на свободу. Уйдем к Создателю. Я каждый день молюсь, чтобы... ТОТ взял мою кровь. И всякий раз боюсь, когда действительно... до этого доходит дело...

Ирена потихоньку отошла. На шажок. Еще на шажок.

«Трош из нас самый нервный»... Да он просто сумасшедший, ваш Трош.

Правда, ему не вынашивать в своем чреве ребенка Семироля, его гены никого, вероятно, не заинтересуют...

Парень опомнился. Посмотрел на Ирену, лицо его, лицо затравленного подростка, виновато сморщилось:

— Я... Извините. Я не знаю... о чем вам можно говорить... а о чем нельзя...

— Мне можно рассказывать все. — Она покровительственно улыбнулась. — Доктор Ник уже посвятил меня... во все подробности нашего маленького общежития. И не бойтесь меня, Трош, я ни в коем случае не хочу вас обидеть...

— У вас хорошее лицо, — опустил голову парень. — Непонятно... что именно искупаете вы.

Ирена почувствовала холод. И, скорее всего, это ощущение никак не было связано с порывом ветра, налетевшим спустя несколько секунд.

— Я сама не знаю, что я искупаю, — отозвалась она с нервным смешком. — Я — жертва судебной ошибки...

Трош посмотрел недоверчиво. Отвернулся, провел по снегу носком сапога:

— Вы... не беспокойтесь. Это не больно.

— Да? — спросила Ирена, зачем-то отступая на шаг.

Трош печально кивнул:

— Да... Но это... скверно. Я боюсь... Вчера была очередь доктора Ника. Но ОН... перерешил. Взял Сита. Он часто... не трогает Ника, говорит, что он врач, он полезен, и потому... А я теперь думаю. Моя очередь после Сита — в следующий раз он возьмет Ника... или меня?

— Пойдемте в дом, — устало предложила Ирена.

«Мне надо подумать... Я подумаю об этом. Не сейчас, не сейчас, не сейчас».

* * *

Ник встретил их во дворе. Широко улыбаясь, перевел взгляд с одного лица на другое:

— Нагулялись? Трош, за работу. Ступай, помоги Эльзе... Котельная. Уголь. Прачечная... И посмотришь машину. Ян говорит, что слишком быстро садится аккумулятор...

Ирена проводила атлета задумчивым взглядом.

— Он утомил вас?

Ирена молчала. Думала.

— Извините, мне пришлось вас оставить... Когда ты один врач на всю округу — приходится иногда...

— Не думала, что у вас так много пациентов. — Ирена смотрела невинно, но Ник сразу же глянул в сторону сараев, куда ушел печальный силач.

— Что, он производит впечатление помешанного? Это всего лишь иллюзия. Он вполне здоров, просто сломался. У них была любовь до гроба с какой-то темпераментной девушкой, и, застав ее в постели с приятелем, он сгоряча прикончил обоих... Потом, правда, ужасно переживал. Ну а наш суд скор — аффект или не аффект, а дали парню высшую меру, а тут и Ян подвернулся со своими денежками...

Ирена молчала, сдвинув брови.

— Вы чем-то озабочены?

Он помог ей снять куртку. Ирена остановилась перед зеркалом, минуты две вглядывалась в собственное порозовевшее, но хмурое и сосредоточенное лицо.

— Ник... а что случилось с Ситом?

— Уже ничего. — Ник заулыбался. — Ему уже лучше. Завтра он приступит к обычным обязанностям, а уж послезавтра...

— Ник... а правда, что вчера была ваша очередь?

Он все еще улыбался, но улыбка была уже не совсем искренняя.

— Ник...

Он обеими руками провел по лицу, будто стирая с него фальшивую веселость:

— Ирена... только не волнуйтесь. Дело житейское... Ян очень не хочет, чтобы вы волновались. Он мечтает, чтобы жизнь на ферме вам понравилась...

— Ник... снимите, пожалуйста, шарф.

— Ирена... нет причин для волнения. Вам нечего бояться, уверяю вас...

— Снимите.

— Да сколько угодно... — Врач снова усмехнулся. Шелковый романтический шарфик змеей соскользнул с его шеи, задергался в нервных пальцах — потому что, несмотря на кажущееся спокойствие, Ник все-таки нервничал.

Его шея оказалась белой до синевы. С обеих сторон тянулись едва заметные тонкие шрамы — старые и свежие. Ниточки-шрамы. Шрамы-значки.

Шрамы-отметки.

* * *

...Ей снился Анджей. Как будто они вместе идут по кладбищу, и муж, увлекшись, рассказывает ей какую-то важную, безумно интересную историю.

Рассказывает, и жестикулирует, и говорит все громче, а рядом идет похоронная процессия, и Ирена пытается уговорить Анджея снизить голос — но он не слышит ее, говорит, смеется, размахивает руками... Люди в трауре, слезы, гроб. Анджей ничего не видит вокруг. «Это метод! — выкрикивает он, не слушая уговоров Ирены. — Метод, орудие, а не цель, понимаешь? Не основной процесс!..» И смеется, довольный собственной сообразительностью, и убитые горем люди оглядываются, и под их взглядами Ирена бросает Анджея и бежит прочь...

Бежит по кладбищу. Заходит в самый дальний его уголок. Среди множества заброшенных могил черной землей выделяется свежий холмик.

Ирена спотыкается, под ногами камни, глина...

На блеклой фотографии не разобрать лица. И сколько она ни пытается прочесть имя, выгравированное на медной табличке, не может прочитать...

Она проснулась — уже привычно — на рассвете. Привычно — от страшной мысли. Привычно — в поту.

Что станет с ней, если ребенок... не будет зачат? Кто сказал, что так просто, по одному лишь повелению господина вампира, произойдет... то, чего многие пары добиваются годами? А бесплодие? А...

Она заплакала.

Что будет с ней?

Истинное значение слова «ферма» открылось только теперь. Ферма.

Ирена станет одной из ЭТИХ, вечным донором адвоката-упыря, станет раз за разом подставлять свое горло... Если уж не удалось однажды подставить... другой орган...

За окном проявлялись, будто на фотобумаге, очертания гор.

ГЛАВА 6

— Объясните мне, Ирена, почему, если донорство повсеместно считается благородным делом, наивысшим видом человеческой взаимопомощи... Объясните мне, почему в нашем случае то же самое, по сути, донорство должно расцениваться как нечто бесчеловечное, ужасное, циничное... Да, вы этого не говорили. Но достаточно взглянуть на выражение вашего лица, Ирена!

Ник вышагивал из угла в угол; Семироль безучастно сидел перед горящим камином и слушал магнитолу. Всем своим видом вампир-адвокат как бы говорил «меня здесь нет», хотя уж его-то присутствие Ирена ощущала каждой клеточкой кожи.

Из двух фасеточных ртов магнитолы еле слышно доносилась меланхолическая мелодия. Когда-то Ирена знала эту музыку и любила и всякий раз, заслышав знакомые аккорды, подкручивала ручку громкости...

— Я не прав? — патетически вопрошал Ник. — Ну так скажите мне об этом, объясните, в чем именно я не прав! Ваш взгляд... красноречивее любой ругани. Но я не могу понять... ладно, я могу понять. Я понимаю. Но ведь, в конце концов, Ян-то не ограничивается тем, что пьет из людей кровь, он еще много хорошего делает — и собственно этим людям, и другим, затасканным по судам, отчаявшимся найти правду...

— Спиши слова, — пробормотал Семироль, не оборачиваясь. — Вставлю себе в речь. Пусть присяжные заплачут.

Мелодия сменилась сперва развязным голосом ведущего, потом не менее развязной песенкой — певичка радовалась жизни, призывая всех, кто не лопух, радоваться вместе с ней.

— Ирена... — Ник перестал выхаживать, склонился над сидящей в кресле собеседницей, заглянул в глаза. — Мы должны были сказать вам раньше. Да, это наш просчет. Но вы заметили — мы всячески стараемся уберечь вас от неприятных эмоций? От любых?

Семироль иронически хмыкнул.

— Я что-то не то сказал? — удивился Ник.

Семироль хмыкнул громче:

— Не ты... Эта баба, которая поет. Один из самых ярких, самых длинных и самых муторных бракоразводных процессов.

Ирене стало жаль певичку. Она давно научилась не вздрагивать при слове «развод», но полностью забыть это слово у нее не получится никогда.

Семироль обернулся. Глянул на Ирену через плечо; сама того не замечая, она коснулась собственной шеи. Того самого места, где билась под кожей сонная артерия.

Семироль усмехнулся. Ирена поняла, что выглядит глупо, но поделать уже ничего не могла.

— И в чью же пользу завершился процесс? — с интересом осведомился Ник.

Семироль переключил станцию. Голос разведенной певички сменился чувственным баритоном, поющим, по счастью, без слов.

— В мою пользу... Потому что мне заплатили тройную ставку. А так... и она, и муж проиграли. Вот Ирена понимает, о чем я говорю... Вы ведь разошлись в свое время с Анджеем, Ирена?

Она притворилась равнодушной. Другое дело, что перед Семиролем притворяться бесполезно...

— Ян, — услышала она собственный голос, — вы предпочитаете гражданские дела или уголовные?

— Я специалист широкого диапазона, — серьезно отозвался Семироль.

— А вам случалось... уберечь от приговора настоящего преступника? Убийцу? Про которого вы знали, что он виновен?

— Да, — сказал Семироль после паузы. — Случалось.

Ник шумно вздохнул:

— Ян, я изо всех сил пытаюсь создать романтический образ благородного адвоката... Откровенность прекрасна, но ведь Ирена может неправильно понять...

— Ирена правильно поймет. — Семироль встал. — Я профессиональный лгун, но с Ireной стараюсь быть откровенным. Верите вы или нет, но я не привык видеть в людях лишь ходячие резервуары красной жидкости... И оставьте в покое свою артерию. Вашей шее ничего не угрожает.

Зато угрожает кое-чему другому, хотела сказать Ирена.

Но покуда эта фраза пришла ей в голову, Семироль уже ушел, оставив догорающий камин, поющую магнитолу и укоризненно вздыхающего Ника.

* * *

...В то лето у нее все получалось.

Недоумевающе переглядывались экзаменаторы; студентка Хмель, прежде успевающая, теперь не знала толком ни одного билета — и это не мешало ей отвечать так легко и убедительно, что в зачетку падали одна за другой полновесные четверки. Завистливо вздыхали подруги; даже расхожая шуточка «А что вы думаете о смертной казни?» уже не задевала Ирену и не заставляла краснеть. Ее непредсказуемый мужчина, лучший из мужей, теперь принадлежал ей безраздельно.

То лето, уж если хорошенько вспомнить, было холодным, сереньким и слякотным. Спасаясь от мира и стремясь уединиться, новобрачные поставили палатку на берегу безлюдного озера; почему же в Иреиной памяти то лето навсегда осталось солнечным? Исступленно верещали кузнечики, покачивались белые метелки трав; что за экзотика была в головастиках на отмели, в меленьких карасях, которых Анджей таскал «на рекорд», по хронометру?

Однажды вечером на их палатку набрели местные любители приключений — охотники за влюбленными парочками. То был воплощенный кошмар туристов, предпочитающих селиться шумными лагерями, лишь бы не подвергаться опасности вот так, среди ночи, обнаружить у своего костра десяток ухмыляющихся харь... Каким внезапным и холодным был ее страх, и как Анджей, не переставая улыбаться, не меняя даже позы, вытащил из-под мышки маленький черный пистолет и сразу же, без предупреждения, пальнул в воздух, и как трещали ветки на пути разбегающихся парней... И как сразу же после этого он властно потащил ее в палатку, а она, все еще вздрагивая, умоляла подождать, переждать, перебраться подальше к людям...

И как она перестала бояться. Сразу и навсегда. И что за празднество они устроили на рассвете — с купанием в теплой, подернутой паром воде, с первобытным визгом и брызгами и опять же с любовью — в песке, на отмели, то-то удивлялись головастики...

Много позже она сообразила, что, оказывается, каждый вечер у костра и каждую ночь в палатке Анджей держал под боком заряженный пистолет. Ловко скрывая эту бытовую подробность от юной счастливой жены.

А ведь если она не была счастлива тем летом — то что же такое счастье?..

* * *

— ...Нравится, да? Вот так — нравится? Любишь? Иди сюда, моя хорошая... Вот так. Во-о-от...

Ирена осторожно заглянула в приоткрытую дверь. Невысокая женщина в черной брезентовой куртке любезничала с большой упитанной коровой — чесала за ухом, оглаживала странно чистые коровьи бока, чуть не целовалась; потом, ногой пододвинув пустой подойник, села на скамеечку и, бормоча что-то неопределенно-ласковое, принялась доить. В глубине хлева двигала челюстями еще одна корова, поменьше, черная. Из клеток смотрели красными глазами кролики. В загородке возилась еще какая-то живность — для того чтобы разглядеть ее, Ирене требовалось подойти поближе, а она не решалась прервать священный процесс дойки.

— Да чего там, заходите, что ж в дверях-то стоять... И прикройте за собой, а то ветром тянет...

Женщина приветливо улыбалась. Ирена поняла, что ошиблась, определяя ее возраст, — скотнице было не за тридцать, а чуть больше двадцати.

Брезентовая куртка странно контрастировала с умело подведенными глазами и губами; горло женщины закрывал теплый шарф.

— Я Эльза, — она улыбнулась снова. — Это Снежка, это Рыжка... Все спрашивают — почему Рыжка, она же черная? А я говорю — так и у Яна не семь ролей, а только две...

Доярка рассмеялась, локтем поправила выбившуюся из-под платка светлую прядь; до Ирены не сразу дошел ее каламбур. «Семироль — семь ролей...»

«Добрейшая Эльза, в прошлом проститутка, а теперь заботливая скотница... Искренне любит животных. И мужчин, надо сказать, любит всех без исключения...»

Ирена вспомнила Ника с раздражением. Почему-то именно здесь, в обществе Снежки и Рыжки, его цинизм показался особенно скверным.

— Никто не знает, сколько ролей на самом деле у Яна, — сказала она медленно. — Не одна — это точно... Меня зовут Ирена Хмель, я...

— Знаю, — Эльза охотно закивала. — Вас неправильно засудили, Трош рассказывал... А я — это чтобы никаких сплетен не было — клиента прирезала за одну вещь. Не знала, как убивать-то, просто сдуру ножницами в живот... Но это давно было, так что вы так не глядите. Скотина он был, покойник, хотя, если вдуматься, если бы не он — до сих пор бы в... этом самом сидела. Под сутенеров бесплатно, прочих — по десять за ночь... Это я все сразу рассказываю, потому что Ник наверняка проболтается. У него язык что флюгер — туда-сюда, и не скрипит...

Ирена удивилась Эльзиной манере выражаться. Каламбур соседствовал с просторечием, а вульгарные обороты — со странной деликатностью. Могла бы, кажется, выругаться — ан нет, постеснялась...

Ей отчего-то привиделся Ник, сидящий вот тут же в сарае и развлекающий скотницу анекдотами из светской жизни гинекологов.

Эльза тем временем улыбнулась, и Ирене показалось теперь, что ей не больше девятнадцати. Девчонка...

— И сколько... вы здесь?

— В смысле, сколько времени? Да вроде лет пять... Точно, почти пять лет. Рыжке вот три года, а Снежке — четыре... Тихо, Снежечка, тихо, привыкай, эта тетя теперь своя... Да. А еще были Синька и Барсик, и пришлось по старости прирезать, так я всякий раз неделю рыдмя рыдала, Ян даже злился, вот успокою, говорит, тебя, чтобы водички на слезы не осталось... Тихо, Рыжечка, сейчас за тебя возьмемся, потерпи...

Руки Эльзы работали привычно, механически, легко. Наполнялся подойник, позвякивали ведра, коровы переступали ногами, косились на Ирену, нервно подергивали ушами; тупо смотрели из-за сетки красноглазые кролики.

Некоторое время Ирена раздумывала, спросить или не спросить. Вот он, вопрос, на языке вертится, такой дикий и одновременно такой естественный...

— Вам здесь нравится, Эльза?

Женщина вытерла руки о чистую тряпочку. Лукаво хмыкнула, снова поправила прядь:

— Понимаю... С непривычки странно... Идемте. Девочки, — это коровам, — я сейчас еще вернусь...

Хозяйственная пристройка напомнила Ирене лабораторию господина Петера. Полно приборов непонятного назначения, и среди них какие-то маслобойки, холодильники, котлы...

— С непривычки странно, — задумчиво повторила Эльза. — Только вам за всю свою жизнь столько дерьмища не увидеть, сколько я его сожрала за один год... Да. Есть мужики, так те хуже любого упыря. Ян хоть по-честному кровь сосет... Все по-честному... Да. Я здесь человек, понятно? Трош хоть и тронутый, но мухи не обидит, даром что курву свою вместе с хахалем прикончил. Сит... он злой бывает, но он меня любит. Если обругает сгоряча — так потом неделю прощения просит... А Ник...

— Что, Ник тоже? — вырвалось у Ирены.

Эльза улыбнулась, обнажив красивые белые зубы:

— Ник... Он вам понравился, да? Образованные, они друг друга находят... Только Ник ведь доктор, вам нельзя... — И улыбка Эльзы сделалась совсем уж лукавой.

Ирене стало неприятно. Захотелось уйти; уже на пороге она, помявшись, обернулась:

— А Ян? Тоже?

Эльза серьезно, без усмешки, покачала головой:

— Ян... Он для меня вроде как Создатель. Что я ему? Хорошо уже, если по загривку погладит... как телку вроде...

— Хорошенький Создатель, — еле слышно пробормотала Ирена.

— Зато не бросает, — по-философски заметила Эльза. — Не бросает под забором, не оставляет на произвол... как это... На произвол судьбы. А кровь свою я ему и сама отдам. Что мне, жалко?..

* * *

До вечера она просидела в собственной спальне, за столом, перед дареным компьютером. Она хотела взяться за дело еще вчера, но мысль не шла — зато сегодня, после встречи с Эльзой, нашлись, как ей показалось, единственно необходимые слова...

Она опомнилась, когда в комнате сделалось совсем темно и пальцы стали промахиваться по клавиатуре. Сит вежливо стукнул в дверь и сообщил, что господин Ян зовет Ирену поужинать; у нее возникло сильнейшее искушение сказаться больной — но ведь тогда придет доктор Ник, и придется либо симулировать до конца, либо сознаться в обыкновенной трусости...

Она поспешно переоделась — новое платье сидело отлично и тем самым хоть немного приподняло ей настроение. Ирена пригладила волосы, придала лицу равнодушно-скучающий вид и спустилась в гостиную.

Семироль был один. Ирена ожидала увидеть тут же вездесущего Ника — и сперва обрадовалась, обнаружив его отсутствие.

А потом испугалась. И погладила открытую шею.

Проникновенно пела магнитола; натянуто улыбаясь, Ирена села за стол прямо напротив адвоката-вампира, и тот, благожелательно кивнув, наполнил ее бокал не вином, как она ждала, а ярко-апельсиновым соком.

Она сразу же все поняла — но, как обычно, «сразу же» растянулось для нее минут на пять. Она глядела на сок, пробовала его на язык, выпила наконец половину бокала...

Закашлялась. Поставила обратно. Быстро взглянула на Семироля — и потупилась.

— Я циник, — медленно сообщил вампир. — Но, когда речь заходит о моем ребенке... я хотел бы, чтобы между нами было как

можно меньше цинизма. Совсем избежать этого не удастся — но давайте изживать цинизм где только можем...

Ирена кивнула, не поднимая головы.

— Я вам противен?

Она помотала головой — опять же не глядя.

— Ирена... Давайте поговорим о ваших рассказах. Я помню все до единого — особенно тот, где скамейка...

Ирена вздохнула. Снова отхлебнула из бокала:

— Я... сама не знаю, как это получилось.

Вероятно, Семироль не понимал, насколько искренне она говорит. Как ее саму поразили ее собственные рассказы, которых она никогда не писала в реальности...

Она усилием воли оборвала свою мысль. Нельзя думать о реальности и МОДЕЛИ — малейшая оговорка может выдать ее, и тогда...

— Наш ребенок вырастет, — Семироль плеснул себе лимонада. — И я расскажу ему о матери. И дам прочесть... а ведь к тому времени выйдет не одна ваша книжка. Вы будете работать и издаваться, вы ведь талантливый человек...

— Правда? — вырвалось у нее.

— Вы сами знаете, — усмехнулся он. — Ешьте... Ешьте, пейте, ни о чем не думайте. Все будет хорошо.

Она смотрела на его лицо. Пыталась разглядеть зубы, которыми он аккуратно откусывал от пирога, изучала ногти на холеных руках, блестящие жесткие волосы...

Он мужчина, мужчина, мужчина. Он мне нравится, нравится, нравится...

Губы ее сами собой сложились в ироническую усмешку. Надо же, до чего нехитрая психологическая подготовка...

Почему ей казалось, что он похож на Анджея? Если бы он был хоть капельку на него похож... было бы легче. Но вот незадача...

А кто сказал, что в ее жизни должен быть только один мужчина, а прочие — тени?! Кто сказал, что всякий, кому она позволит обнять себя, должен быть похож на этого мерзавца Кромара?!

— Ирена, не терзайте себя дурацкими мыслями... Расслабьтесь. Хотите, потанцуем?

Она кивнула, не глядя и не колеблясь. Это ей нужно сейчас — ощутить его прикосновение...

Она боялась, что ей будет противно.

Магнитола тихо пела двумя черными разинутыми ртами; оказавшись так близко к Семиролю, Ирена непроизвольно задержала дыхание. Испугалась, что от него пахнет застарелой кровью.

От него пахло хорошим одеколоном. Руки легли ей на талию — целомудренно и легко.

Последний раз она танцевала на какой-то институтской вечеринке — сперва с профессором восточной литературы, тощим и нескладным... А потом с сопливым студентом, который потел, смущался и исходил лихорадочным подростковым желанием, у него дрожали руки, Ирене было его жаль...

Кажется, в тот вечер она возвращалась в задумчивости. По дороге подобрала попутчика — тот молчал-молчал да и брякнул комплимент, такой двусмысленный, что Ирена гневно высадила его посреди безлюдной трассы...

И, вернувшись домой, долго не могла уснуть, ворочалась с боку на бок, лупоглазое одиночество смотрело изо всех углов, тогда она встала, сняла с ночного поста удивленного Сэнсея — и заснула в обнимку с псом, уткнувшись лицом в жесткую собачью холку...

— Ни о чем не думайте. Все будет само собой... Вы редкостная женщина. Странная... Танцуете вы плохо. Музыку слушайте, не спешите... Совершенных людей не бывает. Это было бы противоестественно, если бы вы еще и танцевать умели... Хотя нет. Сейчас вполне пристойно... Ирена, да не бойтесь вы. Все плохое позади...

Он привлек ее к себе. Она не сопротивлялась.

Не грянет под окнами духовой оркестр. Анджей не видит; Анджей, наверное, взаправду умер. Когда-то они клялись забыть друг друга — но уже через месяц после развода один из ее потенциальных ухажеров был жестоко бит в своей же подворотне...

Если Анджей допустит ЭТО — а уже почти допустил, — то Анджей мертв.

Или мертв ДЛЯ НЕЕ; она ведь сама когда-то кричала ему в лицо: забудь меня, ты мертвец, для меня умер!..

Мысль о том, что Анджей ЗНАЕТ о происходящем, но позволяет себе ухмыляться и наблюдать, снова выбила ее из музыкального ритма — Семироль недовольно заворчал, сильнее сжимая руки на ее талии.

Она закусила губу. Так... если так, если судьба и Анджей хотят ТАК... Что ж, она... она женщина, а не синий чулок. И не вечная вдова. И не игрушка в руках господина моделятора, она не боится, она сильная, она молодая, она красивая, в конце концов...

Лицо Семироля было совсем рядом.

— Идем, — быстро сказала Ирена, опасаясь, что запал ее погаснет так же неожиданно, как возник. — Идемте...

В ее комнате пахло расплавленным воском. Горела свеча — не электрическая, настоящая; ароматизированная постель пребывала в полной боевой готовности.

Она нервно задула свечку. Ей хотелось полной темноты. Чтобы не видеть никого и ничего.

— Ян, я сама... Я сама сниму, не надо...

Платье, так порадовавшее ее вечером, казалось теперь глупой и громоздкой вещью. Ее волосы запутаются во всех этих крючках и «молниях»...

Анджей придумал бы какую-нибудь шутку, от которой она спустя три минуты — в самый неожиданный момент — рассмеялась бы до визга. Семироль молчал.

Она рванула платье — выдрав при этом из прически клок волос. От боли на глаза навернулись слезы; по счастью, было темно, даже окно оставалось наглухо зашторенным.

— Ян, я...

— Погодите.

Он ловко освободил ее волосы. Расстегнул застежку, которой она не заметила; Ирена высвободилась. Стянула через голову платье, наступила в темноте на каблук сброшенной туфли, зашипела от боли.

— Погодите, Ирена...

Семироль подобрал ее вещи с пола, унес в темноту и там, вероятно, бросил на стул вместе со своей одеждой. Вернулся, сел рядом, положил ей руку на плечо:

— Не грызите губы...

— Вы видите в темноте? — спросила она безнадежно.

— Мог бы соврать, что не вижу. Хотите, завяжу себе глаза, чтобы мы оказались в равном положении?

— Не смотрите на меня, — попросила она жалобно. — Я... уже старая. Я...

— Будь я романтичным юношей, сказал бы, что вы прекрасны... Романтизма во мне ни на грош, но вы очень хороши, Ирена. Верите?

— Нет...

— Напрасно. Множество мужчин с удовольствием поменялись бы со мной местами...

«Анджей, ты слышишь?!»

Ирена готова была к тому, что ставень на окне вдруг сорвется, продавленный снаружи, и сквозь разбитое стекло явится в блеске молний местный Создатель, желчный и злой, помахивающий телефонной трубкой на оборванном проводе: «Хватит, поиграли! Последний сеанс закончен, МОДЕЛЬ исчерпала себя, всем очистить экспериментальное пространство!..»

Но никто не явился в блеске молний. Руки Семироля неторопливо и мягко готовили Ирену к тому, что ей предстояло, хотя она бы предпочла, чтобы адвокат-упырь справился поскорее и без всякой подготовки...

Из памяти ее явился черный ящик в фотолаборатории, а внутри его — девственная тьма для перезарядки пленки. Чужие руки в нарукавниках из плотной ткани, черный ящик равнодушно позволяет пользоваться своей темнотой...

А потом она перестала думать, потому что вампир-адвокат, привыкший получать власть над умами и душами, подобрал ключ и к ее телу. И тело предало. Тело вспомнило, что принадлежит женщине. И сразу же дало знать об этом не только Ирене, но и Семиролю.

Ты этого хотел, Анджей.

Ирена стиснула зубы и обняла адвоката за шею. Прикосновение оказалось странно приятным — кожа у вампира была гладкая, прохладная, будто тонко отшлифованное дерево.

— Ян... не тяните.

— Ирена...

Теперь он играл на ней, как на инструменте. Пусть чуть расстроенном, хрипловатом, все еще непокорном — но играл умело и вдохновенно, и, возможно, с минуты на минуту ждал настоящего, чистого, «концертного» звучания...

— Ирена... сейчас. Вы чудо... Вы еще напишете о любви... Будьте со мной, не надо прятать душу...

— Ян, пожалуйста!..

Ее решимость таяла.

— Не надо прятать душу, я ведь не прячу свою... Будьте со мной — искренне, с радостью, это так много зна...

Боль от спазма была внезапной и всеразрушающей. Ирена едва сдержалась, чтобы не взвыть.

— Тихо, тихо... Ирена!!

Ей показалось, что все ее тело сейчас вывернется наизнанку, будто чулок. Онемели, потеряли чувствительность руки. Судорожно растопырились пальцы; в следующую секунду в бок воткнулась игла, она поняла это мгновение спустя, когда судорога уже отпустила...

И все-таки предусмотрительные ей попадаются мужчины. Один ложился в постель с пистолетом, другой — с булавкой на случай спазма у чрезмерно нервной партнерши...

— Ирена, ничего страшного. — Вампир тяжело дышал.

— Извините, Ян.

— Не за что извиняться... Дать воды?

— Извините, Ян...

— Я сам виноват. Возможно, я захотел слишком многого...

В голосе его не было ни раздражения, ни упрека. Просто усталое сожаление.

* * *

Однажды летом — Ирена уже не помнила толком, в каком году, — они оказались на пышном и модном курорте, из тех, которых Анджей обычно терпеть не мог, а она тайком любила. Впрочем, именно тем летом ее любовь к «ривьере» будто ножом отрезало. Навсегда.

В соседнем коттедже обретался известный кинорежиссер — стареющий, неотразимо обаятельный, спортсмен и эрудит; Ирена с удовольствием болтала с ним обо всем на свете — и в основном о том, что принято считать искусством. Режиссер был оригинален в суждениях, умен, да просто талантлив. Кроме того, он великолепно плавал, ловил крабов и с удовольствием пугал отдыхающих, время от времени подныривая под лодки и понтоны...

Ирена любила заплывать далеко за буйки. Оттуда открывался великолепный вид на бухту, а кроме того, именно за буйками начиналось настоящее море, безлюдное и свободное. В одиночку заплывать она боялась, а муж далеко не всегда соглашался составить ей компанию; в тот знаменательный день Анджей отказался снова. Он был страшно занят в тот день: сидел на песке, накинув на плечи клетчатую рубашку, и возводил домики из ракушек. Малышня со всего пляжа вертелась рядом, завороженная зодческим искусством взрослого дяди; дядя, впрочем, не видел ни любопытных детишек, ни их заинтригованных мам, ни, между прочим, собственной жены...

Потому Ирена так обрадовалась, когда режиссер предложил ей вместе сплавать далеко в море.

Вслед увязалась целая компания — две пожилые дамы, интеллигентная семейная пара да еще юная почитательница; всех их, разумеется, интересовало не море и не Ирена, а исключительно общество известного режиссера. К сожалению, почитателям заплыв оказался не под силу: попутчики отставали один за другим, испуганно поворачивали к берегу, вскоре Ирена и режиссер остались вдвоем.

Они плыли и беседовали. Разумеется, об искусстве. О богемных сплетнях, о новостях кино и театра, о красотах бухты и моря; режиссер восхищался Ирениным стилем плавания, стилем жизни и вообще — стилем...

А потом, рассуждая о совершенно отстраненных материях, подплыл к ней вплотную. И жилистыми загорелыми ногами обхватил ее бедра, и она поняла вдруг, что всей одежды на ней — две полоски мокрого эластика...

Ей очень не хотелось обижать режиссера. Ей не хотелось ставить его в глупое положение — но он плавал быстрее, чем она, а попытки высвободиться принимал за кокетство. Непонятно, что случилось с чутьем умного, в общем-то, человека — возможно,

одуряюще подействовало море или солнце или слава к тому времени совсем размягчила ему мозги...

Ирена принялась вырываться всерьез. До берега было километра два, и ветер, поднявшийся с утра, все усиливался. Режиссер почувствовал себя оскорбленным — и лез теперь уже напролом...

— Да перестаньте же!..

Волна, ударившая ее в лицо, загнала слова обратно — вместе с глотком соленой воды. Она закашлялась; режиссер кинулся теперь уже ей на помощь — но она с отвращением оттолкнула его, захлебнулась снова...

Неизвестно, чем бы кончился заплыв, но в этот самый момент ей почудилось, что от берега мчится, разрезая волну, глиссер на подводных крыльях. Во всяком случае, зрелище было феерическое; спустя полминуты выяснилось, что это всего лишь Анджей Кромар, плывущий вольным стилем.

Анджей кинулся на режиссера и взялся топить его — сосредоточенно, страшно, со знанием дела. Режиссер булькал, лупил конечностями по воде, выныривал и снова погружался, не в силах сбросить с горла воротник из цепких пальцев Анджея; свидетелями казни были грязные желтолапые чайки да еще Ирена, в меру сил сражающаяся с волной.

Потом она захлебнулась окончательно — и вскоре увидела высоко над головой отдаляющуюся водную поверхность...

Она пришла в себя на берегу. Под животом у нее было твердое колено Анджея — он вытряхивал из нее воду, будто из бутылки. Вокруг толпились возбужденные курортники, и на многих лицах было написано осуждение: вот что значит плавать за буйки!..

Коттедж по соседству опустел. Целых два дня Ирена дрожала и плакала в полной уверенности, что волна вот-вот выбросит на берег мокрый режиссерский труп.

А потом мельком увидела «утопленника» в каком-то кафе — тот поспешно ретировался, сделав вид, что не знает ее. И вскоре после этого навсегда покинул курорт...

Они с Анджеем не говорили о том случае. Ни сразу же, ни потом; согласно молчаливой договоренности принято было считать, что того случая не было вовсе...

Но модные курорты Ирена с тех пор разлюбила.

* * *

Утром она не стала подниматься с постели. Ей мерещились участливые взгляды управляющего Сита: «Типа, ничего не вышло? Ай-яй». И несмелый, вечно удрученный Трош: «И это тоже искупление». А Ник... Ник.

«Современная медицина легко преодолевает подобные проблемы... Следующую попытку проведем под наблюдением лечащего врача...»

В дверь постучали. Ирена судорожно натянула одеяло — свой единственный щит.

«Современная медицина» явилась в сопровождении столика на колесах.

В комнате запахло завтраком; ни слова не говоря, Ник подкатил свою тележку к Ирениной постели и уселся рядом на табуретку.

— Это посещение родственниками в госпитале? — спросила она угрюмо. — Или докторский обход?

— И то и другое, — Ник наполнил ее чашку. — Хотите молока? Сметаны? Уж не знаю, как Эльза добивается таких потрясающих, гм, надоев. По-моему, коровы просто делают ей приятное...

— Ник, — сказала Ирена, с отвращением глядя в тарелку. — Вы не могли бы... что-то сделать? Пробирка... Удобно, надежно, вполне современно... Или искусственное осеменение практикуют одни только ветеринары?

Воистину сегодняшняя ночь отбила у нее всякую потребность в деликатности.

— Вы будете смеяться. — Ник и бровью не повел, хотя она надеялась, что он, по крайней мере, смутится. — Я мог бы придумать что-нибудь, но не стану врать, скажу правду, и смейтесь на здоровье... Ян не хочет. Он считает, что подобный метод циничен, что его ребенок должен быть зачат в обстановке, максимально приближенной к семейной... Представляете, каков бред? И как вам подобные рассуждения в устах нашего кровопивца?

Ирена невольно взглянула на дверь.

— Не бойтесь, — рассмеялся Ник. — Я могу себе позволить некоторые вольности в отношении Яна, хотя это, конечно, не значит, что кто-то другой может поступать так же... Даже вы. Это я на всякий случай говорю, чтобы предотвратить возможные неловкости... Ешьте. Не думайте о плохом. Все течет, все будет в порядке, меньше чем через год вы забудете обо всем, обо мне, о Яне...

И о ребенке, подумала Ирена.

Но вслух ничего не сказала.

* * *

Семироль уехал в город — на несколько дней, как уверял Ник. Ирена почувствовала себя свободнее. Эльза любезничала с Ситом на заднем дворе.

Трош вытащил откуда-то старое охотничье ружье, перебрал

его, почистил и пристрелял, изрешетив пулями толстый лист фанеры и расколотив вдребезги штук двадцать бутылок.

Ирена издали наблюдала за упражнениями Троша. День стоял солнечный, но очень холодный. Мысли Ирены текли параллельно по трем дорожкам: она думала о судьбе, о побеге и об охотничьем ружье.

Возможно ли, что именно судьба оборвала их с вампиром брачную ночь?

Кто сказал, что Создатель непременно должен являться в молниях, — куда скромнее и эффективнее мгновенный болезненный спазм определенных мышц.

Любопытно, что уготовит судьба на случай второй Семиролевой попытки, — а в том, что такая попытка будет, Ирена не сомневалась нисколько...

«Анджей, — вопрошала она, глядя в небо, — мне долго еще ждать? Сотрудники Петера небось уже зарплату не получают...»

Небо молчало. Трош хладнокровно дырявил бутылки.

Накануне Ирена, проведя приятный час в библиотеке с магнитными рыбками, ознакомилась с подробной картой местности. Мотивы Семироля, когда-то выкупившего бесплодный участок среди гор, теперь были ей намного понятнее: удирать с фермы через хребты было возможно только в случае поддержки с воздуха. Грубо говоря, если беглеца поджидают вертолет с опытным пилотом да еще для верности полевая кухня и рота автоматчиков...

Возможно, какой-нибудь аскет, всю жизнь ходивший босиком и питавшийся кузнечиками, смог бы пробиться через эти горы. Туристский опыт Ирены для этого не годился.

— Погнался за красотой, — с горечью бормотала Ирена, наблюдая, как посверкивают под солнцем дивные открыточные горы. — Хорошая моделька, чер-рт...

Карты города и окрестностей были великолепно проработаны — Ирена отыскала даже собственный дом у дороги. И тем более ее насторожило, что территория по ту сторону гор оказалась при этом обозначена всего несколькими штрихами, двумя-тремя названиями. Конец МОДЕЛИ? А ведь должен где-то быть край, рубеж, Анджей ведь не Бог, чтобы лепить весь мир целиком...

Она разглядывала антенну-тарелку на крыше. Спутниковая антенна предполагает наличие спутника. Что, Анджей и небесный свод успел сюда привесить?!

Вилась по горам дорога. Ирена неплохо водила машину — но чтобы сесть за руль здесь, лучше быть все-таки мужчиной... И желательно вампиром.

Она ухмыльнулась собственным мыслям. Заглянула в приоткрытую дверь гаража — вездеход Семироля отсутствовал вместе с

хозяином, зато белая легковушка с полустершимся красным крестом скучала в одиночестве.

Машина — Ирена знала — на ходу. И даже догадывалась, у кого ключи.

У Ника...

В гараже пахло своеобразно и остро — но не противно. Ирена шагнула вперед; вместе с ней в гараж вошел ветер, качнулись голые лампочки под потолком.

Из-за не по росту огромных ребристых колес белая машина походила на балерину в десантных ботинках. «Руль лег в ладони доверчиво и просто. Мотор завелся с полуоборота... Медленно, еще не веря себе, она вывела машину за ворота — и поняла, что свободна, что теперь не догонят, даже на самом крутом повороте...»

— Гуляете?

Ирена резко обернулась. Трош, за спиной которого болталось ружье, виновато пожал широченными плечами: извините, мол, не хотел напугать...

— А вы собрались на охоту? — ответила она вопросом на вопрос.

Трош вздохнул:

— Я хотел... зимой сюда приходят дикие козы. Я в прошлом году подстрелил одну...

— А серебряные пули у вас есть?

— Что? — удивился Трош.

Некоторое время Ирена смотрела на него в упор. Правда, Трош стоял спиной к свету — она плохо видела его лицо.

— Трош, а вы машину водите? — спросила она, когда молчание стало совсем уж неловким.

— Нет... Даже за руль не садился никогда... Я только механик.

— Но почему? Если вам дают здесь стрелять из ружья, то почему не научили водить машину?

— Это упущение, — сказал неслышно подошедший Ник. — Хорошо бы еще практикум «Езда по пересеченной местности». С ориентацией по карте. Хотя в принципе легче нанять микроавтобус, чтобы он отвез всех желающих туда, куда они укажут... Трош, Эльза жалуется, что котел течет. Иди и проверь.

Трош вздохнул. Поставил ружье в угол гаража и безропотно удалился.

— Мне не нравится ход ваших мыслей, Ирена, — сказал Ник, провожая его глазами.

Она промолчала.

— Вы видите рабов и хозяина... Вы видите заключенных и тюремщика. И у вас возникает естественное возмущение: почему они не бегут?

— Почему они не бегут? — пробормотала Ирена, глядя на ружье.

— Потому что каждый из нас заключил с Яном соглашение. Договор. У каждого из нас в какой-то момент был выбор... Да, и не надо саркастически улыбаться. И потом, куда нам бежать? Куда бежать Эльзе, вы думаете, на свободе ее ждет что-нибудь, кроме все той же панели? Что ждет Троша, Сита? Вечный страх. Вечный бег. Новый приговор — или пуля милосердных подельников.

— А что ждет вас? — спросила Ирена неожиданно для себя.

Ник улыбнулся краешком рта. Ничего не ответил, подобрал ружье, вышел из гаража; Ирена догнала его на полпути к дому:

— Я что-то не то сказала? Вы меня извините...

— Что вы, Ирена, какие обиды... За эти шесть лет у меня не осталось друзей... впрочем, их не стало гораздо раньше, в зале суда, вам это, наверное, знакомо...

— Да, — помрачнела она.

— Ну вот... Жена снова вышла замуж. Сыновья уверены, что я мертв... Куда мне бежать, Ирена?! Единственный человек, как-то меня понимавший и поддерживающий все это время, — Ян... Вам это кажется неестественным. Да, я не люблю, когда из меня сосут кровь... Но это, поверьте, еще не самое страшное, что человек может сделать человеку. Верите?

Ирена помедлила — и молча кивнула.

* * *

Это МОДЕЛЬ, говорила она себе, читая газеты недельной давности. Это МОДЕЛЬ, думала она, просматривая уголовную хронику по трем телепрограммам одновременно. Это только внешне похоже на привычную жизнь. Это МОДЕЛЬ, и каков был замысел моделятора — черт его знает...

— Ник, как вы думаете, — почему в этом... мире так много разнообразных убийц? Несмотря на все эти приговоры... И вам не кажется, что мир свихнулся на правосудии? На жестоком правосудии?

Ирена старалась, чтобы голос ее звучал как можно легкомысленнее.

Осужденный гинеколог пожал плечами:

— Это — к Яну... Это его жизнь и его профессия.

— А когда вернется Ян? — спросила она после паузы.

— В зависимости от того, как пойдут дела... Он сейчас тянет два процесса одновременно. Гражданский и уголовный.

— Устает, бедняга, — пробормотала Ирена со странной интонацией.

Ник оторвался от экрана и с удивлением на нее воззрился:

— Что?

— Ничего...

— ...необычный магазин! — радостно сообщила дикторша. — Возможно, наиболее старомодные из нас будут шокированы... наверняка понравится детям. Минувшее воскресенье...

На экране появилась городская улица. Ирена напряглась — красивая улица, воскресное столпотворение, как это далеко и невозможно, как хочется окунуться во все это — хоть на минуту...

— ...на горе строгим учителям. Надеюсь, что чувство юмора восторжествует, и ассортимент магазина вызовет восторг или возмущение, но уж равнодушными наверняка...

Яркая витрина. Ярко-желтый пластиковый скелет в натуральную величину, десяток отрубленных рук, очень похожих на настоящие, какие-то дохлые мухи, дохлые мыши, пауки на резинках...

В оригинальном, ВНЕШНЕМ мире подобный магазинчик существовал уже давно. Кажется. Во всяком случае, все это Ирена где-то уже видела...

— Розыгрыши и сюрпризы! Внимание! Учимся шутить и учимся не обижаться на шутки!.. Обнаружив в камине труп любимого кота, не спешите падать в обморок — скорее всего это муляж, вас разыгрывает ваш собственный сынишка...

Ирена поморщилась.

— ...Приходите к нам! Здесь открывается дверь в новый мир — мир страшных сказок и легенд!

Вывеска над входом «Праздничные шутки и сюрпризы». Прилавок, покупатели, дети с разинутыми ртами... Жанровые сценки с участием клыкастых масок...

Ирена приглушила звук. Обернулась к Нику:

— А вот вас, к примеру, заслуженно осудили на смерть?

Врач пожал плечами:

— Как посмотреть...

— Одно из двух: или вас осудили неправильно, или Ян поступил несправедливо, оставив вас в живых... Во всяком случае...

— Ирена. Я сказал — к Яну. Со всеми подобными проблемами — к профессионалу, а я, как вы знаете, авторитет совсем в другой области... Хотите кофе?

Она мотнула головой, собираясь отказаться, — и вдруг застыла с открытым ртом.

С экрана смотрел мальчик. Беленький, тощий, лет девяти.

— Внимание... Полицией северо-восточного пригородного сектора обнаружен Илья Ворохт, десяти лет, пропавший пять дней назад при загадочных обстоятельствах... Мальчик физически здоров,

но находится в состоянии сильнейшего стресса; из кругов, близких к следствию, стало известно, что ребенок, по всей видимости, избежал верной смерти, чудом выскользнув из рук убийцы-маньяка...

— Сколько можно, — сказала Ирена шепотом. — Мир маньяков и палачей... Зачем, ради какого эксперимента тебе понадобилось конструировать ЭТО?

Она не сразу поняла, что говорит вслух. И что Ник смотрит на нее — пристально, тяжело.

— Не один только Трош умеет молиться Создателю, — сказала она, преодолевая замешательство.

Но оказалось, что спасительная выдумка не достигла ушей Ника. Он давно поднялся и вышел — последняя Иренина фраза прозвучала в пустоту.

* * *

Семироль вернулся спустя три дня. Ирене, наблюдавшей из окна, показалось, что он устал и огорчен; впрочем, она не настолько хорошо знала его, чтобы утверждать это наверняка. Внешне, во всяком случае, Семироль оставался вполне корректным.

— Какие новости, Ян?

— Разные... Как обычно. Один процесс выиграли, второй грозит затянуться...

Вампир-адвокат держался как ни в чем не бывало — как будто и не стояло между ними воспоминание о позорной и болезненной «первой попытке». Ирене же постоянно приходилось делать над собой усилие.

— Ян... У меня к вам разговор.

Ей непросто дались эти слова, но и отступать она не желала.

Некоторое время Семироль смотрел на нее испытующе. Потом улыбнулся:

— Неприятный?

— Да.

— Идемте...

По дороге в кабинет им встретился Ник. Поздоровался, озабоченно проводил взглядом — но спросить ни о чем не решился.

За окнами сгущался вечер. Семироль включил настольную лампу, привычно обернул ее лучом от себя; на большую карту легло круглое световое пятно. Ирена мельком подумала, что жители бумажного географического мира сейчас принимают солнечные ванны и благодарят своего Создателя за хорошую погоду...

— Прежде всего, Ирена, никаких комплексов. Никаких извинений... Я надеюсь, что между нами очень скоро возникнет необходимое взаимопонимание. Но, мне кажется, вы все-таки хотели говорить не об этом?

Ирена не стала садиться. Подошла к столу, взяла настольную лампу за теплый пластиковый абажур, поводила туда-сюда, создавая для жителей бумажного географического мира иллюзию закатов-восходов...

Потом резко обернула лампу лучом вниз. Так провинившихся щенков тычут в содеянную ими же непотребность: эт-то, мол, что такое?..

— Вы совершили преступление, Ян. Вы, адвокат... Вы допустили, чтобы осудили невиновного человека, но это полбеды; вы допустили, чтобы виновный остался на свободе. Вы принесли свою профессиональную... честь... обязательства... да просто порядочность... в жертву корысти. Ради того, чтобы завладеть... моим детородным органом, вы пошли против правды... А ведь она... эта женщина... *обязательно продолжит убивать!* И кровь ее новых жертв будет в том числе и на вас!

Ирена осеклась. В последних ее словах обнаружилась вдруг неуместная театральная патетика.

— Вы же адвокат, Ян, — повторила она как заклинание. — Все равно что врач... В первую очередь адвокат, а потом уже — упырь...

Семироль усмехнулся:

— Ирена, если бы я не знал вас как преподавателя литературы — счел бы, ей-богу, что вы читали на юрфаке лекции относительно профессиональной этики...

— Ян! Если обнаружится, что женщина, за преступления которой меня осудили... если обнаружится, что эта женщина все еще на свободе и продолжает убивать, суд признает свою ошибку?

Семироль усмехнулся:

— Эге, Ирена... А я думал, что вас действительно волнует возможность новых жертв...

Она сжала зубы. Укол был болезненный и точный.

— Я спрашиваю, СУД признает? Это возможно?

— Нет. Суд просто вынесет еще один приговор... Если, конечно, эту суку, простите, Ирена, если ее удастся поймать...

Она только сейчас обнаружила, что по-прежнему держит руку на абажуре лампы и пластик нагрелся настолько, что жжет пальцы.

— Ян... Я не понимаю. Ну должна же быть элементарная логика... Хоть и в вашем вывихнутом мире, неужели маньяки здесь родятся чаще, чем суд признает свои явные ошибки?!

Семироль все еще улыбался, но улыбка едва заметно изменилась, и спустя минуту напряженного молчания Ирена поняла, что проговорилась. И должна выкручиваться немедленно, просто обязана найти отговорку — вопреки обычной медлительности...

— В НАШЕМ мире, Ирена?

Она сделала над собой героическое усилие:

— В вашем... мире... прокуроров и судей... адвокатов... правосудия, которое на поверку не так уж право... во всем этом ВЫВИХНУТОМ МИРЕ...

По крайней мере на словах вышло достаточно естественно; Ирена перевела дух.

Семироль саркастически хмыкнул. Выждал паузу, позволяя оценить многозначительность ситуации. Прошелся по комнате, выудил из стопки видеокассет одну, в темной слепой обложке.

— Собственно, я не собирался показывать вам... Но если для вас это так важно...

Загорелся экран маленького телевизора. Цифры, значки — служебная информация...

— Прошу прощения, Ирена, но я пущу материал не с начала... Сейчас перемотаю... Да. Примерно отсюда.

Общий план — люди, один за другим входящие в дверь деревенского дома...

Много мужчин. Одна женщина в длинном пальто. Камера дернулась; чьи-то ноги, неровный свет, комната...

Крупным планом — лицо женщины.

Лет сорок на вид. Блеклые прозрачные глаза, не приукрашенные никаким макияжем, сухая кожа с сеточкой морщинок, мятое пальто-балахон, украшенное черным облезлым хвостом неведомой зверюшки...

Ирена сжала губы. Белый свет бил незнакомой женщине в лицо — в таком освещении было что-то неестественное, грубое, принуждающее...

— Кто это, Ян?

Семироль кивнул на экран — смотрите, мол, узнаете...

Та, что на экране, нервно хихикнула.

— Продолжаем, — сказал мужской голос. — Снимите с нее пальто...

Кто-то, попавший в кадр спиной и плечом, помог женщине раздеться.

— Госпожа Крок, ваш муж знал о цели ваших поездок? — сухо спросил голос, в котором Ирена с удивлением узнала голос Семироля.

— Не-ет...

— И не догадывался? И никогда не связывал сообщения о новых жертвах с вашими поездками?

— Не-ет... Он очень хороший... челове-ек...

У Ирены когда-то была студентка с такой вот тягучей манерой разговаривать. На студенческой конференции ее доклад вместо

трех минут занимал тридцать, публика то смеялась, то зевала, то разбредалась по буфетам...

— А ваши дети, госпожа Крок?

— Они... в частной школе... хорошей... хорошей... закрытой...

— Поездки бывали неудачными?

— Да... каждая вторая... или третья...

— Сколько всего было РЕЗУЛЬТАТИВНЫХ поездок?

Женщина на экране сглотнула.

Ирене вспомнился гофрированный шланг, до смерти напугавший ее в далеком детстве. Шланг лежал поперек садовой дорожки и подергивался в такт перепадам давления; шланг был толстый и черный, неживой и живой одновременно, лоснящийся и жирный, маленькой Ирене показалось, что он хуже любой змеи, страшнее паука, что лучше умереть, чем переступить через него, и она с плачем кинулась обратно и несколько раз просыпалась ночью оттого, что шланг, упругий и ребристый, приходил к ней во сне...

Немолодая темноглазая женщина с медленной, как болото, речью.

Шланг. Девочка, с плачем убегающая по садовой дорожке...

Ирене сделалось противно; она подняла голову, ища взгляд Семироля, молча испрашивая у него разрешения прервать неприятный просмотр...

— ...Госпожа Крок, вы помните дом у дороги, Большое Шоссе, сто сорок семь?

Прошла целая секунда, прежде чем Ирена вздрогнула.

Номер ЕЕ дома...

Женщина недоуменно молчала.

— Это был период, когда вы встретили третьего, того, кого вы называли «червячком»...

Женщина забегала глазами. Стиснула пальцы.

— Вспоминайте — дом у дороги... Там собака и машина в гараже... Вы пользовались машиной. Вы прикормили собаку...

Женщина улыбнулась. Стянула с головы серый вязаный берет, высвобождая очень длинные, с проседью волосы:

— Там и, это, и вправду никто не жил... собаку я прикормила... могла бы отравить, но это жалко...

— Вы вспомнили?

— Да-а...

— Сколько времени вы там прожили? В отсутствие хозяйки?

— Летом неделю... И в октябре... Неделю...

— Муж по-прежнему думал, что вы в командировке?

— Да-а...

— Что вы жгли в камине?

Женщина молчала. Ее лиловый свитер был весь покрыт катыш-

ками свалявшейся шерсти; свитер когда-то был теплым и элегантным. Ирена вдруг подалась вперед, разглядывая стилизованный виноградный лист на тощем дамочкином плече...

Когда-то, может, полгода назад, а может, в другой реальности, свитер принадлежал Ирене. Виноградные усики складывались в ее инициалы, то была работа на заказ, институтские дамы отмечали обновку и щелкали языками...

Бедный свитер.

«Тетя Ирена, а разве это были не вы?..»

Тогда, в доме, у нее не было времени — да и надобности — перетряхивать шкафы в поисках пропавших вещей...

— Его вещи жгла, — неохотно проговорила женщина. — Сперва взяла — хотелось... А потом... ненужные тряпки.

Надо подумать. Надо лечь на кровать, укрыться одеялом, и пусть все они катятся в тартарары...

— Ян!! Выключите...

Подергивался на земле черный резиновый шланг.

Синее мельтешение экрана. Темнота...

— Извините, Ирена. Но вы сами...

Она проглотила горькую слюну:

— Что это?!

— Оперативная съемка...

— Ее... это ОНА? Она под судом... значит...

— Ирена. Обратите внимание на дату... Прошел почти месяц.

— Суд закончился?!

— Суда не было.

Ирена молчала. Мучила свои пальцы.

— Ирена... Она больше никого не убьет. Вам этого мало?

— Почему... меня... судили? А ее нет?!

Семироль снова прошелся по комнате. Перемотал кассету, вытащил ее из магнитофона, аккуратно водворил на место.

— Потому что уже спустя час после съемки эта женщина покончила с собой.

Они встретились глазами, и Ирена поняла, что ей лучше поверить на слово, иначе...

Иначе пес знает до чего можно додуматься.

К тому же раньше Семироль ей вроде бы не врал.

* * *

Однажды утром Анджей выбрался из постели, сияющий, как елочная игрушка:

— Мне приснился сюжет! Для тебя! Отхватишь Вулкан не глядя, и всего-то за час работы, сюжет-то какой!

— Какой? — спросила она.

В халате, накинутом на голое тело, со следом от подушки на щеке, с вдохновенным огнем в глазах, Анджей источал запах сонного мужчины, колоритный, подернутый свежестью и одеколоном натуральный запах...

— Слушай... Представь — толстая рыбина глядит из глубины, со дна, как на тонком льду занимаются любовью двое... А лед совсем тонкий. Лед — как нежная кожа... Он прогибается согласно каждому движению. Рыба глядит изнутри — и ничего не может понять, хотя лед почти прозрачный....

Колеблется. Живое зеркало... Как подвижные стенки бокала. Как мягкая стеклянная простыня... Влюбленные доходят до экстаза — и он лопается, он же слишком тонкий, и оба проваливаются в воду, но не перестают любить друг друга...

Анджей сделал эффектную паузу.

— А где сюжет? — спросила она, помолчав.

Он демонстративно посмотрел на часы:

— Десяти минут тебе хватит? Чтобы сообразить?

Она помолчала еще. Вздохнула:

— Хорошенькие сны тебе снятся... Приготовлю на ужин рыбу. И, знаешь, давай ляжем спать пораньше...

Анджей ушел на работу, оскорбленный.

* * *

Она не могла собрать разбегающиеся мысли. Она ждала ночи, чтобы методично все обдумать, — но спокойно дожить до вечера ей не дали.

После ужина Семироль снова зазвал ее в кабинет; она интуитивно ощутила неприятность — и не ошиблась.

— Скажите мне, Ирена... А где вы все-таки были все эти десять месяцев?

Она не выдержала и села. Опустилась на край кресла; Семироль с удовольствием уселся тоже:

— Видите ли, Ирена... Я навел справки, а у меня достаточно разветвленная сеть осведомителей... Так вот вас ДЕЙСТВИТЕЛЬНО никто не засек. Нигде. Вот странное обстоятельство, и вы так настойчиво скрывали эту информацию от суда... МНЕ вы можете сказать?

Надо подумать, в панике соображала Ирена. Надо поразмыслить...

Время...

— Это очень важно, Ирена. И никто, кроме меня, не узнает вашей тайны... Говорите.

Рука ее автоматически коснулась сонной артерии:

— Сейчас?

— А вам нужно время, чтобы вспомнить?

— Мне?

Нужно подумать, нужно подумать, нужно...

Семироль болезненно поморщился:

— Ирена... Придется сказать.

— Вы не поверите, — выдавила она, глядя в его недавно холеное, а теперь хищное и обветренное лицо. — Ян... Я... писатель... но если я расскажу вам правду... вы же не поверите. Вы скажете, что я плохая... плохой... выдумщик...

Нужно подумать. Одеяло до подбородка... Нет. Вампир не даст такой возможности. Она слишком расслабилась, забыла, как борются за жизнь, сама того не подозревая, вылетела на край ледяного обрыва и теперь скользит, пытаясь удержаться...

— Вы не поверите, — повторила она с жалобной улыбкой.

— И все же? Десять месяцев — не день, не два...

— Ян, вы меня не убьете? Это было бы обидно... теперь... очень досадно...

— Где вы были все это время, Ирена?

— Это... постыдно. Это... история любви.

Она сказала — и растерялась. В голове не было больше ни одного слова. Ни одного.

Нужно подумать, нужно...

— Ну и?.. Говорите, Ирена. Не стесняйтесь. Сказанное вами умрет в этих стенах... Ну?

Сумасшедший дом...

— Ему было шестнадцать лет!! Мы...

Она запнулась. Вполне естественно; щеки ее стыдливо покраснели, в основном потому, что она не знала, что за историю придумать для столь юного персонажа.

— Мне очень трудно об этом говорить...

Чистая правда. Медленные шестеренки Иреииного воображения вертелись втрое быстрее обычного, перегревались, стачивались, грозили слететь с оси...

— Эта история...

Да, история оказалась и впрямь пикантной.

— Ему шестнадцать лет. Это было... мы уехали на какую-то турбазу в горах... даже не турбаза, так, сарай... И прожили там десять месяцев. Ян, не заставляйте меня говорить, это стыдно...

И она закрыла лицо руками — на семинаре молодых авторов, где она в свое время появлялась два или три раза, за такой сюжет подвергали не просто осмеянию — публичной порке...

Чем абсурднее — тем проще поверить. Теперь ее можно обвинить в распутстве — зато диагноз «шизофрения», лишающий шансов на жизнь, отступает на задний план...

— Его имя Онош... фамилию никогда не знала. Он хороший мальчик, из пристойной семьи... Элитная школа... Это стыдно, Ян. Мы спрятались от людей... Специально. Ото всех... Он обещал построить для меня... мир... мир любви... А потом... я... утром... когда я посмотрела в зеркало... и увидела себя, которой тридцать... рядом с пацаном, который...

Она заплакала. Совершенно искренне. Семироль молчал; Ирена бормотала, исступленно взваливая на себя чувство вины, демонстрируя все беды и комплексы неустроенной женщины, погружаясь все глубже, веря все искреннее...

— А почему вы сказали на следствии, что подтвердить ваше алиби может ваш бывший супруг Анджей Кромар?

— Он нас нашел, — проговорила она, не глядя Семиролю в глаза. — Он приехал... Он видел нас вместе. И...

— И умер от потрясения, — с сожалением пробормотал Семироль.

Ирена не выдержала и посмотрела на него.

Упырь-адвокат издевательски улыбался. Открыто. Во все зубы.

* * *

— Это что?! — спросила она, приподнимаясь на локте. — Это почему рассвет такой?!

— А каким он должен быть? — сонно поинтересовался Семироль.

— Он синий, — сказала она с ужасом. — Почему он такой синий?!

— Он всегда такой... Тихо, Ирена. Вам приснилась какая-то гадость...

Она потрогала шею. И послушно легла на место — бок о бок с его белым и жестким, как сахар, расслабленным обнаженным телом.

— Все будет в порядке, Ирена.

— Вы уверены?

— Да. Интуиция подсказывает мне, что ваши уловки и ваше вранье никак не скажутся на нашем потомстве... Никак.

ГЛАВА 7

Горел, искрился снег. Горы горели огромными белыми факелами; белый солнечный диск горел над горизонтом, как будто кто-то водил над МОДЕЛЬЮ направленным лучом исполинской на-

стольной лампы. Ирена стояла, привалившись спиной к стволу корявой сосенки. И ощущала свою голову Луной — вероятно, Луна испытывает похожее блаженство, когда ловит солнечный свет своими бледными, в кратерах, щеками...

Ирена чувствовала себя странно.

То, о чем она думала, что этого никогда не может быть, — случилось.

Перейдена черта, вампир Семироль фактически стал ее мужем. Моделятор Анджей не отреагировал никак — может быть, МОДЕЛЬ стала настолько самостоятельной, что больше не подчиняется ему...

А может, перестала подчиняться в первый же миг своего существования. Что Ирена знает о МОДЕЛЯХ?

Она слабо улыбнулась солнцу. Откуда она знает, что это именно солнце, а не чья-то настольная лампа?..

Возможно, именно в это утро мир МОДЕЛИ сделался настоящим миром.

Ирениным миром, в котором даже ранние ее рассказики несут на себе отпечаток таланта. Возможно, именно в этом мире она могла бы...

Холодный ветер рванул полы куртки, заставил задержать дыхание.

А КТО написал за нее эти рассказы? Тексты, которые никогда не принадлежали ей, но могли принадлежать, должны были принадлежать, она считает их своими...

Кто написал их? Анджей? Создатель? Или она сама — та, которой не было, которая существовала в прошлом этой МОДЕЛИ, непостижимой конструкции, чья вечность — десять с лишним месяцев...

Она подумала о Семироле — без страха или отвращения. Как о свершившемся. Со вздохом облегчения. Ну вот, все не так страшно...

— Ты в дураках, Анджей, — сказала она синему небу.

Небо молчало.

Она с трудом отслонила свое тело от корявой сосны. Весь мир — клубок моделей. Анджей смоделировал вселенную, Ирена смоделировала двух человечков, переживающих свою первую любовь на изрытом древоточцами стволе... У обоих неплохо получилось. А Семироль обустроил ферму в горах — тоже своего рода модель... Сейчас Ирена вернется в дом и смоделирует свою историю. От того самого момента, как она взяла телефонную трубку и в трубке обнаружился господин Петер...

Она спускалась по крутому склону. Летели камушки из-под тяжелых ботинок.

В стороне от фермы, на дороге, ведущей к лесу, друг против друга стояли двое. Даже издали их ни с кем невозможно было спутать — из всех мужчин на ферме только у Троша такие широченные плечи. И, уж конечно, фигурка в ярком теплом платке — Эльза...

Ирена невольно замедлила шаг.

Женщина что-то говорила — быстро и горячо. Потом обняла Троша за шею, тут же оттолкнула и почти бегом устремилась к калитке, к своему коровнику...

Трош постоял — и побрел в другую сторону, к воротам.

На полпути увидел спускающуюся Ирену.

Помедлил. Изменил направление; молча предложил Ирене руку — весьма кстати, она как раз обдумывала, как бы половчее спрыгнуть с валуна.

— Сегодня хороший день, чтобы гулять, — сказал Трош, привычно отводя глаза.

— Спасибо, — сказала она, выпуская его руку. — Да, слава Создателю, сегодня хороший день...

Он быстро взглянул на нее — не издевается ли?

— Я обдумывала новую повесть, — сказала Ирена, глядя на сверкающие шапки гор. — Это будет лучшее из всего, что я написала.

Трош оживился:

— Я давно хотел спросить... Вы как, из головы выдумываете? Или вспоминаете, что было с вами, или со знакомыми, или в других книжках?..

— Я моделирую, — серьезно сказала Ирена. — Я немножко моделирую новый мир... С людьми. Не обращая внимания на то, нравится это им или нет...

Трош удивленно молчал. Вероятно, он ожидал другого ответа.

— И знаете, Трош, если кто-то из моих персонажей обратится ко мне с просьбой изменить его скверную судьбу... Я, пожалуй, пропущу его просьбу мимо ушей. В книге все должно быть естественно, читатель не любит богов из машины, если исполнять все желания этих маленьких искусственных людишек, так ведь издательской площади не хватит... Верно?

Трош молчал.

— Вы молились, Трош? Помолитесь еще. Попросите нашего Создателя быть добрее...

— Разве он недостаточно добр? — после паузы спросил Трош.

— А разве достаточно?

Трош остановился:

— Грех так думать...

— Милый Трош...

Ирена остановилась тоже, положила юноше руки на плечи — для этого пришлось привстать на цыпочки.

— Дражайший Трош... Пусть вы проводите в молитвах большую часть времени — но поверьте, я знаю Создателя лучше вас.

Вечно опущенные глаза несчастного убийцы наконец-то раскрылись. Округлились, как фары.

— Предавая вас в руки упырю, Создатель вовсе не хотел наказать вас, Трош... И испытать вас он не хотел тоже. Он вообще о вас не думал, смею заверить. Он понятия не имеет о вашем существовании... Возможно, он тренировался, создавая МОДЕЛЬ-черновик. А может быть, прослеживал одну-единственную закономерность, которую мы не можем уловить, потому что смотрим изнутри... А уж достиг цели его эксперимент или нет — мы не узнаем и подавно. Потому что, возможно, сам Создатель погиб в автокатастрофе несколько месяцев назад. Он был очень силен в вождении — но порой не чувствовал габаритов машины, увлекался, рисковал понапрасну... Он был не от мира сего, наш Создатель, и не от мира того, и вообще не от мира... А теперь наша МОДЕЛЬ катится своим ходом, без руля и без ветрил и без Создателя, предоставленная самой себе... Вы когда-нибудь видели, как катится под уклон машина без водителя?

Трош слушал, и глаза его становились все больше и больше. Казалось, вот-вот он скажет: «Неправда», или «Не может быть», или «Что за чушь»...

Но одна за другой проходили минуты, а Трош молчал.

— Извините, — сказала Ирена устало. — У меня сегодня особое настроение. Все мне видится в особом свете... Сейчас я пойду и сяду за компьютер. И не встану из-за клавиатуры до поздней ночи... И буду счастлива. Вот так.

И, улыбнувшись боязливому атлету, она повернулась и прошествовала в дом — ей казалось, что ноги ее не касаются земли.

* * *

Через неделю стало ясно, что первая брачная ночь Ирены и Семироля не дала ожидаемого результата.

— Дело житейское, — весело сказал Ник. — Будем настойчивы и оптимистичны — и все у нас получится, правда, Ян?

— Помолчи, — отозвался Семироль с явным раздражением, Ирена впервые слышала, чтобы он разговаривал с врачом в таком тоне. — Хочешь балагурить — отправляйся в коровник к Эльзе.

— Ну, извини, — тут же ретировался Ник.

Ирена молчала. Семироль присел рядом, поколебался и обнял ее за плечи; она не сопротивлялась. Игра так игра; она не свиноматка, в конце концов, и не корова из известного анекдота, корова, печально укоряющая ветеринара: «А поцеловать?»

— Как повесть? Когда можно будет почитать?

— Еще не скоро, — вздохнула она. А про себя добавила: а ты, скорее всего, не прочтешь никогда.

— Я снова уеду... На несколько дней.

— Я буду ждать, — выдавила она сакраментальную фразу.

Семироль усмехнулся. Сильнее сдавил ее плечи:

— Все больше убеждаюсь, что я сделал правильный выбор... Ни о чем не беспокойтесь, Ирена. Все будет хорошо.

* * *

Спустя день после отъезда Семироля Ирена случайно стала свидетелем жестокой свары.

Сперва она услышала громкие голоса во дворе. Говорил в основном Сит, Ирена узнала своеобразный стиль и стандартный набор слов — вероятно, именно так говорят вышибалы с распоясавшимися клиентами, и, наверное, именно так мордатый кредитор станет разбираться с должником.

У Ирены никогда не было ни одного знакомого бандита — но телеэкран в свое время заботливо посвятил ее во все эти тонкости.

Она поколебалась — а потом, услышав голос Ника, все-таки спустилась в прихожую, накинула куртку и вышла.

Трош медленно вытирал с лица кровь. Глаза его, вечно опущенные, казались теперь совершенно стеклянными; Сит шипел протяжно и зло, рука его, длинная обезьянья лапа, держала Троша за грудки и время от времени встряхивала. Ник стоял в стороне, сузив глаза, переводя ледяной взгляд с одного противника на другого; у ворот рыдала, упав на мерзлую землю, Эльза. Платок сбился с ее головы, обнажив коротко стриженную голову и маленькое красное ухо среди спутанных прядей.

— Я т-тя... С-с-с... Жить надоело, с-с-с...

Сит ударил снова. Ник увидел Ирену, стоящую на пороге в дверях, резко махнул рукой — закрой, мол, дверь, прочь отсюда...

Ирена не послушалась. Просто потому, что подступила вдруг слабость и тошнота.

Ей не так часто приходилось видеть, как бьют. Возможно, жизнь вне МОДЕЛИ слишком изнежила ее.

Сит совсем озверел от вида крови. Эльза заверещала, подхватилась с земли, кинулась на громилу — тот отшвырнул ее одним движением плеча.

Трош со всхлипом втянул в себя алую жижу, и целую секунду

Ирена верила, что он так и будет болтаться окровавленной куклой в руках мордоворота, не даст сдачи...

А потом Сит отлетел вслед за Эльзой, спиной врезался в угол дома, захрапел — а Трош слепо шагнул вперед, ударил трижды — кулаком, коленом, снова кулаком, и Сит сполз по стенке, шипя и оседая, как проколотый пляжный мячик...

Эльза завыла и повисла уже на плечах Троша. Хорошие были плечи — хоть выводок Эльз на них вешай, а будет им просторно, будто тлям на кленовом листе...

Ирена только сейчас заметила, что идет снег. Мелкий, мокрый, сиротский.

Ник подошел к Трошу сзади и что есть силы ударил ботинком под колено. А когда Трош оставил Сита и удивленно обернулся, взял его за ворот, подтянул к своему лицу и сказал что-то еле слышно, но от этого слова Трош опомнился. Непонимающе оглянулся на хрипящего Сита, механически вытер губы; подскочила Эльза, в ее руках был комок белого снега, и вот этим снежком она стала оттирать окровавленное лицо того, который «и мухи не обидит»...

— В дом, — сухо сказал Ирене подошедший Ник. — Здесь нет ничего интересного.

На этот раз она послушалась. Просто потому, что снова обрела способность двигаться.

* * *

Ник сам пришел в ее комнату. Постучал, дождался приглашения, вошел, снова дождался приглашения, опустился на стул:

— Извините... От имени Яна приношу вам извинения. Всякое бывает... Мне очень жаль, что вы оказались свидетелем ЭТОГО.

— И как часто бывает это всякое? — осведомилась Ирена после паузы.

— Редко. — Ник не улыбался. — И, к сожалению... К сожалению, Ян потребует объяснений. От меня.

— От вас? Почему не от Сита?

Ирена была неприятно удивлена. Сит был единственным жителем фермы, к которому она не испытывала ни доли симпатии. Наоборот.

— Сит... Ирена, видите ли, я не обязан все это вам объяснять, но раз уж вы спросили... Виноват как раз не Сит. Это Трош...

— Да? — Она не стала скрывать сарказма.

— К сожалению... Трош нервничает в последнее время. Это очень опасно, он становится нестабилен... Из-за него начинает волноваться Эльза. И Сит... тоже не отличается терпимостью. Вряд

ли Ян допустит, чтобы накануне... гм... важного события на ферме нарушилась стабильность... Ничего, что я все это вам рассказываю?

Горы за окном угасали. Комната неторопливо погружалась в темноту.

— А скажите, — пробормотала Ирена, — вы как врач... психолог... знаете, ОТЧЕГО нервничает Трош?

Ник пожал плечом:

— Кабы знать...

* * *

Она нашла Троша в коровнике, «зверинце», как она сама для себя его окрестила; Эльза тут же вышла и, показалось Ирене или нет, исподтишка бросила на пришелицу хмурый взгляд. Впрочем, чего ей радоваться — после всего, что случилось...

Трош остался. Кивнул, помялся, развел руками, будто призывая в свидетели кроликов и прочую живность:

— Зачем вы здесь... Воняет... и вообще...

— Идемте ко мне? — предложила Ирена.

Трош покачал опущенной головой.

— Почему? Моя комната, кого хочу, того зову в гости... Или Эльза, — она сделала попытку пошутить, — приревнует?

Трош снова покачал головой — на этот раз испуганно.

— Тогда прогуляемся? У меня к вам разговор, Трош, я хотела бы...

— Да, — Трош сглотнул, мускулистая шея содрогнулась. — Да, конечно...

В молчании они дошли до калитки, но выходить не стали. Ветер к ночи утих, фонари над домом и пристройками почти не качались, на снегу лежали желтые пятна света. Гор не было видно — они просто молча присутствовали в темноте.

— А откуда здесь вода берется? — неожиданно для себя самой спросила Ирена.

Трош оживился:

— О, тут очень хорошая вода... Минеральный источник...

— Понятно. Трош, я чем-то вас огорчила?

Больше всего ей хотелось, чтобы он непонимающе замигал. И тогда со спокойным сердцем можно будет сказать себе, что предположение, которое ее мучит, — ложно...

Он потупился. Втянул голову в плечи.

— Я огорчила вас? — переспросила Ирена так мягко, как только могла.

Он отступил на полшага.

— Я говорила всякие глупости, про Создателя, про модели миров... Но я же писательница, вы знаете. Сейчас я пишу про модели — вот и болтаю что ни попадя... Неужели вас это огорчило, Трош?!

Он молчал.

— Извините... Если бы я знала, что для вас это так важно... Но ПОЧЕМУ несколько глупых слов так вас задели? Наверняка вам их говорили в избытке, смеялись над вашей верой, и вообще... Верно?

— Да, — выдавил Трош.

Теперь он поднял голову, и свет фонаря упал ему на лицо. При этом свете кровоподтеки казались темными очками, надетыми под глаза, прямо на череп.

— Трош, — у нее вдруг горло перехватило от жалости. — Я врала вам. Забудьте все, что я говорила...

Он вздохнул:

— Нет... это теперь вы... врете. А тогда вы говорили правду.

— С чего вы взяли?!

— Видно...

— Трош, да вы с ума сошли! По-вашему, я действительно... лично знаю Создателя?!

Она попробовала засмеяться, и отчасти это ей удалось.

Трош не улыбнулся:

— Может быть... Я ведь не знаю, кто вы. Может быть, вы сами пришелица. Со звезд... Из других миров...

— Читайте классику и не смотрите сериалов, — назидательно сказала Ирена, в то время как ее медлительная смекалка из кожи лезла вон, чтобы что-нибудь придумать. Нет, такой поворот дел не входит в ее планы. Ни за что...

— Трош... Что бы там ни было, дайте мне слово, что вы все забудете... успокоитесь... возьмете себя в руки...

Он покачал головой:

— Поздно. Ян теперь убьет меня.

Ирена не нашлась что ответить. У нее язык прилип к зубам.

Трош шумно вздохнул:

— Ник давно уже... что я нестабилен. Он скажет Яну... И это к лучшему. Только поначалу страшно... Потому что я видел этих... которых он привозил живыми, а потом мы их сжигали. То, что от них оставалось...

Но я не боюсь. Я предстану перед Создателем... пусть я и не до конца искупил... но крови я отдал больше, чем вылилось из ее тела... и его тела. Обоих, вместе взятых... И Ян возьмет всю кровь, которая у меня в жилах. До капельки... И я наконец узнаю...

Он замолчал, но Ирена и без того прекрасно понимала, что

именно хочет узнать бедный парень. И против своей воли вообразила Анджея Кромара, развалившегося в офисном кресле с кружкой пива, и этого вот Троша, застывшего в ожидании собственной посмертной участи...

Интересно. Их души Анджей смоделировал тоже?

— Троня, — позвала из темноты Эльза, голос был усталый и злой. — Иди...

— Я скажу Нику, чтобы он не рассказывал Яну, — быстро проговорила Ирена.

Трош, отступая, покачал головой:

— Не надо...

* * *

— Это не ваше дело... Елки-палки, если Ян узнает, что вы посвящены и вмешиваетесь — он меня прикончит.

— Это правда, что Трошу угрожает...

— Нам всем угрожает! Кирпич на голову, пневмония с отеком легких, инфаркт... Нам с самого рождения угрожает смерть, но это не повод впадать в истерику...

— Не мелите чепухи, Ник. Вы понимаете, о чем я...

Ник прошелся по комнате. Зачем-то потрогал пальцем женщину на картине, опрокинулся в кресло, закинул ногу на ногу:

— Мы все здесь смертники, Ирена. Для вас это новость? Спокойствие, хорошее питание, общение с природой... Все это благотворно влияет на продолжительность жизни. А стрессы, нервотрепка, неуверенность в завтрашнем дне сокращают жизнь вообще и НАШУ жизнь в частности, это же азбучная истина...

— Хорошо, — Ирена внезапно успокоилась. — Будьте спокойны и общайтесь с природой. С Семиролем я поговорю сама.

Уже в дверях она заметила, как Ник нервно поправил шелковый шарфик на шее. И впервые усомнилась в правильности своего решения.

* * *

На следующее утро Ирена только мельком видела Троша — тот совершал обычную пробежку, размеренно, сосредоточенно, бодро; издали ей показалось, что он спокоен, даже спокойнее обычного. И, возможно, разговор с ней, а потом еще и сочувствие Эльзы помогли ему вернуть душевное равновесие — если, конечно, вечно угнетенное состояние Трошевой души может считаться таковым...

Утро она провела за работой — то и дело выглядывая в окно, не покажется ли автомобиль.

Вездеход обнаружился внезапно, совсем рядом, Ирена успела удивиться, почему Сит не спешит открывать ворота...

А потом вспомнила, что Сит лежит с сотрясением мозга и Ник не позволяет ему вставать.

В дверях она едва не столкнулась с Ником. Избежала его взгляда, гордо прошествовала вперед, туда, где разворачивается вездеход, где Семироль, спрыгнув на утоптанный снег, сам идет закрывать ворота, и на лице его, на первый взгляд бесстрастном, уже ясно читается вопрос...

— Что случилось, Ник? Ирена, рад видеть... Ник, судя по выражению твоего лица, я...

Семироль замолчал. И смотрел уже не на Ирену и не на врача — за их спины смотрел, и лицо его изменилось так, что Ирена сосчитала до трех, прежде чем обернуться.

В дверях гаража стоял Трош. В руках у него было охотничье ружье, и дуло смотрело не в землю, а в глаза — Нику, Ирене, Семиролю... Руки стрелка дрожали, и оружие ходило ходуном.

Ник дернул Ирену в сторону. Она навсегда запомнила это прикосновение — жесткое и болезненное и как в следующее мгновение между ней и черным стволом оказалось жилистое тело осужденного гинеколога...

— Уйди, доктор, — сказал Трош еле слышно. — Отойди...

По-прежнему прикрывая собой Ирену, увлекая ее за собой, Ник сделал шаг в сторону. Еще шаг.

Семироль не двигался. Теперь ствол смотрел ему в живот. С расстояния в каких-нибудь десять шагов.

Это только в кино между убийцей и жертвой завязываются длинные диалоги. Трош молчал. Молчал и — Ирена видела — пытался справиться с дрожью в руках. Удержать ружье так, чтобы убить наверняка.

Наверное, надо было что-то сказать. «Нет», или «Не надо», или «Стой»...

Ирена прекрасно понимала, что сразу вслед за подобным выкриком раздастся выстрел. И это будет естественно, куда естественнее, чем покой и гармония на этой странной ферме...

— Дурачок, — устало сказал Семироль. — Ну, стреляй.

И сделал шаг вперед.

Наверное, такое лицо бывает у многократно битого подростка, когда, прижатый к школьной ограде, он решается наконец дать сдачи...

Лицо Троша исказилось. Выстрел показался очень громким, тромовым, зачихали, откликаясь эхом, горы...

Ирена, чье лицо впечаталось в жесткую шею Ника, видела, как покачнулся, будто от удара, Семироль. И как в куртке его образовалась, разметав рваные края, черная дырочка. На уровне плеча.

Трош смотрел. Глаза его сделались совсем уж огромными, поглотив собой, кажется, даже очки-кровоподтеки...

— Теперь из второго ствола, — тихо сказал вампир.

И сделал еще один шаг.

Трош выстрелил снова, но ружье дернулось в его руках, Ирена видела, что он не попадет...

Пуля ударилась о борт вездехода. Взорвалось стекло — со звуком рассыпающегося гороха.

— Все?

Семироль стоял. Крови не было — оттуда, из черной дыры в его куртке, неторопливо выползала черная и густая, как битум, жидкость.

— Это все, Трош?

Парень бросил ружье.

— Создатель мертв, — скорее прочла по губам, нежели услышала Ирена.

Трош побежал. Кинулся прочь от своей смерти — благо ворота были еще не закрыты. Трош бежал, и это было естественно — а ведь Ирена боялась, что, проиграв, он улыбнется и подставит горло...

— Где Сит? — глухо спросил Семироль.

— Нет, — невпопад отозвался Ник, все еще прижимая к себе обомлевшую Ирену.

Семироль посмотрел вслед бегущему Трошу. Перевел взгляд на ружье, страдальчески поморщился:

— Ч-черт...

Пошатнулся. Оглянулся на крыльцо, где столбом стояла бледная простоволосая Эльза.

— Ч-черт с ним... Идем, Ник. Достанешь пулю.

* * *

В коровнике мычали недоеные Снежка и Рыжка. Бранясь сквозь зубы, Ник взял ведро и отправился в хлев, как на каторгу.

Коровы боялись его. Коровы нервничали, не желали стоять смирно, норовили опрокинуть подойник, выкрикивали в два голоса проклятия на Никову голову и горестно призывали свою добрую хозяйку; Снежке и Рыжке невдомек было, что Эльза, бледная до синевы, лежит сейчас в постели, потягивает из стакана красное вино и закусывает яблоками с гематогеном.

Эльза, может быть, и пренебрегла бы законным отдыхом и яви-

лась бы обслужить любимую скотинку — но кружится голова и не держат ноги, поскольку господин Семироль вынужденно превысил норму кровозабора...

— Ирена, елки-палки... Что вы смотрите?! Помогите...

— Вы думаете, я когда-нибудь доила коров? — спросила она, проталкивая сквозь прутья кроличьей клетки брикет прессованного корма.

— А я?!

— А у вас должен быть опыт... Кто-то ведь доил коров в дни Эльзиных «выходных»?

— Трош, — глухо отозвался Ник. — Обычно это делал Трош. Он деревенский...

Горячее молоко брызгало, текло мимо подойника, стекало у Ника по рукам, капало с обнаженных локтей. Животное мучилось, но осужденный гинеколог мучился не меньше.

— А мы тут балагурим, — сказала Ирена глухо и зло.

— А что нам делать? Плакать?

Корова дернулась — вероятно, Ник причинил ей боль.

— Стоять, Снежка!!

Корова возопила.

— Снежечка, лапочка, успокойся, расслабься... Ирена, да придержите ей зад, что ли... Чтобы она стояла, зараза, это же невозможно...

— Это вам не женщин смотреть, — мстительно сказала Ирена. — Как я ее придержу — за хвост?

Ник выдохся. Опустил красные распухшие руки, толкнул крутой коровий бок:

— Пошла, Снежка... Рыжка, на кресло!

Ирена нервно хихикнула. Черная Рыжка вытянула морду, заголосила до звона в ушах:

— Му-у-у-а!

Ник смотрел на свои руки:

— Видите ли, Ирена... Трош очень долго балансировал на узком, но крепком карнизе. Его своеобразные отношения с Создателем... как он его себе представлял... помогали ему удержаться. После того, как он убил двоих — опять же в состоянии аффекта... После смертного приговора... После многих ведер крови, отданной Яну — не вполне добровольно... ему все труднее становилось балансировать. А потом что-то случилось — возможно, вышел срок... Я, честно говоря, все время этого боялся. И вот...

— Довели парня, — сказала Ирена шепотом.

— Да, — Ник печально кивнул. — Не хочу вас огорчать, но Трош, скорее всего, мы больше не увидим... Рыжечка, красавица, давай-ка сюда, спокойно, расслабься...

Ирена прикрыла глаза.

Прыгающее дуло... Дыра в Семиролевой куртке...

— А в Яна надо стрелять серебряными, да?

Ник помедлил. Не оборачиваясь, покачал головой:

— Во-первых, это бред. Во-вторых, неужели вы желаете Яну смерти?.. Тихо, Рыжечка.

Дойка пошла веселее. Не то Ник приноровился, не то Рыжка оказалась покладистее.

Ирена присела на другую скамейку — в углу. Обняла руками колени:

— Ник... Что теперь будет?

— Теперь Яну потребуется много гемоглобина... И всем нам придется жрать гематоген. А я ненавижу эту дрянь с самого детства... Мне его подсовывали под видом шоколада, это было так обидно...

Ирена смотрела в его согбенную спину. Она слишком хорошо помнила, как эта спина возникла между ней — и возможной пулей...

Вряд ли Трош стал бы стрелять в нее.

С другой стороны, у него так дрожали руки... Та пуля, вторая, что досталась на долю вездехода, вполне могла бы пойти по другой траектории...

— Ник... Яна НЕЛЬЗЯ убить обыкновенной пулей?

Струйки молока били в ведро, как новобранец в мишень — то и дело промазывая. Но не «в молоко», а на пол, на солому, дояру на штаны.

— Тихо-тихо, Рыжечка, расслабься... Можно, Ирена. Можно.

— То есть Трош мог...

— Конечно. Запросто. Ему бы немножко хладнокровия... Хотя калибр, конечно, мелковат. Надо попасть точно в глаз... Тихо, Рыжка. Тихо.

Ирену передернуло.

— Ник... А почему Ян допускает... допустил... чтобы Трош так спокойно... возился с этим ружьем?

Ник поерзал на табуретке:

— Ч-черт, пальцы болят... И спина... Лучше было угодить на химический стул шесть лет назад, чем доить сейчас эту проклятую корову...

Стукнула, прикрываясь, дверь. Ирена, вздрогнув, обернулась.

— ...Купить доильный аппарат?

Семироль стоял прямо, пострадавшая левая рука покоилась в кармане широкой куртки.

— Как скажешь, Ян, — смиренно отозвался Ник. — Лежать бы тебе и не вставать еще хотя бы до завтра...

Ирена поняла вдруг, что вампир вполне мог слышать не только последнюю реплику, но значительную часть разговора.

— Как плечо? — поинтересовалась она заботливо. Слишком заботливо, пожалуй. Суетливо.

— Спасибо, Ирена... Ничего. Ничего страшного... Где здесь можно присесть?

Ирена помедлила — и подвинулась, давая адвокату возможность усесться рядом.

— Ну и воняет в этом вашем хлеву... — Семироль сел и привалился к стене. — Ирена, чем вы тут дышите?

— Хочешь молочка? — кротко осведомился Ник.

— Кровушки хочу, — в тон ему отозвался Семироль. Покосился на Ирену, чуть заметно усмехнулся: — Не бойтесь, это милая шутка... Трош нашелся.

Ирена вздрогнула. Ник оставил корову, свесил опухшие руки между колен, замер, сгорбившись, не оборачиваясь.

— На опушке висит... на сосне. Эльзе не говори пока. Пусть оклемается... Ирена, ничего, что я все это — в вашем присутствии? Просто оградить вас, сами понимаете, теперь нет никакой возможности...

— Да, — сказала Ирена шепотом.

Создатель мертв, Создатель мертв... Зачем жить, если Создатель...

— Ирена, — Семироль осторожно положил здоровую руку ей на колено. — А вы говорили с Трошем в последнее время?

— Да, — отозвалась она, потому что отрицать очевидное не было смысла.

— И как он вам показался? Откуда странная мысль, что... ну, вы слышали, что он сказал напоследок?

— Напоследок?

— После обоих выстрелов. У меня, признаться, в ушах шумело, я не уверен, что правильно расслышал... что он сказал?

— Он был в состоянии аффекта, — тихонько подсказал Ник. — Несчастный парень...

Ирена молчала.

Потому что стоит ей открыть рот — и ее уличат во лжи.

* * *

Троша не хоронили. Очевидно, он ушел с фермы так же, как уходили прочие смертники, — пеплом, чистым огнем...

Спустя неделю Семироль был совершенно здоров.

Еще спустя два дня он вернулся из города не один — Ирену, несмотря на ее протесты, заперли в комнате, и она лишь мельком увидела в окно, как упырь-адвокат выгружает из вездехода маленького человечка в наручниках — лысого, полного, с белесой бородкой и безумными глазами...

Больше она никогда не видела этого человечка. И запретила себе думать о его судьбе — благо работа отнимала у нее все силы и позволяла высвободить память.

Семироль приходил по ночам — она научилась не вздрагивать при звуке его шагов. Более того, между ними сложились как бы партнерские отношения — он делал вид, что не слышал разговора о серебряной пуле. Она притворялась, что судьба Троша, равно как и судьба безвестного бородача, ни капельки ее не занимает.

Семироль был с ней нежен. И он был умен, и его комплименты Ирене льстили — хотя иногда ей что угодно хотелось отдать ради того, чтобы вампир-адвокат был хоть чуточку глупее...

Иногда она просыпалась от кошмара. Ей снилась разбитая в лепешку желтая машина и рядом на дороге — окровавленное тело Анджея Кромара...

Она сжимала зубы. Семиролю вовсе незачем слышать, как она бормочет во сне: Создатель мертв... Моделятор мертв...

Зима была в самом разгаре, когда тест на беременность показал наконец положительный результат.

ГЛАВА 8

Она прислушивалась к себе — и ничего не ощущала. Она бродила по комнате, садилась за работу и снова вставала, брела во двор, где верзила Сит перебирал какой-то механический хлам, выходила за ворота, глядела на низкое солнце...

Она не была одна. Внутри нее поселился — на радость ли, на горе — некто, не бывший частью ее тела. Иной. НЕ ОНА.

Ник ходил за ней, как тень. Опасался лишний раз попасться на глаза — но сильнее боялся не успеть подать руку, когда Ирена оступится, и не пододвинуть стул, когда она захочет сесть...

Поначалу его опека раздражала ее. Но потом оказалось, что поддержка Ника бывает весьма кстати — особенно в часы, когда одиноко и тошно, когда нет сил надеяться, как прежде, только на себя...

Семироль много работал и, к Ирениной радости, часто и подолгу отсутствовал. Управляющий Сит получил, по-видимому, приказ не тревожить Ирену своим присутствием; Эльза окончательно переселилась в хозяйственные пристройки — похоже, что там, с коровами, и ночевала...

На опушке, в стороне от других деревьев, скрипела на ветру корявая сосна. На ветке-перекладине болталась черная траурная ленточка.

* * *

Сит влетел в гостиную, и был он зол до красноты, и Ирена не испугалась только благодаря своей медлительности. Не успела.

— Доктор... ты ей, сучке, скажи. Она, типа, обалдела совсем. Ты ей скажи. Ты ее успокой, а то Ян ее успокоит...

Ник оглянулся на Ирену. Привычно, успокаивающе коснулся ее плеча. Обернулся к Ситу, холодно осведомился:

— В чем дело?

Сит открыл было рот — но в последний момент тоже посмотрел на Ирену. Поморщился:

— Пошли, доктор, я тебе объясню... И ей, сучке, объясню заодно. Кто она такая и что должна делать...

— Ни черта я тебе не должна.

Эльза редко появлялась в гостиной. Сейчас на ней не было привычного платка, короткие волосы торчали как придется, шарф на шее был вызывающе распахнут, открывая целое поле шрамов — старых, свежих, тонких и не очень...

— Ни черта я не должна тебе, кобель. Сам себя радуй. Или пусть тебе Ян резиновую бабу купит...

— Ах ты...

На пути разъяренного Сита обнаружился Ник. Ирена думала, что громила снесет тощего доктора без особых усилий, но вышло не так. Ник чудом ухитрился отбросить Сита, изменить траекторию его броска и направить управляющего мимо цели, в стену. Эльза, бледная, со стиснутыми в ниточку губами, даже не отшатнулась:

— Я думала... не будет уже... этого. Нет... здесь... — Эльза добавила несколько непонятных слов, и Ирена не сразу сообразила, что она попросту перешла на профессиональную лексику. Вероятно, не услышав этого хоть однажды, невозможно было бы представить, где, как и с кем доводилось «работать» теперешней скотнице...

— Пусти-и... — Теперь Сит отбросил Ника со своего пути. Правда, кидаться на Эльзу во второй раз не стал — зато одним его взглядом можно было разделать старую говяжью тушу.

— Так, значит... Значит, типа, так. Ладно, Ян вернется...

Эльза замолчала. Три шнурка, казалось, лежали на ее лице — шнурочки-глаза, очень тонкий шнурочек — рот...

Ник обернулся к Ирене. Подошел, крепко взял под локоть:

— Ирена... пожалуйста. Вам нельзя волноваться. Совсем. Идите к себе...

— На мясо пойдешь, — сообщил Сит Эльзе. — Своими руками кину в печь шкурку твою пустую, вот Ян вернется...

— Жить надоело?! — рявкнул Ник. — А ну пошли вон, оба!..

Сит ощерился и вышел, грохнув дверью. Эльза стояла; шнурочек-рот, кажется, улыбался.

— Уйди, — сказал Ник тоном ниже. — Разберемся... Но неужели так трудно не нарываться?!

Эльза сползла по стене. Рыдала почти беззвучно, зато с обилием слез — ладони, которыми она прикрывала лицо, сразу сделались мокрыми.

— Ну елки-палки... Ирена, уйдите. Мы разберемся, все будет в порядке, только, Ирена, вам не надо...

Она подошла к Эльзе и присела рядом. Помолчала. Тронула трясущееся плечо:

— Ну... он же... не обращайте внимания, все будет...

— Из-за тебя, дрянь, — сказала Эльза сквозь рыдания. — Троня из-за тебя... сорвался... Создатель... ты ему наплела про Создателя. Про МОДЕЛЮ... Он и поверил...

Ирена затылком ощущала враз отвердевший взгляд Ника.

Поднялась. Молча прошла к себе, в одежде легла на кровать и натянула одеяло до самого подбородка.

* * *

Она не слышала, о чем говорили на другой день Семироль, Ник и управляющий. По выходе из кабинета адвокат казался спокойным, Ник — неестественно молчаливым, а на лице Сита обнаружилось некое мрачное удовлетворение.

Ирену никто не побеспокоил. Ник, против обыкновения, не напомнил о ежедневной прогулке, Сит даже не взглянул на нее, а Семироль, рассеянно кивнув, проследовал в библиотеку. В общество книг и магнитных рыбок.

Она вернулась к себе, села за компьютер и перечитала написанное накануне:

«Старый тополь рос не справа от ворот, а слева. Сообразив это, я некоторое время стояла, не в силах сдвинуться с места...

Петер говорил, что пребывание в ткани модели совершенно безопасно для здоровья.

Ветер пах осенью. Калитка скрипела уютно и привычно; я провела рукой по доскам, убеждаясь, что это не голограмма и не иллюзия. Ткань модели?..

Нет, я обдумаю все это потом... Когда сяду за компьютер и выведу белым по синему: глава первая...

— Сэнсей?

Движение в будке. Показалась одна лапа, другая...

Он ПРОСПАЛ мое появление?!

Радостный визг. Пес прыгнул мне навстречу — заспанный, *странно маленький, со свалявшейся шерстью, неухоженный*...

— Сэнсей, это ты?!»

Ирена оторвалась от экрана. Прикрыла глаза.

Все это было много слабее, чем знаменитые «первые рассказы», те самые, никогда никем не написанные, но все же существующие. Она ЗНАЛА, что рассказы принадлежат ЕЙ, что со временем она превзойдет их; день за днем тянулось соревнование, гонка за лидером — Ирена будто состязалась в мастерстве со своей тенью, с талантливейшей своей половиной, состязалась — и часто проигрывала...

Сегодня работа не клеилась вовсе. Одиночество, обычно желанное, теперь угнетало.

Семироль избегает ее. Если раньше у нее возникали на этот счет сомнения — то теперь им не осталось места; сделав свое дело, Семироль целиком и полностью отдал ее на попечение врачу. Оплодотворенную самку...

Она закусила губу.

И Семироль о чем-то подозревает. Неизвестно, что наговорила ему Эльза, неизвестно, что Трош наговорил Эльзе перед смертью, — возможно, версия об Ирениной шизофрении теперь получила новое подтверждение.

Психическая болезнь, и болезнь, как ни смешно, заразная — первой жертвой стал Трош. Эльза на очереди...

...В библиотеку Ирена вошла по инерции — надеясь, что Семироль давно оттуда убрался. Магнитные рыбки вертелись и покачивались, вампир-адвокат сидел, склонившись, над журнальным столом и перелистывал желтые подшивки старых газет.

— Ян.

— Да?

— Я вам не помешаю?

Он прервал свое занятие. Поднялся, подошел к Ирене, она механически отметила, что он в хорошей форме. Великолепный цвет лица. Короткие блестящие волосы стоят дыбом, как щетина на щетке. И при всем при этом — красные воспаленные глаза.

— Ян... я должна вам сказать.

Он помолчал. Неожиданно взял ее за руку; прикосновение не было противным, и она не стала высвобождаться.

— Вам нельзя нервничать, Ирена... В том, что случилось с Трошем, нет вашей вины. Так получилось. Просто последняя соломинка на спине верблюда...

Она молчала.

Семироль обнял ее за плечи. Привлек к себе. Она ощутила, как бьется его сердце — раза в два медленнее, чем у нормального человека, и в полтора раза медленнее, чем у Анджея Кромара...

— *Ирена... если мы поговорим с вами о вашем бывшем муже* — это не очень вас огорчит?

* * *

— ...Странная, очень странная личность. Я навел кое-какие справки... Да, существуют все документы, подтверждающие гибель Анджея Кромара в автомобильной катастрофе. И в то же время нет ни одного свидетеля, никто как бы не присутствовал во время похорон... У него не было близких друзей. Родственник был один — вы... Бывший родственник.

В день аварии, как и в день похорон, вас не было в городе... Вы были неизвестно где. У меня разветвленная агентура... я нашел квартиру, которую Кромар снял незадолго до смерти.

Ирена сидела, крепко взявшись за подлокотники. В кабинете стоял полумрак, настольная лампа отсутствующе смотрела в потолок.

— Как вы себя чувствуете? Я вас не очень... нагружаю?

Она молча покачала головой.

— Вот... Милая женщина, квартирная хозяйка, узнала о гибели Кромара случайно, из газет. Очень переживала. Составила опись его вещей, дала объявление, честно ждала наследников... Не дождалась. Наследство, впрочем, было скромным — кое-какие вещи, велосипед, старый компьютер в нерабочем состоянии...

Ирена не выдержала:

— У Анджея — старый компьютер?!

— Вот-вот... Квартирная хозяйка помнит, что компьютер вроде бы был другой. Но ОСТАЛСЯ — этот... Да. И картонный ящик из-под телевизора, набитый бумагами. Хозяйка собиралась его выбросить — но я на всякий случай решил взять его себе... Ирена. Вы можете без ущерба для настроения рассказать мне немного об этом господине Кромаре?

Ирена поколебалась:

— А почему Анджей... вас заинтересовал?

У нее хватило мужества выдержать пристальный взгляд Семироля.

— Потому что, Ирена, именно этот человек неким образом связан с вашей... гм... назовем это странностью. Я продолжаю счи-

тать, что для потомства подобный психоз не опасен... Но я должен знать. В конце концов, может быть, я помогу вам?

— Я не сумасшедшая, — сказала она поспешно. — Нет никакого психоза...

Семироль недоверчиво покачал головой:

— Есть, Ирена. Что-то такое есть... Возможно, на почве развода. Уж поверьте, через мои руки прошло столько бракоразводных процессов... Всякое бывает, Ирена. Вы ведь меня не стесняетесь?

— Поздновато стесняться-то, — отозвалась она с нервной веселостью.

— Будете мне помогать?

Она нервно проглотила слюну.

— Ладно... пойдем дальше. Вот, имеем гору бумажного хлама, вырезки из газет, чистые листы, черновики, в которых нельзя понять ни слова... Ваш бывший муж не увлекался шифрами, анаграммами, чем-нибудь подобным?

Ирена уверенно помотала головой.

— Хорошо... Вот это меня заинтересовало. Вырезка из газеты «Секреты следствия»... Желтая, между прочим, газетенка. И статья странная — откровения о некоем шумном процессе... Я такого процесса не помню. Несмотря на то что помнить должен... Вот, в углу листочка видны номер газеты и дата... У меня есть этот номер в подшивке. Но такой статьи там нет. Любопытно, правда?

Она потянулась к желтому листку. Поднесла к глазам, тут же испуганно отшатнулась — на фотографии в центре запечатлен был полуголый труп...

— Не хватайте всякую гадость! Дайте сюда... Самое интересное, Ирена, что это не единственный подобный казус. Тут таких вырезок полно, и на большинстве видны число выхода и номер газеты, да не от руки написанные, а типографские, оригинальные... И ни одной — НИ ОДНОЙ! — я не нашел в подшивках. Возможно, господин Кромар занимался подделкой газетных заметок — ума не приложу, зачем это может быть нужно...

— Ян, — Ирена нервно потерла руки, сама себе напомнив муху на праздничной скатерти, — а фотографий... или чего-нибудь... не было?

Семироль потянулся к столу. Вытащил из груды бумаг стандартную фотокарточку-открытку.

Да, и время, и место она узнала с первого взгляда.

Парк. Крыльцо деревянного коттеджа, увитое, кажется, плющом... Вот виднеется коттедж их соседа, известного режиссера. Снимок сделан за пару дней до знаменитого заплыва — режиссер еще не знает, что его ждет...

Кажется, именно режиссера они попросили запечатлеть их. Снимок сделан рукой киномастера — Ирена и Анджей в обнимку, оба молодые и обаятельные, оба довольные жизнью...

Ирена молча вернула фотографию.

Сегодня ночью ее ждет бессонница. Зато сейчас лицо ее вполне равнодушно; порой не так-то плохо иметь замедленную реакцию...

— Что еще? — услышала она собственный спокойный голос.

Семироль пожал плечами:

— Все те же неразборчивые записи, в которых даже профессиональные шифровальщики никак не могут разобраться... И настенный календарь шестилетней давности. Или семилетней...

— Можно посмотреть?

Календарь пахнул пылью. Когда-то глянцевые листы теперь потускнели, кое-где проступали следы от чашки, жирные пятна, вроде как от подсолнечного масла...

— Ян... Скажите по правде. Вы думаете, что я сумасшедшая?

— Я думаю, что вы генетически благополучный человек с небольшой навязчивой идейкой...

— Подарите мне вот этот календарь. — Ирена прижимала старый хлам к груди и при этом улыбалась так счастливо, что можно было и впрямь принять ее за безумицу.

— Я рад, что вам нравится...

Семироль подошел, сел на подлокотник и внезапно крепко обнял ее.

Она испуганно затихла.

— Ирена... Я соскучился. Но в первые месяцы беременности... понимаете? Доктор не рекомендует... — И он улыбнулся.

Уши, вспыхнув, выдали ее смятение.

* * *

Ее комната была захламлена географическими картами, вырезками и атласами. Она почти сразу нашла то, что искала; волнение первых секунд, волнение, от которого кружилась голова и немели пальцы, это волнение скоро выветрилось, как дешевые духи, оставив Ирене холодный прагматизм исследователя.

Она чувствовала себя опытным препаратором. Спокойным, как боа-констриктор. Или даже как боа-констрикторский труп...

Она подобрала карты, точно соответствующие по масштабу. Она работала вдохновенно и тщательно; для того, чтобы довести задумку до конца, ей понадобилось каких-нибудь несколько часов.

И уже потом, посмотрев на дело рук своих, она испугалась.

И кому это можно показать? Нику? Яну?!

Облокотилась о подоконник. Подняла глаза к темнеющему зимнему небу:

— Халтурщик! Я поймала тебя, слышишь?

Небо молчало.

* * *

Вероятно, упырь-адвокат действительно обладал феноменальным даром убеждения. Вероятно, и аргументов для Эльзы и Сита у него оказалось предостаточно; во всяком случае, на ферме установился относительный мир.

Ирена избегала как Эльзу, так и Сита. Семироль сидел на ферме безвыездно — вероятно, считал своим долгом лично восстановить благополучие в хозяйстве.

Ирена смотрела на горы — и думала.

В то, что Анджей умер, ей не верилось с самого начала. Версия о его смерти пылилась в самом дальнем уголке ее подсознания; вероятно ли, что, инсценировав смерть, Анджей ушел из МОДЕЛИ в реальность?

Не очень-то вероятно. Хотя...

Возможно ли, что Анджея не устроила роль рядового обитателя МОДЕЛИ? Что, совершив как бы ритуальное самоубийство, он одновременно приобрел ипостась настоящего Создателя, того, чье место за облаками?!

Бред...

Повесть продвигалась к концу. Что будет в финале, Ирена не знала.

* * *

— ...Вся жизнь у меня такая... разбитая... прогоняете меня, потому что противно, да?

Эльза говорила вполголоса, но с бешеным темпераментом. Ирена придержала шаг, не желая быть свидетельницей ничьих интимных разборок.

— Почему так всегда бывает... всякая скотина, кобелье вонючее лезет и лезет, а для настоящего человека... я вроде как грязная... Ну я люблю вас, ну люблю, почему ни одна сволочь не верит?!

Ирена остановилась. Дверь в кладовку была приоткрыта — Ирена живо вообразила себе Эльзу, на коленях стоящую перед Ником. И в следующую секунду — как они оборачиваются, заслышав ее шаги, как Ник смущенно улыбается, а Эльза краснеет до слез и выскакивает прочь...

Интересно, а как Эльза ведет себя на осмотрах?!

Сама того не желая, Ирена сделала еще полшага. Тесная комнатушка кладовой заставлена была стопками чистого белья. Эльза сидела на полу; кроме нее, в комнатушке никого не оказалось. Молящий взгляд бывшей шлюхи устремлен был на пестрый, оклеенный фотографиями простенок. Кому из белозубых лощеных киноактеров предназначались ее признания?

Ирена скользнула мимо. Оглянулась только у дверей собственной комнаты. Остановилась, задыхаясь, но не от бега, а от стыда. Кажется, застань она Эльзу в объятиях Ника, да еще в экстазе — не было бы так стыдно...

Прозрачная крышка, которой она обычно прикрывала клавиатуру, лежала рядом на столе — в то время как Ирена точно помнила, что оставила клавиатуру закрытой.

Она удивленно оглядела комнату. Ключ лежал у нее в кармане; по ее просьбе сюда давно никто не входил, даже пыль не вытирал — все сама, только сама...

Она пожала плечами. Подумала. Подошла к монитору, положила на него ладонь.

Монитор был теплый.

* * *

— ...Что за дрянь вы смотрите, Ирена?

Она оторвала взгляд от ведущего телешоу, вопящего и кривляющегося на маленьком экране. Изобразила улыбку:

— Отчего же, очень смешно...

— Не притворяйтесь... Вас что-то огорчает?

Она помолчала.

— Ян, меня огорчает, что вы без спросу залезли в мой компьютер и... переписали повесть? Да?

Семироль уселся рядом. Подобрал с пола пульт, заставил жизнерадостного крикуна резко убавить громкость.

— Ирена...

— Ничего, — пожала она плечами. — Раз уж мое тело не принадлежит мне, что уж говорить о тексте... о каком-то там компьютере...

— Ирена, у вас повадки великого сыщика...

— А у вас — неумелого взломщика... Ну зачем?!

— Мне очень нужно было это прочесть. А вы бы мне не позволили. Ведь не позволили бы, точно?

Она молчала.

— Ирена, поймите... То, что вы в итоге остались живы, во многом заслуга этих ваших... рассказов. Как бы странно это ни звуча-

ло... А интересно было посмотреть на себя со стороны! — Он неожиданно улыбнулся.

Она еле удержалась, чтобы не сплюнуть, как матрос в трактире:

— Да это же... это другое, это не... и она же не закончена!

Семироль вздохнул:

— Ирена... где вы провели эти злосчастные десять месяцев?

На экране взмахивали стройными ногами лихие смуглые танцовщицы. Их движения почему-то напомнили Ирене вязальную машину... или прядильную?

Ритмичные взмахи бесконечной очереди палочек и крючков...

— А вы уже прочитали? — спросила она безнадежно.

— Да. Но я надеюсь, вы все-таки отделяете... вымысел от реальности? Или нет?

Вот и все, устало подумала Ирена.

— Ян... я не сумасшедшая. Верите?

Он молчал.

— Ну так идемте со мной! — сказала она, резко поднимаясь. — Идемте, я вам покажу!..

* * *

Она включила весь имеющийся в комнате свет. Люстру, настольную лампу, торшер. Смела со стола хлам, оставшийся после ее исследовательской работы, взялась было отодвинуть компьютер...

— Куда? — Семироль с негодованием оттеснил ее. — Тяжести?!

Она закатила глаза к потолку.

— Смотрите сюда, Ян... Вот. Это календарь, тот, из бумаг Кромара, видите?

— Спокойнее, Ирена...

— Нет, это вы — спокойнее... Вот эти горы, видите, узнаете?

Семироль взял календарь в руки. Чуть улыбнулся:

— Да... Смотрите-ка.

— А почему тут написано «Каньон Пас, Южные Монтаньеры»? Мы-то в другом месте живем!

Адвокат присмотрелся. Пожал плечами:

— Ну и что? Кромар подделывал статьи в газетах, а теперь еще, выходит, и календари...

— ...Подделывал календари семилетней давности. Ладно, его дело... Но вот карта...

Ирена волновалась. Путалась в страницах атласа; Семироль как бы невзначай положил ей руку на плечо:

— Не спешите...

— Смотрите сюда... Вот. Это Южные Монтаньеры. То место, что на всех картах мира называется Каньоном Пас... Вот этот участочек, обведенный карандашом, пятиугольник, видно?

— Ну и что? — медленно повторил Семироль.

Ирена развернула карту:

— Вот мы... Вот город... Здесь еще горы как горы. Здесь еще тоже... совсем старые. Полуразрушенные. Лес, луга, средняя высота не превышает... не помню сколько метров, но не так уж много. И вдруг — пики! Вечные снега! Все эти сумасшедшие хребты, из-за которых с фермы нельзя сбежать... Но ладно. Игра природы... Вот! Посмотрите же сюда! Вот этот пятиугольник, точка в точку! Кусок Монтаньер, пересаженный совершенно в другое место! Сдублированный! Вот я из карты его вырезала, тут масштабы совпадают... Если даже учесть обязательные искажения, погрешности... но совпадает же! Накладывается!

Семироль молчал.

Иренино доказательство, похожее на детскую игру-головоломку, выскользнуло из ее нервных рук, полетело на ковер — отдельно атлас с загнутым уголком, отдельно карта с вырезанным пятиугольным окошком, отдельно сам этот пятиугольник, желто-коричневый из-за обилия высоких гор... И еще одна карта, целая, с нарисованным контуром, с местом, куда без ущерба для карты легко можно вклеить кусочек Южных Монтаньер...

Семироль наклонился. Аккуратно подобрал все части головоломки.

Выпрямился, усмехнулся:

— Ну и что?

— А ничего. — Ирена опустилась на кровать. — Я, конечно, отличаю вымысел от реальности... Хорошо бы послать эти мои изыскания в какой-нибудь географический журнал... Хотя нет, географический не напечатает. В какой-нибудь темный журнальчик, с хиромантией, чревовещанием, с пособиями по столоверчению, «удивительное — рядом»... Вот там напечатают с радостью, еще и гонорар пришлют...

Семироль молчал.

— Что вы со мной сделаете? — спросила она безнадежно. — Если я все-таки шизофреничка... Вы ошиблись во мне, Ян. А вернее всего — вам надо было набрать сразу несколько женщин, оплодотворить их всех и из многочисленного потомства выбрать самую удачную особь... А прочих...

Он закрыл ей рот ладонью. Ладонь была узкая и твердая; Ирена щекой вдавилась в пуговицу на его рубашке и снова ощутила биение его сердца — но теперь, как ни странно, пульс Семироля был чаще, чем у Анджея Кромара, почти такой же, как у нормального человека...

— Ирена... Не надо. ОН может услышать...

Его рука легла теперь уже ей на живот. Ирена замерла — прикосновение было приятным.

Проходили минуты.

Она не сопротивлялась. Опустилась на подушки, позволяя делать с собой все, что угодно...

Бесстыдно горели люстра, настольная лампа и торшер.

— Улыбаетесь, Ирена?

— Неприлично же... При ребенке...

Он коснулся ее губ. Впервые.

— Вы смеетесь, Ирена?

— Обычно начинают с поцелуев, а мы... заканчиваем...

— Ну, до завершения нам еще далеко...

Так что же, он понял? Все-таки ПОВЕРИЛ ей? Или...

Она закрыла глаза.

Пусть так. Не имеет значения.

* * *

По утрам она боролась с тошнотой. Ничего не хотелось делать, повесть так и осталась — без конца...

Ник возился с ней, как нянька. Делал комплименты. Развлекал. Вытащил откуда-то подробный медицинский фильм о внутриутробной жизни плода; сперва Ирена морщилась — но любопытство победило, тем более что фильм оказался в чем-то даже эстетским.

Дни. Недели. Месяцы. Страшноватое с виду, непропорциональное существо плавало вниз головой внутри собственного красного космоса, росло, обзаводилось отпечатками пальцев, ресницами, мочками ушей, ногтями...

Ирена смотрела, время от времени недоверчиво касаясь собственного живота.

* * *

Дни стояли солнечные, на ежедневную прогулку она выходила в темных очках на пол-лица.

Траурная ленточка на корявой сосне выцвела и стала бурой. Иногда к сосне, будто к могиле, приходила Эльза. Вот как сегодня.

Ирена сидела на стволе поваленного дерева, на четырех слоях пушистого пледа. Дальше идти было некуда — пришлось бы карабкаться по камням, против чего Ник категорически возражал...

Зато здесь, на каменной площадке, защищенной от ветра с двух сторон, было комфортно, как в парке.

Или как в прогулочном дворике хорошей тюрьмы...

Далеко внизу, у корявой сосны, стояла, задумавшись, Эльза.

— Ник...

— Да, я понимаю, о чем вы думаете... Да, бедняга. Самое печальное... Я скажу циничную вещь, но если бы нечто подобное случилось с Ситом — Эльза точно так же хранила бы его память. Ненавидела бы Троша...

Да, Ирена. Она ужасно романтична, наша Эльза, хотя в жизни, наверное, не прочитала ни одного любовного романа... А главное, она все время пытается доказать себе, что умеет любить не хуже прочих — верно и преданно...

Ирена помолчала. Доктор привычно болтал, развлекая ее и провоцируя, но за словами его стояло невысказанное, просто стояло, не считая нужным даже спрятаться, в полной уверенности, что Ирена, увлеченная историей Эльзы, не обратит на него ни малейшего внимания...

— А вы как доктор вынесли вердикт: Эльза любить не умеет?

Вопрос получился по-идиотски серьезным. Ник вздохнул:

— Коров, зверят... очень любит. По-настоящему.

Ирена вспомнила Эльзин монолог в кладовой. Беседы о любви с киноактерами — занятие для десятилетней девочки, а не для...

— Ник... а у вас с ней что-то было?

Эльза шествовала к калитке. В последнее время она перестала по-старушечьи горбиться, держалась прямо и даже порой улыбалась, как раньше...

— Конечно, — отозвался врач после паузы. — Когда она только появилась здесь... я ее успокаивал, адаптировал и лечил. И она вообразила, что любит меня даже больше, чем своих телят. Нет, не извиняйтесь, Ирена... Вы ничего не спросили бестактного. В том, что Эльза нашла на ферме свое счастье, — во многом моя заслуга. И не беспокойтесь, с Эльзой все будет в порядке... она придет в норму. Все перемелется... Время, Ирена. Идемте обедать...

Она смотрела, как он отряхивает плед. Сворачивает, прячет в сумку.

Солнце склоняется за зубцы гор — возможно, где-то в Южных Монтаньерах кто-то точно так же смотрит на этот пейзаж, только там, наверное, куда теплее...

— Ник, а вы читали Эльзе стихи?

Он удивленно обернулся:

— Что?

Ирена усмехнулась:

— Интимная близость как-то ведь должна отличаться от рутинного приема пациентки? Вот я и подумала, что, наверное, стихи...

Некоторое время Ник смотрел на нее, разинув рот. Потом свирепо ухмыльнулся:

— Знаете, другой на моем месте обиделся бы... Что же, рассказать вам в подробностях, как я возвращал Эльзу к жизни?

— Не надо, — сказала Ирена поспешно. — Верю...

— Давайте руку, тут склон...

Она послушно положила ладонь на сгиб его локтя.

Прогулки с Ником дисциплинировали ее. Не давали опуститься. Не давали забыть о внешности, расслабиться, поглупеть...

— Я вас точно не обидела, Ник?

Он хохотнул:

— Отомщу... Хотите, почитаю вам стихи во время осмотра?

Она почему-то смутилась.

— Кстати, Ирена... чем вы озадачили Яна? Я вижу, вы чем-то его серьезно озадачили...

Она таинственно улыбнулась:

— Это сюрприз...

— Вы сообщили ему, что в вашей семье существует традиция рожать тройню? — радостно осведомился Ник.

Рванул ветер. Ник свободной рукой накрыл Иренину ладонь:

— Холодно? Идемте скорей...

Его рука была теплая, она ощутила это тепло сквозь тонкую перчатку.

— Ник, я давно хотела спросить...

Что это? Он насторожился?

— Ник... А кто будет ухаживать за... новорожденным? Что, Ян привезет приговоренного к смерти педиатра? Кормилицу? Няньку? Или... поручит ребенка Эльзе?!

Он укоризненно пожал плечами:

— Неужели вы думаете, что... мы не справимся? Да Ян что угодно сделает, вся ферма будет работать на этого ребенка... У меня будут справочники, учебные фильмы, любые лекарства, любое оборудование... Если понадобится, даже инкубатор...

— Да, — сказала Ирена, глядя в снег. — И первое его слово будет, наверное, не «мама», а «инкубатор»...

— Ирена?! — Ник взял ее за плечи и развернул к себе. — Что же вы?..

Она высвободилась.

— Ирена! — Он снова взял ее за руку. — Я вас умоляю, не надо ЭТОГО... Обо всем договорились, все решено... Вы будете свободны, уедете... Мы будем вспоминать о вас — по-доброму... И у вас еще будут дети. Девочки, мальчики, сколько угодно, у вас очень благоприятное... строение...

— Специалист, — сказала она горько.

* * *

Они с Семиролем старательно избегали разговоров об Анджее Кромаре, о его странностях, газетных вырезках и календаре. Иногда Ирене казалось, что Семироль мрачен — но причиной тому могли быть и обычные текущие дела. Вряд ли уравновешенный вампир подхватил бациллу безумия и теперь, подобно Трошу, теряет веру в непоколебимость мироздания...

Точно так же не принято было говорить о незаконченной повести. Ирена уверилась было, что Семироль благополучно вытеснил повесть из сознания, когда однажды он спросил ее, как бы между прочим:

— Это место, где ваша героиня вошла в ткань МОДЕЛИ... Вершина холма? Какого?

Перед удивленной Иреной легла на стол топографическая карта; она узнала свой дом, дома соседей, дорогу...

— Здесь, — показала она пальцем. — Именно здесь... Отсюда дорога видна как бы подковой... Там...

— И шли навстречу две машины, желтая и белая, — снова как бы невзначай проронил Семироль. — Именно туда вы приводили следственную группу, чтобы якобы показать тело еще одной жертвы... Зачем?

— Нервный срыв, — сказала она еле слышно.

— Хорошо... А ваша героиня, приведи она следователей на холм, на что бы она рассчитывала?

Ирена проглотила слюну:

— Она хотела ВЫЙТИ. Здесь воротца, два прутика с тряпками... Но коридор оказался закрыт.

— Специально? Случайно? Кем? Для чего?

Ирена пожала плечами.

— Вы, автор, не знаете?!

— Автор вовсе не обязан все знать, — сообщила она гордо. — Автор имеет право предполагать... задавать вопросы...

Некоторое время Семироль пристально смотрел на нее. Потом отвернулся:

— Ладно... И что, вы видели дым из трубы? Пустого дома? И вы, как автор, не знаете, кто был у вас в гостях?

— Да какая теперь разница, — сказала она угрюмо. — Ведь Анджей Кромар по официальной версии к тому времени был уже месяц как мертв...

— По официальной версии, — раздумчиво пробормотал Семироль.

* * *

Незадолго до ужина Ник с профессионально мягкой улыбочкой пригласил ее на осмотр. Слабые попытки отвертеться не имели успеха; Ник позвенел ключами перед дверью медблока — и пропустил ее вперед. Ирена вошла, зажимая нос; у нее, вероятно, здорово обострился нюх. Во всяком случае на определенные запахи.

Ник пропустил ее за марлевую ширму. Мыл руки, облачался в стерильный халат, готовил инструменты; Ирена аккуратно складывала свои вещи на клеенчатой кушетке и вспоминала кадры из романтично-медицинского фильма. Конечно, тот, что живет внутри нее, пока похож скорее на ящерицу, чем на человека...

Возможно, она задумалась. Возможно, из задумчивости ее вывела тишина за ширмой...

Она обернулась, как на выстрел.

Ник смотрел на нее. Секунда, полсекунды — он тут же отвернулся, но ей хватило и этого мига.

Его взгляд не был взглядом врача. В такой степени не был, что Ирене сделалось жарко; взгляд коснулся ее будто языком — и, секунду простояв столбом, она с плачем кинулась одеваться...

Ник сидел за ширмой на кушетке. В халате, с маской, болтающейся на груди, положив на колени красные от горячей воды руки. Он сидел на пути к выходу — Ирена остановилась, закусив губу.

— Извините...

Она молчала.

— Извините, Ирена. Я скотина. Безоговорочно... Не знаю, что сказать.

Она прошла мимо него. Не оглядываясь, выскочила в коридор; запах больницы преследовал ее желтоватым навязчивым маревом.

* * *

Возможно, инцидент удалось бы скрыть от Семироля. Даже наверняка удалось бы — если бы, выбежав из медблока, Ирена не налетела прямиком на упыря-адвоката.

— Ирена, погодите...

Она понимала, что необходимо немедленно взять себя в руки — иначе неприятность будет иметь продолжение.

— Что случилось?

— Ничего, — она старалась не смотреть ему в глаза.

— Вас кто-то обидел? Ник?!

— Нет! — Ей мучительно трудно было соображать без пауз и отсрочек. — Нет... все в порядке... Ян, мне надо с вами поговорить...

Так птица, обнаружив хищника неподалеку от гнезда, срочно

симулирует травму и, припадая на крыло, уводит от кладки опасного гостя.

— Ян, я хотела сказать вам... Где удобнее? Может быть, пойдем к вам?

Семироль помолчал. Неуклюжий Иренин прием не произвел на него впечатления — но в конце концов он решил, видимо, что разбирательство с Ником никуда не уйдет...

В полумраке кабинета Ирена почувствовала себя увереннее — пока не вспомнила, что Семироль видит в темноте.

Она перевела дыхание. Собственно, этот разговор все равно произошел бы. Другое дело, что Ирена не скоро бы на него решилась, — но вот, обстоятельства подстегнули...

— Я вас слушаю. — Да, именно с этим выражением лица Семироль обращается к потенциальным клиентам.

— Ян, — пробормотала она, будто оправдываясь. — Между нами, в общем-то, все оговорено... Вы не удивляйтесь, но...

Она вздохнула, глубоко и тяжко, как лошадь на водопое.

— Я согласна... стать вашей женой.

Маска профессионального спокойствия чуть дрогнула:

— Что?!

— Я согласна стать вашей женой. — Она обезоруживающе улыбнулась. — Ну не все ли равно, где мне жить с фальшивыми документами? Вы мне, — тут она слегка поперхнулась, — нравитесь, симпатичны, и...

Она замолчала.

Холст, масло, «Ирена Хмель предлагает вампиру Семиролю сделаться ее мужем»... До чего же рады будут родственники. Выберем самый модный салон и закажем свадебное платье... Приглашать ли на свадьбу прокурора?..

— Я говорю серьезно, Ян... С вашей стороны не требуется никаких обязательств. Я буду жить здесь и... ребенку нужна мать, разве это нужно доказывать?

Семироль молчал. Теперь полутьма была врагом Ирене — она не видела лица собеседника, в то время как он никаких неудобств не испытывал...

Она набрала в грудь новую порцию воздуха и начала как бы заново:

— Я буду работать по хозяйству... Эльзе трудно одной. Я буду... любить вас... как положено жене. Ребенка надо кормить грудью... Ребенок, он... Вы же сами говорили! «В обстановке, максимально приближенной к семейной...» Так создайте ему эту семейную обстановку, я же согласна, более того — я хочу этого...

Настольная лампа привычно смотрела через плечо. Она была похожа на птичий скелет, который прыгал-прыгал по краю

письменного стола, а потом его окликнули — и он обернулся, бросив луч света к Ирениным ногам...

— Не молчите, Ян...

Она с ужасом обнаружила вдруг, что юбка надета на ней задом наперед. В смятении убегая из медблока, она и не подумала заглянуть в зеркало...

— Не молчите, Ян! Это молчание... в конце концов, оскорбительно...

Семироль усмехнулся:

— Увы... Ведь не каждый день делают подобные предложения, надо же осознать, обдумать, черт возьми...

Она перевела дыхание:

— И долго... как долго вы будете обдумывать?

Семироль задумчиво потер подбородок:

— Собственно говоря... Ирена. А что, если бы я предложил вам остаться на ферме... на общих основаниях?

За окном проплыла тусклая тень фонаря. Кто-то прошел вдоль забора, увязая в сугробах, спотыкаясь...

— На общих основаниях, Ирена, — это значит просто остаться. Без обещанных фальшивых документов. Без прав... Ухаживать за ребенком, помогать Эльзе по хозяйству и так далее. И раз в несколько месяцев поддерживать меня гемоглобином. Потому как Троша нет, я должен искать ему замену, чтобы не злоупотреблять здоровьем Сита, Ника и Эльзы... Я не слишком цинично выражаюсь?

— В самый раз, — сказала она медленно.

Щеки онемели. Плохо, что Семироль видит ее отвращение и страх. Ясно ведь, что ее внезапная бледность — не от нечаянной радости...

— Ирена... как вы себя чувствуете?

Семироль оказался рядом. Присел на подлокотник, положил руку ей на плечо:

— Ирена... Вы же прекрасно знаете, кто я. Зачем вы обманываете себя, говоря мне о любви?

— О любви к ребенку, — сказала она механически.

— Штамп, Ирена. Мать не любит ребенка, пока не увидит его, пока не намучается с ним, пока не привыкнет. Но в обществе так принято — мать должна любить свое дитя прямо-таки с момента зачатия... Это правильно. Это вызывает полезные для ребенка эмоции. Но не мучьте себя — после родов вам будет глубоко на него наплевать... Спросите у Ника. Он этих рожениц видел-перевидел...

— Я согласна, Ян.

— Что?

— Я согласна, если вы меня оставите «на общих основаниях»...

Он заглянул ей в лицо. Осторожно убрал руку; поднялся, прошелся по комнате. Ирене показалось, что он разочарован.

— По рукам, Ян?

Он покосился на нее почти с жалостью.

— По рукам?..

Семироль остановился напротив. Некоторое время смотрел на нее, и она, не видя в полумраке его глаз, ощущала этот взгляд как упершийся в лицо бильярдный кий.

— Нет, Ирена. Меня огорчает... хотя одновременно и радует ваша готовность к самопожертвованию, но ребенок будет МОЙ. Я ни с кем не могу его делить, вы уж извините...

Ирена смотрела на стеллаж с книгами. Корешки темные, светлые, в суперобложках, с позолотой; ей показалось, на нее глядит из темноты переполненный, затаивший дыхание партер, а она на сцене — и забыла все слова...

— ...И он будет гемоглобинозависимый, Ирена. Одного этого... должно хватить, чтобы ваша материнская привязанность не переродилась в патологию, ведь так?..

* * *

Прежде она никогда не бывала во флигеле. Некоторое время ушло на колебания — двери были одинаковые, она никак не могла решить, в которую из них постучаться; потом, мысленно плюнув, стукнула в первую попавшуюся — и не ошиблась.

— Что? — Ник, вероятно, не ждал гостей. И, более того, не желал никого видеть.

— Это я, — сказала она как можно небрежнее.

— Что?!

Дверь открылась — после некоторого колебания, и Ирена без спросу переступила порог.

Нечто вроде комнаты в студенческом общежитии. Девственно чистый стол, и только на краю его — ровная стопка книг, не стопка даже — башня, упругая и подвижная, будто сейсмостойкий небоскреб...

Ирена повернула голову.

Смятая постель. Белый язык простыни, выглядывающий из-под небрежно накинутого пледа.

Над кроватью тонкая рамка. Два детских лица — мальчики, неуловимо похожие друг на друга, широкоскулые и светлокожие, одному лет восемь, другому лет пять...

Она быстро отвела глаза — разглядывать фотографию показалось ей неприличным.

— Вы говорили с Семиролем? — негромко спросил Ник. Здесь,

в комнате, он казался совсем другим — она поймала себя на мысли, что никогда прежде не видела его в мятой рубашке...

Она погладила шершавую спинку стула:

— Какова вероятность того, что мой ребенок НЕ БУДЕТ вампиром?

Ник вздохнул, вытащил из кармана свой шелковый шарф, изящно накинул на шею:

— Думаю, от этого Ян не перестанет его любить... Видите ли. Они очень внимательно относятся к потомству. Гемоглобинозависимый ребенок нуждается в специальном... присмотре... питании...

— Он будет давать моему ребенку... поить его...

— Ирена, вам нельзя волноваться... Сядьте. Сюда, на стул.

Даже не глядя на фотографию, она ощущала взгляды мальчиков — старший улыбался, младший был серьезен.

— Ник. Я НЕ МОГУ больше здесь оставаться.

— Я дам вам таблетку... Только успокойтесь. Осталось чуть больше полугода...

— Ник, я НЕ ОСТАВЛЮ здесь своего ребенка! Или вы поможете мне бежать — или я пожалуюсь Семиролю на ваши... посягательства. Я сумею сделать это так, что он поверит... Тем более что...

Он улыбнулся — через силу, как бы извиняясь. Развел руками:

— Ирена, я ничего не боюсь... Свою смерть я давно пережил. Чужую видел во многих обличьях. Терять мне больше некого... Ян знает про меня все. Вы напрасно пришли...

Она повернула голову. Мальчики на фотографии радостно поймали ее взгляд.

Старший был болтун, как папа. Баловник и болтун. Но младший больше походил на Ника — на того Ника, который серьезен...

— Вы не правы, — сказала она шепотом. — Но... моделятор вам судья.

* * *

Ее попытки выпросить для себя поездку в город не имели успеха.

Более того — не имели ни малейших шансов на успех.

Семироль провел долгую беседу с Ником, о чем они говорили, Ирена не знала.

Ник теперь избегал ее. То есть внешне все оставалось по-прежнему — ежедневная прогулка под присмотром врача, разговор ни о чем, а чаще — тягостное молчание...

Семироль отсутствовал часто и подолгу. Сит с Эльзой переживали, по-видимому, подобие медового месяца; Ирена перестала

менять прическу и забросила макияж. Чем уродливее она предстанет перед Ником — тем лучше...

Дни тянулись одинаковые, тот, что жил внутри нее, еще не знал, что ему предстоит.

Он был заложник. Она оставляла его вместо себя — на попечение вампира, осужденного врача, еще двух убийц — мужчины и женщины...

— Тут тебе будет хорошо, — говорила она, глядя на красивые, приторно-красивые, опостылевшие горы. — Тут воздух... Совершенно чистое место... Целебное. Здесь о тебе будут заботиться... наверное, будут любить. Как принца... или принцессу. Дядя Ник... ты будешь для него вместо тех мальчишек, которые, наверное, уже большие и которые думают, что их отец давно умер... Дядя Ян... то есть папа... ты ему дорог, ты ему нужен... тебе будет хорошо, маленький...

Она вздрогнула. В ужасе подумала, что будет, если еще до ЕГО рождения господин Петер, рвущий на себе волосы где-то там, во внешнем мире, решит свернуть к чертям собачьим весь свой перспективный проект...

Ник несколько раз приглашал ее на осмотр — она отказывалась под разными предлогами.

— ...Ирена, вечно так продолжаться не может, вам рано или поздно придется... а других специалистов в доступности, как понимаете, нет...

Прогулка была как ежедневная пилюля. Теперь они бродили по дороге — вперед-назад; след от колес уехавшего вездехода занесло ветром, но дорога оставалась безопасной для пеших прогулок — до самого поворота...

— Как он тут ездит, — подумала Ирена вслух. — Каскадер...

— Ирена...

— Ник, сделайте одолжение, помолчите.

Она и без него понимала, что вечно так продолжаться не будет.

Семироль слишком дорожит неродившимся чадом, чтобы оставлять его без бдительного присмотра... И неизвестно, чем обернется для Ника его новая профессиональная несостоятельность...

— Вовсе не обязательно докладывать Яну обо всех тонкостях наших взаимоотношений, — сказала она, зачерпывая неглубокий снег носком сапожка.

Он молчал. Вероятно, исполняя ее недавнюю просьбу.

На минуту она почувствовала себя виноватой. Но только на минуту.

— Вы никогда не рассказывали о своей работе. — Она принужденно улыбнулась. — Наверняка есть что вспомнить... клиника и...

Она запнулась, потому что против ее воли фраза получилась двусмысленной.

— Есть что вспомнить, — без улыбки отозвался Ник. — Я мог бы рассказать вам, что за путь привел меня... как я решился на свое первое убийство. На эвтаназию... Но беременным женщинам такого не рассказывают. Вы уж извините.

Некоторое время они шли молча. На один шаг Ника приходилось два Ирениных; он шел слева от нее, между женщиной и обрывом. Потом она обогнала его.

— Осторожно, Ирена... Не стоит бегать, тем более здесь. Не подходите к краю, там...

Он замолчал, вернее, внезапно заткнулся.

Ирена смотрела вниз. Пропасть, яма, срез; одинокие деревца на почти вертикальном склоне. Слоеный пирог из спекшегося камня. И куда хватает глаз — свирепая каменная красота, стены и пропасти, живое небо с потоком облаков, снег в щелях, безжизненный бурый мох... Ирене примерещился симфонический оркестр в момент экстаза. Анджей любил музыку мрачную и мощную, его любимый концерт, воплощенный в базальте, выглядел бы именно так...

Анджей мог встать посреди концерта — любимую музыку он слушал стоя. Равнодушный к шиканью из задних рядов, он внимал коде, скрестив руки на груди, в то время как Ирена ерзала, оглядывалась и краснела; порой, не выдержав, она пыталась дернуть его за рукав — и всякий раз бывала наказана испепеляюще-раздраженным взглядом.

Кончилось тем, что они перестали ходить на концерты, по крайней мере вместе...

На дне пропасти стоял туман. Плотный и одновременно струйчатый; края туманного облака закручивались кольцами, как каракуль. В детстве она верила, что, если в безлюдном месте долго смотреть в плотный туман, можно увидеть Создателя. Он ходит в тумане, как в облаке...

Создатель Анджей.

Она очнулась оттого, что из-под ноги сорвался камушек, запрыгал вниз и скоро пропал из виду, зато следом сорвался второй.

Она обернулась.

Ник стоял в двух шагах за ее спиной. Лицо его казалось белым даже в сравнении со снегом, забившимся в расщелину скалы.

— Что случилось? — спросила она недовольно.

Ник молчал. На лбу его липкой пеленой лежал пот.

Она отошла от края. Некоторое время недоверчиво смотрела Нику в глаза, потом оглянулась на собственные следы, ведущие к краю обрыва.

Нахмурилась.

Она медленно соображает. Все беды оттого, что она медленно соображает; эта скала прямо-таки приглашает к самоубийству, если, конечно, человек предрасположен...

Ник плотнее сжал губы. Лицо его, цвета ноздреватого льда, казалось не вполне знакомым — будто черно-белая фотография на официальном документе...

— Вы же сказали, что ничего больше не боитесь, — сказала она негромко.

Ник молчал. Ирена сунула руки глубоко в карманы куртки:

— Значит, вы сами помышляли... Вы оставляли эту скалу СЕБЕ на крайний случай? Иначе мне не понять, почему естественный поступок человека, который не боится высоты, вызвал у вас такую...

Он крепко, если не грубо, взял ее за руку и потащил обратно.

— Ник!!

Он обернулся. Глаза его оказались рядом с ее лицом; он по-прежнему ничего не сказал, но она обмякла в его руках:

— *Я не хотела... напугать вас... или обидеть.*

Он поморщился. В какой-то момент казалось, что он все-таки не выдержит и заговорит...

Они брели обратно. Ник больше не тянул за собой Ирену — но и не выпускал ее руки. Мертвой хваткой.

* * *

...Придумать игру было для Анджея так же легко, как выпить чашечку кофе.

Однажды они собрались на экскурсию в далекий старинный город, огромный, многоликий и переменчивый; куплены были билеты и заказана гостиница — в день отъезда Анджей торжественно вручил Ирене конверт с глянцевой открыткой.

Она не выдержала и сразу же посмотрела — на открытке изображены были улица, играющие дети, старый дом с бородатой химерой, вход в какой-то магазинчик, по-видимому, книжный...

Анджей таинственно улыбался.

Неделя пребывания в городе Ирениной мечты оказалась короткой и длинной одновременно — короткой, потому что забивало дух от впечатлений, а длинной, потому что отваливались натруженные ноги и не хватало времени на сон... Бродя по старинным улочкам или задирая голову у подножия чудо-башен, Ирена не забывала об открытке — искала, искала среди множества незнакомых домов один маленький домик и, вычислив наконец перекре-

сток с бородатой химерой, ощутила себя по-настоящему счастливой, счастливее, чем в первый день каникул...

В магазинчике торговали редкими книгами. Увидев Ирену, продавец оживился — он видел ее на фотографии, на ее имя, оказывается, лежит упакованная и оплаченная покупка, вот, второй месяц дожидается...

Анджей таинственно улыбался.

В свертке был томик романтических стихов, изданных лет двести назад, причем ценны были не столько стихи, сколько сам томик: в телячьей коже, с замочком, с гравюрами, едва ли не с автографом — волшебная игрушка, артефакт... Ирена даже смеяться не могла — просто стояла у прилавка, поглаживая свежеприобретенный подарок, и чувствовала, как улыбается, улыбается за плечом Анджей...

Потом, много позже, волшебный томик потеряется. Будет безжалостно где-то забыт или кому-то подарен — Ирена многое забыла о тех днях, забыла потому, что не желала помнить...

И вот теперь сидела среди ночи, прижав ладонь к внезапно разболевшемуся сердцу.

Ночью. Почему все мысли приходят к ней ночью и не дают спать?!

Почему, почему она не догадалась СРАЗУ?!

«Ну, я пошел. Привет...»

Надпись на обратной стороне открытки.

А на лицевой ее стороне не было ничего особенного — просто красивый городской пейзаж. Какой-то магазин с яркой витриной. Вывеска над входом... Улица, прохожие, дети...

МАГАЗИН.

Давняя передача, увиденная в числе прочих по телевизору.

«...необычный магазин! Возможно, наиболее старомодные из нас будут шокированы... наверняка понравится детям. Минувшее воскресенье...»

Она яростно потерла лицо.

«Здесь открывается дверь в новый мир — мир страшных сказок и легенд!»

«Я пошел. Привет».

«Праздничные шутки и сюрпризы...»

«Я пошел. Привет».

«Здесь открывается дверь в новый мир!..»

Она обнаружила, что стоит перед окном, методично выламывая собственные пальцы.

Идиотка. Тугодумка. Да просто дура...

Вот он, манок. Возможно, Анджей не желал ей зла — он думал, что уж МЕСЯЦА ей точно хватит. Что она успеет сообразить...

— Что же ты делаешь, Анджей?!

Собственно, а как действовал бы Петер, желая указать Ирене на возможный выход из МОДЕЛИ? Пустил бы по массовым информационным сетям какое-то невинное сообщение — «дверь в новый мир»; прием старый, многократно описанный и дающий, если верить книжкам, неплохие результаты...

Анджей — или Петер?! Или они теперь действуют заодно?

Она закрыла глаза. Так. Анджей вышел из МОДЕЛИ... Путем своей инсценированной смерти. Встретился с Петером и благодушно сказал, что лавочку можно закрывать... Как так, сказал Петер. А ваша бывшая жена?!

Ее схлопывать вместе с МОДЕЛЬЮ?!

«Ян, сделайте мне свадебный подарок... Я хочу посетить магазин «Праздничные шутки и сюрпризы». Куплю себе маску вампира, устроим маскарад...»

Неужели?!

Так просто.

Она выйдет — и все это, весь этот неправильный мир с вампирами-адвокатами — кончится?!

А триместр в институте, между прочим, уже начался...

Она засмеялась и заплакала. Одновременно.

* * *

— ...Ирена, что случилось?!

Она прижимала ладони к низу живота. Сгибалась все сильнее и сильнее, втягивая воздух сквозь сжатые зубы.

— Ирена, что?!

Семироль чуть не на руках отнес ее на диван.

— Больно... — выдавила она.

— Спокойно... Спокойно, ничего страшного... Ник!!

Они отвели ее в медблок — под руки, поддерживая с двух сторон.

Ирена удерживала стон.

— Ян, выйди...

За Семиролем закрылась дверь.

— Ирена, как болит? Сейчас, погодите, сей...

Он осекся. Ирена смотрела прямо и холодно, и во взгляде ее не было ни боли, ни страха:

— Ник, вы сейчас скажете ему, что я должна... что меня надо везти в клинику. Иначе... ребенка не будет.

Ник отшатнулся:

— Ирена...

— Я знаю, как меня зовут... У вас нет нужной... аппаратуры.

Придумайте, чего у вас нет... Меня надо сию секунду везти в город. Дадите ему адрес клиники.

Она увидела, как у Ника начинают дрожать губы. Сперва чуть-чуть, потом сильнее; а ведь Ник-то, надо полагать, навидался и наслышался в жизни всякого...

— Это невозможно...

— Это ВОЗМОЖНО. Это БУДЕТ.

Лилась в раковину вода. Журчала серая воронка, текло время, отмеряемое бьющей из крана струей, звенящая горячая клепсидра — водяные часы...

— Почему вы решили... что я сделаю это, Ирена?

— Разве я ошиблась?

Звучала вода. Покачивалась белоснежная крахмальная занавеска.

— Разве я ошиблась, Ник?!

На какое-то мгновение ей сделалось страшно до головокружения. Потому что ЕСЛИ ее отчаянный риск окажется ошибкой...

— Вам ведь ничего не грозит, — сказала она мягко. — Ян не узнает, что я симулировала...

— Это ЯН-то не узнает?!

Звучала вода.

— Вы боитесь, Ник?

— Дорога... — Он смотрел в сторону. — По такой дороге... не доехать...

— Не ваша забота.

Он взял ее за запястья:

— Ребенок. Ирена, ребенок!..

Она кивнула:

— Во имя ребенка. Во имя ваших собственных мальчишек... Вы мужчина, Ник.

— Ирена...

— Вы сделаете или нет?!

Он отвел глаза:

— Нет. Извините. Не могу...

* * *

Поддерживая под обе руки, ее вели к машине. Руки Ника крупно дрожали, Семироль был бледен лицом и очень сосредоточен.

— Все будет в порядке, Ирена...

Как назло, повалил снег. Крупный и мокрый; она видела, как мается Ник. Смотрит то на Ирену, то на небо, то на Семироля:

— Ян... Ты уверен... что в такую погоду ты проедешь?..

— У меня есть другой выход? — раздраженно отозвался Семироль, и Ирена поняла, что он волнуется. Что, если понадобится, он на спине понесет Ирену до города — через заносы...

Ему действительно так дорог будущий ребенок?..

Возможно, она еще испытает угрызения совести. Потом. Когда доберется до магазина «Праздничные сюрпризы»...

Впрочем, к тому времени не о чем будет сожалеть. МОДЕЛЬ схлопнется — вместе с вампиром-адвокатом, с его чадолюбивыми помыслами, вместе с открыточно красивыми горами, суровым правосудием, передовой гинекологией, вместе с Ником, который впервые в жизни солгал своему великодушному патрону...

Она застонала — от почти взаправдашней боли. Семироль сжал ее руку отчаянно и крепко; а что, если благополучный упырь переживает не только за ребенка?!

Потом. Обо всем этом она подумает потом.

Снег валил и валил. Ник боялся все больше; Ирене помогли забраться в машину, и через занесенное снегом стекло она видела, как Ник, сцепив пальцы, открывает рот, обращается к Семиролю, слов не разобрать...

Он раскололся. Он предал, он покаялся; от одной этой мысли у Ирены потемнело в глазах.

— ...снег... такой дороге...

Ник маялся. Не решаясь признаться в подлоге, он все-таки желал удержать Семироля — потому что погода, будто сочувствуя Нику, делала все возможное, чтобы помешать поездке...

Но слово было сказано. Решение принято, ложь произнесена, и произнесена столь убедительно, что даже змея Семироль до сих пор не догадывается об обмане...

Потому что слишком многое для него поставлено на карту. Он слишком доверяет старому другу-рабу.

— ...заткнуться. Я не первый раз за рулем и немножко знаю дорогу... Ты дал ей лекарство? Анальгетик?.. Тогда все, пожелай нам удачи...

Дверца захлопнулась. Семироль ободряюще улыбнулся Ирене, помог ей пристегнуть ремень, завел мотор, нажал на газ...

Ферма поплыла назад. Горы сдвинулись с места и тоже поплыли; ворота стояли распахнутыми. Ирена сидела, скорчившись, всем своим видом изображая крайнее страдание.

Неужели?!

Сколько времени минуло, с тех пор как он привез ее сюда, приговоренную, подавленную, в черной робе?..

Снег валил и валил. Плохо. Ой как плохо; в такую погоду даже адский водитель Семироль может счесть, что выкидыш все же лучше смерти на дне ущелья, и повернуть назад...

Вот поворот. Крайняя дозволенная точка для их с Ником прогулок.

Добравшись до поворота, они всегда поворачивали назад...

Миновали поворот. Ирена судорожно вздохнула; Семироль мельком взглянул на нее, во взгляде было сочувствие.

Еще поворот. Бешено работают снегоочистители на ветровом стекле.

Вездеход едва ползет...

Потом машину повело.

Ирена инстинктивно вцепилась в сиденье; машина поплыла, потеряв связь с дорогой, вильнула, будто корыто, на котором катаются с горки деревенские дети...

Семироль ругнулся сквозь зубы. Ирена не расслышала ругательства.

Очень обидно. Невыносимо обидно — сорваться со скалы и разбиться, когда цель так близка...

И жалко Семироля, который, в общем-то, не ради себя рискует...

А еще жальче ЕГО, нерожденного, плывущего в своем красном космосе и ощущающего ее страх.

Она сжала зубы, заставляя себя успокоиться. Нечего пугать ребенка раньше времени...

Машина выровнялась. Семироль, вместо того чтобы притормозить, поддал газу.

— Ян...

— Молчите, Ирена. Расслабьтесь. Все будет...

Машина вильнула. Ударилась боком о полосатый столбик дорожной разметки, выровнялась. Поворот...

Она зажмурилась. Не было сил смотреть.

Ей действительно надо расслабиться. Собраться с мыслями и решить, как быть дальше. В машине центральный замок — выскочить на дорогу неожиданно для Семироля ей не удастся. Да и бессмысленно это — выскакивать на дорогу... Разве что в городе, перед светофором... там легко нырнуть в подворотню, в подземный переход, вскочить в автобус...

Хорошо бы толпа. Побольше людей; но в такую погоду, да еще вечером, вряд ли найдутся охочие до прогулок...

...Значит, остается больница. Она, разумеется, поклялась Семиролю, что ни слова, ни полслова о том, кто она такая... Семироль все уладит... Иначе, Ирена, вы ведь понимаете... иначе...

Машина вильнула. Поплыла, бессмысленно вращая колесами, пытаясь сквозь снежную кашу дотянуться до тверди; Ирена зажмурилась сильнее.

Сейчас вездеход опрокинется на бок, они с Семиролем вместе

полетят вниз — и там, на дне, будут долго и мучительно умирать в искореженной железной коробке...

— Спокойно, Ирена. Не бойтесь...

Он хорошо едет. Как Анджей. Даже лучше Анджея; Ирена вспомнила, как муж учил ее водить машину. «Есть вещи, которые ты зазубришь, как попугай. Есть вещи, которым ты выучишься, как обезьяна... А есть интуиция, без которой и первое, и второе бессмысленно...»

Кажется, вот на этой развилочке тюремщики передали ее в руки Семироля. На смерть, как она полагала...

Миновали развилочку.

— Скоро... Сейчас будет шоссе... Больно?

Ирена уже забыла. Забыла, что должна симулировать, что Семироль, оказывается, не забывает о ее боли даже на самой трудной, самой опасной дороге...

— Больно, — сказала она и почти не соврала.

— Скоро... На шоссе поднажмем...

Больница. Семироль передаст ее санитарам — из рук в руки... Ее положат на каталку, повезут по коридору... В операционную? Да нет, кто-то ведь должен поставить хотя бы диагноз...

Ее куда-то повезут. И по дороге...

Удача. Анджей, как нужна сейчас удача. Помоги...

— Вот и шоссе...

Ирена увидела огни. Да, огни, потому что в снежные дни рано смеркается...

Вдалеке прошел автобус. Настоящий рейсовый автобус, с людьми...

Машина завалилась на бок. Ирена вскрикнула.

— Че-ерт... Ирена, не бойтесь. Это всего лишь промоина... Сейчас.

Взревел мотор. Где-то там, сзади, взвилась из-под колес жидкая снежная грязь...

Ни с места. Ирена перевела дыхание. Как хорошо, что у нее замедленная реакция; только сейчас ей по-настоящему страшно. Только сейчас...

Семироль снова выругался. Провернул руль.

Газ, газ, газ. Машина дергается, беспомощно месит снежную грязь.

Хорошенькая промоина, поглотившая Семиролев вездеход, будто слабосильную легковушку...

— Прорвемся... Черт. Ирена, сейчас...

Из открытой двери потянуло холодом.

Рукой подать до шоссе...

...Больница — не тюрьма. Она найдет дверь. Найдет окно. Найдет какой-нибудь люк, в конце концов... Найдет выход...

Успеть бы до закрытия магазина. В котором часу могут закрываться такие вот «Праздничные сюрпризы»?

Елки-палки, а какой сегодня день?! Будний? Выходной? Она потеряла счет неделям...

Быстро темнело. Снег все валил и валил.

Она расстегнула ремень. Привстала на сиденье и заглянула в зеркало.

Семироль возился у задних колес. Черт, какая огромная яма... Машина практически лежит на брюхе... У Семироля должны быть какие-то фирменные штучки — шипы, цепи...

Машина дрогнула. Еще. Ох и здоровый, однако, этот вампир. Что он, думает вручную развернуть вездеход?!

Семироль хлопнул багажником. Заглянул в открытую дверь:

— Ирена, вы... как?

— Лучше...

— Сможете газануть? Осторожно?

...У нее нет денег, вот что плохо. Но если постараться... Можно взять машину — а потом обмануть водителя. Выскочить, не заплатив... Вряд ли погонится...

Главное — выбраться из больницы... И чтобы Семироль не сразу об этом узнал...

Она осторожно переместилась на водительское кресло.

Как давно не приходилось сидеть за рулем... А за рулем такой машины — вообще никогда...

— Давайте, Ирена... Понемножку...

Выжать сцепление оказалось непросто. У Семироля ноги длиннее...

Что сказать врачам? Что придумать? Какие симптомы?..

Рука привычно, самостоятельно включила первую передачу.

Машина плавно, легко, как по асфальту, двинулась вперед... Видимо, у Семироля действительно имеются фирменные приемчики.

Твердь под колесами...

Еще.

Вторая передача.

Еще...

Газ. Газ. Газ.

Брызнули во все стороны лужи. Если Семироль и закричал — она не слышала его крика...

Перед шоссе был знак «стоп», руки-ноги сработали автоматически — и правильно, потому что там, за снегопадом, пост дорожной инспекции...

Догонит!..

Ей показалось, что в зеркале заднего обзора она видит стремительно приближающуюся фигуру... Перекошенное лицо...

Газ!!

Машина неслась по шоссе. Сквозь снегопад, сквозь видимость ноль, то и дело рискуя вылететь на встречную полосу, врезаться в столб, кого-нибудь сбить...

Ничто не имеет значения. МОДЕЛЬ все равно скоро схлопнется...

Вперед. Вперед.

* * *

— Госпожа, к сожалению, сегодня магазин закрывается на час раньше... Приходите, пожалуйста, завтра...

Она слишком много времени потратила на блуждания по улицам. Однажды постовой велел ей остановиться — но она не послушалась, удрала и хотела уже бросить машину — как вдруг сквозь вечер, сквозь все тот же снег волшебным образом проступила знакомая витрина...

— Госпожа, я сожалею, но...

Диковатый, наверное, у нее был вид. Не одежда — одежда вполне приличная, — но выражение лица, взгляд... Наверное, в такие вот «Сюрпризы» нередко наведываются разного рода извращенцы...

Охранник был на две головы выше ее. Так просто с дороги не отодвинешь.

— Я на минуточку, — она заискивающе улыбнулась.

— Приходите завтра...

— Но ведь я только чуть-чуть опоздала... Я сделаю дорогую покупку, очень крупную.

— Уже сдали кассу...

— Я вас очень прошу...

Охранник колебался. Ирена вспомнила самые-самые лучшие дни — как она тогда улыбалась, как от ее улыбки таяли старые строгие профессора...

Собраться с силами. Все зависит от одной-единственной улыбки...

За ее спиной с визгом затормозила машина. Не вздрогнуть... Мало ли кто куда торопится, мало ли кто так громко тормозит...

Она улыбалась. В этой улыбке был институт, первые рассказы, молодой Анджей, море, солнце, щенок Сэнсей...

— Ну, войдите на минутку, — сказал охранник.

И чуть-чуть отодвинулся с дороги.

Пустое помещение, залитое светом. Товары — довольно противные с виду — под стеклом, на прилавках, а чучело крокодила даже привешено к потолку...

Недовольная дамочка за кассой:

— Мы уже не работаем...

— Я только взгляну...

— Вы натопчете, здесь помыли пол...

Она автоматически вытерла ноги. Сделала шаг — осторожно, будто в самом деле боясь наследить...

Господи.

Картонные воротца, занавешенные черным бархатом. Клыкастые маски по обе стороны входа — «здесь открывается новый мир»...

Взгляд ударил ее в спину, будто нож. Она обернулась.

Семироль, без шапки, в распахнутой куртке, стоял в дверях. Тяжело дышал. В углу поднимался на ноги ошарашенный охранник...

Семироль смотрел.

Вырываясь из-под гипноза его маняшего пальца, она сделала шаг к бутафорским воротцам.

— Ко мне, Ирена.

— Вы модель... Вы всего лишь модель... Вы...

Семироль сжал губы. Неторопливо пошел вдоль стеллажа.

— Стойте, вы модель, вы ничего не можете мне сделать...

Он кинулся.

Она поняла, что не успеет. Что, неправдоподобно быстрый, он перехватит ее в полушаге от ворот...

А если она ошиблась, если за черным бархатом окажется стена, просто стена, и поздно будет молотить в нее кулаками....

Его руки сомкнулись у нее на запястьях.

И одновременно она с криком ввалилась в воротца — спиной в бархатную занавеску...

Темнота.

ГЛАВА 9

По широкому изгибу трассы...

Нет, называть трассой эту узкую, с продавленными колеями дорогу не станет даже возница не телеге...

Кстати, именно телега и ползет сейчас по широкому изгибу дороги.

Вернее, не телега даже, а...

Ирена обхватила плечи руками.

Это карета. Именно так, во всяком случае, принято изображать

кареты. Короб на больших колесах, с дверцей в боку, с возницей в качестве шофера...

Ветер был теплым.

В стороне, под холмом, отрешенно бродило десятка два вислобрюхих коров. Ирена перевела взгляд; роща зеленела сочно и густо, листва еще не загрубела под пылью и солнцем, праздник жизни какой-то...

Слева и внизу темнели крыши. Полуголые ребятишки вели на лужайке некую шумную темпераментную игру...

Она вздрогнула. Тряхнула головой.

Слева и справа лежали на земле два высоких замшелых камня. Еще один камень, плоский, гигантской медузой распластался чуть ниже по склону; на камне спиной к Ирене сидел человек.

Она огляделась снова. Закусила губу, пытаясь справиться с разочарованием.

Вот ее дом. Непривычно маленький, зато с огромным подворьем, с хозяйственными пристройками, которых отродясь не было; тем не менее это ее дом, и тополь растет не слева от ворот, как это было внутри МОДЕЛИ, а справа, как положено...

Что это, Анджей? Что это за новая чушь?!

Она шагнула вперед. Оглянулась на камни; они лежали здесь лет сто, а то и больше, и лежали с умыслом. Ворота...

Задержав дыхание, она снова вошла в замшелый проем.

Никакого эффекта.

Что и требовалось доказать...

Постояв еще некоторое время, она медленно, шаг за шагом, пошла к сидящему человеку.

Подошла. Села рядом.

— Не сидите на земле. — Семироль не глядел на нее.

— Это трава...

Семироль на мгновение обернулся. Глаза у него были стеклянные.

Коровье стадо прошло совсем рядом. Тускло позванивал огромный колокольчик на шее у быка.

— Ян, я прошу прощения... Но неужели вы думали, что принуждением можно добиться...

Она замолчала, не зная, как закончить фразу.

— Где мы? — сухо спросил Семироль.

Она пожала плечами:

— Вариантов несколько... Самый простой — мы упали со скалы и теперь ловим предсмертные видения...

— Хорошо. Другие варианты?

Ирена вздохнула:

— Это снова МОДЕЛЬ, Ян. Это снова МОДЕЛЬ.

* * *

Они спускались все медленнее и медленнее, когда наконец Ирена споткнулась, и Семироль автоматически подхватил ее под руку.

Играющие ребятишки были неимоверно, неописуемо грязны. На ком-то была одна лишь грубая рубашка до пупа, на ком-то — только драные холщовые штаны. Все без исключения были босы; все озабочены были тем, как бы половчее сбить коровьей костью мишень — рогатый желтый череп.

Ирена сглотнула, узнав Вальку. Пацаненок был года на три старше, чем в тот вечер, когда по просьбе Ирены принес ей спортивную газету.

Грязный и полуголый, как все, с длинными нечесаными волосами, он явно предводительствовал в игре — отвешивал подзатыльники всем, кто, по его мнению, пытался обойти правила...

И тем не менее это был Валька. Ирена почему-то была в этом уверена.

— Нравы, — пробормотал Семироль.

— Ян, — сказала она еле слышно. — Я боюсь.

— Правда? — желчно осведомился Семироль.

— Посмотрите туда...

Дом, сложенный из цельных бревен, казался экспонатом музея под открытым небом. Резные завитушки на воротах, старинный замок на огромных петлях, покатая крыша, покрытая, кажется, неким подобием коричневой черепицы... Наглухо закрытые деревянные ставни...

Целая улица музейных, причудливо-этнографических построек.

Соседский дом... Колодец с «журавлем», с деревянной бадьей на краю сруба...

— Как же мы войдем?..

Самым печальным ей показалось то, что ворота заперты, а у нее нет ключа...

— Отойдите, — раздраженно бросил Семироль. Отстранил ее, осмотрел круглый замок размером с детскую голову; вздохнул. Легко — с кажущейся легкостью — вывернул из дерева ржавую петлю вместе с огромным гвоздем:

— Система... на грани фантастики...

Ворота душераздирающе заскрипели. Над соседским забором показались головы, но Семироль не позволил Ирене оглянуться, прямо-таки втолкнул во двор.

— Сэнсей?!

Аспидно-черный, размером с теленка пес прикрыл обнаженные было зубы. Вильнул хвостом.

— Предупреждать надо, — глухо сказал Семироль за ее спиной.

— Сэнсеюшка... Это ты?!

Пес заскулил. Кинулся, едва не сбивая с ног, бросил Ирене на плечи заскорузлые от грязи передние лапы, огромным, как розовая простыня, языком лизнул в лицо...

Шибанул в нос острый запах псины.

* * *

— ...Продолжаем теоретическую часть... Вариант первый — предсмертные видения. Чрезмерно затянутые, надо сказать, и к тому же парные, согласованные, что маловероятно... Второй вариант?

Ирена молчала. Смотрела на танец огня в камине.

— Ирена! Вы организовали всю эту пикантную ситуацию, вы в ней разбираетесь больше меня, вы — эксперт... Второй вариант? Третий?

— Подлец, — сказала Ирена устало. — Нет, это я не вам, Ян... Это Анджею.

Вампир вздохнул:

— Понимаю... Перед моими глазами прошло столько бракоразводных процессов, что немудрено понять...

Завозился на полу перед камином Сэнсей. Новый вариант Сэнсея — гипертрофированный. Чудовище, а не пес.

Дом был ЕЕ. Причудливо измененный, чужой — но ЕЕ; она признала его, как ее саму признала злобная собака...

— Ничего вы не понимаете, Ян... Это новая МОДЕЛЬ. МОДЕЛЬ в МОДЕЛИ. Вместо того чтобы выйти во внешний мир, мы провалились... куда-то. В тартарары.

Семироль улыбнулся — впервые за весь день:

— Да? А что, если это так называемая реальность, придя во взаимодействие с так называемой моделью, переродилась, дала вот этот уродец-гибрид? Вас, кажется, пугал чем-то подобным ваш злодей-профессор... Петер, кажется? «Раковая опухоль на вероятностной структуре реальности», это я цитирую по памяти вашу незабвенную повесть...

Ирена заплакала. Ее повесть, ее почти завершенная повесть теперь утеряна безвозвратно. Ее гениальные рассказы... которые она никогда не писала... а теперь уже и не напишет никогда...

— Зачем я это сделала, Ян...

— Вот именно. Зачем вы это сделали?!

— ...отнять у меня ребенка...

— Да? Какая печальная история! Кстати, как вы теперь собираетесь рожать? На соломе, под присмотром грязной повитухи?

Ирене остро захотелось домой. И даже не ДОМОЙ, в общество Сэнсея и черепахи, — а на ферму, в привычную уже комнату с видом на горы. Натянуть одеяло на голову и сладко дремать — в полной уверенности, что никто не побеспокоит до самого позднего утра...

Она плакала.

* * *

Осмотр дома дал пищу для размышлений, и просто пищу дал тоже, потому что в погребе обнаружилось кольцо остро пахнущей колбасы, а на полках в кабинете — мелко исписанные листы желтой, непривычной на ощупь бумаги. Семироль принес воды из колодца; Ирена, обламывая ногти, почистила тяжелый казан и развела огонь в печи.

В полном молчании они съели колбасу и запили ее кипятком. Бумаги дожидались своего часа; написанные каллиграфическим почерком, но по неведомым грамматическим законам, они внушали Ирене почти суеверный ужас.

— Это, вероятно, ваши собственные рассказы... — Семироль разбирал бумаги, подсвечивая себе факелом.

— Я догадалась.

— Историческая ценность несомненна, но вот художественная... Гм.

Много пышных повторяющихся эпитетов. Много глаголов... «История о том, как голубка принесла мертвому юноше алую розу...», «История о рыцаре, который совершал зло, чтобы быть бескорыстным», «История о скупце, который раздавал, чтобы приобрести»...

— Последнее, по крайней мере, парадоксально, — пробормотала Ирена.

Семироль отложил рукопись. Потянулся, сообщил безо всякого перехода:

— *Если в течение месяца не подвезти на ферму угля и солярки* — случится энергетический кризис... Продовольственный случится раньше — через неделю, когда закончится хлеб... Правда, есть еще мука, можно печь лепешки...

Ирена поморщилась — ее мутило от острой колбасы. Пожала плечами:

— Временной режим — один к десяти... Вполне вероятно, что там, в нашем мире, прошел всего лишь час, и Ник еще не догадывается...

Глаза Семироля сузились:

— Ах да. Ник...

— Он не виноват, — сказала Ирена поспешно. Слишком поспешно; и добавила после паузы, с нервным смешком:

— Да к тому же... я уже не верю, что мы вернемся обратно. В ту МОДЕЛЬ, из которой мы...

Семироль встал. Ирена замолчала.

— Нет, мы ВЕРНЕМСЯ, Ирена... Ваши с господином моделятором игры — это только игры, в то время как моя жизнь — это моя жизнь. Мы вернемся, я дождусь появления на свет своего ребенка, а после этого — идите куда хотите, пишите, сочиняйте свою судьбу...

— Ян, — вкрадчиво осведомилась Ирена. — А КАК вы собираетесь вернуться, а?

Вампир покровительственно улыбнулся:

— Мы отправимся в город... И найдем либо аналог магазина «Праздничные сюрпризы», либо... либо господина моделятора, Ирена. И если в этом мире существует господин Анджей Кромар — я подниму его хоть из-под земли.

* * *

В сундуках отыскалась одежда. Ирена долго разглядывала ее, брезгливо приподнимая двумя пальцами края пышных многослойных юбок. Вид корсета вызвал у нее приступ истерического смеха.

— ...На кого я похожа, Ян?

Семироль придирчиво осмотрел ее наряд. Хмыкнул:

— Вы похожи на ряженую, Ирена. Не то принцесса, переодевшаяся в среднего достатка матрону, не то нищенка, стянувшая где-то чужое платье...

— «Если дама в кринолине, — неожиданно для себя процитировала Ирена, — а мужики в кольчугах и с мечами — хочется сказки... Иного, так сказать, мира... мироустройства...» Не удивляйтесь, Ян. Так говорил один мой почитатель — профессор восточной литературы...

Семироль поморщился:

— Кстати, о так называемых мужиках, мечах и кольчугах... Элементарные штаны в этом доме найдутся, или мне придется *нарядиться старухой-гадалкой*?

— Рваный истлевший саван, — сказала Ирена, подхихикивая. — Рваный саван и крылья нетопыря — вот что светит вам в этом мире, господин Упырь...

Семироль приподнял одну бровь, и Ирена подумала, что ее шутка, возможно, не так уж смешна...

А смешное поджидало их в гараже. Вернее, в пристройке, прототипом которой послужил гараж.

Кобыла. С выпирающими ребрами, с обрывком веревки на шее; животное, вероятно, долго находилось на самообслуживании и от Ирены попросту шарахнулось — зато, увидев Семироля, дико закричало и забилось в угол...

Адвокат, оскалившись, подошел к ослабевшей от ужаса лошади. Положил руку ей на шею; кобыла задрожала крупной дрожью, Ирене сделалось ее жалко.

— Ян...

— Тихо...

Кобыла тяжко вздохнула — и смирилась. Ирене отчего-то вспомнился Ник.

* * *

За забором напротив все утро караулила любопытствующая соседка.

— Здравствуйте-здравствуйте, госпожа Хмель! С возвращеньицем!

Ирена натянуто улыбнулась. Подумала и отвесила что-то вроде реверанса, подметая юбкой дорожную пыль...

— Сойдет, — сказал Семироль за ее спиной. — Очень изящно.

Соседка, навострившаяся было поболтать, при виде Семироля сочла нужным скрыться. Вероятно, с точки зрения соседки, вампир и вправду выглядел устрашающе. Ирене же казалось, что рядом идет статист из дешевого фильма, статист, которому в целях экономии бюджета выдали один только побитый молью плащ и он накинул его поверх привычного костюма...

Было по-летнему тепло и неподобающе красиво. Дорога изгибалась подковой, уходила в город, на живописных холмах живописно паслись коровы, живописно зеленела роща, живописно синела речушка...

Лубок, подумала Ирена с отвращением. Лубочная картинка. Странно, со вкусом у Анджея было вроде бы все в порядке...

— Как вы себя чувствуете? — кротко осведомился Семироль.

— Нормально. — Ирена пожала плечами.

Теперь она сидела на костлявой лошадиной спине. Седло было сдобрено подушкой, Семироль вел кобылу под уздцы, лошадь шагала устало и безропотно.

Впереди поднимались горы. Не те, белые и сверкающие, что украшали окрестности Семиролевой фермы, — привычные, зеленые, домашние горы, где одинаково клубится туман над рекой и дымок над чашечкой кофе. Кофейня под красной черепицей...

Ирена вздохнула. Лошадь повела ушами.

— Ирена... — Голос Семироля изменился. Невозмутимый вампир, кажется, был потрясен. — Посмотрите, Ирена... Это все — реально?

По лугу вышагивала черно-белая голенастая птица. Плотной шеренгой стояли мохнатые елки, на полях зеленели всходы, все выше поднималось солнце; Ирена прищурилась.

— Это реально, Ирена? Не картинка, не голограмма?

Она вздохнула:

— А теперь вообразите. Вы стоите посреди мира, развесив уши, все решаете, не галлюцинация ли все это, не голограмма ли... А вас хватают под руки, везут в тюрьму и обвиняют в серии убийств... А потом приходит добрый адвокат...

Семироль молчал.

— Анджей Кромар, — горько сказала Ирена. — «Невиданно удачный эксперимент... когда работаешь на грани дозволенного... дозволенного не обществом — дозволенного природой... Тогда и успех может обернуться трагедией. Вот как в нашем случае...»

— Ну, ничего особо трагичного пока не случилось, — заметил вампир.

— Правда? Вы мужественный человек, Ян... А вот господин Петер, засовывая меня во все это... гм. Так вот, господин Петер считал, что Анджей просто рехнулся... Мы находимся в мире, созданном сумасшедшим творцом. Трагично?

— Пока что — нет... Если верить вам, я родился и живу точно в таком же мире. И неплохо живу, надо сказать...

Ирена вздохнула:

— Думаю, вы и в этом устроитесь... Вы всюду устроитесь, Ян.

Впереди показался колодец. Поилка для лошадей; у края дороги стояла приземистая широкая телега. Мужчина, такой же приземистый и широкий, возился с упряжью, женщина в высоком головном уборе доставала воду, на телеге пихалось локтями неопределимое количество малолетних чумазых детей.

Ирена напряглась. Семироль, напротив, зашагал бодрее.

С ними поздоровались. И мужчина, и женщина, и все дети, способные внятно говорить. На Ирену глядели с любопытством, на Семироля — со страхом.

— Здорово, люди добрые... Нам вот тоже бы водички, значитца, испить... Потому как путь далекий, значитца, с госпожой моей, и самое время водицы-то и похлебать...

Семироль откровенно забавлялся; как ни странно, его болтовня возымела действие. Настороженные взгляды сменились благожелательными, приземистый мужчина, почесывая в бороде, протянул Семиролю деревянный колодезный ковш.

— Негигиенично, — одними губами сказала Ирена.

— Негигиенично, люди добрые, — возвестил Семироль. — Значитца, и вовсе негигиенично, а без водицы еще хуже, сухо без водицы, братцы...

Ирена судорожно сцепила пальцы.

Семироль тонкой струйкой влил в себя воду — не касаясь ковша губами. С шутовским поклоном вернул посудину мужчине; тот глядел удивленно, но не зло.

Дети тем временем — та их часть, что умели ходить, — один за другим слезли с телеги и, одинаковым движением погрузив пальцы в маленькие носы, подобрались поближе — посмотреть на диво.

Семироль помог Ирене слезть с лошади; ей давно хотелось размять ноги, но она предпочла бы сделать это в менее людном месте.

— Ирена, хотите пить? Не беспокойтесь, они сейчас уедут...

Она вымыла руки. Семейство никуда не думало ехать — взрослые были не менее любопытны, чем дети.

Она напилась из ладоней, сложенных горстью. Вода была... нет, она не знала таких слов. Никогда в жизни ей не приходилось пробовать такой воды. Она ждала ломоты в зубах — но вода была не очень холодная, мягкая и пахла почему-то хвоей...

Колодезный сруб пугал ее. Будто пасть уснувшего чудовища. Будто все колодцы, виденные ею в жизни, были ненастоящими, мертвыми, вроде как мумия ископаемого зверя... А ЭТОТ был живой. Живое ископаемое...

«Чтобы были лесные духи, гномы там разные, кровавые войны, жестокие законы... любовь... А не бытовые, простите, разборки с печальным исходом...»

Она бледно улыбнулась, снова — и к месту — вспомнив профессора восточной литературы.

Тем временем на край сруба взобрался карапуз лет шести. Ирена невольно оглянулась — куда смотрит мать, не ровен час ребенок свалится...

Мать смотрела на Семироля. Вампир-адвокат был вполне адекватен — нес чушь о тучных урожаях и, значитца, добрых знамениях, а заодно интересовался, не доводилось ли добрым перехожим слыхать об опять-таки добром господине по имени...

Мальчишка уже падал вовнутрь. Видимо, от испуга у него отнялась речь — во всяком случае, карабкался он молча. Пальцы скользили по мокрому краю сруба...

Человек с нормальной реакцией раз десять успел бы кинуться и подхватить малыша. Ирене надо было сперва разинуть рот, потом хлопнуть глазами, потом...

— А-а-а!..

Все они кинулись к колодцу одновременно. За мгновение до того, как мальчишкины руки окончательно соскользнули, и за половину мгновения до того, как рука отца ухватила сына за шиворот, Ирена дотянулась-таки, поймала тонкое запястье, ощутила, что весу в пацане не так-то много...

— Доброе дело сделали, госпожа, — сказала женщина со странным выражением.

В сторонке отец охаживал спасенного сына вожжами. Ирена вздрагивала, то и дело оборачивалась на мальчишкин визг.

— Разве это я? — спросила она нервно. — Я только схватить успела...

Женщина сдвинула брови — как ни странно, с явной неприязнью:

— Доброе дело на вас... Зачтется.

После этого не было сказано ни слова. Дети, включая спасенного выпоротого, погрузились на телегу, мужчина поощрил широкогрудого жеребца, и вскоре процессия — лошадь, телега, мужчина и женщина, идущие по обе ее стороны, — удалилась туда, откуда явились Ирена с Семиролем.

— Ловко вы его схватили... — пробормотал вампир-адвокат. — С вашей-то реакцией, просто удивительно...

Ирена отмахнулась.

Потом, уже въезжая в горы, она не утерпела и поинтересовалась со вздохом:

— Ян, зачем вы это делаете?

— Что?

— Вы провоцируете их... Скоро по округе пойдут сплетни, скажут, что я, к примеру, ведьма, а вы, к примеру, упырь... Явится какая-нибудь стража и бросит нас в подвал с цепями, в какое-нибудь пыточное подземелье...

— Вы очень оптимистичны...

— В мирах, подобных ЭТОМУ, нет ни здравого смысла, ни закона. Во всяком случае, такими их принято описывать...

— Ирена, мы ведь не имеем возможности сделать сообщение по телевидению: «Срочно разыскивается Анджей Кромар, моделятор»... Предоставьте это дело мне — я умею работать языком...

— Оно и видно, — печально согласилась Ирена.

После полудня сделали привал. Доели остатки прихваченной из дома снеди. Запили колодезной водой, которая потеряла для Ирены все свое очарование. Она предпочла бы апельсиновый сок...

А потом, отправившись на интимную прогулку в кусты, она ногой угодила в кротовью нору. Земля подалась и осела — будто не безобидный зверек ее вырыл, а рабочие метростроя; среди глины

темнели железные петли кольчуги, Ирене с перепугу показалось, что она потревожила чью-то могилу...

Семироль явился на ее крик.

В кротовьей норе действительно хранилась кольчуга, свернутая узлом.

Внутри оказались серебряные и медные монеты — не так чтобы очень много, но само зрелище впечатляло...

— Ой как кстати, — сказал Семироль. — Новичкам везет...

— По-глупому везет, — добавила Ирена.

* * *

Путь до города, обычно занимавший у Ирены минут сорок-пятьдесят, отобрал теперь чуть ли не весь день.

Она ждала, что на месте кофейни под красной крышей окажется что-то вроде трактира, но ошиблась. Кофейни не было вообще. Наверное, невыгодно открывать трактир в безлюдном месте — не так много охотников ездить туда-сюда...

Дорога кое-где совсем обвалилась — кобыла ступала, как по пиршественному столу, тщательно выбирая место, куда поставить ногу.

Ирене вспоминалась их с Семиролем последняя рискованная поездка; вероятно, машина-вездеход так и осталась на улице, перед входом в «Праздничные сюрпризы»...

Семироль думал о своем. То хмурил брови, то с любопытством глядел вокруг, изредка даже улыбался своим мыслям; Семироль был как саламандра, которую из печи пересадили в камин. Невелика, в общем, разница...

— Ирена...

— Да?

— А скажите, пожалуйста, место, откуда вы явились, которое вы не считаете МОДЕЛЬЮ... Наверное, высокотехничная цивилизация? Космические колонии, внешняя экспансия, звездолеты?

— Нет. — Ей почему-то сделалось неловко. — А почему?..

— Ну, если МОДЕЛИ создаются по нисходящей... Войдем, например, в какую-нибудь местную лавку «Фитили и свечи»... И окажемся на холме. По дороге будет топать племя в шкурах, чуть ниже и слева будет ваша пещера с высеченными на камне... или нарисованными на стенах... первыми рассказами Ирены Хмель...

— Нет, — сказала она зло. — Анджей Кромар ставил другую цель... Не надсмеяться над моими писательскими претензиями и не проиллюстрировать школьный учебник...

— Эге, Ирена. Вы все-таки не верите, что он сумасшедший.

— Он всегда был сумасшедший, — отозвалась она раздраженно.

— Как же вы решились...

— А вам-то что?

— Ничего... Не волнуйтесь.

Около часа они ехали молча; потом у Ирены совсем уж разболелась спина, и пришлось сделать новый привал. Ирена очень хотела есть, но признаться в этом считала ниже своего достоинства.

— А какую он все-таки ставил цель? Как ВЫ думаете, Ирена?

Она устала. Она смертельно устала, не надо было ложиться, теперь она не сможет встать, и Семироль увидит ее слабость...

— Эк...сперимeнтальная социология.

— Что?

Ирена поморщилась, вспоминая:

— «В любой момент времени у человечества был, так сказать, потаенный запретный уголок. Исследования, которые считались неприличными, неэтичными, негуманными... И тем не менее неслыханно перспективными...»

— Ну и память у вас, — сказал Семироль после паузы.

Ирена вспомнила известный анекдот и кисло улыбнулась.

* * *

Там, где Ирена ожидала увидеть предместья, по-прежнему тянулись поля и пустыри.

Сам город оказался втрое меньше, чем ожидалось; издали разглядев стену, ворота и башни, Семироль замедлил шаг.

— Красиво, — равнодушно сказала Ирена. И добавила невпопад: — Ян, как насчет полежать в гробу?

— А наши дела так плохи? — после паузы спросил адвокат.

— Нет, — Ирена хихикнула. — Просто в подобных декорациях... вампирам не свойственно бродить по улицам. Они должны бояться солнца, днем спать в гробах, а ночью...

— Это смотря какие вампиры. — Семироль не обиделся и не удивился.

Они миновали подъемный мост и вошли в город.

* * *

По улицам шли молча. Ирена спешилась и шагала рядом с адвокатом; время от времени, не удержавшись, они подталкивали друг друга локтями и указывали взглядом на все новые и новые подробности: жанровая сценка у источника, любовно оформленного в виде коровьей головы... Хозяйки в чепцах, беседующие через узкую улицу... Какие-то козы, собаки, водостоки для помоев,

медные кольца, шорные лавки, вооруженные всадники — Ирене стоило труда сдержать себя, не шарахнуться...

Планировка города изменилась совершенно. Дважды или трижды узкие улочки выводили путников на площадь — Ирена всякий раз напрягалась, ожидая увидеть виселицу с несвежим трупом в петле. Почему-то картина города казалась неполной без запаха навоза, стражников с копьями и использованных эшафотов...

Запах был — несильный и неявный, зато стражника не встретилось ни одного. На площадях помещались в основном лавки и постоялые дворы — виселиц, по счастью, не было.

На них поглядывали — с любопытством, иногда настороженным любопытством, но и только. Ирена боялась, что будет хуже, что за парочкой странных путников увяжется толпа зевак...

Вечерело. Ирену все еще не оставила надежда на чудо — вот, мол, сейчас, сию секунду, из-за поворота покажется лавка с каким-то особенным, знакомым фасадом, здание-метка, скрывающее в себе ПЕРЕХОД...

— Господин моделятор имеет весьма приблизительное представление о средневековом городе... Это лубок, Ирена.

— А кто вам сказал, что он моделирует Средневековье?

— А что он моделирует?

— Вы уже спрашивали...

Долговязые фонарщики зажигали свои фонари. Очень красиво — цветные стеклышки, толстые свечи, город в сумерках, в цветных огнях...

В какой-то момент Ирене показалось, что она стоит посреди широкой оживленной трассы. Справа и слева от нее текут два потока — убегающих красных огней и набегающих белых... Фары, огни, всепонимающие глаза светофоров...

— Вы устали, Ирена.

— Нет, не особенно...

— Вы еле на ногах держитесь... Пешие прогулки, конечно, в вашем положении показаны, но не в такой же степени...

Ирена не запомнила, как называется гостиница. Ей было уже все равно.

— ...Комната? Ужин? Горячей воды для господ путников?

Скрипучие ступеньки.

Ирена обнаружила себя лежащей на кровати — полог с золочеными кистями кое-где прохудился, сквозь прорехи тепло просвечивал огонек свечи...

— Ян, включите же свет...

— Сейчас, только найду выключатель, — в голосе Семироля была насмешка.

Он тоже устал.

* * *

После завтрака — овощи оказались вкусными, мясо невозможно было есть — Семироль отправился в город. Один. Ирена снова превозмогла себя и не напросилась в попутчицы.

Ей было страшно оставаться одной. С другой стороны, спина после вчерашнего болела немилосердно. С третьей стороны, появилась возможность наконец-то натянуть одеяло до подбородка и все *хорошенько обдумать*...

Что до новых впечатлений, то ей вполне хватило жанровых сценок под окном. Стук деревянных башмаков, плеск выливаемых помоев, фырканье лошадей, крики уличных разносчиков — прав Семироль, все это здорово смахивает на лубок, и, что интересно, не ослабевает впечатление давно виденного — где-то, когда-то, в кино ли, в книге...

В лавке напротив происходил громкий «прием товара». Здоровенные крестьяне вчетвером, с натугой, снимали с подводы огромную бочку; непонятно, какому сумасшедшему пришло в голову использовать этот сосуд для перевозки чего-либо. А бочка, по-видимому, была полна; ремни, перекинутые через плечи носильщиков, трещали, улица полнилась сопением, руганью и зеваками...

Ирена невольно подалась вперед, локтями легла на подоконник. Уж больно колоритной показалась сцена...

В следующую секунду один из ремней, удерживающих бочку на весу, лопнул. Носильщик чудом успел отскочить; вероятно, он подсознательно готов был к такому повороту событий и потому отреагировал мгновенно.

Бочка — так показалось Ирене — некоторое время повисела, накренившись, в воздухе, грузно опрокинулась на бок, но не треснула — хороший бондарь руку приложил! — а медленно и почти беззвучно покатилась под уклон, покачиваясь и вихляясь, будто бедра бесстыжей танцовщицы...

Зеваки кинулись врассыпную. Даже Ирена инстинктивно подалась назад; не поспевая за происходящим, она видела только бочку, набирающую ход, тяжелую и неотвратимую, как паровой каток, пересекающую улицу по диагонали, стремящуюся навстречу забору или стене...

Потом ее ушей достиг вопль, полный такого ужаса и отчаяния, что Ирена покрылась холодным потом еще до того, как успела увидеть кричащую женщину; там, на пути бочки, оказалось что-то, отлично видимое зевакам. Над толпой пронесся сдавленный вздох...

Старушка в цветастом платке, присевшая передохнуть под стеночкой — да так и не сумевшая встать, потому что от ужаса у нее отнялись ноги.

Ирена поняла, что надо зажмуриться. А лучше отскочить от окна; к несчастью, она зажмурится и отскочит секундой позже, ей суждено все это увидеть и запомнить — хруст костей, окровавленный платок...

Бочка подпрыгнула на камне.

Неуловимое движение. Темно-красный плащ на чьих-то плечах, туча пыли, вскрик... Ирена разглядела только плащ и руки. Белые руки, подхватившие старую женщину, будто куклу.

Долю секунды казалось, что бочка раздавит сразу двоих. Глупую старуху и человека, попытавшегося спасти ее, — еще большего дурака...

Ирена так и не смогла зажмуриться.

Бочка грянулась о стену.

Содрогнулся трактир. От удара бочка лопнула наконец и пустила под себя лужу густого вина. Но никто в тот момент не обратил на катастрофу внимания. Та женщина, что кричала из толпы, протолкалась наконец вперед. Схватила в объятия живую, совершенно невредимую старуху, ткнулась лицом в цветастый платок...

Высокий светловолосый мужчина на мгновение обернулся. Ирена успела увидеть сосредоточенное, аристократически бледное, совершенно молодое лицо.

Минута — в возбужденной толпе не осталось никаких аристократов.

Лавочник причитал над разбитой бочкой, шальная собака жадно хлебала дармовое вино, кое-кто из людей присоединялся к ней тоже. Цветастый платок плыл, выбираясь из толпы, — старушка шла, опираясь на руку рыдающей в голос дочери, и, кажется, еще и бормотала ей что-то в утешение...

Ирене вспомнился мальчик, которого она сама удержала от падения в колодец.

Правда, выхватить человека с пути несущейся бочки куда сложнее, чем просто вовремя протянуть руку. Белобрысого аристократа, который в нужное время оказался в нужном месте, запросто могло придавить за компанию...

Ирена вздохнула. Легла на кровать и укрылась до подбородка — хватит. Достаточно на сегодня жанровых сцен. И без того всякая чушь лезет в голову.

* * *

Семироль вернулся после полудня — молчаливый и озадаченный.

Свою элегантную рубашку, потерявшую свежесть еще позавчера, он сменил на другую — романтичную, из грубого белого полотна. Кроме того, Семироля явно раздражали короткие бархатные штаны и туфли с пряжками на босу ногу.

— Под эти штанишки еще чулки полагаются... — сообщила Ирена.

Семироль поморщился:

— Вы-то корсет по всем правилам затянули? Или смошенничали?

Ирена погладила живот:

— Мне можно...

Талия ее явно стала шире. В последние дни это не вызывало никаких сомнений.

Семироль осекся.

Обедали внизу, в харчевне; суп с потрохами Ирена есть не стала, зато тщательно обглодала куриную ногу. Семироль заказал себе вина и один выпил почти целый кувшин.

— Спиваемся, Ян?

— Ирена, надо поговорить...

В молчании они вернулись в свою комнату; Ирена ловила любопытствующие взгляды хозяина и постояльцев. Семироль задвинул засов, распахнул окно, впуская шум с улицы, уселся в кресло без спинки, зато с двумя причудливыми подлокотниками:

— Ирена... Вы были правы. В этой так называемой МОДЕЛИ что-то очень не так.

Она прилегла на кровать. Вытянулась, поудобнее устраивая ноющую спину. Начало неплохое...

— Я прошелся по всему городу... первое впечатление... гм. Во-первых, здесь нет, похоже, ни полиции, ни суда.

Ирена облегченно вздохнула. Фонари, бьющие лучами в лицо, слепящие, сбивающие с толку... Не сопротивляйтесь... Это полиция. Поднимите руки...

Тюремные мытарства не прошли даром. С самого начала ее не оставляло подсознательное чувство опасности: ввалятся с копьями наперевес, обвинят в несуществующих грехах, бросят в объятия палача...

— Это прекрасно, Ян. Нет суда — значит, нет судебных ошибок... Или вы собирались сделать новую карьеру в качестве адвоката?

Семироль как-то странно на нее посмотрел. Отвел глаза.

— Ян, — забеспокоилась она. — Я надеюсь, чего-то вроде... инквизиции здесь нет тоже? Нас не обвинят в ереси, в ведьмовстве, еще в чем-нибудь... таком?

— Что вы всего боитесь? — спросил Семироль устало. — Ни в чем нас не обвинят... Нравы на первый взгляд либеральные. Люди не агрессивные... Во главе города стоит герцог, так называемая Высокая Крыша. Много говорят о неких Толкователях...

— Толкователях снов? Видений? Это оракул? Религия? Секта?

Семироль пожал плечами:

— Толкователях Провидения... По-видимому, действительно религия. Другое дело, почему в такой странной форме?... Гм. Ирена. Только вы можете сказать, ЗАЧЕМ Анджею Кромару понадобилась эта... МОДЕЛЬ.

— Я не знаю, — сказала она честно.

— Знаете... Можете догадаться, если хорошенько подумаете. Вот, например, тот... та... реальность, где мы с вами встретились. Чем она отличается от вашего родного... исходной... реальности?

Семироль запинался, придумывая нейтральные формулировки. Ирена вспомнила, как заикался в подобной ситуации господин Петер...

— Ваша МОДЕЛЬ поведена на законности, — отозвалась она не раздумывая. — Это сразу бросается в глаза, это ясно как день... Гипертрофированная судебно-следственная машина. Сверхжестокие приговоры... И вместе с тем — дикая преступность. Иррациональная, маниакальная...

Семироль смотрел недоуменно. Как будто Ирена на его глазах вынула кролика из корсета.

— Разве нет? Разве все эти маньяки...

Семироль моргнул:

— Ирена... Где вы видели сверхжестокие наказания?

Она поперхнулась:

— Когда столько смертных приговоров?! И, по-вашему, отдавать смертников упырям... очень милосердно?!

Семироль помолчал. Внизу, под окном, вразнобой прогрохотали деревянные колеса.

— Видите ли, Ирена... Существуют работы выдающихся криминологов... Жаль, что мы не имеем к ним доступа. Вы получили бы ответы... комментарии насчет иррациональных преступлений, жестоких приговоров, способов приведения в исполнение... В конце концов, наказания за особо тяжкие преступления... должны быть дифференцированными. Чтобы ублюдку, простите, Ирена, чтобы преступнику, уже заработавшему смертную казнь, все-таки было что терять... и чтобы наказание обязательно было неотвратимым.

Ирена вздохнула:

— А чтобы не упустить виновного, можно за компанию осудить пару случайных жертв?

— Я понимаю вашу иронию... Но это уже следующий аспект... проблемы.

Она опустила глаза:

— Все это уже не столь интересно, Ян. Для каких-то своих целей... Анджей Кромар смоделировал мир с упырями-адвокатами на главных ролях. Но теперь-то...

Она осеклась. Семироль глядел в окно.

— Ян, если я вас обидела...

— Нет, ничего особенного. Продолжайте...

Она подавленно молчала. Семироль вздохнул:

— Ирена, я вот о чем думал... Если моя... реальность существует, как вы говорите, чуть больше года... Почему я отлично помню свое детство, имевшее место почти сорок лет назад? Почему все люди, как правило, имеют прошлое, а страны — историю?

— Вы не верите мне, Ян?

— Нет, я просто хочу разобраться...

Она пожевала губами, подбирая слова.

— Возможно, ваши воспоминания наросли... как новая кожа нарастает вокруг лоскутка старой кожи и закрывает рану. Возможно, ваша информация о прошлом — большой многоступенчатый фантом...

— Похоже на дрянную лекцию по эрзац-философии, Ирена.

— Я не виновата, Ян. Я же не философию преподаю... преподавала. Так, домыслы, предположения...

* * *

Она уже дремала, когда Семироль собрался уходить.

— Ян, вы куда?! Поздно...

— Не беспокойтесь... Я скоро.

За ним закрылась дверь, но только несколько минут спустя Ирена догадалась, куда и зачем он отправился.

Ни о каком сне, разумеется, речи уже не было.

В щели ставен заглядывала полная луна — какому-то бедолаге сегодня не повезет.

Слух об упыре разлетится мгновенно...

Если, конечно, жертва останется в живых. Или если Семиролю не удастся спрятать труп с характерной ранкой на шее...

Проснуться бы. Проснуться бы дома или на худой конец на ферме, где проступают за окном очертания гор...

Она лежала, натянув до подбородка одеяло. Кровать скрипела при каждом движении. Свечка воняла.

* * *

Наутро Семироль не вернулся.

Она прождала до обеда, потом, преодолевая страх, спустилась вниз и поговорила со служанкой.

Нет, никаких особенных слухов. Никаких леденящих кровь новостей...

Разве что... Госпожа слышала? В городе объявился «бескорыстный», *от этих всего можно ждать, остерегайтесь, госпожа...* Вы ведь сегодня не съедете? Нет?..

По счастью, Семироль, уходя, оставил большую часть денег. Значит, еще некоторое время Ирена была в состоянии платить за жилье...

Служанка понизила голос:

— Господин уехал? Совсем? Госпожа нуждается в помощи?

Ирена через силу помотала головой.

* * *

К вечеру Семироль не пришел и на другое утро не объявился тоже.

Ирена собралась с мужеством и отправилась в город.

Оседала пыль. Охрипли к вечеру зазывалы и бродячие торговцы; тускло отсвечивали под солнцем флюгера. Ирена боялась заблудиться и потому все время возвращалась к гостинице, носившей, как выяснилось, гордое имя «Три козы»...

Семироль умел заговаривать с каждым встречным. У Ирены не хватало смелости даже на то, чтобы спросить дорогу. На перекрестке, прямо на мостовой, расположился небольшой базарчик; торговки, мимо которых Ирена проходила уже пятый раз, с неприкрытым любопытством разглядывали ее.

Она упала духом. Она совсем уж решилась вернуться в гостиницу, лечь в кровать и полежать без мыслей, когда на перекресток вылетел вооруженный всадник на высокой ухоженной лошади.

Ирена успела разглядеть высокие сапоги со шпорами, темно-красный плащ и сосредоточенное, очень сосредоточенное молодое лицо. Как будто всадник множил в уме шестизначные числа...

Лошадь секунду поплясала на месте — а затем, направляемая *коротким приказом и движением шпор, ринулась прямо на* торговок.

Женщины кинулись врассыпную. Иренины уши заложило от визга.

Подкованные копыта прошлись по глиняной посуде, обращая ее в груду черепков, по разложенным на земле овощам, по снулой рыбе; в секунду разорив рынок, всадник развернул лошадь и ускакал в одну из боковых улочек, сопровождаемый криками, руганью, градом проклятий...

Бранящиеся женщины уже собирали черепки и подсчитывали

убыток — а Ирена все еще стояла, держась за сердце, прислонясь к чьему-то забору.

Среди причудливых ругательств, оседавших над площадью вместе с пылью, рефреном повторялось слово «бескорыстный». Вплеталось в самые грязные сочетания, приобретало непривычный смысл, само перерождалось в брань:

«У-у-у, сука бескорыстная...»

Ирена встала прямо. Забор, о который она опиралась, оказался весь разрисован углем, Ирена выпачкала рукав, да и длинный подол, так мешающий при ходьбе, не мешало бы вычистить...

«Бескорыстная сука» была тем самым героем, который два дня назад с риском для собственной жизни спас старуху. На Ирениных глазах. На глазах толпы.

* * *

Ночь прошла в полубреду: несколько раз ей снилось, что вернулся Семироль. Она вскакивала ему навстречу, радуясь, как маленькая девочка, — и всякий раз просыпалась. И засыпала опять, и снова тихо открывалась дверь, входил упырь-адвокат...

Утром она упаковала оставшиеся деньги в мешочек-кошелек и отправилась в город, справедливо решив, что надо что-то делать. Сперва она запоминала дорогу к гостинице, а потом перестала.

Потом ей встретилось смутно знакомое здание; она ускорила шаг.

Неужели?!

Гарпии перед входом... Институт.

Молодые люди в темной униформе, вроде как монахи... нет, студенты.

Ирена остановилась, наступив на собственный подол.

Сейчас на крыльцо выйдет госпожа Карательница... хотя нет. Вряд ли в этом учебном заведении преподают женщины, по крайней мере среди студиозусов девушек не наблюдается... А вот долговязый профессор восточной литературы может встретиться вполне...

Она набрала в грудь побольше воздуха и прошла между каменными гарпиями. Если на секунду поверить, если сейчас наступит пропахшая кошками темнота, а спустя мгновение ее встретит господин Петер, облысевший, с чашечкой кофе в руке...

— Госпожа, вы куда?..

Студенты глядели на нее с недоумением. Ирена извинилась и побрела прочь.

«Госпожа Хмель, здравствуйте... Госпожа Хмель, мы читали вашу последнюю повесть... Госпожа Хмель...»

Бывший преподаватель. Бывшая писательница. Бывшая жена. Кто она теперь?..

Проклятая оборка на юбке оторвалась и то и дело подворачивалась под ноги. И хотелось кофе. Немилосердно.

Что, если Семироль нашел ВЫХОД? И теперь, вернувшись на ферму, расправляется с Ником?

Она замедлила шаг, пропуская карету с гербами.

Нет, маловероятно. Семироль слишком дорожит будущим ребенком, он никогда бы не оставил Ирену одну...

По доброй воле не оставил бы. Значит, его либо убили, либо поймали на горячем, схватили как упыря, кровопийцу...

С трудом пробираясь между торговыми рядами, она миновала большой базар. Вспомнила вчерашнее происшествие, черепки под копытами и сосредоточенное лицо молодого всадника. Светлые ниточки бровей, изогнутых, будто значок «тильда» на клавиатуре компьютера. Губы, прямые и тонкие, как тире. Бледное и плоское, как бумага, лицо.

Рыдающая дочь, обнимающая старушку в цветастом платке...

А как ответственно он топтал кувшины — как будто из-за семи морей прибыл на этот перекресток, чтобы прицельно нанести убыток нескольким бедным торговкам...

Вероятно, она добралась до центра. Улицы стали шире, из-за покатых крыш показались острые шпили не то храма, не то ратуши, не то дворца...

Слабо шевельнулось старое воспоминание. Спичечный город, площадь, на которой сидит, подобрав ноги, сам владыка и моделятор...

Площадь была залита солнцем. Ирена прищурилась.

Да, подросла модель ка. Ратуша — или храм, или дворец — упиралась шпилями в небо, и если моделятор уселся бы на этой площади — немало народу погибло бы под его седалищем, а голова его, наверное, затмила бы солнце...

Перед пышными воротами храма — или ратуши, или дворца — толпился народ. Богатые горожане, не очень богатые горожане, оборванные бродяги, усталые путешественники, мужчины и женщины с детьми — все они образовывали подобие живой очереди. Вернее, нескольких очередей.

Со слов Семироля Ирена знала, что местный правитель называется герцогом. Вероятно, все эти люди явились на прием?

Она подняла голову; здание одновременно поражало и подавляло.

Готические формы, причудливые витражи, оскаленные каменные морды — здорово...

А ведь моделятору вовсе не обязательно сидеть на площади, подпирая головой высокое небо. Он вполне может расположиться внутри такого вот архитектурного шедевра, карать и миловать, приказывать и принимать просителей...

Она тряхнула головой. Первая мысль Семироля была — искать Анджея в герцогском дворце, и тогда Ирена, помнится, саркастически усмехнулась.

Нет, не так прост господин Кромар, его не отыщешь ни на троне, ни у его подножия...

— К Толкователям? Кто последний к Толкователям?

Сельского вида мужичок робко плелся вдоль тугой, как червяк, очереди; ему снисходительно разъясняли относительно правил, предварительной записи, глашатаев, законов...

Стало быть, тут, на площади, у них основной очаг мракобесия...

Ирена всегда избегала сборищ и очередей. Обилие народу пугало ее.

* * *

Она заблудилась.

Изнутри город казался не таким уж маленьким; улица сменялась улицей, перекресток — перекрестком, а спросить у кого-нибудь, как пройти к гостинице «Три козы», она пока еще не решалась...

В «Трех козах» осталась цивильная Иренина одежда, та самая, в которой заботливый Семироль вез ее в больницу. В «Трех козах» остались свернутые в трубочку бумаги — те, что в этой МОДЕЛИ соответствовали ее, Ирениным, первым рассказам. Она не решилась оставить их в покинутом доме — но и прочитать до сих пор не осмелилась... А главное — в «Трех козах» осталась надежда на возвращение Семироля. Призрачная, но надежда.

— ...Госпожа нуждается в помощи?

Ирена обернулась.

Вероятно, он был преуспевающий лавочник. Добротный кафтан или как это у них называется, шляпа с маленькими полями, полосатые чулки из-под коротких штанов — Ирена смутилась. Неприлично так вот, в упор, разглядывать человека...

Впрочем, лавочник тоже ее разглядывал. В глазах у него жила та самая сосредоточенность, с которой белобрысый всадник разорял импровизированный рынок на перекрестке...

— Госпожа кого-то ищет?

Ирена вымученно улыбнулась:

— Я ищу гостиницу «Три козы»... Господин не мог бы...

Лавочник сдвинул брови. Кивнул, как бы раздумывая:

— Мог бы... А как же. Госпожа, как видно, приезжая?

Ирена превозмогла противный холодок в груди. Прав был Семироль — «Ну что вы всего боитесь?».

— Да, — сказала она как можно беспечнее. — У нас с мужем домик в предгорьях... Мы приехали посмотреть город... А тут муж отлучился по делам, — слова лились из нее неудержимо, будто смазанные мылом. — Ну, и я отправилась погулять... И заблудилась, не могу найти гостиницу... Если бы господин указал мне дорогу — я была бы очень, очень благодарна...

— Я бы проводил вас, — раздумчиво сказал лавочник. — Но вы, как видно, устали, проголодались, извелись... А что, муженек бросил вас али запил?

Ирена, оторопев, покачала головой.

— Не отпирайтесь, госпожа, и мужнюю жену, которая гуляет городом, совсем по-другому видать... И бродяжку видать, даже если по-благородному одета... А подол-то рваный...

Ирена отступила на шаг.

— Уж простите, какие обиды, я человек тертый, многое видал... А вы, часом, не... — И он вопросительно указал взглядом на Иренин живот.

Она почувствовала, как приливает кровь к щекам и ушам. Отступила еще на шаг, собираясь уйти.

— Я, госпожа моя, перед Провидением должник, — серьезно сказал лавочник. — Так и быть, принял бы вас на постой... Задаром почти, так, за отработку... Провидение учит отчаявшихся — утешать, бездомных — привечать, беременных — оберегать... Байстрюка вашего в хороший приют отдадим. Ну, пошли, — и он взял Ирену за запястье.

Возможно, его руки вовсе не были липкими. Возможно, Ирене показалось.

— Отпустите! — рванулась она.

— Ну-ну, милая... Правду ведь я сказал? Видно, что правду... Провидение учит — ежели кто добра своего не понимает, так наставлять деликатно либо втайне добро делать... А втайне не получается. Идем, глупая, накормлю хоть тебя, а то щеки, гляди, втянулись, брюхатым жрать-то за двоих полагается...

Она рванулась, чуть не сдирая с запястья кожу. Рука лавочника сжалась сильнее, причиняя уже нешуточную боль.

— Не дергайся, кому говорят? Спасибо потом скажешь... А то гляди, спросит с тебя Провидение — за неблагодарность...

От боли Ирена ослабела. Хотела крикнуть — «Анджей», но голоса не было. Ноги уже покорно волочились вслед за деловитым лавочником, а что, а ничего страшного, не стража, не палач и не тюрьма, может быть, стоит задуматься о...

— Отпусти ее.

Сказано было негромко, тускло, без выражения, но пальцы лавочника мгновенно разжались.

Ирена всхлипнула.

Рядом, в двух шагах, переминались в пыли мохнатые конские копыта.

Она подняла голову.

Молодой аристократ стоял, удерживая лошадь под уздцы. Лицо его больше не было сосредоточенным — злым оно было, холодным и яростным, и лавочник попятился под тяжелым взглядом.

— Чего ты прицепился к женщине?

— Добра желал, — неприязненно отозвался лавочник. — Добра... хотя по мне — пусть пропадает вместе с байстрюком своим!

Красноречиво плюнул в пыль. Резко повернулся и пошел прочь.

— МОДЕЛЬ, — пробормотала Ирена, сдерживая слёзы.

Юноша нахмурился:

— Что?

Ирена посмотрела ему в глаза.

Белые ниточки бровей, изогнутых, как значок «тильда» на клавиатуре компьютера. Рот прямой, как тире...

— Зачем вы растоптали... там, на перекрестке, зачем вы растоптали товар? ЗАЧЕМ?

Юноша болезненно поморщился.

Вокруг ворочался сочиненный Анджеем город. Стучал колесами и башмаками, бранился и пел, звенел молотками, толкался, торговал...

— Я БЕСКОРЫСТНЫЙ, госпожа. Обет давал... Не обессудьте.

ГЛАВА 10

Его имя было Ректоноор, что в переводе с ныне забытого языка означает «внезапное счастье». Внезапное, потому что родителям его на момент зачатия было лет по четырнадцать. Тем не менее они уже были законными мужем и женой, и старший сын некоторое время был гордостью и предметом похвальбы...

Рек стоял у гостиничного окна, и вечерний свет, проникая сквозь цветные стекла, придавал его бледным щекам видимость тропического загара. Ирена расположилась в кресле без спинки, том самом, которое так нравилось без вести пропавшему Семиролю. Сидела и слушала.

...Когда ему, в свою очередь, исполнилось четырнадцать лет, он сообщил родителям о своем намерении воспротивиться Провидению. За что был сперва бит плетьми, а потом проклят, а потом про-

щен, а потом снова проклят, лишен наследства и изгнан. Говорят, спустя несколько лет отец одумался и даже посылал гонцов на поиски странствующего сына — но куда там...

Собор Бескорыстных инициировал Река и положил ему имя Ос, что на том же забытом наречии означает Шиповник. С тех пор он, как бы ни было трудно, старается следовать обету Равновесия. То есть совершать добрые дела ради добра, а не ради вознаграждения. Отказываться от милости Провидения, вызывая его гнев и неся наказание...

Ирена слушала и ощущала, как понемногу пухнет голова.

Ох как бранились те торговки на перекрестке... «Бескорыстный, сука бескорыстная...»

— Рек, а вам их не жалко? Тех теток?

Он сжал губы так, что они почти совсем пропали с лица. Резко проступили складки в уголках рта; Ирена сообразила вдруг, что он вовсе не такой уж молоденький мальчик. Просто тип лица такой — юношеский, легкий, такие мужчины до пятидесяти кажутся подростками, а потом — сразу же стариками...

А Рек, пожалуй, ровесник ей. Как ни странно...

— Провидение невозможно обмануть, госпожа Ирена. ЗЛО должно быть именно злом. Дабы наказание за него было настоящим, способным пересилить... награду за ДОБРО.

Катящаяся бочка... Лепешка осталась бы от старухи, и разлитое вино перемешалось бы с кровью...

Ирена бездумно потрогала свой собственный живот.

— Очень хорошо, — сказала она механически.

Солнце последний раз отразилось в окнах напротив — и ушло, по-видимому, за крыши, за флюгера. В полумраке лицо Река-Шиповника белело, будто посыпанное мукой.

— Рек, я похожа на сумасшедшую?

Он помолчал.

— Нет, госпожа Ирена. Вы похожи на человека, который...

Он запнулся.

— «Нуждается в помощи»? — Голос ее насмешливо дрогнул. Она вспомнила давешнего лавочника.

— Торговцы, — пробормотал ее собеседник с непередаваемой интонацией. Вероятно, то была крайняя степень презрения.

Ирена вздохнула. Думала ли она, что потеря вампира-адвоката окажется такой тяжелой, такой невосполнимой потерей?! Пока Семироль был рядом, оставалась хотя бы ниточка... к нормальности... Знак того, что происходящее не снится ей, что она не лежит, напичканная наркотиками, на каком-нибудь операционном столе...

Упырь как мостик к нормальной жизни. Бывают же выверты судьбы...

Рек смотрел на нее вопросительно. Я не назойлив, говорил его взгляд, я не лезу с расспросами... Но неужели вы думаете, что вы хоть капельку похожи на ту, за кого себя выдаете?!

— Рек, вот если бы я была чужестранкой... Из далеких земель, из-за моря...

Он помрачнел.

— Я что-то не то сказала?

— Увы, госпожа Ирена. Чужих земель не бывает. Это сказки.

Ей потребовалось время, чтобы обрести дар речи, и бескорыстный рыцарь терпеливо ждал.

— То есть...

— О чужих землях много болтают. А я прошел по всей земле, из конца в конец... На западе и севере стоят горы, через которые не переходил ни один человек. На востоке — пустыня, за ней нет ничего. На юге — море...

Моряки, напившись, часто хвастают о своих якобы походах к дальнему берегу. Но стоит чуть-чуть разобраться — и оказывается, что все они врут. И никто никогда не видел живого чужеземца, не видел и мертвого, все это легенды, иногда от скуки, иногда из хвастовства, но вам-то зачем?!

Ирена молчала.

Хватит ли у Река терпения дождаться, пока она усвоит всю эту чудовищную информацию?

Или он врет?! Нет. Скорее всего, нет...

Замкнутый мир. Ну да. Там, в МОДЕЛИ торжествующего правосудия, МОДЕЛИ адвокатов-упырей, границы действующего мира определить было трудно... Спутниковая антенна на крыше — а был ли сам спутник?!

Есть такая игрушка для взрослых — диорама. И не всегда легко определить, где заканчиваются настоящий песок и настоящие камни, где начинается пустыня, нарисованная на огромном холсте...

Город — есть. Но уже горы на горизонте — иллюзия. Каждая следующая модель меньше предыдущей — что, у моделятора пороху не хватает?!

А может быть...

Мир таков, каким его видят. Для какого-нибудь крестьянина, дни напролет не разгибающего спину и по праздникам выезжающего на ярмарку, достаточно было бы смоделировать его дом и поле, да кусочек леса, да соседнее село с ярмаркой и ухабистой дорогой туда-обратно... Да соседей, которые слышали, что на свете есть еще какой-то город, но вот самим бывать не доводилось...

Ирена перевела дыхание. Ее собеседник терпеливо ждал.

— Помогите мне... бескорыстный Рек. Кого же мне еще просить о помощи?!

Повисла пауза.

— Я не спрашиваю, кто вы, — пробормотал рыцарь. Одновременно кротко и укоризненно.

* * *

...Анджей Кромар никогда не был равнодушен к футболу, но только однажды увлечение его переросло в болезненную страсть. Шел «открытый чемпионат чего-то там», Анджей две недели провел, не слезая с трибуны, простудился и сорвал голос. Ирена — а отношения между супругами были на тот момент весьма прохладными — презрительно смолчала.

Чемпионат закончился; теперь Анджей, натянув кеды, каждый вечер спускался в соседний двор, где ждала его компания ребятишек со всей округи.

«Стратегия», «тактика», «модель победного матча», «режиссура боя»...

В «футбольную команду» выводками ходили как маменькины сынки, так и отпетые малолетние бандиты. Дядя Анджей ухитрялся задурить голову и тем и другим; однажды к Ирене подошла на улице незнакомая женщина, как выяснилось, мама юного «футболиста»:

— Простите, пожалуйста... Вы не могли бы уговорить мужа... поменьше влиять на детишек? Он ведь затягивает, будто, гм, как в какую-то секту, сын на него, м-м-м, молится, а муж как бы ревнует...

Ирена сделала большие глаза.

«Воспитанники» и в самом деле не столько гоняли мяч, сколько слушали, разинув рты, рассуждения «тренера». О чем он с ними говорил — для Ирены осталось тайной; спустя несколько недель команда дяди Анджея вызвала на товарищеский матч детскую команду городской спортивной школы — и продула со счетом шестнадцать — два.

— О какой модели может идти речь, если эти лбы в три раза быстрее бегают! — удивлялся Анджей.

«Тренировки» как ножом отрезало. Окрестные мальчишки несколько дней находились в глубоком трауре.

Ирена знала, что сразу после того разгромного матча руководство спортшколы пригласило Анджея на должность старшего тренера. Более того — однажды ей позвонили по телефону и попросили повлиять на мужа: «Какая задумка! Какая стратегия! Будущее детского спорта... А за ним и спорта юношеского... А за ним и... Господин Кромар уже сейчас мог бы претендовать на высокий оклад, а в будущем...»

Она уныло повздыхала в трубку.

Анджей давно потерял интерес к слабосильным воспитанникам — а заодно к футболу; днями напролет просиживая за компьютером, он вдохновенно манипулировал переменчивыми и мертвыми, бессмысленными для Ирены символами...

* * *

— ...Никто не видел, госпожа. Во всяком случае, люди, которых я расспросил... не видели. Ни плотного и черноволосого по имени Ян, ни худого шатена по имени Анджей...

Вероятно, источники бескорыстного рыцаря заслуживали доверия.

Вероятно, найти человека в городе и окрестностях достаточно трудно... или, наоборот, легко?..

Рек замялся, будто желая о чем-то спросить — и не решаясь.

— Говорите, Рек...

— Госпожа, вам следует сменить гостиницу. Вы привлекли внимание.

Последовала пауза; рыцарь Рек не знал, что его слова отложены на полочку, что Ирене необходимо время, чтобы осознать их.

— Чье внимание я привлекла, Рек?

Он посмотрел удивленно. Вероятно, это само собой разумеется, вероятно, Ирена сморозила глупость...

Под окном буднично бранились хозяйки. Где-то стучал топор, журчали, сливаясь по водостокам, моча и помои.

— Госпожа...

— Извините, Рек, вы не могли бы звать меня просто Иреной, без «госпожи»?

Он нахмурился:

— Госпожа... гм. Ирена... Поклянитесь, что вы и сочинительница Хмель — не одно и то же лицо.

Так.

Она сочла нужным присесть на кровать. По спине, по затылку прошелся противный нервный холод — так, начинается... Зря, зря Семироль смеялся над ней — «почему вы всего боитесь?».

МОДЕЛИ не любят ее. МОДЕЛИ выживают ее, отторгают, почему-то скромная женщина навлекает на себя всевозможные неприятности, гонения, беды...

Она с трудом взяла себя в руки. Нельзя волноваться — будущему ребенку вредно...

— Рек, а... откуда такая мысль? Почему именно сочинительница Хмель?

Рыцарь смотрел испытующе. Ее небрежный тон не обманул его. Он по-прежнему ждал ответа.

— Хорошо, я сменю гостиницу, — сказала она поспешно. — Только...

Смена гостиницы не поможет. Бежать, бежать из города, вернуться домой... То есть в развалюху, которая может считаться ее домом... Найти в окрестностях повивальную бабку — и родить, как предсказывал Семироль, на соломе, и будь что будет...

Будь что будет. А если ребенок умрет?! А если умрет она, а ребенок останется один в этом мире, сиротой, подкидышем?!

— Я и есть сочинительница Хмель, — сказала она хрипло. — Только... что я такого сочинила, чтобы меня преследовать?!

Рек молчал.

Некоторое время Ирена изучала его побледневшее лицо. Потом наклонилась, ища под кроватью дорожный мешок. Нащупывая среди собственной привычной одежды — куртка, брюки, лыжные ботинки — жесткие, свернутые трубочкой листы...

Она прихватила свои рассказы с собой. Она не могла их оставить...

Но и прочесть их она не решилась. Смешно или нет — она боялась разочарования.

«История о том, как голубка принесла мертвому юноше алую розу».

«История о рыцаре, который совершал зло, чтобы быть бескорыстным...»

«История о скупце, который раздавал, чтобы...»

Что хорошего можно написать под таким названием?!

Рука ее шарила в темноте все более нервно. Свитков не было.

Шаги на лестнице — или это ей кажется?..

Забыв о конспирации, она вытащила мешок на свет. Рек может увидеть ее куртку и штаны — но, может быть, он не догадается, что это женская одежда и не подумает об Ирене плохо...

Бумаг не было. В то время как Ирена отлично помнила, что...

Стук в дверь. Она невольно содрогнулась.

— Госпожа... Откройте.

— Кто там? — спросила она автоматически.

— Открывайте, именем герцога!..

Рек шагнул к двери. Лицо его было столь же сосредоточенным, как тогда, на перекрестке, перед разорением рынка... Но не это поразило Ирену. А поразило то, что рука рыцаря в кожаной перчатке лежала на рукоятке меча.

Удары в дверь слились в непрерывный грохот. Гости больше не стучали — они ломились.

А что ж Семироль говорил, что в этом мире нет ни стражи, ни инквизиции?!

Она метнулась к окну. Второй этаж; руки невольно легли на чуть округлившийся живот. Нет, прыгать никак нельзя...

— Рек... Ради Создателя... объясните мне — что происходит?!

Долгих несколько секунд они смотрели друг на друга. Светлые брови рыцаря изгибались двумя значками «тильда», а плотно сжатый рот казался не минусом даже — тире...

— Рек, — сказала она шепотом. — Защитите меня...

Дверь слетела с петель. Следом за ней в комнату ввалились двое — Ирена успела разглядеть только плюмажи на шляпах да огромные шпоры на сапогах, когда Рек коротко шагнул вперед и схватил ближайшего гостя мечом, плашмя, по голове. Гость рухнул, не успев поздороваться.

Второй развернулся, отводя клинок для удара; мечи встретились, и звук был такой, как будто кто-то позвонил в рельсу. Отпрыгнув, рыцарь наступил на край занавески, затрещала, расползаясь, ткань, рухнул умывальник, заливая ковер водой и устилая пол фарфоровыми черепками, разорванный гобелен повис на одном гвозде. Завизжала на лестнице служанка, произошло множество мелких событий, воспринять которые Ирена была не в состоянии, потому что случались они куда быстрее, чем она могла соображать...

Тот, кто вломился, стоял теперь спиной к стене, тяжело дышал, буравил рыцаря глазами:

— Я... при исполнении... Провидение... не простит.

— Я бескорыстный, — сказал Рек сквозь зубы. — Мне все равно.

Протянул руку в перчатке, схватил за локоть обомлевшую Ирену:

— Идемте... Скорей.

* * *

Из города удалось выехать беспрепятственно, но почти сразу же за воротами рыцарский конь на ровной дороге угодил копытом в яму, и Ирена узнала, что бывает, если «лошадь охромела». Дальше продвигались пешком, без дороги, в сопровождении тучи ненасытных комаров; рыцарь молчал, и Ирена молчала тоже.

Это обязанность рыцаря — защищать попавших в беду дам? Традиция — или все-таки добровольная инициатива бескорыстного Река-Шиповника?..

— Куда мы идем, Рек?

Он наконец-то разжал губы:

— В надежное место...

До «места» добрались уже в сумерках; отсвет пожара был виден издалека, но, пока Ирена и Рек, спотыкаясь, добрели до него, от строения на опушке осталось пепелище.

Лениво рушились прогоревшие балки, падали печально и обреченно, как осенние листья. Вылизанные огнем доски казались не сизыми даже — серебряными. Черной ямой зиял открытый погреб — вероятно, неизвестные грабители набрели на укрытие, освободили от съестных припасов и, чтобы замести следы, пустили красного петуха...

— Это мне за тот удар, — глухо сказал Рек. — Слугу Высокой Крыши... Да рукоятью по голове... Я так и думал.

И неожиданно улыбнулся:

— Зато теперь не придется... топтать кувшины. Я и так провинился перед Провидением. Очень удачно.

* * *

«Ирена, вы были правы... В этой так называемой МОДЕЛИ что-то не так».

Где теперь Семироль?! В какую ловушку угодил?.. И если захочет отыскать Ирену — где, как он ее отыщет?!

— ...Неужели вы не знаете?! Указ уже месяц как объявлен...

Ирена молчала. И трава, и деревья, и даже ручей провоняли дымом.

Пепелище «надежного места» неохотно остывало.

— А я не спросил вас, кто вы, — удрученно пробормотал Рек.

— А знали бы? Не стали связываться? — Ирена улыбнулась через силу.

Он серьезно покачал головой. То ли «нет, не стал бы», то ли «нет, как вы могли подумать»...

Над головой висели звезды. Уж про них-то Ирена точно знала, что они — декорация. Белые фонарики, прикрепленные к бархатной тверди... Не станет же Анджей Кромар всерьез моделировать все эти миллионы световых лет, облака раскаленного газа, прочую астрономическую машинерию?!

— Какой указ, Рек?

Он смотрел недоверчиво.

— КАКОЙ указ? — повторила она с нажимом.

Он прикрыл глаза:

— «Ирена Хмель, сказительница и сочинительница... повинна во вредных россказнях и подлежит взятию и допросу под Высокой Крышей для установления меры ее вины... За подписью герцога, за одобрением верховного Толкователя — печать...»

Тихо, нежно пели цикады.

Что там было, в этих свитках?!

А вот надо было прочитать. Отбросить страх, стеснение, комплексы...

Ведь если выходит, что она это написала, черт возьми, почему не додумалась сразу же прочитать?!

— Их выкрали из гостиничного номера, — пожаловалась она в темноту.

Рыцарь хмыкнул.

— Рек... Объясните мне. ЧТО там такого предосудительного? Какие такие вредные россказни?

— Верховному Толкователю видней...

— Так это верховный Толкователь желает меня допросить... для установления... меры моей вины?

— Я всего лишь рыцарь, Ирена. — Рек устало опустил веки.

— Вы знаете, — сказала она упрямо. — Вы ведь... читали эти... россказни? То есть рассказы?

Он открыл глаза. Сел прямо:

— Как вы... догадались?

Лицо его снова было по-школярски сосредоточенным. Волнистые светлые брови, щеки, плоские и белые, как бумага...

Она отвернулась. Проговорила, боясь ошибки, боясь, что он удивится либо поднимет ее на смех:

— Если бы вы не читали, вы бы меня... ну... не стали бы из-за меня связываться... со слугами Высокой Крыши. Будь вы хоть трижды рыцарь...

Ошибки не было. Рек молчал.

— А кстати... — Голос ее внезапно охрип. — Гм... это самое... вам ПОНРАВИЛОСЬ?

Долгая пауза под пение цикад.

— Я стал тем, кем я стал... потому что прочел «Историю о рыцаре».

Ирена нахмурилась. Опять путаница со временем... сколько же ему лет и как давно написан был...

Мысли ее запнулись.

— Рек... вы, наверное, погорячились. Видите ли... влияние книг на людей сильно преувеличено. Так не бывает, Рек...

Он взглянул на нее коротко и укоризненно.

С неба сорвалась звезда. Ирена невольно подняла голову: надо же, какая точная имитация...

— Хорошо, — вздохнула она. — Но почему тогда указ вышел только месяц назад?!

Рек коротко вздохнул:

— Указ вышел... вы же знаете. В основном из-за «Раскаявшегося».

Голос рыцаря странно изменился, как будто он произносил запретное слово.

— Он стал доступен в копиях... а месяц назад его изъяли изо всех библиотек. И тогда же вышел указ...

«Дорогой Рек, а вы не подскажете, что же такого я там написала?»

— Что же теперь делать, Рек? — Она запнулась. — Вы знаете, мне ведь через некоторое время надо будет...

Он мельком взглянул на ее живот. В этом платье с корсетом попробуй что-то скрыть...

— Я помогу вам... надо найти убежище. Семью в селе, которая приняла бы вас... возможно... — Он замялся, потом решительно свел брови. — Возможно, вам понадобится... муж. Замужней женщине легче... и скрываться, и вообще...

Она простила ему его рыцарскую бестактность.

— Я не могу скрываться, Рек. Я должна найти Анджея Кромара...

Рек нахмурился сильнее. Вероятно, он думает, что Анджей — отец ребенка...

— ...и найти Яна Семироля, — завершила она, окончательно сбивая рыцаря с толку. — Я должна вернуться в город...

— Вас тут же схватят, — сказал он безнадежно.

* * *

Миновали подъемный мост. Ирене на долю секунды показалось, что время сделало петлю, что это Семироль ведет лошадь под уздцы, что они входят в этот город впервые...

Рек, сменивший свой рыцарский плащ на крестьянскую куртку, шагал размеренно и твердо, как и полагается путнику, наконец-то добравшемуся до цели. Ирена, неловко пристроившаяся в седле, ниже надвигала платок и старалась не глядеть по сторонам, и напрасно — ведь приезжие, миновав ворота, первым делом начинают вертеть головой...

Рек шагал, вручив их судьбы нависшему над этим миром Провидению.

Если их узнают — что ж, авантюра закончится, не начавшись; Рек был горд и привык к лишениям, а у Ирены никак не поворачивался язык сообщить ему, что он — всего лишь кукла в руках Создателя, частичка МОДЕЛИ, призванная подтвердить или опровергнуть теоретические измышления господина Кромара...

Рыцарь и женщина, прибегнувшая к его защите, проговорили без малого сутки. Рек то хмурился, то удивлялся, то надолго замолкал, один раз даже не удержался: вы что, с неба свалились?! Да, радостно подтвердила Ирена, вообразите, что я действительно свалилась в неба, что я сто лет проспала волшебным сном, но только расскажите мне, ради Создателя, о Толкователях, я должна знать как можно больше...

«Рассказать вам, — отшатнулся Рек, — вам, автору «Раскаявшегося»?! Странное дело, я мог бы не поверить вам, может, вы вовсе не Ирена Хмель, а просто странная женщина, мечтающая о славе, но я ведь чувствую, я вижу, что вы — это вы!.. Или вы испытываете меня, хотите знать, не случайно ли я пришел к бескорыстным?..»

«Не случайно, — успокоила его уставшая к тому времени Ирена, — я ни на секунду не сомневаюсь... Рек, я должна добыть копию «Раскаявшегося». У меня выкрали мои рассказы — но, может быть, есть люди, у которых сохранились копии?..»

И вот они въехали в город, где Ирену ждет преследование, а Река...

Да, Провидение само заботится о том, чтобы провинившийся против людей был наказан, оно уже позаботилось... Но Рек провинился не только против людей, но и против Высокой Крыши, вероятно, его захотят покарать дополнительно...

Проехали мимо института. Ирена ждала, что Рек остановится, — но он только сжал губы и проследовал дальше. Ирена с сожалением взглянула на гарпий — каменные уродины были точно такие же, как во внешнем, настоящем мире, если что-то и вошло в эту МОДЕЛЬ без изменений, так это гарпии...

Хорошо бы заехать в «Три козы»... Это, конечно, невозможно, но хорошо бы... И оставить весточку для Семироля. Потому что преуспевающий вампир-адвокат просто НЕ МОЖЕТ пропасть без вести, не может не вернуться за своим нерожденным ребенком...

А разве не от него она бежала, ворвавшись в «Праздничные сюрпризы», ворвавшись затем в этот идиотский мир, полигон для фантазий сумасшедшего Создателя?!

Рек остановился посреди ремесленного квартала. Вошел куда-то через черный ход, а Ирена осталась ждать, слушать перезвон молотков и вонь дубленых шкур, и ждала так долго, что казалось — все кончено, она снова одна, новый ее спутник отделался от нее легко и без угрызений...

Будто желая устыдить ее, Рек появился из подворотни, по-прежнему сосредоточенный и мрачный. Покачал головой:

— Нет... Сожгли они. Боятся...

Ирена не стала переспрашивать.

* * *

Ночевали в харчевне — тесной и грязной; Ирена не привыкла спать на соломе. Уже почти задремав, она подскочила на своем ложе, потому что ей почудился голос Семироля; долгую минуту она вслушивалась, приподнявшись на локте, но только храп нарушал тишину ночлежного заведения, только удовлетворенный храп усталых кучеров, погонщиков, заезжих крестьян и прочего странствующего люда...

Потом ей показалось, что тот, кто живет внутри нее, шевельнулся.

Это была иллюзия — она прекрасно знала, что движение его ощутит еще не скоро. Но, возможно, ребенок Семироля таким образом ответил на острую мысль о его отце?

Она снова легла и устроилась поудобнее, заранее зная, что до утра заснуть не придется.

Ночь — самое неторопливое время. Благоприятное для Ирены время.

Время, когда ее посещают мысли...

Возможно, она больше не увидит Семироля. Долго не хотелось об этом думать — однако вот приближается черта, за которой прятаться от очевидного уже бесполезно...

Он либо вернулся в свою МОДЕЛЬ. Либо погиб таинственным образом на улицах ночного города, и тело его было спущено в заброшенный колодец.

Либо... либо ткань вероятности треснула, не выдержав присутствия вампира-адвоката. Он не должен был здесь находиться. Это невероятно.

Канал, темный коридор, по которому они оба вошли сюда, был предназначен только для Ирены; если это не так, то почему господин Петер...

Мысль прервалась. Ирена вздохнула.

Итак, Семироль не вернется. Стало быть, на ребенка, на существо, ради которого она рисковала свободой и жизнью, никто больше не предъявит своих прав. Стало быть, она достигла того, чего желала...

Она машинально хотела натянуть плед до подбородка — но рогожка, заменяющая одеяло, вызвала у нее неожиданное отвращение.

Она достигла того, чего желала. Новорожденный вампиреныш...

Под окном послышались крадущиеся шаги. Приглушенные голоса; Ирена напряглась.

— Кто бродит ночью? — рявкнул заспанный бас. — По домам, живо!

Голоса стихли. Ирена некоторое время вслушивалась, потом расслабилась.

Новорожденный вампиреныш останется на руках Ирены. И будет маяться первыми зубками, а она станет мазать ему десны какими-нибудь знахарскими травками, успокаивающими боль... А потом зубки прорастут, и дитя надкусит грудь, чтобы пополам с молоком отведать еще и гемоглобина...

Хорошо бы остановиться и не думать дальше, но ее неповоротливые мысли никак не могут притормозить, прут, как тяжелый танк... Этот ребенок предназначался Семиролю. Теперь Семироля нет; наверняка даже в этом мире, диком и странном, имеются бабки-абортмахерши. Или соответствующие снадобья...

Она свернулась клубком. Крепко прижала руки к животу, глубоко задышала, борясь с тошнотой.

Я отдам тебе этого ребенка, Ян. Отдам безропотно, только появись...

Тишина и храп. Мышиная возня, запах пота и далекий лай сонной собаки.

* * *

Провидение то и дело давало промашку. Во всяком случае, так казалось на первый взгляд.

Очередь перед дворцом Толкователей не иссякала. Кто-то был наказан Провидением совершенно нежданно и невинно; очередь на треть состояла из таких людей, все они были либо больны, либо подавлены горем, все они явились к Толкователю с единственным вопросом: за что?! Ну за что же?..

Еще почти две трети ожидающих перед дворцом были осторожны.

Известно ведь, что любое мало-мальски значительное деяние влечет за собой как добрые, так и лихие последствия, — осторожные пытались выяснить наперед, ждать от судьбы награды или бедствия, а если и того и другого — то в какой пропорции?

И, наконец, малую толику составляли бродяги, зеваки, любопытные, сумасшедшие и те счастливцы, на которых свалилась нежданная награда Провидения. Эти последние желали выяснить, за что именно благодарит их судьба, и перед дворцом они всегда были в меньшинстве, потому что, как правило, всяк внезапно награжденный легко находил в себе соответствующую добродетель и не обременял Толкователя ненужными вопросами...

Толкователей было, согласно канону, одиннадцать. И двенадцатый, верховный Толкователь, объясняющий наиболее запутанные случаи либо дарующий толкование знатным особам. Говори-

ли, что мудрость Толкователя не вместит ни одна книга, что ключи-разгадки к головоломкам судьбы всякий Толкователь передает непременно своему преемнику и непременно на смертном одре...

Но ведь это не законы физики, Анджей, думала Ирена, стоя под палящим солнцем в толпе прочих искателей правды. В быту законы физики выполняются всегда... или почти всегда, по крайней мере, сковородка обычно падает на пол и никогда — на потолок... А законы справедливости, растворенное в природе правосудие... если ты создал этот мир ТАКИМ, то зачем эти подпорки в виде двенадцати Толкователей?!

Возможно, ты понимал всю слабость своего построения. Возможно, эксперимент продлится до того момента, пока ты не зафиксируешь все возможные погрешности...

ЭТОТ мир — твоя цель? Именно его ты хотел смоделировать? А та, предыдущая МОДЕЛЬ с упырями-адвокатами послужила тебе разминкой, полигоном?

Или в этой новой МОДЕЛИ тебя снова нет, ты ушел в следующую и будешь создавать их без конца, пока у недоброй памяти господина Петера окончательно не иссякнет энергия... Хотя кто сказал, что господин Петер со своей машинерией может что-то теперь изменить?..

Солнце жгло, но Ирене на мгновение сделалось зябко — когда она вспомнила версию Семироля о том, что эта новая МОДЕЛЬ есть ее собственный, измененный катаклизмом мир...

Очередь продвигалась. Медленно, но шла. Толкователи работали — все одиннадцать.

А ей позарез нужен двенадцатый. Верховный.

Не один час потрачен был на то, чтобы придумать подходящий вопрос.

Толкователи просеивают людей, как песок. Сколько песчинок на берегу — столько сложных и спорных вопросов, загадок Провидения, заковырок и казусов, и все они протекают сквозь пальцы Толкователей, привычных ко всему, знающих сокровенное, видящих насквозь...

А Ирене нужен был двенадцатый. Во что бы то ни стало поставить рядового Толкователя в тупик — так, чтобы он признал свою некомпетентность и направил ее к своему шефу, Толкователю над Толкователями, который наверняка читал ее «Раскаявшегося», который знает об этом мире все, который...

Она перевела дыхание.

Никто не знает имен Толкователей. У смертного одра своего предшественника, принимая с рук на руки связку ключей-разгадок, они на всякий случай лишаются имени — вероятно, это угодно Провидению? А уж у верховного Толкователя, по слухам, имени

никогда и не было, и никто не помнит его предшественника, он вроде бы был на своем посту изначально, так, во всяком случае, утверждает молва.

А Ирене так хочется верить, что забытое имя этого изначального Толкователя — Анджей Кромар...

Как медленно продвигается очередь.

Ожидающие один за другим втягивались на порог, поднимались по одиннадцати ступенькам и исчезали внутри. Прямо перед Иреной стоял мальчишка лет двенадцати — никакой надобности посещать Толкователя у него не было, он держал место в очереди для кого-то, зарабатывая таким образом на безбедную жизнь. Примерно треть очереди состояла из таких «заместителей» — целый промысел...

Зато следующим за Иреной соискателем был молодой горожанин, коренастый и смуглый, у него ни с того ни с сего разорилась преуспевающая ростовщическая контора, и делец искренне не понимал, чем провинился перед Провидением и чего ждать дальше. А за ростовщиком — Ирена знала — стоит старушка, желающая и не решающаяся добить впавшего в маразм, безнадежно больного отца. А еще дальше — другой отец, относительно молодой, но желающий сорвать сыновью свадьбу, потому что от будущей невестки, как он уверен, не следует ждать ничего хорошего. А дальше...

Очередь продвинулась еще на два шага.

Ирена давно продумала и перебрала все возможные варианты вопросов.

Часто вспоминался Ник, избавлявший от мук своих обреченных пациентов и осужденный за это на смерть от зубов упыря. Похоже, Провидение в этой МОДЕЛИ не столь прямолинейно, как правосудие в предыдущей, но Ирена просто обязана поставить его в тупик. По крайней мере, поставить в тупик Толкователя...

Крыльцо об одиннадцати ступеньках неумолимо приближалось. Ирена нервничала все больше.

Шаг. Еще шаг; вместо мальчишки, получившего свою мзду за сохраненное место в очереди, перед Иреной встала хорошенькая барышня лет шестнадцати — интересно, о чем будет спрашивать юная особа? Отчего жестокое Провидение наказало ее смертью любимого попугайчика?

Первая ступенька. Солнце склонялось все ниже, очередь волновалась — на закате двери закроются, и всем, кто не успел сегодня, придется ждать до рассвета...

Вторая ступенька. Третья и четвертая, Ирена поняла, что сегодня не успеет. Новая ночь на соломе; а наутро, вполне возможно, народу сообщат о внезапной кончине верховного Толкователя, но только Ирена будет знать, что это означает появление новой МО-

ДЕЛИ, модели-в-модели, следующего звена, следующей куколки-матрешки...

Двери отворились и пропустили сразу семерых. Прямо перед Ireной опустился резной жезл, импровизированный шлагбаум, которым привратник сортировал толпу:

— Погодите, милейшая... По всей вероятности, на сегодня прием закончен.

Она даже не удивилась. Там, за дверью, было холодно и сыро, уходили ввысь темные колоссальные колонны, они стояли безо всякой системы, как деревья в лесу, и оттого преддверие дворца действительно напоминало лес, девственную чащу, куда тысячи лет не ступала нога добытчика древесины...

В глубине ударил гонг. Ударил дважды.

— Еще два человека, — с неудовольствием сказал привратник.

У Ирены онемели ноги, и если бы не молодой ростовщик, ломанувшийся в двери и невольно толкнувший ее в спину, стоять бы ей тут до завтра...

Потому что старушка, оказавшаяся за шлагбаумом-жезлом, кипела негодованием и едва не опередила зазевавшуюся предшественницу.

— Нет, госпожа. Сюда...

Стволы-колонны оказались винтовыми лестницами. Одиннадцать лестниц, и расстояние между ступеньками такое, что Ирена мельком пожалела старушку — и как она будет сюда карабкаться...

Она заблудилась бы среди винтовых стволов, если бы специальный слуга не направил ее. Помогая себе руками, путаясь в ненавистных юбках, мысленно призывая Анджея и Создателя, Ирена принялась взбираться; неподалеку сопел молодой ростовщик — его лестница была рядом, но он значительно опередил Ирену, она видела, как летят с его подошв чешуйки засохшей грязи и так подолгу кружатся в воздухе, что впору испугаться и посмотреть вниз...

Ирена не боялась высоты. Но вот как будет карабкаться старушка?..

Люк. Ирена больно ударилась затылком, потом, передохнув, навалилась плечом, крышка оказалась нетяжелой, полумрак смешался со светом — матовым, зеленоватым. Ирена, задыхаясь, на четвереньках выбралась из люка. Вероятно, Толкователям следовало бы позаботиться о лифте для посетителей...

От бесчисленных поворотов лестницы кружилась голова.

Горели зеленые свечи. Ирена сроду такого не видела — свеча как свеча, но только огонек — будто на новогодней гирлянде, зеленый...

Фокусники.

Она огляделась.

Круглая тесная комнатка напоминала сковородку. Ручкой служил узкий длинный коридор, на деревянном полу которого красовалась недвусмысленная, истертая сотнями ног направляющая стрелка.

Значит, туда...

У входа в коридор она невольно задержалась. Где-то капала вода, пахло плесенью и подземельем, и это при том, что она находится как минимум на высоте десятиэтажного дома! Тот, кто организовывал Толкователям рабочее место, постарался как можно дальше уйти от традиций пыльной конторы. Дизайнер поработал на славу — но Ирена не могла отделаться от мысли, что ее вот-вот окликнет невидимый раздраженный чиновник: «Поскорее! Рабочий день заканчивается!»

Она собралась с духом и пошла по коридору, считая шаги. Ого!

Двадцать, двадцать пять, сорок...

Стоп.

Новая комната, почти совсем темная, потому что одна зеленая свечка может запугать, но не прибавит света. Каменная морда неведомой зверушки — и достаточно свирепой, если учитывать размеры отверстой пасти. Ирену пробрала дрожь — отнюдь не потому, что экзотическая декорация запугала ее. Нет — близился момент, когда решится ее судьба на ближайшую вечность...

— Подойди, госпожа, и загляни в темноту...

В пасти каменного чудовища мелькнул, приглашая, огонь. Ирена приблизилась на негнущихся ногах; сразу стало ясно, что придется становиться на колени. Хоть бы подушечку предусмотрели, мерзавцы...

Осторожно, будто боясь испортить прическу, она просунула голову зверушке в пасть. Вот уж любители дешевых эффектов...

На лицо ей лег свет. Она зажмурилась; яркий факел, снабженный зеркалом-отражателем, — конструкция как у прожектора, дикий народ, а вот поди ж ты...

— По доброй ли воле ты пришла, госпожа?

Тот, кто спрашивал, оставался невидимкой. Только голос выдавал мужчину, немолодого, уставшего за длинный рабочий день, собирающегося расправиться с последней посетительницей, а потом пойти в трактир и спокойно, неузнанным, выпить с друзьями пива...

— Да. — Она машинально кивнула, ударившись подбородком о зверушкину челюсть.

Пауза. Долгая пауза, во время которой ее изучали, и холод от каменной морды ручейками потек по спине: опознали! У всех Тол-

кователей имеется ориентировка на неблагонадежную сочинительницу Ирену Хмель...

Вздох в темноте:

— Не желаешь ли ты злого Толкователям, Высокой Крыше, вольному городу?

Толкователь удовлетворился осмотром. Зачем ему лишние хлопоты, да еще в конце рабочего дня...

— Нет! — Она с трудом удержалась, чтобы не помотать головой.

— Скажи, в чем твое смущение, и я истолкую тебе волю Провидения, с тем чтобы ты следовала ей сознательно и радостно...

Формула была заученная. Ирене потребовалось время, чтобы осмыслить ее, — Толкователь между тем не был расположен к лирическим паузам:

— Говори же...

«Дочь моя», — мысленно добавила про себя Ирена. В процедуре действительно было что-то от таинства исповеди — только вот свет бил в глаза, будто на жестоком допросе...

Надо подумать. Надо собраться с мыслями.

Сотни вариантов вопроса придумала она накануне — и ото всех отказалась. Одни были слишком экзотичны, другие фальшивы, третьи...

Она боялась попасться на вранье. Толкователи просеивают людей, будто песок, — им ли не выявить ложь, тем более что Ирене вранье давалось столь же натужно, как нерадивому школьнику — высшая математика...

— Говори, — повторил Толкователь, и в голосе его обозначилось раздражение.

Она набрала в грудь воздуха:

— Сестра моя беременна, господин. Отец ее ребенка есть упырь, страшное существо, питающееся живой кровью. Отец мой пытался убить упыря, и брат мой пытался убить упыря — но он ушел невредимым... — Ирена перевела дыхание, лихорадочно решая, не стоит ли добавить одну-две подробности. — Он ушел... не тронутый ни осиновым колом, ни серебряной пулей, — она на мгновение запнулась, — а пулей у нас в деревне называют серебряную... иголку... А сестра моя понесла, и известно, что родит она упыреныша, дитя-кровопийцу, и что скажет Провидение, если нерожденный плод того... вытравить?

Яркий свет демонстрировал невидимому Толкователю ее замешательство, смущение и страх. Пусть видит. Ясно, по крайней мере, что бедная женщина не врет...

Сейчас он добреньким голосом скажет очередную заученную формулу — и отпустит ее с миром, спускаться обратно по бесконечной лестнице, сознательно и радостно. Ведь можно себе вообразить, сколько молодых дурочек с нежеланным ребенком во чреве являлись сюда, чтобы посоветоваться насчет Провидения. Вдруг оно допускает, как выразился бы Ник, аборты по социальным показаниям...

Или нет. Сейчас он кликнет стражу, и палач в пыточной камере уточнит и происхождение ребенка, и заодно содержание вредного рассказа «О раскаявшемся»...

Толкователь молчал.

Неужели она сумела его, всезнайку, озадачить?..

— Добровольно возлегла твоя... сестра с упырем — или по принуждению?

Ага. Сам факт плодовитого союза с упырем сомнений не вызывает, и то хорошо...

— По принуждению, — сообщила она без колебаний. — Он угрожал лишить ее жизни...

— Сколько лет твоей сестре?

А это, интересно, зачем?

— Тридцать, — сказала она с запинкой.

— Сколько времени, как зачат плод?

Она заколебалась. Ее дело — усложнить Толкователю задачу, а вовсе не получить совет в реальной житейской ситуации...

Кстати, пауза, которую он сделал перед словом «сестра», говорит о том, что...

— Отвечай, госпожа.

— Два месяца, — пролепетала она, умышленно сокращая срок. Ей тяжело было соображать в режиме вопрос-ответ; ее собеседник сразу же понял, конечно, что никакой «сестры»...

— Какова вероятность, что ребенок будет кровопийцей?

Секундное колебание. Ей казалось, что за световой стеной она различает силуэт Толкователя...

— Девяносто процен... то есть девять к одному...

Молчание. Раздражало потную кожу грубое полотно, мешал ненавистный корсет, поскорее бы все это закончилось...

— Обожди, женщина.

Силуэт исчез. А через несколько секунд погас факел.

Ирена вытащила голову из пасти каменного зверя. Ожесточенно протерла слезящиеся глаза. За стражей он пошел... или все-таки за своим премудрым шефом? Так просто... нет. Так не бывает...

А если они взяли Семироля — и сейчас устроят им очную ставку?!

А если...

После света в глаза темный мир вокруг виделся темно-вишневым. И зеленая свечка, манящая, как палец утопленника...

Она прислушалась. Далеко-далеко шумела толпа. Вероятно,

очередь расходится по домам, по трактирам, по ночлежкам... чтобы завтра перед рассветом подобраться к заветным ступенькам.

Там, на краю площади, ждет ее Рек. Ждет и, наверное, волнуется; опека Река не была ей неприятна. Может быть, потому, что она знала наверняка — никакой награды от Провидения рыцарь не получит...

— Женщина...

В каменной пасти мелькнул свет. Она вздрогнула и подошла.

Импровизированный прожектор снова осветил ее лицо — на этот раз, как ей показалось, мягче. Спокойнее.

И там, за стеной света, находился теперь другой человек. Она поняла это раньше, чем он заговорил.

Темный силуэт...

Она всматривалась, забыв приличия. Вернее, пыталась всмотреться.

Нет, так ничего нельзя сказать наверняка. Голос. Создатель, дай ему голос, пусть заговорит...

— Женщина, чисто ли твое сердце?

Верховный Толкователь — если только это был он — говорил шепотом.

Ирена обмерла.

— Ждешь ли совета по совести? Или тебя заботит, как обмануть Провидение?

Странная акустика в этом склепообразном небоскребе. Звуки множатся, кажется, что Толкователь говорит отовсюду. Ниточки-звуки, звуки-лоскутки, собирающиеся в единый клубок, и этот голос...

Голос, который она впервые услышала в телефонной трубке: «Алло, Ирена? Это Ирена?..»

— Жду, — сказала она хрипло.

А вдруг у разговора есть свидетели? И он дает ей понять, что приличия следует покуда соблюдать?..

Она вдруг увидела себя его глазами. Постаревшая, подурневшая, забывшая о косметике, в платке до бровей...

Она заплакала. Без горечи — просто разом хлынули накопившиеся за долгое время слезы.

«Так это верховный Толкователь желает меня допросить... для установления... меры моей вины? — Я всего лишь рыцарь, Ирена...»

Этот указ издан... для того, чтобы Анджей нашел ее?

Он ждал? Ждал, что она придет?!

Темный силуэт пошевелился. Она вызывает у бывшего мужа сочувствие? Брезгливость? Замешательство?

— Зачем ты это сделал? — сказала она шепотом. Если сторонний свидетель и услышит ее — спишет эти странные слова на бессвязный лепет испуганной женщины...

— Боишься ли ты кары или хочешь получить вознаграждение? — Человек в темноте повысил голос, и Ирена обмерла, и горячие слезы на ее лице враз остыли.

ТОТ голос или...

Анджей, это ты или не ты?!

Человек в темноте ждал ответа. Ей казалось, что еще немного — и она разглядит черты лица...

Молчать дальше было невозможно.

— А что вы думаете о смертной казни? — сами собой спросили ее губы.

Будто пароль.

Темный силуэт помедлил — и отступил в один из боковых черных провалов.

И уже уходя, верховный Толкователь на секунду угодил в отблеск факела. И Ирена увидела его лицо.

* * *

...Раньше дом принадлежал местному богатею. Собственно говоря, это был не единственный его дом; в один прекрасный день богатею подошла пора жертвовать, причем в особо крупных размерах, и ничего странного в этом не было, потому что род занятий у богатея был, мягко говоря, не вполне человеколюбивый. Богатей был разбойничьим атаманом, и для покрытия совершенных и задуманных злодеяний требовались все новые, все более крупные, все более добрые дела...

Богатый разбойник пожертвовал ближним свой лучший дом в пригороде, и на весах Провидения снова установилось равновесие. Несмотря на мзду, взимаемую разбойником с уличных торговцев, задушенного удавкой конкурента и разграбленный купеческий обоз.

Обо всем этом Ирена узнала много позже. А пока ее привели, ослабевшую и не сопротивляющуюся, на широкий двор за высоченным внешним забором и приземистым внутренним, причем по узкому коридору между двумя заборами взад-вперед бродили псы той же породы, что и теленок-Сэнсей...

Было утро. Ночь прошла в темном закоулке дворца Толкователей; Ирене не объясняли, чем она провинилась, но товарищем ее по заточению оказался слабоумный парнишка лет шестнадцати, а из разговоров слуг, на время превратившихся в стражников, она заключила, что среди толп, протекавших, как песок, сквозь пальцы Толкователей, сумасшедшие вовсе не были редкостью...

Она смотрела перед собой, но видела не забор, не поленницу и не рассохшуюся бочку посреди двора. Перед ней стояло лицо верховного Толкователя — таким, каким она его увидела в последнее мгновение их встречи...

Тогда, в первый миг, ей показалось, что она УЗНАЛА его, что бывший муж и бывший моделятор действительно обезумел, сделался Толкователем до мозга костей и не играет роль — врос в нее по самое горло...

Эти несколько первых минут были самыми страшными.

Потом — ее уже взяли под локти, уже вели коридорами — память услужливо вернула картинку, и, снова всматриваясь в лицо главного в этом мире человека, она чуть не застонала от облегчения.

Верховный Толкователь никогда не был Анджеем Кромаром. Он был всего лишь самой большой, самой красивой куклой в этом игрушечном мире, и если он и желал допросить под Высокой Крышей сочинительницу Хмель — то никак не в качестве бывшей жены...

Вероятно, на него, как и на рыцаря Река, большое впечатление произвел рассказ «О раскаявшемся».

...Рек, вероятно, волнуется. И, что скорее всего, уже никогда ее не дождется... Хотя кто знает. Вот если бы верховный Толкователь узнал в бедной женщине «сочинительницу Хмель» — дело обернулось бы действительно плохо; Ирена передернулась. Хорошенькая картинка — от нее требуют, возможно, с помощью палача, объяснений относительно «Раскаявшегося» — а она, написавшая этот рассказ, так и не удосужилась прочесть его!..

Но верховный Толкователь не узнал ее. Он просто принял ее за сумасшедшую.

Ждать пришлось долго. В углу двора двое тощих мужиков качали насосом воду, причем один то и дело сачковал, работая вполсилы, а второй, добросовестный, надрывался, оттопырив слюнявую губу... Вероятно, первому вскоре следует ждать наказания от Провидения, а второму, наоборот, награды...

Или на территории приюта для умалишенных законы Провидения действуют как-то по-другому?

Ирена сидела на деревянной колоде. Слабоумный парнишка бродил рядом, подбирал что-то с земли, разглядывал, нюхал и пробовал на зуб.

Ирена старалась не смотреть в его сторону.

...Что было в том рассказе, если люди жгли дорогую бумагу, опасаясь хранить написанный на ней текст?

После примерно полуторачасового ожидания новоприбывших провели в дом. Ирена поразилась — почти везде бывшее богатство

было аккуратно снято со стен вместе с дубовыми панелями, шелковыми гобеленами и бронзовыми светильниками. Голые стены, от пола до потолка, грубый дощатый пол — вероятно, чтобы умалишенные ничего в припадке не попортили.

Зато комната, куда их в конце концов привели, сохранила прежнюю роскошь и даже, вероятно, приумножила. В комнате обнаружился невысокий седой старичок с красными прожилками на носу — он раскричался, досадуя на слуг, которые привели «безумцев» не в смотровую, как было велено, а прямо в кабинет...

Паренек, Иренин спутник, ежился и втягивал голову в плечи.

Смотровая оказалась мрачным залом с вмонтированными в столбы железными кольцами, деревянными скамьями у стен и каменным колодцем посередине; Ирена поджала губы. Кто чего боится — то с тем и случится. Зря Семироль насмехался над ней, считая трусихой. В предыдущей МОДЕЛИ для Ирены нашлось ретивое правосудие, а здесь, по-видимому, тюрем нет, зато найдется кое-что поэкзотичнее...

Впрочем, все оказалось вовсе не так трагично.

Старичок с прожилками на носу оттянул веко слабоумному парнишке, жестким пальцем ткнул ему куда-то под ребра и, когда парнишка дернулся, удовлетворенно кивнул:

— Пойдешь дрова рубить...

На Ирену лекарь кинул только один мимолетный взгляд. На лицо — и на округляющийся живот.

— Прясть, ткать обучена?

Ирена покачала головой.

— Убирать будешь...

Десять минут спустя ей пришло в голову, что следовало похвалиться грамотностью и напроситься тем самым на работу почище. Но подходящий момент давно миновал, носатый старичок ушел, а Ирена легко и без проволочки оказалась зачислена в нестройные ряды здешних обитателей — убогих рассудком...

— Пахнет... еда, — восхищенно сказал слабоумный парнишка.

По просторным коридорам действительно разносился густой, сытный запах не особенно изысканной, но наверняка жирной и плотной пищи.

ГЛАВА 11

«Приют для убогих» вмещал в себя самую разнообразную публику, и каждый из его узников-обитателей был убог по-своему. Кроме сумасшедших, к которым теперь относилась и Ирена, здесь было несколько беспомощных стариков, пара калек, горбатый кар-

лик с печальными глазами и человек десять ребятишек-сирот, в разное время подобранных под разными плетнями.

Все они жили вместе, и свобода их ограничивалась только забором. Ну и, разумеется, природным «убожеством» каждого — так, например, колченогий мужичонка Лобз не мог самостоятельно спуститься с высокого крыльца, а бедная умалишенная Флея верила, что сидит в железной клетке три на три шага, и никогда не распрямлялась в полный рост — чтобы не удариться о воображаемые прутья... Некто Горох, широкоплечий крестьянин с повадками императора, время от времени принимался насаживать в приюте жесточайшую и бессмысленную диктатуру — но после нескольких розданных Горохом оплеух и какой-нибудь показательной порки тирана настигало вездесущее Провидение. Сраженный новой внезапной хворью, он надолго исчезал со двора, отлеживался где-то в дальнем углу, и всякий раз ему было все труднее оклематься, и всякий раз его товарищи надеялись, что он не оклемается вовсе...

Постоянного персонала в приюте не было. Ежеутренне ворота открывались, пропуская двух-трех хмурых добровольцев, иногда знакомых, но чаще новых. Добровольцы разбредались по дому в поисках работы, носатый старичок, исполняющий обязанности директора и главврача, направлял их. Брезгливо морщась, работнички прибирали за немощными, не встающими с соломенных тюфяков, утирали сопли слабо сопротивляющимся детям, стирали и мыли, помогали колченогому Лобзу спуститься с крыльца — словом, исполняли всю рутинную, порой исключительно грязную работу.

Никому за это не полагалось ни гроша — расплачиваться предстояло Провидению...

Те из добровольных помощников, кто «искупал» по самому большому счету, месяцами жили тут же, во флигеле. Почти все «убогие» панически боялись их — отнюдь не потому, что рисковали получить подзатыльник.

«Искупанты» никогда, за редчайшими исключениями, не трогали «убогих» даже пальцем — тем не менее никто, кроме Гороха в периоды обострений, не рисковал приблизиться к ним по доброй воле. Ирена скоро поняла, почему...

С того самого момента, как верховный Толкователь исчез в боковом коридоре, напоследок показавшись ей в случайном рассеянном свете, — с этого самого момента все происходящее с ней как бы потеряло смысл. Цель — добраться до Анджея Кромара — снова отодвинулась в неопределенную мутную даль, зато загадка — что написано в осужденном властями «Раскаявшемся» — казалась куда важнее реально происходящих событий. И когда Ирене указали

ее место — на тюфяке, на чистой соломе, — она безропотно кивнула головой. Все, что происходило, случилось не с ней.

Впрочем, условия жизни в бывшем богатом доме были, пожалуй, даже получше, чем в той ночлежке, где Ирене и Реку довелось провести последнюю ночь перед визитом к Толкователям. «Убогие» ели досыта — в приют регулярно доставлялись богатые пожертвования. Чистота, несмотря на специфические особенности заведения, заслуживала всяческих похвал, и Ирене вовсе не пришлось, как она боялась вначале, изнурять себя грязным трудом. Добровольцы-уборщики старались изо всех сил, ведь иначе их заслуга перед Провидением могла быть обесценена!..

«Приют для убогих» был той отдушиной, той разменной монетой, с помощью которой даже убийца, заранее и до мелочей спланировавший свое злодеяние, мог рассчитывать на компромисс со всевидящим Провидением.

Объектом для доброго поступка служили самые благодарные потребители бескорыстия — калеки, сумасшедшие и дети. Нечистые на руку торговцы, уличные воришки и даже обыкновенные разбойники «отмывали» свои прегрешения, подтирая блевотину, вынося горшки и купая парализованных старух. И время от времени важные слуги приносили в корзинах пожертвования от Высокой Крыши. И широкоплечие молодцы, по виду стражники, послушно кололи дрова, подметали двор и чистили выгребную яму...

В их же обязанности входило охранять ворота и содержать в необходимой свирепости сторожевых собак. «Убогие» ни в коем случае не должны были разбежаться — вероятно, их охраняли для их же пользы...

Ирена усмехнулась.

У нее не было времени, чтобы всему стать свидетельницей и до конца постигнуть законы жизни приюта. Зато ей повезло — в первый же день для нее нашелся приятный собеседник; спустя совсем недолгое время ей показалось, что, познав мир «убогих», она поймет эту МОДЕЛЬ в целом...

Скорее всего, она ошибалась.

* * *

Старик с лютней проводил время в углу двора, в относительно спокойном и теплом месте — солнечные лучи являлись сюда рано утром и не уходили до полудня. Старик перебирал струны и негромко ныл песни, без мелодии и без размера, необыкновенно занудные, но обладающие странным магнетизмом — во всяком случае, для Ирены.

— Да... Я читал «Раскаявшегося». Рассказать тебе?.. Нет. Нет,

не боюсь... Но смогла бы ты пересказать, как льется, к примеру, вон та вода?..

Из шланга, ведущего от насоса, толчками вырывалась тугая блестящая струя. Пузатая бочка мало-помалу наполнялась — кто-то из вольнонаемных уже возился, разводя под ней огонь. Будет теплая вода для купания...

Странное дело. В большом, внешнем, «оригинальном» мире рассказы Ирены не удостоились даже номинации на Серебряный Вулкан. В МОДЕЛИ номер один это были уже весьма достойные вещи — вон Семироль под впечатлением от них принимал решение об Ирениной жизни и смерти... А здесь, выходит, опальная сочинительница Хмель попала едва ли не во властительницы дум.

Случайность или злая шутка Анджея Кромара?

— Расскажи, Музыкант.

— Не смогу...

Ирена вздохнула. Старик умел быть феноменально упрямым.

— Хорошо... А что ты сделал Провидению такого, что оно наказало тебя?

Старческие веки приподнялись, открывая большие выцветшие удивленные глаза:

— А разве я наказан?

Ирена помолчала. Предположила осторожно:

— По-моему, да... Если бы ты не был наказан, то жил бы в своем доме, среди детей, внуков и внуков детей...

Старик неопределенно хмыкнул.

Тощая девочка лет десяти — сколько ни корми, а все тощая и тощая! — подобралась к бочке, чтобы украдкой потрогать воду. Закатала рукав, сунула руку по локоть, довольно улыбнулась; тот вольнонаемный, что заведовал баком, обернулся от поленницы. Ни слова не сказал, просто обернулся; девчонку будто отбросили, спотыкаясь, она отбежала от бочки в противоположный конец двора и остановилась там, плаксиво морщась, вытирая мокрую руку о подол платья...

В глазах добровольного помощника сирот было столько гадливой ненависти, что даже Ирена, поймавшая этот взгляд уже на излете, невольно вздрогнула.

Вспомнились изогнутые брови Река. «Торговцы»...

Вспомнился и лавочник, из чьих цепких доброжелательных лап ее вызволил бескорыстный рыцарь. «Провидение учит отчаявшихся — утешать, бездомных — привечать, беременных — оберегать... Байстрюка вашего в хороший приют отдадим. Ну, пошли...»

Тощая девочка все еще стояла у забора напротив.

«Провидение учит — ежели кто добра своего не понимает, так наставлять деликатно либо втайне добро делать... А втайне не получается. Не дергайся, кому говорят? Спасибо потом скажешь... А то гляди, спросит с тебя Провидение — за неблагодарность...»

— Погоди, Музыкант...

Она поднялась. Прошла через двор, остановилась в шаге перед девчонкой. Чем-то девчонка напоминала Река — такая же светловолосая, и даже брови, страдальчески сведенные над переносицей, изгибались «тильдой»...

Ирена заколебалась. Девочка смотрела напряженно и неприязненно.

— Чего же ты испугалась? — Ирена опустилась на одно колено, так, что ее лицо оказалось чуть ниже девочкиного.

И положила руку на белобрысую стриженую макушку. Жест дался ей не так просто — она в жизни не гладила ничьих детей, считая это дурным тоном. Слащаво и фальшиво; если ты не мама — зачем тянешь руку?!

Но эту девчонку, вероятно, никто и никогда не гладил по голове. А если и гладил — то с обязательной надеждой получить мзду за проявленную доброту. Торговцы... Торговцы...

Девочка на секунду замерла. На мгновение; Ирена и глазом не успела моргнуть — а подопечная уже бежала к дому, высоко подбирая подол, чтобы не путался под ногами...

Каким девчонка видела мир — Ирена не могла себе представить. А однажды попытавшись, ужаснулась и тут же отказалась от попыток...

— Что смотришь, Музыкант?

— Чудная ты.

Ирена невольно усмехнулась:

— Не чуднее тебя...

— Чуднее. — Старик неохотно отложил лютню. — Ты скажи мне, госпожа... Что тебе так дался этот «Раскаявшийся»?

Солнце стояло в зените. Еще немного — и забор потемнеет, солнце уйдет на противоположную его сторону, туда, где почти уже воля, туда, где бегает, непривязанный, теленок-волкодав...

— Я сумасшедшая, — сказала Ирена как можно равнодушнее. — Что, и спросить нельзя?

Лютнист улыбнулся краешком рта:

— Спросить-то можно...

Коренастый крепыш с неопределенного цвета бородой — он жил во флигеле, если верить Музыканту, вот уже четвертый месяц — на руках вынес из дома умалишенного, наполовину парализованного старика. Никто не знал, как звали этого человека прежде, — для всех его имя было раз и навсегда Гнойник. Если вольнонаемный не находил за собой особо тяжкой вины перед Провидением — он всячески избегал возни с Гнойником, но если,

подобно крепышу-разбойнику, имел на совести человеческую жизнь, а то и не одну — что ж, купание Гнойника было той самой миссией, за которую Провидение простит что угодно...

Бедняга боялся. Закрывал глаза ладонью. Втягивал голову в плечи; его усохшие ноги казались мертвыми ветвями колдовского дерева.

Коренастый, презрев чужую помощь, одну за другой стягивал со старика его серые тряпки, и лицо у него было такое, будто приходится голыми руками разделывать гнилую коровью тушу.

Из дома стайкой вышли дети. Сели в углу двора, кружком, но не касаясь локтями. Не обращая ни малейшего внимания на происходящее, затеяли игру в камушки...

— Музыкант... А ты веришь в Создателя?

Лютнист молчал.

— Если бы, вообрази на секундочку... Если бы ты был Создателем и решил смодели... создать... мир... Ты мог бы обойтись без Провидения?

Болезненно вскрикнул Гнойник. Коренастый мыл его, как кусок дерева.

Видимо, Провидение спросит с добровольного санитара исключительно за результат...

Музыкант поднял голову. Поймав его взгляд, Ирена нахмурилась:

— Что?

— Примерно о том же писала сочинительница Хмель, — неохотно проговорил старик. — Сельский мальчик подслушал, как ящерица и хамелеон ведут спор, ящерицу звали Милосердие, а хамелеона — Раскаяние... А потом в спор их вмешался Создатель.

Коренастый закутал дрожащего Гнойника в кусок чистого полотна и понес в дом — с чувством выполненного долга. Гнойник по-стариковски щурился, глаза его слезились, то ли от холода, то ли...

— Создатель? — механически переспросила Ирена.

Музыкант хихикнул:

— Госпожа Хмель дала Создателю имя...

Вдоль забора шел, неумело помахивая метлой, чистенький юноша явно благородного происхождения. Чем-то провинился отпрыск славного рода, обстоятельства потребовали срочного реверанса перед Провидением, и вот юнец зарабатывает поощрение, убирая за убогими, хотя даже легкая метла мозолит ему пальцы...

Юнец двигался равномерно и слепо, как мусороуборочная машина. Ирену рассмешило это сравнение; приблизившись к старику с лютней, сидящему прямо на траве, и расположившейся рядом сумасшедшей беременной бабе, подметальщик приостановился.

Сделал красноречивое движение метлой — убирайтесь, мол, не мешайте процессу искупления...

Музыкант, кряхтя, поднялся.

— Имя Создателя? — переспросила Ирена с привычным опозданием.

— Посторонись, — хрипловато сказал юнец.

Ирена не шевелилась. Напряженно сведя брови, она снизу вверх смотрела на лютниста:

— Имя Создателя?

Подметальщик шагнул вперед, его нежное безбородое лицо перекосилось брезгливой ненавистью:

— Подними задницу, потаскуха рехнутая!

И замахнулся метлой. Не собираясь, конечно же, бить — просто отгоняя помеху, как сгоняют с огорода обсевших его ворон...

Музыкант уже брел к дому, лютня в его руках едва не касалась земли.

* * *

На другой день Провидение преподнесло всем жестокий урок.

Колченогий Лобз поскользнулся в коридоре, упал и угодил виском на железный штырек, когда-то поддерживавший здесь ковер. Смерть наступила мгновенно; все, исключая разве что парализованных и сумасшедшую Флею, сбежались к месту происшествия, молча и вслух гадая, за что наказало бедного Лобза справедливое Провидение.

Сразу же выяснилось, что Лобз упал потому, что пол в коридоре был надраен и чрезмерно натерт воском. А навощил его — из наилучших побуждений — тот самый юный «искупант», что замахивался на Ирену метлой.

Таким образом, юнец оказался повинен, хоть и косвенно, в человеческой смерти...

Из приюта послан был гонец — надо полагать, к юнцову папочке.

Мальчишка, смертельно боящийся расплаты Провидения, дважды подряд вымыл несчастного Гнойника и в конце концов полез на крышу — починять черепицу. А так как черепицу он до тех пор видел только издали и лазал куда-то исключительно под присмотром учителя гимнастики, то стоит ли удивляться, что уже через полчаса он сорвался, оборвал своим весом плохо закрепленную страховку и рухнул на крыльцо, сломав руку и ногу?..

Ирена держалась в стороне от общей суеты. Ей запомнилось лицо мертвого Лобза, которого зашивали в мешковину, — равнодушное, очень усталое лицо. И покрытая испариной физиономия

юного аристократа — он ошалел от боли и от свалившихся на него несчастий и даже не стонал, а только удивленно таращился на обступивших его людей, в то время как вольнонаемные санитары рассуждали о руке Провидения, которое, по-видимому, рассчиталось с юношей сразу за все его грехи...

К вечеру под воротами объявилась карета, запряженная четверкой вороных. Юношу увезли в родное имение — Ирена искренне надеялась, что он не останется инвалидом на всю жизнь; колченого Лобза вынесли за ворота в мешке и похоронили где-то неподалеку. И хотя оба были овеществленными фантомами, подопытными существами без прошлого и без будущего, Ирена чувствовала себя скверно.

Старый Музыкант тем временем впал в депрессию. Сидел на обычном месте, под забором, нудел свои песни и не реагировал на внешние раздражители. А значит, Ирена еще не скоро узнает, как звали Создателя в ее же собственном рассказе про «Раскаявшегося» и что сказала ящерица по имени Милосердие хамелеону по имени Раскаяние...

Ирена поймала на себе чужой взгляд и обернулась.

В нескольких шагах стояла белобрысая стриженая девочка. Смотрела странно — не то с опаской, не то вопросительно.

* * *

Ночь прошла плохо, следующий день начался и того хуже — вылез откуда-то тиран Горох, оклемавшийся после очередного удара судьбы, и принялся бродить среди «убогих», зыркая, бормоча, понемногу разогревая себя, — вероятно, ему казалось, что он — император, бродящий среди вконец распустившихся слуг, и, несмотря на аристократизм и кротость нрава, ему придется собраться с духом и положить распущенности конец...

— ...Поди сюда!

Слабоумный парнишка по имени Зуб, тот самый, что попал в приют одновременно с Иреной, подошел, виновато улыбаясь.

— Сучонок... — протянул Горох, и голос его был почти что ласковым. — Порядка не знаешь, сучонок? Закона не знаешь?

Зуб моргнул редкими ресницами.

Гениальная интуиция сумасшедшего Гороха безошибочно указала ему на жертву — самую слабую, самую подготовленную для предстоящей роли. Для того, чтобы подчинить Зуба, даже не придется особенно гневить Провидение...

Ирена не стала на это смотреть. Повернулась и ушла в дом.

В коридоре — после гибели колченого весь воск с пола соскребли начисто — ждала ее белобрысая девчонка.

Сама не думая, зачем, просто повинуясь внезапному побуждению, Ирена положила руку ей на макушку.

Девчонка не увернулась. Глаза ее стали бессмысленными. Соловыми, как от сильного наркотика. Она привстала на цыпочки — как бы желая удержать Иренину руку...

Наверное, впервые в жизни девчонка поймала ласку ради ласки. Не ради возможного вознаграждения...

Другое дело, как она это учуяла. Каким нюхом?..

Впрочем, Ирена и без того знала, что выделяется среди прочих, как альбинос в вороньей стае. Это сразу увидел Рек, это моментально понял Музыкант, странно, как не успел понять этого верховный Толкователь...

Впрочем, самым безопасным местом для нее оказался приют «убогих». Возможно, следует затаиться, подождать, пока моделятор вконец разочаруется в своей гениальной МОДЕЛИ и вспомнит о бывшей жене, неудавшейся лазутчице...

Если он вспомнит. Если он еще жив, если он еще здесь, если бесконечный колодец МОДЕЛЕЙ не затянул его подобно воронке...

Возможно, каждая следующая МОДЕЛЬ безумнее предыдущей и более ограничена в пространстве. В конце концов он смоделирует клетку, как у сумасшедшей Флеи, и окажется запертым в ней в компании совершенно фантастических, бредовых существ, подчиняющихся непознаваемым законам...

Хотя нет. Анджей всегда знал, что и зачем делает. Не прав Петер, полагающий, что ошеломительный успех моделятора, успех, обернувшийся поражением, стал неожиданностью для самого господина Кромара...

В печальных размышлениях прошла и эта ночь.

Утром ворота распахнулись, пропуская очередную партию добровольных помощников, и первым вошел стройный крестьянин с сосредоточенным тонким лицом и изогнутыми «тильдой» бровями...

Бескорыстный рыцарь Рек по кличке Шиповник.

* * *

За поленницей дети играли в некое подобие чехарды — без улыбок, деловито, будто выполняя ответственную работу. Музыкант перебирал струны своей лютни; Ирена сидела рядом и смотрела, как Рек, подражая крестьянской манере двигаться, разгружает телегу посреди двора.

Телега пришла из-под Высокой Крыши. Несколько мешков муки, окорока, колбасы, масло, даже вино — щедрая жертва долж-

на была покрыть творимые под Крышей грехи. Калеки и сироты будут жевать лепешки, а власть получит некоторую свободу действий — не бывает власти без принуждения, но не расплачиваться же собственными костями за каждый подписанный указ...

Подражатель из Река был никудышный. Наверняка в нем уже раскусили переодетого аристократа — но что же, здесь, в приюте, ряженые появляются чаще, чем где бы то ни было...

А вот бескорыстных рыцарей здесь не бывает.

Бескорыстные не нуждаются в выслуге. Бескорыстные имеют право на бескорыстное добро — а вовсе не на безнаказанное зло...

Ирене захотелось сесть за компьютер. Или добраться, в конце концов, до ручки и листа бумаги, она уже знает, как писать рассказ «О раскаявшемся», знает, какое имя дать Создателю — не Анджей, конечно, и не Кромар, это было бы прямолинейно, но когда-то, во времена их щенячьей влюбленности, у нее было обыкновение называть его «Андрусь»...

...Беседуют ящерица и хамелеон. Хамелеона зовут Милосердие, а ящерицу Раскаяние... Или наоборот? Стоп, стоп. Рассказ называется «О раскаявшемся», а кто раскаялся-то, неужели Создатель?!

Рек мимоходом на нее взглянул. Близился вечер; еще полчаса — и работы будут свернуты, «убогих» позовут на ужин, приходящих работников выдворят за ворота... А это значит, что...

Она в изнеможении закрыла глаза.

Сегодня будет побег. Сегодня она покинет приют. Сегодня... Кажется, что вырваться за двойной забор означает вернуться домой. Добраться до компьютера, написать рассказ за одну ночь, подать в номинационную комиссию Серебряного Вулкана... Ну на кой он ей сдался, этот Вулкан?!

— Что с тобой? — негромко спросил Музыкант.

Она вздрогнула. Старик вот уже несколько дней молчал — у него началось обострение...

— Ничего...

— Я вижу...

Ирена отвернулась:

— Мечтаю о Серебряном Вулкане... Сумасшедшая я. Тебе-то что?

Музыкант вздохнул:

— Тебе бы... Темного Толкователя. Надо бы...

— Кого? — Ирена нахмурилась.

— Темного... Толкователя. Того, что учит людей, как от Провидения уклониться... Говорят. А может, врут все... Кто он тебе, тот парень?

— Какой? — снова спросила Ирена, и вопрос прозвучал нарочито глупо.

— Который телегу разгружает...

Ирена обмерла. Вот оно что; тщательная конспирация приводит к тому, что помыслы ее видны как на ладони...

Ирена открыла рот, на ходу пытаясь придумать ответ, но в этот момент в ворота застучали снаружи. Настойчиво, едва ли не грубо; дружно залаяли собаки.

Носатый старичок выбрел на крыльцо. Скользнул взглядом по двору, по повозке, по работнику Реку с мешком на плече; кивнул двум охранникам, выглянувшим из флигеля, и с недовольным видом направился к воротам.

Музыкант взял причудливый, длинно звучащий аккорд.

Время было внеурочное. В такой час пожертвований не принимали, рабочую силу не пускали и новых постояльцев, соответственно, тоже...

Ирена видела, как Рек побледнел под слоем загара и пыли.

— Кто там? — спросил старичок, приоткрывая смотровую щель.

Ответа Ирена не слышала, но старичок вздрогнул, нахмурился, жестом велел охранникам убрать собак. Ворота заскрипели и отворились.

Ирена обнаружила, что стоит за спиной у Река. И что Рек странно держит руку — будто придерживая нечто висящее под курткой на боку...

Вошедших было двое, они были не «искупанты» и не потенциальные «убогие». Оба в черном, в шляпах с перьями, у старшего в опущенной руке имелся казенного вида свиток с печатью.

— Приказано тебе выдать, лекарь, женщину, умом тронутую, чревом в тягости, что была доставлена тебе десять дней назад из дворца Толкователей на содержание и лечение... Вот.

И протянул носатому бумагу. Тот принял ее дрогнувшей рукой, помедлил, обернулся...

Носатый лекарь все еще оборачивался. Ирена все еще пыталась вздохнуть.

Ясно же, что ни с кем не спутают. И вспоминать не придется, кто такая да когда привезли — ее особая примета выдает сразу и с головой.

Вернее, с животом...

Рек перемахнул через повозку. В руках у него непонятным образом оказался кинжал; люди в черном шарахнулись. Они явно не ожидали такой встречи, но и реакция у них была побыстрее Иреиной...

Кто-то из «убогих» испуганно закричал. Глухо звякнула лютня.

Заливались лаем псы.

— Закройте ворота! — властно рявкнул тот из гостей, что принес свиток с печатью. — Закройте, живо!

И он, и его напарник были вооружены тяжелыми шпагами. Странный белобрысый крестьянин с повадками фехтовальщика оказался между двумя остриями вместе со своим кинжалом.

Убийство «при исполнении» — не убийство?

Грехи подчиненных искупает Высокая Крыша? Может быть, искупает наперед и на той телеге, к борту которой прижмут сейчас Река, сложена плата за его вынужденно пролитую кровь? Мука, мясо, масло для убогих?!

— Не гневи Провидение, — сказал тот, что принес свиток. — Брось оружие... бескорыстный.

Рек молчал. Ирена не видела его лица; о чем он сейчас думает? О женщине, с которой его ничего в общем-то не связывает, кроме разве что нескольких рассказов? О самих этих текстах, «О рыцаре, который совершал зло, чтобы оставаться бескорыстным»?!

А вот любопытно, отстраненно подумала Ирена, кто из обнаживших оружие совершает сейчас зло — а кто благо? Совершенно невозможно понять.

Рек отстаивает интересы Ирены — а двое со шпагами, возможно, интересы государства...

Пока она думала, Рек прыгнул.

Двое его соперников были классными фехтовальщиками. Движения бойцов оказались неподвластны медленному Ирениному восприятию.

Рек, кажется, подловил одного из противников на слишком широком выпаде. Поднырнул под клинок, поймал нападавшего за руку; раздался сдавленный крик. Шпага летит вниз, но не долетает, Рек подхватывает ее в сантиметре от земли...

Обезоруженный враг отступает. Глаза белые — не иначе Рек ему руку сломал...

Ирена прозевала атаку второго Рекового противника. Размазанные в воздухе движения, доля секунды...

Человек в черном вильнул, уходя от выпада, выругался коротко и грязно, превосходящей массой отбросил рыцаря так, что тот спиной ударился о телегу. Не в интересах черного было устраивать здесь турнир.

Он представитель власти; сейчас запрут ворота и...

Несколько событий случилось сразу.

Охранники спустили собак, и свирепые псы, не разобравшись, кинулись на всех подряд. Завизжали, разбегаясь, дети; Музыкант в своем углу неумело заслонился лютней, он не умел быстро бегать, Ирена молила неизвестно кого, чтобы собаки не сочли его достойной добычей...

Носатый лекарь нечленораздельно завопил. Ему не подчинились ни псы, ни охранники; кто-то из вольнонаемных оборонялся, размахивая палкой, кто-то схватил топор.

Высоко на заборе — как только сумела взобраться?! — сидела беловолосая девочка и не сводила с Ирены испуганных, умоляющих глаз.

Всеобщая паника подействовала на императора Гороха, как инъекция адреналина. Ревя о законности и порядке, он ворвался на поле битвы, со странной яростью набросился на мешок муки, не сгруженный с телеги, и разорвал его голыми руками.

В воздух взметнулась белая пыль.

— Госпожа Хмель!!

Рек стоял в воротах. В одной руке у него была шпага, другую он протягивал Ирене.

Путь ей преграждал человек в черном. Ирена с удивлением глянула на свои руки — они были в муке по локоть, со стиснутыми белыми кулаками...

Лицо того, что преградил ей путь, залито было кровью из неглубокой раны на лбу.

Не раздумывая — по наитию — Ирена сыпанула ему в глаза содержимым стиснутых кулаков. Кровь и мука... Хорошенькое тесто.

И, уже почти дотронувшись до протянутой руки рыцаря Река, она обернулась на Музыканта.

Да, он слышал. Кто-то, может быть, и пропустил мимо ушей, но старый сумасшедший все слышал — «госпожа Хмель»...

С трудом выпустив его потрясенный взгляд, она бросилась в ворота.

За ее спиной оставались паника и сутолока, охранники, ловящие псов, носатый лекарь, держащийся за сердце, император Горох, сражающийся с окороком, вольнонаемные, превратившиеся в карательный отряд санитаров, двое людей в черном — оба ранены, но вполне еще могут организовать погоню...

И белобрысая девочка на заборе. Десятилетняя девочка, которую больше никто и никогда не погладит «за так».

* * *

Ночь провели в лесу, в специально оборудованном тайнике. Ночевали без огня и практически без сна. И почти без слов.

Что же дальше, хотела спросить Ирена, но у нее не поворачивался язык. Бескорыстный рыцарь и без нее понимал, что дела их в общем-то не особенно хороши.

...Но и не трагически плохи. Здесь нет полицейских постов, паспортной системы, компьютерной сети... В принципе, наняв-

шись работницей на какой-нибудь зажиточный крестьянский двор, можно легко выпасть из поля зрения Высокой Крыши...

— Ведь это Высокая Крыша меня... ловит?

— Высокая Крыша преследует сочинительницу Хмель уже очень давно, — устало сообщил рыцарь. В его голосе была едва ощутимая укоризна: что, мол, дурочкой прикидываться?..

— У меня есть дом, — сказала она после паузы. — У вас есть лошадь... Мы могли бы... День пути — и мы доберемся...

Рыцарь вздохнул.

Вероятно, местонахождение ее дома было известно преследователям. Вероятно, они наведывались туда в Иренино отсутствие... И Ирене с Семиролем просто повезло, что, вывалившись из МОДЕЛИ номер один в МОДЕЛЬ номер два, они не застали в прихожей людей в черном, не ознакомились тут же со свитком, заменяющим ордер на арест...

Семироль. Семироль...

— Я нашел его для вас, — глухо сказал Рек.

Ирена помолчала. Потом дернулась:

— Что?!

— Нашел экземпляр рассказа «О раскаявшемся»... Наверное, один из последних. Вот, возьмите...

Движение в темноте. В руку Ирене лег тугой рулон бумаги. Будто кусок обоев...

Она подавила дрожь.

— Спасибо, Рек...

Она не знала, за что благодарит. Наверное, все-таки за рассказ.

Потому что даже благодарность за спасение здорово уступала этой внезапной радости, этой внезапной вере, что уж теперь-то все будет хорошо, она поймет, она найдет ключ к этому миру, разыщет Анджея...

Вернется домой...

«Наверное, один из последних». Они способны уничтожить ее рассказ, полностью, все экземпляры... Следует запомнить текст — слово в слово, чтобы потом воспроизвести...

Потом. Для номинационной комиссии Вулкана.

Ирена усмехнулась, и хорошо, что Рек этой усмешки не видел.

Развернула свиток. Света звезд хватило, чтобы понять, что текста совсем немного.

— Рек... Огниво, свечка... фонарик... что-то есть?

Он вздохнул:

— Госпожа...

Она стиснула зубы. Понятно. Надо дожидаться рассвета.

* * *

На рассвете в лесу сделалось чуть не по-зимнему холодно. Во всяком случае, Ирене так казалось. Возможно, причиной ее дрожи были нервы, сырость, бессонница — как бы то ни было, но «сочинительницу Хмель» трясло, как в лихорадке, и Рек забеспокоился, плотнее укутал ее одеялом, лег рядом, пытаясь согреть...

— Верховный Толкователь... — пробормотала она сквозь лязгающие зубы, — вот черт, как бы язык себе не откусить... Верховный Толкователь оказался вовсе не тем, кого я... ищу... Он просто верховный Толкователь. Он... кукла...

— Верховный Толкователь — кукла? — после паузы спросил рыцарь.

Неподалеку, на поляне, паслась невидимая в темноте лошадь.

Ирена вздохнула:

— Рек... Кто такой... Темный Толкователь?

Рыцарь молчал. Плотнее прижал ее к себе; она ощущала телом пряжку на его поясе, шнуровку на его куртке, мышцы, твердые, будто каменные...

— Рек... Понимаете. Я ищу человека, который... мог бы держать в руках ниточки этого мира. Который... Это не верховный Толкователь, нет. Не герцог... наверное. Кто?!

— Создатель, — с коротким смешком предположил Рек.

— Создатель, — эхом отозвалась Ирена. — И что обидно, он может оказаться кем угодно... тренером местной... футбольной команды... Извините, Рек. Я говорю глупости...

Небо серело. Еще немного — и можно будет развернуть свиток. Прочесть наконец текст, из-за которого и в этом патриархальном, как бы средневековом мире скромной женщине нет покоя...

Она осторожно высвободилась. Села. В лесу запели первые птицы.

Ирена лишний раз убедилась, что рассвет — лучшее время суток, как жаль, что в своей жизни она так редко видела рассветы, так поздно ложилась спать и вставала, когда солнце давно поднялось...

Потянулась к вещам Река. Выудила из дорожного мешка свиток, внутренне трепеща, развернула...

Если поднести текст к носу — можно разобрать буквы. Во всяком случае, первая — любовно выписанная огромная красная витая буква «к»... «Как-то... раз...»

Она опустила глаза к концу текста. Да, вот она, подпись... «Сочинительница Ирена Хмель», и ее собственный росчерк, кем-то старательно скопированный с оригинала...

Рек сел рядом. Толчком, будто внутри него резко сократилась пружина.

— Слышите?

Она захлопала глазами. Далеко в лесу... Да. Звуки рога, а потом и собачий лай...

— Охота? — неуверенно спросила Ирена.

Рек — его лицо понемногу проявлялось в расступающихся сумерках — поджал тонкие губы:

— Да, охота... на нас с вами, сочинительница Хмель.

* * *

...Да. Еще пара месяцев — и ей станет трудно двигаться. Пока еще ничего... Но при мысли о том, что придется остаться здесь, родить упыреныша на соломке, а потом воспитывать его... как крестьянского мальчика... или даже как незаконнорожденного аристократа, бастарда... при одной этой мысли у нее либо безвольно опускались руки, либо, вот как сейчас, просыпалась исступленная жажда действия...

Лес все не кончался. Рек шел впереди, ведя лошадь под уздцы.

Вероятно, место их ночлега уже обнаружено... А интересно, за преследование неповинной беременной женщины Провидение никак не наказывает? Или эти, что идут сейчас по их с Реком следам, загодя откупились пожертвованиями, подарками сиротам, безвозмездной службой в больнице или приюте?..

А может быть, по меркам здешнего Провидения, виновна как раз она, злонамеренная сочинительница, и те, кто идет следом, исполняют роль санитаров общества? И Провидение их еще и наградит?!

Лес поредел. Рыцарь обернулся:

— Сейчас выйдем... Надо будет через реку... Там дорога... склон крутой...

Ирена кивнула.

Стоило остановиться на минутку... всего на минутку. И прочитать рассказ «О раскаявшемся». Ей хотелось сделать это с того самого момента, когда над горизонтом поднялось солнце, так светло и удобно читать, но вот беда — времени нет ни минуты...

Надо идти вперед, иначе содержание рассказа придется излагать палачу... с объяснениями и дополнениями «от автора»...

Лес расступился.

Да, склон крутой. Это уже предгорья; Ирене даже показалось, что она узнает местность. Как будто нечто похожее ей доводилось видеть из окна машины, мельком, проезжая мимо на благоразумной скорости шестьдесят километров в час...

Из-под лошадиных копыт падали камни. Летели, задевая о склон, плюхались в воду... Потому что по дну оврага тек ручей, даже скорее маленькая речка.

Когда-то они с Анджеем целый день строили на таком вот ручье запруду. И запрудили, и в результате получили лягушатник три на три метра, с уровнем воды Ирене до подбородка... И минут двадцать играли надувным мячом в водное поло, пока не пришел лесник и не устроил разнос, пригрозил штрафом, потому что, оказывается, от подобной запруды нежной природе страшный вред...

— Осторожнее, госпожа Хмель... Ирена...

Она и без того старалась ступать как можно легче.

...И пришлось запруду, с таким трудом построенную, самим же и разбирать... Поздней ночью, вернувшись к себе в палатку, продрогшие и голодные... они выпили с горя две бутылки густого крепленого вина... вдвоем... причем Ирена пила наравне с Анджеем... а наутро...

Она пошатнулась. Ухватилась за ветку счастливо подвернувшегося куста.

Тропинка вела вдоль берега, и берег становился все круче и выше, а ручей внизу окончательно оказался речкой, и глубина там, судя по вот этим нехорошим водоворотам на поверхности...

И вода холодная.

— Долго еще, Рек?

— Сейчас выйдем к мосту...

Он не договорил.

Лошадь оступилась. Забила копытами, обрушивая целые пласты песка и глины, на глазах у Ирены и Река сползла ниже, еще ниже, проехалась брюхом по камням...

Да, вода была холодная. Во всяком случае, лошадь выкатила глаза так, будто свалилась в кипяток... Брызги поднялись чуть не вровень с берегом. Лошадь била копытами уже в воде, имитировала движения пловца, в то время как вода, изо всех сил толкая тяжелое тело, увлекала лошадь все дальше, дальше, вперед...

Ирена смотрела, разинув рот. Лошадь плыла; вместе с ней плыли седельная сумка и дорожный мешок, в котором...

Ирена застонала. Взялась руками за щеки и села на тропинку.

— Вперед!..

Совсем рядом оказалось белое, яростное лицо Река.

— Вперед, если не хотите...

Из-под ног сыпались камушки. Плывущая лошадь уже скрылась за поворотом; чего ей — выберется. Кому-то из крестьян повезет, прибудет имущества, если, конечно, лошадь Река не выучена по-собачьи лаять на чужих и преданно разыскивать хозяина...

Хотя для «Раскаявшегося» разницы уже нет. Все едино...

Она заставила себя подняться и продолжать путь.

Жизнь не кончена. Но отыщется ли другой экземпляр?..

* * *

Мост был, как сиротская радость, — узенький и хлипкий. На двух канатах, на одной подгнившей свае, дойди лошадь до этого моста — так и так пришлось бы в воду прыгать...

— Не глядите вниз...

Ирене была приятна забота Река — и немножко смешна. Она совершенно не боялась бегущей воды; этот мир, мир второй МОДЕЛИ, по мере знакомства с ним казался все мельче, все жальче, все игрушечнее...

Этот мир обманул ее. Первое впечатление оказалось ошибочным.

Колодец на дороге, живой колодец с живой водой, будто пасть *доисторического чудовища... Декорация. Картон. Единственное*, что в этом мире подлинно и действительно чудовищно, — так это их Провидение, кнут и пряник, неотрывно висящий над головой у каждого...

Интересно, а как герцог завоевывает благосклонность Провидения?

Если, к примеру, случилось дать пощечину слуге? Отказывается за обедом от сладкого, жертвует свой компот в пользу детского дома?..

А симпатяга Рек думает, что она боится хлипкого моста, высоты в три метра и быстрого течения...

Под ногой у нее проломилась дощечка. Ирена зашипела, судорожно вцепившись в перила.

— Рек, кто отвечает за состояние этого моста?

— Что?

Шум воды перекрывал слова.

— Тут вообще кто-то ходит? — спросила она в сердцах.

Рек не расслышал.

Противоположный берег был куда более удобным. Можно было *идти даже без тропинки — склон был покрыт короткой травкой*, такую высаживают на стадионах, лужайках, у подножия монументов...

И, что приятно, чуть дальше по берегу обнаружились наполненные водой отпечатки копыт. Лошадь отделалась легким испугом; возможно, скоро случится радостная встреча...

— Рек! — Ирена остановилась.

Рыцарь оглянулся:

— Что?

Она помедлила, раздумывая. На лбу у рыцаря прорезалась складочка нетерпения:

— Да идемте же...

— Рек, у вас огниво сохранилось?

Рыцарь *похлопал себя по поясу — да, мол, огниво носим при* себе....

— Давайте подожжем мост...

— Что?!

— Подожжем мост, — сказала Ирена увереннее. — Чтобы меньше было проблем с погоней... Чтобы им переправляться труднее.

Рек страдальчески искривил брови:

— Поджечь... За это Провидение... нам... отольется.

— Это доброе деяние, — сообщила Ирена, не дрогнув лицом. — Мост опасен. Уничтожая его, мы, возможно, спасаем жизнь неосторожному путнику... или заблудившемуся ребенку. И побуждаем предполагаемых пользователей... ну, тех, кто по нему иногда ходит... привести свое хозяйство в порядок. Починить или построить новый... Что, нет?

Рек молчал.

— Мы теряем время, — сообщила она нервно.

* * *

Поджигать не пришлось.

Достаточно оказалось перепилить кинжалом один из поддерживающих канатов — и мост оказался совершенно непригодным к употреблению, потому что второй канат, подгнивший, порвался сам собой.

— Не так эффектно, зато эффективно, — пробормотала Ирена себе под нос.

Рыцарь поглядывал на нее почти со страхом.

— Что случилось, Рек?

Он помедлил.

— Если бы я и сомневался, что вы Ирена Хмель... то сейчас убедился бы окончательно.

— Да? — растерялась она. — Почему?

Они шли по склону. Речка осталась позади; полузаросшая тропинка вывела на дорогу, дорога, по-видимому, вела к селению. Путники были голодны и хотели пить; Рек молчал так долго, что Ирена уже отчаялась услышать ответ.

— Вы специально спросили меня о Темном Толкователе, Ирена?

— Ну уж не случайно, — пробормотала она, пытаясь понять, куда поворачивает разговор.

— Вы хотите, чтобы я рассказал, что об этом думаю?

Ну да. Ее вопрос он принял за испытание, за тест...

— Да, Рек... Я была бы вам благодарна.

Бескорыстный рыцарь вздохнул:

— То, что вы говорили про мост... есть классический прием Темного Толкования. Оправдание... перед Провидением. Хитрый ход...

— Погодите, — она сбилась с шага, — но ведь Провидение карает или поощряет... не по замыслу, а по факту! Если я смогу убедить себя, что для всеобщей пользы мне надо кого-нибудь убить... что, Провидение простит мне убийство?!

— Нет. — Рыцарь смотрел себе под ноги. — Если вы убьете невинного, будучи уверены, что убиваете во благо... Провидение все равно вас покарает. Но если вы найдете кого-то, кто опасен... или мешает... многим людям... и убьете его, возможно, вы останетесь безнаказанной...

— Этим занимаются все Толкователи, — механически сказала Ирена. — Как поступить в сложной ситуации и что скажет на это господин Провидение... Или оно госпожа?..

Рек покачал головой:

— Нет... Толкователи просто говорят, чего, по их мнению... исходя из опыта... можно от Провидения ожидать. А Темный Толкователь учит... как поступить, чтобы Провидение... обойти.

Впереди показались черепичные крыши. Деревня? Нет, скорее хутор, обособленный, небольшой, по крайней мере тут можно позавтракать...

Ирена считала шаги. Двадцать... Пятьдесят...

— Рек. А зачем вам тогда... бить горшки базарным торговкам? Делать то самое зло, которое позволяет вам оставаться... бескорыстным?

— Провидение не так просто обмануть, — жестко проговорил рыцарь. — Само намерение... не проходит даром.

* * *

На хуторе их встретили радостно. И радость была какая-то истерическая.

Лошадь Река пришла к жилью чуть раньше хозяина. Крестьяне *не тронули ни сумки, ни дорожного мешка, справедливо полагая,* что есть еще надежда на появление их законного владельца: «Ну не может господин рыцарь так запросто в речке утонуть!»

Повинуясь закону гостеприимства — сперва накормить и приветить, хуторяне усадили Река со спутницей за стол, предложили постель и теплой водички для мытья. Со скрежетом зубовным пришлось отказаться, потому как через час-другой на хутор обязательно явится погоня...

До того, как опустели тарелки и кувшины, крестьяне говорили только о погоде, урожае и о качестве еды. Таков закон — сперва

накормить, потом о делах; а что у хуторян есть дело к бродячему рыцарю, и Рек, и Ирена поняли почти сразу...

— Выкладывайте, люди добрые, — хмуро сказал Рек, отодвигая тарелку.

Ирена с ужасом поняла, что, соблюдая законы и втянувшись в игру, он возьмется сейчас за любое дело; покажут ему дракона за ближайшим холмом — он и пойдет воевать дракона, забыв о погоне, о людях в черном, о рассерженной Высокой Крыше...

И только об Ирене — она надеялась — не забыв.

Крестьяне переглянулись. Старший — кряжистый мужик с круглой лысиной и светлой бородой в форме совка — поморщился, будто говорить ему было горько на вкус:

— Чудище у нас, господин. Недели две уже как чудище... В пещерах. Тут, стало быть, пещеры под бережком... А выход у поля. Так... кровушки напилось у работничка, у Вани... еле жив остался... и в пещеру забилось.

И сидит... ране девки со свечами по грибы ходили — теперь боятся...

Бородач мельком взглянул на Ирену, будто извиняясь за предстоящие ужасные подробности.

— Пошла как-оть одна... еще тогда, ране... А вернулась сама не своя, белая... на шее дырка, и еле стоит... Страху-то набралась. Кровосос, говорит, свечку задул... страшный такой кровосос, с виду как человек, только диким волосом зарос и на четвереньках... Заикается с тех пор. То есть не кровосос заикается — девка... Вы бы, господин рыцарь... успокоили чудище-то. Сил нет боле... бабы ночами не спят... хлопцы работать на поле боятся... А ну выйдет, да пойдет по хатам, да кровь сосать?!

Все бывшие в комнате почти одновременно проделали правой рукой одинаковый сложный жест — видимо, отгоняя злых духов.

Ирена сидела как истукан. Автоматически поглаживала живот.

Она предполагала, что в этом мире водятся сородичи адвоката Семироля. Ни Рек, ни Толкователь не удивлялись слову «упырь»... Значит, вот так? На четвереньках, в пещере...

Интересно, когда погоня преодолеет несложную в общем-то водную преграду, возьмет явный в общем-то след и наведается на хутор?..

Она поймала взгляд бескорыстного рыцаря.

И сразу все поняла.

«Рек, мы же спешим...»

«Я давал обет».

Возможно, в благодарность за доброе дело Провидение подарит Реку удачу... И погоня собьется со следа...

Нет, скажет Рек. Я обет давал. И сразу же совершит какую-ни-

будь гадость, и вереница неприятностей полностью поглотит возможное везение...

— Кого он сосал-то? — сухо спросил рыцарь. — На отпечатки зубов надо поглядеть, что за зверь...

Толпа у дверей — а к тому времени в комнате собралась настоящая толпа — зашевелилась. Вперед вытолкнули девчонку лет семнадцати, в кокетливом вышитом платьице, с жалостливо поджатыми губками.

Воротничок на платье стоял до самых ушей. Что-то мне это напоминает, мрачно подумала Ирена.

Рек встал. Положил руку девчонке на плечо — та счастливо замерла — и отогнул край воротничка...

— Так быстро зажило? — спросил недоверчиво.

— Ч... — сказала девчонка. — Ч... ч...

Губы ее задрожали — уже не притворно, чтобы пожалели. По-настоящему.

— Через пять дней зажило, — сказали от двери.

Ирена, не обращая внимания на удивленные взгляды, встала и заглянула Реку через плечо.

Шрамик на шее девчонки можно было разглядеть только опытным глазом.

Длинный и тонкий шрамик, будто белый волосок...

Она села на свое место. Машинально отломила себе еще хлеба. Сунула за щеку.

Рек деловито совещался с мужиками. Заказывал какое-то особое железо, жердь, веревку, фонарь; ему обещали тут же выдать все необходимое и даже больше. По-видимому, хуторян привела в восторг решимость молодого рыцаря — браться за дело немедля, пока солнце на дворе...

Ирена жевала хлеб. Вкусная корка. Душистая.

Вся беда в том, что она медленно соображает. Все неприятности ее от этого...

— Когда он появился? — спросила она хрипло, но ее никто не услышал.

Тогда она встала, подошла к мужику с совкообразной бородой, без церемоний дернула его за рукав:

— Когда появился упырь-то?

— Упырь? — Мужик, кажется, не понял.

— Ну, кровосос ваш...

— Да недели две, — неуверенно сказал мужик. Сомневался он отнюдь не в сроке — сомневался, следует ли отвечать этой странной женщине, что таскается зачем-то за молодым рыцарем, а сама — не скроешь — брюхата...

Недели две.

Десять дней, проведенных в приюте. Три дня, проведенных с Реком в городе... Четыре дня, проведенных в ожидании пропавшего Семироля. Или она сбилась со счета?..

И расстояние от города до хутора...

Хотя расстоянием как раз можно пренебречь. Тут не бывает больших расстояний. Это очень компактная МОДЕЛЬ...

Не особенно сходится. Хотя...

— Рек! — Она удивилась своему голосу, неожиданно низкому, хриплому. — Надо поговорить. Срочно.

* * *

До околицы их провожал едва ли не весь хутор; ко входу в пещеру — а его оказалось не так-то просто отыскать среди камней и высокой травы — рыцарь с Ireной подошли уже вдвоем.

Рек мучился. Брови его страдальчески изгибались — уже не «тильдой», а скорее ломаной линией.

— А если вы не правы? А вы ведь скорее всего ошибаетесь, я же не могу рисковать...

— Войдем вдвоем, — устало предложила Ирена. — Берите ваши жерди, клинки... фонарь... Я довольно скоро пойму, ошиблась я или нет. И быстренько сообщу вам...

— Я не могу рисковать, — повторил Рек с нажимом.

Ирена пожала плечами:

— Ну, в самом крайнем случае буду заикаться, как эта бедная девчонка...

Про себя Ирена подумала, что, если она дожила до сегодняшнего дня и до сих пор не заикается, поросший диким волосом кровосос вряд ли сумеет произвести на нее впечатление.

Кровосос в суде куда страшнее. Особенно если он адвокат...

Вход в пещеру выглядел вполне романтично. Над узкой черной щелью колыхались красные и синие цветы, звенели в траве кузнечики, валялась, задрав потемневшее дно, маленькая забытая корзинка...

И они ходят сюда грибы собирать? Какие такие грибы: шампиньоны, печерицы, плесень?!

— Ирена, — в мучительном раздумье пробормотал Рек. Даже забыл с перепугу про «госпожу»...

Осторожно ступая, она спустилась вниз по вырезанным в дерне ступенькам. Низко наклонилась, заглянула в темноту...

Захотелось вернуться. Милостиво кивнуть Реку — давай, мол, работай, рыцарь, это твоя профессия...

Вероятно, он обрадуется. Аккуратно отстранит ее плечом, подальше от предполагаемого кровососа, в безопасность... Возьмет

свое оружие, самострел, фонарь, жерди... Кстати, зачем ему жерди?..

— Кто здесь? — спросила Ирена шепотом. Никакого отзвука, никакого эха; привыкшие к полумраку глаза различают темный узкий лаз, белесое мочало, образующее как бы занавесочку у входа... Это корни, обратная сторона травы.

— Кто здесь?

Тишина.

— Ян... Ян! Это я, отзовитесь!

Ей померещилось движение в темноте лаза — или действительно там кто-то пошевелился?

Она поймала Река за локоть. Хотела взять фонарь, но рыцарь не позволил. Неподобающая тяжесть... для женщины в ее положении.

По замшелым стенкам скакнул свет. То здесь, то там действительно белели матовые шляпки невиданных грибов, более того — неподалеку от входа обнаружился детский рисунок, кропотливо выложенный камушками на стене: пузатый человечек с рогами и собачьим хвостом... Огарок свечи.

Несколько старательно отпечатанных ладоней. Умели бы писать — нацарапали бы что-то вроде «Рея плюс Ивоника жених и невеста»...

Вероятно, хуторская молодежь ходила в пещеру не только за грибами, но и ради игр, забав и первых свиданий. Знали бы родители, на какое безобразие расходуется свечной воск...

Рек критически осмотрел узкий коридор. Поставил фонарь на землю, выбрал из всего вооружения незнакомое Ирене орудие — нечто вроде облегченного боевого цепа... Белесые брови его сошлись над переносицей.

Он казался очень сосредоточенным студентом-отличником, просматривающим экзаменационный билет...

— Ну, госпожа Ирена? Вы уже поняли, что ошиблись?

Из темноты пахло сыростью, известкой... еще чем-то, Ирена не могла определить, что это за запах, но он беспокоил ее.

— Госпожа Ирена... подождите меня наверху. — Рыцарь мягко подтолкнул ее к выходу.

— Рек, вам уже случалось истреблять кровососов?

Если он и решил, что она издевается, виду не подал.

* * *

Он вернулся через полчаса. Все это время Ирена просидела в траве среди ромашек и маков, но плести венок у нее не было никакого желания.

Рек тяжело взобрался по земляным ступеням. Сел на траву, положив рядом свое орудие. Ирена невольно пробежала глазами по шипастой стали — нет, крови не было...

— Там кто-то сидит, — сказал Рек устало. — И поумнее, чем просто волосатая тварь... Пару раз мог на меня кинуться — но рассчитал, что связываться не стоит.

— Вы его видели? — быстро спросила Ирена.

Рек мотнул головой:

— Там дальше... Переходы, тупики... грибы эти чертовы под ногами... детишкам, понимаю, раздолье. Привольно в прятки играть...

Он вдруг замолчал, глядя Ирене через плечо.

Она сосчитала до трех и обернулась.

От хутора приближались, настегивая коней, всадники. Шесть человек.

Чуть опережая их, гоня волну в высокой траве, неслись собаки.

Неопределимое число.

— Приехали, — хрипло сказала Ирена.

Рек неторопливо обнажил клинок. Лицо его стало совсем белым — даже светлые глаза на этом фоне показались почти маслинами...

Шесть всадников со сворой собак — описывая эту ситуацию в своей книге, Ирена, разумеется, предпочла бы жестокую правду. Рыцаря заарканили и приволокли к подножию трона, дабы подвергнуть серии позорных наказаний...

Хотя читатель был бы недоволен.

Она рассуждала, а тем временем уже можно было различить лица всадников, и первым, в бинтах, скакал тот, кто не так давно явился в «приют для убогих», вооруженный тугим ордером-свитком...

— Рек... вниз.

Он не слышал ее. Душой он был уже в схватке — боец и... мертвец.

— Рек!! Вниз, быстро...

Он оглянулся. Кажется, понял. Подтолкнул ее ко входу в пещеру — идите, мол, а я умру на пороге...

— ВМЕСТЕ вниз, Рек!

Земля явственно дрожала под ударами копыт.

— Дурак! — рявкнула она, как никогда не кричала даже на самого тупого студента. — Я же одна боюсь... там! Со мной, скорее...

В его глазах чуть-чуть рассвело. Из-за горизонта отваги острым краешком проглянула мысль.

...Преимущество нападавших в темноте подземелья сходило на нет. То есть, конечно, ничто не мешает им послать на хутор за фо-

нарями и устроить облаву по всем правилам — но Ирене почему-то казалось, что собаки будут по крайней мере деморализованы...

Она всю жизнь хорошо относилась к собакам. И вот пожалуйста — искренне желает всей своре поскорее лопнуть. Ишь, разлаялись, бестии...

Она шла за Реком. След в след. Продержаться в пещере некоторое время можно — другое дело, что всю жизнь потом не захочешь есть грибы...

Хотя... сколько ее осталось, жизни?..

Рыцарь остановился. Ирена налетела на него, и со стороны это, вероятно, выглядело комично...

— Рек...

— Тихо.

Она замолчала.

Собачий лай отдалился и доносился теперь явно сверху. Так и есть — собаки во тьму идти не пожелали, здесь таксы нужны, а не волкодавы... Если только в этом мире есть таксы...

Но Река остановили не собаки.

Коридор впереди двоился. Рыцарь водил фонарем, перебрасывая взгляд с одного хода на другой. Подавался вперед, желая заглянуть поглубже, но не делал и шага.

— Что там, Рек?

Тишина. Отдаленный собачий лай.

И — взгляд из темноты. То ли справа, то ли слева...

Ирена проглотила противный комок. Механически погладила живот: бедный малыш. Это же каким нервным ты родишься. Темноты будешь бояться с пеленок...

— Ян...

Тишина.

— Ян, это я...

— Вижу...

Рек дернулся.

Голос шел справа. Очень тихий, усталый, бесцветный голос:

— Ирена, вы живы... слава Создателю.

ГЛАВА 12

— Как вы меня нашли?!

— Мы вас не искали, — нервно усмехнулась она. — То есть сейчас не искали... За нами... погоня.

— Черт... Вы прямо-таки притягиваете неприятности, Ирена.

— Никогда за мной такого не водилось, — сообщила она мрачно. — Это... МОДЕЛИ. Они выживают меня...

— Ирена, вы нашли выход?

Она помолчала.

— Нет... Ян, я думала, ВЫ нашли...

На этот раз пауза получилась многозначительной.

— Вы решили, — медленно произнес вампир, — что я смылся, бросив вас?

— Нет... то есть в какую-то минуту... нет, я так не думала.

— Ирена... — В голосе вампира послышалось почти презрение.

— Я так не думала, Ян, честное слово... Я решила, что с вами что-то случилось...

— Со мной действительно... случилось. — Вампир усмехнулся в темноте.

Они сидели на подстилке из сухого мха. Фонарь пришлось затушить. Из всех троих зрением обладал сейчас один только Семироль.

Ирена предполагала, какое лицо сейчас может быть у рыцаря. И Семироль отлично видит это лицо и внутренне, наверное, потешается...

Ей на минуту стало обидно. За Река, который на самом деле насмешки не заслужил.

Собачий лай на поверхности давно уже угомонился. Сейчас, вероятно, люди в черном готовят экспедицию в преисподнюю, а испуганные хуторяне отговаривают их, потому как кровосос, надо полагать, уже и рыцаря, и злонамеренную беглянку употребил в пищу, вернее, в питье...

Ирена в изнеможении прикрыла глаза. Смотри не смотри, разницы все равно не было никакой, с закрытыми глазами даже удобнее...

В темноте ее взяли за руку. Пожатие было знакомым, но непривычно слабым; потом рука осторожно легла ей на живот.

— Все в порядке, Ян...

Пожалуй, она сказала это даже слишком бодро. Прикосновение Семироля было одновременно нежным и хозяйственным; зачем, зачем она в свое время, лежа в дрянной гостинице на соломе, молча обещала отдать этого ребенка... его заказчику? Пусть даже родится трижды вампиреныш...

— Ян, я...

Она запнулась. Упырь-адвокат снова пожал ее руку — доброжелательно, но очень слабо:

— Ничего, Ирена... Той ночью мне потребовалось... вы знаете что. Нервная встряска, все такое — короче, физиологическая потребность... Я скоро нашел, за счет кого ее утолить. Не пугайтесь — тот мужичонка остался жив... Зато Провидение... нам следовало догадаться сразу.

Провидение сочло мои действия достойными кары... Я упал и сломал ногу! На ровном месте, Ирена! Я так удивился... Мимо проезжал возчик, и тут, Ирена, начинается самое интересное... Вместо того чтобы отвезти меня в гостиницу, как я просил... этот идиот счел, что настало время заработать немножко счастья ему и его дочке... И увез калеку, то есть меня, к себе в пригород, в опеку... Ирена, я ведь ничего не понимал! То есть начинал понимать... Идиоты. Они взяли мне ногу в лубок — неправильно! Обращаться к врачу не сочли нужным — зачем раздавать заслуги перед Провидением чужим людям... Ох, я не раз и не два вспомнил Ника — вот был профессионал... вернее, не был, а есть... Короче говоря, мое терпение исчерпалось. Я немножко пополнил свои запасы гемоглобина — травма, Ирена, травма! — и на костылях поплелся на поиски лекаря... Но Провидению опять что-то не понравилось — и меня выследили, затравили, как упыря! Бегать на одной ноге неудобно... И больно. Я забился в какую-то дыру... На сегодняшний день нога моя срастаться не желает, налицо всевозможные осложнения... Не за горами сепсис. Вернее, у меня уже десять раз развился бы сепсис, если бы в пещеру время от времени не забредали...

— Вы упырь? — глухо спросил рыцарь.

Ирена вздрогнула от звука его голоса.

— Да, — равнодушно отозвался Семироль.

— Это вы сосали кровь из...

— Да, да, да. Но той девочке, кажется, даже понравилось.

Ирена высвободила руку, остававшуюся в ладони Семироля. Тот не сделал ни движения, чтобы ее удержать.

— Рек! — Она старательно улыбнулась в пустоту. — Познакомьтесь, это господин Ян Семироль, я о нем рассказывала... А это, Ян, господин Ректоноор, он же Ос-Шиповник, бескорыстный странствующий рыцарь... Ян, Рек помогал мне искать вас...

Повисла пауза. Слишком долгая для непринужденной светской беседы.

— Вы циничная, вредная человечеству тварь, — сказал Рек, и голос его как-то металлически звякнул.

Ирена обеими руками вцепилась в скрипучий мох.

— Человечеству? — удивился Семироль. — Кто тут у вас в роли человечества, юноша?

Рек не слушал:

— Я обещал тем людям убить вас... И я исполню обещание.

— Сейчас? — саркастически осведомился Семироль.

Пещера ожила.

В отдалении послышались... нет, не голоса. Идущие в облаву хранили молчание; еле слышно поскрипывали камушки у них под ногами, изредка звякал металл.

Охота началась. Вернее, начался ее очередной этап.

Семироль склонился к Ирениному уху, и она кожей ощутила жесткую бороду на его щеках:

— Забирайте своего донкихота... и отходите вглубь.

— А вы?!

— Я калека, но не настолько же...

Она заметила, что голос его чуть дрожит. Совершенно не от страха. И не от волнения.

Совершенно иная страсть владеет сейчас преуспевающим адвокатом.

Сильнейшая, вовсе не человеческая страсть.

— Ирена, ну идите же... Мне очень НУЖНО. Иначе я умру.

* * *

Ирена так ничего и не узнала о дополнительных способностях упыря-адвоката, тех, что не находили применения в зале суда. И даже не уверилась до конца, что они вообще были, эти способности. Как говаривал в свое время осужденный доктор Ник, «черт его знает. Упырь...».

Рек молча увлек ее в темноту... Впрочем, темнота была везде. На ощупь, скользя ладонями по стенам, Рек забрался в отдаленный отросток коридора, в тупичок, и оставил Ирену у себя за спиной, сам же встал, перегородив проход, изготовив свой цеп...

Некоторое время они слышали, как осыпается песок и поскрипывают камушки. Как вполголоса, глухо, переговариваются люди; потом на стены лег слабый отблеск фонаря и тут же исчез, и звякнуло раздавленное стекло.

Ругань... Видимо, огонь затоптали прежде, чем вспыхнуло разлитое масло.

Снова ругань. Приглушенный вскрик.

Скрипнул зубами справедливый Рек-Шиповник.

Вопль ужаса. Приближающийся топот...

Новый крик. Тишина. Темнота.

Вопль такой, что хоть затыкай уши. Новый звон стекла. Вопль, удаляющийся по коридорам.

— Не бойтесь, Рек, — сказала Ирена с нервным смешком.

Возможно, он обернулся. И хорошо, что она не видела его лица.

На самом деле она успокаивала не его, а себя. Она действительно ужасно боялась — не людей в черном, конечно...

Она боялась, что в установившейся под землей тишине раздастся размеренное, удовлетворенное чавканье.

* * *

— ...А если они вернутся?!

— Они не вернутся, — сказал Семироль с явным сожалением.

Он сидел у стены, вытянув ногу, туго перевязанную полотняными лоскутами. Рядом лежала суковатая палка, заменявшая охромевшему адвокату костыль. Фонарь освещал его лицо, исхудавшее и заросшее бородой; еще час назад вампир-адвокат походил, вероятно, на подзаборного доходягу — но теперь отросшие волосы на глазах приобретали холеный блеск, выравнивалась кожа на лбу и на скулах, и даже бородка сама собой превращалась из неряшливой в импозантную.

Ирена старалась не глядеть на Река. Возможно, своим поведением она нарушает важнейшие для рыцаря этические принципы — скажем, не разговаривать с упырями иначе, нежели посредством осинового кола...

Хотя как раз на осиновые колья Семироль плевал с высокой колокольни.

— Почему они за вами охотятся, Ирена?

Она помолчала.

— Из-за моего рассказа, Ян. Рассказ называется «О раскаявшемся», а я его даже не...

Она вовремя прикусила язык. Рек молчал; Семироль и так все понял.

Фонарь горел ровно. Масла хватит еще на пару часов, а потом на троих останется одна пара глаз — Семиролевых...

— Нам надо выбираться, Ян, — сказала она, стараясь, чтобы ее голос звучал твердо. — Нам надо выбираться, Рек...

— Вы искали выход, Ирена?

— Да... И я искала Анджея.

— Поиски провалились?

— Поиски еще не закончились...

Рек с сомнением покачал головой. Не знаю, мол, что вы хотели найти, но вот придется ли искать дальше — это Провидению видней...

Преследователи ушли и не появлялись больше. Но это вовсе не значит, что на выходе из пещеры беглецов не ждет засада... Не может быть, чтобы не ждала.

— Другого выхода здесь нет? — спросила она, желая избыть неприятное чувство безысходности.

Семироль хмыкнул:

— Устройство этой пещеры — отдельная история, Ирена... Ни один спелеолог не поверит в ее существование. Это декорация, искусственное сооружение, вроде садово-паркового грота... Здесь хорошо играть в казаки-разбойники. Вот мы и играем.

Он отломил от ближайшей стены бледное полукружье подземного гриба. Смачно, с хрустом, надкусил; Ирена поняла, что ее слегка мутит.

Рек поджал губы. С того самого момента, как вернулся насытившийся Семироль, он не произнес ни слова. Фонарь зажег, но губ не разжимал.

— Вы ведь никого не убили насмерть? — спросила Ирена в третий раз. Специально для Река.

Семироль вздохнул и закатил глаза. Рек молчал.

— Идиот, — с чувством сказал упырь-адвокат. — Какой он кретин, ваш Анджей... Ему следовало потренироваться на морских свинках, прежде чем...

— Над морскими свинками Провидение не властно, Ян. У них свои законы.

Стоячий воздух дрогнул. Плотная волна его больно ударила в барабанные перепонки — то был далекий взрыв. Затряслись стены, кое-где полетели с потолка камни и комья, боль перешла в звук — глухой удар...

Фонарь, защищенный стеклянным колпаком, дрогнул пламенем, но не погас.

— Ого, — сказал Семироль.

Рек молчал.

Тишина установилась как бы на новом уровне — где-то что-то оседало и осыпалось, но эти звуки только подчеркивали холодное, как в мертвецкой, молчание.

— Они взорвали вход, — сказал Семироль. — Вероятно, здесь успели выдумать некое подобие пороха...

Рек взял Ирену за руку. Машинально. Желая подбодрить. Семироль заметил этот жест — и бледно усмехнулся:

— Уважаемый бескорыстный рыцарь... Возьмите, пожалуйста, фонарь и проверьте мою догадку. Думаю, у входа вас ждет ужасное зрелище земляного завала...

Рек неприятно искривил губы.

— Понимаю, — терпеливо кивнул Семироль. — Ни на секунду не считаю себя вправе отдавать вам распоряжения, но подумайте сами... Я хромой и еле передвигаюсь. А госпожу Ирену мы не будем посылать навстречу возможной опасности, правда?

Наверное, в этот момент Ирена выглядела особенно растерянной и жалкой — во всяком случае, Рек, бросив на нее долгий взгляд, бесшумно поднялся, взял в одну руку фонарь, а в другую свое оружие и двинулся вдоль галереи. Свет в его руках уходил все дальше и дальше, Рек углублялся в тоннель, как подземный поезд метро...

Огонек завернул за угол. Ирена опустила голову — что ж, в темноте, возможно, даже лучше...

— Сколько времени прошло... там, откуда мы явились? — негромко спросил Семироль.

Ирена напрягла память — но так и не смогла сообразить.

— Если считать, что эта МОДЕЛЬ находится к той МОДЕЛИ во временном отношении десять к одному...

— ...Почти четверо суток, — закончил за нее Семироль. — А если в другом, э-э-э, режиме?

Она не ответила.

— Понятно, — Семироль вздохнул. — А когда вы догадались, что такое Провидение?

Она заговорила — поначалу ощущение было такое, будто читаешь третью лекцию кряду, причем об одном и том же. Все давно обдумано, сказано и пересказано, ловишь себя на нещадных повторах, язык ворочается с трудом...

Потом она увлеклась. Заново увидела и лес винтовых лестниц, ведущих к Толкователям, и «приют для убогих», и бумажный свиток, испорченный водой...

— ...Одна заглавная буква осталась. Большая «К». Весь текст смыло... подчистую. Вот, — она через силу усмехнулась. — А вы говорили что-то про сомнительные художественные достоинства...

— Среди тех рассказов, что хранились у вас в доме, не было «Раскаявшегося», — возразил Семироль.

— И правда...

Тишина. И песок перестал осыпаться, и не слышно ни ветра, ни шагов, ни шелеста шарящих под землей корней...

— Я думал о Нике, о Сите, об Эльзе... Если я не вернусь... они обречены.

Ирена с сомнением пожала плечами. Ей, наоборот, казалось, что, освободившись от адвоката-упыря, бывшие смертники заживут припеваючи...

— ...Им не жить среди людей, как вы понимаете. Если их вычислят... а их вычислят рано или поздно... обзовут меня бесчестным человеком и приведут приговоры в исполнение. Только и всего...

— А как же закон об оборвавшейся веревке?

— Что?

— Если веревка случайно оборвалась и приговоренный остался жив — его милуют...

— Нет такого закона, — после паузы сказал Семироль.

— Это У ВАС нет. — Ирена устало прислонилась к покрытой мхом стене. — Потому что Анджей перестарался... в своем стремлении к неподкупности.

— Почему я до сих пор не рехнулся? — спросил Семироль как бы сам у себя.

Тишина. Черная тишина просторной могилы.

— Мне страшно, Ян...

— Думайте о ребенке. Ему ни к чему ваши отрицательные эмоции...

— Если там обвал и мы...

На земляные стенки лег отдаленный отблеск фонаря. Рек возвращался.

* * *

— ...Наверное, шагов на двадцать сплошного завала. Уж чего они туда подложили — не знаю...

— Откапываться будем? — деловито поинтересовался Семироль.

Рек криво усмехнулся:

— На пару месяцев работы хватит... Это если руки, как ковши.

Фонарь он поставил на землю, но оружия не выпустил, и Ирена это с нехорошим чувством отметила.

— А куда нам спешить? — весело поинтересовался Семироль. — Вода тут есть, ручеечек с глиной пополам, но зато экологически чистый... Грибы вполне съедобны. Другое дело, что госпоже Ирене в ее положении необходимы витамины, мясо, овощи, молоко, солнечный свет, гигиенические процедуры, положительные эмоции...

— *Отойди от нее,* — глухо сказал Рек.

— Что? — Семироль сделал вид, что не расслышал.

— Отойди от нее, упырь... — Пальцы Река судорожно сжались на рукоятке цепа. — Отойди от женщины!

— Что-что? — Семироль дурашливо приставил ладонь к уху.

— У тебя есть все шансы умереть последним, упырь. — В свете фонаря блеснули оскаленные Рековы зубы. — Я не позволю тебе. Ты умрешь первым, кровосос!

Цеп начал вращение — и сразу же скрылся из глаз. Остался размазанный в темноте круг, остались свист рассекаемого воздуха и оледеневшие глаза бескорыстного рыцаря.

— Рек! — беспомощно крикнула Ирена.

Семироль улыбался:

— Елки-палки, Ирена, и где вы только... ладно. Юноша, вам придется наклониться, потому что сейчас я не в состоянии встать даже с помощью костыля... Бейте, рыцарь. Я не защищаюсь.

Ирена подумала, что если Семироль и играет, то очень опасно. Он не представляет себе, чем бескорыстный рыцарь отличается от своих сусальных книжных собратьев. Бескорыстные время от вре-

мени совершают настоящие подлости и настоящее зло — просто из принципа; будет ли Рек щепетильным по отношению к охромевшему вампиру?!

Не будет. Ирена поняла это по страдальчески изогнувшимся бровям.

— Рек, назад!!

Мгновенный взгляд из-под прищуренных век. Он не боится убивать, но он стесняется спутницы. Он не хочет убивать В ЕЕ ПРИСУТСТВИИ...

Цеп приостановил вращение.

— Госпожа Ирена... Госпожа Хмель. Я не знаю, что связывает вас с этим существом... Но мы в ловушке. А он еще долго может прожить, питаясь нашей кровью и...

Ирена перевела дыхание:

— Оставьте его, Рек... Это отец моего ребенка.

* * *

Сырость пробиралась под одежду. Доктор Ник упал бы в обморок, увидев, в каких условиях коротает время его пациентка...

— Ирена, хотите гриб?

— Спасибо, Ян. Не хочу.

Темнота. Угрюмый рыцарь Рек взял фонарь и ушел на разведку — возможно, он еще не утратил надежду. И пока он бродит по пещере, Ирена краешком сознания верит, что вот сейчас он разведает путь, вернется, молча возьмет ее за руку и выведет на свет...

Или он уйдет в одиночку? Оставив этих двоих — вампира и его женщину — коротать вечность в обществе друг друга?!

— ...Или эти вот, к примеру, бескорыстные. — Семироль полулежал, опершись плечом о замшелый камень. — Среди прочих законов природы... потому что Провидение — это всего лишь закон природы... догадались выделить один, который «безнравственен». И найти обходной путь... А кто научил их отделять так называемое добро от так называемого зла? И эта их уверенность, что ненагражденное добро — благороднее... Кстати, а что вас связывает с этим юношей, Ирена?

Ей показалась, что адвокат чуть усмехается. Во всяком случае, голос его насмешливо дрогнул в непроницаемой для Ирены темноте.

— Это мой поклонник, — сказала она устало. — Мои ранние рассказы... определили его жизненный выбор. Ни один лауреат Серебряного Вулкана не может похвастаться чем-то подобным...

Семироль саркастически хмыкнул.

— Ничего смешного, Ян... И еще этот, как вы выразились, юноша спас меня несколько раз, возможно, что и от смерти...

— Провидение вознаградило его за это — или, наоборот, покарало?

Ирене сделалось неприятно, что Семироль видит ее лицо, в то время как она смотрит в темноту.

— Я спрашиваю из профессионального интереса... Эта МОДЕЛЬ настолько искусственна, что я вообще поражаюсь, как она просуществовала больше суток... Ирена, я боялся за вас. Получилось, что я вас бросил... Вам нельзя скитаться по этому сумасшедшему миру. Покой, положительные эмоции, пешие прогулки...

Ирена молчала.

— Зачем, ну зачем вы устроили этот безумный побег?! Вам было плохо на ферме? Вас кто-то обижал, с вами не считались, вас не уважали?!

— Это пустой разговор, Ян.

— Ирена, я хочу, чтобы ребенок жил...

— Тогда вам следовало выращивать с помощью инкубатора... Инкубатор не убежал бы от вас, не предъявил бы прав на своего ребенка, инкубатор можно было бы потом списать в утиль...

Похоже на разговор по телефону. Когда кидаешь слова как бы в пустоту, не имея возможности видеть лицо собеседника...

Рука Семироля легла на ее ладонь. Слабо сдавила:

— Вы — как Провидение, Ирена. Однажды провинившись перед вами, всю жизнь придется искупать вину...

— А вы поэт, — сказала она сквозь зубы.

Семироль шумно вздохнул:

— Бедные мои клиенты... если я не явлюсь на процесс, вот будет разочарование... Да... Мне было бы любопытно, Ирена, поглядеть на Толкователей. Вы правильно рассудили — если искать, откуда у Провидения ноги растут, Толкователей надо пошерстить прежде всего. Жаль, что я не успел...

— Почему вы ничего не делаете? — спросила Ирена.

— То есть?

— Ну, рыцарь по крайней мере ищет выход... А вы? Вы так и умрете — бездействуя, рассуждая?

— Простите, но я не собираюсь умирать...

Ирена с содроганием подумала, что адвокат-юрист спятил, все-таки спятил, не выдержал потрясений и перегрузок.

— ...А выход тут искать бесполезно, уж на что я с трудом передвигаюсь — а все-таки раза три все обошел... Странная пещера. Искусственная, как все мироустройство, я уже говорил... Даже, кажется, есть повторяющиеся фрагменты, как будто у дизайнера не

хватило воображения... А рассуждаю я потому, Ирена, что у меня нога болит. Что, было бы лучше, если бы я валялся и стонал?

— Извините, — сказала Ирена после паузы.

— Да не за что... Возьмите гриб. Все вовсе не так пло...

Новый звук нарушил тишину пещеры.

Тоже удар. Но не такой мощный, как звук обвала. Мягче и глуше, и сразу же вслед за ним серия новых ударов, будто раскаты, а затем такой звук, будто распоролся туго набитый мешок с фасолью и жесткие зернышки хлынули на цементный пол...

Ирена не могла понять, откуда у нее взялась такая ассоциация. Рука ее механически вцепилась Семиролю в плечо.

Звук не иссякал. Акустика пещеры странно искажала его — казалось, шипит и шелестит одновременно отовсюду...

Потом в галерее мелькнул огонь; тусклый свет фонаря заставил Ирену болезненно сощуриться.

— Там... — Рек задыхался. — Госпожа Хмель... вода... речка пробила... промоину. Теперь...

— Долго осталось? — отрывисто спросил Семироль.

— Что?..

— Сколько времени пройдет, пока мы всплывем к потолку?!

Рек молчал. Глядел на Ирену, на ее застывшее бледное лицо, на округлившийся живот... Брови его застыли страдальческими значками «тильда».

Только сейчас, переваривая новость, Ирена впервые усомнилась в «братскости» его чувств. Да, Семироль был прав, когда саркастически хмыкал...

Рек смотрел. Фонарь вздрагивал в его руках. Он боялся, боялся неподобающим для рыцаря образом...

И, конечно, не за себя.

* * *

...Вода искала путь вниз. Подмывала стены, змеей сворачивалась во впадинах, щетинилась лохматой пеной; свет фонаря дробился на бурлящей поверхности, вода казалась угольно-черной, пена — бурой...

— Провидению не нравится... моя любовь к чужому гемоглобину, — хрипло сказал Семироль.

Он стоял, тяжело навалившись на свою палку. Вода заливала его туфли.

Ирена молчала.

Упырь-адвокат удивительно быстро приспособился к чужому мироощущению. Вот, оказывается, каково это — искать и находить причину всех событий в личном послужном списке, в блокноте Провидения...

— Моя доля тоже есть, — неожиданно сказал Рек, а он молчал так долго, что Ирена боялась забыть его голос. — Я тоже... на мне кровь людей из-под Высокой Крыши. На мне обман...

— Я не исповедник, — сухо сообщил Семироль. По счастью, Рек его не понял.

Вода прибывала. От стен то и дело отслаивались куски слежавшейся глины, обрушивались, порождая воронки; огонек фонаря, в целях экономии прикрученный до минимума, не рассеивал тьму — наоборот, нагнетал панику...

— Где-то я это уже видел, — с отвращением сказал Семироль. — Какой-то фильм... Вы не помните, Ирена?

Она с удивлением поняла, что да, помнит. Тоннель, испуганные обреченные люди, прибывающая вода... Супермен, явившийся на помощь...

Если даже они с Семиролем говорят о разных фильмах — суть не меняется. Картинка, уже виденная однажды, пусть мельком, в кино, страничка, прочитанная в забытой книжке... МОДЕЛЬ, сотканная из лоскутков вторичной информации. Мозаика, игра...

Вода прибывала.

— Идемте-ка отсюда, — сухо сказал Семироль. — У нас есть еще сухие места и некоторый запас времени...

Говорят, паразитка-медведка, бич огородников, роет свои ходы как раз с учетом затопления. Волнообразно. Глубокие участки чередуются с подъемами, и даже если огородник вздумает залить в нору раствор мыльного порошка с керосином — медведка отсидится на незатопляемой «горке» и не станет хлебать отраву...

Пещера не имела преимуществ медведкиной норы. Вода свободно растекалась по галереям; видимо, сотрясение от взрыва нарушило хрупкий порядок земляных пластов, и речка, давно дожидавшаяся выгодного момента, не преминула сломать равновесие. Скоро чье-то плодородное поле неожиданно обрушится само в себя, на месте пашни будет овраг, а невезучее крестьянское семейство станет наниматься к соседям или вообще пойдет по миру...

Ирена тряхнула головой.

Нет. Логика — не та. Все случившееся определено человеческими грехами: Рек врал, нанимаясь в «приют для убогих», и применял насилие, спасая Ирену от людей в черном. Семироль — ясное дело, сосал человеческую кровь. Крестьяне, те, чье поле скоро обрушится, тоже в чем-то провинились...

А может, наверху не пашня вовсе, а пустырь?..

Хорошо-хорошо, а в чем провинилась она? То есть, конечно,

наивно считать ее безгрешной, но вот тяжелый, явный грех, приведший ее на грань гибели...

Может быть, это рассказ «О раскаявшемся»?.. Погодите!.. А тот еще не родившийся, но уже почти человек, который находится В НЕЙ, — его Провидение вообще не берет в расчет?!

— ...вы меня слушаете? Я говорю, что по законам физики... в противоположность массе воды... прокол... инструменты... поток воздуха... Но все это вряд ли имеет смысл в этом бессмысленном мироздании...

Семироль говорил негромко, сквозь зубы, и большая часть сказанного ускользала от Ирениного сознания.

Рек молчал.

Самым высоким местом в пещере оказалась дорога к выходу. Вернее, тупик к выходу; обвалом поглотило и рисунок на стене, и отпечатки детских ладоней. Спасаясь от воды, рыцарь, вампир и женщина пришли к завалу из камней и глины; сюда поток явится в последнюю очередь, но и бежать отсюда — некуда... Собеседников завалит размытой землей — или они захлебнутся, побарахтавшись предварительно в ледяной воде...

Рука Семироля лежала на Иренином животе. Как будто намереваясь защитить...

Поймет ли ребенок, что умирает?

Вечные медицинские споры — с какого момента нерожденный червячок с хвостом и жабрами достоин называться человеком...

Неужели Провидение не видит, что вместе с тремя виновными губит совершенно невинное существо? Или этот, неродившийся, виновен уже тем, что явится на свет вампиром?!

Вот он, ответ на Иренин вопрос Толкователю...

— Постарайтесь не нервничать, Ирена. Ваш стресс передается... адреналин в крови...

Она криво улыбнулась. Хорошо, умрем хладнокровно...

— Мы должны угодить Провидению, — сказал молчавший до сих пор Рек.

Ирена почувствовала, как дрогнула Семиролева рука.

— Мы должны... заслужить... заработать...

Слова давались Реку с трудом. Он никогда ничего не «зарабатывал» — он, бескорыстный, собирался нарушить обет...

По счастью, Семироль поймал его мысль на лету:

— Браво, рыцарь... Не законы физики, а законы Провидения... Ирена, вы меня слушаете? Я знаю, вы умеете хорошо соображать... но вы думаете слишком долго, а вода течет слишком быстро... Сказка про волка, козу и капусту... Господа присяжные, мы имеем трех человек и прибывающую воду...

— Четырех человек, — шепотом поправила Ирена.

— Четырех, — подтвердил Семироль после паузы. — И мы во что бы то ни стало должны выслужиться перед Провидением... как это делали те мерзавцы в приюте, про которых вы рассказывали... Думайте, Ирена, и вы, рыцарь, думайте тоже... Есть предложения?

Тишина. Звук прибывающей воды.

Кто-то из них немедленно должен заработать награду. Сотворить большое добро. Адресно. Кому-то из своих ближних. Большое явное добро...

Ирена нервно хихикнула:

— Давайте я порежу себе палец, а кто-то из вас перевяжет...

— И скажет «бедненькая», — хихикнул в ответ Семироль. — Лучше поцелуйте рыцаря — вот это будет действительно гуманно...

Напрасно он так шутил. Ирена сжалась, как от холода.

— Лучше я убью упыря, — ровно предложил Рек. — Это будет колоссальное добро — для всего человечества...

— ...если только Провидение не зачтет его как убийство. Не усугубляйте свою вину, подсудимый!..

Семироль осекся. Навалился на свой костыль. Помолчал; спросил другим тоном, деловито и сухо:

— Госпожа Хмель, вы проходили курсы медсестер? В институте должны были? Или когда получали водительские права — вас же учили элементарным медицинским манипуляциям, не так ли?

Она механически кивнула.

— Отлично... Перед вами пациент.

Она все еще не понимала.

— У меня был открытый перелом, — терпеливо пояснил Семироль. — Я так долго просидел без притока свежей крови... прошу прощения, без гемоглобина... и меня так изумительно лечили, что кость не срослась до сих пор. Теперь я регенерирую — и имею все шансы навек охрометь, потому что срастется она неправильно... Ничего, что я так много говорю? Ваша задача, Ирена, — сломать то, что начало срастаться, сложить правильно, жестко зафиксировать. Доступно?

Она молчала.

— Только скорее, Ирена. Рыцарь подержит фонарь... Это будет настоящее добро. Без дураков. Это вам не порезанный пальчик... Через неделю я смогу ходить. А через месяц буду танцевать.

— Будет заражение, и вы умрете, — сказал рыцарь.

— Фигушки! — Голос Семироля звучал почти весело. — У меня сейчас прилив сил и всепробивающий иммунитет...

— И волосы блестят, — сказала Ирена шепотом.

— Да... и лицо холеное. Ирена, вам все ясно?

— Я не могу, — сказала она еще тише.

Будто в ответ на ее слова земля дрогнула, принимая груз оче-

редной обвалившейся глыбы. Волна рывком преодолела расстояние до завала, потянулась лизнуть Иренины туфли — но отступила, чтобы вскорости вернуться вновь...

— Я не могу, Ян. Без анестезии... Я лучше умру.

— Баба, — пробормотал Семироль.

— Да, баба... И потом, я не знаю, как правильно складывать кости. Я прогуливала... занятия... по оказанию первой помощи... и вряд ли там учили... такому...

— Я сделаю, — сказал Рек.

Некоторое время было тихо...

— Я умею... у меня нянька была костоправ. Она меня учила... Только...

Рек замолчал.

— Если бы я не был уверен, что выдержу это, — сказал Семироль вкрадчиво, — я бы не лез с инициативой... Держать меня не придется. Вы ведь это имели в виду, доблестный рыцарь? — Семироль выждал паузу. — Или возвращать здоровье проклятому упырю — подло по отношению к человечеству?

Рек молчал.

— Вот и чудненько. — Семироль сел ровнее, потянул с плеч куртку. — Рубашечка не стерильна, ну да про иммунитет я говорил... Ирена, будете держать фонарь. В крайнем случае зажмуритесь — ребенку ни к чему такие стрессы... И живее, рыцарь, живее, ради Создателя, доставайте из ножен свои... инструменты!..

* * *

Солнце лежало на песке. Солнце.

Солнечные пятна расползались по траве, как разбросанные детали головоломки. В трех шагах горел костер, и пламя его было почти неразличимым среди наполнявшего мир света...

Ирена приподнялась на локте.

Впервые с того момента, как в темноте полузатопленного подземелья разверзлась косая дыра, впустившая рассветное небо... Да что там — впервые с мгновения, когда треснула под рыцарским цепом не до конца сросшаяся Семиролева кость...

Воспоминание заставило ее судорожно втянуть воздух. Бедный ребенок, он получает отравленную адреналином кровь, ей нельзя волноваться, нельзя, нельзя...

Впервые с того самого момента к ней вернулась способность видеть и думать.

Лес. Берег. Тишина, но не глухая, пещерная — пронизанная звуками тишина ясного летнего полдня... Солнце. Все просто.

Она подползла ближе к костру. Легла, греясь одновременно в двух огнях — солнечном и рукотворном...

Проклятое Провидение. Безжалостное, безглазое, прямолинейное, как фельдфебель...

Она поймала на себе взгляд.

Семироль лежал, неудобно повернув голову. Из глаз его наконец-то ушла обморочная муть; вампир-адвокат смотрел на Ирену, и смотрел внимательно и ясно.

Она поднялась на четвереньки. Подобралась поближе, путаясь в рваном подоле. Села рядом.

— Ян?

Он прикрыл глаза жестом «да». Все, мол, в порядке, а вы зачем всполошились?..

Нога его была с двух сторон зафиксирована плоскими, особым образом подогнанными палками.

Время не текло. Солнце висело в ажурных кронах, неподвижное и доброжелательное. Будто глаз уравновешенного, сытого божества...

— Мы обманули Провидение, — сказала Ирена шепотом.

Пришел от реки Рек. Бросил на траву связку крупных, незнакомых Ирене рыбин. Мельком взглянул на нее, на лежащего Семироля, отвернулся...

Ирена в который раз отдала должное мужеству бескорыстного рыцаря.

Рек сделал вид, что и ожившая Ирена, и очнувшийся Семироль мало его интересуют.

ГЛАВА 13

— Один хозяин недосчитался монетки и подумал, что это служанка взяла ее... И поколотил служанку, а поскольку был выпивши, так и до полусмерти... На другой день рука у него попала в молотилку, и лекарь отнял руку по самое плечо. Чуть оклемавшись, стал хозяин думать, как умилостивить Провидение... и, желая вернуть руку, подарил свой дом вдове своего брата, которая жила с детьми в бедности и под чужой крышей... И вскорости откопал он на своем поле сундук, а на дне сундука — две золотые перчатки... И заплакал тот человек горестно и злобно: «Смеется надо мной Провидение... Нет насмешки горше, чем дарить перчатки безрукому!..» Другой — юноша — желал получить любовь прекрасной девы и, чтобы пленить ее сердце, украл денег и купил ей драгоценное кольцо... Но дева отвергла подарок, а Провидение за кражу наслало болезнь и лишило юношу мужских достоинств. Тогда, желая ис-

купить вину, стал он подавать нищим, кормить сирот, и ни дня его не проходило без доброго дела...

Провидение стало им довольно и в награду послало любовь прекрасной девы.

И когда она пришла к нему на ложе, он заплакал горестно и зло... потому что дева, даже самая соблазнительная, была ему без надобности. Смысл же моего рассказа таков: верша зло, не думай, что удастся умаслить суровое Провидение... чтобы не пришлось потом плакать!..

Рассказчик умолк. Собравшиеся в корчме переглядывались — уважительно, но хмуро, даже испуганно. Пущенная по кругу шапка вернулась, полная медных монет.

— Спасибо, добрые люди... Завтра расскажу вам про женщину, которая наносила себе раны, дабы родичи могли перевязать их... И про волка, что отвратился от мяса, желая заслужить милость Привидения. И про козла, который испортил огород и был наказан за потраву... Завтра, добрые люди.

А сейчас у меня саднит в горле...

Рассказчик залпом осушил предложенный стакан, поднялся, опираясь на костыль, и удалился в дальнюю комнату — те, кто видел его вчера, могли бы отметить, что сегодня он двигается куда легче и ловчее...

Во всяком случае, Ирена, шедшая следом, отметила.

Притворилась за спиной дубовая дверь.

— С приобретеньицем, — сказал Семироль, сгружая монеты на стол, потемневший от времени и въевшегося жира.

Рек, неподвижно сидевший перед горящей свечой, промолчал.

Семироль уселся за стол. Придвинул к себе тарелку с холодной ветчиной, изъял из тайника бутылку темного вина. В одиночестве выпил; Рек по-прежнему молчал, Ирена присела на табурет напротив.

— Ну что, рыцарь-костоправ? — Семироль отставил бутылку. — Так и будем молчать?

Рек бросил на адвоката-вампира угрюмый взгляд. Семироль привольно откинулся на спинку стула:

— Я благодарен вам за поддержку, которую вы оказали в свое время госпоже Хмель... И особо благодарен за виртуозно проведенную хирургическую операцию. Вероятно, вы достойнейший из бескорыстных и бескорыстнейший из достойных...

Рек поднял голову:

— Мне надо поговорить с госпожой Иреной. Только с ней.

Семироль облизнул губы, будто подбирая с них остатки кефира.

Побарабанил пальцами по столу, кивнул:

— Ладушки...

Поднялся и вышел, негромко постукивая костылем.

Ирена смотрела на остатки ветчины. Ей не хотелось есть. Ни капельки.

— Я прошу разрешения оставить вас, госпожа Ирена... — Рек смотрел прямо перед собой.

Она ждала этих его слов. И все равно вздрогнула.

— Вы просили у меня помощи... в поисках двух людей. Одного из них... — Рек запнулся, — одного мы нашли... Вероятно, моя миссия исполнена.

Она все еще молчала.

Ей было страшно. Она привыкла иметь под боком если не каменную стену, то по крайней мере твердый поручень, о который всегда можно опереться, — молчаливого Река...

И хоть Семироль был во многих отношениях даже надежнее, теперь ее почему-то страшила перспектива остаться посреди этого вывихнутого мира вдвоем с вампиром.

— Вы, — сглотнула она, — вы все-таки подумайте, Рек. Мы... с Яном... должны найти... еще одного человека... или... короче говоря, наши поиски не закончены. Меня ищут... — Она перевела дыхание. — Мне будет не хватать вас, Рек. Честно.

Он посмотрел на нее — быстро, пристально. Отвернулся:

— Ваш... Отец вашего ребенка больше не желает меня видеть. Вероятно, он имеет на это право?

Она дернулась, как от пощечины:

— Рек... То, что связывает меня с Семиролем... думайте что угодно. Но это не то, что вы думаете.

Он бледно усмехнулся:

— Откуда вы знаете, что именно я думаю?

В обеденном зале ворчала, насыщаясь, толпа. Кто-то тяжело прошел по коридору, что-то разбилось со звоном, где-то хлопнула дверь...

— Можете поверить, госпожа Ирена, мне тоже... видите ли. Продолжая... помогать вам, я нарушу обет.

Она не поняла, тогда он объяснил, улыбаясь, будто ребенку:

— Мое... служение вам перестало быть бескорыстным. Видеть вас ежедневно — награда, на которую я не вправе рассчитывать...

Все просто.

Они молчали еще минут десять — наконец без стука, не скрипнув дверью, явился Семироль. Перевел взгляд с одного лица на другое, хмыкнул; Ирена поняла, что ненавидит его, циника. Почти ненавидит.

— Завтра утром я трогаюсь в путь, — бесцветно сказал рыцарь.

Семироль кивнул, ни капли не удивленный:

— ...А мы остаемся — нашему будущему ребенку хватит острых ощущений...

«Нашему будущему ребенку». Это значит, что вампир передумал отнимать его у Ирены?!

«Нашему будущему ребенку». Да что же такое подумал Рек в эту минуту, что глаза его сделались как холодец...

— Вы не правы, Рек, — сказала она беспомощно. — Оставайтесь.

Рыцарь помедлил. Поднялся и вышел; беззвучно прикрылась дверь.

Пахло кислятиной. Еще свежим деревом и дымом — но запах кислятины был сильнее, пробивался в щели, заставлял Ирену брезгливо морщиться...

Хотя после всего, что было, — уж какая брезгливость.

— Знаете что, Ян...

— Ирена, давайте наконец на «ты». Я устал...

Она вздохнула:

— Ян, вы... ты уверен, что люди из-под Высокой Крыши не идут за нами по пятам? И если это так — уж не встанете ли вы сами с мечом... или с такой вот шипастой вертушкой... на пороге этой самой комнаты?

— То есть ты предлагаешь оставить рыцаря из прагматических соображений? — после паузы спросил Семироль. — Похвальная рассудительность...

Ирене сделалось противно.

Семироль был прав. Ирена относилась к великодушному Реку исключительно потребительски — как к удобной, неприхотливой, подчас незаменимой вещи...

— ...но так называемые люди из-под так называемой Высокой Крыши... чтоб ей прохудиться поскорее... давно уже потеряли тебя из виду. А потому расслабься, не надо пороть горячку, думай, Ирена. У тебя есть время — вот и думай, где найти твоего Анджея. Если не хочешь рожать в антисанитарных условиях...

— Тысячи женщин так рожают, — сказала она неожиданно для себя.

Вампир поднял бровь:

— Да? То есть такая перспектива больше тебя не пугает?..

Она отвернулась.

Ровно в пять утра под окнами закричит ишак. Она не знает, откуда взялся ишак на местной конюшне, но в пять, перед рассветом, он дико закричит «И-а!», звук этот ворвется в очередной ее сон. Ей будет сниться, что она дома, лежит на диване и гладит черепаху и удивляется странному сну о бесконечных МОДЕЛЯХ, и вдруг под окном, во дворе — ишак...

И она проснется в холодном поту. Желая проснуться опять — обратно, в свою жизнь... Но — нетушки. Нельзя...

— Ирена, — мягко сказал вампир. — Думай. Какие есть мысли?

Она молчала.

Рек... Самый благодарный ее читатель. Самый... бескорыстный. Уйдет безропотно, оставив ей ее вину... провинность, которой на самом деле нет, — но черта с два Ирена теперь его забудет...

— Это очень тесный мир, Ирена. Очень маленький, компактный. Если понадобится, мы обойдем его весь... Мы найдем Анджея, не надо отчаиваться...

Ирена подумала, что Семироль сознательно упрощает. Найти Анджея — вовсе не означает решить проблему. Чем ближе она знакомится с МОДЕЛЯМИ, тем меньше ей хочется встречаться с моделятором...

— Темный Толкователь, — сказала она шепотом.

— Что?

— Темный Толкователь... Человек, который учит других обманывать Провидение.

Семироль с сомнением почесал переносицу.

— В отличие от своих «светлых» коллег, — Ирена бледно усмехнулась, — он не сидит под Крышей, он таскается по дорогам... в лучших традициях авантюрных романов. Неограниченное поле для экспериментов... Безумец.

Как его найти, я не знаю.

Голоса в обеденном зале звучали все громче. Сейчас затянут песню... ага, вот и запевала. Голосок дребезжащий, но сильный — кажется, это одноглазый погонщик мулов, сидит в корчме третий день и, слушая рассказы сказителя Семироля, по-детски округляет единственный голубой глаз...

В песне бесконечное множество куплетов. В качестве аккомпанемента звучат деревянные кружки. И снова ощущение где-то виденного и слышанного, неведомый классик однажды описал все это, и хор завсегдатаев корчмы пошел кочевать из книжки в книжку, из фильма в фильм...

— Я опоздала к началу триместра, — сказала Ирена буднично.

Семироль поднял брови, хотел что-то сказать, но в этот момент дверь открылась, пропуская припев бесконечной песни — и бескорыстного рыцаря Река, бледного, как непропеченный блин.

— Погоня?! — Ирена обнаружила, что стоит, сжимая в руках тяжелый подсвечник. Бродячая жизнь и черепаху научит хорошей реакции, вдолбит боевой рефлекс, когда еще ничего не понял — но уже бежишь и стреляешь...

Рек молча покачал головой. Закрыл за собой дверь. Перевел взгляд с Ирены на Семироля и обратно.

— Там... люди. Спрашивают Темного Толкователя...

Ирена все еще сжимала свой подсвечник. Язычки пламени спешно облизывали воск, горячие капли падали Ирене на подол.

— ...они решили, что человек, рассказывающий байки про Провидение... и есть Толкователь. Более того — они говорят, что многие в округе уже знают...

Семироль поднялся. Обошел вокруг стола, взял у Ирены подсвечник, аккуратно поставил на место.

— Это правда? — тихо спросил Рек.

— Что? — удивился Семироль.

— Вы действительно Темный Толкователь?

Бескорыстный рыцарь выглядел теперь гораздо старше своих лет. Белесые брови его сошлись в одну волнистую линию:

— Это... правда? Я все пытался втолковать им, что они ошибаются, но они... Госпожа Хмель! Это правда?!

Рек обернулся к Ирене. И Семироль тоже обернулся к Ирене; вампир-адвокат пребывал в явном затруднении.

— И говорили, — пробормотал Рек как бы сам себе, — что сочинительница «Раскаявшегося» знается с Темным... а я не верил...

— Что, быть Темным Толкователем стыдно и недостойно? — небрежно спросил Семироль.

Рек посмотрел на него почти с ужасом:

— Нет...

Песня в обеденном зале все длилась. Куплетов через сорок наступит кульминация...

— Все нуждаются в адвокатах. — Вампир философски поднял палец. — Даже если нет состязательной системы суда... даже если самого суда нет — адвокаты все равно будут в цене, а тем более адвокаты хорошие... Правда, Ирена?

Они встретились глазами, и Ирена увидела, что кровососущего юриста стремительно захлестывает профессиональный кураж.

— Где эти люди, рыцарь? А ну, ведите-ка их сюда!..

* * *

Спустя несколько дней на Семироля посыпались подарки судьбы.

Нога его заживала даже быстрее, чем предполагалось. Лестница не скрипела под его шагами, в подкладке куртки обнаружились потерянные монетки, хозяин корчмы был отменно вежлив, а в копченой рыбине, взятой из общей груды руками Семироля, обязательно находилась икра.

— Провидение восприняло мои экзерсисы как сотворенное добро, — удивленно признал вампир-адвокат.

Ни тогда, ни после Ирена так и не узнала, с какой проблемой пришли к Темному Толкователю двое — тощий мужчина и дородная бледная женщина.

Уединившись с просителями, Семироль под утро дал им совет — и, как показала практика, совет удачный...

Спустя несколько дней в корчму явилась молодка с неприятными жесткими глазами. Семироль выслушал и молодку; попросил день на обдумывание и вечером выдал совет — тайный, и молодка осталась довольна, а Семироль, как показалось Ирене, был прямо-таки счастлив...

На другое утро путники убрались из корчмы. От греха подальше.

* * *

Рек пренебрег своим обетом. Рек остался; вероятно, это решение далось ему нелегко. Пришла на помощь жестокая необходимость: ведь ежу понятно — вздумай еж задуматься о подобных проблемах, — что в присутствии Темного Толкователя положение «сочинительницы Хмель» не сделалось безопаснее, скорее наоборот...

Рек счел, что нужен Ирене. Переступил через обет и остался.

Ирена радовалась решению рыцаря — и одновременно тяготилась им. Все труднее становилось делать вид, что ничего не происходит, что не было той его фразы — «Видеть вас ежедневно — награда, на которую я не вправе рассчитывать...»

Рек держался подчеркнуто отстраненно. Официально. «Я здесь, пока я нужен, — говорило его бесстрастное бледное лицо. — Я уйду, как только надобность в моем присутствии отпадет...»

Семироль не протестовал. Адвокату-вампиру совершенно чужды были комплексы, по крайней мере, так казалось со стороны. В любом селении — а весть о Темном Толкователе расходилась кругами — находились люди, тайно стремящиеся к нему на консультацию; они приходили под покровом ночи, закутав лицо полотенцами, стыдясь самих себя. Выработалась целая система паролей, которые все понимали, и трактирщик, заслышав их, бледнел, и одновременно в его взгляде появлялась почтительность...

Путешественники сделали большой круг, двигаясь как бы по ободу колеса, в центре которого лежал город. Несколько раз доводилось слышать указ о поимке зловредной сочинительницы Хмель — его читали глашатаи на базарах. Однажды случилось наблюдать публичное сожжение «противных Провидению писаний». Действо было жутковатое, с палачом в балахоне, с настоящим эшафотом, столбом и костром, вот только на гору пылающего хвороста брошены были совершенно посторонние исчерканные бумаги, частью бухгалтерские счета, частью школьные упражнения, и, что-

бы заметить это, вовсе не требовалось орлиное зрение Семироля. Выслуживаясь перед Высокой Крышей, местные власти жгли макулатуру под видом «вредных россказней», хотя ни палач, ни собравшиеся на площади обыватели не умели читать...

Рек обнаружил повадки профессионального телохранителя. Спать он ложился на полу, поперек двери, с кинжалом под рукой; Семироль зубоскалил, и порой очень едко, Ирена сжимала губы, удерживая себя от оскорбительного заступничества, но лицо Река оставалось вполне бесстрастным — он потрясающе владел собой...

Они ехали от селения к селению — но никто и нигде не слышал о человеке по имени Анджей Кромар. И во всем мире был один только Темный Толкователь — вампир-адвокат, воплотившаяся легенда. Первый и единственный, прочие — бесплотные отпечатки в человеческой памяти...

Однажды ночью, лежа без сна, Ирена впервые ощутила, как пошевелился внутри нее маленький человечек.

* * *

Теперь Рек шел впереди, ведя под уздцы их единственную лошадь.

Бодрый мул тянул легкую двуколку, в которой ехали Ирена и Семироль; ехать верхом адвокат категорически отказался: «Вы издеваетесь?! Эта бестия сбросит меня при первом же удобном случае, вам мало одного перелома?..» И Ирена, и Рек сознавали его правоту: животные сторонились Семироля, и, чтобы смирить их, требовались определенные усилия...

— Смотрите, — сказал Рек, и голос его напряженно дрогнул.

Стволы, до того забором стоявшие вдоль дороги, внезапно расступились. Ирена прищурилась.

Башня была высотой с пятиэтажный дом. Непонятно, кто и зачем возвел среди леса это колоссальное по местным меркам сооружение — не то пожарная каланча, не то сторожевая вышка, причудливый, даже изысканный силуэт, позеленевшие от времени камни... Двустворчатая приземистая дверь. Крыльца нет — дверь вросла прямо в траву...

Рек смотрел испытующе. В последнее время он очень редко позволял себе смотреть Ирене в глаза — зато теперь не отводил взгляда.

У самой башни, у поросшей хмелем стены растопырила ветви огромная черная коряга. Высохшее дерево с обнажившимися корнями, находка для натуралиста-дизайнера, особенно если в его, натуралиста, хозяйстве найдется строительный кран...

Ирена прищурилась. Коряга походила на человека; одну руку, правда, обломило бурей. И, кажется, недавно — скол свежий...

Взгляд Река лежал на ее затылке, давил, как печать. Вроде бы бескорыстный рыцарь ждет ответа. Хотя вопроса так и не прозвучало...

Она вымученно улыбнулась.

Ее отношения с Реком-Шиповником превратились в сплошную запретную зону, зону тонкого льда. Она боялась обидеть его и боялась обнадежить, и еще был иррациональный детский страх, что он догадается: она не читала собственных рассказов...

Рек смотрел, ожидая, по-видимому, реакции, а в такие вот минуты Ирена соображала особенно медленно, особенно туго.

— Красиво, — проворчал Семироль.

Рек наконец-то отвел глаза. Тронул лошадь, продолжая путь.

* * *

— ...Помните, Ян, я говорила, что вы везде приспособитесь? Тогда я даже не представляла себе, до какой степени окажусь права...

Семироль молчал; жесткие волосы его блестели на солнце, глаза сыто щурились, гладкой упругой коже позавидовал бы самый изощренный парфюмер.

Неприятная догадка пришла, как толчок. Вероятно, Иренино лицо изменилось; во всяком случае, Семироль счел нужным ответить:

— Да.

— Что — «да»?

— Вы и сейчас не предполагаете, до какой степени оказались правы... Да, я приспособился. Кажется.

На шее у мула размеренно тенькал медный колокольчик. Рек уехал далеко вперед — как бы подчеркивая свою непричастность...

Впрочем, появись на дороге препятствие — бескорыстный рыцарь окажется тут как тут.

— Дороги тут спокойные, Ирена. И вообще — процент преступлений против жизни и собственности крайне низок... Кое-каких результатов ваш бывший муж добился.

Она усмехнулась через силу:

— Было бы обидно, если бы мы с Реком искали Темного Толкователя... и нашли вас. Я ведь однажды уже приняла вас за Анджея...

— Не забуду до гроба, — пробормотал адвокат себе под нос.

День стоял ясный и теплый — усредненное, очень комфортное лето. И безразмерное, как песня в трактире.

— Ирена, вы только посмотрите, как красиво. Тот вот лес... И горы на горизонте... Живописная моделька, правда?

Она машинально кивнула.

— Если вы правы, Ирена, — голос Семироля чуть изменился, — если вы правы и мы всего лишь перешли из одной МОДЕЛИ в другую... В конце концов, какая разница? Даже если мы не сможем вернуться...

— Ян.

— Да?

— Я-то пришла не из МОДЕЛИ... Я должна вернуться домой.

Поскрипывали колеса. Подергивал ушами бодрый мул.

— Ты уверена, Ирена? Что место, откуда ты пришла...

— Да! Да, я уверена, и не надо этих намеков... Я знаю моделятора, Ян, я отлично его знаю, и тот мир, где я родилась, создал не он!.. Не надо, Ян, я не желаю об этом говорить...

Тишина. Поскрипывают колеса.

— Ирена... Там, у себя, ты всего лишь начинающий скромный автор. А здесь — действительно властительница... Наверное, здесь ты классик. Гений. Я бы не поверил, если бы сам не слышал, как они шепчутся о «Раскаявшемся»... Подумай.

Ей сделалось страшно.

Все эти дни, все эти ночи она жила верой в скорое возвращение. Ну, пусть не такое скорое — но НЕПРЕМЕННОЕ; цель была хоть и далекой, но совершенно ясной — найти Анджея, найти выход...

А теперь единственный человек, знающий правду об этом мире, выдергивает из-под ее ног опору. Если бы он спросил, возможно ли вернуться, она не испугалась бы так... но он спрашивает, СТОИТ ЛИ возвращаться!..

— О чем мне подумать? — спросила она так тихо, что не услышала своих слов.

Семироль услышал.

— У тебя есть к кому возвращаться?

Она прикрыла глаза.

Сэнсей, черепаха... По большому счету, черепаха даже не поймет, что ее переселили под другую лампу. В школьный живой уголок, например. А Сэнсей... Да, Сэнсея жаль, но ведь Ирены нет давно, он успел смириться...

А кто еще ее ждет? В том, настоящем мире? Карательница? Профессор восточной литературы? Студенты? Да, они ее любят, но ведь в любом случае забыли бы — через год после выпуска уже не вспомнят...

А ее рассказы... бледная тень того, что в свое время дал ей почитать Семироль. Не говоря уж о «Раскаявшемся»...

Что скажете, господин Петер?!

Она кисло улыбнулась своему воспоминанию:

— Здесь нету кофе, Ян...

— Найдем, — серьезно пообещал Семироль.

— Ян, ты действительно...

— Для начала найдем себе пристанище. Раздобудем акушерку... Вот, скажем, наш рыцарь Рек прекрасно справится. Он, вероятно, многому выучился у своей няни-костоправа...

Она хохотнула. Смех получился жалким.

— Ян, мне не нравится так шутить... Мы поселимся в диком замке в горах... О, черт, я уже что-то такое читала, читала, читала!.. А через пару месяцев со всей округи сбегутся крестьяне с осиновыми кольями...

— Не сбегутся. — Голос Семироля прозвучал так уверенно, что Ирена осеклась. — Не сбегутся... Я знаю, как решить этот вопрос.

— Ты его уже решил, — сказала Ирена шепотом. — Очень умно... хитрецов, что хотят обмануть Провидение, ты...

— Решив обратиться к Темному Толкователю, они уже переступают некую черту... И сделать этот шаг им куда труднее, чем подставить шею. Нам трудно понять, но такие здесь нравы... Да, я беру натурой. И Провидению плевать — оно воспринимает это не как злодеяние, а как расплату. И с наивностью идиота еще и вознаграждает меня — за доброе дело... Судья, подобный этому Провидению, не продержался бы у нас в департаменте и месяца!..

Тускло позвякивал колокольчик.

Ирене было холодно. Холодно, стыло... тошно.

— Паразит, — сказала она шепотом.

— Что?

— Паразит... существо... паразитирующее... на других.

И потрогала свой живот. Семироль молчал.

— Ты по-прежнему хочешь отнять у меня ребенка? — спросила она медленно.

— Мы дополнительно обсудим этот вопрос...

— Мы ничего не станем обсуждать...

Мул испуганно фыркнул. Навстречу из-за поворота вылетел верхом на лошади Рек-Шиповник:

— Засада... Поворачивай!! Засада...

И, покрывая его слова, налетел из ниоткуда топот многочисленных копыт.

* * *

...Поначалу Рек держался — но под вечер впал-таки в беспамятство.

Две глубокие раны, сотрясение, по-видимому, мозга — в таком

состоянии человека везут в реанимацию, а вечерняя сырость, холод и подстилка из рогожи — не лучшие врачи...

— Что мы можем сделать, Ян?

Семироль молчал.

— Но мы ведь можем что-нибудь сделать?

В минуту опасности бодрый мул проявил себя вполне достойным образом. Правда, роль его только в том и заключалась, чтобы бежать, бежать без дороги, нестись через редкий лес. Не опасаясь за целость двуколки, уносить с поля битвы поверженного рыцаря, испуганную женщину и деловитого упыря...

В свое время Ирена избегала описаний битв. Она понятия не имела, что чувствует человек, вспарывая противника заостренным железом. И даже начитавшись соответствующих книг, не умела употреблять к месту красивые бойцовские термины; обнаружив в сочинении коллеги сцену битвы героя против двадцати пяти варваров, она снисходительно усмехалась и пролистывала две страницы вперед. Или вовсе откладывала книгу...

Рек бился один против восьмерых. Просто потому, что ничего другого ему не оставалось — Семироль не успел завернуть мула с дороги в чащу, всадники, высыпав из-за поворота, увидели двуколку и устремились прямо к ней... Вернее, устремились бы, не встань у них на пути бескорыстный рыцарь.

Вряд ли Ирена сможет когда-нибудь описать эту битву. Слишком быстро чередовались события, скорости ее реакций оказалось явно недостаточно...

Семироль, прихрамывая, только еще добежал до поля боя, а нападающие уже отступили — их было пятеро, все ранены, а еще трое остались лежать на дороге, в пыли, вперемешку с брошенным оружием — о Создатель, успела подумать Ирена, что же скажет на это Провидение...

Рек тоже отступил. Семироль помог ему выбраться из-под лошадиного трупа.

Двуколка заскрипела, сообщая, что не вынесет троих; упырь-адвокат хлестанул мула, и началась гонка с запутыванием следов, с обламыванием колесных спиц, на грани катастрофы...

Очень скоро Ирена поняла, что, если не перевязать рыцаря немедленно, гонка во многом потеряет смысл.

Они остановились под защитой какого-то бурелома, Ирена опустошила дорожную аптечку и, в лучших традициях авантюрного романа, пустила на бинты собственную нижнюю юбку. Минуту посидела, глядя прямо перед собой, вспоминая картинки из учебника по оказанию первой помощи; рыцарь мало походил на жертву автокатастрофы, а курсы военных медсестер Ирена не проходила...

Рек все еще держался. Улыбался и говорил, что Ирене зачтется доброе дело. И что у Высокой Крыши, возможно, пропадет охота заполучить ее к себе на разговор...

— А может быть, — задумчиво сказал Семироль, — они и впрямь хотят всего лишь побеседовать? Отсылают во все стороны шпионов, гоняются и ловят — затем только, чтобы ты прочла им лекцию по психологии творчества?..

Ирена мрачно взглянула на него — но не ответила ни слова; через несколько часов рыцарь сделался горячим, как котел, и впал в беспамятство.

Семироль и Ирена разожгли костер, укутали рыцаря в его же плащ и сели рядышком, потому что сделать больше было в общем-то и нечего...

— Ему нужны антибиотики, — сказал Семироль после получасового молчания.

Ирена вспомнила обширное хозяйство доктора Ника. Вздохнула сквозь зубы.

— Будет жаль, если он умрет, — задумчиво сказал Семироль. — В конце концов... чтобы восстать против фундаментальных законов мироздания, надо быть... короче, он заслуживает уважения.

Ирена молчала. Семироль покосился на нее, вздохнул тоже:

— Провидение должно, по идее, уничтожать таких, как он. Просто чтобы не вертелись под ногами, не раскачивали лодку... Заметь, наибольшая стабильность в этой МОДЕЛИ достигается бездействием. Ни заслуги, ни вины...

— Ты же юрист, — сказала она неохотно. — «Преступное бездействие» — вполне устоявшийся термин...

— Но ведь это в критических ситуациях... Например, я вижу, как старушка хочет перейти через улицу. Я могу помочь ей, а могу не помогать... Провидение сочтет это преступным бездействием? Особенно если старушку, к примеру, собьет грузовик?

— Здесь нет грузовиков, Ян. — Ирена через силу улыбнулась.

— А это тоже вопрос... зачем твоему Анджею понадобилось устраивать здесь фальшивое Средневековье?

— Он такой же мой, как и твой, — привычно огрызнулась Ирена.

Семироль пожал плечами:

— Думаю, это упрощение, специально для чистоты эксперимента... Ирена, а...

Он запнулся. Поморщился; подкинул веток в огонь, потрогал правое дергающееся веко:

— Ирена... Та, с позволения сказать, МОДЕЛЬ, которую я привык считать миром... тоже упрощена?

— Не знаю, — сказала Ирена честно.

Семироль помолчал. Отблеск костра делал его лицо моложе, и смуглее, и, пожалуй, благороднее, чем при свете дня.

* * *

С восходом луны у Река начался бред.

Он бормотал то громче, то тише, то невнятно, то явственно; Семироль засыпал и просыпался. Ирена сидела без сна.

— Сажайте рассаду... на грунт... пора... — шептал Рек.

Ирена вспоминала, как он прогнал от нее цепкого лавочника, решившего отработать свое счастье. И как выхватил старую женщину с пути несущейся чудовищной бочки...

— Не стойте так близко, все вы... — требовал Рек сквозь стиснутые зубы. — Отойдите... отойдите...

Ирена укутывала его плащом, трогала пульс, трогала лоб, касалась пропитанной кровью повязки.

Она вспоминала, каким было его лицо, когда он узнал правду об Иренином ребенке. Там, в пещере, за несколько часов до неминуемой гибели, в почти полной темноте — фонарь едва горел, а поди ж ты, Ирена прекрасно запомнила выражение его лица, наверное, потому, что никогда больше она не видела Река ТАКИМ...

— Я не они, — бормотал Рек. — Я не они... я не буду, я не стану...

«Посмотри в себя, сказала ящерица, ты способен изменять цвет... Ты такой, как трава, ты такой, как земля... Но посмотри внутрь себя... ты не умеешь раскаиваться... ты не человек. Хамелеон... сказал... что в моем раскаянии... разве оно способно... кого-то согреть или накормить...»

Ирена склонилась ниже. Взяла в свои руки ладонь бескорыстного рыцаря, стиснула зубы, потому что от запаха крови ее мутило.

«...Так, сказала ящерица, Провидение вынули из тебя, как сердце... но, вынутое, оно продолжает биться... на берегу и без воды... А ты пуст и недвижен, ты не умеешь раскаиваться... Ты...»

Рек говорил медленно, запинаясь, широко открыв глаза — будто читая с листа. Будто текст, однажды написанный, много раз прочитанный, с трудом добытый, а потом слизанный холодной водой с размокшего бумажного листа — как будто этот текст восстановился теперь в ночной темноте, в двадцати сантиметрах от осунувшегося Рекова лица.

«...И он смеялся. Он сказал: каждому по делам его. И ваше счастье, что я не учитываю также и помыслы... И в страхе замерли ящерица и хамелеон, а Создатель прошел мимо черного дерева к

башне, туда, куда указывал деревянный идол... и вошел в ворота, и они закрылись за его спиной...»

Рек выдохся. Тихонько застонал. Прикрыл невидящие глаза.

Луна висела над лесом. Метались летучие мыши, беспорядочно и непостижимо, и, как показалось, панически...

Ирена сидела над поверженным рыцарем, и мысли ее метались, подобно летучим мышам... Нет. Мысли ее тянулись, как улитки по мокрому стеклу.

Она должна сообразить. О чем-то вспомнить, что-то сопоставить, и почему-то ей кажется, что от этого зависит сейчас жизнь Река...

Ползла по небу луна. Ирена знала, что шестеренки ее мыслей, раз запущенные, уже не остановятся. Крючок за крючок, зубец за зубец, стрелки доползут до назначенной отметки — и, как фигурка на старинных часах, из заржавленных воротец со скрипом явится ПОНИМАНИЕ...

Другое дело, что это может произойти через месяц или два.

Безнадежно поздно...

Раскаявшийся. Хамелеон. Ящерица. Насмешливый Создатель. Может быть, все экземпляры ее последнего рассказа стерты, исчезли с лица земли — и остались только Рек, только его бред, его память, хранящая обрывки такого важного текста...

Она должна подумать. Нужно время, и тогда...

Башня.

Смотрите, сказал Рек. И смотрел сам. Но не на башенку — на Ирену...

Очень внимательно смотрел...

«И в страхе замерли ящерица и хамелеон, а Создатель прошел мимо черного дерева к башне, туда, куда указывал деревянный идол... и вошел в ворота, и они закрылись за его спиной...»

Она давала Реку напиться. Запекшиеся губы раненого упускали воду, капли стекали по щетинистому подбородку, по шее — на рогожу...

Башня.

* * *

День они провели в зарослях, неподалеку от источника. Рыцарь ненадолго пришел в себя; пытаясь соорудить на костре нечто вроде грибного шашлыка, Ирена постоянно ощущала на себе его взгляд. Не сухо-сосредоточенный, как прежде, — грустный, очень теплый, внимательный взгляд...

Ирена маялась, желая расспросить Река о башне — и не решаясь.

Напрасно, в общем-то, маялась — раненый все равно не мог говорить...

Потом Рек вернулся в забытье. Семироль заново перевязал его раны, и Ирена, стиснув зубы, выстирала в ледяной воде заскорузлые бинты. Кто знает, сколько еще придется их стирать...

— Он сильный парень, — сказал Семироль. — В общем-то, и раны не такие опасные, он бы справился и без антибиотиков...

Семироль замолчал, и в молчании его читалось несказанное «но».

— Но?.. — спросила Ирена.

— Но Провидение очень уж на него обозлилось. Боюсь, как бы...

— Ясно. Можешь не продолжать.

Весь день ее преследовали ящерицы и хамелеоны. И назойливая, как дятел, мысль: вспомнить... вспомнить... сообразить...

Она не спала вторые сутки. Перед глазами плавали цветные пятна; ночь принесла вместо облегчения страх.

— Сорвать... — бормотал Рек. — Красный... в траве... из него исходит... вытекает... сорвите его... цветок... он от крови... сорвите, сожгите...

— Ян... он бредит.

— Что я могу сделать?

— Не знаю...

— Успокойся, Ирена. Если ему суждено выжить — выживет... Подумай о ребенке... Спи.

Ирена отошла к костру. Протянула руки над мерцающими угольями.

Башня.

Закутаться в плащ — и спать до рассвета. Циничный Семироль прав — она ничего не изменит, она должна думать о ребенке...

Башня.

Высотой с пятиэтажный дом... Нет.

На письменном столе. Бронзовая... Коричневая с прозеленью.

Подсвечник в виде башенки, подсвечник, извлеченный Анджеем с дальней полки антикварного магазина. Внутри зажигается свечка — на лица гостей ложатся полукруглые теплые пятна... «Как красиво, Ирена... Как оригинально...»

КАК ОНА МОГЛА НЕ УЗНАТЬ ЕГО СРАЗУ?!

Башня-подсвечник. И рядом с ней на шкафу — деревянная фигурка какого-то забытого полководца, властно указывающего своей несуществующей армии путь к победе... Анджей, вытри пыль... Надо убрать на шкафу — столько хлама... По-настоящему красивые вещи теряются...

Ирена на четвереньках отползла от костра. Казалось, ее сейчас стошнит. Головокружение...

— Ян...

Семироль проснулся моментально и беззвучно. Взял ее за плечи.

Блеснул в темноте белками глаз:

— Что?..

— Ян... — Ирена слизнула скатившуюся на подбородок слезу. — Я знаю, где выход... из МОДЕЛИ. Где ворота.

* * *

В любом селении находились охотники оказать помощь раненому. Ирена смотрела на них с невольной брезгливостью, даже и не замечая, что уподобляется при этом бескорыстному рыцарю.

Рек почти не приходил в себя.

Тяжелораненым не следует путешествовать в двуколке. Для рыцаря это бесчестье, а для ран опасность... Любой самозваный лекарь готов был это повторить при первой возможности. Ирена не слушала лекарей.

— Нужны антибиотики, Ян... настоящая медицина... Здесь у него нет шансов... Надо скорее...

Они сбились с дороги. Потеряли день. Наверстали. Заканчивались деньги, не хватало продуктов, Рек таял, уходил все глубже в бред, но отрывков из «Раскаявшегося» Ирена больше не слышала ни разу...

Потом они въехали в густой сосновый лес. Стволы забором стояли вдоль дороги, и Ирена закусила губу, потому что до заветной цели оставалось чуть более часа пути...

— Нас преследуют, — сказал Семироль, обернувшись.

Дорога была пуста. И ни звука, кроме синичьих переговоров и отдаленной кукушки...

Семироль хлестанул мула.

— Ирена, спокойно, да? Ты точно знаешь, куда идти?

— Мы войдем вместе, — сказала она испуганно. — Мы войдем вместе...

Канал... Он для меня... Но он выдерживает... того, кто близко... как в сказке про девочку и серебряные башмачки... тот, кто держался за нее, тот...

Она молола и молола чепуху и с ужасом понимала, что не может остановиться, в то время как отдаленный топот копыт различим был совершенно явственно, для этого не требовался утонченный слух Семироля.

— Ян, скорее... Ну скорее, Ян!.. Мы вернемся... все будет хоро-

шо... Мы просто исчезнем на глазах этих дураков, вот смешно будет, вот... скорее, Ян!!

Колеса прыгали по неровной лесной дороге. Ирена удерживала голову Река, и все равно рыцарь раз или два ударился затылком... Этот мул просто не умел бежать быстрее. Хоть забей его на месте.

— Ирена, спокойно, я говорю... Если увидим, что не успеваем, побежишь вперед, я постараюсь прикрыть...

Подъем. Спуск. На холм вылетают, будто возникая из-под земли, пятеро всадников на высоких конях...

Ирена ударилась локтем. Больно.

— Есть! — рявкнул Семироль.

Стволы расступились. Ирена невольно разинула рот: пятиэтажная башня, бывший подсвечник. Перед ним — корявая фигура полководца, только указующую руку безжалостно обломала буря...

На мгновение она ощутила себя пластилиновой игрушкой на том же шкафу. У Анджея была одна такая игрушка — подарила, кажется, какая-то поклонница...

Ворота.

— Ирена!!

Двуколка остановилась. Отвалилось колесо, покатилось замысловато, петлями, Ирена успела придержать голову Река, маленький экипаж накренился, вываливая путников в пыль...

Откуда у нее взялись силы? В ее-то положении, когда нельзя таскать тяжелое?!

Она подхватила Река под мышки. Ноги его волочились по траве, голова запрокинулась; глаза, прежде мутные, вдруг широко раскрылись, Ирена поймала совершенно осмысленный, удивленный взгляд...

— Бросай его! Уходи!

Она тащила.

На поляну вылетели всадники. Рассыпались полукольцом, придержали лошадей...

— Именем Высокой Крыши!..

Они будут официальны и вежливы. Они не хотят лишний раз гневить Провидение.

— Именем Высокой Крыши, сочинительница Хмель, остановитесь!

Семироль обернулся. Ирена успела встретиться с ним взглядом; потом он коротко взмахнул рукой — уходи, мол...

— С дороги!

Семироль прыгнул.

Все пять лошадей завизжали и шарахнулись, и один из преследователей не удержался в седле, грянулся в траву... Лошади бились

и поднимались на дыбы, лошади в ужасе пятились от адвоката; в какой-то момент Ирене показалось, что можно перевести дыхание. Что Семироль сейчас догонит ее, и они вместе подхватят Река и уйдут в ворота и секунду спустя ввалятся в лабораторию господина Петера, и эксперты, обалдевшие от постоянного кофе, эксперты в несвежих от долгого ожидания воротничках отшатнутся и загалдят, защелкают клавишами компьютеров...

Преследователи спешились. Теперь они принимали Семироля всерьез. И шли на него стеной, и лица у них были белые и плоские, а лица Семироля Ирена, на свое счастье, не видела...

— Упырь! Упырь!! — Тот, что выпал из седла, с трудом поднимался на ноги.

Рек пошевелился и застонал. Ирена застонала тоже. Наткнулась на камень и поранила ногу, а потом запнулась о сухую ветку под черной корягой — когда-то ветка была рукой, указующей на двери...

Один из преследователей догнал Ирену в трех шагах от двустворчатых дверей. Кажется, она его узнала. Это был тот, что оплошал в «приюте для убогих»; теперь он хрипло дышал, не сводя с Ирены ненавидящего взгляда, и если бы взгляд имел свойство материализоваться — Ирене никогда не сойти бы с места...

Через его плечо она на мгновение увидела схватку на поляне. Двое сцепились не на жизнь, а на смерть, и рядом лежало безжизненное тело третьего, а четвертый заносил меч, примериваясь, как бы ударить, чтобы не убить товарища...

Показалось ей или нет, что один из сражающихся вцепился противнику в горло?!

— Сочинительница Хмель, — хрипло сказал тот, что наступал на Ирену. — Именем Высокой Крыши...

Рек не то застонал, не то зарычал — слабо, сквозь зубы. Ирена поняла, что не сделает больше и шага.

Что, даже добравшись до двери, не успеет ее открыть...

Преследователь держал наготове осмоленную веревку.

— Провидение не простит, — глухо сообщила Ирена.

Человек в черном свел брови:

— Что?

— Не отработаешь! — выкрикнула она истерично. — Не откупишься! Провидение тебя за это...

Темные глаза сузились:

— Тебе ли, сука, говорить о Провидении?!

Чужая рука ухватила Ирену за плечо. Нападающий переступил через Река, поймал Ирену за запястье, дернул на себя...

И захрипел. Опрокинулся назад, пытаясь сбросить с горла чьи-то неестественно длинные пальцы.

— Ирена, уходи!..

Семироль был с ног до головы залит красным. Из-под правой ключицы торчала тонкая деревянная палка — будто шампур для шашлыков...

Они встретились глазами. На долю секунды — прежде чем на плечах вампира-адвоката повисли сразу двое уцелевших врагов...

— Уходи!! Сохрани...

Она шагнула назад, на последние несколько сантиметров подтягивая тяжелое тело Река, ожидая встретить лопатками кованое железо закрытой двери...

Темнота.

Острый запах кошачьей мочи.

ГЛАВА 14

По широкому изгибу трассы...

У Ирены подкосились ноги. Она села — на упругую подстилку из очень густой, длинной, желто-коричневой высохшей травы.

Трасса, изогнутая полукольцом. Развалины старой дороги. Кое-где растрескавшейся. Кое-где обвалившейся. Совершенно пустынной...

Рек лежал на спине, и глаза его, глядящие в небо, были осмысленными.

Ирена обернулась.

Две бамбуковые лыжные палки, воткнутые в холм в двух метрах одна от другой. Трепещут на ветру ременные петли для рук. На одной палке треснуло пластмассовое кольцо, на другой — кольца вовсе нет...

— Ян?!

Она шагнула назад. Встала в хлипких бамбуковых воротах, ожидая... чего?

Рек прерывисто вздохнул.

Шелест сухой травы. Роща, лишенная листьев. Высоко в небе — размазанное бесформенное облако...

Она опустила взгляд.

Ее дом стоял там, где прежде. Ни улицы, ни соседей, ни колодца, ни водонапорной башни — только Иренин дом, бочкообразный, странный, незнакомый, но все-таки безусловно ЕЕ дом. МОДЕЛИ могут сменять друг друга в произвольной последовательности — Иренин дом останется на том же месте. Как точка отсчета...

Рек смотрел на Ирену — без удивления, устало. Происходящее было для него всего лишь новым бредом. Ему видится, что он лежит под незнакомым небом на густой скрипучей траве, и нет ни башни, ни коряги, ни людей из-под Высокой Крыши...

— Ян, — шепотом сказала Ирена.

«Сохрани»...

Она с ужасом посмотрела на свой живот. Потом — вниз, на пустынную дорогу, на одинокий дом...

На Река-Шиповника, бескорыстного рыцаря Река, который оказался в ненужное время в ненужном месте...

Хоть здесь-то, подумала Ирена угрюмо, Провидение до него не дотянется?..

* * *

Она оставила Река на холме. Устроила его поудобнее, так, чтобы склон защищал от ветра.

Проклятая юбка, сразу ставшая неуместной, привычно цеплялась за все сучки и камни.

Забора нет. Двора нет. Только дом.

Она обхватила себя за плечи.

Дом действительно походил на бочку. Огромную железную бочку, лежащую на боку, до половины вросшую в землю. Сооружение было настолько старым, что покатые стены обильно поросли травой — до самых окон...

Окна походили на толстые очки. Такие же маленькие, круглые, мутные.

Ирена облизнула сухие губы.

Железная туша пестрела заплатами. То тут, то там поблескивали тусклые прыщики заклепок. Вокруг каждого окна заклепки замыкались кольцом...

— Самолет, — сказала Ирена вслух.

Более всего Иренин дом напоминал кусок фюзеляжа с отрезанными носом и хвостом. И без крыльев. Самолет, нарезанный, подобно колбасе, зарывшийся в землю, поросший сухой травой...

Спотыкаясь и путаясь в юбке, Ирена обошла сооружение по кругу. За колючим кустарником — безлистым, трескучим — пряталась дверь, квадратная, обшитая железом, наполовину приоткрытая...

— Это мой дом, — сказала Ирена невесть кому. — Я ведь имею право войти?..

Ребенок в ее животе чуть шевельнулся. Чуть-чуть.

— Это мой дом! — повторила Ирена почти с отчаянием.

Но входить не стала.

* * *

Ночь немногим отличалась от дня — светлая, тихая и нехолодная.

Ирена, все силы которой ушли на то, чтобы оттащить Река вниз, к дороге, спала крепко и без сновидений.

Проснулась от того, что Рек смотрел на нее.

Он полулежал, приподнявшись на локте. Лицо его, прежде бледное до синевы, впервые за последние дни приобрело почти нормальный цвет.

«Он сильный парень... В общем-то и раны не такие опасные, он бы справился и без антибиотиков...»

— Здесь нет Провидения, Рек, — сказала она шепотом.

Он не поверил.

Для него это звучало столь же убедительно, как если бы она сказала — «здесь нет неба»...

Поднялось солнце. Мягкое, подернутое дымкой. Не горячее, но в общем-то сойдет...

— И здесь вообще ничего нет, — сказала Ирена упавшим голосом. — И никого... Моделятор устал.

* * *

— ...И еще у меня была собака, Сэнсей... И черепаха. От черепахи нет никакого толку — просто она мордой похожа на рыцаря в латах... не обижайся, Рек. Я не то хотела сказать. На рыцаря, как их рисуют в книжках... Отстраненная, совершенно бесстрастная морда. Успокаивает...

Черепаха даже на имя не отзывается, потому у нее и нет имени...

— Вы жили совсем одна?

— Но мы же на «ты», Рек... Я и говорю — со мной жили пес и черепаха...

— Не понимаю, — беспомощно сказал Рек. — А вампир?

— Вампир...

Ирена вздохнула.

Если эта МОДЕЛЬ существует в стандартном режиме десять к одному — там, где остался Семироль, не прошло еще и суток.

Возможно, Ян все еще умирает на осиновом колу...

А возможно, ему плевать на осину. Возможно, он давно уже перебил нападавших и присвоил их гемоглобин. И пытается теперь откупиться от Провидения...

Она погладила живот. Последние дни отпрыск вел себя очень мирно — если и шевелился, то только вечерами, перед сном...

— Я должна найти одного человека, Рек. Последнее время я только и делаю, что ищу...

— Анджея Кромара?

— Да, Рек...

Она откинулась на спинку кресла.

...Войти в собственный дом оказалось до тошноты страшно — но, переступив порог, Ирена не пожалела. Ничего, что в прихожую нанесло земли и песка через приоткрытую дверь, ничего, что здесь шуршала под ногами все та же высохшая трава — зато дальше, за коридором, по которому Ирена прошла с содроганием, обнаружилось странное, но пристойное жилье, показавшееся измученной Ирене просто верхом комфорта.

Здесь нашлась аптечка с запасом перевязочного материала. Лекарства тоже были, но в ампулах без маркировки, а значит, совершенно бесполезные; впрочем, выйдя из-под контроля Провидения, Рек явно пошел на поправку, и стерильной перевязки оказалось вполне достаточно...

На кухне имелся наполовину полный газовый баллон. Остатки хлеба в хлебнице, едва ощутимый запах тления, макаронная пыль в стеклянной банке, еще какая-то бывшая снедь, которую пришлось немедленно выбросить...

И целый ящик консервов. Как будто прежние жильцы — тут Ирена усмехнулась, потому что прежним жильцом была как бы она сама — заранее опасались перебоев со снабжением...

Компьютер не работал. Папки для бумаг были пусты — только в одной сохранился наполовину заплесневелый листок с косыми небрежными строчками: «В доме никого нет. Кресла не синие, а коричневые. Дверь открыли ломиком. Собака не злая... и неухоженная. Черепахи нет. В доме кто-то жил».

Да уж...

Она устроила Река в собственной спальне. Рыцарь почти самостоятельно добрался до кровати, во всяком случае, держался вертикально и сам переставлял ноги... Ирена потом полчаса переводила дыхание.

Она шаталась от усталости — но на душе у нее было почти легко.

Может быть, потому, что наконец-то убрался прочь кулак Провидения, занесенный над головой? Или потому, что она впервые за много дней оказалась в доме, который с полным правом могла считать своим?..

«Сохрани», — сказал Ян.

— Да, — бормотала Ирена, слоняясь по неузнаваемому заброшенному дому. — Да, да, да...

Входную дверь так и не удалось закрыть. Заклинило.

— ...Мне говорили, Рек, что найти Анджея — проще простого... Я дорого расплатилась за это заблуждение. Триместр начался, а я все еще не на работе... Карательница будет недовольна. Студенты... их, конечно, хлебом не корми, дай прогулять пару... Но всему же бывает предел... — Она запнулась. — Рек. Ты выздоровеешь, и мы попытаемся... Нет. Это бессмысленно.

Она погладила мягкий подлокотник.

— Что бессмысленно? — осторожно спросил бескорыстный рыцарь.

— Все равно мне надо идти в отпуск, — сказала она, глядя в высокий изогнутый потолок. — По уходу за ребенком... и Карательнице придется смириться... Рек, теперь уже я начинаю бредить. И это мне даже нравится... Нет, не вставай!..

Он не послушался. С трудом поднялся, подошел, присел на подлокотник, взял ее за руку:

— Ирена... А мы вообще-то живы?..

* * *

День их развода был неподобающе солнечным. Ирена нарядилась в лучший костюм, всем своим видом желая показать, что идет на праздник.

Анджей опоздал. Явился в Дом Регистраций на полчаса позже, погруженный в совершенно посторонние мысли. Он ничего никому не хотел демонстрировать — все и так видели, что предстоящий развод для него не более важен, чем покупка нового зонтика.

Вся процедура оказалась простой и до странности легкой. *И скорой — почти такой же скорой, как свадьба...*

Она на минуточку зашла в уборную — и неожиданно для себя выплакала целый литр горьких безнадежных слез. Минут через пятнадцать ее нашли подруги, долго отпаивали валерьянкой, утешали...

Перед выходом из Дома Регистраций Анджей Кромар кормил голубей пшеном. Глупые птицы толклись у его ног, поспешно подхватывали милостыню; Анджей смотрел на них с почти отеческой улыбкой. Губы его шевелились, будто он сочинял стихи...

Ирена прошла в двух шагах. Ни голуби, ни Анджей не обратили на нее ни малейшего внимания.

* * *

Они были живы.

Третий участник их маленькой команды время от времени напоминал о себе несильными толчками. У меня должно быть много,

много молока, внушала Ирена самой себе. Поблизости нет ни одной коровы или козы и даже ни одной волчицы... ни одного существа, которое можно было бы подоить. Да, у меня будет молоко, иначе новорожденного придется кормить в лучшем случае тушенкой...

Или кровью, тоненько говорил запретный внутренний голосок. Ирена стискивала зубы и отказывалась слушать.

Тушенка приелась. Консервированная рыба — тоже. Хотелось свежего хлеба, хотелось овощей, Ирене даже приснился однажды лоснящийся помидор, тяжестью своей обрывающий материнский куст...

Зато здесь, в брошенном доме на безлюдной трассе, Ирена впервые за много дней обрела чувство безопасности. И даже мысли о Семироле, прикрывшем ее отступление, тревожили реже, чем ожидалось. И даже мысли о том, кем может оказаться его ребенок... Может быть, потому, что первое время она почти ни о чем не думала?..

— Рек, куда?!

Едва поднявшись на ноги, бескорыстный рыцарь принялся осматривать окрестности. Она злилась, негодовала, требовала дождаться окончательного выздоровления; Рек играл желваками и не слушал.

Реку не было уютно. Рек маялся, но боль его не имела никакого отношения к заживающим ранам; путешествие по МОДЕЛЯМ — занятие не для слабонервных рыцарей. Не раз и не два Ирена всерьез опасалась за его рассудок. Обитать в пустом мире на пару с умалишенным — удовольствие ниже среднего...

Первое время она ходила вместе с ним. Они ковыляли, как два хромых таракана: он опирался на палку, она гордо несла свой тяжелый живот...

От пригородного поселка с единственной улицей не осталось и следа.

Груды камней на месте соседских домов могли быть как остатками фундамента, так и просто обломками скал. Нанесенная ветром земля, высохшая жесткая трава поглотили их почти полностью; для археологических изысканий требовались силы, которых не было ни у рыцаря, ни у Ирены.

Сперва они удалялись от дома всего на час медленного пути.

Потом на два часа, причем Рек шагал уже быстрее.

Потом он заявил Ирене, что разведкой займется сам, а она пусть отдыхает, да занимается хозяйством, да сочиняет рассказы...

Она так и не поняла, был ли последний совет шуткой. Но, оставшись в одиночестве, устав от шелеста сухой травы и высокого пустого неба, она вернулась в кабинет, села к письменному столу,

положила поверх клавиатуры единственный лист бумаги, тот самый, с каракулями: «В доме никого нет. Кресла не синие, а коричневые...»

Плесень, запятнавшая лист до половины, ее не смущала. То, что поверх клавиатуры писать почти невозможно, не смущало тоже.

Она не собиралась писать. Так, с ходу, истребить единственный листок?! Может быть, со временем Рек надерет для нее бересты, и она станет царапать острием вязальной спицы...

Кстати, спиц у нее сроду не водилось. Она не занималась вязанием.

Никогда...

Чистый лист завораживал.

Относительно белый и относительно чистый. Бесконечные неиспользованные возможности. Первая же буква сократит их на порядок, первое же слово почти не оставит Ирене выбора...

Она улыбнулась. Ей доставляло удовольствие смотреть на пустую бумагу; вероятно, нечто подобное испытывал Анджей, задумывая очередную МОДЕЛЬ...

Пошевелился ребенок. Ирена автоматически положила ладонь поверх живота.

* * *

Рек уходил с каждым днем все дальше и возвращался всякий раз все более мрачным. Ему не удавалось найти не только человека, но даже следов людского присутствия, сколь угодно давних. Зверей здесь не было тоже; за все время, проведенное беглецами в брошенном доме, в небе ни разу не показалось ни единой птицы.

Ощутимо похолодало. Теплой одежды не нашлось, зато в шкафу обнаружилась гора шерстяных пледов, Ирена соорудила подобие плащей — себе и Реку...

Более-менее окрепнув, рыцарь предпринял многодневный поход; предполагалось две, а то и три ночевки. Ирена не боялась одиночества, прекрасно понимая, что самой страшной неприятностью будут припозднившиеся мысли и слишком яркие воспоминания. Зато за Река она тревожилась; когда рыцарь явился на другой же день, Ирена сперва обрадовалась и только потом ощутила беспокойство.

— Там не пройти, — сказал Рек.

Ирена не поняла.

— Скалы... обломки. Как после сильного землетрясения. Дорогу завалило... и в обход не получается. До города, выходит, не добраться... то есть до места, где был город.

Ирена молчала, соображая.

— Отдохну и еще попробую, — сказал Рек, будто прося прощения. — С другой стороны. Сделаю крюк к северу... — На лице его впервые проступило раздражение. — Я всю эту землю исходил еще юнцом. А тут как во сне... Видишь знакомое место... а оно незнакомое. Вот так...

Ирена кивнула. Молча ушла в дом. В кабинете легла на диван, натянула плед до подбородка...

Моделятор устал.

Собственно говоря, Реку незачем расходовать время и силы. Создатель пустой МОДЕЛИ не утрудил себя даже подобием естественности — замкнутый, коротенький мир... Мир-капля... Для двух человек вполне хватит...

Пусть так, подумала она, до хруста сжимая зубы. Пусть так, но тогда проще будет обшарить этот мир до последнего закоулка и либо поймать моделятора, либо убедиться... ...что его здесь нет. Снова нет. Еще один мир без Создателя...

Ей сделалось страшно. Она крепко прижала ладони к животу.

...А следующая МОДЕЛЬ будет похожа на кабинку телефона-автомата.

Там на грязном, заплеванном полу сидит Анджей Кромар, плачет пьяными слезами, а рядом валяется оборванная трубка...

Ну нет.

Она глубоко вдохнула затхлый воздух новообретенного дома. Как лекарство.

Хватит барахтаться, поднимая брызги. Ее дело — сохранить ребенка.

Чтобы он жил — и жил по возможности нормально... в конце концов, последняя воля должна быть исполнена. Даже если это последняя воля вампира...

И с этой мыслью Ирена уснула. Спокойно и без сновидений.

* * *

— ...А еще я буду писать рассказы и повести. А ты, Рек, будешь номинационной комиссией... и жюри. Сперва отберешь мои рассказы на конкурс — не все, конечно... А потом присудишь им Серебряный Вулкан. Или не присудишь. Время от времени ты должен отказывать мне в награждении — иначе какой же интерес?..

Она боялась.

Она бравировала и подсмеивалась, чтобы скрыть изводящий страх.

Потому что от реакции Река сейчас зависело много, очень много, он может остаться другом и соратником, а может предъявить

права... единственного самца в популяции. Вряд ли... не верится, но во все, что произошло с ними, верится еще меньше...

— Рек... Прости. Это я тебя во все это втравила, это я...

— Да, — он поднял глаза, еще плотнее свел белесые изогнутые брови. — Да, с тех пор как я прочитал... «Рыцаря, который совершал зло...» И потом еще с тех пор, как увидел вас, Ирена. Это вы меня во все втравили... Это моя жизнь.

Она с ужасом поняла, что он, кажется, верит в то, что говорит.

— ...Вы боялись сказать мне, что я... чья-то игрушка? Я никогда не сомневался в этом, Ирена. Мне плевать было, кто и зачем меня со... то есть смоделировал. Он сделал меня способным принимать решения, и на том спасибо...

Она молчала.

Она всегда считала его отчасти ребенком. Не то чтобы низшим — младшим, неспособным понять... Аборигеном...

— Теперь мы остались вдвоем, Ирена. От того завала из камней, который к западу, до этого провала без дна можно дойти пешком, с одной только ночевкой... Ну и что? Я всегда знал, что мир имеет границы. Немножко шире, немножко уже...

Сегодня днем Рек вернулся из последней экспедиции. Прогулявшись по остаткам дороги в противоположном от города направлении, он вскоре наткнулся на трещину — не такую узкую, чтобы перепрыгнуть, и не такую широкую, чтобы не добросить камня... Однако камень не долетал. Ни один.

Затаившись, Ирена ждала, что он скажет дальше.

— ...Ну и что? Мы все равно должны жить. Мы должны что-то есть... а мясо в железных банках скоро кончится. Значит, мы должны копать землю, что-то в нее сажать, ждать, пока вырастет... Наверняка найдутся съедобные корни, грибы... яблоки...

Он говорил негромко и размеренно. Иногда улыбался. «Грибы, яблоки...»

Ирена молчала.

* * *

— ...Ты — Хмель.

Они соскочили с электрички наобум и даже не запомнили названия станции.

— Ты — Хмель... И с тобой я постоянно во хмелю.

Она смеялась. Анджей был серьезен.

Они пробирались сквозь луг, они увязали в траве, как увязает гребень в слишком густых волосах.

— Куда мы идем?

— Не важно...

В дачном поселке их облаяли одинаковые пятнистые псы — происходящие, по-видимому, от единой прародительницы-псины...

— Погоди, я натерла пятку...

— Не важно...

По поверхности круглого, как зеркало, пруда стайками плавали облетевшие с яблонь лепестки.

— Ты — Хмель. Все, что я делаю, — во имя тебя и во хмелю...

Все на свете цвело.

Она села на обочину и заплакала — от острого счастья и еще от боли в стертой до крови ноге.

* * *

Бескорыстный рыцарь Рек-Шиповник никогда не прикасался к мотыге.

Если на его руках и появлялись мозоли — то лишь от неустанных упражнений с боевым оружием; однако рыцарь Рек был наблюдателен и практичен. Именно он, а не Ирена, верно определил место для будущей пашни, именно он распознал среди множества трав одичавшую рожь, именно он решил, что сеять сейчас нельзя — по всей видимости, скоро наступят холода, а за ними придет местный аналог весны...

Рек был хмур и сосредоточен. Все инструменты, найденные в доме, подверглись критическому осмотру и классификации. В активе оказалось немного: дом, когда-то оснащенный электроникой, будто стыдился своих грабель, тяпок и пары лопат. Топор и пилу дом прятал в подвале, а ржавый слесарный инструментарий — почему-то в ящике для грязного белья; на лбу у рыцаря Река лежали, не разглаживаясь практически никогда, две сосредоточенные складки.

«Наверняка найдутся съедобные корни, грибы... яблоки...»

Ирена бродила по ближним окрестностям, ей удалось отыскать три яблони и выродившуюся сливу. Грибов было много, но выглядели они так зловеще, что решено было оставить их на случай крайнего голода — когда терять будет уже нечего...

Впрочем, Рек уверял, что столь тяжкие времена не наступят никогда.

Ирена зря боялась, что, осознав положение дел, рыцарь впадет в истерику. Мироощущение Река оказалось куда более гибким, чем ее собственное; с детства приученный к испытаниям, Рек воспринял все случившееся с ним как очередной долгий экзамен. Глядя, как он безропотно осваивает позорный для рыцаря труд, Ирена время от времени ощущала бегущие по спине мурашки.

«Сохрани», — сказал Семироль. Интересно, а каков оказался бы в подобной ситуации господин вампир-адвокат? Неужели взял бы топор — и пошел валить сухие деревья?

Неужели так подчеркнуто — и вместе с тем так естественно — держался бы «добрым братом»?

Возможно, он придумал бы что-нибудь получше. Или похуже; мир-капля, мирок для двоих не предоставил бы Семиролю работы по специальности, зато потребность в живой крови никуда не делась бы, и вот тогда встал бы действительно пикантный вопрос...

Жив ли он, думала Ирена, осторожно поглаживая живот. Вот уже несколько раз я списывала его со счетов — а он появлялся из ниоткуда, к добру ли, к худу...

* * *

Пророчества Река относительно зимы начинали сбываться. Снова похолодало, рыцарь убил массу времени на то, чтобы починить камин.

Кустарник, загораживающий вход, сослужил теперь хорошую службу — дверь-то закрыть так и не удалось, Ирене пришлось занавесить ее пледом...

Рек валил сухие деревья. В одиночку распиливал их, сучья складывал отдельно, дрова — отдельно. А хватит ли нам топлива, думала Ирена, то есть на эту зиму, конечно, хватит... Если, конечно, зима здесь стандартная... А вот как дальше, на годы и годы вперед, успеет ли лес восстановиться, если мы все время будем пилить деревья?!

На годы и годы вперед...

Заготовить сухих яблок. Накопать сладких корней, тех, что так удачно обнаружились на месте соседского огорода... И как-то научиться их готовить с тушенкой. Так, чтобы не надоедало. Так, чтобы смертельно усталый Рек мог прийти домой — и вкусно поесть...

Домой. Возвратиться домой.

В кладовке она отыскала иголку с крепкими, еще не прогнившими нитками. Раскроила пледы — используя школьный опыт двадцатилетней давности — и сшила себе и Реку по теплому комбинезону. Увидев ее в обновке, рыцарь изменился в лице — но сжал зубы и смирился, тем более что, с точки зрения Ирены, комбинезон сидел вполне ничего себе...

Сам Рек всячески берег свою одежду. И даже приспособился работать по пояс голым — если рядом не было Ирены; она не желала подглядывать — но раз или два останавливалась поодаль, наблюдая, как падает топор, как перекатываются под белой кожей

сухие Рековы мышцы, и старые шрамы — на плече, на лопатке, на боку — кажутся экстравагантными украшениями...

Умел ли Рек молиться? «Видеть вас ежедневно — награда, на которую я не вправе рассчитывать...» И вот теперь он вознагражден с лихвой, но от такой награды почему-то хочется скрипеть зубами...

Бедный Рек.

Он способен безропотно состариться рядом с единственной в мире женщиной. Валить деревья и расчищать место для поля, сеять и жать — руками, привыкшими только к мечу. Воспитывать чужого сына...

Она смотрела на рыцаря — и испытывала нежность. Нежность матери по отношению к больному ребенку.

* * *

Они успели стащить в дом все съедобные и условно-съедобные ресурсы окрестностей — когда упал ураган и бочкообразная форма утопленного в землю дома сослужила неоценимую службу. Снег залепил и без того подслеповатые иллюминаторы, заполнил собой прихожую и тем самым решил проблему незакрывающейся двери. Ирена и рыцарь по очереди подбрасывали дрова в камин, слушали вой ветра и молчали.

— ...В уважающих себя странах любой полицейский умеет принимать роды... Но ты ведь не полицейский, Рек?

Рыцарь счел за благо промолчать.

Ирена вздохнула:

— Я справлюсь, наверное, сама... Я когда-то читала какие-то книжки. У меня были рожавшие приятельницы... Уже все готово. Я прокипятила тряпочки, приготовила на всякий случай стерильную иголку, нитки, нож...

Она говорила с нарочитой небрежностью, как бы легко и как бы беззаботно; Рек поймал эту ее интонацию. Улыбнулся чуть иронично:

— Вы слишком много... придаете этому значения. Я видывал женщин, рожавших в поле во время страды... Они заворачивали младенца в пеленку и шли работать дальше. Принять роды — пара пустяков. Другое дело, что мы должны будем работать как проклятые, чтобы себя и ребенка прокормить...

Без охоты и рыбалки, а значит — поле, огород... Если каждый год отбирать и сеять лучшие зерна, лучшие из лучших — выйдет новый сорт...

Ирена поразилась тому, как точно Рек ее понял. С одной стороны — неизбежность и обыденность родов... А с другой — эти цик-

лопические планы на годы вперед, их будущее, предопределенное и длинное, два муравья, ползущие по шоссе, и там, в невообразимо далеком конце пути, их ждет... что?!

По внешней обшивке дома поскребывал ветер. Вот это дом; годы пустоты и разрушения не смогли серьезно повредить теплоизоляцию, и даже самый яростный порыв отзывался всего лишь легким сквознячком, да воем в каминной трубе, да обеспокоенной возней язычков пламени...

— Мы устроим колыбель, — сказала Ирена, почему-то глядя в сторону, — в длинном ящике из письменного стола. Я думаю, будет удобно...

Рек свел изогнутые брови:

— В ящике?! Побойтесь Создателя, Ирена... Я сплел корзину. Ее надо будет привесить к потолку, как и положено... Или вы собирались привесить ящик?!

Они хохотали минут пять, то затихая, то снова покатываясь со смеху — то искренне, а то и через силу.

Выл ветер.

— Послушай сказку, Рек... Теперь у меня нет ни компьютера, ни бумаги, а значит, я буду просто сказительницей... Да. Лет через двести... Или лучше триста... А может быть, чем пес не шутит, и тысячу... На месте нашего теперешнего дома встанет храм. Высокий храм, сложенный из тех камней, что закрывают сейчас дорогу в город... А вокруг храма раскинется столица, Рек. Огромный мегаполис на тысячу человек... на четыреста с лишним дворов. А вокруг мегаполиса будут поля, пашни, пастбища... нет, пастбищ, к сожалению, не будет, хотя кто знает... Там, где мы берем воду, будет священный источник. Дверь храма будет традиционно приоткрыта до половины... чтобы каждый мог войти. И не будет над этими людьми ни Провидения, ни правосудия упырей... Потому что все они будут состоять в родстве. Все будут считать свой род от... ну, об этом потом.

Рыцарь молчал. Глаза его делались все больше, больше...

— Новое человечество, — Ирена вздохнула. — Оно возникнет не сразу... Сперва мы расчистим поле и посадим эту дикую рожь... Потом мы отберем самые лучшие зернышки и посадим снова. Наш ребенок... — Она осеклась. — Да, ребенок... будет к тому времени уже ходить на четвереньках. Ко времени, когда придет пора сеять в третий раз, он заговорит...

Рек коснулся ладонью ее живота.

Прикосновение не было ни врачебным, ни дружеским. Ирена замолчала.

— Ирена... я не мог бы... нет. У меня не хватило бы...

...фантазии, мысленно закончила Ирена. Фантазии и наглости, вот у Анджея, например, хватило...

Мысль заставила ее содрогнуться. Рек тут же убрал ладонь.

— А в храме, Рек... Перед алтарем... будут стоять два каменных изваяния. Они не будут похожи... потому что за столетия наши лица выветрятся из памяти потомков... они будут просто мужчина и женщина. Но это не обидно, потому что все наши потомки будут похожи на нас...

Ирена прерывисто вздохнула. Рек поднял на нее взгляд — Ирена улыбнулась:

— Да... А самым страшным проклятием у этих людей будет странное слово «моделятор». Оно сократится, сотрется сотнями языков, потеряет первоначальное значение... «Малятор тебя раздери» — вот какое будет страшное ругательство. А черные колдуны в пещерах станут призывать злобный дух Малятора, и самым искусным из них удастся восстановить его имя, то, которое запрещено произносить вслух, — Анджей... Анджей!..

Порыв ветра полоснул по покатой крыше. Ударил исступленно, так, что огонь в камине едва не погас. Оклемавшись, пламя вспыхнуло с утроенной силой и в момент пожрало все предложенные ему дрова...

— Не надо так говорить, — пробормотал Рек, и Ирене показалось, что он побледнел.

— Ну вот, начало положено, — засмеялась она. — Неназываемый бывший муж мой — как черный призрак этого мира... Хотя он, если вдуматься, здешний Создатель. Но я скорее сдохну, чем позволю своим потомкам молиться ему... Рек, не смотри так. Это всего лишь сказка. И за нее никто не присудит Серебряный Вулкан...

Ладонь Река легла ей на плечо.

Другая помедлила — и снова коснулась живота.

Ирена содрогнулась от этого прикосновения. Замерла, задержала дыхание.

Там, в красном космосе, плавал нерожденный сын вампира. Безопасно покусывал беззубыми пока деснами маленький палец.

* * *

...Собрать золу до крошки, ничего не просыпать, и без того весь ковер горелый... Пронести по коридору. Пригибаясь, выбраться через занесенную снегом прихожую, прищуриться от резкого света, опорожнить ведро над черной, как вулкан, грудой золы и пепла... На ослепительно белом снегу — черная с сединой груда. Кра-

сиво. По крайней мере, впечатляет. Рек говорит, что весной зола послужит удобрением...

Смердела выгребная яма. Хотя на морозе не больно-то посмердишь, что-то будет, когда придет тепло...

Впрочем, когда придет тепло, Рек все обустроит как надо. Согласно санитарным нормам. Выкопает поглубже и подальше...

Ирена посмотрела на свои руки. Жалкое зрелище, надо сказать. Со временем надо будет что-то придумать — маслом смазывать, что ли...

Здесь, вдоль дороги, хорошо бы поставить шеренгу подсолнухов. Не может быть, чтобы не нашлось ни семечка — обязательно найдется, пусть только наступит весна...

Тот, кто сидел у нее в животе, ощутимо вздрогнул. Она испуганно прислушалась к себе — нет, преждевременные роды нам ни к чему, хотя в принципе — все возможно...

Постояв еще немного, она вернулась в дом.

В захламленном кабинете было холодно, мертвый компьютер стоял на полу, рядом — монитор, лицом к стенке; посреди освободившегося стола одинокой заплаткой лежал заплесневевший листок.

Ирена села к столу, опустила голову на сплетенные пальцы и закрыла глаза.

Рек вернется после захода солнца. Он уехал за шишками... странная идея, но, наверное, вполне уместная. Где-то там растут съедобные шишки, то есть орехи в них съедобные, если повыцарапывать их, налущить и отжать, то получится питательное масло... Рек правильно рассуждает.

Прежде чем мы выстроим вдоль дороги караул из подсолнухов... Малыша придется чем-то смазывать... Мыла почти нет. И йода...

Она провела рукой по белой странице.

...Сперва надо будет вспомнить все детские стишки... и придумать новые. Если получится. Потом — сказки... Понятные сказки, чтобы в них не было ни зверей, ни людей... Бр-р-р. Нет, про зверей и людей она расскажет ему потом — когда он научится оперировать знакомыми, естественными понятиями... Такими, как дом, снег, лес, холмы... Дядя Рек... Или все-таки пусть зовет его папой?!

...А потом надо будет придумывать приключения... дальние путешествия — в горы, в чашу, на другую сторону провала... Клады, фантастические открытия... например, машина для чистки орехов, приводимая в движение большим ржавым воротом...

Потом...

Потом надо будет придумывать истории о любви.

Ирена опустила плечи.

Вряд ли у ее детей будет хоть какой-нибудь выбор. Кровосмешение...

Кровь. «Гемоглобин»... Ее передернуло.

Неподходящие мысли. Несвоевременные. Начала-то она неплохо — шишки, подсолнухи, сказки...

Интересно, а если соорудить генератор... динамомашину... может быть, удастся оживить компьютер?.. Вот у Яна существовало же на ферме совершенно автономное хозяйство...

Снова лишняя мысль. Что ей до судеб Ника, и Эльзы, и Сита... И самого Яна, напоследок сказавшего — «Сохрани»?..

И без того мутный иллюминатор заиндевел снаружи. Перемигивались под солнцем цветные искорки...

Потом на белую стеклянную пелену легла тень. И тут же отступила.

Несколько секунд Ирена сидела, будто пытаясь поймать за хвост ускользавшую мысль. Потом сдавленно вскрикнула.

Рек?!

Даже если он вернулся заранее — зачем ходить вокруг дома?

Она подумала об этом уже на бегу.

Заваленная снегом прихожая. Утоптанный пятачок перед дверью, и сколько хватает глаз — Ирена прищурилась — только снег, черные силуэты деревьев, ни единого живого существа...

Увязая по колено, она обошла вокруг бочкообразного строения. Перед окном кабинета остановилась.

Да, лучи низкого солнца падали на заиндевевшее стекло. Да, на небе не наблюдалось ни тучки...

И на снегу не было чужих следов. Только отпечатки Иреииных ног, и отпечатки бесформенные, потому что бахилы сооружены из подручных средств...

А значит, нечего забивать себе голову. Нервы, померещилось, галлюцинация.

* * *

Под вечер резко похолодало. Ветер задувал в незакрывающуюся входную дверь, и никакие пологи, одеяла и внутренние защелки не помогали.

Рек свалил в прихожей свои драгоценные шишки; шишками, кстати, можно топить, а запас дров на ночь был не так уж велик. Натянув сшитые из пледов комбинезоны, укутавшись в слой одеял, Ирена и рыцарь легли спать на диване в гостиной — в обнимку. В целях экономии тепла.

...Карусель среди двора. Скрипучая карусель, да еще качели, да еще песочница...

Ирена вздрогнула.

Рек не спал. Смотрел на нее.

— Тебе не холодно? — спросила она шепотом.

— Нет.

— Рука затекла?

— Нет...

За стенами выл ветер.

Вероятно, Рек-Шиповник был счастлив.

Вероятно, в детстве он мечтал о свободе и подвигах. И еще о славе; впрочем, жизнь бескорыстного рыцаря изначально предполагает бесславие.

Возможно, юный Рек мечтал и о женщине — единственной, недосягаемой, столь же не похожей на реальных и уступчивых девушек, как солнце отличается от сальной свечи...

Романтичный Рек.

Только об одном он не мечтал никогда — что окажется свободным от воли Провидения, проснется среди пустого мира, и все его ежедневные подвиги будут посвящены легендарной сочинительнице Хмель...

— Спи.

— Я сплю... — Он закрыл глаза.

...Как долго он не мог отвыкнуть от оглядки на Провидение! До сих пор не отвык... Это он-то, с малых лет привыкший жить ВОПРЕКИ. Как удивлялся он и даже пугался, когда оказывалось, что и удачи, и травмы приходят сами по себе, без оглядки на поступки, которые можно было бы считать *хорошими — либо плохими*...

Впрочем, объект для таких поступков теперь был только один — Ирена.

И ей не раз и не два приходилось задумываться, что было бы — мороз по коже! — если бы их с Реком отношения взялось бы регулировать Провидение...

А что было бы, если бы в мире Толкователей, в МОДЕЛИ, где остался Ян, Провидение в одночасье сдохло?!

Очень часто такие раздумья заканчивались позывами к рвоте. В ее положении — нет ничего удивительного...

Прыгнул в животе ребенок — Ирена тотчас же почувствовала, как напрягся Рек.

Он ощутил. Сквозь одеяла и комбинезоны, сквозь слой утепляющих тряпок он поймал движение внутри Ирены. Там, где нетерпеливо возилось новое существо, ожидающее своей очереди посмотреть на солнце...

— Ты не спишь?

Рек открыл глаза.

Его запекшиеся губы царапнули ей кожу на скуле. И он тут же

отпрянул, ожидая — чего? Немедленной расправы Провидения? Возмущенной пощечины?..

— Все будет хорошо, Рек...

Удобная фраза. Сойдет и в качестве заклинания.

* * *

Он вернулся позже обычного. Несколько раз она выходила на дорогу его высматривать, хоть картину пиши — одинокая женщина ждет мужа домой, а кругом — только снежная равнина...

Она увидела его издалека. Рыцарь шел на самодельных лыжах — то прогулочным шагом, а то пускался почти бегом...

Он сильно осунулся. Лицо было мокрым от пота.

— Что?

— Снег... липнет. Тяжело идти...

Впервые за много дней у него есть что скрывать. Более того, он считает, что промолчать будет лучше для них обоих...

— Что там такое, Рек?!

Он перевел дыхание. Вытер лоб рукавом. Все еще молча.

Она сдержалась. Позволила ему снять лыжи, войти в дом, переодеться, протянуть руки к огню...

Ее самообладание дорого ей стоило.

— Ирена...

— Ну?!

— Там... мост. Через провал. Вроде как... перемычка из снега, а потом снег подтаял, и... Я НЕ ЗНАЮ, как это могло получиться, но там МОСТ НА ТУ СТОРОНУ. Вот...

У него подкосились ноги. Он опустился в кресло, положил руки на колени, пытаясь унять дрожь.

Ирена молчала.

Мир на двоих. Мир-капля...

Кто сказал, что МОДЕЛИ не развиваются? Не меняются, не растут?!

Открытия новых материков... Господи, а полеты в космос... какие полеты, что может сравниться с такой мелочью, как приоткрытая дверь бронированной камеры, узенькая щель, сквозь которую...

— Не поверю, что ты не пробовал перейти, — сказала она шепотом.

Рек опустил глаза.

— ...Мог сорваться... и я осталась бы одна...

Она тут же пожалела об этих словах. Уж больно жалко они прозвучали.

Белесые Рековы брови сошлись на переносице двумя значками «тильда»:

— Я... почти перешел... на ту сторону. А потом...

Он замолчал.

Собственно, и так ясно, что было потом. Упрек, сорвавшийся с Ирениного языка, мог относиться к кому угодно, но только не к Реку. Уж в чем в чем, а в безответственности рыцарь ни разу не был уличен, он скорее умрет, чем бросит Ирену в одиночестве...

Она на минуту представила, как разбитый о дно пропасти Реков труп поднимается и идет к ней — ведомый долгом.

Содрогнулась.

В камине догорали дрова. Надо было подбросить новых, но Ирена не двигалась, смотрела на руки сидящего перед ней человека, тонкие, вздрагивающие, покрытые мозолями руки...

— Я вернулся, — сказал Рек шепотом. — Потому что я подумал... Лед ведь в любую секунду может... что, если я останусь на той стороне, а ты — на этой?!

— Сколько он простоит? — Ирена удивилась, как сухо и деловито прозвучал ее голос.

Рек пожал плечами:

— Оттепель... ветер... не знаю.

* * *

Действительно ветер. Да еще какой; Ирена прищурилась.

Неторопливые лыжные прогулки полезны будущим матерям. Конечно, следует знать меру... и не нервничать, ни в коем случае не волноваться, ни-ни...

Рек не смотрел ей в глаза. Возможно, его вина представляется ему ужасной — не сумел скрыть... более того, не посчитал возможным скрывать...

Какая красота.

Великолепие, черт бы его побрал; то ли капризом природы, то ли еще чьей-то причудливой волей воздвигнута здесь эта ледяная арка, огромная сосульчатая борода, хрустальное чудо, и рукой подать до противоположного края пропасти...

Кстати, что там, на дне? Неважно. Голограмма, чистая видимость, будь там вода, или камни, или вообще ничего, пустота...

Рек что-то тихо сказал, но ветер унес его слова прежде, чем Ирена расслышала их, и рыцарю пришлось повторить, почти выкрикнуть:

— Мы не пойдем туда!

...Подсолнухи вдоль дороги... новое человечество, дома и дворы, колыбель из прутьев...

Не стоит себя обманывать. Не будет, конечно, никакого нового человечества, но ребенка-то родить надо, там, в теплом доме, для него готовы и кроватка, и пеленки, и...

— Мы не пойдем туда, Рек! Мы не можем...

«...рисковать. Мы и не будем рисковать, Рек», — добавила она про себя.

Что еще встретится там, на противоположном берегу, в лучшем случае — снежная пустыня, в худшем...

Чем дольше Ирена вглядывалась в противоположный берег, тем настойчивее ей мерещилась цепочка следов на снегу. Наваждение, нет никаких следов, это ветер покрыл снег узорами, это низкое утреннее солнце подчеркивает любую выемку...

Зачем, черт побери, она пришла сюда?! Разве она имеет право на этот выбор? Будь она одна... но внутри нее живет ОН. Она сколько угодно может презирать очаг и крышу над головой, но для НЕГО очаг и крыша — вопрос жизни и смерти...

Сохрани, сказал Семироль. И отдал, по всей видимости, за это СВОЮ жизнь...

Со всем можно смириться и ко всему привыкнуть. Разложить по полочкам, прикинуть на века вперед, ну ладно, не на века, на годы...

Вот он, кошмар. Издевательская веревочка, ведущая... куда? В никуда, скорее всего. Манок. Ловушка. Тест.

Рванул ветер. Гроздь сосулек, висевшая под брюхом моста, будто вымя, тяжело оторвалась, полетела вниз; где она уже видела это? В каком фильме? Мультфильме? Комиксе?!

— Рек...

Он обнял ее. Желая прикрыть от ветра.

— Ирена... не надо плакать.

— Нам ведь хорошо, Рек, — сказала она сквозь слезы. — Мы будем хорошо жить...

Он кивнул, соглашаясь.

— Мы сможем вырастить его...

Вампирьего сына, издевательски подсказал ветер.

Новая гроздь сосулек обрушилась в пропасть.

— Рек... а вдруг там... ВЫХОД?!

Она сама не слышала своих слов — но Рек услышал. Сдавил ее руку:

— Ирена...

— Или нет... ты иди. Не волнуйся, мост... он еще постоит. Только посмотри...

Рек сжал губы. Лицо его сделалось сосредоточенным и жестким — как тогда, перед разгромом маленького рынка на перекрестке...

— Нет. Ни за что.

* * *

Он почти не был скользким, вот что интересно. Он резал пальцы; он был безумно красив, низкое солнце преломлялось в толще льда, посверкивали застывшие пузырьки воздуха...

Казалось, он никогда не кончится.

Ирена продвигалась вперед — по сантиметру, по волоску, то на четвереньках, то верхом, цеплялась руками и ногами за малейший выступ.

Странно, но пропасть совсем не беспокоила ее. Не было ни «сосущего взгляда», ни «зова пустоты» — как будто и не существовало пропасти, как будто невиданной красы ледяной мост пролегал над вощеным паркетом...

На паркет, кстати, очень больно падать.

Вот только палец, порезанный, кровоточит. Пачкает ледяное великолепие...

Потом она перестала думать. Двигалась, как насекомое, механически сокращались мышцы, вперед, вперед...

И пришло воспоминание.

Заезжий парк развлечений, аттракцион «Дорога в никуда». Снизу смотреть было любопытно и весело, а вот продвигаться по прозрачной арке над площадью оказалось неожиданно тяжело и страшно... да еще ветер играл ее юбкой, то и дело заголяя бедра. Она ползла, стиснув зубы, привычно проклиная Анджея — хотя идея залезть на «Дорогу» принадлежала именно ей... И проклиная устроителей, соорудивших посетителям пытку за их же деньги. И проклиная зевак, галдевших внизу и показывавших пальцами... так, браня все на свете, добралась до противоположного края арки...

На выход.

Она подняла голову.

Рек уже прошел мост до конца. Обернулся, протянул руку...

В то время как между Иреной и рыцарем еще оставался непройденный ледяной путь. Некоторая часть пути.

Все, что думал сейчас рыцарь, в открытую отражалось на его лице.

Мучительно выгибались светлые брови; Рек ненавидел себя за то, что не умел уговорить... удержать... смолчать, в конце концов, оставить все как есть...

В ушах у Ирены — наваждение или шутка ветра?! — забренчала развеселая музыка, в которой она неожиданно для себя узнала то самое банджо, сопровождавшее ее путь по развлекательной «Дороге в никуда».

Мгновение спустя обращенное к ней лицо вдруг исказилось до неузнаваемости. Рек что-то увидел у нее за спиной...

Лед под ней дрогнул. Вцепившись в мост руками и ногами, она оглянулась.

Причудливое сооружение на глазах теряло блеск, мутнело, покрываясь трещинами. Мост уже не был мостом; переломанный, будто хребет издохшего ящера, он ронял позвонки один за другим — потерявшие друг друга осколки летели в пропасть беззвучно, по крайней мере Ирена не слышала ни звука, только визг ветра и бесконечный танец солнца на сколах, на ледяных гранях...

Дорога в никуда.

Моста больше не было. Осколки его веером летели ко дну — если только у пропасти есть дно...

Рек закричал.

Брень-брень-брень, прозвенело банджо в Ирениных ушах.

Темнота.

ГЛАВА 15

Просто прессованный ветром снег. Произвольные узоры да еще низкое солнце, подчеркивающее каждую выемку...

Ирена постояла, беспомощно мигая полуослепшими, слезящимися глазами. Что-то странное случилось с восприятием цвета — белое, покрытое снегом пространство вдруг предстало перед ней во всех оттенках красного.

Голая роща. Холмы. Ветер стих... А был ли здесь ветер? Живописная груда валунов... на месте ее дома. Ее вечного дома.

Красный цвет перетек в фиолетовый. В синий; мгла отступила, теперь мир виделся по-прежнему — белым...

Сесть на снег?

Она поколебалась. И медленно пошла вперед.

Скрип, вкрадчиво говорил снег. Скрип, скрип...

Тот, что жил внутри нее, притих.

И в мире стояла тишина. Купол из выцветшего неба, тарелка из блестящих снегов, скрип, скрип...

У подножия холма она поняла, что может думать. Думать без усилий.

Отстраненно.

Семироль.

Рек.

Ян остался прикрывать ее и, вероятно, отдал жизнь...

Бескорыстный рыцарь был отсечен от нее будто ножом. Отрезан. Брошен в предыдущей МОДЕЛИ, один, на краю пропасти...

Она вздохнула. Все чувства притупились — осталась горькая констатация.

Ты сделал все возможное, Рек, сказала она, как будто бы рыцарь мог ее услышать. Ты же не провидец — не можешь смотреть наперед... Я так хочу, чтобы ты остался жив. Не сорвался в пропасть, пытаясь спасти меня... И не замерз посреди снежной пустыни. Выживи, бескорыстный, окажи мне эту последнюю услугу...

Снова поднялся ветер, на этот раз несильный, постоянно меняющий направление. Уж кому-кому думать о выживании, так это ей самой. Спустя полчаса эта проблема станет главной...

Неужели Анджей допустит?!

Анджей допустил тюрьму и суд. Зачатие и побег. Яна, Троша, Провидение, Река, обвал ледяного моста...

Анджей мертв. В лучшем случае. Создатель — мертв... Провидения нет.

Все эти новые МОДЕЛИ — просто круги одной воронки, Ирена скользит сквозь них, повинуясь тем же законам, что и катящийся с горы камень...

— Не будет нового человечества, — пробормотала она сварливо.

И села в снег.

* * *

...Она в девятом классе. Читает на школьном вечере свои стихи:

Я хочу быть серой мышкой
Под скрипучей половицей,
Грызть оброненную корку
И не думать ни о чем.
Я хочу быть черной кошкой
На бесшумных тонких лапах,
Спать в высоких травах лета
И не думать ни о чем.
Я хочу быть темной точкой
На далеком горизонте.
Никогда не приближаться.
Никогда не исчезать...

«Что за странное мировоззрение», — говорит ее однокашник Санька, он очкарик и любит красивые слова, а она любит его — то больше, то меньше, но ей кажется, что по-настоящему. «Что за странное мироощущение, я, например, хочу быть ураганом и ломать леса, будто спички...» — «Зачем ломать леса?!» — «К примеру... Это не значит, что я стану их ломать. Но ЧУВСТВОВАТЬ, что я сильный и многое могу... а главное, хочу... А ты что же, собираешься всю жизнь проспать?! Это на тебя похоже, Хмель...»

И он уходит в компанию других однокашников, там шумно и весело, и кто-то приволок четверть литра шампанского в бутылке

из-под лимонада, и все пьяны не столько от микроскопической дозы спиртного, сколько от собственной изобретательности...

«А ты, Хмель? С тобой не захмелеешь...»

— Ирена! Ирена! Ирена!..

Детские голоса.

Это ее дети?!

— Ирена!..

Она стоит на снегу.

Хорошо бы еще хоть что-то, кроме снега, увидеть.

Она протерла глаза, и они показались такими маленькими на ощупь, а отекшая рука — такой большой...

А, вот оно что.

Десяток ребятишек от восьми до двенадцати гоняют шайбу по поверхности круглого озера. Справа и слева — импровизированные ворота, два пластмассовых ящика из-под пустых бутылок. От пацанов валит пар. На заснеженном берегу валом сброшены куртки и шубы. Мелькание ярких свитеров и шапочек провоцирует рябь в глазах, кое у кого из хоккеистов на спине пристрочен номер, у самого младшего, щекастого и круглого, на ветровке нарисованы клыкастые челюсти и написано «агрессор»...

Все это Ирена разглядела в мельчайших подробностях. С эффектом, можно сказать, присутствия. Мальчишки азартно вопили, коньки аппетитно резали лед, тяжелая шайба стукалась об увитые изолентой клюшки...

Ирена огляделась в поисках Река. Нет рыцаря, пусто...

Бред.

— Бред, — сказала Ирена жалобно.

Гол. Забившая команда возликовала; Ирена содрогнулась от мощного вопля полудесятка мальчишечьих глоток.

Бред ли?

Она сделала шаг. Другой...

Мальчишки не обращали на нее никакого внимания.

Их тренер — тоже.

Тренер сидел на низкой некрашеной скамеечке, Ирена видела его спину и затылок.

Широкие плечи, обтянутые потертой курткой. Непокрытая голова, чуть вьющиеся волосы с изрядной долей седины. Мальчишки носились и орали — единственный зритель наблюдал спокойно, чуть снисходительно, иногда делал отметки в записной книжке.

Ирена шагнула еще. Оступилась, еле удержалась на ногах.

Мальчишки вопили — ей казалось, что беззвучно.

— Анджей...

Он обернулся.

В какую-то секунду ей показалось, что сейчас он вернется к своему делу. Преспокойно обернется к играющим мальчишкам, еще и прокричит им в поощрение что-нибудь вроде «давай-давай»...

Сколько раз она ошибалась? Видела ЕГО в других людях?

Первый раз — давным-давно, в машине Семироля. Потом — в том склепе-небоскребе, дворце Толкователей, когда свет слепил глаза, а голова торчала в пасти каменной зверушки. А теперь слепят солнце и снег...

— Привет, Хмель. Ты неважно выглядишь.

— Привет, Кромар, — отозвалась она в тон. Просто по инерции. — Зато ты выглядишь превосходно.

Он поднял брови:

— Не узнаю тебя... Где же отсроченная реакция?

— Просто время здесь идет слишком медленно, — отозвалась она шепотом.

Хотелось спросить что-то совсем уж глупое. Например: «Это действительно ты?!»

Что ему сказать-то? Господи, Создатель, о чем с ним говорить? После всего, что случилось?!

Она действительно плохо выглядит. Просто ужасно. Но... «Неважно выглядишь» — все, что может сказать человек, впервые увидев свою бывшую жену с огромным животом?!

Она так и топталась бы, переминаясь с ноги на ногу, если бы тот, кто сидел на скамейке, не подвинулся. Будто приглашая усесться рядом.

Мальчишки верещали. С момента, когда сидящий на скамеечке обернулся, было забито уже два гола — по одному в каждые ворота; наверное, со временем действительно творилось что-то неладное. Или оно попросту приспособилось к ритму Иренинога восприятия?..

— Кто это? — указала она на мальчишек.

Он пожал плечами:

— Да так...

— Одна моделька?

— Да... Одна моделька. Ты угадала.

Иренина длинная тень на снегу казалась автономным, совершенно самостоятельным существом.

— Садись, Хмель...

Она присела на самый краешек скамейки.

— Го-ол! Го-ол!! Двести восемнадцать — двести шестнадцать!..

Мальчишки не выглядели усталыми. Шайба, мир клином сошелся на шайбе, никто даже не взглянул на Ирену... Хоккеисты были нелюбопытны — или попросту не видели ее?..

— Что же ты молчишь, Хмель?

— Разве нам не о чем помолчать?

Тот, что сидел рядом, удовлетворенно хмыкнул. Кивнул на мальчишек с некоторым самодовольством:

— Тебе нравится?

Она молчала.

— Ты плохо обо мне думаешь, Хмель.

— Разве? — удивилась Ирена.

Ее длинная тень достигала макушкой льда.

Хорошо бы вспомнить что-то хорошее. Что-нибудь теплое, связанное с Анджеем... Это было бы очень кстати. Потому что в момент, когда от нее требуется проявить все свои силы и способности, — в этот самый момент она уже ни на что не годна. Обидно.

Коньки оставляли на льду белые бороздки, в них преломлялось солнце, казалось, что лед подернут светящейся паутиной. Алмазной пылью носились подхваченные ветром снежинки.

— Красиво, правда? — спросил Анджей.

Ирена прищурилась.

Наваждение было мгновенным. Перед глазами у нее потемнело, снежинки обернулись рассеянными в пустоте светлячками — безумно величественное, редкое в своей красоте зрелище... Кажется, нечто подобное она испытала, когда в шесть лет впервые попала в планетарий. Но там была тень, слабое подобие мира, открывшегося Ирене в эту минуту...

Снег снова стал белым. Черная шайба улетела в сугробы, мальчишка в бордовом свитере полез извлекать ее, прочие азартно поторапливали...

— Красиво, — сказала она еле слышно.

И впервые решилась посмотреть ему в глаза.

Нет, он не изменился. С таким же лицом он мастерил свои спичечные «модельки», колдовал за компьютером, кормил голубей...

Наверное, он похож был на вдохновенного дирижера за пультом. Во всяком случае, глаза его казались скорее упоенными, чем безумными.

— Анджей...

— Да?

— Ты удовлетворен?

Над озером стояло, повторяя его форму, круглое облако.

— Гм... Видишь ли, Ирена. Удовлетворен бывает бык-производитель, только что покрывший половину стада...

Облако медленно поворачивалось, приобретая странно знакомые очертания: призрак спирали, два залихватски завернутых рукава...

— Слишком трудно, Ирена... и ведь совершенства не бывает. Оно и не нужно никому, совершенство...

Ирена молчала.

Кстати пришлась бы сковородка. Или даже стопка фарфоровых тарелок; она последовательно разгрохала бы их о скамейку — со звоном, с визгом, со слезами. Она закатила бы классический семейный скандал, она потребовала бы немедленно вернуть ее на привычный диван, отмотать обратно время, прекратить наконец издевательство...

Почему-то ей казалось, что именно гротескная, на грани фарса «бытовуха» уместна под этим облаком и под этим солнцем. Может быть, мальчишки на время оставили бы свою игру, оглянулись бы на грохот посуды...

— Ты шутишь? — спросила она на всякий случай.

— Нет... — Он улыбнулся.

Она ощутила себя лишней.

Назойливой посетительницей, явившейся не вовремя, с просьбой столь мелкой, что ее неловко произнести вслух...

О чем она может говорить с ним?

Как он это делает? Зачем? С чего все началось и чем закончится и закончится ли вообще?..

Эй, господин Петер! Я выполнила ваше задание... вернее, первую его часть. К сожалению, исполнение ваших дальнейших инструкций не представляется возможным...

Тем более что вы, скорее всего, уже и не существуете. Пали жертвой «вероятностных катаклизмов».

Что поделаешь, господин Петер. В конце пути я встретила не совсем того, кого ожидала встретить. Да и вы, наверное, не ждали такого поворота событий...

Ирена тяжело поднялась. Грузно колыхнулся живот.

— Будь здоров, Кромар. Привет.

Тот, кто сидел на скамейке, поднял на нее слегка удивленные глаза:

— Уже уходишь?

— Да... Мне пора. — Ирене вдруг стало весело. Вот так, развернуться и уйти; возможно, прежде чем солнце сядет, она найдет какое-нибудь волчье логово и завалится спать...

Она обернулась к Анджею спиной. Тяжело, что нет рядом Рекового локтя, не на что опереться...

Впрочем, она вполне еще держится на ногах. А ветер теперь дует в спину, а значит, идти будет легче...

Она вдруг улыбнулась. Из давних-давних воспоминаний вынырнула странная дамочка, визитерша в синем: «Гению не нужна жена — ему нужен друг, соратник... нянька...»

А Создателю, вероятно, вообще никто не нужен.

— Хмель!!

Слово впилось ей под лопатку, как небрежно пущенная стрела. Как пластмассовая стрела с наконечником-липучкой, игрушечная стрела из тех, которыми Анджей Кромар на спор попадал в яблочко десять раз из десяти...

— Что, Анджей?

Покрытое льдом круглое озеро завертелось, как виниловая пластинка.

* * *

...Костер под защитой базальтовой скалы. Сухое дерево, погибшее, но не упавшее, давало обильную пищу огню. Изогнувшись в немыслимой позе, дерево прикрывало путников от черного неба. Вернее, пыталось прикрыть — потому что голых веток не хватало на все это необъятное пространство, на эту колоссальную полусферу, усеянную мерцающими точками...

Ирена глядела вверх — и видела снежинки, вертящиеся над узорчатым льдом. Раскрасневшиеся мальчишечьи лица, стук клюшки, пар изо рта...

— Что ты так смотришь... Кромар?

Костер вспыхнул ярче. В огне проступили очертания замка, причем половина башен обрушилась, и над донжоном вздымалось пламя. Осадная башня, таран у ворот, полчища варваров, взбирающихся на стены...

Давний рисунок в записной книжке. Незаконченная повесть.

Ирена закусила губу. Если бы тогда, в той давней жизни, она умела писать вот ТАК. Так мощно. Так захватывающе, так красиво, в конце концов...

— Не надо, — сказала она тихо. — Не надо моделировать смерть.

Пламя опало. Костер горел, как прежде, более того — пора подкинуть сушняка...

— Я надеялся, что ты поймешь меня, Хмель.

— Тебе так нужно мое понимание, Кромар?

— Нет, — отозвался он нехотя. — Я проживу и так... Но я еще помню, как ты ерзала над своими... рассказами. Как протирала юбку, бледнела и хихикала, носилась по дому, как сумасшедшая... Ради чего?

Она молчала.

— Любой школяр, написавший звучную строчку... Любой гончар, удачно вылепивший свой горшок... способны понять меня, Ирена. Вообрази — бесчисленное количество гончаров... как звезд

на небе. И каждый вынимает из печи лучший в своей жизни кувшин... и все они — во мне.

Она молчала.

— Ты хныкала от радости над исписанным листком, Хмель... А я...

Он поднял глаза, и Ирена невольно проследила за его взглядом.

Среди неба висела, распустив хвост, явившаяся из ниоткуда белая комета.

Ирена молчала.

Только что он создал и уничтожил МОДЕЛЬ — в костре, в течение минуты. Маленькую локальную МОДЕЛЬ, но кто знает, были ли варвары на стенах всего лишь движущимися фигурками... И не было ли у них прошлого и будущего. И чем они отличались от рыцаря Река, вампира Яна, врача Ника...

— Ты... немножечко страшный, Кромар.

— Разве? — Кажется, он искренне удивился.

Она перевела дыхание.

— Меня послали, чтобы ты свернул МОДЕЛЬ.

Тот, что сидел напротив, улыбнулся:

— СВЕРНУЛ? Так-таки и просили передать?

Костер догорал, но Ирена ясно понимала, что, потянувшись за сухой веткой, сразу же свалится на бок. Лучше уж не позориться.

— Да. Именно так и просили передать... более того, грозили прикрыть МОДЕЛЬ снаружи. Дабы избежать вероятностных катаклизмов...

— Клизма, клизма, клизма, — рассеянно пробормотал тот, что сидел напротив. — Катаклизма...

— Петер говорил... — Она проглотила слюну. — Говорил, что не хватает ресурсов. Петер боялся... что РЕАЛЬНОСТЬ изменится, Кромар. Раковая опухоль на вероятностной структуре...

— Оглянись, Хмель. Разве ЭТО не реальность?

Ирена оглянулась.

Базальтовая скала, закрывающая треть неба. Искры, по спирали летящие вверх, комета, распластавшаяся среди звезд, будто вычурная пряжка среди россыпи пуговиц...

— Любой ребенок, впервые построивший башню из песка... способен понять меня, Хмель. Да что там — любой птенец, пробивший скорлупу изнутри... поймет меня.

Она улыбнулась.

— Чему ты смеешься?

— Ты патетичен... Мне показалось, что ты выдержишь полновесную паузу... и скажешь: все это для тебя, Хмель. И полезешь целоваться.

Дерево заскрипело. Комета оставалась неподвижной.

— Нет, — шепотом сказал тот, что сидел напротив. — Не надейся.

Он встал. Ирена напряглась — но он всего лишь подбросил хвороста в огонь. Все так же, по спирали, взметнулись искры.

— Зачем ты ждал меня, моделятор?

Он молчал.

— Зачем ты звал меня? Зачем ты построил для меня... коридор? Комнату страха, совмещенную с сумасшедшим домом? Зачем?

Ниточки огня прорастали сквозь завал из сухих веток. Тянулись к небу, и хворост потрескивал все громче и громче.

— Ты ненавидишь меня, моделятор? До сих пор?

— Нет, — сказал он после паузы.

— Это очень кстати. — Ирена удовлетворенно кивнула. Погладила свой живот; подняла голову и посмотрела ему в глаза и не отводила взгляда, пока огонь, прорвавшись наконец сквозь завал из веток, не встал между ними пульсирующей стенкой и дрожащий воздух не исказил черты сидящего напротив до неузнаваемости.

— Я... ошибся, Хмель. Когда-то давно я верил, что смогу смоделировать мир из нас двоих... Не для нас, а ИЗ нас, понимаешь?

— Семья — ячейка общества, — сообщила она равнодушно.

— Неработающая модель, — ее собеседник пожал плечами. — Несовершенная... ты так в нее и не вписалась.

— Я виновата, — Ирена желчно усмехнулась.

— Возможно, — сказал собеседник с неожиданной злобой.

— И ты решил меня наказать...

— Нет... Я не такой уж плохой моделятор. Все, что я сделал, — несовершенно... и потому живет. Само по себе... развивается. А наша с тобой маленькая модель... развалилась. Сдохла.

— Чего ты хочешь от меня? — спросила она сухо.

Потрескивал огонь.

— Я вел тебя, — сквозь зубы признался тот, что сидел напротив. — Сквозь МОДЕЛИ. Я... не хотел терять тебя из виду... но все равно почти сразу потерял.

— Скотина, — сказала она равнодушно. И удивилась собственной душевной пустоте.

— Возможно... Вмешаться-то я все равно не мог... Для этого надо было свернуть все к чертовой матери, а мне было жалко... затраченного труда.

— Понимаю. — Она кивнула. Погладила живот. Улыбнулась. — Не ревнуешь? Ни капельки?

— Пузо — не болезнь... — с нехорошей улыбкой отозвался моделятор. Улыбка перелилась в гримасу: — Я не ждал, что ты сможешь... подстилка...

Он тяжело дышал. Лицо его сделалось темным от прилива кро-

ви; возможно, Ирена походя ткнула пальцем в незажившую язву. Моделятор, попавшийся в собственный капкан, ревнивец, когда-то поколотивший в подворотне случайного ухажера разведенной жены, бесстрастный Создатель, наконец-то потерявший маску бесстрастия...

Она прислушалась к себе. Возмущение? Шок? Ничего подобного.

Усталость, немножко — сочувствие... Да-да. Почти жалость к этому чудо-мастеру, ненароком отхватившему топором собственную руку — и теперь исходящему гневом над кровавым обрубком...

— Ты и за ЭТИМ наблюдал? — спросила она с усмешкой.

Ее собеседник замолчал. Ходили желваки под потемневшей кожей.

— Ответь мне, Кромар... Это важно. Ты НАБЛЮДАЛ?

Тот, кто сидел напротив, мотнул головой. Жест, который мог означать что угодно.

— А теперь не понимаю, — пожала она плечами. — Для тебя все это... игра? Испытание?

— Для меня это ад, — глухо сказал моделятор.

Комета ползла по небу, вероятно, так двигалось время, и, пока они молчат у вечного костра, где-то проходят дни и недели, месяцы...

— Как ты любишь... свои чувства, Кромар. Любые. Свою любовь... даже свои страдания. Творчество свое хваленое, талант свой замечательный, гений в себе и себя гениального... Тебе кажется, что, сидя с веточкой над сотворенным тобой муравейником, ты крупнее, интереснее, ценнее любого из проползающих муравьев... Это хорошо, что тебе так кажется. Иначе ты не смог бы оставаться моделятором.

Свет костра лежал на лице ее собеседника, будто маска.

— Боюсь огорчить тебя, Кромар... Все это уже было. Все эти новые вселенные — я читала, и не раз... Почти слово в слово. Ты не вполне оригинален... Но дело даже не в этом. Любой человек... следящий за птицей в небе... или стоящий на кладбище в толпе прочих и слышащий, как осыпается свежая земля... знает цену НАСТОЯЩЕМУ. Люди отдают жизнь за кого-то... как Ян...

Ее собеседника передернуло. Ирена усмехнулась:

— ...Или, наоборот, эту жизнь кому-то посвящают... как Рек. Не вздрагивай, моделятор. Твой успех действительно обернулся поражением — в твоем игрушечном мире живут сотворенные тобой же личности куда более интересные и крупные... А ты, сидящий с веточкой у муравейника... превратился в функцию. Ты фокусник, Кромар, ты затейник и оригинал... ну ладно, еще и Создатель... ты самодостаточен. Как фейерверк. Ты творец, ты одинок

по определению, ты — сам себе модель... Зря ты вбил себе в голову, что тебе нужна какая-то там строптивая женщина. Это каприз, Анджей... Это твоя ошибка... — Она помолчала, прислушиваясь к собственным ощущениям. — ...Андрусь.

Он вздрогнул. Резко взглянул Ирене в глаза — сквозь дрожащий воздух, сквозь языки пламени.

— Ну что, теперь я поняла тебя? — улыбнулась она.

Разом погасли звезды.

Это было жутковато — как будто с неба опустилась внезапная слепота.

Но костер горел по-прежнему ярко, Ирена ощущала идущее от него тепло...

— Модели сворачиваются, — глухо сказал тот, что сидел перед Иреной.

Она инстинктивно прикрыла глаза. Короткий спазм охватил низ живота, толкнул в поясницу, отступил.

Сворачивается площадь с дворцом Толкователей, город с воротами и подъемным мостом, с базарами, с гостиницей «Три козы», с гарпиями у входа в институт...

Сворачивается ферма вместе с пристройками, с живописными горами, с коровами в сарае, с антенной на крыше...

Новый спазм.

Ничего, ничего, ничего. Это еще не схватки. Это так, предвестники, ничего, мы еще поборемся...

Сжав зубы, она посмотрела поверх костра.

Моделятор сидел прямо, как памятник самому себе, только у памятников не бывает таких искаженных лиц.

— Ирена... Неправда, что ты не нужна мне.

Новый спазм. Боль, достигнув пика, плавно пошла на спад.

— ...В любой из моделей... я оставлял место для тебя. Чтобы ты могла попасть туда... как деталь мозаики. Единственно необходимая деталь...

Налетел ветер. Ирена почти не ощутила его — но сухое дерево с треском сбросило ветку.

— ...Но я ничего не могу с тобой поделать, Ирена. Прости... меня.

...Зеленая трава, лошади в плюмажах, рукоплещущие дамы, трубы, шатры, флажки, оруженосцы, рыцари, турнир... Длинное копье, влетающее в яркое поле кичливого щита, клетчатое небо, струйка коричневой крови из-под забрала...

Королева на башне, прозрачное покрывало, солнце, коршуны, золотой венец, играющий шелк, женщина, стремительно летящая со стены — в ров...

Как больно. И как жалко вампира Яна, как жалко доктора Ника, чьи сыновья верят в отцовскую смерть...

Верили.

Может быть, так и надо? Что потеряет Ник, если вселенная прекратит свое существование?

Бедный Рек. Он не заслужил бесславной смерти...

Не смерти даже. Исчезновения.

Ян... Ян, что же делает со мной твой сын, он разрывает меня изнутри... Ян!!

— Анджей... не надо. Пусть... будет. Все, что уже создано... имеет право на жизнь. Пусть будут МОДЕЛИ... Черт с ними. Ничего не надо сворачивать, пожалуйста, оставим все как есть...

Боль опоясала ее, как железный пояс верности.

Семироль... Ник, Трош, Эльза. Громила Сит... И, кстати, те три мальчика, которых смоделировали затем, чтобы они послужили жертвами. Те трое, за убийство которых Ирену осудили...

Беловолосая девочка из «приюта для убогих», которую никто никогда не погладит просто так...

Казнь. Всеобщая, ступенчатая, неотвратимая казнь.

Железный пояс затянулся туже.

— Что с тобой? — Ее собеседник только сейчас заметил неладное.

Ирена оскалилась. Создатель, моделятор, творец, слепой как крот...

А что, если ребенок в ее чреве свернется вместе с МОДЕЛЯМИ?!

Пустое беззвездное небо.

Дайте мне только добраться до бумаги, дайте! Я придумаю для этой истории счастливый финал...

— Ирена?!

Она ощутила его руки на своих плечах. Впервые за столько времени — его руки...

...И стук чужого сердца — обычно медлительного, а теперь позволившего себе сбиться с ритма. Сейчас он упадет на колени, ткнется лицом в ее огромный живот, и ей останется только материнским жестом потрепать его по седеющей макушке...

Она усмехнулась:

— «Ты не умеешь раскаиваться, сказала ящерица».

— Что?

— Ничего, — она снова усмехнулась сквозь боль. — Просто так. Цитата.

Теперь костер был всюду — но не жег. Легонько покусывал. Как застарелая совесть.

ЭПИЛОГ

На повороте, где дорога выписывала петлю над самым обрывом, Ирена остановила машину.

— Погоди, Андрусь. Одну минуточку...

Провал начинался сразу же за полосатыми столбиками дорожной разметки. На дне провала сидело самое настоящее облако — даже на вид плотное, струйчатое, медленно перетекающее само в себя. Серые ложноножки, поднимаясь над краем провала, таяли в лучах восходящего солнца — сквозь расплывающиеся лохмотья проступали горы, дальний лес, красная крыша маленькой кофейни, до которой еще десять минут езды...

Ирена смотрела.

Из-за поворота осторожно — а в этих горах все ездят осторожно — выглянула длинная белая машина. При виде созерцающей Ирены притормозила, остановилась; из-за руля выбрался высокий чернявый мужчина — Ирена его где-то уже видела. Впрочем, в этих местах все когда-нибудь встречаются, людей-то не так уж много...

— Что, машина сломалась? Помочь?

Над опадающими клочьями тумана летела, мерно взмахивая крыльями, белая птица. Лес проступал яснее — он тянулся с горы на гору, будто небрежно наброшенная шаль.

— Извините, если помешал...

Она очнулась:

— Нет-нет... спасибо. Все в порядке.

В машине требовательно захныкал ребенок.

— Тихо, Андрусь, сейчас поедем...

Малыш ерзал в своем креслице, укрепленном на заднем сиденье машины.

Сворачивал ухо резиновому кролику, недовольно надувал губки.

...Туман таял. Скоро проявятся валуны на дне провала и ручей между валунами...

— А говорят, — неожиданно сказал мужчина, проследив за ее взглядом, — говорят... Знаете эту примету?

На красную крышу кофейни легло солнце, отчего черепица засияла, будто мак.

— Говорят, — мужчина кашлянул, — что, если в безлюдном месте долго смотреть в плотный туман, можно увидеть Создателя. Он ходит в тумане, как в облаке... Вы не Создателя случайно караулите?

Некоторое время она внимательно смотрела вниз.

Потом чуть заметно поморщилась. Покачала головой.

— Жаль, — после паузы сказал мужчина.

Она подняла голову.

Он был худой и смуглый, с полоской усов над верхней губой. Похожий на южанина. В старом темно-синем свитере ручной вязки.

— Не так уж и жаль, — сказала она медленно. — Мне нечего сказать Создателю... при личной встрече.

Ее собеседник пожал плечами — что же, мол, поделать... Попрощался кивком, повернулся и побрел к своей машине.

Маленький Анджей выбросил наконец своего кролика. Игрушка шлепнулась на дорогу.

— Погодите, — сказала Ирена нерешительно.

Тот, кто был похож на южанина, обернулся.

Что в нем было необычного?! Что заставило ее вздрогнуть, напрячься, окликнуть?

Глаза. Упоенные, как у дирижера за пультом. Странно знакомое выражение...

— Я имела глупость думать, — она усмехнулась, — что наш мир устроен не слишком хорошо... Я ошибалась. Это очень грустный... и очень красивый мир.

— Правда?

Ирена подняла кролика с земли. Правое резиновое ухо было прокушено насквозь — будто кусачками.

Она механически отерла с игрушки пыль. Нерешительно кивнула:

— Да... Наверное, я еще напишу...

Южанин улыбнулся шире:

— Что ж, удачи... сочинительница Хмель.

Она все еще стояла с разинутым ртом, а белая машина удалялась, виляя хвостом выхлопного дымка.

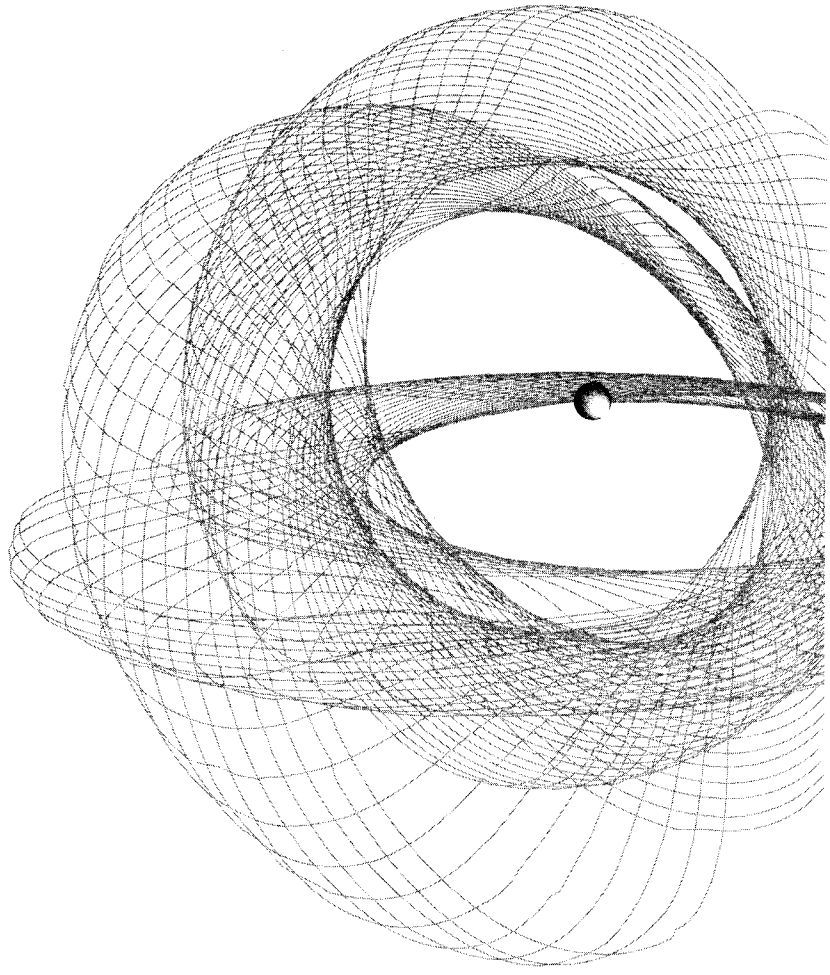
...Скорее всего, он просто узнал по фотографии в газете.

Просто прохожий.

Просто.

СКРУТ

РОМАН

ПРОЛОГ

Травы больше не было. Была измочаленная, мягкая, влажная подстилка, но девочка предпочла бы сплошной ковер из крапивы. У нее на босых пятках — чужая кровь...

Злобный человек в железной одежде хотел остановить их, но ее провожатый что-то негромко сказал — и человек отступил с поклоном.

— ...Не испугаешься?

Много-много черных птиц. Отрешенно бродят женщины; провожатый сказал, что каждая из них заплатила злому железному человеку золотую монету. Но женщин мало, потому что те, кто бился здесь, пришли издалека... Их женщины еще думают, что они живы...

— Не смотри, — сказал провожатый. — Я буду смотреть... А ты закрой глаза.

Она закрыла — но так было страшнее. Тогда она стала смотреть вверх — на солнце, по-прежнему тусклое и круглое, как та монета, которую надо заплатить за право ходить среди мертвых...

— Никогда не думал, что буду когда-нибудь искать на поле боя — куклу... Нету ее, малышка. Пойдем.

Девочка молчала. Если бы не он, не ее спаситель — она лежала бы тут тоже. Растоптанная, лежала бы среди этого страха, среди этих перекошенных криком ртов, среди обнаженного мяса, над которым тучей вьются зеленые мухи. А вороны — те отлетают, ненадолго, неохотно...

Ветер донес запах костра — не веселый и сытный запах, а тошнотворный, отвратительный, страшный. Я знаю, *для чего* этот костер, подумала девочка, и ей сделалось дурно.

— ...Дурак я, что тебя послушал. Нельзя тебе тут... И не найдем. Тут человека невозможно найти, не то что... Давай, я тебя на плечи возьму...

Девочка молчала.

Кукла Аниса лежала там, где должна была бы лежать сама девочка — прямо посреди поля. Рядом торчал воткнутый в землю меч; девочка отшатнулась. Аниса с ног до головы была черной, кровь пропитала ее насквозь, да так и запеклась. Нарисованное углем лицо стерлось, будто вороны не пощадили и куклу.

— Она мертвая, — сказала девочка, и это были первые ее слова за много часов. — Она тоже мертвая, тоже...

Провожатый сдавил ее руку:

— Да. Но мы живы, малышка. И будем жить долго.

Вот и доверяй после этого плохим приметам.

Солнце еще не успело нырнуть за кромку леса — а они уже стояли перед Алтарем, и по молчанию Илазы Игар догадался о множестве вещей. Он понял в том числе, что спутница его, оказывается, никогда не верила до конца в успех их предприятия; тем не менее вот они стоят перед Алтарем, и их Право щедро оплачено пережитым страхом.

Да, господа хорошие, не всем удается достичь заветной цели — и это справедливо. Не будь леса и связанной с ним тайны, не будь этих кровавых и мерзких легенд — и любой дурак являлся бы к святому камню вовсе без уважительной на то надобности: поглазеть, в речку плюнуть, рыбку выудить...

Игар криво усмехнулся. Когда-то, говорят, так и было — пока Алтарь не взбунтовался и не призвал людей к порядку. Теперь сюда приходят только те, кому иначе никак нельзя, для кого это последний шанс... Впрочем, из этих, отчаянных, тоже доходят не все.

Река оказалась широкой и мелкой, Илазе по колено. На дне смутно белели мелкие камушки — а царь-камень, Алтарь, лежал прямо посреди потока и с первого взгляда напомнил Игару огромный непрожаренный блин, бледный такой, неумехой выпеченный; он тихонько хмыкнул. Илаза глянула недоуменно и сердито: что смешного, мол? Алтарь!

Игар сделал серьезное лицо — но нервный смех шел изнутри, раздирая рот к ушам.

— Прости, — выдавил он, пытаясь руками сдержать непослушные губы. — Это... Оно само...

В следующую секунду он уже валялся на траве, сотрясаясь от нервного хохота, а Илаза стояла над ним, плотно сжав рот, и красноречивее всяких слов были ее гневно сверкающие глаза.

Солнце село. Светлого времени осталось всего ничего — и потому приходилось спешить.

От ледяной воды заломило ноги. Не обменявшись ни словом, оба выбрались на плоскую спину священного камня и, не сговариваясь, оглянулись.

Лес подступал к самому берегу. Лес пропустил их и теперь молча ждал диковинного действа; под ревнивым взглядом Илазы юноша вытащил из своего ранца тонкую восковую свечку, пчелиные соты, перепачкавшие медом покрывавшую их тряпицу, короткий кривой ножик с полукруглым лезвием и глиняную фигурку, изображающую быка. Текст подобающих слов записан был на смятой бумажке — Игар не надеялся на свою память, которую даже Отец-Научатель считал «дырявой».

— Великий Алтарь, прими нашу жертву... Освяти наш союз, ибо люди не желают освятить его. Помыслы наши чисты, и нет между нами ни лжи, ни власти, ни денег; клянемся принять твое благословение и сочетаться браком до самой смерти...

Игар говорил неторопливо и веско, как и положено ритуалом, — но происходящее казалось ему репетицией или сном, он никак не мог взять в толк, что вот оно, пережитое много раз, вымечтанное и выстраданное, свершается, но как-то слишком просто, быстро и буднично.

— ...а если один из нас умрет раньше, то другой останется в целомудренном одиночестве. Услышь нас, мы приготовили тебе жертву!

Илаза, молча стоявшая за его спиной, поймала его ладонь, и он почувствовал, что ее рука мелко дрожит.

Полоснуть себя острым лезвием оказалось непросто — Игар всегда боялся крови и боли. Но разрезать палец Илазе оказалось еще сложнее. В конце концов она сама взяла из его рук кривой полумесяц-ножик, и ее кровь закапала вслед за кровью Игара — прямо в медовые соты. Глиняный бык неотрывно смотрел на огонь свечи; морду его Игар вымазал медом с примесью крови, а Илаза умастила мужское достоинство быка, любовно изваянное скульптором.

Это еще не жертва. Глиняный бык — всего лишь свидетель.

Небо над их головами медленно гасло; от воды тянуло холодом — но камень казался теплым, все теплее и теплее, свечка трещала и дергала язычком пламени; Игар тоже содрогался. Ему очень хотелось поймать в сумерках плечи Илазы, обнять, защитить и защититься самому — но он знал, что сейчас они не должны касаться друг друга. Ни за что.

Наступила ночь. Свечка прогорела наполовину; над непроницаемо черными кронами близкого леса показался узкий серпик месяца — будто кто-то зашвырнул на небо ритуальный нож. Игар встал.

...Союз, скрепленный на Алтаре, незыблем. Через несколько часов все женщины мира умрут для Игара, на всем свете останется

только Илаза. На всю жизнь. Случись с ней внезапная и безжалостная гибель — Игар не освободится от присяги, он будет вечно одинок, верен мертвой жене...

На мгновение ему сделалось холодно и страшно. Позор — он готов был отступить; одним неловким движением его невеста выдала такую же недостойную слабость. Поймав ее испуганный взгляд, Игар догадался, что и она стыдится и тоже хочет колебание скрыть; странное дело, но испуг Илазы помог ему справиться с собственной нерешительностью. Он даже смог ободряюще улыбнуться.

Еще минуту они стояли в темноте, слушая дыхание друг друга, избегая смотреть в глаза. Мысли Игара метались: но он ведь не может жить без Илазы, это так естественно, это не принуждение, а лишь исполнение предначертанного...

Потом Илаза тоже взяла себя в руки. Улыбнулась счастливо и в то же время напряженно:

— Пора...

Игар проглотил комок:

— Когда... догорит свечка.

Они повернулись друг к другу спинами и шагнули в поток по разные стороны камня. Чтобы оказаться на разных берегах, но не выпустить из виду огонек свечи.

Ледяная вода обжигала ноги, но Игар не чувствовал. Одежда казалась сплошным липким пластырем; он выбрался на берег, стянул с себя все до нитки и на кучу тряпок бросил храмовый знак на цепочке — Алтарь не терпит чужих амулетов. Ему по-прежнему казалось, что это либо сон, либо происходит с кем-то другим — слишком нереально, слишком просто, буднично...

...Алтарь заключает браки, которых никогда не благословили бы люди. Алтарь связывает навек — и тогда людям некуда деваться, они проклинают все и вся, но если королевна сочетается на Алтаре с подпаском, то либо ей до смерти жить в хлеву, либо пастушок станет властелином. Только так. Они выбрали.

Жертвой камню служит кровь, проливаемая девственницей во время первой брачной ночи. Игар не знал точно, должен ли быть и жених невинным тоже — раньше ему не составляло труда уверить себя, что эта тонкость камню безразлична. Теперь же, стоя голышом на берегу ночной речки и до боли в глазах всматриваясь в мерцающий огонек, он в ужасе вспомнил ту рыженькую девчонку, которой он сначала заморочил голову беззастенчивым хвастовством, а потом было поздно отступать, а потом она вдоволь насмеялась над его робостью, а потом Отец-Дознаватель, самый страшный на ските человек, наложил такое тяжелое искупление, что у

Игара целый месяц глаза лезли на лоб от непосильной работы и ежедневного наказания...

Свечка мигнула и погасла. Содрогаясь, Игар шагнул в воду — что бы там ни было, отступать поздно...

Хотя разве такие мысли уместны сейчас, за минуту до...

...но в этот момент из темноты навстречу ему выступила нагая Илаза, и неподобающие мысли пропали. И всякие мысли пропали. Вовсе.

Надо полагать, лес видывал и не такое. Лес не первую сотню лет стоял над лентой реки, над Алтарем в ее водах — и год за годом храбрые парочки являлись сюда, презрев опасность, и взбирались на брачное ложе из белого камня. Лес видел в темноте, и лес глядел бесстрастно.

Два нагих тела исполняли ритуальный танец. В какой-то момент решительность изменила девушке, и она попыталась вырваться, столкнуть с себя избранника, напряженного, как струна; за века своей жизни лес видывал в том числе девственниц, покидающих Алтарь раньше времени и в панике удирающих на берег. Юноша бормотал что-то успокаивающе-невнятное — слова его терялись за шумом реки, и лес видел капельки пота, выступившие на гибкой узкой спине; случались здесь и беспомощные женихи, униженно умоляющие невест о снисходительности. Нынешние двое оказались ничем не примечательной парой — успокоив девушку, парень возобновил свои ласки, и дыхание его становилось с каждой секундой все глубже и тяжелее. Девственница же не знала, счастье она испытывает или страдание — однако покорилась неизбежному и не пыталась больше отсрочить жертвоприношение.

В небе висели звезды, желтые и крупные, как яблоки. Над рекой стелились ароматы ядовитых ночных цветов; темные ветки простирались высоко над водой, и если бы серпик месяца обернулся полнотелой луной, то среди светлых камней на речном дне обнаружились бы темные спины форелей. Юноша застонал сквозь плотно сжатые зубы, девушка забилась от боли, сдерживая крик; по черным кронам прошелся ветер, и в голосе веток послышалось одобрение.

Две звезды, чуть менее яркие и чуть более желтые, непонятным образом очутились на берегу, среди стволов. Обладатель круглых равнодушных глаз смотрел, как вода в реке поднимается, перехлестывает через Алтарь, смывая кровь девственницы — жертва принята... Через мгновение камень вновь поднимется над водой, захлебывающиеся новобрачные снова окажутся на суше, и руки, судорожно вцепившиеся в тело другого, понемногу расслабятся, и эти двое впервые осознают, что таинство свершилось...

Круглые глаза мигнули, и равнодушное выражение оставило их — всего на долю секунды.

...Шли медленно — через каждые десять шагов приходилось валиться в траву и целоваться до умопомрачения, до онемения воспаленных искусанных губ. Игару страстно хотелось бесконечно повторять то, что случилось ночью на камне, — но он сдерживал себя, понимая, что Илазе необходим отдых.

Илаза похожа была на человека, сбросившего гору с плеч, — просветленная, она то подминала под себя высокую траву с синими россыпями цветов, то набрасывалась на Игара с ласками, то, откинув голову, сама подставляла под ласки пьяное от счастья лицо. Тогда он с наслаждением вдыхал ее запах, запах кожи и нежного пота, речной воды и тонких духов — потому что среди самых необходимых пожитков Илаза прихватила из дому крохотную скляночку, подарок искусного парфюмера. Они возились в траве, как веселые щенки; обратная дорога была сплошь залита солнцем, а предстоящая долгая жизнь казалась всего лишь продолжением этой солнечной дороги, и потому оба ленились размышлять о будущем. Все решится само собой, думал Игар, запуская руку в путаницу из травы и Илазиных волос. Там будет видно...

Хвалясь перед молодой женой и ища применение собственным буйным силам, он прямо по дороге продемонстрировал Илазе несколько прыжков Отца-Разбивателя — «высоких» и «низких», боевых и тренировочных. Никогда в стенах Гнезда ему не удавалось добиться такой легкости и плавности, какие сами собой пришли к нему среди залитого солнцем леса; он жалел, что с ним нет никакого снаряжения — хотя бы легкого ученического «когтя», не говоря уже о замечательных, ни разу Игаром не надеванных «крыльях»... Илаза смеялась, охала и ахала, и он видел, что она не притворяется, а действительно восхищена; в который раз обнимая ее, он подумал, что, окажись Илаза на месте Отца-Разбивателя в Гнезде — и из послушника Игара вышел бы первоклассный боец, а не слабенький, постоянно ошибающийся вечный ученик...

В полдень они долго пировали, разложив на старом пне последние припасы и то и дело соприкасаясь ладонями. Кромсая сухой хлеб, Игар думал о тонких, пропитанных вином пирожных, а белые зубы Илазы жевали, а вожделенные губы двигались им в такт, и острый язычок слизывал прилипшие крошки столь волнующим движением, что Игар забывал о голоде; поймав его взгляд, Илаза улыбалась своей хмельной улыбкой — и крошки с ее губ тут же оказывались во рту у Игара, а недоеденный кусок хлеба падал в траву...

Игару казалось, что он телом ощущает нить, связавшую их навечно. Теперь они стали одним существом, и Илаза живет в нем, как дитя живет в утробе матери. И он тоже совершенно пьян, а ведь уже много дней во рту его не было ни капли вина...

А потом они устали.

Держась за руки, они медленно брели сквозь лес, припрятавший до времени свои ловушки и тайны. Солнце, сопровождавшее их весь день, опускалось за стволы. Трава под ногами поредела, под ней обнаружился песок, в котором утопали и без того натруженные ноги; длинный овраг, на который они ожидали наткнуться гораздо позже, оказался в этом месте слишком глубоким, чтобы через него перебираться. Молодожены двинулись вдоль обрыва, и сил у них оставалось только на то, чтобы обмениваться ободряющими улыбками.

— Птицы не поют, — сообщила Илаза через полчаса пути.

Игар пошутил — достаточно пошло, но Илаза не обиделась.

— Весь день чирикали... — продолжила девушка. — И солнце ведь еще не село.

Игар снова пошутил — на этот раз Илаза шлепнула его пониже спины:

— Придержи язык, если собираешься стать князем!

Он осекся. Илазины слова напомнили о неизбежном завтра. Завтра придется отрабатывать сегодняшнее счастье, доказывать, что достоин его и способен осчастливить женщину дольше, чем на одну ночь и один день...

А самое неприятное — завтра придется искупать провинность перед скитом и Святой Птицей. Птица, он знал, простит, но вот скит... перед Гнездом придется заглаживать. И он еще не знает как.

— В замок матери гонца пошлем, — предположила Илаза, размышлявшая о своем. Игар отрицательно покачал головой:

— Нас притащат на аркане.

Илаза споткнулась. Раздраженно откинула волосы со лба:

— Ерунда. Мать не посмеет... Нас сочетал Алтарь...

Игар молчал. Илаза и сама прекрасно знала цену своим словам; споткнувшись еще раз, она тихо выругалась и замолчала тоже.

Нет, даже мать Илазы не решится оспаривать союз, заключенный на Алтаре. Однако ей ничего не стоит запытать самозванца-зятя на глазах новоиспеченной супруги и наказать тем самым обоих, потому что ослушница-дочь проживет остаток жизни во вдовьем платье и под суровым надзором каких-нибудь горных монахинь...

Илаза споткнулась снова. Как показалось Игару — на ровном месте; Илазе показалось то же самое, потому что она раздраженно обернулась, разглядывая узкую тропку:

— Я сумасшедшая, что ли... Будто нитка поперек дороги натянута. Или ноги не ходят?

Игар неожиданно для себя предположил, почему не ходят ноги и что сделать, чтобы они пошли. Илаза покраснела:

— Дурак...

Некоторое время они стояли, обнявшись, но Игар не позволил себе прежней беспечности — осторожно прижимая к себе Илазу, он внимательно изучал ветви над головой, кустарник в стороне от тропинки, темное сплетение веток на дне глубокого оврага; птиц действительно не было ни одной. Где-то в глубине леса протяжно заскрипело дерево — звук походил на зубовный скрежет.

— Игар, — шепотом попросила Илаза. — Давай остановимся. Я устала.

Он приглушенно вздохнул:

— Потерпи... Чуть-чуть. Немножко пройдем еще...

Ему не хотелось останавливаться на ночлег в месте, где по непонятным причинам не осталось ни одной птицы. Высокое облако еще ловило боком прощальный солнечный луч, а на дне оврага давно стоял поздний вечер. Игару подумалось, что ночь является в лес, выползая из оврага.

Они шли все быстрее, потому что смутная тревога овладела и Илазой тоже; овраг никак не думал мельчать и сужаться, а лезть через него в сгущающейся темноте Игару тем более не хотелось. От голода подтягивало живот — Игар с сожалением вспомнил кусок хлеба, оброненный днем на лужайке в разгар любовной игры; не надо было терять хлеб. Голод накладывался на страх надвигающейся ночи, и сочетание от этого выходило премерзкое. Он сам несколько раз спотыкался — кажется, на ровном месте. Будто веревка поперек дороги натянута — а оглянешься, нету никакой веревки, лишь примятая травка да проплешины желтого песка. Да и то разглядеть их становилось все тяжелее...

— Что это? — Голос Илазы заставил его вздрогнуть.

Жена его стояла, высоко задрав голову. В кронах над ними колыхалось серое нечто, не различимое в полутьме, похожее больше всего на полотнище, вернее, на ворох полотнищ, в беспорядке развешанных торопливой хозяйкой, только хозяйка эта должна была быть ростом со столетний дуб. С каждым дуновением ветра серое нечто неприятно шевелилось: так, наверное, шевелятся под водой волосы утопленника. Там, в сером шевелении, было что-то еще, Игар интуитивно чувствовал, что это обязательно следует разглядеть, — но сумерки сгустились настолько, что он лишь напряженно щурил глаза, усугубляя собственное беспокойство.

— Игар... — Рука Илазы впилась ему в плечо, и он осознал вдруг, что мал, слаб, щупл, одного роста с Илазой и очень боится.

— Пойдем, — голос его против ожидания не очень-то и дрожал. — Нечего бояться, мало ли... Некоторые звери... вьют себе такие гнезда. Отойдем... подальше и сделаем привал.

Он шел, чувствовал в руке ее ладонь и ухмылялся про себя: «Некоторые звери вьют такие гнезда. Надо записать».

Поздним вечером небо над лесом вдруг осветилось — это медленно падала огонь-звезда, во все времена считавшаяся хорошим знаком. Оба неотрывно смотрели на желтую, как лютик, искру, пока Илаза наконец не спохватилась:

— А желания?! Ты успел загадать?..

Игар усмехнулся многозначительно и хитро:

— У меня теперь на всю жизнь одно только и осталось... Одно желание... Сказать какое?..

Илаза — хоть не невеста уже, а жена — не выдержала и счастливо покраснела. Впрочем, ожидания ее были обмануты, потому что ночью им не пришлось заниматься любовью.

Сначала к ним на огонек заглянул одинокий волк — оба почти не успели его разглядеть, и оба похолодели от ужаса. Не потому, что волк чем-то по-настоящему угрожал им — просто в кровь и плоть обоим въелся животный страх зимних ночей, страх, благодаря которому их предки сумели оставить достаточное число потомков. Волк ушел прежде, чем Игар опомнился и потянулся за горящей головешкой.

А потом, когда они успокоились, расслабились и обнялись, волк подал голос, и волосы зашевелились на Игаровой голове.

Сначала показалось, что кричит человек. Звук был невыносим, как предсмертный крик истязаемого существа, и раздавался он совсем неподалеку — скорее всего, за оврагом. Игар отродясь не слыхал об опасностях, которые подстерегают в лесу волков и исторгают у них такие жуткие вопли — а волк тем временем кричал, и Игару почему-то вспомнилось серое полотнище в темных кронах. При чем?..

Потом волк умер. Ни Игару, ни Илазе не пришло в голову усомниться в его смерти — крик перешел в хрип и оборвался. На новобрачных обрушилась тишина, потому что в ночном лесу сделалось тихо, как зимой на кладбище.

До утра они не разнимали рук — но не более.

Тронулись в путь на рассвете — как только различимы стали древесные стволы, овраг и тропинка. Обоим хотелось как можно скорее удалиться от места гибели волка, независимо от того, кто или что его убило. Птиц по-прежнему не было — но день вступал в свои права, и с восходом солнца и Игар, и Илаза заметно повеселели.

Целый час они провели в малиннике — и хоть не насытились, но приглушили голод. Игар обрадовался, снова ощутив призыв плоти; этой ночью он не раз и не два задавал себе вопрос, можно ли от внезапного страха лишиться всех мужских желаний. Оказа-

лось — нельзя, едва уходит страх, как желания возвращаются; он уже хотел сказать об этом Илазе, но глянул на ее озабоченное лицо и прикусил язык.

Илаза повадилась оборачиваться. Часто, гораздо чаще, чем следовало: она оборачивалась на ходу, через плечо, отчего шаг ее становился неровным и неверным; она то и дело останавливалась и подолгу глядела назад, туда, где пройденная ими тропинка терялась в листве.

— Что? — наконец-то спросил Игар. — Ты что-то потеряла?

Илаза проглотила слюну — он увидел, как дернулась ее шея:

— Ты... Тебе ничего не кажется?

Он тоже обернулся и посмотрел туда, куда за секунду до этого был устремлен Илазин взгляд. Тропинка была пуста; медленно выпрямлялись упругие травинки.

— Мне кажется, — медленно проговорил Игар, — что сегодня ночью мы...

Он пошутил, но Илаза не рассмеялась:

— Игар... А мы можем идти быстрее?

И они почти побежали. Илаза скоро запыхалась, рванула воротник сорочки, раскрыла его чуть не до самой груди; Игар против воли представил, как удобно и тепло запустить руку за распахнутый вырез.

— У нас будет пятеро сыновей, — сообщил он, переводя дыхание, — и дочка по имени...

Илаза споткнулась. Игар подался вперед, чтобы подхватить ее, — и в этот момент край оврага под их ногами дрогнул и осел.

— Держись!!

Перед глазами Игара оказались какие-то вырванные с корнем стебли, потом такой же стебель оказался у него в правой руке — а левой он держал за пояс Илазу и вместе с ней стремительно съезжал на дно оврага. Что-то больно стукнуло его по икре; он успел весело крикнуть «Вот и переправились!», когда их спуск перешел в падение — и сразу за этим непонятным образом прекратился. Пояс Илазы выскользнул из Игаровой руки.

Некоторое время он прислушивался к собственным ощущениям. Над головой у него имелось синее небо в переплете ветвей; где-то неподалеку, внизу, мелодично журчал ручей. Он лежал на мягком — а правый рукав, видимо, за что-то зацепился, и руку неприятно тянуло вверх.

— Илаза! — позвал он как можно беззаботнее. Рядом тихонько всхлипнули. Он повернул голову.

Илаза была рядом. Илаза висела невысоко над землей, вернее, над наклонной стенкой оврага, именно висела, опутанная частой полупрозрачной сетью. Не успев ни о чем подумать, Игар кинулся

к ней — его движение оказалось бесполезным, он сам тяжело заколыхался в такой же сети; правую руку невыносимо дернуло, он вскрикнул от боли и забился сильнее:

— Илаза! Руку!

Илаза попыталась протянуть руку — мелкие, хрупкие на вид волоконца не желали поддаваться и рвались с неохотой. Игар изо всех сил дернулся — несколько ниточек лопнули и свернулись, как виноградные усы.

Он разозлился. Сетка казалась удивительно противной на ощупь; надо будет как следует вымыться в ручье...

Сперва выбраться самому, потом вытащить Илазу. В конце концов, пережечь эти гадкие ниточки или перерезать ножом...

Он вывернул голову. Его дорожный мешок валялся далеко внизу — какой-то узловатый корень перехватил тощие Игаровы пожитки, не дал им скатиться на дно оврага, к ручью. Он не благородный господин, чтобы носить нож на поясе... И он больше не послушник, чтобы носить на поясе знаменитый «коготь». Теперешний его нож — не оружие, а орудие, и место ему — в мешке...

Он плюнул. Плевок пролетел к земле и шлепнулся в палую листву.

— Ига-ар... Вытащи меня, мне... мерзко...

Действительно мерзкое ощущение, подумал Игар. И не только потому, что эта сетка... Паутина, так ее... липкая. Само ощущение мерзостное — человеку не пристало болтаться над землей, как коту в мешке... Как мухе в паутине, дрянь, ну и паучок здесь побывал... Ну и паучок...

Он примерился — и рванул паутину руками, пытаясь освободить правое плечо. Несколько ниточек снова лопнули; Игар поднатужился, рванул снова, так что больно сделалось мышцам. Правая рука почти освободилась; ободренный, он рванул снова, и снова, и снова...

Он не сразу понял, что выбивается из сил понапрасну. Полупрозрачные ниточки не то срастались, не то постоянно множились; освободив одну руку, Игар сильнее запутывал другую, и все труднее становилось вертеть головой. Стиснув зубы, он решил раскачаться, как маятник, и дотянуться до ближайшей ветки; за весь день это было самое неудачное его решение. Он понял это уже на полпути.

Проклятая сетка множилась от движения. Чем больше Игар раскачивался — тем плотнее его спеленывали тысячи и тысячи почти невидимых нитей, образуя вокруг него плотный серый кокон. Оторвав взгляд от вожделенной ветки и случайно глянув на себя, Игар испугался и закричал.

Его раскачивания превратились в панические метания. Он

бился в паутине, а паутина опутывала его все сильнее, но у него не хватало здравого смысла осознать это — захлестнутый паникой, он превратился в орущий кусок мяса. За несколько минут истерики он запутался так, что с трудом мог дышать.

Потом он обессилел, а паутина все еще дергалась; сглотнув слюну с привкусом железа, он замолчал и понял, что крик продолжается — Илаза, охваченная таким же ужасом, угодила в ту же западню, теперь она кричит, и бьется, и запутывается все сильнее...

Серое полотнище в кронах высоких деревьев... Предсмертный крик волка...

Илаза больше не кричала — плакала. Игар, развернутый лицом к небу, не мог ее видеть. В просветы между ветвями проглядывало синее, ослепительное, беззаботное небо.

— Илаза, — сказал он как можно спокойнее. — Не плачь. Мы сейчас выберемся. Слышишь?

Она длинно всхлипнула — и замолчала.

— Вот так, — сказал он, пытаясь плечом вытереть мокрое лицо. — Сейчас мы... — Голос подвел его и нехорошо дрогнул. Илаза услышала — и расплакалась снова.

Игар молчал, глядел в небо и кусал губы. Никто и никогда не рассказывал про такое... Никто и никогда, ни в одной сказке, ни в одной истории... Может быть, потому... что некому было рассказывать? Кто *это* видел — не возвращался? Если такова паутина — то каков же...

— Мы сейчас выберемся, — сказал он жестко. — Илаза, у тебя хоть шпилька есть?

А что шпилька, подумал он запоздало. Что здесь сделаешь шпилькой... Даже... Может быть, эта дрянь и ножом не режется...

— Я... Не достать, — с трудом овладев голосом, отозвалась Илаза. — У меня руки... связаны...

— А огнива нет у тебя?

— Откуда... И все равно... Не достала бы...

А если зубами, подумал Игар с внезапной решимостью. Дотянулся ртом до ближайшей паутинки, сжал зубы... Отвратительно. Мерзко и гадко, но если перекусить...

Паутинка прошла между зубами, чуть не порезав ему язык. Он выплюнул ее и тоже заплакал — беззвучно, чтобы Илаза не слышала.

— Игар, — хрипло проговорила его жена. — Игар... Давай звать на помощь.

Он сглотнул. Как же, услышат тут... Но...

Воображение тут же подбросило ему охотника — настоящего охотника с зазубренным ножом, с огнивом, с веревкой, вот он разрезает проклятую паутину, и Игар умывается в ручье...

— Давай, — сказал он почти весело. — Стыда-то не оберемся! Вид у нас, наверное... Как у недовылупленных мотыльков...

Илаза не усмехнулась. Игар набрал воздуха — насколько позволяла стянутая паутиной грудь — и закричал неожиданно тонко, по-мальчишески:

— Э-ге-гей! Сюда! Сю-уда!

— Помогите! — закричала следом Илаза, но звонкий ее голосок звучал теперь надтреснуто, глухо. — Помогите!

Ветер качнул видимую Игаром ветку — и все. Тишина.

Они кричали истово, срывая голоса, — и наконец Игар с удивлением обнаружил, что не может выдавить из себя ни звука, горло отказалось подчиняться, из него вырывался только жалкий хрип.

Некоторое время прошло в молчании. Игар глядел в перечеркнутое ветвями небо — и не думал ни о чем. Немилосердно саднило горло; потом явилась первая мысль: если кто-нибудь и услышал, он уже, наверное, не придет...

— Игар, — донеслось до него почти беззвучное, с болезненным свистом. — Ты знаешь, что это?

Паутина, хотел сказать он, но сорванное горло его не послушалось.

— Это... Мы в паутине, как мошки. А потом придет паук.

Он был рад, что Илаза не видит его лица. Его лицо не было сейчас лицом героя и вообще мужчины — мальчишка, баба, расклеился...

— Пауки, Игар... Они высасывают. Заживо.

Игар знал, что должен что-то сказать. Должен помочь девушке, доверившей ему свою жизнь, должен... хоть и со связанными руками.

— Ты самая... — выдавил он. — Очаровательная... мушка из всех, летающих на свете. Паук пленится тобой... Он скажет: убирайся, Игар, такие девочки не для тебя... А я скажу: хрен тебе, осьминогий! Хочешь — лови себе паучиху и давай... на Алтарь...

Упоминание об Алтаре показалось неуместным; Игар замолчал.

— Я чувствовала, — прошептала Илаза. — Там... на дороге... Что-то такое... И тот волк...

Игар беспокойно заворочался в паутине. Не надо о волке. Мы не волки, мы...

— Перестань, — бросил он почти сердито. — Мы не мухи. Я этих пауков знаешь сколько задавил? За свою жизнь?

— Пауков убивать нельзя, — глухо сказала Илаза. — Плохая примета.

— Хрен! — Голос Игара снова сорвался.

— Помолчи теперь, — сказала Илаза еще глуше. — Давай попробуем... поспать... И помолись своей Святой Птице...

* * *

...Девочка стояла на вершине холма, и глаза ее казались черными от непомерно расширенных зрачков.

Давно знакомый лес ожил. Деревья обернулись железными людьми; сверху они казались маленькими, как Аниса, но Аниса тряпичная и мягкая, а люди, которых все выплескивал и выплескивал лес, даже издалека были страшными. Может, это и не люди вовсе. Так много людей не бывает на свете...

Страшные люди прибывали и прибывали, а те, кто вышел из леса первым, стояли теперь плечо к плечу, так ровно и в таком порядке, как настоящие люди никогда не смогут построиться. Железная стена медленно двинулась вперед, и дрожащей девочке почудилось стальное чудовище, занявшее собой всю опушку, вывалившее красно-зеленый язык — флажок на длинной и тонкой мачте...

Они растопчут ее Анису!

Босые ноги бесстрашно прорвались сквозь заросли крапивы. Зеленая земля неслась вперед неровными скачками; покосившийся шалаш выскочил чуть в стороне, ей пришлось затормозить, стирая пятки, и резко повернуть. Влажное сено пахло густо и приторно, клочья летели во все стороны, она до смерти испугалась, что Анисы нету, — когда ободранные до крови пальцы наткнулись на безвольную тряпичную ногу.

Она прижала Анису к себе. Крепко-крепко, до слез. Стоило сбегать от родичей, стоило преодолевать страх и сбивать ноги, она не бросит Анису никогда, ни за что...

Вдали ударил барабан. Отозвался другой — совсем рядом, девочка дернулась и подскочила.

От холма, от того места, где она недавно влетела в крапиву, медленно двигалась железная стена. Слишком медленно — девочка видела, как одновременно поднимаются тяжелые ноги, много-много ног, как, повисев в воздухе, они грузно ударяют в траву — и содрогается земля... и глубоко в нее вдавливаются стебли и цветы. Буxx... Буxx... Буxx...

Несколько секунд девочка смотрела, полураскрыв рот, распахнув снова почерневшие, без слезинки, глаза; потом бездумно, как зверек, кинулась прочь.

Рокотали барабаны. Аниса билась за пазухой, как совсем живая. Скачками неслась навстречу зеленая земля; потом трава сделалась высокой, выше девочкиной головы, и каждый стебелек целился в круглое, тусклое, обложенное дымом солнце, которое как угнездилось в самом центре неба, так и не желало сходить с места.

Потом трава вдруг расступилась, и девочка, по инерции пробежав несколько шагов, упала на четвереньки.

Навстречу ей пёрла другая стена — и тоже железная. Пятясь, девочка успела рассмотреть, что страшные люди идут плечо к плечу, а вместо лиц у них стальные кастрюли и потому глаз нету вовсе. Железные ноги поднимались и падали в такт барабану — девочка в жизни не видела ничего ужаснее, чем эти ритмично бухающие ноги: буxx... буxx... буxx...

Поначалу ей показалось, что если схорониться в траве, если покрепче заткнуть уши и зажмурить глаза, то напасть минует ее, обойдет; она припала к земле, изо всех сил прижимая к себе Анису, — но земля дрожала. Содрогалась. Буxx. Буxx. Буxx.

Железная стена была совсем близко. Ветер принес ее запах — резкий, кислый, тошнотворный; девочка закричала и, не помня себя, кинулась прочь.

Барабаны торжествующе гремели, заглушая ее тонкий, срывающийся от ужаса голос. Аниса за пазухой прыгала, будто пытаясь вырваться и тоже бежать, бежать куда глаза глядят...

...Огромная, невыносимо огромная железная нога занеслась, и девочке показалось, будто она закрывает солнце. Назад!

Все было как во сне, когда как ни старайся, а не сойдешь с места; несколько долгих мгновений она пыталась бежать, но земля изловчилась и поддела ее невесть откуда взявшимся крючковатым корнем. Беззвучно разевая рот, девочка упала животом в траву, придавив собой Анису. Буxx! Буxx! Буxx! — нарастало сзади. Буxx! Буxx!!

— Мама! Ма-ама!

Трава покорно ложилась ниц. Сжимались, как челюсти, две железные фаланги. Барабаны взревели — и стена, выросшая навстречу бегущей девочке, вдруг ощетинилась остриями. Короткие лезвия мечей окрасились тусклым солнечным светом; хватая воздух ртом, девочка обернулась — та, другая, догонявшая ее стена ощетинилась тоже. Беспощадно, ни на миг не сбиваясь с ритма, падали на землю ноги. Буxx! Буxx! Буxx!

— Ма-а...

Колени ее подкосились, и небо сделалось черным. Справа и слева вставали над верхушками трав безглазые, безучастные лица.

Буxx!! Бух!!

— Ма...мочка...

Пронзительный визг. Не визг — истеричное ржание. Она подняла голову и увидела, как между смыкающимися челюстями летит, почти не касаясь земли, белый конь с тонкими, как паутинки, ногами. Стальные зубы сжимались все плотнее, грозя раздавить и его тоже, и единственная дорога, по которой еще мог нестись конь, пролегала через ее, девочки, склоненную голову.

— Ма...

Снова злобный конский визг. Копыта перед лицом и...

Земля дернулась и ухнула вниз. В последний раз занеслась и упала обутая железом нога. В лицо ударил ветер, затрещало ветхое платьице, больно сделалось груди, и с каждым ударом копыт все больнее; она зажмурилась, ожидая, пока копыта растопчут ее всю, совсем, в лепешку — но копыта били внизу, под ней, а она летела, и где-то в стороне зазвенела сталь, и кто-то закричал тонко и хрипло, и кричал долго, долго, долго...

Потом она потеряла сознание.

...Темный щербатый стол помнил и свадебные застолья, и тяжесть открытого гроба. Теперь на столе лежала почти новая, любовно тканная и не менее тщательно вышитая скатерть. Под свечку поставили глиняный круг — чтобы жир, стекая, не портил красоту.

Девочка смотрела на язычок огня. Язычок почему-то плавал в туманном ореоле — в последнее время такое помутнение случалось с ней нередко. Бывало даже, что под утро она просыпалась на мокром, и мать тогда угрюмо поджимала уголки губ — но бабка-травница сказала, что все пройдет. Хвала Небу, в живых осталась — радуйтесь...

Девочка не слышала, что говорил отец. Он говорил торжественно и длинно, девочка разбирала только то и дело повторяющееся «благодарствие»; потом заговорил *он*, и девочка слышала все, от слова до слова.

— У судьбы длинные руки, — говорил *он*. — Так ей угодно было, что я спас вашу дочь от верной смерти. Не важно, кто я, не важно, каков мой чин и кому я служу — судьба сказала свое слово, теперь мы связаны крепче, чем мать и дитя. Я не прошу у вас награды — но следовать судьбе обязан. Жизнь этой девочки теперь моя; отдайте ее мне, я буду беречь ее, как дочь, а когда она вырастет — женюсь на ней. Так будет.

Девочка смотрела на пламя свечи. Все, что было сказано после, не сохранилось в ее памяти; перебивали друг друга мать и отец, а девочка думала об Анисе. О кукле Анисе, которая осталась на поле боя.

* * *

...Плотный кокон из серой липкой паутины располагает к самым искренним молитвам.

Игар попал в скит семи лет от роду — и Отец-Дознаватель долго держал его за подбородок, не давая отвести взгляд и не сводя своего тяжелого взгляда. Потом вполголоса сказал Отцу-Вышестоятелю: «Крученый. Но — может быть».

Сперва его научили скоблить дощатый пол и выносить помои, потом прислуживать за столом; его учили слушать старших, как подобает птенцу, и что «дабат» означает «да будет так», и если сказано «дабат», значит, ничего изменить нельзя... Спустя месяц он впервые увидел Святую Птицу — и наконец-то понял, поверил, что останется здесь навеки. Святая Птица смотрела в Игарову душу, как и Отец-Дознаватель — но если взгляд Дознавателя тяжело вламывался в святая святых, проникая в тайны и не оставляя лазеек, то Птица просто все принимала, как есть. Принимала, понимала и сочувствовала и будто говорила — утешься, птенец...

Он умел молиться горячо, как никто другой, — Отец-Служитель пленился этой его преданностью и приблизил к себе. Игар успел привязаться к нему, такому мягкому и добросердечному, когда в один из дней Отец-Служитель позвал мальчика в спальню, дабы тот помог ему облачиться в ночную сорочку.

О дальнейшем Игар вспоминал, покрываясь холодным потом. Он вылетел из спальни, дрожа как осиновый лист, и навсегда лишился благоволения Отца-Служителя...

...Одна лишь Святая Птица утешала его всегда и во всем. Ее золотая голова была склонена к правому плечу, и в темных глазах отражались огоньки ритуальных свечей; Игар изо всех сил хотел стать хорошим послушником, однако норов его...

...Святая Птица, помоги нам. Я предал тебя, обратившись к Алтарю; я снял с себя храмовый знак, ты вправе отвернуться от меня — умоляю, спаси нас. Все, что я делал, я делал из одной только... Илаза, она...

Солнце проглянуло сквозь путаницу ветвей и обожгло его щеку болезненным поцелуем. Илаза... Этот запах, волосы, вплетенные в траву, под бархатными губами — зубы, белые, как фарфор... Кукла с фарфоровой головой... Откуда — кукла? Илаза живет в нем... Она — его, и как обидно, если... Нет, Святая Птица, это невозможно... Мы прошли мимо стольких смертей... Спаси...

Однажды Отец-Дознаватель взял его с собой в Замок... который оказался не замком вовсе, а просто большим добротным домом за высокой каменной оградой. У ворот стоял приземистый парень с неприятным тягучим взглядом, стоял и чертил по песку кончиком обнаженной сабли. Встретившись с ним глазами, Игар сразу вспомнил все, что приходилось слышать о хозяйке Замка, а говорили о ней неохотно и шепотом; парень пропустил Отца-Дознавателя вместе с юным послушником, ему велено было впустить. Отца-Дознавателя ждали, чтобы вынуть из петли старшую княгинину дочку, красавицу Аду, которая соорудила в собственном будуаре виселицу и умерла раньше, чем сестра ее, Илаза, явилась с пожеланием доброго утра.

Тогда Игар и увидел свою будущую жену впервые.

Илаза не плакала. Она вполне серьезно собралась вслед за сестрой — потому что «все равно как в могиле, так хоть не заживо».

Впрочем, обширный дом не показался Игару похожим на могилу. Он понял, о чем говорила Илаза, только когда увидел хозяйку — затянутую в черный бархат владычицу-княгиню, чью красоту портил резко очерченный, обрамленный глубокими складками рот. Игара особенно поразила ее спина, перетянутая глубокой поперечной складкой; столь странный рельеф придавал княгине сходство с туго перевязанным мешком. Игару сделалось смешно; его всегда разбирал смех именно в те моменты, когда смеяться было ни в коем случае нельзя. Он тотчас же низко понурил голову, чтобы спрятать лицо.

Ада покончила с собой, потому что накануне завершился ее мучительно долгий роман с неким обедневшим рыцарем, вечным женихом, которого ее мать то привечала, то изгоняла в приступе непонятного раздражения. Уже назначенная свадьба то переносилась, то отменялась вовсе, то назначалась вновь; Ада призывала возлюбленного на тайные свидания, а целый сонм содержащихся в доме старых дев болезненно подглядывал и подслушивал, и среди этих несчастных, закосневших в своем девичестве, полным-полно было платных шпионов. Единственным другом несчастливой невесте была ее младшая сестра — она же и оказалась невольной виновницей трагедии. Застав Илазу мило беседующей с каким-то красивым служкой, княгиня взбеленилась; парнишку прогнали со двора плетьми, но ярость княгини к тому времени полностью вырвалась из-под контроля разума, и не в добрый час явившийся Адин жених нашел жуткую смерть от своры свирепых, специально науськанных княгининых псов...

Илаза не плакала. У Игара хватило наглости уже в ту первую встречу поклясться, что он вырвет ее из Замка и сделает своей женой; у Илазы хватило здравого смысла не жаловаться матери на дерзкого послушника, а Отец-Дознаватель слишком озабочен был своей миссией, чтобы обращать внимание на мечтательное выражение в Игаровых глазах. Святая Птица, он хотел стать хорошим послушником, но нрав его...

Тело мучительно затекло. Он не чувствовал своих ног, а о существовании рук напоминали редкие болезненные покалывания; губы раздулись, как мыльные пузыри. В ватной тишине бесконечно долгого дня беззаботно звенел ручей — его песня была худшей из возможных пыток; потом к ней прибавилось басовитое гудение — над лицом Игара кружила пара слепней, он то и дело мучительно дергался, но кровососы становились все наглее. Пить...

— Пить... — тихонько прохрипела Илаза, и Игар не узнал ее голоса. Неужели и она вот так же не чувствует тела и пытается облизнуть губы липким, в тягучей слюне языком?!

От раскаяния он снова едва не заплакал. Клялся, что отведет все беды, — какова же цена его клятвам?! Обещал быть ей опорой и защитой и обманул на другой же день после свадьбы, не уберег, обрек на мучительную смерть, потому что...

Он рванулся сильнее, и слепни, удивленные, отлетели чуть дальше, чем обычно. Сколько еще ждать?! Паук ли, смерть ли от жажды... Уж неизвестно, что хуже...

— Илаза, — сказал он, но не услышал своего голоса. Попытался прочистить горло; сглотнул слюну, которой уже не было. — Илаза... Давай играть, будто мы на свадьбе. Будто столы накрыты... Ты кого пригласила?

Некоторое время было тихо, только ветер сухо шелестел листвой.

— А... зачем? — спросила Илаза глухо.

Солнце низко, подумал Игар. Скоро и вовсе...

— Илаза! Не молчи. Скажи что-нибудь.

Не то вздох, не то стон.

— Илаза... А почему... У княгини такая... такая вмятина на спине, будто ложбина? Как от веревки?

— Дурак.

— Нет, ты скажи!

— Она не носит корсетов.

Игар закрыл глаза. Сто раз повторил про себя «корсет, корсет, корсет»... Слово потеряло смысл. Просто череда звуков.

— Ну и что?

— Она носит... Другое белье.

— Ну и...

Илаза всхлипнула:

— Пить. Я хочу пить.

— Не плачь, — сказал Игар беспомощно.

И снова тишина. В прорехах между ветвями висело одинокое облако, такое же белое и рыхлое, как вчера. Один бок его показался Игару чуть золотистым. Чуть-чуть.

Вечер наползает из оврага...

Он всего лишь на секунду закрыл глаза — и увидел теленка со свежим тавром на боку, красным тавром, болезненной раной; в следующую секунду небо в переплете ветвей оказалось уже не синим, а фиолетовым, а листья на ветках сделались черными. Место облака заняла тусклая, едва народившаяся звезда.

Он испугался, в мгновение ока вспомнив все, заново ощутив и сухой воспаленный рот, и мертвое затекшее тело, и страх за Илазу. Святая Птица не спустится с неба, не придет на помощь, как при-

ходила к давним и праведным предкам; он, Игар, отступник, потому что, вверяясь Алтарю, снял храмовый знак; он же болтун и предатель, потому что втянул Илазу в...

Паутина чуть дрогнула.

Не так дрогнула, как обычно, когда пыталась пошевелиться Илаза. Паутина дрогнула иначе, по-новому, и от этого движения Игарово сердце подпрыгнуло к самому горлу.

— Илаза... Ила...

Он услышал ее вздох, похожий на всхлип.

— Илаза... Я... спал?

— Тише. Пожалуйста, молчи.

— Мне показалось, что...

— Молчи! — простонала Илаза. — Ты... чувствуешь...

Паутина дрогнула снова — теперь вполне ощутимо; Игар еле сдержал крик.

— Он здесь, — почти спокойно сказала Илаза. — Давно здесь. Он ждет.

Днем Игару казалось, что силы его иссякли раз и навсегда — однако новое сотрясение паутины превратило его в комок из нервов и мышц.

— Эй, ты! — выкрикнул он, выгибаясь дугой. — Эй... Ты... кто здесь, а?!

— Пре...крати, — голос Илазы наконец-то перестал ей повиноваться. — Игар... Я боюсь... Я не... хочу... Я не хочу, не надо, нет!!

В этот момент Игар согласился бы умереть дважды. Не важно, каким способом — лишь бы оставили в покое Илазу.

— Оставь ее в покое! — закричал он, изо всех сил пытаясь высвободить затекшие руки. — Тварь!

Это смешно, подумал он в следующую секунду. Все равно что уговаривать голодного волка... Ах, как кричал тот бедный волк... Как кричал...

Теперь паутина мерно, через определенные промежутки времени, вздрагивала — и вздрагивала все сильнее. Игар до отказа вывернул шею, пытаясь увидеть Илазу — вместо Илазы по краю его зрения проскользнула темная, не имеющая формы тень. Показалось?!

Он вглядывался в темную путаницу ветвей, пока не заслезились глаза. Показалось? Страх? Что это было?

Паутина качнулась. Хрипло вскрикнула Илаза; Игар забился, как настоящая муха, так что жгуты из паутинок врезались ему в кожу:

— Илаза! Не давайся! Говори со мной! Я умру за тебя! Говори! Пусть меня жрет, я люблю тебя, больше жизни люблю! Не давайся!

Стон.

Он закричал, как кричал прошлой ночью волк. Сорванного голоса хватило ненадолго; извиваясь, до крови прокусывая запекшиеся губы, он хрипел, захлебывался ее именем, и перед глазами его метались в темноте огненные искорки — как тогда, на соломенной подстилке, когда Отец-Разбиватель впервые поставил его на голову... Все зря... Ила-аза...

— Тихо. Все. Хватит. Теперь успокойся и помолчи.

Он бредит. Это не голос Отца-Разбивателя — тот говорил тонко, с металлическим звоном, и сильно картавил... Это другой голос. Мягкий и вкрадчивый, как у...

— Илаза, — прохрипел Игар в последний раз и затих.

Паутина колыхнулась; к Игару приблизились сзади. Он кожей почувствовал присутствие за своей спиной — и разинул рот, но крика не получилось.

— Тихо. Теперь тихо. Не дергайся.

Все-таки бред. Не сам же он с собой говорит... Это не может быть голос Святой Птицы... Она спросит у Игара после смерти: почему снял храмовый знак?!

Рубаха на его спине треснула, вечерний ветер лизнул обнаженную кожу.

— Не надо... — пискнул он едва слышно.

— Не напрягайся. Расслабь мышцы. Не бойся, расслабь.

Бред.

— Не на...

Под лопатку ему вонзилось жало — во всяком случае, он решил, что это жало, дернулся и замер в ожидании смерти.

Смерти не наступило. По телу разливалась теплая, расслабляющая волна.

— Спокойно.

Рывок. Половина нитей, стягивающих Игара, с отвратительным треском разошлась; он не испытал облегчения. Ноги болтались, как чулки с песком.

Потом небо с разгорающимися звездами повернулось и легло на бок. Игар схватил воздух ртом; перед его глазами оказалась твердая земля, вернее, наклонная стенка оврага, укрытая шубой из прошлогодних листьев, пахнущая травой и влагой.

— Попробуй встать, — сказали у него над головой.

Он послушно попытался сесть, поднял правую руку, удивленно посмотрел на безжизненные белые пальцы, все в отвратительных клочьях паутины — и, будто ошпаренный, подскочил и завертел головой в поисках Илазы.

Ее светлое платье выделялось среди ветвей. Лица Игар не видел, лишь слышал сбивчивое, натужное дыхание.

Он с трудом проглотил тягучую слюну.

— Кто... здесь... Кто?!

Шелест ветра в кронах. Неподвижная Илаза в сетях; что-то мешает. Что-то маячит в стороне, сверху, невозможно большое, бесформенное, что это, что...

Его вырвало желчью. Одна длинная болезненная судорога, пустой желудок, выворачивающийся наизнанку, все остальное парализовано ужасом, даже мысли об Илазе...

— Кто... говорит...

По краю его зрения снова скользнула тень — темнее, чем темное небо. Желудок опять подпрыгнул к горлу — Игар пережил длинный, бесплодный рвотный позыв.

— Вставай, — мягко, почти ласково повторили у него над головой. — Поднимайся. Ну?

Он не мог подняться. Ноги затекли до бесчувствия; он попробовал растереть бедра — мышцы отблагодарили его судорогой, да такой, что теперь он повалился на ковер из палых листьев, шипя от боли.

— Понятно, — сказали из темноты. — Ложись лицом вниз.

— Ты кто?!

Тень колыхнулась над самой Игаровой головой, и от нее веяло таким неудержимым ужасом, что он упал ничком, закрыв руками голову.

От первого же прикосновения его стало трясти, как в жестокой лихорадке. Он сжимал зубы, чтобы не надкусить язык; касались его не руки, во всяком случае, не руки человека; какие-то цапалки, похожие более всего на исполинские гибкие клешни, ловко разминали его омертвевшую плоть, а он лежал, зарывшись лицом в прошлогоднее гнилье, и беззвучно скулил от боли и страха.

— Расслабься. Тихо, тихо... Теперь встань.

Он повиновался не сразу. Поднялся на четвереньки; ноги слушались его, хотя и с трудом.

— Возьми баклагу... или что у тебя там. Напои ее.

Илаза молчала. Как мог быстро он добрался до застрявшего среди корней мешка; от привычных, давно въевшихся в пальцы движений ему чуть полегчало. Он вытащил наполовину полную — о счастье! — баклажку и неуклюже проковылял к Илазе; спеленутая серыми нитями, она висела теперь над самой землей, так что Игар, привстав на цыпочки, мог дотянуться до ее лица.

— Илаза... Все будет хорошо... Выпей...

Хорошо, что густые сумерки. Хорошо, что они не видели друг друга; Игар не хотел знать, как выглядит теперь Илаза, и не хотел показывать ей свое опухшее, в бороздках слез лицо. Она глотнула и закашлялась; потом пила долго, со стоном, и Игар со странной ревностью подумал вдруг, что там, на Алтаре, она постанывала очень похоже... Пожалуй, точно так же, только тише... А сейчас...

Баклажка опустела. Игар облизнул кровавую коросту на собственных сухих губах:

— Ты — как?..

Пауза. Чуть слышно:

— Спасибо.

— Все будет хорошо, — сказал он так ласково, как мог. — Потерпи, ладно?

Паутина содрогнулась — Илаза закачалась, как тяжелая гиря. Игар отогнал неприятное воспоминание о висельниках, медленно покачивающихся в петле. Поднял голову; паутина закрывала полнеба, и в недрах ее Игару померещился темный сгусток. Нет, показалось... Теперь в другом месте, ниже... теперь...

Он резко обернулся. Бесформенная тень ускользнула из-за спины за миг до его движения.

— Освободите... — попросил он жалобно. — Кто бы вы ни были... Освободите ее...

Странный царапающий звук, похожий на тихий скрип.

— Спокойно, спокойно... Напейся теперь сам.

Игар перевернул баклажку — единственная капля упала ему на башмак. Тихий скрип повторился, и Игар с ужасом понял, что это на самом деле смех:

— Ну-ну... Девочка выпила все, не оставив мальчику и глоточка... Чем же напоить тебя? Можно ее кровью?

Игар испугался так, что пришлось судорожно сжать колени:

— Нет, нет... Нет...

Тень скользнула над его головой, на мгновение закрыв звезду.

— Ладно... Ступай к ручью... и наполни баклажку. А потом ты вернешься. Ступай.

...Две ночи назад был Алтарь. Был ли?! Как сон... Как давнее воспоминание. Будто веслом по голове. Мальчишки вытащили рыбину, саданули веслом — и удивленные глаза вылезли из орбит, а черные рыбьи усы печально обвисли...

Игару казалось, что он теряет память.

Он брел в темноте, то и дело спотыкаясь, падая и съезжая вниз на собственном животе. Ручей звенел все громче; выходя на прогалины, где еще чуть-чуть подсвечивало угасающее небо, он останавливался, чтобы тупо уставиться на свою ладонь. Сгибал и разгибал пальцы, шепотом упрашивая себя: это я. Это моя рука, моя рука...

А потом он разом забыл обо всем. Ручей звенел, ручей простирался, заняв собой полмира; Игар стоял над его гладью, глядя, как дробится на ней танцующий свет звезд.

Еще потом он впал в счастливое оцепенение. Вода стекала по его губам, и, уже напившись, он лежал лицом в ручей — бездумный

и безвольный, достигнувший абсолютного совершенства, где не место желаниям, хотениям и прочей мелочной суете.

...А очнулся на бегу. Вверх по темному противоположному склону, длинными и небывало сильными прыжками, как не бегал никогда, как зверь, только что перегрызший веревку...

Отец-Разбиватель учил: выжить, выжить во что бы то ни стало, молить Птицу о жизни, благодарить Птицу за удачу... Жить. Жить!!

Он бежал, и непонятное шестое чувство помогало ему огибать стволы — иначе он расшибся бы в лепешку. Треща ветвями, как молодой вепрь, он проломился через кусты — и увидел над головой спасительный, противоположный край оврага.

...И сказала Птица птенцам своим: каждый из вас рожден, чтобы жить, и каждый жить вправе. Дабат.

— ...И почему?

Он молчал.

— Почему же ты вернулся? Так далеко удрать... Действительно далеко. И вернуться... Зачем?

Теперь совсем темно. Так темно, что глаза можно и вовсе не открывать. Лучше зажмуриться — тогда, по крайней мере, не надо будет пялиться, таращиться, пытаясь разглядеть в окружающей черноте хоть проблеск, хоть искорку.

Искорку... Огонь. Ночные твари боятся огня... все твари боятся огня, но тот, что сидит в серой паутине, тварь непонятная и непредсказуемая. Кто... Кто?! Паук, который вьет паутину на волков и говорит... как по писаному. Как Отец-Научатель... Зачем вернулся, дурак?! Что проку, теперь они погибнут вместе, а мог бы...

Подбородок его стягивало подсохшей кровью. Там, за оврагом, он не удержался и влепил себе оплеуху — и как, оказывается, сильно можно себя ударить. Немилосердно. Без жалости.

— Кто она тебе? Та, за которой ты вернулся?

Слух Игара обострился десятикратно. Он слышал ее дыхание; ни звука, ни шелеста, ни движения — только дыхание, сдавленное, будто Илаза пыталась удержать стон.

Игар поднял лицо к непроглядной темноте:

— Жена. Она жена мне, мы сочетались на Алтаре... И посягнувший на эти узы будет проклят.

Нет, паутина различима таки, даже теперь. Еле видимый серый кокон...

Он поймал руку. Холодную и слабую, липкую от нитей, странно маленькую — он никогда прежде не думал, что ее рука так мала в сравнении с его ладонью... Аристократическая. Детская. И не желает отвечать на его пожатие. Да в сознании ли Илаза?!

Пальцы в его руке дрогнули. Чувствует. Ответила. Так слабо...

— Она жена мне, — сказал он сдавленно. — Мы принадлежим друг другу. И мы никому не сделали зла!..

Пальцы Илазы ослабли снова.

Темнота над его головой помолчала. Скрежетнула смешком:

— Теперь вы принадлежите мне... Алтарь не обидится. Алтарю даже угодно, чтобы судьба ваша была... одна на двоих. Забавно лишь, что пока девочка хранится здесь, мальчик ходит на привязи...

Игар вжался лицом в неподвижную Илазину ладонь. Дотянуться бы до ее губ... Но от его движения паутина напряглась, и девушка судорожно вздохнула. Так ей больно. Он боится причинить ей боль...

— Что вы будете с нами делать? — спросил он, удивляясь собственному равнодушному голосу.

— Ты не догадываешься? — удивилась темнота. — Пройдет несколько часов... Я дам вам напиться еще. Побольше воды. Вам это сейчас нужно.

— Меня, — хрипло предложил Игар. — Меня.

— Обоих.

— Нет...

Темнота усмехнулась:

— Да. Да... Алтарь одобрил бы. Одна жизнь — смерть тоже одна... Хочешь пить — напейся. Есть время.

...А ведь убежал было, ушел уже так далеко!

Проклятое тело так хочет вырваться и выжить. Отец-Разбиватель говорил — только душа хочет умирать. Тело, дай ему волю, никогда не полезет в петлю... Душа Ады, Илазиной сестры, желала обрушиться вовнутрь. Уничтожить себя... И тело проиграло. Тело качалось в спальне, не достигая босыми ногами до...

А что проку, если теперь они с Илазой погибнут вместе?! Лучше быть вечным вдовцом, чем умереть сейчас, в восемнадцать лет... Так глупо и так... отвратительно... Как муха...

А в мешке огниво. Если пошарить в темноте... Поджечь все гнездо. Выжечь...

Развести огонь. Но... Время. Этот, что в кронах, двигается со скоростью мысли...

— Игар — твое имя?

Он вдруг напрягся. Темнота изменилась; теперь в ней ощущалось близкое, отвратительно близкое соседство. Совсем рядом... Так, что лица достигает мерзкое, теплое дыхание. Святая Птица... Как это будет?.. Ожидание смерти хуже умирания, сейчас он сам попросит поскорее его прикончить... Но он не Ада. В нем слишком много жизни. Отец-Служитель сказал бы — слишком много тела и слишком мало души. Слишком много трясущегося, покрытого потом, живого тела...

— Я... меня так зовут. Я Игар... Освободите ее. Распутайте. Ей же плохо... Она не убежит!!

Илаза молчала.

— Если вы знаете о Святой Птице, — сказал Игар шепотом, — если вы... но... я заклинаю именем ее: не мучьте хотя бы девушку. Во имя Птицы!

Он думал, что священное имя придаст ему сил. Он ошибся — в этой черной, невозможной темноте имя Птицы прозвучало бессмысленно, как звон стекла о стекло.

Он замолчал. Безжизненная рука Илазы и собственное сбивчивое дыхание. Все, что оставила ему жизнь.

— Сядь, — сказала темнота.

Он не мог сесть, не выпуская руки; оставлять Илазу он не хотел.

— Ты хочешь, чтобы она жила?

В голосе темноты скользнуло нечто. Нечто, заставившее Игарово сердце на мгновение остановиться. Призрак надежды.

— Да, — прошептал он еле слышно. — Да. Да. Птицей клянусь...

— Тише. Она будет жить, если ты выкупишь ее.

— Собой?! — это было первое, что пришло ему в голову.

— Ты и так мой, — голос темноты усмехнулся. — Ты ничего не стоишь, к сожалению... Но ты выкупишь ее другим человеком. Женщиной.

Он облизнул губы. Сплошная пленка подсохшей крови.

— Ты готов умереть за свою жену... Хорошо. Мне не нужно, чтобы ты умирал. Ты пойдешь к людям... Ты найдешь среди них женщину, настоящее имя которой — ТИАР. Запомни хорошенько — Ти-ар... Конечно, она может зваться и другими именами, но настоящее ее имя — это. Ей около тридцати лет... Чуть меньше. У нее темные, с медным оттенком волосы и карие с прозеленью глаза. Ищи ее в провинции Ррок. Найди ее и приведи ко мне... Это трудно, я знаю. Ты обманешь ее, или соблазнишь, или притащишь силой — мне безразлично. Можешь даже повести ее к Алтарю... Все равно. Ты приведешь ее ко мне, и тогда, взамен, я отдам тебе твою... Илазу. Ты согласен?

Повисла пауза.

— А зачем она вам? — тихо, чуть слышно, совершенно некстати спросила Илаза. Святая Птица, Игар не узнал ее голоса. Чужой, сиплый...

— Я согласен, — сказал он яростно. — Я согласен на все. Отпустите ее.

— Сначала ты приведешь мне ту женщину.

— Но... это же...

Он тряхнул головой — и тут же закусил губу от боли. Боль понемногу затихала, пульсируя в затылке, в висках... О чем. Тиар... О чем они говорят, с кем они уговариваются... На что он только что согласился?..

— А если Тиар умерла?!

— Если она умерла — значит, вам не повезло, — холодно отозвалась темнота.

Игар всхлипнул.

Мысли его путались, он ни одной не мог довести до конца. Целый ворох рассуждений, который предстоит еще распутать, разобраться, но сейчас нету на это ни времени, ни сил. Оставить Илазу?! При одной мысли об этом его обдало морозом, он почувствовал, как трещат, поднимаясь, волосы. Илаза... Спасти. Можно. Илаза.

Оставить ее... здесь?!

— У меня... просьба, — он проглотил комок. — Можно пойдет Илаза, а я останусь?

— Плохо, — отозвалась темнота после короткого молчания. — Ты что же, не веришь в успех... предприятия? Жаль. Придется оставить вас обоих.

— Нет, — Игара снова затрясло. — Нет, я не то хотел... Я сделаю. Ради Илазы я... хоть труп вам притащу... этой Тиар.

— Труп мне не нужен, — усмехнулась темнота. — Живая. Только живая. Живьем.

— Да, — Игар закашлялся. — Я пойду... Я прямо сейчас... Я скоро. Вы...

Он замолчал. Ночной воздух, за минуту перед тем прохладный, сделался вдруг липким, как смола, и Игар завис в нем, как муха. В который раз — как муха, подумал он горько.

Илаза прерывисто вздохнула. Игар сглотнул — и стал на колени, подняв лицо к темноте над своей головой:

— Не мучьте ее. Развяжите ее... Ну пожалуйста.

Неуловимое движение сгустка темноты. Глухой вскрик Илазы; Игар услышал, как человеческое тело мягко ложится на прелые листья у его ног. Отвратительный звук разрываемой паутины. Тишина.

Он обнял ее. Прижался щекой к мокрому, липкому, грязному лицу:

— Я... Не бойся. Только не бойся. Умой лицо, сразу станет легче. Ведь я люблю тебя... Больше жизни... А жизнь большая. Длинная... и счастливая. Мы будем... Потерпи немножко. Да? Сейчас я разотру тебя... Все хорошо.

— Не оставляй меня, — попросила она чуть слышно. Он содрогнулся:

— Я скоро... Очень скоро. Я заберу тебя.

— Не верь... Он меня... высосет. И тебя... и ту... женщину... Я не хочу... Игар...

Он почувствовал, как судорога проходит по ее телу, скручивает, выгибает бараньим рогом, как в столбняке. Он накрыл ее своим телом, пытаясь обнять:

— Илаза... Илаза, не надо!.. Посмотри на меня, я с тобой... Девочка...

И бесформенная тень, которая была чернее темноты, снова оказалась совсем рядом. По другую сторону Илазиного тела. Игар невольно отпрянул.

— Нет! — взвизгнула девушка, но мышцы ее тут же обмякли. Игар в панике отыскал ее руку — пальцы сделались расслабленными и теплыми.

— Мне ни к чему душераздирающие сцены, — сказала темнота. — Успокойся, она спит.

Илаза дышала глубоко и ровно. Игар осторожно провел ладонью по ее лицу — ресницы были мокрыми.

— С ней ровно ничего не случится... Если, конечно, ты выполнишь обещание. А теперь... ты будешь слушать. Очень внимательно; от этого зависит... ты понял.

Взошел месяц. Игар слушал. Ветер тяжело покачивал спутанные ветви, играл серыми клочьями паутины — Игару показалось, что над головой у него вздыхают чьи-то серые, разорванные в клочья легкие.

— ...Повтори.

Он попытался собрать разбегающиеся мысли, обрывки воспоминаний, среди которых безнадежно затерялись те новые, спутанные знания, от которых зависела теперь Илазина жизнь.

— Повтори, ну?

— Я не помню, — признался он в ужасе. — Я не могу... сейчас...

В голове его катался, гремя и подпрыгивая, чугунный шар. Огромный тяжелый шар больно бился о кости черепа, ворочался и грохотал, и ни одной мысли, только тяжесть и боль. Я снова ее погубил, подумал Игар безучастно.

— Не двигайся.

К нему снова приблизились сзади, и уже разорванная рубашка треснула опять. Он замер, ожидая боли — и боль пришла. Будто укус слепня.

Чугунный шар обернулся мыльным пузырем и беззвучно лопнул. Тяжесть ночи отступила — теперь это была просто ночь, ясная и звездная, Игар ощутил запах трав, и рядом, на дне оврага, беззаботно пела вода.

— Спасибо, — сказал Игар одними губами.

— Ты вспомнил?

— Да...

Он медленно повторял названия дальних и ближних городов и местечек — вся провинция Ррок: большой город Турь, почитаемый, будто столица... Близлежащий городишка Требур, где спокон веков полным-полно спесивых аристократов. Устье, многолюдный порт. Далекий Важниц, прибрежная Рава... Дневер, славящийся ремеслами. Олок в предгорьях, Ремет в верховьях... И бесконечное множество сел: Мокрый Лес и Узкий Брод, Утка, Кошка, Речка... Две Сосны, Три Грача, имена зверей и птиц, лесов и озер... И — обязательно надо запомнить — Холмищи. Холмищи, далекое село...

Он твердил и перечислял приметы и повадки незнакомой женщины, которая где-то там, в ночи, спит и не ведает, что по ее душу уже отправлен гонец. Та, что своей жизнью выкупит жизнь Илазы.

— Хорошо, — из темноты снова донеслось отвратительное теплое дыхание. — Теперь посмотри на небо.

Игар поднял голову. Половина небосвода по-прежнему была скрыта серым покрывалом, зато другая, чистая, лоснилась от звезд.

— Где звезда Хота, знаешь?

Игар кивнул.

— Где?

Он поднял дрожащую руку и ткнул пальцем в желтоватую, мерцающую звездочку, примостившуюся на острие длинной безлистой ветки. Отец-Научатель любил рассказывать легенду про то, как мышь попала на небо и заявила, что теперь...

— Звезда Хота опускается за горизонт в середине осени. Времени тебе — покуда звезда не скроется. Рассказать тебе, как я поступлю с ней, с твоей любимой женой? Что я сделаю с ней, если до той поры ты не вернешься вместе с Тиар? Надо говорить, нет?

Илаза спала. Голова ее лежала у Игара на коленях.

— Пощадите ее, — попросил он хрипло. — Я вернусь, но... Она же как-то должна дожить. Ей будет холодно, голодно, страшно... А она княжна и привыкла...

— Не беспокойся, она куда более живучая, чем ты.

Игар снова поднял глаза. Звезды гасли, растворялись в светлеющих небесах; еще немного — и погаснет звезда Хота... А так хотелось посмотреть на спящую Илазу при свете утра...

— ...Кстати, Игар.

Он шел медленно, против воли ожидая опускающейся на голову сети. Оклик заставил его споткнуться.

— Надо говорить, что будет, если ты... Скажем, вернешься с бандой головорезов? Что случится с Илазой?..

Игар сжал кулаки, так что ногти впились в ладони.

Хорошо, что Илаза спит и не слышит этих слов.

ГЛАВА 1

Лицо этой старухи никогда не улыбалось. Но там, в зале, где было много народу и был *он*, там лицо ее хранило хотя бы видимость доброжелательности; здесь, в маленькой душной комнатке, старуха смотрела, как скаредный торговец:

— Сколько весен ты помнишь?

Девочка напряглась, пытаясь сосчитать; ответила неуверенно:

— Шесть... Или семь...

Глаза старухи сделались маленькими-маленькими и ушли глубоко под лысые надбровные дуги:

— Зачем ты лжешь? На вид тебе не меньше десяти...

Девочка растерялась. Почувствовала, как привычно щиплют, увлажняются глаза:

— Да... но... я помню из них только семь...

Старуха презрительно скривила темные тонкие губы:

— Ты не настолько мала, чтобы не понимать, о чем тебя спрашивают!

Девочка сдержала всхлип. Там, где она жила раньше, о возрасте спрашивали по-другому.

Путешествие не принесло ей радости; разлука с родичами огорчила меньше, чем она ожидала. Здесь, в чужом доме, даже время казалось чужим, неповоротливым, медленным; *он* говорил что-то о спокойствии и будущем счастье, но слова его проходили мимо девочки, не достигая ее ушей. А уж души не достигая тем более.

— Тебе десять весен, — медленно, будто раздумывая, проговорила старуха. — Ну-ка, разденься.

Девочка повиновалась; старуха долго осматривала и ощупывала ее тощее детское тело, и, вздрагивая от прикосновения холодных рук, девочка думала о кротах, изрывших землю за сараем. Она так мечтала когда-нибудь увидеть живого крота — но видела только мертвых. Тех, которых убили мальчишки...

— Ты созреешь еще не скоро, — сообщила старуха с ноткой разочарования. — Ты будешь учиться и играть с прочими детьми,

но у тебя будет своя комната; ты должна помнить, что ты не ребенок больше — невеста, будущая жена господина и наша госпожа... Одевайся.

Она долго не могла справиться с поясом — на ее прежнем, домашнем платье пояса не было вовсе, была веревочка, затянутая узлом; старуха не помогала — просто смотрела и хмурилась. Толстый крючок не желал влезать в дырочку, новую и оттого слишком маленькую, пальцы покраснели и отказывались слушаться — но девочка, закусив губу, пробовала снова и снова, пока дверь за ее спиной не отворилась и, еще не глядя, она почувствовала появление *его*.

Его ладони были белыми, как сахар, и загар на тыльной стороне их казался от этого еще темней. Длинные пальцы одним движением вогнали на место непослушный крючок; старуха почтительно склонила высокую седую прическу:

— Да, Аальмар...

Его рука небрежно поймала девочку за плечо, мимоходом погладила, ободряюще потрепала по голове:

— Я уезжаю.

— Уже сейчас? — удивилась старуха.

— Да... — Вошедший кивнул. Девочка почувствовала, как ее лицо чуть приподнимают за подбородок:

— Малыш, пойдем? Проводишь меня?

Она посмотрела ему в глаза — и испугалась снова. Как тогда, когда он отрывал ее, ревущую, от матери... Тогда он казался ей самым страшным существом в мире...

Но эта старуха без бровей страшнее.

Девочку уже вели вниз по лестнице; из-за какой-то двери выглянуло чье-то любопытное лицо, скользнула под ногами рыжая кошка, кустик травы у крыльца, и вот уже сильные злые люди удерживают сильных злых лошадей, покачивается пустое тяжелое стремя, блестит на солнце украшение — бронзовая морда собаки на ремешке уздечки...

— Я уезжаю, — сказал *он*. — Скоро вернусь. Жди меня и будь молодцом... Ты скоро привыкнешь. Все будет хорошо.

Она поняла, что следует что-то сказать; кивнула и прошептала еле слышно:

— Да...

— Скажи мне: удачи, Аальмар. Потому что мне очень нужна удача.

— Удачи...

Она никак не могла запомнить его имя. Оно казалось ей слишком длинным, сложным и некрасивым.

— Удачи... Аальмар...

— До свидания, малыш.

Он вскочил в седло; предусмотрительная старуха отвела девочку подальше. Подальше от копыт, поднимающих пыль, от белозубых, гортанно перекликающихся людей, от хлыстов и шпор, от странных железных орудий, притороченных к седлам...

— Удачи, Аальмар! — крикнула крепкая женщина, прикрывающая глаза от яркого солнца.

— Удачи, Аальмар! — крикнул парнишка лет восемнадцати, и клич его повторили еще несколько голосов, незнакомых девочке, чужих...

Стоя под старухиными ладонями на плечах, она вдруг поняла, что уезжает единственный человек, которого она здесь знала. Более-менее знала, успела освоиться, запомнила его имя...

— ...Невеста.

Она рывком оглянулась. У крыльца, чуть поодаль от взрослых, стояли тесной группкой трое мальчишек и девчонка. Четыре пары глаз глядели со странным выражением — ей показалось, что с недобрым. Ей показалось, что они изучают ее пристрастно, презрительно, свысока; наверняка любой из них умеет застегивать пояс и без запинки ответит на вопрос «Сколько ты помнишь весен?».

Она обернулась, чтобы еще раз увидеть далекое облако пыли на месте уходящего отряда. Чтобы еще раз крикнуть вслед: «Удачи, Аальмар!»

Но ворота уже закрывались. Створки сомкнулись, лязгнул засов, и девочка вдруг осознала свое одиночество. Острее, чем когда-либо; острее, чем покидая родительский дом.

* * *

— *...И тем не менее сочетаться они успели. Это многое меняет, госпожа.*

Из темноты глубокого кресла послышался смешок:

— Ничего это не меняет, отец мой. Это их глупость и их же беда. Для меня — не меняется ничего, нет.

Отец-Вышестоятель отвернулся от окна. Губы его изобразили скверную улыбку:

— Что ж, госпожа... Гнездо в ответе за малых падших птенцов своих, однако всякая ответственность имеет границы, нет?

Игар подавил стон. Узкие ремни впивались в запястья — он не чувствовал своих рук, вместо них была постоянная режущая боль. Временами зрение его мутилось, и вместо темной комнаты ему мерещилась серая, туго натянутая паутина.

— Да, — чуть помедлив, отозвались из кресла. — У меня нет к

скиту никаких претензий. Я знаю достаточно, чтобы поступать на свое усмотрение... Скит ведь поймет?

Игар подался вперед и изо всех мысленных сил воззвал к милосердию Отца-Вышестоятеля. Ответом ему было ледяное молчание; пожалуй, слишком бесстрастное, чтобы быть искренним. Отец-Вышестоятель боялся окончательно нарушить душевное равновесие, которое за последний час уже дважды готово было поколебаться. Малый заблудший Игар и без того обошелся Гнезду слишком дорого, ибо нет ничего дороже уязвленного самолюбия. А птенец Игар ухитрился-таки уязвить; Отец-Вышестоятель молчал.

Из темноты кресла поднялась округлая белая рука; Вышестоятель церемонно кивнул и вышел, старательно не замечая забытого, выпавшего на дорогу птенца. Ступившего на путь свой по воле своей и своей же головой за своеволие ответственного. Дабат — да будет так.

За Вышестоятелем закрылась дверь; печать отторжения оказалась столь тяжела, что Игар не выдержал и тихонько заскулил. Будь его руки свободны — он, наверное, сумел бы зажать себе рот и не выдавать себя звуком, менее всего достойным мужчины. Но руки были стянуты за спиной — и он заскулил снова, униженно и умоляюще.

Белая округлая кисть расслабленно повалилась на подлокотник. Побарабанила пальцами; потом кресло негромко скрипнуло, и сидевшая в нем женщина поднялась во весь рост. А ростом она была с Игара.

— Где ты хочешь? — спросила княгиня задумчиво, и ее глубокий голос выдал несомненный дар певицы. — Здесь или в подвале?

Игар проглотил тягучую слюну. Илаза, оказывается, очень походила на мать; княгиня, пожалуй, была даже красивее. На хищном лице ее лежала печать породы, и черный бархат траурного платья как нельзя более кстати оттенял и подчеркивал траурные, слегка раскосые, изматывающие душу глаза. Да, подумал Игар. Это теща из тещ. Это воплощенная теща. Это твоя теща, дурак.

— Я дурак, — сказал он, пытаясь говорить спокойно. — Я сразу должен был... я врал. Я не прятал Илазу, я все придумал. Она... в беде. В жуткой беде, только мы с вами можем ее спасти...

Величавые губы чуть-чуть изогнулись. Княгиня хотела что-то сказать — но вместо этого отошла к стоящему на столе зеркалу и бережно поправила спадающую на висок седую прядку. Одну-единственную седую прядку во всем высоком сооружении ее прически.

Игар опустился на колени:

— Илаза... В плену у... чудовища. Я не знаю, что это... я никогда о таком не слышал... Но это... он убийца! Он угрожает ей! Я шел к

вам... Я честно к вам шел, не нужно было меня хватать... Надо спасти ее, надо снаряжать отряд — немедленно, сейчас...

Нет, Илаза не так похожа на мать, как ему показалось вначале. Скверная, паршивая улыбка мгновенно испортила этот великолепный правильный рот:

— Говори, сынок... Как ты говоришь, мы уже слыхали. Скоро мы услышим, как ты кричишь.

Игар сел на пятки. Голос его неприличным образом содрогнулся:

— Я... понимаю, что вы обо мне думаете. Я понимаю, что вы хотите со мной делать... Но, пожалуйста, помогите сперва Илазе. Я один знаю, где она. Я один сумею довести отряд... Освободите ее — а потом делайте со мной, что хотите!..

Голос его снова дрогнул. Ему очень не хотелось, чтобы последние его слова были поняты буквально.

Княгиня шагнула вперед — колыхнулся тяжелый подол траурного платья. По ком она носит траур, угрюмо подумал Игар. По дочери, по старшей дочери, которую сама же и уморила... Но ведь больше года прошло...

Белая рука легла ему на голову. Он съежился, не решаясь высвободиться.

— Ты ничего не знаешь, — печально сообщила княгиня. — Ни что я о тебе думаю, ни что собираюсь делать... У тебя фантазии не хватит. Ты не в состоянии вообразить, — и ее пальцы чуть поворошили его волосы, медленно поднимающиеся дыбом.

— Я же ваш зять, — прошептал он, с третьей попытки вернув себе власть над голосом. — Я же... Илаза любит меня. Илаза...

Княгиня с упорством, достойным лучшего применения, создавала на Игаровой голове некое подобие прически:

— Моя дочь очень обидела меня, сынок. Очень. Мне больно и горько. И причина этому — ты.

— Она в беде! — Игар решился наконец высвободить голову и посмотреть княгине в глаза — снизу вверх. В раскосых княгининых глазах стояли настоящие слезы:

— Да, сынок. Она в беде. В очень скверной беде — ее угораздило поступить против моей воли... Поверь, что все остальные Илазины неприятности — просто мусор, недоразумение, печальная тень этой ее главной ошибки... Понимаешь?..

Игар скорчился, не в силах оторвать взгляда от черных глаз, в которых из-под высыхающей влаги проступал желтый, нехороший огонек:

— Илазе угрожает... я знаю, что именно угрожает Илазе. Но сначала нечто куда более скверное угрожает тебе. Понимаешь почему?

— Я виноват, — язык Игара как-то сразу сделался сухим и неповоротливым. — Я виноват, я... хорошо, я искуплю. Хорошо... Ну убейте меня, сделайте дочь вечной вдовицей... Но сейчас-то она... — Княгиня смотрела на него с чуть заметной улыбкой, и от этой жуткой снисходительной улыбочки Игаром овладела вдруг отчаянная, безнадежная злость.

— Вы что, оглохли?! Вы не понимаете, что я говорю?! Он сосет кровь! Из животных и... людей тоже! Он каждую минуту может... и Илаза в его власти! И каждый миг промедления — это слезы вашей дочери! Горе и страх! Если охота кого-нибудь помучить — так поймайте крысу...

Княгинина рука снова отыскала его загривок. Игар крепко зажмурился, ожидая боли; вместо этого пухлая ладонь скользнула по его лицу, пальцы нежно нащупали подбородок:

— Крыса не сделала мне ничего плохого, мальчик. Ни одна крыса в мире не досадила мне так сильно, как ты.

— Илаза умира... — выкрикнул было он, но прохладная рука зажала ему рот:

— А ты досадил мне. Илаза — просто маленькая дура... Когда женщина, — растопыренная пятерня сдавила Игарово лицо, — когда одинокая женщина воспитывает единственную, — княгиня оттолкнула его, так что он снова плюхнулся на пятки, — единственную... дочь, она вправе рассчитывать на... хотя бы самое простое уважение. Я не говорю уж о послушании...

Теперь он смотрел в отдалившуюся княгинину спину. Тугая перетяжка по-прежнему перечеркивала ее, разделяя красивую спину надвое и делая ее похожей на перетянутый веревкой мешок. «Почему вы не носите корсетов?» — хотел спросить Игар, но вместо этого только длинно, прерывисто всхлипнул.

— Моя Ада умерла, — буднично сообщила княгиня. — И я до конца дней поклялась носить траур. Тот мальчишка, погубивший ее... умер достаточно быстро. С тех пор я много мечтала, сынок. Я мечтала, что можно было бы... сделать с ним. И теперь, когда Илаза... когда она так со мной поступила, единственным утешением мне остался ты. Ты мне ответишь и за Аду тоже... Сначала, конечно, расскажешь, кто из слуг бегал с записками, кто открывал ворота... Но слуги — они слуги и есть. А ты теперь, — в голосе ее царапнула насмешка, — ты теперь — зять.

Игар молчал. Все его слова как-то слиплись, застряли под языком, подобно кислой и липкой массе. Перед ним стояла глухая каменная стена, а он пытался добиться от нее понимания, что есть сил колотясь головой.

Святая Птица, что ей говорить?! Пообещать внуков? Которые будут с радостным щебетанием... залезать на колени, покрытые вечным черным бархатом? Любовь и поддержку в старости?! Она

не доживет до старости. Черный огонь, отражающийся сейчас в раскосых глазах, сожжет ее раньше, чем умножатся седые пряди в высокой прическе...

Какие внуки!.. Да жива ли еще жена его?..

— Спасите Илазу, — попросил он шепотом. — Только я могу отвести. Если вы меня убьете...

— Да кто собирается тебя убивать, — она рассеянно гляделась в зеркало. — Мне интересно, чтобы ты жил до-олго...

Белая рука резко тряхнула золотой колокольчик, и звон его оказался неожиданно хриплым, как воронье карканье.

А ведь они совсем не похожи, отрешенно подумал Игар. Мне показалось.

— Клянусь Алтарем, который сочетал нас с Илазой, что...

— Замолчи, — княгиня содрогнулась.

Игару показалось, что лицо ее за последние несколько секунд сделалось еще бледнее — хоть это трудно было представить.

По-видимому, бледность княгини не была случайной; во всяком случае, округлые руки до половины выдвинули ящик стола и вытащили оттуда зеленый, как жаба, аптечный пузырек. Игар безучастно считал капли, падающие в замутившуюся жидкость — содержимое хрустального стакана, а тем временем в дверь почтительно стукнули, и вошедший оказался невысоким толстяком с пузатым саквояжем в опущенной руке.

Княгиня, морщась, опрокинула напиток в рот; Игар, снова всхлипнув, обернулся к толстяку:

— Я... меня нельзя сейчас... Я же должен отвести людей на помощь Илазе... А я вот возьму и не поведу! Если вы хоть пальцем...

Толстяк добродушно кивнул. Глаза его, непривычно широко посаженные, казались синими, как вода.

— Судьбой Илазы распоряжаюсь я, — холодно сообщила княгиня, задвигая ящик стола. — И еще кое-чьей судьбой... И не волнуйся, — она вдруг широко усмехнулась. — Будет отряд, и ты его поведешь... Чуть позже. Несколько часов ничего не изменят, а страдающая мать вправе... хоть отчасти возместить моральные потери. Здесь, — другим тоном сказала она толстяку. — Приготовь.

Толстяк снова кивнул, и на макушке его мелькнула, как привидение, нарождающаяся плешь.

Игар сидел, скорчившись, втянув голову в плечи и боясь поднять глаза; к стыду своему, он вовсе не ощущал радости оттого, что поход на выручку Илазе все же состоится. Минуту назад он готов был ради этого вытерпеть любые муки — а теперь голубоглазый толстяк беспокоил его все больше и больше.

В наступившей тишине отчетливо лязгнул металл — тихо, деловито и неотвратимо. Игар крепко сжал колени; весь мир съежился

до размеров княгининой комнаты, и потолок опустился ниже, и времени на жизнь осталось несколько минут. Думай, бедная воспаленная голова. Думай, как вывернуться... Безвыходных положений не бывает... Святая Птица, помоги мне...

Будто в ответ на его мольбы ремешок, стягивающий запястья, в последний раз впился в тело — и ослаб. А вот это неплохо, мельком подумал Игар, торопливо растирая локти и кисти. А вот свободные руки — это уже надежда... Шанс. Отец-Разбиватель говорил, что пока хоть палец свободен — шанс остается...

Толстяк отошел, неслышно ступая, хозяйственно сматывая две половинки разрезанного ремня; саквояж его был широко раскрыт и походил на мелкое пузатое чудовище, разинувшее пасть.

— Кто открывал ворота? — негромко, как-то даже сонно поинтересовалась княгиня. — Имена слуг.

Их звали Ятерь и Тучка; имена ли, прозвища ли — но Игар в ужасе зажал себе рот опухшей ладонью. Еще мгновение — и вылетели бы... И он затрясся — не исключено, что вылетят-таки... И тогда Илаза пропала для него навсегда, потому что ее мужем не может быть подлец, лучше никакого мужа, чем трус и предатель...

— Какие имена, каких слуг!.. — завопил он истерично. — Она же ваша дочь! А он — паук... И он жрет ее! Живьем! Сейчас! Сию секунду!

Княгиня медленно опустила ресницы. Толстяк, для которого это был, по-видимому, сигнал, шагнул вперед, почему-то пряча правую руку за спиной.

— Я не знаю их имен! — Игар вскочил, привычно отмеряя расстояние до толстяка, до полуоткрытого окна, до массивного рогатого подсвечника, украшавшего собой стол. Толстяк не ждет нападения — решил, вероятно, что Игар совсем уж раскис, расклеился; потому и руки развязал, как неосторожно, как неосто...

Не закончив мысли, он прыгнул. Очень удачно прыгнул, мягко, и подсвечник оказался даже тяжелее, чем он думал. Растопыренные медные рога уставились толстяку в живот.

— Я ничего не знаю! Было темно!

Крик был отвлекающим маневром; сейчас он удивит толстяка серией из трех приемов, голова-право — бедро-лево — шея-лево... Пусть только толстяк чуть-чуть приподнимет подбородок, пусть откроется...

Он шагнул по кругу, заставляя толстяка чуть повернуть голову:

— Не подходи. Изувечу. Не под...

Толстяк вытащил правую руку из-за спины. У Игара остановилось дыхание.

Там, где еще несколько минут назад была — или по крайней мере мерещилась — человеческая рука, сидело теперь громоздкое,

многолапое, чешуйчатое сооружение, скорее похожее на отдельное живое существо. Обомлевший Игар различил иглы и кольца, крючья и непонятного назначения присоски — целый живодерский оркестр, изготовившийся к концерту, мастерская дознания, Перчатка Правды...

Секунда — он утратил бдительность. Всего лишь мгновение; спустя миг подсвечник смотрел в пустоту — толстяк беззвучно возник совершенно в другом месте. Гораздо ближе — и сбоку. То, что было на месте толстяковой руки, беспорядочно двигалось, жило обособленной жизнью.

Пальцы, державшие подсвечник, ослабели. Не до комбинаций — удержать бы свое оружие... Прости, Отец-Разбиватель, кажется, твой ученик посрамит тебя... Что-то нечисто с этим толстяком. Что-то с ним не все в порядке...

Где-то в стороне тихонько хмыкнула княгиня.

— Вы... — Игар не узнал собственного голоса. — Неужели вы никогда не люби...

Толстяк зевнул.

В следующее мгновение глаза его, ослепительно синие, оказались рядом с Игаровым лицом. Подсвечник грянулся бы на пол — если б левая рука толстяка, одетая в тонкую шелковую перчатку, не поймала его за миг до падения и не поставила бы аккуратно у Игаровых ног.

И снова где-то далеко-далеко мягко усмехнулась княгиня. Последним усилием воли Игар бросился в сторону; шелковая рука немыслимым образом оборвала его бросок, и от приторно-мягкого прикосновения ему захотелось быть покорным. Покориться и лечь.

— Ты, — глубокий голос княгини сделался бархатным, как ее траурное платье. — Ты понятия не имеешь, сынок, как это — любить...

Покорность оказалась вязкой, как смола. Синие лампы толстяковых глаз проникали до мозга костей; шелковая рука его лежала на горле, и Игар ощущал биение собственного пульса, в то время как руки сами послушно, услужливо расстегивали рубаху.

— Послушайте... Я... Мы с Илазой... Лю... любим...

— Да, да... Ты ни о чем не имеешь понятия. И ты не стоял перед могилой, которая съела твоего... нет, не поймешь. Твой язык балаболит невесть что, и ты недостаточно искренен... Но это легко поправить, сынок.

Толстяк хмыкнул. Сложное железное сооружение, заменившее ему руку, зашевелилось, и из недр его выдвинулось нечто совершенно мерзкое. Левая, шелковая толстякова рука придерживала Игара за плечо, и прикосновение это вгоняло в паралич, лишало воли.

— Нет... Не-е-е...

— Не нравится? Не любишь?.. А вот я так живу каждый день, — голос княгини сделался усталым и бесцветным. — Потому что моя девочка умерла... из-за меня.

Толстяк печально вздохнул, и Перчатка Правды опустилась.

* * *

Муравей долго и бессмысленно взбирался по длинному зеленому колоску. Илаза смотрела, как у самых глаз поднимается к небу черная, перебирающая лапами точка.

Все равно. Вековая усталость. Лечь и не вставать, заснуть и не просыпаться. Она проспала ночь, проспит и день; ей ничего не нужно. Тишина и покой. Как хорошо. Взбирается по стеблю молчаливый муравей... Нет мыслей. Нет желаний. Страха тоже нет — выгорел. Пусто. Спать.

Она чуть опустила веки. Вот так. Секунда — и уже вечереет, а она по-прежнему лежит на траве, в той же позе, как вчера, как позавчера... Потягивает теплую воду из Игаровой фляги. Среди бабочек и стрекоз. А перед глазами — зеленый кузнечик, трет ногами о крылья, и трещит, трещит, трещит...

Смолк. Все вокруг как-то притихло и смолкло; на девушку, лежащую ничком, упала тень — чуть более темная, чем сумерки.

— Ты жива?.. Послушай-ка, твои ноги уже давно свободны. Почему бы тебе не умыться хотя бы? Почему бы тебе не поесть?

Вкрадчивый голос прошел сквозь ее отчуждение, как нож проходит сквозь масло. Она вздрогнула — но не подняла головы. Не слушать, не понимать. Это далеко-далеко, не имеет значения...

— ...Ты слышишь? Встань. Встань!

Она завозилась. Поднялась на четвереньки; зажала глаза ладонями, чтобы не увидеть случайно того, кто говорил. Ей страшно было его увидеть.

— Иди к ручью. Приведи себя в порядок.

Она пошла — как кукла. Повиновалась и пошла.

Нога подвернулась не раз и не два. Остановившись над бегущей водой, Илаза нечаянно наступила на высокую ромашку и долго, тупо смотрела на лежащий цветок.

Ромашка лежала лицом в ручье. Вода лениво омывала смятые лепестки; Илаза смотрела, не отрываясь. Ромашка напоминала ей похмельного пьяницу, добравшегося наконец до желанной влаги. Лицом в ручей...

Илаза легла на живот — потому что беречь бывшее светлое платье больше не было никакой надобности — и последовала ромашкиному примеру. Волосы намокли, потянулись по воде, как

водоросли; если задержать дыхание и долго-долго не поднимать головы, то можно утонуть.

Долго она не выдержала, схватила воздух и закашлялась; кашель перешел в приступ, приступ сменился рыданием — без слез и без смысла. Она каталась по траве, сшибая своим телом белые головки одуванчиков; потом притихла и расслабилась, неотрывно глядя на нового муравья, бредущего вверх по новому травяному колоску.

Снова надвигается вечер. А прошлой ночью был полусон-полубред, озноб и кошмары. Она видела себя, бредущую по комнатам собственного дома — но мебель была сдвинута с привычных мест, а в спальне — Илаза знала точно — болтается в петле мертвая Ада... И где-то рядом ходила крыса. И самое скверное, что Илаза ни разу ее не видела, хотя крыса была совсем близко. Чуть не касалась лица своей жесткой щетинистой мордой. Это паутина...

Муравей добрался до верхушки колоска и все так же деловито двинулся вниз. Илаза устало закрыла глаза.

* * *

Несколько дней назад этот же путь показался Игару тяжким и бесконечным; оказалось, однако, что та же самая дорога может быть столь же короче, сколь и мучительнее. Конный отряд продвигался стремительно, топча и проламываясь, оставляя за собой поваленные кусты и растоптанные травы; предводитель, насмешливый рыжий человек по имени Карен, скакал в центре, предоставив передовым прокладывать дорогу, а замыкающим постреливать в белок. Рядом с предводителем держался щуплый, как подросток, и злющий, как оса, арбалетчик; через круп его лошади мешком был перекинут полумертвый Игар.

Упершись в овраг, отряд остановился. Не сходя с коня, Карен потрогал пленника хлыстом:

— Овраг, ворюга. Теперь куда?

Перед глазами Игара давно уже было черно от прилившей крови. В дымке, траурной, как платье княгини, нетерпеливо переступали рябые, заляпанные грязью конские ноги.

— Я ничего не вижу, — прохрипел он чуть слышно.

Повинуясь жесту Карена, двое плечистых парней сдернули Игара с лошади и посадили в траву. Карен терпеливо ждал, пока Игар справится с обморочным головокружением, похлопывал хлыстом по голенищу:

— Ну? Оклемался, ворюга?

Игар устал уверять рыжего предводителя, что он ни у кого ни-

чего не украл. Похоже, Карен звал «ворюгами» всех более-менее провинившихся подчиненных.

Карен вот уже несколько лет считался несомненным фаворитом княгини; всем было известно, что помимо воинских обязанностей при Замке он несет еще одну, также почетную и куда более опасную службу в широченной княгининой кровати. Игар был высокого мнения о мужестве Карена: лично он, Игар, охотнее полез бы в постель к крокодилице... Играть так долго с этим неистовым темным огнем — и ни разу не обжечься?..

— Говори. Куда теперь. Живее!

Он с трудом поднял голову. Полдень; слепящее солнце в зените, даже на дне оврага почти светло... Тот, плетущий сети, приходит ночью. Значит?..

Он взялся за виски, будто пытаясь собрать растекающуюся, как варево, память. Где это? Где, на какой стороне оврага? Сейчас... Нужно сообразить, это так просто... Сейчас...

— Если соврешь, — весело сообщил Карен, — если ты, ворюга, за нос вздумаешь водить... Перчатка-то пожалел тебя на первый раз, позволил сразу в обморок брыкнуться... Это он шуточки с тобой проделывал, но если ты не приведешь нас... — Он грязно ругнулся.

Игар тупо смотрел на молоденькое, с изумрудной листвой деревцо, стоящее на самом краю оврага. У него как-то сразу опустело внутри, теперь он точно знал, что не найдет Илазы. Хорошо же сочетал их Алтарь — обоим смерть, да в разлуке, да одна другой жутче!..

Он заставил себя посмотреть Карену в глаза:

— Что, если корову лупить все время, она лучше доиться будет? Вниз головой, по-вашему, проводнику сподручнее... А если ошибется, так шкуру драть. А что княжна на паутинке виси...

Щуплый арбалетчик — почему-то Игар был уверен, что это именно он — пнул его сапогом в спину. Игар упал на четвереньки.

— Я ведь знаю, о чем ты, ворюга, думаешь, — со вздохом сообщил Карен. — Ты сбежать хочешь, зараза. Только это зря... — И, не меняя тона, щуплому надзирателю: — Посади его в седло. Пусть ведет.

...А лес был пронизан солнцем. Совсем как в тот день, когда они шли, не разнимая рук, и то и дело приходилось останавливаться, чтобы смять траву, чтобы целоваться, пока хватает воздуха...

...долбит далекий дятел. А больше нигде нету птиц — правильно ведешь, Игар, выходит, верно ведешь... А когда выходили со двора, оставляя за спиной притихший Замок, — тогда уходивший отряд приветствовали два свежих висельника на перекладине ворот, и ноги их покачивались над головами уходящих. И Игар, как

ни отворачивайся, а все равно знал, кто это — Ятерь и Тучка, поверенные Илазы. Кто назвал княгине их имена? Кто, ведь он, Игар, молчал?!

...Или не молчал. Потерял сознание — и помнит только цепенящий взгляд толстяка, Перчатки Правды; почему случилось, что сразу после допроса двоих повесили?! Кто выдал?! Или княгиня догадалась сама... Или, может быть... в беспамятстве...

Ветка провела по его лицу. Раньше он отстранился бы — а теперь замер, прислушался к прикосновению, изо всех сил впитывая этот лес, этот запах хвои и запах прелых листьев, и запах грибов, которых наверняка полно сейчас под конскими копытами. Вот, у него есть несколько часов жизни. Передышка. Эти, мускулистые, откормленные, вооруженные до зубов... пес подери, да свободные же люди — но не понимают... не понимают, не видят солнца, не слышат запахов...

Он наклонился, почти касаясь лицом рыжеватой гривы. Щуплый надзиратель едет бок о бок, и у бедра его как бы невзначай пристроился арбалет. Знать бы, что пристрелит наверняка, — стоило бы попробовать... Но бывалый, наверняка ученый и многоопытный стрелок, подранит, наверное...

Он выпрямился и огляделся. Ну никаких же ориентиров — справа как тянулся овраг, так и тянется, а слева... Ну зачем они ломятся, как стадо коров, зачем эти переломанные ветки, растоптанная трава?! Теперь он не найдет дороги. А тот, *этот*, который вьет паутину... Святая Птица, сделай так, чтобы он днем спал, как все ночные твари. Игар нарушил клятву, явился с бандой головорезов, а Ты, Птица, сохрани Илазу...

Карен чуть повернул голову — Игар поймал его взгляд. Рыжая голова предводителя горела на солнце, как золотой колокол; почему, почему этот человек не на его, Игара, стороне? Как объяснить ему...

— Надо тише, — сказал Игар одними губами, но Карен его услышал и вопросительно поднял бровь. — Надо тише... Он может... сотворить с Илазой что-нибудь.

Карен поднял бровь еще выше, так, что она полностью утонула в рыжих, спадающих на лоб волосах:

— Ты же говорил, что он... твоя тварь воюет только по ночам?

— Я так думаю, — признался Игар. — Но не знаю точно.

— Скверно, — уронил Карен и послал лошадь вперед.

В молчании миновали еще полчаса; лица всадников делались все скучнее и скучнее, а щуплый надзиратель приблизился к Игару вплотную, так что тягостное ощущение глядящей в спину стрелы сделалось почти осязаемым. Овраг сделался заметно у́же; Игар в панике понял, что отряд заехал далеко, очень далеко от места пленения Илазы. Карен все чаще оборачивался, и прищуренные глаза его под золотыми космами не обещали проводнику ничего хорошего.

— Я ошибся, — сказал наконец Игар. — Надо в другую сторону.

Карен осадил лошадь, медленно обернулся — и Игар совершенно некстати вообразил его с княгиней в постели. Кто у них верховодит? Она, конечно. А он покоряется, как бревно. И не стыдно после этого командовать отрядом?!

— Ты рискуешь, ворюга, — шепотом сказал Карен.

Всадники откровенно разглядывали Игара — кто любопытно, кто равнодушно, кто с презрением, а кто и со злорадством. Что они знают про этого замордованного парня, скрючившегося в седле, как столетняя старуха? Что он выдал под пыткой Ятеря и Тучку?

...Он не выдавал. Если в беспамятстве — то не считается...

Карен махнул рукой, отправляя отряд по собственным следам. Солнце покинуло зенит; опустив веки, Игар ловил щекой его теплые и красные лучи.

...Как жила Илаза все эти дни? Неужели по-прежнему в липкой паутине?.. А как она жила все эти годы... Мать тиранила прежде всего тех, кого любила, — Аду вот затиранила до смерти... Теперь он понимает Илазу, как никогда. И любит ее, как никогда... И спасет. И, может быть, спасенная Илаза уговорит мать... Сомнительно, но все же. Вернувшись в Замок с Илазой, Игар отсрочит встречу с Перчаткой Правды. Не совсем же княгиня рехнулась, не может она не понимать, что узы, которыми связывает Алтарь...

Воодушевленный, он оторвал глаза от стоптанной травы и посмотрел вперед. Прямо над рыжей головой Карена, прямо над гордо вскинутой, уверенной в себе головой — висела, покачиваясь, длинная серая нить.

От Игарова крика дернулись, испуганно захрипели кони и забранились всадники. Непосвященному взгляду сложно было разглядеть полупрозрачную нитку, теряющуюся в путанице ветвей; хмурый Карен долго и презрительно разглядывал возбужденного Игара, потом протянул руку в перчатке и, гадливо морщась, сильно дернул.

Нить, против ожидания, не поддалась; Карен зло ругнулся и рванул еще. Треснула ветка, посыпались листья и мусор — с третьего Каренового усилия на голову ему свалился маленький, в осыпающихся перьях, в сетке паутины птичий трупик.

Карен долго отряхивался, брезгливо мотал головой, вытирал ладони о кожаные штаны; его люди, спешившись, долго и удивленно разглядывали неожиданную добычу. От птицы — при жизни это был, похоже, кривоклюв, а кривоклювы редко бывают размером меньше индюшки — остался обтянутый кожей скелет, и то ка-

кой-то плоский, как сухая роза между страницами книги. Мутные глаза — а голова кривоклюва прекрасно при этом сохранилась — смотрели сквозь хмурого, склонившегося над находкой Карена.

Игар почувствовал, что его разбирает смех. Проклятая натура — его смешит несмешное, и как объяснить этим злым вооруженным парням, что он не издевается, что он просто ничего не может поделать?!

— Птички, — он давился смехом. — Птички-то не поют... Как им петь... Когда их высосали... насухо... досуха... Ох-ха-ха...

Потом он замолчал, будто поперхнувшись. Ему привиделась Илаза, плоская и обескровленная, с мутными выпученными глазами, в сетке паутины...

Солнце склонялось к западу. Ехали молча; мрачный Карен возглавлял теперь кавалькаду, благо дорогу проламывать не нужно было — возвращались по собственной проторенной тропе. Игар смотрел на овраг; не раз и не два ему померещилась белая тень среди темных зарослей, а потом одновременно вскрикнули несколько голосов, вытянулись, указывая, несколько пальцев, и Игар тоже увидел. Длинный светлый лоскуток, нанизанный на острый древесный сук, и прямо на краю оврага. Будто Илаза бежала здесь, разрывая нижнюю юбку... или специально оставила знак. Указала, где ее искать.

Сердце Игара переместилось к горлу. Бедная девочка. Нашелтаки. И солнце уже низко...

— Здесь, — сказал он шепотом. — Да, здесь. В овраге. Здесь.

Карен командовал — резко, четко, вполголоса; Игар от души порадовался, что именно Карен отправился во главе отряда. Такому предводителю можно доверять. Четверо спустятся в овраг — двое до самого низа, двое подождут их на полпути; тем временем еще пятеро обшарят округу на предмет выявления чудовища и по возможности пристрелят его. Прочие будут дожидаться специальной команды, их много, уверенных и опытных бойцов, и сыщиков, и сторожей... Солнце еще не село, еще по крайней мере час, если надо будет, эти люди обшарят всю округу, каждую нору, каждое дупло...

В Игарову спину уперлось острое и твердое.

— Ну ты, — голос щуплого конвоира. — Не вздумай под шумок-то... Не знаю, кто там кровь сосет, а ты стрелу сразу заработаешь, понял?

Игар кивнул, бессмысленно улыбаясь.

Четверо бесшумно нырнули в овраг. Пятеро растворились между стволами; их лошади, привязанные, уныло переступали ногами. Игар сидел, обхватив плечи руками, пытаясь унять дрожь. Как холодно. Как холодно и как долго.

Карен стоял, картинно опершись ногой о камень; под веснушками на его лице ходили желваки. По его мнению, отправленные в овраг люди слишком долго копались.

Лошади забеспокоились. Забились, будто пытаясь оборвать поводья; из-под копыт полетели комья земли и прелые листья. Парень, оставленный за конюха, напрасно пытался остановить и унять — Карен раздраженно оглянулся.

Игару становилось все хуже и хуже. Солнце неотвратимо ползло к горизонту.

Карен снял с пояса миниатюрный рожок, похожий скорее на детскую свистульку; лес, казалось, вздрогнул от резкого призывного звука, а лошади и вовсе сошли с ума. Игар заткнул уши: если и была какая-то надежда на то, что ночная тварь спит — что ж, Каренов призыв и дикое ржание наверняка разбудили ее.

— Пр-роклятье... — пробормотал сквозь зубы щуплый надсмотрщик. — Где они там...

Ответного сигнала не было. Ни из оврага, ни из леса — только тяжелое дыхание кое-как успокоившихся лошадей да унылый скрип далекой, отжившей свое сосны.

Раздувая щеки, Карен протрубил снова. Молчание. Собравшиеся тесной кучкой люди раздраженно и растерянно переглядывались.

— Сколько можно ждать, — буркнул кто-то. Карен мотнул рыжей головой — недовольный поспешно спрятался за спины товарищей, но предводитель выловил его, ткнув пальцем в грудь:

— Ты... А с ним ты и ты. Живо. Чего увидите — сразу сигнал... И подгоните там этих... — Он выругался грязно и изобретательно.

Еще трое спустились в овраг — не особенно торопясь, тщательно выбирая место, куда ставить ногу. В помощь конюху назначены были еще двое, кучка людей вокруг Карена поредела. Надзиратель стоял у Игара за спиной, поигрывая ножнами.

Солнце простреливало лес насквозь. Высокие стволы казались красными, зато земли не достигало ни лучика, и из оврага пер, наползал, разливался вечер.

Игар стиснул зубы. Не хватало еще прикусить язык.

Карен ругался теперь не переставая; оставшиеся с ним люди хмуро переглядывались, а лошадьми овладела новая волна паники — две или три из них, Игар не успел заметить, оборвали-таки поводья и убежали в лес. Надсмотрщик пожевал губами, плюнул, но не получил удовлетворения; тогда, желая выместить на ком-то обуревавшие его чувства, с размаху хлестанул Игара по щеке. Тот почти не заметил — его трясло, как в жестокой лихорадке.

Оставшиеся вокруг Карена люди в голос пререкались; один, чернявый и маленький, брызгал слюной, призывая бросить все и

возвращаться. Немолодой уже наемник скалил зубы, обзывая Кареновых воинов бабами, дураками и неумехами. Сам Карен полностью утратил свое надменное величие, покраснел как рак и схватил за грудки молодого одноглазого парня, который неудачно сострил; Игар подумал, что глупее ситуации, чем та, в которую угодил Карен, и придумать трудно — командир рассылает людей с заданиями, а они проваливаются, как в вату, выказывая тем самым как бы неповиновение...

Пожилой наемник выхватил широкий клинок, демонстративно подбросил его, поймал над головой, плюнул чернявому под ноги и шагнул к оврагу. Возмущенно выкрикнул Карен — наемник плюнул и в его сторону тоже. Зашелестели, смыкаясь, кусты.

Люди разбрелись, не глядя друг на друга. Прибежал запыхавшийся конюх — Карен не стал слушать его сбивчивых объяснений и просьб, просто с разгону дал в зубы — отвел душу. Как перед тем надзиратель отвел душу на Игаре.

Простучали, удаляясь, копыта — но то не был очередной сорвавшийся с привязи конь. Кто-то из наемников малодушно дал деру... Или просто счел, что ничего интересного здесь уже не будет.

Окончательно взбеленившийся Карен раскрыл рот для гневного приказа — но дикий крик, донесшийся из оврага, помешал ему.

По голосу не разобрать было, кто кричит; затыкая уши, Игар вспомнил почему-то лицо немолодого наемника. Крик длился ровно три секунды — а потом оборвался коротким бульканьем. Будто на кричащего обрушилась скала и раздавила его в лепешку.

— С-скотина! С-скотина, ты!!

Игара грубо схватили за воротник. Он не сопротивлялся; сразу несколько рук волокли его к краю оврага:

— Ты... За-аманил! Сам туда иди! Ах, ты...

— Не отдам! — кричал надзиратель. — Я его скорее сам прирежу, живым никуда не пущу, велено мне, ясно?!

Кто-то орал в ответ. Надрывался Карен — Игар скоро перестал разбирать слова, ему будто заложило уши. Земля под ногами ухнула вниз, превратилась в крутую стенку темного уже оврага; за спиной зазвенели, скрестившись, клинки.

— Илаза, — сказал Игар шепотом. — Прости меня.

Рядом воткнулась в ствол арбалетная стрела; не раздумывая, а просто повинуясь инстинкту, Игар побежал. Вниз, туда, где можно умыться из ручья. Туда, где ждет его Илаза.

...Рука схватила его за плечо; он шарахнулся и закричал — рука повисла, покачиваясь, как ветка. Это была неопасная, совсем мертвая рука — а обладатель ее висел вниз головой, и лица Игар не разглядел. Все оно было серый, волокнистый кокон.

— Нет... — простонал Игар, пятясь.

Висевший был мужчина. Не девушка в светлом платье. В прошлогодней листве валялся бесполезный теперь арбалет.

Игар протянул руку — и не взял. Тот, в сером коконе, наверняка владел оружием лучше. Не помогло...

— Илаза! — позвал он еле слышно. — Ила...за...

...Он очень долго говорил ей «вы». Вы, княжна... Он привык. Она принимала, как должное. Между ними вечно что-то стояло — заборы, ажурные решетки, хлопотливые слуги, замша тонкой перчатки, стена дождя... Но вот настал день, когда, прижимаясь лицом к железной калитке — запертой калитке, и весь Замок давно спал, потому что стояла глубокая ночь, — она попросила: назови меня «ты».

Снова был дождь. Пахло мокрым железом; по его щеке стекали холодные капли. В том месте, где только что лежала ее ладонь, калитка была горячей. Он коснулся ее губами — привкус металла и новое слово. Ты, Илаза... Ты...

...Он опомнился снова наверху — у края оврага.

На пятачке, вытоптанном ногами и копытами, было еще светло. Еще светло и совсем пусто; лошадей не осталось ни одной. И ни одного человека. Только обломанные ветки да измочаленная трава. И еще один арбалет валяется — кажется, тот, что всю дорогу смотрел Игару в спину. Не иначе.

Игар стоял, подняв глаза к еще розовому закатному небу. Теперь он свободен, и Перчатке Правды никогда до него не добраться... Он умрет по-другому и, кажется, знает как.

Еле слышный звук заставил его рывком обернуться.

Рыжая голова, кажется, светилась в полумраке. Она висела высоко, высоко от земли; руки свисали, будто набитые песком. Карен смотрел на Игара, и тот почему-то понял, что предводитель грозного отряда парализован. Жив, но не может пошевелить и пальцем. Только тихо, со стоном, выдыхать воздух.

Игар вернулся за брошенным арбалетом.

Святая Птица, единственное доброе и по-настоящему нужное дело, которое он может теперь сотворить. Хоть как-то оправдать свое гнусное и бестолковое существование...

Он долго целился, чтобы попасть наверняка. Он знал, что Карену мучительно смотреть, как он целится — но ничего не мог поделать. А Карен не закрывал глаз. Глаза были благодарные.

Отскочившая тетива ударила по пальцам. Тело закачалось, как маятник; тонкой струйкой побежала на землю кровь. Карен все еще смотрел, но глаза были уже спокойные. Безучастные.

— Ну? И зачем ты это сделал?

Холодное дыхание ночи. Желудок, стремительно прыгнувший к горлу. Здравствуй, мой ежедневный кошмар. Свиделись.

— Он мне нужен был живым... Что теперь? Хочешь на его место?

— Меня нельзя. — Игар стоял, боясь оглянуться и увидеть собеседника. — Я должен... привести Тиар.

Тихий скрип-смешок:

— Ты уже привел... И это не Тиар. А я ведь предупреждал тебя, что...

— Если хоть один волос упал с ее головы, — Игар не узнал собственного голоса, неожиданно низкого и рычащего, — я из тебя, поганая тварь...

Он обернулся. Бесформенная тень раскачивалась в кронах, и казалось, что их несколько — возникающих то там, то здесь; Игар вскинул арбалет — стрела утонула в темноте. В просвете ветвей неподвижно стояла звезда Хота.

Он опустил руки. Шелестела, проливаясь на старые листья, кровь предводителя Карена.

— Знаешь, почему ты еще жив? — Звезда Хота на мгновение исчезла, закрытая невидимым во тьме существом.

— Нет, — отозвался Игар после паузы.

— Потому что...

За Игаровой спиной отчаянно хрустнули ветки.

— Я здесь! — выкрикнул плачущий голос, от которого Игарово сердце едва не лопнуло, как мыльный шарик. — Я зде...

Илаза проломилась сквозь кусты, всхлипнула, споткнулась и упала бы к Игаровым ногам — если бы в ту же секунду не напряглись невидимые нити, превратившие девушку в подобие живой марионетки.

— ...потому что теперь-то я знаю, что ты приведешь Тиар. Знаю наверняка.

ГЛАВА 2

Недолгое безразличие прорвалось, как нарыв.

Ветви вокруг казались неестественно неподвижными. Серые полотнища паутины обвисли, отягощенные человеческими телами; Игар снова ушел, снова ее оставил одну, в страшном одиночестве... Паутина колышется, вздрагивают в свете луны круглые, отвратительно липкие сети. Скользнул по лунному диску маленький нетопырь — и забился, изловленный навсегда и бессмысленно...

Илаза коротко всхлипнула. Там, внутри ее, поднималось горячее и злое, поднималось, как пена в закипающем котле. Сейчас подступит к горлу. Сейчас...

Она невидяще огляделась. Человек без лица, с серым коконом вместо головы, покачивался над самой землей; из-за пояса у него торчало древко. Что там на древке, Илаза не разглядела.

Мертвое тело дернулось под ее руками, муторно закачалось в паутине, желая лечь на землю, в землю, обрести, наконец, покой. Скрежетнув зубами, Илаза вырвала из-за пояса мертвеца топорик — а это был именно топорик, маленький и блестящий, неожиданно легкий в ее руках. Два сильных, неумелых удара — и ненавистные нити лопнули, отпуская тело; мертвец рухнул, едва не придавив собой оскаленную, с топориком наперевес Илазу.

Бесформенная тень скользнула над ее головой, растворилась в темной кроне. Издевательски дернулась паутина; скрипучий смешок.

Мутное варево в Илазиной душе хлынуло через край.

Горло сдавилось судорогой. Топорик в руке оказался продолжением слепой тошнотворной силы, прущей изнутри и сносящей преграды. Рвать, рубить, кусать зубами; Илаза кидалась на сети, как зверь на прутья клетки, и во рту ее стоял кровавый металлический вкус.

Никогда в жизни ей так сильно не хотелось убивать. Сделать живое мертвым, а стремительное — недвижным. Зрение ее раздвоилось; глаза различали мельчайшие, еле освещенные луной детали — зато прочий мир размылся, потерял очертания, как та темная тень, что сидит сейчас у нее над головой...

Движение в кронах, чуть заметное; тень мелькнула — и замерла. Вот она. Вот...

Хруст. Летит на землю снесенная ветка; топорик бессильно вгрызается в древесную плоть — а над головой скрипуче смеются, смеются над ее бессилием, обреченностью, над беспомощностью Игара...

— Тварь!! Тварь, я убью, убью!..

Ухая, как дровосек, Илаза рубила и рубила, прорубалась, продиралась; кажется, цикада, жившая у ручья, испугалась и смолкла. А если б она и трещала по-прежнему, Илаза все равно не услышала бы, потому что кровь в ее ушах заглушала все звуки, оставляя только бешеный стук сердца: бух-бух-бух...

Пена, поднявшаяся в ее душе, проливалась наружу. Топор рвал паутину и бился о стволы; Илаза кричала и проклинала, замахивалась на мелькавшую перед ней тень, но удар ее всякий раз приходился уже в пустоту, и она задыхалась, немыслимым усилием выдирая увязающий в древесине топор. Еще одна цикада проснулась

совсем близко, и вдалеке отозвалась еще одна; умиротворенный, благостный, нежный звук...

— Обернись, я здесь.

Хруст срубаемой ветки. Хриплый крик поражения.

— Не туда бьешь...

Топор не встречает сопротивления, рассекает воздух, и потому невозможно удержаться на ногах. Илаза вскочила снова, не чувствуя ни боли, ни страха. Смешок, похожий на треск... Подрубленная ветка качается, как переломанная рука...

Слезы ярости. Визг, пронзительный, как сверло. Тошнота.

Там, у ручья, песня цикады. Помрачение; в руках пусто, и с ладоней зачем-то содрали кожу. Прошлогодние листья пахнут влагой и гнилью... Темные желуди без шляпок и шляпки без желудей.

...Зеленый желудь на шпильке, нарисованные углем глаза. Ноги... Босые ноги, на щиколотке — длинная царапина... Ада играла с котенком. Ноги... *не достают до пола...*

...Вот кого напоминают эти мертвые тела в паутине. Висят, не достигая опоры... Как там, в спальне, на шелковом пояске...

Помрачение.

Темный мир вокруг снова сменил очертания. Тоска, глухая и липкая безнадежность. Поражение.

Конец.

А цикады гремели — их было уже бесчисленное множество. Как звезд.

* * *

От весны и до самых заморозков в этом парке цвели розы. Кусты зажигались один за другим, как факелы, передающие друг другу огонь; восхитительный аромат, разлегшийся на берегах маленького рукотворного озера, в меру сдабривался пряным запахом свежих коровьих лепешек. Госпожа обожала парное молоко — никому и в голову не приходило спросить, почему она не пользуется услугами обычной молочницы. Госпожа любит животных, и госпожа неповторима во всем. Если бурая корова ходит среди розовых кустов — значит, именно там и место бурой корове; говорят, кое-кто из богатых горожанок пытался следовать сей странной моде. Но, во-первых, ни у кого в округе нету столь роскошного парка, и, во-вторых, не всякий муж согласится терпеть навоз на щегольских башмачках утонченной супруги...

По глади круглого озера картинно продвигался надменный изогнутый лебедь. Из зеленоватой воды во множестве торчали рыльца неподвижно замерших лягушек.

— Есть вещи... — медленно начал КорБор, властитель округа

Требура, родовитый вельможа с напряженными глазами на широком и простоватом лице, — есть вещи, в которых невозможно усомниться. Уж лучше сразу кинуться вниз головой с балкона... Есть запрещенные сомнения. Это — одно из них.

Его собеседница откинулась на спинку скамьи; темные, с каштановым отливом волосы казались шелковым капюшоном на ее плаще. Госпожа терпеть не может сложных причесок.

— Вы перепутали меня с ярмарочным предсказателем, который за деньги дает советы... Чем меньше сомнений — тем крепче сон. При чем тут я?..

Лебедь выбрался на берег и неуклюже, как утка, заковылял прочь. Корова, меланхолично двигавшая челюстями, проводила его взглядом; розовое вымя свисало чуть не до земли.

Властитель КорБор поиграл желваками:

— Я прекрасно знаю, кто именно впервые высказал... от кого... Короче, кто вдохновил свору советников на это расследование.

Его собеседница задумчиво сунула палец в рот бронзовой львиной голове, украшавшей скамейку:

— Эта, как вы выразились, свора печется прежде всего о вас... О вашей, если хотите, чести.

Властитель дернулся. Женщина поморщилась, как от боли — будто бронзовые зубы и в самом деле укусили ее за палец:

— Поверьте, *вся эта история* совсем не доставляет мне удовольствия. Наоборот. Мне тягостно... разбирательство в вашей семейной жизни. И я не судья... ей. А потому попрошу больше не советоваться со мной на эту тему. Ладно?

Корова шумно вздохнула и переступила ногами. КорБор отвернулся:

— Как хочешь...

Некоторое время оба внимательно наблюдали за одной, особенно крупной лягушкой, раздувавшей бока на лепестке кувшинки. Розовый куст за их спинами источал аромат, способный перекрыть запах целого коровьего стада.

— Но... — снова начал властитель, барабаня пальцами по подбородку, — если я действительно... Если мне и вправду потребуется совет... которого больше никто не сможет дать?

— Никто? Даже свора советников?

КорБор нервно переплел пальцы:

— Если... если это правда...

— Это всего лишь предположение, — холодно оборвала его женщина. — Правдой это станет только под грузом... доказательств.

— А... *это* можно доказать?!

Женщина встала — легко, как подросток. Лягушка, почивав-

шая на кувшинке, грузно плюхнулась в воду — и сразу, как камни, посыпались в озеро ее товарки с берега.

— Я не знаю, мой друг. Я не могу сказать ничего определенного... Ничего. Единственное, на что вы можете рассчитывать, — понимание. Понимание и заинтересованность с моей стороны. Близится время ужина, а вы просили напомнить...

— Да. Спасибо.

Властитель поднялся, поклонился, как бы невзначай скользнул ладонью по кружевам на круглом плече — и, попрощавшись таким образом, медленно направился прочь.

Женщина провожала глазами сутулую спину озабоченного КорБора, пока розовые кусты, сомкнувшись, не сокрыли ее; потом задумчиво поглядела на корову, подняла со скамейки шелковую накидку и, волоча ее по земле, неспешно направилась в другую сторону.

В одном-единственном месте сад отделялся от прочего мира не причудливым глиняным забором, а обыкновенной ажурной решеткой; проходившая мимо дорога была почти на целый человеческий рост ниже травы в саду. Решетка стояла на краю невысокого обрыва, вровень с кронами растущих внизу деревьев.

Женщина провела рукой по стальным прутьям, выкованным в форме кинжалов. Парнишка, конечно, был на месте — как и вчера и позавчера. Обыкновенный парнишка, грязный и оборванный, — однако несчастная его мордашка казалась женщине куда симпатичнее, чем многие лица из ее роскошного окружения.

На что они рассчитывают?.. Приходят порой издалека, стоят перед воротами, а наиболее сообразительные находят эту решетку над дорогой... И все ради того, чтобы издали, мельком взглянуть. Однажды она для смеху бросила свой платок сразу двоим — так разорвали! В клочья разодрали, ревнивцы, каждый хотел владеть реликвией сам...

Она улыбнулась. Парнишка на той стороне дороги побледнел и разинул рот; его бесстыжие глаза готовы были сожрать женщину с костями. Она звонко расхохоталась; парень шагнул было вперед — но тут же отскочил, едва не угодив под колеса проносящегося мимо экипажа; на секунду ей даже показалось, что да, угодил. Не хватало ей смертоубийства на совести...

Пыль на дороге осела. Парень стоял все там же — и смотрел. Пристально, как-то болезненно, напряженно; она удивленно подумала, что парень интересный. Есть в нем что-то... Необычность какая-то, которую даже она, ловец душ, не сразу в состоянии угадать...

Она снова усмехнулась и поманила его пальцем.

Она думала, что он подбежит, как собачка, — но он подошел медленно, осторожно, будто ступая по битому стеклу.

— Как тебя зовут?

Он замешкался всего на долю секунды. Может быть, от волнения? Потом его запекшиеся губы разлепились:

— Игар...

Она насмешливо цокнула языком:

— Ты хотел соврать? Думал, говорить ли правду, а потом все-таки решился? Игар? Тебя действительно так зовут?

Он кивнул.

— А зачем тебе лгать? Ты что, беглый?

Он помотал головой — чуть ретивее, чем следовало. Она решила оставить этот вопрос на потом... Если «потом» будет.

— У меня к тебе поручение, Игар... Сделаешь?

Он облизал губы. Снова кивнул. Нет, подумала женщина, он красив-таки. Красавчик. Любимец девчонок.

Из-за ее корсета явился сложенный вчетверо листочек бумаги; парнишке полагалось алчно следить за путешествием ее руки в потайные места — но он не отрывал взгляда от ее лица. Будто спросил и ждал ответа; эту непонятность она тоже решила оставить на потом.

— Вот что, Игар... Это письмо. Ты отнесешь его по адресу, который я тебе назову... Понял?

Он кивнул.

— Тебе не интересно, почему я доверяю столь важное дело тебе? Оборвышу с улицы, которого я вижу в первый раз? Интересно, правда?

Снова кивок. На «оборвыша» такие, как он, обычно не обижаются.

— Это очень скверное поручение. Тот господин, для кого письмо, может осерчать, Игар. И хорошенько вздуть посланца. Тебя. Ну что, берешься?

Ей любопытно было следить за сменой выражений на его лице. Он кивнул, задумавшись лишь на мгновение. Или не поверил?

Она рассмеялась:

— Вижу, ты славный парень... И храбрый. Ты умеешь читать?

Он помотал головой — почти не замешкавшись; впрочем, для ее глаза «почти» не существовало. Она оборвала смех и нахмурилась:

— А вот это плохо. Зачем ты врешь?

Он сделался красным, как самая большая из ее роз. Даже глаза увлажнились — надо же!

— Я не сержусь, — она смягчила голос. — Но только врать больше не надо... Письмо не читай. Отнесешь — приходи сюда же и жди. Если сделаешь все, как велено... Подумаем о награде. Понял?

Он выслушал адрес и отступил, судорожно сжимая заветный листок. Она помахала ему рукой — и с чистой совестью возвратилась в общество коровы.

Он пришел на закате. После ужина женщина без особой надежды подошла к решетке — и увидела его, стоящего на прежнем месте. Он поднял голову, и она разглядела на его лице темный кровоподтек.

На долю секунды ей сделалось неуютно. Нельзя сказать, чтобы она почувствовала себя виноватой — просто неловко, неудобно, непривычно на сердце. К счастью, странное чувство почти сразу и прошло; она поманила юношу пальцем.

Его походка чуть изменилась. Он шел как-то боком, горбясь и подволакивая ногу. Подошел и остановился под решеткой, глядя на женщину снизу вверх. Глаза были серые.

— Отнес?

Кивок.

— Вижу, благородный господин прочел послание?

Снова кивок.

— А ты? Прочел?

Пауза. Она перестала видеть его глаза — теперь перед ней была пышная шапка спутанных русых волос. Длинное молчание; наконец обреченный кивок.

Она рассмеялась:

— Ну, молодец! Ты прочел, знал, что написано, — и все равно понес?

Плечи парня поднялись — и опали.

— Умница, что не соврал, — сказала она мягко. — Иди к воротам — я велю, чтобы тебя впустили.

Он поднял глаза, и она даже удивилась.

Сумасшедшей радости в его глазах.

«Она среднего роста. У нее темные с медным отливом волосы и карие с прозеленью глаза. Скорее всего, она изменила имя... Она умеет читать и писать, у нее, возможно, утонченные манеры — но происходит из простонародья. Она умна...»

«Но сколько их! Сколько их, таких женщин! Цвет волос и глаз, измененное имя... Мне никогда не найти ее по этим приметам!..»

«Я не сказал тебе всего. Под правой лопаткой у нее родимое пятно в виде ромба... Но главное — она не такая, как все. Где бы она ни была — она выделится. Ищи; ты найдешь ее, как в темноте находят маяк».

* * *

Дом поднимался рано, на заре; в сумерках дом погружался в тишину, и за нарушение ночного спокойствия полагалась кара. Дом жил по особому строгому распорядку; девочке казалось, что камины вздыхают, ставни бормочут, а с фасада смотрит окнами бесстрастное, похожее на стрекозиную морду лицо, и порог — его опущенная челюсть.

Она скоро научилась застегивать пояс, попадая крючком в дырочку — со временем дырочка сделалась больше и удобнее. Здесь ее не заставляли, как прежде, убирать в курятнике или носить дрова; здесь было много свободного времени, но девочка не знала, как его занять. Другие дети — а все они находились друг с другом в ближнем или дальнем родстве — тщательно ее избегали.

В доме верховодила безбровая старуха; люди ее замкнутого, строгого мира делились на родичей и слуг. Единственным человеком, не относящимся ни к тем, ни к другим, оказался деревенский учитель, раз в два дня собирающий детей в большой комнате, за столом.

Мальчики, приходившиеся друг другу двоюродными братьями, уже умели читать; девчонка, которую звали Лиль и которая почему-то приходилась им племянницей, на уроки не ходила — женщинам грамота ни к чему. В родном девочкином селе читать не умели и многие мужчины тоже; к ее удивлению, старуха привела ее в классную комнату, и учитель вручил ей потрепанную азбуку. Оказывается, *он* высказал желание видеть свою жену грамотной и воспитанной; в первый раз усевшись за длинный стол и тупо глядя на черные закорючки под блеклыми картинками, девочка тщательно пристроила в голове прерывистую цепочку: *он* — Аальмар... Аальмар — *он*...

Учитель понравился ей; он похож был на соседа, жившего забор к забору с ее родичами в той, далекой, прошлой жизни. Веселый и громогласный, как и тот сосед, он так же постоянно грыз соломинку; она то выглядывала из его рта, то пряталась снова, как белка в дупло, и девочке нравилось наблюдать за этой игрой.

Впрочем, у учителя было одно нехорошее свойство, которое разом перечеркивало все его достоинства. Он не терпел, когда на уроке кто-то отвлекался и думал о своем; на этот случай на столе его всегда имелась вымоченная розга.

Мальчишек наказывали здесь же, в комнате, отведя в дальний угол; девочка очень испугалась, когда и ее впервые поймали на той же провинности — она засмотрелась в окно и прослушала обращенную к ней фразу. Она готова была спознаться с розгой — но учитель лишь нахмурился и велел быть внимательнее; мальчишки

завистливо глянули — но по обыкновению не сказали ни слова. До сих пор другие дети ни разу не заговаривали с ней.

В другой раз она увлеклась, повторяя пальцем сложный узор на резной столешнице, — учитель погрозил пальцем и раскусил в раздражении свою соломинку, но за розгу не взялся. Через несколько минут один из мальчишек, зазевавшись, получил жестоко и сполна — девочка впервые поняла, что имеет здесь некоторое преимущество. А поняв, почти совсем перестала слушать учителя.

Не то чтобы ей не хотелось учиться — наоборот, первые успехи в чтении здорово порадовали ее; не то чтобы она хотела утвердить свое превосходство и подчеркнуть вседозволенность — просто мысли ее не желали подчиняться здравому смыслу. Глядя на картинку в азбуке, где изображен был солдат в полном вооружении, она вспоминала черный от крови луг, неприкаянно бродящих женщин и мертвую куклу среди мертвых, страшно изувеченных человеческих тел; картинка, где доили корову, напоминала ей о матери, о пузатом подойнике с треугольной вмятинкой на донце — она так ясно, так четко представляла себе этот подойник, что и классная комната, и учитель, и внимающие ему мальчишки казались бесплотными призраками, весь этот новый мир казался сном, и только подойник с вмятинкой настоящий. Только подойник в руках ее матери...

Игра понравилась ей. Мир ее родного дома, уютный мир, из которого ее так внезапно вырвали, в мечтах представал перед ней зримо и осязаемо, будто настоящий. Передник матери... Дешевое колечко у нее на пальце... Деревянные бусы на шее, одна бусинка со щербинкой... Запах молока. Вязаные гамаши отца, вечно занятого, сурового, нелюдимого... Вспомнив какой-нибудь предмет, она воображала его в таких подробностях, в таких деталях, в таких звуках и запахах, что в конце концов все, кроме этого воображаемого предмета, переставало существовать; учитель злился и строго выговаривал ей за невнимательность. Она кивала и прятала глаза.

Наконец учитель нажаловался старухе, которую все здесь звали Большая Фа; старуха поставила девочку перед собой и сообщила ужасную вещь.

Оказывается, никто, кроме будущего мужа, не смеет наказывать ее, невесту; оказывается, все ее провинности не прощаются, откладываются на потом, и Аальмар, вернувшись, получит подробный отчет о ее проступках и сам, вооружившись розгой, накажет ее сразу *за все*...

После этого жизнь ее превратилась в сплошной кошмар.

По ночам ей снилось возвращение Аальмара; она вздрагивала, заслышав вдалеке стук копыт, и по многу раз на день выходила к калитке посмотреть, не пылится ли большая дорога. Учиться она

перестала вовсе, хоть и не сводила с учителя глаз, хоть и пыталась вести себя примерно; все буквы, даже давно знакомые, сливались у нее перед глазами, и, сразу ударяясь в слезы, она еле слышно шептала, что не виновата, что не может, что забыла... В одинаковых темных глазах соучеников-мальчишек не было ни капли сострадания — скорее некое мстительное, напористое любопытство. В конце концов, их пороли неоднократно — чем она лучше?!

Проснувшись однажды среди ночи, девочка тайком попросила небо, чтобы Аальмар не вернулся. Не вернулся никогда...

Утром ей сделалось страшно. Она помнила историю о том, как неверная жена пожелала смерти охотнику-мужу и того растерзал медведь; она представила себе Аальмара все на том же поле боя — разрубленного от плеча до пояса. Увидела его неподвижные, глядящие в небо глаза — и принялась молить небо о пощаде. Она сболтнула, не подумав; пусть Аальмар возвратится, пусть запорет ее хоть до смерти — лишь бы не умирал...

И небо услышало ее. Через несколько дней у ворот закричали хрипло и радостно, и все, кто был в доме, включая детей, учителя и рыжую кошку, кинулись встречать.

Девочка не пошла со всеми. Из окна классной комнаты ей было видно, как спешиваются всадники, как отвешивает ритуальный поклон Большая Фа, как тот, кого она сначала не узнала, кивает и приятельски треплет старуху по плечу — он загорел еще больше, его лицо кажется веселым и беззаботным, он оглядывается, спрашивает о чем-то — Большая Фа удрученно качает головой...

Дальше девочка смотреть не стала. Слезла с подоконника и вернулась за резной стол; проклятое, сорвавшееся с цепи воображение показывало ей все, что происходит сейчас во дворе. «Как моя невеста?» — спрашивал Аальмар; Большая Фа качала головой и подробно перечисляла девочкины прегрешения. «Надеюсь, вы не наказывали ее? — спрашивал тогда Аальмар. — И правильно. Я накажу ее сам».

На лестнице послышались шаги; она втянула голову в плечи. Она не будет просить пощады; здесь этого не понимают. Здесь даже сопливый Кари, младший из мальчишек, безропотно, без единой слезинки спускает штаны...

— Ты здесь?

Он стоял на пороге. Какой он высокий; как от него пахнет ветром и лошадьми...

— Почему же ты меня не встречаешь, а, малыш? Я так хотел тебя видеть...

Она всхлипнула, не двигаясь с места.

— Ты плачешь?!

Он уже стоял рядом; ощутив на голове его ладонь, она присела, будто желая стать меньше ростом.

— Что случилось? Кто тебя обидел, кто?!

Она рассказала все и сразу. Она просто не могла жить с такой тяжестью на сердце — ведь она пожелала ему смерти... Потому что испугалась розги. Ей стыдно, ей страшно, она не хотела злого, но пусть он ее накажет и за это тоже. Пусть только поскорее, потому что у нее больше нету сил ждать...

В дверях стояли Большая Фа и любопытствующие мальчишки; повинуясь жесту Аальмара, они в мгновение ока закрыли дверь снаружи, и по лестнице зазвучали быстрые удаляющиеся шаги. Она перевела дыхание — хоть свидетелей не будет...

Он поставил ее между коленями. Обнял, как иногда, в минуты радости или нежности, обнимала ее мать:

— Я не собираюсь тебя наказывать. Я и не буду тебя наказывать. Никогда.

Еще не веря, она подняла на него красные, мокрые, отчаянные глаза; он смотрел серьезно и как-то грустно, и она впервые увидела его лицо как бы целиком — и выдающиеся скулы, и тонкие ровные губы, и лоб с прилипшей к нему прядью, и тонкую синюю жилку на виске:

— Не плачь.

И тогда, в голос заревев от благодарности и колоссального облегчения, она прижалась к нему всем телом и спрятала лицо в отвороте его куртки.

Он пах дорогой. Железом и лошадьми. Чудные запахи.

* * *

Старичок в лиловом бархате прекрасно знал, что выглядит зловеще. Игар успел повидать на своем веку нечто куда более страшное, но все равно содрогался, когда приходилось прислуживать этому маленькому, тощенькому старичку.

— Это свой человек, — небрежно пояснила ясновельможная в ответ на обеспокоенный старичков взгляд. — Он вполне надежен.

«Ясновельможной» она была в такой же мере, как, скажем, «королевой»; Игар давно уже понял, что эта изящная, обворожительная женщина так же родовита, как и он сам. Однако надо же как-то называть даму, превзошедшую могуществом самого властителя КорБора; не «девкой» же, в самом деле, ее звать?!

Игар прекрасно знал, что звали и «девкой». Шепотом и злобно, и очень часто расплачивались потом за непочтение; по крайней мере жена властителя КорБора расплачивается сполна. Дорого платит.

Старичок возился, раскладывая на красной скатерти сложные и странные приспособления; Игар стоял за креслом женщины, бесстрастно ожидая приказа. Ясновельможная неподражаема во всем — случайный парень с улицы так потряс ее своей жертвенностью, что сразу получил место при ее священной особе, причем место это оказалось особо доверительным... и опасным. Потому что большое доверие оборачивается подчас...

Игар сглотнул. Звезда Хота не гвоздями прибита к небу; звезда Хота по волоску отмеряет Игарово время. Эта красивая женщина притягивает, манит, как маяк. Только не мореплавателей зовет, обещая сушу, покой и портовый кабачок; мошек завлекает, глупых мошек, для которых разведен огонь...

Дабат.

Требур был первым городом, встретившимся ему на пути. Ближайшим к Замку городом; ясновельможная была самой яркой женщиной на всю большую округу. Он не задумывался, откуда такая удача — просто шел на огонек. Тиар, Тиар, Тиар...

Он вздохнул. Затащить куда-то эту женщину так же просто, как на собачьем поводке доставить в срок шаровую молнию...

Если это — Тиар. Если это она.

Старичок осторожно раскрыл тонкой работы коробочку, сооруженную из стекла и яшмы:

— Вот... Здесь два комара. Один напился крови властителя, другой — наследника... Должен сказать, проклятый мальчишка прихлопнул трех подряд комаров — вернулся лишь четвертый... Таким образом, здесь кровь, взятая из живого тела. Это сподручнее было бы делать иголкой, однако...

Игар содрогнулся. Ясновельможная махнула рукой:

— Дальше. Мы не станем гоняться за КорБором с иглой... Дальше.

— Дальше, — старичок обиженно поджал свои зловещие губы, — дальше я сличил эту кровь, родственную кровь, как предполагается... С помощью уникальных, тончайших процедур, описанных в моем трактате, именуемом «Естественные и магические свойства крови», который написан был...

— Дальше, — уронила ясновельможная, и будь она трижды телятницей — сказано это было непререкаемым тоном полновластной госпожи. — Мы подходим к самому важному — к результату.

— А результат, — старичок вскинул узловатый палец со свежим порезом, — результат: наполовину.

Некоторое время все молчали. И женщина, и, в свою очередь, Игар тщетно пытались вникнуть в смысл сказанного.

— Как — наполовину? — медленно спросила наконец ясно-

вельможная. — Сын властителя — наполовину сын властителя? Вы это хотите сказать?

Старичок нетерпеливо затряс клочковатой бородой:

— Нет, э-э-э, госпожа. Властительский сын может быть сыном властителя в такой же степени, как и... быть сыном какого-нибудь другого человека. Наполовину. Половина шансов.

— Удивительно точное исследование, — холодно бросила ясновельможная. Игар переступил с ноги на ногу.

Женщина поднялась; темные волосы с медным отливом вздрагивали на плечах в такт ее шагам. Игар остался на месте.

— Ну, а «другой человек»? — вопросила ясновельможная, остановившись перед старичком в лиловом бархате. — Ваш комар кусал и его тоже?

Старичок виновато улыбнулся:

— М-м-м... госпожа. Сличив его кровь с кровью сына властителя, я получил то же самое. То есть мальчишка мог быть сыном господина Са-Кона, а мог и...

И алхимик развел руками.

Игар тихонько вздохнул. Господин Са-Кон был тем самым господином, которому не так давно он отнес злополучное послание. В письме, учтивом до оскорбительности, содержался достаточно грубый намек на юношескую связь господина Са с нынешней властительницей КорБор и на сомнительное, с точки зрения родословной, происхождение ее сына. Прочитав письмо, благородный господин взбеленился и, как и рассчитывала дальновидная женщина, сорвал злость на посланнике; Игар зябко поежился, вспоминая тот удачный и печальный день.

— Хорошо, — бодро сказала ясновельможная. — Во всяком случае, ваши опыты не отрицают... нашего милого предположения. Добавить сюда детский портрет Са-Кона... необыкновенно похожий на нынешние портреты наследника КорБоров. Добавить сюда сроки... Переписку... Письма Са-Кона не сохранились — полагают, что добродетельная властительница сожгла их, решившись выйти замуж за КорБора. Но ее-то письма, по счастью, удалось раздобыть...

Игар понял, что ему не будет жалко Тиар. Если это Тиар. Не будет жалко, когда тот, что живет в сетях, потянется к ней жвалами... Или что там у него есть. Не жаль ее. Ни капельки.

Он не выдержал и усмехнулся. Стоять перед логовом живого тигра и раздумывать о фасоне полосатой шубы — это ли не занятие для доверенного слуги властолюбивой дамы...

Женщина резко обернулась:

— Ты чего смеешься?!

Он закрыл рот рукой:

— У меня... Наоборот. Когда я волнуюсь... всегда смеюсь. Когда смешно — не смеюсь... Всегда так было.

Он захлебнулся нервным смехом; к его удивлению, жестокий огонек в ясновельможных глазах погас.

— А... Это бывает. Смейся.

Однако ему уже расхотелось.

Через несколько дней в розовый сад с одинокой коровой наведался властитель КорБор. Игар наблюдал за ним издалека; властитель был одновременно взбешен, растерян и расстроен. Последовал долгий разговор с ясновельможной — наедине; Игар ожидал поодаль — подай женщина условный знак, и он явился бы с услугой, прервав тем самым опасное уединение. Но ничего подобного не произошло; оба поднялись со скамейки одновременно и направились к дому — рука в руке. КорБор остался на ночь.

Слуги давным-давно знали, из-за чего переживает властитель; молва однозначно решила, что КорБоров сын будет официально признан ублюдком и лишен наследства. Что же до его жены, то даже самая гулящая посудомойка с пеной у рта поносила ее, как суку.

Спустя еще несколько дней властитель явился опять — черный как туча. Игар услышал обращенные к женщине отрывистые слова:

— ...и окончательная правда. Мне надоели догадки; он уже в пути. Я не поскуплюсь.

Ясновельможная долго молчала. Потом спросила, кажется, потрясенно:

— Властительницу... ее?!

— Его, — криво усмехнулся КорБор. — Мерзавца Са-Кона. Мои люди возьмут его сразу, как тот человек прибудет.

Игар ждал, что женщина ответит — но она промолчала.

В сумерках она бродила по саду в одиночестве. Игар, пользовавшийся достаточной свободой передвижения, проник туда же; над верхушками неподвижных деревьев, над розовыми кустами простиралось дивное, испещренное звездами небо. Звезда Хота стояла пока высоко.

Если бы они с Илазой смотрели на одну и ту же звезду!.. Нужно было уговориться. Тогда по крайней мере ночью он не чувствовал бы себя таким одиноким. Он знал бы, что Илаза смотрит на небо и думает о нем...

Впрочем, она смотрит и так. Наверняка; звезда — их свидетель, их часы...

Белое платье ясновельможной маячило на берегу озерца.

Я принесу тебя в жертву, подумал Игар с внезапной решительностью. Ты заложница. Ради Илазы. Ради...

И, неизвестно на что надеясь, он шепотом позвал:

— Тиар!

Ему показалось, что фигура в светлом платье пошевелилась. С замиранием сердца он позвал снова:

— Тиар! Тиар!

«А как объяснить ей? Откуда я знаю ее настоящее имя?!»

Фигура в светлом платье медленно двинулась Игару навстречу. Он отступил и позвал снова; ясновельможная подошла совсем близко. В темноте он не видел ее лица.

— Принеси светильник.

Холодный и властный приказ. Она хранит свое имя в тайне; сейчас последует разбирательство, к которому он, Игар, не готов. Он поддался порыву, сиюминутному желанию — и теперь времени на размышление у него как раз столько, сколько потребуется, чтобы сходить за фонарем. А голова как-то сразу опустела — ни одной лазейки, ни одной толковой мысли, только чередуются под ногами посыпанная песком дорожка — каменные ступени — дощатый пол, снова ступени, дорожка, трава...

Ее брови оказались сдвинуты, а губы плотно сжаты:

— Кого ты звал?

Он молчал, растягивая время. Он уже решил сказать ей, что она ослышалась; в этот момент она резко наклонилась к нему, ухватив за воротник:

— Если ты, сопляк... Имей в виду, щенок, что я запросто могу забыть все добро, что тебе сделала... Будешь плакать, а слезы не помогут!

Игар будто проглотил язык. Фонарь в его руке мелко дрожал; баронесса продолжала тоном ниже:

— Эх, ты... «Тиар»... У тебя уже были девочки? Когда-нибудь?

Он произвел головой странный жест, который мог означать как «да», так и «нет». Как в вопросе о происхождении властительского наследника: «наполовину».

— Иди в дом, — совсем уже мягко сказала женщина. — Скажи камеристке, что на сегодня она свободна... Ты мне поможешь раздеться. Я сейчас приду.

И, не интересуясь Игаровой реакцией, она медленно двинулась между розовых кустов.

Некоторое время он стоял, как пень. Потом аккуратно поставил фонарь на землю; потом снова поднял. Розовые кусты отбрасывали жуткие тени. Не пристало столь благородным и нежным растениям так ужасно выглядеть в сумерках...

Он пошел к дому, и ноги его заплетались. «Обмани ее, соблазни»... Все идет как нельзя лучше. Вот только нет ли у нее традиции на следующее утро после бурной ночи топить случайных любовников в этом, скажем, круглом озерце?! Для ее натуры это было бы весьма логично. Что такое для нее — это ее настоящее имя? Ты знаешь, я знаю, оба мы молчим, а постель — самое удобное место, чтобы придушить удавочкой... этих, которые слишком осведомлены...

Он мрачно усмехнулся. Любые страхи тускнеют перед главным: ради спасения Илазы ему придется... ой, как плохо. Как гнусно. Как совершенно невозможно... Самое время перелезть через забор и дать деру. Зная, что Илаза обречена. Зная, что...

Игар остановился. Надо уходить, Святая Птица. Надо...

В сторожевой будке у ворот горел свет; на секунду ему представилось, как он оглушает женщину канделябром по голове и перебрасывает ее бездыханное тело через дальнюю решетку сада. Бред...

Он беспомощно оглянулся. Из глубины сада медленно приближалось светлое платье.

— ...Так ты действительно девственник?

Святая Птица, спаси меня. Вытащи меня отсюда, я не могу...

Женщина улыбнулась. Полукруг ее зубов был как луна:

— Значит, ты не умеешь расстегивать платья? И корсеты?

Ее запах был запахом роз, к которому примешалась тонкая струйка пота. Ее движения были движениями лани; Игар стоял столбом, и по спине у него крупными градинами катилась влага. Он не чувствовал ни намека на возбуждение — только отчаяние и тоску.

— Ну, девственник! Помоги же мне!

Тонкие руки ловко подобрали лежащие на плечах волосы. Перед глазами Игара обнаружился длинный, бесконечный ряд петель и крючков.

— Ну-ка, Игар?

Пальцы потеряли чувствительность. Он бездумно расстегивал крючок за крючком и в какой-то момент с надеждой поверил, что застежки никогда не кончатся. Бесконечны.

Наконец платье разошлось под его руками; под ним — о радость! — оказался еще один ряд, такой же, даже чуть длиннее; ясновельможная глубоко, все глубже дышала:

— Ты мастер... А притворяешься скромником... Нам некуда спешить. Продолжай, как начал — не торопясь...

Он увидел ее спину. Белоснежную, чистую, без единого волоска. Ткань под его руками медленно расползалась к плечам; сам не

зная, что делает, он упал на колени и рывком обнажил правую лопатку.

Совершенно чистая кожа. Как снег. Ни намека на родимое пятно в форме ромба.

Она удивленно обернулась:

— Игар? Что с тобой?

— Ни...чего, — выдавил он через силу.

— Ну так продолжай!

Тогда он понял, что погиб. Потому что под страхом самой страшной смерти он не ляжет с ней в постель. Собственно, он знал это и раньше; даже призрачная надежда спасти Илазу никогда не заставила бы его...

...а она не простит. Она уже почти уморила КорБорову жену, она сживет со свету Са-Кона и этого незнакомого Игару мальчика... Что ей какой-то Игар — вошь... На один замах, и то слабенький... Она не знает, что он бывший послушник, а если б и знала...

Теплая рука ласково легла ему на голову:

— Что, малыш, испугался?.. Ты такой славный... Такой... Не бойся. Хочешь, я тебя обниму?

Запах роз и пота стал сильнее. Запах пота, исходящий в лесу от усталой Илазы, не казался Игару противным — а теперь он инстинктивно задышал ртом. Руки ясновельможной соскользнули с его плеч на спину, женщина гортанно муркнула — и он выдавил совершенно неожиданно:

— Не... не надо... запах такой...

Ясновельможная опешила. Она просто потеряла дар речи; взгляд ее впился в Игара, будто пытаясь опровергнуть услышанное ушами. Игар попятился, наметив путь к отступлению.

И в этот самый момент послышался негромкий, деликатный стук в дверь:

— Госпожа! Госпожа!

Ясновельможная зарычала. Раздраженно обернулась:

— Ну?

— Госпожа, тот человек только что прибыл... Наши люди встретили его — через пять минут он будет здесь. А к властителю — только утром...

Пользуясь минутным замешательством женщины, Игар прыгнул. Откинул украшавший стену гобелен — через эту потайную дверь ясновельможная привела его, теперь он наугад бросился в темный, узкий коридор, скоро сменившийся лестницей. Он спотыкался, больно ударяясь, держался руками за холодные стены и глупо улыбался во весь рот, бесконечно повторяя про себя: ушел, спасся... Удрал от сучки. От потаскухи. Удрал!!

Потайной ход закончился снова-таки гобеленом; щурясь, Игар

выбрался в коридор — широкий и освещенный, плавно переходящий в гостиную. Витражные двери оказались широко распахнуты; до спасения оставалось всего несколько усилий и всего несколько минут — однако в гостиной ожидал приема тот самый долгожданный гость. Гость стоял спиной, и был он приземист и толст.

Игар скользнул вдоль стены, желая произвести как можно меньше шуму — и, вероятно, именно потому задел локтем декоративную подставку с цветами. Послышался звон разбиваемого фарфора.

Долгожданный гость обернулся ему навстречу. Голубые глаза его казались двумя бумажными васильками; у ног стоял пузатый саквояж, хранящий до поры до времени Перчатку Правды.

Крик застрял далеко у Игара в глотке. Ослабевшие ноги отказались повиноваться — чтобы убежать, пока еще есть такая призрачная возможность, или по крайней мере кинуться на толстяка, чтобы зарезать его осколком фарфоровой вазы...

В это время совсем другой, рассудочный Игар удивленно подумал: так вот кого она ждала. Вот кого вызывал властитель; бедный Са-Кон. Бедный господин Са-Кон, как жестоко отольются тебе те колотушки, которые получил по твоему приказу неудачливый посланец Игар... Теперь ты признаешься, что у жены властителя КорБора не только сын от тебя, но и...

Все это время уложилось в одну секунду. Длинную секунду, пока толстяк и Игар смотрели друг на друга.

Потом толстяк тихо улыбнулся:

— Привет. А тебя уже все похоронили.

Игар впервые слышал его голос. Неожиданно низкий, глухой.

Он медленно-медленно двинулся назад. Пятясь. Толстяк сделал всего один шаг — и оказался вдруг ближе, много ближе, нежели был; воистину, в некоторых искусствах он был не менее искушен, чем сам Отец-Разбиватель... Которого Игар, его худший ученик, неустанно позорит...

— Стой, — тихо уронил Перчатка Правды.

Игар уперся спиной во что-то твердое. Кажется, дверной косяк.

— Ты живой... Это хорошо, — толстяк довольно улыбнулся, и по спине Игара продрал мороз. — А девчонка жива? Илаза?

Игар не то кивнул, не то дернул головой.

— Я так и думал... Не трясись.

Застучали по лестнице чьи-то шаги; наверху послышался раздраженный голос ясновельможной. Игар прерывисто вздохнул.

— Не дрожи, говорю... Я сейчас не на работе. Я вроде как в гостях. Приватная особа. До тебя мне дела нет...

Игар не поверил собственным ушам.

— Сейчас — иди. А потом — не попадайся... Не попадешься?

Игар замотал головой: нет.

— Иди.

Игар отступил. Потом еще отступил. Потом еще; толстяк не двигался с места, по-прежнему усмехаясь. Игар повернулся, готовый без оглядки бежать — и не побежал.

Толстяк смотрел — уже с интересом.

— Я... — Игар подошел, сдерживая дрожь в коленях. — Я что... назвал их? Это я назвал? Ятерь и Тучка? Я... выдал?

Перчатка Правды улыбнулся. Широко и многозначительно.

Голос ясновельможной донесся из коридора напротив. Игар повернулся и побежал, как не бегал никогда в жизни.

Привратник не получал никаких предостережений на его счет; ворота успели лишь приоткрыться — а Игар уже вырвался, обдирая бока, и, не чуя под собой ног, кинулся прочь.

Звезде Хота было все равно. На нее наползла мелкая, клочковатая ночная туча.

ГЛАВА 3

Сначала она бежала, но потом пришлось перейти на шаг, потому что в боку резало, будто ножом, в горле пересохло, а дышать не получалось иначе, как со всхлипом. Самое время было упасть в траву и отдохнуть, но она шла и шла, припадая на расцарапанную ногу.

Овраг остался далеко позади; до темноты она должна во что бы то ни стало выйти из леса. Выйти в поле — там он ее не догонит. Положим, у него собачий нюх, он пойдет точно по следу, он двигается, как летящий камень, — но у нее преимущество долгого дня пути. Будь лес бесконечен — у нее не было бы шансов; он, вероятно, на это и рассчитывал, когда оставлял ее свободной, полностью свободной на целый день. Возможно, он не знает, что людские поселения подступают к самой опушке, что под стенами леса возделывают пшеницу, что там он будет бессилен...

Между стволами мелькнула белка. Илаза вымученно улыбнулась: здесь предел его владениям. В его царстве давно съедены белки и птицы... И она их тоже ела. Он оставлял ей птичьи окорочка, а она пекла их и ела, потому что хотелось...

Она наступила на острый камушек, болезненно поморщилась, но не замедлила шага. Вот так, наверное, чувствует себя пущенная в цель стрела — летит и летит, и ее путь становится ее продолжением, частью ее тела. Илаза — и ее путь. Наивысший смысл жизни — идти, переставлять ноги, все вперед и вперед...

Впереди показался просвет. Она засмеялась, не веря себе: так скоро?! Так просто? Или просека? Ведущая к жилью?

Она побежала. Не обращая внимания на бьющие по лицу ветки. Будто к поясу ее привязана крепкая упругая веревка, и ее тянут вперед... Когда вообразишь себе такое — легче бежать. Легче идти. Ну... Уже... Ну...

Она по инерции прошла еще несколько шагов — и стала. Еще один овраг?! Да сколько их в этом лесу, одинаково глубоких и длинных?

Она нерешительно двинулась по краю — и увидела обломанную ветку. Дальше — еще одну; огляделась, взяв себя за лицо. Зашаталась и тяжело осела.

Водит? Водит проклятый лес или она сама виновата, сбилась с прямой, завернула в сторону, дура, сделала круг, как деревенская девчонка в погоне за грибами?..

Солнце стояло в зените. Жестокий, маленький белый глаз.

Она стиснула зубы. Так просто она не сдастся. Теперь она будет умнее, и оставшиеся полдня не пропадут так бездарно...

Здравый смысл спросил тихонько: полдня? А почему не отдохнуть и с новыми силами... Завтра... с утра...

Она мрачно ухмыльнулась. Паук наверняка почует неладное и спутает ее, как лошадь. С путами на ногах далеко не уйдешь...

Новый полет стрелы. Теперь она намечала впереди цель — приметный ствол дерева — и шла прямо к ней, не опасаясь, что закружит опять.

...Мама. Беспощадные раскосые глаза: не показывай, что тебе больно! Прекрати реветь, иначе на смену боли от ушиба последует куда более сильная боль — от удара. Я слишком люблю, чтобы щадить... Длинная трещина на темном комоде, бурое голубиное перо, слетевшее откуда-то на пол. Тень, падающая от высокой Адиной прически — она всегда и во всем старалась походить на мать. Но не выдержала сравнения, проиграла, призвала в судьи шелковую петлю на пояске...

А она, Илаза, мечтала быть похожей на сестру. Как ей хотелось влюбиться! Долго, очень долго не получалось — а потом захватило дух, она угодила в какой-то шальной вихрь, угар... Игар... Алтарь. Костяной шарик на подлокотнике материного кресла. Дом, в котором умерла Ада... Защелкивается дверца — но зверек уже вырвался, оставив на прутьях кровь и лоскутки кожи. Потому что я люблю тебя, мама... Мама...

Солнце село. Уже село солнце; почему же все не кончается и не кончается лес?!

Она побежала. Налетая на стволы, падая и поднимаясь снова. Стрела не знает обратного хода... Цель — это продолжение стре-

лы... Жить... Игар — продолжение Илазы... Ада была продолжением матери и потому погибла. Вперед... Расступайся, лес, расступайся...

Лес расступился. Илаза споткнулась и упала на четвереньки.

Даже в полутьме ей не надо было приглядываться — овраг сочувственно поводил ветвями, бессмысленно шумел ручей, и наползала, выбиралась из оврага, ночь...

Стрела, чей наконечник застрял в оперении. Змея, удивленно уставившаяся на собственный хвост.

Она не заплакала. У нее больше не было слез.

* * *

...Провинция Ррок велика и многолюдна. В провинции Ррок полным-полно женщин — юных и старых, тучных и стройных, белокурых и рыжих, черноволосых и совершенно седых. Армия женщин, муравейник женщин, нашествие женщин; их больше, чем мужчин, девчонок и старух, вместе взятых. У каждой третьей в волосах можно найти оттенок меди — при желании, если очень захотеть его увидеть. И, уж конечно, никто из них не обнажает на людях спину, открывая взору родимое пятно в виде ромба...

Крепкий немолодой человек, чью голову украшала высокая войлочная шляпа без полей, скептически оглядел огромную груду кирпичей, занявшую собой целый угол просторного двора. Покачал головой:

— Что ж ты скинул их как попало? А в штабелек, в штабелек кто уложит? Киска?

— Так возница торопился, — глухо ответил работник. — Сбрасывай, сказал, а то мне ехать надо...

Обладатель войлочной шляпы почесал под носом:

— Так это... я вознице не за то заплатил. А ты, лодырь криворукий, не получишь, пока не уложишь ровнехонько, штабельком... Чтоб красиво. Чтобы брать сподручнее... Пошел, говорю. Пошел работать.

Работник, дочерна загорелый парень в перепачканных глиной штанах, облизнул запекшиеся губы и молча вернулся к кирпичной груде.

Войлочная шляпа неторопливо вернулась в дом. Дом — весьма примечательное строение — стоял на перекрестке двух больших дорог и имел с фасада вывеску «Колодец для жаждущих». По случаю рабочего утра жаждущих в обеденном зале было всего трое, и Гричка, придурковатая помощница кухарки, вполне справлялась в одиночку. Прикрикнув на нее для порядку, обладатель шляпы вер-

нулся на заднее крыльцо и вытащил из кармана куртки маленькое зеленое яблоко.

Работник ворочал кирпичи. Спина его сделалась совсем уж черной от пыли — капли пота, скатываясь, оставляли на ней серые дорожки. Обладатель шляпы надкусил свое яблоко; за его спиной скрипнули доски крыльца.

— Во как, — заметил хозяин, не оборачиваясь. — А я, дурак, думал троих нанимать.

Кухарка — а именно кухарка и вышла сейчас на крыльцо, больше некому — задумчиво хмыкнула:

— Все они... У меня первый муж тоже вот, за утреннюю чарку шелком ложился, что угодно готов был... А потом надерется к вечеру — скотина скотиной. Этот хоть тихий...

Работник, не рассчитав, поднял зараз слишком большую ношу — и упал, выронив кирпичи, болезненно охнув.

— Побьет, зараза, — хладнокровно предположил обладатель войлочной шляпы. — Перебьет товар.

Кухарка усмехнулась:

— Откуда еще силы берутся... Эдакий запой. Уж больше недели... не просыхает... Тут здоровый мужик загнется — а это пацан, у меня старший сын поздоровее будет...

— Ты это, — невесть почему забеспокоился обладатель шляпы. — Хорошего вина не давай ему. Неча переводить... Сколько в него входит? Прежде чем отвалится? Полбочонка, нет?

Кухарка презрительно усмехнулась:

— Стану я... Полбочонка... У меня Гричка табака ему... добавляет... Так он с двух кружек падает и спит.

— Кабы все работники так, — обладатель шляпы выплюнул попавшегося в яблоке червяка. — Чтобы всей платы — две кружки...

— Так надолго ж не хватит, — пророчески заметила кухарка. — Не хватает их... Этот уже вчера... Не к аппетиту сказано, но всю каморку свою облевал! Не жрет ничего, так желчью... Гричка ругалась-ругалась... У меня первый муж как свечка сгорел...

— Пьянь, — проронил обладатель шляпы с отвращением. — Пьянь и есть.

Тощий яблочный огрызок улетел в траву.

...Он потерял бездну времени, но сейчас он встанет. Встанет и пойдет... Ну до чего плохо.

Дубовый стол поднялся на дыбы и больно стукнул Игара по лбу. Как вчера. Вчера он так и заснул — неся на лице грязную столешницу. Длинная, длинная жизнь. Отвратительное пойло, без которого, однако, еще хуже. Как муха, которую Гричка накрыла стаканом — нечего биться в прозрачные стенки. Сложи крылышки...

Игар, встань. Встань!!

— ...не давать в обеденном зале!.. Волоки его теперь... Сама волоки, коли такая дура...

Заплеванный пол. А проснется он на сене — в той самой каморке, где занавешено тряпкой окно. Занавешено, закрыто от взгляда звезды Хота...

Он поднял голову; мир сворачивался черным жгутом и куда-то уползал, ускальзывал по кругу, по кругу... Что-то еще булькает в глиняном стакане, что-то темное, маслянистое плещется на дне...

Не пей. Ну какой ты мерзавец... Не пей, не сдавайся... Не пей же... Вставай, скотина!

Перепуганная физиономия Грички. На кого это орет вдребезги пьяный работник?..

Он сделал глоток — и провалился в яму без дна.

«Ищи; ты найдешь ее, как в темноте находят маяк. Она не похожа на прочих женщин; в больших городах ты найдешь ее скорее, нежели в глухих поселках, однако и в поселках ищи. Ищи скорее».

Он потерял бездну времени. Его звезда встает теперь позже и поднимается ниже, а провинция Ррок велика, и дороги спутались в ней, как требуха в животе великана. Его ноша гнет к земле, а разделить ее не с кем.

* * *

— ...Отдай! Отдай, слышишь!.. Не трогай, отдай!

Девочка несмело заглянула в палисадник; Лиль, всклокоченная, как метла, металась между своими малолетними дядьями, которые, став треугольником, хладнокровно перебрасывали из рук в руки пеструю куклу с большими ступнями, такую же встрепанную, как Лиль.

— Отдайте! Я... Я... А-а-а!

Лиль ревела. Девочка и раньше становилась свидетельницей перебранок и даже потасовок между своими новыми родственниками, однако такого нахальства мальчишки прежде себе не позволяли; она удивилась, почему это Лиль не бежит с жалобой к матери. Почему-то любое обращение к взрослым за помощью здесь считается ябедничеством...

Младший из мальчишек, Кари, очутился к девочке спиной. Старший из его братьев, Вики, ловко перебросил куклу через голову ревущей Лиль — Кари подпрыгнул и поймал; не очень-то раздумывая, девочка кинулась к нему, выхватила куклу из его занесенных рук и отпрыгнула назад.

От неожиданности Кари не сразу понял, в чем дело; все четверо, только что непримиримые враги, теперь стояли одной плотной кучкой и глазели на девочку. Лиль — сквозь слезы, Кари — с обидой и удивлением, старшие мальчишки — нарочито равнодушно, по-взрослому, с затаенным вопросом.

Она не знала, что говорить, только плотнее прижимала к себе куклу. Маленькой Анисе далеко было до этой, большеногой, с лицом из настоящего фарфора, с длинными и густыми ниточками-волосами; обо всем этом девочка подумала мельком, потому что Вики, старший, шагнул вперед и протянул руку:

— Отдай!

Она отступила, спохватилась, что будто бы пятится, и быстро вернулась на прежнюю позицию:

— Она что, твоя?

Вики нахмурился. Когда он сдвигал брови, то был удивительно похож на собственную мать — крепкую черноволосую женщину, сейчас она на кухне, солит грибы...

Девочка не успела додумать свою мысль. Вики прыгнул, схватил куклу за ступни и резко рванул к себе:

— А ну отдай!

Затрещало кукольное платье; девочка испугалась, что тряпичное тело сейчас разорвется пополам, — но выпускать куклу не стала. Вики рванул еще — он был на голову выше и в полтора раза тяжелее, но девочка оказалась цепче.

Некоторое время они молча трудились — каждый тянул куклу к себе, причем с очередным рывком упрямого Вики девочка всякий раз моталась, как щенок на веревочке; потом средний брат, Йар, предостерегающе крикнул — у ограды палисадника стояла Большая Фа, и под ее лысыми бровями холодно поблескивали суровые маленькие глаза.

Никто не оправдывался; Вики выпустил куклу, Кари спрятался за спину Йара, Лиль не стала жаловаться на дядьев. Большая Фа задержала изучающий взгляд на девочке — а потом повернулась и неспешно зашагала к дому, и девочка услышала, как облегченно вздохнул за ее спиной перепуганный Вики.

— Тебе нельзя драться, — сказала Лиль; девочка не сразу поняла, что эти слова обращены к ней. — Тебе нельзя драться, потому что ты невеста Аальмара.

Не оборачиваясь, девочка протянула ей куклу:

— На...

Кукла надорвалась-таки; Лиль деловито задрала ее синее в горошек платьице и пальцем запихнула клочок ваты обратно в дырку на кукольном животе. Девочке захотелось еще раз потрогать мягкие, растрепанные куклины волосы — но она не стала. Аниса была совсем не такая красивая — но Аниса была лучше...

— У меня тоже была кукла, — сказала она вслух. — Но она умерла.

— Куклы не умирают, — заявил Вики.

Девочка перевела на него серьезный взгляд; мальчишка почему-то смутился и опустил глаза.

— Куклы тоже умирают. Да, — она запнулась, не зная, что еще сказать.

— У невест не бывает кукол, — сообщил Йар.

Лиль потянула носом; встретившись с ней глазами, девочка с удивлением увидела неприкрытую, уважительную зависть:

— Да-а... Тебе нельзя-а...

Девочка отвернулась. Ей почему-то стало тяжело и грустно. Как в самые первые дни, когда без тоски по дому нельзя было прожить ни минуты.

— Счастливая, — шепотом вздохнула Лиль.

— Почему? — спросила девочка, глядя на фарфоровое кукольное лицо.

— У тебя есть жених... *такой* жених... А у меня, — Лиль бесхитростно сунула палец в ноздрю, — у меня нету...

Девочка опустила глаза:

— Да... Но зато у тебя... у тебя есть мама.

* * *

Провинция Ррок покрыта сетью дорог и дорожек. Самые прямые и ухоженные из них ведут в город Турь — столицу; где страннику искать яркую, незаурядную женщину? Куда идти с расспросами... да и просто наудачу?

В Турь. Дабат — да будет так.

В больших городах полным-полно длинных языков. В городе Турь особенно многолюдно, суетливо, полным-полно приезжих и заезжих, купцов и бродяг, богатых и нищих. Болтают в корчмах и на базарах, болтают в лавках и на площадях, сплетничают о чем угодно, в том числе и о женщинах; только вот тот, кто слишком внимательно слушает и слишком много спрашивает, рано или поздно получит по шее — не иначе, шпион, «крючок» по-здешнему. Сперва уши распустит, а потом в городскую управу побежит, к начальнику стражи... Раз в пять дней на рыночной площади города Турь обязательно кого-нибудь бьют кнутом — в том числе и за длинный язык. У палача, говорят, жалованье от выработки; ежели палач простаивает, так и сам доносчика наймет; и палачу, известно, деток кормить надобно.

Игар обходил таверну за таверной, прислушиваясь к болтовне и иногда задавая ничего не значащие вопросы. Он давно уже приготовил легенду о пропавшей сестре, которую дома ждет наследство, — но пустить ее в ход все никак не решался. Та, что не похожа на прочих женщин, вряд ли затеряется среди множества благополучных домохозяек; она может оказаться на вершинах власти либо на дне отчаяния, и подобную женщину будет очень трудно выдать за искомую сестру. Легенда была с изъянчиком, но ничего лучшего пока что не приходило Игару в голову.

Потом его заметили. Молодой, но толстый и дряблый подмастерье, встреченный Игаром в очередном трактире, безжалостно его обличил:

— А-а-а! Гляди, хозяин, крючок приперся, я его вчера еще в «Золотом баране» приметил...

Хозяин, крепкий косоротый старик, насторожился, однако повел себя сдержанно. Обычная Игарова история о сестре и наследстве собрала достаточно слушателей — сочувствующих и недоверчивых. Подмастерье время от времени призывал не верить «вонючему крючку» и скорее бить ему морду — в конце концов Игар, не удержавшись, ловко ухватил неприятеля за курносый веснушчатый нос. Этому молниеносному приему Отец-Разбиватель специально никого не учил — Игар сам выучился. Наглядно, так сказать.

Подмастерье гнусаво пискнул, дернулся, схватился было за Игарову руку — но обмяк, потому что Игар сжал пальцы что есть сил. Отец-Разбиватель любил наказывать неумех таким вот простым и унизительным способом; Игар, нерадивейший из нерадивых, прекрасно понимал, что чувствует сейчас подмастерье.

— Дурак ты, — раздумчиво произнес хозяин, но слова его, против ожидания, не имели к Игарову жесту никакого отношения. — Эдак за тобой сотня девок увяжется — все до наследства охочи... Признаешь ее, Тиар свою заблудшую?

Из выпуклых глаз подмастерья градом полились слезы.

— Признаю, — заявил Игар уверенно. — А кто мне ее покажет — с тем наследством поделюсь... Я не скупой, — и он оттолкнул от себя пострадавшего подмастерья, который тут же и пропал куда-то.

Посетители галдели; Игарова история предложила им множество поводов для болтовни, воспоминаний и ссор. Хозяин чесал бровь и хмурился; кухарка, немолодая женщина с девичьей русой косой, шмыгнула носом:

— В управу сходи... Прошлый год ходили со свитками, переписывали всех, и младенчиков, и собак, поди, тоже... Всех переписали, а бумаги в управе хранятся... Так там, поди...

Игар сглотнул. Собственно, на нечто подобное он и рассчитывал — слыхал когда-то, что в больших городах подчас ведется учет людским душам. Турь же — самый известный и просвещенный го-

род во всей провинции; устами кухарки говорила сейчас сама Святая Птица.

— Только тебе таковую перепись не покажут, — предположил хозяин, и уголок его косого рта опустился еще ниже. — Разве что взятку... А ты, сдается, голодранец?

— ...А ну, голодранец, иди сюда!.. Вот он, ребя! Вот он, крючок недобитый!..

У дверей стояли трое, и лицо их вдохновителя было перепачкано кровью и перекошено ненавистью:

— А ну, иди сюда! Иди, крючок, по-хорошему!

Хозяин сплюнул сквозь зубы:

— Ты, Величка... Дырка тебе будет, а не кредит!

Окровавленный подмастерье растерялся ненадолго:

— А ты крючков, что ли, покрывать?!

Окружавшая Игара гурьба как-то постепенно рассосалась. Хозяин все еще стоял рядом, болезненно морщась: кухарка хмуро бросила от дверей кухни:

— Совести в тебе нет, Величка... Мать твоя, как на сносях была, на жабу наступила... Всю совесть жаба и высосала...

Подмастерье плюнул. Плевок летел удивительно долго — однако в кухарку не попал, повис на дверном косяке. Кухарка тоже плюнула — под ноги — и скрылась в кухне.

— На улицу иди, парень, — бросил хозяин сквозь зубы. — Мне тут драка ни к чему...

Драка, подумал Игар кисло. Трое на одного — теперь это называется драка...

Он подмигнул окровавленному:

— А что, правда, что твоя мать на жабу наступила?

И, дождавшись, пока сузившиеся глаза окажутся совсем рядом, опрокинул в них содержимое стоявшей на столе перечницы.

— ...Господин архивариус не принимают.

Прилизанный писец глядел презрительно и хмуро — на секунду Игар увидел себя его глазами. Бродяжка с синяком на пол-лица и разбитым носом интересуется вещами, которые ему ни по званию, ни по уму знать не положено. Стало быть, пшел вон.

Стараясь повернуться так, чтобы не так бросался в глаза синяк, Игар просительно улыбнулся:

— Так ведь... посмотреть только. Сестру я ищу, сестра потерялась в детстве, а я ищу вот...

— Не принимают, — бросил писец уже раздраженно. — Сейчас стражу крикну, так в яме переночуешь...

Игар втянул голову в плечи и бочком-бочком двинулся к выходу. Любая встреча со стражей могла окончиться для него неожиданно и трагично.

В обширной приемной полно было народу и полно писцов. Среди всей этой сложной, тягомотной, подчас бессмысленной возни ходила, флегматично позевывая, рыжая худая кошка, и хвост ее был воздет, как указующий перст. Кошка терлась о ноги жалобщиков и просителей, и время от времени кто-нибудь из писцов рассеянно чесал ее за ухом.

У входа сидел стражник — расслабленный, добродушный, с пестрым вязанием на коленях; проходя мимо него, Игар задержал дыхание. Стражник покосился равнодушным глазом — и снова вернулся к подсчету петель. Огромная пика с зазубринами стояла, прислоненная к стене.

Игар облегченно выдохнул, проскальзывая в дверь; уже на самом пороге на плечо его легла рука. Не успев понять, в чем дело, Игар дернулся и присел.

Маленький человечек с длинными, тусклыми, зачесанными назад волосами поманил его пальцем, зазывая обратно, в приемную. Не решаясь ослушаться, Игар вернулся — ноги под ним сделались совершенно ватными.

— К господину архивариусу? — мягко спросил длинноволосый.

Игар медлил, пытаясь определить, что и откуда ему угрожает. Длинноволосый улыбнулся:

— К господину архивариусу платить надобно... У тебя монетки есть?

Игар съежился. Понуро мотнул головой.

— Заработать хочешь?

Игар поднял глаза. Не дожидаясь ответа, длинноволосый взял его за локоть и мягко, но решительно повлек за собой; кто-то из писцов предупредительно распахнул узкую дверь, и Игар оказался в маленькой квадратной комнате, все убранство которой состояло из широкой скамьи и канцелярского стола в углу. Впрочем, имелась еще и кадушка, из которой приветливо торчали вымачиваемые розги.

Игар встал, будто приколоченный к полу. За что?!

Длинноволосый взгромоздился на стол; нога его в пыльном башмаке качнулась, как маятник, Игар на секунду увидел вытертую коричневую подметку. Рука с оловянным колечком на мизинце небрежно указала на скамью:

— Присаживайся, не мнись...

Игар подошел и сел — как на раскаленную сковороду.

— Звать-то тебя как?..

— Игар...

Прямо напротив скамьи вся стена была увешена бумажными

лоскутками — белыми и пожелтевшими; каждый снабжен был грозной жирной надписью: разыскивается законом для предания справедливому наказанию... Игар не раз видел подобные листки на людных перекрестках, где они украшали собой столбы и стены.

— Кто ж тебя разукрасил, Игар? Воровал чего-нибудь, а хозяин за руку цапнул, так?

«Разыскивается законом... Снур Кнутобой, беглый, клейменый, повинный в разбое и хулословии... Росту среднего, телосложения тучного, клеймо на лбу старое, синюшное...»

— Ладно, не отпирайся... Бродяжка?..

Игар проглотил слюну. «...для предания справедливому наказанию... Ивилина Ушко, беглая, шлюха, повинная в...»

Длинноволосый усмехнулся:

— Повезло тебе, Игар... Ладно, глазами-то не бегай... Дело есть.

«Разыскивается для предания справедливому наказанию беглый послушник Игар, прозвища не имеющий, восемнадцати лет... Росту среднего, телосложения тощего, глаза имеет серые, волосы русые, нос прямой... Приметы особые: таковых не оказалось. За оного назначена награда сто полновесных золотых, а если кто укажет на...»

Игар очень хотел надеяться, что на лице его, отмеченном кровоподтеком, не отразилось паники. Обладатель тусклых волос, вальяжно развалившийся на столе; толпа просителей в приемной, стражник у входа... Сколько времени понадобится блюстителю, чтобы отставить вязание и схватить свою пику?..

...Сто полновесных золотых! Он в жизни не видел столько денег сразу. Кто платит? Перчатка Правды? Княгиня или, может быть, та, оскорбленная, у которой корова в розарии...

Длинноволосый таинственно улыбался; Игар отвернулся. Святая Птица, а мне-то нужна была одна только, одна серебряная монетка, чтобы подкупить писца и проникнуть к архивариусу...

— Лови!

Игарова рука сама привычно вскинулась и перехватила в воздухе тяжелый звякнувший мешочек. Длинноволосый удивленно поднял брови:

— Ого! А я думал, упустишь... Или ты денежки не роняешь, а?

В мешочке явственно прощупывались ребра монет. Некоторое время Игар тупо позванивал невесть как попавшим к нему богатством.

— Ловок ты, — заключил длинноволосый, получая удовольствие от Игарового замешательства. — Ловок... Нынче в трактир пойдешь. Вина закажешь, нажуешься вдоволь — только пьяным чур не напиваться!.. И примешься градоправителя ругать — мол, налоги высокие, всякое там... Законы опять же плохие... Народишко встрянет и себе ругаться будет — а ты замечай, кто более всех болтает. Как зовут, какого цеха... Потом ко мне придешь — я добавлю. Денежек добавлю — и проваливай на все четыре... Понял?

Игар не понял. Он вообще плохо сейчас соображал, и смысл обращенной к нему речи ускальзывал, терялся за шевелением тонких губ и покачиванием ноги с коричневой подметкой; все силы шли на то, чтобы сохранить прежнее выражение лица. Он чувствовал себя голым, выставленным на всеобщее обозрение со своими глазами, волосами и отсутствием особых примет, но главное — о дурак! — именем, именем, которое он так и не удосужился себе придумать...

Нога. Нога длинноволосого покачивалась заманчиво близко — если схватить за эту ногу да резко дернуть на себя...

— Ай-яй-яй-яй! — завизжали в приемной; длинноволосый поморщился. С грохотом распахнулась дверь; стражник, не так давно мирно вязавший у входа, втащил за шиворот упирающегося, расхристанного мальчишку лет пятнадцати. Мальчишка вопил не переставая.

— Прощения просим, — сказал стражник, с трудом перекрывая его визг. — Помещеньице бы нам...

Длинноволосый раздраженно ругнулся:

— Сколько раз можно просить...

Стражник перехватил мальчишкин воротник поудобнее:

— Дело вот срочное... А вы в канцелярию пока...

Незакрытая дверь со скрипом качнулась. Игар увидел свободный теперь выход с пустым стулом и грозной пикой у стены. Один медленный, как бы случайный, маленький шаг к двери...

Писец — кажется, тот, что прогнал в свое время Игара, — заслонил собой узкий дверной проем; на бумаге в его руках высыхали свежие чернила.

— Прошу прощения... Господин мой, — он обращался к длинноволосому, — подпишите, будьте любе...

Очередной визг мальчишки, с которого тем временем спустили штаны, поглотил конец его фразы. Стражник невозмутимо пропустил через кулак выловленную в кадке розгу; мальчишка ерзал по скамье голым животом, не решаясь, впрочем, бежать. Игар, стоящий как раз под желтой грамотой, обещавшей за его, Игара, голову сто золотых монет, потрясенно смотрел, как длинноволосый опускает палец в чернила — и прикладывает его к углу принесенной писцом бумаги.

«Ибо неграмотный, — говаривал в свое время Отец-Научатель, — подобен скоту — столь же тупоумен...» И над рыбьим хвостом, лежащим рядом с чернильницей, кружились мухи, и капали слезы на старую, зачитанную азбуку...

В этот момент мальчишка, до которого добралась наконец вооруженная розгой рука правосудия, взвыл так, что содрогнулись стены, и все присутствующие невольно обернулись к скамье.

Все, кроме Игара, потому что в следующее мгновение он уже бежал.

Ему показалось, что все просители, собравшиеся в приемной, в этот момент сошли со своих мест, чтобы встать у него на дороге. Спасительный выход, где рядом с пустым стулом стояла у стены грозная пика, отдалялся и отдалялся, как отдаляется подсвеченная солнцем поверхность воды от тонущего, захлебывающегося пловца. Чья-то рука цапнула его за плечо — он рванулся, едва не оставив в чужой руке клок рубашки; преследователи его оказались в куда более выгодном положении, потому что перед ними толпа раздавалась сама собой, а Игару приходилось протискиваться и расталкивать.

И тогда, почуяв бесславную неудачу побега, он швырнул под ноги преследователям так и не заработанный мешочек с монетами.

Угодив под тяжелый каблук, мешочек треснул. Медные кружочки раскатились, ударяясь о подвернувшиеся по дороге башмаки; кто-то вскрикнул, а кто-то поспешил наклониться и подобрать, и его примеру последовали многие, еще более многие, все... Забыв о здравом смысле, просители следовали давнему, с пеленок усвоенному правилу: денежке не место на полу.

Первым споткнулся стражник. Длинноволосый налетел на него сзади; Игар не видел этого и не слышал. Последним усилием перепрыгнув через чью-то согбенную спину, он вылетел на залитую солнцем улицу и кинулся в ближайший проходной двор.

* * *

Блеклая трава готовилась встретить осень, а на восточном склоне из-под ее желтых зарослей лезла новая, молодая, пригретая солнышком, спутавшая времена. Аальмар кинул на землю свою куртку — свою замечательную, кожаную, со шнурками и пряжками куртку! — и уселся, вытянув ноги, усадив девочку рядом с собой.

— Скучала?

Она кивнула, совершенно искренне и не кривя душой. Пожалуй, впервые она по-настоящему обрадовалась его возвращению; сойдя с коня, он предложил ей руку, как женщине, как равной! Стоило видеть в эту минуту лица Лиль и мальчишек...

— И я тоже скучал, малыш. Я видел много стран и селений... И везде искал тебе подарок. Вот, посмотри.

Сверток, до того стоявший в траве и шевеливший на ветру тугим бантом из плотной ткани, открылся. Девочка невольно задержала дыхание.

В руках Аальмара была мельница — размером с кувшин. Четыре косых крыла завертелись, ловя ветер — и внизу открылись воротца, из них показался вырезанный из дерева мельник, а затем еще целая вереница фигурок с мешками на плечах, а потом почему-то балаганный паяц — пройдя парадом перед глазами потрясенной девочки, фигурки скрылись в дверце напротив. Мельница замедлила свое вращение — а потом снова завертелась от порыва ветра, и все повторилось сначала: мельник, работники, паяц, а потом еще зазвенели крохотные, подвешенные перед дверками колокольчики, и звон их сложился в мелодию простенькой, всеми любимой песенки...

— Тебе нравится?

Девочка смотрела, не в силах оторвать глаз. Наверное, следовало поблагодарить — но она была слишком поражена. Ей сроду не доводилось видеть таких игрушек; тем тяжелее было поверить, что это *ее* игрушка, *ее* собственная мельница!..

— Я хотел тебя порадовать, малыш, — сказал он тихо. — Мне удалось?

Не зная, как высказать свои чувства, она поймала его руку. Крепко стиснула; потом прижалась лицом, губами, ловя запах его кожи и вечно сопутствующий ему запах железа.

Потом она оказалась у него на коленях. Отец никогда не брал ее на руки — во всяком случае, она не помнила; мать сажала ее на колени только тогда, когда надо было ехать в повозке, а там ведь трясет и дует ветер. Прислушиваясь к незнакомому ощущению, она сначала замерла — но сидеть было спокойно и уютно, и мельница вертелась, позванивая колокольчиками, и фигурки, сгибаясь под грузом крохотных мешков, деловито шествовали из одной дверцы в другую...

Она расслабилась. Откинулась назад, положив голову ему на плечо:

— А ты... Ты снова был на войне?

Он обнял ее чуть сильнее:

— Да...

Девочка вздохнула. «Война» — это то поле, где они искали Анису. Кажется, что это было давным-давно... А поле мертвецов до сих пор является ей в плохих снах. А Аальмар уезжает и уезжает — на войну...

— Тебя ведь не могут убить? — спросила она с внезапным страхом.

Он засмеялся:

— Конечно же, нет...

Девочка успокоилась. Обернулась; встретилась взглядом с его спокойными глазами.

— Аальмар... А кто главнее, Большая Фа или ты?

Она и так знала, кто главнее. Ей просто доставляло удовольствие услышать его ответ.

— Я.

— А почему? — Она не выдержала и улыбнулась, потому что и это тоже давно было ей известно.

— Потому что я главный наследник дома, это называется «стержень рода»... А потом таким стержнем станет наш старший сын.

Девочка задумалась. Мельница то замедляла обороты, то снова принималась вертеться, как праздничная карусель. Фигурки, кажется, танцевали.

У нее будут дети. Скоро; старший сын будет таким же главным, как Аальмар. Странно, интересно, не верится...

— А у нас будет много детей?

— Конечно. Не меньше пяти.

— Ой...

— Не волнуйся. Большая Фа поможет их вынянчить.

— А если ты стержень, то Большая Фа — кто?

— Она просто следит за домом, пока меня нет.

— А... Аальмар! А я кто же? Я кто такая?..

— Ты...

Она вдруг ощутила лицом его жесткую, немного шершавую щеку:

— Ты... Ты мой свет в окошке. Будущая опора рода... Рыжая белочка на ветвях генеалогического древа. Ты знаешь, что, когда тебе солнце в спину, ты будто бы рыжая? А?..

Она засмеялась. Так, оказывается, щекотно, когда целуют под мышкой.

* * *

Покупатели торговались, зазывалы били в бубен, нищие канючили, весь базар рвался из шкуры вон, чтобы отгрести, заработать, выплясать грош; тем временем сто полновесных монет неприкаянно бродили между рядами, и всякий грамотный и мало-мальски наблюдательный обыватель славного города Турь мог заработать их играючи, стоит лишь пальцем ткнуть...

Не вздрагивать и не оборачиваться, когда так хочется скорее бежать со всех ног, когда всюду мерещатся взгляды, когда все разрастается толпа зевак перед столбом с грозными грамотами: «Разыскивается для предания справедливому наказанию...»

Даже за Снура-Кнутобоя, беглого каторжника, столько не

заплатят. Правда, Снура и разглядеть проще — клеймен беглец. А послушник Игар, прозвища не имеющий, был бы похож на сотню других парнишек, если б не бегали глаза да не потели ладони. Всякому, кто опытен, одного взгляда достаточно, чтобы с уверенностью сказать: дело нечисто. И кто знает, не следит ли уже за Игаром пара заинтересованных глаз...

Он даже голода не чувствовал, и во рту его было сухо, хоть кругом и роились сытые запахи. Он присматривался к купцам, к богатым покупателям; несколько раз замечал, как воришка стягивает с прилавка рыбину или из корзинки узелок. Доходный промысел для ловких и бесстыжих; Игар прекрасно знал, что его рука не поднимется. А поднимется — так тут же и схватят ее, эту руку... Эти, удачливые, таскают совершенно безнаказанно, а Игар смотрит. И нет бы тревогу поднять, заметив столь наглое воровство, одернуть бы зазевавшуюся жертву... Правда, вмешиваться в скандал сейчас — все равно что стать под столбом с грозными грамотами и во все горло вопить: а вот он я! это за меня сто золотых дают, налетай!..

Мне нужны деньги. Много денег — и быстро. Сегодня. Я должен сделать это, чтобы спасти Илазу... Я должен...

Привычная молитва — «я должен» — придала ему духу. Он увязался было за толстым, шумливым купцом, чью шею отягощала гирлянда из женских украшений — однако купец ни на секунду не покидал базара, вертелся в толчее, торговался и нахваливал, ни разу не собрался даже справить нужду...

Игар отчаялся. Скоро базар начнет расползаться, редеть, купцы соберутся компаниями, деньги перекочуют в тайники, товары — под замок... А он так и не решил, что он будет делать. А вон идет патруль — спокойный скучающий патруль, но нет ли среди них того любителя вязания...

Молодой щекастый парень, увешанный цветными платками, весело торговался сразу с двумя; сухонькая чернявка хотела сбить цену, но рыжая, юная и легкомысленная, сразу купилась на обаяние продавца и заплатила. Ее платок был цветаст и, по мнению Игара, слегка безвкусен, но она повязала его на шею с такой грациозной небрежностью, что парень восторженно защелкал языком, а чернявка крякнула и заплатила тоже — за ярко-желтый с зеленым узором шарф.

Парень прошел мимо Игара, по-прежнему улыбаясь и напевая; его вьющиеся от природы волосы были тщательно уложены под тонкую веревочную повязку. Сам не зная зачем, Игар повернулся и отправился следом.

Парню везло — за каких-нибудь полчаса он распродал почти весь товар. Дамочки и девицы так и липли к нему, привлеченные

ослепительной улыбкой и меткими шуточками; Игар чувствовал себя угрюмой молью, увязавшейся вслед за нарядной весенней бабочкой. Наконец продавец платков огляделся — и неспешно направился в сторону одного из узких переулков, окружавших базарную площадь, как кривые лучи.

У Игара снова взмокли ладони. Глухо колотилось сердце — через это тоже нужно пройти...

Парень исчез в переулке — тенистой щели между глухими деревянными заборами. Грызя губы, Игар шагнул следом.

Парень насвистывал. Из всего товара у него осталось два шелковых платка — *густо-синий* и черный; *забросив их на плечо, он* углубился в переулок как раз настолько, чтобы соблюсти приличия и в то же время не забираться слишком глубоко. Игар ждал, прислонившись спиной к забору.

Насвистывание продавца платков сделалось громче и жизнерадостнее. Только теперь он обернулся, чтобы встретиться глазами с угрюмым Игаровым взглядом.

Парень замер. Беспечная мечтательная улыбочка сменилась вдруг мертвенной бледностью — тонкая кожа блондина в точности передавала его душевное состояние.

Если бы продавец платков дружески кивнул, или, не обратив внимания, проследовал мимо, или хотя бы нахмурился недовольно — Игар, скорее всего, так бы и остался стоять у забора, ничего не говоря и ничего не предпринимая; побледнев от страха, парень облегчил ему задачу. Кухонный нож, украденный накануне в какой-то лавке и спрятанный за голенищем, наконец-то вылез на свет.

— Выручку, — хрипло сказал Игар, делая шаг вперед. — Живо.

Глаза парня округлились. Он отступил, будто собираясь бежать; одним прыжком Игар настиг его, сгреб и прижал лопатками к забору:

— Зарежу!..

Кухонный нож оказался прямо против крепкой и бледной шеи. Игар видел капельки пота под носом и трясущиеся белые губы:

— С-сейчас...

Бледная шея конвульсивно дернулась — Игар не успел отвести нож. На коже, покрытой мурашками, выступили капли крови; парень затрясся сильнее:

— С-сейчас... Д-да...

Игару сделалось муторно. Пухлая рука продавца платков беспомощно шарила за пазухой, отыскивая кошелек; Игар сжал зубы, изо всех сил вызывая в себе ненависть к этому богатому, холеному, нахальному и удачливому. Ненависть и отвращение к этим кудряшкам, к этому страху, к этому резкому запаху пота — так, что захотелось полоснуть сейчас по горлу. Одно движение — и нету ни мороки, ни заботы, никто не позовет на помощь...

Парень напрягся, глядя куда-то Игару за плечо; тот инстинктивно обернулся, желая видеть надвигающуюся опасность. В ту же секунду рука, сжимающая нож, была сильно отброшена в сторону, и сразу за этим парень ударил Игара головой в лицо, выскользнул из его рук и кинулся бежать вдоль забора. Он даже на помощь успел позвать — к сожалению, вопль из пересохшего горла получился хриплый и сдавленный. Парень набрал воздуха для следующего крика — в этот момент Игар, которому уже не надо было специально себя воодушевлять, нагнал его и вспрыгнул на плечи.

Отец-Разбиватель был жестоким человеком. Вцепившись в кудрявые волосы, с которых слетела в пыль щегольская веревочка, Игар дважды ударил парня головой о землю — так, что пыль под ним сделалась мокрой и темной. Нож плясал в руке, подсказывая единственно правильное и безопасное решение. Еще минута — и кто-нибудь другой, случайный свидетель, одержимый нуждой, заглянет в пропахший мочой переулок...

— Выручку, скотина!

Продавец платков, придавленный Игаровыми коленями, обмяк. Игар рывком перевернул его на спину; недавно красивое и веселое лицо перепачкано было кровью и песком, из круглых, полных боли глаз катились слезы:

— Н-н... н-не дам...

Игар приставил острие ножа к правому глазу, обрамленному пушистыми светлыми ресницами. Парень вскрикнул; дрожащая рука наконец-то нашла за пазухой тугой кошелек:

— П-подавись...

Игар понял, что уже не сможет его зарезать. Резать надо было раньше — когда застилала глаза ненависть. Теперь, поверженного, плачущего, — поздно...

Он сунул кошелек под рубаху. Запихнул в окровавленный рот своей жертвы синий шелковый платок, черным стянул локти — ох, и хороший товар... настоящий шелк, легкий и крепкий, как струна...

Парень молчал, сдерживая стон. На ходу отряхивая одежду, вытирая о штаны чужую кровь, Игар поспешил прочь.

Крики и гвалт, которые поднялись в переулке спустя минуту, не были слышны грабителю, потерявшемуся в толчее базара.

Таракан сидел на темном и липком столе, водил усами, не выказывая ни страха, ни удивления; Игар с отвращением смотрел на еду, силком заливая в глотку поганое, жидкое, теплое пиво. Тара-

кан ничем не хуже и не лучше любого из посетителей трактира; пусть сидит. Везде, куда ни глянь, имеются рожи и погаже...

Болела рассеченная бровь. Игар держался за лицо, воображая, что голова его — это маятник, тяжелый маятник старинных часов, и вот он ходит туда-сюда, час за часом, год за годом...

— Парень, ты пьяный, что ли?.. Качается и качается, уже гости поглядывают... ты, если пьяный, того... Пошел вон, стало быть...

— Я трезвый, — сказал Игар с отвращением. — Трезвее всех твоих сволочных гостей, ты, подонок... Ладно-ладно. Сам уйду, не надо...

Он вышел, оставив нетронутую тарелку таракану.

За порогом стояла ночь — душная и облачная, и на небе, забитом невидимыми черными тучами, не было ни звезды. Не на что смотреть, нечем оправдаться...

Мутно горели фонари, отмечавшие двери трактиров; Игар зашел наугад, заказал пиво и снова сел в углу, держась за лицо.

...Илаза потеряна навсегда. Он сам потерян навсегда — потому что никогда не вымолить у себя прощения. Даже Святая Птица может простить... Но некого прощать, Игар-то умер, ходит пустая, обгаженная, осквернённая оболочка...

Он вытащил нож и сосредоточенно полоснул себя по пальцу. Сопляк, ничтожество. Руку себе отпили и успокойся — подумаешь, какое чудо сотворил... Мальчишки дерутся до крови, сам до крови дрался — а продавец платков еще тебя переживет, трижды по столько наторгует, продавец платков проживет долгую жизнь в довольстве, тепле и холе, и он будет шуриться на камин, когда ты, бродяга, станешь подыхать в сугробе...

...Неужели он и вправду *собирался его убить*?..

...Тонкая кость. Принц. Осквернился, недотрога. Белоручка поганая... Слюнтяй и трус. Если мужчина борется за жизнь и свободу любимой женщины — он должен идти и по трупам. Особенно если они еще при жизни... достойны были стать трупами... Каждый из нас — обладатель будущего трупа...

Илаза!!

...Записка ускользает в щель. Долгие минуты ожидания, полного звоном цепи дворовой собаки, которую прикармливал месяцами, таскал собственную еду, подлизывался... Пес бегает по двору и звенит цепью, и наконец в щели показывается сначала белый уголок, а потом половинка письма; он хватает, тянет, боясь помять или надорвать, бежит к фонарю, разворачивает... На листке — обведенный чернилами контур руки, и на ладони нарисован большой улыбающийся рот... Илаза...

Он прошел мимо удивленной служанки, несущей ему его пиво, и выбрался в душную беззвездную ночь.

* * *

Паутина облипала щеки, лезла в глаза, забивалась в рот. Частая сетка сдавливала грудь и мешала дышать.

— За что?! Звезда же еще высоко! Звезда же...

Она уже привыкла к видимости свободы, к несвязанным рукам и ногам. Она уже привыкла спать в листве и умываться в этом проклятом ручье; унизительная несвобода в липкой паутине казалась теперь еще мучительнее, еще страшнее. Это плата за попытку побега?

— За что? Я не убегу. Я не убегу... Я хочу пить. Мне плохо. Освободите меня... Я не могу больше, нет...

Ответом ей был неизменный шум воды. Она покачивалась в паутине, огромная, плачущая от бессилия муха.

— Я хочу пить... — повторила она жалобно. — Я женщина... Я княжна... И я уже достаточно наказана. Освободите...

Посторонний шум заставил ее дернуться и вывернуть шею, так что чуть не лопнули связки, а серая сетка паутины больно врезалась в тело. Звук повторился; или она рехнулась, или кто-то идет по дну оврага. Ногами. По земле.

Она замерла, прислушиваясь. Идущий, по-видимому, прислушивался тоже; Илаза сильно закусила губу, уверяя себя, что это не Игар. Не Игар, не Игар; в такое нельзя верить, чтобы не умереть потом от разочарования. Это случайный путник, и следует крикнуть ему, чтобы он бежал прочь, уносил ноги, пока не поздно...

Случайный путник тем временем осмелел и продолжил путь; скоро Илаза, изогнувшаяся, как червяк на крючке, увидела его внизу, у подножия крупного дуба.

Случайный путник был огромен. Он был черен, покрыт жесткой щетинистой шерстью, снабжен двумя желтыми, загнутыми кверху клыками, длинным гофрированным рылом и четырьмя грязными копытами. Маленькие блестящие глазки остановились на Илазе, и во взгляде вепря ей померещилось удивление.

Она удивилась тоже. Странное дело — раньше, бывало, даже мертвая, окровавленная голова вепря, привезенная с охоты, пугала ее до дрожи; теперь, глядя на живого и свирепого красавца, разглядывающего ее с нескольких шагов, она ощутила лишь вялое любопытство. Если вепрь задастся целью дотянуться до нее, то, конечно, он дотянется. Что с того?..

Вепрь издал низкий, страшноватый хрюк. Потом еще; не сводя с Илазы наливающихся кровью глазок, подошел ближе. И о чем-то же думает, размышляла Илаза отрешенно. Какие-то мысли ворочаются в этой огромной, достаточно отвратительной башке. Верно, поросенок никогда прежде не видел женщин, висящих на дереве, как груши...

Вепрь рыкнул и легко, будто надутый воздухом, побежал к ней. Шелестели прошлогодние листья под бьющими в землю копытами; правое ухо вепря оказалось чуть надорванным, а правый же клык торчал чуть выше, нежели левый. Илазе казалось, что она ощущает спертый запах грязной свиньи. Вепрь приближался; Илаза следила за ним, как завороженная, однако ей так и не пришлось узнать, что собирался предпринять столкнувшийся с неведомым кабан.

Сеть упала беззвучно и красиво, как шелковый платок к ногам кокетки. Вепрь издал совсем уж утробный звук, рванулся, возмущенный, — и тут же оторвался от земли, забился, вереща и покрываясь серым коконом, и наблюдавшая за ним Илаза наконец-то поняла, как это выглядит со стороны.

Трещали ветки. В какой-то момент Илазе показалось, что дерево не выдержит и связанный кабан рухнет на землю — однако множественные нити напряглись, распределяя вес кабаньей туши по веткам и веточкам, поднимая пленника выше, стягивая его сильнее; кабан уже не ревел — визжал, как недорезанный свиненок.

— Успокойся, — сказала она шепотом. — Побереги силы. Тут плевали на твои клыки... Умри с достоинством. Ты же все-таки вепрь...

Кабан не слушал ее. Он был молод, и силен, и свиреп; он может так биться часами и часами. Смотреть на его борьбу было страшно; паутина, связывавшая Илазу, дергалась в такт движениям вепря. Она закрыла глаза и снова ощутила боль в груди и палящую жажду.

— За что? — спросила она шепотом, жадно слизывая со щек слезы. Слезы не утоляли жажды — они были горькими, как морская вода. Слезы пить нельзя...

— ...Ты прекрасно знаешь, что наказана. И знаешь, за что.

Она напряглась. Слезы покатились чаще:

— Я... больше не буду.

За спиной ее скрипнул смешок:

— Хорошо. Пять минут поучительного зрелища — и я тебя отпускаю. Смотри.

Бесформенная тень скользнула от Илазы к вепрю; кабан, будто почуяв неладное, забился сильнее. Снова затрещали ветви.

Тень оказалась между Илазой и кабаном; зверь взвизгнул так, что у Илазы заложило уши, дернулся — и его метания сменились вдруг конвульсивной дрожью, а вопли — приглушенным, задыхающимся хрипом.

Илаза не желала видеть. Слышать она хотела еще меньше; вепрь кричал так, как кричал той далекой ночью умирающий волк, а у Илазы не было рук, чтобы заткнуть уши. Тогда она завопила сама — чтобы заглушить его крик хотя бы в собственных ушах.

Собственный ее кокон повторил конвульсии огромного тяжелого тела. Потом стало тихо-тихо; она приоткрыла было глаза — но делать этого ни в коем случае не следовало, потому что кабан еще жил, а бесформенная тень была рядом, приникала, впивалась...

Потом Илаза лицом почувствовала льющийся в ноздри ручей.

Утром у нее началась горячка.

Она куталась в рваный платок, пытаясь согреться. Она сидела на солнцепеке, но от этого сделалось только хуже. Она развела костер, но сил ходить за ветками не было, и потому огонь то и дело затухал. Потом пришел бред, и в бреду она видела Игара, бьющегося в сетях.

Вечером она совершенно уверилась, что умрет, и ни капли не огорчилась. Лежала на боку, свернувшись клубком, пытаясь дыханием согреть колени и ни о чем не думая. И только ощущение чужого присутствия заставило ее вздрогнуть и сесть.

— Что? Я тебя слишком сильно замучил?

Она сжимала зубы. Попытаться открыть рот — значит тут же и прикусить язык. Лихорадка.

— Ложись. Закрывай глаза. Теперь не бойся — я не хочу тебя пугать. Ну?

Она повиновалась. Сырая земля казалась горячей, как печь.

— Расстегни платье на спине. Я не хочу рвать... Не бойся.

Пальцы не слушались ее. Она отогнула несколько крючков и заплакала.

— Тихо. Все. Закрывай глаза. Я тебя уколю сейчас, почти не больно. Тебе станет лучше, и ты заснешь.

Она ощутила прикосновение к своему плечу — и чуть не закричала. Да закричала бы, если б могла.

Потом в спину будто ужалил слепень. Она содрогнулась, с шипением втягивая воздух.

— Да, больнее, чем я хотел... Но будет гораздо лучше, чем было. Потерпи.

Несколько минут она лежала, собравшись комочком, вглядываясь в цветные пятна, плывущие перед глазами; потом тело ее вдруг сделалось весенней землей, по которой плывет, разливается теплая речка.

Дрожь ушла. Речка заливала остывшие берега, и они расслабленно нежились, подставляя себя солнечным лучам. Все тело Илазы стало теплым, и слабым, и легким, как подогретое вино. Она перевернулась на спину, все еще не открывая глаз, позволяя себе на минуту забыть о страшном, о далеком, о неизбежном...

Бесконечные бабочки перед глазами. Сумасшедший танец мо-

тыльков. Легкомысленный пьяный смех, в котором нет ничего постыдного. Как хорошо...

Она заснула и не видела во сне ни серой паутины, ни окровавленного Игара, ни умирающих вепрей.

ГЛАВА 4

С первым снегом размеренное течение жизни прервалось ради большого, всеми любимого праздника — Заячьей Свадьбы.

Охота на зайца в этот день считалась плохой приметой; особым обрядом предписывалось изваять из первого снега длинноухую фигуру. От размеров этой заячьей статуи зависело очень многое — чем больше получался снеговик, тем спокойнее и удачнее предполагалась зима.

Вопящие от счастья дети, розовощекие подростки, непривычно добрые взрослые одной большой артелью собирали снег. Безжалостно сдирали его с земли, набирали в корзинки, тащили туда, где под руководством все той же Большой Фа трудились отец Кари и старший брат Вики — снежный заяц под их руками вырос выше человеческого роста, а круглый зад его вообще оказался огромным, как печка, и пригожая служанка, ковырявшая мизинцем в носу, сообщила прыснувшим подругам, что это скорее всего зайчиха...

Девочка смотрела, как падает снег. Прежде ей не приходилось вот так стоять под снежным небом; у нее ведь не было ни этой теплой, по росту, шубы, ни легкого пушистого платка, ни крепких сапог. Зиму она проводила, дыша на замерзшее окошко и выбегая во двор лишь по нужде — босиком, дрожа и ежась. Теперь она стояла под снегом и удивлялась.

Снежному зайцу уже прилаживали глаза-картофелины и нос-уголек; девочка вдруг поняла, что впервые с того самого далекого дня, когда она стояла на вершине холма и смотрела на готовое к бою войско — впервые с того дня она чувствует в груди теплое, спокойное счастье. Радость, которая, как она думала, не вернется уже никогда...

Она засмеялась, глядя, как Большая Фа прикладывает к собственной голове веник, объясняя ваятелям, как именно должно быть расположено правое заячье ухо...

Вечером явились гости.

Дети ныряли под столами, и девочка в самых неожиданных местах замечала то вороватую физиономию Вики, то смеющегося Йара, то уже обиженную чем-то Лиль; сама она удостоена была чести сидеть за столом с прочими взрослыми родственниками, причем на почетном месте — рядом с Большой Фа, напротив старшего гостя — веселого старика по имени Гуун.

Она ела много и с удовольствием; Большая Фа лишь изредка поправляла ее, показывая, как надо браться за нож. Гуун говорил о множестве маловажных вещей, и, вполуха прислушиваясь к его болтовне, девочка чувствовала, как тяжелеет голова, как сливаются в один гул отдаленные голоса гостей: уо-уо-уо... Она счастливо, сонно, бессмысленно улыбнулась.

Гуун вдруг заговорил тоном ниже; голос его сделался серьезным, и к нему как-то сразу перестало подходить слово «болтовня».

— ...Теперь мало кто. Теперь обычаев не помнят, Фа. Спешат... Когда мой отец впервые увидел мою мать, ей было семь лет. Когда судьба указала мне на Бронку, жену мою, ей было, как нашей малышке, десять... И у нас семеро детей, Фа. Мой отец умер, когда ему было девяносто — с коня упал... В роду Аальмара мужчины живут и до ста. Аальмар... храни его, небо. Аальмар чтит обычаи, Аальмар понимает, что такое невеста и что такое судьба. Аальмар не стал бы жениться на уже взрослой, незнакомой, лишь бы детей рожала... Аальмар...

— Аальмар, — прошептала девочка, засыпая.

...За полночь пошли провожать.

Ее несли на руках; изредка разлепляя веки, она видела белый снег под черным небом, серебряный след полозьев, и факелы, факелы, огни, светло, но не как днем, а по-особому, огненно, праздничнo, и в каждом дворе стоит снежный заяц, большой или маленький, худой или толстый, а у одного была поднята лапа, и в ней зажата елочная ветвь...

Она вдыхала морозный воздух, и, вылетая обратно из ее ноздрей, он разделялся на два белых, ровных, клубящихся потока.

И единственное сожаление: жаль, нет рядом Аальмара...

* * *

Школяр долго и сосредоточенно морщил нос; наконец Игар добавил ему еще два монеты:

— Ти-ар... Коли вернешься с уловом — вот... — Он вытряхнул на ладонь оставшиеся деньги, ослепляя школяра золотым блеском. — Где живет, какого сословия... Но если скажешь, негодяй, кто тебя послал — убью!

Он хотел показать для верности нож — но передумал. Противно.

Школяр мигнул; это был, без сомнения, очень храбрый и очень жадный подросток. Девять из десяти его ровесников ни за какие деньги не отправились бы в управу со столь непростым поручени-

ем; правда, Игар не исключал, что школяр еще и хитер. Он уже получил достаточно, чтобы преспокойно уйти и не вернуться или, скажем, навести стражу на странного оборванца, сыплющего золотом... Впрочем, это Игар уже завирается. В обличье щуплого школяра — воплощенное коварство!.. Эдак скоро придется шарахаться от фонарных столбов и бродячих собак...

Школяр ушел. Игар обещал ждать его в трактире — но вместо этого устроился на траве за пыльными кустами, откуда отлично были видны и вывеска, и порог, и дверь. Если школяр вернется не один — что ж, будет время перемахнуть через забор и уйти...

Он лег, положив голову на локоть. Ожидание изводило, как зубная боль; ожидание перекрыло даже тошноту, накатывающуюся всякий раз, когда перед глазами появлялось перепачканное кровью лицо торговца. Проклятые деньги... Проклятые...

А потом, в полусне, он принял легкое и веселое решение: освободить Илазу и покончить с собой. Разом скинуть этот груз, убить воспоминания, наказать преступления — прошлые и будущие... Потому что в будущем их больше. Потому что самое страшное его преступление еще впереди — он должен... привести Тиар, отдать незнакомую женщину на страшную смерть...

Он провалился в сон без сновидений — и проснулся оттого, что по лицу его полз зеленый клоп-черепашка. Тень от кустов сделалась длиннее; у входа в трактир лениво обменивались руганью два подмастерья, в одном из которых Игар с удивлением узнал Величку. Вездесущий, гад...

Сон нагнал на Игара какую-то особенную безнадежную тоску — ведь все наверняка напрасно. Тиар сменила имя; откуда ей взяться в этой переписи, если она больше не Тиар или если она живет в другом городе или в глухом селе, куда переписчики не добрались?..

В переулке загрохотали башмаки. Школяр-посланец, сияющий и возбужденный, вылетел на перекресток, пыля, как целый табун; Игар напрягся. В душе его сшиблись надежда и страх разочарования; он сидел на траве, успокаивая дыхание и убеждая себя, что, какой бы ни была принесенная школяром весть, она поможет ему в поисках. Она продвинет его вперед, хоть на волосок, но продвинет...

Тем временем случилось так, что на пути запыхавшегося подростка, направлявшегося к трактиру, обнаружился Величка. Либо школяр знал его раньше, либо просто прочитал нечто на его задумчивом дряблом лице, однако шаги Игарова посланца замедлились, он резко вильнул в сторону, намереваясь обойти преграду как можно дальше; губы Величи сложились в ухмылочку, и уже в следующую секунду школяр, выкрикивая что-то негодующее, вырывался из цепких загребущих рук.

— Вот совесть всю и высосала... Жаба-то...

Величка обернулся так, будто пониже спины ему впилось раскаленное шило. Школяр тут же оказался на свободе; Игар некоторое время наслаждался страхом, явно проступившим на одутловатой физиономии подмастерья, а потом развернулся и с удовольствием врезал по бледной, податливой скуле. Не применяя науку Разбивателя — зато от души.

На окраине улицы не мостились. Даже эта, людная, основная дорога, по которой ходили друг к другу в гости город и предместье. Сотни ног поднимали тучи пыли, здесь же возились ребятишки и куры, сквозь гомон время от времени орали петухи; Игар шел медленно, и потому его часто толкали.

Школяр честно выполнил поручение.

Игар нашел ее. Он нашел ее, он нашел; теперь он должен обмануть ее так, чтобы она не почуяла обмана. Он должен быть изворотливым, как лис, — вместо этого мозги его ворочаются натужно, будто чулки, набитые песком. Наверно, вот эти зеленые ворота... А может быть, следующие?.. Школяр взял причитающиеся монеты и наотрез отказался идти с Игаром в качестве проводника. Школяр в меру храбр, в меру осторожен, однако не похоже, чтобы он открыто врал...

Женщина, по пояс высунувшаяся из окна второго этажа, неопределенно махнула рукой:

— Тиар?.. А, ты про эту... Дак она Диар, сдается... Там она, — снова небрежный жест. — По улице пройди, она вечно у ворот сидит... Сразу увидишь, — во взгляде, которым она провожала Игара, скользнуло выражение, которого он не мог понять.

Через полквартала Игар увидел.

Дом стоял в череде таких же, не богатых и не особенно бедных строений; у ворот помещалось странное сооружение, низкое, на колесиках, с длинной оглоблей, как у ручной тележки. На тележке сидела женщина.

Впрочем, слово «сидела» не вполне соответствовало ее положению; рваная юбка была поднята неприлично высоко и закреплена на груди булавкой — чтобы проходящие видели страшные, короткие культяпки ног. Из дыр, оставшихся на месте оторванных рукавов, выглядывали культяпки рук, отрубленных чуть не по самые плечи. Темные волосы были коротко острижены и топорщились прядями. Лицо сидящей казалось лицом статуи — чистое, правильное, спокойное; на Игара смотрели внимательные, с прозеленью глаза.

Он с трудом сглотнул. Женщина кивнула — приветливо, будто говоря: не волнуйся. Ничего страшного.

Игар облизал пересохшие губы, вытащил оставшиеся монетки, все до последней, сыпанул в железное блюдечко — туда, где уже лежала пригоршня медяков. Чумазый мальчишка, пробегавший мимо, алчно выпучил глаза.

— Забери, — сказала женщина. — Это слишком много. Все равно они все пропьют...

— Кто пропьет? — спросил он хрипло.

Она покачала головой:

— Не важно. Забери, пригодятся...

— Это тебе деньги, — повторил он упрямо.

Она вдруг улыбнулась — мягко, едва ли не покровительственно; зубы ее оказались странно белыми, как мел:

— Дурачок... О себе подумай. У тебя ведь больше нет?..

Он молчал. Его догадка была страшна, страшнее, чем даже зрелище живого обрубка с красивым спокойным лицом.

— Как тебя зовут? — спросил он шепотом.

Она сдвинула брови:

— А зачем тебе?

— Надо знать.

— Диар, — она будто сама удивилась произнесенному имени. — Или Тиар... или Деар. По-разному... Вообще-то Пенкой кличут. Чтобы не путаться.

— А-а, — сказал Игар.

Проходившая старуха хотела кинуть на блюдечко монетку — но, увидев горку Игаровых денег, поджала губы и прошла мимо.

Ночь он провел, бродя по городу; в какой-то момент за ним увязались трое криворожих бродяг, и он свирепо обрадовался, что можно будет наконец выместить собственный стыд и тоску на чужих, подвернувшихся под руку харях. Бродяги же, завидев в его глазах нехороший лихорадочный блеск, поспешили свернуть в подворотню. Игар ходил до утра, плевал в небо, пытаясь угодить в звезду Хота, и бормотал под нос те глупые веселые песенки, которым выучил его когда-то Муфта, известный дурачок из селения Подбрюшье. Игар совершенно напрасно пренебрег патрулями, которые запросто хватают всех шатающихся в неурочный час и очень радуются, если среди пойманных оказывается беглый преступник; впрочем, и патрули обходили Игара, вероятно, решив предоставить его собственной судьбе.

Он видел, как плечистый старик с шарфом вокруг головы вытащил тележку из ворот и установил ее на прежнем месте; как поставил на землю тарелочку, как задрал на Пенке-Тиар юбку, обнажив обрубки ног; закрепил край юбки булавкой, придирчиво оглядел

свою работу и остался доволен. Повернулся и ушел во двор; воспаленному воображению Игара явилась муторная картина: старик обрубает красивой девушке руки-ноги и сажает перед воротами, чтобы зарабатывала, получая медяки на донце жестяного блюдечка...

Пенка не удивилась, увидев Игара. Немедленно забыв все приготовленные слова, он остановился поодаль, и топтался, и мялся, и она наконец улыбнулась:

— А как тебя зовут?

Он начал выговаривать свое придуманное имя — но до конца так и не выговорил. Запнулся; она засмеялась:

— Да ты не бойся... Я никому не выдам.

...Так случилось, что она знала множество тайн. И хранила их надежно, как камень.

Она не помнила себя, не знала ничего о несчастье, превратившем ее в обрубок (Игар вздрогнул, вспомнил о плечистом старике; ему привиделся иззубренный людоедский топор).

Вся жизнь Тиар была — тележка, трава у забора и блюдечко с медяками; может быть, потому все несчастные шли к ней поплакаться, а отягчившие свою совесть — повиниться. Она была немым укором и тем и другим — и она была надежда; рядом с ней любой калека чувствовал себя властелином мира.

Игар сидел, подогнув под себя ноги, и смотрел, как проходят мимо башмаки и сандалии, как звенят о жестяное донце летящие с неба монетки, как оборачиваются лица — с недоумением и жалостью, с ужасом, удивленно...

Потом он понял, что это он сидит на тележке. Что это на него смотрят, что это он лишен и рук и ног и может только смотреть, как ползают муравьи по размытой дождями обочине и как опускается на пыльный подорожник синий с желтым мотылек... Опускается, взлетает... Как проглянувшее солнце заливает его светом — ярким, полуденным... Теплое, теплое солнце, прикасающееся к лицу, как ладонь...

— Расскажи, Игар. Не бойся. Я вижу, что у тебя беда... Расскажи.

Он долго водил языком по пересохшим деснам и не мог найти слова. Ни одного.

Он хотел рассказать про торговца платками, который лично ему, Игару, не сделал ничего плохого. Он хотел рассказать про длинноволосого из управы, с его деньгами и его работой, про желтую грамоту на стене: «Разыскивается для предания справедливому наказанию»... Он знал, что, рассказав это, почувствует себя лучше — но не мог решиться.

Потому что про главное он все равно не скажет. Про липкую паутину, умоляющее лицо Илазы и звезду Хота, клонящуюся к горизонту. Про то, что он, Игар, должен сделаться холодным негодяем для спасения любимой женщины, своей жены. Тиар, может быть, поймет его и простит — тем хуже...

— ...Иди-иди, парень. Пошел вон, говорю. Расселся, понимаешь...

Плечистый старик, чья голова была по-женски повязана шарфом, хозяйственно пересыпал деньги из жестяного блюдца к себе в карман, оставив на донышке всего две монетки — на расплод, очевидно. Неприветливо покосился на Игара:

— Оглох? Вставай, тут тебе не балаган... Расселся...

— Оставь его в покое, — на лице Тиар-Пенки проступила болезненная гримаска. — Мешает он тебе?.. Пусть сидит.

Старик упер руки в бока:

— Заткнись, дура! Он людей отваживает, это что, заработок?! — Он презрительно шлепнул себя по карману, где зазвенели медяки.

У Игара свело скулы. Захотелось крепко взять старика за грудки и ударить лицом о забор — почти как того, с платками...

Болезненное воспоминание охладило его пыл, сразу же и бесповоротно. Он прикусил губу; обернулся к Пенке:

— Что за тварь из мешка, на плечах бабья башка?

Женщина испуганно мигнула.

— Я тебе ща объясню, — глаза старика сузились, как прорези в капюшоне. — Я тебе объясню, сопляк...

С нежданной сноровкой он ухватил Игара за шиворот; тот рывком высвободился, поднырнул под занесенную руку, приблизил глаза к самому старикову лицу и прямо в это перекошенное лицо выдохнул:

— Ты на ней больше не заработаешь, падаль. Ни грошика.

Два дня Тиар не появлялась у ворот; Игар ждал, затаившись, как змея. На третий день старик с шарфом на голове вывез тележку, настороженно огляделся по сторонам и удалился, опираясь на суковатую массивную палку. Через несколько минут другой старик — чуть ниже ростом, а в остальном совершенно такой же — проверил, нет ли поблизости опасного и сумасшедшего Игара, способного помешать прибыльному делу безногой Пенки.

Игар ждал. Старики — если их действительно было только двое — очень не хотели выпускать добычу. Пенка-Тиар их вещь, приносящая доход, они оседлые жители и полноправные владельцы — а Игар бродяга, за голову которого назначены большие деньги. Ему не стоит лишний раз рисковать, привлекая к себе внимание. Он подождет.

И он дождался-таки. Старики ослабили бдительность; собираясь в трактир, они долго топтались перед сидящей на тележке Тиар, озираясь и советуясь. Наконец после долгих сомнений и пререканий соображения жадности взяли верх над соображениями осторожности; оба, один за другим, скрылись за дверью стоящего неподалеку питейного заведения («Все равно ведь пропьют...»), а Тиар осталась на своем месте перед воротами, и орава проходящих мимо мастеровых кинула ей каждый по монетке.

Игар ждал. Старики загуляли в своем трактире, сумерки сгустились, улица опустела; еще не веря своей удаче, Игар выбрался из своего укрытия — а укрытием ему служил заросший дворик напротив — и подошел.

Женщина, кажется, испугалась. Но и обрадовалась тоже и тут же испугалась своей радости; Игар поразился, как разнообразны бывают оттенки одного и того же чувства. Ее улыбающиеся губы в полумраке казались серыми.

— Зачем?..

Он стиснул зубы. Наступил ногой на жестяное блюдце, перевернул его вверх дном, высыпав монеты в пыль:

— Ты больше не будешь просить милостыню.

Темные глаза округлились:

— Зачем?!

Он присел. Он боялся ощутить ее запах — запах изувеченного тела, болезни, несчастья; он даже на минуту задержал дыхание — но она пахла пылью. Разогретой солнцем дорожной пылью.

Он взял ее за плечи, стараясь не задеть уродливых культяпок. И почувствовал, какая там, под рваной кофтой, горячая кожа.

— Зачем? Зачем?! Игар...

Он кинулся, будто в воду с обрыва.

То, что осталось от ее тела, было странно легким; высвободившаяся юбка захлестнула его ноги, будто желая спутать, удержать, не пустить, и это было очень кстати, потому что бежать нельзя. Бегущий человек привлечет к себе внимание стражи, а час поздний, и только пьяный гуляка, возвращающийся из трактира, не подозрителен...

— Игар! Я закричу сейчас...

— Не бойся, — голос его был странно чужим. — Не бойся... Я... защищу тебя. Я тебя... люблю...

Ему сделалось тошно от этой лжи, и, чтобы оправдать себя, он страстно пожелал, чтобы это было правдой. Пусть на несколько часов, но пусть это будет правдой, пусть он ее полюбит, Святая Птица, услышь меня, отступника...

Со стороны казалось, что подвыпивший парень волочит на се-

новал вдребезги пьяную женщину, у той уже и ноги не ходят, только колышется юбка до земли...

— Какой ты дурак, — сказала она, опуская веки. — Какой ты дурень, какой немыслимый дурак... Эх ты...

— Не бойся, — бормотал он, как заведенный. — Я увезу тебя... Не бойся... ты не будешь просить милостыню... Не бойся... Я... люблю...

Под кофтой ее были странно упругие груди. Он прижимал ее к себе и ничего, кроме страха, не чувствовал. Временами ему казалось, что он несет чужого украденного ребенка — а пóтом он покрывался потом, вообразив в своих руках демона-уродца, из тех, которыми подменяют новорожденных младенцев. Она дышала сквозь зубы, тяжело — и он пугался, что причинил ей боль, и пытался взять как можно мягче, бережнее.

Звезда Хота смотрела с издевкой, как бы вопрошая: дальше-то что?..

Он вспоминал старикашку с шарфом на голове, опрокинутую в пыль жестянку — и ступал увереннее, тверже, как человек, совершающий доброе дело.

— Здесь муравейник, — сказала Тиар тихо.

Он встрепенулся и поспешил перетащить ее в другое место. Вместе с курткой, на которую уложил ее; каменная дорога хранила тепло дня, а в траве на обочине верещали цикады.

— Чем это пахнет? — спросила Тиар. — Это полынь, нет?

Игар потянул носом. Он ничего не чувствовал — разве что запах разогретой солнцем пыли...

— Скоро лето закончится, — сказала Тиар, и Игар вздрогнул, тут же отыскав среди миллионов звезд звезду Хота. — Это полынь. — Игар почувствовал, как Тиар улыбается в темноте. — И еще эти... такие синие с черным, их еще зовут «кротовы глазки»... У нас перед воротами росло их... три. Потом на один наступили...

Игар молчал, глядя на свои небесные часы. Где-то там, под сенью паутины, на них точно так же смотрит Илаза.

— Знаешь, — Тиар снова улыбнулась. — Один и тот же шмель прилетал все лето... С такой бандитской мордой, с черными усами, как щеточки... В рыжем кафтанчике. Он узнавал меня, это совершенно точно... Такая своенравная маленькая тварь. Наработавшись, иногда залезал ко мне в волосы. Не тогда, когда я просила, а когда было угодно ему... Ты странный парень, Игар.

Игар молчал. Тиар счастливо засмеялась в темноте:

— Тут, наверное, за городом... полным-полно шмелей. Когда

день. Когда солнце... Я бы хотела увидеть здесь солнце, Игар. Дождемся рассвета?

Игар кивнул, тут же осознал свою ошибку — темно ведь — и хрипло подтвердил:

— Да.

Тиар, кажется, повернула голову. Он почувствовал, как его щеки касается струйка воздуха — так она дотягивалась до него дыханием; от этого ласкового прикосновения волосы зашевелились у него на голове.

— Игар, — сказала она тихо. — Не мучайся. Я все понимаю... Ты... В балаган ты меня не продашь, это я знаю точно.

— В балаган? — переспросил он ошарашенно.

— Конечно, — казалось, она потешается над его замешательством. — Меня два раза выкрадывали... В балаган. Им для представления уродцы нужны, калеки всякие... Они, говорят, специально детей выкрадывают и уродуют, публике на потеху... Только верить неохота. Неохота верить в такое, да, Игар?

Можно не верить, подумал Игар угрюмо. Но ничего не изменится... А можно, наоборот, верить — что Святая Птица возьмет тебя в свой чертог и там у тебя будут руки, ноги и море любви... И ничего, опять же, не изме...

— В балаган ты меня не продашь, — раздумчиво продолжала Тиар. — Но... то, что ты мне сказал... там... Это тоже неправда. И я... дура, Игар. Надо было мне все-таки кричать, звать на помощь...

— Ты меня боишься? — спросил он возмущенно.

Молчание; длинная струйка воздуха, дотянувшаяся до его щеки:

— *Ты* меня боишься. А не боишься — так испугаешься... Потому что ты, дурачок, не представляешь себе... *что* ты взял сейчас на свои плечи...

— Тиар, — сказал он так убедительно, как только мог. — Ты добрая, ты мудрая... Ну почему бы... я не могу тебя... полюбить? Почему ты не веришь?

Некоторое время длилось молчание, и цикады по обеим сторонам дороги лезли из кожи вон.

— Я бы хотела поверить, — сказала она глухо. — Ты, мальчишка... как бы я хотела. Как бы хотела... Не будь... слишком уж жестоким. Маленькую жестокость можно искупить... Хоть бы и этой полынью. Но если ты пойдешь дальше... Я боюсь, Игар.

Ему захотелось бежать куда глаза глядят, но он остался на месте. И лица его не видел никто, потому что до рассвета оставалось еще несколько часов.

— Это мышь? — спросила Тиар шепотом.

Игар поднял голову:

— А?..

— Мышь, — сообщила Тиар почти с нежностью. — Возится... в траве. Жаль, не видно... Игар. Их зовут Мет и Пач; они найдут нас. Мне бы не хотелось... чтобы тебя изувечили.

— Я сам кого угодно изувечу! — выкрикнул он, стараясь прикрыть запальчивостью собственные тоску и неуверенность. — А эти... эти... сволочи...

— Дурак, — сказала она устало. — Ты все еще не понимаешь. Они подобрали меня, выходили, и... Как братья. Деньги им нужны, чтобы меня же прокормить... И очень часто нужно платить аптекарю. Понимаешь?.. Не понимаешь. Усади меня.

Он боялся теперь ее трогать. После того, как нес на руках. Очень странное сочетание — живой красивой женщины и уродливого обрубка.

Мышь шелестела теперь уже явственно — даже Игар слышал. Ему показалось, что в какой-то момент он и увидел серое создание, пересекающее белую от пыли дорогу.

Тиар усмехнулась:

— Ты здоров... Молодой. С руками и ногами. Но ты мечешься, как... эта мышка. Только мышка счастливее — она в ладу с собой... И я — как мышка. Когда наступили на третий цветок, я... плакала, конечно. Но два ведь остались!.. И шмелю по-прежнему есть куда прилетать... А Мет и Пач бились насмерть с хозяином одного балагана, его звали... не помню. Прозвище было — Человек-Мартышка. И они боятся... за меня. Понимаешь?... Нет. И я тебя не понимаю... Ты умеешь болеть чужой болью... Ты не желаешь мне зла, но все-таки врешь. И врешь жестоко... Почему?..

Она не требовала ответов на свои вопросы, она говорила как бы сама с собой — однако звезды на небе гасли, и проступали силуэты деревьев, и Игар мог уже разглядеть ее лицо.

Плохо соображая, что творит, он взял ее голову в свои ладони и прикоснулся губами к ее сухому рту. Она попыталась вывернуться; он впился в нее с настоящей страстью. С жадностью, порожденной раскаянием и благодарностью.

Она не ответила на его поцелуй. Она замерла в ужасе, и губы ее были покорны, а сердце заколотилось так, что на тонкой обнаженной шее едва не лопнула жилка.

Цикады одна за другой смолкли.

Наконец Тиар запрокинула голову, пытаясь высвободиться; не отрываясь от ее губ, Игар поднял глаза — и отшатнулся, потому что по щекам женщины двумя дорожками катились слезы.

Над их головами разгоралось небо. Небо изменялось. Небо маялось, меняя краски, наливаясь светом, как та жемчужина, которую Игар видел на ярмарке, давным-давно, еще до того, как попасть в скит. И подумал тогда, что небо тоже круглое, как жемчужина, как луна или солнце, только гораздо, гораздо больше...

Он стоял перед ней на коленях. Даже на коленях он был намного выше — но ему казалось, что он смотрит на Тиар снизу вверх.

— Прости, — сказал он шепотом. — Я должен был найти женщину. Это ты, Тиар. Это ты; я должен... увезти тебя. Если нет — другая женщина умрет, а она моя жена... нас сочетал Алтарь, Тиар. Я... не врал, я... полюбил тебя, как... прости меня. Ради любви... Ради человека... Ради Илазы. Для нее я... сделаю это. А для тебя я сделаю что угодно, и прямо сейчас. Хочешь? Любое желание. Ну, хочешь?!

Тиар молчала.

Может быть, нечто подобное виделось ей во сне. Может быть, она мечтала и боялась верить. Может быть, из всей Игаровой тирады она поняла только последние его слова и содержащийся в них призыв; а может быть, наоборот. Может быть, она видела его насквозь, и в его искреннем... почти искреннем порыве ей виделась торговля. Обмен... Мера за меру.

А потом в ее глазах мелькнуло еще что-то, и он вдруг испугался. Она заперта, как в ловушке, в беспомощном теле; телу свойственны потребности, в том числе низменные, и...

Будто только сейчас прозрев, он понял, что она имела в виду, говоря о ноше, которую он принял на себя. Может быть, сейчас, когда он так патетически обещает ей исполнение желаний... Она всего лишь хочет попросить его... о помощи в самой обыкновенной нужде?..

Она поймала его панический взгляд. Бледно улыбнулась:

— Сейчас солнце встанет. Сейчас...

Высоко в разгорающемся небе кувыркалась, взлетала и падала маленькая черная птица.

Игар только сейчас почувствовал, как пропиталась росой трава. И он сам, и куртка, на которой сидела Тиар, и ее широкая юбка, разметавшаяся по земле.

— Я так давно не видела, — сказала Тиар шепотом. — Посмотри и ты.

На горизонте, там, где желто-зеленое соприкасалось с серо-голубым, вспыхнула искра. Маленькая птица в зените разразилась трелью, как гимном.

Вся степь, лежащая к востоку, в долю секунды покрылась цветными, победно пылающими огнями. Каждая капля росы превратилась в яркую, глубокую звезду, в маленькое синее-желтое-зеленое, густо-фиолетовое, рубиново-красное солнце, не уступающее величием тому единственному, грузно вылезающему из-за гори-

зонта. На короткий миг восхода светило щедро сыпануло драгоценным камнем, вывалило пред глаза земным скаредам все богатства мира, все богатства, которых им никогда больше не увидеть и не найти, поскольку слепы, убоги, скупы, не сподоблены...

Никогда в жизни Игар не видел ничего подобного. То есть видывал, конечно, рассветы — но такого фейерверка на его долю не выпадало, и он решил не без основания, что больше и не выпадет. Так, улыбка жизни, мир глазами Тиар...

Солнечный диск взлетел. Цветные огни погасли; теперь это были просто капли влаги, которые скоро высохнут, сожранные лучами. Мимо сидящих на обочине Игара и Тиар проскрипела первая телега, и возница покосился мрачно и с недоумением.

— Вот и все, — сказала Тиар, и Игар понял вдруг, что она счастлива. — Вот и все, Игар... И больше ничего не надо. А теперь можешь продавать меня... Хоть в балаган.

— Нет, — он вдруг почувствовал себя вором, которого застали на месте преступления. — Нет, что ты... Нет...

— А зачем же я тебе нужна? — удивилась Тиар. — Ты искал меня... Но не надо говорить. Дай я посмотрю... на шмелей.

— Я искал тебя, потому что ты Тиар! — Ее рассеянная небрежность почему-то страшно его задела. — Какая бы ты ни была... Ты Тиар!

— Или Диар, — отозвалась она беспечно, — или Деор... Имя мне придумали. Придумали, потому что я свое собственное — забыла, да...

Он почувствовал, как кровь отливает от щек.

— Но... нет! У тебя... родимое пятно на лопатке, как ромб!

Она обернулась. Глаза ее были огромные — и совсем черные, как деготь.

— Я не хотел тебя обидеть, — пролепетал он жалобно. — Тиар... Я не хотел...

Она вдруг улыбнулась. Так могла бы улыбнуться королева, одаривая милостью своего смиренного подданного:

— А... ты посмотри. Подними кофту и посмотри...

Она повернула голову. Совершенно царственным жестом; в какую-то секунду ему померещилось, что диск солнца — монета, на которой вычеканен ее гордый профиль.

От города бежали, размахивая суковатыми палицами, два старика с головами, одинаково повязанными шарфом. Один был чуть ниже — а в общем, совершенно одинаковые.

— Прости, — прошептал он униженно.

Ее одежда путалась у него под руками. Под кофтой была сорочка, чистая, даже, кажется, накрахмаленная, но единственный крючок зацепился за что-то и не желал отпускать...

Старики бежали, и идущие по тракту люди в ужасе шарахались от палок и грязных, захлебывающихся ругательств; Игар мельком подумал, что это они крахмалят ей сорочку. Каждый день?..

Крючок оторвался.

Узкая, как лезвие, белая спина с рядом острых выступающих позвонков. Он провел по ним ладонью — чуть касаясь, прося прощения...

И поднял сорочку выше.

Обе лопатки ее были чистые. Обтянутые молочно-белой, какой-то даже голубой холодной кожей.

* * *

Удивительно, но Илаза ждала прихода сумерек. Ждала появления убийцы; сидела, прислонившись спиной к широкому стволу, жевала травинку и смотрела, как опускается солнце. ТОТ появлялся, как правило, еще засветло, в нехороший час, когда у многих неспокойно на душе — между уходом дня и приходом вечера. На грани. В сумерках, одним словом. Илаза ждала.

Она оглядывалась и прислушивалась — и все равно появление тени застало ее врасплох. Привычный испуг, мороз по коже; усилием воли она взяла себя в руки. Подняла глаза. Попросила серьезно:

— Можно... поговорить? С вами?

Чуть заметное сотрясение веток. Хорошо, что она не видит собеседника. Она боится его увидеть. Его присутствие и так слишком ощутимо.

— Я... вы знаете, я чем угодно готова поклясться, что больше не убегу. То есть не попытаюсь...

Она запнулась. С кем она беседует? С говорящим пауком?!

— Я... дождусь Игара. Игар удачлив. Он все сделает, как обещал. Я не буду больше бегать, драться... Я только хочу попросить.

Она замолчала. Тишина. А вдруг все это время она разговаривала со случайной белкой?!

Она поднялась. Огляделась, сделала несколько неуверенных шагов:

— Вы... здесь? Вы слышите?

— Конечно, — негромко сказали у нее за спиной, и сердце бухнуло, как обернутый мешковиной молот. — Не бойся... Я запугал тебя. Больше не буду. Все.

Она улыбнулась — жалобно и недоверчиво:

— Я... хотела попросить.

Слова просьбы приготовлены были заранее. Доведя до конца всю красивую длинную фразу, Илаза снова улыбнулась — с тру-

дом. Зачем себя насиловать, если он за спиной, то все равно не видит ее улыбок... а видит, так не понимает... а губы трескаются и болят...

— Нельзя, — серьезно отозвалось переплетение ветвей.

Она почему-то ждала, что он не откажет. Улыбка прилипла к ее губам, сделавшись совсем уж нелепой:

— А... почему?..

В темнеющих кронах тихонько треснул сучок. Вряд ли он сломал его случайно — скорее всего, щелкнул специально для Илазы, чтобы обозначить свое теперешнее местоположение.

— Ты видела курильщиков «рыбьей гривы»?

Илаза вспомнила. «Рыбью гриву» курила старая экономка, давно, еще в Илазином детстве. У нее были странные, будто подернутые пеленой глаза; девочка ее опасалась. На кухне говорили, будто у экономки гниют мозги и скоро полезут из ушей. Илаза боялась — и все же с нетерпением ждала этого момента; к сожалению, экономку выгнали прежде, чем мозги ее догнили окончательно...

А еще на базаре. Там они сидят в особом ряду, с трубками до пупка, серолицые, дурно пахнущие...

— Хочешь быть, как они?

— Нет, — ответила Илаза, прежде чем даже подумать.

— Потому нельзя. Я понимаю, что тебе было хорошо, когда я тебя ужалил... Но каждый день нельзя. Учись радоваться жизни просто так, без моей помощи... Небо светлое, ручей чистый... Еды вроде хватает...

— Что ж тут радостного, — прошептала Илаза чуть слышно. Несколько минут прошло в молчании; потом ее вдруг осенило: — А вы откуда знаете про курильщиков «рыбьей гривы»?!

Она тут же испуганно осеклась. С кем она все-таки говорит?!

Над ее головой тихонько скрипнул смешок:

— Не бойся...

— Вы что... человек?

— Нет. Ты разве не заметила?

Она присела. В последних словах ей померещилась угроза.

— Так. А тебе интересно, кто я?..

Илаза молчала. Странно и дико. Разговор в лесу с кровососущим страшилищем. «Кто?» — да паук же, огромный паук... Будто возможны в мире такие твари...

Она вспомнила расправу с отрядом, посланным ее матерью. Эти опутанные паутиной тела... А она ведь терпеть не могла рыжего Карена. За то, что ее мать... Все знали и делали вид, что так и надо. А Карен смеялся над ее, Илазы, злостью. А теперь тело Карена заброшено далеко в лесу — и даже не похоронено...

Она подняла голову. Из-за ветвей звезды Хота не разглядеть;

даже если вообразить, что когда-нибудь она выберется отсюда — прежней Илазой она уже не будет никогда. И не увидит мир таким, как раньше.

Она закрыла глаза:

— Я боюсь, что вы убьете меня не сразу. Они... умирали... плохо.

Молчание. Шелест листьев. Долгая, долгая пауза.

— Но ты ведь сама говорила — Игар удачлив? И сделает все, как обещал?.. Ты уйдешь с ним, а мне останется...

— Тиар? Да?

Тихий скрежет, но это уже не смех. От такого — волосы дыбом...

— Да. Тиар.

Она устало вытянула ноги. Ее платье изорвалось, оно больше не светлое, нет — темно-серым стало ее подвенечное платье. Сгодится и на траур.

— Тиар ведь точно человек? Женщина? Зачем... она?

Темнота не отвечала. Илаза сгорбилась, подтянула колени к подбородку:

— На свете есть болезни... моры... голод, разбойники... Тиар, может быть, умерла. Игар... он... — Ей вдруг сделалось страшнее, чем прежде. Она впервые серьезно подумала о том, какие испытания ожидают Игара на его отчаянном пути. — Игар... сделает все, что может сделать человек. Но если и его... — Илаза хотела сказать «убьют», но слово не пошло с языка. Избави от таких предположений. Нельзя раньше времени беду кликать...

— ...если Игар не успеет, — закончила она твердо. — Вы могли бы убить меня... небольно?

Скрипучая усмешка. Сотрясение веток. Сверху сорвался листок и опустился Илазе на колени:

— Рановато сдаешься. Маловато веришь... Пойди посмотри на звезду. И пожелай ему удачи. Я тоже жду. Я очень жду. Он придет.

ГЛАВА 5

Указатель дорог похож на ежа. На сухой цветок, растопыривший листья-колючки; под указателем хорошо сидеть, привалившись спиной к старому столбу, и думать о жизни.

Потому что жизнь здорово похожа на указатель, мирно поскрипывающий над твоей головой. Вот ты свернул направо; вот другой-ты остановился, размышляя, и тоже свернул направо, но отстал от первого-тебя, а другой-другой-ты тем временем шел, никуда не сворачивая, и вот они расходятся все дальше и дальше, твои

дороги, а ты беспомощно мечешься, пытаясь из множества других-себя выловить себя-настоящего...

Игар закрыл глаза. Солнце напекло голову, оттого и множится в глазах, оттого и дробятся дороги... Потому что провинция Ррок на самом деле необозрима. Муравей ползает по огромному голому столу в поисках одной-единственной крошки, и будет ползать долго, всю муравьиную жизнь... А если стол не гладкий? Если это стол, оставленный после роскошного пиршества, заваленный обглоданными костями, залитый соусом и вином?!

...Теперь он может признаться себе, что в этом его, муравья, счастье. Провинция Ррок слишком, слишком велика, в ней слишком много женщин; можно не думать о том, как придется с ней, единственной, поступать. Как тащить живого, ни в чем не повинного человека на плаху. Неповинного, потому что трудно вообразить вину молодой женщины перед лесным чудовищем, кровососом в серой паутине...

Пенка, которую он привык называть Тиар. Заноза, засевшая в сердце до конца его дней... Правда, дней этих осталось всего ничего. Потому что звезда Хота скоро опустится за горизонт.

Самообман. Он не палач по призванию; он даже по принуждению не очень-то палач. Спроси того парня, торговца платками, — он опровергнет, он будет доказывать обратное; спроси лже-Тиар по прозвищу Пенка — она объяснит доходчиво и просто. Спросить бы Отца-Служителя — тот начнет туманно растолковывать про завещание Святой Птицы, про ее золотой чертог, куда не войти преступнику... А ему, Игару, и на чертог уже плевать. Он нанялся бы в подмастерья к настоящему палачу — потому как без этого его умения погибнет Илаза.

Проскрипела мимо груженная мешками телега. Возница катил, не сверяясь с указателем — местный, видимо, давно дорогу знает...

Потом показался странник. Настоящий, в плаще до земли и с посохом; Игар мимоходом усмехнулся. Плащ такой длины путается и пачкается, посох бесполезен, если только не отбиваться им от собак... А собаки в этих местах какие-то мелкие и смирные, так что таскает наш странник свою палку для того только, чтобы быть похожим на скитальцев, какими рисуют их на лубочных картинках...

Странник остановился. Покосился на Игара, подошел к указателю, долго шевелил губами, разбирая темные, в дорожках древоточцев буквы.

— На Олок... На Требур... А... Мокрый Лес... туда?

Игар не сразу понял, что вопрос обращен к нему. Кивнул утвердительно — на самом деле, кто его знает, где этот Мокрый Лес, туда ли указывает широкая грязная ручища с занозами от плохо

шлифованного посоха. Странникам свойственно бродить — вот пусть и бродит себе, зачем ему Мокрый Лес...

Длинный нос под капюшоном смешно сморщился.

— Я это... Скит там, возле Мокрого Леса, Гнездо, точно ведь?

В душе Игара что-то тихонько и неприятно сжалось. Царапнуло, как железом о стекло: скит...

Странник топтался. Это был очень словоохотливый странник; ежели болтлив, то сиди дома, точи лясы перед воротами, а дорога в одиночестве располагает к молчанию и, так сказать, углубленному созерцанию себя... Впрочем, кое для кого долгое молчание равносильно воздержанию от естественных надобностей. Игар криво усмехнулся — странник нашел собеседника, праздно восседающего под дорожным столбом, и сейчас справит нужду... Выговорится то есть.

— Я, — странник мигнул, перебрасывая посох из руки в руку, — я это, в скит... в Гнездо иду. Насоветовали мне... у Святой Птицы правды спросить. Дочка моя, вишь, от рук отбилась, нашла себе бродяжку какого-то... Ни рожи, ни звания... И, говорит, ежели не сочетаете нас, удерем, говорит, к Алтарю... Что тут делать, из этих, что к Алтарю прутся, половина сгинывает без следа... А женишок-то, тьфу... Хочу вот дочку в скит отдать на время — пусть образумится малехо...

Игар отвернулся. Странник как-то сразу сделался ему неприятен; пусть замолчит. Ему, Игару, нужна тишина, чтобы вспомнить как следует те счастливые два месяца, на которые Илазина мать отдала дочурку в Гнездо — тоже, мол, чтобы образумилась...

Не то чтобы им было так уж легко встречаться — однако ему казалось, что он всюду ощущает на себе ее взгляд. Когда занимался повседневной работой, когда рылся в старых манускриптах, когда внимал урокам Отца-Разбивателя... Тот, бедняга, нарадоваться не мог на послушника, внезапно воспарившего в сложном искусстве «когтей и клюва». Игар не выдыхался, часами танцуя с маленьким изогнутым «когтем» в одной руке и длинным колючим «клювом» в другой, закручиваясь спиралью, то и дело нанизывая на клинок собственную ускользающую тень; ему мерещились блестящие Илазины глаза в темной щели окна-бойницы.

...И только пред лицом Птицы Игар забывал о взгляде Илазы. Наедине с Птицей он принадлежал одной только Птице; возможно, понял он потом, Илаза ревновала. И победила в конце концов, ибо ради нее, возлюбленной, он отправился на поклон Алтарю и снял, оставил в траве храмовый знак...

— ...Так до вечера думаю и добраться. — Странник снова мигнул. Веки у него оказались желтыми, как черепашье брюхо.

Игар кивнул — неохотно, так что заболели шейные позвонки. Странник мигнул в последний раз — и пошел прочь, подметая дорогу полами плаща. Игару захотелось наступить на край ткани, чтобы услышать треск и возмущенный возглас.

Он поднялся, принуждая затекшее тело, как погонщик принуждает упрямого осла. Поглядел вслед страннику; повернул в противоположном направлении, радуясь, что удалось обмануть судьбу и упростить выбор. Теперь он может, по крайней мере, объяснить себе, почему выбрал эту дорогу, а не другую. Хотя судьбе, как правило, ничего не объяснишь...

Игар успел скрыться за жиденьким леском, когда с той стороны, откуда он явился сегодня утром, на перекресток вылетел вооруженный отряд.

Их было семеро; ни на кожаных куртках, ни на высоких шляпах с обвислыми полями не замечалось знаков различия, хотя опытный глаз ни в коем случае не принял бы всадников за случайных попутчиков, отправляющихся в город по делам и на всякий случай прихвативших каждый по сабле. Предводитель отряда опять-таки ничем не выделялся внешне, однако именно к нему обернулись все головы, когда кавалькада остановилась у самого дорожного столба.

Вдалеке еще маячила фигура в длинном плаще и с посохом; не теряя времени, предводитель отдал короткий приказ, и восемь лошадей (восьмая — запасная) что есть духу устремились страннику вдогонку.

Странник обернулся. На замурзаном лице его отразился испуг, он поспешно посторонился, чтобы дать отряду дорогу; в следующую секунду в его глазах померк свет.

Игар шагал своей дорогой — и потому не видел, какими свирепыми и удовлетворенными сделались лица всадников. Он не видел, как предводитель жестом велел подвести пленника поближе, как странник, чьи ноги заплетались от основательного удара по голове, предстал пред его довольными очами и как довольство в этих самых очах постепенно сменилось раздражением и яростью:

— Бараны! Это ж старый хрыч, а то сопляк должен быть!..

Игар не видел, как странник, потерявший к тому времени и плащ и посох, возится в канаве на обочине, благодаря Святую Птицу за счастье оставаться живым, и с трепетом вслушивается в затихающий вдали стук копыт.

Игар шел, тащился, волоча ноги, и на душе его было скверно.

Слово «Гнездо», неоднократно произнесенное странником, не желало уходить из мыслей, оно повторялось, как эхо в запертом ущелье, то усиливаясь, то угасая; сквозь пыльный пырей, затопивший обочины, проступали укоризненные глаза Птицы. Птица — простит... Здешний скит — другой скит. Не тот, чье самолюбие навеки уязвлено поступком послушника Игара; другое Гнездо, живущее по тем же законам, но и Отец-Вышестоятель другой, и Дознаватель... И послушники все незнакомые. И Отец-Служитель не станет поглядывать на Игара с тем выражением, которое так часто заставляло его краснеть и бояться. Скит — единственное место, где он может рассказать все. Гнездо — убежище, где можно спрятаться. В том числе и от себя...

Потому что он побежден. Он не умеет расплатиться за жизнь Илазы жизнью другого человека — и не успеет уже научиться...

Игар брел по пояс в траве; дорога осталась за спиной, а он не заметил, когда свернул с нее. Невыносимо тянуть эту ношу в одиночку. Почему он раньше не подумал о Птице?! Боялся, считал себя отверженным... Но Птица — простит. А скит пусть наказывает, Игар безропотно примет все, хуже, чем есть, все равно не будет...

Он споткнулся, и упал, и не стал подниматься. Перед его глазами спаривались в дебрях травы два красно-черных продолговатых жучка; он целомудренно отвернулся, вдыхая запах земли и жизни. Как хорошо. Есть нора, в которую он забьется. Глубоко-глубоко... Дабат.

По невидимой отсюда дороге требовательно простучали лошадиные копыта. Неизвестный отряд спешил туда, куда он, Игар, уже никогда не попадет.

* * *

Учитель хвалил ее все чаще; вместо соломинки из угла его рта теперь постоянно выглядывала белая тыквенная семечка. Девочка научилась читать легко и без запинки — вместо азбуки ей вручили потрепанную книжку с историями, в которых звери говорили, а люди вели себя, как дурачки. Она смеялась, читая; в такие минуты Лиль поглядывала на нее в замешательстве. Лиль непонятно было, что смешного можно увидеть на белом, испещренном значками листе.

Мальчишки упросили Большую Фа, и теперь после уроков им было позволено ходить на замерзший пруд под присмотром веселой чернобровой служанки; Лиль долго сопела, канючила и хныкала, пока наконец и ей разрешили то же самое.

Девочку Большая Фа и слушать не стала. Ни без присмотра, ни под присмотром — путь со двора был заказан. И уж тем более не могло идти речи ни о каком пруде.

Книжка со смешными историями перестала ее радовать. Мальчишки собирались на пруд, хвалились друг перед другом деревянными, с железными полозьями «скользунами» — их полагалось

привязывать к ногам и так скользить по льду. Счастливый Кари был единоличным обладателем старого треснувшего корыта — в нем катались с горы, и за право прокатиться Лиль платила малышу ленточками, стеклышками, старыми пряжками от башмаков; девочка хмуро думала, что эдак многочисленные тайники Лиль скоро оскудеют, не доживут до весны. Сама она могла лишь бродить по двору, бросать снежки в намалеванную на заборе мишень и вертеться под ногами у вечно занятых, озабоченных взрослых.

Потом Йар простудился — мать его, обнаружив нос сына мокрым и опухшим, без разговоров отобрала у ноющего парня и шубу, и шапку. Йаровы скользуны остались без присмотра; когда мальчишки и Лиль ушли на пруд, девочка залезла под крыльцо, где хранилось обычно все Йарово имущество, и вытащила сокровище наружу.

Скользуны пришлись ей по ноге. Ну точь-в-точь. Будто Йаров отец выстругивал их, примеряя к ее сапожку.

Целый день она неуклюже скользила по утоптанному снегу двора — однако перед возвращением детей смутилась и спрятала Йаровы скользуны туда, где они перед тем и лежали — под крыльцо. И с тоской подумала, что назавтра Йар, конечно же, выздоровеет...

Йар действительно чихал уже реже — однако мать его, с помощью мучительной процедуры заглянувшая сыну в горло, никуда не пустила его и на протесты ответила подзатыльником.

Лиль и мальчишки ушли; девочка почувствовала, как изнутри ее просыпается некое жгучее, неостановимое желание. Растет и распирает, и кажется, что умрешь, если не сделаешь, если не решишься...

Днем калитку не запирали. Взрослые заняты были делами кто на кухне, кто в сарае, кто в мастерской; сунув Йаровы скользуны под мышку, девочка пробралась в узенькую, робкую, еле приоткрывшуюся щель.

За воротами сияло солнце.

Девочка поразилась, почему там, во дворе, она этого не замечала; снег горел, сиял, разлегался от горизонта до горизонта, у пруда черным кружевом сплелись голые ветки трех высоких берез, и оттуда слышались визг, и смех, и крики, и хохот, и захлебывающиеся голоса...

Она прищурилась. Закрыла лицо ладонью; на мгновение закружилась голова, но девочка справилась с собой. Скользуны под мышкой, и кажется, что обитые железом полозья зудят. Невыносимое чувство...

Она побежала. Закричала что-то веселое и глупое, просто так, зная, что ее никто не слышит; со склонов к пруду катились корыта, и крышки от бочек, и даже маленькие деревянные санки — на девочку, в восторге остановившуюся поодаль, никто не обратил внимания.

Тогда она разогналась — и, подобно большинству вопящих ребятишек, ринулась вниз на собственном заду.

На льду оказалось холодно и твердо; среди множества вопящих ребятишек взгляд ее сразу же разыскал братьев и Лиль. Вики катался легко, умело, с форсом; маленький Кари косолапил, широко расставив короткие ноги в огромных сапогах, а Лиль носилась на одном скользуне, и за ней на веревке волочилось по льду то самое знаменитое корыто. Когда Лиль резко тормозила, корыто со всего разгону поддавало ей под коленки, и наездница одним лишь чудом удерживалась на ногах.

Девочка отошла в сторонку и приладила к сапогам скользуны; на льду оказалось гораздо труднее удерживать равновесие, она несколько раз грохнулась, больно ударившись коленками — но зуд в обитых железом полозьях не утихал, и вот она уже стоит, балансируя руками, а вот шаг, первый шаг, и лед ослепительно блестит, и кажется почему-то вкусным, и хочется лизнуть его языком...

Со стороны она, наверное, выглядела неуклюже. Она падала через каждые три шага — но ей казалось, что она птица и парит над озерной гладью. Пруд лежал под солнцем, как круглая блестящая тарелка с черной щербинкой полыньи; ребятишки катались по ледяной тарелке, как горох, и девочка, перемазанная снегом, оглушенная смехом и гамом, смеялась тоже. Уже получается, уже выходит, быстрее, еще быстрее...

Потом к ней подкатил краснощекий Вики с глазами, как круглые сливы.

— Ты что, сбежала?!

Она не могла понять, чего больше в его голосе — возмущения или уважения. В своей ушастой шапке он показался ей похожим на снежного зайца; она не выдержала и рассмеялась, и он, против ожидания, улыбнулся в ответ:

— А хочешь на корыте?..

Кари не стал требовать платы; проваливаясь скользунами в снег, девочка снова взобралась на высокий берег, и Вики, подтягивающий на веревке треснувшее корыто, насмешливо прищурился:

— А не забоишься? Не напачкаешь с перепугу, а?

Она молча мотнула головой; полы шубы наполнили корыто доверху, оно сразу сделалось тяжелым и неповоротливым, но Вики и Лиль подтолкнули сзади — и девочка почувствовала, как корыто переваливается через кромку, через поребрик, отделяющий равнину от горы...

Весь ветер мира кинулся ей в лицо и забил дыхание, но она все

равно не стала бы дышать — у нее замерло сердце. Она неслась сквозь зимний день, как пущенная стрела, и черные фигуры ребятишек размазывались в движении, и размазывался белый горящий снег, а впереди маячило черное, неслось, приближалось...

— Повора-а-а!! Полынья-а-а!!

Корыто подпрыгнуло. Вылетело на лед, завертелось волчком; рядом мелькнула черная, незамерзшая поверхность воды: родник. Тонкий лед на окраинах полыньи казался прозрачным, совсем уж сахарным; днище корыта скрежетнуло о твердое, у девочки закружилась голова, а потом вдруг оказалось, что корыто стоит у самого противоположного берега, детишки вопят и катаются, как прежде, щеки ее саднят и горят, но зато она снова может дышать...

Вики, странно бледный, без шапки, схватил ее за плечи:

— Ты что?! Ты чего?! Управлять же надо, ты же в полынью...

Пошатываясь, как пьяная, девочка выбралась из корыта.

Они все сгрудились вокруг — Вики, Кари, Лиль; все говорили одновременно, а она только счастливо улыбалась, удивленно глядя на опрокинутое корыто и все еще переживая восторг свободного снежного падения.

Потом ее грубо схватили за плечо.

Большая Фа заслонила собой полмира. Ее маленькие глаза глубоко утонули в провалах под лысыми бровями; тонкие губы тряслись, и с первым же словом, сорвавшимся с них, девочкин полет окончился.

Тяжелая рука отбросила ее голову так, что чуть не порвалась шея; и еще пощечина, и еще, и слезы, хлынувшие сами собой, перемешались с красной, капающей на снег кровью.

— Мерзавка!..

Жалобно заплакала Лиль. Что-то сбивчиво объяснял Вики; девочку уже волокли за руку, волокли прочь от любопытствующих, удивленных, испуганных глаз. Кровь капала, тут же теряясь в снегу, и волочилось на веревке надтреснутое корыто.

...Посреди двора горел костер.

Кари, без слез встречавший розгу, плакал навзрыд; Йар не вышел из дому, Вики стоял, втянув голову в плечи, а Лиль смотрела в сторону, будто происходящее ее вовсе не касалось.

На костре жгли корыто. Жгли вместе с заветными скользунами и несколькими подвернувшимися под руку ненужными тряпками; Большая Фа возвышалась над костром, бесстрастная, как палач.

Девочка смотрела, и слезы в ее глазах были горячими и злыми:

— Погодите... Вот вернется Аальмар... Вот он вернется, я ему расскажу... Он всем вам покажет... Пусть только вернется...

— Дура ты, — грубо сказала чернобровая служанка. — Да еже-

ли б ты утонула?! Что бы тогда господин Аальмар нам всем показал, а?..

Девочка отвернулась. Она ненавидела Большую Фа так истово, что на отповедь служанке уже не хватало сил.

* * *

— ...Так в чем же именно, конкретно ты раскаиваешься? Выскажи четко и ясно — нам будет легче разговаривать...

Скит, в котором вырос Игар, был меньше. Меньше и как-то тусклее; он понял это, проходя длинным, как улица, коридором, стены которого были сплошь покрыты чеканными лицами — так Гнездо увековечивало память тех, кто на протяжении столетий служил Птице в этих стенах. Лица вовсе не походили на парадные портреты; это были слишком живые, слишком выразительные лица, Игар с ужасом вообразил, что идет по коридору в молчаливой толпе, и множество достойных, уважаемых людей смотрят на него с брезгливым снисхождением.

В том Гнезде, где прошли его детство и юность, был коротенький коридор с изваянными из гипса барельефами. Со временем его глаз так привык к ним, что перестал замечать — как рисунок древесного среза на полу, как тонкую решетку на круглом окне, как родинку на подбородке Отца-Вышестоятеля...

Здешний Отец-Дознаватель был куда моложе того, что когда-то принимал Игара в скит. Ему не было, пожалуй, и сорока; с первого взгляда Игар решил с облегчением, что этот человек куда мягче и покладистее, чем это принято в его должности.

Теперь он все глубже понимал свою ошибку. Тот, прежний Дознаватель был просто ласковым добряком. Если, конечно, сравнивать с человеком, который сидел сейчас перед Игаром в высоком резном кресле.

Собственный Игаров зад помещался на самом краешке точно такого же кресла, удобного и располагающего; вот только сиделось-то как на иголках. Лучше бы встать.

— Итак, в чем?..

— Во всем, — сказал Игар быстро. И низко опустил голову, чтобы раскаяние его выглядело более искренним.

Отец-Дознаватель коротко вздохнул:

— Я предупреждал тебя в самом начале разговора... Постарайся поменьше лгать. Как можно меньше, если уж совсем не можешь... воздержаться... Итак?..

Игар молчал.

Наверное, следовало сказать, что он раскаивается в том, что предпочел благородному служению Птице обыкновенную женщи-

ну. Особое раскаяние вызвано способом, каким это его предпочтение осуществилось: Алтарь, как известно, дарован не Птицей и служит не ей. Алтарь не приемлет иных святынь, кроме любви и девственности, не терпит чужих амулетов и не подчиняется ничьим законам; Алтарь в этом мире сам по себе. Итак, Игар изменил Птице, сбежал из скита и сбросил перед обрядом храмовый знак...

Во всем этом следует каяться в первую очередь — а вот раскаяния нет. Что не уберег Илазу — наизнанку готов вывернуться от горя и стыда. Что врал безногой Пенке... Что ободрал, как липку, этого несчастного торговца платками — как угодно готов искупить... Вряд ли Отец-Дознаватель это поймет.

Он молчал, потому как врать было бессмысленно и опасно.

Отец-Дознаватель покрутил между пальцами шарик ароматной смолы; сунул за щеку, удовлетворенно прищурился:

— Собственно, самая страшная кара, которую я готов к тебе применить — это выставить обратно на дорогу, откуда ты и пришел... Вряд ли ты этого хочешь. Но и хуже, чем было, тоже ведь не будет, правда?

Игар молчал по-прежнему. Когда рыбку жарят попеременно на двух сковородках, ей тоже, вероятно, кажется, что лучшая из сковородок та, на которой ее, рыбки, сейчас нет...

— Все послушники время от времени испытывают необходимость сбежать, — задумчиво сообщил Отец-Дознаватель. — Другое дело, что я... в нашем ските до этого не доходит. Либо ты имеешь счастье служить Птице и принимаешь на себя связанную с этим ответственность — либо нет... Вот так и с тобой. Ты... изначально крученый, с изъянчиком. Ты и сейчас не сказал мне всего. Я мог бы узнать это «все», да чего там, просто выпотрошить тебя, как белку... Но я и без этого прекрасно понимаю главную твою беду. Ты неожиданно обнаружил, что сам справиться со своей судьбой не в состоянии, что мир велик, на дорогах холодно и грязно, что ножи режут, а пики колют, что тебе кого-то очень жаль, но помочь ты не можешь, а в это время практически никому не жаль тебя... И твоей душе неприятно и жестко, потому что ты наделен совестью, а возможностью жить с ней в согласии — не наделен... И тогда ты вспоминаешь, что единственное существо, которое от тебя ничего не потребует, — Святая Птица... И ты идешь к ней не потому, что раскаялся, а потому, что отчаялся. А это уж очень разные вещи, Игар. Думаю, что я не пущу тебя к Птице.

Игар поднял голову. В глазах Дознавателя не было ни намека на сочувствие. Ни тени.

— Почему бы Птице не решить самой? — спросил он глухо, потому что горло его сжалось, и не от слез, а скорее от ярости. — Она всегда относилась ко мне... снисходительно...

Он понял, что употребил неверное слово, но возвращаться назад было поздно. Дознаватель приподнял уголки рта:

— Снисходительно...

В тоне его скользнула сложная, едва заметная издевка; Игар не выдержал и втянул голову в плечи. Зря он свернул с дороги, чтобы постучаться в эти ворота. Напрасно.

В дверь поскреблись. Вошедший был послушник, чуть старше Игара, в шегольской шерстяной курточке и с ученическим «когтем» у пояса:

— Отец-Дознаватель... Отец-Вышестоятель велел на словах передать, что те семеро всадников, которые непочтительно стучатся у ворот... Что он просит вас рассмотреть их желания и поступить сообразно с...сообразно.

Послушник сбился, покраснел и поклонился. Игар ощутил вдруг холод, ледяной всплеск, зародившийся где-то в желудке и мгновенно охвативший его целиком; он понятия не имел, зачем у ворот скита оказались семеро непочтительных всадников — однако тело его знало, вероятно, больше.

Отец-Дознаватель тоже знал больше. Изучив в деталях склоненную макушку вестника, он перевел тяжелый взгляд на собеседника в кресле напротив:

— Кто это, Игар?

— Не знаю, — выдавил тот, и вполне честно.

Отец-Дознаватель вздохнул:

— Что ж... Попробуем еще раз: кто это?

Лицо его вдруг заполнило собой всю комнату, а глаза, как два зубастых крота, ввинтились Игару в душу.

— Не... — Игар отпрянул, заслоняясь рукой, — сам...

— Да кто тебя трогает, — Дознаватель отвернулся с напускным равнодушием. — Ну?

— ...Кто угодно. — Игар почему-то с ненавистью посмотрел на парнишку-посланца, на «коготь» у его пояса; там, где он вырос, послушникам не разрешалось ходить с оружием вне занятий Отца-Разбивателя. — Это может быть кто угодно... все они...

Он не стал уточнять, кто такие эти «все». Предполагалось, что Дознаватель сам догадается, какую участь готовят Игару эти всадники у ворот. И поступит, по выражению послушника-гонца, совершенно «сообразно»...

Дознаватель прикрыл глаза:

— Понимаю. Укрывшись в этих стенах, ты бежал не столько от мук воспаленной совести, сколько от кулаков, кинжалов и веревок. Ты решил, что кара, наложенная на подраненного птенца его великодушными отцами, окажется куда мягче, нежели месть большого мира... который гонится за тобой по пятам. Так?

Игар поднялся. Мышцы его ныли — вероятно, предчувствуя скорое свидание с кулаками, кинжалами и веревками.

— Не так, — сказал он через силу. — Но теперь все равно... Мне можно идти?

Послушник с «когтем» смотрел на него во все глаза. Интересно, подумал Игар, как я в этих глазах выгляжу. Приблудный сумасшедший, осквернённый птенец, здорово пощипанный десятками кошек. Не слушай своего норова, мальчик, — никогда не попадешь в такую переделку. Святая Птица сохранит.

Дознаватель потянулся совершенно домашним, ленивым, не соответствующим чину движением; легко поднялся:

— Что ж... Пойдем, Игар.

Послушник у двери почтительно шарахнулся; Дознаватель пропустил Игара перед собой, в темноте коридора оказался еще кто-то, почтительно склоненный и страшно любопытный — но Игар не смотрел по сторонам. Изнутри строение походило не на гнездо, а скорее на муравейник, — такие же частые, узкие, низкие ходы, коридоры, повороты... Игар ждал, что Отец-Дознаватель велит послушнику выпроводить его — но потом понял, что тот желает проследить сам. Собственноручно убедиться, что кукушонок покинул Гнездо. Дабат.

Он втянул голову в плечи. Как-то не хотелось думать о Перчатке Правды — а ведь как раз с ним-то встреча наиболее вероятна... Потому что как раз Илазина матушка имеет к Игару наибольшие претензии. И как раз она менее всего склонна прощать.

У приоткрытых ворот стоял, рассеянно озираясь, невысокий человек весьма преклонных лет, с двумя «когтями» на обоих боках, седой щетиной вокруг обширной лысины и шелковыми «крыльями», расслабленно подрагивавшими на ветру; всякий, хоть понаслышке знакомый с бытом Гнезда, немедленно опознал бы в нем Отца-Разбивателя. Больше у ворот не было ни души; Игар хмуро подумал, что дисциплина в Гнезде вполне «сообразна». В том скиту, где он вырос, в такой ситуации под воротами давно собралась бы стая послушников.

Ему было холодно. Он постепенно замерзал, следуя коридорами в сопровождении Дознавателя, — а теперь его просто колотил озноб, и все время хотелось обхватить руками плечи, чтобы хоть чуточку согреться.

В щель между створками ворот заглядывали хмурые, настороженные лица; появление Игара отразилось на них свирепой радостью. Чаще зафыркали, замотали головами злые, раздраженные ожиданием кони.

— Этот! — удовлетворено сообщили из-за ворот. — Отцы-то, гля, сами сообразили, что к чему... Ну и нюх, так твою в растребку... — Непочтительные всадники бранились через слово, но не злобно, а скорее удовлетворенно, с некой живодерской радостью.

— ...За сопляком копыта сбивать...

— Сюда, что стал!.. Открывай, открывай... — В ухе белокурого, с тонкими губами всадника поблескивала медная серьга; рука в перчатке лежала на рукояти хлыста.

У Игара заныла спина. Он оглянулся на Дознавателя — просто так, без надежды; Дознаватель глядел в небеса — задумчиво, отрешенно, будто барышня на первом свидании.

— Ну да, это за мной, — сказал Игар, хотя надобности в этих словах не было никакой — все и так прекрасно понимали. Отец-Разбиватель почесал лысину, оставив на ней пять красных полосок, и будто случайно подтолкнул створку ворот носком сапога. От этого чуть заметного прикосновения тяжелая створка вздрогнула и приоткрылась еще; щель раздалась как раз настолько, чтобы пропустить худощавого парнишку вроде Игара.

Ему сделалось тошно. Страшно до тошноты; на широкий лопух под забором опустилась зеленая муха — именно такая, как те, что изумрудно поблескивают на раскрытых глазах покойников. Глядя на муху, Игар понял вдруг, что по своей воле за ворота не выйдет. Пусть его тянут, толкают, выволакивают... Пусть запятнаются, чего там... Гнездо, в котором он вырос, уже предавало его — холодным молчанием Отца-Вышестоятеля... Если птенец вывалился на дорогу — Гнездо не поможет ему. Гнездо не примет его, источающего чужой запах, грязного и подраненного...

— Это за мной, — услышал он собственный голос, странно спокойный и почти безмятежный. — Да...

Шаг. Круглый лошадиный глаз без сострадания; еще шаг. За воротами деловито разматывали веревку; вот и все.

— Одну минуту, — негромко сказали у него за спиной, и он замер, а останавливаться ни в коем случае нельзя было, потому что мужество сейчас его оставит.

— Одну минуту, Игар... Ты стал бы выбирать между... своей неудовлетворенной совестью и постоянством Птицы?

Игар не вполне понял. Он не был сейчас готов к отвлеченным рассуждениям, и слова Дознавателя скользнули мимо его разума — однако в интонации отца он уловил нечто внушавшее надежду.

Он обернулся. Дознаватель смотрел прямо на него, и в его глазах не оставалось ни следа былой рассеянности:

— Если ты приходишь к Птице, то... приходишь весь. Без остатка. Сейчас. Понимаешь?

Игар понимал сейчас единственную и очень простую вещь: за воротами топчется в ожидании его долгая, мучительная смерть. Остальное... Птица поймет и простит.

Он медленно кивнул:

— Прихожу... весь. Без остатка. Сейчас.

Лицо Дознавателя расплылось перед глазами, заняло собой полнеба, откуда-то со стороны послышался тягучий, удивленный голос:

— Ну ты и крученый... и крученый...

— Это правда! — выкрикнул Игар.

И это стало правдой.

Он разом успокоился. На смену мучениям и метаниям пришло ясное, спокойное осознание истины: Илазу не спасти. В любом случае не спасти; можно совершить еще тысячу ошибок и сделать несчастными тысячу людей, но лучше принять мир таким, каков он есть. И спокойно посмотреть в глаза Птице.

— Хорошо, — сказал Отец-Дознаватель, и лицо его было уже обыкновенным лицом нестарого, уверенного, склонного к сарказму человека. — Теперь вполне хорошо... Дабат.

Отец-Разбиватель, все это время созерцавший синее небо, мягко взял Игара за плечо и оттолкнул в глубь двора. За воротами рыкнули сразу несколько голосов — раздраженно, нетерпеливо.

— Промашечка, господа хорошие, — приветливо сообщил им Отец-Разбиватель. — Парнишка-то раздумал, оказывается... Милости просим очистить место, ибо, ежели какой-нибудь смиренный странник захочет постучать в ворота Гнезда, то вы, с позволения сказать, проход загораживаете...

Странно, как за время всей этой длинной тирады старика ни разу не перебили. Наверное, потому, что лишились дара речи от возмущения и гнева; впрочем, стоило Разбивателю закончить, как по ту сторону приоткрытых ворот разразилась целая буря отборного сквернословия.

Разбиватель задумчиво оглянулся на Игара — по коже того пробежал мороз — и вдруг, неуловимым движением вытащив из ножен «коготь», бросил его рукояткой вперед.

Игар еле поймал. Никогда в жизни у него не было достаточной реакции, и он давно не тренировался, и боялся, и думал совершенно о другом; потому «коготь» чуть не ударил его рукоятью по носу. Разбиватель поморщился:

— Ну, покажи... На что ты способен, покажи-ка...

Ворота раскрылись. Не без участия парнишки-послушника с ученическим оружием на поясе, который, оказывается, все это время был тут и все видел... Ворота распахнулись широко и гостеприимно, и глаза семи всадников уставились на Игара со свирепым нетерпением.

Спустя мгновение в воздухе зависла веревка. То есть обомлевшему Игару показалось, что она зависла, на самом деле она летела, разматываясь, оборачиваясь петлей, готовясь уцепиться ему за горло...

Он присел. Прием назывался «птица на водопое», но он отдавал себе отчет, что показывает скорее «жабу на листе кувшинки». Веревка коснулась «когтя» и раздвоилась, и упала, и змеей поползла по растоптанной копытами траве.

Лошадиные груди, круглые и твердые, как огромные коричневые шары. Одна с белой меткой; Игар вертелся, уходя из-под копыт, выделывая «когтем» фигуры, которым его никто никогда не учил. Кажется, он придумывал их на ходу — неуклюжие, некрасивые, большей частью бестолковые; лошади пятились, пугаясь сверкающей стали, а всадники, поначалу растерявшиеся, дружно выхватили семь плетеных кожаных хлыстов.

Он начал заходить на вполне пристойную «взмывающую птицу», когда жгучий удар вывел из строя его кисть вместе с блестящим «когтем». Второй удар, на этот раз древком пики, пришелся по спине; непристойно вскрикнув, он свалился под ноги лошадям — и увидел в синем небе распростертую, будто летящую фигуру с тугими перепонками «крыльев» между руками и ногами.

Коротко вскрикнул кто-то из всадников. Рядом с Игаром упал на траву хлыст; истерически заржала лошадь, лязгнул сдавленный голос, отдающий приказ; Игар вскочил на четвереньки.

Всадникам как-то сразу сделалось не до него: Отец-Разбиватель стоял, поигрывая своим вторым «когтем»; левая рука его была вскинута, и на упругом, как парус, блестящем «крыле» Игар увидел вышитый шелком глаз, круглый, будто мишень.

— Господа, — голос Разбивателя не повысился ни на полтона, — говорят вам — юноша раздумал отправляться с вами... Он не хочет, господа. Не стоит настаивать, да еще с применением силы...

Блондин с серьгой в ухе грязно ругнулся и занес было над Разбивателем хлыст — однако товарищ его, неожиданно верткий при своей внушительной комплекции, рванулся и успел поймать его руку.

Неизвестно, что хотел сказать этот благоразумный. Неизвестно, какие соображения двигали им, хотя вряд ли это были соображения милосердия и доброты; белокурый взревел, отшвыривая его руку, и несколько секунд Игар, все еще стоящий на четвереньках, и забавляющийся «когтем» Разбиватель наблюдали жестокую перебранку.

Блондин ругался темпераментно и изобретательно; все доводы его озлевшего противника глушились потоками брани, в которой чуткое ухо Игара уловило «княгиня» и «не в жисть». Не в жисть, подумал Игар обреченно. Не в жисть тебе, блондин, ежели вернешься к хозяйке пустым, без пойманного птенчика...

Обладатель серьги думал точно так же. Огрев кнутом своего же товарища, он обернулся к Разбивателю, и Игар вздрогнул, хотя налитый кровью взгляд блондина скользнул по нему лишь мельком.

— Уйди, старикашка! Мне плевать... сучонка... пшел вон!..

И он замахнулся — на этот раз саблей.

Отец-Разбиватель неуловимым движением отступил в сторону и поймал клинок полотнищем «крыла», которое сделалось вдруг упругим и жестким, как стальной лист. Игар отлично видел — сабля упала сверху, но не разрубила шелковый глаз, а странным образом нанизала его на себя; Разбиватель крутнулся волчком, и сабля, вырвавшись из руки блондина, воткнулась в землю в десяти шагах от Разбивателя.

Блондин взревел, как стадо бешеных быков; почти так же громко взревел наблюдавший за стычкой отряд, и два одинаковых ножа почти одновременно полетели Разбивателю в грудь.

Волчок провернулся дважды; отброшенные «крыльями», оба ножа вонзились в забор — точно один над другим.

Заскрипели колесики арбалетов. Дело приняло мерзкий, неожиданно мерзкий оборот; Игар припал к земле, желая и не решаясь помочь Разбивателю — одному против семерых...

...Или шестерых. Или даже пятерых, потому что круглолицый всадник яростно кричал, что будет только хуже и надо проваливать, а еще один, невозмутимый длиннолицый парень, просто повернул лошадь и поспешил прочь.

— Стреляй! — рявкнул блондин.

Стрелы свистнули дружно и коротко. Там, где стоял Отец-Разбиватель, там, где через мгновение должен был оказаться утыканный стрелами еж — там взметнулся маленький бесшумный смерч.

Стрелы одна за другой взмыли в небо. И шлепнулись оттуда, вертящиеся, опозоренные и обессиленные. Одна свалилась рядом с Игаром, бурое оперение неожиданно напомнило ему брюшко майского жука.

— Не стоит, — сокрушенно произнес Отец-Разбиватель, возникший на месте, где только что был смерч.

И взлетел.

Игар никогда не мог понять, как это происходит — Разбиватель оттолкнулся от земли, на мгновение завис, распластав свои «крылья», и «коготь» в его руке показался настоящим когтем, только не птичьим, а скорее звериным. Мгновение — и крылатое тело водрузилось на круп вороной блондиновой лошади, позади всадника.

— Назад! Назад! Назад!.. — надрывался круглолицый.

Игар видел выпученные глаза белокурого, лезвие «когтя» у самого его горла и полуоткрытый в ужасе рот, где в нижнем ряду зияла дырка от выбитого зуба. Потом лошадь завизжала и поднялась на дыбы.

Крылатое существо соскользнуло со спины обезумевшего животного.

— Наза...

Больше Игар ничего не успел разглядеть.

Его и всадников разделяло теперь неожиданное, вполне почтительное расстояние; двое или трое держались за лица, и между пальцами в перчатках просачивалась кровь. Всадники бранились — друг с другом, как сцепившиеся псы; только один не принимал участия в общей стычке. Этот один сидел на земле, обоими руками держась за то место, где совсем недавно было ухо с медной сережкой.

Отец-Разбиватель подобрал валявшийся на земле Игаров «коготь». Укоризненно глянул на Игара, поджал губы; «крылья» его, снова обвисшие, лениво пошевеливались ветерком.

Парнишка-послушник закрывал ворота; Игар поймал его насмешливый, презрительный взгляд. Опозорился, боец. Это тебе не в трактире кулаками махать... Кишка тонка.

— Теперь пойдем, — сказал Дознаватель. Похоже, боевая несостоятельность Игара оставила равнодушным его одного; Дознаватели, как правило, терпеть не могут оружия.

Кучка всадников, угрюмо ожидающая в отдалении, никого более не интересовала.

* * *

От горящего камина исходил промозглый холод. Снежный заяц сидел у девочки на груди, и сколько она ни упрашивала его — не желал уходить. Наваливался все сильнее, пучил глаза-картофелины, морщил нос-уголек, говорил то гулкими, то визгливыми голосами:

— Обтереть бы... Обтереть бы сейчас, сгорит ведь...

— ...не слышно.

— Отвар готов, велите напоить?..

— Тихо! Тихо, все вон отсюдова, все!..

Иногда девочка видела Большую Фа. Ей хотелось оттолкнуть ее от постели — но руки не поднимались. В ее теле больше не было костей — только какие-то скрученные, болезненные веревки...

— Выпей. Выпей, детка...

В горло ей лилось горькое, отвратительное, она отворачивала лицо, и тогда руки поившей ее женщины принуждали:

— Надо... Надо, маленькая, надо... Пей...

Она захлебывалась, и кашель переходил в рвотные позывы, но

внутри ее было пусто. Ссохшийся пустой желудок, и при одной мысли о пище...

— ...Что делать-то. Что делать-то, а?..

Простыни жгли. Подушка поднималась горячим горбом, и на ней не было места тяжелой, мучимой болью голове.

Потом она проваливалась в полусон; снежный заяц был тут как тут, она не могла понять, как такой хороший, белый зверь не понимает, что ей тяжело, не уходит... Потом вместо зайца оказалась Аниса — разросшаяся до немыслимых размеров, пропитанная кровью тряпичная кукла.

— Аниса, уходи, я боюсь тебя...

«Почему ты меня оставила? Почему не закопала?»

— Ты же кукла...

«Не похоронила меня...»

— Уходи... Уходи!..

— ...Это я, девочка. Не гони меня...

Большая Фа. Брови — как две хлебные краюшки...

Потом в полусне ее что-то изменилось. Какой-то далекий топот, какая-то странная тишина; разлепив глаза, она увидела потолок над собой. Только потолок, похожий на снежную равнину...

Голоса.

Скрип открываемой двери; еще не видя его, она попыталась высвободить из-под ватного одеяла непослушные руки:

— Аальмар...

Запах лошадей и железа.

— Аальмар... Они... они сожгли корыто...

Темнота.

Изредка приходя в себя, она чувствовала его тело. Он носил ее на руках; проснувшись однажды в своей кровати, она испуганно повернула голову:

— Аальмар?!

— Он спит, — сказала сидящая у постели женщина. — Он уже трое суток не спал...

— Аальмар...

Через несколько минут он пришел и взял ее на руки.

Он говорил тихо, не замолкая, иногда по многу раз одно и то же; про далекие страны, где у каждого дома пять углов, про леса, где водятся невиданные звери, про змею Уюкон, способную проглотить целиком медведя, про желтый ветер, который начинает дуть за день до большого несчастья, и люди сходят от него с ума, про деревья с сине-фиолетовой листвой... Его рассказы переходили в ее сны, и в снах сине-фиолетовая змея Уюкон целиком заглатывала маленький пятиугольный домик.

А потом лихорадочный жар спал.

Серым утром она лежала, вытянувшись под ватным одеялом, опустошенная, тихая, удивленная; Аальмар сидел на трехногом табурете, и под руками у него дымилось в тазу какое-то мутное варево:

— ...И они пошли опять, уже вчетвером, и пес, как и прежде, бежал впереди... Фа, ступай себе. Мы справимся сами...

Девочка с трудом приподняла голову. Большая Фа, до того молчаливо стоявшая у занавешенного окна, без единого возражения вышла вон.

— Аальмар... Они сожгли корыто...

— Тише, тише... Слушай. Пес бежал впереди, и вот он снова остановился, поднял морду и залаял... И навстречу им вышла саламандра — но не зеленая уже, а коричневая... И говорит...

Рассказывая, он откинул одеяло; девочка с удивлением увидела, что на ней нет сорочки, что ее тело светит ребрами, странно чужое, исхудавшее; Аальмар заворачивал ее в теплую, вымоченную в тазу простыню — так, что забегали по телу мурашки.

— Саламандра объяснила, как найти рогатый дуб и какое слово сказать, чтобы вытащить из-под корней ларец... Но там, у дуба, жил зверь с кошачьими ногами, человечьими руками, лисьей мордой и ядовитым жгучим хлыстом у пояса... Тебе холодно?

Она покачала головой на подушке. Прикосновение влажной ткани было ей неожиданно приятно.

— Все будет хорошо, малыш. Теперь уж точно, — он улыбнулся, и она увидела прилипший к его лбу седой волос. Один-единственный.

— Аальмар... А помнишь... как мы на том поле...

— Помню. А ты лучше не вспоминай.

— А... тебе было тогда страшно? На поле, когда ты меня спасал?..

Его ладонь на лбу. Влажная ткань отделяется от тела, оставляя приятную прохладу; другая простыня, сухая, оборачивает девочку до пят, как свадебное платье.

— Ты не уйдешь, Аальмар? Ты посидишь со мной, да?..

— Куда же я денусь от тебя, малыш... Куда же я денусь...

Она проследила за его взглядом — и обмерла.

У кровати стояли, посверкивая лакированными полозьями, маленькие деревянные сани.

* * *

— ...Нет в тебе спокойствия. Веры нет. Уверенности... Доверия опять же тоже нет. Ты хоть Птице доверяешь?

Короткий, с ладонь, и почти такой же толстый клинок вонзил-

ся в деревянный щит у самой Игаровой щеки. Тот не дернулся — но задержал дыхание, плотнее вжимаясь в дерево, стараясь не пораниться о другие клинки — те, что торчали уже по обе стороны его шеи и вплотную прижимались к бокам, а особенно мешал тот, что вогнался в щит высоко между Игаровыми ногами.

— Не доверяешь ты... Ты и себе не веришь. Не отводи глаза, смотри!..

Клинок отрезал ему прядь волос, войдя в дерево над самой макушкой. Игар заставил себя смотреть, как Отец-Разбиватель выдергивает из столешницы и вертит в ладони следующий кинжал — этот, кажется, не просто так, этот красивый, с витой рукоятью...

— Не всем быть орлами, — сообщил Игар глухо. — Куры со всех сторон полезнее...

Красивый кинжал вошел ему за ухо — так писцы обожают носить перья. Витая, узорчатая рукоять закачалась перед самыми глазами. Диво искусства, а не оружие...

В его родном Гнезде подобные процедуры были редкостью и служили, как правило, исключительно для наказания нерадивых. Насколько Игару было известно, от человека, стоящего спиной к щиту, при этом ничего не требовалось — ни спокойствия, совершенно в этой ситуации невозможного, ни тем более некой отвлеченной веры... И, уж конечно, экзекуции продолжались несколько минут. Никогда не тянулись часами; эдак у бросающего кинжалы рука устанет...

— Сомневающийся несчастен. — Отец-Разбиватель взвесил в руке черный, как деготь, изящно изогнутый нож. — Желающий невозможного — несчастен... И обречен быть несчастным тот, кто желает изменить мир. Хоть в малом... Вот как ты. — Черный клинок вошел между растопыренными пальцами Игаровой руки.

— *Слишком много счастливых, — огрызнулся Игар. — Должен* кто-то быть... крученым... по-вашему, черенок от лопаты счастливее... чем живой плющ... который... — клинок, вошедший в дерево вплотную к виску, заставил его задержать дыхание, — который вечно сомневается... за что ему уцепиться усиком... — Новый кинжал взметнулся для броска, но Игар уже не мог остановиться, его несло. — Мертвецы вот... счастливцы... а главное, их полным-полно... Мертвецы всегда в большинстве... они...

Кинжал опустился, так и не вонзившись в щит. Разбиватель задумчиво повертел его между пальцами; бросил на стол:

— Ясно... Когда ты молчал, я, по крайней мере, мог надеяться, что некое движение в тебе происходит... Когда начинается предсмертная болтовня — дело теряет смысл. Иди сюда.

Игар не поверил ушам. За истекшие несколько часов он уже

привык к мысли, что пытка никогда не кончится; впрочем, зачем Разбиватель его зовет? Не для худших ли испытаний?

Он осторожно пошевелился — и сразу почувствовал все облепившие тело клинки. Те, что прижимались плашмя, и те, что в любую секунду готовы были надрезать кожу — холодные и липкие, они не давали ему пошевелиться.

— Я не могу, — сказал он виновато.

— Можешь, — устало возразил Разбиватель. — Ты все можешь... Но «не могу» — удобнее. Да?

Бесшумно открылась дверь, но Отец-Дознаватель не вошел, а остановился на пороге — за спиной Разбивателя.

— Нет, — сообщил тот, не оборачиваясь. — Мальчик не понимает, чего *я* от него хочу. Он думает, что я его таким образом наказываю... И сегодня он больше не пригоден к беседе. К сожалению, Отец мой.

— Ты устал, Игар? — буднично спросил Дознаватель. Так, будто речь шла о штабеле наколотых дров.

— Нет, совсем не устал, — отозвался Игар, глядя в сторону. — Пожалуйста, хоть все сначала...

Разбиватель хмыкнул. Неторопливо подошел; глаза его казались пегими, пятнистыми, как сорочье яйцо. Игар не отвел взгляда — глядел укоризненно и угрюмо.

— Не понимаешь, — мягко сказал Разбиватель. — Но поймешь... Ко мне.

Игар шагнул, когда приказ еще звучал. Его будто толкнули в спину; несколько лезвий успели оставить на коже кровоточащий след, но и только: он-то ждал, что разрежется о них в лоскуты!..

Он обернулся. Все эти острые, плоские и трехгранные, красивые и смертоносные клинки обрисовывали на щите контуры его тела. Портрет крученого, неспокойного и неверящего послушника Игара...

— Доверяй руке, которая не хочет причинить тебе боли, — медленно сказал Разбиватель. — Доверяй своей судьбе, не заставляй ее волочить тебя на веревке, как теленка на бойню... Все, что я делаю, я делаю ради тебя... Одевайся.

Отец-Дознаватель стоял в дверях и смотрел, как усыновленный птенец застегивает штаны. Стиснув зубы, Игар заставил себя двигаться неторопливо и с достоинством.

— Пойдем, — сказал Отец-Дознаватель. — Я могу кое о чем тебе ответить.

— ...Телом ты принадлежишь Гнезду. Безраздельно. В этом нет зла; я хочу, чтобы чаши весов в твоей душе уравновесились. Душой ты тоже должен принадлежать Птице. Только ей и только Гнезду. Понимаешь?..

Игар молчал. Он стоял на коленях, лицом к огромному, во всю стену зеркалу, и видел только свое серое хмурое лицо с обтянутыми скулами и упрямо сомкнутыми губами. Справа и слева горели на подставках две свечи; от Отца-Дознавателя осталась одна только прохаживающаяся в темноте долговязая тень.

— Я расскажу тебе... легенду. То есть теперь она сделалась легендой, потому что сменились уже несколько поколений рассказывавших ее... Слушай: давным-давно жил знатный и богатый господин, вдовец, и была у него единственная и горячо любимая дочь... У господина были земли и титулы, но дочерью он дорожил больше. И вот случилось так, что любимое чадо его пало жертвой страсти; любовником единственной дочери его сделался не кто-нибудь, а рыцарь из далеких земель, о котором говорили, что он колдун... Рыцарь сказал возлюбленной своей: хочу перстень твоего отца. И дочь, сгоравшая от любви, не посмела ослушаться, сняла темной ночью перстень с руки отца своего и принесла любовнику. Но сказал рыцарь: хочу титулы и земли отца твоего; и снова ее страсть взяла верх, и отворились в полночь ворота, впуская в замок чужих воинов, и старый отец заключен был в темницу, однако и в темнице он любил свое чадо сильнее жизни, и не нужны ему были ни земли, ни титулы. Рассмеялся рыцарь, лаская красавицу на груди своей, и сказал, заглянув ей в глаза: хочу голову отца твоего...

Долго рыдала красавица — однако, боясь потерять любовь его, взяла саблю и спустилась в темницу. Увидел отец любимую дочь свою, увидел саблю в ее руке и понял, зачем пришла; горько улыбнулся и сказал: нет у меня на земле ничего, кроме тебя, кровь моя и жизнь... Неужто поднимется рука твоя?! Но сильна была страсть в душе дочери его, и поднялась рука, и опустилась сабля — но дрогнула, неумелая, и отец, раненный, не умер.

Страшен был крик, потрясший темницу, но не истекающий кровью старик кричал к небесам, призывая их в свидетели; кричала женщина, выронив саблю, ибо смертельно обиженный, преданный и оскорбленный отец ее не смог более оставаться человеком. СКРУТОМ стал отец ее, ужасным скрутом, и говорят, что даже камни не выдержали, содрогнувшись, и рухнул замок, погребая тайну под своими руинами...

Отец-Дознаватель замолчал. Игар, все это время смотревший в зеркало, увидел, как по его собственной худой шее прокатился комочек. Как-то жалобно прокатился. Как у тощего цыпленка.

— Ты слыхал когда-нибудь слово «скрут»?

Игар молчал. В далеком детстве своем он слыхал немало страшных и непонятных слов; среди них «скрут» было, пожалуй, самым жутким. Мрачным, тяжелым и плохим.

— Скрут — существо... в которое превращается, по преданию,

смертельно обиженный человек. Жертва страшного предательства. Оскорбленный оборачивается скрутом, чудовищем, потерявшим человеческий облик, живущим одиноко, в лесу... Говорят, что самое великое для скрута счастье найти обидчика и отомстить ему. Говорят, что почти никому из скрутов этого не удается, и они живут долго, очень долго, пока не умирают от тоски... Не удивляйся. Леса до сих пор не кишат скрутами — это древние, редкие, почти легендарные существа... Отец-Вышестоятель засомневался было в твоем рассказе — я же точно знаю, что ты сказал правду. Я долго думал; в лесу ты видел скрута, Игар. В обличье гигантского паука... И эта женщина, Тиар, которую он хочет видеть, — его обидчик.

Игар снова протолкнул в горло липкий ком, мешавший дышать. Мир велик и многообразен; в мире вполне возможны исполинские, жаждущие крови пауки. Но скрут... Порождение человеческого мира, к миру этому не принадлежащее. Нечто куда более темное и сложное, чем просто гигантский кровосос... Воплощенное предательство.

Он облизнул губы. Теперь из всего рассказа ему казалась важной одна только мысль: он не просто чудовище. Он человек, а значит, способен на худшее, невозможное для зверя изуверство. И во власти его Илаза...

— Возможно, Игар, вы с Илазой не первые его жертвы. Скорее всего, он всех схваченных посылал на поиски Тиар... Уходил гонец, оставался заложник. Но никто не вернулся. Никто не привел ее, Игар. То ли нить, связующая гонца и заложника, оказывалась слишком тонка... То ли случайные несчастья преграждали гонцу дорогу, и он не мог разыскать Тиар... А может быть... может быть, как и в твоем случае, совесть гонца не позволяла ему... такую неслыханную подлость.

— Подлость?! — Игар говорил почти беззвучно, но даже пламя свечей, кажется, дрогнуло. — А то, что совершила Тиар... Ведь человек же не просто так превратился в скрута! Ведь это *такое* предательство, такое... Да он же имеет право на расплату! Он имеет право на месть! Он... Теперь я понимаю!

Его затрясло. Сухая, лихорадочная дрожь восторга, неуместная улыбка, на две части раздирающая лицо:

— Теперь... я...

Ему сделалось легко. Ему сделалось радостно; его мучительный выбор был теперь упрощен до смешного: подлость за подлость. Тиар виновата. Она не жертва, нет; из-за нее страдает Илаза, из-за нее мучится Игар, из-за нее вся эта история, и даже скрут — а сейчас Игар даже о нем успел подумать с оттенком сострадания — даже скрут мается из-за нее. Все много проще; единственная слож-

ность теперь — разыскать ее и представить для справедливой кары. Он всего лишь гонец, гонец судьбы...

— Ты палач? — тихо спросил Дознаватель.

Игар, чей рот неудержимо расползался к ушам, вздрогнул и обернулся:

— Что?

— Ты палач? Провожающий на эшафот за неизвестную тебе вину? Ты?

— Он палач, — губы наконец-то соизволили подчиниться ему. — Он... скрут и палач. А я...

— Судья?

Игар разозлился. После облегчения, после освобождения, после разгрома всех сомнений вопросы Дознавателя раздражали, как укусы шершня.

— Нет... Я не судья. Я — гонец. Только и всего.

— Но ты говоришь, «она виновата»? В чем? Ты осудил ее, несудья Игар? Она, женщина, спокойно живущая много лет... Ты ведь даже не знаешь, в чем ее вина! А вдруг вины-то и нет почти?

— А скрут? — Игар вскинулся. — Он что — сам по себе? Откуда он взялся, если и вины-то нету?

Отец-Дознаватель помолчал. Прошелся по комнате; Игар следил за плывущим в зеркале бледным, сосредоточенным лицом.

— Вина... — Дознаватель остановился и поднял голову. — Сестра моя вышла замуж за человека издалека... Там, в их селении, в ходу право первой ночи, пользуется им местный владыка, и никому и в голову не приходит даже удивиться... Это в порядке вещей, владыка снисходит, он знатен и красив... Все хотят от него красивых детей... Так вот, муж моей сестры отдал ее на первую ночь. Она вернулась и убила его. Не владыку-насильника... Как она потом объяснила мне — владыка не виноват, как не виновен бык, единственный бык в стаде... Он ведь безмозгл и умеет только оплодотворять... А мужа, бывшего мужа, она любила. И она убила его... И мужнина родня восприняла это как неслыханное предательство и вину, — Дознаватель сухо усмехнулся. — Удивляюсь, как в том селении не народилось два десятка скрутов... Я нехорошо шучу, Игар. Но я хочу, чтобы ты понял. Ты — осудил бы ее?

Игар смотрел на Отца-Дознавателя. Смотрел во все глаза; ему *казалось, что никогда раньше он не видел этого хищного и страдающего лица.*

— А что с ней сталось? — спросил он еле слышно.

— Теперь она с горными монахинями, — медленно отозвался его собеседник. — И не спрашивай меня о большем... Птица не поймет.

Игар потрясенно молчал, прислонившись к зеркалу затылком.

Отец-Дознаватель коротко улыбнулся в темноте, опустился в кресло, откинул волосы со лба:

— Что смотришь?

— Вы... — Игар прокашлялся, — и вы считаете, что до конца принадлежите... Птице?

Дознаватель опустил веки:

— Да, Игар. Я в ладу с собой. В душе моей равновесие; то, что знает про меня Птица, знает только она. И немножко ты... Потому что ты крученый, Игар. Понимаю, почему скрут так надеется на тебя... Теперь смотри на меня и отвечай: ты готов быть ей, незнакомой Тиар, палачом и судьей? Готов?

Игар поднялся с колен. Обернулся к зеркалу, встретился взглядом со своими собственными, упрямыми, злыми глазами. Черная одежда и черные волосы Дознавателя сливались с темнотой зеркала, казалось, что бесстрастное лицо его висит в темноте, как маска.

— Илаза... — сказал Игар глухо. — Вы бы видели... Вы бы видели ее мать. Говорят, что ее муж, отец Илазы... страшно унизил ее прямо на свадьбе. Она при гостях чистила ему сапоги своими собственными волосами. И с тех пор... Муж потом... говорят, на охоте, но, вернее всего, он сам... Она страшная. Власть для нее хуже вина. Она давит, раздавливает, она мозжит все, до чего может дотянуться... Илаза... Стебелек, если на него со всего размаху... Сапогом... Вроде как очаг согревал-согревал младенца, а потом взял да и поджег люльку. А я... Илаза. Чтобы она мне поверила. Птица знает...

Он говорил и говорил, путано и сбивчиво. Замок... Замок был обиталищем ос, в которое Игар изо дня в день бесстрашно совал руку. А уж собственное, родное Гнездо...

Он запнулся. Об этом говорить уже не стоило — но остановиться под взглядом Отца-Дознавателя тем более невозможно.

— ...Гнездо тоже. Если бы узнали... Но не узнал никто. Даже наш Дознаватель. Потому что я никогда не прятал от него глаз... Так, прямо и уверенно... И он не лез ко мне в душу, он думал, здесь все чисто и просто... А каково это — не отводить глаз, когда... виноват?! Хоть вина... Да в чем же?! И... Алтарь. Так страшно было идти... Так редко... оттуда возвращаются... Алтарь принял нашу жертву. Сам Алтарь!! И... как? Когда мы все прошли... Из-за какой-то Тиар?! Терять... ее? Илазу? Я лучше руку... по локоть... Она часть меня, понимаете? Сейчас я с вами тут... а она ждет. Она каждую ночь... И звезда все ниже. Понимаете?..

Он запнулся и замолчал. Перед глазами его покачивалась серая, липкая, удушающая паутина.

— Ты... — медленно проговорил Дознаватель, — представляешь себе... Как именно скрут поступает со своей... с обидчиком?

Я знаю. И знаю, что ты не сможешь такого вообразить. Никогда; и я тебе не скажу. Не надо. Пощажу тебя.

— Мне нет до этого дела! — Голос Игара оказался вдруг оглушительно громким, у него у самого заложило уши. — Мне нет дела до... я гонец. У меня Илаза... Она мне дороже... чем даже дочь... чем мать... вы не понимаете?!

Отец-Дознаватель кивнул:

— Понимаю... Как раз я и понимаю. — Он вдруг странно, с непонятным выражением усмехнулся. — Но я понимаю и другое. Участь этой незнакомой тебе Тиар... которую тебе придется обманывать, иначе она за тобой не пойдет. Которой тебе, быть может, придется признаваться в любви. И доказывать любовь... А потом тебе придется тащить ее в мешке, потому что она рано или поздно обо всем догадается. Ты хорошо себе представляешь? Ты привезешь ее скруту, живую... Живьем... Она будет все понимать... Все чувствовать... Да, Игар?

— Она виновата, а Илаза — нет! Ни в чем!

— А в чем вина ее, откуда ты знаешь?! Ты сам ни в чем ни перед кем не виноват?! Что ж ты судишь!..

Игар отвернулся. Спросил одними губами:

— А... *что* делает скрут с...

— Не скажу, — резко бросил Дознаватель. — Такое знание... не для тебя.

Игар опустил голову. Паутина... Плоский труп роняющей перья птицы... Рыжая голова предводителя Карена, парализованное тело в сетях, ужас и мольба. Вкрадчивый голос скрута; его-то не умолить ничем. «Ты знаешь, что будет с Илазой»...

— Сегодня мы не станем больше говорить, — сказал Дознаватель медленно. — Ступай.

* * *

...Через сотню шагов она остановилась, переводя дыхание. Нет, развеселая песенка не померещилась ей; за стволами мелькало малиновое. По тропе, оставшейся со времен отряда Карена, неспешно шагал одинокий беспечный прохожий.

Прохожий — в глубоком лесу?!

Последнее усилие — и она выбралась из оврага. Песенка оборвалась; прохожий выпучил глаза, в то время как губы его сами собой сложились в сладкую улыбку прирожденного ловеласа.

Невысокий и щуплый, он был когда-то отменно красив; с тех пор был выпит не один бочонок породистого вина, и тонкое лицо мужчины навечно приобрело медно-красный цвет, нос потерял свою аристократическую форму, а белки глаз подернулись сеточкой сосудов. Щегольский малиновый костюм был порядком измят, зато бархатный берет, тоже малиновый, сидел на ухе с неподражаемой грацией. За спиной у незнакомца висел музыкальный инструмент — кажется, лютня; Илаза разглядела его, пока незнакомец низко и церемонно кланялся:

— Милейшая девушка... Примите, примите...

Илаза закусила губу. Ей вдруг сделалось неприятно, что ее приняли за простолюдинку. А за кого еще можно принять грязную, простоволосую, с лицом, много дней не знавшим пудры?!

Незнакомец широко улыбался:

— Позвольте представиться — Йото-менестрель. Вы слыхали?.. Сонеты «К солнцегрудой», «О, уймись», «Твои власы, подобно водопаду»...

Илаза поняла вдруг, что он и сейчас с похмелья. Веселый спившийся менестрель.

— Уходите, — сказала она глухо. — Немедленно поворачивайтесь и уходите. Скорее.

Менестрель удивился еще раз — куда больше, нежели просто повстречав в лесу одинокую растрепанную девушку. Нерешительно растянул губы:

— Твои речи... загадочны... Ты не дриада?

— Уходи! — рявкнула Илаза. — Если такой дурак, что пришел сюда, имей соображение хотя бы убраться поскорей! Тебя убьют!

Нерешительно хлопая глазами, Йото попятился. Уперся спиной в густой высокий куст; лютня предупреждающе бренькнула.

— Ты... Извини, если я того, что-нибудь не так... Ухожу уже, иду... Мы, понимаешь, вчера в «Двух соснах», что под Узким Бродом, поси-идели... И туман такой, туман...

Больше всего на свете ей хотелось дать менестрелю хорошего пинка под зад. Он двигался поразительно медленно — как сонная водоросль. Вот разворачивается... Развернулся наконец... Вот делает шаг, другой... Оглядывается, идиот! Разевает рот... Прощается. Прощается; наконец-то поворачивается снова, опять делает неспешный, вразвалочку шаг... Уходит. Уходит все дальше, не оборачивается, малиновая курточка мелькает за стволами...

— Не-ет!!

Она едва не оглохла от собственного крика. Малиновая курточка трепыхалась уже высоко над дорогой; ушей Илазы достиг сдавленный, панический вопль.

Длинное платье мешает быстро бегать.

Йото, менестрель-ловелас, висел в серой паутине, болтался вниз головой, и красное лицо его сделалось малиновым, как костюм:

— А-а-а! Что?! Что это?!

— Я предупреждала, — сказала Илаза устало. В траве под менестрелем валялись лютня, треснувшая от удара о землю, и щегольский берет.

— А-а-а! Ты?! Заманила? А-а, ведьма! Стерва! Замани-ила! Отродье!! Жди, я щас вырвуся... У меня ножик...

Илаза заплакала. Менестрелев ножик через минуту звякнул о деку лютни, и вслед ему полетели крики и проклятия:

— А-а-а!.. Ведьма... Освободи! Откуплюся... Ну?!

Илаза вытерла глаза. Огляделась, высматривая соседние кроны; над ее головой треснул сучок. Так звонко, что даже Йото на секунду замолчал.

— Не надо, — сказала Илаза шепотом. — Пожалуйста. Пожалуйста. Вы обещали...

Только сейчас до нее вдруг дошло, что вокруг стоит светлый день. Недавно полдень миновал... Как?!

— Уходи, Илаза. Не стоит дальше смотреть.

— День, — прошептала она потерянно. — День ведь... Не ночь... Как же вы...

— Днем тоже. Ты разочарована?

— Как...

— Уходи.

Она посмотрела на молчащего Йото. На его уже пурпурное, отекшее, совершенно безумное лицо. Глаза менестреля, казалось, сейчас вылезут из орбит. Разбитая лютня в пыли...

Она повернулась и, не оглядываясь, пошла прочь. Ее судьба немногим лучше.

Она лежала, бессмысленно следя за тенью от палочки, воткнутой в песок; потом на солнце наползла туча, и тень пропала. Илаза пошла к ручью и искупалась в ледяной воде. Менестрель, наверное, уже умер.

Ей и раньше время от времени казалось, что она слышит дребезжащий голос и бренчание лютни. Теперь наваждение оказалось столь правдоподобным, что она стиснула зубы и позволила себе десяток шагов в том самом направлении. К месту, где менестрель попался.

Лютня звучала. Расстроенно и глухо; Илаза знала толк в музыке, Йото с его нынешним репертуаром не допустили бы ни на один приличный прием.

Шаг за шагом, будто влекомая на веревке, Илаза подходила все ближе и ближе. Ей было страшно — но не идти она не могла; скоро к лютне присоединился и голос — тоже глухой, сдавленный и одновременно надтреснутый:

Твои власы, подобно водопаду,
Спадают на атласовую спину,

И два холма — два спереди, два сзади
Их струи принимают на себя...

Певец закашлялся. Лютня в последний раз бренькнула и замолчала; Илаза слышала, как Йото умоляюще бормочет:

— Тут слова-то... забыл я слова, сейчас забыл... Помнил. Забыл... сейчас вспомню...

Что-то сказал другой голос, от которого у Илазы по спине забегали мурашки.

— Н-нет, — вскинулся Йото. — Не имеется в виду, что она горбатая... имеются в виду прекрасные ягодицы, которые также выступают, подобно холмам, но с другой стороны и ниже!

Илаза сдержала истерический смех. Игар — тот бы не утерпел. По земле бы катался от нервного хохота...

Она осмелилась подойти еще ближе. Разросшиеся кусты скрывали ее от Йото; она же увидела наконец менестреля, сидящего на дороге. Весь облепленный паутиной, он похож был теперь на выловленного в подполе мышонка — несмотря даже на то, что грязный берет снова был залихватски сдвинут на ухо.

— Сейчас... — бормотал он, пытаясь подстроить свой безнадежно испорченный инструмент. — Новая песня, еще только до половины сочиненная... Но никто не слыхал еще... господин... вы первый...

А вдруг он его не убьет, подумала Илаза. Попугает, послушает песенки... Как свидетель Йото ничего не стоит — никто не поверит его россказням про ужасного паука в лесу... Собственно, *он* и свидетелей не боится. Отряд Карена — полным-полно свидетелей, и кто-то, кажется, даже успел ускакать...

Или не успел.

Илаза прислонилась к стволу. Йото завел новую песню — вполне милозвучную, если не считать ломающийся от страха голос и треснувшую лютню; постепенно вдохновение преобразило менестреля настолько, что и песня, и лицо его оказались вдруг вполне благородными и даже красивыми:

Солнцегрудая дева,
Лунолицая дева,
Я приду на закате,
Я уйду на рассвете,
Виноградные листья,
Разогретые камни,
Душный запах магнолий,
Лунный свет на балконе...

Илаза повернулась и тихо, чтобы не помешать, пошла прочь. Надежда становилась все крепче: он не убьет менестреля. Пощадит. Пощадит...

...Крик Йото остановил ее в нескольких сотнях шагов. Менестрель крикнул еще раз — и затих.

Она постояла, кусая губы, машинально вытирая о платье мокрые ладони; потом повернулась и пошла обратно — хоть с каждым шагом все сильнее было желание бежать отсюда прочь.

Йото не было на прежнем месте. Он снова висел, спеленутый серыми покрывалами, а лютня снова валялась на земле — две струны были оборваны и закручивались красивыми спиралями.

— Нет... — просипел Йото еле слышно. — Так не надо...

— Я и не собираюсь — так. Так — это для очень плохих людей... Для солдат-наемников, которые согласны убивать за деньги. Когда они парализованы, разлагающий яд действует медленно... Кровь становится уже не кровью, а совсем другой жидкостью. А тело...

— Не надо. — Йото был бледен. В наступающих сумерках его прежде красное лицо выделялось, будто измазанное известью. — Не... надо...

— С тобой я этого не сделаю. Не бойся.

— Спа...асибо...

— Я лишу тебя сознания. Ты и не поймешь, что умираешь.

— Не-е...

— Закрой глаза. Это будет легко и приятно.

— Не-е-е...

— Закрой. Не бойся. Ну?..

Илаза кинулась бежать.

Она спотыкалась и падала. Она вконец изорвала подол; она в кровь расцарапала лицо и руки, а добравшись до ручья, упала ничком и зашлась, захлебнулась сухими рыданиями. Сухими, потому что слез почему-то не было. Не шли.

Его появление было болезненным, как удар.

— Все? — спросила она, не поднимаясь.

— Все, — удовлетворенно отозвалась темнота над ее головой.

— Изувер, — сказала она, удивляясь собственным словам. — Изувер, мучитель... Зверь до такого не додумается. Ты не зверь.

Темнота хохотнула:

— Нет, конечно.

— Палач... никакой палач до такого не додумается. И не человек тоже.

— Нет.

— Чудовище... Чудовище! Тебя не должно быть! На земле нет законов, чтобы ты был! Я хочу, чтобы тебя не было! Я хочу!!

— Ты думаешь, я не хочу?..

Илаза замолчала. Не время задумываться об этих его сумрачных словах.

Ей теперь все равно. Своей болтовней она уже вполне заслужила то, что уготовано «для очень плохих людей». Чего избежал несчастный менестрель...

— Не бойся. Тебя я пока что не трону.

— Ты... тварь. Изощренная тварь.

— Да.

— Истязатель!

— Да... Все верно, Илаза. Я скрут.

* * *

Однажды промозглым осенним вечером девочке позарез захотелось залезть в горячую воду. И чтобы над водой поднимался пар.

Вместе с Лиль они натопили в комнате, а служанка притащила из кухни бадью кипятка с целебными травками; слушая завывания ветра в каминной трубе, девочки черпаками наполнили большую кадушку. Тут же стояли еще два ушата — с горячей кипяченой водой и ледяной, колодезной.

Забираясь в воду, Лиль засопела от удовольствия. Девочка последовала ее примеру, по самое горло погрузившись в теплое, душистое, летнее; с преждевременным огорчением подумала, как нелегко будет отсюда вылезать. Снова в сырую тоскливую осень...

Разогревшись, она вынырнула из воды по грудь и удобно облокотилась о край купальной посудины. Так можно сидеть хоть день, хоть век...

Лиль сидела напротив, щурясь, как довольная кошка. Поймав взгляд девочки, со счастливым видом раздула щеки и закатила глаза: хорошо, мол... Ее волосы рассыпались и окунулись концами в воду — Лиль небрежно приподняла их, собирая узлом на затылке, и девочка вдруг с удивлением увидела, что под мышками у Лиль тоже растут волосы — черные и кудрявые, только реденькие.

Лиль заметила ее удивление. Горделиво подняла руки выше, давая возможность полюбоваться своей новой красотой; многозначительно прищурилась, будто вопрошая: а ты?

Девочка с интересом заглянула себе под руку. Конечно, до Лиль ей было далеко — но кое-какой смелеющий пушок имелся и здесь. Девочка удивилась, но в этом удивлении проскользнул оттенок смущения.

Лиль сидела напротив, разомлевшая, мокрая, розовощекая; девочка вдруг увидела, что там, где еще недавно у них обеих были только коричневые кружочки сосков, теперь выступают над кромкой теплой воды округлые выпуклости — почти как у взрослой женщины.

Девочка невольно перевела взгляд на собственную грудь; она уступала Лиль и здесь — вместо красивых округлостей взгляду ее

предстали робкие, будто припухшие бутончики. Ей почему-то захотелось спрятаться; она скользнула ягодицами по дну кадушки, погружаясь глубже. Вода снова подступила к ее шее — тогда, не удержавшись, она потрогала свою грудь рукой. Ничего особенного — на ощупь выпуклости почти и не заметны...

Лиль смотрела, щурясь. Во взгляде ее было превосходство — но было и ободрение, ничего, мол, подрастешь... А ведь Лиль была всего на полгода старше!..

Девочка опустила глаза. Впервые за много месяцев ей так остро захотелось видеть мать.

Лиль в любую минуту может прийти к матери, спрятаться в складках юбки, рассказать на ушко о своих открытиях и спросить совета; а ей, девочке, к кому идти? К Большой Фа?!

За окном колотил дождь.

— Ты чего? — удивленно спросила Лиль.

Девочка сложила ладони лодочкой. Задумчиво провела живое суденышко туда-сюда:

— Аальмар... Скоро приедет. К первому снегу... Он обещал.

* * *

Мальчик двигался легко и грациозно. Было ему лет тринадцать, и он не достиг еще роста взрослого мужчины, однако и «клюв» в его правой руке, и «коготь» в левой не были подростковым оружием — вполне полновесные боевые клинки. Вот только «крылья» на мальчишке прилажены были по росту; Игар удивился, как такой малыш удостоился такой чести — носить «крылья». И достиг такого умения — несколько простых фигур полета мальчишка проделал как бы между прочим, а потом поднатужился и оторвался от земли надолго. Игар поймал себя на недостойном, гаденьком чувстве; мальчишка заметно перекосил основную позицию, и нехорошее чувство в душе Игара оказалось всего лишь радостью. Радостью чужого поражения.

Никто не заметил Игарова позора. Конечно же, никто не заметил; он опустил голову и покраснел до слез. В чем, скажите, завидовать этому мальчишке?! В том, что он прилежен и гибок, что у него есть «крылья», которые Игар не надевал ни разу в жизни? А на Алтаре мальчишка бывал, а любил он на теплом камне любимую девушку, а называл ли своей женой?!

Отец-Разбиватель что-то говорил; внимающие послушники неотрывно смотрели ему в рот, один только Игар косился в сторону. Как и положено порченому, крученому, подсадному птенцу.

Отец-Разбиватель закончил свою речь, потрепал мальчишку с «крыльями» по загривку и распустил всех на свободные работы;

Игар потоптался, с тоской оглядываясь по сторонам, углядел в дальнем углу двора отдыхающую на траве невысокую фигурку — и, стиснув зубы, неторопливо двинулся к ней.

Мальчик удивился. Они с Игаром еще ни разу не говорили; Игар даже забыл сгоряча, как парнишку зовут. И знал, что не вспомнит.

— Слушай, ты счастлив? — спросил он вкрадчиво, опускаясь рядышком и подтягивая под себя скрещенные ноги. — Счастлив, да?

Мальчик поднял брови. На некрасивом круглом лице его не было детской растерянности, на которую тайно рассчитывал Игар. Изумление — да, но вполне взрослое, сдержанное, без тени смятения.

— Ты счастлив? — повторил Игар с напором. — У тебя в душе равновесие? Ты не сомневаешься, нет?

Мальчик вдруг улыбнулся:

— Однажды Святая Птица нашла в своем гнезде кукушонка... Она пожалела беднягу и не выкинула его, как следовало бы; нет, она сделала вид, что подкидыш ничем не хуже ее собственных птенцов. Она обратила к нему ласковый взгляд, как и к прочим, — тогда глупый кукушонок стал кричать: правда, и я такой же? Правда, что я такой же, как вы? Значит, и вы такие же, как я?..

Кажется, мальчик собирался продолжать — Игар не дал ему этой возможности. Поднялся, стараясь не наступать на разложенные рядышком «крылья»:

— Спасибо... Ясно.

Повернулся и пошел прочь — через весь длинный двор, где каждый занимался своим делом и каждый исподтишка следил за идущим Игаром: а он всем здесь интересен и никто, никто не доверяет ему...

Потом он спиной почувствовал еще один взгляд, и если взгляды послушников казались ему укусами комаров, то этот новый был прикосновением слепня.

Отец-Дознаватель стоял у входа в Сердце Гнезда, и взгляд его повелевал Игару приблизиться:

— Пойдем... Отец-Вышестоятель хочет посмотреть на тебя.

— ...Не бойся, Чужой Птенец. От тебя так пахнет страхом... Опасаюсь, Отец мой Дознаватель, что наш подкидыш замыслил недоброе. Иначе откуда это чувство вины?..

— Наш подкидыш замыслил всего лишь сбежать. — Дознаватель задумчиво жевал свою ароматическую смолу, глядя в сводчатый потолок треугольной комнаты. — На душе его неспокойно.

Отец-Вышестоятель вздохнул:

— Об этом мы поговорим позже...

Здешний Вышестоятель был всему Гнезду под стать: тучный старик со складками на подбородке, в чьих маленьких тусклых глазах жили хватка и воля, вызывал у Игара самые противоречивые чувства. Ему хотелось попеременно то плакать и каяться, то замкнуться и молчать; одно было совершенно ясно — снисхождения здесь ждать не придется. Ни в чем.

— Значит, Игар, то существо, с которым ты заключил сделку, оказалось-таки скрутом?

Стоило промолчать. Стоило хотя бы вежливо кивнуть — однако язык Игара среагировал раньше, чем разум:

— Я не заключал ни с кем сделок!..

Дознаватель нахмурился. Комок ароматической смолы перекатился у него за щеками — справа налево.

Вышестоятель снисходительно кивнул:

— Да... А как это называется по-другому? Когда двое уговариваются: ты мне то, я тебе это?..

— Это не был торг, — медленно сказал Игар, понимая, что покорности уже все равно не соблюсти. — Это было принуждение.

Вышестоятель кивнул снова:

— Хорошо, хорошо... Во всяком случае, ты здесь единственный, кто видел скрута. Вряд ли твой рассказ будет нам чем-то полезен... Однако я хочу попросить тебя написать о нем. На ученической бумаге. Страницу, возможно, две... Здесь, в Гнезде, огромное собрание разных сведений. Которые, может быть, никогда не пригодятся... Однако они есть. И скруты есть; я просил бы тебя приступить сегодня. Это будет частью твоего послушания... Да?

Игар не знал, что ответить. Он просто наклонил голову. Вдвойне полезно — и поклон получился, и глаза спрятал...

Но не от Дознавателя, конечно.

Вышестоятель тоже кивнул, отпуская. Потом будто спохватился:

— Да, Игар... В твоем характере есть... нехорошая вещь. Червоточинка. Ты должен знать это и бороться с этим; Птица поможет тебе. Потому что теперь ты безраздельно принадлежишь Птице. А если здравый смысл не убережет тебя и ты замыслишь... Отец-Дознаватель называет это «сбежать». Я называю это иначе... но не важно. Если ты решишься... Придется наказывать, Игар. Карцер, где сортируют пшено, — может быть, месяц, если понадобится, два... И обязательно — Обряд Одного Удара. Дважды или даже трижды. Это очень печально, я знаю — тем более подумай. Не стоит помышлять о том, чтобы обмануть Птицу. Прощай.

Игар вышел, не разгибая спины. Дознаватель шагал следом; наклонный пол узкого коридора мощен был кирпичом, и через равные промежутки его пересекали каменные выступы-ступеньки.

Игар шел, опуская голову все ниже и считая невольно ступеньки: двенадцать... тринадцать... четырнадцать...

Карцер, где сортируют пшено. Игар знаком с этим наказанием — еле выдержал неделю, слипались глаза, и хотелось биться о стены. С рассвета до заката перебирать крохотные зернышки — белые в один мешок, желтые в другой... Немеют пальцы, а вечером содержимое мешков снова смешают на твоих глазах, и все сначала, все сначала... Бессмысленно, тяжело, бесконечно. Два месяца он точно не выдержит. А звезда Хота не выдержит тем более.

...Но уж Обряд Одного Удара он точно не переживет. Не с его нравом выдержать это унижение, специально придуманное для того, чтобы ломать крученых. Пусть бы просто били, пусть бы исполосовали, как березу, — он бы стерпел, не пикнул. Но пройти Обряд, да еще дважды...

Рука Дознавателя опустилась ему на плечо, заставляя свернуть в боковой проход; не поднимая глаз, Игар шел, куда его вели. Все равно; шагает полная чашка отчаяния и не боится расплескать через край. Желтый кирпич под ногами, перегородки-ступеньки: тридцать шесть... тридцать девять...

Распахнулись кованые, со сложным узором створки. По-прежнему не глядя, Игар, направляемый Дознавателем, шагнул в широкий дверной проем.

Запах. Какой знакомый, какой теплый запах...

— Подними голову, — это Дознаватель.

Медленно, не смея надеяться, Игар посмотрел прямо перед собой.

Облик Священной Птицы всегда одинаков. Только глаза сейчас были печальнее, чем раньше; Игар, которому довольно долго удавалось сносить испытания молча, не мог сдержаться. Как не сдержится полный мешок, если по нему полоснуть ножом.

Птица смотрела и понимала. Птица всегда поймет все; он купался в лучах ее сочувствия, он выговаривался — невнятно и сквозь слезы, но искренне и до конца. Он хотел бы умереть в эту минуту — закончить жизнь в состоянии счастливого экстаза. Облегчения. Полного и радостного очищения.

Потом рука Дознавателя снова легла ему на плечо, и он понял, что аудиенция окончена, пора возвращаться к действительности, где втыкаются в дерево ножи и вполне реален скорый Обряд Одного Удара. И он прошел в этот мир через дверь с коваными резными створками, но на этот раз голова его оказалась высоко поднятой, а глаза сухими.

В детстве он дружил с девчонкой, которая дрессировала козу. На ярмарках за один день ей случалось заработать больше, чем ее отцу, каменотесу, за неделю тяжелого труда; Игара больше всего

интересовало: как можно научить глупую козу понимать слова и ходить на задних ногах?!

Девчонка ухмылялась. Она была хитрая, очень хитрая девчонка; она учила козу хлыстом и сахаром. А ведь не только козы знают, что хлыст — очень больно, сахар же — невероятно сладок...

И ведь дело не в том, чтобы постоянно лупить или постоянно подкармливать. Ударив, следует дать сладенького — тогда никакая коза не устоит...

Обряд Одного Удара куда хуже, чем кнут. Свидание с Птицей слаще любого меда. Но ведь и Игар не коза все-таки?!

Он не спал вторую ночь. Странное дело — днем глаза слипаются, нету сил поднять ведро воды или удержать легкий, ученический «коготь»... А ночью, когда весь скит почивает на свежих соломенных подстилках, Чужого Птенца тянет под звезды. Как мало осталось времени. Как мало...

Звезда Хота — вот кто на самом деле судья. Вот кто на самом деле палач; смотрит и смотрит, и с каждой ночью поднимается все ниже, и вечерний ветер все холоднее, осень, осень, осень...

Ворота на ночь запираются. Никакой особенной стражи нет; ограда высока, но Игару случалось брать преграды и покруче. Он знает толк в оградах и засовах — человек, уведший из Замка последнюю княгинину дочь... Впрочем, не надо об этом. Вот, под боковой калиткой широкая щель — немного усилий, и она станет шире. Игар тонок и узок в плечах...

— Не вздумай.

Ему показалось, что говорит звезда Хота; нет, это Отец-Дознаватель стоит за спиной, неподвижный, как башня.

— Не вздумай, Игар... Не хотелось бы тебя наказывать. Не думай о пустом.

Звезда Хота лежала у него на плече, как дорогое украшение.

А зачем я ему нужен, подумал Игар с внезапным раздражением. Неужели они о каждом послушнике так пекутся? Днем и ночью, хоть можно просто приставить к кукушонку верного мальчика с «когтем» на боку?

— Зачем я вам нужен? — спросил он, глядя на звезду Хота.

Жаль, что было темно. Если в невозмутимых глазах Дознавателя и скользнула тень замешательства, то он, Игар, ее не заметил.

— Зачем Гнезду птенец, ты хочешь спросить?

— Нет. Зачем я нужен вам. Именно вам... Потому что Отец-Вышестоятель печется о Гнезде. Отец-Разбиватель вселяет спокойствие во все души, угодившие ему под руку; только вам зачем-то нужен именно я. Крученый. Хотите меня переделать?..

Дознаватель вздохнул; звезда Хота спряталась за его плечом и выглянула снова.

— Разве я бежал за тобой по дороге, Игар? Разве я накинул тебе на голову мешок и силой приволок в Гнездо? Разве не ты сам явился сюда, смятенный и потерянный, разве не ты сам хотел изменить себя? И совершенно искренне каялся... не в том твоем зле, которое заслуживало раскаяния более всего, — но каялся ведь, глубоко и честно... Я понимаю, что головорезы у ворот — серьезный аргумент для раскаяния. Но пришел-то ты сам, без всякой вооруженной помощи, за одной только душевной потребностью!.. — Дознаватель резким, раздраженным движением отбросил волосы со лба. — А что до головорезов, Игар, то они вовсе не отказались от мысли тебя сцапать. Не удивляйся!.. Они не так просты, они обосновались на распутье и ждут — тихонько и терпеливо. Стоит тебе просочиться под воротами, как ты собирался, — и Обряд Одного Удара покажется тебе детской колотушкой. Вот так.

Темнота над скитом сгустилась, наклонилась ниже, навалилась на плечи и придавила к земле.

— Вы... точно знаете? — спросил Игар шепотом. — Что они... там?

Дознаватель снова пожал плечами, заставив звезду Хота мигнуть:

— Если б я хотел тебя запугать, я бы сделал это иначе.

Из приоткрытой двери выбрался во двор сонный послушник, постоял, сопя носом и пялясь в темноту, не заметил примолкнувших собеседников и потрусил в угол двора — справлять нужду. Игар мельком подумал, что в том Гнезде, где он вырос, парнишка зажурчал бы в двух шагах от крыльца.

Дознаватель дождался, пока послушник, довольный, вернется; негромко усмехнулся в темноте:

— Там, где ты вырос... была какая-то заноза?

Игар ощутил, как вспотели ладони. Втянул голову в плечи — а Дознаватель, конечно, видит в темноте...

— Отец-Служитель... однажды... хотел... позвал меня прислуживать в спальне и...

— И потом вы не дружили, — Дознаватель снова усмехнулся, будто речь шла о чем-то само собой разумеющемся. Игар смотрел вниз — в черноту под своими ногами.

— Я не позову тебя прислуживать в спальне, — голос Дознавателя на мгновение сделался ледяным. — Ты этого боялся?

— Нет, — быстро ответил Игар и тут же понял, что соврал. Боялся, но где-то очень внутри, не признаваясь даже себе...

Он поднял голову:

— Наверное, скучно жить, когда все вокруг, как на ладони? Все люди с их побуждениями, да?..

Он сознавал, что забывается. В последнее время с ним слиш-

ком часто это случалось — язык не дожидался здравого смысла. За болтливый язык вся голова отвечает...

— Да, — медленно отозвался Дознаватель. — Не совсем так, как ты сказал... Но тем более интересно, когда среди многих понятных вдруг появляется один понятный не до конца.

Игар вздрогнул. Ему показалось, что Хота сорвалась с неба и сгорела, падая, оставляя за собой тающий свет. Он покрылся холодным потом, однако звезда-свидетель по-прежнему выглядывала из-за плеча его собеседника, а другая, еще одна падающая звезда вдруг прочертила небо чуть не над самой его головой.

— Ваша сестра похожа на вас? — спросил он шепотом.

— Нет, — отозвался Дознаватель после паузы. — Если хочешь, она чем-то похожа на тебя. Лицом и... нравом тоже.

— Тогда ей скучно с горными монахинями, — тихо предположил Игар.

— Не думаю, — все так же медленно ответил Дознаватель. — Не думаю, что теперь ей интересны... развлечения.

— Вы видитесь с ней? Хоть иногда?

Длинная пауза. Игар понял, что Дознаватель не ответит.

— Вы... действительно знаете, как именно скрут поступает со своим обидчиком, если поймает?

— Да, — отозвался Дознаватель, и Игара мороз продрал по коже.

— А теперь представьте себе... Вот ваша сестра... молодая. Вот ее поймал скрут... Вот он говорит вам: или Тиар, или я сделаю с сестрой то... ну, вы знаете. Приведи Тиар, говорит он вам, и я отпущу твою сестру... И что вы сделаете? Ну что вы сделаете?! Ну что?!

Где-то за строениями зашелся лаем пес. Игар, оказывается, выкрикнул последние слова, и достаточно громко.

Хота молчала. И ни одна другая звезда не осмеливалась больше сорваться с неба; Игар смотрел в лицо Дознавателю, но видел только темноту.

— Что бы вы сделали на моем месте? — спросил он шепотом.

Молчание. Игаровы ногти вонзились в ладони — он ждал ответа. Ждал истово и напряженно. Исходил ожиданием.

Дыхание ветра — холодного, почти осеннего. Темнота; Игар содрогнулся. Дознавателя уже не было рядом — темная фигура неслышно проскользнула в отворившуюся дверь. В Сердце Гнезда, где Птица.

Три долгих дня Игар засыпал средь бела дня, ночами по десять раз выходил по нужде, кашлял, маялся, не доедал свою порцию и просил у повара травок «от живота». На четвертую ночь он в который раз вышел во двор и выбрался через окошко кладовки на плоскую крышу кухни, где стояли в ряд закопченные трубы, где из вытяжек пахло съеденным ужином, жильем и дымом. Неслышно ступая по просмоленным доскам, он прошел к противоположному краю крыши и присел на корточки, отмеряя расстояние до ограды. Один прыжок, протиснуться между толстыми прутьями по верху стены и спрыгнуть с высоты трех человеческих ростов. Не очень страшно.

Звезда Хота смотрела, издеваясь и подстегивая. Хорошо, что ограда выбелена известью — виднеется в темноте. Хорошо, что Отец-Разбиватель сегодня был особенно напорист, а Отец-Научатель, царствующий в комнате с длинной скамьей и скрипучими перьями, — особенно дотошен. Игару не приходилось прикидываться измотанным и сонным — он и правда очень устал, и Отец-Дознаватель, поймав его взгляд, читал там настоящую усталость и тоску. Тоску поражения...

Он заморочил-таки всевидящего. Он ушел от Дознавателя; уйти от тех семерых, что ждут его с веревками и ножами, будет проще. Один прыжок — преодолеть страх высоты, перемахнуть через эту черную полоску пустоты и не думать ни о карцере, ни о саблях, ни об Обряде Одного Удара, который придуман специально для крученых...

Он закрыл лицо руками и вспомнил Илазу. Не затравленную Илазу в коконе серой паутины — ту серьезную девчонку, которую он, он первый научил смеяться взахлеб...

На крыше особенно не разбежишься. Он оглянулся на звезду Хота, острую, как гвоздик, — набрал в грудь побольше воздуха, сжал потные кулаки, разбежался и прыгнул.

Темнота обманула его. Он не допрыгнул на какую-нибудь ладонь, успел ухватиться за край стены, но за самый край. Судорожно подтянулся, цапнул за железный прут наверху каменной ограды — и чуть не закричал, потому что металлический стержень оказался скользким, как рыбина.

Рука соскользнула. Игар повис еще несколько секунд, держась одной только левой рукой и пытаясь стереть с ладони правой липкую и скользкую мазь — а потом пальцы левой соскользнули тоже, и, обдирая живот о белые камни ограды, он рухнул вниз.

Он приземлился на ноги и вполне бесшумно — правда, в этом ему помогли. Помогли чьи-то руки, подхватившие его под мышки и замедлившие его падение у самой земли. И сразу после этого мертвой хваткой сдавившие плечо.

Он сидел в темноте на корточках, слушая звон в ушибленных ступнях и поражаясь полной немоте и мыслей, и чувств. Что должен чувствовать человек в такой ситуации? Страх, наверное...

— Вставай.

Он покорно поднялся. Звезды Хота не видно из-за высокой стены кухни; звезда не увидит его поражения. Не расскажет Илазе.

— Пошли.

Куда?!

Через весь двор. Какой долгий путь. Так хочется пройти его поскорее — и пусть он подольше длится, потому что всей жизни и осталось, что этот путь через двор. Там, впереди, ждет нечто худшее. Теперь разговоры закончились; теперь кара.

Отворилась низенькая, незнакомая дверь. Он еще не бывал в тех помещениях Гнезда, где наказывают. Ничего, теперь побывает.

— Вперед.

Подземелье. Винтовая лестница. Еще одна дверь, железная, с налетом ржавчины; Игара затрясло, когда он разглядел огромный тусклый замок на толстых скобах, похожих на уродливые уши. Этот замок не открывается неделями... Здесь же мхом все поросло, Святая Птица...

— Вперед.

Голос Дознавателя равнодушен и глух. С таким же успехом можно молить о снисхождении железные скобы в форме ушей.

Коридор показался бесконечно длинным. Он потерял всякое представление о расстоянии, он бредет под землей, как барашек на бойню, долго, очень долго... А впереди колышется его собственная тень, уродливый пересмешник. А в руках идущего следом человека ровно горит факел. Легче снести гнев, чем холодное равнодушие. Лучше бы он этим факелом, да Игару в затылок...

— Стой.

Он остановился. Пришли, значит. Что теперь?!

— Повернись лицом к стене.

Он послушно повернулся. Стена оказалась выложенной камнем — очень старым и очень замшелым. Зеленая, как лес. Увидеть бы лес еще когда-нибудь...

Тихий скрежет, о котором Игар не знал, откуда такой звук мог бы взяться. Не дверь открывается, нет... Разве что каменная дверь, замшелая, как эти стены...

И сразу же пришел ветер. Холодный и сырой, пахнущий травой и хвоей. Зубы Игара, до этого мужественно сжатые, сами по себе отозвались на резкую волну озноба, зашлись частой дробью. Холод, который на самом деле жар...

— Теперь обернись.

Они стояли перед проломом в стене. Очень ровным треугольным проломом; вверх уводили крутые ступеньки, оттуда, снаружи, несло ветром, и на краешке светлеющего неба неохотно гасла звезда. Возможно, именно Хота.

— Вперед.

Верхние ступени терялись в траве. В серой мути высились грузные, как колонны, сосновые стволы, и где-то там, в высокой кроне, попискивала ранняя пташка.

Лицо Дознавателя было рядом. Такое же серое, как рассвет, бесстрастное и осунувшееся, и только щека вдруг задергалась сама собой. Дознаватель с усилием придержал ее ладонью:

— Иди. Да простит тебя Птица.

ГЛАВА 6

Кто обошел все местечки провинции Ррок? Кому случалось бывать и во дворцах, и в свинарниках, кто до дна обшаривал городские трущобы, кто прочел все надписи на всех могильных камнях?

Нет такого человека. Есть дважды выносливые и трижды любопытные, есть бродяги и странники — но провинция Ррок слишком велика. Слишком глубоко это море, и слишком быстро ходят по небу звезды.

Дабат.

Такой травы он не видел никогда в жизни.

Любой лепесток был неестественно ярок и мясист. Любой стебель казался толще и темнее, чем это привычно глазу; весь луг лоснился изумрудным, сочно-зеленым, и странно тяжелые соцветия клонились к земле.

Игар потянулся за ромашкой — отдернул руку, не решаясь сорвать. Это не ромашка. Огромный, ядовито-желтый в центре, со слишком длинными белыми лепестками, страшноватый цветок...

Святая Птица. А ведь столько лет прошло. Столько лет...

Он вспомнил, как парень, подвозивший его, насупился, когда речь зашла о битве под Холмищами:

— Так... Холмами их теперь только в казенных бумагах и обзывают. А по-простому — Кровищи... Так и зовут.

«...Ищи. Скоро три десятка лет, как она родилась в селении Холмищи, которое известно случившейся рядом битвой. Вряд ли теперь она вернулась на родину — но ищи и там тоже. Торопись...»

Кровищи. Тела тех воинов давно стали землей. Их оружие лежит здесь же, под мясистыми цветами, и сытая, жирная трава трогает корнями их кости. Это место удобрено так, что, кажется, из сорванного стебля тотчас хлынет густая кровь...

Игар повернулся и зашагал к поселку. В обход холма и в обход зеленого луга.

Он и здесь готов был к неудаче; в десятках селений он тысячу раз задавал один и тот же вопрос, а в ответ лишь пожимали плечами, морщили лбы, отрицательно качали головами: не слыхивали о такой... Сроду не слыхивали...

Старуха, которую он спросил первой, прищурилась:

— Погоди-погоди... Это вроде как... Вроде как было такое дело, Бобры, те, что у них поле косое от дороги справа, они так девчонок называли... То Тиар, то Лиар... Давно, правда... От колодца налево сверни, там спроси — тебе Бобров покажут...

Он спросил — и ему показали. Во дворе указанного дома резали кур.

Круглолицая женщина несла из загончика курицу — пеструю, роняющую рыжие пушинки, истошно кудахтающую; женщина крепко держала пленницу за бока, а у дубовой колоды ждала девочка, подросток лет тринадцати, с полукруглым, как луна, топором.

Поучая девочку — видимо, дочь, — женщина положила курицу на колоду; выслушав наставления, девочка кивнула, перехватила птицу своей рукой, примерилась и сильно тюкнула топором.

— Держи! Да держи же!..

Игар прекрасно знал, что случится, если девчонка выпустит сейчас обезглавленное тело. Бьющаяся в конвульсиях курица зальет кровью и ее, и мать, и весь двор; на своем веку он срубил не один десяток кур — а тут вдруг отвернулся. Неизвестно почему.

Может быть, слово «Кровищи» не дает ему покоя? Может быть, ему глаза застилает красным и кровь мерещится на чистом, там, где ее и быть-то не должно?..

...А что испытывает скрут, сидящий в паутине? Паука, который бинтует муху, жестоким не назовешь. Жесток ли скрут?..

Волки, с зимнего голода становящиеся людоедами, так же невинны, как жующий травку ягненок. Лучше бы тот, в паутине, был просто зверем. Было бы легче. Спокойнее.

— ...Да чего тебе, а?

Кажется, окликали уже не первый раз. Круглолицая женщина стояла у забора; от куриного загончика слышалось возмущенное кудкудахтанье: девчонка вылавливала следующую жертву.

Выслушав вопрос, женщина некоторое время просто стояла и смотрела — без всякого выражения. Потом повела плечами, будто от холода:

— А... зачем тебе? Ты откуда знаешь вообще-то?

Игар молчал. Он слишком привык, что дальше пожимания плечами дело не шло; он добрался наконец до настоящего — и, оказывается, не готов к разговору. Он до сих пор не может поверить: здесь знают Тиар? Ту мифическую Тиар, о которой он до сих пор не нашел и весточки? Значит, она в самом деле существует, ее можно найти?!

Женщина нахмурилась:

— Ты ведь... не от мужа ее? Не из его родни, нет?

Он понял, что следует ответить отрицательно, и с готовностью замотал головой, в то время как внутри заметались новые вопросы: муж? Ее муж? Почему скрут не сказал о нем ни слова?

Глаза женщины сделались выжидательными; Игар понял, что она не скажет ни слова, пока нежданный гость не объяснится.

— Я ищу ее, — сказал он просто. — Год назад мы виделись... А потом расстались. С тех пор я ее ищу.

Просто и незамысловато; незатейливая любовная история, которая, впрочем, может вызвать у этой женщины совершенно неожиданную, парадоксальную реакцию.

Глаза ее чуть изменились. В них появилось непонятное ему выражение.

— Так... За пять лет, почитай, первая весть, что жива...

Игару стало стыдно за свой обман.

Женщина снова передернула плечами:

— Здесь ее не ищи. Где искать, не знаю. Здесь ее двадцать лет как не было; как он ее увез, так и...

Игар сглотнул. Надо спрашивать; кто боится сделать шаг, никогда не угодит в капкан. Кто боится сделать шаг, ни на полшага не продвинется...

— Кто увез?

Женщина удивилась. Подняла брови:

— А... Ну да. *Он* увез ее. Десять лет ей было... У них возле гор обычай такой: брать в дом девчонку, воспитать, а когда в сок войдет, тогда жениться, — она скривила губы. Видимо, обычай не находил у нее одобрения.

Игара будто дернули за язык:

— И вы отдали?

Глаза женщины сразу отдалились. Стали холодными, как снег:

— Старики отдали. Тебе-то что?

— Ничего, — быстро сказал Игар. — *Он*-то... Кто?..

— ...Мама!..

Под дубовой колодой билась безголовая курица. Кровь хлестала на землю, на траву, на юбку Игаровой собеседницы, на платье перепуганной девчонки с топором наперевес.

— Мама... Не удержала...

Безголовая курица била крыльями, не умея взлететь.

Родня была большая, однако родителей Тиар давно не было в живых. Нынешний глава семьи, мрачный старик в редкой, какой-то пегой бороденке, терпел его вопросы недолго:

— Иди-ка... Не знаем мы... У соседей вон спрашивай...

Имя Тиар было по какой-то причине ему неприятно. Прочие родичи — а Игар так и не понял до конца, кем они приходятся друг другу и кто они по отношению к Тиар, — рады были помочь, но почти ничего не знали.

Женщина, резавшая кур, приходилась Тиар родной сестрой. Когда десятилетнюю Тиар увезли из родного дома, сестре ее исполнилось тринадцать; Игар видел, как в какую-то секунду жесткие глаза ее увлажнились, а рука сама собой принялась теребить деревянное ожерелье на шее. Девочка, ее дочь, упустившая курицу, оказалась удивительно глупой для своих лет; впрочем, она-то уж точно не помнила Тиар. Не могла помнить.

Какой-то лысоватый крепыш с испитым добродушным лицом говорил о Тиар много и охотно — она-де и умница была, умнехонькая такая девочка, и добрая, кошки не обидит, и работящая... Забывшись, он говорил о Тиар как о девице лет семнадцати, но, когда женщина с украшением на шее одернула его, ничуть не смутился.

Игар уже уходил, изгоняемый стариком; непонятное побуждение заставило его обернуться от ворот.

В настежь распахнутых дверях стояла Тиар. Девочка лет девяти-десяти — в домотканом платьице до пят и с таким же, как у женщины, деревянным ожерельем на тонкой шее. Волосы девочки были не заплетены и лежали на узких плечах — темные с медным отливом. Девочка нерешительно, как-то даже испуганно улыбнулась Игару.

Закрылась тяжелая дверь.

* * *

Илаза чуть передохнула. Искоса глянула на высокое солнце, прищурилась и замотала головой. Волосы лезли в лицо; лоб покрыт был потом, и то и дело приходилось непривычным крестьянским движением утирать его. Весь ручей, казалось, пропах духами; она знала, что это всего лишь мерещится, что на самом деле вода давно унесла запах далеко вниз — однако ноздри раздувались, по-прежнему ловя насыщенный, многократно усиленный аромат. Искусный парфюмер оскорбился бы, узнав, что целую скляночку дорогих, первоклассных, с любовью составленных духов сегодня утром опрокинули в лесной ручей.

Илаза удобнее перехватила камень. Следовало спешить; если паук повадится появляться днем, то ни секунды безопасности у Илазы больше не будет. До сих пор она безошибочно чувствовала

его присутствие и потому знает, что сейчас ветви над ее головой пусты. Следует торопиться.

На плоском камне перед ней белело толченое стекло. Пузырек от духов, безжалостно побиваемый куском базальта, превратился сначала в груду осколков, потом стал похож на крупную соль, еще потом — на молотую; Илаза работала, стиснув зубы и не поднимая головы. Стекло должно превратиться в пыль — тогда кровосос уж точно его не заметит...

...Но подействует ли стекло, растолченное в пудру?

Илаза прервала работу. У нее ничего нет, кроме этого чудом сохранившегося пузырька; у нее ровно один шанс. Следует использовать его с толком, взять сейчас голову в руки и решить: толочь мелко или оставить, как есть? Как сахар? Паук сосет только кровь — или и внутренности выедает тоже?..

Скрут. Слово из легенд; вспомнить бы, что оно значит. Не может такое слово означать просто «очень плохой паук»... Она должна знать о враге как можно больше — тогда станет ясно, как его убить.

Ее передернуло. Две ночи она терпеливо выслеживала паука — и сегодня на рассвете едва не увидела его. Не увидела целиком; того, что попалось ей на глаза, хватило вполне.

Там были зазубренные крючки, выглядывающие из серой, какой-то седой клочковатой шерсти; множество суставов, странно мягкое, завораживающее движение немыслимо длинной конечности. Потому что все, что увидела Илаза, было, по сути говоря, лапой. Ногой. У насекомых ноги или лапы?!

Потом скрут удалился, а Илаза извлекла из тайничка скляночку с духами, вылила пахучую жидкость в ручей, а пузырек вымыла песком и разбила на камне...

Чуть выше по ручью висит в сетях дикий поросенок. Трогательно полосатый — и еще, кажется, живой; несколько дней назад Илаза наткнулась в зарослях на тело такого же поросенка, но уже без крови и без головы. Закаленная и уже слегка привычная к подобным зрелищам, она не ударилась в слезы, как это наверняка случилось бы с ней раньше. Она тщательно обследовала остатки скрутовой трапезы — именно в тот момент ей вспомнилась история о мачехе, отравившей падчерицу толченым стеклом.

Историю эту принято было считать истинной правдой; Илаза помнила оживленную болтовню горничных и собственные жаркие споры с сестрой. Ада, которая была старше и умнее, уверяла, что все это выдумки, а Илаза настаивала и даже называла село, где, по ее мнению, случилась трагедия с отравлением...

Как бы то ни было, но через несколько часов господин скрут отправится сосать поросенка, и венцом его трапезы будет свиня-

чья голова. Илазе придется преодолеть отвращение и страх; она сделает из камышинки дудочку без дырочек — просто короткую полую трубку. И вдует толченое стекло поросенку в уши...

Ее передернуло снова. Она вообразила себя отравительницей из страшной сказки — вот она идет вдоль пиршественного стола, вот с улыбкой обращается к улыбающемуся же врагу, предлагает ему отведать дивное пирожное... Сахарный шарик на подносе, и рука, удерживающая угощение, не дрожит. Ешь...

Она посмотрела на свои руки в ссадинах, на толченое стекло на камне — и нерешительно, неуверенно улыбнулась. А ведь она, оказывается, сильная! Она не дрогнула бы в пиршественном зале, и враг, принимая поднос из ее рук, ничего бы не заподозрил... Она сможет и сейчас. Она в своем праве, потому что борется за жизнь. Потому что изверг в теле паука противен природе. Смерть его исправит совершенную кем-то ошибку.

Она аккуратно завернула стеклянный порошок в листок кувшинки и уверенно, не спеша двинулась вверх по ручью.

...Она полчаса сидела в ледяной воде, пытаясь смыть с себя не только запах, не только пот и грязь — саму кожу. Близился вечер; лучше всего сейчас было лечь и заснуть. И проснуться, когда все будет кончено; с каждой минутой надежда ее росла. Все, даже самые страшные твари более уязвимы изнутри, нежели снаружи.

Она легла, подставив спину солнцу и крепко закрыв глаза — однако сна не было и в помине. Илаза поймала себя на том, что хочет видеть все сама. Как он подойдет к поросенку, как он...

Она поднялась. Механически отряхнула безнадежно испорченное платье; медленно, будто нехотя, двинулась к месту своего будущего преступления.

Сеть, опутывающая поросенка, слабо подергивалась. Илаза замерла; ТОТ трапезничал. Рядом с тушкой несчастного свиненка в паутине темнело еще одно тело; Илаза вдруг похолодела. Она почему-то не думала, что паук настолько *огромен*... Он движется так молниеносно и бесшумно, что истинные его размеры...

А хватит ли стекла?!

Ей послышалось глухое, утробное уханье. Скрут покончил с кровью и приступил к голове; Илаза стояла, не решаясь опустить на землю занесенную ногу. Увлечен пиром, неподвижен... Арбалет! Сейчас бы арбалет, да твердую руку, да...

Чуть треснули ветки. На какую-то долю секунды Илаза разглядела в просвете между ними брюхо — покрытое все той же седой клочковатой шерстью, с восемью мощными основаниями лап, расположившимися по кругу, как спицы; рот ее наполнился горькой и вязкой слюной. Справляясь с тошнотой, она успела мельком

подумать: вот бы куда всадить стрелу. Умирай, невозможное страшилище. Умирай...

Скрут исчез. Мгновение назад Илаза видела его тенью среди сплетенных ветвей — а теперь перед глазами ее оказалась обезглавленная поросячья тушка в объятиях слабеющей паутины. Свершилось. Все...

Она опустилась на землю. Привалилась спиной к стволу; теперь только ждать. И надеяться, что умирающая тварь не догадается напоследок, в чем дело, и не впрыснет Илазе порцию яда «для очень плохих людей», который делает кровь уже не кровью...

Ей захотелось спрятаться. Хоть на дно ручья; с трудом поднявшись, она побрела вниз, к воде. Она так тщательно уничтожила следы толченого стекла на камне... Она так долго смывала с себя запах духов... Бедный парфюмер. И на дне сознания — маленькое колючее сожаление: со смертью *того* не повторится больше танец цветных мотыльков перед глазами. То подаренное жгучим жалом забвение, то совершенно счастливое состояние, которого в обыкновенной жизни не бывает. Или почти не бывает; Игар. Алтарь...

— ...странно идешь. Не заболела?

Она через силу улыбнулась. Невозмутимость, доброжелательная невозмутимость; она подняла глаза, оглядывая кроны над головой:

— Я... Все хорошо. Можно... поговорить?..

Она сама не знала, зачем ей это понадобилось. Та, отравительница из страшной сказки, обязательно заводила беседу с уже отравленной жертвой и наблюдала, высматривала, как бледнеют постепенно щеки, как срывается голос, как в глазах появляются ужас и осознание смерти... А перед этим было полчаса милой беседы...

— О чем? О бродячих менестрелях?

Он не настроен на любезности. Он хочет ее отпугнуть; подавив содрогание, Илаза улыбнулась:

— О... скрутах. Я не знаю, кто это такие, и потому я...

За ее спиной звонко щелкнул сучок. Она вздрогнула, но не обернулась.

— О скрутах мы говорить не будем.

Ей померещилось или его голос действительно чуть изменился? Отчего — от запретного вопроса? Или толченое стекло?..

— Не будем, — согласилась она сразу же и с готовностью. — Но... тогда о... пауках?

Воистину, ее тайна придала ей смелости. Та, отравительница, наверняка говорила с жертвой на весьма скользкие темы — чтобы посмотреть на удивление, в последний раз проступающее на быстро бледнеющем лице. Жаль, что Илаза не видит лица... собеседника.

— Гм... — похоже, он удивился-таки, его интонации сделались более человеческими, чем когда-либо. — А зачем о них говорить? Ты что, пауков не видела? Пауки счастливы, когда сыты... Когда голодны — злы...

Никогда прежде он не был таким разговорчивым. Илазе казалось, что она в утлой лодчонке несется навстречу водопаду — брызги в лицо и захватывает дух.

— А... сейчас они сыты?

Поросенок без головы. Медленно ослабевающая паутина. Нажрался, ох как нажрался... И, может быть, в последний раз?..

По веткам над ее головой пробежала тихая дрожь. Илазино сердце прыгнуло, как лягушка; она понятия не имела, как умирают от толченого стекла. Как умирают чудовища.

— Сейчас, — медленный ответ, — сейчас — да...

Он чувствует неладное? Возможно, не стоило заводить этого разговора? Уйти? Переменить тему?..

Она улыбнулась — немного заискивающе:

— Я... понимаете, я, может быть, и глупая... но я не могу неделями молчать. Разговаривать с собой... тоже все время нельзя, верно?.. Я хотела попросить вас... немного побыть моим собеседником. Больше мне просить некого...

Она говорила медленно, тщательно подбирая как бы случайные слова. Она всматривалась в листву над своей головой, пытаясь уловить движение. Или звук... какой-нибудь непривычный, несвойственный ему звук... Чувствует ли он? Или... почувствует позже?

— Н-ну... — Святая Птица, какие у него вдруг человеческие интонации! — Ну, если тебе кажется, что я могу быть тебе интересным собеседником... И хоть что-нибудь, рассказанное мной, будет и тебе интересно тоже...

Голос в ветвях запнулся. На мгновение Илаза увидела суставчатую, в зазубренных крючьях ногу, неловко обнимающую темный толстый ствол напротив. Не показалось, нет; конечность тут же втянулась обратно и скрылась в листве.

— Я, возможно, буду спрашивать странное, — она старалась, чтобы голос ее звучал как можно ровнее и беспечнее. — Может быть, запретное... Например...

Она запнулась. Она хотела спросить про жало. Про укол, подаривший смерть менестрелю Йото, паралич предводителю Карену и неестественную легкость ей, Илазе. Стоит ли спрашивать сейчас, когда, возможно, началось уже действие толченого стекла? Не слишком ли скользкая дорожка?..

— Так о чем ты...

Голос оборвался. Как-то слишком уж резко. Будто запнулся;

Илаза напряглась, всматриваясь в листву. Крепко сжала мокрые кулаки; не удержалась:

— Вы... может быть, нехорошо себя чувствуете? Или мне показалось?

Скрипучий смешок. Какой-то слишком натужный:

— Может быть...

Шелест листьев, тишина; Илаза как-то сразу поняла, что осталась в одиночестве. Что собеседник исчез, не попрощавшись.

* * *

Старший брат Вики, Кааран, с дозволения родителей собрался привести в дом жену. Девочка сперва решила, что Кааран приведет малолетнюю, как она сама, невесту — однако будущая Кааранова жена оказалась взрослой девушкой, и девочка ощутила нечто вроде обиды.

Все объяснила вездесущая Лиль. Не всякий мужчина может себе позволить, как Аальмар, растить невесту и ждать; ветвь Каарана не так богата и не так близка к стержню рода, потому Кааран поступает против обычаев предков, и в этом нет ничего удивительного, нынче так делают почти все...

Девочка хмурилась. Ей казалось, что обычаи рода — чужого рода, в который ей только предстоит войти! — оскорблены. Впрочем, когда-то давным-давно ее собственные родители шокированы были предложением Аальмара, эти обычаи почитающего; воистину «в каждом селении — свой колодец». Там, где она родилась, и свадьбы-то игрались совсем по-другому; теперь она наблюдала за праздничными приготовлениями с горячим, несколько болезненным любопытством.

Столы через весь двор, вышитые скатерти, визг поросят и кудкудахтанье кур, ароматы коптильни — все это бывало и в ее родном селении тоже. На ее родине, как она помнила, еще и овечку к воротам привязывали — черную, если невеста черноволоса, белую, если она белокура, тонкорунную, если приданое достаточно богато, и стриженую, если замуж идет бесприданница...

Теперь овечки не было. Был матрас, по традиции набиваемый семью разновидностями душистых трав, и, что особенно поразило девочку, — красная простыня для новобрачных.

Простыня была из шелка. Ее купили заранее и развесили во дворе на веревке; там она и провисела до свадьбы, переливаясь всеми оттенками алого, приковывая девочкин взгляд и почему-то вызывая тревогу. Простыня была как символ тайного и страшного, связанного с обрядом сочетания мужчины и женщины; Большая Фа, распоряжавшаяся, по обыкновению, всем и вся, находила вре-

мя напомнить девочке, что она уже большая, что и ее свадьба не за горами и скоро такая же красивая простыня будет приготовлена для нее...

Девочка испытывала странное чувство. Всеобщая радость передавалась и ей — но на дне радости жил страх.

На свадьбу явилось множество полузнакомых и вовсе не знакомых людей; девочка чувствовала по отношению к себе умеренное любопытство. Умеренное, потому что центром внимания была, конечно же, невеста.

Ее звала Равара. Ее русые волосы, незаплетенные, опускались до колен и мешали разглядеть платье — а платье было изготовлено за пять ночей тремя искусными мастерицами, и опытный глаз легко читал по нему всю историю девушкиного рода. Шесть пышных юбок, одна чуть короче другой, символизировали пять ветвей ее славной семьи, и по краю самой длинной шел яркий узор, призванный оберегать от злых чар; похожая в своем наряде на молодую, посеребренную инеем елку, невеста почти ничего не ела и не пила, а только обходила, по традиции, гостей, кивала, опускала глаза и снова возвращалась к жениху, чтобы, нагнувшись, коснуться губами пряжки его пояса.

Жених, Кааран, старший брат Вики, смеялся взахлеб, пил вино из кувшина и запинался, начиная положенную традицией речь к гостям; все женихи волнуются на свадьбе, потому что первая брачная ночь — испытание. Невеста должна быть девственна, жених должен быть силен, и никакое оправдание не поможет, если одно из этих условий не соблюдется. Умудренный опытом мужчина или зеленый мальчишка — все равны перед обычаем; жених должен проявить свою мужскую силу в полной красе, и нет более тяжкого позора, чем осрамиться в эту, самую особенную, ночь. Если молодая жена встанет с постели девственницей, мужа ее никто больше не назовет мужчиной. Никогда; потому даже здоровый и сильный Кааран томился сейчас, боясь и ожидая решительной минуты.

Младший брат его, Вики, ходил королем. Правда, к празднику его голову неудачно остригли, и теперь он казался младше своих лет — худым и, с точки зрения девочки, каким-то жалобным.

Девочка наткнулась на него в толпе; от Вики пахло вином. Видимо, щедрый брат против закона угостил и его тоже; Вики еще года два ждать совершеннолетия, когда, по традиции, ближайшие родичи напоят его допьяна — чтобы сразу познал тягость похмелья и впредь был умерен. А до того дня вкус вина знать не положено...

Мальчишка поймал ее осуждающий взгляд и счастливо усмехнулся:

— Ты же не побежишь жаловаться? Нет?..

И сразу же, не дожидаясь ответа:

— Сейчас понесут подарки в спальню...

Двери дома были распахнуты настежь; гости, выстроившись по ранжиру, со смехом и прибаутками ввалились в комнату супругов, и девочка, пойманная за руку Большой Фа, первым делом увидела высокую, разукрашенную цветами постель. Кружевное одеяло было кокетливо откинуто, открывая взорам красную шелковую простыню; гости по очереди возлагали к подножию постели разнообразные, цветами же увитые дары. Девочка успела разглядеть только серебряное зеркальце в богатой оправе да грузный свиток лилового бархата — прочее потонуло в лентах и украшениях, и девочкин взгляд неотрывно прикипел к постели, и почему-то вспомнился Аальмар — как он носит ее, больную, на руках, бормочет на ухо песенку без смысла, с одним только ласковым напевом...

Красная простыня. Красная.

* * *

Протяжно скрипели уключины. Лодочник особенно не напрягался, часто сушил весла, поглядывал по сторонам и то и дело начинал насвистывать под нос песенку без мелодии; река была полноводна, и течение нехотя, но делало за лодочника его работу — влекло четверых пассажиров вниз, к портовому городу Устье.

Игар дремал, свернувшись на корме. Рядом, бок о бок, помещался щекастый парень с косыми, разбегающимися в разные стороны глазами; он все время возился, не давая Игару ни сосредоточиться, ни уснуть.

Он знал теперь, как зовут его личного врага. Некая Тиар, совершившая в прошлом неведомое предательство, связала тем самым свою судьбу с судьбой Илазы; он не желал, чтобы ни в чем не повинная девочка страдала из-за чужой подлости. Из-за подлости Тиар; она, стало быть, больше не жертва. Теперь она изначальный виновник; Игар смотрел на воду, с ужасом пытаясь представить процесс превращения человека в огромного паука.

Временами при слове «Тиар» его память подсовывала ему образ девочки, стоящей в дверях; тогда Игар мрачно кривил губы и изгонял девчонку из своих воспоминаний. Все, что случилось с Тиар в детстве, не несет для нее никакого оправдания — ведь не жалуется же он, Игар, что родители его умерли в один день, тетка запила и из всех родичей осталась одна Святая Птица...

Парень снова толкнул его в бок, и довольно болезненно; Игар хотел было огрызнуться — парень опередил его, уставившись весело и доброжелательно:

— Пригрелся-то? На солнышке?

Игар никак не мог решить, в какой из глаз соседа ему удобнее

смотреть — в правый, лукавый, или левый, задумчиво глядящий вдаль.

Парень заговорщицки подмигнул:

— Ты-то... тебе в Устье зачем?

Игар поразился наглости соседа; парень улыбался. Бесцеремонность в этих краях была признаком добрых намерений, и поэтому Игар улыбнулся тоже:

— Да вот... дельце есть.

И он тоже подмигнул — без обид, мол, дельце тайное; парень неожиданно воодушевился:

— Так ты тоже за этим?!

Соседи — пожилая пара, восседавшая напротив — глянули с неодобрением; парень приблизил лицо к самым Игаровым глазам и перешел на шепот:

— Я-то... Полгода, почитай, копил. У родителей еле отпросился... Они меня три дня наставляли: возле порта не бери. А как не бери, когда они возле порта — самые сочные?!

— Почему? — поинтересовался Игар удивленно.

Парень захлопал глазами, поражаясь его непонятливости:

— Да возле порта — моряки же!.. Бывают богатые — страх; если пират, скажем, если он год в порту не был — он же золотом сыплет, как король... Или купец. Купец — другое дело, но уж если купцу угодить... Да все они, понимаешь, на берег сойдут — и туда... И потому возле порта этих — как моли... Мне, понятно, особо шикарных не надо — но там и попроще есть, такие, что огонь... Ребята у нас ездили в том году — так аж слюни пускали, вспоминая... Так что имей в виду: в порту — самый сок!..

Игар слушал, понемногу понимая, о чем идет речь, и по мере надобности уважительно кивая. Мерзкая мысль — проводить косоглазого до порта и в темной улочке изъять приготовленные деньги — была отброшена не без сожаления. Расплатившись с лодочником, Игар обрек себя на несколько голодных дней; воспоминание же о торговце платками вызывало тошноту. И зачем этот дурачок разноглазый сам на горе нарывается...

Вот будет забавно, если он отыщет Тиар среди портовых шлюх. Вот кого будет легко и не жалко спровадить скруту в гости — искупать вину... А вина, как он давно уже знает по себе, тянет за собой другую вину; с именем Тиар связана темная история, о которой толком не знают даже ее родственники. Сестра, родная сестра догнала тогда Игара за воротами, спросила, заглядывая в глаза: не знает ли? Что ж там было, на самом-то деле?..

Что было-то?.. Спросите у скрута. Он точно знает. Череда предательств способна привести в королевский дворец — и в дом свободных нравов тоже. Даже бывшую девочку в домотканом платьице, с деревянным украшением на шее...

— Может, вместе пойдем? — на всякий случай спросил он косоглазого.

Тот посерьезнел:

— Не... В таком деле каждый сам по себе...

Соседствующие пассажиры — пожилая пара — прекрасно понимали, о чем идет речь; на лице женщины застыла маска брезгливости, а муж ее, узкоплечий и щуплый, странно заерзал и тихонько вздохнул.

На две трети город состоял из порта; никогда раньше Игар не видел такого пестрого, разношерстного, красочного сброда. У бесконечных причалов покачивались суда; среди красавцев парусников то и дело попадались галеры — тоже по-своему красивые, приземистые, и от них несло железом и немытым человеческим телом, и какие-то молодцы, слонявшиеся у причала, стали нехорошо поглядывать на Игара — он оскалился и ушел. Приковать его к скамье — неудачная мысль. Он, конечно, мечтал увидеть море — но не из щели же для галерного весла!..

В переулках пахло рыбой, гнилью, еще почему-то душными благовониями; здесь торговали заморскими винами и фруктами, и края драгоценных шелков небрежно свешивались в грязь. На каждых троих прохожих приходилось по два бандита; Игар с трудом выбрался на набережную — достаточно широкую, чистую и добропорядочную.

Здесь вразвалочку расхаживали матросы — побогаче, в круглых шапочках и синих рубахах со шнуровкой, и победнее — кто в чем. И те и другие щеголяли, как знаком профессиональной принадлежности, крупным кристаллом соли, пришитым к поясу; у некоторых на правой скуле был вытатуирован косой треугольник. Шествовал богатый купец, сухощавый человек с плоским волевым лицом, разодетый в бархат и шелк, в сопровождении целой свиты слуг и телохранителей; шныряли вороватого вида мальчишки, коптились под открытым небом бараньи туши, а на углу, под тентом, играли во что-то на деньги.

Игар, обомлевший от запаха коптилен, подошел к играющим; заправила был весел и черноволос, а треугольник на его правой скуле был перечеркнут косой красной линией в знак того, что за какую-то провинность этот человек изгнан из матросов. Игра оказалась простой до неприличия — игроки по очереди кидали большую деревянную пуговицу; счастливец, у которого пуговица упала ушком вниз, забирал все ставки соперников. Если все пуговицы падали ушком кверху, весь банк переходил к хозяину игорного за-

ведения, то есть владельцу пуговицы; Игар поразился незамысловатости здешних нравов.

На его глазах какой-то оборванец выиграл пригоршню медных монеток и гордо удалился, провожаемый завистливыми взглядами. Под шутки-прибаутки веселый заправила благополучно обирал своих азартных клиентов; ощущая холодок в груди, Игар пристроился сбоку и, когда дошла очередь, тоже потянулся за пуговицей.

Черноволосый вскинул на него глаза:

— Эй! Что ставишь, мил парень?

— Штаны, — серьезно ответствовал Игар.

Вся компания удивленно вытаращилась, чтобы тут же и разразиться утробным смехом:

— Да на кой тебе его штаны, Улька?

— Пусть снимет! Пусть на кон положит, а то знаем!..

— А чего, я видел как-то... Из кабака матросик шел, голеньким светил... Пропился подчистую...

Чернявый Улька прищурился:

— Ладыть... Штаны мне твои без надобности, охота посмотреть только, как ты уйдешь без штанов...

Игар взял пуговицу последним, когда все, бросавшие перед тем, уже проиграли. Тяжелая, истертая, теплая от множества рук...

Закусив губу, он положил пуговицу на сгиб пальца. Неуловимым движением крутанул — красиво вертясь, пуговица опустилась на доску, встала на ушко, как волчок, и еще долгую молчаливую минуту вертелась, прежде чем улечься на бок, — все еще ушком вниз.

Под молчаливое переглядывание компании Игар сгреб с доски пригоршню монет. Оглядел хмурые, подозрительные лица, бормочущие что-то про мошенников и умельцев из балагана; позвенел деньгами:

— На все.

Улька разразился прибаутками, поощряя ставить смелее; поставить решились только двое — круглоглазый матросик, с виду значительно младше Игара, и презрительный бродяга в широкополой, с обвислыми полями шляпе. Оба поставили помногу — Улька честно следил, чтобы все ставки в игре были равны.

В полном молчании матросик и бродяга бросили — и проиграли. Игар положил пуговицу на сгиб пальца, победоносно ухмыльнулся, разглядывая напряженные лица — и крутанул.

Пуговица вертелась долго-долго. Потом позорно опрокинулась на спинку, задрав ушко, как поверженный пес задирает, сдаваясь, лапы.

Компания взорвалась азартными воплями; Игар казался смущенным. Весь его мгновенный выигрыш так же мгновенно и уплыл; он отошел, вернулся снова, нерешительно потянулся за пуговицей:

— Ставлю штаны...

Улька сморщил нос — однако игроки, возжелавшие зрелища, ободряюще захлопали Игара по плечам. Игар нерешительно вертел снаряд между пальцами; Отец-Разбиватель, прежний, из родного Игарова гнезда, охотно учил младших птенцов забавам с монетками, камушками, пуговицами... И кое-кого выучил, надо сказать...

Игар никогда не считал себя азартным. Особенно сегодня. Сегодня ему нужны деньги — много, много и быстро. Только на этот раз он не полезет ни на кого с ножом — следует сосредоточиться. Не азарт, не победа — только деньги, дремлющие в их карманах. С вечно побеждающим соперником никто не станет играть... Святая Птица, я не мошенник. Я честно... Но мне нужны деньги. Чтобы спасти Илазу...

И хорош же я буду без штанов.

Игар кинул первым — пуговица, красиво прокрутившись положенное время, снова шлепнулась ушком кверху.

Улька хищно, презрительно усмехнулся. Прохожие удивленно оглядывались; подталкиваемый и подгоняемый, Игар стянул башмаки, снял пояс, стащил штаны и положил на землю перед выигравшим — тем самым бродягой в обвислой шляпе.

Компания улюлюкала; в потоке зубоскальства проскальзывали вполне уважительные нотки: настоящий игрок не тот, кто ставит золотые горы, а тот, кто согласен снять штаны...

Понурый Игар как можно ниже одернул рубашку и потянулся за пуговицей; Улька сделал круглые глаза:

— На что?!

— На рубашку, — сказал Игар, не отводя взгляда.

Улька принял ставку. Бродяга, усмехнувшись, поставил на кон выигранные Игаровы штаны; брошенная им пуговица была близка к тому, чтобы удержаться на ушке. Игар почувствовал, как голые ноги покрываются мурашками — если за одну игру пуговица падала на ушко дважды, выигрыш все равно доставался жадному Ульке...

В последнюю секунду пуговица, брошенная бродягой, перевернулась.

Игар обвел глазами притихшую компанию. Осторожно поднял пуговицу; крутанул.

Пуговица упала на ушко.

Кажется, вокруг играющих собралась толпа; бродяги, матросы, воришки-игроки искренне, как дети, радовались успеху Настоящего Игрока, отыгравшего обратно свои штаны — и еще груду монет!

Сияя, Игар оделся. Подтянул пояс; горделиво оглядел сборище, крякнул, щелкнул пальцами:

— А-а-а!.. На все!

Кто-то засвистел от восторга. Улька блаженствовал; не часто на его маленьком игорном пятачке случалось такое представление: бедный-богатый-нищий-богатый-без штанов...

Ставили помногу; ставили серебро, кто-то поставил даже золотой. Улька немилосердно изгонял из игры недостаточные, по его мнению, взятки; Игарова горсть лежала особняком, и многие, глядя на нее, с сожалением цокали языками: дурак парень. Без штанов было остался — теперь дурное свое богатство проигрывает. Дураков не лечат...

Бросил бродяга в обвислой шляпе; пока пуговица прыгала, Игар успел дважды покрыться потом. Бродяга проиграл.

Круглоглазый матросик, у которого не хватило денег на большую игру, перевел дыхание; в игру вступил одноглазый, с виду бандит бандитом.

Игарово сердце вертелось, как брошенная пуговица на кону. Выигрыш любого из его соперников означал полное его поражение.

Но и одноглазый проиграл.

Всего играющих было человек шесть; когда пуговица, пять раз упав ушком вверх, оказалась в его руках — руки эти дрожали. Улька сочувственно щурился — большая игра...

Игар уже знал, что выиграл. И знал, что, выдав эту уверенность, тут же лишится всех денег и нескольких зубов в придачу...

Он подышал на пуговицу; потом поплевал. Зрители охотно предположили, что еще надлежит сделать, чтобы удача была благосклонна, — но Игар не внял их советам. Осторожно лизнул пуговицу языком; положил на сгиб пальца — и под одновременный вдох всех присутствующих крутанул.

Пуговица упала точно на ушко — как волчок. Прокрутилась несколько секунд и легла на бочок, ушком вниз.

Кто-то ахнул. Кто-то сквозь зубы ругнулся; не дожидаясь приглашения, Игар сгреб с доски свой выигрыш. Наверное, столько получает молодой матрос за весь долгий, тяжелый поход.

Он улыбнулся обомлевшему Ульке:

— Спасибо, брат...

Повернулся и скользнул сквозь толпу; кто-то двинулся за ним вослед, он это сразу почувствовал. И почти сразу ощутил, как чья-то заскорузлая рука ухватила за плечо:

— Погоди... Так не уходят. Начал играть — играй... А то сгреб, понимаешь...

Игар обернулся. Одноглазый, бандит бандитом, недобро щурил уцелевшее око; вокруг плотно стояли его приятели. Может быть, и не вся толпа из них состоит — но человек десять точно найдется...

Одноглазого дернули за рукав. Бродяга в обвислой шляпе что-то ожесточенно зашептал; с другой стороны подоспел круглоглазый матросик:

— Ты... это... он с Черноухим позавчера пришел. Ты... это...

Одноглазый выпустил Игарово плечо. Механически, мгновенно; потом, опомнившись, схватил снова:

— Этот?! Да посмотри, он же на палубу ни в жизнь не ступал! Этот с Черноухим пришел?!

Бродяга снова зашептал. Одноглазый тряхнул головой:

— Да нищий же был, как крыса!.. Они все...

— Я сам его видел с людьми Черноухого! — тонко, как-то жалобно крикнул матросик. — Позавчера видел, морской девой клянусь...

Ох, покарает тебя твоя морская дева, подумал Игар. Одноглазый оттолкнул его — со страхом, с каким-то даже отвращением:

— А... иди ты...

Раздраженно махнул рукой и вернулся к игре.

У дверей публичных домов здесь вешали особым образом выщербленную морскую раковину; ловя ветер, странное украшение издавало не менее странный звук, который с некоторой натяжкой можно было принять за стон страсти. В этом квартале подобные стоны слышались со всех сторон.

Вечерело; Игар шел, и навстречу ему попадались чрезвычайно интересные прохожие.

Один был явно пират, причем давший, по-видимому, обет морской деве; половина головы у него была обрита, зато и борода росла только с одной стороны. Встретившись с ним взглядом, Игар быстро отвел глаза.

Другой был аристократ, сопровождаемый двумя телохранителями; один из них, проходя мимо, нарочно задел Игара ножнами сабли. Игар сделал вид, что ничего не заметил.

Третья была девочка лет двенадцати, горбатая; подойдя к Игару, она доверчиво улыбнулась:

— Хочешь меня? Мне так эти сволочи надоели, у тебя хоть лицо хорошее... Пошли, а?..

Игар ушел, сдерживая дрожь и подавляя желание оглянуться.

Моряки и горожане бродили, по одному и группками, болтали между собой, время от времени заворачивали в двери под страстно стонущей раковиной; кое-где у стен стояли общественные девушки, и на протянутой ладони у каждой лежал красный помидор —

символ мужской силы. Всякий, взявший овощ с предлагающей его ладони, в ту же минуту становился из прохожего клиентом.

Игар брел. Не раз и не два его нежно пытались удержать; он брел, слушая страстные стоны раковин, понемногу впадая в тоску: нет, ее нету здесь... Он зря явился сюда. Побывавшему на Алтаре странно и страшно бродить по этим кривым улочкам; среди множества женщин с красными шариками на ладонях он не найдет Тиар...

Его взяли за рукав. Настойчиво и в то же время мягко:

— Кого ты ищешь?

Он обернулся — старуха. Крепкая, морщинистая старуха, и на шее у нее ожерелье из маленьких, с монетку, раковин.

— Кого ты ищешь, мальчик?

Он вытащил свои деньги; пересыпал из ладони в ладонь:

— Я ищу женщину. Волосы черные с медным отливом, среднего роста, под лопаткой — родимое пятно в виде ромба. Поможешь — заплачу.

Вид денег не взволновал старуху. Она продолжала смотреть Игару в глаза:

— Ты ее знаешь?

— Я ее ищу.

Старуха помедлила, шевеля губами; медленно кивнула:

— Пойдем.

Над этой дверью не было призывающей раковины, однако неуловимый аромат порока, наполняющий узкие улочки продажного квартала, здесь был плотнее и гуще.

Игар вошел; в коридоре пахло свежим деревом, а комната, в которую препроводила его старуха, оказалась завалена подушками — круглыми и квадратными, маленькими, огромными, кожаными и бархатными, с вышитыми на них гербами несуществующих провинций и мордами выдуманных зверей; на стене, обитой серебряной парчой, красовался свежий потек — не так давно кто-то сильно швырнул спелым помидором, и красный овощ превратился в красную же, с неровными лучами звезду.

— Найдем тебе, — сказала старуха уверенно. — Ты парень небогатый, но щедрый, таких всегда любила... Придержи, придержи свои монетки — ей отдашь.

— Она здесь? — Вопрос получился излишне суетливым.

— Все они здесь, — старуха усмехнулась, обнажая крепкие желтые зубы. — Все они здесь, пташки, куда нам, бедным, деваться... Сядь и жди.

Старуха вышла; Игар только сейчас заметил, что вдоль всего подола к ее юбке пришита корабельная цепь. Вот откуда тот тусклый звон, который сопровождал их всю дорогу...

На подушки он из брезгливости не сел. Мало ли что за подушки; сел прямо на пол, напротив помидорной кляксы, прислонился спиной к стене и подобрал под себя ноги.

Снова эта противная дрожь. Снова он ждет, что пред ним предстанет Тиар; он ошибался уже дважды, а третья попытка во всех сказках волшебная. Если только она здесь... Насмешка судьбы. Илаза, потерявшая невинность на Алтаре, в обмен на портовую шлюху...

Он вдруг вспомнил, что давно не спал. Что не ел уже почти сутки; и хорошо бы явиться в дом под раковиной, заказать вина и мяса, а потом опрокинуть в постель эту, с ромбом на спине, и разобраться, каковы на самом деле эти продажные штучки, почему так сладко заикался косой парнишка, что был его спутником в лодке...

Он испуганно замигал. Желание было столь явным, а воображаемая картина столь яркой, что он поразился сам себе: как?.. Как только может такое в голову прийти... И потом, откуда силы?!

С грохотом распахнулась дверь, и в комнате с подушками сразу стало тесно.

Двое из ввалившихся служили, по-видимому, свитой третьему; третий оказался лысым, как колено, и с ног до головы разодетым в тонкий шелк. Игар сроду не видел такого показного, такого безвкусного богатства; золотых украшений у лысого не было разве что на заду — и то потому, что иначе, садясь, он напоролся бы на булавку. Отвлеченный невиданным нарядом, Игар не сразу посмотрел лысому в лицо; подняв наконец взгляд, он встретился со слегка пьяными, умными, очень удивленными глазами:

— Вот так так!

Лысый смотрел на сидящего Игара так, будто тот был шестиногим, выставленным на обозрение теленком; с некоторым беспокойством Игар увидел вдруг, что на правом ухе у лысого лежит родимое пятно — черное, покрытое редкими толстыми волосинками, занимающее и часть щеки тоже.

— Вот так та-ак, — протянул Черноухий, оглядываясь на свиту. — Бывает же... Если бы Ферти не прирезали вчера в кабаке... А как похож-то!..

Первый из свиты наклонился ниже, ткнул в Игара пальцем, радостно захохотал:

— Точно! В темноте спутал бы! Решил бы, сидит покойничек, вот кто его только сюда притащил?!

Игару сделалось не по себе. Не отрываясь от стены, он поднялся.

— Тебя как зовут? — поинтересовался Черноухий. На скуле у него тоже когда-то был вытатуирован треугольник — теперь он был расплывчат, полустерт и тщательно замазан пудрой. Сверху

недоставало двух зубов, их место занимали крупные, непонятным образом укрепленные жемчужины; большие серые глаза изучали Игара, и во взгляде их не было злобы, но было нечто такое, отчего Игаров живот сам собой подтянулся:

— Игар я...

Он понял вдруг, с каким выражением изучает его Черноухий. Понял и плотнее вжался в стену. Святая Птица, а вот это совсем плохо. Совсем плохо — и вот так, неожиданно, на ровном месте...

— Не бойся, — мягко сказал пиратский капитан. — Дружок у нас был, Ферти... Здорово на тебя похож. Жалко мне его; вот, на тебя гляжу, вспоминаю...

Глаза его вдруг ласково прищурились:

— Хороший был парень... Веселый. Ты, вижу, тоже веселый — только загрустил чего-то... — И рука его, сплошь унизанная перстнями, дружески легла Игару на талию. — Пойдем?

Игар растерянно улыбнулся. Неуверенно кивнул — и тут же, болезненно поморщившись, ожесточенно зачесался, задирая на себе рубаху:

— Ай... Сейчас только... ага...

Он драл и драл ногтями собственный живот, и на лице его застыло выражение свирепого блаженства:

— Ох... зараза... о-ох...

Черноухий убрал руку.

Еще некоторое время Игар чувствовал на себе подозрительный, с оттенком жалости взгляд; неизвестно, чем кончилось бы дело, но в этот самый момент распахнулись двери напротив, и уже знакомая Игарова старуха поманила всю троицу пальцем:

— Готово, господа хорошие... Все готово, мой господин, — Черноухому она поклонилась отдельно. — Уж не пожалеете, это лилия, а не парень. Точно лилия... Прошу пожаловать...

Не оглядываясь на Игара, Черноухий проследовал навстречу обещанному наслаждению; свита протопала следом, и Игар выдохнул сквозь сжатые зубы. До крови исцарапанная кожа жгла немилосердно.

Старуха вернулась через несколько минут; с ней явилась девочка лет семи, серьезная, с ленточкой в длинных густых волосах.

— Нашли тебе, — старуха многозначительно усмехнулась. — Вот, — она кивнула на девочку, — проведет тебя. Монетку ей дашь потом... Ступай.

Корабельная цепь, пришитая к подолу старухиной юбки, тускло звякнула, коснувшись дверного косяка.

Над этой дверью страстно стонала раковина; следуя за девочкой, Игар поднялся по винтовой лестнице, дождался, пока провожатая шепотом перемолвится с кем-то в темном коридоре, проследовал за ней через душную комнату, где из круглой кадки с водой торчали две всклокоченные головы, через длинный винтообразный переход с окошками в потолке, через еще один коридор — и остановился перед закрытой дверью.

Девочка протянула ладошку:

— Плати.

— А где она? — напряженно спросил Игар.

Девочка кивнула на дверь:

— Там она... Плати.

Игар секунду колебался; потом посмотрел на серьезное, осунувшееся лицо и положил на ладонь монетку:

— Спасибо... Что привела...

Не говоря ни слова, девочка исчезла в конце коридора.

Игар постоял, пытаясь выловить внутри себя хоть какое-то чувство, уместное в отношении Тиар; чувства путались. Мешала, маячa перед глазами, десятилетняя девочка на пороге сельского дома; Игар плюнул наконец и изгнал все мысли вообще. Постучал в дверь, не получил ответа и вошел.

Глаза его давно привыкли к полумраку, но здесь, в комнате, царила и вовсе темнота; прямо у двери стояла наполовину свернутая ширма, и прежде, чем разглядеть что-либо, Игар услышал голос:

— ...а лучше комариная травка. Жабье ушко тоже неплохо — но от комариной полностью все отшибает, хоть их пятнадцать подряд, хоть шестнадцать... Полстакана выпить, остальным рабочее место смазать — и ничего не чуешь, хоть целую галеру принимай по очереди...

Говорила женщина, сидящая на полу перед единственной в комнате свечкой; еще две — одна бритая наголо, другая с детской косой на плече — грызли один на двоих рогатый пряник. Привалившись к стенам, стояли свернутые ширмы; пол покрыт был сплошным тюфяком. Подсвечник — Игар разинул рот — изображал мужскую гордость в пике вожделения, и оттого вправленная в него горящая свеча приобретала вид странный и двусмысленный; тут же валялся забытый, надкушенный кем-то помидор.

Все это остолбеневший Игар успел рассмотреть в то время, пока обитательницы комнаты, одетые в одинаковые тесные платьица, молча разглядывали его; потом, наконец, бритая повернула голову к той, что рассуждала о травах:

— Хватает полстакана-то?..

Обладательница косы хмыкнула:

— А мне не надо... Никогда так не делала. Одной страсти хватало...

Бритая окинула ее ледяным взглядом:

— Это тебе на пятерых подряд одной страсти хватит... А когда

их будет двадцать, как у меня вчера... тогда побежишь. За травками к Напилке...

— Кто из вас Тиар? — спросил Игар, к которому одновременно с даром речи явились раздражение и ярость.

Обладательница косы захлопала девчоночьими ресницами:

— А? Кто?

Игар шагнул вперед, будто собираясь схватить бритую за воротник:

— Кто из вас Тиар с ромбом на спине?!

— Страстный, — удивленно сказала бритоголовая.

Та, что рассуждала о травах, неспешно поднялась. Повернулась к Игару спиной; ловким привычным движением задрала платье, под которым, оказывается, не было ничего:

— Этот? Ромб то есть?

Бритая услужливо поднесла свечку; в свете деревянного фаллоса Игар увидел сначала следы розог на округлых ягодицах и уже потом — четыре крупные, какие-то размытые родинки, располагающиеся ромбом. Прямо под правой лопаткой.

Зависло молчание; обладательница косы с хрустом доедала пряник.

— Это не пятно, — сказал наконец Игар. — Это не родимое пятно... Это... так...

Носительница ромба удивленно вывернула голову, пытаясь увидеть происходящее сзади:

— А что это, по-твоему? Меня не один ты так искал... Был один парень, вроде пират, так тоже просил всегда: «Мне ту, что с ромбом»...

Она опустила платье. Тряхнула волосами; усмехнулась — както даже мило и кокетливо:

— А тебя вот... погоди-погоди. Вроде помню... Точно помню!.. Весной приходил... точно?

— Как тебя зовут?

Она неспешно вернулась на свое место; уселась на тюфяк, подобрала помидор, смачно откусила. Обладательница косы подбирала пальчиком оставшиеся на тюфяке пряничные крошки.

— Зачем тебе? — спросила та, что с ромбом; подбородок ее был залит помидорным соком.

— Некоторые хотят имя, — задумчиво сообщила бритоголовая. — Им так больше нравится...

— Как тебя зовут? — повторил Игар. — Имя?

Его собеседница заглотнула остаток помидора. Пожала плечами:

— Ты вроде эту... Тиар искал?

Игар понял свою ошибку. Он не должен был называть имя первым; вот если бы его назвала женщина с ромбом... Ведь это точно ромб, ромб под правой лопаткой, а родинки или родимое пятно... Может быть, он неправильно понял...

— Ты Тиар? — спросил он, глядя ей в глаза.

Она усмехнулась:

— Может быть... А что?

Дверь за его спиной распахнулась; обладательница косы и бритоголовая встали. Вошедшие были трое матросов — вернее, двое матросов и юнга, потому что мальчику было не больше четырнадцати.

Приключилась суета; ширмы, до того стоявшие у стен, с необыкновенной скоростью были развернуты и расставлены, и на их полотняных боках обнаружились картинки, от которых у Игара свело челюсти. Загорелось еще несколько свечей в точно таких же специальных подсвечниках, в комнате стало светлее, и Игар увидел лицо мальчика-юнги. Тот круглыми глазами смотрел на ширмы и на девиц, в то время как один из его товарищей уже деловито ощупывал бритоголовую, а другой командовал обладательницей ромба, которая споро сметала с тюфяка крошки.

— Это моя, — сказал Игар.

Все лица обратились к нему; обладательница ромба усмехнулась матросам:

— Минуточку, дорогуши... Один пусть подождет. Нас трое — вас теперь четверо...

— Пусть он и подождет, — один из матросов, кривоногий и широкоплечий, недобро уставился на Игара.

— Я подожду, — вмешался мальчик; Игар понял, что больше всего на свете парнишке сейчас хочется сбежать. Оказаться далеко-далеко, пусть даже на собственном унылом суденышке, где работа с утра до вечера, качает, дует и палит, где его лупят все кому не лень за вину и без вины...

— Ты не подождешь! — заявил второй матрос, с тяжелым амулетом на жилистой шее. — Ты иначе не мужчиной будешь, а...

От сказанного слова сделалось не по себе даже Игару, а мальчик и вовсе присел, как щенок.

Тиар — женщина, которая называла себя Тиар, — нежно взяла Игара за плечи:

— Ты... Хватит болтать, а? Пошли...

Он дал себя увлечь в закуток за ширмой; уединением это можно было назвать лишь условно, потому что ширма оказалась не такой высокой, не такой уж широкой и со щелью внизу. Разумеется, все, происходившее в комнате, было слышно всем из любого ее уголка.

Женщина поставила на пол свечу и призывно улыбнулась; руки ее, не дожидаясь Игара, ловко расстегивали платье.

— Так ты когда был здесь? Уже снег сошел, кажется... Да? Уже тепло было, как ты приезжал?

— Где ты родилась? — спросил он одними губами.

Она стягивала через голову платье:

— А?.. В селе, а что?

— Название села.

Она бросила одежду на пол; у Игара перехватило дыхание. Она стояла перед ним совершенно нагая, привычно зовущая, с маленьким шрамиком под левым розовым соском:

— Да чего тебе, а?.. Раздевайся, очередь же... А этот болтает...

Ее рука нахально скользнула ему в штаны и полезла, куда не следует; Игар перехватил ее за запястье. Усилием воли удержался, чтобы не сжать до хруста костей:

— Название села. Ну скажи, ну пожалуйста.

Рядом, в нескольких шагах, отделенная тонким, натянутым на раму полотнищем, успокаивающе ворковала бритая — ей достался мальчик. Игар стиснул зубы; в другом конце комнаты страстно застонала обладательница косы — даже у раковины, подвешенной над дверью, это получалось куда естественнее. Матросу, впрочем, было все равно — он взревел, как тюлень на отмели.

Игарова женщина нахмурилась:

— Ну странный ты... У меня в селе полно родни; зачем мне... Тебе-то все равно, мимо будешь ехать и ляпнешь чего-то...

Игар облизнул губы. Ее нагое тело в свете свечи всколыхнуло в нем мутную, недостойную, мучительную волну. Он напрягся, преодолевая постыдное вожделение:

— Ну и что с того?.. Родителей нет в живых, а прочие тебе что, указка?!

Привычная улыбка соскользнула с ее лица. Она опустила глаза:

— Да... *Родителей давно уже... А ты откуда знаешь?!*

Он с трудом оторвал взгляд от ее нагой груди; крепко взял женщину за подбородок, заставил смотреть себе в глаза:

— Ты Тиар? Не врешь?

По ее лицу ничего нельзя было прочитать. Как по шляпке гвоздя. Тело ее казалось куда красноречивее.

— Может быть, и Тиар, — она высвободилась. — Может быть... Чего ты хочешь, а?

В ворковании бритой скользнуло нетерпение. Тогда матрос, на которого не хватило женщин, решил, по-видимому, помочь обращению мальчика:

— Да чего ты боишься?! Вот ребятам скажу, как ты жался-то... Она тебя научает, а ты чего выдираешься?

Игара скрутило от ненависти. Он готов был забыть про ту, что

называет себя Тиар, повалить ширму, разбить нос матросу с амулетом и сказать мальчишке: беги! Иди отсюда, беги, беги!..

— Да уйди отсюда! — рявкнула бритоголовая, будто отвечая Игаровым мыслям; впрочем, прогоняла она не мальчишку, а матроса. — Советчик нашелся... Тебе бы так посоветовали, крыса... Пошел вон, жди!..

Игар обернулся к женщине с ромбом на спине:

— Вот что... Одевайся, и пошли отсюда. У меня к тебе дело, которое стоит мешок монет.

Она недоверчиво скривила губы:

— С чего бы это?..

— Наследство тебе, — бросил он, не сводя взгляда с ее прищуренных глаз.

Она мигнула; лицо ее все еще оставалось бесстрастным:

— Врешь.

Он плюнул в сердцах:

— Дура! Да зачем я тебя ищу? Зачем мне ромб этот?.. Наследство тебе, от... мужа!

Ее реакция превзошла все его ожидания.

Она сглотнула. Побледнела; потом покраснела, как съеденный помидор. Спросила срывающимся, потрясенным шепотом:

— *Помер?!*

Игар кивнул. Не кивнул, а дернул головой.

— Слава морской деве, — шепотом сказала женщина.

За ширмой тяжело задышали — дела у мальчика наконец-то пошли на лад. Игар стиснул зубы; крепко взял женщину за руку повыше локтя:

— Пойдешь со мной?

Она неосознанно провела пальцем по шраму под левым соском. Медленно, удивленно кивнула.

* * *

Девочка мерила время приездами и отъездами Аальмара.

Она давно знала, что ее четырнадцать лет и положение невесты не дают права бегать сломя голову и выкрикивать нечто бессвязно-радостное; в честь приезда Аальмара можно пренебречь приличиями. Броситься за ворота, выскочить на дорогу, бежать, расплескивая лужи, и вопить в свое удовольствие — пока от отряда не отделится всадник на белом жеребце, пока не соскочит в размытую глину, пока не распахнет руки, заслоняя собой весь свет, пока не сомкнет объятия — запах ветра и железа, мокрых лошадей, самые любимые на свете запахи...

— Что ж ты... Что ж ты так долго не ехал?

— Здравствуй. Я привез тебе подарок.

От крыльца валили радостной толпой Большая Фа, слуги и домочадцы, молодая Равара с видимо округлившимся животом, подростки во главе с повзрослевшим Вики; девочка чувствовала на себе их взгляды. Счастливые и немного завистливые — она идет под руку с самим Аальмаром, идет, высоко задрав нос, разомлевшая от гордости, счастливейшая из невест: смотрите все...

В маленькой комнате, куда, к неудовольствию девочки, была допущена и Большая Фа, он обнял ее еще раз — крепко, до боли. Осторожно поставил на пол:

— Смотри...

И на низкий столик перед ней легло платье.

Он умел удивлять ее; всякий раз ей казалась, что большей радости не бывает. Такого платья не носил никто в доме; даже на ярмарке, даже на самых богатых и знатных дамах девочка не видела ничего подобного. Это было простое и величественное сооружение из тонкой замши, парчи и бархата; оно было роскошно, но то была не показная роскошь купчихи — благородная, естественная роскошь, присущая королевам.

Девочка задрожала. Первой же мыслью было горестное сожаление о том, что платье, конечно же, велико и потому надеть его придется только через несколько лет; ей не приходило в голову, что нечто подобное могут сшить на подростка. Она не сразу, но решилась взять подарок в руки — он оказался удивительно легким, и в следующую секунду девочка поняла, что платье по росту.

А вдруг оно не сойдется в плечах? А вдруг широко в груди?! Не раздумывая ни секунды, она рванула поясок своего старенького, домашнего, уже тесного платьица. Поспешно расправилась со шнуровкой, стянула платье через голову и, как в водопад, нырнула в запахи шелков.

Сначала была мягкая темнота; потом она ощутила, как падает вдоль тела бархатная юбка. Потом она вынырнула, посмотрела вниз и увидела себя — незнакомую, в потрясающих переливах ткани; обернулась к Аальмару:

— Застегни... Ой, застегни скорее...

Не говоря ни слова, он осторожно принялся застегивать крючок за крючком, а девочка испуганно прислушивалась к своим чувствам: не жмет ли? Не свободно ли?!

Платье сидело как влитое.

Она подошла к зеркалу; перед ней стояла юная принцесса в дивном наряде, но почему-то растрепанная, как веник. Она счастливо засмеялась — и поймала отразившийся в зеркале взгляд Большой Фа.

Смех застрял у нее в горле. Старуха смотрела с явным, холодным, презрительным осуждением.

Девочка обернулась; Аальмар улыбался, но ей показалась, что его улыбка слегка натянута. Слегка неестественна; радость от подарка стала вдруг меркнуть, таять, уходить. Она что-то не так сделала? Что именно? Почему?..

— Тебе нравится? — спросил Аальмар. Ей показалось, что он огорчен. Или удивлен, но тщательно скрывает это чувство...

— Очень, — сказала она шепотом, но от радости не осталось и следа. Что она все-таки сделала?!

— Причешись и выйди, — попросил Аальмар. — Я хочу, чтобы все...

Он говорил, а она видела только, как шевелятся его губы. Аальмар вышел; дождавшись, пока дверь за ним закроется, старуха презрительно скривила губы:

— В твоем возрасте пора иметь хоть чуточку стыдливости... Заголяться в присутствии жениха — видано ли?

Девочка смотрела на нее растерянными, полными слез глазами.

Она могла бы напомнить, как Аальмар ухаживал за ней во время болезни — обтирал, мыл, переодевал... Тогда ей и в голову не приходило стыдиться Аальмара... В чем она провинилась теперь? Или виной ее новое, изменившееся тело?..

— Аальмар решит, что я воспитала тебя бесстыдницей, — горько призналась старуха. — А зачем ему бесстыжая жена?..

Слово «бесстыжая» стало тем пределом, за которым удерживать слезы бесполезно.

Рыдания скрутили ее, как хозяйки скручивают белье. Ничего не видя перед собой и желая лишь немедленно умереть, она забилась в угол, подметая пыль полами своего чудесного платья; захлебываясь слезами, услыхала, как отворяется дверь, как негромко беседуют голоса, как Аальмар говорит непривычно раздраженно:

— Она ребенок! Только ребенок, не требуй от нее лишнего и не выдумывай глупостей!..

Потом его руки ухватили ее под мышки и вытащили из угла:

— Считаем до десяти. Кто быстрее: раз, два, три...

Она всхлипнула. Большая Фа права — она не ребенок больше, и эти фокусы на нее уже не действуют...

Она подняла на него несчастные, виноватые глаза. Он подмигнул и притянул ее к себе — так крепко, что она смогла сличить ускоренный ритм своего сердца с его ровным, спокойным пульсом.

— Я все понимаю, — сказал он шепотом. — Все. И не пытайся уверить меня, что я чего-то о тебе не знаю... Все пройдет. Все будет

хорошо. Ты такая красавица в этом своем платье... Не стоит из-за глупости плакать.

Она кивнула, закусив губу. И решила все всегда делать так, как хочется ему. Даже если ради этого придется прислушиваться к советам Большой Фа.

* * *

Вот уже несколько дней Игар существовал в плотном коконе лжи. Никогда раньше ему не приходилось лгать так долго и складно; самым нехорошим было то, что женщина, кажется, тоже врала.

В Устье они наняли телегу; Тиар ворчала что-то о лишних тратах, но Игар спешил. К тому же наследнице значительного состояния не пристало заботиться о таких мелочах.

Поначалу самым сложным для Игара оказалось хранить в памяти множество выдуманных сведений. Он описал размеры наследства как вполне приличные, но не слишком впечатляющие — для пущей убедительности. Тиар поверила и спросила, кто, по завещанию, блюдет волю покойника-мужа; Игар не стал называть имен, ограничившись туманным рассказом о старичке-душеприказчике. Тиар поинтересовалась, какой дорогой они поедут. Игар объяснил, что наследство ждет ее не в родном селении и не в мужнином, а в совсем другом, не очень отдаленном месте, именуемом Подбрюшье...

Местечко Подбрюшье, платящее подать Илазиной матушке, находилось ближе всего к месту, где на дне оврага ожидал его спутницу скрут. Игар предполагал, что до Подбрюшья они доберутся просто, а там уж придется, сцепив зубы, засовывать наследницу в мешок...

Незнакомое название удивило женщину, однако не слишком. Возможно, она поверила в историю, согласно которой муж ее незадолго до смерти купил в Подбрюшье дом; Игару показалось, что она даже обрадовалась. Когда он ненароком поинтересовался, не хочет ли она прежде заехать к родичам, Тиар кисло скривила губы:

— Они мне... ну что они мне... сам подумай?!

Возможно, подумал Игар, вспоминая хмурого главу семейства в редкой бороденке. Возможно, ты и права...

На прямые вопросы она не отвечала. Загадочно улыбалась, щуря глаза — так, будто бы все, интересующее Игара, разумелось само собой; так улыбалась она, когда он расспрашивал о ее детстве, проведенном в Холмищах (такого названия Тиар не произнесла ни разу, Игар тоже держал язык за зубами, надеясь, что со временем она проговорится). Он расспрашивал ее о муже — она улыбалась, но как-то натянуто, мрачно; вероятно, именно с мужем была связана история ее предательства.

Намеками он пытался вытянуть из нее историю о битве, благодаря которой родное селение Тиар получило второе название — Кровищи. Она молчала; временами Игар ловил на себе ее настороженный, изучающий взгляд.

— Сестру-то давно не видела? — спросил он как-то мельком. — Года два?

Она нерешительно пожала плечами:

— Да нет... Вроде больше... А что?..

Отчего ему все-таки кажется, что она врет, недоговаривает? Может быть, потому, что сам он все время врет и чувствует гору лжи, навалившуюся на плечи?..

Возница лениво погонял крепкую ухоженную лошадку; Игар сидел, отвернувшись, глядя в небо, и среди полуденной синевы ему мерещилась звезда Хота, нависшая над горизонтом.

— Скот в этом Подбрюшье очень дорогой?

Он вздрогнул и обернулся к спутнице.

Ее темные волосы отливали медью на солнце; в ее глазах он с начала путешествия искал зеленоватый оттенок — в какой-то момент она даже приняла его интерес за ухаживания и досадливо махнула рукой: отстань, мол...

Отправляясь в путешествие, он боялся, что в узкой телеге ему не будет спасения от бесстыжей публичной девки — слишком свеж был в памяти тот момент позора, когда, глядя на ее обнаженное тело, он испытал похоть. Тиар же вела себя скорее как домохозяйка, пустившаяся в странствия; она тщательно выбирала трактир, заказывала обед и ужин, торговалась с лоточниками, перебирала пожитки в объемистой корзине — и ни разу не взглянула с интересом ни на одного мужчину. Ни разу не коснулась Игара, сидящего с ней бок о бок; скот ее, оказывается, интересует. Скот в Подбрюшье...

— А зачем тебе? — спросил он машинально.

Глаза ее мечтательно прикрылись:

— Если скот недорогой... Поле это, про которое ты рассказывал, продать и взамен купить стадо. Хорошее такое стадо, породистое... И мясом торговать. И молоком... Сыр катать. Работников много не надо — я сама сыр катать умею... На сыр всегда спрос будет, если с умом...

Она говорила и говорила; в душе ее сидела купчиха, расчетливая, умная и даже, кажется, опытная; это кто ей, интересно, в доме под раковиной рассказал о тонкостях мясной торговли?!

— Расскажи мне о доме, — вдруг попросила она. — Крыльцо

какое? Куда окна выходят? Где сад? Как комнаты расположены, где баня?..

Лучше всего было сослаться на незнание; Игар сообразил это слишком поздно. Он уже рассказывал, описывал, придумывая на ходу:

— Крыльцо — пять ступенек... Лестницу на второй этаж менять надо, подгнила... Сад...

Серая паутина. Бесформенная тень, от которой веет слепым ужасом; вот что ждет тебя, бедная Тиар. Не торговать тебе мясом. Твоим мясом будет торговать, распоряжаться тот, кого ты когда-то страшно предала и на которого поэтому и смотреть-то теперь страшно...

Он осекся. Тиар удивленно сдвинула брови:

— Эй... Ты чего это так смотришь, а?

Ему казалось, что он воспитал в себе достаточно ненависти к этой грязной, продажной, подлой, во всем виноватой шлюхе. Она и есть грязная, продажная, виноватая... Ее-то легче всего засунуть скруту в пасть — поделом... Зачем только он рассказывает ей про пять ступенек крыльца?!

— Ты чего так смотришь?..

Она, кажется, испугалась. Опасливо отодвинулась:

— Эй... Ты припадочный, что ли? У нас девчонка была припадочная, выгнали ее... Клиенты пугались...

— Ничего, — сказал он через силу. — Солнце... голову напекло.

Под вечер, в маленьком пыльном поселке, они окончательно разругались с возницей. Тот не хотел ехать быстро, как требовал того Игар, берег лошадь. Игар сначала пытался увеличить плату, потом не выдержал и полез драться; в конце концов возница уехал, бранясь и проклиная, а Игар остался на дороге, сжимая кулаки, и рядом стояла, вцепившись в свою корзинку, испуганная Тиар:

— Ты... припадочный-таки. Что он тебе сделал?!

Игар молчал. С каждым днем нечто внутри его напрягалось все больше, будто накручивалась на колок сырая жила; возница просто попал под горячую руку. А теперь предстоит искать нового... Или покупать лошадь, а денег снова нету...

— Гляди-ка, — позвала его Тиар. — Гляди, интересно...

Она стояла перед огромной, в рост человека, бочкой; у подножия ее старушка торговала утиными яйцами, на крышке сидели, болтая ногами, два карапуза, а темные бока бочки были сплошь оклеены белыми и желтыми листочками; у Игара похолодело внутри.

«Разыскивается для предания справедливому наказанию беглый послушник Игар, прозвища не имеющий, восемнадцати лет... Росту среднего, телосложения тощего, глаза имеет серые, волосы русые, нос прямой... Приметы особые: таковых не оказалось. За

оного назначена награда *двести* полновесных золотых, а если кто укажет на...»

Сколько?!

У него потемнело в глазах. Он точно помнит — обещали сто, *сто*... Святая Птица, столько не дадут за десяток каторжников, убийц, расчленителей...

А потом он перевел взгляд на сосредоточенный затылок Тиар, и в голове его помутилось снова. Ей так же просто продать его, как заштопать дыру на платье... За такие немыслимые деньги!..

Самым верным казалось кинуться на нее сзади и задушить. На глазах изумленной старушки с утиными яйцами; потому что лучше угодить в яму за удушение шлюхи, чем...

Тиар обернулась. На лице ее наблюдался совершенно детский, живой интерес:

— Слушай, я так люблю грамоты на столбах смотреть... Прочти мне, а?

Он молчал. Старушка доброжелательно улыбнулась, малыши забарабанили босыми черными пятками.

— Прочитай, ты же вроде умеешь?

— Времени нет, — сказал он сухим ртом.

Играет? Прикидывается наивной? Умная женщина так и поступила бы — не умею, мол, читать... А потом со всех ног за стражей. Тиар умная...

Брови ее сошлись на переносице. Выпяченные губы купчихи и ядовитый взгляд опытной шлюхи:

— Так уж и нет? Тебе жалко, что ли?

Игар мельком взглянул на старушку, торгующую яйцами. Та слышала каждое слово; Тиар достаточно назвать его по имени... Может быть, старушка тоже грамотная и успела выучить всю бочку наизусть...

— Тебе жалко?! — Голос Тиар обиженно дрогнул.

Игар тряхнул головой. Наваждение. Святая Птица, он совсем сумасшедший. Не яд в ее глазах, а огорчение и обида. Искреннее непонимание, почему Игар, такой вроде бы милый и любезный, отказывает ей, богатой наследнице Тиар, в пустяковой услуге...

Он перевел дыхание. Сумасшедший. Что вообразил: старушка с утиными яйцами — тайный шпион... А Тиар действительно ничего не поняла; слава Птице, что ее не учили читать. Что ее детские слезы никогда не капали на раскрытую азбуку...

Она еще что-то говорила; Игар буквально тащил ее за собой, желая скорее миновать поселок и выйти в чистое поле. Проклятая беспечность. И где-то там, посреди дорог, наверняка болтается тот блондин, который был с медной серьгой, а сделался и вовсе без

уха... Которому не жить, не возвращаться к старой княгине без Игара на кончике длинной веревки...

У Тиар оказалось одно хорошее качество — она не была злопамятна и скоро забыла об Игаровой к ней невнимательности.

Они устроились на ночь в стоге сена; Тиар достала из корзинки купленные накануне харчи и сытно поужинала, не предложив Игару ни крошки. Он смолчал; в вечерней тишине ему мерещился далекий стук копыт.

— Долго еще? — спросила Тиар, потягиваясь. — Доберемся в три дня, а, провожатый?

Она улыбалась; глядя на ее расслабленную, вполне милую улыбку, Игар вдруг покрылся крупным потом.

«Она среднего роста. У нее темные с медным отливом волосы и карие с прозеленью глаза. Скорее всего, она изменила имя... Она умеет читать и писать, у нее, возможно, утонченные манеры — но происходит из простонародья. Она умна...»

Она умеет читать и писать.

— Ты что, снова?!

Женщина отодвинулась. В ее глазах Игар прочел самый настоящий страх:

— Ты... Ты чего так смотришь?!

— Ты не Тиар, — сказал он хрипло. И испуганно оглянулся — на проступающую на вечернем небе звезду Хота. Очень низкую звезду.

— Ты не Тиар, — губы его почему-то расползлись в улыбке. — Не Тиар...

Он засмеялся. Сухим трескучим смехом; вот так так... У нее не будет дома с крыльцом — но и жить она будет тоже... вместе со шрамом под левым соском. Дурочка, ты не понимаешь, чего только что избежала...

Она вскочила. Оставив корзинку, кинулась наутек; некоторое время он смотрел, как удаляется в сумерках ее тесное платьице, потом взял и догнал — в несколько прыжков.

Она упала в короткую, скошенную траву. Несколько шагов проползла на четвереньках, постанывая от ужаса, невнятно бормоча:

— Ты... пощади меня. Я... пощади. Не убивай... Что хочешь делай, только не убивай... ты... я догадалась... ты из тех, что женщин крадут... не надо мне наследства... куда ты меня вез... соврала я... Меня Вимой зовут, Вима я... не Тиар...

И она с силой рванула на груди платье:

— На, бери меня... Бери, как хочешь... не пикну... Только не убивай, ладно?..

Несколько минут Игар непонимающе смотрел на нее — а потом вспомнил. Несколько лет назад в том же Подбрюшье жутким образом казнили мужчину, который вроде бы похищал и убивал женщин, как правило, публичных; вскоре пришла весть, что другой такой же, еще свирепее, хозяйничает в Прибрежье и оставляет за собой чуть не горы изуродованных женских трупов...

Он криво усмехнулся. «Разыскивается для предания справедливому наказанию беглый послушник Игар, насильник и измыватель, расчленитель шлюх...»

Женщина заскулила. Глаза ее казались белыми от страха.

— Не убивай... Нет...

— Лгунья.

— О-о-о... не убивай... пощади...

Он поднял глаза к небу. Святая Птица...

— Живи, — сказал он, усмехнувшись недобро и криво. — Живи... шлюха.

Звезда Хота клонилась к горизонту. Возможно, она была разочарована.

* * *

Проснувшись, Илаза долго не могла сообразить, где она. К несчастью, ветки над ее головой расступались как раз настолько, чтобы можно было разглядеть склоняющуюся звезду Хота; теперь совершенно ясно было, где именно она скроется за горизонтом. Там, куда убегает ручей; там, где смыкаются зеленые стены оврага...

Илаза разом вспомнила все. Подобрала колени к подбородку; посидела, вслушиваясь в неестественную, лишенную даже цикад тишину. Безветрие... беззвучие. И темные кроны над ее головой пусты. *Его* нет.

Еще не веря, она поднялась. Поглядела на звезду Хота; перевела взгляд на ее смутное отражение в ручье. Подняла глаза туда, где на светлеющем небе скоро появится луна. И зальет своим светом лес, и ручей, и...

...скрюченное страшное тело где-нибудь среди стволов. Среди мощных растопыренных корней; видение было таким ясным и красочным, что Илаза зажмурилась.

Она все еще не верила. Вошла в ручей по щиколотки; обернулась к черной громаде леса:

— Эй... Есть здесь кто-нибудь?

Натужно скрипнуло дерево. Старый ствол долго не простоит — придет осень с ветрами, и...

— Эге-гей! Я здесь! Собеседник, отзовись!

Тишина.

— Или я тебя убила, — сказала Илаза шепотом, так, чтобы и самой не слышать. — Или я убила-таки...

Луна выплыла — в дымке, в кисейном ореоле; с запада наползали тучи, луна подсвечивала их рваные края, Илаза смотрела, затаив дыхание, и ей казалось, что в очертаниях ночных облаков она видит уродливую паучью тень.

— Эге-гей!!

От звонкого, пронзительного крика у нее самой заложило уши. Она взялась за голову, глядя на звезду Хота и счастливо, бессмысленно улыбаясь:

— Мама... Мамочка... Мама...

...И уже не верится, что он был. Что чудовище убивало на ее глазах, что чудовище подходило совсем близко, касалось ее собственной кожи... Вернувшись к людям, она в первую очередь потребует баню и два больших зеркала. И посмотрит, не осталось ли отметины на спине. И если что — велит прижечь каленым железом...

Нет, правда?!

Она засмеялась. Упала лицом в ручей и долго, с наслаждением пила; волосы плыли по течению, как черные водоросли. Сон. Наваждение. Сон...

— Где ты? — спросила она, вскинув голову. — Где ты, чучело, а? Где ты, я хочу знать! Ну-ка, появись!..

Ответить было некому.

Всю ночь она пробродила по лесу, как помешанная или как русалка. Запрокидывала лицо, окликала темноту над головой — и накричалась до того, что лишилась голоса. Впервые за много суток ночь была пуста; Илаза отважилась даже заглянуть в огромное, на полствола трухлявое дупло — но в дупле жил сыч. Она рассмеялась и пошла дальше; ей казалось, что вот-вот среди расступившихся деревьев найдется огромный уродливый труп. Тогда она без страха отрежет... клок волос или что там можно будет отрезать... и принесет матери, как трофей...

Под утро сгустился туман. Она стояла, разинув рот, и смотрела, как сизые, плотные струи, похожие на вспушенные кошачьи хвосты, заливают дно оврага, клубятся среди деревьев, как проснувшийся ветер силится их расшевелить — и не может. Илаза и сама уже стояла по пояс в тумане, и бедное, воспаленное, измученное бессонницей сознание подсунуло ей картину: она новобрачная... В белом платье с длинным, невыносимо длинным шлейфом, который тянется по дну оврага, обвивает стволы, застилает собой всю землю.

Она отыщет его труп позже. Когда взойдет солнце; она не уйдет отсюда, пока...

— Тебе не холодно?

Илаза все еще была в своем видении. Она не хотела возвращаться, и, конечно, она ослышалась. Здесь ее некому окликать. Здесь больше никто не заговорит с ней из ветвей...

— Что ты так смотришь?

Небо сейчас обрушится, как потолок. Ветви деревьев лягут ей на плечи, вдавят в землю, будто червяка...

...Почему она поверила?! Почему обманула себя? Зачем?!

— Ты плачешь?

Она совершила усилие. Ох, как больно; по праздникам кузнецы на ярмарках соревнуются в силе, гнут стальные прутья и кидают тяжелые камни, так что глаза вылезают из орбит. А взять себя в руки труднее, ой труднее, чем сломать подкову...

Она улыбнулась — заболело лицо:

— Я... Туман. Красиво... А как...

Она чуть не спросила, как он себя чувствует.

— Ты не обиделась, что я так невежливо оборвал наш разговор? Тот, что ты завела о пауках, а?

Он все понял.

У нее отнялись ноги. Как во сне, когда хочется бежать, а туман путается, захлестывает колени... жгутом...

Держать улыбку! Во что бы то ни стало держать улыбку. Не показывать слабости, не выдавать страха, он ничем не докажет, единственное доказательство ее вины — ее паника...

— Нет, — кажется, голос ее звучал достаточно ровно и мило. — Вряд ли... в наших с вами отношениях уместен какой-либо этикет...

Прямо перед глазами у нее вдруг оказались его обширные, отвратительные очертания. Будто бы раньше он стеснялся либо щадил ее — а теперь не стесняется и не щадит. Хорошо хоть, что солнце не взошло еще...

— Ну почему же, — голос, кажется, раздумывал. — Этикет бывает полезен во всем... В конце концов, этикет можем установить мы сами. В широком смысле этикет; с правилами поведения и... наказаниями за неисполнение таковых. А?

Становилось все светлее; ей казалось, что она различает его голову. Что по обе стороны этого муторного сооружения подрагивают два изогнутых отростка, в миниатюре повторяющих конечности. Что между ними...

Не зажмуриваться! Ее слабость — признание ее вины. Возможно, он умрет еще... возможно, его смерть отсрочена, надо только выиграть время...

Она смотрела прямо перед собой, усилием воли заставив очертания расплываться перед глазами. Каждая веточка двоилась; на месте собеседника маячило бесформенное серое сооружение. Слу-

чайно, мельком, скользнула удивленная мысль: облекать свои мысли в такие слова пристало разве что церемониймейстеру. И еще учителю хороших манер... Какое нелепое сочетание — законодатель этикета сидит в темных кронах, и...

Это что у него? Что это?!

Она не выдержала. Провела кулаком по лицу — едва не выдавив собственные глаза из глазниц. Замигала, будто вытряхивая соринку:

— Сейчас... я...

Над головой у нее скрипнул смешок:

— Да-да. Я подожду. Теперь я очень долго буду твоим собеседником. Тебе надоест.

Илаза сломалась.

Ноги ее подкосились; она рухнула сперва на колени, а потом ничком на траву, закрывая руками голову, будто желая ввинтиться в землю, как дождевой червь. Роса промочила ей ресницы, восполнив недостаток слез, которые снова почему-то не желали идти. Тошнотворный страх, охвативший ее, не был больше страхом жертвы; так боятся преступники, которых ведут на эшафот. Те самые, которые осознали уже свою вину...

— Вставай.

Она плотнее вжалась в траву.

Присутствие. Близкое-близкое; треск платья на спине. Она хотела молить о пощаде — но горло не повиновалось, сведенное судорогой.

Укус слепня. Резкая сильная боль.

«Когда они парализованы, разлагающий яд действует медленно... Кровь становится уже не кровью, а совсем другой жидкостью... А тело...»

Слезы наконец смилостивились над Илазой и хлынули, заливая лицо. Она лежала, вцепившись обеими руками в землю, с ужасом вслушивалась в собственное тело и призывала смерть. Ту, которая побыстрее...

Потом стало тепло.

Пальцы, кромсающие траву, понемногу разжались. Слезы текли и текли; Илаза из последних сил стискивала зубы, пытаясь собрать волю для борьбы с мучениями, которые придут следом за теплой пульсацией; мучения издевались над ней и все не шли.

Время остановилась; теперь она лежала на боку, ни о чем не думая, глядя прямо перед собой. Время от времени, преодолев сонное оцепенение, пыталась пошевелить пальцами — тело слушалось. Паралич не наступал.

Потом ей сделалось все равно. Кончиком языка она слизала последнюю, одинокую, холодную слезу, прерывисто вздохнула и провалилась в сон.

Круглый живот Равары вырос до размеров горы; Кааран, ее молодой муж, ходил счастливый и озабоченный. Однажды после ужина, когда тяжелая Равара уже прошествовала в спальню, Большая Фа остановила девочку в дверях:

— Как телята родятся, видала?

Девочка смотрела, не понимая. Потом кивнула головой.

— Не сегодня-завтра, — Фа задумчиво посмотрела вслед Раваре, — рожать будем... Позову тебя. Пособишь.

С этими словами старуха и удалилась, а девочка, напуганная и обескураженная, еще долго стояла, не двигаясь, в опустевшем коридоре.

Роды начались на рассвете.

Еще с позднего вечера перед домом горел костер, в котором курился рыбий камень; двери Раварины спальни отмечены были медом — чтобы привлечь добрых духов, покровительствующих родам. Трое молодых женщин, подложив спереди под платье подушки, треугольником сидели посреди двора — чтобы злые духи, если им придет охота вмешаться, подольше не могли отыскать настоящую роженицу. Девочка, напряженная и хмурая, коротала время в компании Лиль и мальчишек, пока чернобровая служанка с блестящими возбужденными глазами не явилась за ней:

— Госпожа Фа зовет...

Лиль и мальчишки глядели серьезно и немного завистливо; девочка перевела дыхание, одернула платье и пошла.

В спальне Равары кричали. Едва заслышав этот крик, она покрылась холодным потом; служанка настойчиво подтолкнула ее к намазанной медом двери:

— Иди...

Она задрожала — но вошла.

Здесь были мать Вики и пожилая служанка в белом переднике; Большую Фа девочка сначала не увидела и не поняла даже, кому принадлежит ласковый, непривычно мягкий голос:

— Десять белых голубей из далеких из полей принесут тебе подарков, принесут тебе диковин, принесут тебе красивых... Десять черных лебедей, унесите злую муку, унесите боль и хворость, мимо, мимо проносите... Слушай меня, девонька, слушай старуху, я пятерых родила, я дурного не посоветую...

— Не могу больше... Ой... не могу-у...

— Сейчас он пойдет уже. Сейчас яблочком поманим — и выплывет радость наша... Яблочко сохранили, сберегли в соломе, сейчас поманим деточку... Отдохни. Минутка есть — отдохни...

Девочка стояла, завороженная. Ей видны были только согбен-

ная старухина спина — и голое тонкое колено, перепачканное кровью. Голос Большой Фа лился, перетекал, как ручей:

— На высокую на гору будем, милая, взбираться... По пырью, по бурелому, по оврагу, по крапиве... Надо выше подниматься, чтобы крылышки расправить... Не сейчас. Я скажу, когда... Отдохни.

— Не могу-у...

— Все дети так родятся. Пусти его в мир, он тоже хочет на травку... Потерпи еще недолго, уже меньше осталось, чем было... С каждой минуткой остается меньше, ну-ка, сейчас будем выманивать...

Девочка не знала, зачем ее позвали. Какой от нее толк, полно ведь взрослых женщин, умелых и готовых помогать; а она стоит столбом, волосы дыбом, и не знает, куда девать себя...

От мирного, льющегося голоса Большой Фа веяло странным успокоением:

— Вот-вот... Сейчас покричи. Потом кричать нельзя будет — тужься...

— О-о-ой... А-а-а, мама!..

Девочка намертво сплела мокрые пальцы.

— Поди сюда, — сказала ей мать Вики, которой нерожденный младенец приходился внуком. — Уже большая, надобно тебе посмотреть, надо учиться...

И девочка, обомлев, подошла.

Происходившее потом вспоминалось ей долго и часто.

Осунувшееся, незнакомое лицо Равары с волосами, затопившими всю подушку; кровь на простыне, огромный, как глыба, живот, крик, от которого кровь стынет в жилах. Младенец шел ножками вперед — в какую-то минуту девочка увидела, как мертвенно побледнела мать Вики:

— Ты... спасай Раварку, она потом другого родит... Не выйдет он сам... Не-е...

Ноздри Большой Фа раздувались, руки ее были по локоть в крови, и окровавленные пальцы сжимали красное яблоко:

— Погоди... Орать-то погоди...

Девочка смотрела.

Большая Фа приговаривала и шептала, обращаясь попеременно то к Раваре, то к ребенку; мать Вики придерживала роженице голову, а служанка стояла наготове, подавая Фа некие страшные, прокаленные на огне инструменты. Девочка смотрела, мокрая от пота, забывшая дышать; по команде Фа мать Вики подалась вперед, нажимая локтем Раваре на живот:

— Ну, доченька! Ну немножко! Работай, ну!..

Девочка пошатнулась, и, чтобы не упасть, ухватилась за стену. Равара глухо взвыла.

— Здрасте, — вдруг ласково сказала Фа.

Девочка подалась вперед.

На руках повитухи лежало красное, мокрое, с трубочкой пуповины создание; миг — и оно завопило, тонко и взахлеб. Равара последний раз напряглась, выпуская из себя еще что-то — девочка не разглядела.

Сразу всем нашлась работа. Девочке сунули в руки кувшин с теплой водой и велели поливать; она потрясенно смотрела на человекообразное создание, на вопящего червячка со слипшимися на макушке волосиками, болтающимся обрезком пуповины и сморщенным багровым личиком; потом она поняла вдруг, что это мальчик. Мальчик, самый настоящий мальчик, такой же, как Вики, как Йар, он вырастет и сделается мужчиной...

Фа, склонившись, что-то ласково объясняла Раваре; мать Вики, скорчившись, сидела у изголовья:

— Ай, Фа... Ай, святые духи, что ж мне тебе сделать... Чем отблагодарить... Ногами ведь шел, думала, не разродится...

Служанка скалила зубы, споро заворачивая младенца в приготовленные пеленки:

— А здоровый. А тяжелый. Что вы там говорили-то...

Девочка молчала.

Потом комната как-то сразу заполнилась людьми; Равара слабо улыбалась, Кааран плакал, размазывая слезы по лицу, и все норовил выхватить младенца у прогоняющей его служанки; на затылок девочке опустилась жесткая ладонь:

— Молодец.

Она подняла голову; Большая Фа смотрела без насмешки:

— Не струсила. Побелела только, а так — ничего... Ничего страшного в этом нет. Закон таков... Я вот пятерых родила, да ни один до своих детей не дожил. Может, хоть Раварина парня судьба сбережет...

Все дети так родятся; девочка вспомнила кровавое поле из своих кошмаров. Горы мертвых, изувеченных мужчин; каждого из них рожала женщина. Рожала вот так, как Равара; если бы они только знали...

Она всхлипнула. Рука Большой Фа ласково, ободряюще потрепала ее по загривку.

* * *

По вечерам Игару казалось, что его ноги сносились, истерлись до самых колен. Его дорога в который раз началась сначала; он шел, будто муравей по яблоку — такой бесконечной казалась про-

винция Ррок. Такой безнадежно бесконечной; ленты рек, лоскутное одеяло полей, теперь еще предгорья, зеленые вершины, поросшие лесом, как медведь — шерстью. Острые камни — враги прохудившимся башмакам; местные жители носят башмаки за спиной на палке, берегут драгоценную обувь и смело ступают по камням босыми мозолистыми ножищами, которые жестче этого самого камня...

И каждый, первый же встречный путник знает, в какой стороне Пещера. Знает — но вовсе не обязательно скажет, а, скорее всего, насупится, подозрительно сверкнет глазами, плюнет под ноги и молча продолжает свой путь...

В предгорном городе Важнице живут лучшие в провинции резчики по камню. Лес и камень — вот чем здесь промышляют, и от нелегкой жизни лица здешних жителей кажутся деревянными, а души — каменными...

А туда, где Пещера, никто не ходит. Только вот у Игара нет другого выхода.

Дабат.

Пещера оказалась на самом деле переплетением многих пещер — вода, струившаяся здесь веками, промыла в теле горы обширные, неправильной формы пустоты; на единственной дороге, соединяющий Пещеру с остальным миром, денно и нощно дежурил сторожевой пост. Жалованье солдатам шло из общинной казны — поселок Утка тяготился страшным соседством. Поселок не в состоянии был ни Пещеру убрать куда подальше, ни самому убраться подобру-поздорову — а потому просто платил солдатам. Дорого платил, чтоб ни крыса не могла проскользнуть мимо поста, разве что в специальной закрытой и осмоленной повозке, сопровождаемая на почтительном расстоянии судьей и врачом из города Дневера, славящегося ремеслами...

Вот уже несколько часов Игар лежал, не смея поднять головы.

Часовые не дремали; минутное ротозейство на этом рубеже могло обойтись слишком дорого. Известно ведь, что узники Пещеры спят и видят, как бы побольше здоровых, вольных людей утянуть за собой в свою смрадную могилу. Известно, что и среди этих самых здоровых находятся порой безумцы, желающие проникнуть в стан болезни и разыскать среди обреченных отца или сестру, жену или сына...

Игар шел в Пещеру за женщиной по имени Тиар.

Косая старуха, жившая в крайнем от дороги доме, хранила множество тайн. Она одна осмеливалась приближаться к осмоленной карете, в очередной раз везущей жертву болезни к месту заточения и неминуемой смерти; она одна не боялась заразы и потому

хранила не только имена узников, но и некоторые мелкие памятные вещи, которые можно просунуть в неширокую щель.

Старуха взяла с Игара три золотые монеты и сообщила, что кольцо с зеленым камушком когда-то принадлежало женщине по имени Тиар — так, во всяком случае, это имя расслышала старуха. Женщина выбросила кольцо, чтобы оно послужило знаком разыскивающим ее родичам; Игару безделушка не сказала ничего. Он определил лишь, что у носившей его женщины были тонкие пальцы.

Теперь он лежал в кустах, не осмеливаясь пошевелиться; в кольцо с зеленым камушком продета была бечевка, и Игар постоянно чувствовал, как она натирает шею.

Стражей было три; сейчас один из них озирал окрестности с каменного гребня, служившего как бы границей между миром живых и миром Пещеры. Стражник стоял, картинно облокотившись на копье, и на фоне закатного неба казался статуей из позеленевшей меди; другой складывал небольшой походный костерок, а третий, что-то меланхолически жуя, внимательно разглядывал тот самый кустарник, в котором как раз и притаился Игар.

— Ночка зябкая будет, — сообщил тот, что возился с костром. Стоящий на гребне ничего не ответил; жующий нехотя оторвал взгляд от Игарова убежища:

— Ну.

За все время, проведенное Игаром в укрытии, он ничего, кроме «ну», выговорить не сподобился.

— А Федула родила, — снова сообщил костровой. Стоящий на гребне медленно повернул голову:

— От тебя?

— А кто его знает, — костровой, кажется, обрадовался, что с ним поддержали разговор. — Кто их, этих баб...

Жующий смачно сплюнул:

— Н-ну...

Снова зависла тишина; Игар чувствовал, как муравей, забравшийся в штанину, ползет вверх по ноге, как острый камень впивается в живот и как тарабанит, желая выбраться из груди, его собственное сердце; больше всего неудобств доставляли комары, надсадно звенящие, жрущие, жрущие, жрущие...

Пещера была идеальной тюрьмой. Все попытки пробраться в нее в обход дороги потерпели неудачу; идти же мимо трех недремлющих сторожей представлялось и вовсе безумием. Особенно человеку, за чью голову дают неслыханную сумму в двести золотых монет...

Стоящий на гребне переменил позу. Шумно вздохнул, поковырял в носу.

— Что-то они сегодня... Тихо. И дымков не видать почти... — он кивнул в сторону невидимой Игару Пещеры. Тот, что возился с костром, радостно затряс головой:

— Хоть бы передохли все скорее... Я б их, право слово, хоть из жалости поубивал бы — чем так вот, заживо гнить...

— И чем нам тут торчать, — мрачно добавил стоящий на гребне. Жующий меланхолически пожал плечами:

— Ну.

Он снова окинул кустарник внимательным взглядом; вжавшийся в землю Игар увидел, как он поднимается, сплевывает наконец свою жвачку, кладет меч рядом с лежащим тут же арбалетом, потягивается и идет прямо к Игарову убежищу.

Он еле выдержал. Едва не вскочил, чтобы сломя голову кинуться куда глаза глядят; выдержка сослужила ему хорошую службу, потому что стражник, не доходя до него каких-нибудь несколько шагов, остановился, распустил пояс и уселся по большой нужде. Хорошо уселся. Основательно.

Игар затаил дыхание. Рука его судорожно нащупала тот самый острый камень, который причинил ему столько страданий.

Неизвестно, отличался ли стражник острым слухом — зато Игар умел при случае двигаться бесшумно. Это было, пожалуй, единственное умение, за которое Отец-Разбиватель заслуженно его хвалил.

Удар дался нелегко — однако получился даже удачнее, чем можно было рассчитывать; стражник рухнул без единого звука. Игар надеялся, что он не причинил бедняге серьезного увечья. Это было бы негуманно и неосмотрительно — ему ведь еще назад идти...

На открытое место он вышел, не таясь. Стоящий на гребне любовался закатом и одновременно наблюдал за поселением изгнанников; костровой любовно подсовывал в огонь сухие, мелко наломанные ветки. Отблеск пламени лежал на его лице, придавая этой заурядной харе едва ли не царственное благородство.

— Комаров кормил? Задница чешется небось?

Это был мягкий дружеский юмор; в глаза костровому дохнуло дымом, сквозь зубы ругнувшись, он принялся тереть их кулаками.

— Н-ну... — хрипло бросил Игар.

— Не, — сообщил наблюдатель с гребня. — Не передохли еще... Вон, дымок вижу... Э-э-эй!!

Игар уже бежал.

— Это... Это что?! Стой! Стой, зараза, убью!

Дорога за поребриком резко уходила вниз; Игар спрыгнул и присел за камнем, давая возможность арбалетной стреле бессильно просвистеть над головой. Вниз, в царство смерти, стражи не пойдут, не решатся...

— Сто-ой!

Еще одна стрела клюнула камень. Игар прыгнул, перекатился, укрылся за большим расколотым валуном, выждал, пока две стрелы почти одновременно свистнут рядом с его лицом — и перекатился снова, достиг глубокой каменной расселины, соскочил в темноту, больно сбив колено. Наверху кричали и бранились — но Игар знал, что стражники ему больше не страшны.

Вернее, теперь ему страшны не стражники.

Земля здесь походила на плохо выпеченный хлеб, ноздреватый и серый; где-то внизу тихонько журчала вода. Игар пробирался почти в полной темноте, обходя светлые валуны и черные пятна дыр, ведущих в подземелье. Время от времени к запаху сырости примешивался кислый запах дыма. Пещера жила.

Колечко с зеленым камнем, продетое в бечевку на его шее, покачивалось в такт шагам; о чем думают эти несчастные, когда черная карета грохочет по камням их последней дороги? Сколько они живут здесь, прежде чем гниль, неспешно пожирающая их тело, добирается до сердца и мозга?..

Он остановился. Ветер принес новый запах — тошнотворный запах падали; Игар почувствовал, как слабеют ноги. Странно, но мысль о том, что он может остаться тут навсегда, явилась к нему только сейчас. Впервые — но зато как явственно и властно!..

Впереди, в каменной впадине, почудилось движение. Шорох; как будто куча тряпья ожила и пытается подняться на ноги. Игар изо всех сил стиснул зубы — бесформенная груда, еле различимая в темноте, спешила убраться с его дороги. Она очень торопилась, она издавала множество еле слышных странных звуков — сопение, сиплое дыхание, влажные шлепки...

Потом снова сделалось тихо. Над Пещерой низко склонилась уходящая звезда Хота. Он перевел дыхание.

Не следовало этого делать. Не следовало по доброй воле лезть сюда, в жадную слюнявую пасть болезни... Теперь Игару казалось, что он уже ощущает первые симптомы. Что щеки немеют, пальцы зудят и отказываются повиноваться...

Потом он увидел свет. Огонек метнулся, исчез, появился снова; из-за каменной глыбы показалась сначала тонкая лучина, а потом и рука, ее сжимающая — комок мяса с короткими отростками. Игар задержал дыхание.

Существо было, кажется, женщиной. Милосердная темнота почти полностью скрывала ее лицо; время от времени тусклый

свет лучины выхватывал из мрака переплетение обнаженных мышц на лишенных кожи щеках. Игар отшатнулся.

Некоторое время женщина молча разглядывала его; подернутые слизью глаза часто мигали. Рука Игара сама собой нащупала на шее кольцо с зеленым камнем.

— Кра...савчик, — выговорила женщина презрительно. Игар не удивился бы, услыхав из ее уст неразборчивый хрип — но голосовые связки женщины сохранились почти в неприкосновенности. Иное дело губы — полуразложившийся рот с трудом выговаривал слова:

— Кра...асавчик. Что ж... иди, я тебя... при...ласкаю.

Она шагнула вперед, раскрыв Игару объятия; отступая, он уперся спиной в каменный выступ. Одного прикосновения к этой плоти достаточно. Как утверждает молва — одна капелька слизи — и можно уже не выбираться назад. Смириться со своей судьбой, день за днем наблюдать, как облезает кожа и отваливаются пальцы...

Он ждал, что женщина остановится — но она шла, и обнаженные мышцы на ее щеках подтянулись, изображая улыбку:

— Иди... иди ко мне... сла...денький...

— Оставь его.

Человек с факелом стоял у черного входа в подземелье. Пляшущий свет залил женщину целиком — Игар еле сдержал вскрик. Мгновение — и, волоча по камням подол рваного темного платья, чудовище убралось в какую-то дыру; остался парализованный страхом, вжавшийся в камень Игар.

Человек с факелом приблизился. На плечах его лежал плотный кожаный плащ, а лицо было полностью закрыто многими слоями полупрозрачных бинтов. Из единственной прорехи пристально смотрел продолговатый черный глаз.

Игар молчал, сжимая в кулаке колечко с зеленым камнем. Очертания глядящего на него лица казались гротескной картинкой. Пародией на человеческие черты; слой бинтов дрогнул против того места, где на этом лице угадывался рот:

— Ты кого-то ищешь?

Игар разлепил губы:

— Я ищу женщину Тиар. Вот, — он рывком сдернул бечевку с шеи и протянул колечко перед собой.

Человек перевел свой единственный глаз с Игара на колечко и обратно:

— Она тебе — кто?

Игар опустил голову. В этом месте и с этим собеседником вранье казалось особенно ненужным, едва ли не кощунственным. Сказать же правду...

Человек в бинтах растолковал его молчание по-своему.

— Год назад, — ему было трудно говорить, потому что гниль, по-видимому, не пощадила и его губы тоже. — Год назад я так же... пришел сюда... потому что здесь была моя жена.

Стало тихо. Игар с ужасом смотрел в черный продолговатый глаз.

— И... ничего страшного, — бинты дрогнули, будто человек пытался улыбнуться. — Теперь я, правда, вдовец... Но ненадолго.

— Вы встретитесь с ней в чертоге Святой Птицы, — проговорил Игар быстро.

Черный глаз мигнул:

— Я не верю в Птицу, мальчик.

Из темного провала за его спиной выглянуло белесое лицо. Скрылось, уступив место другому — длинному, любопытному, с одиноким клоком рыжей бороды.

— Что у тебя есть? — спросил Игаров собеседник уже другим голосом. — Огниво, фляга, еда...

Игар молча выложил к его ногам все свое имущество; человек опустил свой факел, разглядывая добычу.

— Кошелек забери, — сказал он негромко. — Ни к чему здесь кошелек...

Игар повиновался; спустя секунду две приземистые тени, ловко выбравшиеся из провала, подобрали остальное. Игар отшатнулся — но ни один из неведомых грабителей не коснулся его. Оба старательно обошли.

Человек с факелом кивнул:

— Пойдем...

Пещера встретила запахом. Игар закрыл лицо рукавом.

То здесь, то там встречались маленькие костерки; кислый дым вытягивался в невидимые дыры. Несколько раз Игар и его провожатый проходили под широкими отверстиями в сводах; эти естественные окна были на самом деле провалами, в них стояла теплая осенняя ночь и, кажется, падали звезды...

От костров оборачивались расплывшиеся, смердящие тени. Не раз и не два Игар с головой погружался в пучину липкого, животного страха, однако пути назад не было — и потому он шел вперед, стараясь не отстать от проводника и в то же время ни в коем случае к нему не приближаться.

Ему казалось, что он слышит голоса; и смех звучал тоже, под этими страшными сводами — приглушенный, скрипучий смех... Не в силах сдержать свое воображение, он на секунду поверил, что его привезли сюда в просмоленной карете, что это отныне — его мир и здесь, в стенах страшной Пещеры, он должен находить последние радости неумолимо укоротившейся жизни...

— Там, — сказал его провожатый. — Спроси.

Вокруг костерка сидели не то четверо, не то пятеро; сколько их всего, подумал Игар в страхе. Где они хоронят своих мертвецов... Скольких несчастных привозят сюда ежегодно, ежемесячно... Почему никто из живущих ТАМ, снаружи, о таком не задумывается?!

— Я ищу Тиар, — сказал он, глядя мимо обернувшихся к нему лиц. — Тиар, вот ее колечко...

Тишина. Негромкие переговоры; взгляды подернутых слизью глаз. Непонятные взгляды. Неизвестно что выражающие.

— Отойди чуть назад, — негромко сказал его проводник.

Игар вздрогнул:

— Что?

— Три шага назад... Не бойся. Просто отойди.

Склизкие взгляды перешли на покрытое бинтами лицо. Одна из женщин — а сидящие были, оказывается, женщинами — поманила Игарова проводника остатком пальца:

— Слышь... Хлебушка бы...

— Нет у меня хлебушка.

— Слышь... смилуйся, а?.. Хлебушка...

— Где та девка, Тиар? — спросил проводник, не замечая протянутой уродливой руки.

— Оглохла она... Ухи отпали. Вон, смотри, сидит...

Я не выдержу, подумал Игар. Я всего этого... Хоть бы глоток свежего воздуха! Хоть бы глоток!..

— Ничего, — мягко сказал его проводник. — Идем.

Женщина сидела на подстилке у стены — и сначала Игар увидел только волосы. Густые, длинные, чуть вьющиеся волосы, закрывающие лицо и плечи; отблеск отдаленного костра придавал этим темным волосам медный оттенок. Красавица...

Игаров проводник коснулся ее плеча. Женщина подняла голову; Игар потупился. Не надо было смотреть.

— Покажи колечко, — сказал проводник.

Игар, не глядя, протянул перед собой свой опознавательный знак. Женщина глубоко, со всхлипом, вздохнула:

— Да-а...

— Ты Тиар? — Игар не узнал своего голоса.

— Она не слышит, — напомнил его собеседник. — Напиши.

Игар проглотил вязкую слюну. Подобрал камушек, выцарапал на податливой, закопченной стене: «Тиар»...

Некоторое время женщина молча смотрела на его надпись. Потом снова склонила голову; в ее руке оказалась сухая веточка из подстилки. С видимым трудом зажав ее между остатками пальцев, женщина провела острым концом по утрамбованной земле на полу: линия... еще линия...

Игар смотрел, вытянув шею. Его проводник опустил пониже факел, чтобы было виднее.

Из-под руки, когда-то носившей тонкое колечко с зеленым камушком, а теперь страшной, бесформенной, разложившейся, проступали буквы: Ти... ни...ар...

Не веря своим глазам, Игар ткнул пальцем в выцарапанную на стене надпись:

— Тиар?!

Женщина медленно покачала головой. Заиграли оттенки меди в тусклых длинных волосах; остаток пальца настойчиво указал на имя, выведенное веточкой: Тиниар...

— Прости, — сказал Игар беспомощно.

Стражей было теперь уже пять.

Игар ползком вернулся в свое убежище — широкую щель, поросшую вереском. Сел, уронив руки, и бессмысленно уставился в серо-голубое небо.

Два дня он пил только мутную воду с известкой и жевал только горькие красные ягоды, но не голод мучил его, а безысходность. Такая же, как в глазах у женщины Тиниар, которой не на что теперь надевать колечко.

Скаль, человек с забинтованным страшным лицом, не знал тоски. Игар время от времени слышал его голос — порой уверенный и властный, порой веселый; в обреченном мире обреченный Скаль обладал некоторой властью — наверняка большей, нежели в той, прежней жизни. Здесь всем плевать, нищий ты или вельможа, здесь все равны, но упавший духом умирает дольше и гаже...

А он, Игар? Кем станет в мире Пещеры он сам?..

Два дня он говорил себе, что скоро что-нибудь придумает. Обманывал себя, откладывал на потом — пусть сторожа успокоятся, забудут, заснут... Он вырвется, он уйдет, сумел пробраться и выбраться тоже сумеет...

Теперь, глядя в серо-голубое небо, он понял внезапно, что больше никогда не увидит Илазу. И ничего больше не увидит, кроме этих осыпающихся стенок, неровных дыр в земле и жутких полусгнивших лиц. И что его собственное лицо скоро станет таким же, потому что женщина без кожи, та, что все порывалась его обнять, теперь выследила его убежище и несколько раз уже приходила...

Пока его защищает авторитет Скаля. Пока он еще «человек оттуда», но уже завтра придется выбирать между полноправной жизнью в Пещере и арбалетной стрелой в глаз...

Потому что там, на посту, только его и ждут. Он не умеет ле-

тать, он не ползает под землей, как крот, он заперт, как мышь в мышеловке, заперт, заперт...

Сверху посыпался песок вперемешку с мелкими камушками. Игар отпрянул — но то был Скаль. Человек в бинтах пощадит пришельца, не коснется его; впрочем, если Игару суждено приобщиться к миру Пещеры, лучше, чтобы приобщил его именно Скаль. Не так обидно...

— Почему ты мне помогаешь? — спросил он шепотом.

Скаль тяжело облокотился о крохкую известковую стенку. На покрытом бинтами лице ничего нельзя было прочитать.

— Почему, Скаль?..

— Потому что ты похож на меня. Тоже...

Он попытался усмехнуться; Игар сжал зубы:

— Нет... Я никогда... таким, как ты. Ты сильнее...

Скаль молчал. Его единственный продолговатый глаз смотрел с непонятным выражением.

— Мне не выйти, — сказал Игар шепотом. — Никогда.

Скаль не ответил.

— Мне не выйти. — Игар почувствовал, как загнанная внутрь тоска подступает к горлу. — Мне никогда не найти... ее...

— Кто она тебе?

Игар прикрыл глаза. Илаза... Как далеко. Прохладная кожа, горячие губы...

— Нас сочетал Алтарь, — сказал он медленно.

Продолговатый глаз прикрылся.

— Я хотел спасти ее, — проговорил Игар с короткой усмешкой. — Я не сумел спасти ее. Я уже проиграл... Уже, — голос его дрогнул. — Скаль, — это решение пришло к нему прямо сейчас и показалось в этот момент единственно правильным, — ты бы не мог прикончить меня как-нибудь по-быстрому... Я уже устал, у меня сил не хватит, чтобы... жить, как ты...

Продолговатый глаз смотрел теперь сквозь него. Игар отвернулся, чтобы не видеть проступающих сквозь бинты гротескных черт.

— Ее звали Каммиа, — медленно сказал Скаль. — У нее были зеленые глаза... И, знаешь, такие желтые... как спелая дыня... такие волосы. И у нас остались двое сыновей... И они где-то там живут. А я их оставил... потому что у сыновей бабки и деды, любящие родичи... а она, как бы она здесь... без меня?..

— Вы встретитесь в золотом чертоге, — сказал Игар затем только, чтобы не молчать.

Скаль вздохнул:

— Нет... Но она умирала счастливая. Я клянусь тебе, Игар.

Илаза умрет в одиночестве.

Он глухо, отчаянно, насмерть боролся с приступом совсем уж тошнотворной тоски; Скаль стоял рядом и смотрел. Он многое здесь повидал за этот год; видывал, наверное, и новичков, еще только тронутых болезнью, не умеющих поверить в свою судьбу, вопрошающих истерически: за что, а почему именно я?!

— Вставай, Игар...

Что-то в этом голосе заставило его похолодеть. Скаль сейчас решит за него, и правильно сделает... Но как это бывает, посвящение в болезнь?! Разрешение вопросов, нисхождение судьбы... как?..

— Вставай, Игар... Солнце садится. Пойдем.

Стражей было пятеро, и все они то и дело поглядывали в сторону Пещеры. Безумец, стремящийся туда, заслуживает наказания; всякий же, выходящий оттуда, смертельно опасен. Его нельзя касаться, его надо загнать обратно, а лучше убить и тело сжечь...

Вот только обитатели Пещеры предпочитают, как правило, жизнь, даже жалкую, даже мучительную. Обитатели Пещеры очень редко лезут под стрелы — ну разве что помутившись в уме, от полного отчаяния...

Этот, страшный, как ночной кошмар, возник внезапно и ниоткуда. И он не был сумасшедшим — он был из тех, что тянут за собой других. В болезнь, в могилу, протянуть руку и схватить, и стражник, дежурящий на рубеже, в секунду превращается в узника, жалкое бесправное существо, обреченное на медленную смерть...

В стане возникла паника. Этот, явившийся из страшных снов, подволакивал ногу — но бежал все равно быстро, за ним развевались по ветру ленты грязных бинтов...

Потом оказалось, что в него трудно попасть. Он знал, как летают стрелы, он ни на мгновение не оставался на прямой — метался и уворачивался, хоть и казалось, что вся его нелепая фигура вот-вот развалится, как башня из песка.

Потом его, наконец, достали, и сразу тремя стрелами. Несколько тягостных мгновений он продолжал бежать с торчащими из груди древками — а потом тяжело рухнул на колени, и рыжий стражник Вок, пьяница и забияка, клялся потом сотоварищам, что, умирая, пришелец из Пещеры улыбался и говорил: Каммиа...

А парня заметили слишком поздно. Поздно заметили парня, и не помогли ни стрелы, ни копья, ни изнуряющая погоня через холмы и колючий кустарник, ни прочесывание близлежащей рощицы — сгинул парень, растворился в наступившей ночи, и, скрежеща зубами, весь наряд поклялся друг перед другом никому ничего не говорить — потому что даром, выходит, селяне деньги платят, за ротозейство и поплатиться можно, упустили ведь, не шутка...

Не шутка, и когда рыжий Вок все-таки проболтался по пьяной своей привычке, всем, ходившим в тот день на пост, пришлось держать ответ. Все пятеро в скором порядке убрались, оставив в общинной казне немалый штраф, а на улицах поселка Утка — страх и настороженность; только косоглазая старуха, жившая в крайнем от дороги доме, ничего не боялась.

На чердаке у нее лежал в соломе подранок. Тот самый парень, из плеча которого она вытащила арбалетную стрелу.

* * *

Илаза наконец запнулась. Даже с Игаром... даже с ним ей не приходилось говорить так долго и так откровенно. С Игаром было достаточно взгляда, запаха, прикосновения... А сегодня она говорила долго и произносила вслух слова, которые до того не смела сказать даже в мыслях. И вот — ее мать стоит перед ней, как живая, а вместе с матерью и Ада, и солнечный луч в пыльной комнате, и духота цветков стремянника, так хорошо изводящего прожорливую моль...

Она вспомнила то, о чем давно уже решила никогда не вспоминать. Зачем? Чтобы разбередить рану? Чтобы развлечься, прогнать скуку? Чтобы вызвать у этого, в ветвях, жалость?!

Полная откровенность может быть так же отвратительна, как прилюдное удовлетворение плотских потребностей. Сродни самобичеванию; возможно, она хотела наказать себя? Своей исповедью загладить... что?

— Можно спросить?..

Она крепче обхватила шероховатый, в продольных бороздках ствол. В объятиях дерева она чувствовала себя не столь одинокой; над головой у нее бесшумно присутствовал собеседник. Она скорее выцарапает собственные глаза, нежели осмелится посмотреть на него.

— Почему вы... не сделали со мной... как собирались?..

Жалость. Где-то в ее рассуждениях промелькнуло слово «жалость»; неужели он имеет понятие о сострадании?! Это... можно было бы... Если это так, следует подумать над тем, чтобы...

Ей сделалось стыдно. Ее пощадили, избавив от наказания — она же видит в милосердии слабость и готова использовать ее в собственных интересах. Столь недостойная, неблагородная мысль...

Как он ухитряется двигаться столь бесшумно? Такая огромная туша?..

— Ты знаешь, что похожа на мать? Повторение матери?

Илазе показалось, что она ослышалась. Она даже на мгновение выпустила спасительный ствол:

— Я? Я?!

— Конечно... И любопытно, что этого не видит Игар.

Долгих несколько минут она собиралась с мыслями; странно, но воспоминания о матери отошли при этом далеко в сторону. И основным вопросом очень быстро сделался...

— Кто... вы?

— Скрут.

— Кто... это?

— Это я.

Илаза помолчала, кусая губы. Если так...

— Откуда вы знаете... Почему вы говорите, что я и мать...

— Потому что это правда.

— Почему?!

Ответа не последовало; сама Илаза с ужасом вспомнила о толченом стекле. О том своем видении — отравительница, подносящая бокал, отравительница, мило беседующая с уже убитым, но еще улыбающимся врагом...

Неужели он ОБ ЭТОМ? Что он в ЭТОМ понимает?!

— Для чудовища, живущего в лесу, вы слишком хорошо знаете людей.

Сухой смешок:

— Нет, Илаза. Недостаточно.

Мерещится ей — или в его голосе действительно скользнуло сожаление?

Ей вспомнился менестрель Йото, дрожащим голосом выпевающий свои песенки; интересно, сколько таких случайных путников закончили жизнь в серых сетях. И возможно, перед смертью каждый из них говорил о сокровенном... Вот как Илаза... Или несчастный Йото... Можно ли по предсмертным исповедям хотя бы десятка человек составить представление о людях вообще?

Она набрала в грудь побольше воздуха:

— И все же... Вы можете понять... что чувствует человек? Когда вы его...

— Я могу понять!..

Она испугалась. Приглушенный возглас ее собеседника больше всего напоминал крик боли; раньше она ничего подобного...

— Я могу понять, — повторил он уже спокойно, медленно и глухо. — Человек может почувствовать... очень многое. Человек... — голос снова напрягся, Илазе показалось, что тот, кто сидит в ветвях, пытается обрести прежнее бесстрастие. И это не сразу, но удается ему.

— Человек... Те, кто попадает сюда, Илаза, не отличаются особым богатством чувств. Они и понятия не имеют... — Голос прервался, и последовала пауза, от которой у Илазы похолодела спина.

— Человек, — снова начал ее собеседник, — чувствует, как правило, животный страх. И перед тем, как убить его, мне приходится его успокаивать... уколом в спину. Чтобы кровь его не сохранила отвратительного железного вкуса — потому что страх гадок и на вкус тоже... А после укола он уже ничего не чувствует. Даже боли. Только безразличие и немножко — жажду... Я удовлетворил твое любопытство?

Она молчала. По темному стволу полз некто с огромными, зелеными, прозрачными крылышками на крохотном, почти не различимом для глаза туловище.

— Извини, — медленно сказал собеседник. — Я не собирался рассказывать тебе никаких ужасов. Но ты же зачем-то спрашивала?..

Илаза ниже опустила голову. Тот зеленый и мелкий, что полз по стволу, пропал из виду.

— Я не это имела в виду, — сказала она глухо. — Я думала, что вы, может быть... можете понять... что чувствует, к примеру, новобрачная, которую сразу же после свадьбы...

Она осеклась, ощутив за спиной его странно ускорившееся дыхание:

— Да. Да. А особенно хорошо я представляю, что чувствует ее молодой муж. Если он нежен и привязчив... Если он достаточно безрассуден... Он способен провертеть в небе дырку. Он не струсит, если придется стаканом вычерпывать море... А поиски Тиар — это тяжкое, тяжелое, безрассудное занятие, сравнимое разве что с танцами на битом стекле...

Илазу передернуло. Стекло...

— Да, Илаза. Я знаю, что делаю. Я хочу заполучить Тиар — и я ее заполучу... А ждать, пока ко мне в сеть попадет еще одна влюбленная пара, слишком долго. В последние годы люди так редко ходят к Алтарю...

Илаза молчала. Он получит-таки эту свою женщину — раньше ли, позже... Интересно, зачем она ему. Хотя нет, неинтересно. К чему ей новые изуверские откровения... Если Игар не успеет, он подождет еще. Новая невеста будет корчиться в сетях, и новый жених побежит, сломя голову, на поиски Тиар... Она, эта заколдованная женщина Тиар, успеет стать старухой, и много-много невест погибнет, ощутив только укол в спину и последующее безразличие...

А ей, Илазе, и укола не надо. Ей и так все безразлично; она заново прожила свою короткую жизнь, рассказывая невидимому чудовищу в ветвях о больном, сокровенном и тайном. Она оплакала Игара, который, наверное, еще все-таки жив; теперь она спокойно может лечь на землю и опять-таки спокойно дожидаться конца.

Приступ тоски оказался неодолимым и черным. Она сползла спиной по шершавому стволу — вниз. Села, опустив лицо на руки, пережидая тошнотворное желание немедленной смерти. Вот так, наверное, уходила Ада — помутнение, слабость, душный занавес между глазами и миром, жажда небытия. Точно так же, нет сил даже подняться и поискать веревку...

— Илаза.

Голос доносился глухо; черный занавес, отделивший ее от жизни, съедал и звуки тоже.

— Илаза, послушай... теперь я тебе расскажу. Сказку... Не двигайся, не думай, только слушай. Жил-был один человек...

Жил-был один человек, и был он не то чтобы молод, но еще и не стар. Жил он всегда только для себя самого — а больше ни для кого ему жить не стоило, хоть была у него и родина, были и родичи, и золото и власть, и сила и оружие, а особенно была вечная игра со Смертью, потому как был он солдатом удачи... И хоть в краю его царили мир и спокойствие, он искал войну всюду, где бы она ни была, а ведь война вечна и искать ее не приходится долго... Он искал войну и предводительствовал на бранном поле, и армии нанимали его и покупали себе победу, потому как полководец он был счастливый...

И однажды, лицезревший тысячи смертей, он увидел, как между двух идущих под нож армий мечется обреченное человеческое существо. И, проскользнув под уже занесенное орудие Смерти, он сделал то, что изменило его судьбу. Потому что спаситель теряет часть своей свободы и обретает узы, связующие его со спасенным...

И, сроду не знавший любви, он понял, что судьба его решена. Был он не стар — но уже не молод, и познал за свою жизнь многих женщин, благородных и подлых, красивых и обычных, невинных и продажных, а спасенная им была — ребенок, но он уже знал, что не ошибся.

И он поставил свою свечку на окно и стал ждать, пока окрепнет ее пламя; он поливал свой росток, зная, что время плодов наступит не скоро. Он взял девочку в свой дом, любил ее и ждал, пока она созреет, чтобы сделать ее полноправной супругой, женой до самой смерти, продолжением себя самого...

А Смерть ходила за ним по пятам. Смерть озлилась — ведь он вырвал у нее законную добычу; и в сотый, и в тысячный раз глядя ей в глаза, он вспоминал, что на окне ждет его его свечка, что в кадке живет его росток; в сотый и в тысячный раз Смерть уходила, посрамленная, оставляя на его шкуре следы своих когтей...

И однажды он вернулся домой — а пламя свечи его стояло высоко и ровно, как праздничный костер, а росток его превратился в

дерево и зацвел. И он понял, что больше не станет играть со Смертью, потому что уже выиграл.

И случилась свадьба, довершающая то, что давно предопределилось. И, счастливый как никогда в жизни, он понял, что любит стократ сильнее; и впервые за много лет, проведенных рядом, он осмелился коснуться своей избранницы не отеческим прикосновением — со страстью...

Он посмотрел ей в глаза — и оттуда взглянула на него торжествующая Смерть, та, которая взяла реванш.

Его свеча обернулась пожаром. Его росток плюнул ядом в его полные слез глаза; его невеста покинула его, в отвращении не разделив с ним постели, и стали дыбом свадебные столы, и опрокинулся мир. И он сдался, предавая себя Смерти...

Но Смерть не взяла его.

В первый день тело его скрутилось, как черный смерч между землей и небом.

На второй день душа его треснула, как трескается лед.

На третий день он лежал живой в могиле, и корни травы зажимали ему рот.

На четвертый день небо отвернулось от него. Навеки.

Илаза молчала. Первый осенний листок, желтый, одинокий и как будто удивленный, сорвался с ветки и улегся к ней на колени.

— Вот такой печальный конец истории... Но дело не в том. Ты права; я действительно в состоянии понять, что именно ты чувствуешь. Я бы и хотел тебя утешить — но вот не знаю как... Утешься тем хотя бы, что нашей истории тоже приходит конец, потому что звезда Хота опускается все быстрее и все ниже. Когда она не поднимется больше над горизонтом, мы сочтем, что наш срок истек; не огорчайся, Илаза. Я намерен выполнить все то, что обещал Игару; где бы он ни был — пусть почувствует это мое намерение и пусть поторопится. Ради своей Птицы.

ГЛАВА 8

Летним вечером девочка сидела на берегу пруда; над темной гладью виднелись три головы — Лиль и двух младших мальчишек. Все трое вопили, фыркали и плескались, а Кари еще и нырял, то и дело показывая над водой мокрый, будто лакированный, голый зад; девочка смотрела безучастно. Подобные забавы были строго-настрого ей запрещены, ее и на берег-то отпустили под честное слово, что не полезет в воду...

Вики, обычно плескавшийся с остальными, сегодня почему-то

купаться не пошел — сидел рядом на остывающем песке и цедил сквозь кулак желтую, чуть заметную песчаную струйку.

В последние месяцы Вики изменился больше, чем за предыдущие два года: он казался уже не долговязым — высоким. К нему не подходило больше слово «тощий»; девочка с удивлением глядела на его мощные руки, обтянутые рукавами тесной застиранной рубашки, и широкую, какую-то треугольную спину с рядом выступающих позвонков.

Будто ощутив ее внимание, Вики чуть повернул голову и скосил на нее вопросительный глаз; тогда она перевела взгляд на закатное небо, похожее на круглый бок золотого яблока. Высоко-высоко, там, куда не достать человеку, черными стрелами носились ласточки.

Ну почему вечером так хорошо?! Нету ни дел, ни забот, ночь придет не скоро, песок еще теплый, пахнет озерными травами, раздувают бока коричневые лягушки — а рядом сидит Вики, который почему-то не пошел купаться...

Теперь он, в свою очередь, разглядывал ее. Мрачновато, но не зло:

— Интересно, о чем ты думаешь?

Она улыбнулась. Рассеянно поглядела на резвящихся подростков; мельком подумала, что и маленький Кари уже достаточно вырос, чтобы не светить над водой голым мокрым задом.

— Думаю... Что хорошо бы съездить куда-нибудь. Что-нибудь сделать, на что-нибудь посмотреть... В какие-нибудь дальние страны... А?

— Попроси Аальмара, — предложил Вики. — Пусть возьмет тебя с собой... Хоть один раз...

Девочка помрачнела:

— Там, где бывает Аальмар... Туда я не хочу. Война... неохота.

Вики, кажется, смутился. Зачем-то принялся рыться в песке; лягушки, потеряв стыд и совесть, громко распевали хвалу лету, вечеру и заходящему золотому солнцу. Длинная прядь волос упала Вики на лоб; девочка поняла, что ей нравится, когда у мужчины длинные волосы. Ребятишек обычно стригут коротко...

Вики наконец выудил из песка круглый камушек с вкраплениями слюды. Долго и придирчиво разглядывал, потом протянул девочке, будто нехотя, будто невзначай:

— На...

Она взяла. Взвесила на ладони — прохладный, серый, гладкий, с блестящими зеленоватыми прожилками.

— Зачем?

— Просто так... Выбрось, если хочешь.

Над прудом стояло закатное небо. Пловцы совсем озябли, однако выбираться на берег не собирались.

— Зачем выбрасывать... Он красивый...

Она сунула подарок в мешочек у пояса — чтобы потом, уже раздеваясь на ночь, случайно выронить на одеяло. И вспомнить яблочное небо, лягушачий хор и прядь волос, падавшую Вики на глаза — хмурые, но не злые.

А спустя неделю объявлен был налет на малину.

Малинник в последние годы разросся до неприличия, поглотив чуть не половину двора и выбравшись далеко за ограду, к огородам; крайние кусты, мимо которых ежедневно шныряли и дети и слуги, успели уже оскудеть — но зато в глубине, в комарином царстве, величественно простирались красные, усыпанные ягодами ветви.

Одновременно человек десять, навесив на шею круглые ивовые корзинки, отправились собирать сладкий урожай; первые полчаса сборщики молчали, набивая ягодой рот, и только потом над густыми колючими зарослями вместе с тучей потревоженных комаров зазвучали сытые, веселые, перекликающиеся голоса.

Девочка как-то случайно оказалась в паре с Вики — это вышло само собой, он просто шел впереди и предупреждал ее о подстерегающей на дороге крапиве; ягода попадалась сплошь спелая, даже перезрелая, и девочкины ладони скоро сделались алыми и сладкими.

Они болтали ни о чем; девочка морщила нос, когда вместе с ягодой приходилось снимать умостившегося на ней зеленого древесного клопа. Пахло сыростью и малиной, тонко звенели комары, попался под ноги и в панике улепетнул толстый, как веревка, черный уж; Вики слегка простыл, отчего его уже вполне взрослый мужской голос приобрел некую мягкую хрипотцу, и девочке почему-то это понравилось.

Корзинка, наполнившись, тянула к земле; следовало вернуться к крыльцу и пересыпать урожай в большой, специально приготовленный короб — но возвращаться не хотелось. Здесь, в двух шагах от дома, девочка неожиданно почувствовала себя затерянной в чаще — будто они с Вики долго шли и шли и вот забрели в неведомый волшебный лес, где только комары и трескучая сорока над головой...

Она влезла-таки босой ногой в крапиву и досадливо зашипела. Вики охнул: его корзинка перевернулась и вывалила алое содержимое в мокрую траву, в переплетение сухих веток. Не говоря ни слова, девочка присела рядом; в четыре руки они принялись ликвидировать последствия катастрофы, и вместе с ягодами в корзинку по-

летели муравьи, жуки и даже один подвернувшийся коричневый лягушонок.

Скосив глаза, девочка могла видеть краешек сосредоточенно сжатого рта, тонкую прядь, выбившуюся из-за уха, и раздувающуюся розовую ноздрю. Руки Вики, загорелые и быстрые, повадились выхватывать ягодки у нее из-под пальцев, именно те ягодки, которые она в эту минуту собиралась взять; он баловался, но лицо оставалось сосредоточенным и серьезным. Переведя глаза на собственное колено, девочка зачем-то поправила платье — ей показалось, что подол задрался слишком высоко и слишком смело обнажает исцарапанную ногу.

Наконец все до одной ягодки вернулись в корзину; сборщики переглянулись — Вики, как всегда, исподлобья, девочка почему-то растерянно; ей вдруг захотелось перевернуть и свою корзинку тоже.

Где-то в стороне трещали кусты и смеялась чему-то вечно веселая Лиль; девочка села на землю. Голубое небо оказалось далеко-далеко — в переплетении малиновых веток; Вики смотрел уже не хмуро, а просто серьезно. В уголке его рта запекся малиновый сок.

Девочка рассеянно положила на ладонь большую пупырчатую ягоду. Из каждого пупырышка торчал жесткий волосок; девочка прищурилась:

— Красиво...

— Что ж тут красивого? — спросил Вики хрипло.

— Не знаю... Красиво, и все...

Вики вдруг наклонился и слизнул ягоду с ее ладони. Она на мгновение ощутила его шершавый, как у котенка, язык.

— Вкусно... — сказал он шепотом.

Рубашка у него на груди разошлась. В ямочке у основания шеи бился пульс; он сидел перед ней, знакомый до последней черточки, до последнего волоска в темных лохматых бровях, и ей показалось, что он ей даже родней, чем брат. И как-то слишком быстро, неровно колотится сердце, и странное чувство заставляет смотреть и смотреть, а еще лучше — потрогать...

Она засмеялась, чтобы прогнать смущение — его и свое. Она засмеялась и лизнула уголок его губ, желая смыть с них засохший малиновый сок; вместо вкуса малины она ощутила солоноватый вкус его кожи.

Он покраснел. Он сам сделался, как малина; девочке стало стыдно. А вдруг она его обидела?..

Извиняясь, она потерлась носом о его щеку. О горячую, шершавую, с красным следом комариного укуса, колючую щеку; он глубоко, со всхлипом, вздохнул. И обнял ее — надежно и просто, тепло, по-домашнему:

— Я ее... Эту малину, видеть уже не могу...

Она засмеялась — и крепко обвила руками его шею, уступая неуемному желанию касаться, касаться, гладить, трогать...

За их спинами треснула ветка; потрясенная, с округлившимися глазами служанка едва не выронила свою доверху полную корзинку.

Они почувствовали неладное, еще подходя к крыльцу.

Во дворе как-то сам собой стих обычный смех; Лиль стояла бледная, испуганная, служанки отводили глаза, шептались и переглядывались. У девочки заныло сердце. Откуда-то явилось смутное чувство вины; как в тяжелом сне, когда вокруг сгущается, сгущается туман, а ты не знаешь, откуда выскочит зверь, откуда придет страшное...

На крыльцо вышли мать Вики, его отец и старший брат; за из спинами маячила Большая Фа, и глаз ее почти не было видно — одни лысые надбровные дуги.

Вики шагал все медленнее; взгляды его родителей были тяжелее свинца. Брат Кааран смотрел вниз, на рыжие носки своих башмаков.

Вики наконец споткнулся и остановился. Девочка остановилась рядом; она кожей чувствовала, как над их головами сгущается тьма, однако спрятаться или убежать не приходило ей в голову. Чувство вины, все усиливающееся и переходящее в уверенность, было общим у мальчика и у нее.

— Поди сюда, — холодно сказал отец Вики, и девочке стало ясно, что он обращается к сыну; Вики поставил на землю корзинки — а он нес урожай и свой, и девочкин — и медленно, волоча ноги, не поднимая головы, двинулся к крыльцу; девочке стало страшно.

— А что он сделал? — спросила она громко, с фальшивым возмущением.

Ее не удостоили взглядом.

Вики поднялся на крыльцо; отец пропустил его в дом и сам вошел следом. Бесшумно притворилась дверь; мать Вики втянула голову в плечи и пошла на задний двор. В руке у нее болтался ненужный, неуместный сейчас пушистый веник.

За спиной девочки кто-то вздохнул в непритворном ужасе:

— Ай-яй-яй... Как же...

Девочка обернулась, будто ее ужалили. Лица женщин, молодые и старые, так непохожие друг на друга, были сейчас одинаково потрясенными и одинаково осуждающими. И все глядели на нее — будто обливая ледяной водой.

Она поняла, что плакать нельзя. Ни в коем случае нельзя здесь, сейчас, при всех разреветься.

Большая Фа по-прежнему стояла на пороге и ждала. Девочка подошла, поднимаясь, как на эшафот. Уставилась напряженно, не отводя глаз, будто спрашивая: а что?..

— Иди в дом, — сказала Большая Фа. В голосе ее скрежетали краями тонкие льдинки.

Она поняла, что бесполезно спрашивать и бесполезно спорить. Она поняла, что случилось воистину непоправимое; из последних сил подняв голову, она прошествовала к дверям своей комнаты. Вошла, дождалась, пока повернется, запирая дверь снаружи, ключ; потом повалилась на постель и зарыдала без звука и без слез.

Она ждала, что Фа явится, чтобы наказать ее, — однако до вечера никто так и не пришел. Ночь прошла в горе и полусне; рано утром в дверь поскреблась Лиль. Заглянула в замочную скважину.

— Ты... это... вы что, обнимались? И целовались, да?!

— Дура, — шептала девочка, глотая слезы.

— Ну, ты... Ну, ты... Что теперь будет, а... А отец Вики ходил в каретную лавку и купил кожаный кнут, у, страшный... А Фа говорит, что если кто соседям проболтается — убьет на месте... И что до приезда Аальмара никто на ярмарку не поедет...

— При чем тут Аальмар? Ну при чем здесь Аальмар-то?!

— Я не знаю, но Фа говорит...

Шепот Лиль вдруг сменился визгом; затем последовал звук пощечины, и, удаляясь — шаги и всхлипывания. Тишина.

Она ходила из угла в угол, кусая пальцы, еле сдерживая стон. Она виновата; она страшно провинилась, и теперь из-за нее пострадает Вики...

А что скажет Аальмар?!

Но ведь она не хотела!.. У нее и в мыслях не было того, о чем они все подумали...

Она села на пол, подтянув под себя ноги. Не было, не было... А если было?! Если она теперь преступница, развратница, шлюха?!

Ей захотелось умереть. Немедленно и бесповоротно.

Вечером Большая Фа собственноручно принесла девочке ужин. Молча пронаблюдала, как, поковырявшись в каше, пленница отодвинула тарелку; велела набросить на плечи платок и следовать за собой.

Вышли из дома, прошли через весь двор к сараю; работник, коловший дрова, съежился, встретившись взглядом с Большой Фа.

Посреди непривычно пустого сарая стояла скамья. Взгляд де-

вочки заметался; у стен молчали родственники-мужчины, бледная мать Вики и его же отец, придерживающий сына за плечо. Девочка глянула — и сразу отвела глаза; ей было жалко и страшно смотреть на Вики. Тем более что виновата во всем она...

— Нечего тянуть, — холодно сообщила Большая Фа. — Радость невелика... Раздевайся и ложись.

В какую-то секунду девочка подумала, что это говорится ей; однако отец выпустил плечо парня, и тот как-то поспешно, неуклюже стал расстегивать штаны. Девочка опустила глаза в пол; лучше, пожалуй, зажмуриться. Не смотреть.

Большая Фа о чем-то негромко распорядилась; девочке казалось, что ненавидящие глаза матери Вики прожгут ей склоненную макушку. Уж матери-то точно ясно, кто виноват...

Коротко просвистел кнут. Девочка втянула голову в плечи.

За все время экзекуции Вики не издал ни звука, а девочка ни разу не подняла глаз. Процедура длилась долго, мучительно долго, вечно; наконец скрипучий голос Большой Фа проронил:

— Хватит.

Отец Вики отбросил кнут.

Девочка повернулась и, слепо натыкаясь на стены, двинулась к выходу.

Пять дней она ничего не ела; на шестой Большая Фа попыталась насильно влить ей в глотку теплого куриного бульона.

Когда Фа ушла, девочка, исцарапанная, в мокром от бульона платье, стала сооружать себе петлю; служанка, наблюдавшая в замочную скважину, подняла тревогу. Большая Фа явилась на этот раз с ласковыми увещеваниями — девочка смотрела белыми от ненависти глазами. Старуха пригрозила, что велит ее связать, — девочка плюнула ей под ноги.

Прибегала вездесущая Лиль; вероятно, на этот раз старуха сама же ее и подослала. Лиль болтала без умолку и сообщила между прочим, что родители Вики не станут изгонять сына из дому, как это полагается по закону. Девочка всхлипнула и молча прокляла все законы на свете. Все равно она не сможет больше смотреть Вики в глаза...

А потом в доме случился переполох, от ворот послышались приветственные крики — а девочкины окна выходили на противоположную сторону, она могла только грызть ногти и ждать! А потом прошла одна минута, другая, третья; она поняла, что время, необходимое человеку для того, чтобы добраться от ворот до ее комнаты, истекло. Она поняла это, и ледяная волна, поднявшаяся со дна души, затопила ее целиком.

Что значит — он не идет?! Что они ему скажут, как он в это поверит? Минуты тянулись одна за другой, день склонялся к вечеру, Аальмара не было!..

Сдавшаяся, побежденная, оглушенная своим горем, она бездумно водила пальцем по пыльному оконному стеклу; во дворе кипели обычные приготовления — готовят праздничный стол... Значит, он вернулся... Значит, он здесь, в доме, в нескольких десятках шагов — но к ней не идет.

Ей захотелось спать. Сон — единственное человеческое занятие, в точности похожее на смерть; она свернулась калачиком, но и сон не желал к ней прийти, потому что мерещились руки, глаза, ласковый голос Аальмара, который в первый же момент своего возвращения первым делом обнимал ее... А теперь...

Шлю-ха...

Слово будто было сказано извне; в эту черную секунду девочка почувствовала себя шлюхой. Развратной, падшей, недостойной тварью; сам Аальмар признал ее такой... Если уж он не желает ее видеть...

Скрипнула дверь.

Она вскинулась, как марионетка, которую рванули сразу за все веревочки; в дверях стояли двое, почти одного роста, и девочка не сразу разглядела, кто это.

— Малыш, что же это, говорят, ты ничего не ешь?..

Второй был Вики. Исхудавший и бледный; рука Аальмара лежала на его плече. Не покровительственно; то был дружеский, естественный жест, принятый среди равных. Вики смотрел исподлобья — как обычно смотрел, мрачновато, но не зло.

Девочка молчала. Слезы, собравшиеся у нее на подбородке, наконец-то закапали вниз.

— Малыш, я привел тебе твоего брата, и мы уже обо всем с ним поговорили. Он хороший мальчик, береги его... И давай поедим. У меня тоже маковой крошки с дороги не было... Ты рыбку будешь или индюшку, а?

Она чуть не сбила его с ног. Растворилась в нем, прижалась к нему, приникла, всхлипывая и захлебываясь:

— Аальмар... Аальмар... Я так... те-ебя... л...люблю.

* * *

Он бесповоротно потерял две недели; старуха уговаривала его остаться еще — но звезда Хота не собиралась ждать, и потому он ушел среди ночи, расплатившись одним только искренним «спасибо».

По мере того как проходило действие старухиных снадобий, рана вела себя все хуже и хуже; Игар шел вперед, стиснув зубы и

запретив себе предаваться отчаянию. Не для того он вырвался из лап верной смерти, и Скаль погиб тоже не для того. Провинция Ррок велика, но не беспредельна; за его плечами остались аристократический Требур и богатая Турь, Дневер, славящийся ремеслами, и Устье, знаменитое портом и шлюхами. Скрут считал, что Тиар может оказаться в Раве или в Важнице — но ее нету ни там, ни там. Теперь путь Игара лежит в город Ремет — скрут называл и его тоже... А значит, жива надежда. Дабат.

Шесть больших городов у него за плечами, а мелкие поселения и считать не приходится — он давно сбился со счета, поселки все похожи один на другой, и в центре каждого обязательно стоит трактир, в котором он, Игар, в который раз будет спрашивать до мозолей на языке: Тиар, Тиар, Тиар...

Задремывая за грубо сколоченным столом, он сделал неудачное движение — и рана выстрелила жгучей болью, так что пришлось задержать дыхание. По счастью, никто на него не смотрел — всяк занимался своим делом. Трещали куриные кости, перемалываемые крепкими зубами, трещали кости соседей, перемываемые крепкими, без мозолей, языками местных болтунов. Справа от Игара рассуждали о чьей-то невестке — фыркая, морщась, поминая щепку и воблу, поскольку у означенной молодки «ветер гуляет в пазухе, а сидит она и вовсе на двух кулачках». Слева вяло переругивались из-за какой-то гнилой шкуры, которую кто-то кому-то паскудным образом продал; голоса слились в один бубнящий поток, когда скрипучая дверь в очередной раз отворилась, и на пороге обнаружилась женщина.

Голоса примолкли — на какое-то мгновение, но дремавший Игар тут же открыл глаза. Болтовня возобновилась тоном ниже и как-то неохотно, через силу; на пришелицу не то чтобы избегали смотреть — поглядывали исподтишка, косо, будто выжидая, когда непрошеная гостья соизволит уйти.

Женщина медленно двинулась через трактир; Игар разглядывал ее, с трудом сдерживаясь, чтобы не разинуть рот.

На голове гостьи лежал венок из чуть привядших полевых цветов; длинные темные волосы, не утруждающие себя никаким подобием прически, небрежно лежали на плечах. Одеждой красавице — ибо женщина была несомненно красива — служила длинная, из серого полотна рубаха, которую при желании можно было счесть и платьем. Длинный балахон не скрывал тем не менее ни высокой груди, ни легкой ладной фигуры; женщина ступала по немытому трактирному полу длинными и тонкими босыми ступнями. На правой щиколотке Игар разглядел браслет — кажется, серебряный.

Вероятно, первое появление подобного существа в деревенском трактире сопровождалось бы всеобщим шоком — однако Игаровы соседи по-прежнему жевали, хоть и не так резво. Игар заключил, что босая красавица появлялась здесь и раньше. И достаточно часто, хоть ее появлению, похоже, никто здесь не рад...

Женщина остановилась перед трактирщицей, загадочно улыбнулась, полуоткрыла рот, будто собираясь что-то спросить, — но промолчала. Повернулась, неторопливо приблизилась к длинному столу, за которым пила пиво шумная компания красноносых плотников.

В трактире стало еще тише; женщина непринужденно вытащила из-за пазухи маленький сухой стебелек.

— Надо запомнить, — голос ее казался голосом маленького мальчика. — Все забывают... Возьмите, это для памяти...

Стебелек перешел из узкой белой руки в крепкую красную лапищу; принимая подарок, плотник состроил подобие улыбки. Женщина рассеянно кивнула — и двинулась дальше.

Игар не слышал, что говорила она крестьянину, сидевшему рядом, на краю скамьи; крестьянин тоже изобразил улыбку и взял из ее рук какой-то высушенный цветочек — явно не зная, что с ним делать. Женщину, впрочем, не интересовала дальнейшая судьба подарков — она снова шла мимо притихших людей, смотрела сквозь настороженные лица и безмятежно улыбалась.

Игар напрягся. Сколько уже раз от начала путешествия пробегали по его коже эти нервные, горячие мурашки. Он сбился со счета; каждая следующая надежда все слабее, слабее, слабее.

Темные волосы с оттенком меди. Слишком неопределенная примета, сколько их, таких женщин, он просто хочет, исступленно хочет видеть в каждой встречной...

Широкий подол ее платья-рубахи был неумело украшен вышивкой, и в какой-то момент Игар покрылся потом, явственно разглядев в странном узоре большую букву Т...

Женщина остановилась прямо напротив него. Глаза ее, карие с прозеленью, смотрели совершенно по-детски — доверчиво и серьезно; младенческие глаза не подходили ее красивому взрослому лицу. Как не подошла бы старухе короткая юбчонка в оборочках.

— Для сердца и для глаз, — рука ее скользнула за пазуху, — для легкого дыхания... Возьми, — и она протянула Игару тонкую черную веточку.

Он не торопился брать. Женщина смотрела ласково и настойчиво, протянув руку, он на мгновение коснулся ее ладони. Нежной, будто у ребенка.

— Для сердца и для глаз, — повторил он медленно. — Спасибо...

Он слышал, как зашептались вокруг, но, как назло, не мог разобрать ни слова.

Женщина улыбнулась шире:

— Там, где холодный ручеек... Где ледяной ручеек. Там...

— Пойдем туда? — спросил он неожиданно для себя.

Она продолжала улыбаться, и по этой отрешенной улыбке нельзя было сказать, понимает ли она обращенные к ней слова.

Игар поймал себя на простом и естественном желании — встать, грубо схватить за плечи и развернуть к себе спиной, задрать нелепую рубаху и проверить, нет ли ромба... Сразу взять и проверить, а не заводить снова длинную и сложную игру, не пробираться окольными путями в поисках доверия...

— Пойдем туда, — женщина тряхнула головой, как пятнадцатилетний подросток. — Трава...

Она повернулась и двинулась к выходу, все так же легко и непринужденно ступая босыми ногами. Игар огляделся — все посетители трактира глядели на него, на него одного.

Дверь за странной женщиной закрылась; две или три руки моментально ухватили Игара за рукава:

— Ополоумел?!

— Да он пришлый, дикий совсем, не знает, видать...

— Да плевать-то, знает или не знает...

— Дык объясни, а не ори на парня!..

В трактире говорили все разом; повязанная платком старуха, у которой Игар незадолго до этого выспрашивал о Тиар, специально ради объяснений прихромала из своего дальнего угла:

— Это... жить хочется — с бабенкой этой не говори... Охотников на нее много было, как дите ведь, безответная... Да только у ней папаня приемный — колдун с холмов, у него ведь жалости ни на грош...

Игар отодвинулся от прыщавого парня, который наседал, брызгая слюной:

— Один вот недавно даже не тронул еще, посмотрел только! И где он теперь, а?.. На стенке нарисован, там, где на окраине дом порушенный... Рисуночек есть — а человечка нету, во как!

— Он за ней в колдовское зеркальце поглядывает! Нет-нет, да и глянет — а что дочурка-то? Только твою харю рядом увидит — все...

— А вот в прошлом году...

— Да не в прошлом, я точно говорю...

— Да заткнись ты...

— А вот сам заткнись...

— Зовут ее как? — неожиданно для себя рявкнул Игар.

Болтуны примолкли. Повязанная платком старуха в раздумье пожевала губами. Аккуратно утерла кончик носа:

— Да кто ж ее знает... Полевкой кличут.

— Имя? — Игар уставился старухе в блеклые глаза. — Имя как, не Тиар? Не та, про которую говорено?

Трактир молчал. Трактир с подозрением косился на Игара, пожимал плечами, сплевывал и понемногу возвращался к своим обычным делам.

Стройная фигурка удалялась по улице; Игар снова подавил желание догнать, схватить и разорвать на спине рубаху. Не важно, была ли в россказнях крестьян хоть крупица правды — возможно, что и вовсе не было, об одном шулере тоже болтали, что он колдун, а он был, оказывается, жулик...

Он догнал ее на околице. Женщина обернулась, одарив нового знакомца все той же рассеянной улыбкой.

— Пойдем, где трава? — спросил он мягко.

Она снова тряхнула головой — с увядшего венка упало несколько мелких лепестков.

— Там холодный ручей... Совсем холодный, ледяной...

— Как тебя зовут?

Она улыбалась.

— Как тебя зовут? Тиар? Тиар твое имя?

Она легко и непринужденно положила руки ему на плечи:

— Ты красивый...

— Как твое имя?!

Она по-детски надула губы:

— Я Полевая Царевна... Ты не знаешь?

От нее действительно пахло травой. Душистым сеном и увядшими полевыми цветами.

— Ты — Полевая Царевна, — сказал он терпеливо. — Пойдем.

Он крепко взял ее за локоть — она не сопротивлялась. Пацаненок, наблюдавший из-за плетня на отшибе, издал приглушенный вопль удивления и поспешил прочь, ломая лопухи — видимо, звать родичей поглядеть на невидаль.

Игар ускорил шаг; босые ноги его спутницы ступали легко и уверенно. Так, под руку, они миновали крайний полуразвалившийся дом — Игар вздрогнул, потому что на единственной уцелевшей стене был во весь рост нарисован углем круглолицый парень в съехавшем на ухо берете, с диким испугом в глазах; неведомый художник был на диво искусен. Непонятно только, что заставило его изображать на столь бесполезных развалинах столь паскудную рожу с таким неприятным выражением страха...

Игар сжал зубы и подхватил женщину на руки; незажившее плечо дернуло, да так, что он еле сдержал стон.

Венок соскользнул с ее головы — она не заметила. Она не сопротивлялась, бормоча что-то о памяти и о ледяной воде, а он нес ее все скорее, потому что боль в руке становилась все жарче, а впе-

реди уже маячил стог сена; в этот момент ему плевать было на сельчан, которых, конечно, через несколько минут набежит видимо-невидимо. У него есть эти несколько минут, он должен лишь убедиться, что эта женщина — не Тиар...

При этой мысли он ощутил нежданный приступ отчаяния. Вот ведь как сильна проклятая надежда, желание верить; что он почувствует, если, разорвав ее серую рубаху, не увидит под лопаткой этого самого родимого пятна?!

Он усадил женщину в сено; она казалась удивленной, но неиспуганной. Волосы тонкой вуалью закрывали ей лицо — она беззаботно дула на них, по-девчоночьи раздувая щеки:

— Ты — из далекой страны? Из далекого леса?

— Да, — ему вдруг стало стыдно. Он причинит ей страх, может быть, унижение... — Я из далекого леса, — он зашипел сквозь зубы, пытаясь найти удобное положение для подраненной руки. — Я — серый волк.

Подкатывающий приступ нервного смеха, несвоевременного и глупого, заставил его быстро-быстро задышать. Вдох-выдох...

Он развернул ее лицом к стогу, раздвинул пышные волосы и нашел шнурок-завязку на воротнике — вот как просто, оказывается. И не надо ничего рвать...

В этот самый момент он почувствовал полный ненависти взгляд. Будто кто-то всадил ему в затылок раскаленное шило.

Несколько секунд он пытался выбрать — довести ли дело до конца и обнажить ей спину либо сдаться и оглянуться; потом выбор сам собой отпал. Онемевшие пальцы выпустили кокетливый, с кисточками шнурок; закусив губу, Игар обернулся.

Человек был невысок и тощ, куртка его оказалась не сшитой, а грубо сплетенной из толстых шерстяных ниток; лицо казалось медным — от загара и от злости, потому что, при всей внешней невозмутимости, человек был исключительно зол. Сузившиеся глаза непонятного цвета прожигали Игара насквозь.

Игар молчал. Женщина завозилась в сене, тихонько засмеялась и села, рассеянно убирая с лица спутанные волосы; где-то там, далеко у заборов, толпились люди. Будет о чем поболтать в трактире...

Человек смотрел; Игар с необыкновенной точностью вспомнил ту картинку на стене обвалившегося дома: круглолицый парень, перепуганный до смерти, даже, кажется, слюна на нижней губе... Так никакой художник не изобразит, никто и не рисовал его, беднягу; «рисуночек есть — а человечка нету, во как!..».

Игар молчал.

Обладатель плетеной куртки медленно остывал. Лицо его из медно-красного становилось просто загорелым; возможно, на

трезвую голову господин колдун придумает похотливому негодяю кару пострашнее. Игар с удивлением понял, что ему все равно — он согласен хоть на вечные муки, только бы ему позволили проверить, не Тиар ли сидит рядом с ним в сене и напевает под нос детскую песенку. Такое вот извращенное любопытство...

— Мы хотели пойти к холодному ручью, — ломким мальчишеским голоском сообщила женщина. — Там трава, и белый конь ходит...

Колдун протянул руку:

— Иди сюда...

Голос его был когда-то сорван и с тех пор так и не восстановился.

Женщина легко поднялась; колдун прошептал ей что-то на ухо, и она пошла прочь — не оглядываясь, ступая по-прежнему легко и горделиво, как и должна ступать Полевая Царевна — хоть и босиком по колкой стерне...

Колдун снова посмотрел на Игара. На этот раз холодно-оценивающе. Игару сделалось зябко от этого взгляда.

— Ее зовут Тиар? — спросил он шепотом.

Неизвестно, удивился ли колдун. Теперь, овладев собой, он спрятал все свои чувства глубоко и надежно.

— Ее зовут Тиар? — повторил Игар с нервной, тоскливой улыбкой. — У нее на спине родимое пятно? Как ромб? Скажите, мне очень нужно...

Колдун быстро шагнул вперед. Игар ожидал синей молнии из протянутой руки — вместо этого обладатель плетеной куртки сильно и больно ударил его кулаком в лицо.

Стенки погреба, любовно выбеленные известью, хранили воспоминание о шестерых неудачниках — четырех насильниках и двух глупых ухажерах, просто подвернувшихся под руку. Все портреты казались нарисованными углем.

Колдун стоял у крутой лестницы-выхода, беспечно покачивая фонарем, давая Игару возможность рассмотреть все в деталях: и выпученные глаза, и разинутые рты, и беспорядок в одежде — двоих возмездие застало с непотребно спущенными штанами... И свободное место на белой стене. Игар тоже мог внимательно рассмотреть.

— Маги действительно так могущественны?

Он не узнал собственный голос — сухой, бесцветный, какой-то гнусавый, — наверное, из-за разбитого носа; колдун глядел по-прежнему равнодушно и ничего не ответил.

Игар прикрыл глаза, пережидая боль в плече. С трудом, как старик, опустился на пол у стены:

— Маги... все могут. Маги умеют превращать сдобные пирож-

ные в говорящих скворцов... Наверное, они умеют истреблять скрутов. Отвратительных скрутов, похожих на огромных пауков. Да?

Колдун мигнул. Всего лишь на мгновение опустил веки; взгляд его оставался холодным и неподвижным.

— Там, где я вырос, — медленно сообщил Игар, — там... почти нету колдунов. Магов то есть... Нету.

— Зато есть скруты, — вкрадчиво предположил вдруг колдун. Игар вздрогнул:

— Да... Скруты. Они есть.

Некоторое время оба молчали. Погреб был отменный, глубокий и холодный, чистый и вместительный — однако продуктов здесь, кажется, никогда не хранили. Только два пузатых бочонка стояли в дальнем углу, и все пространство между ними было затянуто паутиной; Игар передернулся и отвел глаза.

— У тебя в плече сидела арбалетная стрела, — сухо сообщил колдун.

Игар проглотил слюну:

— Да...

— У тебя на шее храмовый знак.

Игар опустил голову:

— Да... Я служил Птице.

— Птица отреклась от тебя? — предположил колдун, и на этот раз в ровном голосе померещилась насмешка.

— Я... отрекся...

Игар замолчал. Он отрекся от Птицы только однажды — перед тем, как ступить вслед за Илазой на Алтарь.

— Твое имя?..

— Игар...

Глаза колдуна сверкнули:

— За твою голову дают двести шестьдесят золотых монет!

Игар скорчился. Вжался в стену, втянул голову в плечи:

— Двести...

— Двести шестьдесят.

Игар застонал сквозь зубы; несколько секунд колдун разглядывал его, потом маска бесстрастия дрогнула, и края темного рта удовлетворенно поползли к ушам. Игар понял, что собеседник смеется.

— Вам так нужны эти деньги?!

Колдун не ответил. Лестница заскрипела под его тяжелыми шагами; поднявшись до половины, обладатель плетеной куртки повесил свой фонарь на ржавый крюк в потолке:

— Свет тебе оставлю... Поболтай с этими ублюдками. Они тебе объяснят — про магов, про скрутов, про деньги и в особенности про беззащитных женщин... Счастливо оставаться.

...Счет времени он потерял сразу же и решил ориентироваться по свечке за стеклом фонаря — однако воск таял до странности медленно. Игар решил в конце концов, что это и не воск вовсе, а некое доступное лишь колдунам вещество; так или иначе, но снаружи могла пройти ночь, или сутки, или два часа, а здесь, в любовно выбеленном погребе, царила вечная полночь.

Он сидел в дальнем от рисунков углу и безостановочно бормотал молитву Птице. Он изгонял из памяти все слышанные в детстве истории про колдунов и подвалы, про способ казни, когда от запираемого на ночь в специальном месте узника наутро остается восковая фигурка, или деревянная статуэтка, или набитая тряпками кукла; он пытался не думать об этом, но слышанные некогда россказни лезли из всех щелей, как крысы. Фонарь ровным желтым светом освещал темные фигуры на белой стене. Игар ждал, когда они сойдут к нему и превратят в подобного себе, в изображение на известке, в тень...

А они, нарисованные, действительно были ублюдками. Особенно тот, что оказался крайним справа, — Игар старался не смотреть на него, но взгляд возвращался, как муха на мед. Одутловатое лицо с жирными похотливыми глазками, нечистая борода, толстомясые руки, расстегивающие пояс; Игару казалось, что эти руки трясутся от грязного вожделения. Он содрогался от отвращения и отворачивался — но рядом на стене изображен был круглый старикашка со сладкой улыбкой, слипшимися волосами, потным носом и слюной на нижней губе, и Игар еле сдерживал приступ тошноты. А дальше глядел со стены симпатичный мужчина с широким добрым лицом, такому кто угодно доверит жену или сестру, ведь при жизни тот масляный огонек, что обезображивает сейчас нарисованные глаза, наверняка не был заметен так явно... Звериная похоть под маской добропорядочного отца семейства, никаких тебе слюнявых губ, все шито-крыто...

Женщина-ребенок в сером балахоне до пят, Полевая Царевна... и эти хари? И он, Игар, в их числе, наказанный за то же самое?!

По здравом рассуждении, он куда хуже. Эти — просто скоты, ведомые похотью и лишенные человеческого... Он, Игар, ведом любовью и благородством. Любовь и благородство повелевают ему — что? Повелевают взять безответного, беззащитного взрослого ребенка и тащить на муку к чудовищу, не знающему жалости...

Он застонал сквозь зубы. Во что бы то ни стало нужно было посмотреть на ее спину; тогда бы он знал точно.

Закрыв глаза, он попытался призвать то чувство справедливого гнева, что охватило его после давнего разговора с Отцом-Дознавателем. Когда он узнал, что Тиар — женщина, совершившая предательство столь чудовищное, что порождением его стал скрут. Ко-

гда он сумел убедить себя, что именно Тиар виновата перед ним, перед несчастной Илазой... да и перед скрутом тоже. И вот, если окажется, что Тиар — это Полевка... И как, скажите, заставить себя поверить в ее вину?!

А потом пришла спокойная, умиротворенная мысль: а почему нет? Возможно, это подарок Птицы, лучший из вариантов: безмятежная Полевка даже не поймет, что с ней происходит. Она лишена страха смерти; она умрет, не сознавая чудовищности происходящего — а ведь всякий из нас когда-нибудь умрет, но лишь Полевке все равно, когда именно и как это произойдет...

Он поразился, как такая мерзкая мысль могла прийти к нему в голову, — и, несмотря на раскаяние, никак не мог от нее отрешиться. Мысль ворочалась на дне сознания, напоминая о себе, подначивая, подталкивая: все равно все умрут... Это было бы добрее, чем тянуть в лапы скруту насквозь порочную шлюху, которая, однако, весь этот ужас осознает...

Тогда, спасаясь, он стал думать об Илазе. О всем чистом и светлом, что было в его жизни, о ночи, проведенной на Алтаре... И тогда ему стало еще страшнее, потому что оказалось, что он не помнит Илазиного лица.

Он до крови кусал губы; он вдыхал затхлый воздух погреба, пытаясь мысленно насытить его запахом теплой хвои, леса, воды, ее духов, ее тонкого пота... Но пахло мышиным пометом, и не заходящее солнце стояло перед глазами — белая стена с нарисованными рожами, и едва стоило восстановить в памяти Илазины глаза, как сверху налезали, наслаивались мутные плошки слюнявого старика, и Игар впадал в отчаяние, сознавая, что не может больше вспомнить Илазу...

Потом он ненадолго задремал; проснувшись, не сразу овладел затекшим телом, и первой ужасной мыслью было, что кара свершилась и теперь он всего лишь рисунок на стене погреба. Второй мыслью была мысль об Илазе; он вспомнил наконец ее лицо — и поразился, потому что это было лицо чужого незнакомого человека. Он забывает ее? Колдовство?!

Ныло, жгло, болело раненое плечо. Похотливые хари со стен глядели на него с издевательским сочувствием.

* * *

Одинокая мачта вонзалась в небо, будто шпиль. Убранный парус вовсе не был красив — так, просто перетянутая веревками огромная простыня. Другое дело, когда он полон ветра, когда он распущен, как крыло белоснежной чайки...

Речная чайка пронеслась над самой ее головой. Маленькая, похожая на стрижа; Аальмар рассказывал, что на море чайки огромные, больше ворон, с длинными косыми крыльями...

Река здесь широка, как море. От берега и до берега лежит огромное пляшущее пространство, кое-где белеют паруса, и синим парусом выгибается небо. Лодка подпрыгивает на волнах — но ей, девочке, не страшно. Бывалые рыбаки, те, что провожали их на берегу, поглядывали с недоверием: не боится? Большая вода, и свежий ветер, и довольно-таки резвая волна...

Она никого не станет посвящать в тайну своего бесстрашия. Тайна — вот она, напротив, на корме. Их двое посреди огромной речки, только двое, чайки не в счет... Только бы не зазнаться раньше времени. Потому что если такой человек, как Аальмар... Может быть, она заколдованная принцесса?!

Она расхохоталась, и он улыбнулся в ответ. Солнечная дорожка на воде дробилась и завораживала; ни солнце, ни река, ни выгнутое парусом небо не знают, что их повелитель сидит сейчас в утлой лодчонке наедине с обыкновенной... с недостойной такой милости девочкой. Ее правая рука скоро покроется пятнами, так часто приходится себя пощипывать: а не сон ли?

Как она, оказывается, стосковалась. Как устала от этих его долгих отлучек; ей холодно, когда он не смотрит на нее, не берет на руки, не укладывает вечером спать. И пусть Большая Фа не ворчит — девочка прекрасно знает, что давно уже не маленькая... Но с ним ей хочется быть малышкой. Пусть он ее защитит...

Какие у него необъятные плечи. Какие мускулистые руки; из-под белого, как чайка, воротника рубашки виднеется темная бронзовая шея. Босые ступни, наоборот, светлые и узкие; она украдкой поставила свою ногу в отпечаток его ноги, высыхающий на досках. И засмеялась снова.

— Гляди!

Он перегнулся за борт; она осторожно подошла и склонилась рядом.

Продолговатое днище отбрасывало темную тень, из нее вдруг стремительно выскользнул целый косяк темных рыбьих спин. То здесь, то там неожиданно мерцала серебряная вспышка — какая-то из рыбин поворачивалась к солнцу боком...

Высокая рябь мешала смотреть; девочка напряглась, наклоняясь все ниже и чувствуя, как рука Аальмара предусмотрительно берет ее за пояс. Вода просматривалась глубоко-глубоко, но дна не было видно; на мгновение она похолодела, осознавая, что, по сути, висит с Аальмаром среди зыбкого пространства, что земля, покрытая ракушками и водорослями, лежит далеко внизу...

Не глядя, она поймала его руку. Ледяной страх почти сразу сме-

нился опасливым восторгом; заглядывая в бездну, она с сожалением подумала о том, что мир велик, а она все еще видела так мало...

Аальмар улыбался.

* * *

— ...Лечили тебя хорошо.

На рассвете колдун вытащил Игара из погреба, а сейчас был, кажется, полдень. Колдун оказался первым после Отца-Дознавателя человеком, которому Игар выложил свою историю — не удержался, смалодушничал. Болтал непрерывно несколько долгих часов — так, что в горле саднит... А «лечили хорошо» — это о косой старухе, жившей на окраине поселка Утка, которая с виду была ведьма ведьмой...

Теплый деревянный шар, которым цепкие загорелые руки выкатывали его плечо, порою причинял боль. Игар терпел, глядя на лоскуток синего неба за узким высоким окном.

— Двадцать дней у тебя, — негромко проронил колдун.

Игар слабо дернулся:

— Что?

— Двадцать дней... Звезда Хота опускается за неделю до «Осени-середки», знаешь, такой день, когда девчонки сверлят мост посередине... Поверье такое — просверлишь мост на самой середке, посмотришь в дырочку — суженый увидится... В «Осень-середку», в полночь... Смотрители этих самых мостов с кнутом стоят и дежурят — им тоже неохота, чтобы добро дырявили...

Колдун говорил тихо, неторопливо, нарочито не придавая значения словам — все равно, мол, что я сейчас говорю, а ты слушай мой ровный сорванный голос и думай о главном из сказанного вначале...

Игар думал. Колдуновы слова были не про девчонок и не про мосты.

— Значит... вы не можете?..

— Маги не так могучи, как о том болтают, — сухо отозвался колдун. — А существо, подобное скруту... стоит дорого.

Некоторое время Игар размышлял, прикрыв глаза.

— Мне нечем платить, — сказал он наконец. — Но я стою двести шестьдесят монет, — он горько усмехнулся. — Правда, продать вы меня можете и так... Хоть сегодня...

Теперь размышлял колдун; движение деревянного шара замедлилось.

— Ты меня не понял, — проговорил он после паузы. — Собственно... мне не так нужны эти деньги. Я сам доплатил бы, если бы

кто-нибудь приволок мне скрута... мертвого или умирающего. Живой и здоровый скрут... Ты не представляешь, что это такое.

Игар оскалился:

— Представляю. Сила меча не берет его — что, сила магии тоже?

Колдун осторожно оторвал деревянный шар от его кожи. Испытующе оглядел оставшийся на месте раны белый шрам, кивнул, небрежно бросил шар в стоящую на полу фарфоровую посудину; плюхнувшись в прозрачную жидкость, которую Игар принял за воду, деревянный шар утонул.

— Сила, сила... Кидаться на скрута с мечом или, гм... с тем, что принято называть магией, — все равно что стоять на вершине холма и орать восходящему солнцу: «Зайди! Спрячься обратно, сволочь, не то как дам!..»

В комнату вошла Полевка. На левой ее ступне краснела свежая царапина; рассеянно улыбнувшись, женщина села в резное кресло у окна и, довольная, подставила лицо солнечным лучам. Последним теплым лучам уходящего лета.

Игар видел, как изменилось и потеплело лицо колдуна. Полевку он считал дочерью — хоть и подобрал где-то уже безумную, в возрасте пятнадцати лет...

— Магия, — Игар откашлялся, — магия не может сделать так... чтобы она...

Лицо колдуна сделалось жестким:

— Зачем? Она совершенно счастливый человек. Я позабочусь о том, чтобы ей никогда не было больно... Она живет в своем мире, она куда более нормальна, чем я или ты... Особенно ты, со своей миссией спасителя и палача!..

Полевка взглянула на Игара и ласково покачала головой.

— Я, по крайнем мере, сам выбираю, — глухо сказал Игар.

— Много же ты навыбирал, — отмахнулся колдун.

В приоткрытое окно влетела пестрая пичуга. Женщина рассмеялась; птичка села ей на локоть и изящно повела головой.

— У нее не будет детей, — шепотом сказал Игар. — Она не узнает, что такое...

— Любовь, — мрачно закончил за него колдун. — Посмотри на себя, дурень, и посмотри на нее. Она и есть любовь, она любит весь мир... А ты...

Он замолчал. Игар, не глядя, взял со спинки стула свою заштопанную на плече рубаху.

— А скрут — воплощенное предательство, — сказал колдун шепотом. — Мир пронизан корнями... привязанностей, страстей, это... Тебе так просто не понять. Ты видел траву, как она ворочает камни? Пробивается из трещин, это неудержимо, это сила... Кор-

ни заполонили землю, крестьяне стонут, выдергивая свои сорняки — а трава просто дико хочет жить, больше, чем ты или я... Так и... то, что принято называть любовью. И то, что принято называть предательством...

Колдун замолчал. Прошелся по комнате; осторожно положил ладонь на голову радостной Полевке:

— Терпеть не могу философии, Игар. Терпеть не могу болтовни... А иначе как мне объяснить тебе? Скрут... Это вечное непрощение. Это такая мука... и такая жажда мести. Обратная сторона преданной любви... И преданной любви. Это скрученные жилы самых древних сил земли... Это скрученные шеи надежд. Это душа, скрученная жгутом...

Женщина удивленно подняла голову — видно, напрягшаяся ладонь колдуна доставила ей беспокойство. Ласково погладив ее по волосам, колдун отошел к столу, наполнил себе стакан из кувшина, залпом выпил.

Игар смотрел на Полевку. Темные волосы с медным отливом, карие глаза с прозеленью, спокойный, безмятежный взгляд... Воплощенная любовь. Бездумная любовь, бездумное приятие всего, что окружает...

Мысль, родившаяся во время речи колдуна, наконец-то вынырнула на поверхность. Воплощенная любовь — воплощенное предательство...

— Тиар, — позвал он шепотом.

Полевка радостно улыбнулась.

— Тиар, — повторил он тихо и глухо.

Колдун оказался между ними.

Несколько секунд Игар ждал чего угодно — мгновенной смерти, превращения, удара... Колдун лишь смерил его взглядом — и обернулся к женщине; пичуга вспорхнула с ее локтя и вылетела в окно.

Осторожно взяв приемную дочь за плечи, колдун развернул ее к Игару спиной. Откинул волну волос, обнажив шнурок-завязку; несильно потянул за кисточку, распуская ворот, позволяя платью-рубахе свободно сползти вниз.

У основания точеной шеи Игар увидел давний грубый, неровный шрам. Увидел и содрогнулся; ломкий мальчишеский голосок: «Там холодный ручей... совсем холодный, ледяной...»

Белая кожа девушки тут же покрылась пупырышками холода; Игар долго не отваживался опустить взгляд.

Под правой лопаткой не было ничего. Ничего не было — только красный след от недавнего комариного укуса.

* * *

— За что?!

Она, оказывается, успела забыть это чувство. Когда липкая паутина захлестывает лицо, спутывает руки и ноги, и сразу вслед за этим захлестывает и спутывает животный ужас. Такой же серый и липкий.

— За что?! Что я...

— Тихо, тихо. Тихо, Илаза... Будь добра, позови на помощь.

Ее спеленутое тело раскачивалось высоко над землей. Над травой, на которую уже легли лимонного цвета листья... Но ведь звезда Хота еще не опустилась?!

— Позови на помощь.

— Зачем...

— Сделай мне приятное. Позови.

— Помогите...

— Громче, громче! От души позови, а вдруг кто-то услышит?

Она не могла понять его интонацию. То ли издевка, то ли...

Игар?! Игар вернулся — и не может найти ее, Илазу?!

— Помогите! Помогите-е! На помощь...

Тонкий жгутик сплетенных паутинок резанул ее под подбородком, и она закричала уже от боли:

— Помогите! Кто-нибудь! Игар, Игар! Помогите!..

Далеко в лесу протрубил рожок. Длинно и мелодично, будто отзываясь: иду-у... иду-у...

Несколько долгих секунд Илаза висела без движения, чувствуя, как выступает на спине горячий пот. Спасение? Помощь? Откуда? Кто? А главное, как...

Звук рога. Карен, любовник ее матери. У Карена был большой вооруженный отряд; все грозные воины в конце концов оказались развешанными на ветвях, подобно дохлым крысам...

Она рванулась; во рту у нее появился нехороший привкус. Не то крови, не то железа.

— Отпусти... Отпустите меня...

— Сейчас. Погоди...

— Это ловушка? Это ловушка, да? А я приманка, да?!

Молчание. Чуть заметное движение в темнеющих кронах.

— Позови еще. Он сбился с пути.

— Не буду!

Она прекрасно понимала, что вырываться бесполезно — но висеть без движения, будто баранья туша на крюке, оказалось выше ее сил. Уж лучше терпеть боль от врезающихся в тело нитей.

— Не буду... Я не буду звать... Убийца, чудовище... Нет...

— Да. Потому что все равно он рано или поздно сюда придет.

Потому что это его судьба и он ее ищет; потому что ты будешь делать то, что я тебе велю.

— Нет...

На плечо ей лег зазубренный костяной крюк.

Минута тянулась невыносимо долго. Она больше не металась в сети, висела неподвижно, будто парализующее жало уже проделало над ней все полагающиеся операции. Крюк покрыт был грязновато-зелеными бляшками и порослями жесткой, короткой шерсти.

— Помогите, — закричала она шепотом.

Крюк соскользнул — но Илазе казалось, что плечо все еще ощущает его тяжесть. Что плечо навеки сведено судорогой.

— Помогите!..

В эту секунду она была противна самой себе. Она кричала, глотая слезы, — в то же время некто трезвый, на которого не произвело особого впечатления прикосновение скрута, ободряюще усмехнулся в ее душе: невозможно сочувствовать всем. Прежде всего следует подумать о своей собственной судьбе — а уж потом, если получится, о судьбе того, кто едет через темный лес и трубит в свой рожок...

Рожок протрубил неожиданно близко. Илаза вздрогнула.

«Ну вот, — сказал трезвый голос в ее душе. — Теперь тебе и вовсе нет необходимости насиловать свою совесть, призывая его — сам отыщет... Уже отыскал...»

Внизу затрещали ветки. Испуганно фыркнул конь; Илаза увидела сначала сапог со шпорой, потом ногу в кожаной штанине, а потом сразу молодое, удивленное, обрадованное лицо:

— Госпожа?!

Странное обращение к оборванному бесполому существу, болтающемуся в паутине между кронами двух деревьев.

— Госпожа, отзовитесь!!

Илаза молчала.

Приезжий был одет просто, но добротно и продуманно — в лесной чаще щеголять особенно не перед кем. По его повадкам Илаза с первого же взгляда определила благородное происхождение и воинскую выучку; что определил скрут, осталось неясным. Илаза всей кожей чувствовала его близкое присутствие — незнакомец тоже чувствовал; в одной руке его оказался легкий длинный меч, похожий скорее на шпагу, а в другой странное орудие, похожее не то на крюк, не то на сильно изогнутый кинжал.

«Уходи», — хотела сказать Илаза, но не сказала. Не повернулся язык; юношу все равно не спасти, а между тем иззубренная лапа...

При воспоминании ей сделалось тошно.

Приезжий легко соскочил с седла. Присел и огляделся; сообщил, глядя куда-то Илазе за спину:

— Госпожа... я счастлив буду доставить вас в объятия матушки.

Некоторое время Илаза тупо соображала, о ком идет речь. Сначала ей подумалось, что неизвестный рыцарь задумал представить ее своей собственной матушке, и только потом явилась удивленная мысль: а, мама, как я могла забыть...

Рыцарь мягко, на полусогнутых ногах, двинулся вперед. Цепкий взгляд его снова обежал темные кроны и опять остановился на обнимающем Илазу коконе; ей показалось, что рыцарь смотрит на нее, как портной на примерке.

«Почему я молчу? — подумала она вяло. — Почему подыгрываю пауку-изуверу против храброго и благородного человека, явившегося мне на помощь? Почему не ору во все горло: «Беги!»? Он бы, конечно, не послушал меня — но совесть моя была бы чиста...

А почему медлит скрут? Растягивает удовольствие, выжидает?..»

Рыцарь двигался странно — по кругу, перекрестным шагом, как танцор. Илаза невольно засмотрелась — ей показалось, что сверху, в кронах, так же по кругу движется огромная невесомая тень; впрочем, ей могло и померещиться. Присутствие скрута оставалось невыносимо близким — ей чудилось смрадное дыхание.

— Госпожа...

Дико заржал конь.

Илаза в жизни не видела ничего подобного. Тяжелому сильному животному сгоряча удалось разорвать первый слой паутины — но следующие пять слоев опутали его, превратив в бесформенный клубок, и вздернули над землей — невысоко. Затрещали ветви окрестных деревьев, посыпались листья, пожелтевшие и совсем еще зеленые; в судорожном движении конские копыта убили бы рыцаря, если бы тот в последний момент не кинулся на землю. Конь заржал снова, закричал, как человек, и ослаб, обвис, отбросив гривастую голову; Илаза увидела, как с черных губ сорвалась струйка пены. Глубокий вздох, кажется, облегчения; тишина. Тяжелое дыхание, конская туша, неподвижно висящая среди обломанных ветвей.

Илаза закрыла глаза. Лошадей он, по крайней мере, не мучит. С лошадьми он честен... Вероятно, лошади ничем не досадили ему.

— Госпожа...

Рыцарь медленно поднялся с земли. Голос его напряженно звенел:

— Госпожа...

Он смотрел на спутанное тело животного. Неотрывно, внимательно; два коротких взгляда направо и налево — и снова на лоша-

диный труп. Быстрый бросок в сторону; Илаза вздрогнула, но рыцарь лишь приник к земле, настороженно поводя обнаженным оружием.

А ведь не похоже, чтобы он растерялся, подумала Илаза удивленно. Любой другой давно промочил бы свои кожаные штаны — а этот, кажется, знает, чего и откуда ожидать. Будто каждый день воюет с огромными древесными пауками... Любопытно, а пережил ли кто схватку со скрутом?..

Рыцарь снова двинулся к Илазе — на полусогнутых, боком; его обнаженное оружие оглядывалось вместе с ним.

— Сколько же вам заплатили... — сказала Илаза шепотом. Наверное, это были не самые удачные слова — но молчать ей было невмоготу.

Рыцарь горделиво вскинул голову, на мгновение позабыв свою хищную приземистую стойку:

— Я не за деньги... Покуда на земле есть еще невинные жертвы...

— Они всегда будут.

Сначала Илазе показалось, что наконец-то подал голос тот, что в ветвях; потом она неожиданно обнаружила, что слова принадлежат ей.

— Покуда есть на земле невинные жертвы, — губы ее поползли к ушам в жесткой ухмылке, — благонамеренные дураки вроде вас будут множить их число... Потому что вы сами сейчас станете, в свою очередь, невинной жертвой. Вслед за своим скакуном.

Илаза думала, что рыцарь переменится в лице — но он только коротко вздохнул, будто ему не хватало воздуха. И продолжал свой танец, мягко, крадучись, скользя взглядом по древесным кронам над головой.

— Вы знаете, что такое «скрут»? — спросила Илаза глухо.

Рыцарь не отвечал.

— От этого зависит ваша судьба! — выкрикнула Илаза требовательно и властно. — Если знаете — говорите!

Рыцарь посмотрел на нее — мгновенно, чтобы тут же переметнуть взгляд на высокое дерево напротив.

— Скрут... — проговорил он хрипло, — скрут, это... чудовище, в которое превращается человек... жертва предательства.

Илазе показалось, что стягивающая ее паутина ослабевает. Чуть-чуть.

— Как? — переспросила она шепотом.

Рыцарь вздрогнул. Резко остановился; лицо его, поднятое к сокрытому ветвями небу, казалось плоским и твердым. Маска, деревянная маска.

— Скрут... человек? — выдохнула Илаза.

Рыцарь не отвечал. Она увидела, как вдоль шеи его прокатился острый кадык.

— Скрут — жертва предательства?.. — Губы ее еле шевелились. — Тоже... невинная жертва?

Илаза поняла, что смеется. Очень трудно смеяться на весу, в объятиях паутины. Да и смех у нее получился нехороший — многообещающий какой-то, скверный, неестественный смех; кажется, рыцарь даже испугался этого смеха — куда больше, чем внезапной потери своего коня.

— Невинная жертва, — сказала Илаза сквозь смех. И сразу, без перехода, другим голосом: — Отпустите меня.

Земля плавно двинулась ей навстречу. Она потеряла рыцаря из виду — на время, которое потребовалось, чтобы высвободиться из обвисшей паутины и принудить к жизни затекшие ноги.

Потом она снова увидела его лицо. По-прежнему неподвижное, как маска; глаза сделались еще больше — хоть это, казалось, вряд ли возможно — и вперились в освобожденную Илазу почти с суеверным ужасом:

— Вы...

— Пусть он уйдет, — попросила она шепотом, и рыцарь, кажется, понял, что она разговаривает не сама с собой.

— Пусть он уйдет, — голос Илазы сделался умоляющим. — Пусть он уйдет, пусть он...

— *Теперь он точно никуда не уйдет, Илаза.*

Рыцарь дернулся. Рыцарь замер, похожий на краба с двумя стальными разновеликими клешнями; рыцарь напряженно смотрел вверх, пытаясь определить, откуда слышится голос.

— *Ступай, Илаза.*

Ей ничего не оставалось, кроме как беспомощно заплакать — но глаза ее оставались сухими и лицо неподвижным. Она шагнула к рыцарю — тот отпрянул, будто при виде ядовитой змеи.

— Ничего, — сказала она, пытаясь улыбнуться. — Ничего страшного... Вы — не невинная жертва; вы, по крайней мере, герой и, как бы ни умерли — умрете героически... с убеждением, что мир делится на невинных жертв и виноватых палачей... А если я скажу, что они то и дело меняются местами... вы мне не поверите... И не надо.

Бесшумно обрушилась сеть. Опутывая рыцаря сразу со всех сторон, накрывая сверху и подсекая снизу, не оставляя лазеек; рыцарь мгновенно лишился бы всех шансов — если бы за долю секунды до этого не взвился в воздух в красивом, стелющемся прыжке.

Илаза разинула рот. Она никогда раньше не видела, чтобы люди двигались с такой непостижимой быстротой; рыцарь, как ей по-

казалось, находился сразу в нескольких местах, его меч, похожий скорее на шпагу, размазался в воздухе.

Он походил теперь не на танцора — на акробата, ярмарочного гимнаста; с ловкостью, недоступной для обыкновенного воина, рыцарь уворачивался от падающих сетей, подныривал под паутинные жгуты, перепрыгивал их, увиливал, уходил, вертелся волчком; наконец одно полотнище, особо обширное и потому не очень плотное, поймало рыцаря в свои объятия — тогда Илаза поняла, зачем ему оружие.

Легкий меч завертелся, как мельничное колесо; боевая сталь с трудом продиралась сквозь волокна гигантской паутины, но изогнутый кинжал, похожий скорее на крюк, оказался проворнее — рыцарь бил и кромсал, похожий одновременно на бабочку в полете и мясника за работой. Не веря своим глазам, Илаза увидела, как трещит, расползается, оседает неопрятными клочьями неуязвимое прежде серое полотнище.

Она опустилась на колени. Происходящее казалось ей сном; рыцарь, минуту назад представлявшийся жалким неудачником, обернулся вдруг непобедимым, сказочным исполином. Неужели?..

Потом случилась пауза; рыцарь снова замер в своей неподражаемой стойке, лоскуты рассеченной паутины чуть заметно покачивались на ветру, будто края изодранной занавески...

Прыжок. Туда, где только что стоял человек, колоколом упала прочная, непрозрачная сеть; рыцарь увернулся, и в руке у него странным образом оказался короткий метательный нож.

Неуловимое движение; Илаза не увидела броска, но в путанице ветвей, там, куда улетел широкий клинок, ей почудился короткий вздох. Сдавленный вздох боли.

Рыцарь метнул снова — почти в ту же точку, чуть ниже; третий нож так и остался у него в руке. Замерев в стойке, рыцарь медленно поводил головой — справа налево, слева направо; Илазе вспомнилась сова. Сова может вывернуть голову так, что глаза окажутся на затылке...

Рыцарь бросил третий нож.

На этот раз Илаза разглядела все до последнего движения. Клинок вылетел из ладони метальщика, и рыцарь подался за ним всем телом, устремился за ним всей своей волей, сам желая лететь сквозь листву и вонзаться в живое; он был необыкновенно красив в это мгновение — одухотворенный, легкий, с вдохновенно сверкающими глазами. Илаза залюбовалась — в следующее мгновение в ветвях явственно послышался странный и резкий звук. Будто каша, убежав из котла, в мгновение ока залила огонь в очаге — короткое сдавленное шипение.

Тишина. Рыцарь замер на одной ноге, вслушиваясь; тишина, и даже Илаза не смела вздохнуть. Отдаленный треск ветки.

Она поняла, что давящего присутствия больше нет. Давно нет; рыцарь стоял, не меняя позы, и в ладони его лежал четвертый нож — готовый к броску, который уже не понадобится.

Она глупо усмехнулась. Рыцарь мельком взглянул на нее — глаза его утратили блеск и казались теперь отрешенно-черными, как прогоревшие угли.

Илаза медленно поднялась с колен.

— Мерзавец, — проговорила она глухо, еле справляясь с голосом. Рыцарь, кажется, вздрогнул.

— Мерзавец! — заорала Илаза, обернувшись к лесу. — Паучья тварь! Изувер поганый, пожиратель падали, смрадная сволочь, убийца! Ты еще получишь, тебе еще будет, я спалю этот лес дотла, я вспорю тебе твое гнойное брюхо, ты дождешься... — Она на секунду замолкла, подбирая слова, потом, осененная, завопила с новой силой: — И никакой Тиар ты в жизни не получишь! Лапы свои поганые сгрызешь, жало свое проклятое проглотишь, а не получишь Тиар, сдохнешь, не получишь, сдохнешь!

Она поняла, что счастлива. Так, наверное, счастлив соловей, захлебывающийся дивными руладами; рыцарь смотрел во все глаза.

— Проклятый, проклятый! Жирный паук, поганый гад, паршивая сволочь! Околеешь, скоро околеешь, в блевотине своей захлебнешься, жди!

Наконец она выдохлась. Всхлипнула, бессмысленно улыбнулась; села в развилку корней и заплакала навзрыд.

— Все страшное позади, — шепотом сказал рыцарь.

Илаза плакала.

— Госпожа, с тех пор как отряд, посланный вашей матушкой... Видите ли, нельзя осуждать людей, отказавшихся идти в этот лес...

Илаза подняла на него заплаканные глаза; а ведь он молод. Даже моложе, чем показалось ей с первого взгляда.

Рыцарь позволил себе ободряюще улыбнуться:

— Гибель стольких людей... Дело в том, что справиться с подобным... существом... под силу лишь... А нас... Таких, как я... слишком мало...

Он вложил оружие в ножны и стянул правую перчатку; ухватившись за предложенную руку, Илаза ощутила жар его ладони.

Потом в ее памяти случилось помутнение.

Игар... Какая-то мимолетная мысль об Игаре. И мимолетное же удивление: то, что когда-то казалось главным... теперь где-то в стороне, на обочине. Игар...

И мать. Черное бархатное платье, покатые плечи... Ведь если

она свободна, если рыцарь освободил ее... то возвращаться следует к матери. В дом, где умерла Ада...

Рыцарь что-то говорил, она не отвечала. Под ноги лезли корневища и пни — опираясь на рыцареву руку, она выбралась наконец на некое подобие дороги, проложенной еще Кареном и его несчастным отрядом. Рыцарь сожалел об утрате коня и предлагал взять ее на руки — она тяжело мотала головой; перед ее лицом кружились две плодовые мушки, вились по спирали, тут же, в воздухе, спаривались...

— Воды, — попросила она жалобно.

Рыцарь снял с пояса баклагу; она пила, процеживая воду сквозь зубы, и смотрела, как рыцарь проламывает для нее проход в колючем кустарнике. Трещат, подаваясь, ветки... ложатся под ноги, ломаются, умирают...

Потом рыцарь исчез.

Илаза сидела, выпучив глаза; вода стекала у нее по подбородку. Рыцарь пропал, как видение, его и не было вовсе, это иллюзия, сон...

Она поперхнулась. Закашлялась так, что на глаза навернулись слезы; с трудом отдышалась, тяжело поднялась.

Иллюзия... Не сходит ли она с ума? А что это у нее в руках — фляга?! Фляга-то откуда взялась...

Шаг. Еще шаг. Медленно распрямляется недоломанная рыцарем ветка.

Посреди кустарника зиял круглый, правильный провал — как отверстие бочки. Илаза закусила губу до крови; изнутри яма тоже напоминала бочку, только стены ее были выстланы, как войлоком, мягкой белесой паутинкой, а дна — дна и вовсе не было видно...

— Истребители чудовищ, — наставительно сказали у нее над головой, — проводят жизнь в изнуряющих упражнениях... Их реакция превосходна, их тело вышколено с детства. Некоторые из них берут деньги за свой труд — но большинство предпочитают чистую, не замутненную золотом славу... И еще — все они, как правило, самонадеянны. А скруты коварны, Илаза, ох как бессовестно коварны скруты, самому, право же, противно... И я получу свою Тиар. И ты не спалишь этот лес и не вспорешь мне мое гнойное брюхо.

Она икнула. Сжала зубами палец; вскинула голову — от горделивого жеста заболела шея:

— Подло... Подло! Кто не в состоянии победить в честном поединке... честным воинским искусством...

— Я презираю воинское искусство, — глухо сказали у нее над головой. — В особенности наемное. В особенности платное; если бы наш истребитель геройствовал за деньги... он бы не умер так

легко. Но он бескорыстен и потому умер мгновенно; Илаза, кто знает, как умрешь ты?..

По колючей ветке измятого кустарника ползла, непристойно выгибаясь, многорукая зеленая гусеница.

ГЛАВА 9

С наступлением осени Аальмар уехал снова.

В утешение учитель принес своей бывшей ученице давно обещанную книгу — «Хроники древних полководцев», и, к неудовольствию скучающей Лиль, девочка просиживала над желтыми страницами целые дни напролет.

Древние полководцы, суровые и благородные, представлялись ей с лицом Аальмара; она читала об осадах и битвах, описанных возвышенно и красиво. Ей не приходило в голову соотнести эти захватывающие описания с тем полем боя, на котором они с Аальмаром когда-то искали мертвую куклу. Она специально старалась над этим не задумываться — иначе «Хроники...» невозможно было бы читать.

В один из дней за воротами послышались голоса и лошадиное ржание, а затем в створку размеренно постучали — трижды. У девочки заболело сердце — точно так же начинался ее повторяющийся страшный сон, в котором всадники привозили на двор изрубленное тело Аальмара; преодолевая страх, она вышла на крыльцо вслед за прочими возбужденными домочадцами.

С первого же взгляда сделалось ясно, что ее страхи напрасны. Приезжие не были людьми Аальмара — это были степенные, богато разодетые, внушительного вида незнакомцы, с которыми, однако, Большая Фа поздоровалась тепло, как со своими.

Гости проследовали в дом, сопровождаемые старшими хозяевами; молодежь была оставлена в неведении. Новая поросль детишек, и среди них двухлетний племянник Вики, окружила пышно разукрашенный экипаж; девочка ушла в дом, и здесь, на лестнице, выяснилось, что Лиль боится:

— Фа... говорила... матери... Они же все такие... кто из них?!

Девочка никак не могла сообразить. Переводила глаза с дрожащей Лиль на угрюмых парней. Ждала объяснений.

— Мать говорила... — На кончике носа у Лиль дрожала слеза. — Мать говорила, что, мол, пора... Возьмет, мол, хороший человек не из нашего края... Я, дура, не слушала, думала, что это потом... А если б сразу в ноги кинулась — может, и умолила бы...

— Таки дура, — невозмутимо заметил Йар. — Нет, ну почему

девки такие дурные, ты, что ли, состариться хочешь в родительском доме? Или ты видела где-нибудь женщину без мужа?

Лиль закрыла лицо руками.

Девочка почувствовала необходимость вмешаться. Ну хоть что-нибудь сказать.

— А с чего вы взяли, что жених? — очень натурально удивилась она. — Может быть, и нет, а просто по делам?

Лиль беззвучно рыдала. Парни взглянули удивленно: считалось, что девочка говорит глупости достаточно редко.

В этот момент отворилась дверь гостиной; мать Лиль, нестарая еще женщина с необычно ярким румянцем на круглых щеках, сделала вид, что не замечает состояния дочери. Крепко взяла ее за руку, повела куда-то наверх, во внутренние покои:

— Идем... Идем, что расскажу тебе, ну-ка...

Плечи Лиль судорожно вздрагивали.

Несколько минут прошли в молчании; молчал невозмутимый Йар, Вики глядел себе под ноги, и девочка молчала тоже. Лиль была чуть старше, но девочка привыкла считать ее ровесницей; она привыкла думать, что обе они — девчонки, подростки, дети...

За дверью гостиной гудели голоса — радостно и чуть напряженно.

Девочка проглотила слюну:

— Как думаете... что, отдадут ее?..

— Отдадут, — медленно отозвался Вики. — У них заранее сговорено.

— Ты знал?!

Вики поднял брови:

— Мне отец доверяет... Лиль вот и то сообразила сразу. А если б я ее заранее настращал... зачем?..

Дверь гостиной приотворилась, выплескивая голоса и приглушенный вежливый смех. Большая Фа, торжественная до невозможности, поманила пальцем:

— А подите-ка...

В большой комнате было душно, пахло свежевыделанной кожей, благовониями и пóтом; гости восседали по одну сторону стола, их было пятеро, но девочкин взгляд сразу остановился на лице высокого, тучного, плечистого мужчины с цепким взглядом из-под черных бровей. На груди его лежала бронзовая цепь с замысловатым кулоном; рядом с пухлой рукой на столешнице истекало соком надкушенное красное яблоко. Девочка на мгновение вообразила, что она — Лиль, что ее сегодня отдадут за незнакомого властного мужчину, — и по спине ее пробрал холодок.

Вежливые разговоры крутились вокруг самых пустых и незначительных тем; через несколько минут голоса примолкли, потому что на пороге появилась ведомая матерью Лиль.

Лицо ее, очень удачно припудренное и нарумяненное, выражало крайнее отчаяние. Новое платье подчеркивало роскошную грудь и тоненькую девичью талию; длинные красивые волосы, не убранные в прическу, лежали на плечах. Девочка мельком подумала, что Лиль совершенно взрослая, зрелая девица, а мать так ловко подчеркнула все достоинства дочери, будто тот, что сидел в центре стола, собирался ее покупать...

Гости заговорили весело — и все разом; сидящий в центре поднялся и показался от этого еще объемнее, плечистее, грузнее. С улыбкой шагнул навстречу Лиль; девочка видела, как та содрогнулась и подалась назад. Жених что-то говорил, негромко и успокаивающе; кажется, что-то про дальнюю дорогу и цветущий край, куда он намерен увести свою юную невесту. Лиль пыталась скрыть слезы.

Потом гул голосов достиг апогея; кажется, Большая Фа приглашала гостей остаться на ночь, и гости отказывались под тем предлогом, что господин их — он же и жених прекрасной Лиль — оставил дома тяжко больного отца и не желает тянуть с возвращением. Девочка поразилась такой спешке; во дворе уже, оказывается, снаряжена была и телега с огромным сундуком приданого — девчонка Лиль вышивала и вязала кружево, мало задумываясь о смысле своей кропотливой работы. И вот...

Жених распахнул перед Лиль дверцу экипажа; мать накинула ей на плечи теплый плащ, и в этот момент несчастная невеста не выдержала:

— Мама-а!..

Грохнувшись на колени посреди двора, Лиль целовала платье матери:

— Не выдавай... Не отдавай... О-о-о...

Вики отвернулся. Даже невозмутимый Йар со вздохом потупился; мать Лиль, утирая слезы, уговаривала ее, что все будет хорошо и все невесты плачут, она, ее мать, тоже вот так рыдала, а теперь счастлива в браке и деток вырастила... Жених тактично держался в стороне. Слезы невесты ничуть его не обидели.

Когда Лиль водворена была в свадебный экипаж, когда мать ее, сдерживая рыдания, вышла стоять на дорогу, когда затворились за провожающими тяжелые створки ворот — вот тогда девочка, стиснув губы, поднялась к себе и в одежде улеглась на кровать.

Небо необычайно милостиво к ней. Ее мужем станет не чужой дядька из далекого края, а родной, любимый, самый лучший на свете Аальмар.

* * *

Город Ремет показался Игару чрезвычайно пестрым — облезлые стены кособоких домишек соседствовали здесь с мраморными дворцами, на парадных лестницах которых сидели, ощерясь, мраморные же крокодилы. Изящные флюгера отражали солнце — а рядом развевались вывешенные на просушку чьи-то нечистые, дырявые подштанники. Люд тоже казался сплошь пестрым — либо оборванные нищие, либо расфуфыренные гордецы, обыкновенными, как везде, здесь были только стражники...

И их было непривычно много. Или Игару мерещится?..

Огромная бочка посреди площади была сплошь оклеена желтыми бумажными листками — «Разыскивается для предания справедливому наказанию»... Игар, не то от усталости, не то от отчаяния, а возможно, и в насмешку над судьбой, пристроился отдохнуть неподалеку — на каменном бортике общественного источника.

Некий умелец обустроил родничок с выдумкой и искусством: вода бежала из пасти странного рогатого зверя, похожего одновременно на змею и собаку. Даже круглый бортик покрыт был глиняной чешуей — Игар бездумно смотрел, как наполняются из источника ведра и кувшины, и слушал болтовню двух ухоженных мальчишек — разбирая по слогам грозные надписи и разглядывая жирные цифры, оба страстно мечтали разбогатеть.

— За эту бабу, слышь, пятьдесят золотых дают... Я бы коня купил. Настоящего, не то что эти клячи...

— А вот, гляди, сорок пять золотых, тоже неплохо... «Приметы особые... правой руки нет вовсе, а на левой — четыре пальца...»

Оба невольно оглянулись, алчно высматривая в будничной толпе однорукого злодея, годного для продажи властям; Игар неспешно зачерпнул ладонью холодную до ломоты, чистую, какую-то даже сладкую воду.

— Не найти, — с тоской сказал первый из мальчишек, кудрявый и веснушчатый, маменькин, по-видимому, любимец. — Бумажек много, денег полно... а не сыскать.

Он вздохнул, ожесточенно скребя в затылке; приятель его, белоголовый и тощий, упрямо выпятил губу.

— А если каждый день... Если после уроков... или вместо... ходить и смотреть... Неужто не выследить?..

Кудрявый задумчиво сунул палец в ноздрю.

— Эдак все бы уже... разбогатели, значит... коли так просто было бы...

Игар почувствовал, что устал. Что болят натруженные ноги; что весь мир, окруживший его светом и гомоном теплого осеннего дня, устроен не так, как надо. Неправильно устроен мир, и обидно, что Игар никак не может понять — а в чем именно состоит эта неправильность?..

Он вытер ладонь о штаны, поднялся и встал за спинами мальчишек; оба удивленно оглянулись. Тот листок, что интересовал Игара, помещался слишком высоко для детского роста — поэтому жаждущие денег и не обратили на него внимания.

Игар назидательно ткнул пальцем:

— Ты это вот почитай! Почитай, интересно... Знаешь, сколько за некоторых дают?

Кудрявый сперва отступил, с опаской разглядывая странного незнакомого парня, однако любопытство взяло верх, тем более что товарищ его уже поднялся на цыпочки, вытянул шею — и округлил глаза:

— Гляди! Нет, ты погляди!!

Некоторое время кудрявый сосредоточенно шевелил губами. Потом всей пятерней взял себя за подбородок.

— Двести семьдесят!..

Оба тут же забыли об Игаре; кудрявый удрученно качал головой, и вся его маленькая фигура выражала крайнее горе: казалось, что обещанные деньги именно сейчас медленно уплывают прямо у него из-под носа.

— Двести семьдесят... — с суеверным страхом повторил тощий. — Это ж какая куча... Это ж домишко можно купить...

Кудрявый судорожно сглотнул:

— «Разы-скивается для предания спра-ведливому наказанию беглый послушник Игар, прозвища не имеющий»... Восемнадцать лет, гляди-ка, как мой братан...

Он читал и вычитывал и повторял про себя скудные Игаровы приметы, а Игар, стоя у него за спиной, все пытался что-нибудь почувствовать. Прежний страх, например, или хотя бы гордость за то, что из сотни разыскиваемых бандитов и убийц ни один не тянет на столь внушительную сумму, ни один...

Кудрявый охрип от волнения:

— «...Приметы особые: таковых не оказалось. За оного назначена награда... А если кто укажет, где оного искать, то половина награды...»

— Разве это приметы?! — горестно воскликнул тощий, оборачиваясь к Игару. — Ни клейма на морде, ни пальца там лишнего или хоть шрама... А хренушки его поймаешь!

— Хренушки, — устало подтвердил Игар. — Ежели клейма на морде нет — так и не поймать никак. Мало ли их, таких парней...

Кудрявый покосился на него без приязни. Перечитал бумагу, безнадежно махнул рукой, почесал в затылке; снова обернулся к

Игару, но с каким-то новым выражением в смятенных карих глазах.

Игар ждал. Ему вдруг стало любопытно.

Каштановые ресницы часто захлопали; пухлые белые щеки понемногу принялись розоветь, а уши, прикрываемые жесткими локонами, загорелись, как рубины. Парень поспешно, суетливо отвел глаза; некоторое время нарочито равнодушно смотрел в сторону, потом взглянул на Игара снова мгновенно, как бы невзначай. Игар равнодушно изучал оклеенную грамотами бочку; кудрявый сильно двинул локтем своего удивленного спутника, потом схватил его за локоть и, внезапно одолеваемый жаждой, поволок дружка к источнику.

Игар смотрел, как они шепчутся на каменной кладке. Кудрявый что-то доказывал — тощий колотил себя пальцем по лбу, до Игара долетало раздраженное:

— Да у тебя солома в башке! Стал бы он спокойненько дожидаться, пока его схватят! Стал бы он сам в грамоту пальцем тыкать! Стал бы он, как же...

Кудрявый шипел и озирался; Игар наблюдал за муравьем, неспешно пересекающим сообщение о беглом каторжнике.

— Да все же сходится! — возмущенно пискнул кудрявый, который не в силах был больше шептаться. — Все сходится, погляди, дурында! И знак же на шее, такие послушники носят, видал?..

Рука Игара сама собой потянулась к храмовому знаку — но он удержал ее. Эх, сообразительный парнишка... Не всякий взрослый додумается...

Через площадь шел, лениво озираясь, городской патруль в составе трех круглорожих стражников.

Игар видел, как напрягся кудрявый. Как часто задышал, выпучив глаза, как замигал тощему, как шагнул навстречу страже; товарищ схватил его за рукав:

— Дурак?!

Оба быстро взглянули на Игара — и снова на патруль. Стражники шагали, вяло о чем-то беседуя; их путь проходил мимо источника, мальчишкам пришлось отойти в сторону, чтобы освободить дорогу.

Секунда тянулась бесконечно долго; стражники шли между Игаром и мальчишками, и в просветах между кольчужными куртками он видел алчные, напряженные, отчаянные глаза кудрявого. Тощий мальчишка дергал приятеля за рубаху, тыча пальцем куда-то в сторону Игара, объясняя, вероятно, что бывает за ложный донос и как расправляется потом с доносчиком невинно оговоренная жертва. Кудрявый неотрывно смотрел на стражников; Игар на мгновение увидел патруль его глазами — рукояти хлыстов у пояса,

кожаные перчатки с шипами, крошка хлеба в пышной бороде начальника, высокого и мрачного, беспощадного к правым и виноватым...

Темные, вооруженные тени патрульных плыли по мостовой у самых Игаровых ног.

Потом патруль оказался далеко в стороне, и до Игара донесся срывающийся голос тощего:

— Хочешь — иди, только меня здесь не было!..

Кудрявый скривился. Горестным взглядом проводил уходящий патруль; стряхнул руку тощего, бросил сквозь зубы:

— Трус мокроштанный...

— Дурак тупоухий, — тут же отозвался тощий.

Некоторое время Игар слушал, как они переругиваются — изобретательно и витиевато; потом повернулся и двинулся прочь.

До заката звезды Хота осталось восемнадцать дней.

Старик похож был на очень большого, тощего и дурно пахнущего кролика; два его желтых передних зуба энергично торчали вперед, и короткая верхняя губа прикрывала их лишь до половины.

Старик торговал печенкой. Тележка о двух колесах была мокрой и бурой изнутри; подпрыгивая на колдобинах, она колесила по всему городу, а на почтительном расстоянии тянулась, задрав хвосты, облезлая кошачья стая.

Глядя, как чуть не каждый второй прохожий приветливо здоровается со стариком, Игар решил, что лучшего осведомителя ему не найти; торговец действительно много знал, не многого требовал и охотно болтал.

Сперва старику казалось, что о женщине по имени Тиар он никогда и не слыхивал — однако по мере того, как Игар подробно описывал приметы, добродушное лицо его все больше и больше вытягивалось, так что два желтых зуба в конце концов нацелились Игару в грудь:

— Так ты... *ее* ищешь?! И на кой она сдалась тебе, позволь спросить?!

Игар замолчал, чувствуя, как ползут по спине привычные нервные мурашки. Уж больно уверенным казался старик — никаких сомнений в том, что Игар ищет некую определенную, известную старику и отчего-то пугающую *ее*.

— На кой сдалась — мое дело, — сообщил Игар холодно. — Скажи, где ее найти.

Старик сглотнул. Плотно сжал рот, отчего два желтых зуба спрятались почти целиком:

— Шел бы ты...

Кошачье царство, во время разговора подобравшееся к печенке, в панике отступило, потому что старик налег на оглобли и быстрее, чем обычно, покатил свою тележку прочь. Игар ощутил усталую, тоскливую злость.

Догнать торговца было делом нескольких секунд. Старик спешил, оттого колесо тележки неудачно влетело в щель между булыжниками; Игар навалился на старика, загоняя его в узкое пространство между оглоблями:

— Ты... скажи. Хуже будет.

Торговец замигал; зубы его торчали жалко и одновременно вызывающе — как рога ведомой на убой козы.

— Куда уж хуже, — пробормотал он сипло. — У тебя свои дела, а мне за болтовню могут ножиком по горлу... — для большей наглядности темная старикова ладонь ребром провела по тонкой сухой шее.

— Могут... — Игар полез за пазуху, где, конечно, ничего не было, зато лицо старика исказилось страхом:

— Да не знаю я... На кладбище ищи...

Игар похолодел:

— Она умерла?!

Старик скрутил из пальцев фигуру, отгоняющую злых духов:

— Дурак... Спроси... на кладбище, а я не знаю...

Игар подумал, что еще не так давно напуганный старик вызвал бы у него жалость. Еще совсем недавно.

Никогда в жизни он не видел таких огромных кладбищ. Город мертвых примостился под боком у города здравствующих; знатные покойники целыми семьями обитали в каменных дворцах, о которых ни один живой бедняк и мечтать не смел бы. Не столь почитаемые мертвецы довольствовались надгробиями, а бедным и неудачливым приходилось впятером-вшестером делить одну большую общую могилу.

Впрочем, хозяевами кладбища оказались вовсе не покойники. В быстро наступавших сумерках Игар приметил три или четыре огонька — среди надгробий жгли костры, ветер то и дело приносил запахи дыма и снеди. Огромных размеров нищенка, баюкавшая сверток с младенцем на ступенях старого склепа, оглядела Игара неторопливо и пристально — как невесту на смотринах.

— Милый, подай несчастной женщине...

Голос нищенки оказался странно тоненьким, будто надтреснутым; Игар замялся, решая, заговаривать или уходить.

— Подай, милый, — повторила женщина с нажимом, и глаза ее странно блеснули. — А коли денег нету, так что ты тут шатаешься, милый...

Сверток с младенцем уже небрежно лежал на ее колене. Женщина покачивала ногой, грязные пеленки подрагивали в такт, и Игар испугался вдруг за покой младенца; будто желая развеять его страхи, нищенка лениво запустила руку в недра свертка и вытащила оттуда длинный кривой ржавый кинжал:

— А поди-ка, милый...

Надтреснутый голос несчастной женщины захрипел и превратился в сиплый баритон простуженного мужика.

Их было четверо, и они жили не то бранчливой семьей, не то дружной стаей — толстяк, зарабатывающий милостыню с помощью парика, накладной груди и тряпичного свертка в руках, считался главарем. Спустя несколько минут Игар познакомился и с прочими — десятилетний мальчишка умел часами неподвижно лежать в завязанном мешке, а коротконогий крепыш то и дело «забывал» мешок среди товаров на базаре; улучив минутку, пацан выбирался наружу, хватал все, до чего мог дотянуться, и, спрятавшись обратно, смирно дожидался подельщика.

Четвертым членом семейки была худосочная, чуть придурковатая девушка, успевшая за свою короткую жизнь побывать и проституткой, и платной гадальщицей, пока, наконец, не обнаружился ее единственный несомненный талант: она безошибочно чувствовала ложь. Услуги ее время от времени требовались и купцам и бандитам; на время делового разговора ее прятали за шторку, и, вечно смущенная, прячущая глаза, она выносила затем приговор: этот говорит правду, а этот врет. Ей никогда не платили особенно щедро, зато несколько раз пытались задушить; Игар ей понравился.

Семейка обитала в полуразрушенном склепе — у Игара, впервые переступившего его порог, мороз продрал по коже. Его трогательно заверили в хорошем поведении покойников — те лежали под каменными крышками в саркофагах и не возражали против новых соседей.

Четверо платили дань «принцессе»; та, по слухам, платила «королю», который жил в глубине кладбища, и никто из четверки его ни разу не видел. Принцесса была стервозна и злопамятна — семейка сообщила об этом исключительно взглядами и жестами, вслух высказаться о принцессе никто так и не решился.

Игар в сотый раз перечислил приметы искомой Тиар — тщательно следя, чтобы не солгать и не сболтнуть лишнего. Худосочная девица милостиво кивнула — «он говорит правду»; все остальные молчали, хмуро глядели в огонь маленького костерка, и Игар кожей ощущал внезапно возникшую стену отчуждения.

— Ты принцессу ищешь, — сообщил наконец мальчишка. —

Ты ей скажи, что мы голодаем, не жрем ничего, а должок отдадим, пусть не злится...

— Она тебе кто? — кротко спросил коротыш; Игар встретился глазами с худосочной девушкой, чувствующей ложь.

— Мое дело.

— А вот мы тебя прирежем, — неожиданно вскипел толстяк. — Прирежем, а то кто знает... что ты там ей про нас наболтаешь...

Игар поднял на него злые холодные глаза.

— Делать мне нечего, только язык мозолить о всяких дураков...

Ему вдруг четко, до боли ясно представилась картина: коротыш, умелый в обращении с мешками, запихивает туда вместо мальчишки — стерву Тиар... А он, Игар, тащит мешок на плечах, и всего-то заботы — донести, довезти до леса, до скрута... Милая семейка освободится от податей и притеснений — правда, ненадолго. Потому что не принцессе — кому-то другому будут платить, так заведено, так надо...

— Ты чего? — испуганно спросила девушка, вглядываясь в его лицо.

— Ничего, — отозвался он глухо. — Пятно у вашей принцессы на спине есть? Родимое пятнышко в виде ромба?

Коротыш тонко хихикнул:

— Мы до спинки ейной не допущены... Там другие есть, покраше нас...

— Тебя вот, может, и возьмет, — мрачно пообещал толстяк. — Только ейные любовники живут мало...

— Я жене давал клятву верности, — сказал Игар сквозь зубы.

Меньше всего он хотел поразить или растрогать семейку. Он сказал это для себя — чтобы прозвучало вслух, чтобы самому себе напомнить, зачем и почему он здесь; он сказал, и мысленно произнес имя Илазы, и требовательно посмотрел на девушку, ожидая подтверждения своим словам — «он говорит правду»... Но девушка, огорченная, опустила глаза и промолчала.

Мальчишка тем временем хихикнул; толстяк строго сдвинул брови:

— Чего зубы продаешь?..

Мальчишка хитро прищурился, с удовольствием ловя заинтересованные взгляды:

— Есть пятнышко на спинке у ней, точно есть...

Торжество его тут же и закончилось, потому что толстяк не поскупился на полновесную затрещину:

— Чего болтаешь, дурак?!

Мальчишка скривился, грязным кулаком пытаясь размазать глаза по щекам:

— Руки... придержи... Она из бадейки обливалась, как господа делают... А я в лопухах сидел, а она из бадейки...

— Высокородные замашки, — проронил сквозь зубы коротыш. — Принцесса, одним словом...

— И читать умеет, — сказал Игар шепотом. Коротыш поднял брови:

— Точно... Это точно умеет, а ты, вижу, все знаешь про нее, парень...

— Зачем она тебе, а? — Толстяк пододвинулся ближе, Игару показалось, что от него пахнет мокрой псиной; вся четверка притихла и глядела выжидательно.

— Мое дело, — сказал он глухо.

Небо было затянуто тучами, и определить, где находится уходящая звезда Хота, не представлялось возможным.

— ...Ты наглец.

При свете факела он не мог разглядеть цвета ее глаз; в рассыпанных по плечам волосах переливалась медь.

— Тебе не дорога твоя жизнь? — Она усмехнулась. Красивые чувственные губы; он видел, как она изо всех сил хочет казаться хищной.

Их уединение нарушалось воплями, доносящимися в склеп снаружи: кого-то лупили за несвоевременную выплату дани. Их уединение было коротким и ненадежным; странно, что его вообще не прирезали сразу, что удалось пробраться мимо всех этих нищих и бандитов, мимо криворотого громилы с кинжалом у пояса, мимо еще одного, с шипастым шариком на ремешке и глупым дамским украшением на шее. Он добрался, его пропустили — будто судьба, так долго потешавшаяся и ставившая ему подножки, теперь наконец-то сжалилась и подала руку...

— Я хочу тебя, — пробормотал он, еле разжимая рот. — Я искал тебя... Я...

Он чуть не промахнулся — сильная и верткая, она успела отскочить, но он все равно повалил ее на крышку саркофага и ладонью зажал рот. Все, времени нет, он не станет ни о чем говорить с этой красивой чувственной тварью, звезда Хота закатится через пятнадцать дней, если на спине у кладбищенской принцессы нет ромба, он, Игар, умрет на месте. Это последний шанс, он хочет, желает, он повелевает судьбе — пусть это будет Тиар, у нее должен быть ромб, должен...

Он исступленно рвал на ней одежду; при свете факела в глаза ему взглянули круглые, как две луны, груди — и сразу вслед за этим к горлу его было приставлено острое лезвие.

Он не обратил бы внимания — но его тело еще хотело жить;

ощутив нож у сонной артерии, он медленно обмяк, оцепенел, выпуская на волю ее губы.

— Какой ты, — сказала она со странной улыбкой. И снова, плотоядно облизываясь: — Какой ты...

Если бы в этот момент он имел силы взглянуть на себя ее глазами, то увидел бы ополоумевшего юношу-насильника, ведомого одной-единственной целью и готового ради этой цели умереть; принцесса, познавшая на своем веку все разновидности похоти, неожиданно для себя оказалась польщена.

— Ты торопливый, — она не спешила высвобождаться, только лезвие ножа, приставленного к горлу, подрагивало. — Ты любишь, чтобы все было по-твоему... Но будет по-моему, мальчик...

В эту секунду он понял, почему ее боятся; в эту же секунду он уверился, что перед ним именно та, кого он искал так долго и трудно.

Тиар. Он нашел ее; последнее усилие — взглянуть на ее спину. Он нашел ее — но как, скажите, как он вытащит ее отсюда?! Чем он купит ее, чем обманет, как выкрадет, наконец? Не устраивать же дворцовый заговор среди нищих и калек, не плести же интриги по свержению принцессы, он бы попробовал, но нет времени, теперь уже нет...

Она прочитала в его глазах отчаяние; нож чуть отодвинулся:

— Ты *настолько* нетерпелив? Ты не можешь обождать и секунды? Ты так страдаешь, птенец?..

Он передернулся. Птенец... Лучше бы она не говорила этого слова. Хоть она, конечно, произносит его вовсе не так, как Отец-Вышестоятель...

Она усмехнулась, наслаждаясь его стыдом. Вытянула длинный розовый язычок, острым кончиком коснулась храмового знака на его шее:

— Бедный... Бедный выпавший птенчик...

— Ради тебя, — выдохнул он хрипло. — Смилуйся... я хочу тебя.

Даже она, кажется, удивилась:

— Ну ты и неистовая птичка... Ох и неистовая, ох и...

Он отбросил ослабевшую руку с ножом. Тупой иголкой ткнула мысль об Илазе, о верности, о клятве на Алтаре; тошнотворной волной обдал страх: он еще не изменял жене ни разу, как можно, как...

Он стиснул зубы, раз и навсегда принимая решение: во имя Илазы. Во имя ее; потаскуху Тиар не вытащить к скруту иначе, кроме как соблазнив. Он вывернется наизнанку, он будет лучшим из лучших любовников, она потащится за ним, как кошка...

Потом он на какое-то время забылся.

Руки его высвобождали из потертого бархата ее роскошные формы; запрокинув голову, разметав по камню саркофага пышные, с медным отливом волосы, она хищно постанывала, и от этого стона все Игарово существо перестало вдруг повиноваться разуму. Никогда раньше он не испытывал ничего подобного — там, на Алтаре, было другое... Совсем другое было в лесу с Илазой. Если бы ему сказали полчаса назад, что здесь, в душном склепе, среди бродяг и калек, его захлестнет первая в жизни волна необузданной страсти, что он не захочет сопротивляться ей, не сможет сопротивляться...

Он зарычал сквозь зубы. Он был уже не Игар — другой человек, несомый мутным водоворотом, дикое напряжение его тела рвалось наружу, и слово «пятно» потеряло свой смысл. Пятно, пятно на лопатке...

Рывком он развернул ее спиной к себе. Волосы упали, закрыв лопатки; постанывание сменилось негодующим рыком:

— Я так не люблю! Слышишь, так не будет!..

По счастью, ей было уже неоткуда вытащить спрятанный нож.

Он накрутил ее волосы на кулак. Он резко пригнул ее голову к крышке саркофага; по голой спине, ее прыгали тени, и он похолодел. В какое-то мгновение родимое пятно увиделось четко и ясно, в следующий момент ему показалось, что это игра света...

Не сходит же он с ума?!

Со свистом втянув в себя воздух, он бросил ее на земляной пол. Навалился сверху, захлебываясь запахом ее тела; обламывая ногти, расстегнул пряжку собственного ремня. Все равно, что там у нее на спине, если сейчас она не станет принадлежать ему...

Спертый воздух. Запах склепа, запах тела...

— ...А-а-а! Взять, взять!..

В склепе как-то сразу сделалось светло от факелов. Игара грубо схватили, ударили по голове и отбросили в угол; оглушенный, он еще некоторое время бился на земле, как выброшенная на берег рыба. Страсть, не нашедшая выхода, обернулась болью и шоком; он успел увидеть, как обнаженная принцесса рвется из рук злых оскаленных стражников, рвется и рычит, как рысь, как голая, поглупому попавшаяся рысь...

Снаружи было светло, как днем. Косоротый громила неподвижно лежал в черной луже крови; стражников было видимо-невидимо, кто-то кого-то волочил, кто-то истошно вопил и выдирался. Не расслышать из склепа звуков облавы могли только Игар, с упорством маньяка разыскивающий на чужих спинах родимое пятно, да принцесса, одержимая страстью и уверенная в собственной безопасности. Ее так и волокли — не одевая; Игара еще раз

стукнули по голове и бросили к таким же неудачникам — загнанным в кольцо, спутанным веревками.

В вонючей яме их продержали около суток; все это время Игар исступленно искал среди пленников Тиар.

Он ползал, спотыкаясь о чьи-то ноги, и без устали заглядывал в лица; бродяг в яме помещалось с полсотни, но было темно, и потому он по многу раз заглядывал в одни и те же лица. Дважды приходилось драться — беспощадно, потому что его противники желали его смерти; какая-то старуха расцарапала ему лицо, решив, что он хочет отнять у нее черствый кусок хлеба. Тиар не было; он тешил себя надеждой, что увидит ее на суде.

Забившись в темный вонючий угол, он тупо разглядывал собственную руку с обломанными ногтями; вчера ночью с ним случилось страшное, позорное падение. Он, поклявшийся на Алтаре, купился на похоть прожженной стервы; вид обнаженного женского тела сломил его верность и его благородство, так долго считавшиеся незыблемыми, как гранит. И что с того, что стражники жестоко прервали сладострастную процедуру в самом ее начале — не стражники должны были остановить его, нет... Он глубоко осознает свою подлость — но и сейчас, вспоминая запах ее тела, он покрывается потом.

Суд действительно состоялся; ранним утром пленников по одному вытащили из ямы, а затаившихся в темноте выгнали ударами копий. Щурясь от непривычно яркого света, труженики кладбища выстроились вдоль стены неровной шеренгой — пестрая, опухшая, остро пахнущая толпа; Игар увидел Тиар — сосед справа покосился, приняв его счастливую улыбку за первый признак помешательства.

Потом, потеряв женщину в толпе, Игар посмотрел прямо перед собой — и увидел виселицу с невообразимо длинной перекладиной и рядом — три столба с изготовившимися кнутобойцами.

Среди пойманных были и калеки, и попрошайки, и бандиты-убийцы тоже; Игар ждал, что судья, невысокий молодой человек с равнодушными глазами, попытается выяснить степень вины каждого — вместо этого тот медленно пошел вдоль шеренги, ненадолго останавливаясь, вглядываясь в лица, что-то бормоча под нос. Стражники, следовавшие за ним по пятам, хватали приговоренных по одному и волокли в разные стороны — кого на виселицу, кого под кнут.

Игар удивился полнейшему своему спокойствию. Страшное дело делалось просто и деловито; кнутобойцы спешили, палач выбивал круглые плашки из-под ног, судья медленно шел вдоль шеренги, пленники покорно ждали своей участи. Известное дело, тяжче рассуждал спокойный Игар. Всех перевешать нельзя — и виселица обвалится, да и слухи поползут... В тюрьме держать — так не резиновая тюрьма, и кормить опять же надо... Выпустить всех тоже невозможно, без наказания — тем более, так что все по справедливости, то есть как кому повезет...

Но вот что интересно — как судья выбирает, кого казнить, а кого выпороть и помиловать. Как он определяет? Что он при этом чувствует, вот бы кому в душу забраться любопытно...

Тиар, полуодетая, гордо выделялась из шеренги статью и красотой; ее они не казнят, это точно. Женщин, как правило, не вешают, в особенности красивых; Тиар помилуют — а значит, у Игара еще остается шанс...

Судья подошел так близко, что различимым стало его бормотание:

— Под кнут. Под кнут. Повесить. Повесить...

Игар вздрогнул — очередным осужденным к повешенью был толстяк, еще позавчера с накладной грудью изображавший нищенку с ребенком. Теперь его волокли к виселице, уже обросшей неподвижными телами.

Игар отвернулся, чтобы не видеть. За что?! За попрошайничество петля?! А сколько убийц, живых и невредимых, уйдет сегодня из города, почесывая спины?!

— Под кнут, — бормотал судья. — Под кнут...

Под кнут повели Тиар; она шла гордо, как на коронацию. Игар невольно искал ее взгляда — и, проходя мимо, она отыскала-таки его глаза.

Он так и не понял, чего она от него хотела. Она злилась и негодовала — из-за него, совратителя, она потеряла бдительность и попалась так просто и глупо; она пыталась прочитать в его глазах... что? Подтверждение неземной страсти, с которой он ввалился к ней в склеп? Пылкую любовь?..

Во всяком случае, гадливость в его глазах должна была ее удивить. Должна была сильно подкосить ее самомнение и сделать предстоящую порку еще более болезненной...

Он отвернулся.

Притомившийся кнутобоец не поленился раздеть Тиар догола — пленники, еще томившиеся в ожидании, оживились:

— Ах, принцесска-то хороша...

— У-у-у... Вот не думал, что такое увижу...

— Слюни-то подбери, повиснешь сейчас, а лишь бы на голую бабу...

— А я и с виселицы пялиться буду...

Кнутобоец привязал Тиар к столбу и рывком отвел со спины ее

длинные волосы; Игар увидел пятно. Пятно в форме ромба под правой лопаткой...

Или нет?..

Он замигал, будто в глаз ему попала мошка. Рябит отчего-то перед глазами. Так бывает, если очень всматриваться...

Где же пятно? Где же пятно, нет ничего, только синяк огромный прямо на хребте, уж не он ли, Игар, припечатал беднягу к саркофагу... Круглый темный кровоподтек посреди спины...

Он протер глаза кулаками. Потом еще; потом снова, оскорбленный, потрясенный, смертельно обиженный. Как?!

— Повесить, — сказал судья его соседу справа, и тот разразился горестным воплем. Синее небо; топот сапог, напрягающаяся, будто струна, веревка...

Кнутобоец полосовал нежную кожу Тиар... Прости, Святая Птица. Женщины, которая вовсе не Тиар. Женщины, к которой в эту минуту Игар ощутил животную неприязнь — кажется, ему приятно, что ее бьют... Это чувство недостойно человека и мужчины, а ведь он стоит перед виселицей, и вдруг последним в его жизни чувством будет именно это — не любовь и надежда, а гадкое, животное отвращение... К ней, и в особенности — к себе. К себе, падшему, предателю и похотливой скотине...

Судья стоял перед ним. Глаза его были сини, как небо, и так же пусты.

Игар знал, что полагается вспоминать свою жизнь, — но ничего не вспомнил. Тот день, когда семилетний малыш впервые переступил порог Гнезда... Тот день, когда семнадцатилетний юноша впервые увидел Илазу... Ничего этого нет и не было, воспоминания дряблы, как мокрая вата, и навалившаяся усталость сильнее, чем желание жить. Сейчас за него решат все его вопросы, и не надо самому морочиться с петлей...

Ятерь и Тучка. Слуги в доме княгини, те, что помогали влюбленным. Их вот так же повесили, и он, Игар, виной. Даже если и не он их выдал под пыткой — все равно вся история приключилась из-за него... Было бы справедливо, если бы судьба Ятеря и Тучки постигла бы...

Судья смотрел. Игар не мог понять, что выражают его синие глаза, они казались лишенными мысли. Как пуговицы.

...Святая Птица!.. Вот кого он должен вспоминать перед смертью, вот кому должен молиться... Он забыл, он разучился верить, Птица отказалась от него...

Сколько судья может молчать, его ведь еще ждет работа?!

Та женщина... Пенка. Счастливое существо, лишенное рук и ног. Рассвет в степи... Цветные огни в высыхающей траве. Трава... по которой ступает босыми ногами безумная Полевая Царевна.

Жизнелюбивый Скаль со страшным забинтованным лицом, падающий со стрелами в груди и с именем мертвой жены на устах...

На дне синих глаз судьи что-то изменилось. На одно мгновение.

— Под кнут...

Игару показалось, что он ослышался; руки в перчатках уже тащили его за плечи, снимали рубаху, ставили лицом к столбу...

Жгучая боль удара вернула его в чувство.

* * *

Кислые лесные яблоки приобретают вполне терпимый вкус, если их испечь в золе.

Наевшись, Илаза вытерла черные руки о пышную подушку мха, уселась на толстый поваленный ствол и опустила подбородок на переплетенные пальцы.

Близилась осень; ручей несет по течению редкие желтые листья, но уже завтра их станет больше. Возможно, когда вся эта роскошная листва бесполезным ковром ляжет на землю, присоединившись тем самым к предыдущим поколениям своих палых предков... Когда все эти ветки предстанут в наготе — тогда и объявится среди них ничем не прикрытое паучье тело, и потрясенный взгляд ее сможет лицезреть зазубренные костяные крючья в островках седой шерсти, брюхо с основаниями восьми суставчатых лап, два мохнатых отростка по бокам головы...

Она передернулась. До такого зрелища она не доживет, потому что звезда Хота опустится раньше.

Впервые за долгое время она подумала об Игаре — на этот раз без надежды и без страха. Сущим ребячеством было надеяться, что, спасая ее, возлюбленный изловит и приведет пред скрутовы очи некую неизвестную, скорее всего мифическую женщину. И, уж конечно, глупо было бояться испытаний, ожидающих его на дороге: любой нормальный человек, осознавший невыполнимость задачи, отказывается от дальнейших попыток...

Ровный ход ее бесстрастных рассуждений вдруг прервался. Она больно закусила губу, пережидая приступ ярости и горя, потому что ей представился Игар, спокойно живущий где-нибудь на хуторе, забывший и думать о звезде Хота, и только изредка, спьяну, оплакивающий Илазину судьбу горючими бессильными слезами...

Она стиснула зубы. Не время быть слабой; пока что сила ее в том, что она не боится смотреть правде в глаза. Возможно, любая другая девчонка до сих пор тешила бы себя надеждами и без конца проигрывала для себя картину возвращения своего героя-мужа; ей, Илазе, нравится быть сильной. Ей слишком хочется жить, что-

бы перекладывать свое спасение на плечи любого другого человека. Она должна позаботиться о себе сама...

Ей снова увиделся Игар, сидящий в кабаке за кружкой пива. В компании таких же молодых и сильных, развеселых, громогласных, розовощеких парней... Она, Илаза, начала говорить себе правду — негоже останавливаться на полпути.

Игар... Свидания через закрытую дверь. Весь этот дом — закрытая дверь, анфилада комнат, где бродит призрак Ады. Сплошной черный бархат, душный запах цветов и свечей, будто вечные похороны...

Однажды в раскрытое окно влетела ласточка. Какое-то время изящная черная птичка металась и билась в стекла, а потом насмерть расшиблась, и романтически настроенная девочка Илаза с горечью осознала себя пленницей, только, в отличие от ласточки, с заточением своим смирившейся...

Да явись тогда кто угодно, хоть старик, хоть урод, и пообещай ей перемену участи, прорыв, свободу — разве она отказалась бы?!

Случилось так, что первым свою любовь предложил Игар. Свою любовь как довесок к освобождению. В пору ли было колебаться?.. Игар, как волшебный ключик, открывающий постылую дверь. Игар как средство, Игар как путь... Сейчас она говорит с собой, никто не услышит, и никто не упрекнет ее в холодности и цинизме. Хоть с собой-то она может быть откровенна?!

Скрючившись на своем стволе, Илаза обхватила плечи руками и заплакала без слез. Истинная природа ее любви к Игару оказалась по-делячески низменной; ей, привыкшей любить себя, так мучительно оказалось себя стыдиться.

...Или она все же ошибается?! Или это говорят в ней отчаяние и усталость?

Обманывая себя, она толкает себя же навстречу гибели. Не время выяснять, была ли ее любовь тем действительно священным романтическим чувством, которое, как она знала, рано или поздно приходит к любой благородной девице. Важно понять одно — Игар не придет.

А это значит, что ее, Илазы, жизнь может быть спасена только ее руками.

ГЛАВА 10

Аальмар вернулся к самому празднику Заячьей Свадьбы.

Вечером, когда весь мир, казалось, пирует за одним длинным столом, они вдвоем гуляли вдоль улицы; разноликие снежные зайцы, сооруженные по традиции в каждом дворе, смотрели им вслед

глазами-картофелинами. Первый снег и не думал прекращаться, валил и валил, осыпая заячьи фигуры, посверкивая блестками в свете бесчисленных факелов...

— Я должен уехать снова. В довольно-таки тяжелый поход.

Она сжалась. Как чувствовала; радость праздника и радость встречи с ним меркла перед страхом возможного расставания. А теперь померкла вовсе, и снежинки бессильно таяли, ложась ей на ресницы.

— Малыш... Я виноват перед тобой. Чем мне искупить?..

Она молчала. Снег приглушал все звуки — крики пирующих, звон бубнов и пиликанье самодельных скрипок. Там, где должна была быть луна, тускло светилось сквозь тучи желтое пятно.

— Скажи мне, чего ты хочешь. Я исполню. Правда.

— Я хочу, — она набрала в грудь побольше воздуха, — я хочу, чтобы ты забыл об этой проклятой войне. Чтобы ты... чтобы ты остался навсегда. Никогда больше не уходил, потому что...

Она запнулась, не зная, рассказывать ли ему свой повторяющийся страшный сон; потом собралась с духом и рассказала.

Аальмар молчал.

— Не война ищет тебя — ты ищешь войну, — девочка устало перевела дыхание. — Я не хочу все время ждать. И я не хочу быть твоей вдовой, Аальмар.

Снег прекратился; желтое пятно на месте луны сделалось ярче.

— Но ведь это мое ремесло, — сказал Аальмар глухо. — Это мое дело, оно приносит мне деньги и славу, но, главное, дает возможность быть собой и проявить себя. Небо одарило меня даром полководца — разве разумно отвергать его? Разве есть для мужчины занятие почетнее, нежели быть воином?

Девочка потупилась. Рядом с его аргументами все ее слова покажутся по-детски наивными — и все же она решилась заговорить вновь:

— Для женщины нет более славного дела, нежели родить и вырастить ребенка. Для мужчины нет дела почетнее, чем в совершенстве научиться убивать; разве в твой дом явились враги?

Она сказала это и низко опустила голову, опасаясь его гнева. Он и вправду долго, очень долго молчал; у самой дороги стоял чей-то маленький, наспех вылепленный зайчик.

— Тебе не дает покоя то поле, — сказал Аальмар тихо.

Она склонила голову еще ниже:

— Да...

— Напрасно я тогда согласился идти на поиски куклы...

— Нет, — она подняла глаза. — Не напрасно, Аальмар. Ох как не напрасно.

Из чьих-то ворот вывалилась на улицу полупьяная веселая тол-

па. Аальмар придержал шаг, давая плясунам возможность пробежать мимо; кто-то собрался было затянуть гуляющую пару в хоровод — однако, узнав Аальмара, тут же оставил свое намерение. Песни и смех отдалились и стихли, поглощенные снегом.

— Я не смогу объяснить тебе, — он тихо усмехнулся. — Что это такое, когда сходятся на поле две воли... Две силы, состоящие из множества сил, тщательно выверенных, переплетенных... Как бьет в лицо ветер, как бешено летит конь, какая это завораживающая игра — сражение...

Теперь молчала девочка. Очень долго молчала; один за другим гасли, догорая, факелы. И мерно поскрипывала дорога под каждым шагом. И пристально смотрели снежные зайцы.

— Ты не убедишь меня, — сказал Аальмар со вздохом. — А мне не убедить тебя... Но не в этом дело...

Он замолк, будто оборвав себя. Тяжело нахмурил брови. Сжал ее руку в меховом рукаве:

— Я... Видишь ли. Раз уж так вышло... Я люблю тебя, малыш, и я обещал выполнить твое желание; знай же, что этот мой поход будет последним. Теперь я вернусь навсегда.

Не веря своим ушам, она вскинула на него потрясенные, радостные глаза. Он смущенно улыбался:

— Не думай, что так просто... Что мне так просто решиться. Я помышлял об этом и раньше, но все не хватало... наверное, этих твоих слов. Я выбираю между женой и войной, и я выбираю жену; мы сочетаемся с тобой и будем жить неразлучно. Всегда...

Она всхлипнула. Надо же, при чем тут слезы...

— При чем тут слезы? — спросил он, ласково отстраняя ее от своей груди. — При чем?..

Снег пошел снова, и на щеках у нее таяли снежинки. Таяли и скатывались маленькими прозрачными каплями.

* * *

— Мама велела, чтобы ты поел.

Девочка смотрела серьезно и непреклонно. На низком бочонке у ее ног стояла миска с дымящейся кашей.

— Мама сказала, что, если ты не будешь есть, она тебя выгонит.

Игар через силу кивнул:

— Я буду...

Девчонка не уходила; вряд ли ей были знакомы фокусы с тайным выбрасыванием нелюбимой еды. Закопать ненавистную кашу способен сытый, благополучный ребенок, а эта девочка выросла в строгости; ей, наверное, и в голову не могло прийти, что Игар собирается выбросить еду — однако она не уходила и смотрела все так же сурово и требовательно.

И он принялся есть. Поначалу куски шли в горло с усилием, через «не могу» — а потом проснулся голод, он доел горячую кашу до конца и облизнул ложку:

— Спасибо...

Девчонка сосредоточенно кивнула и молча унесла опустевшую миску в дом; Игар клубком свернулся на соломе и натянул сверху одеяло — в сарае было тепло, но изводящий Игара холод гнездился где-то у него внутри. От ледяного камня в груди не защитит никакое одеяло...

В сарае стало темнее — у дверей, закрывая свет, стояла «младшая хозяйка» — хозяйкина сестра, беременная, огромная, как гора. Игар из вежливости чуть приподнял голову.

— Лежи, — женщина слабо улыбнулась. — Муж вина вот из погреба поднял... Тебе принести?

Игар молча покачал головой. От этого обыкновенного жеста мир перед его глазами пошел кругом, закачался, как лодка, и успокоился только через минуту; женщина не уходила.

— Может, тебе знахарку? Сестра беспокоится — уж коли подобрали тебя, так худо, если ты у нас прямо в сарае помрешь...

— Я не помру, — сказал Игар с трудом.

— Смотри, — предостерегла женщина озабоченно. Помолчала и вдруг улыбнулась: — Ты вот что... Молодой, красивый, оклемаешься, видимо... А кривишься, будто тебе жизнь не мила. Нехорошо это...

Рука ее неосознанно-ласково провела по круглому животу; Игар решил, что промолчать — невежливо.

— Ладно... — выдавил он, с трудом смягчая свой сиплый голос. — Не буду...

Женщина снова улыбнулась, кивнула и отошла от двери; Игар закрыл глаза.

Ему осталось жить двенадцать дней — в ночь, когда звезда Хота не поднимется больше над горизонтом, он умрет вместе с Илазой. Это все, что он может для нее сделать. Дабат...

Он пошевелился. Исполосованная спина саднила, но эта боль уже не в состоянии была помочь ему. Та боль, что пришла под кнутом, на какое-то время одолела все чувства, включая и стыд и тоску; теперь и стыд, и тоска вернулись с новой силой.

«Младшую хозяйку» звали Тири; освобожденная от домашних забот — пузо-то какое! — она часами просиживала на солнышке, забавляя Игара старыми сказками и правдивыми историями из жизни поселка. И сказки, и истории начинались с того, что некто терпит обиды и страдания, а заканчивались неизменно счастливо;

Игар сидел, прислонившись боком к стенке сарая, и делал вид, что ему интересно. Нехорошо было обижать милую искреннюю женщину, совершенно бескорыстно старающуюся его утешить.

Потом Тири замолчала, прислушиваясь, по-видимому, к тому, что творится у нее внутри; подумала, с особой осторожностью поднялась с низкого табурета, на котором сидела.

— Ну... Пойду-ка, — прикрыв глаза ладонью, она поглядела на высокое солнце. — Ежели все по добру поведется, то ночью, может быть... У меня и первенец-то быстренько выскочил — а этот, ежели по добру, то как пробочка и вылетит...

Игар сидел и смотрел, как она идет к дому — ступая осторожно и горделиво.

По добру не повелось.

Девочка, принесшая Игару обед, казалась возбужденной и радостной — «у тетки началось». Посреди двора развели костер, и старшая хозяйка торжественно бросила туда жертву добрым духам — пучок ароматных трав. Дети в восторге прыгали вокруг, выкрикивая считалки-заклинания и вдыхая терпкий дым.

К вечеру радость в доме поугасла, осталось лишь возбуждение; в сумерках к воротам подкатила повозка, привезшая властную высокую старуху — лучшую на три деревни повивальную бабку.

Игар, которому вдруг страшно и тоскливо сделалось в его одиночестве, сидел на кухне вместе с детьми старшей хозяйки — все они по очереди нянчили сына Тири, двухлетнего мальчонку, чей брат или сестра собирались сейчас появиться на свет. То и дело забегал обеспокоенный муж Тири, шумно отхлебывал из кружки с водой, вытирал усы, оглядывал кухню невидящим взглядом и торопился прочь. Сверху, из спальни, все явственнее доносились стоны.

В очередной раз заскочив в кухню, муж роженицы поманил Игара пальцем:

— Поди...

И, когда Игар вышел, просительно взял его за локоть:

— Ты... Страшно мне чего-то. Эти-то, — он имел в виду старшую хозяйку и ее мужа, — эти-то при деле, а меня выгнали... А мне страшно одному. Первый раз так не боялся... Тири... она...

Он замолчал, собираясь с словами и одновременно вглядываясь Игару в лицо — не думает ли смеяться?! Игар не думал; муж Тири перевел дыхание:

— Ты... своему бы я не сказал. Ты чужой, придешь-уйдешь... Поболтай со мной... покуда. Чтоб не так долго... Вот как тебя, к примеру, зовут?

Игар назвался.

— А меня Глабом, — муж Тири тоскливо вздохнул. — Первенький наш мальчик быстро родился... А это... может, девчонка?..

Игар кивнул, соглашаясь; он ничего не смыслил в деторождении, зато прекрасно понимал, что Глаба нужно поддержать.

Сверху донесся не стон уже — вопль; Игар почувствовал, как продирают по коже липкие противные мурашки. Бесхитростная Тири со своими добрыми сказками...

Глаб судорожно сдавил его руку:

— Жена... она терпеливая. Она страх какая терпеливая, ей както на сенокосе палец на ноге отхватило... Так она ни слезиночки не пролила, улыбалась даже, мать свою успокаивала... А...

Тири закричала снова — голос казался неузнаваемым. Игар сглотнул.

— Что-то долго, — Глаб сжимал и разжимал пальцы. — Я... пойду туда. Я спрошу, как...

Игар пошел следом.

Дверь спальни была приоткрыта. Повивальная бабка говорила раздраженно и властно; старшая хозяйка, кажется, возражала. Что-то со стоном пыталась сказать роженица; из комнаты вышел хмурый как туча старший хозяин. Оттолкнул пробирающегося вовнутрь Глаба:

— Уйди... Не до тебя...

Глаб скривил лицо — выражение детской слабости портило его мужественные, красивые, в общем-то, черты:

— Что... не так? Не так?!

Хозяин сжал зубы:

— Значит... повитуху надо звать, что на постоялом дворе живет. Она...

В комнате грохнуло что-то тяжелое; лучшая на три деревни повивальная бабка распахнула дверь настежь, так что Игар успел увидеть постель, и кого-то на постели, и какие-то тряпки на полу... Повивальная бабка уперлась руками в бока, и подбородок ее, отмеченный крупной родинкой, упрямо вздернулся:

— Я тебе позову!.. Я тебе позову ее, приблуду-то приезжую!.. Я тебе дура, значит?! Я говорю, судьбина ведет, судьбина матерь выведет али младенца...

Глаб двумя руками взял себя за горло:

— Тири... Жену мне спасите, а она потом другого родит!..

Из приоткрытой двери донесся почти звериный, страдающий крик. Игар прислонился к стенке.

Святая Птица... Ну как же все это уживается в одном мире. Кладбища, кишащие червями и нищими, похотливая возня на крышке саркофага, отягощенная телами виселица... Почему мир до сих пор населен? Его так трудно населять, этот поганый мир,

так невыносимо тяжело... И собственная Игарова судьба, если вдуматься, не столь уж трагична; все поправимо, если это не смерть или не роды...

— Против судьбы не попрешь, — холодно сообщила старуха. — А эта приблуда, говорят, уже сотню баб уморила...

— Врешь ты все! — не выдержала хозяйка. — Коли не можешь, власти твоей нет...

— Могу! — взвилась повивальная бабка. — По сюда, — провела рукой по горлу, — могу, а дальше уже судьба...

Тири закричала снова. Глаб передернулся; хозяин мрачно глядел вслед старухе, удалившейся в комнату и закрывшей за собою дверь. Жена его молча ожидала.

— Послать? — шепотом спросил хозяин. — За повитухой-то...

Женщина колебалась. Игар видел, как пальцы ее кромсают край передничка, безжалостно выдергивают белые нитки.

— Хуже не будет, — сказал мужчина шепотом. — Куда уж хуже... Тихо, Глаб, тихо... Ежели он... поперек... в ней встал... Куда хуже, у меня сестра вот так...

Глаб заплакал.

— Уже поздно, наверное, — тихо предположила женщина. — Уже...

Мужчина сжал зубы:

— О ней... о той повитухе, разное говорят... говорят, что она...

— Чего вы ждете?! — закричал Игар шепотом.

О нем все забыли, его никто не замечал, а теперь он, наконец-то обретший дар речи, шагнул вперед возмущенно и зло:

— Чего ждете?! Я за ней пойду! Я приведу ее сейчас, а там будете решать, поздно или нет... И где какая баба что сбрехала...

Мужчина нахмурился. Глаза его холодно блеснули; женщина поднесла искромсанный край передничка к губам:

— Иди...

Из кухни выглянула детская рожица — и испуганно спряталась опять.

Он колотил в запертую дверь, пока не сбил кулаки, а потом стал тарабанить ногами, и когда в конце концов сонный слуга отворил ему, в опущенной руке слуги была суковатая палка:

— Ополоумел?!

Игар нырнул под его руку, быстро огляделся; в дальнем конце коридора шлепал туфлями упитанный мужчина в ночном колпаке и со свечкой. Игар не без основания принял его за хозяина.

— Мне повитуху, — сказал он быстро, уворачиваясь от не в меру ретивого слуги. — Повитуха здесь живет, а там... — он запнулся,

потому что выяснилось, что он даже не знает прозвища приютившей его семьи. — Там... Тири рожает.

— Моя жена пятерых родила без всякой повитухи, — сухо сообщил хозяин. — Заведение почтенное, ночь, люди спят...

— Я вам шеи переломаю! — закричал Игар в запальчивости, скорее всего напрасной. — Человек же... ребенок...

Хозяин поморщился:

— Ты, парнишка... Не кричал бы. Вот лучше не кричал бы, дело тебе говорю... Потому как заведение почтенное, а крикуны, они, знаешь...

— Кто меня звал?

На лестнице стояла женщина — поверх ночной рубахи на ее плечи накинут был плед. Маленькая лампа освещала ее лицо снизу — оттого оно казалось фантастичным и таинственным, как у каменной химеры.

— Тири рожает, — сказал Игар скороговоркой. — И ребенок... поперек. То есть идет поперек, и...

— Понятно, — лицо женщины изменилось; она чуть ниже опустила лампу, и тени скакнули. — Я сейчас, подожди...

Снова увернувшись от слуги, Игар выскочил на улицу; в прорыве между тучами висела тусклая, ущербная луна, и это был единственный свет во всем мире; Игар в тоске подумал, что все усилия могут оказаться тщетными. Поздно...

Женщина вышла через минуту; в руках ее был тугой узелок. Слуга с раздражением захлопнул дверь, на полуслове поглотившую его скверное ругательство.

— Далеко? — коротко спросила женщина.

— На западной... окраине, — с трудом выговорил Игар. Ему хотелось верить, что он не ошибся.

— Лошадь есть? — Женщина огляделась, будто в поисках экипажа.

Игар растерялся:

— Н-нету... Я так, бегом...

Женщина нахмурилась; Игар испугался, что она повернется и уйдет обратно — если лошади нет...

— Давно? — отрывисто спросила женщина.

Игар не понял:

— Что?

— Давно роды начались?

Игар замялся:

— Кажется... около полудня...

— Времени нет запрягать... — Женщина опустила голову, будто раздумывая. — Первые?

— Вторые...

— Чего же ты стоишь?! — женщина искренне удивилась. — Веди скорее!

Она уцепилась за его локоть, и они отправились — почти бегом и почти в полной темноте; по счастью, улица была прямая и без перекрестков, и потому Игар надеялся, что они не заблудятся.

— Ты муж? — спросила женщина все так же отрывисто; он сперва не разобрал:

— Что?

— Муж? Твой ребенок родится?

— Нет... — он вдруг почувствовал едва ли не смущение. — Я так... знакомый.

— Почему раньше не позвали? — В голосе ее скользнул металл.

— Дураки потому что, — бросил Игар в сердцах. — Бабка у них там... Здоровая такая...

— Ясно, — отозвалась женщина. Больше они не разговаривали — берегли дыхание; Игар все ускорял и ускорял и без того быстрый ход, но женщина, к его удивлению, не отставала и не жаловалась — хоть взять из ее рук тяжелый узелок он догадался только на полпути.

Дом они увидели издалека — во всех окнах горели огни, Игар испугался, что услышит плач и причитания, как над покойником — но из дома донесся все тот же натужный, хриплый крик Тири. И откуда у нее еще берутся силы кричать?!

От давно догоревшего, но еще не остывшего костра тянулись запахи ароматных трав. На крыльцо выскочил Глаб — белый, с трясущимися руками:

— Сюда... Пожалуйста, сюда...

Повитуха кивнула ему, приняла из рук Игара свой узелок и решительно двинулась вверх по лестнице.

Он не хотел идти следом — и все же шел; дверь комнаты осталась приоткрытой, и в узкую щель Игар увидел, как старуха с потемневшей физиономией грозно берется за бока. Он успел поразиться нелепости и ненужности стычки, которая сейчас произойдет — однако ничего не случилось. Приведенная им женщина быстро оглядела комнату, по-деловому кивнула старухе и тут же, развязав свой узелок, извлекла оттуда завернутые в белое полотно инструменты. У старухи на языке еще лежал язвительный вопрос — а новая повитуха уже негромко распоряжалась, расспрашивая о чем-то старшую хозяйку и выпроваживая с поручением ее мужа. То железное, что явилось из полотняного свертка, поразило старуху не меньше, чем Игара, а прочих, кажется, еще и напугало; старшая хозяйка нахмурилась и хотела что-то сказать — однако новоприбывшая повитуха уже не обращала на нее внимания, и ее

холодная, спокойная и в то же время доброжелательная уверенность мгновенно расставила все по своим местам.

Когда повитуха присела на кровать к роженице, Игар потерял ее из виду. Дверь длинно проскрипела и закрылась; спустя несколько минут лучшая повивальная бабка на три деревни ушла — хмурая, как грозовое небо, и обескураженная. Игар, которому больше нечего было делать, вернулся на кухню.

Младшие дети спали прямо здесь — на скамейках; две старшие девчонки, двенадцати и четырнадцати лет, сидели плечом к плечу, крепко сжав губы и глядя на огонек лампы. Игар искренне посочувствовал им, созданным женщинами и потому обреченным на многократные родовые муки...

Крики Тири ненадолго стихли; снова подкравшись к ее двери, Игар услышал шорох, тихий звон металла, перешептывания — и мягкий глубокий голос повитухи:

— Десять белых голубей из далеких из полей... принесут тебе подарков, принесут тебе диковин, принесут тебе красивых... Десять черных лебедей, унесите злую муку, унесите боль и хворость, мимо, мимо проносите...

У Игара закружилась голова; он ушел в кухню и до утра просидел в углу, обхватив руками плечи и слушая дыхание спящих малышей. Тири наверху стонала — то громче, то тише. Стучали по лестнице чьи-то шаги, что-то приносили и уносили, повитуха говорила то тихо и властно, то певуче, вполголоса; Игар так и не сомкнул глаз.

Утром ошалевший от пережитого, захмелевший от счастья Глаб сидел у изголовья полуживой Тири и без устали гладил, трогал, целовал ее руку; старшая хозяйка прижимала к груди сверток с племянником, а повитуха, страшно осунувшаяся за ночь, что-то долго и подробно ей объясняла. Хозяин, отозвав Игара в сторону, серьезно признался:

— Ой, напьюсь сегодня. Ой, мама, как напьюсь... И тебя напою, парень, потому как вроде бы породнились...

Игар бледно улыбнулся.

Повитуха вышла во двор; в руках ее по-прежнему был тугой узелок: Игар с содроганием вспомнил ночную дорогу, ущербную луну и светильники во всех окнах. Вслед за женщиной вышел бледный, опухший Глаб, вышел и прямо посреди двора стал на колени:

— Госпожа... Жизнь мою возьми... Что хочешь, что пожелаешь, все отдам, спасительница, спасибо тебе...

Подошла старшая хозяйка; в руке ее подрагивал увесистый мешочек:

— Госпожа, спасибо... Вот...

Повитуха спокойно приняла деньги, отсчитала с десяток монет, прочее с бесстрастным лицом вернула:

— Беру, сколько дело того просит. Прочее — не мне.

Хозяйка собралась было возразить — но встретилась с ней глазами и отступила, смущенная:

— Госпожа, плата — это одно... Это само собой. А что сделать тебе, чтобы... отблагодарить? Может, чего пожелаешь?..

Повитуха некоторое время молчала; Игар с удивлением рассматривал тонкие черные брови, мягкие губы, окруженные чуть заметным пушком, и темный клубок собранных на затылке волос. Лицо женщины, мирное и доброжелательное, казалось тем не менее землисто-серым — Игар с удивлением понял вдруг, что она еле держится на ногах. Едва стоит — но привычно высоко держит голову, победительница, осознающая свою победу, кудесница, гордая своим причастием к чуду, счастливая не меньше, а может быть, и больше этих измученных людей — но не подающая виду, спокойная и уверенная, и только взгляд...

— Одна просьба, — сказала она наконец. — Я бы радовалась... если б мальчонке дали имя, какое я скажу.

Глаб воодушевленно закивал головой; хозяйка тоже кивнула, и вслед за ней милостиво кивнул хозяин.

— Назовите его, — темные глаза женщины блеснули, — назовите его Аальмаром. Это хорошее имя, правда?..

Что-то дрогнуло в ее голосе — будто едва-едва, одним прикосновением зацепили глубокую и мощную струну. Игар не мог дать названия чувству, скользнувшему в ее обыкновенных словах, но спину его продрал мороз.

Она ушла, забыв об Игаре, даже не взглянув в его сторону; счастливый Глаб проводил ее за ворота.

Старший хозяин напился, как обещал. За буйным, слегка нервным застольем Игар вдруг ощутил себя почти своим — вовремя сходив за повитухой, он как бы приобщился к семейным тайнам. Старший хозяин и счастливый папаша Глаб от души посвящали его в тонкости, которых он рад бы и не знать — Тири, оказывается, хворала по женской части, и та самая старуха, лучшая на три села, обещала ей бесплодие. Старуху не ругали особенно, но и поминали с неохотой; старшая хозяйка по секрету поведала, что о той повитухе, которая спасла жизнь матери и младенцу, болтают, будто бы она ведьма. Глаб, расчувствовавшись, заявил, что спасение жены и сынишки готов принять и от ведьмы тоже; перед глазами Игара стояло мягкое и вместе с тем непреклонное лицо — «Десять белых голубей из далеких из полей...».

Он сидел среди уверенных, деловитых людей, заново переживавших свой ужас и последующее счастье, а заодно строивших

планы о покупке новой коровы и перестройке курятника. Он был благодарен им за краткое забвение; странно или нет, но, спеша в темноте за повитухой, он ни о чем другом не успевал уже думать — ни об Илазе, ни о скруте, ни о скорой смерти. Все в мире правильно, думал он, слизывая с ложки творог, обильно политый медом. Кто родился — умрет... Сначала я, а чуть позже — этот новый сын Тири, Аальмар...

Он отбросил эту мысль, как невообразимо гадкую.

Старшая хозяйка между тем признавалась, что молила о спасении сестры все известные ей силы, в особенности Святую Птицу, и Птица, вероятно, помогла, а потому в скором времени она, старшая хозяйка, отправится в ближайшее Гнездо (Глаб присвистнул — экая даль!) и поблагодарит Птицу лично. Старший хозяин снисходительно усмехнулся — он, оказывается, еще неделю назад принес тайком от всех жертву родильнице-земле — закопал на плодородном поле деревянную дощечку с выжженным на ней именем — Тири. Старшая хозяйка усомнилась, что такая жертва имеет смысл, — старший хозяин нахмурился. Жена его может верить во что угодно и в Птицу тоже — а он мужчина и давно знает, что нет вернее способа сохранить человека от напасти. Родильница-земля покровительствует не только беременным, но и женщинам вообще — а потому он намерен в скором же времени выжечь на дощечке имя повитухи — Тиар — и закопать на самом плодородном из полей, что за мельницей...

Игар лил в его миску мед; светлый и густой, мед стекал по белой горке творога, заливал ее тягучими волнами, поднимался, грозя покрыть вершину творожной горки, полился через край... Потек по столу — медленно, величаво, густым потоком...

Его схватили за руку:

— Ты чего?! Будет, хватит, гляди, что натворил...

Он смотрел, как они хлебом и ладонями собирают со стола медовую реку. Глаб, пьяный от трех глотков яблочного вина, клялся по очереди отблагодарить известных ему духов и богов; усы старшего хозяина обвисли, как две медовые сосульки...

— Как ее зовут? — спросил Игар шепотом.

Хозяйка удивленно нахмурилась:

— Кого?

Игар молчал.

— Что с тобой? — спросила хозяйка уже обеспокоенно.

— Перепил, — беззлобно предположил старший хозяин. Игар обернулся:

— Ее имя... ее имя, ты только что называл...

— Тиар ее зовут, — старшая хозяйка по очереди облизывала пальцы, будто аккуратная кошка. — Госпожа Тиар, я же говорю, что про нее болтают, будто она...

Игар смотрел, как она говорит, и не слышал ни слова.

Слуга узнал его и недобро прищурился:

— Что, опять рожает кто-то? Или это у тебя морда постоянно так перекошена, от природы?

Игар облокотился о забор. Постоял, пытаясь унять бешено колотящееся сердце; нельзя торопиться. Нельзя волноваться. Теперь — все возможное хладнокровие, Птица слышит его, Птица поможет...

Слуга выпятил губу:

— Чего вылупился? Говори либо проваливай...

— Госпожа Тиар у себя? — спросил Игар на удивление спокойно. Даже похвалил себя мысленно: молодец...

Слуга почесал за ухом. Снова взглянул на Игара — на этот раз подозрительно:

— А у тебя к ней чего?

Нельзя закипать, сказал себе Игар. Нельзя раздражаться. Этому наглому дураку не удастся вывести его из себя.

— У меня к ней дело, — проговорил он как мог кротко. — Позволь, я пройду.

Слуга скривил губы:

— Отдыхает она... Велела разбудить, только если на роды покличут. Ты на роды ее или как?..

Игар отвернулся. Вспомнил землисто-серое, осунувшееся лицо — спасая Тири и младенца, эта женщина устала чуть не до обморока.

— Я подожду, — сказал он глухо. — Сяду под забором и подожду... Не прогонишь?

Слуга поковырял в носу и ничего не сказал.

Игар привалился спиной к теплым доскам; следы кнута тут же о себе напомнили — поморщившись, он повернулся боком. Неожиданная передышка; он искал так долго — подождет еще несколько часов...

Он погрузился в сон глубоко и внезапно, как ныряльщик. В его сне серые с красным пятна скользили по поверхности большого шара — не то деревянного, не то костяного... Тени и блики, он то улыбался, то прерывисто вздыхал. Забытье, передышка...

Потом он — во сне — почувствовал, что кто-то стоит рядом.

* * *

День выдался по-осеннему благостный и по-летнему теплый. Как ни мучительно было стирать в ледяной воде, да еще согнувшись в три погибели, — но неделями не менять одежду еще мучительнее, а хуже грязного белья может быть, пожалуй, только новая Илазина затея...

Покончив со стиркой, она аккуратно развесила свой износившийся наряд на ветвях невысокой ивы. Все, что носила, все до нитки; солнце стояло высоко и припекало от души, а потому озноб, сотрясающий нагое тело Илазы, никак нельзя было списать на холода.

Ее план казался столь же мерзким, сколь и безнадежным. Это был не план даже — смутная задумка, основанная только на слышанном от матери утверждении, что все существа мужского пола прежде всего похотливы. Прежде всего похотливы, а потом уже злы или добры, подлы или благородны...

Плоский камень на берегу ручья оказался теплым, как свежеиспеченная булка. Подавив в себе внезапную тоску по хлебу, Илаза устроилась на валуне в живописной позе соблазнительницы с дешевой картинки. Она нежилась, с ленивой грацией подставляя ласковому солнцу лицо и груди, бока и спину — а мысли тем временем вертелись по кругу, как цирковое колесо с запертой в нем тощей белкой.

Пусть он не придет. Пусть он не заметит ее, ведь часто случалось, что за три или четыре дня он не показывался ни разу... Одежда высохнет, она со вздохом облегчения облачится в чистое — и у нее будет еще много ночей, чтобы лежать в сухих теплых листьях и не думать о плохом...

Но кто тогда ее спасет?! Если она не вывернется, не придумает, не решится, не заставит себя осуществить самый невозможный план — кто спасет ее в минуту, когда звезда Хота скроется за горизонтом? Вряд ли на свете может быть нечто худшее, чем смерть от скрутовых лап... или жала. Во всяком случае, то, что она задумала, ничуть не хуже...

А если так — нечего прятаться и уговаривать судьбу: «Пусть он не придет!..» Наоборот, пусть приходит, она ждет его, ждет...

Закрыв глаза, она сквозь веки видела красный солнечный свет. Нельзя дрожать и покрываться пупырышками, как голая девка, которую выгнали из бани. Ее тело молодо и красиво — в ее силах сделать его еще и жадным. Пусть через боль, через усилие — надо, надо...

Она попыталась вспомнить ту ночь на Алтаре — но вместо вожделения снова пришел озноб. Что поделать, если в собственной памяти ей не почерпнуть нужных красок и образов, то придется притворяться, придется вспомнить и дешевые картинки, и слышанные где-то рассказы, и рыжую веснушчатую горничную, которая даже пыль вытирала, зазывно виляя бедрами...

Она и понятия не имела о том, что может быть дальше. На-

сколько похотливы скруты? Или, вернее, насколько скрут сохраняет качества мужчины, которым он был когда-то? Как там говорил этот бедный рыцарь... «Скрут — это чудовище, в которое превращается человек... жертва предательства...»

Она не вдумывалась в смысл этих слов. Для нее они сейчас значили только одно — скрут был человеком, мужчиной, а значит...

Погоди-погоди, одернула они себя. Жертва предательства... А предал его кто, как не Тиар?! Предательство — то же самое, что измена, она изменила ему... Иначе быть не может, как иначе женщина может предать мужчину? Значит...

Она почувствовала чужое присутствие, и мысли ее, и без того несущиеся по неровной узенькой дорожке, полностью потеряли всякий порядок. Не рассудком, а одним только инстинктом она поняла, что подобие стыдливости сейчас куда уместнее полного бесстыдства, а потому вскочила, будто бы в смятении, и поспешно спряталась в ветвях реденького невысокого кустарника.

Тот, что скрывался в кронах, не спешил уходить. Содрогаясь, она поздравила себя с первой победой — если бы скрута решительно не интересовали нагие женщины, он попросту потихоньку убрался бы, даже не вступая в разговор...

Минуты шли и шли, ветки кустарника царапали Илазе бока, ноги и спина затекли от неудобной скрюченной позы, а невидимый наблюдатель не уходил и не подавал голоса. Онемел от вожделения, мрачно подумала Илаза, и решилась заговорить первой:

— Я... я знаю, что вы здесь.

Молчание. Илаза лихорадочно пыталась сообразить, что делать дальше; мышцы ног болели совсем уж невыносимо, она набрала полную грудь воздуха и выпрямилась, раздвигая кустарник молодой, дерзкой, высокой грудью:

— Я... я теперь знаю. Я знаю, что сделала с вами Тиар.

Вздох — или ей послышалось? Дышат ли пауки вообще? У них же нету легких...

— Непристойно подглядывать и молчать, — сказала Илаза шепотом.

Сухой короткий смешок:

— А зазывать и молчать — пристойно?

От обиды у нее на мгновение перехватило дыхание. Она княжна... Она сочеталась со своим мужем на Алтаре...

Воспоминание о брачной ночи в эту секунду оказалось неприятным. Она стиснула зубы, удерживая на лице чуть наивную благожелательную улыбку — она не поняла оскорбления, она слишком невинна, чтобы понять такую гадость...

Через это надо перешагнуть. Через гадость — тоже. У нее есть шанс, потому что теперь скрут ведет себя, как мужчина.

...Как это все-таки может произойти? Ей придется зажмуривать глаза, затыкать уши и нос? А может быть, от его любовных утех она попросту умрет, и эта смерть будет даже отвратительнее, чем та, предопределенная, которой она таким образом стремится избежать...

Сделав первый шаг, не останавливайся. Так учила ее мать...

Медленно, неторопливо, тщательно следя за осанкой, она выбралась из кустарника на открытое место. Волосы, упавшие на плечи, назойливо щекотали кожу, но Илаза знала, что с распущенными волосами любая женщина выглядит привлекательнее.

Она встала на плоском камне, как на подмостках. Ледяным ногам было приятно чувствовать сохраненное камнем тепло; все ее свежевыстиранные тряпки трепетали на ветвях, как вымпелы.

— Я знаю больше, чем вы думаете, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я о многом догадалась сама. Вы сами себя поймали в эти ваши... сети. Потому что месть одной женщине не может быть смыслом жизни. На свете полным-полно женщин. И очень красивых... И вы отомстите своей Тиар куда больше, если... — Илазу вдруг осенило, и она заговорила скороговоркой: — А хотите, я приведу вам... если не Тиар, то... кого хотите. Найду и приведу. Десяток невинных девиц... Моя мать легко сможет это устроить. Моя мать и Тиар сможет найти, у моей матери куда больше возможностей, чем у одного бедного глупого Игара... Да, моя мать найдет вам Тиар, но... стоит ли?

Она улыбнулась. Улыбка далась ей с трудом — но и получилась на славу, в меру кокетливая, в меру смущенная, в меру зовущая...

Движение в ветвях. Колыхание серой паутины; Илаза увидела, как липкое полотнище разворачивается у нее над головой, и невольно присела, ужаснувшись мысли об ЭТОМ, происходящем в ритмично подрагивающих сетях...

Полотнище паутины исчезло. Над ее головой снова было голубое небо; облегчение оказалось сильнее разочарования. Она еле удержалась, чтобы не выказать его. Едва сумела стереть с лица страх; бесстыдно провела ладонью по собственному крутому заду:

— Я... не знаю, что такое настоящая мужская сила. Игар, сами понимаете, все же сопляк...

Игар-то тут при чем, сказала ей совесть. Постыдилась бы трепать имя человека, который, возможно, погиб, пытаясь тебя спасти...

Илаза осеклась; в паутине молчали. Знать бы, что у него на уме. Если бы у него было лицо, если бы видеть выражение его глаз... Илазе случалось ловить на себе масляные взгляды стражников. Брошенные исподтишка, в уверенности, что она не заметит; те похотливые глазки казались ей маленькими кусочками сала, встро-

енными под надбровные дуги. Знать бы, что скрут способен испытать что-либо подобное... Разве она не женщина?! Разве она не уверена в собственной привлекательности, разве ее нагое тело — не прекрасно?!

— Повернись-ка, — медленно сказали из ветвей. Будто читая ее мысли...

Она стояла, удерживая на лице улыбку. Рука, теперь уже механически, поглаживала и поглаживала крутое бедро.

— Повернись, говорю... Я хочу разглядеть как следует, что же мне такое предлагают...

Она из последних сил закусила губу. Вся кровь бросилась ей в лицо, а улыбка превратилась в оскал. Мерзавец, чудовище, тварь...

Но жить-то она хочет?!

Медленно, будто ступая по битому стеклу, она повернулась на своем камне. Круг, второй, третий... Как заводной волчок...

— Хватит... Тебе, наверное, говорили, что твои тощие ноги красивы?

Подобно бойцу осаждающей армии, который, уже ослепленный кипящей смолой и утыканный стрелами, все же продолжает свой безнадежный приступ, Илаза выдавила игривую ухмылку.

— И ты считаешь, что сиськи, торчащие в небо, делают тебя желанной? Что твой тугой зад способен закрыть собой вселенную? Что ты настолько совершенна, что можешь торговать собой и даже запрашивать столь высокую цену? Ты вправду так считаешь?

Еще несколько секунд Илаза стояла, невыносимо прямая, будто сосна. Потом воля ее сломалась, и ноги подломились, как спички. Ее унижение достигло высшей точки, когда, рыдая, она повалилась на землю и зашлась слезами; тот, что сидел в ветвях, упивался ее поражением недолго и без удовольствия. Обозначив свой уход резким треском переломленного сучка, он растаял среди живописных желтеющих крон.

ГЛАВА 11

Ее комната оказалась тесной, сыроватой, без особого уюта; в маленьком камине остывала зола. Он сидел на трехногом табурете и видел себя как бы со стороны — смущенный, очень напряженный и очень искренний юноша против доброжелательной, но достаточно строгой женщины. Она казалась неизмеримо взрослее краснеющего, ерзающего на своем табурете парнишки — но тот, другой, холодный и расчетливый Игар, который наблюдал за ними обоими, был ей ровесником.

Он говорил горячо и умоляюще. Он начинал издалека, не зная, как подступиться к своей просьбе: в семье он старший сын, а всего ребятишек было пятеро, да трое умерли в один год от какой-то заразы, осталась одна сестра... Сестра согрешила по глупости, а в родном селении ох как с этим строго; ухажер ее, пакостник, сбежал, осталась девка с пузом, а ей всего-то пятнадцать. Мать ее била-била, да дурное семя ведь не выбьешь; от соседей сестру спрятали, потому как, если кто прознает, то позор на всю семью ляжет, и за него, Игара, ни одна порядочная девушка не пойдет... Спрятали глупую девку в шалаше среди леса, там и живет с глухонемой старухой, да только мать боится сильно — как бы девка, рожая, не померла... Она, дура, мухоморы какие-то жрала, чтобы со стыда погибнуть — так вот теперь ей хуже и хуже, а через неделю рожать...

В этом месте рассказ его был прерван. Повитуха по имени Тиар сдвинула брови:

— Через неделю?

Игар замялся:

— Вроде... как бы... она по глупости и посчитать не может, когда...

Тиар смотрела внимательно и бесстрастно — Игар не мог понять, как она относится к печальной истории с дурой-сестрой. Верит или нет, сочувствует или равнодушна...

— Так вот, — он провел пальцем по рассохшейся столешнице старого круглого стола. — Рожать ей... а она девчонка, да еще хворая... Хоть дура, да сестра, и хорошая девка, и мать ее страх как любит... А если нашу, тамошнюю повитуху позвать — так раззвонит по всей округе, и не скроешь ничего... А... госпожа так искусна в... — он запнулся, подбирая слово, но так и не подобрал. — А... Мать ничего не пожалеет, не поскупится... А главное, — он поднял умоляющие глаза, — жалко ведь девчонку, помереть может... Госпожа, сделайте милость, поедемте со мной, село называется Подбрюшье, а рядом лес...

Тиар молчала. Игар окинул свою жалобную историю беглым мысленным взглядом, оглядел, как горшок на гончарном круге. Где оплошность? Где трещинка? Или он ошибся в повитухе-Тиар и она не откликнется сейчас, не поспешит на помощь, как поспешила ночью к Тири?..

Женщина медленно склонила голову к плечу. В солнечном луче, падавшем из окна, волосы ее заблестели, как медный колокол; Игар невольно подался вперед, стараясь рассмотреть глаза. Карие, темно-медовые, с зелеными звездочками около зрачков; он подавил мучительное желание посмотреть на ее лопатку и, чтобы придать себе уверенности, проговорил внятно, не отводя взгляда:

— Госпожа Тиар...

Она подняла брови, ожидая вопроса.

Он повторил, упиваясь ее именем, как музыкой:

— Госпожа Ти-ар...

— Что? — спросила она удивленно, и он несколько секунд успокаивал бешено бьющееся сердце.

В окне черной точкой билась полоумная осенняя муха.

— Поедемте со мной, — проговорил Игар шепотом. — Пожалуйста.

Она чуть заметно усмехнулась:

— Добираться-то сколько? До твоей преступницы?

Он судорожно сглотнул:

— Если нанять повозку... А мы обязательно наймем... То как раз неделя пути и будет.

Она откинулась на спинку скрипучего гостиничного стула:

— Неделя... Ты знаешь, как эти девчонки вечно путаются в сроках? Что, если твоей сестренке не через неделю рожать, а, вполне возможно, через месяц? А я уже с одной женщиной договорилась поблизости, у нее не сегодня-завтра схватки начнутся, что мне, бросить ее?.. И еще одна, отец ее приезжал, из этого хуторка, как он там называется... Давай уж, если ты действительно так в меня веришь — деньков через пять или десять.

— Нельзя, — сказал он быстро, чувствуя, как слева в груди сжимается холодный камень. — Ну нельзя же. Здесь в округе полным-полно повитух, та старуха, к примеру... Если взрослая женщина рожает, замужняя, это же другое... Ее же все любят, все вокруг нее... А там девчонка, и она одна, и ей страшно...

Он вдруг вообразил себе Илазу. Будто бы Илаза — его сестра, и кто знает, не живет ли у нее под сердцем ребенок, зачатый на Алтаре?!

Видимо, эта мысль отразилась у него на лице, потому что сдвинутые брови Тиар чуть разошлись:

— Что с тобой?

Он сглотнул. Илаза, одинокая, в сетях — носящая его ребенка... Почему ему раньше не приходило в голову...

Он заплакал.

Это было странно — душа его раздвоилась, как пирог под ножом. Игар-первый желал излить в искренних рыданиях тоску, и напряжение, и страх, и жалость к Илазе; Игар-второй холодно следил, чтобы плач не получался слишком уж истеричным и откровенным — мужчина должен стыдиться слез, прятать их, пытаться удержать, тогда на женщину, сидящую напротив, это произведет наибольшее впечатление. Он притворялся и одновременно не притворялся вовсе; в какой-то момент ему стало по-настоящему стыдно, он поднялся, на ощупь нашел дверь и вышел, шаря руками, как слепой. Все тот же вездесущий слуга в изумлении от него шарахнулся.

Он спустился с крыльца и сел на прежнем месте, под забором; Игар-первый пытался сдержать судорожные всхлипы, тем временем Игар-второй продумывал поведение на тот случай, если Тиар все-таки откажется; звезде Хота осталось подниматься над горизонтом десять ночей — а он, Игар, ни перед чем теперь не остановится. А вдруг это Птица ниспослала ему озарение и Илаза действительно беременна?!

Тиар вышла через несколько минут. Спокойная, даже, кажется, веселая; постояла на крыльце, рассеянно разглядывая сидящего в лопухах Игара. Потом поманила его пальцем; он поднялся и подошел, чувствуя, как холодеют ладони.

Она задала ему несколько вопросов, на которые он не нашелся, что ответить — просто покраснел и сказал: «Не знаю».

— О чем я и говорю, — подытожила она недовольно. — Впрочем, ладно... Телегу нанимать не надо — у меня двуколка есть.

Он смотрел на нее во все глаза. На лице ее лежал отблеск того света, что так поразил его наутро после родов Тири.

У нее действительно была двуколка — вовсе не удивительно, ей ведь приходилось много путешествовать, и зарабатывала она неплохо. На деревянном сиденье места хватало как раз на двоих, огромные колеса вращались величественно, как крылья ветряных мельниц, а лошадь носила гордое имя Луна.

Выехали на рассвете. Тиар и Луна прекрасно понимали друг друга; лошадь не нуждалась ни в вожжах, ни в понуканиях, а женщина взамен не требовала от нее излишней прыти. Игар заставил себя сдержаться: ему хотелось самому взять в руки вожжи. Ему хотелось гнать Луну галопом, так, чтобы скрипучая двуколка подпрыгивала на колдобинах; Тиар вряд ли поняла бы его, а Луна — тем более, и потому он просто сидел, забившись в угол жесткого сиденья, и без умолку болтал.

Болтовня успокаивала. Болтовня помогала почувствовать себя увереннее; всякий, кто лжет, должен искусно переплетать свою выдумку с правдой, и потому он детально описывал нравы Подбрюшья, которое, по преданию, получило свое название потому, что пристроилось под брюхом у Замка. О Замке Игар тоже рассказал — мельком; упомянул и Гнездо, описал внешность Отца-Вышестоятеля, которого якобы видел на площади, а заодно и пожаловался на скверный характер нищего слепца, вечно сидящего у колодца. Слепца он описал в таких деталях, что у Тиар не должно было остаться никаких сомнений в правдивости его истории...

Если сомнения все-таки были.

Он не мог ее понять. Худо-бедно, но он, как правило, умел определять по лицам человеческие чувства — а Тиар была загадкой; у него мороз пробегал по коже при одной только мысли, что сидящая рядом с ним женщина постоянно становится как бы соучастницей такого ужасного дела, как роды. Игар ни за какие пряники не решился бы и близко подойти к роженице, а Тиар вникает во все это, принимает решения, пускает в ход свои страшноватые диковинные инструменты — сейчас узелок бережно запрятан в огромный багажный сундук... Для такого дела требуется изрядная доля безжалостности. Тиар умна и хладнокровна — вести ее дорогой обмана так же трудно, как ходить по канату: важно не оступиться.

— А как зовут сестру? — спросила вдруг она, прервав его рассуждения.

Продумавший до последней черточки всю свою легенду, он вдруг растерялся. О такой мелочи, как имя сестры, ему даже не пришло в голову побеспокоиться.

— И... Илаза.

Он не нашел ничего лучшего — любое придуманное имя произносится не так, как настоящее. Придуманное имя можно ненароком забыть — а так, рассказывая о сестре, он может воображать себе жену...

Уловка оказалась неудачной. Он принялся описывать Илазу — ее лицо, ее глаза, ее походку и платье, ее манеру говорить — и, не в силах остановиться, с ужасом понял, что рассказывает о ней не так, как рассказывают о сестрах. В голосе его звучат нотки, неуместные в рассказе о родственнице — если только не состоишь с ней в кровосмесительной связи. Он запнулся и закашлялся, перегнулся через борт, едва не ударившись головой о вертящиеся спицы; двуколка накренилась. Луна забеспокоилась.

— Осторожно, — сказала Тиар, когда он осмелился прекратить свой надсадный кашель. — Ты перевернешь нас.

Больше она ничего не сказала, и, чтобы замять смущение, он принялся болтать еще быстрее и громче. В его истории появился теперь Алтарь.

Тиар знала о священном камне — кто о нем не знает! — но Игар по праву считал себя знатоком куда большим. Не смущаясь, что, возможно, сообщает Тиар сведения, давно ей известные, он подробно описал историю Алтаря — говорят, он не только заключает браки, но и — раз в столетие — способен произвести настоящее чудо. Впрочем, маленькое чудо случается всякий раз, когда влюбленным удается до него добраться — потому как путь к Алтарю труден. Если их решение сочетаться браком недостаточно сильно, то они либо заблудятся в дремучем лесу, либо вернутся обратно, либо вообще погибнут в одной из многочисленных ловушек (в этом месте голос его дрогнул, но Тиар не могла знать почему). Но если влюбленные решили объединиться наперекор судьбе и людям — тогда после двух дней пути они находят в лесу реку, мелкую и быструю, а прямо посреди реки лежит камень, с первого взгляда похожий на огромный блин... Невеста обязательно должна быть девственна; когда брак свершается, воды реки поднимаются и захлестывают камень, и смывают ее кровь, и кажется, что ледяная река теплая, будто молоко...

Неожиданно для себя он увлекся. Он поразился, почему никогда раньше, в самые черные минуты, ему не приходило в голову обратиться к этому воспоминанию — такому светлому, такому щемящему, такому...

Он увидел, как Тиар на него смотрит, и быстро отвернулся. Луна трусила и трусила вперед, из-под мерно постукивающих копыт поднималось облачко пыли.

— Откуда ты знаешь? — спросила она после паузы. — Откуда ты все это знаешь?

Он покусал губы — будто решаясь на откровенность.

— Моя сестра, — сказал он шепотом, — я не хотел говорить... Они сочетались на Алтаре с тем парнем, но это тайна...

Тиар помолчала. Ветер теребил бахрому теплого платка у нее на плечах.

— Разве такое держат в тайне? — спросила она медленно. — Ты ведь сам только что сказал... Люди признают узы, скрепленные Алтарем, твоя сестра навеки связана с этим, как ты говоришь, парнем... И она законная жена ему — зачем держать в тайне ее беременность?

Некоторое время Игар смотрел на пыльный хвост Луны. У белой кобылы был на редкость пышный, каштановый хвост, и сейчас он колыхался в такт ее шагам.

— Он оказался подлецом, — сказал Игар глухо. — Это... темная история, я не хотел бы огорчать госпожу... Но правда такова, что... Никто не должен знать, что они муж и жена. Никогда...

Мимо проплывали стволы небольшой рощицы; прямо перед мордой удивленной Луны дорогу перебежал заяц. Если не знаешь, что говорить, то лучше всего напустить туману.

Тиар молчала. Она умела очень выразительно молчать — в карих глазах чуть заметно мерцали зеленые звездочки. Человеку, который на «ты» с жизнью и смертью, лучше не досаждать такой примитивной ложью.

Игар с удовольствием дал бы себе оплеуху — если бы мог. Он напряженно ждал от Тиар нового вопроса или укора — но женщина молчала, подставив лицо ветру.

Ночь провели под открытым небом, потому что гостиницы по дороге не случилось. К счастью, ночь была сухой и ясной; Тиар, улыбнувшись, заявила, что ей ночевка под открытым небом не в диковинку и не в тягость. В багаже у нее оказалась пара теплых одеял — одно из них она, несмотря на протест, всучила Игару. Высыпали звезды — Хота висела над самым горизонтом, Игар смотрел на нее до боли в глазах и шепотом умолял не спешить. Он идет, он уже идет; пусть Илаза, которая тоже сейчас смотрит на уходящую звезду, не падает духом...

Он лежал на охапке сена, и колесо двуколки высилось над ним, будто черный горбатый мост. Неподалеку пофыркивала Луна — белые бока ее светились в темноте сообразно имени. Тиар ровно дышала, привычно устроившись на сиденье, и Игар вдруг спросил себя: а зачем ей эта мучительная бродячая жизнь? Почему ей не осесть где-нибудь, ведь хорошая повитуха всегда будет обеспечена и уважаема? Неужели только обычная зависть товарок-повитух, строящих козни и распускающих гадкие слухи, гонит ее от селения к селению?..

Он закрыл глаза: теперь неважно. Кто такая Тиар, и почему она скитается, и почему она одинока, и чем она досадила скруту — не ему, Игару, отвечать на эти вопросы. Теперь следует думать об Илазе...

Заветное имя, прежде заставлявшее Игарово сердце сладко сжиматься, на этот раз оставило его равнодушным. Наверное, от усталости.

Они снова тронулись в путь на рассвете, и очень скоро Игар обнаружил, что между ним и его спутницей стоит плотная стена лжи.

Все это было. Все это уже было однажды — только вместо двуколки была наемная повозка, а его спутница... была шлюхой из портового дома терпимости. И он тоже лгал, невыносимо, ежесекундно — про дом с пятью ступеньками... Про участок земли, который можно продать и купить молочное стадо и делать сыр...

Та была шлюха и лгунья, и она врала в ответ — но Игар помнит, что тогда его обман был ему в тягость. Как же, вез человека на лютую смерть... А теперь рядом с ним сидит женщина, в сравнении с которой тот «человек» кажется просто морской свинкой. И что? Почему он, Игар, не чувствует раскаяния, только страх ошибиться, выдать себя, не довести до конца своего дела?..

Помня о вчерашнем конфузе, он на этот раз помалкивал — Тиар и не думала заговаривать с ним и тем самым разрядить напряжение. Она по-прежнему правила своей Луной, вернее, позволяла Луне бежать, как бежится; Игар всей кожей чувствовал ее молчаливое ожидание. Он канатоходец на канате вранья, и путь его готов был прерваться у самого начала.

Наконец он не выдержал.

— Я врал вчера, — сообщил он, глядя в сторону.

— Я знаю, — спокойно отозвалась Тиар.

Игар облизнул обветрившиеся губы:

— Я... Илаза не сестра мне. Она мне жена, и мы сочетались на Алтаре.

Тиар медленно повернула голову; зеленые звездочки в карих глазах разгорелись ярче:

— Значит, она ждет... твоего ребенка?

Игар кивнул, не поднимая глаз.

— А... почему ты не рядом с ней? Почему ты оставил ее и уехал так далеко?

В голосе ее скользнул ледок; Игар втянул голову в плечи:

— Я... к родичам своим ездил. Отец-то... не терпит, когда кто-то против воли. Я думал, раз Алтарь сочетал, то они нас с женой примут... А они говорят — где сочетал, там и живите...

Он перевел дух. Тиар глядела, и он со страхом понял вдруг, что обычной доброжелательности, живущей в ее глазах даже перед лицом откровенной лжи, теперь как не бывало:

— А зачем ты придумал сестру?

Он хотел стать на колени — но в двуколке это было совершенно невозможно, и он ограничился тем, что крепко прижал обе руки к сердцу:

— Простите... Я хочу, чтобы Илаза благополучно разродилась... Я больше жизни этого хочу, ну простите меня, я думал, что вы просто так не поедете...

— «Думал, думал», — пробормотала она, отворачиваясь. — Значит, она не живет в шалаше посреди леса? Не мается в одиночестве? О чем ты еще, интересно, «думал»?

— Я расскажу все... — начал Игар, но в этот момент впереди на дороге, далеко, у самого горизонта, показались шесть всадников.

Его бросило в пот. Рубаха моментально прилипла к спине — хоть всадники могли быть кем угодно, путешественниками, гонцами, коневодами...

Тиар посмотрела вопросительно. Взглянула вперед — Луна упрямо трусила вперед, всадники двигались куда быстрее, вот уже слышен топот копыт...

Тиар натянула вожжи. Перевела на Игара серьезные, карие безо всякой прозелени глаза:

— Найди, пожалуйста, в багаже сверток с сыром. Я его положила наверху, но он, наверное, провалился на дно...

Разыскивать что-либо в багаже куда сподручнее было ей са-

мой — не спрашивая себя, зачем посреди дороги Тиар понадобился сыр, Игар послушно встал коленями на скамью и, перевесившись через спинку, открыл багажный сундук.

Топот копыт приблизился; конечно же, предчувствия его не обманули.

Стражники окружили двуколку; старший вежливо поприветствовал Тиар, она ответила по своему обыкновению доброжелательно и спокойно, а Игар погрузился в сундук до половины, спрятав бледное лицо и от души надеясь, что острый зад в потертых штанах не выдаст его волнения.

— Я повитуха, — сообщила тем временем Тиар. — Меня вызвали к роженице, а парень показывает дорогу... Нашел?

Рука Игара нащупала в темных недрах влажную тряпицу с сыром.

— Не нашел, — отозвался он приглушенно. — Глубоко завалился, пес...

— У меня есть особая грамота, выданная магистратом города Ррок, о том, что я имею право свободно заниматься своим ремеслом во всех городах и селениях провинции... Господам предъявить?

— В этом нет необходимости.

В темноте багажного сундука Игар стиснул сверток с сыром, да так, что его пальцы продавились вовнутрь.

— В этом нет необходимости, госпожа... Счастливой дороги.

Заржала чья-то лошадь, радостно отозвалась Луна. Топот копыт отдалился; сжимая несчастный сыр, Игар выпрямился. От его бледности не осталось и следа — кровь прилила к голове, придавая лицу оттенок свеклы.

— Но-о, — сказала Тиар Луне. Лошадь тряхнула головой и тронулась с места.

Навстречу тянулись сжатые поля, обсиженные воронами; вдоль обочины стояли березы, ветвистые и низкорослые, и Игар мрачно подумал, что они похожи на тощих пестрых собак.

Тиар молчала. Игар осторожно развернул сверток, отломил кусочек сыра и нерешительно протянул ей — она будто не заметила; Игар вздохнул и сунул ломтик себе в рот.

— Меня разыскивают, — сообщил он, с трудом прожевывая сыр и не чувствуя его вкуса. — За мою голову обещают двести семьдесят золотых монет.

Тиар прищурилась, не отрывая взгляда от дороги; Игар набрал полную грудь воздуха и рассказал ей об Илазиной матушке, о самоубийстве сестры Ады, о побеге влюбленных, о ярости княгини и ее жажде мести; он говорил вдохновенно, и даже худая девушка,

та, что жила на кладбище и зарабатывала умением чувствовать ложь, засвидетельствовала бы сейчас его полную искренность.

Тиар склонила голову к плечу и впервые за весь день посмотрела Игару прямо в глаза; он зажал в кулаке свой храмовый знак и поклялся Птицей. А заодно и признался в побеге из Гнезда; зрачки Тиар чуть расширились:

— Ну ты и... крученый. Зачем было врать-то?..

Он потупился. Столь знакомое слово в ее устах было ему неприятно.

* * *

Илазе мерещился запах дыма.

Этим летом обычной засухи не случилось, но зато за первый месяц наступившей осени не выпало ни единого дождя. Солнце пригревало, не желая слушаться ни календаря, ни здравого смысла — а последние несколько дней свирепствовал еще и ветер, да такой, что листва ложилась на землю, едва успев поблекнуть. Ветер затихал на закате и на рассвете просыпался вновь. Теплый ветер, горячий ветер, лес волнуется и стонет, трухлявые стволы не выдерживают и ложатся, подминая новые, еще не успевшие войти в силу...

Выдержка и настойчивость. Чтобы воспитать у Илазы эти качества, ее мать в свое время потратила немало усилий.

Получив удар, стисни зубы. Упав, поднимайся и иди дальше; позаботься о себе сама, потому что больше никто на свете...

Она всхлипнула. Мать знала, что делала. Мать...

Горка сухого мха достигала уже Илазиных коленей. Этот мох горит, как солома, но для этого его должно быть много... Горка тщательно отобранных сухих веток. Топливо на костер, материал для растопки, эти веточки быстро прогорают, если не подбросить огню пищи посерьезнее...

А там, впереди, поскрипывает на ветру сухостой. Несколько высохших, как мумии, елок со сгустками старой смолы на стволах. Голая, по непонятной причине умершая ольха, жиденький орешник, а надо всем этим — огромная сосна, живая и зеленая, и в темной кроне ее скрут сегодня сожрал куницу...

Когда-то Илаза слыхала, что огонь, дорвавшись до леса, не знает ни меры, ни пощады. Что стена его наступает со скоростью несущейся лошади, поглощая все живое и оставляя после себя голые обгоревшие стволы...

А нанесенное Илазе оскорбление знает ли меру? Знает ли пощаду? И не страшнее ли подобное унижение десятка самых страшных и неотвратимых смертей?..

Мох поймал предложенную ему искру, проглотил с жадностью и тут же занялся, позволяя ветру унести прочь белую струйку дыма.

Илаза тупо смотрела, как оживают, с треском проклевываются, алчно трепещут нарождающиеся языки. Столько сил ушло на то, чтобы собрать эти кучи топлива... А вот теперь они зацветают желтым, а она стоит и смотрит, без радости и без страха. Гори...

Ветер рванул что есть силы, подхватил огонь и неожиданно рассеял все ее сомнения. Выхватив ветку из уже пылающего костра, Илаза кинулась дальше, туда, где тяжким трудом собраны были груды сухого мха и смолистых еловых веток. Гори... Пусть этого леса не будет.

Мох вспыхивал, как пакля.

Пламя, разносимое ветром, как-то очень быстро добралось до первой из сухих елей; Илаза отшатнулась, таким жаром ударило вдруг ей в лицо. Простенькая мысль о том, что она сама сгорит, и очень быстро, — эта мысль только сейчас обрела для нее какой-то смысл.

Она не испугалась. В этот момент ей казалось, что она вообще не способна испытывать ни боли, ни страха.

Пусть этого леса не будет. Она — лекарь, милосердный и беспощадный, каленым инструментом выжигающий с лица земли эту язву. Пусть обугливаются проклятые сети. Пусть поджарится отвратительный скрут; пусть те, кто потом придет на пепелище, вспомнят ее добром...

Или пусть не вспоминают! Гори!..

Она металась, разбрасывая горящие головни, распираемая жестокой радостью уничтожения, будто дева-пламяница, которая, как говорят, бесчинствует на пожарах. А потом превращается в уголек... Пусть...

Потом ей прямо в лицо ударил сгусток дыма — ее легкие заполнились удушающей клубящейся массой. Не в силах ни вдохнуть, ни выдохнуть, ни закричать, ни утереть хлынувших едких слез, она увидела наверху все то же голубое небо со все тем же обязательным белым облачком, а на фоне его — горящая верхушка сосны, паутина, объятая пламенем, волны пламени, волны дыма, горит, проклятый, горит...

Только теперь решив спасаться, она повернулась и побежала прочь, как она думала, от гигантского костра, в который превратился по ее милости лес.

Не то ветер поменял направление. Не то сама Илаза, потерявшая представление о сторонах света, забрела в самое логово пожарища — но теперь огонь преградил ей дорогу. Она повернула — огонь преградил еще раз. И еще. Огонь был всюду, Илаза была в центре огненного кольца...

И, едва осознав это, она сразу же поняла, как жестоко ошибалась, возомнив себя нечувствительной к боли.

Она закричала. Новый сгусток дыма зажал ей рот, и, дергаясь от невыносимого жжения, она пожелала скорее умереть.

Голубое небо сделалось грязно-серым, подернутым дымной пеленой. Оттуда, из пелены, явились вдруг тусклые, белесые, как бы сами по себе живущие глаза, и в них, ледяных шариках, отражалось пламя.

Илаза успела подумать, что существо, встречающее ее в загробном мире, слишком ужасно, чтобы быть Птицей. Вероятно, это Каратель, живущий в преисподней, наказывающий за грехи...

По счастью, сознание скоро ее оставило.

— ...и ты снова согласишься принять от меня помощь? Может быть, твоя ненависть помешает тебе, и ты гордо откажешься? Нет?..

Вселенский пожар завершился большой черной проплешиной в зеленой шкуре огромного леса. Пролетающим в небе птицам это видится как продолговатая черная метка, короткая траурная ленточка, и там, в облаках, не слышен запах гари, которым смердит теперь и трава, и ручей...

Илазина героическая смерть обернулась красной растрескавшейся кожей на щеках, воспаленными глазами и обожженным локтем. Лучше бы она в самом деле умерла, потому что боль от ожога оказалась просто непереносимой.

— Ты не откажешься, Илаза? Нет? Может быть, ты слишком оскорблена тем, что именно я тебя спас?

Она молчала. Пусть он не догадается, что она плачет — слезы из-под опухших век и без того бегут, не переставая, ресницы слиплись сосульками, она боится открывать глаза, но в темноте терпеть еще тяжелее...

Прикосновение к ее плечу. Не сопротивляясь, она все же инстинктивно напряглась; боль от укола показалась ей едва ли не сладостной.

Она молчала, стараясь дышать как можно глубже и ровнее. Жжение и боль уходили не сразу, давая ей возможность насладиться каждой секундой своего освобождения.

Она разлепила ресницы. Темное тело, нависавшее над ней, привычно отпрянуло в тень; она всхлипнула и зажмурилась снова.

— Зачем мне груз еще и твоей ненависти? — раздумчиво сказали у нее над головой. — Зачем я собираю ненависть, будто сборщик податей? Разве мне мало той тяжести, которая уже есть?

Кажется, в голосе из ветвей скользнула неподдельная горечь. Впрочем, Илазе было все равно.

— Я все равно убью тебя, — выдохнула она сквозь растрескавшиеся губы.

— Хорошо, — отозвался он чуть погодя. — Только сперва давай залечим твой ожог... Потому что кто тогда будет спасать тебя от боли?

— Я убью тебя...

— Звезда Хота низко. Я мог быть с тобой добрее, но мог быть и более жестоким... А теперь звезда слишком низко, Илаза, и не держи на меня зла, потому что скоро...

Его сдавленный голос делался все тише и тише, пока, наконец, и вовсе не сошел на нет.

Вечер пах дымом. В розовом вечернем небе тянулся, размеренно взмахивая крыльями, птичий ключ, похожий на наконечник копья.

* * *

На распутье оказалось, что Тиар знает дороги куда лучше Игара; она без запинки перечисляла селения, через которые лежит путь к большому лесу, и норовила повернуть направо, хотя Игар уверен был, что ехать нужно налево. Прохожий крестьянин разрешил их спор — конечно, в пользу Тиар; Луна, которую процесс выбора порядком утомил, бодро потрусила вперед. Игар всю дорогу угрюмо молчал — ему казалось, что его обозвали дураком.

В обед остановились в селении Речка; единственная его улица лентой тянулась вдоль берега узкой речушки, а на другом берегу, заливном, живописно пестрели боками черно-белые ухоженные коровы. Постоялый двор окнами выходил на воду — по темной глади ее печально плыли желтые листья.

Обедали за счет Тиар — Игар сгорал от стыда и клялся, что по прибытии на место возместит все убытки. Тиар слушала его вполуха; вся прислуга, в особенности женская ее половина, обращалась к ней тепло и почтительно. Нашлась даже какая-то старая знакомая, с гордостью предъявившая сопливого мальчишку лет пяти, которому Тиар в свое время помогла появиться на свет; Игару мальчишка показался исключительно противным, капризным и сонным — но Тиар неподдельно обрадовалась, обняла малыша и подарила ему пряник.

Потом кто-то из служанок долго о чем-то нашептывал Тиар на ухо; посерьезнев, она несколько раз кивнула. Призвала девчонку, мывшую во дворе посуду, дала ей мелкую монетку и велела сбегать на мельницу и спросить, не нужна ли повитуха.

Девчонка бегала долго и, вернувшись, едва могла отдышаться;

Игар заключил, что эта самая мельница не так-то уж и близко. Облизнув пересохшие от беготни губы, девчонка бодро доложила:

— Велели передать, что повитухи не надобно. Во-первых, платить никто не станет, потому как эта приблуда нищая. Во-вторых, она еще, наверное, и паршивая — хозяин ее выпер в сарай, на сено, и не надо было, говорит, вообще пускать. А теперь, говорит, вот доброту проявил — расплачивайся, и на улицу не выкинешь, потому как она уже рожать взялась...

Тиар подняла голову:

— Рожать? Когда?

Девчонка пожала плечами:

— Не знаю... Стонет в сарае, а давно ли — я не спросила...

Тиар кивнула и поднялась:

— Спасибо... Игар, поедем.

— Куда? — спросил он беспомощно. — Мы же... Торопимся же...

Тиар так на него взглянула, что он прикусил язык.

Луна, еще только приступившая к своему обеду, возмутилась. Тиар хлопнула ее по крупу и что-то сердито сказала на ухо — понурившись, лошадь взялась за привычную работу. Игар лихорадочно пытался сообразить, чем грозит эта неожиданная проволочка — а Тиар уже разворачивала Луну хвостом к цели их путешествия.

Мельница стояла на отшибе — там, где кончалась единственная в селении улица. Чтобы добраться до нее, пришлось вернуться назад почти на полчаса пути; Игар изо всех сил старался скрыть раздражение. Если по дороге они станут выискивать всех возможных рожениц, то до цели доберутся лишь к весне...

Он хотел сказать об этом Тиар — но вовремя удержался. Хватило ума сообразить, что упреками дела не поправить, а вот напортить — можно...

Мельник удивился. Он ведь ясно сказал посланной девчонке, что повитухи не надо — платить-то кто будет?

Тиар выслушала его и кивнула:

— Я поняла. Где?..

— Она паршивая! — воскликнул удивленный мельник. — Точно паршивая, я и коросту на ней видел... На одну ночку пустил в сарай, пожалел беднягу — а она, глядь, рожать здесь собралась!

— Неслыханная наглость, — серьезно подтвердила Тиар. — Позвольте все же взглянуть на этот ваш сарай.

Мельник выпучил глаза:

— Да что вы, с ней, приблудной и паршивой, за бесплатно возиться будете?!

Тиар терпеливо вздохнула:

— Что ж... Я ведь не учу вас, как вам молоть муку, а вы не учите меня, как... Ну, в общем, ничему вы меня не научите. Где?

Жена мельника, четверо работников и служанка с интересом глазели на странную повитуху. Игар не знал, куда себя девать; ему хотелось догнать Тиар, рвануть за плечо и дать пощечину: время идет! Каждая секунда нелепого разговора, каждая минута, проведенная с приблудной роженицей, могут стоить потом Илазиной жизни...

Тиар уже шла к сараю, ведомая служанкой и парой собак. Сарай оказался добротным строением на отшибе, и внутри его было, на Игарово счастье, тихо. Он слишком хорошо помнил, как орала Тири, и не желал слышать этого еще раз.

— А ты кто? — спросил его один из работников, плечистый парень с красивыми глуповатыми глазами. — При ей?

— При ей, — отозвался Игар обреченно.

Тиар вышла из сарая. На лице ее лежала уже знакомая Игару сосредоточенность — перед этим доброжелательным и ледяным взглядом отступила не так давно скандальная старуха.

— Кто помогать возьмется? — спросила она негромко. — Кто-то из женщин, кто поможет?

Служанка потупилась. Мельникова жена нахмурила брови:

— Вы, госпожа, парши не боитесь, а я боюсь. И дети мои боятся...

Тиар быстро обернулась к ней:

— Сами ведь рожали? Как же?..

— Я рожала при муже, — отозвалась мельничиха сухо. — Не в парше и не в чужом сарае.

— Нет у нее парши. — Тиар обернулась к служанке: — Пойдешь?

— Не велю, — мрачно заявил хозяин. — Вот оно, добро-то... На одну ночь пустил только... Ни на кого из моих не рассчитывайте, госпожа, где один запаршивеет, там и все в коросте. Не надо нам...

Тиар молчала, глядя ему в глаза. Мельник крякнул, отвернулся и ушел в дом, бросив с порога:

— Тоже еще... Вон, подмастерье у вас — его и берите...

— Игар, — Тиар уже вынимала из багажного сундука свой узелок с инструментами. — Беги в село, позови кого-нибудь... женщин. Объясни, что к чему... Нет, не бери Луну — она тебя не послушается! Бегом...

Путь обратно в селение исторг из него все известные ему ругательства; исчерпав их запас, он взялся придумывать новые. Первая же встреченная им женщина — молодка у калитки — испуганно отшатнулась от незнакомого парня, видимо, пьяного, который трусцой бежал по улице и ругался в голос.

— Эй, ты чего? — завопила она, поймав на себе его оценивающий взгляд. — Вот сейчас собаку спущу!

— В дерьме я видел вашу собаку, — сказал Игар устало. — Там на мельнице рожает какая-то паршивая приблуда, так госпожа повитуха, которая без денег роды-то принимает, вас в помощь зовет.

Молодка выпучила глаза:

— Меня?!

— Вас, — буркнул Игар, чувствуя, как поднимаются в душе и злоба, и раздражение, и отчаяние. — Женщину какую-нибудь...

Молодка хлопнула калиткой так, что зашатался забор:

— Не знаю ничего! Ничего не знаю, ни повитух, ни приблуд никаких, а ты, ежели будешь озорничать...

Игар повернулся и пошел прочь. Две девушки, встреченные им у соседних ворот, испуганно завертели головами:

— Мы — не... Боязно...

Игар ругнулся в последний раз и потрусил обратно.

Солнце, красное, как помидор, садилось за реку; пастухи собирали коров, с того берега слышался басовитый перезвон колокольчиков да протяжное глубокое «му-у-у»...

— Там она, — мельник неприязненно махнул рукой в сторону сарая.

В сарае стонали. Игару сразу вспомнились роды Тири, костер с ароматными травами, плачущий Глаб, освещенные окна во всем доме... Он зябко повел плечами, прогоняя нехороший, струящийся по спине холодок.

— Тиар, — сказал он, не заглядывая даже вовнутрь. — Не идет никто. Парши боятся. Все.

Некоторое время было тихо; потом Игар услыхал шорох соломы и негромкий голос Тиар:

— Кричи, не стесняйся никого. Им какое дело? Кричи, не держи себя... Давай...

Вопль, донесшийся затем из сарая, заставил Игара покрыться потом и отскочить.

Тиар вышла, вытирая руки какой-то тряпкой — Игар в ужасе заметил, что тряпка становится красной, даже рыжей какой-то.

— Ты хорошо просил? — спросила она озабоченно. — Не идут?

Игар отвернулся. Помотал головой:

— Не идут.

Тиар покивала; на лице ее не было ни тени возмущения.

— Ладно... Помоги мне, пожалуйста, сам.

Несколько долгих секунд он верил, что ослышался. Однако Тиар смотрела на него неотрывно — все так же пристально и доброжелательно; содрогнувшись, он отступил на шаг:

— Я?

— Это несложно, — она не отводила глаз, карих, с зелеными звездочками. — Я скажу, что делать. Надо пособить, Игар. Такое дело.

Он сглотнул. В ужасе замотал головой:

— Нет. Я не могу. Я... боюсь.

Губы ее чуть дрогнули:

— И я боюсь, Игар. И она боится... И ребенок, который из нее сейчас выбирается, боится тоже. Так что же делать?..

...К речке спустились в предрассветном мраке. Небо обложило тучами, и не разглядеть было не то что звезды Хота — луны.

Игар долго и отчаянно умывался. Бросаясь в лицо, ледяная вода на какое-то мгновение возвращала его к жизни; потом стекающие в реку капельки становились теплыми, как его кожа, и всякий раз он длинно, прерывисто вздыхал.

— Молодец, — сказала невидимая в темноте Тиар. Он дернулся:

— Я?!

Вечер и половина ночи прошли для него в полубреду. Он, прежде слабеющий от одного только крика роженицы, помогал принимать младенца; в памяти осталось немногое, но и этого хватит...

Тиар распоряжалась отрывисто и внятно. Он менял какие-то окровавленные тряпки, держал какие-то инструменты, куда-то лил какую-то воду; несколько раз ему с трудом удавалось удержаться от обморока. Он прекрасно помнил это чувство, когда перед глазами сгущается муторная темнота и подгибаются колени; как ему удалось не грохнуться — останется тайной.

Лица роженицы он не помнил; какое-то заурядное, достаточно грязное лицо с красными от лопнувших жилок глазами. Он не понимал, как Тиар удается говорить с ней так неподдельно ласково и чуть не по-матерински твердо: сам Игар не мог относиться к роженице иначе, как с брезгливой жалостью. Он боялся и маялся, стискивал зубы и боролся с обмороком, и делал то, что велит Тиар, и отворачивался при этом, старался не смотреть, закрывать глаза...

— Полюби его, — уговаривала роженицу Тиар. — Он же чувствует, как ты его не хочешь... Такая злоба... За что?! Чем он виноват? Это же... Полюби, это твое, это все, что у тебя есть в мире... Твой дом, твое достояние... Полюби!

Роженица мычала, и по щекам ее текли слезы.

А потом Игар впервые в жизни увидел настоящего новорожденного младенца — не в нарядных пеленках, как их показывают на смотринах. Он на секунду замер с открытым ртом — существо в руках Тиар вопило. Пурпурное, похожее на неопрятного зверька — и в то же время несомненно человеческое, с тонкими волосами на макушке, с ресницами на прикрытых веках, с крохотными, беспорядочно сжимающимися ладонями...

— Девочка, — сказала Тиар счастливо. — Посмотри, Нита, какая девочка...

И, не смущаясь страшной синей пуповиной, уродовавшей новорожденное существо, она показала его матери. Поднесла поближе, что-то вполголоса приговаривая, — и Игар замер, увидев, как серое заурядное лицо бродяжки преображается вдруг, становясь почти...

Он не знал слов. Он вышел, шатаясь; в темноте двора, несмотря на запрет хозяина, изнывали от любопытства двое работников и служанка:

— Ну?!

Он отодвинул их плечом и пошел прочь, к реке...

— Плохо тебе было? — негромко спросила Тиар, и в ее голосе он уловил непривычную теплоту.

— Я, наверное, не гожусь в подмастерья, — отозвался он глухо.

Тиар засмеялась:

— Некоторые мужья по десять ребятишек у собственной жены принимают — и ничего...

Он снова плеснул себе в лицо ледяной водой и ничего не ответил.

— Я думала, что мне и тебя придется откачивать, — сказала она с усмешкой. — К счастью, Нита довольно быстро и легко разродилась.

— Легко?!

Некоторое время оба молчали.

— Тиар, — наконец сказал он шепотом. — Я чего-то не понимаю. Почему в мире все происходит так... как будто люди растут на грушах?! Почему их по-прежнему так много, если... родить одного — хуже камеры пыток? Как человек... то есть женщина... может обрекать себя на это, еще и радоваться?!

В темноте он увидел ее глаза. В них отражался отблеск далекого огня — но ему показалось, что это загорелись наконец зеленые звездочки.

— Ты мальчишка, — сказала она непривычно мягко. — Но ты кое в чем прав... Кто не знает, как жизнь приходит, — тот ничего не знает о жизни, Игар. Если бы они... все... — она прерывисто вздохнула. — Мужчины, гордые своим красивым блестящим оружием... если бы все они знали эту цену не понаслышке... — она коротко усмехнулась. — Но это глупость. Ничего не изменилось бы, Игар. Ничего. — Он увидел, как звездочки в ее глазах дрогнули.

Ему вспомнилось селение Холмищи, в просторечии именуемое Кровищами. Жирная трава на поле давней битвы; девочка с деревянным украшением на шее, стоящая в проеме низкой двери...

Ему страшно захотелось помянуть Холмищи и сказать Тиар, что ее сестра помнит ее и беспокоится. Ему так сильно и всерьез захотелось признаться в этом, что он испугался и больно прикусил язык.

— Но насчет камеры пыток — ты не прав, — она вздохнула. — Ничего страшного в этом нет. Все плохое забывается так быстро... Иначе, ты прав, мир бы вымер. Если бы женщины думали только о своих страданиях...

— А ты рожала? — спросил он прежде, чем успел подумать.

Наступила тишина; он обнаружил вдруг, что видит ее силуэт. Занимался рассвет, видны стали очертания мельницы, и дома, и сарая, стоящего поодаль, и стены камыша...

— А я не рожала, — сказала она мягко. — И не смущайся, ты не спросил ничего ужасного. У каждого человека своя судьба...

— Я действительно помог тебе сегодня? — спросил он после паузы. — Действительно... от меня был толк?

Теперь он мог видеть, как она улыбается:

— Даже удивительно, как тебе это удалось... Такому бледному, на грани обморока... Но если бы ты принимал роды дважды в неделю, как я, ты очень скоро привык бы...

— Дважды в неделю?!

— Иначе мир опустеет, Игар.

Воды не было видно — такой плотный стоял над рекой туман. Зато берега просматривались ясно, и во всей красе явилась мельница; из маленького окошка показалось заспанное, помятое лицо служанки.

— Жалко, что мельница не ветряная, — сказала вдруг Тиар. — Я с детства обожаю ветряные мельницы... А здесь что — вода в лотках... — она вздохнула. — Я думаю, она научится любить этого ребенка. Хоть и собиралась придушить его сразу после рождения.

— Да ее саму надо придушить! — возмутился он искренне.

Тиар опустила ресницы:

— Не стоит. Не надо так говорить. Ее ведь тоже кто-то когда-то в муках рожал...

У дверей сарая гурьбой стояли мельник с женой, работники, служанка, две собаки и пара ребятишек. Все без исключения, вытянув шеи, с любопытством заглядывали вовнутрь.

Спать не пришлось. Игар боялся, что Тиар после тяжелой работы потребует отдыха — но она сама заговорила о том, чтобы трогаться немедля. Отдохнувшая Луна резво помахивала хвостом; когда взошло солнце и далеко позади осталась деревня, Тиар придержала лошадь:

— Ну вот что, Игар... Солнышко, тепло... и очень хочется помыться. Времени займет немного, а... очень хочется. Подожди меня здесь, ладно?

— Вода же все равно холодная, — сказал он, растерянно глядя на реку. Тиар засмеялась:

— Я привычная... Быстро. Раз-два... Подожди.

Осторожно ступая, разводя в стороны камыши, Тиар углубилась в их трескучие заросли. Луна нашла себе кустик сочной, почти весенней травы и неспешно, с удовольствием его пощипывала; Игар сидел в двуколке, и назойливая мысль, мучившая его с момента знакомства с Тиар, понемногу превращалась в манию.

Он сцепил пальцы. Больно сжал; поглядел на стену камыша, на пустынный противоположный берег. Исподлобья глянул на Луну — не заподозрила ли чего; потом, стиснув зубы, поспешил к камышам, где еще виднелась протоптанная Тиар неверная тропка.

Проклятые высохшие стебли все норовили громко затрещать — по счастью, здесь же гулял ветер, раскачивал головки, наполовину коричневые, наполовину ватно-белые, шелестел широкими листьями; Игар пробирался как вор, осторожно ставя ноги в топкое месиво. Когда под башмаками внятно захлюпала вода, на его пути случилось небрежно брошенное на стебли платье.

Он затаился. Впереди между камышами синела вода; женское тело казалось ослепительно белым в солнечных лучах. Ему захотелось зажмуриться.

Тиар стояла в воде почти по пояс; прозрачные капельки скатывались у нее по спине, и родимое пятно, крохотное и аккуратное, казалось печаткой посреди белого листа. Маленький темный ромб...

Он укусил себя за руку. На коже остался красный полукруг от стиснутых зубов. Наконец-то. Наконец...

Тиар с коротким вздохом погрузилась в воду. Что-то счастливо выкрикнула, выпрыгнула, разбрасывая брызги; высокая прическа на ее голове покачнулась, готовая развалиться, и Тиар вскинула руки, спеша укротить распадающиеся волосы.

Игар смотрел. Теперь ему казалось, что этот маленький темный ромб он видел и раньше. И не один раз — некий привычный, сам собой разумеющийся значок... Как быстро он освоился со своей удачей.

По плечам Тиар скатывались прозрачные струйки — не замечая холода, она прикрыла глаза ладонью. Игар невольно посмотрел на противоположный берег, куда неотрывно глядела она; две еще зеленые, с редкой прожелтью ивы полоскали свои ветви, как белье. Их тени, опрокинутые корнями вверх, тускло отражались в матовом зеркале бегущей воды. Тиар почему-то улыбалась. Не то ивам, не то своим мыслям, которых Игару никогда не постичь.

Потом она повернулась. Теперь она стояла к нему лицом, и он понял, что Илаза красивее.

Непонятно, с чего ему взбрело в голову сравнивать — однако он сразу определил, что у Илазы грудь выше и круглее, а бедра стройнее. Благородному человеку следовало повернуться и тихонько уйти — но Игар смотрел, не в силах оторвать глаз.

В движениях Тиар была сейчас особенная ленивая грация, которой он прежде не замечал. Казалось, она держит на голове невидимый кувшин — таким плавным и в то же время свободным был каждый ее шаг, так высоко несла она гордую голову с венцом отливающих медью волос. Солнце играло на мокрой белой коже, атласной и упругой, как у девочки; Игар осознал вдруг, что Илаза, оказавшись с ней рядом, безнадежно померкла бы — в ней не нашлось бы и доли этой зрелой силы и уверенной красоты. И это при том, что локти у Тиар слишком острые, а колени, наоборот, слишком полные и круглые, будто две маленькие луны... Или это, наоборот, красиво?..

Он спохватился. В какую-то секунду ему показалось, что Тиар заметила его, заметила сквозь качающиеся стебли камыша; обратно он не шел — бежал, хлюпая грязью, и потом лихорадочно оттирал башмаки пучками седой осенней травы. Лошадь, в поисках зеленых стеблей позволившая себе увезти двуколку прочь от дороги, равнодушно прядала ушами.

Внезапно обессилев, он уселся рядом, прямо на землю. Тиар выйдет сейчас из камыша — и он будет лгать ей, что просто искал на берегу гнезда куропатки. Он будет тащить ее вперед и лгать, лгать на каждом шагу...

Тиар появилась веселая и оживленная, без тени подозрительности. Прикрикнула на кобылу, велела Игару забираться в двуколку; он сидел, не двигаясь с места и не поднимая головы.

Ее тень упала к нему на колени; он видел, как подол ее платья касается травы. Чуть смятый, чуть влажный подол с приставшим стебельком.

— Ну?

Он вздохнул. Что, если она все-таки ничего не заметила?! Что же, и его раскаяние — ложь?

— Прости, — сказал он, глядя вниз. — Я не хотел, чтобы это получилось... так глупо и пошло.

Тиар переступила с ноги на ногу — край платья колыхнулся.

— А как ты хотел, чтобы это получилось?

Он поднял лицо. Солнце висело прямо над ее головой — он удивился, потому что волосы ее, подсвеченные сзади, казались рыжими. Он видел только медный ореол — но упрямо смотрел в глаза, скрытые от него солнцем:

— Прости... Ты видишь — я даже не пытаюсь врать...

— Поедем, — сказала она мягко. — Ты, мне помнится, торопился.

* * *

За всю ее жизнь это было самое долгое и самое мучительное ожидание.

Она прислушивалась к любому шороху — ей мерещился далекий стук копыт. Она несколько раз за день выбегала на дорогу; Большая Фа косилась, но молчала. Девочка ждала, сидя над книжкой и хлопоча по хозяйству; за зиму в доме родилось трое детей, но, даже помогая Большой Фа принимать роды, она ни на секунду не расставалась со своим ожиданием. Ожидание сидело внутри, плотное и осязаемое, как стержень.

Миновала зима, наступила весна; Аальмар вернулся, когда деревья стояли в цвету, и многие сочли это хорошей приметой.

Как долго длилось ожидание — а встреча вышла какая-то скомканная; девочке казалось, что она должна найти какие-то особенные слова — но слов не было, и потому она сама себе казалась неловкой и глупой. Аальмар, бледный и смертельно усталый, едва мог выдавить улыбку; спокойствие и практичность Большой Фа пришлись теперь весьма кстати. Быстро и уверенно приготовлены были баня, перина, отвары для восстановления сил и согревающие кровь снадобья; Большая Фа наблюдала за всем сама, и девочка странным образом чувствовала свою ненужность.

После бани Аальмар лег в постель. Большая Фа сидела у его кровати целый час, и даже самой пронырливой служанке не удалось подслушать, о чем они говорили. Выйдя из спальни хозяина, Фа с серьезным лицом увела девочку к себе.

Стоя посреди маленькой душной комнатки, девочка осознала вдруг, что нечто подобное уже было с ней. Первые дни в чужом доме; бесстрастное лицо чужой старухи: «Сколько весен ты помнишь?» — «Шесть... Или семь...» — «Зачем ты лжешь? На вид тебе не меньше десяти...»

Она поежилась. За шесть прошедших лет Большая Фа почти не изменилась — чего не скажешь о маленькой невесте, которую привезли сюда испуганным зверьком...

— Аальмар вернулся, — сообщила Большая Фа, будто бы подводя какой-то большой и значительный итог. Девочка почувствовала, как сбивчиво заколотилось сердце — в этих словах был и второй, скрытый, смысл. Аальмар вернулся. Навечно вернулся со своей войны; значит, это правда. Он сдержал слово, он больше не уедет, вот о чем они говорили так долго с Большой Фа...

Старуха осталась довольна ее сообразительностью, однако так

и не позволила своему лицу смягчиться. Момент был слишком серьезен, а потому она сурово свела брови:

— Ты помнишь день, когда ты впервые сделалась нечиста? Это было два года назад, не так ли?

Девочка потупилась, чувствуя, как уши наливаются красным. В тот памятный день она испугалась чуть не до смерти и побежала со слезами к Лиль; та, посмеиваясь, отвела ее к своей матери, которая и объяснила девочке все, что ей следовало знать... Посоветовала радоваться своему новому статусу — и, как теперь выясняется, поспешила посвятить в ее тайну Большую Фа... Которая, впрочем, и без того все обо всех знает.

Старуха дождалась, пока она справится со смущением, и задала новый вопрос; не поднимая головы, девочка кивнула. Да, с тех пор это повторяется регулярно, каждый месяц...

— Раздевайся, — скомандовала старуха.

Все это уже было однажды — но тогда, снимая одежду, она не чувствовала стыда. Тогда ее тело было тощим и плоским, как у мальчика, и без единого волоска — но с тех пор прошло шесть лет, и Лиль, ее ровесница, уже замужем...

Сцепив зубы, она терпела прикосновения сухих холодных рук. Старуха изучила ее сверху донизу, и, довольная осмотром, благожелательно кивнула:

— Ты вполне созрела. Право же, я даже не ожидала от тебя таких форм... Ты готова стать женой уже сегодня. Самый строгий закон не упрекнет Аальмара в поспешности... Одевайся.

Помертвевшими пальцами затягивая шнуровку, девочка смотрела, как в темном углу за камином деловито снует паучок.

Она почему-то не может обрадоваться. Наверное, виной тому боязнь всего нового; какое новое осознание: она не девочка... Она девушка, теперь уже совершенно определенно... И она обязательно обрадуется завтра утром, когда встанет солнце, когда Аальмар отдохнет...

Или она такая трусиха?!

Радость ее молчала, будто сдавленная железным кольцом.

* * *

Молчание в дороге тяготило Игара, однако Тиар не поддерживала разговора, а на прежнюю непрерывную болтовню у него не хватало сил. Отчаявшись, он умолкал, глядел на медленно ползущую дорогу и смятенно пытался собраться с мыслями.

Ромб. Это главное, об этом следует помнить; не осталось сомнений и колебаний — рядом с ним сидит именно та женщина, ради которой он сбивал ноги о камни провинции Ррок. Ради которой

лез в логово болезни, в портовый дом разврата, в кладбищенский склеп... Ромб. Дабат — да будет так...

Заночевали опять-таки под открытым небом, а ночь выдалась холодная, а костер скоро угас, потому что среди поля его нечем было поддерживать. Предыдущая бессонная ночь измотала обоих — но холод не давал заснуть, пробирался под тонкое одеяло и доставал, казалось, до самых костей. Игар лежал, свернувшись калачиком и отогревая дыханием собственные колени; на двуколке ворочалась Тиар.

Потом он услышал, как она встает, — и затаился, притворяясь спящим.

— Так не пойдет, — сказала она над самой его головой. — Мы должны беречь тепло.

Игар почувствовал, как под боком у него пристраивают охапку соломы. Тиар ловко соорудила подобие постели и улеглась рядом; край Игарового одеяла был бесцеремонно захвачен — зато и одеяло Тиар укрывало теперь обоих.

От Тиар исходило тепло. Ни о чем другом не помышляя, он придвинулся ближе; она пахла дымом, и рекой, и осенними камышами, и лекарскими снадобьями. Игар блаженствовал, согреваясь, и чувствовал, как сотрясающая Тиар дрожь тоже понемногу уходит. Какое счастье — быть в тепле и спать...

Ее голова лежала на его предплечье. Ее теплая спина прижималась к его груди, прикосновение было мягким и уютным, он спрятал холодный нос в ее густых волосах и, засыпая, почувствовал себя спокойным и защищенным. Как когда-то, в полустершихся воспоминаниях раннего детства, рядом с полузабытой матерью...

Тиар повернулась во сне, освобождая его затекшую руку. Теперь он чувствовал на лице ее дыхание; нос отогрелся. Под его закрытыми веками метались цветные пятна, он ускользал в сон, проваливался в сладкую яму, где пахло лекарскими снадобьями...

Потом он содрогнулся, как от толчка.

Внутри их с Тиар убежища было теперь по-настоящему тепло, даже душно; женщина спала, он слышал ее спокойное дыхание и ощущал мягкий упругий бок. Пытаясь сообразить, что его разбудило, Игар прислушался; вокруг царила тишина, и даже пасущаяся неподалеку Луна не выдавала себя ни звуком.

Тогда он прислушался к себе. Задержал дыхание и зажмурил в темноте глаза, пытаясь отогнать навязчивое видение — Тиар, обнаженная, входит в воду...

Видение не проходило. Он попробовал отодвинуться; женщина спала мирно и беспечно, а он ощущал ее упругий бок и видел при этом, как речная вода ручейками скатывается по бедрам и коленям... По белой атласной коже. Она ровно дышала во сне — а ему

казалось, что ее прикосновение обжигает. Что плотная ткань ее платья становится прозрачной, как кисея. Что он видит, как мерно колышется грудь... И маленький пупок сморщился, как зажмуренный глаз... Что стоит лишь протянуть руку...

Он до крови закусил губу. Боль на мгновение справилась с наваждением — но лишь на мгновение, потому что вот и солоноватый привкус во рту, а проклятая плоть взбеленилась, желает, желает, желает... Ее губы, окруженные чуть заметным пушком... Запах дыма и снадобий... Мягкий бок, тяжелая грудь, невыносимое прикосновение...

Он еле сдержал стон. Боком, будто краб, выбрался из-под одеял в предрассветный холод. На четвереньках отполз в сторону; кобыла удивленно фыркнула.

Птица, как это бесчестно. Как это подло и отвратительно, он противен самому себе... Его трясет от холода и вожделения, и та клятва, которую он принес на Алтаре, ни от чего, оказывается, не защищает...

Он до рассвета бродил в темноте, прыгал, пытаясь согреться, и считал шаги. И гнал, гнал от себя навязчивый образ, и призывал воспоминания об Илазе, сравнивал и снова убеждался, что его жена красивее. Моложе и красивее, тоньше и легче...

Тиар проснулась, когда рассвело. Аккуратно сложила одеяла в багажный сундук; распустила и тщательно расчесала темные, с медным отливом волосы, искоса взглянула на дрожащего Игара — но ни о чем не спросила.

Под первыми лучами солнца он согрелся и задремал, скрючившись на жестком сиденье; Луна неутомимо трусила вперед, сквозь сон Игар слышал, как Тиар расспрашивает кого-то о дороге, о развилке, о Подбрюшье; у него не было сил, чтобы разомкнуть веки. И сновидений не было тоже.

Потом он проснулся — оттого, что тряска прекратилась. Дернулся, вскинул голову, пытаясь понять, куда они приехали и который теперь час; ни селения, ни постоялого двора, ни хотя бы одинокой хижины поблизости не было. Было поле — убранное, гладкое, и на самом краю его отдаленный ряд высоких тополей, неровный, как бахрома на старой скатерти.

Тогда он вопросительно посмотрел на Тиар. Та сидела, отпустив поводья, и задумчиво глядела на стерню, где поблескивали серебряные нити крошечных паутинок.

Он испугался. Молчание, пустынное поле, отрешенное лицо сидящей рядом женщины...

— Мы скоро прибудем, Игар, — сказала она медленно. — Я расспрашивала людей — два дня пути от силы...

— Да? — спросил он, пытаясь изобразить радость. — Хорошо, как хорошо, сестра уж заждалась...

Тиар повернула голову:

— Сестра?

Он похолодел. Проклятый сон, размягчающий мозги. Проклятые бессонные ночи...

— Илаза... Жена.

Тиар подняла брови:

— Жена или сестра?

Он раздраженно тряхнул головой:

— Жена... Мы сочетались на Алтаре.

Тиар не отводила глаз. Зеленые звездочки казались Игару недоступно-холодными и недостижимо-далекими — настоящие небесные звезды, колючие и равнодушные.

— Ты заврался, Игар. Ты все время врешь.

Он почувствовал, как сжимается горло. И это тогда, когда он сказал чистейшую правду...

— Я люблю ее, — от стиснул зубы. — Я клянусь...

А любишь ли, спросил незримый наблюдатель. А уверен ли ты в своих словах?..

— Я люблю! — выкрикнул он беспомощно. Тиар отвернулась.

Игар смотрел, как ветер теребит тонкую прядь у нее на виске. До цели осталось каких-нибудь два дня... Пусть Птица научит его быть сильным. Потому что он устал, он безнадежно устал, и от былой решимости не осталось и половины...

— Ты знаешь, мне ведь можно сказать. — Она глядела на него снова, и зеленые звезды понемногу теплели. — Мне очень многое можно сказать, ты не представляешь, сколько тайн я вот так ношу... Скажи мне, Игар. Я все ждала, что ты сделаешь это сам...

Он молчал. Луна переступала ногами, вяло гоняя хвостом вялых же осенних мух.

— Тот груз, что тебя гнетет. — Тиар смотрела, не отрываясь. — Тайна, которую ты скрываешь от меня. Мне жаль, что ты не хочешь, не решаешься...

Он опустил глаза. Сейчас она скажет — признавайся, или никуда не поедем. На ее месте он сказал бы то же самое — но вот что тогда делать?..

Тиар вздохнула. Отвела глаза, посмотрела вдаль — туда, где густо-синее небо соприкасалось с неровным рядом тополей, а под ними отдыхало поле, а над ними, еле различимые в синеве, тянулись клинышком черные птицы. Одно-единственное облако сияло круглыми, свадебно-белыми боками.

— Игар... А ты когда-нибудь видел, как сражаются латники в пешем строю?

Удивленный, он молчал.

— Два строя прут друг на друга, и победит тот, у кого нервы крепче... Потому что, когда они сойдутся — это мясная лавка, Игар. Возле нашего села... Убей меня, я не знаю, кто и с кем воевал. Мне сто раз объясняли — но я не помню... Так вот, возле села и случилась эта... битва. Все жители заранее разбежались, скот угнали, а пожитки, какие могли, закопали... А одной девчонке было десять лет, всего ее имущества было — кукла, Анисой звали... Она тоже закопала куклу — в соломе... А потом не выдержала, сбежала от родичей и вернулась за ней, когда уже ударили барабаны...

Тиар замолчала, глядя сквозь Игара. Лицо ее преобразилось — она рассказывала о девочке, которой сама была когда-то, но рассказывала так, будто была ее матерью; Игар внутренне сжался, представив себе две сходящиеся железные стены и мечущегося между ними ребенка. Зеленые звездочки в глазах Тиар исчезли, поглощенные огромными черными зрачками, — какой же силы было потрясение, если воспоминание о нем и через десятилетия не думает меркнуть...

— ...и долгое-долгое мгновение. Мгновение судьбы, миг спасения, знаешь, мне это запомнилось, как белое солнце с черными лучами... Лучи, будто дым... — Она перевела дыхание. — Он, видишь ли, не только жизнью рисковал, жизнь как раз тогда ничего для него не стоила... Он рисковал карьерой своей проклятущей, исходом боя, ведь ряды его войска могли расстроиться... Они и расстроились, и сбились с шага, но противник растерялся тоже, и потому силы снова уравнялись; среди изрубленных трупов пополам было и тех, и других, это я хорошо помню...

Черный клинышек над горизонтом растаял. Две сороки уселись на стерню, обругали равнодушную кобылу, возмущенно передернули хвостами и полетели дальше. Игар молчал; перед глазами у него стояло давнее видение — девочка с деревянным ожерельем стоит на пороге дома... И совсем рядом рубят курицу на толстой колоде. Заляпанный красным топор...

Тиар говорила; зрачки ее успокоились, и карие глаза снова сделались зелено-карими:

— ...никто не слыхивал о таком обычае. А это был старинный обычай тамошнего народа — они брали в дом девочку и воспитывали, а потом женились на ней... У нас в селе это считали дикостью, но там, на его родине, поступать иначе считалось непристойным... А он...

Игар слушал. Ему казалось, что поле, затаившись, слушает тоже. Человек, спасший Тиар с поля боя, был воплощением мудрости и благородства; ему смутно вспомнились хмурые взгляды ее родичей из села Кровищи. Ах да, они ведь и говорили о странном

обычае, они говорили «*он* увез ее...». И мрачно сдвинутые брови. И отводимые глаза...

Рассказ Тиар оборвался так же внезапно, как и начался. Она вдруг осеклась, взяла вожжи и прикрикнула на Луну. Кобыла тронула двуколку с места; Игар глядел на свою спутницу и пытался отгадать, почему, будучи еще в детстве невестой столь замечательного человека, она мыкается теперь по дорогам в полном одиночестве. Повитуха, которая никогда не рожала...

Он ждал, что она продолжит рассказ, — но она глядела вперед, на горизонт, где терялась дорога, где через два дня замаячат кромки дремучего леса...

Игар содрогнулся. Опустил глаза:

— А... что с *ним* потом сталось?

— Он умер, — отозвалась Тиар бесстрастно.

— Его убили на войне?

Откуда-то сбоку налетела огромная беспорядочная стая воронья. На минуту закрыла собой небо, унеслась прочь вместе с хриплым карканьем и неожиданно теплым ветром; вокруг возрождалось лето. Возвращалось на несколько часов, яркое, теплое и неистовое, лето на один день, заключенное, будто в раму, в холодные осенние ночи. Веселенькая картинка в мрачном обрамлении...

Тиар молчала. А зачем она вообще рассказала мне все это, в тоске подумал Игар. И сам же себе ответил: а кому ей рассказывать?!

Будто уловив его смятение, Тиар вдруг улыбнулась — светло и безмятежно. Как этот день.

Игар смотрел, не в силах оторвать глаз; камень, все эти дни лежавший у него на душе, дрогнул, будто забеспокоившись. В следующую секунду Игар понял, что камня больше нет, а есть солнце среди синего неба, Луна между оглоблями и эта женщина, сидящая так близко, что в это даже трудно поверить.

Он глубоко вдохнул, чтобы переполниться осенним воздухом до самой макушки. Протянул руку, желая коснуться ее пальцев — рука вернулась, так и не решившись на дерзость. Избыток ли воздуха в легких, избыток ли внезапно нахлынувших чувств — но голова его пьяно и сладостно закружилась; Тиар смотрела, по-прежнему улыбаясь, и на Игара снизошло чувство покоя и защищенности, подобного которому он не знавал с младенчества.

На его ладонь, судорожно вцепившуюся в деревянный бортик, легла ее рука. Жест был настолько естественным и спокойным, что Игару показалось, будто он слышит слова: все будет хорошо. Все будет в порядке, успокойся, ты не одинок...

Горло его сжалось от благодарности. Он склонился и на мгновение прикоснулся к ее руке щекой. Только на мгновение — тут же выпрямился и испуганно спросил взглядом: ничего?!

Она улыбалась. Она не обиделась, как не обижается погожий день, когда им любуются. Как не обижается осень...

Он смотрел на нее, будто сквозь пелену. Странно, что он дожил до этого дня. Странно, что это происходит наяву; Птица, ему ведь ничего не надо, только пусть эти секунды продлятся. Еще немного, Птица...

В следующее мгновение летящая с теплым ветром паутинка легла Тиар на лицо.

Она засмеялась. Сверкающая сеточка подрагивала на ее ресницах.

Тонкое серебряное кружево, изящная решетка...

— Что с тобой?!

Он сидел неподвижно, чувствуя, как отливает от лица кровь. Как поднимается изнутри топкий, ледяной, изводящий ужас. Как тень, чернее ночи, наваливается на это солнце и на это лицо, придавливает грузным брюхом, размазывает, душит...

— Игар, что случилось?!

Она уже стряхнула паутинку. В ее глазах стояло неподдельное беспокойство:

— Тебе плохо? Дать воды?

Он хотел растянуть рот в улыбке — но не смог.

После полудня им встретился колодец, вырытый и обустроенный специально для путников; пока Тиар поила Луну, Игар отошел подальше от дороги, туда, где в низине живописно толпились березы.

Красота рощицы оставила Игара безучастным. Он вытащил из-за пазухи веревку, выкраденную из багажа хозяйственной Тиар.

Никаких особо торжественных мыслей в его голову не приходило. Вообще никаких — только чисто технические соображения: а как же без мыла? А что поставить под ноги? А выдержит ли эта ветка?

Потом, уже укрепив петлю, он заставил себя подумать. Негоже уходить из жизни подобно безмозглой скотине; следует, по крайней мере, дать отчет Птице, почему решаешься на этот гадкий, во все времена презираемый поступок...

— Ига-ар!..

Тиар уже напоила кобылу. Тиар оглядывается в поисках спутника; зовущий голос странно напряжен:

— Ига-ар!!

Темный ромбик под правой лопаткой. Девочка с деревянными бусами; «Десять белых лебедей из далеких из полей...»

Илаза. Алтарь. Скрут. Илаза...

Он бестрепетно отпихнул гнилой комель, послуживший ему

колодой. В последнюю секунду успел подумать об Аде — что она чувствовала?

Цепенящий страх полета в бездну — и боль.

Ада чувствовала неописуемую боль — Игар закричал, и крик его сменился хрипом. Тело плясало в петле, дико желая дышать — но гортань свело страшной судорогой; Игар понял, что не вытерпит больше ни мгновения.

Нет...

После долгой мучительной судороги наползла темнота.

...— «Десять белых лебедей из далеких из полей принесут тебе подарков, принесут тебе диковин, принесут тебе...»

Он удивился, потому что боль вернулась. Этого не должно быть, это несправедливо, неужели и после смерти ему придется страдать?!

— «...унесите злую муку, мимо, мимо пронесите...»

Он лежал на твердом. На сырой земле; в вышине над ним колыхались кружевные березовые ветви — зеленые с золотом... Подсвеченные красным...

Болела шея. Он застонал сквозь зубы; на лицо ему легла горячая ладонь:

— Игар...

Он задергался, пытаясь вздохнуть. Выгнулся дугой, безуспешно пытаясь протолкнуть в легкие хоть немножко воздуха; на его рот легли ее влажные губы, силой вдули в него осенний ветер, а руки больно надавили на живот, принуждая ко вдоху:

— Дыши...

Несколько минут он жил, повинуясь ритму ее дыхания. Плача от боли — и все же оживая, потому что тело его возмущенно отвергало саму мысль о возможной смерти. Какое своенравное жизнелюбивое тело... Ада не хотела жить... И ее некому было вынуть из петли.

Бедная Ада. До чего паскудной была ее смерть... Нет, уходящим из жизни следует придумать другой, более спокойный способ...

— Дыши!..

Он снова застонал.

Чувства — все, которые не боль, — возвращались по очереди, нехотя; пришла прохлада, потому что рубашка на нем была распахнута, и грудь ныла, безжалостно измятая сильными руками. Пришел запах леса и листвы; пришло ощущение мокрого — волосы слиплись, ледяная вода стекала по лицу, и мокрая рубашка, и, что очень неприятно, совершенно мокрые штаны...

Ощущение ее губ. Вгоняющих в него воздух, вдыхающих в него жизнь. Скольких она встретила в этом мире... Стоя как бы на воро-

тах... Впуская в мир... и его, Игара, тоже. Вряд ли хоть один младенец... способен понять, ощутить... каково это — приходить в мир... возвращаться...

Тиар медленно выпрямилась; теперь он дышал без ее помощи, дышал, преодолевая боль в горле. На губах стыло воспоминание о ее прикосновении. Поцелуй...

— Возвращайся, — сказала она шепотом.

Он понял, что не может говорить. А если и мог — промолчал бы.

Он решил пока ни о чем не думать. Где-то там, впереди, его ждет неизбежная тоска — но пока что сил хватает только на то, чтобы любоваться игрой березового кружева. Уже закат... сколько времени прошло?!

— Ну ты и живучий, — сказала Тиар глухо. — Тихо, тихо... Дыши...

Он смотрел на ее осунувшееся, сосредоточенное лицо. Сколько все-таки времени он пребывал... на грани? Или Птица не хотела брать его в своей золотой чертог?!

— Я же просила тебя, — прошептала она укоризненно. — Я же просила признаться, сказать... А ты...

Верхушки берез уходили высоко в меркнущую синеву, смыкаясь над головой усталой удрученной женщины; Игар виновато опустил веки.

ГЛАВА 12

До селения добрались уже в сумерках и постучали в первые попавшиеся ворота с просьбой о ночлеге. Их впустили и даже пригласили за стол; Игар, чья шея была обвязана шелковым шарфом Тиар, не мог есть и даже пил с трудом, натужно продавливая каждый глоток сквозь раздавленное горло. Хозяева — старик со старушкой — заинтересованно на него косились; Тиар постелили в комнате, а Игара отправили спать на сеновал, из нравственных, вероятно, соображений.

Он долго лежал, утонув в душистой перине, сжимая в кулаке сухое соцветие, которое отыскала в своем узелке Тиар. Велела пожевать перед сном — Игар долго колебался, оглаживая пальцем крохотные колючие стебельки и нюхая сморщенные шарики цветов. Потом отправил подарок за щеку — и почти сразу поплыл в густых, ароматных, медовых с прозеленью волнах.

Ему было хорошо и спокойно; на дне прозрачного моря стояли леса и простирались поля, над которыми он, Игар, парил, будто облако; над сверкающей поверхностью несся запах цветов, и вместо солнца в чистом небе сияла одна-единственная зеленая звезда...

Он проснулся от чувства опасности, такого же осязаемого, как

кулак, которым бьют по лицу. В маленьком дворе было полным-полно лошадей, и лестница, ведущая на сеновал, скрипела под чьим-то грузным телом.

— ...Вероятно, особая грамота, выданная магистратом города Ррок, вас устроит?..

Тиар говорила холодно и внятно; в ее голосе не было смятения, только бесстрастная уверенность в своих силах и своем праве. С роженицами она беседовала так же твердо, но куда более доброжелательно.

На резкое движение его шея ответила глухой болью. Травка Тиар подействовала великолепно — еще не успев проснуться, он уже принял единственно возможное решение.

Через мгновение он растворился в куче сена. На поверхности остался лишь смятый шелковый шарф; лестница скрипнула особенно натужно, и на сеновале сделалось темнее.

— Эй!

Сквозь путаницу сухих травинок Игар едва мог разглядеть плечистый силуэт в высоком военном шлеме.

— Э-эй! Вылезай, паскуда, сейчас вилами достанем!

Игар молчал. От ударов его сердца сеновал, казалось, содрогается.

Человек в шлеме грязно выругался. Подхватил шарф; крикнул кому-то вниз:

— Смылся вроде... Тряпочка только валяется...

— Ни одна мышь не смылась, — сухо ответил голос, от которого по Игаровой спине поползли мурашки. — Вилы возьми...

Игар до крови закусил губу.

Что-то сказала Тиар — глухо и возмущенно. Тот же голос — Игар судорожно пытался вспомнить, кому он принадлежит, — отозвался громко и со скрываемым раздражением:

— Госпоже не мешало бы знать, кого именно она желает прикрыть своей неприкосновенной особой... Невинная дочь нашей властительной госпожи вот уже два месяца как похищена; о том, где она находится сейчас или где она, прошу прощения, похоронена, известно одному лишь человеку. Он же пригоден, чтобы дать ответ о судьбе спасательного отряда, посланного княгиней против якобы лесного чудовища, удерживающего девушку в плену... За голову беглеца, похитителя и осквернителя назначена сумма, которой лично я, впрочем, готов пренебречь...

Снова заскрипела лестница. Игар сжался в комок.

— Эй! — крикнул человек в шлеме. — Вылазь, ну-ка!..

— ...которой я готов пренебречь, поскольку мой интерес — не деньги... Однако всем прочим деньги, как я понял, нужны?

Игар вспомнил любопытствующие взгляды старика и старушки. Донесли?! Не может быть... Или все-таки?..

Человек в шлеме шмыгнул носом; в руке его были вилы с одним обломанным зубом. Несильный замах...

Отец-Разбиватель сказал бы наставительно, что не следует сжиматься в комок — нужно расслабить мышцы и сделать тело вертким, будто капелька жира на воде. Игар множество раз тупо воображал себе такую капельку; сейчас навык оказался быстрее, чем разум.

Железные зубья прошли в пальце от его живота — и все потому, что в момент удара он успел почти неуловимым движением отклониться. Пупок его грозил прилипнуть к позвоночнику, так сильно подтянулось и без того тощее брюхо; человек в шлеме ничего не заметил и тут же ткнул снова.

На этот раз удар пришелся бы Игару в плечо — если бы, едва не вывихнув сустава, он не вывернулся снова. Человек в шлеме разочарованно засопел и на всякий случай надавил на вилы, погружая их глубже; Игар молился Птице.

Третий, четвертый и пятый тычок оказались неопасными — шлемоносец для порядка прощупывал углы. Прощупав, сплюнул, крикнул вниз:

— Нету! Нету сволоча, велите двор обыскивать...

Ответом ему было короткое ругательство; Игар, холодея, вспомнил наконец, как выглядит обладатель этого голоса. Он блондин, у него тонкие губы... Раньше он носил медную серьгу, но потом потерял ее... вместе с ухом, отсеченным безжалостным Отцом-Разбивателем. Там, у ворот Гнезда, которое ненадолго приютило Чужого Птенца Игара...

Человек с вилами плюнул еще раз — темпераментно и зло. Вымещая раздражение, ткнул вилами прямо перед собой — резко и сильно, и этот удар легко превзошел невеликое Игарово умение.

То есть не вполне превзошел. Если бы Игар не увернулся, ржавые зубья обломанных вил проткнули бы ему ногу вместе с костью, а так цели достиг только крайний зуб, впившийся в мякоть Игаровой голени.

Мир сделался черным.

Крик распирал изнутри, лез из ушей, грозил порвать щеки; Игар молчал, и перед глазами у него плыли красные пятна.

— Нет ничего! — выкрикнул человек в шлеме. — Сами подымайтесь и шарьте... Только ему того и надо, пока шарить будете, он смоется...

До Игара его слова долетали, как сквозь вату. Лестница скрипела под спускающимся во двор шлемоносцем. Игарова штанина сделалась мокрой и липкой; по счастью, когда первый толчок боли схлынул, оказалось, что он по-прежнему может двигаться и размышлять.

— Дурак! — рявкнули внизу. — Дерьмо у тебя в башке, вилы-то в крови!!

Игару померещилось, что он слышит сдавленный голос Тиар.

В проеме двери показалось до боли знакомое лицо — в берете, тщательно надвинутом на ухо. На то место, где уху положено быть...

Заранее изготовившийся Игар пнул в это лицо здоровой ногой. Удачно пнул, вымещая всю боль и весь страх; пнул к тому же и грамотно, вложив в удар вес всего тела, бросившись в лицо белокуром, как огромный злобный маятник.

Отец-Разбиватель был бы доволен.

Во дворе поднялось невообразимое. Блондин, лишившийся сознания, мешком лежал у подножия лестницы; глаза Игара, привыкшие к полумраку, невольно прикрылись. Там, у ворот Гнезда, было семеро, здесь гораздо больше, но нет времени, чтобы сосчитать...

Здоровенный камень служил на сеновале гнетом. Кто-то когда-то изрядно потрудился, втаскивая его по лестнице; теперь камень проделал обратный путь, причем куда быстрее и легче. Два крика слились в один; двое стражников, уже взбиравшихся наверх, присоединились к предводителю.

Игар лихорадочно оглянулся в поисках Тиар. Она стояла у порога, удерживая за руку плачущую старушку; Игару показалось, что он встретился с Тиар глазами. На мгновение...

Горло, о котором он совсем забыл, напомнило о себе режущей болью. Хорош боец — с черной траурной полосой поперек шеи...

О чем он думает?!

Он рванул лестницу на себя. Швырнул вниз подвернувшееся под руку дырявое ведро — оно не повторило успеха камня, зато здорово напугало нападавших. Судорожно стиснув зубы, Игар изо всех сил оттолкнулся ногами, ухватившись за лестницу, как за шест.

Она, конечно, сломалась — но не сразу; вместо того чтобы красиво перелететь на спину заранее примеченной лошади, Игар сорвался в пыль и закричал от боли в раненой ноге. Кто-то прыгнул ему на плечи — Игар вывернулся, как угорь, ударив нападавшего локтем в зубы. На помощь ему неожиданно пришла перепуганная лошадь; кто-то шарахнулся от взметнувшихся копыт, а Игар ушел, проскользнув под круглым серым брюхом, и спустя мгновение навалился животом на добротное кожаное седло. Его схватили за ноги; лошадь дико заржала, Игар понял, что ему не уйти.

— Не бейте! Не бейте его!.. — это Тиар.

Темнота. Каждый удар, как кровавая вспышка; склоненное лицо, расквашенное, с выбитыми передними зубами. Уже без берета — на месте уха аккуратный рубец:

— Не бейте его... Сохраните мне его в целости. Сохраните только... Пусть крепенький будет...

Игар с тоской разглядел пленку сладострастия, подергивающую светлые глаза:

— Щенок... Наконец-то. Небо услышало мои молитвы...

Блондин вдруг поднял глаза, и Игар понял, что он искренне, истово молится. Благодарит своего доброго духа за благое дело.

— ...Именем провинции Ррок!

Если на небе действительно живет добрый дух с густой бородой и голубыми глазами, то этот густой бас, несомненно, принадлежит ему. Только при чем здесь провинция Ррок?..

Испуганные хозяева жались к крыльцу; на их скромное подворье вваливался еще один отряд — числом поболее предыдущего. Всадники, оставшиеся на улице, выглядывали из-за забора, как куклы из-за ширмы.

С трудом перевернулся на живот и поднял тяжелую голову; его тут же огрели по затылку древком копья, и он на несколько минут лишился сознания, а придя в себя, застал посреди двора безобразную ссору.

— ...правителю округи! — кричал предводитель вновь прибывших, немолодой стражник с железным значком на рукаве. — Поскольку в округе Требура преступников ловят люди властителя КорБора, а не какие-то подозрительные наемники! Здесь правосудие, а не самосуд, злодей принадлежит властям вместе с наградой, буде она назначена за его голову! А самозванцев, распоряжающихся на чужой земле...

КорБор... Откуда-то из Игаровой памяти возникло хищное лицо красивой женщины. Корова в розарии... Ясновельможная. Интересно, уморила она несчастную жену властителя? Или все-таки нет?..

Тем временем окровавленный блондин прижимал платок к разбитому лицу:

— Мне плевать на умников, являющихся на готовенькое! Если бы вы приволокли его на аркане два дня назад — я доплатил бы вам из своего кармана! А теперь мальчишка мой, и я чихать хотел на вашего властителя! Я взял его, а не... правосудие!..

Новоприбывшие стражники сгрудились плечом к плечу. Под их взглядами люди блондина тоже собрались в кучу; противостояние не обещало ничего хорошего. Из-за спин и копий Игар не мог разглядеть Тиар.

— Распоряжаться будешь у себя дома, — мрачно сказал обладатель густого баса, который оказался всего лишь черноволосым карликом у правой руки носителя значка. — Изловленных на нашей земле преступников надлежит спровадить в тюрьму города Требура, с тем чтобы учинить разбирательство...

— Плевать! — взвизгнул блондин.

Предводитель второго отряда, в чьей руке оказалась испещренная печатями грамота, недобро прищурился:

— Плевать на законы провинции Ррок?!

Видимо, разум одноухого блондина помутился от полученного удара, последующей радости и сменившей ее внезапной несправедливости; разум блондина помутился, иначе он не стал бы выхватывать саблю и замахиваться на вооруженного грамотой противника.

Оружие не помогло ему. Руки карлика были коротки, зато хлыст длинен. Блондин зашипел и чуть не выронил саблю.

— Закон! — заревели бойцы из города Требура, опоздавшие к поимке Игара. С таким же успехом они могли бы закричать: «Двести семьдесят золотых! Немедленно!»

Игара схватили за шиворот. Он обмяк, будто мешок с мукой; деловитый стражник склонился над ним, желая поудобнее перехватить безжизненное тело, получил сильнейший удар головой в лицо и повалился на Игара сверху.

Таким ударом гордился бы сам Отец-Разбиватель; некоторое время Игар отдыхал, прикрывшись телом стражника от бушующих на подворье страстей. Звенели клинки, конские копыта взметали пыль и солому, носились обезумевшие куры и голосила хозяйка; влача на себе пребывающего в беспамятстве врага, Игар отполз к хозяйственным пристройкам. За дверцей щелястого сарайчика испуганно кричали запертые козы, рядом в загоне басовито похрюкивал огромный пятнистый боров. Редкой породы — волосатый, с кисточками на острых ушах.

— Где он?! Сопляк-то где?! Кто уволок его, а, заразы?! — рявкнули неподалеку.

Схватка перешла в битву.

Загончик запирался на кривой заржавленный гвоздь. Игар отпихнул от себя стражника, помаленьку приходящего в себя, и пролез в смердящую щель. Боров забеспокоился.

— Ну, ты...

Игар заговорил впервые с тех пор, как шею его сдавила веревка.

— Ну, не бойся... Я такая же свинья, как и ты...

И, как бы подтверждая эти слова, Игарова рука безжалостно схватила за отвисшие кабаньи причиндалы.

Боров завопил.

Близким родичем ему был свирепый лесной вепрь; вылетев из загончика, он произвел панику среди и без того нервных лошадей. Пробравшись между копытами, он вырвался на улицу, где к шуму битвы добавились голоса всех окрестных собак. Боров несся, не разбирая дороги, но как-то неуклюже и с трудом; азартные двор-

няги, вообразившие себя благородными псами на охоте, неслись за ним шумной сворой. Местные жители шарахались с дороги — и с опасливым любопытством спешили туда, где звенела сталь. Если внимательный наблюдатель и разглядел вцепившегося в жесткую шерсть ездока, то уже через секунду ему сделалось не до того, потому что вооруженные всадники выглядели внушительнее.

На околице боров свалился бы, если б ездок не разжал сведенные судорогой руки. Собачья свора пронеслась мимо, окружила борова, явно не зная, что с ним делать; обессиленный человек откатился в канаву и затаился там на дне, уповая только на Птицу.

Весь день селение лихорадило; на закате два отряда, в числе которых были и раненые, покинули его, разъехавшись в разные стороны. Зеваки, столпившиеся вокруг злополучного двора, разошлись только в сумерках; и уже в темноте на дорогу выехала двуколка, запряженная белой, как луна, кобылой.

* * *

За несколько дней до свадьбы ей приснился страшный сон. Будто бы она возвращается в ставший ей родным Аальмаров дом, возвращается издалека, входит на подворье, а дом пуст и заброшен. Ни людей, ни собак, ни даже вездесущих кур — разбросанные в беспорядке вещи, праздничные столы с давно заплесневевшей пищей, и все углы затянуты густой белесой паутиной...

Сон оказался таким сильным и явственным, что, уже проснувшись, она долго не могла справиться с бешено колотящимся сердцем.

Был рассвет. Серый и квелый; в такую пору поднимаются лишь самые трудолюбивые либо самые подневольные. Девушка прислушалась — на кухне тихонько стучала посуда да тюкал за домом чей-то топор.

Она подошла к окну и отодвинула тяжелую занавеску.

Красная шелковая простыня переливалась всеми оттенками алого. Красная простыня была вывешена напоказ; во всем дворе не нашлось бы ничего более роскошного и яркого. Красная простыня казалась осколком зимнего заката, по ошибке заброшенным в серый весенний рассвет...

Девушка прерывисто вздохнула. Поджала озябшие пальцы босых ног и медленно отошла от окна.

Свадьбы, свершаемые в точном соответствии с традицией, были в последнее время редкостью и диковинкой; вдохновенная Фа строго следила, чтобы всякий, даже самый незначительный обычай непременно был соблюден.

Изготовить платье для новобрачной в точном соответствии с древней традицией оказалось делом непростым и изнурительным; в подол и в корсет вшивались и вплетались заговоренные волоски, да не просто так, а в строго обусловленном порядке. Стоя перед зеркалом, девушка удивленно смотрела на себя, незнакомую и строгую, какую-то отрешенно-красивую, преображенную небывалым нарядом.

Однако ночная сорочка, изготовленная опять-таки в соответствии с традициями, поразила девушку куда больше. Узор на сорочке в точности повторял рисунок-оберег на свадебном платье; легкая полупрозрачная ткань расходилась как бы двумя крыльями, застегиваясь только на шее. Ей не позволили мерить сорочку — согласно обряду, это одеяние надевается раз в жизни, в первую брачную ночь. Пропуская сквозь пальцы скользящую, играющую ткань, она пыталась представить, как это будет на ней выглядеть — плащ-балахон на голое тело, с одной-единственной застежкой у горла...

Неспешно, основательно сколачивались столы. На кухне и во дворе хлопотали полтора десятка поварих; гости стали съезжаться загодя, и из множества незнакомых лиц девушка узнала только старика Гууна — совсем уже дряхлого, полуслепого. Девушка приветствовала всех с одинаковым радушием и с безукоризненным знанием этикета, а старику вдруг обрадовалась, как родному, — однако для него она была просто красивой незнакомой девицей, он давно забыл сонного ребенка, которого когда-то, после давней Заячьей Свадьбы, нес на руках по праздничной зимней улице...

В ночь перед сочетанием она не спала ни минуты. Боялась страшных снов, обновляла в памяти полустертый образ матери, вспоминала отчий дом и первые дни под кровлей будущего мужа — но о самом Аальмаре думать остерегалась. Будто мысли о нем были запретны, будто ожили и властно потребовали уважения традиции ее собственного рода: до свадьбы жених не может касаться невесты. До свадьбы жених не может говорить с невестой; если они и были раньше знакомы, то перед свадьбой об этом следует забыть...

Она удивилась: откуда в ней это знание? Или в раннем детстве она бессознательно запомнила чьи-то слова? Или эти слова произносит голос крови, который, как говорят, просыпается в человеке в самые напряженные, самые главные минуты его жизни?

На короткое время ей удалось отвлечь себя размышлениями о чем-то отвлеченном и приятном — вспоминался учитель, непокорные перу чернила, ее первая детская книжка, в которой животные говорили, а люди вели себя, как дурачки. Она бессмысленно улыбнулась, глядя на огонек ночника; внезапное осознание, что назавтра предстоит свадьба, заставило ее покрыться холодным потом.

Почему она не умеет обрадоваться? Почему рядом с ней нет матери, которой она может честно все рассказать и выслушать в ответ утешения: так бывает с каждой невестой... Вспомни, как рыдала Лиль...

Но Лиль-то шла за незнакомца! За чужого человека из далекой страны, и покидала при этом все, что знала и любила раньше; слезы Лиль понятны и естественны — но она-то, девушка, знает и любит Аальмара! И много раз воображала себе, как станет его невестой, и ради этого жила под его крышей шесть лет... Откуда этот страх? Откуда беспокойство, скверные сны? И стыд, и тут же — осознание своей вины, потому что по всем человеческим законам она должна быть счастлива одним только предвкушением...

В сером свете утра в комнату на цыпочках вошла Большая Фа. Девушка, лежавшая с закрытыми глазами, но без сна, вздрогнула под своим тяжелым одеялом.

Фа остановилась посреди комнаты, будто не решаясь приблизиться к кровати. От ее натужного дыхания вздрагивало пламя уже ненужной свечки, которую старуха то ли забыла, то ли не хотела задувать. Девушка лежала, не решаясь пошевелиться и выдать себя.

— Отдаю тебя, — сказала Фа еле слышно. И добавила еще что-то таким тихим шепотом, что девушка ни слова не смогла разобрать, а слышала только собственный пульс, отдающийся в ушах. — Отдаю тебя... пусть любит... станешь... поймешь. Легких родов... Травы под ноги... Поймешь. Храни тебя...

Девушке показалось, что голос старухи непривычно изменился. Что это другой, незнакомый голос, который никак не может принадлежать Большой Фа; старуха прибавила еще несколько неразборчивых слов и вышла, прикрыв дверь.

Невеста с головой ушла под одеяло и тихо, без слез, заплакала.

* * *

— ...Тихо.

Он и так сдерживался из последних сил. Ногу будто бы жгло огнем.

— Если снадобье не проникнет в рану, ты можешь лишиться и ноги, и жизни.

Ее голос казался сухим, как шелест бумаги. Она снова склонилась над его раной — и он вцепился обеими руками в жухлую траву. Желтые кольца, красные тени... Дикая мысль, но ей, кажется, нравится мучить его. Она будто бы мстит за что-то.

— Все, — она подняла голову. — Теперь перевязка.

— Тиар...

— Да?

— Ты знаешь, где звезда Хота?

В стороне от костра бродила, светя белым боком, кобыла. Ветки уютно потрескивали, приглашая расслабиться и долго молчать, глядя в огонь.

— Звезда Хота? Ее не видно в это время года.

Он почувствовал, как по спине ползет муторный холодок.

— Нет, видно... Над самым горизонтом. Посмотри.

Что-то в его голосе заставило ее внимательно заглянуть ему в глаза.

— Посмотри, Тиар. Пожалуйста...

Она поднялась. Некоторое время вглядывалась в темноту; удивленно кивнула:

— Да... Над самым горизонтом.

И молча взялась за перевязку. Отсвет огня, домашний и уютный, не делал ее лицо мягче; не хозяйка перед очагом, а бесстрастная медная маска. Красивая и отстраненная; теперь, когда боль немного отступила, Игар заметил наконец сухую складку между ее бровями.

— Тиар...

— Скажи мне, сколько месяцев женщина вынашивает ребенка? — Она смотрела в огонь.

— Девять месяцев, — ответил он механически.

— Скажи мне, когда родит Илаза, если ты похитил ее два месяца назад? Или ты сочетался на Алтаре с беременной женщиной? А?

Игар превозмог боль и сел. Тиар медленно повернула голову, и он увидел, что в глазах ее стоит ночь куда темнее, чем та, что окружает сейчас костер. Черная пасмурная ночь.

Болезненное раздражение, нараставшее в нем последние несколько часов, получило новый толчок. В голосе Тиар скользило холодное высокомерие:

— Так куда мы едем? У кого принимать роды, Игар?

Он обернулся к звезде Хота, нависавшей над чернотой горизонта. Над неровной, зубчатой чернотой...

Над кромкой далекого леса.

Игар содрогнулся. Тиар перехватила его взгляд, и складка между ее бровями стала глубже.

— Я признаюсь, — проговорил он глухо. — Но ты — ты признайся первая. Кого ты предала?

Глаза ее расширились:

— Что?

— Не притворяйся, — он стиснул зубы. — Это я могу хитрить, изворачиваться, лгать... Мне будет противно — но я крученый, и меня не изменишь. А ты... Не надо портить того, что я о тебе знаю. Признайся, скажи: кого ты предала?

Она молчала. В ее глазах отражался огонь.

Игар почувствовал, как его захлестывает злоба. За эти дни он не раз думал об этой женщине чуть не как о святой. Тем больнее и поучительнее будет та ложь, которую она сейчас скажет...

А если нет? Если она не солжет?!

— Кого, Тиар? — Голос его казался просительным.

— Никого, — отозвалась она глухо. — Клянусь жизнью, что никого и никогда не предавала.

Он проглотил вязкую слюну. Вот так. Так даже лучше... Так легче.

— А ты врешь, — сказал он чуть ли не с удовлетворением. — Сейчас ты врешь.

— Ты в своем уме? — спросила она отрывисто.

Он поднялся. Нога болела, но разве это боль...

— Тиар... Ты предала один раз, но страшно. И теперь тебя ждет скрут.

Он не хотел смотреть ей в глаза — но ее взгляд не отпускал. Зрачки казались застывшими каплями черной смолы. Она молчала.

— Скрут, — он с трудом перевел дыхание. — Скрут — это такое существо... Это жертва предательства. Твоего предательства, Тиар.

Губы ее шевельнулись. Он скорее прочел, чем услышал слово: нет.

— Да! — выкрикнул он, пытаясь себя подстегнуть. — Да!

Дальнейшее он помнил смутно; Тиар вскочила и бросилась бежать.

Костер остался сбоку и позади. Испуганно захрипела Луна. Боль в ноге разрослась, захлестнула все тело; он догнал женщину и повалил на землю.

— Ты безумец, — выдохнула она ему в лицо. — Злобный безумец...

Их силы в схватке оказались почти равны, потому что Игар был избит и изранен, а Тиар боролась за свою жизнь. Ошалев от боли, он сделался бездумным животным, все мысли и чувства которого не поднимаются выше «выжить и победить»; наконец сопротивление женщины ослабело, задавленное его грубым напором. Он завернул ей локти за спину, поднял, обессилевшую, с земли, и потащил обратно — туда, где косила круглым глазом испуганная, сбитая с толку кобыла.

* * *

Последний вечер перед истечением срока скрут и Илаза провели вместе. Под знаком уходящей звезды Хота их будто бы тянуло друг к другу; женщина сидела перед привычным уже маленьким

костром и апатично вертела над огнем вертел с нанизанными на него грибами. В ветвях над ее головой молчаливо присутствовал огромный, невидимый в полутьме паук.

— Ну до чего наивно, — выговорила Илаза, глядя, как обугливаются мясистые пористые шляпки. — Ну до чего наивно и глупо... Какой же дурак, однажды ускользнув от смерти, станет снова возвращаться к ней в лапы?..

Она прерывисто вздохнула. Обожженная рука все еще давала о себе знать, но в груди болело сильнее. Незнакомая, никогда раньше не испытываемая боль — слева в боку, давит, стискивает и жжет...

— Конечно же, — она бледно улыбнулась, — поначалу он думал, что совершит геройство и выполнит... притащит эту вашу... Но подумайте сами — что такое провинция Ррок?! Человека можно искать год, два, всю жизнь...

Еловая лапа над ее головой чуть дрогнула. Илаза снова вздохнула и швырнула в огонь вертел с полностью испорченными грибами:

— Я с самого начала предполагала... Но вы-то, вы ведь не наивный ребенок, как вы всерьез могли рассчитывать?.. Муж-де так сильно любит жену... — Она коротко усмехнулась. — Нельзя требовать от людей того, что они не в состоянии совершить. Попросите петушка, пусть ради спасения курочки себе голову отрубит... Ах, не может?.. Подлец...

Она скрипуче хохотнула. Неприятный вышел смех, прямо скажем, гнусный. Общество скрута вытягивает из нее, Илазы, все самое отвратительное, припрятанное от себя же самой. Может быть, она прожила бы долгую жизнь и не узнала бы о себе... этого. И, во всяком случае, не издала бы этого гадкого смешка. Никогда, до самой смерти...

В ветвях над костром послышался шорох. Неискушенное ухо могло бы спутать его с шумом ветра; Илаза же теперь искушена, ох как искушена...

— Признайте свое поражение, — она опустила веки, глядя, как расплываются перед глазами догорающие в костре грибы. — Признайте, что вся идея с самого начала была глупой... Нежизненной. Одновременно наивной и живодерской. Вы, конечно же, и сами не верили? Или верили? Хоть чуть-чуть? Признайтесь?

На какое-то мгновение она приободрилась, чуть не расцвела — будто бы умение едко издеваться вдохнуло в нее жизнь. Обострившееся чутье подсказывало ей, что слова ее ранят и уязвляют. Что они достают собеседника, каждое слово, каждая интонация, и только так и только сейчас она может ему отомстить.

Она улыбнулась:

— Вероятно, вы хорошо думаете о людях. Вероятно, вы так долго сидели в вашем лесу... А возможно, вы и сами способны на та-

кую искреннюю, жертвенную любовь, которую сгоряча приписали бедняге Игару? Когда за любимую — в огонь и в воду? С песней на смерть? Обманщик, как правило, подозревает в обмане всех без исключения. Жадина думает, что все жадны... Циник уверен во всеобщем цинизме. А вы? Откуда эта ваша бредовая затея? Подумать только, чудовище, питающееся кровью, — и розовая наивность ребенка, наслушавшегося сказок!..

Ветви над ее головой зашелестели теперь уже явственно, и она на мгновение испугалась, что наградой за ее рассуждения будет липкая, разворачивающаяся в воздухе сеть.

— Ты думаешь, он не придет? — глухо спросили из ветвей. — Ты действительно так думаешь — или просто кривляешься, пытаясь меня уязвить?

Илаза смотрела в огонь, который затухал. Завораживающая картина. Когда-то она думала, что красные угольки — это домики, в которых живут желтые язычки пламени. Язычок выглянет из домика, пройдется в гости к соседу — и снова спрячется, скроется, и только горит горяче-красным маленькое окошко...

— Отпустите меня, — сказала она шепотом. — Неужели вам мало? Того, что вы со мной проделывали? Позвольте мне... пожить...

От унижения горло ее сжалось, будто придавленное холодной рукой.

— Так он не придет? — спросили из ветвей все так же глухо.

Илаза медленно покачала головой:

— Нет. Он не придет. И любой другой не пришел бы. Все это с самого начала было...

Еловая лапа затрещала. Илаза в ужасе припала к земле; мощная ветвь переломилась, будто соломинка, и грузно закачалась над костром, стряхивая чешуйки шишек и прочий мусор.

Соседнее дерево пригнулось чуть не до земли; Илаза, вжавшаяся в ковер из палой хвои, видела, как паутинные веревки летят во все стороны, обвиваются вокруг ветвей, выламывают елкам руки и с корнем вырывают кусты.

Несмело приподняв голову, она видела, как мечется с дерева на дерево едва различимая в полутьме бесформенная тень. Судорожно вздрагивали кроны, и золотым дождем сыпалась потревоженная листва; на всем пути скрута ломались ветви и разрывалась серая паутина. Илазе казалось, что она слышит сухое шипение, будто кто-то, удерживая крик боли, втягивает воздух сквозь стиснутые зубы. Потом, будто желая присоединиться к бесчинству, рывком налетел ветер — и Илазе померещилось, что весь лес дышит сквозь зубы, удерживая крик. Что деревья мечутся, беспомощно простирая к небу руки, пытаясь вырвать из земли неуклюжие корни, желая бежать...

Костер, обеспокоенный ветром, снова ожил. Забегали желтые язычки, горяче-красным вспыхнули угли; Илаза вздрогнула. В неверном свете ей померещился сидящий напротив человек. Наполовину облетевший куст в точности копировал жест отчаяния — человек сидел, сгорбившись, сдавив ладонями опущенную голову, Илаза замотала головой — наваждение было настолько явственным, что ей послышался стон.

И стон донесся-таки. Глухо, издалека, не то с неба, не то из-под земли; а может быть, это стонал измученный скрутом лес.

Ведь не скрут же, в самом деле, ухитрился издать столь глухой, полный тоски звук. Уж никак не скрут.

* * *

Наутро показался лес.

Игар ждал этого — но все равно вздрогнул, разглядев зубчатую кромку на горизонте.

Луна, которую ему чудом удалось запрячь, слушалась только жестоких приказов, отдаваемых с помощью поводьев; концом вожжи он нахлестывал кобылу по крупу. Иначе она идти не хотела — а кнута в хозяйстве Тиар не нашлось.

Он погонял и погонял; губы его обветрились и стали похожи на две растрескавшиеся, иссушенные пустыни. Душа его...

Души не было. Пустая черная дыра, свист вожжи, опускающейся на кобылий круп, и кромка леса на горизонте. Непривычно широкая, пустая скамейка. И угнетающее присутствие женщины...

...которая молчит, связанная, в багажном сундуке.

Он раскачивался на ходу, как деревянная кукла, та, которую невозможно уложить на бок. Потом обнаружилось, что он еще и говорит — вполголоса, невнятно и непонятно к кому обращаясь. Бороться с этим было бесполезно, а потому он оставил все как есть и ехал дальше, пропуская мимо ушей собственное бормотание.

...Сколько их было? Женщин, которых он принимал за Тиар? «...ты найдешь ее, как в темноте находят маяк. Она не похожа на прочих женщин...»

Ни одна из них не была похожа на прочих. «Ясновельможная» с характером змеи... Пенка, которая незамысловато радовалась жизни — без рук и без ног... Портовая шлюха, мечтавшая купить дом и торговать сыром... Тиниар, изуродованная болезнью, носившая когда-то колечко с зеленым камушком... Полевая Царевна со шрамом у основания шеи, счастливая и безумная... Кладбищенская принцесса, воспоминание о которой вызывает приступ жгучего стыда... Вернее, вызывало раньше, когда ему еще было чем стыдиться.

...А на что он рассчитывал? Он с самого начала знал, что и это тоже будет. Что будет эта дорога с тополями вдоль обочин и кромкой леса вдали и молчащей женщиной в запертом сундуке... Если бы на месте Тиар была сейчас портовая шлюха, или эта гадкая принцесса, или даже безумная Полевка... Что бы он чувствовал? То же самое? Или нет?

Ему стало дурно, потребовалось слезть с двуколки и отойти в сторону — но он не решился оставить норовистую кобылу. То есть это с ним она стала норовистой, а с Тиар была как шелк... Или она что-то понимает, глупая лошадь?..

Он перегнулся через бортик, и его вырвало прямо на дорогу. Болезненно сократилось горло со следом петли; Тиар, зачем ты это сделала. Зачем...

Озноб становился все сильнее; солнце поднималось, как и вчера и позавчера. Снова маленькое лето в обрамлении холодных ночей...

Этой ночью звезда Хота не поднимется над горизонтом. Время истекло.

Он тщетно попытался подумать об Илазе; вместо ее милого, юного лица из памяти явилась страшная рожа Скаля, человека из Пещеры, пристанища болезни. Его жену звали Каммиа... Она умерла счастливая...

«Десять белых лебедей из далеких из полей принесут тебе подарков, принесут тебе диковин...»

Он потряс головой. Ему мерещится; в сундуке тихо, как в гробу. В огромном багажном гробу, притороченном к двуколке...

Он хотел заткнуть ей рот, но в последний момент не решился. Он боялся, что она станет звать на помощь — но она ни разу не крикнула. Молчала, будто враз онемев.

Он прислушался к собственной болтовне — кажется, он говорил с воображаемым Отцом-Дознавателем. «Если бы на месте Илазы была ваша сестра... Что бы вы сделали?..»

Лес придвинулся. Теперь это не была просто зубчатая полоса на горизонте; вдали показались крыши какого-то селения, и Игар натянул поводья, понимая, что теперь уж пленнице обязательно нужно заткнуть рот. Объезжать селение слишком долго, а зов о помощи на людной улице... Голос, доносящийся из багажного сундука...

Он представил, как открывает крышку и встречается с ее глазами. Его замутило снова; он сдержался и зло хлестанул кобылу.

...Это не Подбрюшье. Подбрюшье западнее... А чуть дальше — Замок. Где сидит, рассылая отряды ловцов, его неотразимая теща... И, может быть, именно сейчас она выслушивает доклад одноухого, лишившегося теперь и передних зубов...

Ему всюду мерещились взгляды. Звонко хлопали ставни, брехали собаки, перекликались ребятишки; жители выглядывали из окон, из-за заборов, из ворот — двуколка тянулась улицами, как призрак. Белая лошадь, скрипучее колесо, серое неподвижное лицо возницы, которому не восемнадцать лет можно дать, а все сорок...

Улицы остались позади, и Тиар не закричала, призывая на помощь. Он не испытал облегчения. Кажется, ему сделалось хуже.

Лес стоял впереди зеленой стеной. Дорога становилась все более скверной; вдоль обочин тянулись заросли колючих кустов с ядовито-красными ягодами у основания веток. Спустя еще некоторое время у обочины обнаружился плоский камень с тщательно выцарапанной надписью. Игар придержал Луну.

«Власти округи сообщают... что всякий, минующий данный рубеж, подвергает опасности свою жизнь... остановись, путник, и подумай, ибо не всякий входящий в лес возвращается из него...»

Чуть ниже белела нарисованная мелом рожа с огромными зубами. Еще ниже — автограф одного из малочисленных местных грамотеев: «Даха из Подбрюшья — сука и шлюха». И стоило ради этого учиться писать...

Камень был установлен тут совсем недавно. Видимо, заботливые местные власти напуганы были исчезновением отряда Карена. Игар хлестнул Луну; та раздраженно замотала головой, но не сделала и шага. Он ударил ее изо всех сил; лошадь презрительно на него оглянулась и с трудом тронула двуколку с места.

Интересно, кто такая эта Даха из Подбрюшья...

Воздух изменился. Теперь это был влажный запах хвои; с Илазой они входили в лес не здесь. Чуть в стороне... Лежал туман, и в тумане пасся чей-то оседланный конь...

...Почему Тиар оказалась именно *она*? Ведь шлюху тащить к скруту легче?!

А может быть, и нет. Никто не знает. Даже Отец-Дознаватель... И ведь Игар уже тащил шлюху. И по-детски обрадовался, когда обманщица оказалась всего-навсего хитрой Вимой, позарившейся на чужое наследство...

Лес придвинулся вплотную. Солнце играло на красных сосновых стволах. Корабль с многими, многими мачтами...

Он намотал вожжи на передок. Отошел от дороги, продираясь сквозь невысокий кустарник; стал на колени, вернее, на одно колено, потому что раненая нога невыносимо разболелась.

Святая Птица, шептал он, обращаясь к корабельным соснам. Святая Птица, приди и защити меня. Я должен спасти свою жену, иначе не бывает, Птица, кто-то должен умереть, чтобы другой выжил... Я ведь не для себя стараюсь, Птица, ты можешь не впускать

меня в свой золотой чертог, потому что на мне грязь, я убийца... Но ее, Тиар, возьми к себе, и объясни ей, пожалуйста, что я не хотел...

Он оборвал молитву на полуслове. Поднялся и вернулся к Луне.

Лошадь подалась назад, скалясь, всем своим видом показывая, до чего Игар ей противен; он постоял на обочине, глядя то на редкие облака, то на жухлые травинки под ногами.

Багажный сундук был оставлен незапертым, чтобы под крышку пробирался воздух; страшнее всего для Игара было встретиться с ней глазами, и потому он смотрел на ее платье. На крепко вшитый в ткань декоративный шнурок.

Руки и ноги ее затекли; перерезав веревку, он взял ее под мышки и втащил на сиденье. Усадил, по-прежнему глядя на веревочный узор; повернулся и пошел прочь, не разбирая дороги, только болезненно вздрагивая, когда раненая нога запиналась о камень или корень.

Потом перед глазами у него стало темно; еще потом оказалось, что он сидит, скорчившись, и давит на тонком стволе муравья. От бедняги остался только черный комочек — но Игар давит, давит, давит...

Он отдернул руку. Поднял глаза, увидел осклизлый камень с полукруглым белесым грибом, прилепившимся сбоку. Потупился снова. Муравьи, которых ничуть не тронула судьба товарища, все той же вереницей тянулись по стволу тонкого деревца, обреченного на вечное одиночество под боком огромного дружного леса...

— Кто он?

Голос пришел из ниоткуда. Игар целую секунду сидел, затаившись, а потом понял, что кто-то стоит у него за спиной, и горестно подумал: а ведь мог уже третий день как быть мертвым...

— Как он выглядит? Как? Если скрут, то как он выглядит?

Крохотный паучок, похожий на зернышко с лапами, пытался прилепить свою нить к шероховатому влажному стволу. Зачем ей теперь знать? Но, главное, зачем ему теперь обманывать?

— Он выглядит, как огромный паук. Он сидит в сетях и сосет кровь из всего живого.

Вот теперь ей самое время уйти. Игар ждал, что она уйдет, и тогда можно будет собрать остатки воли и заставить себя задуматься. Потому что в ее присутствии решать невмоготу.

— Он сказал тебе мое имя?!

— Он сказал мне и о твоем родимом пятне. А теперь уходи.

Она стояла. Кажется, он слышал, как шелестит под ветром жесткий подол ее платья; голос ее был немногим громче:

— Скажи мне, откуда... скруты. Ты должен знать...

— Я знаю. — Он глядел на белесый гриб. — Человек, которого предало близкое существо, оборачивается чудовищем и...

— Предало?!

Он содрогнулся от этого еле слышного крика. От беззвучного вопля отчаяния и боли. И подавил в себе желание обернуться:

— Это не я сказал. Так говорит легенда...

— Легенда...

Он услышал, как медленно удаляются ее шаги. Сжал зубы и оглянулся.

Она уходила, вытянув перед собой руки, натыкаясь на кусты, будто слепая. Подол ее платья усыпан был, как звездами, колючими шариками высохшего репейника.

— Тиар!

Она споткнулась и упала. Поднялась прежде, чем он успел добежать. Глаза ее были совершенно сухими и совершенно черными. Как прогоревшие угли.

— О горе...

— Тиар...

— Нет...

Ноги ее снова подкосились. Он стоял рядом, не решаясь ее коснуться; чем сильнее и мудрее человек, тем страшнее глядеть на его отчаяние.

— Тиар... — сказал он шепотом. — Срок уже вышел... Я должен идти, чтобы не опоздать, Тиар... Потому что Илаза...

Он опустился на колени.

— Не слушай, что я скажу тебе... Я знал человека, который добровольно разделил с любимой женой долгую и отвратительную смерть. Это был счастливый и благородный человек; сейчас я пойду, потому что там Илаза... Тот человек умер с именем жены на устах... А я... не с ее именем. С другим... И если я вру тебе, пусть Птица отшвырнет меня от дверей золотого чертога. Потому что я... не умею объяснить, но ты пойми. Пойми и не проклинай меня. Илаза, она... тогда я возомнил себя любящим... потому что хотел им быть. А теперь... прощай.

Он поднялся, не чувствуя боли. Не оглядываясь, двинулся к лесу; ее голос остановил его всего лишь на минуту:

— Я знаю, кто это. Кто — скрут. Теперь я знаю.

* * *

Девушке все больше казалось, что все это пышное, громкое, громоздкое событие происходит с кем-то другим.

Казалось, что ночь, проведенная без сна, наполнила ее голову ватой. Казалось, что уши залеплены теплым воском, и потому шум всеобщего веселья доносится как бы издалека. Тело ее жило, как марионетка, — когда нужно, спина сгибалась в поклоне, когда тре-

буется, язык произносил положенные слова, и улыбка на бледных губах появлялась именно тогда, когда ее все с нетерпением ждали. Рядом с ней, совсем близко, был Аальмар — и, пожалуй, впервые в жизни его присутствие было ей в тягость. Будто она в чем-то провинилась перед ним и теперь ей больно смотреть ему в глаза...

Всякий раз, обойдя по традиции гостей, она склонялась перед женихом и касалась губами пряжки его пояса. Пряжка была бронзовая, и на ней изображен был яростный коршун с кривым разинутым клювом.

— Аальмар...

— Малыш, не беспокойся. Все хорошо. Тебе нелегко, я понимаю, потерпи... Потом еще будем вспоминать этот день...

От его мягкого голоса, от бережного прикосновения горячей ладони ей почему-то хотелось плакать. Она снова шла вдоль столов, кивая и улыбаясь, улыбаясь и кивая, и ей казалось, что она восковая свеча, что вместо головы у нее жгучий язычок пламени, а вместо шеи черный фитилек, и капли расплавленного воска льются и льются и сейчас испортят свадебное платье...

До нее долетали обрывки разговоров. По ее лицу, по груди, по одежде скользили придирчивые взгляды; ей казалось, что всеобщее внимание и любопытство покрывают ее прозрачной коркой. Будто бы она бабочка, залитая желтоватой смолой...

— Аальмар...

— Уже скоро. Еще минута — и попрощаешься с гостями...

Она, кажется, обрадовалась. Ей подумалось, как бы прекрасно сейчас было проскользнуть в свою комнату, повалиться на постель, не раздеваясь, и накрыть голову маленькой круглой подушкой...

Ее девичьей комнаты больше нет. Ее ждет огромная спальня с высокой, увитой гирляндами кроватью. Кружевное одеяло откинуто, открывая взорам край шелковой красной простыни, а у подножия лежат принесенные гостями дары — серебро и золото, ленты и шелка и бесчисленное множество еще чего-то, что бедные глаза девушки не в состоянии разглядеть среди цветов...

Аальмар взял ее за руку. Шум свадьбы в ее ушах усилился и слился, превратившись в равномерный, какой-то неживой гул. Блестели, оборачиваясь к ней, восторженные глаза — молодые и старые, знакомые и не очень, замутненные вином, исполненные самого настоящего, разогретого празднеством счастья. Откуда-то сбоку наплыло лицо Большой Фа — нарумяненное по случаю небывалого события, похожее на черствую ржаную краюшку, обильно покрытую розовым кремом...

Девушку ввели в дом — не Аальмар, как она надеялась, а Большая Фа в сопровождении еще двух женщин. Перед камином в гостиной ее ждала бадья с теплой водой; с приговорами и песнями невесту вымыли и умастили цветочным маслом, и она смотрела, как прыгает свет на поверхности теплой воды, как с ее плеч сбегают, поднимая в бадейке брызги, прозрачные пенные потоки.

Потом, уже в спальне, она стояла перед горой подарков и смотрела, как Аальмар, облаченный в свободный халат, запирает дверь и разворачивает над ней цветастый тяжелый ковер.

Шум свадьбы сразу стал глуше. Девушка поняла, зачем и окна, и двери спальни отгорожены от мира толстыми коврами.

Аальмар обернулся к ней. Теплый свет тусклых ночных светильников неожиданно сделал его лицо старше, чем она привыкла видеть. Чуть не ровесником Большой Фа...

Он улыбнулся, и наваждение исчезло.

— Малыш... А меня ведь чуть не убили. Я не хотел тебе говорить... в этом последнем походе... кажется, должен был умереть. И то, что сотворила со мной судьба...

Он шагнул вперед. Она увидела его глаза совсем рядом, воспаленные, со множеством красных прожилок.

— Судьба сохранила меня, малыш, и я подумал, что это ты возвращаешь мне долг. Нет, мы не будем вспоминать то поле... Но когда лезвие секиры не вспороло мне живот, а ударило по рукоятке кинжала, который я перед битвой не вытащил из-за пояса... Когда это случилось, я вспомнил тебя и понял... что пока ты ждешь меня, я не смогу умереть.

Девушка слушала, не отрывая взгляда от его нервных, сплетенных пальцев.

— И вот это случилось, моя девочка. Теперь я могу сказать тебе — жена... Теперь я могу обнять тебя, как муж и как возлюбленный. Теперь...

Он прерывисто вздохнул и отошел к кровати. Уселся на круглый табурет, небрежно отодвинул в сторону нечто тускло звякнувшее, увитое лентами и цветами.

— Подожди... Я должен справиться со своим сердцем. Я боюсь коснуться тебя — будто ты наваждение, которое может растаять... Подойди ко мне, девочка моя. Подойди.

Не чуя под собой ног, девушка приблизилась. Под босые ступни покорно ложились прохладные, нежные лепестки; здесь нет ни одной розы, подумала она мимоходом. Роза на свадьбе дурной знак... чтобы не оцарапаться о ее шипы...

Она думала, что, оставшись наедине с любимым Аальмаром, избудет темный страх, тот, что не оставлял ее от самого объявления о свадьбе. Она верила, что сможет наконец почувствовать тепло и радость — но смутное, инстинктивное, почти звериное чувство опасности росло и росло, грозя разорвать ее изнутри.

— Аальмар... — прошептала она жалобно. — Я боюсь...

Он улыбнулся так светло, что даже страхи ее на мгновение поблекли:

— Не бойся, девочка моя. Я скорее умру, чем причиню тебе страдание... Не бойся ничего. Иди ко мне.

Что-то кольнуло ее в босую ногу. Неужели все-таки роза?! Или работники, приколачивая ковры, небрежно обронили гвоздь?

Аальмар глядит на нее и улыбается. Добрый, нежный, горячо любимый человек... Защита от всех бед, надежная скала посреди опасного моря... Все понимающий с полуслова. Ее Аальмар...

Откуда страх, откуда это темное... почти что гадливость?! Чувство опасности, напряжение, стыд...

Споткнувшись о чей-то подарок, она остановилась перед ним, сидящим на табурете. Их лица оказались едва ли не на одном уровне — он смотрел все-таки немножко снизу вверх:

— Девочка...

Его руки осторожно взялись за вышитые края ее ночной рубахи. Она вздрогнула; его ладонь мягко коснулась ее плеча:

— Не бойся... Помнишь... Ту игрушку-мельницу, которая вертелась под ветром... Я был так рад, когда ты тогда обрадовалась и засмеялась...

Он распахнул легкие крылья ее сорочки. Дуновение ветерка коснулось ее голой, разогретой недавним омовением кожи; она содрогнулась снова.

— Какая ты красавица... Помнишь то платье, которое ты так спешила примерить... Я уже тогда знал, что ты будешь красивее королевы, хоть в каком наряде... хоть и без одежды вообще...

Девушка удержалась, чтобы не закусить губу. Ей было... она не могла понять. Стыдно? Чего она стыдится, ведь Аальмар купал ее в детстве, во время болезни... И носил на руках... и...

Ей показалось, что сейчас она поймет причину своих страхов. Вот-вот, она вертится рядом, сейчас...

Смутная догадка выскользнула, как ускользает мыло на дно кадушки. Девочка начала дрожать — сперва чуть-чуть, а потом все сильнее и сильнее.

Аальмар отпустил ее сорочку, позволяя крыльям свободно упасть. Обнял ее — не как жених, а просто ласково, как обнимал когда-то:

— Да ты совсем измучилась... Отдохни. Давай вместе посидим, посмотрим на огонь... Сейчас я налью тебе теплого отвара, Фа приготовила, заботливая Фа...

Ободок кружки едва не обжег ей губы. Хотелось пить, но отвар показался ей слишком терпким и горьким. Все лекарства такие, подумала она мимоходом. То, что лечит, горько на вкус. То, что сладко, оборачивается потом болезнью...

Аальмар усадил ее себе на колени. Она, как когда-то, ощутила тепло его тела; она уж было расслабилась, положив голову ему на плечо — но тут же поняла, что времена детства прошли безвозвратно.

Аальмар был не такой, как прежде. Он обнимал ее не как обычно; его тоже трясло. Он говорил успокаивающие, ничего не значащие слова — но девушка понимала, что он еле сдерживает себя. Его одолевает страсть, его мышцы напрягаются, и, прижимаясь к нему боком, она чувствует, как напрягается его мужское естество...

Она рванулась. Высвободилась; отскочила на другой конец комнаты, уже со слезами пытаясь понять, что, что ее держит, что навалилось черным брюхом так, что холод пробирает до костей и трудно дышать...

Он глядел на нее удивленно и как-то беспомощно:

— Малыш... Что с тобой, а? Скажи мне, я сделаю, что захочешь...

Если бы она знала, что с ней!

Преодолевая тоску, она заставила себя улыбнуться:

— Прости...

Шаг к нему навстречу. Еще шаг; он поднимается и откидывает с кровати одеяло. Красная простынь, поймав отражения светильников, кажется океаном крови.

Девочка подавила тошноту. Откуда такие мысли? Откуда?!

Она шла, безжалостно давя подвернувшиеся под ноги цветы. Она решила бесповоротно — что бы она ни чувствовала, Аальмар не должен этого узнать. С ее стороны это было бы просто дико, гнусно, бесчеловечно...

Он скинул халат, и она впервые в жизни увидела его тело. Аристократически тонкое и в то же время могучее, тело путешественника и воина, со следами шрамов, с рельефно выдающимися мышцами, с безволосой белой кожей...

Тело алчущего мужчины.

Девушка отшатнулась, будто ее ударили.

То, что мучило ее, заливало темной мутью, холодом и страхом, то, что превратило ожидание свадьбы в медленную пытку, — сделалось вдруг явным.

Потому что тот, кто сейчас протягивает к ней руки, ее муж, желающий по праву лишить ее девственности...

...Зачем вспоминается двор, где копошатся куры, где грузят телегу, и на широком ободе — приставший птичий помет? Хрипловатый голос человека, который отец ей — но совершенно чужой? Не вспомнить лица... В ее воспоминаниях нет красок, только тени, контуры...

Аальмар...

...телега трогается, из-под колес ловко выныривает рыжий петух со свисающим набок гребнем...

Девушка прерывисто всхлипнула.

Воспоминания... Тени. Аальмар... в ее сознании навсегда останется ее настоящим отцом. Любимым, обожаемым, всесильным и могучим, властелином мира — но отцом, отцом, и то, что они сейчас собираются сделать...

Кровосмешение.

Колени ее дрогнули. Весь ужас, накопленный поколениями ее предков, весь липкий кошмар перед кровосмесительной связью... С отцом — нельзя, нельзя! Запрещено небом, запрещено людьми, запрещено всеми поверьями и легендами, запрещено самой природой — нельзя!

— Малыш мой... Девочка моя...

Она медленно сползала на ковер.

— Что с тобой?

— Нельзя, — прохрипела она, еле удерживаясь в сознании. — Нет, нет...

— Что с тобой?!

Крылья ее сорочки безвольно откинулись. Аальмар схватил ее, прижимая обнаженным телом к своему обнаженному телу; дико рванувшись, она оттолкнула его руками и ногами:

— Нет! Только нет! Отойди! Нет...

Она упала на ковер, и ее вырвало. Так природа проклинает кровосмесителей, так она мстит тем, кто попробует ослушаться.

— Уйди! — кричала она, сотрясаемая судорогами. — Уйди, нельзя! Только нет! Не прикасайся ко мне!..

— Тиар!!

Крики и плач. Грохот и проклятия. И медленно, медленно кренится пол...

Валится дом? Чтобы погрести их обоих под развалинами?..

Звон разбиваемого стекла. Осколки на ее плечах, зев опустевшей черной рамы, светильник отражается в чьих-то округлившихся глазах...

Вики. Он стоял под окном! Он стоял и будто бы ждал — и вот она свалилась прямо в его онемевшие, трясущиеся руки.

— Тиар?!

И в зубчатом проломе окна над ее головой — искаженное судорогой лицо с остановившимися глазами.

Срывающийся голос подростка:

— Тиар, тебя... обидели?!

То, что случилось потом, иногда являлось к ней в снах.

Будто бы она бежит по равнине, несомая ветром, безумная, не умеющая остановиться.

Будто ее догоняет и подхватывает парень с дрожащими руками, с тяжело бухающим сердцем, с больными беспокойными глазами:

— Тиар...

И будто бы за спиной у них, там, где был дом, разгорается черное пламя.

Хотя на самом деле никакого пламени не было...

Она уже снова бежит. Она никогда не узнает.

Или?..

ГЛАВА 13

Он брел, прихрамывая, спотыкаясь о коряги, трогая руками кору мрачных одутловатых деревьев, оглаживая поднимавшийся по стволам мох; время от времени он подбрасывал носком башмака палые листья, любуясь произведенным листопадом и оставляя на желтом осеннем ковре некрасивую борозду. Он шел, ни на секунду не останавливаясь и ни на миг не задумываясь. Просто шел и узнавал места.

А возможно, это места узнавали его; ему казалось, что еловые ветви обличительно тычут ему в грудь, а береза, наоборот, успокоительно кивает верхушкой, а рябина подсвечивает ему путь красными гроздьями, от которых ни света, ни тепла...

Он шел долго, очень долго — но ни на минуту не допустил мысли о том, что заплутал, сбился с дороги. И наградой ему был овраг, который выполз откуда-то из чащи и преградил его скорбный путь.

Игар поднял голову. Высоко в ветвях колыхалось полотнище паутины — старое, ветхое, изорванное ветром, забытое.

— Я пришел, — сказал он шепотом.

Полотнище паутины равнодушно качнулось. Заколебались ветви; на голову Игара высыпались три или четыре сморщенных листочка.

— Я пришел, — сказал он громче. — Эй, ты... Я пришел.

Далеко-далеко проскрипело отжившее дерево. Лес скрежещет зубами, подумал Игар.

Он двинулся вперед, но не вниз, ко дну оврага, а зачем-то по его краю, будто чего-то ожидая или что-то разыскивая. Будто бы надеясь...

Сначала померещился запах давней гари. Давней, но от этого не менее едкой.

Потом впереди мелькнуло черное.

Игар споткнулся и остановился. Здесь случился пожар; черные скелеты елей втыкались в небо, как шипы. Древесные угольки красиво посверкивали в редких, мимолетных солнечных лучах. И листва, и хвоя обратились в пепел — тем страшнее и величественнее выглядели полотнища серой паутины, кое-где свисающие с ветвей, как обрывки савана.

Паутина не горит?!

Игару сделалось плохо, и он присел прямо на черную землю. Илаза... Судьба Илазы... Неужели он опоздал?!

Этому пепелищу никак не меньше нескольких недель. Нет, нет... Или Илаза, наоборот, спаслась? А скрут погублен?..

— Илаза...

Имя прозвучало странно. Почти незнакомо, и, чтобы избыть наваждение, он позвал снова, теперь уже громко:

— Илаза!

Тишина.

Он поднялся. Его долг...

До конца.

Он найдет ее... Вниз, к ручью, бегущему по дну оврага. Стоит ли говорить Илазе правду? Если она, конечно, жива... То стоит ли объяснять ей?.. Пожалуй, нет. Пусть и для нее, и для скрута объяснение будет...

Ему не удалось додумать до конца.

Он шел неторопливо, как человек, совершающий ежедневную прогулку. Полное бездумие закончилось, но сменившие его мысли были на редкость разрозненны и странны. Перед глазами почему-то время от времени возникало куриное яйцо, падающее на мозаичный пол. Именно на мозаичный. Яйцо шмякалось, растекалось желто-белой лужицей... Белые осколки скорлупы скалились зубчатыми краями... И все сначала. Шмяк...

Потом он пошел медленнее. Потом и вовсе остановился.

Илаза стояла на противоположном берегу ручья. Светлое платье ее давно сделалось грязно-серым. Лицо осунулось, повзрослело, как-то неуловимо изменилось...

Шмяк. Разбилось в его воображении назойливое белое яйцо.

С лица Илазы на него смотрела мать ее, княгиня. Он даже испугался на мгновение — не чары ли, не наваждение, не изысканная ли месть...

— Илаза... — сказал он хрипло.

Женщина судорожно сглотнула — и не проговорила ни слова.

— Илаза, я пришел... потому что...

Она молчала и не двигалась с места. Игар нашарил рукой корявый ствол и оперся на него, как на палку:

— Илаза... Прости. Я не нашел ее. Всю провинцию обошел — нету Тиар... Она умерла, наверное. Наверняка умерла...

Женщина на противоположном берегу мигнула. Игару показалось, что она старше его лет на десять.

— Я пришел, вот... А больше ничего не могу сделать. Прости, не могу...

Было бы легче, если бы она заплакала. Или разразилась проклятиями, или бросилась к нему на шею — но она просто стояла и смотрела. Как неживая.

Стиснув зубы, он шагнул вперед. В ручей...

Холодная вода живо напомнила ему тот день, когда, победившие судьбу, они с Илазой шли к камню-Алтарю. Приближались к нему с двух разных сторон... по колено в реке... широкой и мелкой...

Воспоминание мгновенно поблекло, сжалось, обмякло, как упавший с дерева лист. На его место прорвалось какое-то другое, запретное — Игар сделал усилие и загнал его в темные глубины памяти. Навсегда.

Достаточно, что имя ее...

— Тиар, — хрипло сказала Илаза, и это было первое ее слово. — Где Тиар?

— Ее нет...

— Не может быть, — голос Илазы звучал ровно и глухо, так могла бы говорить ожившая каменная статуя. — Не может быть. Где она?

— Ее нет...

В этот момент, не доходя до Илазы нескольких шагов, он спиной ощутил чужое присутствие.

И на какое-то время Илаза перестала существовать.

Медленно, будто боясь ненароком вывихнуть шею, Игар обернулся.

Тени не было видно — но Игар знал, где она. В густой кроне приземистого, еще полностью зеленого дуба.

— *Ее нет*, — повторил он в третий раз. — Я не нашел ее. Делайте со мной, что хотите.

Ему сразу сделалось легко. Потому что все, что нужно было сделать, сделано, и все, что нужно было сказать, сказано. Сейчас можно попросту сесть на травку и немножко отдохнуть.

Он улыбнулся. Не хватало, чтобы именно сейчас его разобрал его идиотский, не ко времени смех...

— Зачем же ты приперся? — сказала за его спиной Илаза.

Нервный смех оборвался.

— Зачем?.. — Голос ее задрожал. — Ты... ты ничтожество. Тряпка. Ты втравил меня... обрек меня... а теперь не смог даже... даже... — Она всхлипнула, и этот всхлип судорогой прошелся по всему ее телу.

Он хотел сказать ей что-то. Он хотел подойти и обнять — но не послушался язык и отказали ноги.

— Ты... — Илазу трясло, она входила в свою истерику, как нож входит в масло. — Ты... зачем ты пришел один?! Чтобы я еще раз полюбовалась на твою сопливую рожу? Зачем ты притащился, если ты не привел Тиар?! Слизняк... Куда я смотрела, когда купилась

на твои сказки о любви... о благородстве... такова она, твоя хваленая любовь?!

Игар смотрел туда, где среди темных дубовых ветвей терялась другая темнота. Источающая взгляд.

— Отпустите ее, — сказал он неожиданно для себя. — Что даст теперь ее смерть? Видит Птица, я сделал все что мог — ради нее, своей жены... Если хотите мстить — мстите мне, она-то в чем виновата?

Илаза на мгновение примолкла, чтобы тут же захлебнуться презрением:

— Чего стоит теперь твое показное благородство? Чего стоит твое вранье, чего стоит твоя поза? Хочешь умереть героически? Не прокатит — умрешь, как червяк! Мокрица! Сопливая тварь!..

Она выискивала самые гадкие и самые страшные ругательства. Она называла его самыми отвратительными именами; потом упала на землю и забилась в рыданиях. Наверное, следовало напоить ее водой из ручья, но Игар не мог сойти с места.

— Не молчите, — шепотом сказал он темной кроне дуба. — Делайте что-нибудь... Взялись убивать — убивайте... Но только Тиар от этого не появится...

Тишина. Только отдаленный шум ветра, треск дятла да всхлипывания Илазы.

Наконец она затихла. Села на пятки, пряча лицо в ладонях; невнятно прошептала сквозь пальцы:

— Игар, прости...

Он молчал.

— Игар... Я не могу, прости...

— Ничего, — сказал он по-прежнему шепотом. — Потерпи...

Из кроны дуба смотрели. Взгляд давил, как надгробие, — и Игар не мог понять, каким именно чувством переполнен третий, молчаливый свидетель супружеской сцены.

— Я выполнил все, что вы велели, — начал Игар, и голос его звучал на удивление ровно и сухо. — Я обошел всю провинцию Ррок, все города, и местечки, и поселки, и хутора... Я всюду искал женщину по имени Тиар, с темными волосами и карими с прозеленью глазами... и с пятном в виде ромба под правой лопаткой. Видит Птица, на пути мне попадалось много похожих женщин, но ни одна из них не была Тиар. Звезда Хота опустилась, путь мой закончен... Дабат.

— Дабат... — эхом донеслось до его ушей.

Еще не осознав, чей именно голос он слышит, он ощутил поднимающуюся к горлу тоску.

Так бывает во сне, когда обрываешься в пропасть без дна...

— Дабат, — теперь ему показалось, что это шуршат осенние листья. — Да будет так.

Тогда он всхлипнул — и повернул голову.

Она стояла тоже на берегу — но чуть выше по течению. В опущенной руке у нее был узелок — тот, с которым она обычно спешила на помощь роженице.

— *Нет!*

Уже на бегу он проклял свою долю и бесконечную глупость судьбы.

— Нет! Беги! Беги, умоляю... Ради Птицы...

Земля вдруг кинулась ему в лицо — запнувшись о корягу, он упал. Голова Тиар плыла над ним в сером небе — вернее, это плыли облака, и от этого темные с медным отливом волосы казались парящим в небе куполом башни.

Скрут тоже видел ее — но молчал. Мертво молчал, не выдавая себя ни звуком, ни движением.

Игар приподнялся на локте. Обернулся к темной кроне, выдохнул сквозь сжатые зубы:

— Если ты коснешься ее... Если только коснешься...

— Уходи, Игар, — сказала женщина глухо. — Бери Илазу и уходи... Все, что здесь произойдет, касается только...

— Я умру раньше тебя, — сказал он хрипло. — Чтобы добраться до тебя, ему придется отбросить с дороги мой труп.

Тиар шагнула по направлению к дубу.

Странно, но скрут был все еще там. Впрочем, он так быстр, что его «там» и «здесь» почти неразделимы...

Игар встал у нее на дороге.

Какое у нее измученное, печальное лицо! Теперь на нем ясно читаются ее годы; наверное, она успела впустить в этот мир половину живущего человечества. Привратница жизни...

— Отойди, Игар... Спасибо тебе. Теперь отойди.

Игар упал на колени. Потом на четвереньки; по щиколотку в ручье стояла Илаза. Снова бледная и молчаливая, будто неживая. Вот так...

Тиар шла. Игару казалось, что она касается травы только подолом старенького темного платья. Что ноги ее идут над землей...

И тогда ему явственно увиделось, как на голову ей падает, неслышно разворачиваясь, серая паутина. Как стягивает, сворачивает в кокон, утаскивает вверх. «Ты... представляешь себе... Как именно скрут поступает со своей... с обидчиком?.. Ты не сможешь такого вообразить. Никогда...»

— Тиар!..

Она обернулась. Глаза ее говорили: стой. Приказ был столь властен, что Игар, уже изготовившийся к прыжку, обмяк и снова осел на землю. А Тиар уже снова шла. Навстречу своей судьбе.

Игар зажмурил глаза. В черной темноте носились красные пят-

на, глядеть на это было непереносимо, он не выдержал и поднял веки. Тиар не шла больше — стояла, беспомощно вглядываясь в переплетение крон. Она его не видит. Она тоже его не видит... Да понимает ли, что ее ждет?!

— Во имя твое...

Это произнесли ее губы? Или Игара обманул шелест желтых листьев?

— Аальмар.

Игар содрогнулся. Кажется, Илаза дернулась тоже; весь лес вздрогнул, безвозвратно теряя желтые листья.

Незнакомое имя вмещало в себя... то, чему Игар не умел дать названия. Но ощущение было такое, будто он заглянул в старый, безмерно глубокий, обжитый призраками колодец.

— Аальмар... во имя твое. Двенадцать новорожденных существ я спасла от неминуемой смерти. Двенадцать мальчиков на земле носят твое имя...

Молчание. Шелест листьев и шелест ручья. Мертвая тишина леса без птиц.

— Аальмар... Десять тысяч ночей. Я умоляла судьбу позволить мне быть с тобой вместе. Там, после... после... всего. Но судьба поняла мои молитвы по-своему...

Тишина.

— Аальмар... Когда я осмелилась вернуться... когда я умела... хотела и умела тебе объяснить... но там было пусто и страшно. И паутина, паутина... И мне сказали, что ты...

Игар до крови закусил губу. Тиар выше запрокинула бледное лицо:

— ...Что ты умер, Аальмар... Аальмар. Как давно я не произносила вслух...

В темных кронах царствовало безмолвие. Тиар медленно повернула голову. Посмотрела на стоящую в воде Илазу; блуждающий взгляд ее остановился на Игаре.

— Уходите... Пожалуйста. Я... не могу так... Я ведь еще должна сказать...

— Тиар... — простонал он с колен.

Губы ее чуть дрогнули, но глаза оставались непреклонными. Ему, Игару, никогда ее не переспорить — тем более теперь, когда за спиной Тиар стоит ее тайна. Та, которую она с таким достоинством носила на душе всю жизнь. Тяжесть и отметина, такая же неизбывная, как родимое пятно под правой лопаткой...

Игар вдруг понял, что больше ничего не может сделать. Что он лишний. Что действительно должен уйти. Сейчас.

На негнущихся ногах он подошел к Илазе. Протянул ей руку:

— Пойдем...

Она вложила в его пальцы ледяную, совершенно деревянную ладонь. Тихо и послушно, как ребенок.

И они пошли прочь. Не оборачиваясь и не глядя друг на друга.

А потом за их спинами еле слышно колыхнулся лес, и Игар все-таки обернулся.

Тиар стояла на коленях. Перед ней, на расстоянии вытянутой руки, под покровом пляшущей тени стоял *мот*.

Илаза, обернувшаяся тоже, глухо застонала, зажимая себе рот ладонью.

Глаза. Непонятно, как с такого расстояния, в неверном танце теней возможно было разглядеть *его* глаза — но Игар разглядел.

Или ему померещилось?

Эти глаза не могли принадлежать человеку — но вот взгляд...

Во взгляде было вполне человеческое, но непонятное Игару чувство.

Миновало несколько длинных мгновений.

А потом все силы Игаровой души рванулись к Тиар, желая спасти ее — либо разделить с ней ее судьбу; она обернулась. Лицо ее было сосредоточенным, как во время трудных родов. Как той ночью, когда Игар впервые увидел ее.

Кажется, он больше никогда ее не увидит.

* * *

— Союз, скрепленный на Алтаре, незыблем, — глухо сказала Илаза.

Они стояли на опушке леса. Дорога к людям, заброшенная, мокрая от росы, от обочины до обочины была затянута туманом, и колючие кусты, стоявшие по сторонам, как стражи, казались гротескными черными статуями.

— Куда ты пойдешь? — спросил Игар, глядя в сторону.

Илаза коротко вздохнула:

— К матери... Я пойду к матери, Игар. В конце концов... — она хотела что-то добавить, но осеклась и замолчала. Носком башмака поддела кустик желтеющей травы; печально улыбнулась: — Может быть, когда-нибудь?..

— Да, — сказал он быстро. — Конечно. Когда-нибудь, когда все это забудется...

Илаза отвела глаза:

— Дорого бы я заплатила, чтобы... забыть... Но не выйдет, как ты думаешь, Игар?

— Не выйдет, — подтвердил он тихо. — И у меня тоже.

Илаза поддела травяной кустик еще раз, так что он накренился, задрав белесые корни и обнажая черную, рыхлую землю под собой.

— Жалко... Но... но ведь надо на что-то надеяться? Да?

— Да... Смотри!

Оба задрали головы, всматриваясь в небо над лесом. Озаренная восходящим солнцем, там парила, раскинув крылья, огромная белая птица.

Эта птица смогла бы, наверное, накрыть собой поселок; двое, глядевшие в небо, различали каждое перышко в хвосте, каждый изгиб изящной шеи и, кажется, даже внимательный взгляд...

Небесная птица, сложившаяся из утренних облаков, дрогнула — и растаяла под порывами ветра. Распалась туманными хлопьями.

Оба молчали. Игар, стиснув зубы, чувствовал, как липкая тяжесть, сдавившая грудь так давно, что он забыл и мыслить себя свободным, — как эта давящая тяжесть отступает. Уходит, оставляя после себя хрупкий, измученный покой.

* * *

Девочка стояла среди большого леса, и глаза ее казались черными от непомерно расширенных зрачков.

А рядом с ней, на расстоянии вытянутой руки, стоял *он*.

Девочка много лет жила в обличье взрослой и умудренной жизнью женщины, а *он* — он жил в обличье...

...о котором лучше не говорить. На которое страшно смотреть — но она смотрела, и по взрослому ее лицу текли, обгоняя друг друга, слезы.

Перед ними лежала река — широкая и мелкая, девочке по колено. На дне смутно белели мелкие камушки — а посреди потока лежал еще один, огромный и плоский, выступающий над водой, будто жертвенный стол. Не зря люди давным-давно прозвали его Алтарем.

Рассвет над рекой набирал силу, и, присмотревшись, можно было разглядеть на плоском камне пеньки прогоревших свечей. Два, три, четыре...

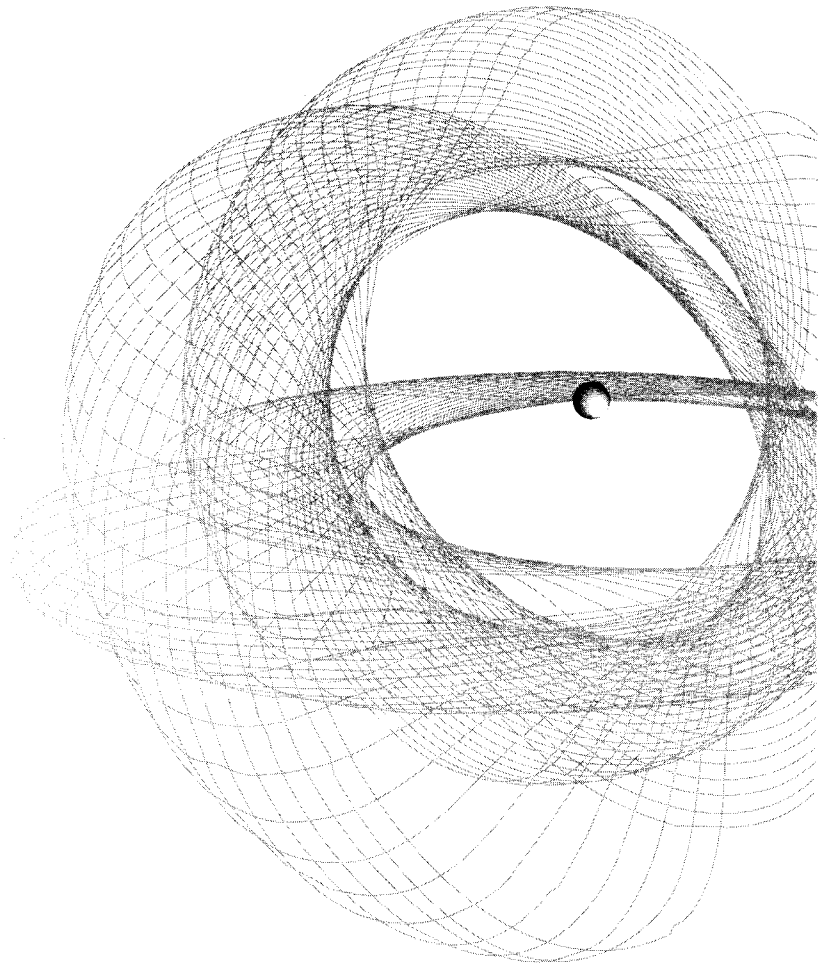
— Тиар.

И тогда девочка обернула к нему мокрое, измененное временем, почти испуганное и почти счастливое лицо.

Святая Птица, помоги им.

БАСТАРД

ПОВЕСТЬ

ПРОЛОГ

Темной холодной ночью двое стояли на крепостной стене, и длинным и страшным было их ожидание.

— Изготовились ли воины? — спросил тот, что носил на седой голове четырехзубый княжий венец. — Заряжены ли катапульты и кипит ли смола?

Лучники замерли у бойниц, и готовы были катапульты, и смола пузырилась в черных чанах.

— Что ты там видишь? — спросил венценосный у стоящего рядом, ибо тот обладал силою видеть в темноте, и на сто верст вперед, и на десять локтей под землей.

— Вижу, — ответствовал тот, — вижу бесчисленные отряды, и сталь полыхает при свете факелов, и ведет их твой сын.

Венценосный расхохотался:

— Скорее земля расколется, как гнилой орех, нежели он доберется до наших стен!

А ветер выл, и от каждого факела тянулась черная лента дыма.

— Что ты видишь теперь? — снова спросил князь.

— Вижу, как дети мои, ловушки, сокрытые в земле, жадными пастями хватают воинов, пожирают их вместе с панцирями, и крик и стон поднимаются над лесом. Половина войска погибла, но твой сын уцелел.

— Скорее небо свернется в свиток, нежели он возьмет замок! — рассмеялся князь.

А ночь ревела, и неслись по небу обрывки туч, и далеко еще было до рассвета.

— Скажи мне, что ты видишь сейчас? — спросил венценосный, и ветер вздыбил его седые волосы.

— Вижу, — тихо сказал стоящий рядом, — как бьются с войском змеи и хищные птицы, как падают наши враги, но другие ступают по их трупам. Вижу море их факелов, вижу рты, разинутые в боевом кличе. Вот дети мои, алчные желтые марева, убивают их

целыми отрядами, но твой сын уцелел, за ним следуют те, кто остался в живых!

Князь воздел кулаки к небу:

— Скорее леса прорастут корнями вверх, скорее реки взовьются на дыбы, скорее мать пожрет младенца, чем он получит венец!

И вот уже все, кто был на стене, увидели огни факелов и блеск стали.

— Что ты видишь теперь?! — яростно воскликнул князь, но собеседник не ответил — из середины лба его торчала стрела.

И тогда закричал князь, призывая к бою, и эхом отозвались его воины, а те, что пришли с огнями, двинулись на приступ.

Железные крюки впивались в камень, как хищные когти впиваются в плоть. Ручьями дымилась кровь и потоками лилась горячая смола. И отступили от стен те, что пришли, и велики были их потери. Победно вскричал князь, но кинжал вонзился ему в спину, потому что сын его тайно проник в замок через подземную нору.

И упал князь, и скатился венец с его головы, и множество рук потянулось к венцу, но коснувшиеся его умирали на месте. И закричал княжий сын, и голос его раскатился, подобно грому:

— Княжья кровь в моих жилах! Наследство — только наследнику!

И схватил венец, и водрузил на голову, и пришедшие с ним восприяли духом, а оборонявшиеся утратили мужество...

И наступил рассвет, и стаи ворон возрадовались и слетелись на княжий пир. И черными клубами поднимался дым, и ступени сделались скользкими от пролитой крови.

И сказал колдун, что всю ночь умирал со стрелой во лбу, — ибо долго, очень долго умирают колдуны:

— Проклятье на весь род ваш и на все его колена. Вовеки, вовеки сыновья ваши будут убивать своих отцов. Проклинаю и предрекаю: вовеки.

ГЛАВА 1

Солнце стояло уже высоко, когда он, голодный, бросил заплечный мешок в траву.

Никогда в жизни он не видел такой травы — густой, лоснящейся, как шерсть сытого и здорового зверя. Ему казалось, что все здесь лоснится от удовольствия — и деревья, здоровенные, в три обхвата, и непуганое зверье — вон, полевая мышь смотрит и не боится, — и птицы, и белесые цветочки...

Он еще раз огляделся и, хмыкнув, потянул из ножен меч.

В который раз сердце его сладко замерло, когда без звука, без скрежета миру явилось широкое ясное лезвие, поймало плоским боком солнечный луч и отправило его Станко в глаза.

Он прищурился.

Тяжесть, лежащая в его ладони, была силой и властью. Желобок на мече был прямой дорогой, с которой не свернуть. Счастливо улыбнувшись, он принял боевую стойку.

Первая позиция. Вторая позиция. Удар — отражение. Удар — противник поражен в плечо. Отражение удара сзади... Коварный негодяй! Разворот... Серия ударов, противник истекает кровью, но лезут новые и новые, и меч в его руке превращается в сверкающий железный веер...

Он не уставал. Он вообще никогда не уставал, кисть его вращалась с бешеной скоростью, и ревел воздух, рассекаемый лезвием. Раз — от локтя, два — от плеча, круговая защита...

— Подходите! А-а-а! Получили? Еще хотите? На! На!

Крики рождались сами, и он не помнил, что кричал. Он был силен и, конечно же, смертельно опасен, и от того, что он силен и опасен; от бешеной радости мышц ему хотелось запеть, но кто же поет во время боя?!

— Небо да в помощь! — донеслось из-за спины.

Станко еще ничего не успел подумать, а тело его уже разворачивалось, а меч уже поднимался навстречу голосу. Он повернулся и замер в боевой стойке.

Напугавший его отшатнулся за темный ствол и оттуда пробормотал примирительно:

— Тихо, парень, мир... Мир, парень! Что ты...

Станко перевел дух. Меч в его руке чуть опустился, и тот, что прятался за стволом, тут же осмелел и выглянул.

Ему, похоже, было далеко за сорок, и был он не то чтобы худой — поджарый, и не то чтобы бородатый — так, заросший очень густой щетиной.

— Что ты, парень, я же не стражник, посмотри как следует...

Станко и без того смотрел во все глаза. На незнакомце были шерстяные штаны, тщательно заправленные в высокие башмаки на шнуровке, неопределенного цвета рубаха и видавшая виды кожаная безрукавка; у пояса — длинный кинжал в ножнах.

— Убери свою игрушку, парень... Ну, промышляешь, и промышляй себе — мне дела нет...

Станко опустил меч.

— Я не браконьер, — сказал он хрипло.

— Да? — удивился незнакомец. — Ну, тогда гулял, значит, и заблудился... в землях князя Лиго, на которые если кто ступил — ноги отрубают...

В душе Станко шевельнулась холодная змейка, и поэтому он сказал очень громко:

— Не пугай. Не боюсь.

Незнакомец хохотнул. Шагнул вперед и красноречиво воззрился на обнаженный меч Станко. Тот картинным жестом загнал оружие в ножны.

Незнакомец приблизился. Глаза его оказались голубыми — настороженными и насмешливыми одновременно. Глаза эти в секунду обежали Станко с головы до пят и вернулись, чтобы повторить осмотр тщательнее.

— Издалека ты пришел, что ли? — поинтересовался небрежно, взглянув на стоптанные Станковы башмаки.

— Пришел, откуда дорога лежала, — отозвался Станко в тон.

Незнакомец взглянул ему в глаза — на этот раз удрученно и заботливо:

— Земли тут богатые, это верно... Да только возвращайся, парень. Хорошо еще, если просто ноги отрубят, правду говорю тебе! Заловили тут недавно одного парня, тоже в землях князя промышлял... Слушай, уходи скорей, пока цел, ладно?

Некоторое время они просто смотрели друг на друга.

— На меч свой надеешься? — спросил незнакомец тихо. — Да ведь на один твой меч тут пару сотен найдется...

— Заботлив ты, — Станко снова усмехнулся. — А сам кто такой? Лесной дух? Король дубравы?

— Я-то?

Станко увидел, как заботливое выражение в глазах незнакомца сменяется новым — похоже, это была чуть преувеличенная покорность судьбе:

— Я-то?

Он виновато развел руками, как крестьянин, вернувшийся с базара без выручки в кармане. Склонил голову к плечу, всем своим видом показывая: я-то браконьер и есть, и не скрываю этого, ведь передо мной не стражники, а сопливый мальчишка, хотя и здоровый, и с мечом...

Станко фыркнул и пошел за своим заплечным мешком.

— Погоди! — закричал ему вслед незнакомец. — Илияш меня зовут... У тебя силки или сетка?

— Я не браконьер, — заявил Станко, забрасывая мешок за спину.

— Да брось... Послушай, не убегай, ты меня боишься, что ли?

— Тебя?! — Станко обернулся, заготовив на лице высокомерную гримасу, которая тут же, однако, испарилась, потому что этот самый Илияш держал в опущенной руке невесть откуда взявшуюся тушку зайца.

Живот Станко жалобно заплакал. Илияш приветственно качнул тушкой, как цветочница свадебным букетом:

— Зажарим, по традиции... Завтра — неведомо что, вдруг — стражники или вепрь там бешеный... Я же вижу — ты не предатель, хороший парень, только очень уж молодой...

Станко помолчал.

— Это верно, — сказал он наконец, снимая с плеч мешок, — я не предатель.

Илияш особенно тщательно выбирал место для костра — на песке, в ложбинке, чтобы следов не оставить и чтобы дым не был заметен издалека. Заяц, зажаренный на вертеле, оказался настоящим княжеским зайцем — жирным, вкусным, и Станко едва не отгрыз себе пальцы, разделываясь с нежным заячьим боком.

— Хорошо живет... князь, — бормотал он, работая челюстями, — сладко ест... мягко спит, наверное...

Илияш усмехнулся:

— Не без этого... Князю-то что — всех зайцев не слопать... Так напустил же стражников-псов: травку ему не сомни, рыбку ему не поймай, зайчишко такой вот — жизни может стоить... Да не волнуйся, ешь, с Илияшем не пропадешь, Илияш бывалый зверь...

— То-то я смотрю, — Станко бросил в прогоревший костер начисто обглоданную кость, — то-то я смотрю, земля тут жирная, сытая такая земля...

— Да уж, — Илияш потянул к себе свой тощий заплечный мешок, — да уж, земля тут, как хорошая невеста — богатая и нетрону-

тая... Одних зайцев плодится, как мышей в подполе... Нет же, пусть их лучше волк задерет, чем добрые люди, мы вот, зажарим... Рыщут и рыщут, дозорники, псы, чтоб земля под ними просела...

Илияш плюнул, вложив в свой плевок весь праведный гнев на ненавистных ему стражников. Перевел дух, прищурившись, глянул на небо и вытащил из своего мешка изрядных размеров баклажку. Оценивающе глянул на Станко, неспешно вынул пробку из узкого горлышка и потянулся носом к образовавшемуся отверстию.

Станко смотрел, механически облизывая пальцы. Илияш втянул носом воздух, полузакрыл от счастья глаза, и лицо его осветилось изнутри неземным блаженством.

— Да, — сказал он, наконец-то опуская баклагу. — Верная подружка моя... Такого, парень, ни один пес из стражи, ни даже князь в его замке не пробовали, вот...

Он окончательно закрыл глаза, будто отрешаясь от земных тягот, поднес горлышко ко рту и бережно, как юноша, впервые целующий возлюбленную, коснулся его губами.

Сухая шея вздрогнула раз, другой... Станко зачем-то считал глотки.

Наконец Илияш утолился. Отнял баклажку ото рта. Выдохнул. Оглядел мир совершенно счастливыми глазами. Искоса глянул на Станко и отвел взгляд.

— На, — сказал неохотно. — Попробуй тоже, ладно уж. Только смотри — три глотка, три, не больше!

Баклажка оказалась неожиданно тяжелой, Станко чуть не расплескал ее над костром. Едва успел поднести горлышко ко рту — и тут же Илияш принялся отбирать посудину:

— Это пятый! Это пятый глоток, хватит!

Станко глупо улыбнулся.

Во рту таял небывалый вкус вина, а может, не вина, а может... Последний дымок угасающего костра взвился в вечернее небо, и с этим дымком взвились горести и тревоги Станко.

— Нравится? — ревниво спросил Илияш.

Станко запрокинул голову и рассмеялся.

Понемногу смеркалось, но вечер был теплый, тихий, и немыслимой казалась опасность и невозможной — смерть.

Станко потянулся, с удовольствием ощущая сильное и гибкое свое тело.

— Замок далеко? — спросил он как бы невзначай.

— А? — настороженно отозвался Илияш, и Станко даже усмехнулся: что он глухим притворяется, в самом деле?

— Замок, замок князя Лиго далеко отсюда?

Илияш сжался, как-то сник, будто действие чудесного напитка закончилось:

— А что тебе замок? Здесь промышляй... Здесь земли богатые...

— Плевал я на твой промысел, — Станко снова усмехнулся. — Мне в замок надо.

Илияш поднял на него мрачные глаза:

— К князю в гости, что ли?

— К князю, — Станко чувствовал себя сильным и уверенным. — Только не в гости. Мне надо обязательно его убить.

Стало тихо, так тихо, что можно было за десять шагов услышать возню мышки-полевки.

Илияш сидел, не закрывая рта. Станко стало смешно: деревенские ребятишки в таких случаях обязательно плевали в «разинутые ворота».

— То-то оно... — пробормотал наконец Илияш, — то-то я гляжу — парень вроде не простой... А он сумасшедший, парень этот. Только и всего.

— Это кто еще сумасшедший, — Станко почувствовал к браконьеру даже некоторое снисхождение, — ты или я... Жалеешь ты князя, что ли? Друг он тебе или братец? Негодяй же он, так?

— Ну... негодяй, — сказал Илияш шепотом и огляделся.

— Ну вот и будет на земле одним негодяем меньше...

Илияш помолчал, тяжело дыша; потом вдруг обхватил себя за плечи и ни с того ни с сего рассмеялся:

— Ах ты... шутник... Убийца малолетний... Да ходили и без тебя, ни один не вернулся! Ходили здоровые, в латах, и в одиночку, и отрядами, и ни один... Даже до князя не добрался, до замка не дошел! Да княжья земля знаешь, какая? Здесь травка, цветочки, а глубже пойдешь — земли беззаконные, где князевы предки друг друга резали... Там плюнь не глядя — в десять ловушек плевок угодит! А если по дороге идти, так там на каждом шагу по конному разъезду... Стражник не спросит, слова не скажет — сразу вешать, да за ноги...

Он вдруг наклонился вперед, и лицо его оказалось прямо напротив лица Станко. Зашептал, заглядывая в глаза:

— И еще, знаешь, князя никому не убить. Заговоренный он, мечи отскакивают... Все это знают, только ты...

Он так же внезапно откинулся назад и предложил громко, доброжелательно, как ни в чем не бывало:

— Скажи, что ты пошутил.

Станко помолчал, потом положил свой меч себе не колени, погладил ножны и чуть-чуть вытащил клинок. Бледно полыхнула сталь.

— Я не пошутил, — сказал Станко тихо. — У меня право есть... Право, которого нет ни у кого, понимаешь? Я его сын.

Он не смотрел на Илияша. Вздохнув, продолжал, обращаясь к клинку:

— Князь заговоренный, это точно... Это все знают. И все знают, что убить его может только родной сын. Я. Понимаешь?

Он поднял глаза.

Илияш сидел тихий, оцепеневший, и лицо его в наступающих сумерках казалось очень бледным. Станко снова вздохнул, полез за пояс и вытащил монетку — серебряную, истершуюся:

— Вот... Здесь, на монете, князь, мой отец. Я его узнаю, где бы ни встретил, узнаю... И убью.

Илияш встал и отошел в сгущающуюся темноту.

Станко вертел в пальцах монетку, мысли его сразу оказались далеко-далеко, и потому отлучка Илияша не вызвала у него ни удивления, ни беспокойства. Мало ли чего захочется человеку после такого известия!

Но шли минуты, а Илияша не было; Станко заерзал, завертелся, вглядываясь в темноту. Где-то далеко закричала ночная птица, и Станко, вздрогнув, схватился за меч: а что, если Илияш пошел за стражей?!

Но в этот самый момент браконьер вернулся, прижимая к груди охапку сухих веток. Бросил их все на тлеющие угольа — а ведь раньше не разрешал разводить большой огонь!

Под грудой веток затрещало, двумя лентами выполз дым, и вскоре в неровном свете разгорающегося костра Станко увидел лицо Илияша.

Браконьер был сосредоточен, даже задумчив. Пошевелил губами, глядя в огонь, и сказал наконец:

— Ну, если так... Если правда — сын... Зачем же папу убивать, а?

Станко оскалился. Илияш покосился на него с опаской:

— Ладно — твое дело...

И добавил просительно:

— Покажи монетку, а?

Станко заколебался, потом протянул над костром руку — для этого пришлось приподняться — и дал Илияшу возможность взять с ладони свой странный талисман.

Браконьер всматривался долго — взгляд на монету, сосредоточенные раздумья, взгляд на Станко...

— М-да, — сказал он наконец, — а до князя-то еще добраться надо... Сын — хорошо, меч — хорошо... Только ловушкам все равно, кто ты такой и с чем пожаловал.

— Я доберусь, — сказал Станко небрежно.

Илияш подбросил монетку на ладони. Вздохнул и начал рассудительно:

— Про дорогу я тебе рассказывал — там стража. Можно идти в обход, дай-ка подумать... На окраинах — патрули, капканы, но это ничего... «Чего» начинается глубже, ближе к замку, в этих самых беззаконных землях. Этим ловушкам лет по триста, и маги их ставили, маги, понимаешь? «Желтомары», «зажоры», «те, что в смоле», «те, что в болоте»...

— Кто — в смоле? — не выдержал Станко. — Кто — в болоте?

Браконьер пожал плечами:

— Если б знать...

Снова стало тихо, только огонь трещал, пожирая тонкие ветки. Илияш снова встал и снова принес из темноты охапку хвороста.

— Сначала — лес, — продолжал он, протягивая над огнем руки, — потом — камни... Вокруг замка — озеро, и тоже про него недобрая слава...

Темное подозрение шевельнулось в душе Станко.

— Ты что, под самым замком промышлял? Откуда ты все знаешь, а?

Браконьер поморщился, как от боли. Потирая виски, уселся на свое место — напротив собеседника.

— Правильно спрашиваешь, Станко... Все знаю, это правда. Потому что еще года не прошло, как с этими псами-стражниками одну лямку тянул, понимаешь? Выслужился, нашивку заработал... — Илияш смачно плюнул в костер, в огне зашипело. — В самом замке стражей стоял, в патрулях рыскал... Только скверно там, дружок. Браконьеров вешай да капитану подметки лижи... А капитан попался — ну такая с-сволочь... — Илияш отвернулся.

Станко молчал, неприятно пораженный. Илияш почувствовал некоторую его брезгливость, пробормотал огорченно:

— Ну ладно, ладно... Что у меня теперь — клеймо на лбу? Сейчас уже не служу...

— Уволился? — глухо спросил Станко.

Илияш фыркнул:

— Уволился... Оттуда на тот свет увольняют... Сбежал, конечно!

Он вдруг улыбнулся и заговорщицки подмигнул:

— Карту прихватил у капитана... Хорошая карта, Станко, лет триста ей... Теперь промышляю у князя под носом, живу припеваючи, потому что кто тропинки знает? Кто ловушку за версту обойдет? Кто в укромной норке от патрулей спрячется? Илияш!

И браконьер довольно засмеялся.

Станко смотрел, как он смеется, и некая мысль, которая давно уже бродила по краю его сознания, обозначалась все яснее и четче.

— Илияш, — сказал он наконец.

Тот прекратил смеяться:

— Что?

Станко собрался с духом:

— Хочешь заработать, Илияш?

Браконьер нахмурился:

— Что?

В костре лопнула толстая ветка, в небо ворохом посыпались искры.

— Проведи меня к замку, — Станко перевел дыхание, — проведи мимо ловушек, а я заплачу, как проводнику.

Илияш расхохотался. На крупных и белых зубах его играли блики от костра.

— Ох-хо... Ой, парень... Ой, насмешил... Да где ты такого дурака... Сыщешь, ха-ха... Такого дурня, чтобы через все ловушки к замку тащился?!

Он смеялся и смеялся, пока Станко не процедил сквозь сжатые зубы:

— Двадцать золотых.

Смех оборвался. Илияш замер, зажимая рот ладонью. Потом прошептал с благоговейным ужасом:

— Сколько?

— Двадцать, — сказал Станко твердо.

Илияш отодвинулся. Брови его сошлись, а рот неприятно искривился:

— Ну, парень... Зря я с тобой, видно... Кого ты ограбил, а? Купца на большой дороге? Убил небось? — он вскочил, готовый бежать прочь. — Ты, вот что... У меня ничего нет, ясно? Я честный охотник, а не убийца!

На Станко волной накатила усталость. Наверное, действие чудесного напитка, к сожалению, закончилось.

— Я не убивал, — сказал он в огонь, — и не грабил. Я дом продал, корову, свинью, хозяйство... Все продал... А ты трясешься чего-то и ерунду городишь...

Илияш помедлил, будто прикидывая, можно верить Станко или нет. Бочком, бочком приблизился:

— Покажи.

— Что?

— Монеты покажи. Думаю, уж не врешь ли?

Станко, вздохнув, снял с пояса кошелек и вытащил тяжелую, позвякивающую пригоршню золота.

Илияш обомлел — в который раз за короткое время их странного знакомства.

...Когда укладывались спать, браконьер спросил ни с того ни с сего:

— Ну, папа твой, значит, князь Лиго... А мама кто?

Неизвестно, слышал ли Станко его вопрос. Он свернулся калачиком, натянув куртку на голову, и сразу же уснул.

Илияш помялся, постоял над ним, переспросил шепотом:

— Так кто же мама твоя, а, парень? Какая принцесса?

Станко буркнул что-то — очевидно, во сне. Илияш пожал плечами и сел у догорающего костра.

Взошла луна; свернувшись, спал Станко, и даже во сне руки его сжимали ножны меча. Напротив сидел заросший густой щетиной браконьер и разглядывал истертую серебряную монетку — раздумывал, потирал лоб, чему-то странно усмехался. В лунном свете безбородый профиль князя Лиго на монете казался особенно волевым и особенно надменным.

Станко, Станко. Где были твои глаза...

* * *

Трактир умостился на перекрестке, у самой границы княжеских земель — как мышь под боком у дракона. За небольшую плату хозяин водил любопытных на плоскую крышу и показывал сверху межу. Неглубокая эта канава делила мир пополам — с одной стороны лежала знакомая, безопасная земля, на которой можно вырастить табак или выкопать колодец; с другой стороны подступали земли князя Лиго, «на которые кто ступит — ноги отрубают».

Трактир процветал — хаживали сюда браконьеры, заглядывали и стражники. Немало было любопытных, явившихся поглазеть на тех и других и увидеть с крыши страшную межу.

Илияш придирчиво оглядел поклажу и снаряжение Станко и теперь делал покупки. В маленькой трактирной лавке нашлась пара добротных сапог (ветхие башмаки Станко Илияш высмеял, как непригодные для путешествия). Пропитание во время похода должно было добывать охотой, и Илияш закупил целый мешок соли — есть несоленую дичь он, оказывается, не желал.

Наполнив заплечные мешки всякими необходимыми припасами, компаньоны уселись за оструганный стол в углу, чтобы выпить на дорожку. Илияш заговорщицки надвинул шляпу на самый лоб, а Станко велел сесть лицом к двери и сразу же дать знать, если в трактир ввалятся «эти поганые псы».

Станко чувствовал себя крайне неуютно — по крайней мере, пока не осушил три кружки пива. Сразу же после этого его настроение значительно улучшилось, он расправил плечи и огляделся вокруг.

Трактир был сложен из цельных бревен; потолок закоптился так, что запросто сошел бы за ночное небо, вздумай хозяин прилепить на него несколько медных звездочек. На стенах кое-где висело старинное оружие, а на камине раздувала капюшон дохлая кобра. Станко поразился — как они сумели сделать такое искусное чучело?

— Вина! — крикнул Илияш.

Из глубины зала к ним заспешила девушка-служанка. Волосы ее по-разбойничьи были повязаны красной косынкой, но ничего воинственного не было ни в тонком миловидном лице, ни в спокойных темных глазах, ни тем более в платьице с передничком, среди оборок которого можно было прочитать шелком вышитое имя: Вила.

Девушка прислуживала им с начала вечера; Станко то и дело ловил на себе внимательный взгляд, но совершенно другие заботы тут же вытесняли Вилу из его мыслей. Теперь он отважился взглянуть ей прямо в глаза и с удовольствием увидел, как белые ее щеки темнеют от прилива крови.

— Мне еще вина, — заявил Илияш и вдруг пропел хриплым тенором: — Ви-ила, Вила, когда ж все это бы-ыло?!.. Тра-ла, тра-ла-ла...

Из-за соседнего стола на них покосились, а бедная Вила смутилась вконец.

— ...А юноше — еще пива, так ведь, Станко?

И, не дожидаясь подтверждения, Илияш отправил служанку движением руки.

Станко украдкой повернулся — рядом на стене был приколочен гладкий щит. В пыльной и кое-где покрытой вмятинами поверхности щита отражался Станко — мускулистый, широкоплечий, с небрежно разбросанной по плечам гривой темных волос, со стальным блеском в прищуренных глазах и родинкой на правой щеке... Он вспомнил, как покраснела Вила, и почему-то покраснел тоже.

— О лани-иты, лани-иты, румянцем зали-иты! — запел тут же Илияш и продолжал без перехода: — Идем мы с тобой, Станко, прямо свинье в зубы... Или кабану под хвост, кому как больше нравится... А почему, спрошу я тебя, настоящие мужчины не могут отправиться к крысе в глотку? На-астоящие мужчины, тебе сколько лет, кстати?

— Шестнадцать, — ответил Станко, который от неожиданности не догадался прибавить себе год или два.

Илияш удивился:

— Да? А в кого ты здоровенный такой уродился, в маму или в папу?

Станко нахмурился. Илияш, конечно, болтун и пустозвон, но и в шутках следует знать меру...

Стараясь держаться подальше от Илияша, к столу бочком приблизилась Вила. Кувшин вина и огромная кружка пива перекочевали с ее подноса на оструганную столешницу. Станко опять поймал на себе взгляд и отвернулся.

— Выпьем, — Илияш плеснул вина в свой стакан, так что вокруг на столе сразу образовалась красная лужа, — выпьем на дорожку... Пусть добрые духи, как говорится, «бархатом — дорогу нашу, а врагам — по пьявке в кашу»... Пьявку им в зубы, этим собакам-дозорникам! — Илияш понизил голос и оглянулся.

— Выпьем, — сказал и без того захмелевший Станко. — Выпьем за князя... Пожелаем ему легкой смерти! — Он расхохотался, довольный своей шуткой, а Илияш тем временем завертел головой с удвоенным старанием — не слышал ли кто?!

— Ты... потише пока, — браконьер перегнулся через стол. — Языком трепать — это пожалуйста, а на деле кто чего стоит — скоро увидим...

Станко медленно поставил опустевшую кружку на стол. Склонил голову — молодой бычок, да и только.

— Убью, — сказал он тихо и глухо. — Поклялся — и убью.

И такой ненавистью полны были эти слова, что Илияш отшатнулся:

— Слушай... Не мое дело, конечно... Но он тебе папа, папочка, что ж ты шипишь, как змея... Да за что ты его... невзлюбил, а?

Станко тупо уставился в красную лужу на столе. Проговорил наконец:

— Ладно, я тебе расскажу, чтобы зубы поберег, зря не скалил...

Он откинулся на спинку стула и прерывисто вздохнул, собираясь с мыслями. История, которую он намеревался рассказать, была священна. Вспоминая ее накануне похода, он будто подвергал себя очистительному ритуалу. А Илияш — ладно уж, если хочет, пусть послушает...

— Мать моя, — начал он медленно, — мать моя жила в одном поселке, далеко отсюда... Она была единственная дочь в уважаемой семье, и у нее был жених, готовили свадьбу. Она была... Непорочная девушка... И накануне свадьбы через поселок проезжал князь Лиго со стражниками.

Илияш слушал, подавшись вперед, оставив шутки, плотно сдвинув брови.

— Накануне свадьбы... — продолжал Станко. — Мать стояла у ворот отчего дома, нарядная, счастливая... И она понравилась князю!

Он грохнул о стол пустой кружкой. В дальнем углу трактира

шумно заржала пьяная компания. Пальцы Станко, сжимающие деревянную ручку, побелели.

— Она ПОНРАВИЛАСЬ князю! И он... он... Он схватил ее, не сходя с седла! Он вырвал ее из рук отца, который попытался вступиться... Он рассек лицо ее жениху, который кинулся под копыта лошади... И он увез ее, увез, и лакеи его рвали животы со смеху, понимаешь?! Увез в поле... И там... прямо в поле... Так грязно, жестоко... Надругался и бросил. В поле... И некому было ее защитить!

Илияш вздрогнул и поднял голову. В глазах у Станко стояли слезы.

В дальнем углу трактира опрокинули стол и подрались. То и дело хлопала дверь; мимо, удивленно взглянув, скользнула Вила — разбойничья красная косынка ее была теперь украшена одинокой розой.

Станко молчал долго. Молчал и Илияш.

— С тех пор, — наконец выдавил Станко, — с тех пор ее жизнь переменилась, совсем переменилась... Наложить на себя руки ей не дали. Родители не пережили позора, умерли чуть не в один день... Знаешь, в селе очень строго, если девушка... ну, ты понимаешь... А мать родила... меня. Уходила, пряталась... Ее на цепь посадили у колодца, есть такой обычай, если девушка родит... Все должны плевать ей в лицо. И плевали... Она... Ну что тебе рассказывать... Я с пеленок был байстрюк, ублюдок, «нагульный», «прижитый»... А князь...

Голос Станко задрожал от ненависти. Илияш смотрел, как суживаются в щелку, подергиваются пеленой его обычно ясные глаза.

— КНЯЗЬ... Князь Лиго... Он и забыл о ней, конечно. Он пилел, спал-гулял, тискал девок... А мама умерла полгода назад. И когда умирала, позвала меня и... Убей, говорит, его. Казни его. Казни, *пусть не на площади, пусть не в петле... Отомсти...* — Он всхлипнул. — С тем и отошла.

Пьяную компанию выставили из трактира. Стало тихо, только Вила звенела посудой, разбирая завалы, оставленные побоищем.

— Он думал выйти сухим из воды, — сказал Станко с нехорошей усмешкой. — А вот на этот раз не выйдет. Потому что я его обязательно убью, что бы ни случилось!

И он сжал под столом рукоятку своего меча.

Илияш молча взял со стола свой стакан и огромными глотками начал поглощать вино.

— Да... Печальная история, — сказал он наконец, слизнув последнюю каплю. — Нечего сказать... Да только знаешь, парень... Может быть, мать твоя просто согрешила в юности, а потом, чтобы грех прикрыть, эту историю приду...

Увесистая пивная кружка, направляемая молодой безжалостной рукой, угодила Илияшу прямо в нос.

Брызнула кровь. Еще не успев опомниться, Илияш перехватил правую руку Станко и, едва уклоняясь от беспорядочных ударов левой руки, закричал:

— Да пошутил я! Бешеный, пошутил!

Кровь заливала его кожаную безрукавку. Станко, бледный, оскаленный, отбросил кружку и, высвободив правую руку, попытался схватить Илияша за горло.

— Хозяин! Драка! — закричали сразу из нескольких углов.

Илияш ускользнул из стальных объятий своего противника и, отскочив под защиту широкого стола, выставил перед собой ладонь:

— Станко, ладно... Хорошо, извини, я пошутил... Ну, мало ли что бывает, а твоя мать не такая, вовсе нет... Тихо, парень, успокойся, пожалуйста!

К ним уже бежали хозяин и два здоровенных работника. Станко тяжело дышал, сжимая кулаки.

— Все в порядке! — Илияш вскинул руки навстречу подбегающим. — Все в порядке, это ничего, мы уже тихие... Не тревожьтесь, господа, не тревожьтесь... — И он лучезарно улыбнулся, и улыбка эта, облитая кровью из расквашенного носа, была особенно обаятельна.

Хозяин недовольно хмыкнул, работники переглянулись, и вся свора неохотно отступила.

— Сядь, — устало сказал Илияш.

У Станко подкосились ноги, он тяжело опустился на стул.

— Выдержки в тебе, как меда в мухе... Перед таким походом в трактире шуметь... Вся затея на волоске висела, ты хоть понимаешь?

Станко молчал, едва переводя дыхание. Илияш достал откуда-то платок и принялся отирать лицо, и руки, и безрукавку.

— Крови-то сколько... Нашел кому кровь пускать, вояка...

Станко угрюмо смотрел в стол. Илияш повздыхал и вытащил из своего мешка пузатую баклажку. Потряс с сожалением, протянул Станко:

— На, хлебни...

И Станко хлебнул.

Прояснилась отяжелевшая от пива голова. Качнулся закопченный потолок, и Станко померещились в глубине его белые звезды.

— Я... Выйду... — пробормотал он непослушным языком и, счастливо улыбаясь, отправился по нужде.

Илияш огляделся — Вила стояла в стороне и провожала Станко долгим внимательным взглядом.

За Станко закрылась тяжелая дверь, он вышел на середину двора и долго стоял в темноте, повернувшись лицом к княжеским землям... И он не видел, как Илияш поманил к себе девушку, как что-то горячо и убедительно шептал в густо покрасневшее ухо, как девушка пыталась оттолкнуть его руку, которая торопливо запихивала что-то ей в ладонь... Вила качала головой, бормотала что-то в ответ, пыталась отстраниться, но Илияш был настойчив и снова и снова вкладывал в нежную ладошку что-то, невидимое прочим посетителям...

Вила сдалась. Зажала подношения в кулаке. Что-то буркнула Илияшу и вышла.

Станко в тот вечер так и не вернулся в обеденный зал.

...Он проснулся от того, что длинная соломинка влезла ему в нос. Он чихнул и открыл глаза.

Сено, и сено, и снова сено, золотое, озаренное солнцем... Станко схватился за голову и сел.

Солнце пронизывало сарай насквозь, и совсем рядом был дощатый потолок, и очень далеко внизу — дверка, низкая, как в курятнике... Станко обалдело огляделся — рядом на примятом сене лежала красная разбойничья косынка, и тоже примятая.

Пошатываясь, как пьяный, он выбрался наружу.

Фыркали кони, грузились телеги; сновали работники и постояльцы — Станко все еще не понимал, где он. Придерживаясь рукой то за стену, то за поленницу, то за забор, двинулся в обход широкого двора. Уголок красной косынки жалобно свисал из судорожно сжатого кулака.

За углом сарая обнаружился Илияш.

Как ни в чем не бывало браконьер восседал верхом на толстом оструганном бревне. Рядом, привалившись друг к другу, будто ища один у другого защиты и покровительства, жались их заплечные мешки.

— Вот наконец и ты! — объявил Илияш радостно.

Станко молчал, сжимая косынку.

— Жаль, ночка коротка? — осведомился Илияш сочувственно.

Не говоря ни слова, Станко забросил свой мешок за спину.

ГЛАВА 2

Через несколько часов они шли по едва приметной лесной тропинке — впереди Илияш, вооруженный тяжелой палкой, Станко — чуть поотстав.

Кошелек его стал намного легче — десять золотых, половина условленной суммы, перекочевала к проводнику. Вторую половину Илияш должен был получить в конце пути — у подножия замка.

— У подножия! — твердил Илияш, пересчитывая монеты. — А в замок я не пойду, хоть ты мне золотую гору вывали и сверху пряник положи, в замок я — ни ногой, ты это запомни!

Он долго разглядывал монеты, пробовал на зуб, даже нюхал; Станко, помнится, подумал тогда, что Илияш в жизни не видывал столько золота сразу.

Теперь Станко тащился следом за проводником, не отрывая взгляда от его высоких мокрых от росы ботинок.

Первый шаг большого пути был сделан; Станко шагал к замку князя Лиго с мечом на боку и жаждой мести в душе. Тем обиднее было, что в этот священный час ему думалось не об отмщении, а о неких странных вещах.

Вчерашний вечер вспоминался будто в дымке; нечто бесформенное, теплое, не имеющее названия, сумбурное и сладкое угнездилось у него внутри и не желало уходить.

Вчера он впервые коснулся женской груди. Да пребудут с нами добрые духи! Даже сейчас, вспоминая об этом, он покрывался испариной, и хорошо, что Илияш идет впереди и не видит его горящих щек...

Он наткнулся на Вилу посреди двора, в темноте, и сразу почему-то узнал, хотя ночь стояла — глаз выколи. Она не отстранилась, не убежала; у его щеки как-то вдруг возникла теплая ладошка, потом губ его коснулись... Добрые духи! Коснулись бархатные влажные губы, и в ответ им из самого нутра Станко поднялось мучительно-сладостное чувство, памятное по полудетским беспокойным снам, но уж куда тем снам было до этой нестерпимо горячей волны! Потом его куда-то вели, и он спотыкался в темноте, потому что ноги стали чужими и все вокруг вертелось, вертелось, пронизанное короткими вспышками... Потом...

Станко споткнулся о выступающий из земли корень и перевел дыхание. Спина Илияша по-прежнему мерно покачивалась впереди, и светило солнце, и пояс приятно оттягивала тяжесть меча, но сердце постыдно колотилось и не желало успокаиваться.

...Потом был запах сена, и ее руки оказались смелыми до бесстыдства. Он сначала оцепенел, а потом расслабился, поддался, растворился в горячем, пульсирующем... Его ладони впервые в жизни коснулись обнаженного женского тела, пальцы блуждали по неведомым равнинам и теплым круглым холмам, потом забрели невесть куда...

Длинная ветка, преграждавшая дорогу невысоко над землей, ударила Станко под колени. Он потерял равновесие и грохнулся,

растянулся, и заплечный мешок, подскочив, стукнул его по шее, а меч — по ноге.

Илияш обернулся мгновенно — как дикий зверь, в любую секунду готовый к поединку. В руке его блеснул кинжал; при виде лежащего вдоль тропинки Станко хищная готовность на его лице сменилась чуть преувеличенной скорбью:

— Далеко уйдем, парень... И селедке не добежать, и таракану не доплыть, так далеко мы с тобой уйдем... Эдаким манером...

В глазах его Станко померещилась слишком уж понимающая насмешка. Он встал, красный, как разбойничья косынка Вилы.

Двинулись дальше. Станко хмурился и смотрел под ноги, а перед глазами у него было сено, сено, черные кучи сена, полоска неба со звездами, душистые волосы на лице... Вот только удалось ли им сговориться о свадьбе? Ведь свадьбы теперь не миновать, Вила любит его, и он, конечно, тоже...

Пообедали на опушке молодого леска. Это было необыкновенно красивое место — нечто подобное Станко видел в детстве на картине одного бродячего торговца. Пышные кроны, кружевная тень на высокой траве, далекие холмы, запятнанные зеленью кустов... Илияш уплетал за обе щеки хлеб с сыром и громко рассуждал, что неплохо бы завтра изловить в силки перепелочку.

Станко поглядывал на него с неодобрением. Опасный поход странным образом напоминал увеселительную прогулку с пикником; дорога лежала, как в поговорке говорится, «бархатом», и ни трудностей, ни тем более опасностей не было и в помине.

Илияш балагурил, а Станко вспоминал, как вдохновенно тот расписывал превратности предстоящего пути. На двадцать золотых можно целое хозяйство купить... Целое хозяйство! Ловко браконьер себе цену набил... Завтра перепелочку поймаем, послезавтра — куропаточку, потом зайчика или еще кого... А там и замок — все эти предания насчет ловушек могут оказаться болтовней, а ты, Станко, выкладывай причитающиеся денежки!

Илияш смахнул крошки со своей безрукавки, на которой кое-где остались полустертые пятнышки крови. Станко вспомнил, как мучительно стыдно было ему вчера, как он стоял, не решаясь вернуться в трактир, где только что разбил приятелю нос... И тогда Вила...

— Вставай-ка, — усмехнулся Илияш, заметив, как некая мечтательность подернула до того хмурое лицо Станко. — Солнышко высоко, милая далеко, как в песне поется... Или ты передумал и не хочешь больше убивать папу?

Станко сжал зубы и встал.

Споро и безмятежно они шли еще несколько часов, и солнце склонилось к западу, и Станко совершенно уверился, что Илияш

его надул. Тропинка вынырнула из одной рощицы, чтобы нырнуть в другую; разделял их пышный, усеянный цветами луг — ни одна деревенская девчонка не удержалась бы от соблазна немедленно сплести веночек.

Едва спутники ступили на этот луг, как Илияш встал будто вкопанный. Станко, конечно же, сделал два лишних шага и чуть не налетел на жесткую браконьерскую спину.

— Ромашки-милашки, маков цвет, дай ответ... Меня любят или нет... — услышал Станко бормотание проводника.

И тогда, раздраженный и злой, он отстранил Илияша с дороги и гордо двинулся через луг, всем своим видом показывая, что вывел мошенника на чистую воду.

— Стой!

Выкрик прозвучал резко, будто хлыстом ударили. Станко, не успев сообразить еще в чем дело, замер с поднятой ногой.

Илияш не смеялся. Бледный, он сгреб Станко за грудки:

— Куда?! К праотцам охота? Как договаривались, сопляк: я впереди, ты за мной!

Станко растерялся и потому ни слова не сказал в ответ.

Илияш отпустил его, стал, упершись своей палкой в землю, и уставился на зеленый луг, будто увидев на нем стаю привидений.

Несколько минут оба молчали; Станко тупо смотрел то на проводника, то на изумрудные волны, которые безмятежно гуляли по верхушкам трав.

Илияш наконец шагнул вперед. Уверенно выбросил вперед руку с палкой, и Станко подумал было, что тот увидел змею — но ни одна змея не могла бы издать тот звук, что сразу за этим последовал:

— Клац-зззз...

Илияш с трудом приподнял палку. На конце ее Станко увидел темное, громоздкое приспособление, железную пасть с двумя рядами сомкнутых блестящих зубов. За пастью потянулась из травы звенящая ржавая цепь.

— Псы, — сказал Илияш сквозь зубы. — Собаки и есть... Посмотри, парень...

Станко, преодолевая внезапную робость, склонился над железным предметом. Это действительно была пасть — присмотревшись, Станко разглядел и морду — уродливую, жабью, с полуприкрытыми оловянными глазами. Железные зубы, сомкнувшись, оставили глубокие отметины на палке.

— Это... ловушки? — поинтересовался Станко, стараясь говорить как можно равнодушнее.

Илияш фыркнул:

— Это капканы... Просто капканы на нашего брата. И ведь что

интересно — срабатывает такая штука один раз, и если пасть захлопнет — потом ей зубы не разожмешь...

Станко не очень-то поверил, но решил не уточнять. Железная морда с оловянными глазами произвела на него самое неприятное впечатление.

— След в след, — сказал Илияш негромко, прикидывая расстояние до впереди лежащей рощицы. — Куда я ступлю, туда и ты... Понял?

— А в обход... Никак нельзя? — Станко смотрел в сторону с самым независимым видом.

Илияш фыркнул и с видимым трудом выдрал палку из зубов железного чудовища. Глухо звякнув, капкан отлетел в траву. Станко померещился злобный оловянный взгляд, провожавший путников из-за стеблей.

Шли медленно. Вокруг волновалась трава; была она сочной, сытой, густой, и в гуще этой, казалось, ничего не разглядеть — только цветочки, да узкие листья-стрелки, да пчелы...

— Клац-ззз!

Станко похолодел. На палке у Илияша сомкнул челюсти еще один капкан; Станко пригляделся — этот был меньше, легче, и вместо зубов у него в пасти были иглы — толстые, будто сапожные, острия измазаны темным...

— Ну до чего псы, — сказал Илияш с отвращением. — Этот с ядом, видишь? Но зато разомкнуть можно...

Нагнувшись, он двумя руками взялся за железные челюсти. Станко стоял, терзая и мучая рукоятку совершенно бесполезного здесь меча.

Руки Илияша напряглись; отравленные иглы неохотно отпустили палку. Глядя на оставленные ими глубокие дырки, Станко вдруг представил, как подобный капкан защелкивается на ноге...

— Сапоги, — сказал он хрипло.

Илияш осторожно избавился от капкана:

— Что?

— Если в сапогах, как я... Прокусит голенище?

— Прокусит! — сообщил Илияш радостно. — Эти зубки железо пробивают, им сапог прокусить — все равно что кашу прожевать...

Он выпрямился, с сожалением разглядывая свою изрядно пострадавшую палку. Снова посмотрел на маячившую впереди рощицу:

— Вперед. След в след.

Станко не надо было напоминать. Касаясь подошвой земли, он весь сжимался, ожидая услышать «клац-ззз». Твердо поставив ногу и оставшись в живых, он обессиленно выдыхал, чтобы снова сжаться перед следующим шагом.

Глаза его не отрывались от пяток идущего впереди Илияша. Вот нога браконьера отрывается от земли — расправляются примятые травинки, и Станко спешит поставить на них сапог, и упаси добрые духи задеть хоть одну прямую, непримятую!

Ему казалось, что ступни у него непомерно огромные, неуклюжие, что следы ботинок Илияша меньше его собственных следов, что там, где пройдет проводник, он, Станко, непременно угодит в...

— Клац-зззз!

Щелкнуло особенно громко, особенно хищно. Станко остановился, обливаясь потом, а на палке у Илияша повисла, намертво вцепившись, целая железная голова — исполинские челюсти, три ряда зубов, и на месте глаз — желтые стекляшки.

— Здравствуй, дружок, — нежно сказал Илияш, обращаясь к страшной харе.

— А глаза... зачем? — шепотом спросил Станко.

— Растяп высматривать, — пояснил Илияш серьезно. С видимым усилием он стряхнул чудовище с палки, конец которой был уже так измочален, будто по нему прошлось стадо буйволов.

Двинулись дальше. До рощицы было рукой подать, когда Станко увидел чуть в стороне темный непонятный предмет, над которым колыхалась трава.

— Илияш... — позвал он шепотом.

Проводник остановился с занесенной ногой. Не оглядываясь, выбрал место и осторожно поставил эту ногу, только потом спросил сквозь зубы:

— Что?

Станко молча указал ему на свою находку. Илияш вгляделся и вдруг помрачнел, как никогда раньше — просто почернел лицом.

— Идем, — сказал глухо. — Эти капканы только раз захлопываются, только раз. Звери все-таки эти стражники, надо бы...

Он замолчал, а Станко не стал переспрашивать, что, собственно, «надо бы». Ему вдруг стало очень плохо. В темном предмете он узнал человеческую ногу — ногу в темной штанине и высоком башмаке, почти до колена заглоченную пастью капкана. Илияш двинулся вперед — над капканом взвилась черная стая мух.

— Не могу, — тихо сказал Станко.

Илияш приостановился. Буркнул, не оборачиваясь:

— Что?

— Не могу, — Станко наклонился вперед, и его стошнило.

— Значит, оставайся тут, — отозвался Илияш почти весело и снова пошел вперед. Станко, подавив спазмы в животе, через силу двинулся следом.

Он — боец. Никто в мире не посмеет назвать его трусом. Пусть выйдут воины в доспехах, десять на одного — он одолеет. Но это...

Рощица качнулась, помедлила и приблизилась, наконец. Трава здесь поредела и вовсе сошла на нет; между корнями зеленел мох да лаково поблескивали какие-то широкие листья.

— Вроде все, — сказал Илияш озабоченно. — Впрочем, кто их, сволочей, знает... Под ноги смотри на всякий случай.

Он отбросил свою палку — она имела жалкий вид и годилась разве что на растопку.

Станко оглянулся и посмотрел на нарядный луг, оставшийся за спиной. Он ощутил вдруг, как дрожат и подгибаются колени, как ручейками стекает по спине пот и зудят ладони.

А что, если б он шел этим лугом один? Не задумался б ни на минуту, весело, с песней шагнул бы в траву, и первое же «клац-зззз» пробило бы сухожилия, раздробило кость, и оставалось бы только ждать стражников, чтобы те, явившись, отрубили ему ногу...

Он испытывал детскую благодарность к Илияшу — провел-таки, сберег и не зубоскалит над его страхом, над слабостью там, на лугу...

— Штаны-то сухие? — тут же поинтересовался Илияш. Слезная благодарность Станко улетучилась как дым.

Роща полна была дятлов — красные макушки мелькали среди листьев, и со всех сторон слышался дробный перестук. Станко вспомнил соревнование барабанщиков, на которое они с матерью однажды попали на ярмарке. Илияш, шагая впереди, что-то насвистывал, будто и не было страшного луга, страны капканов... На ходу он нашел и срезал ветку на новую палку — и теперь, довольный, стесывал кинжалом сучки.

Хорошо бы, подумал Станко, хорошо бы больше не встречать капканов. Прав Илияш — псы эти стражники и подлецы. Нет чтобы в честном бою — исподтишка хотят укусить, внезапно, подло... Что ни говори, а капканы — это, пожалуй, самое худшее, что может здесь случиться. Во всех прочих случаях... — и Станко наполовину выдвинул из ножен свой непревзойденный меч.

— Суетятся муравьи-ишки, у них темные дели-ишки... — пел Илияш.

И действительно, чем дальше они шли, тем больше становилось под ногами муравьев — один из них даже ухитрился забраться Станко в сапог и больно укусил его за палец; Станко что есть силы затопал ногой, пытаясь раздавить злобное создание.

— А вот еще ловушка, — будничным тоном сказал Илияш. — Но нам она не страшна, потому что уже сработала.

Он отступил — и Станко увидел впереди огромную муравьиную кучу. Над кучей, подвешенный за ногу, покачивался на ветру скелет. Веревка была сплошь облеплена муравьями; насекомые деловито обгладывали кости, копошились в пустых глазницах... Станко быстро зажмурился.

Не надо смотреть, подумал он, сжимая зубы. Добрые духи, кто же до такого додумался?!

— Это стражники? — услышал он собственный голос.

— Ну да, — отозвался Илияш, и в тоне его скользнуло почему-то раздражение, — они, сволочи... Причем им даже трудиться не надо — эта ловушка работает сама, как капкан...

— И он не смог вырваться? — спросил Станко, мельком глянув на скелет.

Илияш пожал плечами:

— Видно, не смог... Бедняга. То-то промысел на княжеских землях — сегодня охотник, завтра дичь...

— У меня меч, — сказал Станко так твердо, как только мог. — Я смогу освободиться. И тебя, Илияш, освобожу, не бойся.

Илияш глянул на него со странным выражением — похоже, с интересом.

Они заночевали в лесу, не разжигая костра, — Илияш сказал, что светить в темноте опасно. Установили дежурство — все дело свелось к тому, что Станко всю ночь дрожал и вслушивался, а Илияш сладко сопел, завернувшись в припасенное одеяло.

Станко не смог бы заснуть при всем желании. Иногда он впадал в оцепенение, и тогда в темном сплетении веток ему мерещилась Вила, такая, какой он увидел ее впервые, в передничке, с пивной кружкой на подносе... Пивная кружка превращалась вдруг в голый, покрытый копошащимися муравьями череп, Станко в ужасе поднимал глаза — вместо Вилы был Илияш, довольный, смеющийся, повязанный красной разбойничьей косынкой...

Он обрадовался, когда небо наконец посерело, в кроне над головой пискнула первая птаха и видны стали стволы, просветы между ними и спящий проводник рядом.

Едва продрав глаза, браконьер заявил, что голоден, что желает деликатной пищи и не сделает и шагу вперед, пока не изловит в силки завтрак. Вытащив из своего заплечного мешка некое странное приспособление, Илияш удалился за кусты, и вскоре Станко услышал оттуда нежный призывный свист...

Браконьер вернулся, потрясая двумя жирными птичьими тушками. Станко неумело помог ему ощипать и выпотрошить добычу; Илияш орудовал кинжалом ловко, как фокусник, которого Станко видал в маленьком балаганчике из рваной рогожки. Пташки были изжарены на огне крохотного костерка; Станко казалось, что он не хочет есть, первый кусок он откусил через силу — и тут же, ощутив зверский голод, заработал челюстями так, что в воздухе повис

сплошной хруст костей. Илияш следил за ним с явным уважением — сам он ел очень аккуратно, беззвучно, хотя и быстро.

— Жить тут можно круглый год, — говорил Илияш, когда они двинулись в путь, — птица, зверь, в ручьях еще и рыба... Но, знаешь, где мед, там и жало — зверушки жиреют, дозорники стервенеют...

Станко после сытного завтрака тянуло в сон — ведь ночью он не сомкнул глаз! Вполуха слушая обычную болтовню Илияша, он тяжело брел следом, то и дело поправляя на спине неудобно надетый мешок.

Вышли на берег ручья, который и за мелкую речушку сошел бы. Вода лихо закручивалась водоворотами, на дне пестрели камни, кое-где в тихом месте маячила темная рыбья спина.

Илияш обернулся, открыл рот, чтобы сообщить что-то радостное — и вдруг застыл. Безмятежность сползла с его лица, и лицо это враз переменилось — потемнели глаза, ввалились щеки.

— Ой, парень, — сказал Илияш негромко, — а за нами погоня, похоже...

Станко прислушался. В утренней разноголосице птиц, ручья и ветра его ухо не уловило ничего угрожающего.

Илияш тем временем быстро стал на колени и приложил ухо к земле; Станко мимоходом подумал, что позу нелепей трудно представить.

— Всадники, — сказал Илияш, и голос его полон был такого невыносимого ужаса, что Станко наконец-то тоже стало не по себе. — Всадники! — Илияш поднялся, и руки его дрожали. — Выследили, псы... И зачем мне теперь твое золото?!

Станко беспомощно огляделся вокруг. Редкая рощица на этом берегу ручья, поляна напротив... Чахлые кусты, невысокая мягкая трава... Не спрячешься, хоть в землю заройся!

— Вперед! — выдохнул Илияш и сломя голову кинулся невесть куда, не разбирая дороги.

Станко тоже побежал, и в ту же секунду его захлестнул ужас: он почувствовал себя травимой дичью. Заплечный мешок нещадно колотил по спине, ножны меча били по ногам и мешали бежать, сердце готово было выпрыгнуть из груди и нестись что было сил, обгоняя Илияша. Перед глазами Станко прыгали высокие ботинки проводника, летели комья земли из-под тяжелых подошв, слышалось хриплое, срывающееся дыхание.

— Сю...да...

Высокие ботинки резко свернули — задыхающийся Станко едва успел затормозить перед стеной колючего кустарника.

— Давай... Скорей... — бормотал Илияш.

Он ловко поднырнул под шипастую ветку, и через секунду Станко увидел его мешок, мелькающий в глубине зарослей.

— Туда? — прошептал Станко растерянно.

Перед его глазами раскачивались черные загнутые иглы шипов. Он с детства не любил колючек и еще вчера был уверен, что никакая сила не в состоянии загнать его в колючий кустарник; он обернулся, будто ища другого убежища, и услышал далекий стук копыт.

Такой простой, привычный звук поднял дыбом волосы у него на голове. Не помня себя, Станко кинулся в заросли.

Колючки впивались и рвали, он слышал треск ткани и собственной кожи — и все-таки лез и лез вперед, потому что стук копыт за спиной становился все громче и отчетливее.

— Падай! Не дыш-ши... — прошипел откуда-то Илияш.

Станко присел, припал к земле, и ветки над его головой распрямлялись медленно, слишком медленно, и Станко казалось, что они специально кивают стражникам, будто приглашая: сюда! Здесь он!

А потом он и вправду перестал дышать, потому что на место, где он стоял пять минут назад, высыпали всадники.

Их было восемь или девять; вжавшийся в землю, съежившийся Станко видел огромные копыта черных лошадей, безжалостно давившие траву, огромные сапоги в стременах, огромные черные арбалеты за спинами плечистых, мордатых, облепленных железом молодчиков... С седел свисали петли арканов; Станко смотрел, не в силах оторвать глаз.

Лошади топтались на месте, и каждое копыто продавливало в земле глубокую круглую вмятину. Всадники вертели толстыми шеями; один взглянул, казалось, прямо Станко в глаза — и у того мучительно сжались все внутренности, он слезно пожалел, что не родился древесным клопом...

Потом кто-то, вероятно, начальник, крикнул резкую неразборчивую команду, и вся свора сорвалась с места, вздымая выдранные с корнем пучки травы, и в секунду пропала из глаз.

Станко почувствовал, как по расцарапанной щеке его ползет тяжелая капля крови.

Из кустов чуть правее поднялось белое лицо Илияша. Браконьер сглотнул и прошептал, округлив глаза:

— Без собак они были. Добрые духи, без собак.

Никакие капканы, никакие ловушки, никакие скелеты на веревках не могли напугать Илияша так, как напугали его несколько стражников на черных лошадях.

Колючие кусты пощадили верткого браконьера — мне бы так, с

мрачной завистью думал Станко, слизывая кровь то с одной глубокой царапины, то с другой. Одежда его висела лоскутками, как на балаганном актере. Даже добротному заплечному мешку досталось, что уж говорить о ладонях, о щеках, об ушах!

Станко слизывал кровь и угрюмо слушал причитания Илияша, тащившегося впереди:

— Без собак... А если б с собаками, уже б на дыбе висели... Зачем мне твое золото на дыбе? Зачем, а?

Илияш обернулся и заглянул Станко в глаза с горьким упреком, переходящим в обвинение:

— Зачем золото в пыточной, а? Нашел парень старого дурака, монетками позвенел, и тащись, Илияш, смертушке навстречу... Да если бы просто смертушке... — он отвернулся и побрел, не поднимая головы, обращаясь к замшелым корням под ногами:

— Тебя они, может, и пожалеют... Повесят, и ладно. А меня они знают, знают, понимаешь! Я сбежал... Я карту спер...

Он вдруг остановился и сказал совсем другим тоном, спокойно, деловито:

— А у князя в замке чудесная камера пыток. Видывал я одним глазком... Ну чего там только нет! Ты, парень, и представить себе такого не можешь. Дивная камера, ни в чем недостатку не будет!

Тем временем путников обступил лес; на первой же поляне, затерянной в молодом густом ельнике, Илияш сел — вернее, упал, будто у него подкосились ноги.

Станко сам собрал хворосту и сам разжег костер; Илияш сидел безучастно, глядя прямо перед собой и беззвучно шевеля губами. Станко пару раз вопросительно взглянул на него — тот не ответил.

— Да не трусь ты, — сказал Станко, когда огонь запылал и на полянке сделалось почти уютно, — обошлось ведь...

Илияш молчал.

— Сколько нам идти еще? — Станко старался говорить как можно увереннее и доброжелательнее. — Три дня, четыре?

— Нисколько, — отозвался Илияш мертво, и у Станко сжалось сердце от нехорошего предчувствия.

— Как это? — спросил он по-прежнему спокойно. — Разве мы уже пришли?

— Пришли, — глухо сказал Илияш, — теперь надо ноги уносить.

Стало тихо, только огонь потрескивал, обгладывая еловые ветки.

— Мы так не договаривались, — сказал Станко, и голос его дрогнул. — Ты же знал, на что шел! Я же золотом тебе заплатил, морда! И еще заплачу...

— Без собак они были, — сказал Илияш после паузы. — Если б с собаками...

— Хорошо, — сказал Станко зло. — Отдавай деньги.

Илияш поднял на него удивленный взгляд.

— Отдавай деньги! — Станко встал. — Ты их не заработал! Отдавай и уноси ноги, а я все равно дойду до замка и зарежу этого мерзавца князя!

При упоминании о князе руки его сами собой схватились за меч. Он шагнул вперед — Илияш испуганно отшатнулся.

— Ты... — Станко несло на какой-то дикой волне куража, — ты проводник мой, понял? Если мне придется и тебя зарезать по дороге к замку, то я и зарежу... А ну, встань!

Станко выхватил меч. Илияш медленно встал — худой, весь какой-то нескладный, съежившийся; стоял, глядя на светлое лезвие в руках парня, и глаза его отражали странную мешанину чувств.

Станко перевел дыхание. Спросил уже спокойно:

— Пойдешь дальше?

— Пойду, — отозвался Илияш, не отрывая взгляда от меча.

Где-то далеко заухала сова. Потом еще раз — ближе.

— Ну, вот и хорошо, — сказал Станко с облегчением и спрятал меч в ножны.

Стало тихо. Илияш взял охапку собранного Станко хвороста и подбросил в затухающий костер. Взметнулось пламя.

— Значит, — медленно сказал Илияш, усаживаясь напротив, — значит, ты действительно... Ты ОЧЕНЬ хочешь его убить.

Сквозь языки пламени Станко видел его задумчивое, сосредоточенное лицо.

— Хорошо... Убей его, парень. Убей.

И лицо Илияша исказила гримаса, показавшаяся Станко гримасой ненависти.

Случай этот сильно сказался на отношениях компаньонов. Станко думалось теперь, что проводник попросту его боится.

Они продвигались вперед медленно, Илияш то и дело останавливался, изучал дорогу, отдыхал, охотился... Ясно было, что путешествие ему в тягость, но он не решался заявить об этом прямо, тянул да хитрил. Два раза Станко ловил на себе странные взгляды — Илияш бросал их исподтишка, когда уверен был, что Станко ничего не заметит.

Так прошло два дня, и в душе у Станко поселилось нехорошее, гнетущее чувство. Он перестал доверять проводнику.

Меч по-прежнему был готов к бою. Станко знал, что уж в схватке-то он сможет защитить себя. Но Илияш, конечно, на открытую схватку не решится. Десять монет у него; чего стоит однажды ночью взять да и сбежать?

Дело было вечером. Илияш неподвижно сидел напротив, пово-

рачивая над огнем костра самодельный вертел с нанизанными на него ломтями мяса. Глядя на его невозмутимое сухощавое лицо, Станко помрачнел.

Он бредет за проводником без дороги и ориентира, о замке ему известно только, что тот где-то на востоке, но чего стоит это знание в непролазных княжеских лесах? На лугах, где полно капканов? На опушках, где рыщут стражники? Если Илияш сбежит, шансы Станко на встречу с отцом сильно поредеют.

Илияш, будто читая его мысли, поднял голову и чуть усмехнулся. Глаза его, отражая пляшущее пламя, глянули на Станко остро, насмешливо, будто бы говоря: а вот поглядим, дружочек! И не успел Станко опомниться, как Илияш уже снова смотрел на свою стряпню, смотрел сосредоточенно, как ни в чем не бывало...

Он все понимает, сообразил Станко, чувствуя, как холодеет спина. Может быть, он задумал сбежать прямо сегодня? А может быть, — тут руки его непроизвольно потянулись к кошельку на поясе, — может быть, уходя, он прихватит и оставшиеся деньги? Те, которые Станко обещал отдать у стен замка?

Илияш неспешно поворачивал вертел, а Станко смотрел на него, чувствуя себя беспомощным и глупым.

Сторожить? Не спать ночь? Другую? Третью? Сколько ночей он сможет выдержать без сна, и сколько дней пути осталось до замка? Ведь они идут медленно, так медленно, а может быть, Илияш и вовсе водит его по кругу?!

При этой мысли Станко сделалось совсем кисло. Только наивный дурак мог довериться совершенно незнакомому, странному человеку, и вот миссия оказалась под угрозой, и некого винить...

Илияш радушно предложил ему жареного мяса. Станко угрюмо отказался.

Это была тяжелая ночь.

Костер прогорел, только красные огоньки бегали от уголька к угольку, мерцали, но не светили. Станко лежал, не выпуская из руки обнаженного меча; рядом спал Илияш — или не спал, а притворялся, выжидая своего часа.

Станко прислушался, затаив дыхание, и осторожно, как лазутчик, подполз к проводнику. Если бы тот хоть храпел... Но Илияш спал тихо, как ребенок, и Станко долго мостился, пытаясь пристроиться рядом и не разбудить.

Босая нога его касалась колена Илияша, и если тот пошевелится, Станко мгновенно проснется... Хотя он не спит... Не спит...

Кошелек, тщательно спрятанный под курткой, теперь впился Станко в бок. Хорошо, что он не такой тугой, как раньше... Ему понадобятся деньги, скоро их свадьба с Вилой...

В темноте он различал темную глыбу на месте Илияша, бока ее то поднимались, то опускались. Браконьер был с головой укутан одеялом.

Вот из-под одеяла вынырнули руки, длинные, вороватые, с многосуставчатыми пальцами... Тянутся к кошельку, а Станко не может и шелохнуться...

Он вздрогнул. Кошелек по-прежнему больно давил на ребра. Не спать, не спать... Хоть бы луна взошла...

Ночь, однако, была темная, безлунная, и только ветер возился в черных кронах да кричали совы, заставляя Станко вздрагивать...

...Он открыл глаза.

Полянка была залита светом — из-за деревьев поднималось солнце. На месте костра остался черный круг; на месте Илияша осталась чуть примятая, уже успевшая подняться трава.

Станко машинально потянулся к кошельку — тот был тоже на месте, золото тускло звякнуло.

Меч лежал рядом и был совсем мокрый от росы. Станко провел пальцем по лезвию — сверкающие капельки полетели в траву.

Он снова тупо уставился на место, где недавно лежал браконьер, укутавшись с головой старым одеялом.

Ну и ладно, подумал Станко с горестной решимостью. Остался, с чем был... Меч при мне. Замок на востоке. Дойду.

Он с трудом встал и огляделся. Его заплечный мешок был рядом; мешок Илияша, конечно же, исчез.

Шакал, подумал Станко, натягивая сапоги. Трус. Предатель.

Солнце поднималось, надо было отправляться в путь, а Станко все топтался, будто чего-то ждал, и все не мог выбрать, по которой из двух чуть заметных тропинок ему идти. Решился, прошел несколько шагов — и сразу понял, что возвращается, что проделывает в обратном порядке путь, по которому они с Илияшем пришли вчера.

Угрюмый и злой, Станко вернулся на полянку. Посмотрел на черный круг от костра — Илияш всегда маскировал такие отметины — и сжал зубы. Вытащил из ножен меч.

— Подходи, трус, — сказал он хрипло, обращаясь к одинокому кусту, так и затрепетавшему от страха. — Подходи, мерзавец. Тебе не спастись, слышишь?! Все равно не спастись!!

И меч заблистал, отражая солнце.

Он вращался все быстрее и быстрее, и пропал из глаз, и на его месте осталась только серебристая сетка, напоминающая крылышки стрекозы. Станко чувствовал каждую свою мышцу; вся его горечь и досада выливалась в это бешеное вращение, и куст перед ним побледнел, почуяв, что его ждет.

— Не спастись! Не уйти! Все равно! Все равно!

Станко сделал выпад и нанес первый удар. Куст вздрогнул, две толстые ветки, отсеченные с маху, повалились в траву. Станко не поленился тут же отразить воображаемый удар врага, а потом напал снова, одним ударом снеся с куста верхушку. Жалобно сыпались листья, шипел воздух, рассекаемый сталью, да тяжело дышал Станко:

— Подходи! Ближе!

Он не знал уже, кого крошит — предателя Илияша или самого ненавистного князя. Куст раскачивался, неся ужасные потери, землю вокруг него устилали отрубленные ветки, но Станко не остановился, пока пот не залил ему глаза.

Тогда он опустил меч, в глазах его стояли злые слезы, на месте пышного, зеленого куста остался теперь жалкий обрубок.

— Все равно, — сказал он упрямо. — Доберусь и...

— Эй, парень!

Станко обернулся, будто его ужалили.

Рядом стоял Илияш, в одной руке мешок, в другой — окровавленная тушка зайца. Штаны его были по колено в росе, а голубые глаза сверкали довольно и проницательно. Станко сразу отвернулся, чтобы скрыть предательские слезы и глупую счастливую ухмылку.

Илияш обошел куст кругом:

— Да уж... Знавал я одного брадобрея, так тот тоже любил... Обкорнать... За что ты его, парень?

Станко буркнул, не поднимая головы:

— Ты... где был?

Илияш, похваляясь, подбросил тушку:

— Косого изловил... Съем вот... Тебя угощу, быть может. Да и дорога здесь раздваивается, как у змеюки язык, разведать нелишне...

Станко не знал, чего ему больше хочется — съездить проводнику по носу или расцеловать его. Илияш подошел ближе, склонил голову к плечу, пытаясь заглянуть Станко в глаза:

— А ты что... Плохое что-то подумал, да?

Станко досадливо плюнул и пошел за своим мешком, но Илияш не отставал, тянулся следом, с интересом выспрашивая:

— Подумал? Нет, скажи, о чем ты подумал!

Глаза его буравили и насмехались, и Станко, красный как рак, сам стыдился теперь своих мыслей.

С возвращением Илияша к Станко, в свою очередь, вернулось душевное равновесие. Шагая вслед за проводником, он чувствовал себя легко и надежно, хотя нет-нет да и корил себя за мрачную подозрительность.

Илияш, похоже, тоже пребывал в добром состоянии духа, до ушей Станко доносилась то одна, то другая песенка:

— Ти-ри-ри, та-ра-ра... Ми-илая, ми-илая, нынче ночка длиинная...

Станко мечтательно улыбался. Они преодолели ловушки и засады, замок неотвратимо приближался, и неотвратимо приближалось возмездие. Улыбаясь, он не сразу заметил, что песенки Илияша почему-то стихли; Станко споткнулся и тогда только обнаружил с удивлением, что сам бормочет в такт шагам, как песню:

— Смерть князю, тра-ла-ла... Смерть бандиту, тра-ла-ла... Бойся, Лиго, тра-ла-ла!

В полдень остановились отдохнуть у источника, пробившего себе дорогу между корнями исполинского дуба.

— Князь, выходит, уже покойник? — поинтересовался Илияш, с удовольствием вытягивая длинные ноги в запыленных ботинках.

Станко уловил в его голосе насмешку, но рука его сама собой легла на рукоятку меча.

Помолчали. Тонко пел родник, трещали кузнечики, тянуло в сон.

— Слушай, Илияш, — Станко заколебался, — а ты, когда стражником служил...

Илияш нахмурился. Напоминание было ему неприятно.

— Да нет, — Станко хотелось сгладить неловкость, — я только хотел спросить... Ты князя видел?

Браконьер медленно повернул голову. Губы его неспешно расползлись в ухмылке:

— Конечно. Как не видать.

У Станко страшно заколотилось сердце. Сжав зубы, вытащил монетку:

— Он... похож? Такой точно?

Илияш и не глянул на чеканный профиль. Лег, закинул руки за голову. Сказал чуть погодя:

— Ты его узнаешь.

Снова стало тихо.

— Ты его... сблизи видел? — опять спросил Станко. Илияш лениво повел бровью:

— Как тебя.

Станко облизал пересохшие губы. Ему было странно неловко, будто он спрашивал о чем-то запрещенном, постыдном.

— А... жена есть у него?

Илияш молчал долго. Протянул наконец:

— Нету жены.

В двух шагах от путников вынырнула из травы непуганая полевая мышь. Удивленно воззрилась на незнакомцев. Илияш — заме-

тил Станко краем глаза — прищурился, неподражаемым охотничьим взглядом отмеряя расстояние до глупого зверька.

— Да оставь ты ее! — возмутился Станко. — Есть ее будешь? Что она тебе сделала?

Мышь испугалась громкого голоса и нырнула обратно в траву.

— Мышку жалко тебе, — вздохнул, расслабляясь, Илияш, — мышку жалко, папу не жалко...

Станко стиснул зубы и ничего не ответил, но на этот раз молчание длилось недолго.

— Илияш... А как он живет, там, в замке? — И тут же добавил небрежно: — Мне побольше узнать надо... Чтобы впросак не попасть, выследить и не промахнуться.

Илияш сел. Посмотрел на Станко долгим серьезным взглядом. Сказал со вздохом:

— Хорошо живет. Богато. Не очень весело, правда... Сам знаешь, какая у него история. Предки твоего папы, и твои предки, значит, всю жизнь воевали... А жизнь у них, правда, была короткая, пока не зарубят, не проткнут, со скалы не сбросят... И вот перебили всех, один князь Лиго и остался. Злющий, как одинокая змея, — Илияш недобро усмехнулся. — В замке сидит, и комнат там, Станко, как пьявок у цирюльника. А в самой главной комнате... Я там не бывал, конечно, но рассказывают, что там на атласной подушечке лежит княжий венец... — голос Илияша смягчился, обрел бархатные нотки, будто он рассказывал мальчику старую сказку. — Венец этот, Станко, о четырех зубцах, и выкован, конечно, из чистого золота. Предки князя за него дрались — брат с братом, отец с сыном... Венец этот ковали четыре колдуна, и коснуться его может только тот, кто по крови — прямой потомок княжьего рода. Коснется самозванец — умирает в корчах, страшное это дело...

Илияш замолчал, задумавшись.

— Я могу коснуться, — сказал Станко.

Илияш поднял голову:

— Что?

— Я могу коснуться. Я — прямой потомок княжьего рода.

Браконьер помолчал. Сорвал травинку, сунул в зубы. Пробормотал, теребя изрядно отросшую бороду:

— Ну, ты и нахал... Наглый мальчишка...

Последовала пауза. Илияш отшвырнул травинку и встал:

— Ты доберись до него сначала, до венца-то! И князя убей, тогда посмотрим...

Станко усмехнулся.

В следующую секунду на солнце вспыхнул его верный меч. Парень, который только что сидел, развалившись, опершись спиной

о ствол, в одно мгновение оказался на ногах, в боевой стойке. Без единой заминки, без паузы, в бешеном темпе перед глазами явно струхнувшего Илияша промелькнул каскад боевых приемов; Станко припадал к земле и подпрыгивал высоко вверх, меч слился в одно целое с его рукой, и разгоряченное лицо выдавало свирепую радость сильного и бесстрашного зверя.

— Аха! — Станко замер в живописной позе, изображающей смерть противника на острие меча; потом покосился на своего обмершего зрителя и *преспокойно спрятал оружие в ножны.*

Притихшие было кузнечики возобновили свои рулады. Илияш уважительно кивнул:

— Что ж... Это, конечно... Ну да. Только... ты ведь не думаешь, Станко, что у князя в охране пастухи да лавочники? Тоже бойцы, и не простые, у каждого свой секретный удар... А сам князь Лиго, говорят... — произнося имя князя, Илияш хищно оскалился, — сам князь в поединке великий мастер, и любимое оружие у него — меч и кинжал... Думаю, какой-то мальчишка, хоть и сильный, и обученный... — он поджал губы и скептически покачал головой.

Разгоряченный Станко озлился. Сомнения Илияша бесили его; уперевшись в бока, он тучей навис над проводником:

— По-твоему, мне только с лавочниками сражаться?!

Илияш вскинул руки, как бы говоря — что ты, как можно так подумать!

— По-твоему, я просто «какой-то мальчишка»?! — продолжал Станко.

Илияш рьяно замотал головой, изо всех сил желая опровергнуть это предположение.

— А ну, — Станко несколько успокоился, и на место гнева пришла снисходительная улыбка, — а ну... Давай померяемся силами!

Илияш, кажется, смутился. С опаской посмотрел на меч в ножнах:

— Что ты... У меня и оружия... подходящего нет, — и рука его виновато скользнула по кинжалу на поясе.

Станко отстегнул меч, бросил в траву. Когда некая идея овладевала им без остатка, отказаться от нее уже не было никакой возможности.

— На палках, — сказал он тоном, не терпящим возражений. — Посмотрим, какой ты боец!

Илияш растянул губы в странной, чуть кровожадной усмешке.

Они сошлись посреди широкой, залитой солнцем поляны. У каждого была длинная свежевырезанная жердь; Станко радостно ухмылялся, Илияш был спокоен, только глаза его, сузившись в голубые щелки, выдавали веселый кураж.

— Ай-я! — выкрикнул Станко и пошел в атаку — палка в его руках замелькала, как спица в колесе, полусогнутые ноги твердо упирались в траву, каждая мышца слушалась точно и безотказно.

Илияш отступил, посмеиваясь. Палка в его руках была почти неподвижна, как застывшая перед броском змея.

— Хей! — Станко нанес первый удар, и жерди впервые звонко соприкоснулись. — Хей-я! — Станко наступал и наваливался, и противник его едва успевал уворачиваться из-под увесистых ласк бешено вращающейся палки.

Станко раздухарился, и то, что противник его был недосягаем, совершенно выводило его из себя. Они проделали на полянке круг, второй; Илияш ускользал либо парировал удары, отбрасывая их в сторону.

Пот прошиб Станко. Волосы налипли на лоб; на лице противника он вдруг увидел улыбку — Илияш смеялся довольно, будто перед ним, зрителем в балагане, разворачивалось забавное действие, и разворачивалось именно так, как он того хотел.

— А-а-а! — завопил Станко благим матом и удесятерил усилия; в момент, когда он должен был наконец достать Илияша, тот вдруг крутнулся волчком, припал к земле и быстрым незаметным движением ударил Станко по щиколотке.

Удар не был силен, но юноша, потеряв равновесие, покачнулся и чуть не упал.

Илияш стоял в трех шагах, и палка в его руках упиралась концом в землю — знак перемирия.

— Ну, что, парень? Потешились, может, хватит?

Станко убрал со лба мокрую прядь и судорожно сглотнул. Улыбки давно не было на его губах. Он терпел поражение.

— Нет, — сказал он чуть слышно. — Еще.

Илияш сокрушенно пожал плечами — как хочешь, мол.

И противники сошлись снова, но Станко больше не видел солнца.

На него накатило. Впервые это случилось с ним лет в двенадцать, и с тех пор уличные мальчишки разбегались кто куда, стоило появиться в его глазах этому сухому, сумасшедшему блеску.

В глазах его потемнело, будто тяжелая туча навалилась на солнечный день. Он не видел рук Илияша, его оружия — глаза, только насмешливые глаза! Звуки долетали до его ушей обрывками, будто он то зажимал их ладонями, то отпускал; небо, трава, стволы деревьев — все перемешалось, как тряпочки на лоскутном одеяле. Станко уже не выкрикивал боевых кличей — молча, стиснув зубы он бился, как в последний раз в жизни. На пересохших губах выступила пена.

Илияш был сильным противником, но сейчас Станко этого не

осознавал. Не он был господином палке — она вела его, превратившись в живое, злобное, беспощадное существо.

Удар. Еще удар. Отражение. Поскользнулся на траве, но устоял. Захлестывает горячая темная волна...

— Станко! Станко, очумел?!

В уши его хлынул отдаленный птичий щебет. Он снова увидел небо и траву, и трясущиеся руки опустили оружие.

Илияш стоял перед ним, бледный, удивленный, сжимая правой рукой левое предплечье:

— Очумел?! Ты... что?

Из-под пальцев его показалась кровь. Станко стало страшно.

— Я... Илияш, я не хотел, — он шагнул вперед, но проводник отшатнулся, изучая Станко внимательным, каким-то отстраненным взглядом:

— Мы ведь не на смерть бьемся... Как мне показалось, — сказал он сквозь зубы.

Он закатал рукав рубашки, и Станко увидел рану — края рассеченной кожи быстро оплывали кровоподтеком.

— Я думал, ты меня убьешь, — сказал Илияш с усмешкой.

Опираясь на палку, как на посох, он повернулся и пошел к старому дубу, у корней которого были припрятаны оружие и заплечные мешки.

Станко тащился следом. Душу его грызло раскаяние, но сквозь него упрямо пробивалась совершенно неприличная радость: ага! Победил! Показал насмешнику, где у змеи норка!

Илияш обернулся, и Станко увидел, что он почему-то усмехается.

В тот день им так и не довелось продолжить путешествие. Развели костерок; Илияш, осторожно ощупывая пострадавшую руку, то и дело бормотал почти удовлетворенно:

— А кости целы! Целы кости, вот удача!

Станко хмурился и чувствовал себя довольно скверно.

Вечером доели добытого Илияшем зайца. Браконьер, кажется, успокоился и подобрел; растянувшись у костра, он поглядывал то на темнеющее небо, то — искоса — на Станко, и тот понял, что сейчас последует вопрос.

— Здоров ты биться, — Илияш щурился на огонь, как огромный худой котище, — нечего возразить... Можно подумать, ты родился... мда... родился с мечом на боку, с ножом в зубах и с палкой наперевес!

Станко фыркнул.

— Наверное, — Илияш скосил на собеседника внимательный глаз, — пожалуй, в недалеком детстве ты был забиякой... Раздавал

гостинцы направо и налево, и без меча и без палки: вон кулачища какие!

Станко посмотрел на свои руки. Костяшки пальцев выдавались вперед, круглые, белые, будто распухшие, покрытые не кожей даже — шкурой, толстой и грубой, как рогожа. Такие руки будут у него всегда.

Он вспомнил деревянную колоду, обтянутую мешковиной. Колода эта помещалась в дровяном сарае, но никто никогда не колол на ней дрова. Маленький Станко, обливаясь слезами, изо дня в день отбивал об нее кулаки.

Плакал он от боли. Руки кровоточили; кисти поначалу опухали так, что он не мог удержать ложку за ужином. Мать смотрела косо, но молчала.

Маленькие детские кулаки, израненные, исцарапанные, понемногу теряли чувствительность. Каждый день, каждый день приходил он к колоде; глаза его теперь оставались сухими, он только сильно закусывал губу.

«У тебя некрасивые руки», — презрительно сказала однажды соседка. Он только усмехнулся — в ту пору его рук уже боялись.

Тихонько хмыкнул Илияш, Станко вздохнул и вернулся к действительности.

— Да уж, — протянул он с кривой улыбкой, — будешь тут забиякой... Когда на тебя сразу пятеро, на одного-то, а еще десять стоят в сторонке и зубы скалят!

Илияш, похоже, заинтересовался:

— Пятеро? Какие это пятеро, какие десять?

— Да мальчишки, — буркнул Станко сквозь зубы. — Соседские, из школы...

— Вот как? Ну, мальчишки всегда дерутся... Но почему все на одного? Чем ты насолил им, а?

Станко раздраженно плюнул в костер: издевается? Не понимает?

— Да байстрюк же, — сказал он нехотя. — Нагульный, прижитый, и... — он вспомнил еще одну кличку — «шлюхин сын», но произнести ее вслух у него никогда не хватило бы сил.

Илияш молчал. В свете костра Станко увидел, как сошлись на переносице его изогнутые брови.

— Да, — сказал наконец Илияш, — вот так штука... Какое странное слово — байстрюк...

Станко бросил на него быстрый взгляд — окажись на лице браконьера хоть тень издевки, ему бы несдобровать, но Илияш смотрел в огонь серьезно, отрешенно, будто действительно впервые слышал ненавистное слово.

Станко вздохнул и опустил голову.

...Это начиналось сразу же, как он сворачивал со своей улицы в сторону школы. Его уже ждали; дюжина радостных, предвкушающих забаву ребят немедленно брала его в кольцо. Он молчал, сжавшись в комок, озираясь, как затравленный лисенок; потом кто-то один — чаще всего это был рыжий сын бондаря — громко и ласково спрашивал:

— Станко, а где твой папа?

Остальные прыскали в рукава, до времени не давая волю своему веселью.

— Станко, а где твой папа? — спрашивали сразу несколько голосов.

Он молчал, прижимая к груди ободранный букварь.

— Наверное, — предполагал кто-то, и голос его дрожал от сдерживаемого смеха, — наверное, он ушел на ярмарку?

— Нет, — перебивал другой, пуская от радости слюни, — он улетел на небо!

— Он живет на луне?

— Он спрятался под лопухом?

Они говорили, перебивая друг друга; каждая новая шутка встречалась все более звонким смехом, пока наконец в общем галдеже не рождалось пронзительное:

— Байстрюк! Байстрю-ук!

И они начинали лупить его, щелкать по затылку, подбивать под колени, наступать на ноги, пока он не срывался и не бросался бежать, вырвавшись из круга... И тут наступало полное веселье — ребята гнались по пятам, завывали и улюлюкали, и спину его то и дело больно доставал умело брошенный камень...

Станко не раз случалось видеть, как смотрят на эту забаву взрослые — женщины из-за заборов, угрюмые мужчины с инструментом на плечах... Смотрели устало, порой неодобрительно, как на что-то неизбежное, докучливое, но вполне правильное и естественное.

— ...Что, Станко?

Илияш смотрел внимательно, Станко даже померещилось в его глазах беспокойство.

— Ничего, — ответил он, переводя дыхание.

— Нет, скажи, что ты сейчас вспоминал?

— Вспоминал, — буркнул Станко раздраженно, — как петух курицу топтал...

Стало тихо. Илияш, похоже, раздумывал, не обидеться ли, но вздохнул и решил не обижаться.

— Вообще-то, — сообщил он задумчиво, — на самом-то деле ты не байстрюк, а бастард.

Станко напрягся, ожидая подвоха:

— Чего-чего?!

— Бастард, — все так же задумчиво пояснил Илияш, — бастард, что означает — незаконнорожденный сын знатной особы.

Станко сидел нахохлившись, пытаясь сообразить, польстил ему браконьер или обидно обозвал.

Илияш прервал его мысли:

— Так, значит, они лупили тебя, а ты... отбивался?

— Не сразу, — отозвался Станко нехотя. — Потом... да, отбивался.

...Один только взрослый человек заступился за него — бродячий торговец, ненароком забредший в село. Увидев, как толпа мальчишек гонит затравленного малыша, он так закричал и замахал своей палкой, что обидчики струхнули и отстали, запустив, правда, и в торговца парой гнилых яблок.

Тот подошел к плачущему Станко:

— За что они тебя, малыш?

— У меня нет отца, — ответил Станко, всхлипывая. И тут же предложил, загоревшись надеждой: — Дядя, может быть, вы будете моим отцом? А?

Торговец снял руку с его плеча и ушел, часто оборачиваясь.

В тот день Станко не пошел в школу. Он пошел на край села, где в доме на отшибе жил старый отставной солдат.

В деревне ходила о нем дурная слава, и самый сильный мужчина не решался повздорить в трактире с этим сухим жилистым стариком. Всю свою жизнь он воевал наемником в чужих далеких странах — воевал за золото, проливая кровь за чьи-то троны и чьи-то земли, а теперь вот коротал старость — зажиточно и одиноко. К нему-то, преодолевая страх, и направился маленький Станко.

Старик был дома — мастерил что-то во дворе. Злющий пес на цепи свирепо оскалил зубы.

— Чего тебе, мальчик? — неприветливо спросил солдат.

Станко остановился в воротах:

— Господин, научите меня драться так, чтобы все меня боялись, как вас! За это я буду делать любую работу.

Солдат смотрел на него долго и удивленно. Потом встал и подошел; Станко очень хотелось убежать, но он не двинулся с места.

— Ты, — медленно начал старик, оглядывая мальчика с ног до головы, — ты сын той женщины... Ты байстрюк?

Станко вздрогнул от этого слова и кивнул.

— Хорошо, — как-то отрешенно продолжал солдат. — Я посмотрю, чего ты стоишь.

...Над головами путников пронеслась пара летучих мышей. Потом еще одна — вдогонку.

— Такой маленький сарай, — усмехнулся Станко, — и на длинных веревках качаются мешки с камнями... Десяток мешков. И надо пробраться... Пройти между ними, а они так больно бьют... А надо увернуться, ускользнуть, выгадать минуту... Сначала я был весь в синяках. Ну весь синий, как дохлая лягушка... Этот солдат, Чаба его звали, все ждал, когда я запрошу пощады.

— Чаба? — переспросил Илияш.

— Да... Он меня и учил. Палку вертел, заставлял уворачиваться... У меня долго не выходило, он разозлился и гвоздей набил на концах... Я так этих гвоздей испугался, что завертелся, как ящерица... — Станко бледно усмехнулся.

— Гвоздей?

— А как же иначе? Он сразу сказал: будет больно. Не помучишься — не научишься. Я ему еще воду носил, дрова колол, полы драил... Он меня порол. Мать меня пороть не смела, а он бил, потому что, понимаешь... Он меня всему научил. Всему. Эти парни в конце концов разбегались, как только я в конце улицы появлялся. Все, а те, кто был старше и здоровее, попросту быстрее удирали. Вот так.

Станко замолчал. Илияш смотрел на него, теребя бороду.

— *Но они все равно меня ненавидели*, — *вздохнул наконец* Станко. — Боялись... и не любили.

— И Чаба тоже? — бросил Илияш.

— Чаба? Нет... Он... Другое. Он меня опекал. Можно сказать, воспитывал.

— Он... заменил тебе отца? — наивно спросил браконьер.

Станко выпучил на него глаза:

— Отца?! Да ты что! Мой отец... — он осекся, пробормотал чуть слышно: — ...князь Лиго, и я его убью.

Стайка нетопырей пролетела в обратном направлении.

— Н-да, — Илияш погладил свою пострадавшую руку, — парень ты решительный, за что берешься — до конца доводишь... А вот интересно мне, ты в детстве еще чему-нибудь учился, кроме драки?

В словах браконьера Станко опять померещился скрытый подвох. Он подозрительно покосился на Илияша:

— Ну, Чаба меня ремеслу учил... Немножко. А что?

Илияш вздохнул:

— Ничего. Читать-то ты умеешь?

Станко вспомнил ненавистную школу, презрительного учителя с длинной линейкой и скалящих зубы однокашников.

— Выучили... — процедил в ответ.

— Хорошо... А книжку видел когда-нибудь?

Станко разозлился. Браконьер предусмотрительно отодвинулся, придерживая раненую руку:

— Ну, ладно... Пошутил я, забудем.

Помолчали. Костер погас.

— Меч-то у тебя откуда? — спросил Илияш в темноте.

Станко любовно коснулся ножен:

— Солдат подарил... Когда мне пятнадцать исполнилось. Это его меч, хоро-оший, заморской закалки... Только он не разрешал мне его носить, ты, говорит, простолюдин, оружие тебе не положено, за это, говорит, и в тюрьму можно... А я не простолюдин, мой отец — князь... Не байстрюк я, а...

— Бастард, — вполголоса закончил Илияш.

Станко удивился бы, увидев выражение его лица. Но, по счастью, было темно.

Утром они снова двинулись в путь; Илияш морщился, задевая больную руку. В другое время Станко терзался бы угрызениями совести, но сейчас ему было не до того. Воспоминания детства здорово его растревожили, и теперь он шагал вперед мерно, твердо, ни на секунду не забывая о предстоящей миссии.

Днем они снова видели всадников, на этот раз издали, Станко почти не испугался, да и браконьер не поддался панике — только проворчал, проводив стражников взглядом, что, мол, надо быть осторожнее, а то беспечность может и на дыбу привести.

После опасной встречи дорога стала труднее. На вопрос Станко, далеко ли до замка, проводник отвечал туманно: по прямой, мол, быстрее, но, скорее всего, придется петлять.

И скоро Станко понял, что такое «петлять»: тропинка исчезла, дорогу то и дело загораживал кустарник, ветки которого переплетались, будто поклявшись до скончания века не пропустить ни одного живого существа; из земли выпирали древние, замшелые камни, в очертаниях которых Станко мерещились злобные, искаженные лица.

Илияш, к чести его, всегда находил удобную тропу. Иногда он оставлял Станко позади, велев ему «с места не сходить», и ускальзывал вперед — разведывать путь.

В очередной раз они расстались в глухой чаще — стволы и стволы, зеленые глыбы кустов, под ногами мелкая трава и мелкие же камни, неба не видно из-за путаницы ветвей. Илияш ушел вперед, повторив сурово: «Чтоб с места не сходил!», а Станко, повинуясь его указанию, остался стоять столбом.

Время шло, а проводник не возвращался. День был пасмурный, под сводами леса висел серый полумрак, и в этом полумраке Станко разглядел рядом, совсем в двух шагах, пышный куст малины.

Ягоды, кое-где переспелые, гнули ветви до самой земли. Станко внезапно понял, что умрет, если не попробует хоть одну.

Впрочем, почему одну? Достаточно протянуть руку, и красная, сладкая горсть ссыплется в ладонь, а потом можно будет слизать густой малиновый сок... Станко вспомнил тот единственный хилый куст малины, который рос у его двора и который соседи обносили быстрее, чем он успевал съесть хотя бы три зеленые ягодки.

Радостно улыбаясь, уже чувствуя во рту малиновый вкус, Станко шагнул по направлению к кусту и протянул ладонь.

Будто жирная тугая змея вдруг оплела его ноги. Станко вскрикнул, а петля вокруг щиколоток рывком стянулась, дернула, и он потерял равновесие. Земля рванулась, Станко шлепнулся на живот, вцепился в траву, будто она могла удержать его. Еще рывок, и земля оказалась на месте неба.

Станко висел вниз головой, раскачиваясь, как большой тяжелый маятник. В глазах у него понемногу темнело от прилива крови. В поле его зрения попеременно попадали то куст малины, то изъеденный временем древесный ствол, то гора покрытых мхом угрюмых камней. И все время маячила темная высокая куча, в которой Станко внезапно узнал очень большой муравейник.

Перед глазами его запрыгал скелет, подвешенный за ноги над такой же муравьиной кучей. «Ловушка срабатывает сама собой»... Деловитое копошение в пустых глазницах...

Меч был при Станко, ножны висели теперь за спиной; изловчившись, сильным уверенным движением он потянулся к оружию. «У меня меч... я смогу освободиться, и тебя, Илияш, освобожу, не бойся»...

Лучше было бы, чтобы Илияш не видел его в этом положении. Хорошо, что хоть руки свободны...

В этот момент сверху, с дерева, свалилась будто бы сетка — множество спутанных веревочных петель. Одна петля захлестнулась у Станко под мышками, но множество других нашли более удачное место — одни стянули плечи, другие — локти, третьи охватили ноги выше и ниже колен. Станко, не веря себе, задергался — петли тут же стянулись так туго, что Станко почувствовал под веревками биение крови.

Меч был теперь бесполезен. Станко раскачивался все медленнее, и, проходя самую нижнюю точку, он почти окунался головой в муравейник.

Он забился, как кролик в сетке. Петли стягивались все туже, и у Станко перехватило дыхание.

Так вот почему тот несчастный не смог освободиться!

Перед глазами его качался древесный ствол. По стволу ровной веревочкой взбирались муравьи — Станко знал, куда они ползут. Ему чудилось, что он слышит их глухой, зловещий топот.

— Муравьи, — сказал он с жалкой, растерянной улыбкой. — Мурашечки... Малюточки...

На вершине муравейника тем временем тоже царило оживление — сотни маленьких тварей собрались на самой верхушке, чтобы поскорее полакомиться Станко. Ему мерещилось, что в серой массе он различает красные огоньки жадных глаз, но это, конечно, была лишь фантазия.

Все медленнее, медленнее... Судорожные движения не спасают, только больнее рукам и ногам, стянутым петлями...

Может быть, ему удастся вывалиться из собственных сапог?! Но сапоги сидели крепко, и веревки, стягивающие щиколотки, были, похоже, вымазаны чем-то... Не то скользким, не то липким...

И только тогда Станко позвал на помощь. С трудом набирая воздух в перетянутую веревками грудь, он закричал что есть силы:

— Илияш! Илияш!

Тихо. Нет ответа.

— Илия-аш!

Маятник остановился. Станко висел почти неподвижно, медленно вращаясь вокруг своей оси.

Самые алчные муравьи уже были у него на волосах. Добрые духи, зачем ему такие длинные волосы?!

Он почувствовал, как маленькие лапки щекочут его лоб, щеки... И — немилосердный укус. Еще. Еще.

— Илия-аш!

Тем временем взбиравшиеся по стволу муравьи уже спустились по веревке, миновали сапоги и принялись искать прорехи в поношенных Станковых штанах.

Глаза! Только бы не трогали глаза!

Он извивался как сумасшедший, тряс головой и вопил не переставая:

— А-а-а! Илия-аш! Помоги-и!

Кто-то из насекомых забрался уже и в сапоги. Станко заплакал.

Слезы его стекали не на щеки, как обычно, а на брови, на лоб; он снова закричал и в отчаянии подумал, что будет, если его крик услышат стражники.

Мысль о дозорниках заставила его на минуту умолкнуть. Бесполезный меч колотился о спину; муравьиное пиршество продолжалось.

— Илияш, — сказал Станко шепотом, — пожалуйста. Пожалуйста, Илияш!

Кто-то рассмеялся в двух шагах от него. Стражники, подумал Станко, но в этот момент ему даже хотелось на дыбу.

— Ну, парень, — донесся насмешливый голос браконьера. — Влип-таки... А кому я говорил — не сходить с места?

Почему он смеется, подумал Станко. Муравьи жрали его со все возрастающей жадностью.

— Кому я говорил, а? — бодро продолжал Илияш.

— Освободи... — простонал Станко, не узнавая собственного голоса.

Сильная рука дернула его в сторону. Станко снова качнулся, потом качнулся сильнее, потом веревка, держащая его за ноги, оборвалась. Станко упал лицом в траву.

Лежа на животе, он ощущал, как браконьер режет стягивающие его путы; вот отпустило плечи, грудь, живот... Вот легче стало ногам... Руки не слушались — Станко их попросту не чувствовал. Подвывая от боли и облегчения, принялся сметать муравьев, катаясь лицом по траве.

Илияш, стоя над ним, строго выговаривал:

— Если я сказал — на месте, то это, будь уверен, «на месте» и значит! Надо было тебя полчасика тут подержать, хорошая была бы наука... Помнишь того парня, что мы видели?

— Скотина ты, — шептал Станко, вытирая вместе с муравьями и слезы, — скотина... Хороша наука... Я посмотрел бы на тебя, свинья ты...

Он всхлипнул и перевернулся на спину. С трудом сел. Сказал прямо в смеющиеся глаза:

— Свинья! Ты где был?! Я звал тебя, звал...

— Сам свинья, — отозвался Илияш в тон. — Я, что ли, не предупреждал тебя? Сам виноват, не скули теперь!

— Это я скулю? — Станко зашелся от гнева. Веки его быстро опухали, не давая глазам раскрыться. — Я еще и скулю?!

— Знаешь, — протянул Илияш с насмешливой рассудительностью, — поговорка есть: мишка любит мед, а пчелки виноваты!

Станко сердито отвернулся.

Этой ночью им не пришлось спать.

Пригас костер, Илияш прикорнул рядом. Станко, которого весь день колотил озноб от муравьиного яда, потихоньку бредил с открытыми глазами. Ему мерещилась Вила в подвенечном платье и с красной косынкой на голове; в этот момент Илияш, всегда чуявший опасность за версту, дернулся и сел, беспокойно уставившись на Станко соловыми глазами. Обоим стало вдруг ясно, что рядом, в темноте, находится кто-то третий.

Ни шороха, ни звука, ни привычного крика ночной птицы; Станко, мгновенно покрывшись испариной, нащупал в темноте обнаженный меч. Илияш сжимал в одной руке кинжал, в другой — тлеющую ветку из костра.

Тот, третий, смотрел на них из глубокой, как колодец, тьмы.

Станко казалось, что он слышит мерное, сухое дыхание. Потом — тресь! — сломанная веточка щелкнула со звуком разгрызенной кости.

— А... — начал было Станко, но Илияш так глянул на него, что тот прикусил в пересохшем рту и без того непослушный язык.

Прошла минута, потом еще невесть сколько времени, ветка в руке Илияша перестала тлеть, пальцы Станко, сжимающего тяжелую рукоять, онемели, а третий, ночной гость из темноты, все не уходил.

Он двигался по кругу — они поняли это по неспешному треску веток, чуть слышным вздохам, по дуновению ветра. Размеры гостя установить было трудно — если он и был массивен, то двигался с удивительной легкостью.

Станко старался держаться лицом к неведомой твари, по крайней мере лицом к тому месту, где она должна была быть. Илияш сидел неподвижно, наклонив голову, подчинив все чувства слуху.

— Омм! — в темноте, похоже, зевнули, и в нос Станко ударил густой запах гнилого мяса. Потом он увидел прямо перед собой два круглых красных ободка и еле сдержал крик.

Красные ободки расширились и сузились опять. В центре каждого из них посверкивала белая искорка.

В следующую секунду ночной гость удалился. Слушая стихающее потрескивание веток, путники обнаружили, что сидят, мертвой хваткой вцепившись друг в друга.

...Утром они осмотрели следы — будто кто-то через равные промежутки вдавливал в землю огромные бочки. На дне одного из них окоченела расплющенная мышь.

— Это, — пояснил неприятным голосом Илияш, — это из беззаконных земель забрело... Там полно всяких... Расплодили колдуны проклятые... — Илияш вытер лицо и посмотрел на Станко длинным странным взглядом: — Да, парень... далеко мы зашли... — и усмехнулся.

— Далеко зашли? Замок близко? — быстро спросил Станко.

— Беззаконные земли близко, — протянул браконьер. — А замок... Дня три... Четыре... Если все будет «бархатом»... А еще лучше...

— Что?

— Ничего, — носком ботинка браконьер сбрасывал на дно бочкообразного следа жирную глину.

Станко окинул взглядом место ночевки, и ему снова стало не по себе.

— А... беззаконные земли... — и не стал продолжать.

— Здесь, — нехотя кивнул проводник, — рядом уже... Но мы туда не пойде-ем! — он усмехнулся и погрозил Станко пальцем.

— Давай-ка... поскорее, а? — предложил тот, взваливая на плечи исхудавший мешок.

Илияш отрешенно кивнул.

Идти было тяжелее, чем обычно. Еще одна бессонная ночь давала о себе знать.

Лес поредел. Ноги увязали в противно мягком, податливом, зыбком слое прошлогодних листьев. То и дело приходилось обходить выпирающие из земли высокие камни.

Илияш по привычке что-то напевал — уже не так весело, как в начале пути, но Станко сумел-таки разобрать песенку про милую деву, про длинную ночку, про то, что у кого-то там захромал конь и луна теперь в ущербе; потом песенки-прибаутки стихли, и, протискиваясь в очередную щель между стволами и камнем, Станко услышал вдруг, как Илияш вполголоса произносит странные, звучные слова.

Это были, кажется, стихи, но стихи на непонятном языке, чеканные, зловещие, одновременно ласкающие и терзающие слух; Станко не мог уловить ни одного знакомого слова, но в железном ритме строк ему слышались звуки битвы, звон мечей и военные клятвы.

Дождавшись, пока стволы и камни чуть расступятся, позволяя двоим идти рядом, Станко догнал проводника. Тот, покосившись на него, осекся и замолчал.

— Что это? — спросил Станко удивленно.

— Где? — буркнул Илияш.

— То, что ты говорил только что... Это стихи?

— Это, — Илияш досадливо поморщился, — это так... ничего.

Станко обиделся — ему показалось, что браконьер скрытничает и не желает с ним разговаривать. Фыркнув, он отстал.

Илияш шел теперь молча, а Станко, глядя ему в спину, крепко задумался.

Он думал о том, что, в сущности, об Илияше знает совсем немного и все — с его слов. Что он в страже служил — это похоже, боец отменный, а вот почему сбежал? А главное — кем раньше-то был, ведь не родился же он стражником, а?

Морща лоб, Станко вспоминал все мелкие Илияшевы повадки — как ест, как умывается, как палку держит... Охотник умелый, и шкурку сдерет, и ощипает, и зажарит, и... А вот только не из простых он, Илияш. Не из простолюдинов.

Станко и сам не знал, почему именно сейчас в этом уверился. Может быть, смутная тайна, связанная с его проводником, давала о себе знать и раньше, но именно сейчас, вспоминая чеканные

слова непонятных строк, Станко понял вдруг, что браконьер — не совсем тот, за кого Станко принимал его раньше.

Может быть, шпион?

Ему очень не хотелось так думать после всего, что было. А было множество ловушек, и в каждую из них Станко не надо было даже толкать — сам угодил бы, не окажись рядом проводника...

Все это верно, но кто такой Илияш? Откуда он знает громкое слово «бастард»? «Незаконный сын знатной особы»... И что за счеты у него с князем Лиго? Как зло он сказал тогда у костра: убей его...

— Осторожно, — бросил идущий впереди Илияш, перелезая через поваленный ствол.

Станко тряхнул мешок, поудобнее устраивая его между лопатками, и продолжал свои молчаливые рассуждения.

Опять-таки, если Илияш не из простых, почему он стражников боится, как школьник розги? Может быть, князь специально за ним охотится? Может быть...

Ноги Станко соскользнули, он потерял опору и сорвался куда-то вниз. Не очень глубоко. По сапогам застучали комья глины. Где-то наверху ахнул Илияш.

Станко, скорее раздосадованный, чем испуганный, стоял на дне широкой ямы; влажная стенка ее осыпалась в том месте, где ее потревожили сапоги, локти и колени неловкого путешественника. И еще — стена была вся испещрена дырами, как ломоть хорошего сыра.

— Стой на месте. — Станко показалось, что голос Илияша странно изменился.

Станко опустил взгляд.

Из круглой дырочки, темной норки в сырой стене показалась плоская треугольная голова. Полоснул воздух тонкий раздвоенный язык; голова поднялась, закачалась, как на пружине, и матово блеснула бронзово-черная чешуя.

Станко отшатнулся. Змея смотрела ему в глаза — прямо, неотрывно, а из множества нор уже радостно выглядывали ее товарки.

Станко задрожал и отступил. Под ногами подминалась жирная земля, и, мельком взглянув вниз, он вскрикнул и замер — прямо у его сапог покачивались треугольные головы.

Он боялся змей. Он с детства очень боялся змей, с тех самых пор, как во время сенокоса умер от укуса гадюки мальчишка — один из его обидчиков. Мальчишка носился в горах сена, шумный, обалдевший от счастья — чтобы через минуту забиться на земле, крича от ужаса, и умереть в корчах, и оставить на руках обомлевшей матери только синий, раздувшийся маленький труп...

Станко огляделся. Кое-где яма поросла травой, и у противоположной сырой стены валялась на боку корзинка — птичье гнездо. Внутри него полно было битой скорлупы, а рядом грязной грудой перьев лежала сама хозяйка — дохлая пичуга.

— Стой на месте! — отрывисто повторил Илияш. Голос его донесся до Станко глухо, как сквозь вату.

Змеи продолжали лезть изо всех дыр. Оцепеневшему Станко показалось, что сырые стенки ямы на глазах обрастают черным шевелящимся ворсом. Тусклые глазки безучастно смотрели парню в лицо, раздвоенные языки подрагивали, будто дразнясь.

Он скорее почувствовал, нежели услышал шорох чешуи, скользящей по голенищу. Нервы его не выдержали. Завизжав, как девчонка, Станко изо всех сил затопал ногами, пытаясь сбить, отшвырнуть, вдавить треугольные головы в мякоть земли.

— Не двигаться! Не двигаться! — надрывался Илияш, но Станко уже не мог остановиться. Он лупил и давил, и несколько тварей, лишившись в пылу боя голов, теперь корчились на дне ямы, как толстые блестящие шнурки. Со стенок, утыканных норами, теперь сползал на дно сплошной шипящий поток. Птичье гнездо и мертвый комок перьев скрылись под грудой извивающихся тел.

— Станко!

Сразу несколько пар челюстей бессильно соскользнули, пытаясь прокусить голенище. Он успел сбросить тварь, взбирающуюся по сапогу вверх; змеи уже не ползали, не извивались — они просто кишели.

Станко метался, в мыслях своих уже сто раз укушенный и тысячу раз мертвый. Прямо перед лицом у него вдруг оказалась стенка со змеиной головой, выглядывающей из укрытия; в ту же секунду — ему показалось, что он бредит, — голову эту накрыла плотная темная ткань.

— Сюда! Скорей!

К нему тянулась чья-то рука... Судорожным движением сбросив с ноги цепкие змеиные объятья, Станко качнулся вперед, позволяя этой руке схватить себя за шиворот.

Одеяло, наброшенное на стенку, уже злобно шевелилось; Станко увидел, как треугольная голова мелькнула у самого лица Илияша, и в ответ ей мелькнул кинжал... У него красивые руки, отрешенно подумал Станко. Он не сбивал кулаки о колоду...

Рывок. Станко проехался животом по стенке ямы, чувствуя под тканью змеиные тела... Еще рывок — он был уже на поверхности, на траве, и, вскочив как сумасшедший, принялся колотить себя по коленям, по бокам, сбивая и стряхивая воображаемых змей.

Илияш привел его в чувство, ухватив за волосы и рывком повернув лицом к яме. Над кромкой ее покачивались треугольные головы.

Потом они отступали — вернее, бежали без дороги и направления, ветки били по лицу, и Станко видел только мятую траву, да желтую глину, да ботинки Илияша... Мокрые, как мыши, задыхающиеся, остановились не на полянке даже — на узком пространстве между тремя соснами.

Тут Илияш повернулся к Станко лицом. По щекам, по бровям, по бороде его крупными каплями стекал пот. Двумя широкими шагами подойдя к парню, Илияш наотмашь ударил его по лицу.

Станко сел в траву — да так и остался сидеть.

Ночью ему стало плохо.

Изо всех сил обхватив колени, он лежал на сырой земле и всхлипывал. Он слаб. Ему не выдержать этого пути. С него хватит. Он пробовал, он сделал все, что мог...

Он раскачивался, пытаясь унять дрожь, но кругом была только ночь, только смерть, только ужас. Подобное чувство он испытал лишь однажды — когда трехлетним малышом потерялся на ярмарке.

Вокруг стояли гам и хохот, множество незнакомых, шумных, грубых или слащаво-добродушных людей... Перед ним был целый лес чужих ног, обутых в сапоги и деревянные башмаки, поднимающих пыль, топающих по своим делам... Он чуть не попал под телегу, и возница посмотрел в его сторону мутным, ничего не выражающим взглядом — одним мальчиком больше, одним меньше... Не путайся под ногами! Кто-то раздавил в пыли помидор, и тот вывалил на дорогу кроваво-красные внутренности... Станко был потерян, забыт навсегда, обречен, одинок, и только отчаянный рев, в который он вложил всю душу и весь свой страх, — этот рев принес облегчение, и этот рев издалека услышала в базарной многоголосице его перепуганная мать...

Станко всхлипнул. Чья-то рука осторожно легла ему на плечо:

— Парень... Ты спишь?

Илияш уселся рядом, рука его, которую Станко не сбросил, скользнула на его мокрый от пота затылок.

— Послушай, я тут раздумывал... Надо нам вернуться, парень. Очень тяжко... Барахтаемся, как мышка в смоле... А дальше — хуже. Не дойти до замка... Умереть здесь поганой смертью, да за что? Нам и так... подарили жизнь... По всем делам в яме этой нам и... остаться... Со змеями... Чудом ведь выбрались!

Илияш прерывисто вздохнул. Убрал руку. Добавил тихо, твердо, как взрослый, уговаривающий малыша:

— Пойдем домой.

Станко молчал. Где-то перекрикивались совы. Небо казалось темной ямой — ямой, где прячутся змеи.

— Мне... очень надо, — тонким дрожащим голосом выговорил Станко. — Мама... Просила... Я должен, — и он снова всхлипнул, будто сам объявил себе приговор.

— Но разве, — отозвался Илияш, — разве твоя мать хотела... чтобы ты умер?

— Я не умру, — прошептал Станко, изо всех сил сжимая веки, чтобы слезы не пролились наружу. — Я... дойду... — Он сцепил зубы, слезы были унизительны. Тогда он наконец-то разозлился на себя, и эта злость была благотворна.

— Я дойду! — сказал он твердо. — И ты дойдешь! И не раскисай!

Илияш сидел рядом, но в темноте не разглядеть было его лица.

ГЛАВА 3

Они стояли над обрывом.

Внизу неспешно текла речушка; прямо за ней тянулись леса — старые темные леса с редкими проплешинами полян и буреломов.

— Беззаконные земли, — устало сказал Илияш. — Мы пойдем в обход.

— Долго еще? — спросил Станко, но в голосе его не было обычного нетерпения: та же усталость.

— Как дорога ляжет, — отозвался Илияш и осторожно подошел к крутому склону.

Станко спускался следом, сапоги его тут же наполнились песком и отяжелели, как гири. То и дело случалось терять опору и ехать вниз на животе; перед глазами взад-вперед шныряли потревоженные уховертки.

— А что... почему эти земли зовут беззаконными? — спросил он, волоча ноги по вязкому речному берегу.

Илияш шагал рядом, и обычно легкая его походка теперь отяжелела, заплечный мешок свесился набок.

— Воевали здесь...

Земля под их подошвами глухо, недовольно чавкала.

— Везде воевали, — заметил Станко, воротя лицо от дохлой рыбины, чей бледный живот покачивался в тихой заводи.

Илияш, наверное, оскалился, но Станко видел только его спину.

— Воевали, да... Только тут из года в год, изо дня в день... Веками. Дрались за замок, будь он неладен, да за княжий венец... — Он перевел дыхание.

— Ты же говорил, — Станко приятна была собственная осведомленность, — что его может коснуться только прямой потомок...

Илияш кивнул, не дал ему закончить:

— Прямые потомки и дрались... Брат с братом, сестра с сестрой... Отцы с сыновьями, и такое бывало... Внуки с дедами... Если те доживали до внуков...

Он вдруг остановился и обернулся — в бороде песок, в волосах песок, глаза по обыкновению сужены в щелочки:

— Ты, думаю, тоже послан не случайно. Признавайся, за венцом идешь?

Станко стоял удивленный, немного смущенный странной шуткой проводника. В том, что это шутка, он ни на секунду не усомнился.

И браконьер, мгновенно оценивший его растерянность, немедленно зашелся радостным хохотом, будто шутка в самом деле удалась.

Некоторое время они шли молча.

— А колдуны? — наконец спросил Станко.

— Что — колдуны?

— Ты говорил, что ловушки и все прочее... колдуны расплодили?

Илияш поддал ногой ссохшийся ком глины:

— Да, колдуны... Но главное, парень, не это. Главное, — он зачем-то посмотрел на небо, — главное, злоба там... Загустела. Столько злобы за столько веков... Беззакония там творились. Кровь лили — свою, чужую, виновную, невинную... Колдуны просто собирали сгустки ненависти, как змеелов собирает яд. И на этих сгустках ставили ловушки... Ловушки порождали страдание, новую ненависть... И теперь там, парень... Я даже не знаю, что там теперь.

Станко передернул плечами. Вспомнилась та тварь, что не дала им спать, блуждая ночью вокруг костра.

А Илияш, поправив заплечный мешок, проговорил вдруг со странной усмешкой:

И на стене горел огонь,
И крепкие вцепились крючья
В твердыни камень...
И с боевым ужасным кличем
На стену кинулись враги,
Но на стене огонь горел,
И одолеть им не судилось,
Но цепки когти колдовства...

Он нахмурился, будто припоминая, потер переносицу и начал снова:

...Но меч ушел по рукоятку
В его младенческую шею,
Потоком хлынула оттуда...

Илияш поперхнулся и замолчал.

— Это что? — спросил Станко, снова передернувшись.

Тот пожал плечами:

— Какие-то обрывки каких-то легенд... Я в свое время их много слышал. Но забыл, Станко. Одинаковые они — «он воткнул меч туда-то и туда-то и оттуда полилось то-то и то-то»...

Станко пожалел, что вообще затеял этот разговор.

Через несколько часов путь им преградил обвал.

Тихая речка бурлила и пенилась, наткнувшись на неожиданную преграду. Желтая стена обрыва слоилась, как пирог, которым Станко угостили однажды на детском празднике. На глазах растерянных путников завал все рос и рос, а речка растекалась, превращаясь в неспокойное озеро.

— Ты плавать умеешь? — спросил Илияш сквозь зубы.

Но откуда же, добрые духи, Станко уметь плавать? Самая глубокая река в его родных местах была корове по вымя...

Илияш двинулся в воду. Вода, впрочем, только того и ждала — озеро ширилось, прижимая Станко к осыпающейся желтой стене.

— Живо в воду! — зло выкрикнул проводник. Кинжал и заплечный мешок он держал над головой; нечистая пена подступила уже к его груди.

Здоровенный ком глины свалился сверху, ударив Станко по затылку и чуть не сбив с ног. Следующий, окажись он поболее, вполне мог воздвигнуть над его головой похоронный курган.

Сцепив зубы, вскинув дрожащей рукой мешок и ножны с оружием, Станко шагнул в мутный водоворот.

Дно было склизкое и вязкое. Вода, неожиданно холодная, подступала все выше. Илияш достиг уже середины разлившейся реки, над поверхностью виднелись только его голова да заплечный мешок.

Может быть, речку удастся перейти по дну?

Воспрянув от этой мысли, Станко отважно поспешил вперед. Множество беспорядочных течений толкали его в бока, грозя сбить с ног. Вот вода добралась до груди, вот коснулась шеи...

Станко в ужасе понял, что твердая земля уходит из-под ног. Илияш уже выбирался на берег, вода стекала с него потоками...

Только не звать на помощь!

Вскинутая над головой рука судорожно опустилась, ища опоры... Мешок мгновенно вымок и стал тяжелым, как камень на шее утопленника. Меч... Добрые духи, меч!

Он хотел отступить, но вода не позволила, толкнула вперед, и Станко повис между небом и землей, чтобы тут же камнем пойти на дно.

Ноги его коснулись твердого. Он оттолкнулся изо всех сил, и голова его взвилась над поверхностью; хватая воздух ртом, как жаба, он мельком увидел стволы на том берегу, мокрого Илияша, пену...

Ему вспомнилась дохлая рыбина в заводи. Только не выпустить меч!

Он снова ушел в воду с головой, и снова выпрыгнул, задыхаясь. Илияш, кажется, смотрел на него; высокая волна плеснула Станко в рот, он закашлялся, забарахтался и тут же понял, что стоит, твердо стоит на дне, и голова его при этом находится над водой.

Илияш смотрел в другую сторону. Станко перевел дух.

Медленно, наваливаясь на массу воды, потом все быстрее, потом вовсе бодро Станко выбрался на берег. Заплечный мешок его являл жалкое зрелище, вода лилась из него в три ручья. Мокрый меч тускло блеснул, показавшись из мокрых ножен.

— Все в порядке? — небрежно поинтересовался Илияш.

— А как же, — в тон ему отозвался Станко, выплескивая воду из сапога.

...Происшествие с обвалом оказалось лишь первым звеном в цепи других — неприятных, порой пугающих.

Продолжать путь вдоль реки они не смогли — дорогу преградил бурелом. Огромные сосны, поверженные на землю, громоздились одна на другой, как гигантская, поросшая мхом поленница; верхушки их, будто вражеские копья, направлены были путникам наперерез.

После нескольких попыток преодолеть завал Илияш повел Станко в обход. Проводник мрачнел все больше, и Станко впервые увидел у него в руках карту.

Карта эта оказалась свитком тонко выделанной кожи. Станко, не вытерпев, заглянул браконьеру через плечо. Среди блеклых линий беспорядочно разбросаны были странные и зловещие символы, но гораздо больше было грязных пятен и дыр. Станко удивился — неужели этот потертый лоскуток в самом деле настолько ценен?

— Опасно идем, — бормотал Илияш, терзая карту ногтем и все мрачнее сдвигая брови. — Ну да ладно... Мир мудро устроен — волки без шипов, а розы без зубов... Взялся, Илияш, — он усмехнулся, видимо, сам себе, — взялся, так давай уж... Поглядим.

И решительно свернул влево.

А неожиданности продолжались — откуда ни возьмись, навстречу путникам вылез овраг, неглубокий, но расползающийся на глазах; прямо под ногами идущих обнаружился вдруг оползень, и Илияш, стиснув зубы, свернул еще левее.

— И чего я с тобой связался?! — раздраженно рыкнул проводник, когда спустя полчаса пути обнаружил вдруг, что сбился с дороги.

— Поляна тут... — бормотал Илияш, с ненавистью поглядывая на небольшую опрятную полянку с весело журчащим ручьем. — Поляна, р-раздери ее... А не должно было быть поляны, и родника не должно было быть!

Станко обрадовался отдыху и свежей воде.

Он долго умывался, вытряхивая песок из волос и бровей, фыркал, пил прямо из горсти... Потом наполнил флягу, ощущая на губах вкус воды, вкус травы.

Садилось солнце. Последние красные лучи скользнули по верхушкам сосен. Прилаживая пробку, Станко рассеянно глянул на ручеек.

Журча по камушкам, обмывая травы, у ног его струился поток густой темно-красной жидкости. Не веря глазам, Станко глубоко вдохнул, набирая воздух для удивленного восклицания; в нос ему ударил сильный, тошнотворный запах крови — как на бойне.

Фляга выскользнула у него из пальцев и шлепнулась в траву, разбрызгивая кровь.

Руки его были в крови, и корка чужой крови застыла на лице — он чувствовал, как стянуло кожу.

Пошатнувшись, как слепой, Станко опустился на четвереньки, и его вывернуло наизнанку.

Солнце село.

— Все уже, — сказал Илияш, и голос его доносился до Станко будто из далекого далека. — Все, это наваждение, уже прошло...

Станко открыл глаза и увидел собственные руки, в каждой — по пучку выдранной с корнем травы.

— Это наваждение... — Илияш стоял рядом, бледный, угрюмый. — Тут бывает... На этом месте, наверное, — он с отвращением оглядел полянку, — крови пролито совсем уж сверх меры... Из земли выступает.

Хоть как ни устали путники, как ни манила зеленая полянка, оставаться здесь на ночлег они не стали.

Над лесом висела, не давая ни капли света, бледная круглая луна; мутные лоскутья облаков затягивали ее до половины. «Полуголая луна», — почему-то подумал Станко. Отогнал навязчивое воспоминание о Виле. А вслух сказал:

— Мы в беззаконных землях, да?

Илияш запустил пальцы в бороду, пробормотал чуть виновато:

— Не удалось обойти, понимаешь ли... Не везет.

В который раз с начала путешествия они сидели, сгорбившись, у догорающего костра.

— А князь... Не колдун часом? — ни с того ни с сего спросил Станко.

Илияш вздрогнул. Спросил настороженно:

— А с чего ты взял?

Станко недобро усмехнулся:

— Да не везет, говоришь... А мне сдается, сама земля нас толкает, куда хочется ей. Прямо крысе в глотку...

— Ну-у, — протянул Илияш как-то неопределенно, — князь-то уж точно тут ни при чем...

— Откуда ты знаешь? — тут же взвился Станко.

Его собеседник пожал плечами, уклоняясь от разговора, и парень снова подумал, что Илияшу известно про князя куда больше, нежели полагается знать простому браконьеру... Он не удержался от вопроса:

— А правда... Слышал я, что князь умеет чужой облик принимать... Оборачиваться... В женщину превращается, в ребенка, ходит среди людей да высматривает...

— Чего высматривает-то? — Илияш, кажется, удивился.

— Ну, мало ли...

Браконьер фыркнул:

— А волком не перекидывается, не слыхал?

Смеется, с обидой подумал Станко. Опять смеется.

— Не обижайся, — вздохнул Илияш. — Но то, что умеет и чего не умеет князь Лиго, ты у князя спроси, ладно?

Помолчали. Костер догорал; пора было устраиваться на ночлег.

— А твоя мать, наверное, красавицей была? — проронил Илияш, вороша красные пульсирующие угольки.

После памятного случая в трактире Станко впервые услышал от него упоминание о своей матери.

Обрывки облаков лениво тянулись по диску луны.

— Да, — отозвался он глухо, — была красавицей.

— Черноволосая, как ты?

— Нет, — буркнул Станко сквозь зубы, — у нее были светлые волосы...

— Значит, ты по масти в отца пошел?

Станко отвернулся и свирепо сплюнул.

— Ну хорошо, — тут же примирительно отозвался Илияш, — хорошо... Наверное, к матери... сватались? Когда ты был маленький, а?

Станко крепко-крепко обнял колени. Ткнулся в них подбородком. Когда-то он умел сидеть так часами — в сарае или на печке в темном углу...

— Ты не понимаешь, — сказал он тихо. — Не понимаешь. Она...

Ему вдруг захотелось плакать. Луна выползла из-за туч; Станко вспомнилась колыбельная, там говорилось про зайца, который увезет мальчика прямо на луну...

— Она родила ребенка в девичестве, — прошептал Станко, обращаясь к луне. — Это было... хуже смерти. Ее с животом посадили на цепь у колодца... Чтобы все плевали, кто мимо идет. Такой обычай... И плевали! Она поначалу желала ребенку, то есть мне, смерти... Но я не умер.

Он перевел дыхание.

— Разве она не любила тебя? — спросил Илияш шепотом.

Станко усмехнулся через силу:

— Еще как любила! Как станет обнимать... Конфеты, сладости, лучший кусочек... А жили-то бедно... Сама худая, как щепка, того и гляди, ветром унесет... Я, пока маленький был, не понимал ничего, жрал все это... Потом только соображать начал, отказываться стал, назад отдавать...

Он замолчал на полуслове. Вспышки горячей нежности сменялись у матери приступами раздражения, и, жалея ее, он то и дело обливался слезами, забившись под кровать.

— Бедно, говоришь, жили? — Илияш все ворошил уголья, глаза его были опущены.

— Да... Она, знаешь, ужасно гордая была. Ни от кого помощи не принимала...

— Так предлагали, значит, помощь?

Станко скривил губы:

— Был один купец... Уже на моей памяти... Часто ходил, и все с подарками... То смолка с благовониями, то светильник особенный, то мне игрушку...

Он снова задумался. Перед ним, совершенно осязаемая, появилась вдруг маленькая повозка на колесах — как настоящая, со шкатулку величиной, с двумя оглоблями, с высокими бортами, на одном из которых нарисована сова, а на другом — цветок... И запах, запах лака, свежей краски! И как он принял игрушку в дрожащие руки, и повернулись маленькие крепкие колеса, будто просясь в дорогу... И он уже забыл обо всем на свете, готовый ехать в дальние края, когда руки матери выдернули невиданное чудо из его инстинктивно сжавшихся пальцев, и голос ее сказал ровно, безжалостно:

— Спасибо, господин Анс. У малыша уже есть игрушки.

И купец ушел, удрученный, с повозкой под мышкой! И как глупо, как странно выглядывали маленькие колеса из-под руки этого большого, грузного, богатого человека! А у Станко действительно

были игрушки — крашеная говяжья кость и пустая катушка из-под ниток...

— ...Отказала мать купцу? — спросил Илияш.

Станко опустил голову:

— Да не одному ему... Мельник тоже ходил, и даже один актер из балагана...

— Вот как, — протянул Илияш с непонятным выражением.

— Гордая она была, — сказал Станко со вздохом.

...У соседки был фарфоровый синий петушок, однажды она, увидев на улице хмурого Станко, зазвала мальчика в дом... У петушка снималась головка, вовнутрь можно было залить воду, а потом наклонить его, как чайничек... И тогда из золотого клюва струйкой бежала вода.

Очарованный Станко снова и снова проделывал эту операцию, когда на пороге встала разъяренная мать. Слова, которыми она обозвала соседку, были страшными и непонятными. Он испугался и заплакал, и мать, вырвав у него из рук петушка, сгоряча отвесила сыну подзатыльник:

— В твоих жилах дворянская кровь, да как ты смеешь побираться!.. А ты, — это обомлевшей соседке, — только посмей еще раз затащить его к себе!

С тех пор Станко и соседка избегали друг друга.

— ...Значит, — снова вторгся в его мысли браконьер, — она хранила верность князю?

— Может быть, — сказал Станко сквозь зубы. — Она не хотела... Не хотела забывать свою ненависть. Она его ненавидела.

— Всегда?

— Всегда. Все годы.

...Дрожит огонек свечки, какая-то ткань колышется, темно... Голос матери издалека: «Люли, люли, баю, бай... Поскорее засыпай... Серый пес, белый кот... Заяц скоро увезет... На луну нас увезет...» Всхлипывания. Пауза, он приоткрывает глаза, песня длится: «Из-за гор, из-за болот... Твой отец... к тебе придет... Из-за гор, из-за болот... К нам, сынок, отец придет»...

— ...А с каких лет ты себя помнишь, Станко?

«Серый пес, белый кот»...

— С пятнадцати лет! — он вскинул голову и глянул на браконьера в упор, насмешливо. Не лезь, мол, куда не следует.

...Однажды мать услышала во дворе цокот копыт... Вздрогнула, будто ждала кого-то... Выскочила в чем была... Он остался один в своей кроватке и так испугался, что промочил и рубашку, и простынку, и тюфячок... Оказалось, кто-то ошибся двором...

— ...Что ты мрачный такой?

Станко смотрел на луну, а луна клонилась к горизонту. Добрые духи, как он одинок. Матери нет уже полгода. Даже больше...

— Станко, — Илияш подался вперед, — а князь-то знает, что у него есть сын?

Станко вперил в него удивленный взгляд. Подумал, шевеля губами. Потом признался, будто через силу:

— Не... не думаю.

Откуда князю знать. Откуда ему знать-то?!

— Она была гордая, — пробормотал чуть слышно.

Илияш шумно вздохнул.

— Интересно, — пробормотал Станко, будто про себя, — а у князя есть... еще дети?

Илияш дунул в угли — ответом ему была красная вспышка.

— Не знаю... Может быть, где-то... Рядом с ним никогда не было никаких детей.

Луна спряталась.

— Может быть, ты единственный, — закончил Илияш чуть слышно.

Несколько минут было тихо. Потом прошелестел выдвигаемый из ножен меч.

— Прекрасно! — сказал Станко, и в полутьме Илияш не видел его кровожадной усмешки. — Если я единственный сын этого подонка, если только я смогу положить конец его смрадному существованию... Тем лучше! Я иду, и пусть Лиго плачет!

Легко, как пружина, Станко вскочил и нырнул в темноту. Вскоре оттуда послышался свист рассекаемого мечом воздуха.

— Влезли мы, парень, в довольно гадкие места, — пробормотал Илияш, с ненавистью разглядывая свою карту.

Путники стояли под черным, сожженным молнией дубом — обугленным, неподвижным, как изваяние. С утра было холодно и сыро; Илияш за полдня успел трижды сбиться с дороги.

— Что ж ты, — процедил Станко сквозь зубы. — А хвалился, проводник...

Тот пожал плечами:

— От похвальбы язык не отвалится... А места эти знаю плохо, потому что никогда такой дорогой в замок не ходил. Ты думаешь, у князя сыновей — пруд пруди и каждый день к замку шастают?

Станко фыркнул, хотел ответить — и замер с открытым ртом.

Совсем недалеко, да вон, пожалуй, за теми кустами, кто-то тонко вскрикнул. Вскрикнул коротко, будто от боли: «Ай!» Станко схватил Илияша за локоть, и тут же до путников донесся пронзительный, отчаянный крик:

— А-а-а! Помогите!

Кричал ребенок. Мальчик или девочка не более десяти лет от роду. Голос срывался, захлебывался, звал опять:

— На помощь! На помощь!

Добрые духи!

Илияш перехватил Станко на бегу, ловко подставил ногу, повалил в траву:

— Куда?! Ловушка, дурак!

— Сам дурак! Там человек! — орал Станко, отталкивая проводника руками и ногами. — Ты слышишь?! Там ребенок!

— Какой ребенок?! — Илияш схватил его за шиворот, сдавил шею, как тисками, ткнул лицом в землю. — Ты ребенок, ты! Ты глупый ребенок, оста...

— Помоги...

Станко слышал такой крик раньше. Пронзительный, захлебывающийся, полный ужаса крик. Ему было лет четырнадцать, летом, в ужасную жару, взбесилась деревенская собака. Дочке школьного учителя было лет семь, бешеному псу и девочке суждено было встретиться на пустынной улице. На шум выбежали люди; девочка заходилась криком, но помочь ей было уже нельзя. Собаку зарубил топором бывший наемник Чаба, учитель чуть повредился в уме, и осенью школа не открылась, как обычно, каникулы, на радость детворе, тянулись до самой зимы...

— Помоги-ите!

Вывернувшись, как змея, из рук удерживающего его Илияша, Станко выхватил меч и поспешил на помощь. Он летел, едва касаясь земли, меч бледно полыхал на горе всем злодеям мира, и в широкой мускулистой груди желание спасать переплелось с восторгом от собственной смелости.

Браконьер, кажется, бежал следом. Один раз его пальцы ухватили Станко за ворот и соскользнули, не удержав. Кусты раздались, не вынеся напора; в стороны полетели обломанные ветки и сорванные листья. Размахивая мечом, Станко вылетел на песчаный склон, и на языке его готовы были слова — грозный оклик, вызов, властный приказ.

Но приказывать было некому; перед ним лежала круглая воронкообразная выемка, крутые песчаные склоны ее были пусты, и напрасно Станко вертел головой, высматривая окровавленного ребенка и мучивших его мерзавцев.

Удивленный, но нисколько не утративший боевого запала, Станко поднял меч.

Сухо зашелестел песок. Дунул ветер и ощутимо толкнул Станко в спину. Через кусты проламывался Илияш:

— Назад! Наза...

Ветер обернулся ураганом. Земля под ногами Станко пришла в

движение, песчаный склон стал зыбким, как вода, и пластами стал стекать вниз, вниз, к центру воронки, на дно ее...

У Станко расширились зрачки. На дне воронки обнаружилась круглая черная дыра, она была центром урагана, к ней тянулись истязаемые ветром ветви кустов и окрестных деревьев и к ней же с неумолимой силой влекло Станко, защитника детей.

— Помоги!.. — тонко донеслось прямо из дыры, крик превратился в издевательское бульканье, и Станко, не веря своим глазам, разглядел обрамляющие дыру черные губы — тонкие, морщинистые, будто песьи.

Он забарахтался — совсем как букашка, угодившая в гости к муравьиному льву. Как букашка, он был слаб и беспомощен; как букашка, он что было силы стремился вверх — и сползал вниз, влекомый, всасываемый, втягиваемый. Добрые духи, к чему тут меч?!

— «Зажора»! Это «зажора»! — надрывался где-то наверху забытый Илияш.

Пасть, кажется, ухмыльнулась. В утробу ее ветром вносило сорванные листья, комариные стаи, зазевавшихся пташек... Станко был желанным угощением, изысканным блюдом на этом скудном столе, ему казалось, что он видит на растянувшихся черных губах мутные капли алчной слюны.

Он упал на четвереньки (меч ужасно мешал) и принялся вырываться с удесятеренной силой. Рядом с ним боролся за жизнь невесть как угодивший в ловушку суслик. Усилия обоих были совершенно безнадежны.

Пасть удовлетворенно заухала. Оглянувшись через плечо (глаза слезились от набившегося в них песка), Станко увидел черные губы совсем рядом.

И только тогда он все понял и испугался.

Испуг лишил его силы; пасть чмокала, пуская слюну, и готова была ухватить Станко за ногу.

— Сгинь!

Выкрик, резкий, свирепый, хлестанул откуда-то сверху. Сразу вслед за выкриком прямо в черную губу ударил камень.

Губа треснула. Из трещины показалась черная густая жидкость. За первым камнем подоспел второй.

— Сгинь! Сгинь!

Дикий вой вырвался из недр земли. «Зажора», которая уже столетия не встречала сопротивления, возмущалась.

По лицу Станко проехался тугой конец веревки.

— Ну! Ну-у! — кричал где-то Илияш.

Ветер изменил направление. Пасть уже не втягивала воздух — выдыхала, и в ноздри Станко ударила волна смрада.

— Ну!

Он вцепился в веревку. Песок на мгновение перестал оседать, и, чуть не падая с ног от мощных рывков Илияша, Станко одним махом преодолел половину расстояния от пасти до края воронки.

Пасть снова взревела — на этот раз теряя драгоценную добычу. Песок хлынул вниз, и Станко сразу потерял большую часть своего успеха.

Он не видел Илияша, только чувствовал, как дрожит от напряжения веревка. Рывок... Еще...

В это время суслик, товарищ Станко по несчастью, проиграл свою битву.

Столь мелкая добыча все же не прошла для «зажоры» незамеченной — она сглотнула. Песок снова приостановился; веревка зазвенела как струна, и край воронки снова стал приближаться.

Ближе... Ближе... Вот протянутая рука Илияша... Вот Станко вцепился в эту руку...

«Зажора» покончила с сусликом. Станко показалось, что руку его сейчас вывернет из плеча — такой силы рывок дернул его назад.

Илияш что-то кричал — свирепое, злое, — слов не разобрать... Его тоже тянуло в воронку, но Станко видел рукоять кинжала, вогнанного в землю, рукоять, удерживающую Илияша на самом краю...

Пасть исходила ревом. В реве этом обезумевшему Станко тоже чудились слова — нечленораздельные, ведь черные губы не созданы для бесед... Борода Илияша встала дыбом.

— А-а-а!

Неуклюже, как лягушка на рыболовном крючке, Станко вылетел из воронки — так могла бы чувствовать себя жареная курица, покидая тарелку, где ее чуть не сожрали.

— Ты добрый, выходит? — сладко спросил Илияш.

Они брели по дну длинного сырого оврага, над головами надсадно визжали стаи комаров и прочей кровососущей мелочи. Станко едва перебирал ногами; ныли суставы, саднили ладони, а скула, к которой от души приложился браконьер, вообще потеряла чувствительность.

— Ты добрый? — в который раз поинтересовался Илияш, оглядываясь через плечо.

— Отстань, — процедил Станко сквозь зубы.

Браконьер пожал плечами, отвернулся и двинулся вперед, не переставая, впрочем, рассуждать как бы сам с собой:

— Ясное дело... Мышка чует сало, спешит, радуется... А что пружинка по темечку хлопнет, из мышки дух вон — так это злые люди мышеловок наставили... А этот благороден, его салом не

корми — дай защитить и спасти... То что папу убивать идет — ничего, пустяки... Вот схватила бы «зажора» князя Лиго — была бы потеха...

Он снова обернулся — глаза-щелочки, сочувственная усмешка в жесткой бороде:

— Ты спас бы князя Лиго, парень? Угоди князь в ловушку?

— Отстань, — рука Станко сама собой потянулась к рукояти меча. Илияш прищурился так, что глаз вовсе не стало видно; Станко осознал собственную глупость и нехотя опустил руку.

Выбравшись из оврага, они сгрызли по сухарю каждый, запили водой из баклажек и двинулись дальше.

Станко смотрел себе под ноги, и растравленное Илияшем воображение рисовало одну и ту же картину: вот князь Лиго угодил в «зажору», а Станко стоит над ним и наблюдает...

«Зажора» виделась ясно, до мельчайших подробностей, до капель слюны на черных губах, а вот облика князя Станко никак не мог себе представить — подворачивался профиль на серебряной монетке. Устав от усилий, Станко мысленно махнул рукой, и князь в его воображении представлялся теперь со спины.

Итак, князь Лиго угодил в ловушку, пасть алчно щерится, Станко стоит наверху и смотрит... Нет, не смотрит. Разве «зажора» умеет ненавидеть? Разве у чудовища в земле есть мать? Разве это ее навеки обездолил этот мерзавец? В мыслях своих Станко бросает князю веревку, чтобы вытащить его и тут же убить; князь отчаянно цепляется за тугой конец, оборачивается к Станко лицом...

— Смотри-ка, — глухо сказал Илияш. Видения Станко оборвались.

Перед путниками в земле зияла воронка — точно такая же, круглая, с крутыми песчаными склонами. Станко отпрыгнул раньше, нежели успел что-либо сообразить.

— Дохлая, — сказал Илияш все так же глухо.

На дне воронки навеки застыли сведенные судорогой губы. Они были уже не черные — грязно-сизые, высохшие, мертвые.

— Можешь спуститься и посмотреть, — предложил Илияш. Станко молча помотал головой.

Илияш поднял с земли камень, примерился, метнул — камень поднял на дне воронки пыль, стукнул по губе, свалился вниз, в дыру. Ни шороха, ни движения.

— Издохла, — подытожил Илияш уже уверенно. — Недавно. Интересно, от чего?

Станко повернулся и зашагал прочь. Ему совсем не было интересно.

Дождь так и не собрался, но все в лесу пропиталось сыростью, обвисло, отяжелело. Под вечер из всех ложбин клочьями пополз белый туман.

— Они пожирали целые армии, — сказал Илияш. — Этих «пастей» вокруг замка было видимо-невидимо.

— Колдуны, — прошептал Станко.

Илияш кивнул. Туман поднимался все выше, становился все гуще.

— Нехороший туман, — Станко поежился. — Липкий какой-то... Он нас не сожрет?

Это была шутка, но Илияш не засмеялся.

— Столько сил, — пробормотал Станко горестно. — Столько усилий, столько... этой... магии... На такую дрянь...

— Дрянь, — коротко согласился Илияш. — Но многие готовы были целовать эти пасти прямо в их мерзкие губы.

— Что?! — Станко передернулся.

— Да... Ведь если у тебя есть враг, верный, старый, ненавидимый враг... Как у твоей матери князь Лиго... И пасть сожрала его... Это ли не радость?

— Какая мерзость, — сказал Станко от всей души.

Илияш усмехнулся:

— Власть... Ради власти, Станко, да еще вот ради мести... Да мало ли... Бывало так — свершил месть и заполучил власть одним ударом... Ты вот что станешь делать... с княжеским венцом? С тем самым? Предположим, убьешь князя... Предположим, коснешься венца и не окочуришься... Дальше что?

Станко потряс ладонью у лица, будто пытаясь разогнать туман. Провозгласил гордо:

— Я — свободный человек. Не месть и не власть. У меня долг, понимаешь? Свободному человеку венца не надо... Убью Лиго, а цацку его кину в болото.

Илияш присвистнул.

Спустя час, когда туман стал совсем уж непроглядным и близок был вечер, оба услышали под ногами чавканье и почувствовали, как трудно отрывать подошвы от липкой, вязкой земли.

— Вовремя ты болото помянул, — процедил Илияш и попытался вернуться назад. Они шли и шли, а земля не становилась тверже.

— Прекрасно, — Илияш был раздражен, — ни вперед, ни назад, ни стоять, ни идти... Карты не разглядеть, своего носа не увидать, веселенькая будет ночка...

Станко подавленно молчал. Он очень устал и продрог до костей.

Некоторое время они брели молча; Станко, боясь потеряться в тумане, ухватился за лямку Илияшевого мешка. Так и шли, как слепые.

Не было ни дня, ни ночи, ни севера, ни юга — только муть, да сгущающаяся тьма, да чавкающие ботинки Илияша. Станко опустил голову и закрыл глаза — все равно смотреть было не на что.

...В базарный день по толпе пробежала вдруг весть: князь Лиго на базаре! Сам князь!

Станко издалека услышал топот копыт. Ветер развевал черные плащи стражников, щелкали бичи, очищая дорогу. В толпе возникла давка; прижимая к груди корзинку с покупками, Станко как безумный рванулся князю навстречу.

У него сразу же оказалось множество соперников — а как же! И я хочу посмотреть, куда прешься, балда? А ну, назад, пацан! Всем охота!.. Ты посмотри, какой нахальный, лезет и лезет!

Его пихали в бока и били по затылку, он потерял в толчее корзинку, а кавалькада стремительно продвигалась сквозь толпу, кто-то кричал «Ура!», кто-то бранился... Станко что было сил работал локтями и коленями, подныривал, уворачивался, однажды даже закричал в отчаянии: «Пустите! Там мой отец!»

Кавалькада промчалась, оставив на спинах самых ретивых полосы от ударов бича. Станко вырвался на дорогу, когда она была уже снова запружена народом; всадники умчались, базар шел своим чередом, а он стоял, помятый, потрепанный, затерянный в толпе, и смотрел вслед...

Илияш остановился, радостно схватил Станко за рукав:

— Смотри-ка, нашел!

— Что? — он все еще переживал горечь того далекого дня.

— Переправа! Гать! Не думал, что она сохранилась... Но на карте есть — отчего же и на земле не быть, а? Теперь потихоньку пойдем гатью, а там до замка три дня пути... Три дня по прямой!

Станко опустил глаза, но ничего не увидел. Илияш уже шел вперед; Станко нащупал ногой твердый настил — бревна, уложенные бок о бок, какие-то трухлявые ветки... Это была гать, но гать очень пожилая, вернее сказать, дряхлая.

Тем не менее Станко приободрился. Догнал Илияша, и тот, озабоченно пробуя палкой настил, пробормотал сквозь зубы:

— Только... Осторожно тут. Под ноги смотри, ни шага в сторону! Ни полшага...

Через минуту в темноте вспыхнул огонь — Станко так и не понял, как удалось Илияшу среди такой сырости поджечь мокрую ветку...

Они шли до полуночи, и туман рассеялся, и очистилось небо. Взошла луна, и тогда Станко увидел ломаную линию гати, неподвижные деревья вокруг, и картина эта показалась ему жуткой и неправдоподобной.

Болото вздыхало и ухало; из-под корней то и дело вырывались вереницы пузырьков, которые лопались с тихим вкрадчивым бульканьем. Между стволами бродили стайки бледных огоньков; задумай сказочник рассказать сказку пострашнее, он обязательно начал бы ее с описания огромного, залитого луной болота.

Станко догнал Илияша и крепко уцепился за его плечо.

— Скоро рассвет, — пробормотал тот, не оборачиваясь.

Покачивались бревна под их осторожными шагами. Подошвы то и дело соскальзывали, и тогда путники судорожно хватались друг за друга.

— Комаров здесь нет, — бормотал Илияш, — надо же, нет комаров!..

Он хотел что-то добавить, но в эту секунду горестный стон донесся откуда-то из топей и протянулся над болотом.

Станко замер, оцепенев. Илияш, чье плечо сжимали его пальцы, тихонько вскрикнул от боли.

Стон повторился — тоскливый, душераздирающий.

— Ничего, — прошептал Илияш, но голос его дрогнул. — Это ничего, главное — с гати не сходить... Что бы там ни было, Станко, помни: только не бежать!

Станко кивнул, не в силах выдавить ни звука.

Так стояли они, замерев, ухватившись друг за друга; в белом лунном свете можно было разглядеть каждый волосок в густой бороде Илияша. Вокруг зависла неправдоподобная, мертвая тишина.

И вот тишину нарушили мерные, повторяющиеся звуки. Размеренно чавкала трясина — кто-то шел, шел прямо по топям, и к звуку его шагов вскоре прибавилось такое же мерное, жалобное бормотание.

— Стоять, — прошипел Илияш.

Шаги приближались; среди корявых стволов брела, направляясь прямо к путникам, приземистая фигура.

Мелко трясясь, Станко разглядел дорогой камзол, расшитый золотом и каменьями; кое-где к драгоценностям пристала тина и болотная ряска. Голову пришельца, гордо вскинутую, покрывала высокая, богато изукрашенная шляпа. Лицо — Станко быстро отвел глаза — было мертвым, землисто-серым, с глубокой рубленой раной от виска до подбородка.

Чав... чав... чав... — постанывала трясина под каблуками высоких ботфортов. Станко хотелось бежать, бежать что есть мочи.

— Ми-илостивые господа-а... — прогнусил призрак тонко и жалостливо. — Ми-илости... ми-илости...

— Не смотри на него, — выдохнул Илияш в самое ухо Станко. — Стой на месте.

— Премногие скорби и не утолимы... Премногие беды в моем

чертоге... Почтите, господа... Почтите честью... — Призрак перестал стонать, теперь он, казалось, приглашал — рука его поднялась в широком приветственном жесте, и Станко разглядел на его боку черную дыру от удара мечом и пустые ножны на перевязи.

— Добрые господа... Не почтите за труд... Ясные перлы, чистое злато... — Из рукава призрака выпали и утонули в трясине несколько драгоценных камней и слиток золота. — Премногие скорби в моем чертоге... Войдите... Войдите... Почтите честью...

И призрак стал раскланиваться.

Он раскланивался долго, старательно, с некой неуклюжей грацией, с приседаниями и прыжками, от которых глухо чавкало болото. Он прижимал руку к сердцу или к тому месту, где должно быть сердце. Наконец, он обеими руками взялся за поля своей роскошной шляпы и в глубоком поклоне стянул ее с плеч вместе с головой.

Станко потерял над собой власть. Не видя и не соображая ничего, влекомый одним-единственным желанием — бежать, он рванулся прочь.

— Стоя-ать!

Призрак продолжал раскланиваться, пока на гати кипела борьба. Илияш стал втрое, вчетверо сильнее; он сдавил Станко горло, у того помутилось в глазах, он ослабел и был плашмя брошен на гать, лицом в тину, и, ухитрившись повернуть голову, видел, как призрак, не переставая кланяться и приседать, подходит ближе, ближе, вплотную, как его страшное лицо сливается с бледным лицом упавшего на колени Илияша, как потом отделяется — с другой стороны и, пройдя сквозь путников, как нож сквозь пену, удаляется, бормоча непонятные жалобы, невнятные просьбы...

Илияш, оказывается, вовсе не стоял на коленях. Он стоял, по колени уйдя в трясину, и продолжал медленно, медленно погружаться.

— Илияш... — прошептал Станко.

— Тяни, — отозвался тот сквозь зубы.

Утром они вышли на твердую землю, и Станко сразу же лег, окунувшись лицом в небольшое озерцо. Ему вдруг стало все равно, жив князь или умер, взойдет солнце или не взойдет никогда — лишь бы никто не мешал, лишь бы лежать и лежать так вечно, изредка хватая ртом воздух...

Илияш тяжело опустился рядом.

— Ну, все, дружок, — в голосе его не было обычных насмешливых ноток, это был голос смертельно усталого человека. — Ты многое видел... Ты многое понял... Теперь подумай. «Жадные пасти» людей жрали-пожрали... Люди сами друг друга резали, как сви-

ней на бойне, в крови купались... Этот, что на болоте, тоже проклят за что-то, нет ему покоя и не будет, верно... А теперь еще ты убивать идешь.

Илияш выжидательно замолчал. Станко поднял голову: по щекам стекали грязные потеки воды.

— Это как же понимать? — поинтересовался он медленно. — По-твоему, зарезать невинного человека, ребенка или женщину и убить князя Лиго — это одно и то же?!

Илияш вздохнул:

— Видишь ли... Тот, кто убивает, всегда убежден, что поступок его оправдан и свят.

Станко вытер лицо и поднялся. Илияш остался сидеть и смотрел на него снизу вверх.

— Вот как ты заговорил, — процедил Станко, пытаясь стряхнуть и боль, и слабость, и безразличное оцепенение. — Вот как... Да если не убить убийцу, он же обязательно снова кого-то убьет!

— Да, — отозвался Илияш устало.

— А если война... Если на тебя — с мечом, то ты, что же... с колокольчиком?!

— Да, — снова повторил Илияш. — Но при чем здесь ты и при чем здесь князь? Он тебе лично ничего не сделал, он тебя не трогал, он вообще о тебе... ничего и не знает...

— Сдался ты, — горько сказал Станко. — Сдался... У тебя ведь тоже к князю счет, я знаю! Я вижу, как ты вздрагиваешь, когда я его поминаю... Тайна твоя, молчишь — и молчи... Но ты же сам хотел, чтобы я добрался до замка! Золото золотом, но ты же хотел! А теперь... Не благородство какое-то фальшивое, а трусость в тебе говорит...

— Очень интересно, — проронил Илияш со вздохом, — кто из нас струсил сегодня ночью?

Станко осекся. Пробормотал зло:

— Я трушу, но я же делаю... Я же иду! Я же...

На него вдруг навалилось нестерпимое, неудержимое желание вернуться. Он увидел трактир; он увидел улыбающихся людей на улицах, Вилу, детишек на куче песка, огонь в печурке, пиво на столе, свежий хлеб... Добрые духи, только вы знаете, как в этот проклятый момент Станко хотелось вернуться!

— Я иду! — сказал он непривычным, слишком тонким и ломким голосом. — Я иду, и пусть он... дрожит... Я убью... Он...

Илияш печально покачал головой, и Станко взорвался:

— Он мерзавец! Ничтожная мразь! Жеребец поганый! Грязный похотливый козел! Кобель, кобель! Трус! Женщину обидеть... Это он мастак! А вот пусть встретится с мужчиной, блудливый вонючий кобель!

Он кричал, брызжа слюной, и Илияш отвернулся, и черный поток ругательств тек над его головой, над озером, над стенами камыша... Потом Станко выдохся, и в наступившей тишине Илияш проронил:

— Через шестнадцать с половиной лет некая женщина по имени Вила скажет то же самое своему сыну... Твоему сыну, Станко. И отправит его убивать отца... Тебя, Станко, если ты до той поры не сгниешь у князя в темнице.

Станко лишился дара речи. По поверхности озерца пронеслась стая водомерок.

Илияш поднял голову, и ни тени смеха не было в его широко раскрытых глазах.

— Вила, — сказал Станко, но не услышал своего голоса, — Вила, — повторил он громче, — Вила — моя жена! — наконец выкрикнул он, вкладывая в свои слова всю ярость, на которую был способен. — Я женюсь на ней, ясно?! Она любит меня, а я люблю ее!

— А если ты забудешь ее, а если ты встретишь другую... — начал было Илияш, но Станко перебил его, взревев:

— Она меня любит, любит, любит! А ты...

Он хотел придумать оскорбление пообиднее. На секунду стало тихо, и Илияш сказал с кривой усмешкой:

— Цена ее любви — две серебряные монетки. Две моих кровных, честно заработанных монетки.

Молчание длилось долго. Дунул ветер со стороны болота, принес опротивевший запах тины. Илияш наклонился над озерцом и неспешно, аккуратно принялся умываться.

— Ты... — прошептал Станко ему в затылок, — ты что такое сказал, а?

Илияш поднял голову, вытирая лицо:

— Я заплатил ей. Я купил ее для тебя. Я это сделал, потому что...

Самый свирепый бык не мог бы сравниться норовом с разъяренным Станко.

Илияш отбивался. Уворачиваясь из-под мощных, не особенно точных ударов, он выкрикивал Станко в лицо:

— Дурак! Дурак! Да я это сделал для тебя! Мне это надо?! Ради тебя, дурень! Да погоди ты!..

Станко сопел и напирал. На него накатило; он снова не видел ни неба, ни травы, он только напирал и наступал, и браконьер шлепнулся-таки в озеро, и Станко кинулся на него сверху, но холодная вода отрезвила его.

— Дурак, — бормотал мокрый Илияш, отползая и отряхиваясь, — мальчишка... На смерть ведь идешь, почти верную смерть,

неплохо было бы стать мужчиной... Мужчиной, сопляк! Чтобы хоть понять, что же это такое...

Станко с трудом поднялся, подобрал с травы меч и заплечный мешок, не оборачиваясь, пошел прочь — назад, к болоту, к гати.

— Куда? — безнадежно кричал ему вслед Илияш. — Погоди!

Идти по склизким бревнам при свете дня было легче и удобнее. Он шагал, стиснув зубы, и твердо знал, что браконьер зачем-то соврал.

— Вот и хорошо, — рассуждал Илияш, а он, как назло, спешил следом. — Вот и ладно... Любит она тебя, конечно же, любит! Ох и напьюсь на вашей свадьбе... Ох и напьюсь, Станко! За тебя, за нее, за ваше счастье... Я ведь хочу, чтобы ты был счастлив, Станко. Честно, хочу. Ты мне чужой человек, а только привязался я к тебе... Чем убивать людей — лучше людей рожать, это старая истина, и доказывать не надо...

Станко до боли закусил губу. Каждый шаг удалял его от цели, а ведь пройдено так много, осталось так мало... Неужели это правда? Неужели он, Станко, возвращается, оставив князю жизнь?

Он замедлил шаг, и Илияш, заметив это, засуетился:

— Нет; если ты захочешь князя зарезать — это пожалуйста... Потом. Дом заведете, хозяйство... Нечего Виле в трактире прислуживать, пусть детей растит... А когда дети подрастут — тогда пожалуйста, Станко, за меч, и вперед — по князеву душу... Верно?

Станко шагнул еще и остановился. Илияш занервничал:

— Ну, в чем дело? Снова на гати ночевать? Пошли, пошли, через недельку дома будем, на перине, у огонька...

Станко стиснул свой меч и обернулся:

— Хватит.

И двинулся прямо на Илияша, тот едва успел уступить дорогу.

— Эй, эй! Ты же хотел с Вилой сначала... Разобраться же надо, а вдруг я правду сказал?!

Не останавливаясь, Станко проговорил, едва разжимая губы:

— Врешь ты. И сейчас врешь. Я женюсь на Виле! Увидишь, женюсь... Дети будут, и все... Только потом. Я князя убью, а потом, ладно уж, напивайся на свадьбе...

Илияш, кажется, поперхнулся.

До замка оставалось три дня пути, и путники двигались прежним порядком — браконьер впереди, за ним Станко. Но в обычный ритм вкралась ошибка — Илияш молчал.

Он замолчал, когда они покинули гать; он не пел, не свистел, не бормотал про себя и не бранился со Станко — просто молчал, безразлично, мертво. Станко, прежде устававший от браконьеровой болтовни, теперь радовался каждому его «да» или «нет».

Так они миновали невысокий каменистый кряж и оказались перед длинной, изломанной трещиной — без края, без дна.

Станко не побоялся глянуть вниз — нет, дно было. По черной щели его бежал ручей, но шум не достигал поверхности земли, только изредка вспыхивали блики на темной воде. Станко швырнул в расщелину камень — тот летел долго, и звука падения тоже не было слышно.

— Глубоко, — сообщил Станко молчащему Илияшу.

Тот кивнул, не отрывая глаз от карты. Потом повернулся и побрел вдоль трещины, внимательно поглядывая по сторонам.

Через полчаса они увидели мост.

Древний, полуразрушенный, он держался на двух опорах и нависал брюхом над самой пропастью. Время разъело раствор неведомых каменщиков, и мост, похоже, понемногу терял камни, как старуха зубы.

Станко внутренне сжался, ступая на мост, но древняя работа оказалась прочнее, чем можно было предположить. Илияш шел впереди, внимательно глядя под ноги, ощупывая, оглаживая подошвами каждый камень, каждую подозрительную щелку.

Благополучно выбравшись на твердую землю, путники огляделись. Перед ними лежала, похоже, старая дорога, когда-то широкая и ухоженная. И справа, и слева ее окружали скалы да колючие кусты.

— Нам туда? — радостно спросил Станко, указывая на дорогу.

Илияш медленно кивнул.

— Замок близко, да? — сомнений в этом быть не могло, вот же дорога, в старину, наверное, по ней тянулись к замку обозы с продуктами, купеческие повозки, отряды вооруженных людей...

— Не ходи туда, — сказал Илияш.

Станко вздрогнул — это была самая длинная его фраза за последний день.

— Почему? — спросил он простодушно. — Это же прямая дорога, тут и карта ни к чему! Три дня, может быть, даже два с половиной...

— Там смерть, — сказал Илияш, и в голосе его была такая спокойная уверенность, что Станко вздрогнул снова.

— Откуда ты знаешь? — спросил он заносчиво, хотя в душе его что-то неприятно сжалось.

— Чую, — отозвался Илияш, глядя на дорогу устало и равнодушно.

— Ерунда, — пробормотал Станко, не очень, впрочем, уверенно.

— Обойдем, — проронил Илияш и решительно свернул влево, проламываясь прямо через колючие кусты.

Они шли и проламывались, и внезапно Станко почувствовал давящую тяжесть. Он тряхнул головой — тяжесть нарастала с каждым шагом, колени дрожали от напряжения, почти пустой мешок тянул к земле, глаза заливал пот... Он едва смог поднять руку, чтобы вытереть лицо, и увидел, как впереди пошатнулся Илияш.

Воздух загустел и пробивался в горло рывками, со свистом, через силу. Добрые духи, подумал Станко, и упал на колени.

Илияш обернулся. Лицо его перекошено было усилием, он что-то хотел сказать — не смог, с трудом махнул рукой — возвращайся, мол...

Станко повернулся и побрел обратно, спотыкаясь, едва не падая, но теперь с каждым шагом тяжесть становилась легче, отваливалась, отпускала.

Он выбрался на дорогу — и все закончилось. Светило солнце, где-то под камнем верещал сверчок.

— Так, — сказал Илияш, опускаясь прямо на серый песок. — Так.

Помолчали.

— Попробуем... С другой стороны. — Илияш потер лицо и поднялся.

И они свернули вправо.

Сначала все шло совсем неплохо, Илияш, видимо, приободрился, шел все быстрее, спешил — и вдруг будто налетел на невидимую преграду. Станко видел, как ссутулились его плечи, подогнулись колени, как проводник зашатался... Через секунду давящая тяжесть навалилась и на Станко тоже.

Полумертвые, подавленные, они вернулись на дорогу. Сели рядом, бросив в пыль заплечные мешки.

— Это клещи, — сказал Илияш безучастно. — Эта ловушка называется «клещи». С двух сторон... А потом сжимаются.

Станко панически огляделся. Ничто не предвещало беды — круглые облака на синем небе, сверчок под камнем, безветрие... Но справа и слева от дороги стояли непроходимые стены, и сейчас, быть может, они медленно двинулись навстречу друг другу.

— Вот что, — Илияш поднял голову. — Хватит. Пойдем.

Он встал и поднял свой мешок.

— Куда? — Станко остался сидеть.

— Обратно, — Илияш кивнул в сторону моста. — Дальше хода нет. Пойдем скорее.

— Я пришел сюда, и я пойду дальше, — шепотом отозвался Станко.

Некоторое время они смотрели друг другу в глаза.

— Это жаль, — сказал Илияш наконец. — Но решать за тебя я не могу. Могу только сказать так искренне, как никогда никому ничего не говорил: если хочешь увидеть отца, идем со мной. Останешься — встретишь его на том свете.

Тишина.

— Нет, — сказал Станко медленно. — Я пойду в замок.

— Дурак. — К Илияшу, казалось, вернулись прежние силы. Он раздраженно забросил мешок за спину, потом сорвал снова и в сердцах швырнул им о землю: — Дурак! Дурень сопливый... Мне что же, силой тебя волочь?!

Станко удивленно поднял брови: попробуй, мол.

Илияш неразборчиво выругался под нос, резко повернулся и зашагал к мосту. Шагал размашисто, изо всех сил впечатывая, вбивая каблуки в землю, и спина его выражала злое бессильное возмущение.

С каждым его шагом Станко чувствовал себя все более одиноким. Он отвернулся, чтобы не видеть этого ухода; он отвернулся и посмотрел на заброшенную дорогу. Идти будет легко; через три дня, а может, через два с половиной...

Он уговаривал себя, он гладил потной ладонью рукоять меча и воображал, как вернется к Виле — вернется победителем. Потом ему увиделся собственный растерзанный труп во-он под тем камнем.

Он глянул Илияшу вслед — тот всходил на мост. Еще не поздно броситься бегом и догнать.

Он снова посмотрел на дорогу. Да нет там ничего, добрые духи! Старый браконьер окончательно струсил, а он, здоровый парень, поддался и готов был бежать...

Ни звука не донеслось от моста, но Станко вдруг вздрогнул и обернулся.

Илияша не было. Ни на мосту, ни на той стороне пропасти, ни на этой. Он будто провалился сквозь...

...землю, додумал Станко на бегу.

Он бежал что есть сил, ветер свистел в ушах, разлеталась из-под сапог ссохшаяся глина, и вот уже видно, что мост провалился на самой середке, что камни продолжают беззвучно падать, и что Илияш...

Станко громко, отчаянно всхлипнул и увидел пальцы, вцепившиеся в камень по эту сторону пролома.

Мост вел теперь в никуда, в пропасть, на той стороне каменной щели рухнула и опора, а здесь сохранилась часть кладки; от разлома пиявками ползли черные трещины, и за медленно разлезающиеся, как мертвая плоть, камни цеплялись человеческие руки.

Илияш висел над бездной, и висеть так ему оставалось несколько минут.

— Ой, нет, — сказал Станко шепотом.

Обычное желание броситься и спасти безрассудно толкнуло его вперед, он сделал шаг... и отпрыгнул, потому что камни ходуном заходили под ногами, и зашаталась кладка, и разом приблизилась Илияшева гибель.

— Добрые духи... — прошептал Станко.

Илияш попытался подтянуться — оборвался и полетел вниз камень, вслед за ним сорвалась рука. Станко вскрикнул, но Илияш удержался, и пальцы, окровавленные, снова вцепились в край разлома.

— Что мне делать... Что мне делать?! — Станко заломил руки, как часто заламывала их мать. Это совершенно женское движение вдруг сделало его слабым, ему захотелось, чтобы все поскорее закончилось, лишь бы не стоять бессильно и не смотреть на сползающие руки Илияша...

— Я не могу тебе помочь, — прошептал он, и черные трещины, удовлетворенные, еще быстрее поползли по щелям между камнями.

Станко беспомощно оглянулся — веревка осталась в заплечном мешке Илияша. Ни палки, ни дерева, ни помощи.

Он снова всхлипнул и лег на живот. Теперь он не видел пальцев Илияша, а только покрытые пылью, слепленные негодным раствором камни да черные трещины между ними.

Тогда он крепко зажмурился и пополз.

Он не открывал глаз, но все тело его в секунду стало зрячим. Тело видело каждый расшатанный камень, каждую мелкую трещинку в толще кладки, влажный мох на брюхе моста, засохшие кляксы птичьего помета на спине его... А внизу, под остатками моста, *виделась бездна, изголодавшаяся, ощерившаяся скалами*, как кривыми зубами...

Он заставил себя открыть глаза. Он лежал теперь у самого разлома.

Кладка дрогнула, еще несколько камней сорвались и бесшумно полетели вниз.

— Я здесь, Илияш! — сдавленно крикнул Станко.

Ни звука в ответ. Станко продвинулся вперед еще на ладонь, и заглянул вниз.

Не следовало этого делать. Ему показалось, что его подталкивают сзади. Бездна тянула, жадная, как упырь.

Обломок моста дрогнул. Еще минута — и он рассыплется, как неумело сложенная поленница.

Станко протянул руки и вцепился Илияшу в запястья. Тот поднял голову — из-под спутанных волос на Станко глянули круглые, будто удивленные, голубые глаза.

— Давай, — сказал Станко одними губами. Теперь он страховал браконьера, и тот мог побороться за свою жизнь.

Илияш снова попробовал подтянуться. Станко сжал его запястья до хруста, в ту же секунду вывалился еще один камень, за ним другой — и обе руки Илияша сорвались почти одновременно, и Станко дернуло в пропасть, и он, не выпуская рук проводника, вцепился в кладку коленями, ступнями, животом...

С превеликим усилием ему удалось удержаться на краю пролома. Положение Илияша не улучшилось ни на волосок.

— Еще, — прохрипел Станко. Ему почему-то вспомнилась торговка леденцами — такие вкусные звезды на палочках, а мать не купила, так он в жизни и не попробовал леденцов...

Илияш медленно, задержав дыхание, двинулся вверх. Вот его голова показалась над проломом... Вот рука, за которую тянул Станко, оперлась о кладку локтем... Станко пятился, отползал, давая Илияшу дорогу... Вот проводник лег грудью на край пролома, он уже выбрался, он уже...

Черная трещина разошлась с торжествующим треском, подобно прогнившему шву, и под браконьером обрушился целый пласт.

Станко удержался. Проводник, чудом уцепившись, снова повис на руках — повис, с каждой секундой теряя силы.

Он поднял голову — Станко вздрогнул, увидев его лицо. Серые губы шевельнулись, беззвучно произнося: «Уходи».

— Попробуй еще, — попросил Станко, и тоже почти беззвучно. От напряжения он перестал различать цвета, кровь на лице и руках Илияша казалась ему черной, а где-то на краю сознания маячил проклятый леденец: надо же, за всю жизнь так и не попробовал...

— Уходи, — сказал Илияш. Станко подполз ближе и снова взял его за запястья.

Глаза Илияша странно изменились. Не сводя со Станко взгляда, он разжал пальцы.

Бездна дернула — так рыбак подсекает рыбину. Станко заскрипел зубами, вся тяжесть Илияша оказалась подвешенной на нем, на сведенных судорогой мышцах, на цепляющихся за камни коленях, на тисками сжавшихся пальцах. Станко был ниточкой, на которой еще держалась Илияшева жизнь.

Проводник смотрел Станко в глаза:

— Пускай.

Под животом у Станко гадюкой поползла трещина.

— Ты что... — прохрипел Станко, — делаешь, ты?! Тянись, ты... Я же с тобой сейчас... Вытягивайся, ты!..

Илияш застонал и снова вцепился в разлом. Станко сразу стало легче, и он смог почувствовать, как под ним расползаются камни.

— Дурак, — сказали губы Илияша.

И он снова стал подтягиваться — безнадежно, силы его исчерпались, сейчас камни обрушатся, и ясно было, что проводник ненавидит Станко за то, что тот сорвется вместе с ним...

...Перед глазами Станко стеной стояла трава. В траве лежала бессильно откинутая рука Илияша — с белым шрамом на пальце.

Он не помнил, как им удалось выбраться. В памяти его зиял провал — почти такой же, над которым он провел... полчаса? час? минуту? Невозможно определить...

Пыльные камни, пьяные камни, они качались, как пьяные... Редкий мох в бороздках сочленений, трещины, трещины... Белые пальцы, вцепившиеся...

А он, Станко, жив. Он не валяется где-нибудь на темном дне, изуродованный, мертвый, мертвее камня. Он не висит, насаженный на острый выступ скалы, как на вертел. Он жив и будет жить долго, и все леденцы мира...

Илияш застонал. Станко с трудом поднялся — тело не слушалось, ноги отнимались.

Браконьер лежал на спине, кровь запеклась на губах и на виске — след удара о камень. Глаза смотрели в небо устало и безнадежно:

— Как ты... говорил... Добрые духи... Добрые духи, о добрые духи, какой ты дурак, Станко... Какой ты дурак, во что ты нас втравил...

На запястьях у него наливались кровоподтеки, как от цепей.

ГЛАВА 4

Солнце стояло высоко, камни почти не отбрасывали тени, и раздолье было сверчкам и ящерицам.

— Вот и прекрасно, — ровным голосом сообщил Илияш. — Клещи сжимаются, назад дороги нет, а впереди нас ждет та самая крыса, к которой ты так желал забраться в глотку.

Станко жалко улыбнулся. Больше всего на свете ему сейчас хотелось ничком лечь на землю и пролежать так несколько дней.

— Ладно, — проводник с сомнением разглядывал свой кинжал. — Ладно, коли так повернулись события... Я не намерен умирать из-за твоего упрямства.

«Я же спас тебе жизнь», — хотел сказать Станко, но вздохнул и не сказал.

Проводник, прищурившись, огляделся.

— Когда-то, — сказал он, тяжело поднимаясь с камня, на котором сидел, — когда-то клещи умели сжиматься мгновенно... А теперь ловушка обленилась, либо одряхлела, либо попросту забыла, как поступают с неудачниками вроде тебя... да и меня тоже. Но кто знает?

Станко улыбнулся еще жалобнее. Илияш скептически поджал губы:

— Поэтому, дружок, мы пойдем сейчас в гости к крысе. К старой отвратительной крысе с просторной глоткой, где полно места для всяких юных дураков... Но я-то совсем не юный. Я-то не намерен подыхать... и так глупо!

Он ощерился. Глаза его полыхали холодным злым огнем; Станко поразился. В этот момент Илияша и в мыслях нельзя было назвать браконьером: это был воин, мощный, сосредоточенный, и даже старый наемник Чаба, Станков идеал мужественности, казался бы рядом с ним всего лишь забиякой.

— Вперед, — бросил Илияш, и Станко сразу встал будто получил приказ от облеченного властью.

И они двинулись заброшенной дорогой, обочины которой поросли колючим кустарником, и кустарник становился все гуще, а каменные гряды по сторонам — выше и неприступнее. Они шли рядом, плечо к плечу; Станко держал в опущенной руке обнаженный меч, а Илияш хищно вглядывался вперед, и ноздри его раздувались.

На обочинах кое-где маячили мертвые деревья — грузные, черные, неподвижные, распростершие над головами путников судорожно раскинутые лапы. В изгибах вздутой коры Станко мерещились искаженные мукой лица; ладонь его, сжимающая меч, давно была мокрой от пота.

А под камнями тем временем трещали кузнечики, грелись на солнце полчища ящериц, хлопали в воздухе чьи-то крылья, замершие столбиками суслики провожали идущих удивленными глазами... Давно, ох как давно здесь не видывали человека.

Дорога повернула — впервые от начала пути. Борода Илияша встала дыбом, но ритм его шагов остался неизменным, и засеменивший было Станко поспешил приноровиться к нему.

За поворотом дорога раздавалась вширь. На правой обочине, властно протянув во все стороны жирные корни, стояло еще одно дерево.

Станко захотелось улыбнуться — до чего потешно! Один столяр в его селе на досуге мастерил поделки из замысловатых веток, небольших пней... Но произведение неизвестного мастера, когда-то хлопотавшего вокруг этого мертвого великана, поражало и искусством, и размерами: огромный профиль старика с крючковатым

носом, в зубах — длинная трубка... А на селе у Станко почти никто не курил, только корчмарь и сумасшедшая старуха, жившая около...

Невиданной силы удар бросил Станко на землю.

— Вот оно, — прошипел упавший рядом Илияш.

Радостно чирикнул над головой воробей.

Черное лицо с трубкой в зубах казалось умиротворенным, даже добродушным. Ни ветерка, ни дуновения. Станко удивленно моргнул — и в эту минуту из трубки крючконосого старика вылетело колечко дыма.

Станко разинул рот. Дым был нехорошего грязно-желтого цвета, колечко не расплылось, как это обычно бывает, а, повисев неподвижно, сжалось в плотное облачко.

— «Желтомара», — прошептал Илияш в тоске. — «Желтомара», вот что это такое!

Облако висело неподвижно. Вот со стрекотом пронеслась пара сорок — облако лениво выгнулось, зацепив одну из них краем.

Станко не знал, что птица может так кричать. Посыпались перья; вторая сорока заметалась над бесформенным клубком, который, дергаясь, повалился в камни и скрылся из глаз. Крик стих.

— Не... двигайся, — выдохнул Илияш.

Облако помедлило и опустилось к самой земле, где на камне стоял, поджав лапки, глупый суслик.

— Как неудачно, — сказал Илияш.

Облако подползло к суслику и ласково заключило его в объятия.

Суслик умер молча. Когда облако снова поднялось, на камне лежала только вывернутая наизнанку окровавленная шкурка.

Илияш, мучительно скривившись, бормотал проклятия в адрес Станко. Облако неспешно поплыло прямо к путникам.

Оно плыло величественно и грациозно; по краям колыхалась желтенькая кисейная дымка, тело же тучи было плотным, матовым, там сплетались и расплетались вязкие на вид рыжие клубы.

— Оно... видит? — прошептал Станко.

По обочине скользнул уж — блеснула гладкая спина. Облако не обратило внимания.

— Оно... змей не жрет?

— Не видать тебе отца, парень...

— Как оно видит?! Как?! — Станко почти кричал, шептаться уже не было смысла.

— Не двигайся... Может быть, оно чует движение... — Илияш удерживал Станко за воротник.

— Да суслик же стоял! — Станко рванулся, ворот затрещал.

— Это колдовство! — Илияш бессильно засадил кулаком в землю. — Оно нюхом чует... Чует!

Оба неудержимо пятились назад, а облако, поднявшись выше, плыло все быстрее, и ясно было, что пешеход для него — не соперник в беге, оно и за всадниками поспевало когда-то...

— Тепло, — лихорадочно прошептал Илияш. — Может быть, оно чует тепло. Ты теплый, я теплый...

— Суслик теплый, — простонал Станко, — змея холодная... Змей не тро...

Илияш уже возился с огнивом.

Он умеет поджечь ветку на сыром болоте, бессильно думал Станко. Почему теперь он копается, как больная старуха? Еще минута, и огонь не понадобится... А может быть...

«Желтомара» висела в зените, чуть колыхая телесами, поводя кисейной желтой каемкой.

Пучок сухой травы в руках Илияша задымил.

Облако качнулось и двинулось вниз — опять-таки плавно, неспешно. Вот оно приостановилось на уровне человеческого роста...

Трава вспыхнула радостно, как праздничный костер. Илияш приподнялся на локте, несильно размахнулся — распадаясь, роняя горящие травинки, весь пучок угодил прямо в колючий куст.

Куст задымил. Облако снова качнулось, будто в замешательстве. Выбирает, подумал Станко.

— Ну... — выдавил Илияш.

Куст нехотя занялся, чтобы тут же, войдя во вкус, выкинуть пламя до самого неба. В лица путникам ударил жар.

Облако дернулось, сжалось, потом набрякло, потом выгнулось дугой... Илияш, за ним Станко откатились в сторону.

Облако стремительно кинулось в огонь.

Негромкий хлопок. Радостный треск пламени. Отвратительный запах. Все.

И раньше, чем Станко успел перевести дух, Илияш оказался у пылающего куста, сунул руки прямо в огонь, выдернул и вскинул над головой две горящие ветки:

— Вперед!

Отблески огня плясали на его лице, отражались в прищуренных глазах, и Станко подумал, что так полководцы поднимают войско в атаку, и солдаты пойдут за такими полководцами прямехонько крысе в глотку...

Потом они бежали.

Они бежали, и Илияш поджигал все на своем пути. Из трубки черного курильщика вылетали одно за другим новые облака, свивались кольцами, рыскали, искали, но вокруг пылали сухие кусты

и жухлая трава, тучами поднимался удушливый дым, и облака сбивались, путались, теряли двух теплых людей из виду. Крючконосый старик пыхтел и пыхтел своей трубкой, и Станко, пробегавшему мимо, померещился злобный блеск в прикрытых деревянных глазах. Впрочем, ему могло в тот час померещиться все, что угодно, он потерял свой заплечный мешок, да и меч уцелел только потому, что вовремя оказался в ножнах.

Они бежали, задыхаясь, не разбирая дороги. Упали на землю тогда только, когда устроенный Илияшем пожар остался далеко-далеко позади.

На ночь остановились в чахлом леске. Костра не разводили, сидели молча, плотно прижавшись друг к другу. Лесок вокруг наполнен был тяжелым дыханием, криками и стонами.

— Беззаконные земли, — бормотал Илияш. — Много о них болтают... Про «желтомары» я еще стражником слышал... Только никто и вообразить не может толком, что это такое...

Станко ежился — вокруг, то разгораясь, то затихая, разворачивалось какое-то давнее призрачное сражение.

— Да... Они все здесь шли, — бормотал Илияш, — пехота с копьями, конница с арбалетами... Здесь их встречали ловушки, засады... Горстка продиралась к замку, лезла на стену, убивала женщин, детей... Брали замок и жили там, пока их обиженные родственники не собирали новое войско... Наемникам платили щедро, княжеские сокровищницы славились богатством... Твой учитель Чаба здесь не нанимался?

Станко нахмурился в темноте:

— При чем здесь...

«Ко мне... Ко мне...» — стонали в лесу, и отзвук: «Вперед... вперед...»

Звон оружия. Ржание испуганной лошади. Звук рога. Яростный вопль, влажный хряст. Станко передернуло.

— И колдунов нанимали, — вздохнул Илияш. — Колдуны всю жизнь, всю длинную жизнь ставили ловушки. Одним хозяевам, потом другим — против первых... Колдунов не трогали. Колдун — достояние...

Кто-то задышал в темноте — хрипло, тяжко, кажется, над самым ухом. Станко прижался теснее к проводнику:

— А ты... Откуда ты все знаешь?

— Поменьше бы мне этого... знания, — со вздохом признался Илияш.

Помолчали.

— Колдун — достояние, — горько сказал Станко, — увидеть бы мне только ту тварь, что эти «желтомары» придумала... Это же...

Это же палач придумал, зверь безжалостный, стоял небось и смотрел, как это его чудо людей... выворачивало...

Илияш хмыкнул. В лесу тонко закричал ребенок.

Станко вздрогнул:

— И дети... Зачем здесь были дети?

Илияш помолчал. Ответил нехотя:

— Заложники... Да мало ли... В двенадцать лет мальчиков уже ставили в цепь... В цепь копейщиков...

— Хорошие предки у князя Лиго, — сказал Станко от души.

— Это и твои предки, — тихо отозвался Илияш.

Молчали долго, и каждый думал о своем.

— А кто ты, Илияш? — спросил Станко ни с того ни с сего.

Тот удивился:

— Я-то? Заморский император, а что?

Станко терпеливо вздохнул:

— Я не прошу, чтобы ты выдал мне свою тайну... Я просто думал... Что ты мне уже... ну, доверяешь, что ли... Что я не ребенок и не болтун... И не слепой, между прочим... Никакой ты не браконьер, ты, может быть, благородной крови... Может быть, тоже этот... бастард, как и я... И тебе случалось командовать войском. Неужели... ты служил простым стражником? А почему? И чем тебе досадил князь Лиго?

Илияш обхватил Станко за плечи, потормошил, прижал к себе:

— Фантазер ты, парень... Фантазер...

Станко, уязвленный, высвободился и некоторое время молча хранил свою обиду.

Лес жил своей жизнью. В чаще бродили бледные огни. «Попался... попа-ался»... — отчаянно плакало эхо.

— Страна ловушек, — сказал Станко с ненавистью.

— Да, — кивнул в темноте Илияш, — и сам княжий венец... Тот самый, четырехзубый... Тоже ловушка. Для самозванцев. Законнейшие из законных наследники — и те дрожали, впервые касаясь его...

— Я бы не дрожал, — проронил Станко сквозь зубы.

В темноте не было видно лица Илияша, однако послышался, кажется, смешок:

— Ты храбрец, как известно... Твоя мать... честнейшая из женщин... А если тот негодяй, что надругался над ней, обманул... ее? Может, он назвался князем Лиго просто из хвастовства, глумясь?

Станко заскрипел зубами. У него не было сил спорить.

Во мраке вокруг сновали белесые призраки, то приближались, то отдалялись звуки боя, победные крики, стоны раненых, хрипы умирающих, мольбы о пощаде.

— А зачем? — спросил Станко шепотом. — Зачем? За что они

бились? Им так важен был этот проклятый замок? Этот венец... Их награда — смерть... Все получили сполна... Так за что же?

Илияш прерывисто вздохнул:

— Ты... благостный. Знаешь такое слово? Человеколюбивый мальчик. Отца вот идешь убивать, но жестокости этого мира, конечно, тебя возмущают. Обижают даже. Ты любитель искусства — искусства драки, причем с малых лет, и превыше всего ценишь кулаки свои дубовые да умение обращаться с оружием... И что же? Что так задевает тебя в этих старых кровавых историях?

Призраки не унимались до самого утра, и до самого утра Станко молчал.

* * *

На другой день они впервые увидели замок. Илияш, взобравшийся на очередной скалистый выступ, вдруг радостно вскрикнул и выбросил вперед руку; подоспевший Станко приложил ладонь к глазам. На горизонте, за зубчатой кромкой леса маячила, полускрытая туманом, одинокая башенка.

Станко смотрел долго. Ему виделось то, чего и разглядеть-то нельзя было — ленты флагов на ветру, стражники с копьями, чьето бледное длинное лицо в прорези бойницы...

Рука Станко привычно скользнула к рукояти меча. Скоро. Уже скоро. Он идет, и князь Лиго, колдун, наверняка чует его приближение. Пускай. Он идет, и ничто в мире теперь не может его остановить...

— Ну, — хрипло окликнул спутника Илияш.

Вечером пошел дождь — мелкий, промозглый, пробирающий до костей. Костер упорно не желал гореть, и напрасно Илияш ползал вокруг него на коленях и уговаривал, как ребенка, бормоча ласковые слова, чуть ли не целуя. Станко сидел, обхватив колени руками, тихо покачиваясь из стороны в сторону, и мечтал о молоке.

Старый наемник Чаба смеялся над его любовью к молоку — настоящий мужчина должен пить пиво, а если богатый — вино... Станко не теленок, чтобы сосать корову... А Станко тайком от Чабы бегал к молочнице, за медную монетку она наливала почти ведерко... А мать не любила молочницу, в раннем детстве Станко твердо знал, что все молочницы мошенничают и разбавляют молоко чуть ли не вдвое... Он думал так до тех пор, пока мать не послала его, подросшего, за молоком, он шел через все село с пустым ведерком, затравленно оглядываясь — не встретить бы обидчиков... Он постучал к молочнице, боясь ее и презирая, но та встретила его

радушно, и, ожидая во дворе, Станко видел, как, облачась в чистый передник, толстуха принялась доить задумчивую рыжую корову, как звенящие струйки молока колотились о жесть ведерка — его собственного ведерка! Потом молочница с улыбкой покачала головой и посетовала — такому маленькому мальчику тяжело будет нести такое тяжелое ведро... А Станко не слушал, его мучила однаединственная мысль — когда же она успела разбавить?!

Он всю ночь вертелся с боку на бок, из темноты на него укоризненно смотрела рыжая корова... А утром он сказал матери, пораженный собственным открытием: молочница НЕ РАЗБАВЛЯЕТ молоко, она...

Мать в сердцах отвесила ему оплеуху. Он слишком доверчив, добрые духи, он глуп и доверчив, как он будет жить в этом мире, среди подлецов и мошенников?!

Станко плакал, он боялся подлецов и мошенников, и ему так не хотелось быть глупым...

...Илияш развел-таки хилый, дымящий костерок, вытащил из мешка заплесневелый сухарь, оглядел его с отвращением, страдальчески сморщился, откусил.

— Долго еще? — задал Станко свой обычный вопрос.

Проводник криво усмехнулся:

— Завтра... Нет, послезавтра будем на месте. Деньги-то не потерял?

Рука Станко механически потрогала грязный, тускло звякнувший кошелек, но сам он не заметил этого жеста — его обдало жаром. Так скоро... Готов ли он, добрые духи... Он готовился всю жизнь — и вот так скоро... Послезавтра... Послезавтра князь будет мертв, но сперва... Сперва он, Станко, посмотрит на отца.

Невесть как на его ладони оказалась потертая серебряная монетка. Тонкий хищный профиль, выдающийся подбородок, впалые щеки...

— А я похож на него? — спросил он совершенно неожиданно для себя.

Илияш поднял брови:

— Что?

Станко смутился:

— Ну... я похож на князя Лиго?

И, давая Илияшу возможность сравнить, он протянул ему монетку, а сам повернулся в профиль.

Илияш сравнивал долго, вертел монетку так и сяк, то отодвигаясь от Станко, то придвигаясь опять.

— Не видно, — сказал он наконец, и с явным сожалением. — Темно, пр-роклятье... Ничего не разобрать.

Станко разочарованно забрал у него монетку.

Через некоторое время ему удалось прикорнуть; он дремал без снов, то и дело открывая глаза и тупо глядя на тлеющую груду угольев. Потом сон мгновенно слетел с него, он сел, чем-то внезапно обеспокоенный.

Илияша рядом не было. Возможно, отлучился по нужде, предположил Станко, но беспокойство не утихло, а, наоборот, усилилось.

Куртка, рубашка, штаны, сапоги — все набрякло влагой, угли шипели, исходя паром, в воздухе космами висела нудная бесконечная морось. Станко привычно обхватил колени и стал ждать.

Ночь тянулась, костер умирал, Илияш не возвращался. Проклиная все на свете, Станко готов уже был сам отправляться на поиски, но вот треснула ветка, раздвинулась темная громада кустов, и длинная тень проводника бесшумно выбралась на полянку:

— Станко... вставай!

Куда и подевались все опасности, злоключения и бессонные ночи — голос проводника был весел и бодр, таким голосом он распевал свои песенки в самом начале пути.

— Вставай, дурачок! Иди сюда, скорее...

Станко, долгое время пребывавший в тревоге и напряжении, не сразу смог разделить непонятную радость проводника. Набычившись, он процедил сквозь зубы:

— И где это ты...

— Идем... Да идем же... Идем, сам увидишь...

Проводник так нетерпеливо топтался, так настойчиво взмахивал руками, что Станко, успокоившись наконец, нехотя поднялся:

— Ну куда... в ночь, в лес... Подожди утра...

— Да нет же! — возмущенный самой мыслью о промедлении, Илияш чуть не подпрыгнул на месте. — Идем... Ты все сам увидишь... Скорее, ну...

По-прежнему ворча, Станко покорно двинулся вслед за поспешившим вперед Илияшем — вернее, за его тенью, потому что черное небо обложено было тучами, и даже тусклый отблеск углей остался позади.

Илияш двигался легко, почти бесшумно, Станко трудно было бы уследить за ним в темноте, если бы проводник, вспомнив старую свою привычку, не напевал под нос, перемежая песни радостным бормотанием:

— Ну вот и ладно... Ну вот и повезло нам... Цве-етик, цве-етик, шлю тебе приве-етик... Давай, давай, парень, иди, иди, не отставай... Лю-юбовь, лю-юбовь, как ки-ипит моя кровь...

Станко приходилось труднее — ветки хлестали его по лицу, больно царапались сучки, скользил под ногами слой прошлогодних листьев. Пробираясь почти на ощупь, он десять раз готов был

впасть в раздражение, но веселый голос Илияша звал, обещая удачу, и Станко вновь приободрялся.

— Давай, парень... Бедам нашим конец, и целы остались, видишь... Теперь все будет «бархатом»... Теперь уж точно...

— Долго... еще? — спросил Станко, переводя дыхание.

Илияш рассмеялся, будто услышав удачную шутку:

— Нет... Еще чуть-чуть... Ты не отставай, а то еще потеряешься в темноте...

Тем временем дождь перестал; в сплошной пелене туч кое-где появились просветы.

— Уже утро скоро, — сказал Станко капризно. — Несет тебя... Или подожди, пока луна выйдет...

Будто отвечая на его слова, из-за туч выглянул тусклый лунный серп. Стало чуть-чуть светлее.

— Ну вот, — Станко вздохнул с облегчением, теперь видна была Илияшева фигура в десяти шагах перед ним — неимоверно высокая, никогда Станко не замечал, что Илияш так высок, может быть, это игра теней?

— Идем, — забормотал проводник еще радостнее, еще поспешнее, — идем, что стоишь, на ходу засыпаешь... Идем, уже близко...

И он снова заскользил вперед, но и Станко теперь стало легче; отводя от лица ветки, он почти догнал проводника.

Луна спряталась.

— Все, почти пришли, — шептал Илияш совсем рядом, — еще чуть-чуть...

Станко замешкался было, но луна вышла опять, засветила ярче, будто собравшись с силами, и в бледном свете ее Станко разглядел, как изменилась походка проводника — он будто крался, полусогнув колени, вытянув вперед руки, причем пальцы постоянно и сложно шевелились; время от времени он нежно, ласково поглаживал себя по бедру, и что-то нехорошее было в этом странном, таком несвойственном ему движении.

Станко споткнулся и стал. Ему вдруг стало страшно.

— Не медли, парень...

И Станко снова пошел, но каждый шаг давался ему через силу. Теперь он заметил, что кинжал Илияша висит не на левом боку, а на правом.

— Идем же, парень... — Илияш обернулся, поторапливая, но Станко будто в землю врос — такой нестерпимой жутью повеяло вдруг из темных проемов между стволами.

— Ну же! — Илияш готов был плясать от нетерпения. — Ну...

Он вдруг шагнул к Станко, и тусклый лунный свет упал на его лицо.

Волосы зашевелились у Станко на голове.

Стоящий перед ним не был Илияшем. Это был некто, носящий личину. Искусную маску на чужом одутловатом лице. Из прорезей маски...

Станко затрясся.

— Идем, парень... Идем...

— Н-не... — выдавил Станко, не в силах сойти с места. Тот, кто не был Илияшем, укоризненно качнул головой и мягко погладил себя по длинной шее. Личина, вероятно, собралась улыбнуться — полускрытые бородой губы принялись вдруг растягиваться, как тугое тесто. Маска исказилась, как отражение в кривом стекле.

Добрые духи!

И тогда Станко наконец-то обрел способность кричать и бегать.

Он несся через тьму, подгоняемый розгами веток, спотыкаясь, падая, задыхаясь, пугая лес хриплыми воплями, вымещая в беге, в крике весь свой холодный ужас. Потом, запнувшись о корень и угодив лбом в твердое, он ощутил мгновенную боль и перестал себя помнить.

Первое чувство, пришедшее на смену забытью, оказалось снова-таки болью — тупой, тяжелой, надежно поселившейся в голове. Он застонал — без умыслу, без надежды, просто от жалости к себе.

— Станко... Станко...

Его осторожно трясли за плечо. С трудом повернувшись, он увидел над собой ясное утреннее небо в путанице ветвей и склонившегося Илияша.

Ночной кошмар вернулся. Станко бросило в жар; дернувшись, он сел — боль в голове толчком усилилась. Добрые духи, чего он хочет? Чего хочет этот... это...

— Станко... Это я... Не бойся...

Голос был хриплый, усталый, не было в нем ни давешней бодрости, ни веселья. Станко смотрел, широко раскрыв глаза.

— Не бойся... Это я, посмотри...

Склонившийся над Станко человек ткнул пальцем в свое лицо. Это было лицо Илияша — бледное, измученное, с темными кругами вокруг глаз и травинками в бороде, но живое, человеческое, ничуть не похожее на ту страшную личину.

— Это я, да я же...

Станко вдруг ослабел. Невиданное облегчение отобрало последние силы; локти подломились, он тряпочкой растянулся на траве, и сразу вернулась забытая было боль.

— Это призраки такие, мары... — Илияш попробовал усмехнуться. — Мне тоже... привиделось... Ты мне привиделся, Станко... — и проводник передернулся.

Станко лежал и смотрел на него почти с любовью. Жесткая борода, красные припухшие веки, глаза с остатками былого куража... Это Илияш. Добрые духи, это действительно Илияш, и как он, Станко, рад его видеть, ни одному человеку в жизни он так не радовался...

Он засмеялся — тихо и глупо, от смеха голова заболела сильнее.

Илияш, который, похоже, вполне разделял его чувства, засмеялся тоже:

— Надо же... Ну, парень, и ночка выдалась... Ну и ночка...

Он помог Станко подняться — осторожно, тоже, по-видимому, удивляясь и радуясь тому, что парень-то настоящий. С трудом встав на ноги и справившись с головокружением, Станко увидел рядом — в двух шагах — отвесный обрыв. Внизу, поодаль от каменистого склона, трепетала листьями изящная березовая рощица. Станко подобрался к краю — в камнях под обрывом белели чьи-то кости.

— Да, — Илияш все еще смеялся, — это они... Промышляют так, да...

Не оборачиваясь, путники побрели прочь.

* * *

Они шли и шли, и счастье, что дорога была легкой — оба вконец измучились и едва переставляли ноги.

— Молока хочу, — сказал Станко запекшимися губами.

Илияш удивился:

— Что?

— Молока... С ржаной поджаристой корочкой.

— Понятно, — Илияш скептически улыбнулся, — а сдобной булочки с кремом?

— Нет, — сказал Станко трагическим голосом. — С кремом я в жизни не пробовал.

— Плохо, — отрывисто посочувствовал Илияш и вытащил из-за пазухи карту.

За время пути карта еще больше истрепалась и вытерлась, Илияш подносил ее к самым глазам, страдальчески морщился и водил пальцем по дырам и пятнам; утвердившись в некой важной мысли, проводник поднял на Станко довольные глаза:

— Завтра выйдем к замку. С пути бы не сбиться... Тут овражек должен быть, прямой, как стрелочка... Смотри по сторонам, ладно?

Станко рассеянно кивнул. Ему как-то сразу стало не до того.

Завтра. Всю жизнь готовился — и завтра. Радоваться бы... Откуда же это тягучее, холодное, тяжелое чувство?

— Молока хочу, — сказал Станко печально. Илияш сочувственно усмехнулся.

...Днем, окончательно выбившись из сил, путники устроили привал. Доедали остатки сухарей, лежали, вытянув ноги, бездумно глядя в небо.

— Илияш, — сказал наконец Станко. — Илияш.

Тот чуть поднял бровь.

— Я хочу поговорить с тобой... Только... серьезно. Без смеха, ладно?

— Без смеха кисло будет, — протянул проводник, жуя травинку. — А впрочем, давай...

Станко собрался с духом:

— Послушай, ты воин... Тебе наверняка случалось... убивать.

— Я охотник, — сказал Илияш после паузы. — Я убиваю зайца, чтобы съесть его.

— Нет, — в голосе Станко скользнули просительные нотки, — я не о том... Поговори со мной откровенно, не прячься за свои шуточки... Тебе ведь случалось убивать и людей?

— Своими руками? — поинтересовался Илияш.

— Да... В бою.

— Случалось, — бросил Илияш коротко.

— И... что?

— Что?

Станко сел:

— Понимаешь... Я никогда никого не убивал. Мой учитель Чаба говорил, что мужчина... Ну, да не в этом дело. Я... боюсь струсить, Илияш.

Стало тихо. Проводник лениво перекатился со спины на живот. Выплюнул травинку, подпер подбородок кулаками:

— Струсить? Надеюсь, ты по-прежнему не боишься стражи... Да и самого князя, кстати?

— Нет, — Станко облизал губы, — не боюсь... Я боюсь другого. Вот я победил стражу, вот я победил князя... И надо убивать его, а я... Ну, понимаешь?

— Нет, — сказал Илияш безжалостно. — Не понимаю. Ты мне все уши прожужжал уже — ненавижу, убью, убью... Врал, значит?

Станко потупился. Ему тягостен был разговор, но еще тяжелее носить в себе то новое сомнение, что без спросу поселилось в душе.

— Я не врал, — отозвался Станко медленно. — Я...

По небу с оголтелым карканьем пронеслась пара ворон.

— Я... — Станко не знал, что говорить, — я...

Он вспомнил перепуганное, с разбитым носом, с выпученными глазами лицо рыжего сынишки бондаря — своего главного обидчика. Рыжий лежал в пыли, дружки его сверкали пятками в самом

конце улицы, а Станко — рваная рубашка, кулаки в ссадинах — орал прямо в эти белые от страха глаза:

— Есть у меня отец, понял?! Есть у меня отец! Он князь, понял, ты?! Он князь, я его сын, а ты — холоп вонючий, понял?!

Он вспомнил бледное, гордое до надменности лицо матери: «В тебе благородная кровь».

Зачем ей было гордиться князем — ведь он был ее позором?

Илияш смотрел насмешливо и вместе с тем почему-то печально.

— Пошли, — сказал наконец, поднимаясь. — Нам еще идти и идти... до темноты.

Вскоре нашелся и желанный овражек — «прямой, как стрелочка». Станко он не очень-то понравился: идти удобно, а вот свернуть с дороги — поди попробуй...

— Не трусь, — говорил Илияш негромко, будто сам с собой, — главное — добраться до князя... А там сам увидишь, как обернется...

Станко тянулся следом и печально кивал.

Края овражка становились все круче и совсем уж задрались к небу, когда Илияш вдруг замедлил ход и стал. Станко остановился рядом.

Угнездившись корнями на левом склоне оврага, протянув толстую ветку поперек тропы, перед путниками стоял изрядных размеров дуб. Пышная крона говорила о мощи и здоровье старого дерева; на толстой горизонтальной ветке рядком висели шесть повешенных за шею трупов.

— Вот бедняги, — прошептал Станко.

Все шесть повешенных были с ног до головы облиты смолой; кое-где из черной заскорузлой массы виднелись белые оконечности костей. Одежда почти не сохранилась, но на ногах у каждого крепко держались кованые просмоленные сапоги. В опущенной правой руке каждый мертвой хваткой сжимал боевой меч.

— Впервые... вижу, — Илияш сглотнул, — чтобы вешали с мечом в руке... Не знаю о таком поверье...

— Может быть, они сами... повесились? — нетвердым голосом предположил Станко. — Может, это был последний отряд... Горстка храбрецов... Они покончили с собой, но меча из рук...

— Что это за воины, которые вешаются? — презрительно оборвал его Илияш. — Позорная смерть... Для воров, бродяг... А эти — с мечами...

Оба стояли, переминаясь с ноги на ногу.

— А смола... зачем? — Станко старался не смотреть на черные остатки лиц.

— Смола — понятно, — бросил проводник, — смолой обливают

трупы казненных... Чтобы дольше висели, чтоб другим было неповадно...

— Так их казнили?

— Вот что, — Илияш хмуро окинул повешенных взглядом. — Кто они и кто их убил... Не наше дело. Мы должны идти вперед.

— Как? — упавшим голосом спросил Станко. — Под ними?

Илияш скрипнул зубами:

— Другого пути нет.

И Станко двинулся вслед за проводником, глядя в землю: идти было гадко и страшно.

А в овраге тем временем поднялся ветерок, и тела повешенных грузно закачались. Один медленно, тяжело повернулся вокруг своей оси; мечи двух других, соприкоснувшись, тускло звякнули.

— Наваждение, — бормотал успокоительно Илияш, — тут полно страшных наваждений... Кровь стынет, а безопа...

Они оказались под самой веткой; длинно, тягуче заскрипело дерево, скрип морозом продрал по спине Станко, он охнул и наступил на пятку Илияшу...

В этот момент повешенные ожили.

Веревки, захлестнутые вокруг осмоленных шей, мгновенно и неимоверным образом удлинились. Кованые сапоги коснулись земли, и земля застонала. Трое оказались прямо перед путниками, еще трое — сзади.

По-прежнему привязанные к ветке, как псы на длинных поводках, черные, оскаленные, трупы одновременно вскинули мечи.

— Спина к спине! — взревел Илияш, и этот крик вернул мужество ослабевшему, оцепеневшему Станко. Трясущейся мокрой рукой он выдернул меч из ножен.

Добрые духи! Думал ли кузнец, думал ли искусный оружейник, думал ли старый наемник Чаба, что этот светлый, для благородного дела кованный меч встретится с...

Спина Станко плотно прижалась к спине Илияша. Тому придется совсем туго — у него только палка и длинный кинжал...

Висельники, став кругом, одновременно сделали шаг вперед. Я умру, подумал Станко. Меч готов был вывалиться из его руки; добрые духи, им достаточно глянуть в лицо — и умереть...

Но в это время обрушились шесть мечей, и тело Станко, закаленное, вышколенное с детства тело выручило бедную, ошалевшую от ужаса голову.

Рука сама, не дожидаясь приказа, выбросила оружие навстречу оружию врагов; кисть, неутомимая, гибкая кисть пошла вращаться, как мельничное колесо, успевая отбивать и удары, направленные против Илияша. Глаза, приученные видеть и прямым, и боковым зрением, не давали противнику напасть врасплох. И когда зазвенела сталь, когда Станко понял, что сражается, — тогда только схлынул немного панический ужас и проснулись в душе остатки хладнокровия.

Он чувствовал спину Илияша. Он чувствовал каждую напряженную мышцу проводника, тот с кинжалом, с кинжалом и палкой против трех мечей, его надо прикрыть... Висельники дрались молча, а Илияш хрипло выкрикивал непонятные, но яростные боевые кличи... Но и он держится, молодец, проводник, прикрой мне спину... Чего их бояться, это же гниль, это же трупы, это же падаль... Раз не умерли — помоги им, Станко, умереть дважды!

Удар — отражение. Удар...

Один из висельников не устоял против блестящего потайного приема старого Чабы. Сверкающий меч Станко на треть вошел ему в живот.

Станко тут же выдернул оружие и отразил нападение двух других, светлое лезвие потемнело, тьфу ты, гадость... Ну, падай, ты, неудачник!

Неудачник не упал. Замешкавшись на секунду, он снова вступил в бой, хоть в животе его явственно виднелась дыра.

Станко сузил глаза: ах так...

Он еще не устал. Он никогда не устанет. Эта гниль еще узнает, как...

И его меч обрушился на голову другого, развалив ее до самой шеи, так что в стороны полетели комья плоти и куски смолы!

Он едва успел выдернуть оружие — ему чуть не отрубили руку. А тот, с развалленной головой, продолжал биться как ни в чем не бывало!

Сзади хрипло выругался Илияш. Станко закричал; это был истошный крик отчаяния. Мертвецы оказались неуязвимыми; жутко ощерившись, они двигались четко и слаженно; просмоленные веревки на шеях придавали им сходство с марионетками.

— Да пропади же! Пропади! — орал Станко, метя в пустые глазницы, когда два меча одновременно захватили его оружие, рукоятка вырвалась из руки, чуть не вывихнув кисть, и светлый меч взлетел высоко в послеполуденное небо.

Он летел долго и красиво; он поворачивался, ловя на лезвие солнечные блики; он на мгновение задержался в зените, чтобы так же медленно и красиво ринуться вниз...

— Пригни-ись!

Станко все еще как завороженный следил за мечом, а Илияш, отбросив палку, взвился в воздух и схватил еще теплую рукоятку:

— Пригнись!

И тогда Станко увидел искусство боя, о котором никогда не слыхивал даже старый Чаба.

Илияш дрался с шестерыми — в одной руке меч, в другой — кинжал. Выпады его были схожи с движениями танцора; стремительно и изящно он протыкал животы и вышибал из черных рук клинки, и противники его давно легли бы трупом, если б изначально не были мертвецами.

Припавший к земле Станко не мог уследить за всеми движениями меча и кинжала. Это было зрелище, достойное сотен зрителей, это был упоительный сложный танец, так не дрался Чаба, так не дрался никто — это были новые, невиданные приемы. Но висельники оставались равнодушными к красоте; они бились, даже будучи разрубленными пополам.

Илияш зарычал — так рычит загнанный на копья зверь. Опомнившись, Станко схватил откатившуюся в сторону палку; он бил и молотил по черным головам, и пот заливал глаза, а кольцо нападавших сжималось, не давая уйти, не давая сбежать...

Станко не помнил, как меч снова оказался в его руке. Илияш сражался теперь черным, из отрубленной руки вырванным оружием. Спина проводника, горячая, мокрая, снова прижалась к лопаткам Станко; хрипя и отражая удары, парень понял вдруг, что эта спина — единственная его опора и надежда, что если он умрет, то вместе с Илиящем, и собственная его, Станко, спина послужит последним прикрытием проводнику...

Отчаяно взмахнув мечом, он рубанул почти наугад и перерезал просмоленную веревку, стягивающую шею ближайшего мертвеца.

Мертвец оглянулся назад. Страшное лицо его ничего не выражало, но Станко померещилось удивление; зашатавшись, висельник неуклюже рухнул под ноги сотоварищам.

— Ага-а-а! — взревел Станко, и ни с чем не сравнимая злая радость тут же и вернула ему угасшие было силы. — Ага-а! Сгинь! Пропади! Падаль! Падаль! По веревкам, Илияш!

Кольцо нападавших чуть разжалось, будто в замешательстве. Мертвецы теперь действовали осторожно, боясь подставлять под удар свои драгоценные веревки-пуповины.

— Руби! — ревел Илияш и, дотянувшись кинжалом, резанул по ближайшей веревке; та устояла, но на ней появился глубокий надрез; раненый висельник качнулся, неловко взмахнул мечом — Илияш ткнул его в грудь, веревка лопнула, и второй мертвец грянулся оземь.

Оставшиеся висельники кинулись в бой с удвоенной яростью; лишившийся руки подобрал меч сотоварища и рубился левой. Просмоленные тела упавших мертвецы подкатывали под ноги противникам, чтобы те спотыкались; Станко, потеряв равновесие, едва увернулся от смертоносного удара. Мышцы на спине Илияша ходили ходуном:

— На...ша... берет...

Рухнул еще один мертвец. Меч другого задел Станко по щеке; тот не почувствовал боли. Висельников осталось трое, но легче бой не стал — меч в руках Станко налился неподъемной тяжестью.

— Ну-у!

Удар. С треском рвется веревка. Падает еще один, теперь двое против двух...

Уцелевшие мертвецы, будто сговорившись, одновременно отступили. Руки с мечами безвольно упали; веревки, когда-то удавившие осмоленных, резко вздернулись вверх, ноги висельников оторвались от истоптанной травы, и вот уже оба как ни в чем не бывало покачиваются на ветке, а рядом — четыре обрывка, четыре срезанных веревочных хвоста...

Илияш и Станко прошли прямо под качающимися сапогами.

* * *

Ясным утром солнечного дня двое вышли на берег чистого, спокойного озера.

Озеро выгибалось подковой; на той стороне его вросла в землю тяжелая туша княжьего замка. Снизу разглядеть можно было только зубцы на массивной, кое-где подновленной стене.

Двое стояли молча; густые кроны прикрывали их от взглядов со стены.

— Вот и все, — нарушил молчание Илияш. — Сказал — приведу тебя, и привел... А когда Илияш хвалился попусту, а?

Голос проводника снова был весел и беззаботен — совсем как в начале пути.

Станко смотрел на замок — темный, зловещий, как спящее чудовище. Его путь не закончен, его путь только начинается. Там, за грузными стенами, в путанице муравьиных ходов притаился тот, кому суждено умереть от меча.

— Давай-ка, — радостно потребовал Илияш, — должок за тобой...

Станко не сразу понял:

— Что?

— Да десять монет! — проводник, кажется, даже возмутился. — Десять монет, как условились, а в замок я не пойду. Ни носом, ни пяткой, ни драной заплаткой, уговор есть уговор!

Станко вытащил потрепанный, заскорузлый от грязи кошелек и выкатил на ладонь все десять золотых. Они показались ему тусклыми бесполезными кругляшками.

— Возьми, — сказал он, глядя в сторону. — Уговор есть уговор...

Илияш, урча от радости, пересчитал деньги, вытер каждую монетку о штаны и спрятал где-то на груди.

— Ну вот... Ну вот, и у нас сдобный квас... Все, с промыслом покончено. Дом куплю, хозяйство заведу, работника найму...

Слова его лились и журчали, а Станко отчего-то становилось все горше и горше. Дались они ему, эти деньги...

Кошелек совсем опустел, превратился просто в грязную тряпку, и только одна серебряная монетка, монетка с профилем князя каталась из уголка его в уголок.

— Теперь мне надо в замок, — бросил Станко, прерывая Илияшевы восторги. — Как мне пройти в замок, Илияш?

Тот запустил пальцы в бороду:

— Не знаю... Тут я не советчик тебе... На воротах стража, по стене не влезть... А полезешь — так тут же на тебя смолы горячей, чтоб неповадно было...

Станко привычно сжал рукоятку меча:

— Мне надо пройти, и я пройду. Ты знаешь, я...

— Ты всегда делаешь, что решил, — продолжил Илияш насмешливо.

Над головами их радостно перекликались мирные, чуждые духу убийства птахи. Илияш уселся в траву, скрестил ноги, поднял лицо, подставляя его пробивающимся сквозь ветви лучам:

— Есть тут одно дело... Опять же, может быть, и слухи только. Стражники, знаешь ли, все подземный ход искали.

Станко вздрогнул:

— Что?

— Подземный ход, — Илияш прищурился, — говорят, он здесь с незапамятных времен, то ли враги его прорыли, чтобы внезапно напасть, то ли сами хозяева замка — чтобы сбежать вовремя... А может быть, и те и другие, враги ведь то и дело становились хозяевами... Только вот не нашли хода-то...

— А где искали? — спросил Станко отрывисто.

Илияш тихо засмеялся:

— Умный парень, соображаешь... Искали со стороны замка. А со стороны леса... Беззаконные земли рядом.

— Трусы, — уронил Станко. Илияш оживился:

— Еще какие! Так и не нашли хода, но говорят... — он загадочно улыбнулся, — говорят, что князь Лиго, негодяй, знает, где он... Знает, но молчит, для себя бережет, вдруг пригодится...

Он вдруг вытянул ноги и сообщил равнодушно:

— ...А может, врут все, и нет никакого хода. Наверняка даже нет.

...Вход скрывался в зарослях на самом берегу и был ненамного больше лисьей норы.

— Ну вот, как просто! — радовался Илияш. — Везет тебе все-таки, парень... Илияша встретил, до замка добрался, а тут еще ход подземный проложили тебе... Чую — убьешь ты папу, как пить дать убьешь. Посчастливится и в этом...

Станко нагнулся и заглянул в нору. Узкий коридор казался нутром голодного зверя — почти круглый, темный, ребристые стенки пронизаны венами и сухожилиями корней.

Пусть так.

Станко выпрямился и посмотрел на замок, будто желая встретиться глазами с князем Лиго. Илияш хохотнул и довольно потер руки.

Со стены, едва слышный, донесся звук рога, и проводник вздрогнул:

— Вот я тут с тобой болтаю... А мне еще назад идти. Мимо кордонов... Время не ждет, давай прощаться, парень.

Станко опустил голову — что-то внутри у него болезненно сжалось.

— Ты... точно не пойдешь со мной?

Илияш расширил глаза в чуть преувеличенном ужасе:

— Да что ты! Разве князь — мой папа?

Станко молчал. Ему было ясно, что проводник не передумает.

Илияш стал проявлять признаки нетерпения:

— Парень, ну время же... Не тяни — прощаемся и расходимся.

Станко стало обидно чуть не до слез: он-то считал Илияша... Другом, что ли... А тот ничуть не огорчен прощанием, ничуть не беспокоится о судьбе товарища, ему бы свою шкуру спасти...

Исходила соком трава, бездумно истребляемая носком сапога. Столько пережить вместе, столько раз спасать друг другу жизнь... Неужели и впрямь проводник старался только из-за денег?

— Илияш, — Станко трудно было говорить, так перехватило горло, — тебе что же... все равно? Убью я князя или князь убьет меня?

Проводник, похоже, чуть устыдился:

— Нет, что ты... По мне, знаешь, пусть бы все жили, всем места хватит.

Станко стало еще горше. И это вместо того, чтобы подбодрить перед смертельным поединком...

— Ладно, — сказал он, давя в себе слезы, — прощай... Мы, похоже, никогда больше не встретимся?

Илияш неуверенно пожал плечами:

— Ну, это... Как уж рассудится...

— Как рассудится, — отозвался Станко эхом. И тут же предло-

жил громко, весело, как только мог: — А знаешь что, приходи ко мне на свадьбу!

Илияш закивал, как ученая лошадка. Станко продолжал, все более и более воодушевляясь:

— В трактире и встретимся... Через недельку-другую... Ты возвращайся в трактир, ладно? Через Вилу весточку передай... Свадьбу сыграем осенью, я тебя уже, считай, пригласил... Ладно?

С каждым словом он все тверже верил в то, что говорил. Илияш слушал невнимательно, оглядывался, качал головой:

— Ладно... Мне бы только мимо дозорников... А там — прямо на свадьбу...

Станко сник. Отвернулся. Плечи его опустились.

— У меня к тебе тоже дело, парень, — пробормотал Илияш озабоченно. — Важное дело.

Станко молчал, борясь со слезами.

— Ты... Ну, если поймают тебя, то, знаешь ли, пытать станут.

Голова Станко опустилась еще ниже.

— А выспрашивать будут про то, как ты в замок попал... Ну, тут и крыса догадается, что самому тебе не пробраться, а провел кто-то... Вот и станут дознаваться, кто провел. И если ты меня выдашь... Мне тут же и конец, устроят облаву, возьмут, у них на меня давно уже счет открыт... Так я тебя попрошу, Станко, — проводник вдруг жалко, немного заискивающе улыбнулся, — уж не выдавай... Пожалей старого браконьера. Пожалуйста.

Станко наконец проглотил застрявший в горле ком. Проронил негромко, устало:

— Я не выдам тебя, Илияш. На части будут рвать — не выдам.

ГЛАВА 5

Станко пробирался вперед на четвереньках, боком, как охромевший пес, потому что в правой руке его вздрагивал пламенем огарок свечи — последний подарок Илияша.

Толстые корни, свесившиеся в подземелье, жадно ощупывали чужака, путались на лице, сетью перегораживали путь. Несколько раз ему пришлось вынимать меч — хоть это и было мучительно трудно в узкой норе с осыпающимися стенами. Потом ход резко свернул вниз, и продвигаться стало легче — корни не дотягивались на такую глубину, зато пол и стенки отсырели.

Упрямо, как полуслепой крот, он полз вперед, но занимали его не мстительные раздумья и не планы покушения, — стыдясь самого себя, Станко думал об Илияше.

Они так и не простились по-человечески. Их так ничего и не

связало; они проделали вместе этот длинный жуткий путь, и вот Илияш ушел, насвистывая и бренча монетами, озабоченный лишь собственным благополучным возвращением; Илияш ушел, а Станко ползет этим темным ходом навстречу неведомо чему, и жить ему осталось, скорее всего, несколько часов...

Пламя свечки заколебалось сильнее, завалилось набок, горячий жир закапал Станко на пальцы. Он чуть не выронил огарок; нора вывела его в настоящий подземный коридор — сводчатый, со стенами из тесаного камня, с истертыми плитами на сыром неровном полу.

Станко выпрямился и огляделся; слева коридор заканчивался тупиком, справа веяло затхлой влагой.

Я под озером, понял Станко и испугался, так ярко представилась ему масса земли и воды, нависающая у него над головой.

Стуча зубами от холода и нервного напряжения, он свернул направо.

Он больше никогда не увидит Илияша. Здесь, в подземелье, некого обманывать и не перед кем притворяться — они больше не встретятся.

Станко вдруг стало мучительно, нестерпимо одиноко. Всю жизнь он мечтал иметь рядом кого-то, кто придет на помощь и спасет во что бы то ни стало, на кого можно рассчитывать, с кем можно говорить... Ерунда, он просто увидел в Илияше то, чего на самом деле не было. Он так и не вырос; он до седых волос останется растерянным сельским сопляком, готовым броситься на шею первому приглянувшемуся мужчине: «Ты — мой папа? Да?»

И, окончательно разбередив себя, он со злостью плюнул на покрытый плитами пол. Хватит. Теперь у него один друг и одна надежда — меч. Тот не подведет и не запросит денег. Впереди последний шаг, последний удар...

Стиснув зубы, Станко поднял свечку над головой и пошел быстрее.

Коридор не расширялся и не сужался; на уровне человеческого роста в стены вмурованы были кольца — для факелов, подумал Станко. Где-то капала вода; по полу бежал пропахший гнилью ручей, и каждый шаг непрошеного гостя отдавался шлепаньем, будто плюхались в болото сытые жабы...

Не думать ни о чем, вспомнить мать. Ее похитили из родительского дома накануне свадьбы... Неужели он, Станко, когда-нибудь женится на Виле? Вила... Вот так штука, он совсем забыл о ней, забыл ее лицо, забыл ее голос... Почему? Разве это правильно? Почему то, что казалось таким важным, теперь отошло, стерлось, выцвело... Снова Илияш: «А если ты забудешь ее»... Да нет же, не то! Он должен думать о другом... Мать похитили накануне свадьбы,

князь Лиго вывез ее в поле, и там, под гогот стражи... А вдруг это и вправду был не князь Лиго?! Какой-то мерзавец, глумясь, присвоил себе княжеский титул... «В тебе благородная кровь»... Но она же ненавидела его?!

Станко остановился. Дрожащей рукой прилепил свечку к стене. Вытер пот со лба.

Э, так не годится. Воин не может идти на бой в рассуждениях и раздумьях... А все проклятый Илияш! Не друг он, а враг заклятый, тайный — сеятель сомнений...

Станко тряхнул головой — пышные когда-то, а теперь слипшиеся в грязи длинные волосы мотнулись и упали. Прерывисто вздохнув, он вытянул меч.

...Тяжесть, лежащая в его ладони, была силой и властью... Желобок на мече был... был прямой дорогой, с которой не свернуть...

Не свернуть.

Кем бы ни был человек, надругавшийся над его матерью, как бы мать потом ни относилась к нему, — но она была несчастна. Никогда в жизни она не знала покоя, и никакой Илияш не сможет этого опровергнуть. Он, Станко, знает о ее бессонных ночах, пережитых унижениях, слезах... Неужели все это останется неотплаченным?! Нет, кто-то должен заплатить, и пусть это будет князь Лиго!

Он враз успокоился. Руки перестали дрожать, даже свечка разгорелась ровнее. Кинув оружие в ножны, он отлепил ее от стены и двинулся вперед, и каждый шаг его был уверенным шагом мстителя.

Он шел и шел, и сначала ему встретился скелет, прикованный к стене. Станко увидел его, едва не наступив; скелет сидел, вытянув костяшки ног поперек коридора, одна рука отсохла и валялась рядом, другая заключена была во вмурованное в стену кольцо. Заключенный? Пытаемый? Страж?

В селе у Станко среди детишек бытовало поверье: нельзя переступать через вытянутые ноги, а то в старости паралич разобьет... Затаив дыхание, на всякий случай приготовив меч, Станко перешагнул через грязно-желтые кости. Ничего не случилось.

Потом по сторонам стали попадаться массивные двери, и в каждой прорезано было узкое окошко, забранное частой ржавой решеткой. Это была либо подземная тюрьма, либо склад — в одной боковой комнате громоздились заплесневевшие ядра для катапульт, в другой белели на полу сваленные грудой человечьи кости.

Станко больше не заглядывал за решетки. Он просто шел и шел, и коридор становился все шире, все захламленнее, под ногами противно прогибался ковер из прогнившей трухи. Потом, напугав мстителя до полусмерти, нырнула в нору крыса...

Потом он услышал голоса.

Говорили громко, возбужденно, сразу несколько человек, но до Станко звуки доносились неясно, приглушенно, и он не мог разобрать слов, только возгласы и смех...

Он поспешил вперед — подземный ход упирался в высокую дверь из толстых досок, широкие щели между ними цедили очень тусклый свет. Голоса стихли в отдалении; на смену им из-за двери донесся дробный топот, так бегают по мостовой в деревянных башмаках. Топот отдалился тоже; тишина.

Переведя дыхание, Станко принялся ощупывать дверь. Она заперта была изнутри на стальной засов, но тот так проржавел, что сдвинуть его с места не было никакой возможности — зря Станко обламывал ногти и сбивал руки. Дерево подгнило, можно, конечно, и высадить, но шуму от этого будет больше, чем если просто прийти к воротам и вежливо сказать: а где ваш князь? А вот я его убивать буду...

Уже отчаявшись, он нагнулся и нащупал одну совсем никудышную, гнилую расшатанную доску.

По коридору, а за дверью, вероятно, располагался коридор, снова прошли — степенно, но с таким громким сопением, что Станко притаился. Когда сопение стихло, он вытащил меч и в два счета выломал изрядный кусок доски над самым полом. Пролом смутно засерел — на ощупь Станко определил, что с внешней стороны дверь прикрыта грубой тканью.

Теперь предстояло самое сложное — во-первых, пробраться через образовавшуюся узкую дыру; во-вторых, сделать это незаметно для бегающих, сопящих и смеющихся обитателей замка. Нелегкое это дело удалось Станко лишь с третьего раза — дважды ему помешали, зато потом он так торопился, что сильно ободрал в проломе плечо.

Он сидел на корточках в полутьме, затаив дыхание. Место, куда он попал, напоминало сразу кладовую и прачечную — вдоль стен свалены были плетеные корзины, полные тряпья, громоздилась вверх ножками мебель, оставляя посередке лишь узкий проход, тут и там развешаны были на веревках серые простыни, будто для просушки... Похоже, Станко пробрался в самую нижнюю, самую черную, самую простонародную часть замка.

Откуда-то из глубины захламленного коридора снова послышались голоса. Станко испуганно забился в какой-то темный угол. Мимо широким шагом прошли трое — все женщины, все дородные, в передниках и чепцах.

— На кухню, говорит, на кухню... Все, говорит, за работу, его сиятельство, говорит, с меня спросит...

Смех:

— Ишь ты! Я Хенко еще поваренком помню, чумазый такой, под лавками ползал да тумаки получал...

— Его сиятельство с распорядителя спросит, а тот уже — со старшего повара...

— Довольно болтать, подружки... Поспешим, а то правда...

Голоса стихли.

А его сиятельство в замке, подумал Станко злорадно. То-то такая беготня...

Невидимый в своем убежище, он проследил глазами за поваренком в сбитом набок колпаке — тот сломя голову несся куда-то и так спешил, что зацепился на бегу за пыльный деревянный ящик и растянулся во весь рост. Разревевшись в голос, бедняга все же поднялся и продолжил свой путь — видно, поручение было серьезное, а на наказания в замке не скупились.

Проводив поваренка, Станко задумался: который час? Далеко ли до вечера? Безопасно ли пробираться коридорами сейчас, или дождаться ночи?

Меч, казалось, нетерпеливо завозился на боку. Станко провел в ожидании полчаса, но голоса и шаги теперь слышались только в отдалении.

Тогда он потихоньку выбрался из груды хлама, скрывавшей его, и очень осторожно, перебежками, двинулся туда, куда убежал поваренок.

Это действительно были подсобные помещения, темные, затхлые, со множеством укромных углов и безлюдных переходов. Станко поблагодарил добрых духов за столь удачное устройство замкового хозяйства и, никем не замеченный, разом одолел два лестничных пролета.

Здесь было светлее и многолюднее, но в толстых стенах имелись ниши, прикрытые гобеленами; Станко двигался бросками, от ниши к нише. Иногда какой-нибудь пробегающий слуга удивленно выкатывал глаза при виде беспричинно колеблющейся ткани, тогда Станко замирал с мечом на изготовку; но, к счастью, в тот день в замке было, по-видимому, множество неотложных дел, забыв свое удивление, слуга тут же спешил прочь, и Станко расслаблялся, ощущая на лице и на спине липкий противный пот.

Потом он наткнулся на кухню и чуть не потерял сознание от запахов, разносившихся из-за ее прикрытых дверей. Туда и сюда сновали слуги, и в то и дело открывающийся проем видно было, как мечутся в клубах пара белые фигуры. Изголодавшийся Станко стоял за гобеленом, не в силах пошевелиться, зажав нос... Надо

было срочно уходить, но уйти долго не удавалось, потому что какой-то краснолицый увалень в переднике вывел из кухни поваренка и тут же принялся деловито пороть его у самой двери. Порол молча, без жестокости, но и без снисхождения; поваренок — это был другой, не тот, что упал в коридоре, — терпел наказание тоже молча, беззвучно глотая слезы... Наконец увалень закончил работу, что-то велел сквозь зубы и удалился на кухню, тут же потерявшись в тучах пара; поваренок, всхлипывая, подтянул штаны и потащился следом.

Станко едва сдержался — так хотелось ему выбраться из укрытия и расквасить увальню нос. Чаба когда-то объяснял ему, что «за дело» надо обязательно наказывать, но Станко не хотелось вспоминать его наставлений.

Наконец коридор опустел на короткое время, и ему удалось проскользнуть дальше.

Правду говорил Илияш — ему везло-таки. Либо извилистые коридоры были слишком хорошим укрытием, либо Станко оказался незаурядным лазутчиком. Вскоре из нижних этажей, где суетились, как перед праздником, возбужденные слуги (добрые духи, зачем князю такая уйма слуг?!), он пробрался в верхнюю, аристократическую часть замка.

Здесь никто не носился с подносами и светильниками наперевес — зато здесь прогуливались, позвякивая доспехами, плечистые молчаливые стражники. Гобелены здесь были расшиты золотом и серебром, на стенах против узких окон помещались картины — темные, маслено поблескивающие, заключенные в тяжелые рамы.

Станко переждал патруль, схоронившись за портьерой. Выждал еще какое-то время — тишина. Тогда он выбрался и, неслышно ступая, двинулся по коридору, напоминавшему скорее длинный зал.

Он шел, и от напряженного разглядывания у него заболела шея. На картинах, таких больших, что они не влезли бы ни в один сельский дом, представлены были бесконечные батальные сцены — блеск оружия, кони, латы... Побежденные, умирающие в ногах победителей, раны, перевязанные чужими флагами... Позы бойцов были изысканно красивы, но Станко неприятно было на них смотреть, ему казалось, что нарисованная кровь сейчас прольется с рам на каменный пол...

Потом снова вдалеке послышались тяжелые шаги, и Станко едва успел спрятаться, и то ненадежно. Стражники прошли — хмурые, сосредоточенные, и Станко дрожал, вжавшись лопатками в стену, и стена стала мокрой в том месте, где касалась его спины.

Но опасность опять миновала. Ведомый все разгорающимся любопытством, Станко вернулся к своему занятию.

Батальные сцены сменились портретами — мужчины в доспехах, с гордо вскинутой головой, с холодным блеском в глазах, и женщины — красивые, холеные, с россыпями драгоценных камней на платьях и надменно-злыми, бледными лицами. Станко становилось не по себе под их равнодушными, ледяными взглядами.

— Вы — мои предки! — сказал он беззвучно, но яростно, обращаясь к ближайшему рыцарю (у него, как и у многих мужчин, сидел на голове тонкий четырехзубый венец). — Вы — мои предки, и я вас вовсе не боюсь!

Тишина была ему ответом; люди с полотен смотрели все так же, взгляды их пронизывали Станко насквозь. Тогда он испугался собственной смелости и поспешно огляделся; коридор-зал был пуст. Дерзкий потомок оставался наедине с надменными предками.

Пройдя еще немного, Станко вдруг остановился как вкопанный.

С портрета на него смотрел бесстрастный темноволосый человек в четырехзубом венце. На плечах его небрежно лежал складками пурпурный плащ; ткань отбрасывала на лицо чуть зловещий, царственный отблеск. Глаза были слегка прищурены, и невозможно было разобрать их цвет.

Что-то неуловимо знакомое померещилось Станко в этом волевом безбородом лице. Сердце его вдруг заколотилось, как подстреленное; дрожащими руками он извлек из-за пояса кошелек и вытащил единственную оставшуюся там серебряную монетку.

В зале было недостаточно светло; щурясь до боли в глазах, почему-то на что-то надеясь, Станко вглядывался то в портрет, то в серебряный профиль. Самым важным делом в жизни ему казалось сейчас опознание: он? Не он? Неужели он таки?

Совсем как в детстве: дядя, вы мой папа, да?

Он поворачивал монетку так и сяк, будто можно было заглянуть за профиль, встретиться лицом к лицу с изображенным на ней властителем. Наконец, он встал на цыпочки и протянул руку к человеку на портрете, вопросительно заглядывая ему в глаза...

Будто клещи сомкнулись на его локтях, дернули, оторвали от портрета, он даже не успел потянуться к оружию, и в то же мгновение трое скрутили ему руки, а четвертый, мрачно кривясь, вытащил из ножен и брезгливо покрутил в руках его меч:

— Гляди-ка... И по замку шляется... Эх, ж-жабья уха, кто-то за это ответит, а мне неохота...

Станко дернулся — ему чуть не выломали руки, от боли он ослаб и перестал сопротивляться. Тот, что держал его меч — видно, старший, — рукой в перчатке взял его за подбородок и рывком запрокинул лицо:

— Мальчишка?.. Мерзавец... Кто-то ж головы лишится из-за тебя... Кто-то ж пропустил, ж-жабья уха...

— Он один? — спросил кто-то у Станко за спиной.

Старший длинно выругался:

— А, чтоб тебя... Труби тревогу, Скан.

Он повернулся на каблуках и заспешил прочь, за ним двое волокли скрученного, как ягненка, Станко, а по коридорам, отдаваясь эхом, раскатывался нервный, зовущий звук рога — трубили тревогу.

Предки из тяжелых рам насмешливо взирали на бесславный конец дерзкого, несчастного потомка.

* * *

На маленькой жаровне грелись две пары клещей, острая пика и крючья. Палач, невысокий, обстоятельный умелец, возился в дальнем темном углу — оттуда звенело железо.

Станко раздели донага; руки и ноги его надежно удерживались железными, вмурованными в стену кольцами. Низкая комната с тяжелым нависающим потолком пропахла гарью и потом; подручный палача в кожаном переднике принес две трехногие табуретки — для капитана стражи и для писца. Вдоль стен молча стояли еще трое или четверо стражников.

— Кто на воротах дежурил с утра? — спросил сквозь зубы капитан, обращаясь к кому-то у стены.

— Десятка Витко, — глухо отозвались из темноты.

Капитан явственно скрипнул зубами.

Глаза Станко бездумно блуждали по стенам и потолку, то и дело приходилось торопливо отводить взгляд, натыкавшийся на дыбу, плети, колодки с винтами, сиденье с выдвижным шипом...

Капитан подошел к Станко вплотную — коренастый, не старый еще человек со сросшимися на переносице бровями. У этого человека была большая неприятность, которая могла стоить ему положения, карьеры и самой жизни, — прямо в сердце замка был схвачен неведомо как пробравшийся туда лазутчик.

— Ну, — проронил капитан сквозь зубы, — приступим... Ты кто такой?

По спине Станко, по лицу, по груди градом катился пот — и не только оттого, что в камере было душно. Он глупо улыбнулся — бессмысленно, как мог. В деревне был дурачок, бродивший обычно со двора во двор, он улыбался так же — бессмысленно и жалко, и обидеть его считалось грехом...

По лицу капитана прошла медленная судорога. Он сдержался и снова спросил ровным голосом:

— Имя?

— Станко, — выдохнул его пленник, радуясь тому, что хоть на один вопрос может ответить не таясь.

— Кто такой?

— Сын... — прошептал Станко, содрогаясь.

— Что?

— Сын... Я сын...

— Чей сын? — карие глаза капитана оказались совсем рядом с блуждающими глазами Станко. Тот часто задышал.

— Я... Я не хотел ничего дурного, господин капитан... Я... был на кухне, и просто случайно... Я не виноват, я хотел посмотреть картины...

Он нес и городил чепуху, бессмыслицу, а ум его лихорадочно искал правдоподобную версию, путь если не к спасению, то хоть к избавлению от пыток. Если ему суждено умереть, не выполнив миссии, то пусть он умрет достойно...

Капитан скривил губы, и Станко осекся.

— Послушай, Станко, — медленно сказал капитан. — Мне не нравится то, что я буду сейчас делать. Я прошу тебя избавить меня от этого грязного, нудного, неблагодарного занятия. Ты будешь отвечать на мои вопросы?

— Буду, — пробормотал Станко и снова огляделся как затравленный. Палач стоял в стороне, задумчиво массируя правой рукой локоть левой; писец удобно устраивал на коленях бумагу, а те, что стояли у стены, молча поблескивали оружием.

— Будешь, — криво усмехнулся капитан почти с облегчением. — Будешь... Это твой меч?

Станко увидел свой меч — свою надежду, верный меч, подарок Чабы! — в руках у подручного палача.

— Ну-у... — он тянул время, а спасительная мысль, если такая была возможна, все не приходила, — да, это мой меч.

— Хорошо, — капитан взял оружие в руки, попробовал клинок: — Ого... Это очень хорошее оружие. Откуда оно у тебя, ты ведь простолюдин?

«Я не...» — хотел сказать было Станко, но прикусил язык. Выдавил из себя:

— Мне... подарили...

— Кто?

— Один старый солдат...

— Зачем?

«Чтобы убить князя Лиго».

— Просто так... Да просто так, ему не нужен был, вот он и подарил...

— Хорошо. — Капитан отдал меч кому-то из стражи. Постоял к

пленнику спиной, чуть повернув голову, так что Станко видел, как бьется жилка у него на виске. Резко обернулся: — Как ты проник в замок?

— А... — начал Станко и осекся. Облизнул губы, снова забегал глазами: — Я... Вошел...

Томительная пауза. Капитан, конечно, ждал продолжения, но его не последовало.

— Как вошел? Через ворота?

— Да... — прошептал Станко, и тут же от стены рявкнули:

— Ложь! Ты знаешь Витко, капитан! Через ворота и мухе не пролететь!

— Помолчи, — прохрипел капитан, не оборачиваясь к говорящему. Снова приблизил лицо к лицу Станко, посмотрел на него снизу вверх, потому что железные кольца были вбиты довольно высоко. — Парень... За каждое слово неправды... Ты ответишь. Разве я похож на дурачка? Ты проник в замок, с мечом... Тебя послали. Зачем? Убивать. Кого?.. — капитан дернулся. — Мы оставим этот вопрос на потом... Его сиятельство может быть очень жестоким, Станко, — он оскалился.

Палач переступил с ноги на ногу и шумно вздохнул.

— Как ты попал в замок? — тихо спросил капитан, и в голосе его звякнул металл. — КТО ТЕБЯ ПРОВЕЛ?

Станко заметался:

— Никто... Никто, господин капитан, я сам... Я не хотел злого, я...

Все внутри него дрожало от унижения, он всхлипнул и замолк.

— Ты врешь, — сказал капитан ровно. — Я спрашиваю тебя последний раз: кто из людей, знающих ходы-выходы, провел тебя в замок?

Стало тихо, только потрескивала жаровня да вздыхал палач.

— Хорошо, — бросил капитан тихим, бесцветным голосом. — Латко! Приступай.

Палач оставил вздохи, деловито поправил фартук и осторожно взял с жаровни клещи — раскаленные докрасна.

Станко в изнеможении закрыл глаза. Прав был Илияш, прав... Зачем все... Добрые духи, какой конец... Ты всегда прав, Илияш... Илияш?! Нельзя даже в мыслях произносить его имя!

Покачиваясь, клещи плыли по воздуху к Станко. Он видел их, даже не раскрывая глаз.

— Ну не упрямься, мальчик, — мягко сказал вдруг капитан. — Этого не хочется ни тебе, ни нам... Тот человек служит во дворце?

Станко не отвечал. Все мышцы его мучительно напряглись, но железные кольца держали крепко.

— Тот человек стражник? Или слуга? Назови его имя, Станко, мы отыщем его сами... Нам нужно имя.

Клещи зависли перед самым лицом. От них исходил жар; красные, как закатное солнце, они повернулись у Станко перед глазами.

— Разве ты враг себе? Ну-ка, подумай: может быть, тот человек служил в замке раньше, а теперь не служит?

Станко заплакал. Как последний трус, он плакал от страха, а ведь верил раньше, что боль и пытки ему нипочем...

— Говори, — так же тихо и мягко попросил капитан. — Говори, сынок. Ну?

Слово «сынок» полоснуло Станко, как нож. Он изо всех сил стиснул зубы.

— Давай, Латко, — устало бросил капитан палачу.

И клещи коснулись обнаженного плеча.

Все поплыло, размылось бесформенными пятнами — огни факелов, лицо капитана, лицо палача, красное пятно клещей... Станко выгнулся дугой, захлебываясь криком, ударяясь головой о стену:

— Нет, нет... Нет, нет, нет, нет!

— Говори! — взревел капитан, но до Станко его голос донесся приглушенно, как сквозь вату...

Далеко-далеко стукнула дверь, ударившись о стену. Клещи отодвинулись от тела пленника, и Станко сразу же обвис, удерживаемый только железными кольцами.

Рядом медленно, тягуче текли голоса:

— ...Тот самый?

— А...я...ваш сия...

— Освободить...

Станко через силу поднял голову. Волосы закрыли лицо и мешали смотреть.

В обступившем его тумане он видел только стоящего навытяжку капитана, замеревших за его спиной стражников — руки по швам, подбородки их, кажется, смотрели в потолок. Уронив бумагу, вытянулся писец; перед ними, полускрытый темнотой, стоял человек в пурпурном плаще, лица его Станко не видел.

— Слава его сиятельству! — отрывисто рявкнули стражники.

Человек в пурпурном плаще обернулся к пленнику, кивнул небрежно:

— Ко мне...

Станко расширил воспаленные глаза: в этом грозном человеке ему померещился Илияш.

Бред, подумал он устало и потерял сознание.

* * *

В просторной комнате смеркалось, темнели высокие стрельчатые окна. Бесшумно, как призрак, откуда-то вынырнул слуга с огнем и принялся зажигать светильники. Осветились тяжелые, спадающие до пола складки портьер; осветились золотые корешки книг, потускневшие от времени рамы, расшитые жемчугом гобелены, развешанное по стенам оружие... Закончив работу, слуга низко поклонился и так же бесшумно вышел, но на смену ему явился другой — накрахмаленный, пышущий духами — и поставил на стол перед Станко серебряный поднос. Рядом, отдельно, водружен был тяжелый кубок, над которым чуть заметно вился пар.

— Сначала — отвар, — негромко сказал человек, стоящий у темного окна.

Станко сидел в высоком кресле с подлокотниками в виде когтистых лап; плечо приятно холодила пропитанная мазью повязка. На нем была его же одежда, но пояс казался непривычно легким без ножен и без меча. Меч лежал на другой стороне длинного стола, потерянный, какой-то жалкий, сразу потускневший среди окружающей его роскоши.

Третий слуга с поклоном поставил рядом с мечом еще один поднос, содержимое которого прикрыто было вышитой салфеткой. Поклонился до пола, вышел, пятясь и не переставая кланяться.

— Ты слышишь, Станко? Выпей отвар, — повторил человек у окна. — Тебе сразу станет лучше.

Это был Илияш, или Станко по-прежнему бредил.

Бездумно, просто повинуясь неизбежному, он двумя руками поднял кубок и поднес к лицу. Темная жидкость терпко пахла травами.

Он сделал глоток почти через силу, но напиток не был противным — теплый, чуть сладковатый, он проливался в горло сам, и Станко не пришлось прилагать усилий, чтобы осушить кубок до дна.

— Хорошо, — сказал человек у окна, и, судя по голосу, действительно обрадовался. — Хорошо... А теперь поешь.

Станко осторожно отставил опустевшую чашу. Так же бездумно склонился над подносом; от разнообразной снеди, тщательно разложенной на огромном блюде и маленьких блюдечках, поднимался тонкий щемящий аромат.

Станко отвернулся. Он не хотел есть. Ему неприятно было даже смотреть на еду.

— Ты же голоден, — тихо сказали от окна. — Вспомни, когда ты последний раз ел по-человечески?

Станко опустил голову, почти коснувшись подбородком груди. У него тонко звенело в ушах; наверное, он уже умер под пыткой.

Стоящий у окна щелкнул пальцами. В ту же секунду вбежал слуга, замер в поклоне. Несколько отрывистых слов — и слуга выбежал, в коридоре тут же послышался возбужденный шепот и приглушенный топот ног.

— Ничего страшного не случилось, Станко, — мягко сказал Илияш, или кем он там был. — Все обернулось как нельзя лучше... Ты держался достойно и меня не выдал.

Станко длинно, прерывисто вздохнул. Снова вбежал слуга, прибрал опустевший кубок, поставил на его место обыкновенную деревянную кружку. Добрые духи, кружка по самые края полна была молока!

То ли отвар наконец подействовал, то ли Станко совсем уж стосковался по молоку, но в эту самую минуту в нем проснулся голод.

Молоко, прохладное, густое, пахло травой. Ему вспомнилась рыжая задумчивая корова, звон струек о ведерко, молочница не разбавляет...

Он вздрогнул, вспомнив о матери.

Двузубой золотой вилкой он не умел пользоваться; отложив вилку в сторону, взялся за ложку и за нож. Ел и не чувствовал вкуса пищи; от окна за ним внимательно наблюдали, подбадривая:

— Ну, вот и молодец... Перепелочка знаешь чем фаршированa? Черными грибами, они под землей растут, чтоб их собирать, надо десять лет учиться... А собирают их в полнолуние, да не где попало, а только в старых осинниках, вблизи ручьев... Вкусно, правда? А рыба морская, Станко, в реках такой нет, ее везли много недель в бочке с соленой водой, и, попав в руки к повару, она была еще живая... Ты никогда не видел моря, Станко, а там полно всяких диковин, вот на маленькой тарелочке — моллюски... Они живут в раковинах, как простые улитки, но только раковины у них огромные, перламутровые, вроде как дворцы... Ешь.

Это был голос Илияша, и его интонации, и его неторопливая манера рассказа — но перед Станко стоял чужой, страшный, властный человек с пурпурным плащом на плечах, и невозможно было поднять глаза и встретиться с ним взглядом.

Станко насытился и положил ложку. Ему действительно стало лучше; почти не болело плечо, и совсем не так громко звенело в ушах. Он сидел, по-прежнему опустив голову, покорно ожидая: что дальше?

— Ты наелся? — спросил стоящий у окна.

Станко чуть заметно кивнул, не поднимая глаз.

Илияш щелкнул пальцами — слуги убрали со стола, теперь на парчовой скатерти лежали только меч Станко да нечто на подносе, накрытое вышитой салфеткой.

— Тебе лучше?

Станко снова кивнул.

— А почему ты на меня не смотришь?

Станко сжался.

— Струсил? Признайся, струсил?

Станко вздрогнул. Медленно поднял голову:

— Нет.

На него, усмехаясь и сузив в щелочку голубые глаза, смотрел Илияш. У Станко немного отлегло от сердца.

— Хорошо... Смотри на меня, парень, смотри внимательно. — Пурпурный плащ, сброшенный небрежным движением плеча, упал на высокую спинку кресла. Илияш, облаченный теперь в белую батистовую рубашку и бархатные штаны, взял с полки два тяжелых подсвечника с горящими в них свечами, поставил на стол справа и слева от своего лица. Уселся в кресло, взял в руки меч — Станко напрягся.

— Это очень хорошее оружие, — проронил Илияш, разглядывая клинок. — Столько приключений — и ни следа ржавчины, и по-прежнему острый, как бритва...

Он сдернул салфетку со своего подноса — там оказался бритвенный прибор. Серебряный тазик для бритья, чашка с кисточкой для взбивания пены, полотенце, металлическое зеркальце...

— Я попрошу у тебя разрешения воспользоваться твоим мечом, — сказал Илияш с усмешкой.

И, поколотив кисточкой в чашке с мыльным раствором, он взялся за свою бороду.

Брился медленно и осторожно, как человек, которого чаще бреют другие; клинок покрылся пеной, борода клочьями ложилась на поднос, и, освещенное двумя свечами, из лица Илияша проступало другое лицо.

Ничего простонародного не было в этом хищном, волевом лице со впалыми щеками и выдающимся подбородком. Это было лицо с портрета, лицо с потертой монеты, лицо владетельного князя Лиго.

* * *

Пауза затянулась. Князь осторожно промокнул лицо полотенцем; щелчок пальцев — и слуга убрал поднос. Две свечи так и остались на столе.

— Ну вот, Станко, — сказал князь негромко, — теперь нам надо поговорить... Ты ведь не откажешься поговорить со мной?

Станко тупо молчал. Князь вытащил откуда-то замшевый мешочек, вытряхнул на скатерть двадцать золотых кругляшков:

— Твои деньги... Думаю, что должен их вернуть.

Молчание.

— Прежде всего... Прежде всего я безоговорочно признаю за тобой право убить меня. Хотя бы попытаться. Ты проделал такой долгий путь, вынес столько испытаний, ты заслужил свой шанс в поединке... Согласен?

Станко смотрел в парчовую скатерть.

— А почему ты не отвечаешь? — вдруг возмутился князь. — Снова струсил? Или это была пустая хвальба — «вот одолею стражу, вот встречусь с князем»... Встретился, и что? Молчишь? Глаза поднять боишься?

— Не боюсь, — хрипло сказал Станко и с трудом разогнул сгорбленную спину. Некоторое время они с князем неотрывно смотрели друг на друга.

— Уже лучше, — князь наконец усмехнулся. — Уже лучше. Ты сегодня молчаливый — я буду говорить. Я расскажу тебе... Нет, потом мы, конечно, скрестим наши мечи, но перед этим я попрошу у тебя немного внимания... Ладно?

Станко кивнул.

Илияш... нет, князь поднялся. Неспешно двинулся по комнате, трогая руками книги, оружие, военные трофеи... Обернулся к Станко:

— Я, как ты уже заметил, люблю жизнь. Всю, во всех видах и проявлениях. Я обладаю властью, я обладаю силой, я полностью свободен... Даже более свободен, чем следовало бы... И я одинок, конечно, потому что полная свобода и полное одиночество — это одно и то же.

Станко слушал не мигая. Князь возобновил свое путешествие по комнате.

— Я прожил... ну, не будем говорить сколько, но, конечно, намного больше лет, чем ты. Я видел столько, что хватило бы на двадцать полных жизней. С юности я повадился странствовать, как под своим именем, так и под множеством чужих имен... Я забирался немыслимо далеко от родного замка, я бродил в чужих землях, служил актером в бродячей труппе, полгода плавал матросом на пиратском корабле, я был главным судьей в большом городе, название которого ничего тебе не скажет... Я грузил какие-то мешки, дрался на большой дороге с какими-то проходимцами... Вот где я не был ни разу — так это в родимых беззаконных землях, и не хочу больше, Станко, и не упрашивай меня...

Он усмехнулся:

— Да, никто меня не втягивал в такие опасные авантюры, никто и никогда... Ну да ладно. Итак, я был молод, облечен властью, богат, пожалуй, даже красив... И тысячи женщин, Станко...

Он остановился. Сжал зубы, так что желваки заходили на бритых щеках.

— Тысячи женщин искали моего благоволения. А я... Я умел в простушке увидеть королеву, это им льстило, они становились моими рабынями, навек, без остатка... А гордые и знатные красавицы боялись меня — я умел вызывать их страх... Этот страх притягивал, лишал их воли, и, угодив в мои объятья, они дрожали от ужаса и задыхались от счастья. А я...

Он перевел дыхание, провел рукой по расшитому золотом гобелену.

— Может, и правда то, что ты там про меня говорил, Станко... Я спешил осчастливить всех женщин этой земли, я же видел, как они расцветают под моими ласками, такой я был... добрый. Я не разбирал особенно — знатная замужняя дама или шестнадцатилетняя птичница, мещаночка или хуторянка... Но...

Он изменился в лице. Медленно подошел к Станко вплотную. Оперся руками о стол, и глаза его оказались на уровне глаз парня.

— Я клянусь тебе, Станко, и это очень важно... Никогда, никогда я никого не брал силой. Это унизило бы меня... Никогда, никогда я не умыкал никого из отчего дома — это обязало бы меня, а я не брал на себя обязательств... Никогда я не насиловал, Станко, ты мне веришь?

Издалека, со стены, донеслось протяжное: «На по-ост...» Это перекликалась стража.

Станко сказал прямо в склонившиеся над ним глаза:

— Верю, — и это была святая правда. — Верю.

Илияш, он же князь, вздохнул и отошел в темный угол.

— Значит, — сказал Станко, и голос его стал вдруг очень тонким, — значит, я вам... не сын?

Князь обернулся, и Станко увидел, какое у него усталое и печальное лицо:

— Станко... Я мог бы сказать — «да», я мог бы сказать — «нет»... Но я скажу тебе правду. Я не знаю, мальчик. Может быть, тот негодяй действительно обманул твою мать, но мне думается... Ты готов услышать то, что я скажу?

— Да, — тихо отозвался Станко.

— Мне думается, что твоя мать... придумала легенду для тебя. У нее были на то свои причины. Может быть, она и сама в нее поверила... Даже наверняка, ведь когда человеку очень хочется верить, он способен уверовать во что угодно... Может быть, я любил когда-то твою мать, Станко, но я... не помню ее. Может быть, она любила меня... Но потом возненавидела, и ненависть ее справедлива. Но, Станко, если бы я знал, что у меня растет сын... — он вцепился двумя руками в резную спинку кресла, — если бы я толь-

ко знал, Станко... Я ведь думал, что бездетен, — и костяшки его стиснутых пальцев побелели.

Станко протяжно вздохнул; овладев собой, князь тихо закончил:

— Все могло быть по-другому. Ни одна живая душа не смела бы обидеть тебя или мать... Твое детство было бы совсем другим, и другой была бы моя жизнь... И, конечно, ты не захотел бы убивать меня.

Станко потупился.

— Нет, ничего... — князь усмехнулся. — Ты прав, в конце концов... в этом своем желании. Ты прав. Но я рассказываю дальше... Прошло время, и я вдруг понял, что бесконечно устал... Что мне надоели кокетки и скромницы, лица их слепились в одну сладкую, улыбающуюся мордашку. Они кружились вокруг меня, как бабочки над свечкой, и я по привычке делал их счастливыми, но сам... Знаешь, когда горит фейерверк и светят цветные фонарики, рыночная площадь кажется сказочным дворцом... А утром там холодно, ветер гоняет обрывки серпантина, пыльно, пахнет гарью...

Он через силу усмехнулся:

— Нет, ты не знаешь, ты молод, и ты воспитан в строгости... Для тебя маленькая Вила стала главным событием жизни, и тут я виноват... Кругом я виноват перед тобою, Станко, и путешествие это дурацкое я же сам, считай, и устроил...

— Нет, — сказал Станко шепотом. Князь тяжело опустился в кресло.

— Да... Женщины давно не забавляют меня, я привык читать их, как ноты... Но с тех самых бешеных времен во мне живет ерничество, страсть к авантюрам и мистификациям... Что не совсем приличествует, мягко говоря, не очень-то молодому человеку. В поисках приключений я и нашел тебя. Твой рассказ позабавил меня и заинтересовал, вот я и придумал себе веселое развлечение... Не встреть ты меня там, на полянке, далеко бы, конечно, не ушел.

— Нет, — сказал Станко безнадежно. — Я пробрался бы... Как-нибудь...

— Ты попался бы на границе, тебя доставили бы в замок, я послушал бы твой рассказ в камере пыток и без сожаления велел бы повесить на стене... Да, Станко. Тут много ходит... смельчаков. Кого-то богатства интересуют, кто-то жаждет княжеской крови за какую-то давнюю обиду... Но назвался сыном ты один, и в замок вошел ты первый...

Он потер подбородок — видно, непривычно было ощущать его голым:

— Да, ты ловок, далеко забрался, я думал, тебя возьмут где-то около кухни... Трудно было?

— Трудно, — сказал Станко.

Где-то далеко внизу перекликались сторожа. Князь навалился локтями на стол:

— Ты был для меня букашкой, Станко... Занятной букашкой. А стал... Видишь ли, никому на свете я не рассказал бы того, что рассказал тебе. И еще расскажу. Послушай: из множества женщин своей юности я... помню одну. Помню, Станко, как она стоит в дверях, улыбается и уходит. Только это... Улыбается и уходит. Помню до мелочей ее лицо... Но ни имени, ни кто она... Не знаю.

— Это была моя мать! — крикнул Станко и испугался своего крика.

Князь опустил голову:

— Может быть... Помнишь, я спрашивал, какого цвета волосы у твоей матери?

— Не важно, — Станко говорил быстро, будто упрашивая, будто боясь, что что-то ценное, неуловимое, какая-то крохотная надежда сейчас потеряется. — Не важно... Какие волосы... Волосы в человеке... Не главное... Но я знаю... Это моя мать... Я узнал ее...

Он подался вперед, просительно заглядывая князю в глаза, глотая слезы:

— Она была красавица... Она была хорошая... И вы любили ее, любили по-настоящему... Это правда, это самая правдивая правда... Она любила вас, но злые люди...

Он осекся и замолк. Злые люди... Разлучили. Какая красивая детская сказочка.

— Ну вот и все, Станко, — тихо сказал князь. — Я сказал тебе все, что хотел... И что мог сейчас сказать. А теперь...

Он поднялся. Лицо его снова стало как на портрете — хищное и надменное. Он хлопнул в ладоши.

Сразу два лакея вбежали и замерли в поклоне.

— Огня, — уронил князь, и оба схватили по светильнику.

— Вперед, — сказал князь, и оба, передвигаясь на полусогнутых, распахнули перед ним створки двери, приглашая выйти. — Пойдем, Станко, — сказал князь обычным своим голосом. — И возьми меч.

Они прошли узким полутемным коридором, и другая пара лакеев, тоже со светильниками, распахнула перед ними другие двери.

Разбежавшись в темноте, слуги в одно мгновение засветили множество факелов — стало светло, как днем. Князь кивнул — слуги исчезли.

Это был зал — совершенно пустой, стены его были сплошь увешаны оружием, здесь были пики, алебарды, мечи, трезубцы, арбалеты, шпаги, кинжалы — целый арсенал смертоносного железа.

Рукоятки кривых ятаганов украшены были шелковыми кистями, яркими, как крылья бабочек; тяжелые, утыканные шипами палицы оттягивали удерживающие их цепи. С круглых и треугольных щитов скалились увенчанные коронами звери, один другого свирепее; боевые панцири, пустые изнутри, пугали схожестью с живыми людьми. И снова картины в тяжелых рамах, Станко различал только белые пятна многочисленных лиц...

В дальнем конце зала помещалась высокая золотая подставка с ножкой в виде птичьей лапы; на подставке покоилась атласная подушечка, а на подушечке лежал предмет, который Станко силился и не мог рассмотреть.

— Раньше здесь был тронный зал, — буднично сообщил князь, — здесь вершили суд, карали и миловали... Порой и казнили здесь. Как сказала твоя мать — «казни его»?

Станко обдало холодом, мурашки забегали по спине, рука с мечом дрогнула:

— Нет... Не надо... Этого вспоминать...

— Теперь здесь оружейня, — продолжал князь как ни в чем не бывало. — Здесь прекрасный выбор оружия, но тебе лучше биться своим мечом. Он совсем не плох, и ты к нему привык...

Станко молчал, глядя в мозаичный пол, перед глазами у него стоял Илияш, такой, каким он его помнил — веселый, с бородой...

— А я, если ты не против, выберу себе... У каждого меча здесь особая история, и на счету каждого десятки жертв... Наши предки были безжалостны, Станко, и наградой, и приговором им служила эта вещь, — князь кивнул на предмет, покоящийся на подушечке, и Станко наконец-то понял, что это такое.

— Венец... Это... Тот самый венец?

Князь кивнул, выбирая оружие.

«Бывало так — свершил месть и заполучил власть одним ударом... Ты вот что станешь делать... с княжеским венцом?»

— Я, пожалуй, возьму вот это, — князь взвешивал в руке длинный меч с рядом зазубрин с одной стороны лезвия, с большим рубином на рукоятке. — Это очень достойный клинок... Ровесник «зажор». Хочешь взглянуть?

— Нет, — сказал Станко шепотом. — Я... Можно, я посмотрю картины?

— Конечно, — князь для пробы несколько раз взмахнул мечом. Свистнул рассекаемый воздух.

Медленно, очень медленно Станко двинулся вдоль стены. Рукоятки и лезвия... Наконечники и острия... Темная рама. Рядом, освещая картину, жарко пылает факел.

Станко вгляделся.

На темном холодном фоне продолжалась война — топорщились копья, окровавленные клинки высовывали жало из чьих-то спин, внизу, под ногами бойцов, пучили глаза чьи-то отрубленные головы... Станко прерывисто вздохнул и пошел дальше.

На стене — клинки, клинки, ими протыкали насквозь, на них нанизывали, как на вертел...

«Пехота с копьями, конница с арбалетами... Горстка продиралась к замку, лезла на стену, убивала женщин, детей... Брали замок и жили там, пока их обиженные родственники не собирали новое войско...»

Станко сглотнул. «Хорошие предки у князя Лиго». «Это и твои предки».

А это что еще?! В другой раме, совсем не такой большой, щерилась ловушка «зажора»... Станко узнал ее! Рядом стоял человек в темной накидке и остроконечном колпаке, самодовольно усмехался, будто позируя на парадный портрет... Из воронки высовывалось белое, перекошенное ужасом, совсем молодое лицо...

Станко пошел быстрее; следующая картина была и в самом деле парадным портретом — надменный, видимо, знатного происхождения колдун смотрел прямо Станко в глаза, смотрел покровительственно и чуть ли не добродушно; за плечом у него угадывался огромный профиль крючконосого старика с трубкой, над трубкой зависла «желтомара», в другой «желтомаре», растянувшейся по земле, погибал, похоже, целый отряд — кровавое месиво...

Станко зажмурился и отшатнулся. За спиной у него послышался короткий смешок.

Он обернулся — князь стоял посреди зала, стоял, небрежно опираясь на меч, покачивая головой:

— Хватит, Станко... Ты забыл, для чего пришел сюда.

По спине Станко снова продрал мороз. Рука с мечом дрожала.

— Иди сюда, сын.

Слово было сказано. Кусая губы чуть не до крови, Станко приблизился.

— Я знаю, ты хорошо дерешься... Я тоже хорошо дерусь, Станко. И я буду драться в полную силу. Без снисхождения, понимаешь? Я говорю это для того, чтобы ты собрался и сосредоточился, как перед последним боем.

Станко через силу кивнул.

— Вот так... Теперь выбери позицию.

Станко остался стоять на месте, факелы горели ярко, их огни расплывались у него в глазах бесформенными пятнами, но четко и ясно он видел перед собой лицо отца.

— Юноша по имени Станко, я признаю тебя своим сыном и признаю за тобой право вступить со мной в поединок. Начали.

И, вскинув меч, он шагнул по мозаичному полу — легко и радо-

стно, как танцор. Станко вспомнил бой с облитыми смолой висельниками — тогда Илияш двигался так же красиво, и смертоносным было его оружие... Они стояли тогда спина к спине, и жизнь каждого зависела от другого, и выстояли они только потому...

Проклятое тренированное тело действовало отдельно от разума. Станко парировал первый удар и увернулся от второго. Князь не спешил, но и не медлил — прощупывал его оборону тщательно, последовательно, он действительно великолепный боец... Рано или поздно он найдет в обороне щель, и тогда...

Станко заработал мечом быстрее, сам предпринял попытку атаки — неудачно, князь тут же перевел свою оборону в контратаку, и Станко отступил.

В его глазах плыли, качались факелы. Да нет же, он тоже боец! Он однажды уже одолел Илияша в поединке, хотя тогда в руках его была всего лишь жердь... Отступление — позор для воина, слабый не достоин носить оружие... Вперед!

И Станко снова атаковал, бешено, свирепо, и князь перешел в оборону и, оступившись на мозаичном полу, в последний миг увернулся из-под смертоносного клинка.

Станко представилось вдруг, как меч его опускается на голову противника, рассекает надменное безбородое лицо.

«Отомсти, сынок...» «У меня есть, есть отец!» «Я найду его и убью во что бы то ни стало»... Илияш, Илияш, как ты подвел меня, как подвел... «Зажоры», обломки моста, змеи, «желтомары»... Илияш, Илияш...

Да они же подняли оружие друг на друга!

И тогда, отразив очередной удар, отпрыгнув, он изо всех сил швырнул меч в стену. Прожужжав по воздуху, клинок врезался в лицо колдуну с картины, тому, что придумал «желтомары». Закачалась тяжелая рукоятка — острие вошло в щель каменной стены.

Князь остановился. Недобро сощурился:

— Это что же? Новый боевой прием?

— Предатель, — сказал Станко ему в лицо. — Тебе... все равно? Тебе снова все равно, тебе убить меня — все равно что муху прихлопнуть?!

Князь нахмурился. Сказал жестко:

— Ты пришел сюда за моей жизнью. Ты должен получить ее в поединке; или ты хочешь, чтобы я попросту подставил шею?!

Станко захлебнулся:

— Я что, за свою шкуру боюсь?! Да я... Я просто...

Он потерял способность говорить — горло отказывалось издавать звуки. Князь ощерился:

— Что — просто? Что — ты просто? Ты получил, что хотел? Ты для этого жил все шестнадцать лет?

— Я не знал... — просипел Станко, скорчившись.

— Чего не знал? — рявкнул князь.

Стало тихо. Потрескивали факелы. Рукоятка вонзившегося в картину меча качнулась последний раз — и замерла.

— Успокойся, — сказал князь мягко. — Может быть, у тебя болит плечо? Тебе сильно повредили руку?

— Н-нет...

— Так в чем же дело?

— Я... Только хочу знать... Я подумал... А потом мне показалось... Я для вас ничего не значу?

Молчание.

— Какой ты ребенок, — вздохнул князь устало. — Какой ты ребенок, будто не шестнадцать лет, а шесть... Тебе бы хотелось что-то значить для меня, да?

Станко всхлипнул.

— Если я убью тебя, — сказал князь глухо, — я не смогу дальше жить. Ты доволен?

У Станко закружилась голова, вдруг вспыхнули уши, щеки, налилась жаром шея, бешено заколотилось сердце. Он закрыл глаза, и ему не хотелось их открывать.

За дверью зала звякнули мечи — сменялся караул.

Станко протяжно вздохнул:

— Так зачем же нам...

— Это правило игры. Я буду с тобой честен до конца. Ты ведь сам...

— Нет. Нет. Пожалуйста. Не надо.

Мелодия забытой колыбельной. Лицо матери кажется восковым, ровно горит одинокая свечка... Никогда и ни в чем я не посмею осудить тебя, прости... Но за что мне этот мучительный выбор?!

«На по-ост...» — перекликались стражники на стене.

Князь покачал головой, провел по полу острием меча — сталь не то звякнула, не то скрежетнула.

— Успокойся. Подумай... Тебе, в конце концов, решать. Как решишь, так и будет... И вытри слезы. Нехорошо.

Неуверенно, как слепой, Станко снова побрел вдоль стены. Оружие, щиты... Стрелы... Снова тяжелая рама, и снова гора трупов, и дикая радость победителей на вершине этой горы... Такая безумная радость, а завтра их враги спляшут на такой же груде, и трупами будут свалены сегодняшние победители, и так без конца, без конца...

Станко опустил голову и побрел дальше.

На картине рядом изображена была страшная смерть самозван-

ца, который посмел коснуться княжьего венца. Самозванец умирал в судорогах, венец лежал на полу рядом с его рукой...

Станко овладела внезапная простая мысль — странно, что он не додумался до этого раньше. Сначала робко, а потом все увереннее он направился к подставке с подушечкой.

— Станко, — сказал князь за его спиной.

Он остановился. Венец покрыт был пылью — тонкий, но даже на вид тяжелый, вдавившийся в свою подушечку, враждебно ощетинивший четыре острых зуба...

Он протянул над зубцами вздрагивающую ладонь. «Законнейшие из законных наследники — и те дрожали, впервые касаясь его». — «Я бы не дрожал».

Он зажмурился, но так было еще страшнее, и он открыл глаза. Ладонь медленно двинулась вниз, сейчас она коснется острого зубца, сейчас...

Длинное лезвие с зазубринами подхватило венец и с силой отшвырнуло прочь. Описав в воздухе длинную дугу, символ власти угодил в решетчатое окно, на секунду уцепился за прутья, потом, звякнув, скользнул между ними и скрылся из глаз, вывалившись в наступающий рассвет. Рука Станко легла на пустую подушечку.

— ЭТО мне не важно, — негромко сказал князь Лиго. — Не стоит и проверять.

Станко постоял, не поднимая головы. Медленно обернулся и встретился с князем глазами.

СОДЕРЖАНИЕ

КАЗНЬ. *Роман*

Глава 1 7
Глава 2 28
Глава 3 54
Глава 4 71
Глава 5 94
Глава 6 119
Глава 7 143
Глава 8 157
Глава 9 188
Глава 10 211
Глава 11 233
Глава 12 258
Глава 13 273
Глава 14 292
Глава 15 313
Эпилог 325

СКРУТ. *Роман*

Пролог 329
Глава 1 358
Глава 2 376
Глава 3 394
Глава 4 416
Глава 5 431
Глава 6 471
Глава 7 507
Глава 8 524

Глава 9 553
Глава 10 570
Глава 11 586
Глава 12 616
Глава 13 639

БАСТАРД. *Повесть* 647

Литературно-художественное издание

Марина Дяченко
Сергей Дяченко

ПЕТЛЯ ДОРОГ

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор *Д. Малкин*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *И. Ковалева*
Корректор *Н. Митрофанова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.
Информация по канцтоварам: **www.eksmo-kanc.ru** e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12 . Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Подписано в печать 15.08.2006.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 40,32.
Тираж 4000 экз. Заказ 2119.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Сочинительница историй Ирина Хмель странствует по тропе миров, созданных гениальным безумцем – ее бывшим мужем. Можно, наверное, сделать еще шаг. Вот только каким окажется следующий мир? Выбор, вечный выбор между поступком и бездействием, любовью и ненавистью...

В довольно-таки мрачном фэнтезийном мире зарождается довольно-таки светлая и романтическая любовь... И, возможно, они жили бы долго и счастливо и умерли в один день – если бы в ветвях зловещего леса не жил могущественный и безжалостный Скрут...

